Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Содержание 1-ой части "Христианского чтения" за 1871 год

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 1. С. 1-3.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Печатать позволяется. Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи
Протоіерей *Іоаннъ Янышевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ»

ЗА 1871 годъ.

Стран.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Архиеп. Филарет (Гумилевский)

Святые подвижницы Восточной Церкви

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 1. С. 1-42.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

СВЯТЫЯ ПОДВИЖНИЦЫ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

(*Продолженіе*).

6. Св. Марія егисская.

«Два старца шли изъ Еговъ въ Тарсъ, городъ киликійскій, пишетъ Іоаннъ Мосхъ. Пришедши по усмотрѣнію Божію въ гостинницу, расположились отдохнуть въ ней. Было знойно. Здѣсь нашли они трехъ молодыхъ людей, отправлявшихся изъ Еговъ вмѣстѣ съ блудницею. Старцы сѣли поодаль. Одинъ изъ нихъ, взявъ изъ сумки св. Евангеліе, началъ читать. Блудница, бывшая съ молодыми людьми, увидавъ, что старецъ читаетъ, оставивъ ихъ, подошла и сѣла подлѣ старца. Старецъ, обратясь къ ней, сказалъ: несчастная! какъ ты безстыдна! ты не устыдилась подойти къ намъ и сѣсть. Она отвѣчала: нѣтъ, отецъ, не отвергай меня. Я полна грѣхами: но Владыка Богъ всѣхъ не отвергнулъ приблизившейся къ Нему блудницы. Старецъ сказалъ ей: та блудница послѣ уже не была блудницею. Она отвѣчала ему: надѣюсь на Сына Бога живаго, что съ этого часа и я не возвращусь къ грѣхамъ моимъ. Оставивъ молодыхъ людей и все, что имѣла, послѣдовала она за старцами.

Они отослали ее въ монастырь, что близъ Еговъ, называемый Нахиба. И я видѣлъ ее уже въ старости, весьма благоразумно разсуждающею, и отъ нея самой это слышалъ [1]. По другимъ извѣстіямъ она называлась Маріею и столько наконецъ возвысилась въ духовной жизни, что творила чудеса [2].

Такъ какъ блаж. Іоаннъ видѣлъ Марію старицею въ 606 г., то кончина ея послѣдовала вѣроятно въ 607 г.

Прибавимъ къ этому разсказъ того же Моска о событіи ликійскомъ, современномъ дѣяніямъ Маріи, тѣмъ болѣе, что оно, выражая необходимость твердой вѣрности добрымъ намѣреніямъ, служитъ дополненіемъ къ исторіи Маріи.

«Авва Николай, пишетъ Мосхъ, пресвитеръ іорданскаго монастыря евнуховъ, разсказывалъ намъ (Іоанну и Софронію), что въ странѣ его (онъ былъ изъ Ликіи) есть монастырь, въ которомъ находится около сорока дѣвъ; въ этомъ монастырѣ пять дѣвъ согласились между собою ночью бѣжать изъ монастыря и избрать себѣ мужей. Въ одну ночь, когда всѣ монастырки спали, онѣ хотѣли взять свои одежды и бѣжать, но вдругъ всѣ пять обняты были бѣснованіемъ. Когда это случилось, онѣ уже не ушли изъ монастыря и послѣ благодарили Бога и исповѣдуя грѣхи свои говорили: благодаримъ милостиваго Бога, наказавшаго насъ, чтобы не погибли души наши [3].

---

(1) Іоанна Моска лугъ духов. гл. 30, стр. 27. М. 1843 г.

(2) Прологъ сент. 14. Маріею называется подвижница и въ старинномъ латинскомъ переводѣ Луга.

(3) Моска лугъ духов. гл. 131, стр. 135. 136. Такъ какъ Софроній сталъ жить съ блаж. Іоанномъ съ 5?4 г. то и событіе ликійское случилось около 588 г.

7. Св. Феодора кесарійская.

Дочь аристократической фамиліи, плодъ молитвъ благочестивой матери, блаженная Феодора съ дѣтства воспитывалась въ кесарійской обители св. Анны [1]. Отецъ ея былъ патрицій Феофилъ, мать Феодора. Мать долго была безплодною и часто молилась о разрѣшеніи неплодія ея; когда родилась дочь, мать дала обѣтъ посвятить ее Богу. Въ выполненіе обѣта дочь воспитывалась въ обители и полюбила уединеніе ея. У св. Василія архипастыря кесарійскаго, разрѣшенъ былъ вопросъ: «съ какого возраста надобно дозволять произносить обѣтъ о посвященіи себя Богу?» Какъ видно, и въ его время были строгіе судьи дѣламъ благочестія и осуждали за принятіе дѣтей въ обитель. Онъ пишетъ: «поелику Господь говоритъ: *оставите дѣтей приходить ко Мнѣ* (Мар. 13, 14) и апостолъ похваляетъ измлада изучившаго писаніе (2 Тим. 3, 15: то всякое время и время перваго возраста почитаемъ способнымъ къ принятію приходящихъ. Дѣтей, у которыхъ нѣтъ родителей, принимаемъ сами собою, изъ соревнованія Іову (Іов. 29, 12 быть отцами сиротъ; которыя же зависятъ отъ воли родителей и которыхъ сами родители приводятъ, принимаемъ при многихъ свидѣтеляхъ, чтобы не подать случая желающимъ найти случай; но заградить всякія неправедныя уста, говорящія противъ насъ хулу». Сказавъ, что принятымъ дѣтямъ надобно давать особое помѣщеніе, продолжаетъ: «но молитвы, которыя установлено совершать днемъ должны быть общія и для дѣтей и для старшихъ, потому что у дѣтей чрезъ

(1) О ней Синаксарь греч. Минеи на 30 дек. Прологъ и Четь-Минея дек. 30.

соревнованіе старшимъ укореняется навыкъ къ сокрушенной молитвѣ». Занятіями дѣтей въ кельѣ должны быть обученіе граматѣ и обученіе какому нибудь ремеслу. «Когда раскроется разумъ и придетъ въ дѣйствіе разсудокъ: тогда должно принимать обѣтъ дѣвства, какъ уже твердый, произносимый по собственному расположенію и разсужденію при совершенной зрѣлости разума» (1). Имп. Левъ исавряиинъ (717—740 г.), первый иконоборецъ изъ императоровъ, не любилъ монашества. Онъ нашелъ себя въ правѣ распорядиться юною Θеодорою по своему усмотрѣнію, вопреки обѣту матери ея и вопреки волѣ самой дочери. По его повелѣнію юную Θеодору насильно взяли изъ монастыря и доставили ко двору. Левъ назначилъ для нее жениха — одного изъ молодыхъ аристократовъ. Все приготовлено было къ браку — и наряды и приданое. Тяжело, очень тяжело было невольной невѣстѣ.

(1) Простр. прав. вопр. 15. Въ другомъ случаѣ св. Василій писалъ: „исповѣданіе обѣта допускаемъ въ возрастѣ полнаго ума. Не прилично принимать въ этихъ вещахъ дѣтскія слова за вѣрныя. Та дѣва, которая имѣетъ 16 или 17 лѣтъ и зрѣлый умъ, долго была испытана и постоянно просила о принятіи, должна быть включаема въ число дѣвственницъ; ея исповѣданіе должно быть принимаемо за правильное, а нарушеніе онаго должно быть строго наказываемо. Многихъ (дѣвочекъ) приводятъ родители, братья, родственники, прежде возраста, не по своей волѣ расположенныхъ къ дѣвству, а имѣютъ въ виду свои выгоды. Таковыхъ не надобно легко принимать, пока не дознаемъ собственное расположеніе ихъ“. Epist. 199. Op. s. Basilii 4, 719 ed. Migne Св. Θеодоръ студитъ осуждалъ за то, что иные настоятели принимали обѣтъ дѣвства отъ невозрастныхъ и полагалъ 16 лѣтній возрастъ такимъ, въ который можно давать обѣтъ. „Когда они уже владѣютъ умомъ, т. е. на 16 году и позже; тогда умѣстны для нихъ какъ почести, такъ и наказанія“. За то онъ строгъ былъ къ тѣмъ, которые давъ обѣтъ, выходили въ міръ. „Съ того времени если захотятъ возвратиться къ мірской жизни: то не отворять имъ воротъ, если опять явятся, хотя бы это было въ скоромъ времени“. Epist. 165, lib. 2.

Не можемъ не вспомнить недавняго «совѣта невѣстѣ»:

Что дѣлать, чтобъ съ міромъ, сколь можно поладить?
Идти съ упованіемъ Божьимъ путемъ,
И путь тотъ любовью и вѣрой угладить.

Бѣды отъ разбойникъ, бѣды и отъ сродникъ
Апостолъ святой на себѣ испыталъ.
И тайну семейную Божій угодникъ
Намъ собственнымъ опытомъ ясно сказалъ.

Разбойники въ свѣтѣ, а сродники дома.
Какъ въ мірѣ духовномъ діаволъ и плоть.
И тѣ и другіе причина содома.
Отъ тѣхъ и другихъ храни васъ Господь» (¹).

Св. невѣсту Өеодору, горячо молившуюся, сохранилъ Господь. Неожиданно ворвались въ имперію непріятели. Женихъ посланъ былъ съ войскомъ и на сраженіи былъ убитъ (²). Когда получено было извѣстіе о томъ въ столицѣ: блаженная дѣва благодарила Господа за посланную ей свободу; дѣло произвола человѣческаго рушилось. Өеодора поспѣшила сѣсть на корабль и возвратилась въ свою любимую обитель. Отдавъ брачные наряды и подарки въ даръ обители, приняла она монашество, надѣла на себя вериги и и стала вести жизнь примѣрно—строгую. Пищею ея былъ кусокъ хлѣба и то разъ въ два и три дня; одежда—суровая власяница, постеля—камни, покрытые ветошками. Если бы сказали, что насиліе, употреб-

(¹) Домашняя бесѣда 1856 г. N. 30.

(²) Въ греческомъ синаксарѣ говорится, что женихомъ Өеодоры былъ сынъ имп. Льва Христофоръ. Но Дю-канжъ (Familiae byzant. p. 125) справедливо замѣтилъ, что Христофоръ живъ былъ и при Копронимѣ, ослѣпившемъ его.

ленное Львомъ для удаленія отъ иноческой жизни, возбудило жаркую ревность къ иноческимъ подвигамъ въ Ѳеодорѣ: то сказали бы не полную правду. Энергія души раздражается препятствіями: но она же, когда душа не укрѣпляется благодатію, со временемъ, въ покоѣ, слабѣетъ и пропадаетъ.

Бдите и молитесь, да не внидите въ напасти: духъ бо бодръ, плоть же немощна, говоритъ Господь. И съ лучшими расположеніями не спасемся мы безъ благодати Божіей, также какъ не спасемся, если, надѣясь на благодать, сами живемъ праздно, безъ труда и подвиговъ. Горячность души сама по себѣ до того не надежна, что если увлекаются ею безъ разсужденія, можетъ обратиться въ холодность ко всему доброму; она только тогда бываетъ надежною, когда освѣщаемая разсужденіемъ поддерживается понужденіемъ себя къ добру и усердною молитвою. *Духа не угашайте*, училъ апостолъ. Блаж. Ѳеодора, при высокой любви къ чистотѣ дѣвственной молилась и подвизалась до гроба; молитвы низводили въ душу ея благодать и съ благодатію совершала свои подвиги, она удаляла отъ души нечистое, оскорбляющее благодать. Блаженная кончина ея послѣдовала не позже 755 года.

8. Св. Анна виѳинская.

Отецъ блаженной Анны [1] былъ діакономъ влахернской церкви и оставилъ дочь юною сиротою на рукахъ бабки Бабка нашла ей супруга, не спрашивая о ея желаніяхъ, тогда какъ Анна не желала быть

[1] О ней Прологъ, Четь-Минея, греч. Минея октября 29. Du-Cangii Const. chr. p. 118.

въсупружествѣ. Бывъ за мужемъ, ходила она къ дядѣ своему на Олимпъ. Строгій подвижникъ, за исповѣданіе православія терпѣвшій истязанія, пожалѣлъ, что юная раба Божія отдана въ услуги человѣку. При импер. Иринѣ вызывали твердаго исповѣдника въ столицу, чтобы выслушать совѣты его. Это было, конечно, во время совѣщаній вселенскаго собора 787 г. объ иконахъ. Въ это время онъ видѣлся съ дорогою племянницею и сказалъ ей: «будь тверда и мужественна,—много скорбей для праведниковъ; знай и то, что у тебя родится дитя, прежде чѣмъ умретъ мужъ твой». Предсказаніе исполнилось.

По смерти мужа, воспитавъ дитя, блаженная поручила его родственнику, а съ другимъ сиротою усердно молилась то въ томъ, то въ другомъ храмѣ Олимпійскій подвижникъ снова видѣлся съ нею. Она жаловалась на тяжесть жизни своей. Не сказалъ-ли я тебѣ, что много скорбей праведникамъ, говорилъ прозорливый,—надобно терпѣть, но дѣти твои скоро умрутъ. Исполнилось и это предсказаніе. Подъ вліяніемъ такого осязаемаго промышленія Божія, по указаніямъ такого опытнаго и чуднаго наставника, душа Анны загорѣлась полною любовію къ Господу.

Совѣтники мірскіе, пожалуй, предлагали совѣтъ: почему не выдти вдовѣ въ другой разъ замужъ? Другіе готовы были еще умнѣе совѣтовать—жить, какъ случится жить. Но могутъ-ли люди дать лучшій совѣтъ, чѣмъ совѣтъ Апостола, вдохновеннаго Богомъ: «Блаженнѣе, если останется такъ», безъ другаго мужа, говоритъ онъ о вдовѣ (1 Кор. VII. 40). Тратить силы для пустоты дознанной — умно-ли? «Не умно избирать міршину для той, которой обѣщали

столько радостей и которая вмѣсто радости испытала столько горечей» ([1]). Не жить-ли жизнію обезьянки? Сохрани Богъ отъ того! Это не честь и для совѣсти язычницы, тѣмъ болѣе христіанки. Послѣ земной жизни придется жить вѣчно: съ чѣмъ же будемъ жить тамъ? Для людей и земли жили, надобно пожить для души своей, которая дорога каждому; надобно пожить для Господа Творца и Спасителя нашего. Такъ думала умная Анна!

Раздавъ все, что имѣла, она ходила въ храмы и молилась. Потомъ, встрѣтивъ добраго инока-старца, приняла иночество. Копронимъ навелъ ужасъ лютостями противъ инокинъ. Благочестивая Ирина старалась успокоить церковь: но мало надѣялись на покой будущій, и такое расположеніе умовъ оправдалось событіями. Съ именемъ инока евнуха Евѳиміана Анна скрылась въ виѳинскомъ монастырѣ ([2]). Здѣсь строгая жизнь новаго инока была примѣромъ для другихъ: евнухъ былъ самымъ усерднымъ труженикомъ по послушаніямъ, суровымъ постникомъ и пламеннымъ молитвенникомъ. П. Тарасій (784—815 г.), услыхавъ о высокой жизни инока Евѳиміана, вызвалъ его въ столицу для бесѣдъ. Наставленія крѣпкой души привлекали къ ней многихъ; отъ множества желавшихъ слу-

(1) Златоустъ de non iterando coniugio, Op. I, 459.

(2) См. далѣе о св. Макрѣ и Анфусѣ. Самыя обстоятельства времени показали, что къ блаженной Аннѣ не относилось правило гангрскаго собора, строго осуждавшаго за то, «аще какая жена ради мнимаго подвижничества вмѣсто обыкновенныя женскія одежды облечется въ мужескія». Прав. 13. Къ тому же соборъ осуждалъ собственно гордыхъ Евстаѳіанъ. Онъ осуждалъ не одежду, а гордость раскола, выдумавшаго свой уставъ. Евстаѳіяне были такіе же гордые фанатики своего устава, какъ русскіе раскольники. Созомена, ист. 3, 14. Epistola Synodica gangrensis ap. Beveregium.

шать ее оказалась тѣсною обитель. и патріархъ устроилъ новый монастырь. Евѳиміанъ сталъ извѣстенъ и по дару чудесъ: но это не защитило его отъ скорбей. Инокъ-проповѣдникъ народный легко подпалъ клеветѣ. Ложный инокъ. оказавшійся впослѣдствіи разбойникомъ, совершивъ насиліе надъ дѣвушкою, разгласилъ, что грѣхъ сотворенъ Евѳиміаномъ. Евѳиміанъ молчалъ. Боголюбивая жена, слушая клевету безстыднаго, сказала: смотри, братъ, не оказался бы евнухъ, опорочиваемый тобою, святою дѣвственницею и не пострадать бы тебѣ за грѣхи свои. Безсовѣстный человѣкъ и послѣ того дѣлалъ пакости для святой души. Преподобная терпѣла, и уличенный злодѣй повѣшенъ былъ. Такъ какъ и извѣстность имени не легка была для святой, да и стали догадываться о ея полѣ: то, возвратясь въ Виѳинію. проводила она остальные годы жизни въ глубокомъ уединеніи. Созрѣвшая для неба, преставилась октября 29,826 г.

Ѳ. Св. Ѳеоклета.

Отчизна и родъ праведницы (¹) были въ провинціи Оптиматовъ, гдѣ были города: Никомидія. Еленополь, Пренетъ, Парѳенополь. Родители ея были Константинъ и Анастасія, христіане искренніе; съ нѣжнаго возраста дочь воспитана была ими въ благочестіи. Сочетавшись съ супругомъ Захаріею она уговорила его жить съ нею, какъ съ сестрою. Такъ она никогда не знала удовольствій брачнаго ложа и осталась дѣвственницею. Люди Периклова вѣка были

(¹) О ней Синаксарь греческой Минеи августа 21, и кратвій Менологъ Банана. Въ мѣсяцесловѣ Вершинскаго нѣтъ и помину объ этой святой.

образованны, очень образованны и въ искусствахъ и въ философіи, а гнусная гетера отнимала супруга у супруги и заражала болѣзнями дорогую юность. Только вѣра Христова не только защищаетъ супружескую вѣрность, но и обращаетъ супруговъ въ дѣвственниковъ чистыхъ ([1]). Ѳеоклета усердно занималась чтеніемъ душеполезныхъ сочиненій и особенно священныхъ наставленій о жизни приличной женамъ ([2]). Она твердо заучила желаніе Апостола, предъявленное женамъ. *Желаю,* писалъ онъ, *чтобы жены въ приличномъ одѣяніи, со стыдливостію и цѣломудріемъ, украшали себя не плетеніемъ волосъ, не золотомъ, не жемчугомъ, не многоцѣнною одеждою, но добрыми дѣлами, какъ прилично женамъ, посвящающимъ себя благочестію* (1 Тим. II. 9, 10). Деньги истрачиваемыя другими на наряды, она назначала для лучшаго употребленія. Средства свои, труды, силы посвящала она преимущественно на пользу ближнихъ: всякій день, такъ или иначе, помогала она бѣднымъ. Родина ея доставляла ей много случаевъ къ тому. Провинція оптиматовъ (вельможей) называлась такъ въ насмѣшку.

([1]) См. выше, о св. Меланіѣ, о Магнѣ, о женѣ самосскаго пресвитера.

([2]) Наприм. еще св. Діонисій александрійскій (†266 г.) писалъ: «о женахъ находящихся въ очищеніи, позволительно ли имъ въ такомъ состояніи входить въ домъ Божій, излишнимъ почитаю изслѣдовать. Ибо не думаю, чтобы онѣ, аще суть вѣрныя и благочестивыя, находясь въ таковъ состояніи, дерзнули или приступити къ святой трапезѣ, или коснуться тѣла и крови Христовыхъ. Ибо и жена, имѣвшая дванадесятное кровотеченіе, ради исцѣленія прикоснулась не Ему, но токмо воскрилія. Молитися, въ какомъ бы состояніи кто ни былъ и какъ бы ни былъ расположенъ, поминати Господа и просити помощи не возбранно есть. Но приступати къ тому, еже есть святая святыхъ, да запрещается не совсѣмъ чистому душею и тѣломъ». Книга правилъ стр: 303. Спб. 1839 г.

Это была страна самая бѣдная; жители ея, говоритъ императоръ Константинъ, — деньщики офицеровъ и высшихъ придворныхъ чиновниковъ; они же погоньщики при походахъ войска; при бѣдности они грубы (¹). Въ такой-то странѣ совершала подвиги милосердія св. Ѳеоклета. «Стыдись, говорилъ Квинтиліанъ, склоняться предъ бѣднымъ, а скорѣе отвращайся отъ него съ презрѣніемъ». Плавтъ писалъ: «для чего ты даешь подаяніе бѣдному? Твоя помощь только удлинняетъ страданія его. Онъ бѣденъ? Ну, пусть и пропадаетъ съ голоду». Вотъ какъ разсуждала философія языческая! Она то отъ гордости не удѣляла бѣдняку и ласковаго взгляда; то при недостаткѣ самоотверженной любви отчаявалась въ возможности успѣшно лѣчить раны бѣднаго. Какъ неизмѣримо высока предъ тѣмъ любовь христіанская! Оптиматы съ ихъ разнородными нуждами находятъ въ ней неисчерпаемый родникъ утѣшеній! Что̀ нужно для того, чтобы подвигъ сострадательной любви былъ вполнѣ христіанскимъ, вполнѣ угоднымъ Господу и потому сильнымъ благодатію? Нужно, чтобы совершался онъ въ духѣ смиренія, безъ поисковъ за славою человѣческою и безъ самоуслажденія самолюбиваго Матѳ. 6. 2; нужно, чтобы совершался онъ веселою душою, съ радостію 2 Кор. 9. 7; Рим. 12. 8; Мар. 12. 42; нужно, чтобы не ослабляли его ни неблагодарность человѣческая, подъ часъ и грубая, ни собственное желаніе покоя Гал. 6. 9; 2 Сол. 3. 13. Такъ подвизалась Ѳеоклета Она не утомлялась трудами служенія другимъ, не оскорблялась непризнательностію людскою; каждому помогала съ любовію и радостію; не дозволяла себѣ

(¹) Constantini porphyr. de thematibus p. 26. 27 Bon. 1840.

и тѣшиться своими дѣлами. славя за все Господа и твердо помня о своей грѣховности. И вотъ она была неистощимымъ родникомъ живительныхъ утѣшеній для несчастныхъ оптиматовъ. Подвигами самоотверженной любви она столько возвысилась въ жизни духовной, что, когда приблизилось время кончины ея, пригласивъ знакомыхъ, объявила о днѣ смерти своей и частныхъ обстоятельствахъ ея будущихъ. По смерти ея, мощи прославились множествомъ чудесъ, къ утѣшенію страждущихъ. Подвиги догробнаго милосердія ея совершались при императорѣ Θеофилѣ, и потому кончину ея надобно отнесть къ 840 г. (¹).

VI. Подвижницы Константинополя и Эллады.

1 Св. Олимпіада, Кандида и Геласія.

Дивная Олимпіада (²) происходила изъ аристократической константин. фамиліи и была очень богата. Отецъ ея былъ сенаторъ Анисій Секундъ, а мать— дочь благочестиваго Эвлавія, префекта преторіи при благовѣрномъ Константинѣ. Она еще въ дѣтскомъ возрастѣ лишилась родителей. Потому опека надъ ея

(¹) Краткій Менологъ подъ 21 августа «воспоминаніе о св. Θеоклитѣ, чудотворицѣ. Она жила при ненавистникѣ Θеофилѣ; съ дѣтства воспитанная въ благочестіи, занималась размышленіемъ о словѣ Божіемъ, подаяніемъ милостыней и трудомъ служа нуждамъ бѣдныхъ. Она предсказала и день смерти своей. Сколько и какія чудеса совершены ею, трудно обнять въ краткомъ словѣ».

(²) Житіе ея по Лавзаику и Никифору—въ Четьи-Минеѣ іюля 25 день. *Weiss*, Leben d. Heiligen 16 December. На греческомъ извѣстны по рукописямъ два житія. Fabricii bibl. gr. X, 300.

имѣніями поручена была дядѣ ея Прокопію; а воспитаніемъ ея занималась Θеодосія, тетка св. Амфилохія и св. Григорія назіанскаго, умная и добродѣтельная, которой поручена она была еще отцемъ.

Такъ какъ она была богата и учена: то руки ея искали многіе и еще юною обручена она была съ Небридіемъ, префектомъ столицы. Прекрасные стихи присланы были (въ 384 г.) дивнымъ святителемъ Григоріемъ въ подарокъ Олимпіадѣ, вступающей въ бракъ ([1]). Но спустя 20 мѣсяцевъ послѣ обрученія Небридій умеръ; Олимпіада осталась вдовою и вмѣстѣ дѣвою ([2]). Многіе послѣ того искали руки Олимпіады. Самъ имп. Θеодосій вел. предлагалъ ей выйти за Елпидія, молодаго аристократа Испанца, родственника царскаго. Но она отклонила предложеніе. «Если бы Господь хотѣлъ, чтобы была я супругою, то не взялъ бы у меня Небридія», отвѣчала она. Θеодосій повторилъ свое предложеніе, но также услышалъ отказъ. Императоръ оскорбился и отправляясь на войну съ Максимомъ (388 г). приказалъ префекту столицы взять въ опеку имѣніе ея до 30-лѣтняго возраста ея. Префектъ, услуживая Елпидію, поступалъ оскорбительно съ Олимпіадою: ей запретили посѣщать епископовъ, не пускали ее и въ храмъ Божій, лишь бы вынудить ее къ браку. Олимпіада переносила все бла-

(1) Op. S. Gregorii naz. 2, 1542—1550 ed. Migne. Твор. св. Григорія 5, 240—242.

(2) Палладій въ разговорѣ о Златоустѣ: «Оставшись сиротою хотя выдана была за мужъ, но по общему отзыву не лишена была чистоты дѣвства; съ мужемъ прожила около 20 мѣсяцевъ и онъ неожиданно заплатилъ дань природѣ смертію». Лавзаикъ: «на дѣлѣ не была ни чьею женою». Менологъ Василія: «называлась невѣстою, но не была женою: понявшій ее отошелъ къ Господу и она осталась дѣвою и вмѣстѣ вдовою».

годушно. Она желала даже болѣе стѣснить себя. Она писала къ императору: «Государь! ты оказалъ мнѣ милость, которая достойна не только государя, но и епископа; опекою надъ имѣніями освобождена я отъ многихъ заботъ. Для большаго счастія моего, благоволи повелѣть, чтобы роздано было все церквамъ и нищимъ. Издавна боюсь я наклонностей суетности, которыя при раздачѣ имѣній такъ легко возникаютъ Временныя блага, пожалуй, могли бы отдалить сердце мое отъ истинныхъ благъ, духовныхъ и вѣчныхъ». Ѳеодосій жилъ тогда на западѣ и когда послѣ трегодичнаго отсутствія возвратился въ столицу, возвратилъ (въ 391 г). въ полное распоряженіе ея всѣ имѣнія. «Такая добродѣтельная и умная дѣвушка лучше насъ умѣетъ, какъ употреблять блага времени», сказалъ государь.

Получивъ свободу по имѣніямъ, блаженная Олимпіада расточала средства свои на дѣла милосердія щедрою рукою. Не было города, ни деревни, ни пустыни, гдѣ бы не пользовались милостями знаменитой Олимпіады. Она доставляла приношенія церквамъ, монастырямъ, каѳедрамъ, странноприимнымъ домамъ, темницамъ, мѣстамъ ссылки. Не сосчитать тѣхъ невольниковъ которымъ она даровала свободу платою денегъ господамъ ихъ ([1]). Св. Златоустъ сравнивалъ милосердіе ея съ обильною рѣкою, которая несетъ воды свои до самыхъ границъ земли и обогащаетъ море. И онъ же убѣждалъ ее, а она смиренно слу-

([1]) Палладій въ Лавзаикѣ говоритъ о дѣлахъ милосердія ея, какъ очевидецъ ихъ, «я своими глазами видѣлъ жизнь и ангельскій нравъ сей блаженной дѣвы, какъ духовный и искренній другъ ея и ближайшій родственникъ, такъ что поручала мнѣ раздавать свое богатство».

шалась, ограничивать щедрость свою, измѣрять ее не просьбами, а нуждами.

При богатствѣ своемъ Олимпіада вела жизнь смиренной рабы Божіей. Воспитанная въ пышности и нѣгѣ, она отказалась отъ всѣхъ удовольствій свѣта и вела жизнь простую. Никогда не вкушала она мяса; не принимала ваннъ, которыя такъ нужны въ жаркомъ климатѣ. Ночныя бдѣнія обратились ей въ привычку и время ея посвящалось преимущественно молитвѣ. Обхожденіе ея съ другими дышало христіанскою скромностію и искренностію. «Наружность ея открытая, нравъ искренній, одежда даже одѣтымъ въ лахмотья показалась бы ничего не стоющею; кротость ея была такова, что превосходила простоту самыхъ дѣтей, говоритъ очевидецъ (¹). Св. Златоустъ утѣшая ее въ скорбяхъ, писалъ ей изъ заточенія: «Ты отъ природы получила самое нѣжное и слабое тѣло: знатная порода доставила тебѣ всѣ способы роскошно питать его: но ты разными страданіями такъ истощила его, что оно теперь ничѣмъ не лучше мертваго. Ты добровольно произвела въ тѣлѣ твоемъ такъ родъ болѣзней, что ихъ не могутъ вылѣчить ни искусство врачей ни сила лѣкарствъ... Тебя не одолѣваетъ страсть къ плотскимъ удовольствіямъ и потому нѣтъ для тебя труда воздерживаться отъ нихъ. Ты пріучила свое тѣло столько принимать хлѣба и питья, чтобы только не умереть. Скажу нѣсколько словъ вотъ объ этой простотѣ и неизысканности, которую наблюдаешь касательно платья. Кажется, эта добродѣтель ниже другихъ: но если внимательно разсмотрѣть ее, найдешь, что она весьма величественна, что она требуетъ для

[1]) Лавзаикъ, гл. 126.

себя души умной, стоящей всего житейскаго, парящей къ небу. По сей причинѣ не только въ новомъ, но и въ старомъ--завѣтѣ Богъ запрещалъ страсть къ нарядамъ и говорилъ: *понеже вознесошася дщери Сіона и ходиша высокою выею и помизаніемъ очей и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущія по долу и ногами купно играющія: и смиритъ Господь начальныя дщери Сіона... И будетъ вмѣсто вони смрадъ, а вмѣсто пояса ужемъ препояшешися* (Ис. 3, 16—23)... Павелъ, обращая рѣчь къ свѣтскимъ женщинамъ, не только отклоняетъ ихъ отъ нарядовъ золотыхъ, но не дозволяетъ одѣваться и въ цѣнныя одежды. (1 Тим. 2, 3). Ибо зналъ онъ, зналъ хорошо, что щегольство—тяжкая болѣзнь души; болѣзнь, съ которою трудно бороться,--самый вѣрный признакъ испорченнаго сердца» ([1]).

Еще св. Нектарій, патріархъ константинопольскій, посвятилъ св. Олимпіаду въ діакониссы. Въ чѣмъ состояли занятія Олимпіады, какъ діакониссы?

Первая забота—смотрѣніе за страждущими и несчастными женами. «Съ разсвѣтомъ дня можно видѣть: многія старушки и вдовы толпятся около темницы; даже знаменитыя изъ нихъ прислуживаютъ заключенной и всю ночь проводятъ при ней; приносятся вкусныя угощенія и читаются священныя книги имъ», такъ писалъ язычникъ о христіанскихъ діакониссахъ.

Діакониссы обучали женскій полъ закону Божію, особенно во время приготовленія къ крещенію. Карѳагенскій 4 соборъ постановилъ: «вдовицы или посвященныя, — избираемыя въ служеніе при крещеніи женъ должны быть столько приготовлены къ должности, чтобы могли обучать простыхъ сельскихъ жен-

([1]) Письма Златоуста къ Олимпіадѣ, стр. 37—41. Спб. 1853 г.

щинъ ... ными и церковными правилами, какъ отвѣчать крещаемой при крещеніи и какъ жить послѣ крещенія».

Діакониссы услуживали женщинамъ при совершеніи надъ ними *таинствъ*, при крещеніи при причащеніи, при исповѣди, при бракѣ; онѣ наблюдали за благочиніемъ женъ въ домѣ молитвы, украшали храмы и смотрѣли за ихъ чистотою.

Служеніе таинствамъ и сестрамъ было пріятнымъ занятіемъ для Олимпіады. Очевидѣцъ жизни ея писалъ: «Она питала священство, уважала клиръ, помогала вдовымъ, кормила сиротъ, посѣщала больныхъ, плакала съ грѣшниками, возвращала заблудшихъ на путь добра,—многихъ женъ, бывшихъ за язычниками, наставляла въ вѣрѣ и давала имъ средства къ пропитанію» ([1]).

Добродѣтели Олимпіады были предметомъ удивленія и утѣшенія для цѣлой церкви. Знаменитые святители того времени говорили о ней съ глубокимъ уваженіемъ. Св. Амфилохій, св. Епифаній, св. Петръ севастійскій, св. Оптатъ епископъ пользовались щедрою ея благотворительностію и славили за нее Господа. Она своими руками закрыла глаза умиравшимъ П. Нектарію и епископу Оптату. Она благотворила и тѣмъ архипастырямъ, которые не отличались высокою нравственностію, каковы Акакій, Антіохъ, Северіанъ; она чтила высокій санъ ихъ.

Буря бѣдъ поднялась на св. Олимпіаду съ того времени, какъ начались гоненія на Златоуста. Первый врагъ Златоуста, Ѳеофилъ александрійскій, былъ первымъ врагомъ и блаж. Олимпіады. Она съ любо-

([1]) Палладій, въ Лавзаикѣ, гл. 126.
Хр. Чт. № I 1870 года.

вію принимала его въ домѣ своемъ, когда былъ онъ въ столицѣ, угощала и дарила его. Когда же приняла она, какъ принимала всѣхъ иноковъ и страждущихъ, великихъ братьевъ, выгнанныхъ изъ Египта гордостію Θеофила: Θеофилъ началъ позорить ее гнусными клеветами. Злость императрицы, преслѣдовавшая Златоуста, бѣсновалась и противъ Олимпіады, уважавшей Златоуста и уважаемой въ свѣтѣ и церкви. Особенно, когда пожаръ опустошилъ Софійскій храмъ и сенатъ, злоба враговъ Златоуста обрушилась надъ защищавшими Златоуста. Говорили, что пожаръ — ихъ дѣло. Префектъ Оптатъ, язычникъ, взялъ Олимпіаду къ допросу. Для чего поднять этотъ пожаръ? спрашивалъ онъ ее. «Моя жизнь, какую доселѣ вела я, отвѣчала Олимпіада, освобождаетъ меня отъ подозрѣнія высказываемаго тобою. Кто столько денегъ роздалъ для построенія храмовъ, конечно не въ состояніи жечь ихъ». Префектъ присудилъ невинной: на покрытіе ущербовъ казны внесть соразмѣрную (огромную) сумму денегъ ([1]). Отягченная скорбями, Олимпіада впала въ болѣзнь, которая томила ее всю зиму. Въ началѣ весны приказано ей было оставить столицу. Долгое время скиталась она изъ одного мѣста въ другое, не зная, гдѣ приклонить голову. Въ серединѣ осени 405 г. приказано ей было возвратиться въ столицу. Ее и теперь обвиняли за то, что будто производитъ она раздоръ въ церкви. Не могла она не считать невинно изгнаннымъ Златоуста и страданія великаго святителя причиняли душѣ ея глубокое страданіе ([2]). Но тѣмъ болѣе чтила

([1]) Письмо Златоуста къ Олимпіадѣ, 6 §. 4.
([2]) Письмо I §, 11 и 14.

она заповѣдь его и не отдѣлялась отъ церкви по его завѣщанію. «Со всякимъ благочестіемъ покорялась она своимъ епископамъ», говоритъ современникъ—и прибавляетъ: «никто изъ близкихъ къ ней никогда не замѣчалъ, чтобы эта христоносная порицала кого нибудь» (¹). Много разъ призывали ее къ суду; безстыдные слуги позорили ее; рвали на ней платье. Однѣ имѣнія ея продавались съ публичнаго торга, другія разворяемы были чернью, за третьи таскали ее по судамъ. Собственные слуги ея, которымъ благотворила она, какъ мать, возставали противъ нее, по наущенію враговъ. Сильно страдала душа ея, св. Златоустъ писалъ къ ней: «Перестань плакать, перестань мучить себя печалію; не смотри на эти несчастія, которыя идутъ къ тебѣ непрестанно, идутъ одно за другимъ безъ промежутка; помышляй о свободѣ, которая такъ близка, близка; помышляй о неизрѣченныхъ наградахъ, которыя принесутъ тебѣ твои несчастія... Что значитъ быть выброшеннымъ изъ отечества, быть переводимымъ съ мѣста на мѣсто, быть плѣнникомъ, быть вездѣ гонимымъ, жить въ ссылкѣ, влачиться по судамъ,—получать оскорбленія отъ людей, получавшихъ тысячи благодѣяній, подвергаться мученіямъ и отъ рабовъ и отъ свободныхъ,—что все это значитъ, когда за все это награда — цѣлое небо» (²).

(¹) Лавзаикъ, гл. 126. Св. Златоустъ, отправляясь въ ссылку, призвалъ въ крестильницу діакониссъ: Олимпіаду, Пентадію и Проклію и добрую вдову Сальвину и сказалъ имъ: «увижусь ли я съ вами, не знаю; но прошу васъ, не отдѣляйтесь отъ церкви для епископа, кто будетъ поставленъ вмѣсто меня; повинуйтесь ему, какъ повиновались Іоанну».

(²) Письма, стр. 240—241.

«Многихъ другихъ женъ научила она», пишетъ Гераклидъ о св. Олимпіадѣ, и св. Златоустъ писалъ къ самой Олимпіадѣ: «Особенно пріятно мнѣ, что ты, освободившись отъ тяжебъ и порученій, положила имъ конецъ достойный тебя. Ты не отвергла ихъ малодушно, не задержала понапрасну; не унизила себя въ судахъ и непріятностяхъ, соединенныхъ съ тяжбою» (¹). Какъ слова Гераклида, такъ слова Златоуста даютъ видѣть, что въ послѣдніе годы свои блаж. Олимпіада была настоятельницею сестеръ-монахинь. Прерваніемъ связей съ міромъ блаженная хотѣла оградить себя отъ дрязгъ суда, какъ и отъ обвиненій, сыпавшихся на нее безъ разбора, будто она, первая діаконисса,— причина того, что многіе не хотятъ знать новаго патріарха. Міръ не любитъ винить себя въ чѣмъ-либо; онъ всегда правъ въ его глазахъ, а виноваты только другіе; слѣпой отъ страстей, онъ не видитъ ни себя, ни другихъ. Потому злость міра преслѣдовала Олимпіаду и въ ея уединеніи. При Аттикѣ община сестеръ Олимпіады выслана была изъ столицы въ заточеніе въ Кизикъ. Св. Златоустъ писалъ тогда къ Олимпіадѣ: «Какъ славна добродѣтель, презирающая всѣ перевороты настоящей жизни! Чрезъ старающихся унизить ее она дѣлаетъ подвижниковъ своихъ сильнѣе, выше, непобѣдимѣе... Вотъ чѣмъ, боголюбезнѣйшая госпожа моя, должна ты веселить себя и тѣхъ, которыя вмѣстѣ съ тобою борятся въ нынѣшней славной борьбѣ! Вотъ чѣмъ одобряй мысли и духъ всѣхъ (дѣвственницъ), настроивая свою дружину (²).

(¹) Письма, стр. 214.
(²) Письмо 5, стр. 150.

Святая дѣвственница Олимпіада осталась въ заточеніи до самой своей кончины, которая послѣдовала въ 410 году. «Лучшіе жители Константинополя, писалъ Палладій въ 420 г., считаютъ ее въ числѣ исповѣдницъ и увѣрены, что она, страдавшая за истину и для Бога, наслѣдовала блаженную жизнь» [1]).

Святое тѣло ея, положенное въ храмѣ безвѣстнаго мѣстечка, совершало чудеса. Спустя 200 лѣтъ дикари сожгли храмъ, но тѣло святой осталось невредимымъ. Когда переносили его въ Константинополь, изъ него текла кровь, какъ изъ живаго, въ знакъ невиннаго страданія, перенесеннаго въ земной жизни. Мощи положены были въ обители, основанной святою ([2]).

«По слѣдамъ Олимпіады, говоритъ Палладій, богоугодно проводила жизнь блаженная *Кандида*, дочь полководца Траяна. Она достигла высокой чистоты, разумно украшала церкви, по благоговѣнію къ тайнамъ Христовымъ чтила епископовъ и уважала весь клиръ. Обучивъ дочь свою правиламъ дѣвственной жизни, отдала ее Христу, какъ даръ сердца своего. Потомъ и сама она, роздавъ имѣніе свое, послѣдовала за дочерью и проводила жизнь въ чистотѣ и цѣломудріи. Для изнуренія плоти, трудилась она по цѣлымъ ночамъ, молола своими руками муку и пекла просфоры. Такъ какъ одинъ постъ недостаточенъ, говорила она, то я присоединяю къ нему изнурительное бдѣніе, чтобы сокрушить похотливость Исава. Она вовсе не употребляла въ пищу мяса животныхъ, но ѣла только рыбу, масло и овощи, да и это лишь по праздникамъ;

(1) Лавзаикъ, гл. 126. Гераклидъ, гл. 43. Менологъ: «украсилась вѣнцомъ исповѣдничества. Сосланная въ ссылку за правду перенесла много скорбей».

(2) Память ея въ греч. церкви іюля 25, въ римской—17 декабря

во всякое другое время довольствовалась водою, смѣшанною съ уксусомъ, и сухимъ хлѣбомъ. Проведши такую суровую жизнь, эта достославная жена почила блаженнымъ сномъ и теперь наслаждается вѣчными благами, уготованными для возлюбившихъ жизнь добродѣтельную» ([1]).

Подобно сей благочестивой женѣ, съ ревностію проходила путь правды и благочестия несла иго дѣвства славная *Гdesacія*, дочь трибуна. Въ этой чудной дѣвѣ особенная была добродѣтель та, что солнце никогда не заходило въ гнѣвѣ ея на раба или на служанку или на кого другаго (Еф. 4. 26). Геласія боялась помнить объ обидѣ или непріятности, нанесенныхъ другимъ. *Прощайте и прощены будете* (Лук. 6. 37), такова воля Божія, говорила она себѣ. Не любя ближняго, нельзя любить Господа; а въ томъ нѣтъ любви, кто сердится на другаго, кто не прощаетъ его за все. Гнѣвъ — дѣло испорченной души (Іоан. 5. 20). Гнѣвъ — бѣснованіе (Прит. 27. 4). Гнѣвъ покоится въ сердцѣ глупца (Еккл. 7. 10). Къ несчастію, ни чей гнѣвъ такъ не безобразенъ, какъ гнѣвъ жены (Сир. 27. 33). Дальше, дальше отъ него, то-ли дѣло—дѣтское незлобіе: оно такъ пріятно Господу. Онъ сказалъ намъ: *если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное. Кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ царствѣ небесномъ* (Матѳ. 18. 3. 4). Такимъ путемъ, путемъ дѣтскаго незлобія, блаженная вошла въ жизнь блаженную ([2]).

([1]) Лавзаикъ, гл. 127. Гераклидъ, гл. 41. Въ Мартирологѣ Усуарда подъ 29 августа. «кончина святой дѣвы Кандиды». Les vies des saintes Solitaires, 2, 245. Amsterd. 1714.

([2]) Лавзаикъ, гл. 128. Гераклидъ, гл. 44.

2. Св. Пульхерія царевна.

Пульхерія была дочь императора Аркадія (¹); брату ея Θеодосію было 8 лѣтъ, когда (въ 408 г.) объявленъ онъ императоромъ; опекуномъ его былъ Анθимій, умный и добродѣтельный вельможа. Пульхерія была только двумя годами старше брата, но она далеко превосходила его дарованіями ума и твердостію доброй воли; съ молодыхъ лѣтъ она искренно любила благочестіе; при всей незрѣлости лѣтъ, она была наставницею брата, старалась передать ему лучшія правила жизни. Прекрасно владѣя языками греческимъ и латинскимъ, имѣла она обширныя познанія — историческія, философскія, богословскія. Въ 414 г. объявлена она была Августою, соправительницею императору. Имперія восточная была обширна, а дѣла ея не были въ порядкѣ. Потому-то умный и добрый Анθимій призналъ нужнымъ, дабы такая сестра, какова была Пульхерія, была соправительницею брату. И она дала направленіе дѣламъ лучшее. Недостатокъ опытности въ управленіи Пульхерія восполняла зоркостію ума своего и желаніями добра. Брату своему всего болѣе старалась внушить, что, безъ вѣры, безъ благочестія, лучшія дарованія безполезны и политика безъ вѣры не умная, вредная политика. Такъ она направляла и дѣла имперіи. Она не рѣшала дѣлъ безъ молитвъ и совѣтовъ съ людьми добросовѣстными. Внутреннія волненія имперіи — дѣла страстей людскихъ—были успокоены; съ сосѣдними державами поддержанъ или возстановленъ миръ, сборъ податей приведенъ въ порядокъ; армія и флотъ поставлены въ

(¹) Житіе ея въ Четьѣ-Минеѣ сент. 10, *Weiss*, Leben d. Heiligen 12-495—504.

хорошее состояніе. Наукамъ даны способы для ихъ успѣховъ. Имперія была счастлива, какъ не была она счастливою при Аркадіѣ.

Пульхерія была воспитательницею и двухъ младшихъ сестеръ своихъ, Аркадіи и Марины; она оставалась при нихъ безотлучно, если только не отвлекали ее дѣла управленія. Она назначала имъ и предметы занятій и давала направленіе ихъ мыслямъ и чувствамъ. *Красота—обманъ и пригожство—суета; жена, имѣющая страхъ Іеговы, она достойна всякой хвалы*, говорилъ боговдохновенный мудрецъ (Прит. 31. 30) ([1]). Уроки его твердо изучала для себя и сестеръ Пульхерія. Ею данъ былъ обѣтъ предъ Богомъ — остаться дѣвственницею до гроба. И этотъ обѣтъ запечатлѣла она памятникомъ: въ соборномъ храмѣ поставленъ былъ престолъ, устроенный изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, съ надписью: Обѣтъ дѣвства. Она имѣла утѣшеніе видѣть, что и сестры ея также рѣшились посвятить себя на служеніе Богу. Дворецъ императорскій былъ при ней истинно христіанскимъ домомъ, чѣмъ онъ уже давно не былъ: ни роскоши, ни праздности, ни разсѣянію тутъ не было мѣста.

([1]) Созомена ист. 9, 1. 3. „И свое дѣвство посвятила она Богу и къ тому же направляла жизнь своихъ сестеръ, съ намѣреніемъ удалить изъ дворца царскаго всякаго мужчину и чрезъ то уничтожить всякій поводъ къ ревности и ковнямъ... И сестры ея вели одинаковый съ нею образъ жизни, заботились объ іереяхъ и молитвенныхъ домахъ, были щедры къ нуждающимся странникамъ и бѣднымъ, имѣли всегда общій столъ, вмѣстѣ дѣлали выходы, вмѣстѣ ночью и днемъ хвалили Бога и какъ прилично достоуважаемымъ женамъ, занимались тканьемъ и подобными работами. Праздность и роскошь онѣ считали недостойными священнаго дѣвства, а потому изгнали ихъ изъ своей жизни, не смотря на то, что были царевны, родились и воспитались въ царскомъ дворцѣ. За это Богъ явно показывалъ къ нимъ свою милость и хранилъ ихъ домъ“.

Пульхерія совершала съ сестрами подвиги покаянія и молитвы. Въ комнаты ихъ не вступала нога мужчины. Соправительница принимала просителей и министровъ не иначе, какъ въ опредѣленное время и публично. Все это имѣло послѣдствія полезныя и для быта имперіи, обѣты царевенъ преграждали путь интригамъ придворной жажды честей и власти. Считая тѣло свое храмомъ распятаго Господа, она усмиряла въ немъ нечистыя движенія строгимъ постомъ и трудами [1]

Когда братъ Өеодосій достигъ полнаго возраста, 20-ти лѣтъ, Пульхерія озаботилась пріискать ему невѣсту. Выборъ ея палъ на Аөенаиду, дочь аөинскаго философа. Аөенаида явилась къ Августѣ съ просьбою возвратить ей имѣніе отца ея, отобранное неправдами людскими. При разговорѣ оказалось, что Аөенаида была прекрасно образована и умна. По свѣдѣніямъ стороннимъ оказалось тоже. Аөенаида объявлена была невѣстою императора. Это должно было изумить многихъ и иныхъ оскорбить: выборъ палъ не на аристократку. Пульхерія желала одного добра. Такъ какъ Аөенаида была еще язычницею, то она была крещена и названа Евдокіею. Бракъ былъ совершенъ 7 іюня 421 года. Спустя два года Евдокія объявлена была Августою. Пульхерія оставалась по-прежнему соправительницею, но старалась давать видъ, что императоръ — одинъ въ имперіи. Повелѣнія шли въ имперію отъ имени Өеодосія, дѣла рѣшались отъ его же имени. Умная Пульхерія дала

[1]. Сократа ист. 7, 22. Діаконъ Игнатій въ 1390 г. „идохомъ въ Пандократорскую церковь и въ сосудохранительницѣ видѣлось святое евангеліе, писано все златомъ рукою Өеодосія царя малаго“. Путешествія, стр 102. Спб. 1819 г.

въ это время памятный урокъ брату своему. Өеодосій, добродушный и довѣрчивый, сталъ-было подписывать дѣла, не читая ихъ—и даже не всегда спрашивая о ихъ содержаніи. Вельможи, пользуясь этою довѣрчивостію, дозволяли себѣ и грабить казну и тѣснить невинныхъ. Пульхерія, не теряя словъ напрасныхъ, поднесла императору докладъ. Өеодосій, не спросивъ о содержаніи, подписалъ и отдалъ бумагу сестрѣ. Затѣмъ Пульхерія зоветъ къ себѣ Евдокію и, занимаясь съ нею разговорами, удерживаетъ ее у себя весь день. Вечеромъ зовутъ Евдокію къ царю. Пульхерія не отпустила. Приходятъ въ другой разъ. Пульхерія съ улыбкою сказала: «доложите царю, что Евдокія—моя собственность, по его волѣ». Явясь за тѣмъ къ брату, она подала ему подписанную имъ грамату. Тотъ прочиталъ и Пульхерія кротко сказала: «видишь-ли, государь, какъ опасно не читая подписывать бумаги! Ты, по добротѣ своей, не думаешь, чтобы могли обманывать тебя. Но—на землѣ не ангелы, а люди всякаго сорта. Ты--отецъ отечества. Берегись, чтобы не страдало отъ тебя отечество». Өеодосій, пораженный стыдомъ, далъ слово — быть осторожнымъ (¹).

По убѣжденію благочестивой Пульхеріи, Өеодосій отправилъ въ Іерусалимъ много денегъ для раздачи бѣднымъ и золотой крестъ съ дорогими каменьями для водруженія его на лобномъ мѣстѣ. Признательный архіепископъ послалъ царю правую руку архидіакона Стефана. Когда мощи были въ Халкидонѣ, Первомученикъ является во снѣ Пульхеріи и говоритъ: «вотъ молитва твоя услышана и я уже въ Халкидонѣ». Ца-

(¹) Объ этомъ говоритъ и Өеофанъ въ своей лѣтописи.

ревна и царь вышли на встрѣчу мощамъ и Пульхерія построила въ столицѣ великолѣпный храмъ Первомученику, гдѣ и положены были мощи его ([1]).

Сколько патріархъ Несторій ни былъ силенъ связями своими съ вельможами имперіи, какъ ни ловко дѣйствовалъ онъ для своей пользы: въ 431 году составился въ Ефесѣ вселенскій соборъ; долго длился соборъ по интригамъ защитниковъ Несторія; Өеодосій вовлекаемъ былъ въ распоряженія несправедливыя: но ученіе Несторія осуждено было какъ ересь и Несторій сосланъ въ заточеніе. Защитою православія служила благочестивая и умная Пульхерія.

Блаженная отдала почесть великому святителю Златоусту: мощи его (въ 438 г.) перенесены были изъ заточенія и торжественно положены были въ столицѣ, въ храмѣ Апостоловъ ([2]).

Въ слѣдующемъ году землетрясеніе долго держало въ ужасѣ столицу. За 20 дней до Пасхи совершали общественное моленіе: царь, царевна и патріархъ шли пѣшіе по городу. Пѣніемъ ангельской пѣсни: Святый Боже, прекращено бѣдствіе и пѣснь введена въ общественное и частное Богослуженіе ([3]).

Въ 444 году Пульхерія похоронила сестру свою Аркадію, сохранившую, по ея убѣжденію, дѣвство до

([1]) Лѣтопись Өеофана. Повѣствованіе о перенесеніи мощей въ Царьградъ у Сурія 2 августа. Все тѣло первомученика перенесено было въ 430 г. Marcellini Chronicon ad. an. 430. Игнатій діаконъ, въ 1390 г.: идохомъ въ монастырь св. Стефана первомученика; и поклонихомся и цѣловахомъ св. мощи его. Путешествія (Спб. 1819 г.) стр. 101.

([2]) Четь-Минея янв. 28. Marcellini Chron. ad an. 438.

([3]) Обзоръ пѣснопѣвцевъ греч. церкви, стр. 188—198. Черниг. 1864 г. Въ Прологѣ Румянцева (Опис. стр. 450) янв. 26 „память страха великаго и преславнаго труса въ царство малаго Өеодосія“. Янв. 26 началось землетрясеніе.

гроба [1]. При дворѣ мѣсто Анѳима занялъ евнухъ Хризаѳъ, котораго все достоинство состояло въ томъ, что великанъ тѣломъ былъ довольно способный полководецъ; иначе это былъ человѣкъ безъ всякихъ правилъ и жадный до денегъ. Пульхерія останавливала Хризаѳа въ его дурныхъ дѣлахъ. Хризаѳъ возбудилъ въ Евдокіи зависть къ власти Пульхеріи. Евдокія и Хризаѳъ стали дѣйствовать за одно противъ Пульхеріи. Ѳеодосій, добрый, но слабый и недальновидный, сперва не принималъ участія въ ихъ планѣ, но потомъ былъ вовлеченъ въ него. Онъ потребовалъ, чтобы константинопольскій патріархъ Флавіанъ посвятилъ Пульхерію въ діакониссы. Святитель объявилъ, что онъ не можетъ посвящать никого противъ его воли, да и счастіе имперіи требуетъ совсѣмъ другаго. Императоръ упорно настаивалъ на своемъ требованіи. Св. Флавіанъ отвѣчалъ, что онъ явится ко двору въ другое время. Онъ поспѣшилъ дать знать Пульхеріи о злостныхъ замыслахъ враговъ ея. Она рѣшилась удалиться въ уединеніе и въ 447 году удалилась отъ двора. Въ имперіи и церкви по волѣ Хризаѳа начались дѣла однѣ другихъ страшнѣе. Противъ Флавіана поднято гоненіе. Евтихій еретикъ сталъ любимцемъ двора. Діодоръ и Евтихіане стали производить злодѣйскія насилія. На Ефесскомъ соборѣ 449 г. Флавіанъ былъ удавленъ Ересь Евтихія явилась подъ защитою императора. Хризаѳъ злодѣйствовалъ въ имперіи.—грабилъ и убивалъ.

Блаженная Пульхерія благодарила Бога за свою уединенную жизнь. Она не хотѣла думать ни о неблагодарности Евдокіи, которая всѣмъ ей одолжена,

---

(1) Marcellini Chron. ad an. 444 Ѳеофана лѣт. p. 69.

ни о непризнательности слабаго брата, а еще менѣе думала о низкомъ Хризаѳѣ. Она хотѣла забыть все и быть забытою всѣми, занималась только молитвою, чтеніемъ книгъ, полезныхъ для души, и - подвигами покаянія.

Между тѣмъ бѣдствія увеличивались со дня на день. Въ разныхъ частяхъ имперіи поднимались волненія народа. Пульхерія видѣла это съ глубокою скорбію. Ей тяжело было, что добрый братъ ея завлеченъ въ участіе дѣлъ страшныхъ. Она рѣшилась попытаться помочь имперіи и церкви.

Явясь къ двору, просила она у императора дозволенія видѣться съ нимъ. Ей не отказали. Тогда открыла она глаза брату на состояніе дѣлъ. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ бездну, на краю которой поставили его. Хризаѳъ сосланъ былъ на островъ и тамъ по суду наказанъ смертію за свои злодѣйства. Евдокія, чувствуя свои грѣхи, съ дозволенія императора, отправилась на поклоненіе въ Іерусалимъ. Пульхерія снова приняла участіе въ управленіи имперіею. Въ 449 г. умерла дѣвою сестра Пульхеріи Марина, а въ слѣдующемъ году скончался императоръ Ѳеодосій.

Пульхерія осталась одна правительницею имперіи. Она не хотѣла думать, что въ состояніи одна управлять имперіею. Она рѣшилась найти способнаго императора. Выборъ ея палъ на полководца Маркіана: онъ былъ опытный правитель, любилъ чистую вѣру Христову и искренно любилъ все доброе. Онъ былъ вдовецъ; дочь перваго брака его, Евѳимія, была супругою Анѳимія, въ послѣдствіи западнаго императора. Когда Пульхерія избрала Маркіана въ императоры,

то объявила ему условіе: «я избираю тебя изъ всего сената, какъ достойнѣйшаго; но дай мнѣ слово—уважать дѣвство мое, которое обѣщала я Богу». Маркіанъ принялъ и исполнялъ условіе. Маркіанъ и Пульхерія жили какъ братъ и сестра, въ чистотѣ цѣломудрія.

Въ 451 г. созванъ былъ вселенскій соборъ въ Халкидонѣ. На соборѣ осуждено было евтихіанство и постановлены были правила, между прочимъ, о дѣвахъ посвятившихъ себя Господу, о діаконахъ и о смѣшенныхъ бракахъ [1]. Отцы собора не разъ, въ продолженіи дѣяній своихъ, провозглашали Пульхерію защитницею правовѣрія и славою церквей. Въ имперіи съ радостію приняты были рѣшенія собора. Только въ Египтѣ и Палестинѣ упорные Евтихіане произвели безпорядокъ. Пульхерія писала два посланія въ Палестину, съ подробнымъ оправданіемъ рѣшеній собора и съ объясненіемъ того, что соборъ вовсе не думалъ принимать сторону Несторія.

Блаженная императрица основала много благодѣ-

(1) *Вселенскій соборъ* 451 г. «опредѣлилъ, чтобы никому изъ чтецовъ и пѣвцовъ не было позволено брать себѣ въ жену иновѣрную, чтобы родившіе уже дѣтей отъ таковаго брака и прежде сего уже крестившіе ихъ у еретиковъ приводили ихъ къ общенію съ каѳолическою церковію а не крестившіе не могли крестити ихъ у еретика, ни совокупляти ихъ бракомъ съ еретикомъ или іудеемъ или язычникомъ, развѣ въ такомъ только случаѣ, когда лице сочетавшееся съ православнымъ лицемъ обѣщаетъ перейти въ православную вѣру. Прав. 14. *Трулльскій соборъ* 692 г. распространилъ силу этого правила на всѣхъ православныхъ. „Недостоитъ мужу православному съ женою еретическою бракомъ совокуплятися, ни православнѣй женѣ съ мужемъ еретикомъ сочетаватися". Прав. 72. *О дѣвахъ соборъ* 451 г. „Дѣвы, посвятившія себя Господу Богу, равно и монашествующимъ, не позволяется вступать въ бракъ Аще же обрѣтутся творящіе сіе: да будутъ лишены общенія церковнаго. Впрочемъ опредѣлили мы мѣстному епископу имѣти полную власть въ оказаніи таковымъ человѣколюбія.

тельныхъ заведеній въ столицѣ, больницы и страннопріимные дома ([1]). Ею построены были три знаменитые храма Богоматери: Влахернскій, Одигитріи и Халкопратійскій. Икона Богоматери, писанная евангелистомъ Лукою, доставлена была изъ Палестины еще императрицею Евдокіею. Теперь эта икона поставлена была въ храмѣ Одигитріи ([2]). Современный историкъ говоритъ: «Съ какимъ усердіемъ исполняла Пульхерія дѣла благочестія, сколько выстроила великолѣпныхъ храмовъ, сколько возвела домовъ для бѣдныхъ и странныхъ, также монашескихъ обителей, назначивъ для содержанія этихъ заведеній постоянную сумму денегъ, а для живущихъ въ нихъ извѣстное количество хлѣба. Перечислять все это было бы долго» ([3]). Занятія дѣлами имперіи не препятствовали ей заниматься дѣлами благочестія, молитвою, чтеніемъ, посѣщеніемъ бѣдныхъ и больныхъ: послѣднимъ прислуживала она своими руками. Благочестіе царицы награждено было откровеніями небесными. Три раза являлся ей св. мученикъ Ѳирсъ и объявлялъ ей о мощахъ 40 мучениковъ севастійскихъ, скрытыхъ въ землѣ; мученикъ объявлялъ волю свою, чтобы мощи присоединены были къ его мощамъ. въ его храмѣ. Являлись ей и 7

([1]) Созомена ист. 3, 1. Ѳеофана. лѣтопись.

([2]) Ѳеодора чтеца, ист. 1 ч. Никифоръ 4, 2. Кодинъ, p. 95 ad. Beckeri. Du Cangii Const. christ. § 6. 9. 24. Освященіе Халкопратійскаго храма праздновалося декабря 18. Прологъ Румянцева, стр. 449. 450. Кодинъ: «храмы св. Мокія и Мины устроилъ Константинъ великій; онъ выбросилъ изъ нихъ идоловъ и далъ имъ новое назначеніе. Но все зданіе съ притворами и св. сосудами», спустя 169 лѣтъ, перестроили Пульхерія и Маркіанъ. «храмы св. Исаіи и Лаврентія построены были имп. Маврикіемъ и Пульхеріею; при нихъ св. тѣло пр. Исаіи перенесено было изъ Іерусалима. ed. Beckeri p. 72. 95.

([3]) Созомена ист. 9, гл. 1. Изъ обителей Пульхеріи извѣстна одна— Агалладъ. Du-Cangii Const. chr. p. 152.

мучениковъ, облеченные въ свѣтлыя одежды. По изслѣдованію точному оказалось, что дѣйствительно македоніянами сокрыты были въ указанномъ мѣстѣ мощи мучениковъ. Мощи найдены и съ торжествомъ положены были въ храмъ св. Ѳирса ([1]).

Предъ кончиною своею Пульхерія завѣщала, дабы всѣ ея имущества обращены были въ пользу бѣдныхъ. Маркіанъ выполнилъ завѣщаніе во всей точности. Она почила 10 сентября 453 г., на 55 году своей жизни.

Память ея установлено праздновать еще при императорѣ Львѣ великомъ (457—473) ([2]).

8. Св. Доминика и Мавра.

Добрыя дѣвы знаменитаго рода прибыли еще язычницами въ Константинополь изъ Карѳагена, при П. Нектаріѣ (†397 г.); съ ними пришли еще три дѣвушки язычницы, служанки ихъ. Пламенное желаніе ихъ было принять христіанство, съ тѣмъ, чтобы жить по правиламъ чистой небесной вѣры. П. Нектарій имѣлъ о нихъ особенное извѣщеніе небесное ([3]). По-

([1]) Созомена, ист. 9, 1. 2. 3. «Богъ за ея благочестивую жизнь имѣлъ къ ней всегда столь великое благоволеніе, что немедленно внималъ ея молитвамъ и часто напередъ открывалъ то, что надлежало дѣлать. Marcellini Chronic. ad. an. 453.

([2]) Ѳеодорита ист. 1, 1. Неизвѣстный писатель: «Левъ великій имѣлъ обыкновеніе торжественно прославлять блаженнѣйшую Августу Пульхерію. Потому чтимъ день кончины ея; изображеніе ея поставилъ онъ на ея гробъ и смотря на живописный *образъ ея* прославлялъ жизнь ея. Тотъ же Левъ, перенесъ статуи Маркіана и Пульхеріи въ Ѳеодосіевы портики Константинополя». Кодинъ: „Въ Халкѣ у дворца воздвигнута статуя знаменитой Пульхеріи". Codinus ed. Becker bon. 1843 p. 34. 176. И греческая и римская церковь чтутъ память св. Пульхеріи сент. 10 дня.

([3]) О св. Доминикѣ стихира 8 января: „Тому (Христу) послѣдовала еси, *отвергшися тлѣнныя славы*". Другая стихира: „отъ западовъ возсіяла еси къ востоку" Пѣснь 3-я: „Ангелъ свѣтовидѣнъ.

тому не только совершилъ надъ ними крещеніе, но Домнику и Мавру посвятилъ въ діакониссы (¹), а императоръ Θеодосій подарилъ имъ земли за чертою города. Домника основала монастырь въ честь пр. Захаріи, а Мавра построила обитель съ храмомъ въ честь мученицы Мавры. Къ той и другой собралось много дѣвственницъ и преимущественно ихъ единоплеменницъ, изъ африканскаго Карθагена, бывшаго тогда во власти греческой имперіи. Императоръ Θеодосій обращалъ власть свою на ослабленіе язычества въ дальнихъ углахъ имперіи, и обители Домники и Мавры были училищами для юныхъ христіанокъ (²).

Блаженная Домника съ пламенною ревностію предалась подвигамъ христіанскимъ; не щадя грѣшнаго тѣла своего, изнуряла себя постами и трудомъ, мужественно боролась съ природою испорченною, чтобы творить волю Божію полною душею (³). «*Сердечное*

возвѣсти іерарху пришедшую къ царскому граду". О язычествѣ и пребытіи изъ Карθагена Синаксарь. Менологъ на 10 января о Домникѣ: „принята П. Нектаріемъ Конст. по откровенію". Полное житіе св. Домники и Мавры нынѣ не извѣстно, но Іосифъ пѣснописецъ имѣлъ его въ рукахъ. Канонъ преподобной на 8 янв. по акростиху 9 пѣсни—твореніе Іосифа. Обзоръ пѣснопѣвцевъ, стр, 367. Черн., 1864 г.

(¹) Менологъ Василія на 10 янв.: „Онъ (П. Нектарій) не только ввелъ ее въ монастырь св. пророка Захаріи, но и рукоположилъ ее въ діакониссу".

(²) Кодинъ, о зданіяхъ Константинополя: „Два монастыря, одинъ св. Домники, прозываемый Александровъ, другой—св. Мавры. Они построены при императорѣ Θеодосіѣ великомъ. Тогда пришли изъ Рима (изъ западной половины имперіи) тѣ святыя жены и получивъ отъ императора необитаемыя тогда приморскія мѣста, построили на нихъ монастыри". Codinus ed. Beckeri Bon. 1843 p. 322. Пѣснь 6 о св. Домникѣ: „Священное пророчество воздвигла еси божественнаго Захаріи пророка богомудраго". Въ монастырѣ пр. Захаріи почивали мощи св. Петра знаменоносца, праздновавшагося янв. 3. Прологъ Румянцева, стр. 448. Du-Cangii Const, Chr. p. 105. 185.

(³) Синаксарь: „Избравъ уединенную жизнь предалась мужествен-

желаніе являющи слезами, умиленіемъ сливная землю омочила еси и власы отерла еси Христово подножіе (1). *Уклонилася еси милованія плотскаго. Украшена* была еси *добродѣтельми»* (2). Твердыми и долгими подвигами взошла она на дивную степень духовнаго совершенства. По милосердію Божію исцѣляла она больныхъ. Являла силу надъ стихіями, прорекала будущее, чѣмъ обращала къ заботамъ о вѣчности и беззаботныхъ жителей веселой столицы. «Обогащенная даромъ пророчества, предсказывала объ императорахъ, патріархахъ и о многомъ другомъ» (3). «*Плаватели въ мори обуреваемыя*, поетъ церковь, *спасла еси, елей со благословеніемъ пустивши въ море, и преложивши въ тишину обуреваніе* (4). «Явилась ты потокомъ исцѣленій, погашающимъ огонь страстей и подающимъ исцѣленіе спасительное. Богоименная невѣста Божія» (5). Святая жизнь Домники была очень продолжительна: она дожила до времени императора Льва II (†474 г.) (6). Ей извѣстенъ былъ напередъ и день смерти ея. «По вседѣтельному мановенію Божію предвидѣвъ разрѣшеніе тѣла своего, чистою душею возносила она благодарную пѣснь Виновнику всего и предала чистый духъ свой Богу» (7).

нымъ трудамъ и, дойдя до верха подвижничества, удостоилась дара чудесъ и многимъ предсказывала будущее".

(1) Славян. стихира, которой нѣтъ въ греч. Минеѣ. Тоже въ другой стихирѣ.

(2) Пѣсн. 7 и 8: канона на 8 янв.

(3) Слова Менолога Василіева. Пѣснь 5: „Сіяніе Духа показуетъ дальная яко близъ (сущая) и будущихъ предглаголетъ событіе".

(4) Пѣсн. 3, канона.

(5) Пѣсн. 4. Славянскій переводъ весьма невѣренъ Пѣсн. 6 „Струя явилася еси исцѣленій обильна".

(6) Менологъ Василія: „дожила даже до временъ императоровъ Льва и Зенона". Тоже Синаксарь.

(7) Пѣсн. 8. Въ 7 пѣсни: „Будучи храмомъ св. Духа, ты въ свя

Блаженная Мавра предварила кончину ея переселеніемъ въ счастливую для нея вѣчность. Обитель ея прославилась въ послѣдствіи тѣмъ, что поднимала противъ себя самую позорную лютость Копронима. Свирѣпый противъ иночества, онъ обращалъ обитель св. Мавры въ мѣсто самыхъ гнусныхъ оргій, храмъ мученицы сравнялъ съ землею, инокинь, не успѣвшихъ скрыться, отдавалъ насиліямъ мерзавцевъ слугъ своихъ и мѣсто чистыхъ молитвъ было у него бойнею людей. Само по себѣ понятно, что обитель послѣ того былъ возстановлена, какъ памятникъ мученичества чистыхъ душъ (1).

4. Преп. Матрона.

Дочь благочестивыхъ родителей, жившихъ въ Пергіи, выдана была не по ея желанію за мужъ за дворянина (2). Мужъ перешелъ на службу въ столицу. Молодая жена, познакомясь съ одною подвижницею, загорѣлась желаніемъ, какъ можно чаще, посѣщать общественное богослуженіе и помѣщенія его. Мужъ не только препятствовалъ ей въ томъ выговорами и подозрѣніями обидными, но часто билъ ее. Десять лѣтъ прожила она съ такимъ мужемъ. Измученная душевными страданіями, при неутоляемой, а усиливаемой жаждѣ жить для Господа, она въ одеждѣ евнуха, скрылась въ мужскомъ монастырѣ блаженнаго Вассіяна, у котораго было до 300 братій (3).

томъ храмѣ слышала голосъ, научающій тебя тайнамъ и четсному отшествію изъ тѣла".

(1) Кодинъ de Copronymo. Du-Cangii Const Chr. p. 186. 155

(2) Житіе ея—въ Четь-Минеѣ, ноября 9. Метафрастово, очень неудачное сочиненіе ар. Syrium 8 Novemb. Славянскій старинный переводъ у Царскаго № 398. 614. Болѣе полезны—канонъ Іосифа пѣснописца пр. Матронѣ и сказаніе Менолога.

(3) Память преп. Вассіяна октября 10. Краткое извѣстіе о немъ

Съ именемъ Вавилы, постриженная въ иночество, усердно и покойно работала она Господу. Такъ прошло нѣсколько годовъ.

Въ обители дознались, что евнухъ Вавила—жена. Преп. Вассіянъ строго обличилъ Матрону предъ братіею. «Ты наводишь бѣды на нашу обитель», говорилъ ей настоятель и выгналъ ее изъ обители (¹).

Положеніе Матроны было печальное. Преподобный видѣлъ пламенное рвеніе ея служить Господу, видѣлъ и препятствія тому. Чтобы успокоить ее, что было дѣлать? Апостолъ писалъ: *не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ постѣ и молитвѣ* (1 Кор. 7, 5). По этому правилу Апостола, жена и мужъ, по взаимному согласію, могутъ на время оставлять общее ложе, могутъ оба дать обѣтъ чистоты и подвизаться въ монашеской жизни; но если мужъ не согласенъ вести чистую жизнь, жена, хотя бы и хотѣла, не должна давать обѣтъ чистоты. Св. Василій вел. писалъ: «Аще (жена отступила отъ мужа) потому, яко біена была и не стерпѣла ударовъ: то подобаше паче претерпѣвати, нежели

въ Менологѣ Basnagii p. 478. Въ Прологѣ ноября 9: „св. Василій"— ошибка.

(¹) Менологъ Василія подъ 8 ноября: „св. Матрона была изъ Пергіи памфилійской и жила при императорѣ Львѣ. Когда отъ мужа родила дочь, пришла съ нимъ въ Константинополь, будучи 15 лѣтъ. Здѣсь, пользуясь дружествомъ съ дѣвою Евгеніею, подражала житію ея, никогда не отходила отъ церквей Божіихъ. Разженная еще болѣе сильною любовію къ Богу, чѣмъ та, когда услышала евангельскія слова: иже хощетъ по Мнѣ итти, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ, отдала дочку свою на воспитаніе благочестивой женщинѣ. Оставивъ супруга и надѣвъ на себя одежду мужчины, вступила въ монастырь св. Вассіяна и приняла монашество. Когда же здѣсь была узнана, какъ женщина, святый послалъ ее въ Іерусалимъ. Послѣ нѣсколькихъ годовъ возвратясь въ Константинополь, проводила жизнь уединенную и такъ скончалась".

разлучатися» (1). Такъ разсуждалъ и св. Златоустъ; но онъ еще указалъ на возможный случай: «если, говорилъ онъ, мужъ вынуждаетъ жену отступить отъ чистой вѣры, то, для сохраненія важнѣйшаго долга совѣсти жена пусть оставитъ такого мужа» (2). По наставленію Спасителя (Лук. 16, 18) прелюбодѣяніе мужа даетъ женѣ право оставлять преступнаго мужа. Каковъ былъ мужъ Матроны? Нарушалъ-ли онъ вѣрность женѣ и св. вѣрѣ? Не видно изъ житія Матроны. Но, по отношеніямъ его къ женѣ—монахинѣ, видно, что это былъ человѣкъ пропитанный языческими мыслями о безграничныхъ правахъ мужа надъ женою. Послѣ того, какъ жена его стала монахинею, онъ по гражданскому закону имѣлъ право взять за себя другую и жить покойно. Но онъ, какъ язычникъ, убѣжденъ, что онъ, мужъ, по сотнѣ причинъ можетъ прогнать отъ себя жену, а жена ни по какой причинѣ не имѣетъ права оставить мужа. Онъ гоняется за Матроною—монахинею и въ столицѣ и въ Эмесѣ и въ Палестинѣ. Языческія убѣжденія о правахъ мужа надъ женою тогда еще были въ силѣ; они обнаруживались и въ жизни и въ законахъ имперіи (3). Примѣръ жены—страдалицы, страдавшей отъ языческаго

(1) Прав. 9 св. Василія, въ книгѣ правилъ.

(2) Бес. на посл. Корин. 19, § 2. 3. О дѣвствѣ § 28.

(3) Имп. Юстиніана новелла 117 §, 8—13. Новел. 123 §, 40. Новел. 127 §, 4. Новел. 134 §, 10, 11. П. Фотія Syntagma canonum in 7 t. Specilegii romani p. 419—421 ed. Romae. 1842. *Неволина* ист. гражд. закон. I, 172. 173. Спб. 1853. Св. Назіанзенъ писалъ: «законъ даетъ разводъ по всякой винѣ; но Христосъ—не по всякой, а дозволяетъ мужу отдѣлиться отъ жены только прелюбодѣйной". Orat. XXXI. Блаж. Іеронимъ, послѣ того, какъ привелъ слова спасителя о разводѣ, говоритъ: „иные законы императора, другіе—Христовы; иное говоритъ Пипиніанъ, другое предписываетъ намъ Павелъ". Ep. 89 de morte Fabialae.

права мужа надъ женою, видимъ во время св. Матроны на другомъ лицѣ. На безлюдномъ островѣ найдена была іеромонахомъ жена съ сыномъ. По ея разсказу, воспитанная сиротою въ домѣ добродѣтельнаго вельможи, она по желаніямъ его стала супругою сына его. Отецъ скоро умеръ. Родные молодаго аристократа не давали ему покоя; каждый день твердили ему: за чѣмъ онъ не беретъ за себя жены благородной и богатой? за чѣмъ держитъ при себѣ ту, которая безчеститъ собою родъ его? Чтобы избавить добраго супруга отъ тяжелаго положенія его, молодая жена тайно оставила домъ его и скрылась на островѣ для подвиговъ отшельницы; здѣсь, спустя 8 мѣсяцевъ, родился сынъ и она 30 лѣтъ прожила въ подвигахъ суроваго самоотрѣченія, пока Господь не послалъ къ ней іеромонаха для окрещенія сына ея ([1]). Особенность въ состояніи Матроны была та, что она уже дала обѣтъ иночества. На совѣтѣ старшей братіи обители Вассіановой рѣшили не возвращать Матроны въ міръ, а укрыть ее въ женской обители.

При содѣйствіи преп. Вассіана, Матрона принята была въ эмесскій женскій монастырь. Тутъ подвизалась она со всею твердостію ([2]). Преслѣдуемая му-

([1]) Патерикъ сборный подъ знам. М. гл. 25. Прологъ мая 1. Пр. Маркъ, разсказывавшій объ этомъ событіи, былъ основателемъ обители Марковой, находившейся въ столицѣ, близъ храма м. Аѳеоника. Діонисій, игуменъ обители Марковой, подписался подъ опредѣленіемъ собора, бывшаго при П. Минѣ(†552 г.). Du-Cangii Const. Chr. p. 158. Кажется, преп. Анна и сынъ ея Іоаннъ, поминаемыя церковію іюня 13. въ Прологѣ, безъ житія,—тѣ самыя лица, которыя найдены были на островѣ.

([2]) Метафрастъ пишетъ, что Матрона, живя въ Эмесѣ, поклонялась обрѣтенной тогда главѣ Предтечи. Этого не могло быть. Правда, въ хроникѣ Маркеллина записано, что глава Предтечи обрѣтена въ Эмесѣ пресвитеромъ Маркелломъ въ 453 г. (Marcellini Chronicon ad an. 453.

жемъ, посѣщала она Іерусалимъ и Синай,—мѣста святыхъ, дорогія для благочестивой души: но ни тамъ, ни здѣсь Матрона не могла оставаться долго. Какъ тяжела эта жизнь безпріютная! Вѣдь, блаж. Матрона—не то, что какая нибудь личность, при шумныхъ заявленіяхъ о своей геніяльности, осязаемо уменьшающая собою капиталъ силъ общества. Матрона благочестивою жизнію своею успѣла привесть нѣсколькихъ язычницъ къ св. вѣрѣ.

Мужъ умеръ, къ покою блаженной, и Матрона возвратилась въ Константинополь слушать наставленія пр. Вассіяна. Онъ вызвалъ къ ней и эмесскихъ сестръ ея. Супруга имп. Льва великаго (457—473 г.), узнавъ о высокой ея жизни, посѣщала ее. Матрона, хотя жила очень бѣдно, ничего не просила у императрицы, а только говорила о душевномъ спасеніи. Удивленная тѣмъ императрица еще болѣе стала уважать подвижницу. Исцѣливъ вдову эпарха, преподобная получила отъ нея средства дли построенія мона-

Patrol. lat. tom. 51). Но неудивительно, если западный хронистъ ошибся въ извѣстіи о томъ, что происходило на востокѣ, и поставилъ событіе не на своемъ мѣстѣ. Странно, что Метафрастъ, жившій въ Константинополѣ, не сообразилъ того, что глава Предтечи еще при имп. Θеодосіѣ перенесена изъ Халкидона въ Константинополь, и потому не должно быть никакой рѣчи о ея обрѣтеніи въ Эмесѣ при преп. Матронѣ. Обрѣтеніе гл. Предтечи пресвитеромъ Маркелломъ (опис. въ Четь-Минеѣ февр. 24) должно быть отнесено ко времени имп. Констанція. При Валентѣ перенесена она въ Халкидонъ и осталась въ рукахъ Македоніанъ; а Θеодосій великій перенесъ ее въ столицу и построилъ для нея великолѣпный храмъ (Созомена ист. 7, 21). Кажется, Метафрастъ принялъ Матрону, не уступавшую главы Предтечевой имп. Θеодосію, за преп. Матрону. Но кромѣ анахронизма тутъ допускаются въ преп. Матронѣ черты оскорбительныя для святой: Матрона Θеодосіева времени была послѣдовательницею Македоніевой ереси. Исправляемъ эту ошибку Метафраста и потому, что ее повторяли и Вершинскій въ мѣсяцесловѣ стр. 178. Спб. 1856 г. и о. Мышкинъ въ соч. о праздникахъ въ честь Предтечи, стр. 130. Казань, 1858 г.

стыря, тогда какъ дотолѣ жила она съ сестрами въ кельяхъ очень тѣсныхъ и притомъ наемныхъ. Къ великой подвижницѣ многіе и изъ міранъ приходили за совѣтами. О, если бы люди, говорила она, столько заботились о добродѣтели, сколько они, во вредъ себѣ, заботливы о пустотѣ! Пусть бы эта страсть къ зрѣлищамъ и вреднымъ веселостямъ, пусть бы женская наша страсть къ нарядамъ, страсть нравиться мужчинѣ, замѣнены были ревностію къ благочестію: какіе были бы успѣхи въ духовной жизни! Въ столицѣ тогда еще мало было женскихъ общинъ молитвы, а много было разврата, тяжелаго для душъ, сколько нибудь понимающихъ себя. Наставленія св. подвижницы, сильныя искренностію и опытностію, влекли къ ней многихъ. Измученныя жизнію мірскою находили у нея отдыхъ, больныя—здоровье. Обитель ея стала весьма многолюдною. Подъ ея руководствомъ воспиталось много чистыхъ дѣвъ для неба. Св. Іосифъ поетъ ей: «Для пользы многихъ воздвигла ты священное жилище, будучи сама храмомъ Духа по чистотѣ душевной. Путеводила ты по подвигамъ поста спасительнаго и привела ихъ цѣлыми къ Владыкѣ, какъ брачное вѣно. Съ ними чтемъ тебя искренно, Матрона» ([1]).

Но вотъ еще настало бурное время. Хищникъ престола Василискъ выдаетъ (въ 476 г.) указъ противъ Халкидонскаго собора. Въ 480 г. Царьградъ пораженъ былъ страшнымъ землетрясеніемъ ([2]). Императоръ Зенонъ думалъ эдиктомъ своимъ (482 г.) примирить

([1]) Служба св. Матронѣ, соч. Іосифа, въ ноябрской Минеѣ. Обзоръ пѣснопѣн., стр. 367.

([2]) Маркеллинова хроника ad. an. 482: „Это бѣдствіе столицы воспоминалось церковною службою октября 15 дня“, прибавляетъ Маркеллинъ.

православныхъ съ еретиками—монофизитами; эдиктъ его диктованъ въ духѣ индефферентизма (безразличія въ вѣрѣ), столько ненадежнаго ни для земли, ни для неба. На западѣ произнесено было рѣшительное осужденіе мирной граматы ([1]). Императоръ Анастасій съ 491 г. поднялъ жестокое гоненіе противъ непринимавшихъ этой граматы. «Въ особенности понуждаемы были къ мирному соглашенію монастыри Вассіяна, Неусыпающихъ и Матроны, которые наиболѣе отдѣлились отъ принявшихъ примирительную грамату Зенона и со всею твердостію переносили гоненіе. Преподобная Матрона, прекратившая всякое общеніе съ инокинями своими, принявшими мирную грамату Зенона, совершила много чудесъ, когда принуждалъ ее къ тому діаконъ великой церкви Хризафій». Встрѣтивъ непреклонную твердость, оставили преподобную, какъ и другихъ иноковъ, въ покоѣ ([2]). Такъ соединилась она съ своими духовными дѣтьми предъ своею кончиною. «Отроковицы, поетъ св. Іосифъ, покоряющіяся твоему ученію, возлюбили жениха — Господа.

([1]) Смыслъ Зеноновой граматы вѣрно выразилъ *Факундъ* lib. XII c. 4: «То, что̀ предписалъ Зенонъ, по своему произволу и власти, поправъ благоговѣніе предъ Богомъ, кто приметъ? Кто возметъ во вниманіе? Безразсудная власть домогается не того, чему быть должно, а что̀ ей угодно. Не понимаетъ того, что не смѣщеніемъ образуется единство. О мужъ умный и осмотрительный! принялъ на себя дѣло священниковъ. Православныхъ называлъ безгласными, отдѣлившимися отъ церкви. Къ чему убѣждаетъ онъ соединиться съ духовною матерію, если отдѣлившись отъ нея остаются они православными?“ Сл. Евагрія ист. 3, 14.

([2]) Лѣтопись Θеофана подъ 491 г. Du-Cangii Const. Chr. p. 159. Le-Quien Or. chr. 1, 218. Пѣс. 3. «Ты явилась красою для единствующихъ. всечестная; ты же усвоила себѣ чистое и непорочное житіе иноковъ“. Пѣс. 6. „Ты возлюбила на землѣ жизнь Ангеловъ, непрестанно воспѣвала Того, Кто по великой милости воплотился за насъ и укрѣпилъ женскую слабость для борьбы съ хитрымъ врагомъ».

Побѣждая силою духа тѣлесную слабость, укротили ревностію страсти; вмѣстѣ съ тобою, Матрона, введены онѣ въ чертогъ небесный, священный, и всегда веселятся».

Преподобная прожила въ иночествѣ всего до 75 лѣтъ и почила 100 лѣтъ, въ 492 г. ноября 9 дня (1).

(1) Память о ней въ греч. церкви ноября 9, въ римской—8 ноября, у Коптовъ—сент. 10 Краткій Менологъ, подъ 9 ноября память «св. матери нашей Матроны: она, родясь въ Пергѣ памфилійской, прославилась при имп. Львѣ великомъ подвигами монашеской жизни и, совершивъ чудеса, отошла ко Господу, будучи почти ста лѣтъ».

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Свящ. М. Альбов

Об апокрифических евангелиях

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 1. С. 43-106.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ОБЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ ЕВАНГЕЛІЯХЪ

На русскомъ языкѣ такъ мало писано объ апокрифическихъ евангеліяхъ, что мы вынуждены прежде всего познакомиться съ литературою этого предмета на иностранныхъ языкахъ.

Собиранію апокрифовъ положилъ начало нѣкто Михаилъ Неандеръ (Soraviensis) въ половинѣ XVI столѣтія (1563—1568). Къ грекolатинскому изданію малаго катихизиса Лютера, сдѣланному въ 1563 г., онъ присовокупилъ коллекцію апокрифовъ подъ такимъ заглавіемъ: «Апокрифы, т. е. небиблейскія повѣствованія о Христѣ и Маріи, объ Іосифѣ и родственникахъ и семействѣ Христа, почерпнутыя изъ сочиненій древнихъ греческихъ писателей, отцевъ, историковъ и филологовъ (съ присовокупленіемъ также протоевангелія Іакова, недавно найденнаго на востокѣ) и изданныя на греческомъ и латинскомъ языкахъ Михаиломъ Неандеромъ». Собственно апокрифовъ здѣсь

нѣтъ, кромѣ протоевангелія Іакова, писемъ Пилата и Лентулы, и исторіи Прохора о св. Іоаннѣ Богословѣ. Подобнаго рода произведеніе «Apocrypha paraenetica, philologica cum versione Nicolai Glaseri, Thuring. Walterhusani. Hamburgi. 1614 г»., также ни прибавляетъ ничего новаго противъ изданія Неандера. «Orthodoxographa», изданныя Іоанномъ Герольдомъ (1555 г.) и «Monumenta S. Patrum orthodoxographa», Гринея (1569 г.) кромѣ указанныхъ апокрифовъ уже содержатъ въ себѣ евангеліе Никодима. Въ 1697 г. Генрихъ Сике издалъ евангеліе дѣтства арабское съ латинскимъ текстомъ. Переводъ не чуждъ недостатковъ; подстрочныя примѣчанія содержатъ по большей части восточныя сказанія и преданія. Въ 1772 г. Георгій Валлинъ издалъ исторію Іосифа на арабскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ. Но вся заслуга въ собраніи апокрифовъ Новаго Завѣта по справедливости принадлежитъ Іоанну Альберту Фабрицію. Трудъ его (1719—1743) «Codex apocryphus N. Testamenti» даже до нашего времени заслуживаетъ уваженіе ученыхъ изслѣдователей апокрифовъ. Въ 1703 г. онъ издалъ въ двухъ томахъ свой апокрифическій кодексъ; въ 1719 г. къ двумъ первымъ присоединилъ и третій томъ. Это изданіе произвело живое впечатлѣніе на міръ ученый, не смотря на то, что опытъ Фабриція былъ не первымъ въ этомъ родѣ. И дѣйствительно кодексъ Фабриція обнаружилъ въ авторѣ силу ума и эрудиціи, строгаго пониманія дѣла и яснаго взгляда на вещи. Онъ издалъ въ свѣтъ текстъ апокрифовъ, которые въ большинствѣ своемъ лежали въ пыли библіотекъ; тщательно провѣрилъ текстъ ихъ, расположилъ ихъ въ строгомъ порядкѣ съ краткими замѣча-

нія и собралъ отрывки многихъ изъ нихъ, давно затерянныхъ. Фабрицій сдѣлалъ даже болѣе: о каждомъ изъ апокрифовъ онъ привелъ свидѣтельства и денія древнихъ отцевъ церкви, собралъ съ неутомимыми усиліями замѣчанія и трактаты о нихъ болѣе извѣстныхъ богослововъ, очистивши эти трактаты отъ разныхъ басенъ и т. п. Кромѣ апокрифовъ, указанныхъ нами въ предшествовавшихъ трудахъ, Фабрицій внесъ въ свой кодексъ: евангеліе о рожденіи Маріи (латинское), протоевангеліе Іакова (греческое и латинское, но только первыя 7 главъ), евангеліе дѣтства арабское (съ латинскимъ переводомъ Генриха Сике), евангеліе Никодима (латинское, съ двумя письмами Пилата и Лентулы). Онъ собралъ также писанія апокрифовъ разнаго рода, - о евангеліяхъ и дѣяніяхъ Апостоловъ, о разныхъ письмахъ, приписываемыхъ достоуважаемымъ историческимъ личностямъ (письма Христа, три письма Маріи Дѣвы, взаимныя письма Павла и Сенеки и т. п.); онъ собралъ даже литургіи, правила и символы Апостоловъ и Пастырь Ермы, которые не могутъ относиться къ апокрифамъ. Нужно удивляться неутомимому труду ученаго, который разсмотрѣлъ едва-ли не всѣ апокрифы, хранившіеся въ библіотекахъ. За кодексомъ Фабриція можно упомянуть «Nova et plena methodus probandi canonicam Novi Testamenti auctoritatem», который былъ изданъ въ 1772 г. на англійскомъ языкѣ Іереміею Іонезіемъ. Іонезій имѣлъ въ виду главнымъ образомъ защитить канонъ Новаго Завѣта противъ Толанда, который заподозрѣвалъ каноническую важность ново-завѣтныхъ священныхъ книгъ на томъ основаніи, что въ вѣкъ апостольскій появлялось весьма много исторій и ска-

заній о Христѣ. Онъ представилъ собраніе разныхъ апокрифическихъ сказаній въ трехъ томахъ. Однако справедливость требуетъ сказать, что весь его трудъ содержитъ лишь большую часть выписокъ изъ Фабриція. Самъ авторъ не открылъ новыхъ, апокрифическихъ сочиненій; онъ не провѣрилъ даже кодексовъ, избранныхъ имъ сочиненій и почти не сдѣлалъ на нихъ никакихъ замѣчаній. Гораздо больше его сдѣлалъ Бирхъ въ своемъ «Auctario Cod. Nov. Testam.» (1804 г.); онъ опубликовалъ въ немъ много неизданныхъ апокрифовъ, а своими удачными сличеніями кодексовъ весьма значительно облегчилъ для будущаго издателя апокрифическихъ сочиненій средства къ критическому ихъ разбору. Послѣ Бирха до Тило ученые мало занимались апокрифическою литературою. Изслѣдуя по преимуществу Св. Новозавѣтное Писаніе съ критической точки зрѣнія и занимаясь исторіею догматовъ древней церкви, они считали даже безполезнымъ разбирать такія басни, которыя встрѣчаются въ апокрифахъ. Только уже со временъ Землера снова обращено было вниманіе и на эту (апокрифическую) литературу древней церкви—Генкіемъ, Клекеромъ и другими учеными. Самое замѣчательное произведеніе въ апокрифической литературѣ безспорно составляетъ «Codex Apocr. Nov. Testam». Іоанна Карла Тило (1832 г.), профессора галльскаго университета. Забота, съ какою онъ пересматривалъ текстъ многихъ манускриптовъ греческихъ и арабскихъ, многочисленныя замѣчанія, сдѣланныя имъ для объясненія темныхъ мѣстъ апокрифовъ, и подробныя изслѣдованія о кодексахъ и изданіяхъ апокрифическихъ евангелій (въ его «Prolegomena)», ставятъ его трудъ на ряду съ замѣча-

тельнѣйшими филологическими произведеніями нашего времени. Но къ сожалѣнію смерть постигла ученаго мужа въ то время, когда онъ готовилъ къ изданію второй и третій томъ своего собранія апокрифовъ. Въ первомъ же его томѣ помѣщены: «исторія Іосифа, исторія о рожденіи Маріи, евангеліе Маркіона и другія, показанныя нами выше евангелія, съ присовокупленіемъ книги св. Іоанна», апокрифъ. Арабскій текстъ исторіи Іосифа, равно какъ латинскій текстъ, на половину исправленный въ Валлиновомъ изданіи Родигеромъ, снабженъ критическими замѣчаніями Валлина и Родигера. Равнымъ образомъ онъ исправилъ арабскій текстъ Родигера и латинскій переводъ Сике—въ евангеліи дѣтства. Протоевангеліе Іакова, равно какъ и евангеліе Ѳомы—имѣютъ богатыя критическія замѣчанія, а въ евангеліи о рожденіи Маріи по большей части внесены только замѣчанія Фабриція. Все свое вниманіе Тило сосредоточилъ на евангеліи Никодима; оно обставлено богатѣйшими догматико-критическими и археологическими изслѣдованіями.—Со времени Тило до Тишендорфа не было сдѣлано особенно важныхъ изслѣдованій въ области апокрифической литературы. Въ 1835 г. нѣкто Аренсъ написалъ изслѣдованіе «de Evangeliorum apocryphorum in canonicis usu historico, critico, exegetico.» Въ 1840 г. Car. Ad. Suckow исправилъ текстъ первоевангелія Іакова, по одному венеціанскому манускрипту, но съ незначительными измѣненіями. Въ 1841 г. Карлъ Фридрихъ Борбергъ издалъ въ свѣтъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Bibliothek der Neu-Testam. Apocryphen» (1. B. Stuttgart. 1841 г). Нѣмецкій переводъ текста довольно удаченъ, — затѣмъ

все остальное авторъ извлекъ изъ апокрифическаго кодекса Тило, безъ всякихъ самостоятельныхъ примѣчаній. Изъ французскихъ ученыхъ занимались изслѣдованіями объ апокрифическихъ евангеліяхъ Густавъ Брюне и Іосифъ Понсъ (Pons). Трудъ Брюне озаглавливается такимъ образомъ: «Les évangiles apocryphes, traduits et annotés d'après l'edition de Thilo, par Gustave Brunnet, Paris, 1849». Переводъ по мѣстамъ совершенно произвольный; замѣчанія, какъ показываетъ и самое заглавіе книги, большею частью заимствованы у Тило, — хотя также встрѣчаются и самостоятельныя изслѣдованія. Другое французское произведеніе носитъ такого рода названіе: «Rechèrches sur les apocryphes du Nouveau Testament. Thése historique et critique, par Jos. Pons, de Negrepelisse. Montauban. 1850». — Новѣйшія нѣмецкія сочиненія въ апокрифической литературѣ: «Die gehesim gehaltenen oder sogenannten apocryphishen Evangeliem von Dr. Klemens» (незаслуживающее особеннаго вниманія); «Leben Jesu nach dem Apocriphen, von Rudolph Hoffmann» и «Evangelia Apocrypha» C. Tishendorf». Рудольфъ Гофманъ критически изслѣдовалъ «Жизнь Іисуса» и его по плоти родственниковъ по всѣмъ апокрифамъ и псевдо-отеческимъ сочиненіямъ, существовавшимъ въ древней церкви и снабдилъ свое сочиненіе весьма научными догматическими и археологическими изслѣдованіями. Отдавая впрочемъ полную справедливость труду нѣмецкаго ученаго, мы должны замѣтить, что онъ не мало пользовался трудами Тило, особенно его подстрочными примѣчаніями, при анализѣ апокрифическихъ разсказовъ; притомъ же онъ нерѣдко обращался съ апокрифическими разсказами

очень свободно, навязывая имъ,—по свойственной нѣмцамъ страсти всему найти свою причину,—смыслъ совершенно произвольный. Тишендорфъ издалъ свои «Evangelia apocrypha» въ 1853 г. въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ служитъ профессоромъ университета. Этотъ ученый, оказавшій уже заслугу христіанской литературѣ изданіемъ апокрифическихъ дѣяній Апостоловъ, пріобрѣлъ новое право на всеобщую благодарность прекраснымъ изданіемъ апокрифическихъ евангелій. Болѣе сорока манускриптовъ, ускользнувшихъ отъ изслѣдованій ученаго филолога галльскаго (Тило) были пересмотрѣны и сличены Тишендорфомъ и притомъ съ такимъ стараніемъ, которое заслуживаетъ самыхъ великихъ похвалъ. Его изданіе самое полное, какое только мы имѣемъ по этому предмету, и, кажется, при настоящемъ состояніи науки, трудно съ большею точностію и вѣрностію опредѣлить первоначальный текстъ апокрифическихъ евангелій.—Наша русская литература почти не имѣетъ никакихъ изслѣдованій объ апокрифахъ; «Труды» К. Д. Ак. за 1861 г. дали небольшой переводъ лекцій объ апокрифическихъ евангеліяхъ аббата Фреппеля, читанныхъ имъ въ Сорбоннѣ въ 1857—8 гг., «Прав. Обозр.» предпринимало было весьма солидный трудъ буквальнаго перевода апокрифовъ, но, къ сожалѣнію, остановилось на переводѣ одного—двухъ апокрифическихъ евангелій.

Послѣ этого предварительнаго замѣчанія объ источникахъ предмета, считаемъ долгомъ сказать еще нѣсколько словъ о содержаніи и планѣ нашего сочиненія. За краткимъ изслѣдованіемъ причинъ происхожденія апокрифической литературы въ древней церкви вообще и въ частности тѣхъ апокрифовъ, кото-

рые подлежатъ нашему разсмотрѣнію, главною своею задачею мы поставляемъ изслѣдовать содержаніе апокрифическихъ евангелій; потому что апокрифы извѣстны въ нашей литературѣ больше по своему имени, чѣмъ по внутренней своей сторонѣ.

Между тѣмъ апокрифы новаго завѣта сохранили намъ богатый матеріалъ для догматическихъ и археологическихъ изысканій и представляютъ самый наглядный памятникъ для характеристики того, какъ святая евангельская истина переработывалась въ умахъ людей, не понимавшихъ ея высокаго духа и характера. Далѣе, на сколько возможно мы постараемся сравнить между собою различные апокрифическіе разсказы объ одномъ и томъ же предметѣ и поставить ихъ въ правильное отношеніе къ каноническимъ. Такого рода пріемомъ мы легко покажемъ относительное достоинство апокрифовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дадимъ неоспоримое доказательство того, что и по своему содержанію и по своей формѣ они неизмѣримо ниже нашихъ каноническихъ евангелій. Чтобы освѣтить апокрифическіе разсказы правильнымъ свѣтомъ, мы имѣемъ также въ виду раскрыть историческое или догматическое основаніе, на которомъ они опирались, и, гдѣ можно, опредѣлить ихъ значеніе для своего, равно какъ и для позднѣйшаго времени. Въ видахъ же большей ясности и упорядоченности дѣла—различные разсказы объ извѣстномъ событіи или фактѣ мы или соединяемъ въ одинъ, гдѣ они мало уклоняются другъ отъ друга и служатъ какъ бы пополненіемъ одинъ другаго, или ставимъ одинъ подлѣ другаго—тамъ, гдѣ по своему разнорѣчію, они не могутъ быть соединены въ одно цѣлое или же, наконецъ,

совершенно опускаемъ разсказъ (какъ напримѣръ въ евангелiи Никодима), когда анализъ о немъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ясное представленiе о его содержанiи. Историческiй разсказъ служитъ лишь средоточнымъ пунктомъ для научныхъ нашихъ цѣлей.—Общая характеристика апокрифическихъ сказанiй и ихъ отношенiе къ каноническимъ повѣтствованiямъ будутъ заключительнымъ нашимъ словомъ объ апокрифической литературѣ древней церкви.

Опредѣленiе слова «апокрифъ» всегда отличалось сбивчивостiю. Извѣстно, что въ христiанской церкви оно имѣло не одно и тоже значенiе. Это зависѣло между прочимъ отъ того, что древнiе филологи старались только отыскать связь между этимологiей и различными значенiями этого слова, забывая при этомъ, что между значенiемъ каждаго производнаго слова и его этимологiей часто бываетъ лишь внѣшнее соотношенiе. Чтобы дать правильное понятiе объ апокрифахъ, мы считаемъ нужнымъ обратиться къ язычеству и къ iудейству, которыхъ апокрифическая литература служитъ такъ сказать прототипомъ христiанской апокрифической письменности.

Большая часть религiй языческой древности имѣла жреческiя писанiя, которыя присвоялись языческимъ богамъ или миѳологическимъ лицамъ, какъ ихъ составителямъ, и именно—присвоялись тѣмъ богамъ, которымъ приписывали высшую мудрость, напр. Оаннесу въ его различныхъ воплощенiяхъ у Вавилонянъ, Тоанту у Финикiянъ, и т. п.. Такiя сочиненiя были обыкновенно сокровеннаго свойства; читать ихъ

могли только жрецы и лица, посвященныя въ жреческія таинства. На этомъ основаніи они часто назывались именемъ апокрифовъ — libri reconditi secreti (ἀπόκρυφα) и т. п. Таинственное содержаніе этихъ книгъ въ позднѣйшія, болѣе мрачныя времена язычества дало поводъ магамъ и разнаго рода авгурамъ и обманщикамъ распространять множество другихъ произведеній, которыя также носили названіе священныхъ книгъ: Гермеса, Зороастра, Санхоніата, Сивиллъ и т. д. или имена лицъ, прославленныхъ въ мифической древности, напр. Лина, Орфея и др. ([1]). У Іудеевъ въ послѣднія столѣтія до христіанской эры также встрѣчаются писанія, которыя по своему содержанію имѣли сходство съ языческими, а подъ вымышленнымъ наименованіемъ также старались скрыть свое истинное происхожденіе. Мистическая секта Θерапевтовъ, кромѣ священныхъ книгъ ветхаго завѣта уже владѣла особаго рода классомъ писаній, которыя они обыкновенно уводили мудрѣйшимъ мужамъ іудейской древности. Издавна было мнѣніе, что іудейскіе жрецы и книжники, кромѣ священныхъ книгъ ветхаго завѣта, имѣютъ еще другія священныя книги, которыя они уже скрывали отъ взоровъ народа и изъ которыхъ только они одни черпали таинственную премудрость. На этой между прочимъ вѣрѣ основывалось то общеизвѣстное сказаніе, сообщаемое книгою Ездры, что Ездра, послѣ сожженія храма и двадцати четырехъ каноническихъ писаній ветхаго завѣта и другихъ семидесяти, написанныхъ также якобы по внушенію отъ Св. Духа, снова возстановилъ ихъ подъ вліяніемъ

(¹) Nitzsch. Comment. de testam. duod. patriarch. p. 2 sq.

и воздѣйствіемъ той же благодати Духа [1]. Іудейскіе ученые въ Египтѣ и Малой Азіи, знакомые съ греческой литературой, любили усвоять свои письменныя произведенія знаменитымъ именамъ греческой литературы. Происхожденіе іудейскихъ апокрифовъ опиралось на языческихъ образцахъ. Патріархи и пророки, которые считались виновниками извѣстныхъ апокрифовъ, теряли свой библейскій обликъ и по своему характеру становились едва ли не миѳическими личностями. Адамъ—перворзданное существо (Πρωτόγονος Μονογενής), по апокрифическимъ писаніямъ талмудистовъ, каббалистовъ и христіанскихъ гностиковъ уже болѣе не библейскій патріархъ, а порожденное или черезъ эманацію истекшее существо изъ Первоисточника всѣхъ вещей. Авраамъ, родоначальникъ израильскаго народа, отождествлялся съ миѳологическимъ представителемъ остальныхъ семитическихъ племенъ, Белемъ, которому Халдеи усвояли свои жреческія книги и особенно изобрѣтеніе астрологіи.

Отъ этого рода апокрифической литературы, по своему характеру и содержанію чисто языческой, отличается другаго рода апокрифическая іудейская литература, которая преслѣдуетъ цѣли совершенно иного характера. Когда прекратился даръ пророчества,— эти апокрифы по преимуществу имѣли въ виду уяснить или восполнить историческую, пророческую или

(1) О книгахъ перваго класса прекрасно говоритъ слѣдующее мѣсто: «первая, яже писалъ еси въявѣ постави и да чтутъ достойнія и недостойніи»; а о второмъ классѣ, какъ будто эти были еще священнѣе и требовали болѣе совершенныхъ читателей, замѣчается: «послѣднихъ же семьдесятъ храни, да предаси ихъ мудрымъ отъ людей твоихъ,— въ тѣхъ бо есть корень разума, и премудрости источникъ, и вѣдѣнія рѣка» и т. д.

даже догматическую сторону канонических книгъ ветхаго завѣта. Они хотѣли выяснить іудеямъ ихъ вѣрованія и стремленія, хотя разумѣется рѣдко отличались истиннымъ духомъ и характеромъ. Такъ—фанатическая ненависть, съ какою языческая чернь въ Палестинѣ и внѣ ея преслѣдовала іудеевъ со временъ Маккавейскихъ,—иго римскаго владычества, которое грозно держало свой мечъ надъ іудейскимъ государствомъ, заставляли іудеевъ перетолковывать истинныя пророчества о Мессіи и представлять его царемъ-завоевателемъ, который сокрушитъ всѣхъ враговъ Израиля и покоритъ ихъ подъ ноги его. Какъ многочисленны были подобнаго рода сочиненія—достаточно указать на книгу Еноха и апокалиптическую книгу Ездры, по ученію которыхъ долженъ былъ явиться въ лицѣ Мессіи—какой то колоссъ въ человѣчествѣ, гигантъ не обыкновенный и т. п..

Новозавѣтные апокрифы представляютъ довольно близкую параллель съ ветхозавѣтными апокрифами. Одинъ родъ апокрифовъ, который мы считаемъ составленнымъ по языческимъ образцамъ, пользовался авторитетомъ въ еретическихъ сектахъ, тогда какъ другой почти безвредный ихъ родъ нашелъ свое употребленіе даже между православными христіанами. Эти послѣдніе апокрифы, какъ и апокрифы ветхаго завѣта, были написаны безъ предзанятыхъ еретическихъ цѣлей, а представляли лишь плодъ благочестиваго чувства христіанина. Къ общецерковнымъ преданіямъ присоединялись въ нихъ собственныя мечты и чувства разскащика, которыя всегда для большей важности влагались въ уста какихъ-либо евангельскихъ или библейскихъ лицъ, напр. Іакова, Пе-

тра и друг.. Апокрифы перваго рода по преимуществу распространены были между іудейско-христіанскими и гностическими сектами. Еретическія партіи древней церкви и особенно гностики считали такія сочиненія источниками своего мнимо-глубокаго гносиса; онѣ распространяли ихъ, какъ это всегда бываетъ въ обществахъ отдѣлившихся, чрезъ таинственное преданіе, и, давая имъ печать апостольскаго происхожденія, представляли ихъ какъ особенную вѣроисповѣдную норму вопреки того, что въ апостольской церкви представлялось памятникомъ первоначальной христіанской истины. Въ виду огражденія вѣрующихъ отъ увлеченія разными еретическими бреднями и суесловіями, православная церковь должна была положить строгое различіе между православными писаніями и еретическими или, что тоже, между каноническими и апокрифическими. Строго точное ихъ разграниченіе совершилось не въ одинъ моментъ, а постепенно, рядомъ долговременныхъ критическихъ изслѣдованій всѣхъ писаній, претендующихъ на включеніе въ канонъ. По началу, подъ понятіе «апокрифъ» подходили всѣ писанія, отличающіяся темнотою своего содержанія. Въ этомъ смыслѣ апокрифомъ называлось даже откровеніе св. Іоанна ([1]). Позднѣе апокрифомъ называлось все, что не имѣло достаточно данныхъ на включеніе въ канонъ—было ли оно подложно или нѣтъ. Такъ посланіе Варнавы признава-

([1]) Онъ называется этимъ именемъ (апокрифа) у св. Епифанія LI. с. 3. (ἀπόκρυφα διὰ τὰ ἐν τῇ Ἀποκαλύψει καὶ σκοτεινῶς εἰρημένα) и у св. Григорія Нисскаго въ его поуч. Т. II. р. 44. (Ἤκουσα τοῦ εὐαγγελίστου Ἰωάννου ἐν ἀποκρύφοις πρὸς τοὺς τοιούτους δι' αἰνίγματος λέγοντος ὡς δέον ἀκριβῶς ζέειν μὲν πάντως τῷ πνεύματι, κατεψύχθαι δὲ τῇ ἁμαρτίᾳ· ὄφελον γὰρ ἦσθα, φησί, ψυχρὸς ἢ ζεστός).

лось дѣйствительнымъ и назидательнымъ для вѣрующихъ и въ тоже время считалось апокрифическимъ. Въ этомъ же смыслѣ считались между апокрифами посланія Климента, св. Игнатія и Поликарпа, Пастырь Ермы и мног. друг. [1]. Въ послѣдствіи, наконецъ дано было строгое разграниченіе между словами «канонъ» и «апокрифъ», и къ послѣднему роду между прочимъ отнесены были сочиненія въ полномъ смыслѣ чуждыя апостольскаго авторитета или ихъ учениковъ и запечатлѣнные характеромъ тѣхъ или другихъ неправославныхъ мыслей. Въ этомъ значеніи понятіе апокрифъ является въ первый разъ въ декретѣ папы Геласія [2], который, перечисливши всѣ творенія св. отцевъ, принимаемыхъ церковію, все остальное, что отвергла церковь, отнесъ къ разряду апокрифовъ. Такъ образовалась противоположность между апокрифическимъ и каноническимъ. Каноническими писаніями церковь признала такія, которыя, получивъ свое происхожденіе отъ апостоловъ или ихъ непосредственныхъ учениковъ, стали нормою христіанскаго вѣроученія и нравственнаго совершенства; названіе же апокрифовъ усвоила такимъ произведеніямъ, признаки которыхъ опредѣлились ихъ мнимо-апостольскимъ происхожденіемъ, недостаткомъ общевселенскаго характера истины и еретическою путаницею, — въ силу смѣшенія въ нихъ разнаго рода ложныхъ элементовъ.

Что касается до времени происхожденія апокрифическихъ евангелій, то должно полагать, что они

[1] Cf. Euseb. l. 6. 3 Hist. Eccl. c. 10.—Cotelerii Patres Apost. Vol. II. p. II p. 273.

[2] Decr. Gelas. ap. Grat. Distinct. XV Can. III. p. 70. ed. Paris.

появлялись въ періодъ отъ половины втораго вѣка до конца четвертаго: распространяя свои апокрифическія сочиненія, авторы старались выдать ихъ за подлинныя священныя книги. Такое стремленіе легко могло явиться въ указываемый нами періодъ,—при неопредѣленности состава священнаго новозавѣтнаго канона (¹) и при пытливыхъ изслѣдованіяхъ, направленныхъ къ изученію и опредѣленію достоинства памятниковъ апостольской древности. Послѣ IV вѣка, когда уже канонъ былъ приведенъ въ окончательный составъ, появленіе апокрифическихъ сказаній было бы безцѣльно. Апокрифу никто не повѣрилъ бы. Онъ скорѣе занялъ бы не столько вѣру, сколько любопытство читателя.

Понятіе о характерѣ апокрифическихъ евангелій и методѣ изслѣдованія о нихъ могутъ быть различны, смотря по различію времени ихъ появленія. Въ періодъ, предшествовавшій утвержденію канона, мысль христіанъ была занята по преимуществу общимъ и всѣхъ интересующимъ вопросомъ о новой и чрезвычайной божественной истинѣ, принесенной на землю Христомъ. Явленіе такой необычайной личности, какъ Христосъ, стоявшій неизмѣримо выше всѣхъ людей,—Мессіи, обѣщаннаго за десятки вѣковъ народу Израильскому,—въ которомъ самые Греки и Римляне, разслабленные нравственно, ждали новаго Преобразо-

(¹) Что касается евангелій, то изъ свидѣтельства многихъ и знаменитыхъ учителей видно, что ихъ количество и составъ были опредѣлены въ началѣ втораго вѣка, такъ какъ мы знаемъ, что о четырехъ евангеліяхъ—Матѳея, Марка, Луки и Іоанна неоднократно свидѣтельствовали: св. Іустинъ, св. Ириней, который даже не могъ нарадоваться четверичному евангелію, Ἑνὶ τῷ πνεύματι συνεχόμενον, Contr. haer. III. II. 88 pag., Таціанъ въ своемъ „Діатессаронѣ“ Ѳеофилъ въ своемъ сочиненіи «о четырехъ евангеліяхъ» и т. под.

вателя міра и новаго религіознаго Учителя,—явленіе такой божественной личности располагало подробнѣе описать жизнь Его и сообщить тѣмъ, которые готовы были вѣрить чудеснымъ знаменіямъ Его и дѣламъ Имъ совершеннымъ. Что это такъ и что естественно не могло быть недостатка въ ревностныхъ повѣствователяхъ о жизни Іисуса,—на это мы имѣемъ несомнѣннаго свидѣтеля въ евангелистѣ Лукѣ, который говоритъ, что «многіе начали описывать жизнь Іисуса Христа». Но изъ нихъ, какъ обыкновенно почти бываетъ, одни болѣе, а другіе менѣе имѣли свѣдѣній о совершившихся вещахъ; были такіе, которые, передавая разсказываемое письменно, сами не видали его, а слышали отъ другихъ; были конечно люди, которые мало еще умѣли различать истинное отъ ложнаго; случалось, что многіе писали только подъ вліяніемъ своего личнаго взгляда, смотря потому, какое на нихъ только лично произведено вліяніе тѣмъ или другимъ явленіемъ или событіемъ; нѣкоторые наконецъ самую вѣру и истину измѣряли лишь подъ чужимъ вліяніемъ, или подъ вліяніемъ предзанятыхъ мнѣній и убѣжденій. А въ періодъ, когда между іудеями было множество сектъ и особенно, когда развита была страсть къ любомудрію, нисколько не было удивительно, если кто нибудь, разсказывая о дѣяніяхъ Христа письменно, разукрашалъ ихъ своими частными, субъективными взглядами. Такого духа и направленія, о которомъ мы сейчасъ говорили, были не чужды евангелія отъ Евреевъ, евангелія отъ Египтянъ и т. п. Откуда взято сродное въ этихъ евангеліяхъ или даже тождественное съ евангеліемъ Матѳея,—почерпнуто ли оно изъ этого послѣдняго или

всѣ эти различные писатели евангелій брали изъ общаго имъ источника, напр. изъ преданій, ходившихъ въ народѣ,—мы говорить не будемъ, замѣтимъ только, что все оставшееся въ этихъ отрывкахъ довольно показываетъ, что повѣствованія этихъ евангелій уже далеко уклонились отъ простоты и высокаго характера повѣствованій въ подлинныхъ каноническихъ евангеліяхъ. Вообще же мы должны допустить, что на первыхъ порахъ, когда лишь работало религіозное чувство подъ вліяніемъ мысли о великомъ Основателѣ христіанства, всѣ различныя писанія о Немъ не могли имѣть оттѣнковъ строго различныхъ отъ каноническихъ евангелій. Всѣ вѣрили, что Христосъ пострадалъ и умеръ за всѣхъ, доставивъ всѣмъ благодать во спасеніе; всѣ описывали жизнь Его въ простотѣ души и въ чувствѣ истины.

Но съ инымъ характеромъ должны были явиться апокрифическія евангелія, когда нашимъ каноническимъ писаніямъ начали усвоять въ церкви особенную каноническую важность. Особенно, какъ сказали мы, апокрифы должны были появляться въ это время, въ противоположность каноническимъ евангеліямъ и впрочемъ опираясь на нихъ. Въ то время, когда ученіе христіанское принимало болѣе опредѣленный характеръ, по своей формѣ, ересь получила большее развитіе и также наконецъ принимала болѣе опредѣленный видъ. Въ церкви, въ которую вошли Іудеи и язычники, начали отражаться своеобразные взгляды на Христа и на дѣло искупленія, Имъ совершеннаго; нѣтъ сомнѣнія, что въ это время являются и евангельскіе апокрифы, которые служили проводникомъ тѣхъ или другихъ еретическихъ началъ. Въ самомъ

дѣлѣ, переходя изъ одного состоянія въ другое, отъ одной вѣры къ другой, люди естественно не легко могли отрѣшаться отъ прежнихъ своихъ понятій,— и вотъ не оставляя ихъ, они лишь прибавляли къ нимъ новыя и подкрѣпляли ихъ тѣми или другими доказательствами того же писанія. Важно то, что еретики придавали своимъ апокрифическимъ евангеліямъ такую же цѣну, какъ церковь каноническимъ. Это понятно: потому что изъ нихъ, а не изъ устнаго преданія они могли лучше защищать то, что отцы церкви считали заблужденіемъ; съ другой стороны — сами еретики, нападая на учителей церкви, такъ же удобнѣе могли обратиться къ этимъ письменнымъ памятникамъ, чѣмъ къ устному преданію. Извѣстно, что еретическія евангелія происходили такого рода способомъ: еретики измѣняли по произволу евангельскій текстъ,—дерзко исключая то, чего не принимали; они измышляли новыя писанія, которымъ, усвоивъ апостольскія имена, давали такой же авторитетъ, какъ церковь своимъ каноническимъ. Какъ обыкновененъ былъ у еретиковъ подобнаго рода пріемъ перетолкованія евангельскаго ученія,—мы узнаемъ изъ свидѣтельства св. Иринея, который говоритъ о валентиніанахъ, что они стараются приводить въ свою пользу разныя свидѣтельства не только изъ евангелій и апостоловъ, навязывая имъ свой смыслъ и извращая самыя евангельскія сказанія, но даже изъ закона и пророковъ, когда многія притчи и аллегоріи, заимствованныя отсюда, толкуютъ превратнымъ образомъ, такъ, какъ они могутъ подтверждать ихъ выдумки ([1]). Впрочемъ, ученые поступали неправильно,

([1]) Haeres. I. III.

когда въ силу этихъ искаженій евангельскихъ истинъ, многіе еретическіе письменные памятники называли однимъ общимъ именемъ апокрифовъ. Правда, были извѣстны евангелія Керинеа и Карпократа, Маркіона и Апеллеса, а равно и другіе подобнаго рода, но они не ими изобрѣтены или составлены; они пользовались тѣми же каноническими писаніями,—то евангеліемъ Матоея, то Луки, смотря потому, какое въ виду ихъ еретическихъ цѣлей, больше нравилось имъ или подходило къ ихъ взглядамъ (¹). Подлѣ еретическихъ писателей, искажавшихъ каноническія книги, являлись авторы собственно, такъ называемыхъ, каноническихъ евангелій, излагая свои сказанія съ неограниченною свободою,—такъ какъ это нужно было въ виду предзанятыхъ ихъ мнѣній. Итакъ мы видимъ, что ереси, произшедшія въ силу различнаго пониманія цѣли пришествія Христова, послужили немаловажною причиною того, почему появились апокрифы (²).

(¹) Замѣчательно напр. выраженіе у Апеллеса ap. Epiph. haeres. XLIV. 82): Χρῶ ἀπὸ πάσης γραφῆς ἀναλέγων τὰ χρήσιμα. Также. Epiph. 54: Εἰ δὲ καὶ ἀβούλως λαμβάνεις ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς, [illegible] καταλιμπάνεις, ἄρα γοῦν κριτὴς προκαθέζεσαι и проч.

(²) Стоитъ замѣтить, что отцы церкви (напр. Ириней contr. haeres. I. 17. p. 86), обвиняя гностиковъ-еретиковъ въ составленіи апокрифическихъ писаній, въ частности самымъ злонамѣреннымъ баснословомъ считали нѣкоего Левкія Харина. Очень многіе и древніе и новые ученые считали его апостоломъ Манихеевъ, а по изслѣдованіямъ Бособра (Hist. Manich. I. praef. p. 13), онъ жилъ раньше Манеса, во II вѣкѣ. Отселѣ думали, будто ученіе Левкія было прямо Манихеямъ. Св. Епифаній (Haeres. 21. num. 6. p. 427) причислялъ этого еретика къ ученикамъ св. Іоанна, которые, по смерти св. апостола, защищали божество І. Христа, противъ Евіонитовъ. Но это несправедливо. Правда, Левкій по преимуществу нападалъ на антропологическое ученіе евіонитовъ, но его нападки вытекали совершенно изъ другихъ — именно гностическихъ представленій. Ученый Фабрицій различаетъ двухъ Левкіевъ — одного съ православнымъ направленіемъ, ученика Іоаннова, а другаго еретика—манихея. Вообще мнѣнія ученыхъ о личности Левкія Харина

Необходимо различать двоякій родъ апокрифической литературы—іудейской и греческой; потому что одни съ христіанскими понятіями соединяли іудейскія преданія, обычаи и законы, а другіе — философію, состоящую изъ восточныхъ и греческихъ элементовъ. Еллины считали своимъ призваніемъ опредѣлить «что такое гносисъ» и вообще представить болѣе понятными тѣ тайны вещей божественныхъ, которыя особенно привлекали вниманіе вѣрующихъ. Это направленіе перешло скоро и къ іудеямъ, — такъ что явилась іудейская и еллинская ересь, въ которой господствующимъ направленіемъ былъ гносисъ, переполненный іудейскими или греческими вымыслами.

Хвастающіеся знаніемъ высшей истины, гностики должны были внести изслѣдованія и въ самую христіанскую религію. Они не могли пренебрегать евангельскимъ словомъ,—оно пользовалось чрезвычайною славою и авторитетомъ,—да и не хотѣли оставить его безъ вниманія, считая себя способными болѣе другихъ разсуждать о высокихъ религіозныхъ истинахъ. Отсюда гностики противополагали каноническимъ евангеліямъ, мало благопріятствующимъ ихъ гностическому направленію, другія, которыя подтверждали бы ихъ нелѣпости и подъ внѣшнимъ титломъ апостольскаго происхожденія имѣли бы равный съ

очень разнообразны; всѣ они согласны только съ тѣмъ однимъ, что считаютъ его человѣкомъ весьма способнымъ измышлять ложныя ученія, противныя самостоятельному авторитету. Папа Геласій, въ своемъ декретѣ, называлъ его ученикомъ діавола, святотатственными устами и т. под. Левкій написалъ будто бы книгу Іакова, евангеліе о рожденіи Маріи, книгу о успеніи ея, евангеліе дѣтства, евангеліе κατὰ Πέτρον, Παράδοσις Матоея, Περίοδος τῶν Ἀποστόλων, въ которыхъ содержатся акты Петра, Іоанна, Андрея, Павла и друг. (См. Fabric. Codex. Apocr. t. II p. 784. sqq.).

первыми авторитетъ. Ложь, обыкновенно считающаяся гнусною въ глазахъ людей, пользовалась у гностиковъ особенною снисходительностію. Они попирали всѣ человѣческіе законы и вмѣняли ни во что самую общественную добродѣтель (¹). Понятно, что при такомъ образѣ дѣйствій, гностики безъ стыда могли воспользоваться какимъ угодно общественнымъ авторитетомъ для того только, чтобы такимъ средствомъ возвысить свои собственныя сочиненія. Злоупотребляя именами Зороастра, Лина и другихъ древнихъ для защиты и подтвержденія разныхъ вымысловъ, они считали также авторами своихъ басенъ святыхъ мужей ветхаго завѣта, какъ напр. Адама, Сиѳа, а также апостоловъ и даже самаго Іисуса Христа.

Итакъ, мы не преувеличимъ дѣла, если скажемъ, что евангелія апокрифическія въ большинствѣ своемъ обязаны гностикамъ; они вліяли въ свое время болѣе или менѣе на весь строй умственной жизни, такъ что оттѣнокъ ихъ направленія встрѣчается даже у писателей, вовсе не принадлежавшихъ къ ихъ сектамъ. Можетъ быть отчасти по подражанію имъ нѣкоторые изъ благочестивыхъ, но мало разумныхъ христіанъ, прибѣгали къ такъ называемой благочестивой лжи—pia fravs. Извѣстенъ разсказъ Тертулліана и Іеронима, что одинъ пресвитеръ въ Азіи, воспользовавшись именемъ св. апостола Павла, составилъ акты Павла и Ѳеклы, и на вопросъ, съ какою цѣлію онъ допустилъ подобнаго рода разсказъ, отвѣчалъ, что онъ сочинилъ его изъ любви къ Павлу. Подобнаго рода пріемомъ, люди, усердные къ вѣрѣ, думали защитить или отчасти восполнить ученіе хри-

(¹) Plotini verba Ennead. I L, 15; см. у Mosh. I. I. p. 251.

стіанское, подкрѣпить вѣрованія, которыя повидимому не были или не казались ложными, освятить или пополнить извѣстные пробѣлы изъ исторіи жизни Іисуса и т. п.. Нужно было опасаться сближенія гностическаго и православнаго направленія; потому что въ самыхъ гностико-апокрифическихъ произведеніяхъ, по видимому, появились такія вещи, въ которыхъ довѣрчивый умъ христіанина не мало видѣлъ добраго и считалъ его совершенно истиннымъ и православнымъ.

Апокрифическія сочиненія, которыми церковь христіанская особенно была волнуема въ первые три вѣка, находили поводъ къ своему появленію въ самыхъ каноническихъ евангеліяхъ. Это зависѣло отъ того, что наши св. евангелисты мало касались или даже проходили совершеннымъ молчаніемъ событія изъ жизни праведнаго Іосифа и св. Маріи, мало говорили о дѣтствѣ и отрочествѣ Іисуса, о томъ, что случилось при его страданіи и воскресеніи и т. под.. Къ этому надо прибавить еще исторію двухъ разбойниковъ, распятыхъ со Христомъ, а также исторію объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, о Никодимѣ, о Пилатѣ и о другихъ личностяхъ, такъ или иначе относившихся къ Божественному Страдальцу. И вотъ обширная ткань вымысловъ могла получить видъ истины, тѣмъ болѣе, что всѣ подробности о жизни Іисуса передавались устно, а не письменно. Такія вещи, не зная ихъ хорошо, передавали уже люди втораго и третьяго вѣковъ,—такъ что въ ихъ литаратурныхъ или письменныхъ памятникахъ естественно должны были вкрасться разныя подробности, также по видимому весьма важныя и знаменательныя съ точки зрѣнія вѣрующаго человѣка. Что же касается до чудесъ Іи-

суса, которыми также по апокрифамъ переполнено Его дѣтство, то въ виду своихъ цѣлей имъ придавали не малое значеніе даже самые православные христіане. Извѣстно ученіе гностиковъ, что Іисусъ, прежде чѣмъ крестился, былъ обыкновеннымъ человѣкомъ и что только при крещеніи сошелъ на Него Эонъ. Поэтому христіане легко могли допустить, какъ нѣчто истинное, что чудодѣйственная сила Мессіи открылась еще въ дѣтскомъ Его возрастѣ, чтобы еретики не могли говорить, что только на Іорданѣ сошелъ на Него Эонъ-Іисусъ въ видѣ голубя.

Если мы посмотримъ при этомъ на божественный характеръ Христа, на Его чудеса, или наконецъ на духъ всего Его ученія, то увидимъ, что простота и ясность, съ какою все излагается въ каноническихъ евангеліяхъ, а особенно въ трехъ синоптическихъ, не могли нравиться гностикамъ, которые предпочитали превратныя пониманія истины здравымъ мыслямъ,—которые желали лучше хвастаться суесловіемъ и ложными умствованіями, чѣмъ учить истинѣ и благочестію. На этомъ основаніи они измыслили, что ученіе Христа двоякаго рода,—что одно дано для употребленія народа, а другое предназначено только для немногихъ избранныхъ. Они говорили, что въ евангеліи все изложено примѣнительно къ воспріемлемости слушателей, что многія тайны его (евангелія) были ввѣрены однимъ ученикамъ и апостоламъ Христовымъ, которые въ свою очередь также передали эти тайны людямъ достойнымъ и способнымъ оцѣнить ихъ. Такъ какъ эта таинственная мудрость очевидно не была преподана самимъ Христомъ, то ее должны были выдумать сами ея проповѣдники. На самомъ

дѣлѣ, гностики не выяснили конечно существа христіанства и не могли увлечь за собой людей здравомыслящихъ, потому что религію христіанскую они низвели до степени холодной вѣры, чуждой всякаго высшаго воздѣйствія на душу, — тѣмъ не менѣе имъ слѣдовало не мало людей неискусныхъ и неразумныхъ, которые, въ простотѣ сердца, вѣрили ихъ еретическимъ выдумкамъ.

Наконецъ самое расположеніе евангельскихъ сказаній и другихъ каноническихъ книгъ и ихъ систематизація также не исключали возможности появленія многихъ апокрифическихъ сочиненій. Каноническія писанія оставляли еще не мало простора для разныхъ недоумѣній, въ виду догматическихъ понятій, историческихъ сказаній и т. п., особенно, если мы припомнимъ, что самые апостолы и евангелисты, совершенно опуская частности, записали въ своихъ посланіяхъ только то, что главнымъ образомъ касалось божественнаго искупленія и спасенія. Кромѣ того, были даже пункты, которые дѣйствительно съ формальной стороны еще не были выяснены совершенно въ церковныхъ вѣроопредѣленіяхъ. Такіе примѣры можно находить въ исторіи о дѣтствѣ св. Маріи, въ ученіи о божественной природѣ Іисуса Христа, о сошествіи Его во адъ, о воскресеніи съ Нимъ многихъ мертвыхъ и т. п. Такъ какъ установленныя вѣроопредѣленія не могли успокоить человѣческаго ума, такъ что между самими учителями церкви явились разнаго рода недоумѣнія и разногласія, то начали появляться такія произведенія того или другаго характера, которыя старались восполнить и освѣтить спорные пункты христіанской догматики и правилъ нрав-

ственной жизни. И удивительно ли, что въ то время не одно вѣрующее сердце довольствовалось разными вымыслами и чудесными сказаніями? Далѣе, то было время мало знакомое съ апокрифическими пріемами, когда падали древнія вѣрованія, а новыя не получили довольно точнаго внѣшняго формулированія,—логическаго опредѣленія. Люди нуждались въ божественномъ утѣшеніи для души; они старались перейти отъ худшаго къ лучшему; они искали спасенія въ христіанствѣ, хотя сущность его не совсѣмъ понимали. Отсюда тѣ, которые не могли обнять евангелія Христа всею душею и всѣми силами, готовы были вѣрить всему, что носило бы въ себѣ какіе-либо задатки новаго и чудеснаго; отсюда легко было смѣшать общественныя вѣрованія и священныя сказанія съ людскими вымыслами; здѣсь заключалась причина общей склонности ко всему необычайному; здѣсь развился, выражаясь по латини «nutrix» апокрифовъ. Это направленіе вѣка выразилось въ повѣствованіяхъ объ Аполлоніи Тіанскомъ,—не говоря о другихъ; тогда готовы были слѣдовать всѣмъ, которые своими пресловутыми сочиненіями стяжали славное имя, каковы Ѳліанъ и Апулей. Когда такое броженіе особенно замѣтно было среди язычниковъ, положеніе іудеевъ съ другой стороны, недавно раздираемыхъ велемудріемъ сектъ, съ явленіемъ Мессіи было не лучше. — Іудеи теряли свое политическое существованіе, самая вѣра отцевъ ихъ какъ бы умирала. Отсюда между самыми іудеями того времени замѣчается необыкновенный раздоръ, такъ что живущіе надеждою въ грядущаго Мессію часто заводили споры съ увѣровавшими въ Него; отсюда естественное развитіе раввинизма;

отсюда ужасные безпорядки и волненія подъ предводительствомъ Варкохавовъ и т. п.. Итакъ—въ періодъ подобнаго рода историческихъ событій очень легко могли появиться разнообразныя апокрифическія сказанія. Въ любопытныхъ и легковѣрныхъ не бываетъ недостатка никогда; а между тѣмъ, въ этотъ періодъ обстоятельства совершенно благопріятствовали такому броженію. Люди простые привязывались къ однимъ именамъ, за которыми усвоенъ былъ прочный авторитетъ; подъ обаяніемъ этого имени, они слѣдовали всему, не разбирая что́ истинно и что̀ ложно, такъ какъ, кажется, вполнѣ довольствовались тѣмъ только, что находили гдѣ нибудь что либо новое и необыкновенное. Апокрифы усвоялись не только апостоламъ и мужамъ апостольскимъ, но, какъ мы видѣли, греческимъ и другимъ богамъ и героямъ,—Орѳею, Гомеру, Зороастру, также мужамъ ветхозавѣтнымъ—Адаму, Моисею, Исаіи и другимъ. Какъ распространена была въ древности эта апокрифическая литература свидѣтельствуетъ уже св. апостолъ Павелъ, который во второмъ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ (II, 2; III, 17; сравн. I Тимоѳ. IV, 7 и Тит. I, 14) ясно намекаетъ на письма, выходящія подъ его именемъ и даже указываетъ признаки, по которымъ истинно-вѣрующіе могли бы отличать истинныя его посланія отъ подложныхъ.

Распространенію апокрифовъ много содѣйствовало положеніе, въ которомъ церковь Христова находилась въ первые вѣка. Извѣстно, что апостолы скоро должны были оставить свое отечество, чтобы слово благовѣстія преподать всему міру. Самые христіане, въ силу гоненій язычниковъ и іудеевъ, также должны были расходиться въ разныя страны. Но это разсѣя-

ніе христіанъ по разнымъ мѣстамъ, среди различныхъ націй, изъ которыхъ многія были различны по самому языку, было не малымъ препятствіемъ къ тому, чтобы апокрифъ, появившійся среди извѣстнаго христіанскаго общества, былъ тотчасъ же извѣстенъ другимъ или большинству обществъ, которыя единодушно разсмотрѣли бы его, и такимъ образомъ уничтожили бы зло въ самомъ его корнѣ. Одно общество, часто отдѣленное отъ другаго большимъ пространствомъ, не знало употребленія извѣстной книги въ обществѣ другомъ. Итакъ — прежде чѣмъ книга апокрифическая становилась общеизвѣстною и отвергалась, уже между тѣми, среди которыхъ она появилась и была въ употребленіи, достигала извѣстнаго авторитета. Мы знаемъ два примѣра въ подтвержденіе этой мысли. Одинъ случился при епископѣ Серапіонѣ, жившемъ въ концѣ втораго вѣка. Христіане его церкви (Россцы) долгое время пользовались съ особеннымъ уваженіемъ евангеліемъ Петра, совершенно не зная того, принимали ли его другія частныя церкви или нѣтъ ([1]). Другой примѣръ представляетъ намъ евангеліе Таціана, обыкновенно называемое διὰ τεσσάρων. По словамъ св. Θеодорита, среди Кипрскихъ обществъ въ его время найдено было болѣе двухъ сотъ экземпляровъ этого евангелія, которымъ они пользовались какъ сокращенною евангельскою книгою, вовсе неподозрѣвая никакого подлога въ ея происхожденіи ([2]).

([1]) Euseb. h. e. 1, 13.

([2]) Haer. fabul. 1, 20. Ἐχρήσαντο δὲ τούτῳ οὐ μόνοι οἱ τῆς ἐκείνης συμμορίας, ἀλλὰ καὶ οἱ τοῖς ἀποστολικοῖς ἑπόμενοι δόγμασι, τὴν τῆς συνθήκης κακουργίαν οὐκ ἐγνωκότες, ἀλλ' ἁπλούστερον ὡς συντόμῳ τῷ βιβλίῳ χρησάμενοι. Εὗρον δὲ κἀγὼ πλείους ἢ διακοσίας βίβλους τοιαύτας ἐν ταῖς παρ' ἡμῖν ἐκκλησίαις τετιμημένας и проч.

Наконецъ — размноженію апокрифовъ по смерти апостоловъ и ихъ ближайшихъ учениковъ содѣйствовало отсутствіе очевидцевъ событій изъ жизни Господа, которые одни по преимуществу могли разрѣшать разныя сомнѣнія и недоумѣнія. Послѣ смерти апостоловъ, обладавшихъ высшимъ авторитетомъ въ умиротвореніи церкви и въ примиреніи разныхъ распрей и несогласій, не было личностей, съ равнымъ имъ авторитетомъ въ дѣлѣ подробностей, касавшихся до жизни самаго Христа. Притомъ же, съ разсѣяніемъ апостоловъ ради проповѣданія истины въ разныя и отдаленныя страны, тѣмъ легче могъ кто-нибудь, тотчасъ же послѣ ихъ удаленія, выдавать свое псевдоевангеліе подъ именемъ того или другаго апостола. Только мало по малу, когда церковь начала собирать соборы, тѣ или другія частныя церкви могли видѣть, на сколько онѣ согласны между собою въ извѣстныхъ пунктахъ христіанскаго вѣроученія и на что надобно обратить особенное вниманіе и изслѣдованіе. Вообще чѣмъ менѣе было въ церкви обще-сосредоточенной власти, тѣмъ болѣе было обособленія въ жизни частныхъ обществъ, тѣмъ болѣе было простора къ распространенію и усиленію псевдоевангельскихъ книгъ.— Владычество Римлянъ не только не способствовало къ охраненію евангельской истины, но даже препятствовало нерѣдко ея истинному усвоенію и пониманію, когда воздвигало гоненія и возжигало костры для исповѣдниковъ Христовыхъ. Подъ вліяніемъ разгоряченнаго гоненіями воображенія нѣкоторые неумѣренные и неблагоразумные ревнители христіанства могли придумывать такія сказанія о своемъ Возлюбленномъ Учителѣ, которыя служили не къ возвели-

ченію, а къ умаленію и уничиженію Его божественной личности.

Таковы, думаемъ, общія причины происхожденія апокрифическихъ евангелій древней церкви. О большей части этихъ евангелій мы знаемъ только изъ свидѣтельствъ отцовъ, которые передали намъ отрывки и изъ многихъ другихъ апокрифовъ.

Переходимъ къ изслѣдованію не многихъ частныхъ изъ апокрифическихъ евангелій, которыя дошли до насъ при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ протекшихъ вѣковъ. Не всѣ изъ апокрифовъ одинаково важны и заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія и разбора; мы разсмотримъ только тѣ изъ нихъ, которые, благодаря трудамъ нѣмецкихъ ученыхъ, собраны въ одинъ составъ и которые такъ или иначе по своему содержанію важны въ виду нашихъ цѣлей. Такихъ евангелій обыкновенно насчитываютъ 8. Къ нимъ принадлежатъ: *Протоевангеліе Іакова*, *евангеліе Псевдо-Матѳея* или книга о рожденіи блаженной Маріи и о дѣтствѣ Спасителя; *евангеліе о рожденіи Маріи; исторія Іосифа древодѣла; евангеліе Ѳомы Израильтянина; евангеліе дѣтства* арабское и *евангеліе Никодима*, раздѣленное Тишендорфомъ на двѣ части: на *акты Пилата* и на *«Сошествіе Христа во адъ»*.

Написаны онѣ на различныхъ языкахъ: есть евангелія (ихъ три), написанныя на греческомъ языкѣ, есть—на арабскомъ (два) и на латинскомъ (два). На греческомъ по преимуществу извѣстны: евангеліе Іакова, Ѳомы и Никодима ([1]). Такъ какъ арабскія и

([1]) Не безъ причины ученый Тишендорфъ не помѣстилъ въ своемъ собраніи трехъ другихъ евангелій, принятыхъ въ изданіи Тило, т. е евангелія Маркіона, которое есть ничто иное, какъ евангеліе св. Луки, только искаженное этимъ ересеначальникомъ, и двухъ евангелій ложно

латинскія евангелія произошли отъ греческихъ, то мы обратимъ главнымъ образомъ свое вниманіе на первыя три и съ нихъ начнемъ свое изслѣдованіе.

I. Протоевангеліе Іакова ([1]).

Протоевангеліе Іакова, какъ обыкновенно называютъ его, судя по его древности и сравнительному достоинству съ другими апокрифическими евангелія-

приписываемыхъ св. Іоанну, изъ которыхъ одно было въ употребленіи у Храмовниковъ, а другое у Альбигойцевъ. Составленныя въ средніе вѣка, они не могутъ имѣть никакого отношенія къ роду тѣхъ писаній, которыя мы будемъ разсматривать.

([1]) Изданіе этого памятника на греческомъ и латинскомъ языкахъ началось съ XVI вѣка. Греческій текстъ его издалъ въ первый разъ Михаилъ Неандеръ въ приложеніи коллекціи апокрифическихъ повѣствованій къ катихизису Лютера, 1564 г. Но сюда-же 12-ю годами раньше внесенъ былъ и латинскій текстъ Ѳедоромъ Библіандеромъ изъ отрывокъ Вильгельма Постелла 1552 г. Толкованіе Постелла составлено было по другому, греческому кодексу, который и издалъ Неандеръ вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ Постелла въ упомянутомъ приложеніи. Спустя 2 года послѣ Неандера, 1567 г., издалъ въ лучшемъ и правильнѣйшемъ видѣ его текстъ Гриней въ памятникахъ ss. pp. Orthodoxographis. Спустя 136 л. послѣ Гринея, текстъ первоевангелія издалъ Фабрицій и присоединилъ къ нему толкованіе Постелла. Фабрицію въ 1722 г. послѣдовалъ Іонезій. Андрей Бирхъ издалъ тотъ же текстъ съ показаніемъ различія между Фабриціемъ и Гринеемъ, въ прибавленіи къ кодексу Фабриція. Наконецъ въ нашъ вѣкъ явилось первоевангеліе въ новомъ текстѣ, отличномъ отъ всѣхъ предъидущихъ, въ 1832 г.. Ученый Тило присоединилъ этотъ апокрифъ къ своему апокрифическому кодексу новаго завѣта, показалъ различіе въ чтеніи 8 кодексовъ, сдѣлалъ подъ текстомъ множество замѣчаній и присоединилъ къ нему еще толкованіе Постелла. Онъ пользовался парижскимъ кодексомъ почти X вѣка, почему Тишендорфъ и отдалъ преимущество изданію его передъ всѣми предшествовавшими. Въ 1842 г. вновь издана была книжка съ надписаніемъ: «Первоевангеліе Іакова; взялъ изъ кодекса Венеціанской библіотеки и издалъ со введеніемъ и критическими замѣчаніями С. А. Сукковій». Но изданіе Сукковія не заслуживаетъ одобренія, потому что онъ изсказилъ и съузилъ текстъ самаго подлинника. Наконецъ Тишендорфъ присоединилъ къ прежнимъ чтеніямъ еще 17 кодексовъ. Къ этому онъ прибавилъ еще чтеніе изъ этого евангелія у церковныхъ писа-

ми, по справедливости занимаетъ первое мѣсто. Оно
выдерживаетъ названіе протоевангелія даже по са-
мому содержанію своему, потому что разсказываетъ
о событіяхъ, непосредственно предшествовавшихъ
евангельской исторіи. Къ какой сектѣ принадлежалъ
составитель этой книги, или, что тоже, съ какою цѣ-
лію она составлена — вопросъ слишкомъ запутанный
и возбуждавшій не мало недоумѣній между уче-
ными ([1]). Одни, какъ напр. Аренсъ ([2]) утверждали,
что евангеліе написано гностикомъ Левкіемъ или,
можетъ быть, другимъ какимъ нибудь докетомъ; дру-
гіе (Клёкеръ) ([3]) приписывали его евіониту; иные же

телей. Таковы напр. чтенія у лже-Епифанія, Германа патріарха, Геор-
гія Никомидійскаго, Іакова монаха и др. Многія изъ этихъ мѣстъ при-
водятся у Тило и даже еще у Фабриція, но Тишендорфъ провѣрилъ
ихъ по самымъ источникамъ и сличилъ со множествомъ кодексовъ. Онъ
первый критически разобралъ все, что доселѣ сдѣлано было на счетъ
этого памятника. См. Тишендорфа, Evang. apocr. Prolegomena.

([1]) Въ концѣ своего сказанія (25 гл.) авторъ называетъ себя Іа-
ковомъ, написавшимъ эту исторію въ Іерусалимѣ. Это имя ближай-
шимъ образомъ указываетъ на Іакова, брата Господня, такъ какъ это-
му лицу, по его семейному положенію, весьма легко было знать подроб-
ности событій, излагаемыхъ въ первоевангеліи. Но церковь не при-
знавала этой книги дѣйствительно происшедшею отъ означеннаго ли-
ца, да и не знала ее подъ такимъ именемъ до самыхъ позднихъ вре-
менъ. Самое древнѣйшее надписаніе этой книги по древнимъ кодексамъ
таково: «Исторія о томъ, какъ родилась Пресв. Богородица для наше-
го спасенія»; или еще: «Историческое слово о зачатіи и рожденіи Пресв.
Богородицы». Имя же Іакова апостола и брата Господня усвоено про-
тоевангелію какою-либо досужею рукою позднѣйшихъ писателей,—по-
тому что въ кодексахъ 16-го и 17-го ст. мы дѣйствительно уже нахо-
димъ совершенно другаго рода заглавіе этой книги, каковы напр.: «Исто-
рія Іакова, брата Господня, о рожденіи Пресвятой Богородицы» (Тило.—
Cod. L, стр. 62), или: „святаго славнаго и достохвальнаго апостола Іа-
кова, брата Господня, повѣствованіе о рожденіи Пресвятой Богородицы
и Приснодѣвы Маріи" (Cod. Catal. D., 1567 г.).

([2]) Arens, de Evang. Apocryph. in canonic. usu и д. p. 12.

([3]) Lib. Aechtheit der Schriftlich. Urkunde des Christ. Vol. v. Von
der Apocryph. des N. T. p. 193 sg.

(Рöсслеръ) усвояли его исключительно христіанину—лицу Православному (¹), а нѣкоторые, какъ Тишендорфъ старались доказать, что, составленное христіаниномъ, оно было дополнено разными гностическими баснями (²). Мы думаемъ, что тѣ, которые въ настоящей редакціи евангелія ничего не видятъ, кромѣ благочестиваго обмана, мало были знакомы съ состояніемъ догматическихъ представленій, характеризовавшихъ второе столѣтіе христіанской эры и потому скорѣе отдаемъ предпочтеніе Тишендорфу, что протоевангеліе Іакова написано іудеемъ-христіаниномъ, произведеніе котораго могло потерпѣть потомъ разныя гностическія прибавки и дополненія.

Дѣйствительно, сýдя по содержанію исторіи, авторомъ книги можно назвать и гностика и евіонита. Мнѣніе объ евіонитскомъ происхожденіи книги очевидно основывается на словахъ св. Епифанія, который очень ясно говоритъ, что евіониты выдумывали свои книги, коварнымъ образомъ усвояли ихъ Іакову, Матѳею или другимъ ученикамъ Іисуса (³). Такъ какъ никакой другой книги, которая надписывалась бы именемъ Іакова, неизвѣстно, то обыкновенно и представляли, что Епифаній имѣлъ въ виду разсматриваемое псевдоевангеліе. Но при этомъ представляются слѣдующія затрудненія, препятствующія по видимому приписать первоевангеліе Іакова евіониту. Извѣстно, что евіониты, отвергая сверхъестественное рожденіе

(¹) Proll. § 336.

(²) Proll. § 27 p.

(³) Haeres. XXX. Ebion., num. 23. Τῶν δ' Ἀποστόλων τὰ ὀνόματα εἰς τὴν τῶν ἠπατημένων ὑπ' αὐτῶν πειθὼ προσποιητῶς δέχονται βίβλους τε ἐξ ὀνόματος αὐτῶν πλασάμενοι ἀνεγράφαντο δῆθεν ἀπὸ προσώπου Ἰακώβου καὶ Ματθαίου καὶ ἄλλων μαθητῶν.

Христа отъ Дѣвы, считали его другимъ Моисеемъ, только болѣе высшимъ пророкомъ. Да и самъ Епифаній свидѣтельствуетъ, что такимъ страннымъ образомъ о Христѣ Евіониты разсуждали подъ вліяніемъ Елксея (¹), а Елксей, какъ извѣстно, смотрѣлъ на христіанство только какъ на возстановленіе чистаго іудейства, безъ примѣси различныхъ фарисейскихъ вѣрованій и традицій. И такъ и по Епифанію выходитъ, что Христосъ, по представленію евіонитской секты, былъ простымъ человѣкомъ. Но, съ другой стороны церковный историкъ Евсевій даетъ другаго рода свидѣтельство, что нѣкоторые изъ нихъ допускали рожденіе Христа отъ Дѣвы и Св. Духа (²). Такимъ образомъ Евсевій и св. Епифаній не даютъ положительнаго свидѣтельства въ пользу евіонитскаго происхожденія псевдоевангелія и разнорѣчивыми своими показаніями касательно ученія евіонитовъ о рожденіи Іисуса, стоятъ ни «за», ни «противъ» этой мысли.

Аренсъ (³) отвергаетъ происхожденіе книги отъ евіонита на томъ между прочимъ основаніи, что считалъ автора мало знакомымъ съ іудейскими обрядами. Въ этомъ отношеніи онъ особенно указывалъ на два случая: на разсказъ о томъ, что безплодный Іоакимъ идетъ приносить свои дары Богу и что Марія представляется воспитывавшеюся въ храмѣ только до 12 лѣтъ. Но, по нашему мнѣнію ошибочно представлять, будто Іоакимъ не могъ приносить Богу священныхъ даровъ по причинѣ своего безплодія. Текстъ еванге-

(¹) Epiph. haeres XXX, 3.

(²) Euseb. histor. eccles. III, 27: ἄλλοι δὲ .... ἐκ παρθένου καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος μὴ ἀρνούμενοι γεγονέναι τὸν κύριον.

(³) De evangel. apocryph. in canonicis usu и проч. 1835. p. 13.

лія даетъ лишь понять, что Рувимъ-первосвященникъ, зная Іоакима за человѣка благочестиваго, считалъ его, какъ не давшаго сѣмени во Израили, недостойнымъ только того, чтобы онъ первый приносилъ ихъ. Другое же замѣчаніе ученаго вовсе не важно и совершенно не имѣетъ того значенія, какое обыкновенно хотятъ навязать ему, потому что іудей, или христіанинъ изъ іудеевъ, очень естественно могъ умолчать о законахъ, бывшихъ до разрушенія храма, — да и нѣтъ нужды требовать, чтобы въ своей книгѣ онъ долженъ былъ буквально слѣдовать имъ. Толковали же нѣкоторые іудейскіе учители, что дѣвство едва сохраняется неоскверннмымъ до третьяго года ([2]), — и іудей не увлекся же этими бреднями, потому что, говоря о воспитаніи Маріи при храмѣ только до двѣнадцатилѣтняго возраста, онъ хотѣлъ вѣроятно сблизить свое указаніе съ повѣствованіемъ евангелиста Луки (II, 42) о томъ же возрастѣ Христа, бесѣдующаго во храмѣ Іерусалимскомъ съ іудейскими учителями.

Между тѣмъ въ пользу того, что авторъ книги іудей, т. е. христіанинъ изъ іудеевъ, можно представить гораздо больше доказательствъ изъ самой же этой книги. Таково, напр. упоминаніе о постѣ Іоакима, продолжавшемся сорокъ дней и сорокъ ночей по примѣру Моисея, Иліи, Іисуса Христа, о сѣтованіи на безплодіе родителей Маріи, уже достигшихъ преклонныхъ лѣтъ, о золотой дощечкѣ первосвященника, по блеску которой опредѣлялись безвинность или преступность людей, объ обѣтѣ Анны, по примѣру матери Самуила, посвятить свое дитя Богу. Эту же

([1]) Tilo, Cod. apocryph. Nov. Test. T. 1. p. 357.

мысль подтверждают слова первосвященника къ Іосифу о мужахъ, нѣкогда противившихся Господу (участь Карея, Даѳана и Авирона), чаша воды обличенія, равно какъ исторія объ убійствѣ Захаріи, а наконецъ и весь разсказъ этого евангелія: все это такого рода вещи, которыя прямо бросаются въ глаза. Если и встрѣчаются въ этомъ евангеліи нѣкоторыя данныя, — что́ даетъ право представлять автора гностикомъ, то ихъ одинаково можно усвоить и гностику-евіониту. Такъ представленія, что Марія получала пищу изъ рукъ ангела, что она была удалена отъ общенія мужскаго и, наконецъ, что она родилась, выражаясь словами псевдоевангелиста «praeter morem humanum», одинаково также согласны съ похвалою и ученіемъ евіонитовъ о дѣвствѣ (¹). То, что Марія, на подобіе голубя, воспитывалась въ храмѣ и что голубь, какъ божественный вѣстникъ, вылетѣлъ изъ жезла Іосифа, очевидно также можетъ быть объяснено съ іудейской точки зрѣнія, такъ какъ іудеи считали голубя символическимъ знакомъ чистоты и вѣстникомъ небесъ (²). А что касается до того, что авторъ, въ послѣдней главѣ, прославляетъ Бога, открывшаго ему тайны сіи и заповѣдавшаго передать ихъ избраннымъ или духовнымъ (τοῖς πνευματικοῖς), то подобнаго рода пріемомъ, если только не считать этихъ словъ позднѣйшею вставкою, пользовались всѣ, находящіеся подъ вліяніемъ гностическихъ представленій. Особенно важно въ этомъ отношеніи замѣчаніе автора, что рожденіе Христа отъ Дѣвы совершилось внѣ всякихъ законовъ человѣческой природы,

(¹) Epistl. haer. 10, 11.
(²) Winer: biblishes Realwörterbuch. p. 556.

что Марія тотчасъ же послѣ рожденія испытана была бабкою и найдена дѣвою, что Іосифъ-старикъ и престарѣлый — принимаетъ Марію не для замужества, но для храненія [1] ея, что онъ находился въ законномъ супружествѣ съ другою женою, отъ которой, по упоминанію евангелистовъ, родились братья Іисуса и т. п. [2], потому что все это по большей справедливости, могло произойти отъ евіонита-гностика, ибо между самыми евіонитами и между сродными имъ назареями были различныя мнѣнія объ этомъ предметѣ.

Въ подтвержденіе евіонитскаго происхожденія книги и въ опроверженіе противнаго мнѣнія (что она исключительно гностическаго происхожденія) можно указать на слова въ концѣ 24-й гл.: «Христа во плоти пришедша» (Χριστὸν ἐν σαρκὶ ἐληλυθότα). Въ текстѣ Тило опущено это выраженіе «во плоти», а между тѣмъ Тишендорфъ прибавляетъ его, на основаніи самыхъ древнихъ кодексовъ евангелія, итальянскаго и венеціанскаго. На важность этого свидѣтельства тѣмъ болѣе можно положиться, что чтеніе Тило могло проистекать изъ выраженія Луки (11, 26), тогда какъ «во плоти пришедша» изъ словъ евангелиста Іоанна (1 посл. IV, 2). А если такъ, то авторъ книги не можетъ быть докетъ. Нашей мысли не противорѣчитъ

(1) Отсюда съ величайшею осторожностію св. дѣва называется: ἡ παῖς—p. 226, ἡ νέα p. 222, а не ἡ γυνή; и о св. Іосифѣ говорится, что онъ παραλαβεῖν αὐτὴν εἰς τήρησιν p. 208 и 210.

(2) Весьма важное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что евангеліе Петра, которое очевидно принималось и самими евіонитами, по тексту Оригена также содержитъ вымыселъ о сыновьяхъ Іосифа отъ перваго его супружества. Ср. Orig. commen. in evang. Matth. T. II. p. 223. ed. Huet: τοὺς δὲ ἀδελφοὺς Ἰησοῦ φασί τινες εἶναι ἐκ παραδόσεως ὁρμώμενοι τοῦ ἐπιγεγραμμένου κατὰ Πέτρον εὐαγγελίου ἢ τῆς βίβλου Ἰακώβου υἱοὺς Ἰωσὴφ ἐκ προτέρας γυναικὸς и проч..

вполнѣ согласная съ докетическими представленіями исторія о бабкѣ, испытавшей дѣвство Маріи, такъ какъ гностики, которые дѣйствительно допускали мысль о кажущемся или эѳирномъ тѣлѣ Христа, по свидѣтельству Терлулліана ([1]) и Епифанія ([2]) держались нѣкоего апокрифическаго пророчества Іезекіиля «*de vacca, quae peperit et non peperit*» и утверждали, что пророкъ относилъ это пророчество къ Маріи. Значитъ и въ отношеніи этого догмата было нѣкотораго рода согласіе между гностиками вообще и гностиками евіонитами.

Наконецъ, самое замѣчаніе Епифанія, что евіониниты считали апостола Іакова болѣе компетентнымъ авторомъ своихъ произведеній, имѣетъ тѣмъ большую важность, что, по свидѣтельству псевдо-клементинъ, онъ пользовался у нихъ особеннымъ уваженіемъ. Отсюда и авторъ евіонитъ не находилъ надежнымъ ни одного имени изъ учениковъ Іисуса Христа, которымъ онъ могъ бы возвысить авторитетъ своей исторіи, кромѣ имени апостола Іакова.

Но кѣмъ бы ни было написано это евангеліе, во всякомъ случаѣ оно относится къ глубокой древности. Начиная съ 4-го вѣка мы находимъ непрерывный рядъ свидѣтельствъ о немъ у св. Григорія Нисскаго (394 г.), св. Епифанія Кипрскаго (403 г.), въ толкованіи на шестодневъ, приписываемомъ св. Евстафію Антіохійскому, у св. Андрея Критскаго ([3]) и другихъ.

([1]) De carne Chr. гл. 30.

([2]) Haer 30, 30.

([3]) Григорія Богослова Oratio in diem natae. Christi opp. Paris 1616 г. XXII, стр. 778. Евстафія—Comment. in Hexaëmeron ed. Allat. См. у Фабриція Cod. apocr. N. T. I, стр. 41 —44. Епифанія haeres LXXIX, 85 ed. Petav. haeres LXXVIII, 87. См. историческое ученіе объ отцахъ церкви преосв. Филарета, т. 2, стр. 29.

Слѣды же извѣстности его восходятъ къ III и даже ко II вѣку христіанства. Если Климентъ Александрійскій неопредѣленно указываетъ на описанное въ 20 главахъ первоевангелія обстоятельство (¹), то нѣкоторыя признаки довольно ясно свидѣтельствуютъ, что это писаніе было извѣстно Іустину мученику (²). А ученикъ Климента Оригенъ (въ 1-й половинѣ третьяго вѣка) въ толкованіи на евангеліе Матѳея говоритъ о книгѣ Іакова, какъ книгѣ извѣстной, ставя ее рядомъ съ апокрифическимъ евангеліемъ Петра (³). Все это даетъ основаніе относить первоевангеліе ко второй половинѣ втораго вѣка. Это же самое подтверждается (⁴) догматическими положеніями, около которыхъ вращается авторъ. Доказать, что дѣвство Маріи сохранилось въ рождествѣ и что Іисусъ не есть сынъ Іосифовъ, а сынъ Божій, представлялось благовременнымъ и необходимымъ въ то время, когда между евіонитами и назореями, керинѳянами и маркіонитами, было мнѣніе объ Іисусѣ, какъ истинномъ сынѣ Іосифа и Маріи, когда извѣстный Трифонъ поносилъ евангелистовъ, будто они изъ молодой женщины (νεᾶνις) Исаіи (VII, 14) сдѣлали дѣву (παρθένος), когда Цельсъ издѣвался надъ Іисусомъ, что столько же правды въ рожденіи Его отъ Дѣвы, сколько и въ басняхъ греческихъ о данеяхъ, меланитахъ и тому подобныхъ, когда многіе вѣрили, что у Іисуса были

(¹) Strom. VII, стр. 889, ed. Potter, стр. 756, ed. Colon.

(²) Разговоръ съ Трифономъ, гл. 78. См. Тишендорфа Evang apocr. стр. 38, въ примѣч.

(³) Comment. in Matth. tom. V. pag. 223. ed. Huet. τοὺς δὲ ἀδελφοὺς Ἰησοῦ φασί τινες εἶναι ἐκ παραδόσεως, ὁρμώμενοι τῷ ἐπιγεγραμμένῳ κατὰ Πέτρον εὐαγγελίῳ ἢ τῆς βίβλου Ἰακώβου υἱοὺς Ἰωσὴφ ἐκ προτέρας γυναικὸς и пр.

(⁴) Сукковія Comment. hist. crit. de Protoevang. Jacobi. P. I. de argum. et. indole, Vrati. 1830 г.

родные братья, — даже напр. у Іосифа (in Ant. XX. 9, 1) Іаковъ прямо называетсл братомъ Іисуса Христа (τοῦ λεγομένου Χριστοῦ).

2) Евангеліе Ѳомы (1).

Съ какою цѣлію и какимъ авторомъ написано это «евангеліе дѣтства» ученые также расходятся во мнѣніяхъ. Клекеръ говоритъ, что безсмысленныя басни этого евангелія написаны совершенно въ іудейскомъ духѣ (2) и что измыслилъ ихъ дѣтскій и грубый умъ празднаго іудея. Однако такое мнѣніе ученаго совершенно не справедливо; видно, что онъ не обратилъ вниманія на многое другое, въ чемъ выра-

(1) Древніе кодексы не даютъ ему названія «Евангелія»; потому Тишендорфъ весьма справедливо называетъ его „сказаніемъ“ или „Исторіею Ѳомы о дѣтствѣ Господа“. Онъ нашелъ большое число этихъ рукописей, различіе которыхъ заставило его внести въ свой кодексъ апокрифовъ тройной текстъ: два греческихъ и одинъ латинскій. Заглавія этихъ текстовъ таковы: а) Θωμᾶ Ἰσραηλίτου φιλοσόφου ῥητὰ εἰς τὰ παιδικὰ τοῦ Κυρίου. Этотъ отрывокъ содержитъ описаніе дѣтства Іисуса отъ 5 до 12 л. возраста,—въ 19-ти главахъ; б) Σύγγραμμα τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Θωμᾶ περὶ τῆς παιδικῆς ἀναστροφῆς τοῦ Κυρίου. Эта рукопись обнимаетъ время отъ 5 до 8 л. возраста Іисуса въ 11 главахъ; с) Tractatus de pueritia Iesu secundum Thomam,—обнимающій время отъ бѣгства Св. семейства въ Египетъ до 8 л. возраста Іисуса, въ 15 главахъ. Въ другихъ кодексахъ отысканныхъ Тишендорфомъ, евангеліе Ѳомы носитъ также различныя надписанія; такъ въ парижскомъ кодексѣ оно озаглавливается: Λόγος εἰς τὰ παιδικὰ καὶ μεγαλεῖα τοῦ Κυρίου и проч. Впрочемъ, отъ различія самаго заглавія книги нельзя заключать къ различію ея содержанія и происхожденія. Подъ разными заглавіями оно встрѣчается у церковныхъ учителей и отцовъ (Златоуста, Анастасія Синаита, Евфимія Загабена и др.). Но тѣмъ не менѣе никто не думалъ считать разныя редакціи книги различными по самому ихъ содержанію. Нѣкоторыя мѣста, встрѣчаемыя въ твореніяхъ св. Иринея, напр. объ обученіи Іисуса грамотѣ, такъ сходны съ подобными же мѣстами кодекса Тишендорфа, что онѣ даютъ намъ полное право считать книгу, указанную св. отцемъ, тождественною съ кодексами лейпцигскаго ученаго.

(2) Cj. I. I. стр. 206 Sie ist in einem ganz hrmninen gemeinen judischen geschmack geschrieben.

зилась далеко не одна грубая простота іудействующаго умствованія.

Многіе другіе изслѣдователи, какъ напримѣръ Бособръ [1], подъ вліяніемъ авторитета св. Кирилла Іерусалимскаго, считали авторомъ нѣкоего манихея, такъ какъ св. отецъ въ своемъ четвертомъ огласительномъ поученіи говоритъ: «написали также манихеи евангеліе Θомы, надѣясь самымъ названіемъ его (именемъ евангелія) обольстить и растлить души непросвѣщенныхъ» (τῶν ἁπλουστέρων); въ 5-мъ своемъ поученіи онъ совершенно запрещаетъ читать его—это евангеліе отъ Θомы; потому что, замѣчаетъ отецъ, оно написано не апостоломъ Христовымъ Θомою, а однимъ изъ гнуснѣйшихъ учениковъ скопища Манеса. Въ этихъ свидѣтельствахъ св. отца мы видимъ подтвержденіе двухъ мыслей, что манихеи сложили евангеліе отъ Θомы, и что Θома, имя котораго носитъ книга, не апостолъ Христовъ, а ученикъ Манеса. Замѣчательно, что папа Геласій, великій поклонникъ и послѣдователь св. Кирилла, въ своемъ декретѣ говоритъ [2], что это евангеліе не написано манихеями, а только было въ ихъ употребленіи, что евангеліе подъ именемъ Θомы апостола, которымъ пользовались манихеи, апокрифъ. Итакъ, что манихеи по крайней мѣрѣ пользовались этою книгою,— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, между тѣмъ какъ мысль, что авторъ ея былъ манихей заключалась только въ догадкѣ св. Кирилла. Не нужно забывать, что эту книгу св. отецъ первый видѣлъ въ употребленіи у манихеевъ и потому пришелъ къ догадкѣ,

(1) Histoire critique de Manich. I. p. 314.
(2) См. у Тило—Cod. Apocryph. Prol. p. 81 sqq. CXV.

что ими же она и написана. Онъ слышалъ, что это евангеліе у манихеевъ называлось евангеліемъ Ѳомы, а такое имя было усвоено ученику Манеса; видно, думалъ онъ, и писатель ея этотъ послѣдній. Однако такое представленіе совершенно ложно, потому что прежде Ѳомы манихеянина, это евангеліе цитовалось не только Оригеномъ ([1]), но и св. Иринеемъ, который взялъ отселѣ сказку объ обученіи граматѣ отрока Іисуса ([2]).

Вѣрнѣе думать, что евангеліе Ѳомы написано какимъ-либо гностикомъ докетомъ, изъ секты Валентіанина Марка. Самое названіе учителя этой секты «волхвомъ» показываетъ, что, находясь подъ вліяніемъ мистическаго символизма, онъ углублялся въ тайны науки гораздо болѣе, чѣмъ другіе валентиніане. Маркъ съ тщеславіемъ говорилъ, что онъ владѣетъ откровеніемъ въ собственномъ смыслѣ, которое одно, по его словамъ, имѣло значеніе божественныхъ глаголовъ. Изобрѣтательный на самыя дикія аналогіи, онъ старался приблизить къ своему гностическому пониманію даже самое божественное существо посредствомъ сложенія и соотношенія буквъ алфавита. Вотъ почему святые отцы считали его составителемъ многихъ мистическихъ и апокрифическихъ книгъ. Неудивительно, что и ученики не уступали учителю въ сочинительствѣ подобныхъ произведеній. Держась одного общегностическаго александрійскаго представленія

([1]) Proem. in. Lucam.

([2]) Cf. adv. haer. I, 20: προσλαμβάνουσι δὲ εἰς τοῦτο κἀκεῖνο τὸ ῥᾳδιούργημα, ὡς τοῦ Κυρίου παιδὸς ὄντος καὶ γράμματα μανθάνοντος, καὶ τοῦ διδασκάλου αὐτῷ φήσαντος, καθὼς ἔθος ἐστίν, εἰπὲ ἄλφα, ἀποκρίνασθαι τὸ ἄλφα. Πάλιν δὲ τὸ βῆτα и проч. См. у Тило I. I. p. 292, въ концѣ.

объ эманаціи всего изъ общаго начала всѣхъ вещей (божественной плиромы) и считая матерію причиною зла въ мірѣ, или по меньшей мѣрѣ отрицаніемъ или ограниченіемъ добра, они учили, что дѣло искупленія и возсоединенія отторгшихся отъ Плиромы тварей могло быть совершено существомъ, чуждымъ всякой матеріи (ὕλη) и не соединеннымъ съ нею по самой противоположности своей природы. Мессія, по понятіямъ докетовъ долженъ былъ принести съ собою на землю небесное ефирное тѣло, которое повидимому подчинялось всѣмъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ и впечатлѣніямъ, на самомъ же дѣлѣ стояло внѣ условій жизни земной и человѣческой. Вслѣдствіе такого докетическаго начала, гностики естественно могли придти къ мысли обставить отрочество Іисуса такими знаменіями и чудесами, которыя вполнѣ подтверждали бы ихъ докетическій взглядъ. Тимоѳей, пресвитеръ Константинопольскій, оставившій каталогъ манихейскихъ книгъ ([1]), замѣчаетъ, что разсказы о дѣтствѣ Іисуса имѣютъ въ виду главнымъ образомъ доказать призрачность его человѣчества и отвергнуть истину его вочеловѣченія,—и вотъ чѣмъ можно кажется объяснить, почему манихеи такъ расположены были къ евангелію Ѳомы; ибо извѣстно, что по примѣру докетовъ, они также представляли тѣло Іисуса только «кажущимся» ([2]). Вообще евангеліе Ѳомы, сколько намъ думается, своими разсказами объ отроческихъ чудесахъ Іисуса, хотѣло обойти два крайнихъ мнѣнія о Его лицѣ; во первыхъ мнѣніе евіонитовъ,

([1]) См. Thilo 1. 1. prolegom. 83 стр.

([2]) ἃ συνέταξαν οἱ αὐτοὶ θέλοντες δόκησιν ἀποφῆναι τὴν σάρκωσιν αὐτοῦ καὶ οὐκ ἐν ἀληθείᾳ.

которые представляли Христа только простымъ человѣкомъ; во вторыхъ ученіе тѣхъ, которые, подобно Кериноу, Василиду и другимъ, раздѣляли Іисуса отъ Христа и разсуждали, что, по крайней мѣрѣ, прежде своего крещенія Онъ былъ не болѣе какъ человѣкъ. Что чудесами подобнаго рода, навязанными отроку Іисусу, гностики хотѣли доказать свое ученіе объ одной божественной Его природѣ, - это между прочимъ можно подтвердить самыми обличеніями отцевъ церкви, которыя поэтому случаю онѣ направляли противъ гностиковъ. Такъ Анастасій Синаитъ свидѣтельствуетъ, что Мелитонъ Сардійскій такимъ образомъ писалъ противъ Маркіона: «божество свое явилъ Іисусъ въ знаменіяхъ и чудесахъ черезъ тридцать лѣтъ, послѣ крещенія, а человѣчество свое—въ продолженіи тридцатилѣтней жизни, проведенной среди людей (¹). Св. Златоустъ и Евфимій Зигабенъ (²) очень ясно свидѣтельствуютъ, что чудеса подобнаго рода, если бы въ самомъ дѣлѣ и совершилъ ихъ отрокъ, скорѣе указывали бы на призрачную его плоть, а не дѣйствительную. Очевидно, что отцы не стали бы дѣлать подобной замѣтки, если бы не были достаточно знакомы съ баснями докетовъ объ отроческихъ чудесахъ Іисуса. Только одинъ св. Епифаній разсуждалъ въ этомъ отношеніи довольно своеобразно, когда допускалъ, что отрокъ Іисусъ дѣйствительно долженъ былъ совершить въ отроческомъ возрастѣ чудеса, чтобы отклонить всякую мысль, будто на Христа человѣка сошелъ Эонъ Іисусъ въ видѣ голубя

(¹) Cf. Routh: Reliq. sacr. 115, въ гл. 13.
(²) Euth. Zigab. ad Joh. 2. 11. et Chrysost. hom XXI и XXIII ad eundem locum.

только во время крещенія (¹). Что въ евангеліи Ѳомы всего естественнѣе видѣть докетическія представленія это подтверждается не только отроческими чудесами Іисуса, но и самымъ характеромъ этихъ чудесъ, которыя указываютъ въ немъ скорѣе призракъ, чѣмъ человѣка. Для примѣра—вотъ нѣсколько докетическихъ изрѣченій, взятыхъ изъ самаго псевдоевангелія: «прежде вѣковъ Я, и знаю, какъ родились отцы отцовъ вашихъ и сколько лѣтъ вашей жизни на землѣ»; «по истинѣ Я знаю, когда сотворенъ міръ»; это дитя не испытало рожденія («ἀγγενής ἐστιν»); оно родилось прежде созданія міра»; по 18-й гл., толпа восклицаетъ: это дитя небесное; всякое слово его есть уже и дѣло; по истинѣ сей или Богъ или ангелъ Божій». Что всѣ эти мѣста особенно послѣднія, могутъ подтвердить нашу мысль о гностическомъ происхожденіи книги, не можетъ быть и сомнѣнія. Наконецъ подтвержденіемъ этой же мысли можетъ служить разсказъ объ аллегорическомъ значеніи буквъ алфавита, какое открылъ Іисусъ своему учителю. Это сказаніе весьма сходно съ разсказомъ, извлеченнымъ св. Иринеемъ изъ книги послѣдователей гностика Марка, такъ что или они пользовались книгою Ѳомы или псевдо-Ѳома ихъ книгою. Итакъ мы съ вѣроятностію полагаемъ, что евангеліе Ѳомы написано кѣмъ-либо изъ послѣдователей Марка; потому что хотя въ ней не мало и другихъ гностическихъ представленій,

(¹) Haer. LX; впрочемъ и самъ св. Епифаній не придавалъ никакого значенія евангелію Ѳомы и называлъ его неболѣе какъ собраніемъ забавныхъ анекдотовъ, потому что въ другомъ мѣстѣ онъ выражается такимъ образомъ: οὐ γάρ ὅλως τι τῶν θεοσημείων καὶ τοῦ κηρύγματος πρὸ τοῦ πειρασμοῦ ὁ Χριστὸς εἰργάσατο, εἰ μήτι ἃ ᾄδεται περὶ αὐτοῦ ἐν παιδὶ πεποιηκέναι, ὡς ἐν παιγνίῳ ὥς τινες φάσκουσιν.

за то совершенно не извѣстно, чтобы аллегорическая игра въ буквы нравилась другимъ какимъ-либо гностикамъ, кромѣ послѣдователей Марка. Отъ нихъ оно перешло къ остальнымъ докетамъ, и во первыхъ къ манихеямъ, а затѣмъ и къ христіанамъ, которые въ довѣрчивости своего чувства не подозрѣвали коварнаго умысла при ея составленіи.

Что касается до времени происхожденія книги, то глубокая древность ея подтверждается уже тѣмъ однимъ, что она должна быть признана произведеніемъ одного изъ послѣдователей гностика Марка,—принадлежавшаго къ сектѣ Валентина. Книга эта появилась раньше самого св. Иринея и кажется не долго спустя послѣ половины втораго вѣка. Къ свидѣтельству св. отца можно прибавить еще замѣчаніе Оригена, который въ своемъ толкованіи на евангелиста Луку между прочимъ сказалъ слѣдующее: «знаю евангеліе Ѳомы, читалъ и многое другое, чтó измышлено не для того, чтобы дать свѣдѣнія о чемъ нибудь, но просто потому, что есть люди, находящіеся въ обольщеніи—что они знаютъ нѣчто иное». За указаніемъ Оригена слѣдовали св. Амвросій, блаженный Іеронимъ и церковный историкъ Евсевій ([1]).

Евангелія латинскія.

О евангеліяхъ латинскихъ и арабскихъ—мы будемъ говорить какъ можно короче; потому что, прочитавши ихъ, всякій легко можетъ увидѣть, что они составлены по оригиналу греческихъ псевдоевангелій. Впрочемъ, они не буквально повторяютъ ихъ, не однимъ и тѣмъ же тономъ повѣствуютъ, но имѣютъ и

([1]) См. у Фабриція, cod. Apocryph. 1. p. 132.

нѣчто свое, отличное отъ своихъ оригиналовъ—по духу и направленію. Вотъ объ этихъ то особенностяхъ мы и считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Посмотримъ же сначала—какъ произошло, небольшое правда (10 гл.), но довольно замѣчательное *евангеліе псевдо-Матѳея о рожденіи Маріи.*

3) Евангеліе псевдо-Матѳея о рожденіи Маріи.

Авторъ этого евангелія много заимствовалъ изъ первоевангелія Іакова и изъ повѣствованій евангелистовъ Матѳея и Луки. Такъ какъ онъ пользовался разсказами подлинныхъ евангелистовъ и псевдоевангелія Іакова, по крайней мѣрѣ по внѣшней формѣ не содержащаго ничего противнаго церковному ученію, то онъ по видимому старался удалить изъ своихъ представленій все ложное, еретическое. Но у него была не эта, а другая цѣль. Чего именно авторъ хотѣлъ достигнуть своею книгою, это показываютъ намъ два письма Іеронима и одно епископовъ Хромація и Иліодора. Въ своемъ письмѣ епископы разсказываютъ Іерониму, что Левкій, знаменитый изобрѣтатель разныхъ апокрифическихъ дѣяній апостоловъ, издалъ между прочимъ апокрифическое евангеліе Матѳея, нашедши первоначально какую то еврейскую и малоизвѣстную книгу, носящую имя Матѳея, которую онъ обезобразилъ своими вымыслами. Объ этихъ еретическихъ искаженіяхъ, сдѣланныхъ Левкіемъ въ мнимой книгѣ Матѳея, они и спрашиваютъ блаженнаго Іеронима. Авторъ псевдоевангелія Матѳея о рожденіи отъ Дѣвы могъ имѣть въ виду ученіе Фавста и Левкія о происхожденіи св. Дѣвы изъ племени Левіина отъ нѣкоего жреца по

имени Іоакима ([1]). Этотъ вымыселъ о левитскомъ происхожденіи св. Дѣвы — повторенъ ли онъ только съ чужихъ словъ или даже измышленъ самимъ Левкіемъ —весьма могъ послужить поводомъ автору псевдоевангелія Матѳея отвергнуть мнѣніе о левитскомъ происхожденіи св. Дѣвы. Для православныхъ мыслителей было тяжело такое представленіе о происхожденіи Маріи; потому что церковь, признавая происхожденіе Христа отъ Давида, постоянно осуждала мнѣнія противныя. Итакъ, чтобы опровергнуть ложныя представленія, нашъ псевдоевангелистъ прибѣгаетъ къ авторитету евангелиста Матѳея, который научилъ признавать происхожденіе Маріи отъ Давида и его апостольскимъ свидѣтельствомъ подтвердить ученіе и преданіе церкви о рожденіи и дѣтскомъ возрастѣ св. Дѣвы.

Можно впрочемъ сомнѣваться, чтобы разсматриваемое нами евангеліе было написано въ виду какого то сочиненія Левкія, — такъ какъ оно (псевдоевангеліе) не содержитъ въ себѣ ничего такого, чего бы нельзя было выяснить изъ евангелія св. Матѳея, Луки, изъ псевдоевангелія Іакова или даже изъ личнаго намѣренія самого компилятора. Намъ скорѣе ду-

([1]) Можетъ быть такое представленіе вытекало изъ апокрифической книги «Завѣтъ 12-ти Патріарховъ», гдѣ Христосъ, какъ высшій первосвященникъ и Царь, представляется происходящимъ изъ того и другаго племени—и Іуды и Левія; здѣсь воспитатель Іисуса, имя котораго авторъ завѣта безъ всякаго колебанія внесъ въ генеалогію Маріи, называется самимъ ангеломъ, сыномъ Давида; если такъ, то Марія очевидно должна была происходить изъ племени Левіина. Это соединеніе во Христѣ высшихъ свойствъ Царя и Первосвященника такъ понравилось потомъ нѣкоторымъ ученымъ, что они, отвергая генеалогію Христа по мужской линіи его воспитателя Іосифа, думали соединить то и другое поколѣніе въ одной дѣвѣ Маріи. Thilo, cod. ap p. 375.

мается, что авторъ преслѣдовалъ въ своемъ сочиненіи другую, и притомъ совершенно согласную съ церковнымъ преданіемъ, цѣль, именно хотѣлъ прославить и превознести похвалами дѣвство Богоматери. Онъ преслѣдовалъ эту цѣль съ самыхъ первыхъ словъ своего евангелія, которое начинается: «блаженная и приснославная Дѣва Марія» и проч. и проводилъ ее черезъ всю свою исторію, представляя Марію прекраснымъ образцомъ цѣломудрія и аскетической жизни.

О времени появленія книги нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Мы не допустимъ впрочемъ большой ошибки, если время ея происхожденія опредѣлимъ концомъ IV вѣка. Мнѣніе манихеевъ о левитскомъ происхожденіи Маріи тогда было еще въ силѣ и пользовалось авторитетомъ; самая же похвала приснодѣвству Маріи, а вмѣстѣ и почитаніе ея уже не имѣло въ себѣ ничего новаго. Навѣрное, авторъ собралъ не безсмысленный родъ сказаній въ своемъ апокрифическомъ сочиненіи; но чтобы оно имѣло бóльшій успѣхъ среди читателей вѣрующихъ—ему угодно было издать ее какъ творніе Іеронима между другими его (Іеронима) произведеніями.

4) Исторія о рожденіи Маріи и дѣтствѣ Спасителя.

Другое латинское евангеліе псевдо-Матѳея или «*исторія о рожденіи Маріи и о дѣтствѣ Спасителя*» (1) содержитъ въ себѣ много разсказовъ, заим-

(1) Подъ этимъ именемъ въ 42-хъ главахъ въ первый разъ оно издано Тишендорфомъ, такъ какъ Тило издалъ только первыя 24 главы этого евангелія подъ заглавіемъ: «Исторія о рожденіи Маріи и о дѣтствѣ Спасителя». Усвояя этой книгѣ новое названіе, Тишендорфъ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: «вопросъ о заглавіи книги прежде всего зависитъ не столько отъ вѣрности кодексовъ, сколько отъ писемъ епископовъ и Іеронима, приложенныхъ къ нимъ; а по нимъ—Матѳей при-

ствованныхъ изъ другихъ псевдоевангелій. Видно, что исторія псевдо-Іакова ходила у латинянъ въ весьма разнообразныхъ редакціяхъ. Разсматриваемая редакція отличается отъ другихъ описаніемъ Іоакима-пастыря, пасущаго стада между горами, разсказомъ о двухъ повивальныхъ бабкахъ и другими особенностями. Все остальное, что читается въ этомъ евангеліи, собрано частію изъ евангелія Ѳомы, а всего больше изъ восточныхъ источниковъ, особенно арабскихъ.

Объ авторѣ книги—всего лучше можно судить по самому ея содержанію и направленію. Съ одной стороны авторъ выхваляетъ приснодѣвственную чистоту и цѣломудріе Маріи и пользуется ея авторитетомъ съ цѣлью прославленія аскетическихъ доблестей; съ другой прославляетъ ревность Іоакима въ принесеніи жертвъ и описываетъ съ величайшею тонкостію всѣ внѣшніе пріемы благоугожденія Богу. Въ первомъ случаѣ онъ съ особенною любовію занятъ описаніемъ достохвальныхъ занятій Маріи во время воспитанія ея во храмѣ (6 главъ); въ 7-й главѣ отъ лица Дѣвы разсказываетъ о дѣвствѣ Авеля и Иліи; въ 8-й восхваляетъ новый способъ благоугожденія Богу (обѣтъ дѣвства), открытый св. Дѣвою,—гдѣ между прочимъ не преминулъ замѣтить, что престарѣлая Анна зачала во чревѣ во время отсутствія Іоакима въ продолже-

знается авторомъ книги». Впрочемъ первый, кто назвалъ книгу о рожденіи Маріи именемъ псевдо-Матѳея, былъ кажется Фульбертъ Карнотенскій, епископъ XI вѣка; такъ въ началѣ XIII вѣка, она цѣликомъ перешла въ исторію Ломбардскую, или «Legendam Aureani», гдѣ также между прочимъ непосредственно отъ лица Іеронима говорится: читалъ я въ нѣкоей книгѣ Матѳея о рожденіи Маріи и о дѣтствѣ Спасителя; а потомъ спустя много времени, когда хорошо познакомился съ еврейскимъ языкомъ, перевелъ ее на свой (латинскій) языкъ, по просьбѣ друзей.

ніе пяти мѣсяцевъ. Во второмъ восхваляетъ жертвы Іоакима, Авеля, павшаго подъ ударами завистливаго брата и т. п. Видно, что авторъ книги былъ латинянинъ, который подобно іудею или монтанисту любилъ заниматься дисциплинарной стороной христіанства, полагая въ ней всю силу христіанскаго совершенства.

Арабскія евангелія.

5) *Евангеліе дѣтства* (1).

Евангеліе дѣтства, арабское, представляетъ удивительный сборъ чудесъ, совершенныхъ Іисусомъ отъ его рожденія до двѣнатцалѣтняго возраста. Что оно собрано изъ разныхъ сочиненій—это между прочимъ видно изъ самаго начала евангелія, гдѣ разсказъ о младенцѣ Іисусѣ, разговаривающемъ съ своею матеріею изъ колыбели, очевидно есть видоизмѣненіе покаянной молитвы, вложенной въ уста Іосифа его исторіею. Въ 26 главѣ говорится, что родители Іисуса,

(1) Первый издалъ этотъ апокрифъ на арабскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ Генрихъ Сике, подъ названіемъ: «евангеліе дѣтства или апокрифическая книжка о дѣтствѣ Спасителя». Арабскій текстъ изъ 161 страницы, въ двѣнадцатую долю листа; замѣчаній, которыя объясняютъ текстъ, 94. Тотъ же переводъ издали въ собраніяхъ своихъ апокрифовъ Фабрицій, Іонезій и Шмидтъ. Фабрицій непрерывный текстъ Сике раздѣлилъ на LX главъ и присоединилъ къ нимъ свои и Сике замѣчанія. Потомъ Тило съ латинскимъ переводомъ Сике постарался возстановить самый арабскій текстъ, выбравъ замѣчанія перваго его издателя; кромѣ того, во введеніи онъ сдѣлалъ подробный и тщательный разборъ рукописныхъ кодексовъ и самой книжки, принятой различными отраслями восточныхъ христіанъ. Наконецъ въ наилучшемъ видѣ сдѣлалъ изданіе этого апокрифа Тишендорфъ, которому много помогъ въ этомъ дѣлѣ извѣстный Collega Fleisher. Ибо Флейшеръ латинскій переводъ Сике, какъ онъ выписанъ у Тило, свѣрилъ съ арабскимъ текстомъ: отсюда онъ нашелъ нужнымъ многое отмѣнить, хотя послѣднюю часть исправилъ менѣе чѣмъ первую. Измѣненія сколько нибудь важныя въ изданіяхъ Тишендорфа, показаны имъ въ замѣчаніяхъ.

возвращаясь изъ Египта, не осмѣлились идти въ Іудею и «тотчасъ же» пошли въ Назаретъ, а между тѣмъ въ слѣдующихъ главахъ тянется длинный рядъ чудесъ, совершенныхъ на этомъ же самомъ пути изъ Виѳлеема. Въ 25 главѣ есть замѣчаніе компилятора о евангеліи дѣтства и о евангеліи совершенномъ (т. е. о евангеліи въ собственномъ смыслѣ или каноническомъ). Наконецъ въ 36-й главѣ рѣчь снова возвращается къ тому, о чемъ повѣствуется уже въ 26-й. Такую безпорядочность въ планѣ можно объяснить только нерадѣніемъ и неразумной компиляціей составителя книги. Одна ея часть заимствована изъ евангелія Іакова, а другая изъ евангелія Ѳомы. Первыя девять главъ отъ времени рожденія Іисуса до его бесѣды во храмѣ взяты изъ евангелія Іакова; послѣднія двадцать, отъ тридцать шестой главы, изъ евангелія Ѳомы. Средняя ея часть очевидно восточнаго характера и составлена изъ сирскихъ и египетскихъ преданій, которыя перемѣшиваются съ національно-религіозными элементами или представляютъ новый родъ басенъ, приспособленныхъ къ религіозному настроенію восточныхъ христіанъ. Самый характеръ этихъ басенъ показываетъ ихъ восточное происхожденіе,—таковы напр. басни о крайней плоти Іисуса, хранимой одною евреянкою, какъ драгоцѣнное сокровище, о воробьяхъ, оживленныхъ дыханіемъ Спасителя и по Его повелѣнію летающихъ по воздуху, объ отрокахъ, превращенныхъ Имъ же въ муловъ, и многія другія. Въ этомъ евангеліи дѣтства находятъ себѣ мѣсто не только восточная демонологія и магія, но встрѣчаются и такіе разсказы, которые можно объяснить только знакомствомъ его автора съ восточ-

ными науками (младенецъ Іисусъ представляется знатокомъ астрономіи, физики и другихъ наукъ) и съ религіею Зороастра, когда напр. о путешествіи волхвовъ съ востока въ Виѳлеемъ онъ говоритъ на основаніи пророчества Зороастра о рожденіи Мессіи (гл. 7). Еще до сихъ поръ восточные христіане и магометане чествуютъ источникъ близъ мѣстечка Матареи (гл. 24); также красильщики или тинкторы Персіи даже до сего дня считаютъ Христа патрономъ своего ремесла и показываютъ красильную Его мастерскую (¹).

Изъ всего этого мы заключаемъ, что и самая книга появилась среди восточныхъ христіанъ, и главнымъ образомъ среди сирскихъ христіанъ, находящихся подъ вліяніемъ несторіанства. Это доказывается во 1-хъ тѣмъ, что авторъ различаетъ во Христѣ «τὸν δεσπότην Χριςόν» и «τὸν Κύριον Ἰησοῦν»; ибо извѣстно, что у несторіанъ былъ обычай, употребляемый уже Діодоромъ Тарсійскимъ и Ѳеодоромъ Мопсуесскимъ, всегда прибавлять къ имени Христа названіе «δεσπότης Χριςόν», а Іисусу усвоять наименованіе «τοῦ Κυρίου», чтобы такимъ образомъ раздѣльнѣе представить различіе естествъ во Христѣ, противъ заблужденія Аполлинарія. Во 2-хъ лѣтосчисленіе, что Христосъ родился (гл. II) въ 309 г. греческой эпохи—вполнѣ согласно съ общимъ представленіемъ сирійцевъ о времени рожденія Мессіи (²). Въ 3-хъ, первосвященникъ Каіафа смѣшивается съ Іосифомъ историкомъ (³), а въ этомъ замѣчаніи баснописца выражается общее вѣрованіе сирійцевъ, что Каіафа—это тотъ самый нечестивый

(¹) Cap. 37. et Thilon. nota ad h. 1.
(²) Thilo. 1. 1. p. XLIII sq. subnota 35.
(³) Assem. Biblioth. Orient. T. III. p. 522.

первосвященникъ, который осудилъ Христа на смерть и который послѣ того, обратившись къ христіанской вѣрѣ, былъ названъ Іосифомъ. Къ этому нужно прибавить и то, что евангеліе дѣтства прежде всего найдено было въ употребленіи у сирскихъ несторіанъ; высокое же уваженіе, которымъ оно пользуется у Арабовъ и Коптовъ объясняется изъ того обстоятельства, что большая часть ея сказаній падаетъ на время пребыванія Іисуса и Его родителей въ Египтѣ.

6) Исторія Іосифа древодѣла ([1]).

Подробный анализъ этой книги во второй части нашего изслѣдованія не позволяетъ намъ долго останавливаться на ней въ настоящемъ мѣстѣ, и потому мы сдѣлаемъ здѣсь только нѣсколько замѣчаній объ авторѣ ея и о времени ея происхожденія.

Исторія Іосифа отличается особенною простотою разсказовъ, заимствованныхъ изъ евангелія Іакова. Ея сказанія о смерти Іосифа, о загробномъ состояніи благочестивыхъ душъ, ея воззрѣнія на ангеловъ, на небеса и т. под., вполнѣ согласны съ тѣми мнѣніями о нихъ, которыя въ первые вѣка усвоены были самими христіанами. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ отнести ея появленія къ первымъ тремъ столѣтіямъ и ограничиваемъ его періодомъ между началомъ и концомъ четвертаго столѣтія. Самое первое выраженіе

([1]) Георгій Валлинъ издалъ эту книгу въ 1722 г. на арабскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ, снабдивъ ее достаточнымъ числомъ своихъ замѣчаній. Впрочемъ Тило замѣчаетъ, что еще прежде, двумя столѣтіями ранѣе издалъ эту книгу нѣкто испанецъ Исидоръ Исоланъ, переведши ее съ еврейскаго языка на латинскій. Переводъ Валлина повторилъ Фабрицій въ своемъ cod. apocryph. N. Test., p. 309, безъ всякихъ примѣчаній. Тило, какъ самъ онъ замѣчаетъ исправилъ текстъ этой исторіи.

книги: «во имя Бога, Единаго по существу и Троичнаго въ лицахъ» не позволяетъ намъ смотрѣть на нее, какъ на произведеніе болѣе древнее. Всякій знаетъ, что это научное выраженіе Троичности не встрѣчается въ первыхъ писаніяхъ христіанскихъ. Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ апостоламъ ежедневно совершать священное торжество въ день, посвященный памяти Іосифа. Это также не переноситъ насъ къ первой древности. Но съ другой стороны заблужденіе хиліастовъ, проглядывающее въ 26 й главѣ этой исторіи, не позволяетъ отдалять ее далѣе четвертаго вѣка; потому что это вѣрованіе послѣ третьяго вѣка пользовалось особеннымъ авторитетомъ едва ли не у однихъ еретиковъ.

Что касается до автора этой исторіи, то нѣтъ сомнѣнія, что свое начало она получила среди коптскихъ христіанъ и написана какимъ-либо сектантомъ монофизитомъ. По замѣчанію Тило и Тишендорфа, сирскіе кодексы этой книги носятъ на себѣ признаки гораздо болѣе глубокой древности, чѣмъ какой либо изъ арабскихъ кадексовъ. Извѣсно также, что у коптовъ издавна существовалъ обычай коптскія свои сочиненія писать вмѣстѣ съ арабскимъ ихъ переводомъ; потому что рѣчь коптская давно уже изчезла въ чистомъ своемъ видѣ и ея мѣсто заступила рѣчь арабская. Отсюда произошло то, что книга весьма древняя по внутреннимъ своимъ свойствамъ, изложена въ арабскомъ переводѣ, далеко не древнемъ. Предположеніе о коптскомъ происхожденіи книги нѣсколько подтверждается празднованіемъ смерти Іосифа, заповѣдуемымъ въ этой книгѣ, исторически же получившемъ свое начало прежде всего у коптовъ, а по-

томъ уже отъ коптовъ перешедшемъ и къ другимъ христіанамъ. Тоже надобно сказать и касательно хиліазма; онъ могъ долго держаться только у коптскихъ христіанъ,—и особено у тѣхъ, которые въ безчисленномъ множествѣ населяли пустыню Ливійскую. Только въ такихъ мѣстахъ онъ могъ еще держаться, послѣ нанесеннаго ему, около половины III вѣка, трудами Діонисія Александрійскаго и Оригена пораженія. Кромѣ того, исторически извѣстно, что около половины III вѣка въ Аравіи особенно распространенъ былъ хиліазмъ и упорно тамъ держался; а Аравія страна смѣжная съ Ливіею. Одинъ ученый—Исоланъ думалъ, что авторъ ея былъ Еврей, основывая свое предположеніе на томъ, что онъ открылъ одинъ латинскій экземпляръ этой исторіи, переведенной съ еврейскаго въ XIV столѣтіи; этого же мнѣнія держался и другой ученый—Борбергъ, подтверждая свою догадку самымъ характеромъ книги (¹), но такое предположеніе ничѣмъ не оправдывается. Нельзя допустить также, чтобы это коптское сочиненіе было переведено потомъ на еврейскій языкъ для употребленія христіанъ изъ іудеевъ, жившихъ въ Египтѣ и Сиріи. Такую догадку сдѣлалъ просто-на-просто латинскій толкователь, такъ какъ компиляторы подобныхъ апокрифическихъ сказаній обыкновенно для приданія большей важности своему сочиненію или переводу ссылались на то, что ихъ сочиненіе или переводъ сдѣланъ съ еврейскаго. Съ подобною же цѣлію компиляторъ сказалъ въ первой главѣ, что апостолы, записавши эту

(¹) Хотя характеръ книги вовсе не подтверждаетъ этого мнѣнія кромѣ развѣ того, что Іосифъ въ нѣкоторыхъ ея мѣстахъ представляется священникомъ и изъ колѣна Іудина.

исторію, оставили ее для храненія въ Іерусалимской библіотекѣ. Очевидная выдумка и ложь... Переходимъ къ евангелію, которое обыкновенно надписывается именемъ Никодима.

7) Евангеліе Никодима.

Это евангеліе Никодима состоитъ изъ двухъ частей, различныхъ по происхожденію. Догадку о различныхъ происхожденіяхъ этихъ частей сдѣлалъ еще Бособръ въ своей исторіи Манихейства. Послѣ него— Тишендорфъ совершенно отдѣлилъ обѣ эти части въ свемъ кодексѣ апокрифическихъ евангелій. Такое предположеніе находитъ себѣ нѣкоторое основаніе въ самомъ текстѣ, который дѣйствительно содержитъ двѣ весьма различныя части. Первая заключаетъ въ себѣ описаніе осужденія, смерти, погребенія и воскресенія Іисуса Христа; вторая говоритъ о сошествіи Его во адъ. Такимъ образомъ можно отдѣлить одну часть отъ другой безъ всякаго затрудненія и между прочимъ по слѣдующимъ еще соображеніямъ: во многихъ древнихъ греческихъ манускриптахъ, по свидѣтельству Тишендорфа, находится одна только первая часть книги; изъ 12-ти греческихъ — только два или три манускрипта присоединяютъ вторую часть къ первой. Древніе коптскіе кодексы этого евангелія также не имѣютъ второй части. Латинская церковь до VI столѣтія не знала этой книги въ двухъ ея частяхъ, по крайней мѣрѣ Григорій Турскій, какъ увидимъ, говоря объ актахъ Пилата—первой нашей части, вовсе не знаетъ второй; только въ X столѣтіи той же латинской церкви угодно было соединить обѣ эти

части въ одну и дать имъ общее названіе «евангелія Никодима». Особенно рѣзкое различіе двухъ частей даютъ замѣтить два мѣста или лучше—одно, различнымъ образомъ приводимое въ той и другой части; такъ—въ актахъ Пилата (XVI гл.) слова благоразумнаго разбойника на крестѣ передаются также почти, какъ у св. Луки: «помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ»; напротивъ въ «Descensus Christi», какъ назвалъ вторую часть Тишендорфъ, они принимаютъ уже такое измѣненіе: «Господи, когда воцаришься—не забудь меня». Нельзя думать, чтобы одинъ и тотъ же авторъ допустилъ такое хотя и незначительное различіе въ текстѣ этихъ словъ. Равнымъ образомъ по актамъ Пилата — Христосъ говоритъ своимъ ученикамъ при вознесеніи: «иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры осужденъ будетъ»; во второй же части Іоаннъ Креститель говоритъ ветхозавѣтнымъ праотцамъ, находящимся во адѣ: «я посланъ возвѣстить вамъ о пришествіи во адъ Единороднаго Сына Божія, такъ что кто увѣруетъ въ Него, тотъ спасенъ будетъ, а кто не увѣруетъ—получитъ осужденіе». Легко можно замѣтить, что во второй редакціи словъ Спасителя нѣтъ самаго важнаго выраженія: «кто не крестится», особенно когда авторъ настаиваетъ на той мысли, что всѣ умершіе безъ крещенія не получатъ спасенія. Очевидно, что если бы авторъ былъ одинъ и тотъ же, то онъ не опустилъ бы въ одной части того, о чемъ сказалъ въ другой. Итакъ, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, справедливо можно отдѣлять одну часть отъ другой.

Когда написана первая часть евангелія Никодима, обыкновенно называемая актами Пилата, рѣшить

трудно. Одни думаютъ (Бруннiй ([1]) напр.), что она написана въ началѣ втораго вѣка iудеемъ христiаниномъ; другiе (Павлюсъ [2]) относятъ ея появленiе къ IV вѣку, а нѣкоторые (Бирхъ [3]) къ VI. Для разрѣшенiя этого темнаго вопроса, мы выскажемъ съ своей стороны нѣсколько соображенiй, по нашему мнѣнiю, наиболѣе вѣроятныхъ.

Акты Пилата, какъ мы замѣтили, стали называться именемъ евангелiя Никодима въ довольно позднiя времена. Ни одинъ греческiй манускриптъ не носитъ названiя: εὐαγγέλιον κατὰ Νικόδημον; большая же часть латинскихъ имѣютъ различныя надписанiя. Имя Никодима поставлено въ заглавiи потому, что оно находилось въ прологѣ къ евангелiю; поэтому казалось совершенно естественнымъ приписать этому лицу разсказъ о происшествiи, котораго онъ былъ отчасти свидѣтелемъ. Подлогъ (въ названiи актовъ «евангелiемъ Никодима») прежде всего сдѣланъ въ Великобританiи; потому что, съ одной стороны, самымъ древнѣйшимъ переводомъ на новые европейскiе языки считается англиканскiй, а съ другой — Британцы смотрѣли на Никодима, какъ на перваго апостола своей страны. Самыя же общеупотребительныя въ древности названiя книги были: «Записки о Господѣ Iисусѣ Христѣ, составленныя при Понтiѣ Пилатѣ», «Акты Пилата», «Творенiя Пилата» (Gesta Pilati) и т. п. Аренсъ ошибается, когда говоритъ, на основанiи различiя названiй, что Григорiй Турскiй не зналъ евангелiя Никодима и что появленiе его, по самому своему содержа-

(1) Disquisitio historico-critica de indole, aetate et usu libri apocryphi, vulgo inscripti: Evangel. Nicodemi. Berol. 1791 p. 55. 84.

(2) L. 1. p. 189. 191.

(3) Auctarii Codicis Apocr. N. T. Fabric. Prolegom. p. L. 1.

нію, надо относить къ болѣе позднимъ временамъ ([1]). Правда, латинскій ученый не зналъ евангелія Никодима подъ этимъ его именемъ (Никодима) и въ тѣхъ разнообразныхъ редакціяхъ, въ какихъ оно явилось послѣ него, за то онъ читалъ акты Пилата, во многихъ мѣстахъ цитуя ихъ буквально сходно съ настоящею редакціею первой части нынѣшняго псевдо-евангелія Никодима ([2]). Объ этихъ актахъ Пилата дважды упоминаетъ Тертулліанъ ([3]) и еще раньше его два раза ссылается на нихъ въ своей первой апологіи Іустинъ мученикъ,—въ первый разъ когда говоритъ о распя-

([1]) Arens—de evang. apocryphor orig. et usu—стр. 18.

([2]) Сравнимъ напр. слѣдующія его мѣста изъ актовъ объ освобожденіи Іосифа, заключеннаго начальниками іудейскими въ темницу съ 16-той гл. ев. Никодима: «Іосифъ, помазавшій тѣло Его (Іисуса) ароматами и положившій въ своемъ гробѣ, заключенъ былъ въ темницу; самые первосвященники стерегли темницу его, пылая на него злобною яростію. Но при воскресеніи Господа, стѣны темницы, въ которой содержали Іосифа, въ туже ночь поднялись на воздухъ (in sublimi), и Іосифъ былъ освобожденъ ангеломъ; темничныя-же стѣны опять заняли прежнее свое мѣсто (Hist. Francor. кн. 1. 20). Въ другомъ мѣстѣ Григорій Турскій писалъ: «По воскресеніи Господь бесѣдовалъ съ своими учениками въ продолженіи 40 дней о царствѣ Божіемъ, и потомъ, при видѣ ихъ, объятый облакомъ, вознесся на небеса. А Пилатъ послалъ къ Тиверію Кесарю Gesta и сообщилъ ему какъ о доброжелателяхъ, такъ о страданіи и о воскресеніи Его. Эти Gesta, заключаетъ онъ, у насъ и доселѣ сохраняются въ письменахъ.

([3]) Іисусъ, по ненависти іудейскихъ учителей, пишетъ Тертулліанъ въ своей апологіи, преданъ былъ Пилату, который, бывъ вынужденъ настоятельными ихъ требованіями, предалъ Его на крестную смерть; вися на крестѣ, Іисусъ предалъ духъ свой добровольно, предваривши обязанность палача (carnificis)... ученики, какъ предсказалъ Іисусъ о своемъ воскресеніи, не нашли тѣла Его во гробѣ; потому что при землетрясеніи камень отвалился отъ входа въ пещеру и стража воинская объята была ужасомъ; въ пещерѣ ничего не нашли кромѣ повивальныхъ одеждъ; но учители іудейскіе подкупили стражу сказать, что ученики украли тѣло Его, и т. д. Изложивши это, Тертулліанъ продолжаетъ: «ea omnia super Christo Pilatus Caesari tunc Tiberio nuntiavit» (см. у Фабриція, Cod. Apocryph. p. 214).

тіи Христа Спасителя и о раздѣленіи одежды его по жребію между распявшими его воинами; въ другой, когда упоминаетъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ и о воскресеніи мертвыхъ, совершенныхъ Іисусомъ Христомъ, согласно съ ветхозавѣтными пророчествами, — и въ обоихъ случаяхъ заключаетъ: «объ этомъ вы можете узнать изъ актовъ составленныхъ при Понтіи Пилатѣ» ([1]). Признаками позднѣйшаго происхожденія книги Аренсъ считаетъ между прочимъ эти мѣста книги, гдѣ Іерусалимъ называется «святымъ городомъ, святою мѣстностію» (*ἡ ἁγία πόλις Ἰερουσαλήμ, ὁ ἅγιος τόπος Ἰερουσαλήμ*, p. 17) и титулы, которыми величается Пилатъ (*τὸ ὑμέτερον μέγεθος*, или *τοῦ ὑμετέρου κράτους*) и римскіе императоры (*τῶν εὐσεβῶν βασιλέων*), такъ какъ, по его представленію названія «царство, благочестивые цари» и т. п. писатели начали употреблять со временъ императора Константина. Но такого рода названія, очевидно, могъ употребить и болѣе древній писатель. Святый евангелистъ Матѳей не разъ въ своемъ евангеліи называетъ Іерусалимъ святымъ городомъ ([2]), однако никто не рѣшался утверждать, чтобы его евангеліе явилось въ третьемъ или четвертомъ вѣкѣ. Наконецъ, нельзя не припомнить еще одного важнаго факта, о которомъ разсказываетъ церковный историкъ Евсевій. Извѣстно, что Максиминъ жестокій врагъ христіанства, услышавши объ актахъ Пилата, велѣлъ написать другіе акты съ тѣмъ же именемъ,

---

([1]) Apolog, I. p. 75: καὶ μετὰ τὸ σταυρῶσαι αὐτὸν ἔβαλον κλῆρον ἐπὶ τὸν ἱματισμὸν αὐτοῦ καὶ ἐμερίσαντο ἑαυτοῖς и проч. и... καὶ ταῦτα, ὅτι γέγονε, δύνασθε μαθεῖν εκ τῶν ἐπὶ Ποντίου Πιλάτου γενομένων ἄκτων также: ὅτι δε καὶ θεραπεύσειν πάσας τὰς νόσους καὶ νεκροὺς ἀνεγερεῖν ὁ ἡμέτερος Χριστὸς προεφητεύθη... ἐκ τῶν ἐπὶ Ποντίου Πιλάτου γενομένων ἄκτων μαθεῖν δύνασθε. Сравн. Акт. Пил. V—VIII.

([2]) Матѳ. IV, 5 и 27, 53.

въ которыхъ Пилатъ представлялъ будто-бы Іисуса бунтовщикомъ возмутителемъ общественнаго спокойствія, похитителемъ царскаго имени и т. п. Онъ велѣлъ ихъ обнародовать по всѣмъ областямъ имперіи, и даже, жалко сказать, заставлялъ школьниковъ разъучивать ихъ на память (1). Такого рода акты конечно должны были явиться какъ противуположность тѣмъ, которыми пользовались христіане уже отъ временъ Іустина.

Что касается до автора этихъ актовъ, то нѣкоторые ученые, допускающіе глубокую древность ихъ происхожденія, думаютъ приписать ихъ даже самому Игемону. Борбергъ оправдываетъ эту догадку обычаемъ, по которому начальники провинцій испрашивали разрѣшенія въ случаѣ своихъ недоумѣній у кесаря, или доносили о всемъ сколько нибудь замѣчательномъ. О такомъ обычаѣ дѣйствительно можно находить весьма много древнихъ свидѣтельствъ у языческихъ (2) и христіанскихъ писателей (3) и даже въ нѣкоторыхъ актахъ мучениковъ (4). Однако приведенныя нами выше свидѣтельства Іустина и Тертуліана— противъ этой догадки, ибо они говорятъ, что акты составлены не самимъ Пилатомъ, а при Пилатѣ. Такимъ образомъ, мы можемъ допустить, что эти акты написаны не самимъ Пилатомъ, а какимъ-либо іудеемъ-христіаниномъ, который, желая убѣдить свою

(1) Церк. Ист. Евсев. кн. 9, гл. 5 и 7.

(2) Plin. кн. 10.

(3) Παλαιοῦ κεκρατηκότος ἔθους τοῖς τῶν Ἐθνῶν ἄρχουσι παρὰ σφίσι καινοτομούμενα τῶν τὴν βασίλειον ἀρχὴν ἐπικρατοῦντι σημαίνειν и пр. Ист. Церк. Евсев., II, 2.

(4) Такъ Максиминъ начальникъ говоритъ мученику Андронику: μωρέ, τοῦτο οὐκ οἶδας, ὅτι ὃν ἐπικαλῇ ἄνθρωπον κακοῦργον ὑπὸ ἐξουσίας τινὸς Πιλάτου ἡγεμόνος ἀνῃρέθη ἐν σταυρῷ, οὗ καὶ ὑπομνήματα κατάκεινται. Cf. Pallad. de vit. Chrisost. Tisch. 62 p.

братію — евреевъ въ божественномъ посланничествѣ Мессіи свидѣтельствомъ самыхъ враговъ Его, по его понятію раскаявшихся въ своемъ жестокомъ преступленіи и увѣровавшихъ въ Него, очень вѣрно разсчиталъ, что, выданные подъ именемъ такого авторитетнаго лица, какъ Пилатъ, они произведутъ свое вліяніе и пріобрѣтутъ большую вѣроятность. Назвавши же ихъ актами, написанными при Понтіѣ Пилатѣ,— авторъ легко могъ подать поводъ принимать ихъ за подлинное произведеніе Пилата, — и вотъ въ позднѣйшее время *τὰ ἐπὶ Ποντίου Πιλάτου γενόμενα «ἄκτα»* получили сокращенное названіе *«ὑπὸ Ποντίου Πιλάτου γενόμενα»*.

Теперь нѣсколько словъ о другой части евангелія Никодима. Авторъ ея хотѣлъ продолжить исторію первой части евангелія. Если въ этой первой раскрывается исторія воскресенія Христа, то вторая хочетъ подтвердить ее историческими доказательствами и показать, что Іисусъ не только воскресъ, но воскресилъ съ собою и другихъ. Авторъ, какъ видно, старался по возможности ближе стоять въ своемъ направленіи къ актамъ Пилата.

Кто былъ авторомъ этой второй части, сказать трудно. На основаніи бесѣды узниковъ во адѣ о первородномъ грѣхѣ (22 гл.), Аренсъ пришелъ къ такому заключенію, что она появилась въ средніе вѣка, особенно когда формула блаженнаго Августина объ отношеніи благодати къ свободѣ вошла въ употребленіе у латинскихъ писателей. Другой ученый — именно Альфредъ Мори, спеціально занимавшійся этимъ евангеліемъ, думаетъ, что оно написано съ цѣлію догматическою, именно съ тѣмъ, чтобы опровергнуть Аполлинарія, епископа Лаодикійскаго, который, въ концѣ

IV вѣка, отвергалъ догматъ о сошествіи Христа во адъ. По его мнѣнію, авторъ, жившій въ это время, старался подтвердить ученіе, защищаемое отцами III и IV вѣковъ, и въ частности Евсевіемъ александрійскимъ. И въ самомъ дѣлѣ, представляется разительное сходство между разговоромъ этого послѣдняго и второю частію евангелія Никодима ([1]). Мы съ своей стороны думаемъ на оборотъ, и скорѣе склоняемся къ той мысли, что Евсевій александрійскій взялъ свой разсказъ изъ евангелія Никодима и что, слѣдовательно, оно написано прежде IV вѣка, если не въ настоящей своей формѣ, то по крайней мѣрѣ—въ частяхъ, которыя его составляютъ. Если мы внимательнѣе всмотримся въ самое содержаніе этой второй части, то найдемъ, что авторъ ея долженъ былъ стоять очень близко къ вѣку апостольскому и, при написаніи ея, пользовался какимъ-либо извѣстнымъ древнимъ источникомъ. Такимъ источникомъ могло быть напр. «Κήρυγμα Πέτρου» или другія сочиненія, существовавшія подъ его именемъ; потому что авторитетъ св. Петра,—къ тому же онъ самъ засвидѣтельствовалъ сошествіе Христа во адъ ([2]),—могъ имѣть не маловажную силу для того, чтобы читающіе христіане могли повѣрить такому разсказу. Написалъ этотъ разсказъ какой-либо христіанинъ изъ іудеевъ, не чуждый іудейской теологіи и даже гностическихъ представленій. Извѣстно, что гностики очень любили заниматься ангелологіею и демонологіею; они допускали также крещеніе Христа и христіанъ (Валентиніане); разсуждали о древѣ жизни

---

(1) См. L'ev Nic., Alfr. Maury, въ его сочиненіи «croyances et legend. de l'antiquité...» стр. 314 и др.

(2) 1 Петр. III. 18 и слѣд.

(Офиты), бальзамомъ котораго помазуется душа въ таинствѣ крещенія и т. п. Самое сошествіе Христа во адъ было предметомъ вѣрованій и размышленій гностиковъ, какъ напр. Маркіона и др. Вотъ все, что можно сказать о происхожденіи и цѣли евангелія Никодима, не вдаваясь въ болѣе подробныя изслѣдованія о немъ, тѣмъ болѣе, что намъ придется еще обратиться къ нимъ во второй части нашего труда, исключительно посвященной разбору тѣхъ или другихъ догматическихъ и историческихъ данныхъ апокрифической литературы.

Этимъ вмѣстѣ мы оканчиваемъ и первую часть нашего изслѣдованія о происхожденіи апокрифовъ и переходимъ къ анализу самаго ихъ содержанія.

Свящ. М. Альбовъ.

(Продолженіе будетъ).

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Год рождества Иисуса Христа

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 1. С. 107-134.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ГОДЪ РОЖДЕСТВА ІИСУСА ХРИСТА [1].

(Продолженіе).

Между историческими данными для опредѣленія года рождества Іисуса Христа повѣствованіе Евангелиста Луки о первой народной переписи, производившейся по повелѣнію кесаря Августа, въ правленіе Квиринія Сиріею, имѣетъ весьма важное значеніе, хотя и не въ такой степени, какъ это нѣкоторые представляютъ. Евангелистъ Лука (Лук. 2, 1—7), повѣствуетъ, что отъ кесаря Августа вышло повѣленіе сдѣлать перепись по всей землѣ; перепись сія была первая въ правленіе Квиринія Сиріею; вслѣдствіе этой-то переписи Іосифъ, вмѣстѣ съ Маріею, обрученною ему женою, отправился изъ Галилеи въ Виѳлеемъ Іудейскій, гдѣ и родился Іисусъ Христосъ. Отсюда нѣкоторые заключаютъ, что Іисусъ Христосъ родился въ правленіе Квиринія Сиріею. Но такъ какъ такое заключеніе ставитъ ихъ въ величайшее затрудненіе и явное противорѣчіе съ другими, находящимися у Евангелиста Луки хронологическими данными: то

(1) См. Христ. Чт. 1870 г. мѣсяцъ февраль.

допускаютъ ошибку въ изложеніи Евангелиста, неправильность въ его извѣстіяхъ, и такимъ образомъ изъ одного заблужденія впадаютъ въ другое и кончаютъ тѣмъ, что, оправдывая самихъ себя, жалуются на неправильность другихъ, какъ это и естественно должно быть при неосновательныхъ и ложныхъ предположеніяхъ ([1]). Слова Евангелиста представляютъ дѣйствительно нѣкоторую трудность для пониманія и на первый взглядъ даже противорѣчіе. Квириній прибылъ въ Сирію, въ качествѣ ея правителя, послѣ смерти Ирода великаго, осенью 4-го года до нашей эры; до него правителемъ Сиріи, по достовѣрному свидѣтельству Іосифа Флавія, былъ Квинтилій Варъ. Между тѣмъ обстоятельства во время рожденія Іисуса Христа, какъ они передаются частію самимъ Лукою,

([1]) Таковъ былъ, напр., результатъ изслѣдованій двухъ новѣйшихъ ученыхъ—*Т. Моммзена* и *Кэйма*, занимавшихся этимъ предметомъ. Моммзенъ въ своей небольшой, но исполненной своеобразныхъ мнѣній, замѣткѣ о повѣствованіи Луки, говоритъ въ заключеніе, какъ бы оправдывая Евангелиста: Lucas Cum Christum natum statuit c a. 752 (2 г. по Р. Хр.) Quirinio Siriam administrante, non posuit nisi probabilia et praeterquam quod Herodem male ascivit, eo solo nomine erravit, quod censum ex Quirinii administratione posteriore transtulit in priorem (Res divi Augusti, p. 125). Кэймъ въ своей «Geschichte Iesu von Nazora, Zürich, 1867» также не могъ справиться съ тѣмъ историческимъ фактомъ, что Квириній прибылъ въ Сирію, въ качествѣ ея правителя, уже послѣ смерти Ирода царя; хотя онъ и не высказываетъ ясно, тѣмъ не менѣе считаетъ несомнѣннымъ предположеніе, что І. Христосъ родился въ правленіе Квиринія Сиріею. *Цум*. Въ послѣднее время сильнымъ защитникомъ такого же пониманія словъ Евангелиста Луки, какъ единственно справедливаго и ясно доказывающаго будто бы съ тѣмъ вмѣстѣ не вполнѣ совершенную историческую достовѣрность нашихъ каноническихъ Евангелій, является также *Гильгенфельдъ*, одинъ изъ извѣстныхъ представителей новѣйшей отрицательной критики Евангелій и Евангельской исторіи, выступившій недавно съ ученою полемическою статьею по этому вопросу и другимъ, между прочимъ, и противъ Цумта и его книги (См. Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, 1870, zweit. heft, SS. 151—167). *В. Р.*

частію другимъ евангелистомъ—Матѳеемъ указываютъ на такое время, когда еще былъ живъ и царствовалъ Иродъ. Такъ возникаетъ неразрѣшимое, по видимому, противорѣчіе, съ которымъ думали покончить лишь такъ, что или отрицали справедливость повѣствованія евангелиста Луки о переписи или же подвергали сомнѣнію другія его извѣстія и, въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, все евангельское повѣствованіе о рождествѣ Іисуса Христа объявляли преднамѣреннымъ, невѣжественнымъ вымысломъ.

Между тѣмъ, ошибка лежитъ въ самомъ заключеніи, изъ котораго при этомъ выходятъ. Евангелистъ Лука отнюдь не говоритъ того, что Іисусъ Христосъ родился въ правленіе Квиринія, но говоритъ только, что Онъ родился *во время той переписи, которая была первою при Квириніѣ*. Цѣлію его было представить — не опредѣленіе времени рождества Іисуса Христа, но только отличить ту перепись, во время которой случилось это рожденіе, отъ другой подобной переписи. Ходъ его повѣствованія не имѣетъ какой-либо хронологической послѣдовательности. Евангелистъ говоритъ сначала о повелѣніи кесаря Августа сдѣлать перепись по всей землѣ; при этомъ не указывается, нужно-ли полагать правленіе Квиринія и рождество Іисуса Христа событіями одновременными съ этимъ повелѣніемъ. Св. Лука передаетъ только извѣстіе о причинѣ, по которой была начата перепись, — и какъ на таковую причину указываетъ на повелѣніе кесаря, изданное задолго прежде рождества Іисуса Христа. Если бы Евангелистъ Лука хотѣлъ въ точности опредѣлить временемъ изданія Августомъ повелѣнія о переписи какъ время

самой переписи іудейской, такъ и время рождества Іисуса Христа, тогда онъ не употребилъ бы такого общаго, неопредѣленнаго выраженія «въ тѣ дни» (Лук. I. 1). По историческимъ даннымъ оказывается, что изданіе Августомъ повелѣнія о переписи послѣдовало еще въ 27 году до нашей эры [1]; съ тѣхъ поръ началось исполненіе его по разнымъ провинціямъ, и къ концу было приведено спустя лишь долгое время послѣ рождества Христова, по мѣрѣ того, какъ распредѣленіе налоговъ всюду было дѣлаемо на основаніи новыхъ переписей. Такимъ образомъ между изданіемъ Августова эдикта о переписи провинцій и событіемъ рождества Іисуса Христа никакой хронологической связи нѣтъ. Точно также этой связи не имѣетъ событіе рождества Іисуса Христа и съ упоминаемою у евангелиста Луки первою переписью Квиринія; и это послѣднее обстоятельство есть обстоятельство только соприкосновенное съ нимъ, но неодновременное, такъ что одно изъ нихъ не можетъ служить точнымъ хронологическимъ опредѣленіемъ другаго. Если бы перепись была совершена въ одинъ день, тогда естественно было бы заключеніе, что

(1) Неодинаково мнѣніе ученыхъ толковниковъ относительно того, какого рода перепись предписывалась въ эдиктѣ, т. е. перепись ли всего римскаго государства, или только перепись подвластныхъ Риму провинцій, съ исключеніемъ самаго Рима и Италіи или, что тоже, римскихъ гражданъ. Одни, какъ напр. *Гушке*, *Гильгенфельдъ* и мн. др. разумѣютъ содержаніе эдикта въ первомъ смыслѣ; другіе же, каковы *Цумптъ*, *Визлеръ* и др.—во второмъ. Послѣднее мнѣніе болѣе, чѣмъ первое, имѣетъ на своей сторонѣ историческихъ данныхъ и должно быть принято, какъ болѣе вѣрное. Какъ относящійся собственно къ переписи провинцій, понимали эдиктъ Августа также *Свида* и *Кассіодоръ* (см. K. Wieseler, Beiträge zur richtigen Würdigung der Evangelien und der Evangelisch. Geschichte, Gotha, 1869, SS. 18—23; ср. Zumpt, S. 147—176). *В. Р.*

тотъ, кто родился во время этой переписи, родился также и въ правленіе того должностнаго лица, которое завѣдывало переписью. Между тѣмъ, такъ какъ перепись продолжалась долгое время, то такое заключеніе отнюдь необходимо не слѣдуетъ, и не слѣдуетъ тѣмъ менѣе. чѣмъ дольше производилась перепись; потому что правители Сиріи, точно также, какъ и другихъ кесарскихъ или императорскихъ провинцій [1] были назначаемы императоромъ во всякое время; смѣнялись они постоянно; одни оставались на своемъ постѣ довольно долгое время, другіе же — краткое время. Слѣдовательно. если бы перепись продолжалась даже только одинъ мѣсяцъ. то и тогда очень было возможно. что она начата была однимъ правителемъ кесарской провинціи, а окончена другимъ. Примѣромъ, въ этомъ случаѣ, могутъ служить древнія переписи Римскаго гражданства, производившіяся во времена римской республики. Для производства переписи закономъ назначенъ былъ въ то время срокъ въ восемнадцать мѣсяцевъ, и большею частію она продолжалась дѣйствительно болѣе года; слѣдовательно время ея производства обнимало почти два консульства. Если, поэтому, говорится о какой-либо переписи, что она была произведена во время такого-то извѣстнаго консульства, то отдѣльныя части ея были, само собою разумѣется, произведены или прежде, или послѣ означеннаго консульства. Хронологическое сопостав-

[1] Римскія провинціи во времена Августа дѣлились на *кесарскія* или *цезарскія* и *сенаторскія*. Первыя, какъ не окончательно покоренныя и успокоенныя, находились подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ императора и охранялись большимъ числомъ войскъ. Вторыми управляли проконсулы, безъ военной силы, назначаемые государемъ, сенатомъ и народомъ съ общаго согласія. Такое раздѣленіе римскихъ провинцій послѣдовало въ январѣ 27 года до нашей эры. *В. Р.*

леніе переписей кесарскихъ провинцій съ правителями этихъ провинцій представляетъ еще болѣе въ этомъ отношеніи невѣрности; потому что какъ переписи производились обыкновенно продолжительнѣе, такъ и смѣна правителей была чаще.

Послѣ сего понятною становится несостоятельность заключенія, когда именно изъ того, что Іисусъ Христосъ родился во время переписи, а эта перепись обозначается бывшею въ правленіе Квиринія Сиріею, заключаютъ, что Іисусъ Христосъ родился въ правленіе Квиринія. Евангелистъ Лука отнюдь не говоритъ того, что Іисусъ Христосъ родился въ правленіе Квиринія, — и онъ не могъ сказать этого, такъ какъ ему, безъ сомнѣнія, хорошо были извѣстны обстоятельства описываемаго времени. Въ намѣреніи евангелиста было — не опредѣлить время рождества Іисуса Христа, но обозначить яснѣе производившуюся въ то время перепись. Имя же Квиринія было извѣстно всему востоку, такъ какъ онъ два раза былъ чрезвычайнымъ полномочнымъ правителемъ тамъ, дважды также производилъ перепись не только въ Іудеѣ, но и въ другихъ частяхъ подвластной ему провинціи. Евангелистъ Лука говоритъ такимъ образомъ, что та перепись, во время которой родился Іисусъ Христосъ, была *первою* изъ производившихся при Квириніѣ (1). Вторую перепись Квириній, по свидѣ-

(1) По примѣру Моммзена и др., Цумптъ допускаетъ, какъ несомнѣнный историческій фактъ, что Квириній былъ два раза правителемъ Сиріи, равно какъ два раза также производилъ перепись въ Іудеѣ, и что во время первой изъ такихъ переписей, производившихся между прочимъ и при немъ, родился І. Христосъ, надѣясь такимъ образомъ, какъ увидимъ далѣе, вполнѣ доказать историческую достовѣрность сказанія евангелиста Луки и замѣнить тѣ разнообразные способы объясненія, къ какимъ прибѣ-

тельству Іосифа Флавія производилъ одинъ, т. е. она была и начата и окончена имъ. Но нельзя сказать тогоже относительно первой переписи его; можно, напротивъ, съ полнымъ правомъ полагать, что пер-

гали доселѣ для разрѣшенія исторической трудности, представляющейся при чтеніи втораго стиха II главы Евангелія Луки. Доказательствамъ того, что Квириній былъ два раза правителемъ Сиріи у Цумпта посвящено было еще ранѣе особое сочиненіе: De Syria Romanorum provincia ab Caesare Augusto ad T. Vespasianum (A. W. Zumptii, Commentationum epigraphicarum ad antiquitates Romanas pertinentium, volumen alterum, Berolini, 1854); и въ настоящемъ сочиненіи, изъ котораго мы дѣлаемъ извлеченіе, первый и довольно обширный отдѣлъ посвященъ тому же предмету (стр. 20—89). Нечего и говорить, что съ признаніемъ неоспоримой исторической вѣрности мнѣнія Цумпта, Моммзена и др. о двоякомъ управленіи Квиринія Сиріею, возбуждавшее столько споровъ и пререканій вышеуказанное мѣсто Евангелія Луки получило бы, наконецъ, полное историческое разъясненіе и подтвержденіе; но противъ этого мнѣнія дѣлаются еще очень многія и основательныя возраженія, которыя не позволяютъ признать его въ качествѣ доказанной исторической истины, а лишь только развѣ за вѣроятную гипотезу, ожидающую для своего подтвержденія новыхъ изысканій со стороны специіалистовъ—изслѣдователей римскихъ древностей (См. Beiträge zur richtigen Würdigung der Evangelien und der Evangelischen Geschichte, Dr. K. Wieseler. S. 36—44; ср. A. Hilgenfeld, Die neuesten Leistungen in der Evangelien-Forschung. Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, 1870, zweit. heft., S. 158—167). Поэтому мы не видимъ доселѣ особенныхъ побужденій отдавать предпочтеніе означенному мнѣнію Цумпта и Моммзена предъ тѣмъ, вполнѣ удовлетворительно также разрѣшающимъ филологическимъ путемъ всѣ недоумѣнія въ разсматриваемомъ мѣстѣ евангелія Луки объясненіемъ, какое дѣлаютъ *Люкке, Визлеръ* и др., и по которому слова Луки: ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου принимаются не въ значеніи родительнаго самостоятельнаго, а какъ зависящія отъ πρώτη,—причемъ словамъ Евангелиста дается такой смыслъ: *сія перепись* (въ Іудеѣ) *была первая, прежде чѣмъ Квириній сдѣлался правителемъ Сиріи*, такъ что историческій смыслъ этого мѣста возстановляется во всей ясности. Такому пониманію словъ Луки особенно благопріятствуетъ чтеніе ихъ въ Синайскомъ манускриптѣ, гдѣ πρώτη непосредственно предшествуетъ родительному ἡγεμονεύοντος κ. τ. λ.: αὕτη ἀπογραφὴ ἐγένετο πρώτη ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου (см. K. Wieseler. Beiträge... S. 26—36). О другихъ способахъ объясненія этого мѣста см. у Ольсгаузена (Biblisch. Comment. über Sämtl. Schriften d. N. Testaments, 1833, Bd. I, S. 128—132). *В. Р.*

вая перепись производилась при многихъ правителяхъ Сиріи. Если же Евангелистъ соединяетъ ее съ именемъ Квиринія, то это потому, что Квириній, вслѣдствіе второй переписи, сдѣлался особенно популярнымъ, извѣстнымъ на востокѣ; независимо же отъ этого обстоятельства онъ могъ приписать ее и какому-либо другому или многимъ другимъ правителямъ Сиріи.

Такимъ образомъ тутъ возможны три случая: или перепись была начата до Квиринія, а имъ только окончена, или она была, какъ начата имъ, такъ и окончена, или, наконецъ, хотя она и была начата имъ, но окончена лишь послѣ него. При всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ Евангелистъ Лука могъ сказать, что перепись была въ правленіе Квиринія; при всѣхъ трехъ случаяхъ,—началъ-ли только Квириній перепись, или докончилъ ее, или, наконецъ, исключительно онъ одинъ завѣдывалъ ея исполненіемъ, Евангелистъ Лука могъ, предъ всѣми другими правителями Сиріи, приписать исполненіе переписи ему. Возможенъ, правда, еще четвертый случай: Квириній ни оканчивалъ, ни начиналъ переписи, но только продолжалъ далѣе начатый другимъ лицомъ и послѣ него оконченный трудъ; но этотъ случай не вѣроятенъ. Впрочемъ, также и изъ первыхъ трехъ случаевъ два, при которыхъ предполагается начало переписи при Квириніѣ, не могутъ быть допущены; потому что тогда рождество Іисуса Христа нужно бы предположить послѣ смерти Ирода,—и мы очутились бы опять среди всѣхъ тѣхъ затрудненій, выходъ изъ которыхъ собственно и отыскивается. Остается, слѣдовательно, только первый случай,—именно: перепись была только *окончена*

Квириніемъ, а начата была до него, т. е. еще при жизни Ирода великаго; самъ по себѣ случай этотъ столько же возможенъ, какъ всѣ остальные.

Ниже мы приведемъ историческія доказательства того, что такъ дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ; теперь же постараемся доказать, что предполагаемый нами ходъ дѣла вполнѣ согласуется и съ другими извѣстными намъ историческими обстоятельствами разсматриваемаго времени. Нѣтъ сомнѣнія, что смерть Ирода великаго и назначеніе новаго правителя Іудеи — Архелая представляли для императора Августа особенно удобный случай — ввести въ Іудею новые налоги, а для этого предварительно сдѣлать перепись ея. Но сдѣлать все это было совершенно возможно и при жизни Ирода. По крайней мѣрѣ ничто не препятствуетъ принять, что начало переписи іудейской положено Августомъ еще до смерти Ирода. Вотъ доказательства этого.

Изъ исторіи римскихъ переписей видно, что какой нибудь общей государственной переписи, производившейся въ одно время и совершенно въ одинаковой формѣ по всѣмъ провинціямъ Римскаго государства, никогда не было. Въ эдиктѣ, изданномъ Августомъ въ 27 году до рождества Христова, повелѣвалась, дѣйствительно, перепись всѣхъ римскихъ провинцій, изъ которыхъ въ каждой господствовали дотолѣ свои особые порядки въ сборѣ и уплатѣ римскому государству опредѣленныхъ имъ налоговъ; но въ исполненіе приводилось это повелѣніе лишь мало по-малу, постепенно, съ строгимъ по возможности соблюденіемъ при этомъ народныхъ особенностей и обычаевъ, особенно въ императорскихъ провинціяхъ,

имѣвшихъ весьма разнородное населеніе, и гдѣ, по этому, производство переписи и введеніе за тѣмъ новыхъ налоговъ могло вызвать, какъ и вызывало дѣйдѣйствительно, возстаніе. Такимъ образомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, если Августъ еще Ироду великому повелѣлъ произвести перепись Іудеи, и притомъ такую, которая была бы съ одной стороны примѣнена къ особенностямъ іудейскаго народа, а съ другой—служила съ тѣмъ вмѣстѣ шагомъ впередъ къ уравненію Іудеи въ уплатѣ римскихъ налоговъ съ прочими провинціями. Такаго же рода двѣ переписи были произведены Друзомъ въ Галліи около 11-го и 10-го года до рождества Христова: одна была въ строгомъ смыслѣ римскою переписью; другая же, хотя и была произведена по полученному изъ Рима повелѣнію, тѣмъ не менѣе примѣнительно къ мѣстнымъ народнымъ особенностямъ. Подобное же было въ Далмаціи. Августъ, какъ видно изъ этихъ фактовъ, стремился въ ближайшее къ эпохѣ рождества Іисуса Христа время ввести болѣе лучшій, болѣе однообразный порядокъ въ систему государственныхъ податей; это же онъ могъ имѣть въ виду и относительно Іудеи, а потому и могъ повелѣть еще Ироду произвести перепись своей страны, съ тѣмъ, чтобы съ приведеніемъ въ извѣстность положенія страны, потребовать съ нея опредѣленной дани. Напрасно возражаютъ противъ этого, что будто бы такая перепись не примирима съ царскими правами Ирода [1];

[1] Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ, какъ напр. Блекъ, Кэймъ и др. думали, дѣйствительно, видѣть сильное возраженіе въ этомъ противъ переписи при Иродѣ, но совершенно неосновательно, см. опровержение у K. Wieseler, Beiträge... S. 69—94; ср. у Цумпта, S. 178, 191. *В. Р:*

положеніе подвластныхъ Риму царей и ихъ отношеніе къ Риму было особенное, исключительное: они должны были безусловно исполнять всѣ повелѣнія своего римскаго владыки. Доказательства этого можно видѣть въ исторіи самаго Ирода, равно какъ въ исторіи другихъ подобныхъ Іудеѣ провинцій, состоявшихъ также подъ управленіемъ своихъ царей. Нельзя также въ такомъ распоряженія Августа видѣть знакъ какого-либо особеннаго недовѣрія или неблаговоленія его къ Ироду. Іудеи обязаны были, какъ извѣстно, присягнуть также въ вѣрности римскому императору и Ироду,—и въ этомъ случаѣ выражалось, безъ сомнѣнія, бо́льшее недовѣріе и однако ни откуда не видно, чтобы это распоряженіе было дѣлано въ знакъ такого именно недовѣрія или неблаговоленія (1). Весьма вѣроятно, что перепись не нравилась Ироду, точно такъ же какъ и народу, что Иродъ усматривалъ въ ней начало преобразованія Іудеи въ непосредственную римскую провинцію и поэтому старался, сколько было возможно для него, отклонить ее; но Августъ настаивалъ на необходимости дать новый порядокъ сбору римскихъ податей и платить ихъ не натурою, а деньгами,—и Иродъ долженъ былъ повиноваться.

Замѣчателенъ самый порядокъ или способъ производства между прочимъ и Квириніемъ первой переписи. «И пошли всѣ,—говоритъ евангелистъ,—записываться каждый въ свой городъ. Пошелъ также и Іосифъ изъ Галилеи изъ города Назарета, въ Іудею, въ городъ Давидовъ, называемый Виѳлеемъ, потому что онъ былъ отъ дома и рода Давидова, записаться съ Маріею, обрученною

(1) Antiq. XVII, 2, 4.

ему женою. которая была беременна» (Лук. II. 3—5). Такой порядокъ переписи, какъ онъ описывается у евангелиста, съ одной стороны не представляетъ совершенно ничего не согласнаго съ тѣмъ, что намъ извѣстно о порядкѣ производства римскихъ переписей вообще; а съ другой—вполнѣ объясняетъ ея продолжительность и покорное отношеніе къ ней іудеевъ, по крайней мѣрѣ сравнительно со второю переписью, бывшею при томъ же Квириніѣ. Единственнымъ гражданскимъ правительственнымъ мѣстомъ у іудеевъ во времена Августа былъ Іерусалимъ; всѣ другіе города и селенія не имѣли самостоятельнаго управленія. Такимъ образомъ собраніе подлежавшихъ переписи въ своихъ отечественныхъ городахъ казалось на взглядъ римскихъ властей подобнымъ тому, какъ если бы жители Рима и его округа собирались для переписи въ различныя мѣста, гдѣ каждый записывался, къ какой кто принадлежитъ трибѣ. Перепись производилась по колѣнамъ, домамъ и семействамъ, примѣнительно къ существовавшему у іудеевъ дѣленію; поэтому, хотя она и была производима по повелѣнію изъ Рима и съ цѣлію новыхъ налоговъ въ пользу Рима, тѣмъ не менѣе, по способу производства, она была совершенно Іудейскою и, слѣдовательно, не могла быть особенно ненавистною для іудеевъ. Но, съ другой стороны, и сами римляне не могли найти ничего несправедливаго въ такомъ способѣ производства переписи, и очень можетъ быть, что этотъ же самый способъ былъ удержанъ Квириніемъ и при второй переписи, хотя въ это время Іудея была уже сравнена окончательно въ платежѣ римскихъ податей съ остальными провинціями. Далѣе — первоначально всякое дѣленіе

іудейскаго народа соединялось непремѣнно съ мѣстнымъ, поземельнымъ раздѣленіемъ его; каждое колѣно, каждый родъ имѣлъ опредѣленное мѣстопребываніе. Ко времени Ирода такое мѣстное раздѣленіе исчезло. Отсюда-то объясняется различіе переписи древнѣйшихъ временъ отъ переписи во время Ирода великаго. При производствѣ переписи въ древности. когда жители извѣстнаго колѣна, дома или рода имѣли опредѣленное общее мѣстопребываніе, лица, завѣдывавшія переписью, хотя и должны были переходить изъ одного мѣста въ другое, тѣмъ не менѣе перепись была родовою, т. е. производилась по домамъ и родамъ; напротивъ, для исполненія переписи при Иродѣ сами жители разныхъ мѣстечекъ и городовъ должны были собираться въ свои отечественные города ([1]). Въ виду этого-то обстоятельства легко понять, почему первая перепись іудейская должна была продолжаться довольно долгое время (около двухъ лѣтъ, а можетъ быть и болѣе), даже если бы она была только переписью личною. Исполненіе ея могло идти лишь мало-по-малу. Одновремен-

([1]) При исчисленіи народа израильскаго, какое сдѣлалъ въ свое время Давидъ (2 Цар. XXIV гл.), говорится только о переходѣ изъ одного мѣста въ другое завѣдывавшихъ исчисленіемъ. Отсюда нѣкоторые какъ напр. *Кэймъ* заимствовали доказательство противъ достовѣрности повѣствованія евангелиста Луки. Но Кэймъ не обратилъ при этомъ вниманія на различіе обстоятельствъ дѣла. И если предположить даже, что такого различія доказать нельзя, тѣмъ не менѣе, остается совершенно возможнымъ то предположеніе, что одинъ разъ исполнители переписи лично обходили города и селенія, въ другой же разъ сами жители этихъ городовъ и селеній должны были собираться въ опредѣленныя мѣста. При производствѣ римскаго ценза, первоначальнымъ правиломъ было, чтобы граждане при этомъ являлись въ Римъ; но случалось также, что цензоры отправляли своихъ чиновниковъ для производства переписи на мѣстахъ самаго жительства. Это было иногда необходимо, какъ напр. для переписи лицъ, находившихся въ арміи. *В. Р.*

ная перепись хотя бы только одного колѣна повела бы къ большимъ замѣшательствамъ и, быть можетъ, вызвала бы возстаніе цѣлаго народа. Но если даже и не принимать при этомъ никакихъ особенныхъ препятствій, какъ бы легко они ни могли произойти, то могла послѣдовать, — что также весьма было возможно, — перемѣна правителей Сиріи, и окончить перепись могъ другой, не тотъ, который началъ ее.

Если древніе писатели ничего не говорятъ о первой переписи Квиринія, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и отвергать на этомъ основаніи существованіе переписи іудейской при Иродѣ — совершенно неправильно. Если бы даже о царствованіи Августа мы имѣли многихъ и подробныхъ историковъ, то и у нихъ могло быть не сказано ни слова о переписи, такъ какъ дѣло касалось весьма небольшой и незначительной въ политическомъ отношеніи страны. Если ничего не говоритъ также о первой переписи и Іосифъ Флавій, хотя онъ упоминаетъ о второй, то не говоритъ потому, что онъ вообще не касается въ своихъ извѣстіяхъ царствованія Архелая, при описаніи котораго онъ не преминулъ бы, безъ сомнѣнія, упомянуть о переписи, такъ какъ въ царствованіе Архелая она и была окончена [1]. Что касается христіанскихъ писателей, то они большею частію съ полною вѣрою повторяютъ только передаваемыя въ Евангеліи Луки обстоятельства дѣла. Впрочемъ, и ихъ извѣстія представляютъ нѣкоторый интересъ, — тотъ именно, что изъ нихъ можно видѣть, какъ понимали

(1) Если, дѣйствительно, нѣтъ у Іосифа Флавія прямыхъ указаній на певую перепись Квиринія, то тѣмъ не менѣе и у него можно находить довольно многіе слѣды несомнѣнного существованія ея. Разборъ ихъ см. у Визлера а. а. O. S. 94—100. *В. Р.*

упоминаемую въ Евангеліи Луки перепись древніе церковные писатели; а это весьма важно, потому что хотя древнѣйшіе изъ нихъ жили въ такое время, когда во всѣхъ провинціяхъ Римскаго государства была введена уже перепись по образцу римскаго ценза, но эта перемѣна, которая окончательно утвердилась лишь во время христіанскихъ императоровъ, тогда еще не получила полной силы. Наконецъ, апокрифическія евангелія, изъ какого бы ранняго времени они ни происходили, не представляютъ также никакихъ служащихъ къ разъясненію разсматриваемаго вопроса извѣстій; они показываютъ лишь, какъ было понимаемо повѣствованіе Луки въ массѣ людей необразованныхъ. Только въ Евангеліи Псевдо-Матѳея находится одно добавочное извѣстіе, что вмѣстѣ съ Іосифомъ и св. Марія должна была отправиться въ Виѳлеемъ для записи, такъ какъ и она происходила изъ дома и рода Давидова. Писатель Евангелія имѣлъ, вѣроятно, въ виду указать этою прибавкою на цѣль переписи — на поголовную подать, отъ которой не были изъяты и женщины (1). Іустинъ муче-

(1) Pseudo-Matth. evang. cap. 13: „Factum est autem post aliquantum tempus, ut fieret professio ex edicto Caesaris Augusti, ut profiteretur universus orbis, unusquisque in patria sua. Haec professio facta est a praeside Syriae Cyrino. Fuit ergo necesse, ut Joseph profiteretur cum beata Maria in Bethlehem, quia inde erat Joseph et Maria de tribu Juda et de domo et Familia David“. Писатель евангелія, какъ видно, не совсемъ ясно понималъ отношеніе переписи Іудеи къ переписи вселенной и кесарскому повъленію, точно такъ же какъ и писатель исторіи Іосифа, cap. 7: Interjecto deinde tempore prodiit mandatum ab Augusto Caesare rege, ut describeretur universus orbis habitabilis, unusquisque in patria sua. Inscripsit autem (Josephus) nomen suum catalogo. Тутъ, такимъ образомъ, о необходимости записи для св. Маріи ничего не говорится. Извѣстіе протоевангелія Іакова весьма кратко: Κέλευσις δὲ ἐγένετο ἀπὸ Αὐγούστου βασιλέως ἀπογράφεσθαι πάντας τοὺς ἐν (Βηθλεέμ) τῆς Ἰουδαίας (Protoevang. Iac., 17).

никъ въ своей апологіи, поданной императору Антонину Пію, говоря о рожденіи Іисуса Христа въ Виѳлеемѣ, говоритъ также, между прочимъ, что въ справедливости этого можно убѣдиться изъ таблицъ переписи, бывшей при Квириніѣ, первомъ прокураторѣ Іудеи ([1]). Изъ словъ Іустина видно, что упомянутыя таблицы еще были цѣлы въ его время и ихъ можно было видѣть.

Болѣе важности и интереса представляютъ извѣстія Тертулліана, жившаго въ такое время, когда первоначальный, принаровленный къ народнымъ особенностямъ каждой провинціи, способъ личной переписи еще существовалъ. Въ сочиненіи противъ Маркіона, говоря о раздѣленіи іудеевъ на колѣна, племена, роды и домы, Тертулліанъ, между прочимъ, говоритъ, что всякій легко можетъ убѣдиться въ дѣйствительности рожденія Іисуса Христа, хотя бы даже изъ недавно произведенной по повелѣнію Августа переписи, таблицы которой быть можетъ висятъ еще доселѣ ([2]). Изъ этихъ словъ Тертулліана видно, что списки или таблицы переписи, въ которыхъ было означено имя каждаго, висѣли въ виду всѣхъ; какъ кажется, это были тѣ же «общественныя таблицы», о которыхъ говоритъ Іосифъ Флавій въ своей родословной. Далѣе, по извѣстію Тертулліана, въ таблицахъ переписи было означено имя не одного

([1]) Apol. ad Anton. Pium, 1. 34: Κώμη δέ τις ἐστὶν (Βηθλεέμ) ἐν τῇ χώρᾳ Ἰουδαίων, ἀπέχουσα σταδίους τριάχοντα πεντε Ἱεροσολύμων, ἐν ᾗ ἐγεννήθη Ἰησοῦς Χριστὸς, ὡς καὶ μαθεῖν δύνασθε ἐκ τῶν ἀπογραφῶν τῶν γενομένων ἐπὶ Κυρηνίου τοῦ ὑμετέρου ἐν Ἰουδαιᾳ πρώτου γενομένου ἐπιτρόπου.

([2]) Adver. Marcion. IV, 36. Tam distincta fuit a primordio Judaea gens per tribus et populos et familias et domos, ut nemo facile ignorari de genere potuisset, vel de recentibus Augustianis censibus adhuc tunc fortasse pendentibus.

Іисуса Христа, но и Маріи, которая, слѣдовательно по его мнѣнію, обязана была также платить поголовную подать [1]. Тертулліанъ не дѣлаетъ разграниченія между двумя произведенными Квириніемъ переписями, и не дѣлаетъ, какъ вѣроятно, потому, что вторая перепись, при которой было оцѣниваемо и имущество каждаго, составляла какъ бы продолженіе первой, и производилась также по родамъ и домамъ, сообразно съ существовавшимъ у іудеевъ дѣленіемъ народа. Во всякомъ случаѣ, и послѣ того, какъ Іудея сдѣлалась непосредственною римскою провинціей, не существовало никакого другаго рода таблицъ переписи. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Тертулліанъ говоритъ о доказательствахъ, которыя въ его время могли бы быть приведены въ подтвержденіе дѣйствительности рожденія Іисуса Христа, онъ указываетъ на римскіе архивы [2], какъ мѣсто храненія таблицъ переписей; потому что изо всѣхъ провинцій, съ тѣмъ вмѣстѣ и изъ Іудеи, списки или таблицы переписи были отсылаемы въ Римъ, гдѣ во времена Тертулліана ихъ еще можно было видѣть.

Впрочемъ, всѣ эти замѣчанія Тертулліана о переписи очень неопредѣленны. Онѣ показываютъ только, какое важное значеніе онъ придавалъ ей; но ничего существеннаго для ея разъясненія не представляютъ. Не видно, чтобы Тертулліанъ имѣлъ при этомъ подъ

(1) Adver. Jud. 8: Fuit enim de patria Bethlehem et de domo David, sicut apud Romanos in censu descripta est Maria, ex qua nascitur Christus.

(2) Adver. Marcion. IV, 7: Et tamen quomodo in synagogam potuit admitti tam repentinus, tam ignotus, cujus nemo adhuc certus de tribu, de populo, de domo, de censu denique Augusti, quem testem fidelissimum dominicae nativitatis Romana archiva custodiunt?

руками какіе-либо другіе источники кромѣ евангельскаго повѣствованія Луки, которое онъ объясняетъ сообразно съ видѣнными имъ, въ свое время, переписями. Одно замѣчаніе Тертулліана въ этомъ отношеніи совершенно выдается изъ ряда другихъ, имъ сообщаемыхъ, а именно: въ сочиненіи противъ Маркіона, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Извѣстно, что переписью въ Іудеѣ при Августѣ завѣдывалъ Сенцій Сатурнинъ, и въ таблицахъ этой-то переписи они могли бы справиться о его происхожденіи» ([1]). Съ тѣхъ поръ, какъ начали различать два управленія Квиринія Сиріею, это извѣстіе Тертулліана понимали такимъ образомъ, что будто бы Тертулліанъ, признавая заключающееся въ повѣствованіи Луки противорѣчіе между рожденіемъ Іисуса Христа при Иродѣ и первымъ управленіемъ Квиринія Сиріею, намѣренно упомянулъ о Сенціѣ Сатурнинѣ, желая такимъ образомъ исправить погрѣшность Евангелиста ([2]). Но такъ думать нельзя. Нельзя, во-первыхъ, потому, что годъ рождества Іисуса Христа Тертулліанъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими отцами церкви, полагаетъ въ 3-мъ году до нашей эры; но если бы онъ дѣйствительно дѣлалъ какія-либо вычисленія относительно времени смерти Ирода, то легко увидѣлъ бы,

([1]) Но они (послѣдователи Маркіона) могли бы справиться о Его (I. Хр.) происхожденіи и въ таблицахъ переписи, которую производилъ, какъ извѣстно, въ то время въ Іудеѣ при Августѣ Сенцій Сатурнинъ.

([2]) Такъ объясняетъ это Теод. Моммзенъ, a. a. O. S. 125: Neque id non pervidit homo non rudis et satis acutus Tertullianus; nam ut contraria illa evitaret fortasse objecta Christianis ab aliquo eorum adversario, Quirinium missum fecit censusque illos scribit actos sub Augusto in Judaea per Sentium Saturninum (adver. Marc. 4, 19), scilicet qui praefuerit Syriae vivo Herode. Изъ словъ Тертулліана Моммзенъ совершенно произвольно опустилъ главное и характеристическое его выраженіе: *constat*.

что его предположеніе года рождества Іисуса Христа совершенно невѣрно. Но такъ какъ названный годъ Тертулліанъ принимаетъ какъ истинный годъ рождества Іисуса Христа, признавая въ тоже время вполнѣ вѣрность евангельскаго повѣствованія о рожденіи Іисуса Христа при Иродѣ великомъ, то, очевидно, никакихъ хронологическихъ вычисленій онъ не дѣлалъ; не дѣлалъ, стало быть, и какихъ-либо измѣненій или исправленій въ Евангельскомъ повѣствованіи, тѣмъ болѣе, что именно время перваго управленія Квиринія Сиріею особенно удобно согласовалось съ принятымъ имъ годомъ рождества Іисуса Христа. Во-вторыхъ, Тертулліанъ ясно говоритъ: *извѣстно* (constat), т. е. это есть общее и, какъ онъ думалъ, основательное мнѣніе. Такое выраженіе совершенно исключаетъ опять возможность какихъ-либо измѣненій въ евангельскихъ извѣстіяхъ, сдѣланныхъ Тертулліаномъ на основаніи собственныхъ догадокъ ([1]). Что же значитъ вышеупомянутое извѣстіе Тертулліана?

Весьма вѣроятно, что это свое извѣстіе Тертулліанъ заимствовалъ изъ какого-либо другаго источника, помимо Евангелія Луки, — источника, принятаго имъ за достовѣрнѣйшій. При этомъ, впрочемъ, онъ ни мало не отрицалъ, какъ было замѣчено, и правильности Евангельскаго повѣствованія Луки, гдѣ

([1]) Въ прежнее время, когда еще ничего не было извѣстно о первомъ управленіи Квиринія Сиріею, ученые, каковы *Санклементій* и *Идлеръ* допускали, что Сенцій Сатурнинъ былъ во время рождества І. Христа обыкновеннымъ правителемъ Сиріи, Квириній же — чрезвычайнымъ уполномоченнымъ императора Августа, назначеннымъ на время производства переписи. Такую важность придавали эти ученые извѣстію Тертулліана. *Цум.* Такую же мысль высказываетъ между прочимъ и преосвященный Филаретъ въ своемъ Начертаніи церковно-библейской исторіи, стр. 683, примѣч. 1. *В. Г.*

перепись называется переписью Квириніи. Если же, не смотря на то, Тертулліанъ называетъ именно Сенція Сатурнина, какъ завѣдывавшаго переписью Іудеи при Августѣ, и въ своей полемикѣ противъ отрицавшихъ человѣческое рожденіе Іисуса Христа (т. е. противъ маркіонитовъ), указывая имъ еще на существовавшія въ его время наглядныя доказательства этого, не упоминаетъ извѣстія евангелиста Луки о Квириніѣ, то это показываетъ только то, какъ мало затруднялись этимъ кажущимся противорѣчіемъ извѣстій и самъ Тертулліанъ и его противники. И той и другой сторонѣ обстоятельства переписи хорошо, конечно, были извѣстны; и та и другая сторона понимала, что ее могли производить два правителя Сиріи. И, дѣйствительно, если Тертулліанъ извѣстіе о Сенціѣ Сатурнинѣ, какъ производившемъ перепись Іудеи при Августѣ, выдаетъ за общепринятое и досстовѣрнѣйшее и въ тоже время не отрицаетъ правильности и повѣствованія Евангелиста Луки о переписи Квиринія, то возникающее при этомъ кажущееся противорѣчіе между рожденіемъ Іисуса Христа ранѣе смерти Ирода и управленіемъ Квиринія Сиріею, начавшемся лишь послѣ его смерти, разрѣшается очень легко, - и разрѣшается притомъ не на основаніи однѣхъ лишь догадокъ и предположеній, но съ одной стороны, на основаніи опредѣленныхъ историческихъ свидѣтельствъ, а съ другой, — на основаніи заимствуемыхъ изъ самаго существа дѣла данныхъ и ручательствъ такихъ лицъ, которыя вполнѣ вѣрно могли понимать эти данныя, какъ еще существовавшія въ ихъ время.

Сенцій Сатурнинъ прибылъ въ Сирію въ качествѣ

ея правителя въ 9-мъ году до нашей эры. Изъ словъ Тертулліана ясно не видно, началъ-ли онъ перепись Сиріи и Іудеи, или же только продолжалъ далѣе дѣло, начатое другимъ. Принимая въ соображеніе обстоятельства времени, вѣроятнѣе предполагать первое, а не послѣднее; потому что около того же времени, именно около 10-го года до нашей эры, были производимы переписи въ императорскихъ также провинціяхъ, Галліи и Далмаціи, и при томъ также не по правиламъ римскаго ценза, а примѣнительно къ мѣстнымъ обычаямъ и условіямъ быта покоренныхъ народовъ ([1]). Какъ видно вообще, около означеннаго времени было приступлено, наконецъ, къ повсемѣстному исполненію Августова эдикта о переписи всѣхъ провинцій и распредѣленію по нимъ налоговъ, — эдикта, изданнаго Августомъ, какъ было замѣчено, еще въ 27-мъ году до нашей эры. Можно думать, поэтому, что и Сенцій Сатурнинъ былъ посланъ въ Сирію, между прочимъ, именно съ порученіемъ—произвести перепись какъ въ Сиріи, такъ въ особенности въ подвластной Ироду Іудеи, съ тѣмъ чтобы, на основаніи этой переписи, вмѣсто обыкновенной, платимой дотолѣ Іудеею, дани римлянамъ, ввести въ нее поголовную подать. Неизвѣстно, какъ отнесся Иродъ къ этому распоряженію; но ему хорошо была извѣстна ненависть іудеевъ ко всякаго рода переписямъ и потому едва-ли онъ благопріятствовалъ ей. Между прочимъ отъ этого времени до насъ дошло извѣстіе о клятвѣ, которую іудеи должны были дать кесарю и Ироду; вѣроятно, это обстоятельство имѣло связь также съ переписью и было одною изъ приготови-

([1]) Dio Cass. LIV, 36.

тельныхъ мѣръ къ ней, такъ какъ переписи не были употребительны у іудеевъ и потому приступить къ ней было не легко, по крайней мѣрѣ вдругъ приступить было невозможно; очень можетъ быть, что приготовленія длились цѣлый годъ. Наконецъ, перепись была начата; исполненіе ея шло медленно, какъ и нельзя было ожидать иначе при принятомъ порядкѣ дѣла, а затѣмъ она должна была и совершенно остановиться, такъ какъ Сенцій Сатурнинъ въ 6-мъ году до рождества Христова былъ отозванъ изъ Сиріи, а его преемникъ, Квинтилій Варъ, былъ человѣкъ, какъ о немъ положительно извѣстно, въ высшей степени недѣятельный и слабый. Самъ Иродъ, содѣйствіе котораго было весьма важно въ предпринятомъ дѣлѣ, былъ весь погруженъ въ свои семейныя распри, раздоры съ своими сыновьями, а также занятъ былъ разными внутренними безпорядками своей страны; скоро, между прочимъ, ожидали и его смерти, и въ этихъ видахъ само римское правительство, какъ кажется, не спѣшило окончаніемъ начатаго дѣла, такъ какъ со смертію Ирода во всякомъ случаѣ предстояли весьма важныя перемѣны въ Іудеѣ. Въ началѣ 4-го года до нашей эры послѣдовала, наконецъ, смерть Ирода. Августъ колебался въ своей политикѣ относительно Іудеи, и, назначая новыхъ правителей ея, повелѣвалъ имъ управлять кротко и правосудно. А такъ какъ онъ не зналъ еще хорошо характера новыхъ правителей Іудеи, то, желая обезпечить правильное полученіе римскихъ доходовъ съ Іудеи при всякаго рода перемѣнахъ въ ея управленіи, сдѣлалъ также распоряженіе и объ окончательномъ исполненіи давно-задуманной и уже начатой пере-

писи. Съ этою-то спеціальною цѣлію, вмѣстѣ съ Архелаемъ и его братьями, и былъ посланъ въ Сирію, какъ ея новый правитель, Квириній. И, хотя перепись начата была еще Сатурниномъ, тѣмъ не менѣе исторія ея съ полнымъ правомъ могла быть соединена съ именемъ одного лишь Квиринія, не только потому, что Квириніемъ собственно были введены новые налоги сообразно съ сдѣланною переписью, но и потому, что тотъ же Квириній, во время втораго своего управленія Сиріею въ 6-мъ году по рождествѣ Христовѣ, имѣлъ вторичное порученіе произвести новую перепись въ Іудеѣ и притомъ не личную только, но и имущественную, которая и была причиною извѣстнаго возмущенія іудеевъ.

Такъ приблизительно можно представлять себѣ введеніе римской переписи въ Іудеѣ на основаніи дошедшихъ до насъ историческихъ свидѣтельствъ, по аналогіи этого дѣла въ другихъ странахъ и, наконецъ, по свойству нѣкоторыхъ, заимствуемыхъ изъ самой сущности дѣла, обстоятельствъ. Если при этомъ относительно нѣкоторыхъ частностей, подробностей мы остаемся въ области однѣхъ лишь догадокъ и предположеній, то относительно самой сущности дѣла, напротивъ, мы имѣемъ самыя опредѣленныя и несомнѣнныя историческія извѣстія. Повѣствованіе евангелиста Луки о переписи или подтверждается другими свидѣтельствами, или находится по крайней мѣрѣ въ полномъ согласіи съ исторіею. Постараемся резюмировать наше доселѣшнее изслѣдованіе въ его главнѣйшихъ пунктахъ.

Во первыхъ, евангелистъ Лука говоритъ въ своемъ евангеліи о всеобщей государственной переписи

и объ изданіи Августомъ эдикта относительно такой переписи; евангелистъ не опредѣляетъ точно времени изданія этого эдикта; но онъ полагаетъ его, какъ видно изъ его хотя и неопредѣленныхъ выраженій, незадолго до рождества Іисуса Христа. Обращаясь къ историческимъ даннымъ, мы находимъ, что повелѣніе относительно упоминаемой евангелистомъ всеобщей государственной переписи, Августъ дѣйствительно издалъ, и что оно было приводимо въ исполненіе лишь мало по малу. Начало римскихъ переписей, или такъ называемаго Римскаго ценза, восходитъ почти къ самымъ первымъ временамъ римскаго государства (1) и на первыхъ порахъ это было учрежденіе въ высшей степени благодѣтельное для внутренняго управленія и благосостоянія страны; но съ теченіемъ времени, съ быстрымъ расширеніемъ государства, лишившимъ гражданъ всякаго прямаго участія во внутреннемъ управленіи страны, сдѣлалось однимъ лишь политическимъ учрежденіемъ, неимѣвшимъ никакого благодѣтельнаго значенія для страны. Напрасно Цезарь старался преобразовать его сообразно съ потребностями времени и такимъ образомъ оживить вновь. Еще бо́льшее вниманіе обратилъ на это дѣло Августъ, когда онъ, послѣ побѣды надъ своими соперниками, обратился къ устройству государства. Древнему римскому цензу подлежали исключительно римскіе граждане,— и другихъ подвластныхъ Риму народовъ онъ не касался. Августъ предпринялъ особенную общую государственную перепись, или точнѣе— перепись провинцій, которая, впрочемъ, въ главныхъ

(1) Учрежденіе римскаго ценза принадлежитъ *Сервію Туллію*, предпослѣднему изъ царей древняго римскаго государства. *В. Р.*

своихъ основаніяхъ была сходна съ древнимъ римскимъ цензомъ. Распоряженіе о такого рода переписи было издано имъ еще въ 27 году до нашей эры, но исполненіе его производилось лишь постепенно, сперва въ провинціяхъ сенатскихъ и у народовъ, болѣе свыкшихся съ римскими обычаями, а потомъ мало по малу и у остальныхъ подданныхъ, встрѣчавшихъ нерѣдко римскую перепись и налоги сопротивленіемъ и возмущеніями. Такого рода переписи отдѣльныхъ провинцій производились еще и при преемникахъ Августа.

Во вторыхъ, у евангелиста Луки говорится, что, вслѣдствіе изданнго Августомъ повелѣнія, была производима перепись въ Іудеѣ при Иродѣ великомъ, и что по этой-то причинѣ праведный Іосифъ вмѣстѣ съ св. Марію, своею обручницею, долженъ былъ отправиться въ свой отечественный городъ Виѳлеемъ. Для этого извѣстія нельзя привести непосредственнаго подтвержденія изъ другихъ историческихъ источниковъ; потому что языческіе писатели не обращали никакого вниманія на Іудею. Ближе всего такого подтвержденія нужно было бы искать у Іосифа Флавія, іудейскаго историка; но у него въ повѣствованіи о томъ именно времени, гдѣ онъ долженъ бы былъ непремѣнно упомянуть о первой іудейской переписи, оказывается пробѣлъ. Но зато подтвержденіемъ полной исторической достовѣрности евангельскаго повѣствованія о порядкѣ производства іудейской переписи служатъ для насъ несомнѣнныя извѣстія о подобнаго же рода переписяхъ въ другихъ, подвластныхъ Риму, провинціяхъ. Какъ перепись въ Іудеѣ, хотя и производилась по повелѣнію изъ Рима, тѣмъ не ме-

нѣе примѣнительно къ іудейскимъ народнымъ особенностямъ, такъ точно было и въ другихъ провинціяхъ Что въ Іудеѣ былъ свой особенный царь,—это нимало также не могло служить препятствіемъ для производства римской переписи, какъ въ этомъ опять мы убѣждуемся изъ примѣра другихъ подобныхъ же провинцій, имѣвшихъ также своего особаго царя. Далѣе цѣлію тогдашней іудейской переписи было опредѣленіе поголовной подати, которую Іудеи должны были платить Риму, и которой подлежалъ не только Іосифъ, но и св. Марія,—вслѣдствіе сего и она должна была идти въ Виѳлеемъ. Наконецъ, временемъ разсматриваемой нами іудейской переписи былъ 10-й и послѣдующіе годы до нашей эры; около этого же времени подобныя переписи производились и въ другихъ провинціяхъ, частію примѣнительно къ мѣстнымъ, народнымъ особенностямъ, частію на общихъ римскихъ основаніяхъ.

Въ третьихъ, упоминаемая въ евангеліи Луки перепись называется *первою* и бывшею въ то время, когда Квириній былъ правителемъ Сиріи: таковъ буквальный и единственно правильный смыслъ словъ Луки. Такое пониманіе частію подтверждается прямыми и ясными историческими данными, частію,—тамъ, гдѣ этихъ данныхъ не достаетъ,—само по себѣ имѣетъ за собою историческую вѣроятность. Положительныя историческія свидѣтельства доказываютъ, что Квириній былъ два раза правителемъ Сиріи; первый разъ—начиная съ 4-го года до нашей эры; второй разъ—въ 6-мъ году по Р. Хр., когда онъ производилъ вторичную, такъ называемую кадастровую перепись. Правда, о первой переписи, во время перваго

управленія Сиріею, говорится только у Луки; но это извѣстіе Луки получаетъ полную историческую вѣроятность вслѣдствіе того, что въ извѣстіяхъ о второй переписи имѣется въ виду только перепись имущества, — что необходимо заставляетъ предполагать, какъ дополненіе ея, производство, бывшее еще ранѣе, собственно личной переписи; самымъ же удобнымъ и вѣроятнымъ временемъ такой переписи и было именно первое управленіе Квиринія Сиріею. Что касается при этомъ противорѣчія, какое оказывается повидимому между первою переписью Квиринія и крайнимъ возможнымъ предѣломъ времени рождества Іисуса Христа, то это противорѣчіе разрѣшается весьма легко, если обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ происходила эта перепись, т. е. на то, что она продолжалась долгое время и начата была однимъ правителемъ Сиріи, а окончена другимъ. Но въ особенности видно въ этомъ случаѣ несомнѣнное историческое извѣстіе о Сенціѣ Сатурнинѣ, какъ дѣйствительно производившемъ перепись во время рождества Іисуса Христа при Августѣ. Это извѣстіе составляетъ ключъ въ нашемъ изслѣдованіи и съ тѣмъ вмѣстѣ главное хронологическое данное, получаемое нами для опредѣленія года рождества Іисуса Христа изъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ іудейской переписи разсматриваемой эпохи. С. Сатурнинъ былъ правителемъ Сиріи съ половины 9-го до половины 6-го года до нашей эры. Если не обращать вниманія на различное преданіе, существовавшее въ древней церкви относительно мѣсяца и дня рождества Іисуса Христа и предположить его вообще въ концѣ года, то оно могло послѣдовать только въ одномъ изъ слѣ-

дующихъ трехъ годовъ: или въ 9-мъ, или въ 8-мъ, или въ 7-мъ году до эры Діонисія. Въ первомъ изъ нихъ едва ли можно полагать это. Если даже Сатурнинъ прибылъ въ Сирію, прямо имѣя уже порученіе произвести перепись подвластнаго ему округа, то и тогда не мало времени должно было пройти въ необходимыхъ для этого приготовленіяхъ и такимъ образомъ онъ едва ли могъ даже начать производство переписи въ годъ своего прибытія въ Сирію. Какой изъ двухъ остальныхъ годовъ былъ именно годомъ рождества Іисуса Христа, этого нельзя опредѣлить ни изъ извѣстій о Квириніѣ и его переписи, ни изъ разныхъ частныхъ обстоятельствъ этой послѣдней. Для этого мы должны обратиться къ другимъ даннымъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.С. Лебедев

Благодеяние Иисуса Христа распятого христианам

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 1. С. 135-149.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

БЛАГОДѢЯНІЕ ІИСУСА ХРИСТА РАСПЯТАГО ХРИСТІАНАМЪ.

Le bienfait de Jesus Christ crucifié envers les chretiens.

(Сочиненіе 16 вѣка. Матеріалъ для исторіи реформаціи).

Повреждение западной церкви ко временамъ реформаціи достигло крайнихъ предѣловъ. Превозношеніе папъ дошло до рѣшительнаго самообоготворенія: «unum est consistorium ipsius papae et ipsius Dei», говорили западные канонисты. Вмѣсто закона Божія воля человѣка стала управлять совѣстію людей. Истинная, живая вѣра, какъ внутреннее начало жизни, изсякла — въ тѣхъ широкихъ кругахъ, въ которыхъ дѣйствовало ложное начало папства — и вмѣсто нея явилась праведность чисто механическая, состоящая въ извѣстномъ исполненіи внѣшнихъ дѣйствій безотносительно къ внутреннему исправленію сердца — проникновенію самыми началами христіанства.

Печальное состояніе западной церкви, еще прежде Лютера, обращало на себя серьезное вниманіе людей, которымъ дорого было благосостояніе церкви, и даже

цѣлыхъ соборовъ, нарочито разсуждавшихъ о преобразованіи церкви во главѣ и членахъ. Отсюда понятенъ тотъ великій успѣхъ. съ которымъ распространялось движеніе, начатое Лютеромъ. Движеніе это нашло себѣ сочувствіе среди священной коллегіи самихъ кардиналовъ и папы въ самомъ дворѣ своемъ находили и казнили еретиковъ.

Въ этой-то средѣ явилось и названное нами сочиненіе, трактующее, въ противоположность значенію механической праведности у католиковъ, объ оправданіи христіанина вѣрою. Сочиненіе явилось въ первый разъ въ Венеціи въ 1542 году. Успѣхъ распространенія сочиненія былъ необыкновенный: въ одной Венеціи, въ теченіе 6 лѣтъ, напечатано было 40 тысячъ экземляровъ. Кромѣ того по стараніямъ кардинала Марона, оно было напечатано и во многихъ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Моденѣ, какъ на итальянскомъ языкѣ, такъ и въ переводахъ на разные другіе языки. Эта книга замѣчаетъ Ранке, сдѣлала на извѣстное время въ Италіи народнымъ ученіе объ оправданіи вѣрою; такъ что, по докладу инквизиціи, между одними учителями школъ было до 3000 человѣкъ, распространявшихъ это ученіе ([1]). Такой необыкновенный успѣхъ книги, кромѣ соотвѣтствія его потребностямъ времени, объясняется, между прочимъ, и внутренними свойствами самаго сочиненія — силою и теплотою христіанскаго чувства, искренностію и глубиною благочестія. Даже инквизиторы не отрицаютъ этихъ качествъ сочиненія, выражаясь о немъ въ слѣдующихъ словахъ: Traltava della giustificatione con dolce modo, ma hereticamente.

([1]) Ранке, римскіе папы, т. I, кн. 2.

(Сочиненіе объ оправданіи, написанное увлекательно, но еретически).

Рвенію, съ какимъ недовольные папствомъ хватались за эту книгу, вполнѣ соотвѣтствуетъ и то усердіе, съ какимъ, вскорѣ по ея появленіи, инквизиторы стали отыскивать и сожигать ее. Въ самомъ непродолжительномъ времени тысячи экземпляровъ погибли въ пламени и сочиненіе считалось окончательно погибшимъ. Такимъ именно, въ очень еще недавнее время, считали его два знаменитыхъ историка Ранке и Маколей. Вотъ слова послѣдняго объ этомъ предметѣ: «Успѣхи инквизиціи въ дѣлѣ истребленія сочиненій», не согласныхъ съ ученіемъ римской церкви, поразительны. Сочиненій, которыя нѣкогда были въ каждомъ домѣ, теперь нельзя найти ни одного экземпляра въ самыхъ огромныхъ европейскихъ библіотекахъ. Такую участь испытала, напримѣръ, книга, носившая названіе: «О благодѣяніяхъ смерти Христовой»; она была написана на тосканскомъ нарѣчіи, выдержала нѣсколько изданій и съ жадностію читалась во всѣхъ областяхъ Италіи. Но инквизиторы открыли въ ней лютеранское ученіе объ оправданіи одною вѣрою. Они осудили ее и теперь напрасно сталъ бы кто нибудь отыскивать ее» (¹).

Но сочиненіе не погибло. Англійскому ученому M. John Ayre удалось найти англійскій переводъ книги сдѣланный съ французскаго и перепечатанный въ Лондонѣ 1638. M. Ayre обнародовалъ въ 1847 году это сочиненіе съ своими изслѣдованіями о происхожденіи сочиненія. Другой, тоже англійскій ученый, M. B. M. Cowie, въ своемъ каталогѣ манускритовъ и

(¹) Историч. очеркъ папства.

книгъ рѣдкихъ объявилъ, что въ одной изъ библіотекъ въ Кембриджѣ, есть одинъ экземпляръ сочиненія и на Итальянскомъ языкѣ, напечатанный въ Венеціи въ 1543 г. Съ этого экземпляра сочиненіе было въ концѣ 1855 года буквально перепечатано г-мъ Curchil Babington, который присоединилъ къ итальянскому тексту англійскій переводъ и историко-критическое введеніе ([1]). Другое изданіе явилось въ 1858 г. въ Лейпцигѣ, съ анонимнымъ предисловіемъ, принадлежащимъ извѣстному Тишендорфу, въ которомъ (предисловіи) авторъ воспользовался изслѣдованіемъ M. M. Ayre и Babington.

Мы полагаемъ, что свѣдѣнія о жизни и судьбѣ автора сочиненія, имѣвшаго такую замѣчательную участь, и нѣкоторыя наиболѣе характеристическія выдержки изъ самаго сочиненія не лишены будутъ для читателей интереса.

Мнѣнія о лицѣ автора долгое время были разнорѣчивы; потому что авторъ въ виду инквизиціи—понятно, всячески старался скрыть свое имя. Вержеріо (одинъ изъ тогдашнихъ писателей) говоритъ, что въ его время книгу «о Благодѣяніяхъ» приписывали кардиналу Полю; по крайней мѣрѣ думали, что онъ относился къ ней съ большимъ сочувствіемъ. Несомнѣнно,—прибавляетъ онъ,—что онъ вмѣстѣ съ Фламиніемъ Пріоли и нѣкоторыми другими изъ своихъ учениковъ, заботился о распространеніи книги ([2]). Донесеніе упомянутыхъ у Ранке инквизиторовъ авто-

---

([1]) Послѣ нашелся еще итальянскій экземпляръ въ Штуттартѣ въ 1858 г:

([2]) Articule contra Card. Maron. Tubingue 1558. Gieseler Kirchengesch. III, 1. p. 501.

ромъ книги называетъ одного монаха изъ Сан-Северино, ученика Вальдеца, говоря при этомъ, что книга была просмотрѣна Фламиніемъ. Въ послѣдствіи, болѣе точныя изслѣдованія привели ученаго Шельгорна (Shelhorn) въ 1737 г., и послѣ него Ридрера (Riederer) и нѣкоторыхъ другихъ историковъ къ мнѣнію, что авторъ книги Антоній Палеаріо. Это мнѣніе у М. Cowie въ его «Исторіи реформаціи въ Италіи» является уже почти какъ несомнѣнное, и безусловно принято послѣдними, поименованными нами, издателями книги (Ayre, Babington, Tischendorf).

Антоній Палеаріо, родившійся въ 1534 г. въ Вероли, деревнѣ, неподалеку отъ Рима,—былъ въ Сіенѣ профессоромъ литературы греческой и латинской. Отличный поэтъ и ораторъ, онъ ринулся въ это движеніе, извѣстное подъ именемъ возрожденія наукъ. Но чтеніе Новаго Завѣта на подлинномъ языкѣ привлекало его ко Христу гораздо болѣе, чѣмъ всѣ классическія произведенія къ учителямъ Аѳинъ и Рима. Въ своихъ философскихъ лекціяхъ онъ высказывалъ идеи, которыя нравились слушателямъ смѣлостію, но которыя не замедлили возбудить и вызвать противъ него подозрѣнія и обвиненія въ ереси. Любившій его кардиналъ Садоле (Sadolet) просилъ его, по крайней мѣрѣ ради друзей его, быть осторожнымъ. Но Палеаріо былъ не изъ числа тѣхъ, которыхъ опасность заставляла молчать. «Если дать ему волю говорить и дѣлать, что онъ хочетъ», кричали между прочимъ усердные слуги папы, «скоро не останется въ Сіенѣ и слѣда религіи». «Почему?» прибавляетъ Палеаріо, самъ сообщающій объ этомъ обвиненіи. «Потому что, когда разъ спросили меня, какое первое основаніе нашего

спасенія, я отвѣчалъ: Христосъ! Меня спросили: какое второе? я опять отвѣчалъ: Христосъ! Наконецъ спросили: какое третье? и я опять отвѣчалъ: Христосъ, Христосъ и Христосъ!» ([1]).

Но, когда папское духовенство увидало въ печати это сочиненіе, грозившее быть для Италіи тѣмъ же, чѣмъ сочиненіе: «Плѣнъ Вавилонскій» для Германіи, тогда не было болѣе покоя сіенскому профессору, подозрѣваемому въ авторствѣ. Призванный въ сенатъ, онъ произнесъ защитительную рѣчь, начинавшуюся такимъ образомъ:

«Есть люди, которые, въ своемъ ожесточеніи, готовы винить другихъ, какъ преступниковъ, когда, въ ихъ присутствіи, воздаютъ хвалу Христу, виновнику нашего спасенія, владыкѣ всѣхъ народовъ. Такъ меня именно обвиняютъ теперь за то, что въ этомъ году я написалъ, на тосканскомъ нарѣчіи, сочиненіе о безпредѣльныхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ роду человѣческому смертію Спасителя. Можно-ли вообразить что нибудь постыднѣе такого обвиненія? Я говорилъ: поелику Тотъ, въ Комъ обитаетъ Божество, такъ любвеобильно пролилъ, ради нашего спасенія, кровь Свою, мы не должны болѣе сомнѣваться въ Божіемъ къ намъ благоволеніи, но можемъ наслаждаться полнымъ спокойствіемъ и миромъ. Я утверждалъ—и основывался въ томъ на несомнѣнныхъ свидѣтельствахъ древности,—что тѣ, которые душевно обращаются къ Распятому и предаютъ Ему себя съ вѣрою, бываютъ чужды всѣхъ золъ, потому что имъ прощены грѣхи ихъ. Вотъ что показалось такъ соблазнительнымъ этимъ двѣнадцати звѣрямъ (я не могу дать имъ дру-

([1]) Palearii Opera Ed. Haldbauer p. 519.

гаго названія), что они сочли автора стоющимъ сожженія. Если я, сенаторы, долженъ потерпѣть такую казнь за сдѣланное мною исповѣданіе (потому что на свое сочиненіе я именно смотрю болѣе, какъ на исповѣданіе своей вѣры, чѣмъ какъ на литературное произведеніе), то сочту это для себя величайшимъ счастіемъ. Въ такое время, какъ наше, я не думаю, чтобы христіанину можно было спокойно умирать въ постели. Пусть насъ бичуютъ, вѣшаютъ, зашиваютъ въ мѣшки, бросаютъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, или въ огонь: только бы возсіяла истина» (1).

(1) Palearii ed. p. 101. S. 9. C. M. Cril, Histoire de la Reforme en Italie, p 143. Suiv. Вотъ именно изъ этой рѣчи и открывается самымъ очевиднымъ образомъ, что писатель книги: «благодѣяніе Христа Распятаго» ни кто другой, какъ именно Антоній Палеаріо. Все здѣсь указываетъ на него, какъ на автора: онъ говоритъ, что писалъ маленькую книжку (libellus),—таково именно и есть разсматриваемое сочиненіе, говоритъ, что написалъ его на тосканскомъ нарѣчіи, и этимъ замѣчаніемъ какъ бы нарочито хочетъ отличить его отъ другихъ сочиненій, которыя дѣйствительно всѣ писаны у него не на итальянскомъ а на латинскомъ языкѣ; наконецъ всего важнѣе то, что указывается содержаніе и даже заглавіе книги, и притомъ не одинъ разъ, почти въ тѣхъ самыхъ словахъ, какія находятся въ книгѣ: онъ говоритъ о *благодѣяніяхъ* Христа распятаго, о незаслуженномъ нами прощеніи насъ Богомъ и спасеніи единственно чрезъ вѣру, и утверждаетъ все это на памятникахъ древности, т. е. отеческихъ свидѣтельствахъ, которыхъ дѣйствительно много въ книгѣ. Возмемъ еще во вниманіе, что упомянутый нами Верже́ріо утверждаетъ, что одинъ изъ авторовъ книги (онъ предполагаетъ двухъ) былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ самыми первыми сановниками римскаго двора: это какъ нельзя болѣе прилагается къ Палеаріо, который считалъ въ числѣ своихъ друзей кардиналовъ — Садоле, Бенбо, Поля, Маффеля, извѣстно также, что когда кардиналъ Моронъ былъ заключенъ въ темницу, по дѣлу лютеранства, одно изъ самыхъ главныхъ обвиненій было противъ него то, что онъ способствовалъ распространенію книги «благодѣянія Христа». Что же касается донесенія инквизиціи, которое приписываетъ книгу неаполитанскому монаху, — можетъ быть это была одна изъ обыкновенныхъ уловокъ инквизиціи—скрывать имена знаменитыхъ писателей, неблагопріятствующихъ папизму, съ цѣлію ослабить вліяніе ихъ сочиненій на народъ. Во всякомъ случаѣ свидѣтельство въ пользу Палеаріо, какъ писателя книги, весьма сильно.

Послѣ этого Палеаріо долженъ былъ оставить Сіену и удалиться въ Лукку. Онъ провелъ десять лѣтъ въ этомъ городѣ. Сенатъ миланскій сдѣлалъ ему почтительное приглашеніе—быть профессоромъ краснорѣчія. Эту должность проходилъ онъ въ теченіи семи лѣтъ, среди постоянныхъ опасностей отъ агентовъ папы, не смотря на покровительство сената. Наконецъ, въ 1566 году онъ былъ схваченъ и представленъ на судъ въ Римъ. Въ обвиненіе ему поставили его сочиненіе «О благодѣяніяхъ» и сношенія съ Окино и другими лицами, осужденными папою и жившими въ изгнаніи. Въ отношеніи ученія, главнымъ пунктомъ обвиненія было, что онъ приписываетъ оправданіе единственно вѣрѣ и милосердію Божію, которое прощаетъ намъ грѣхи по заслугамъ Спасителя.

Послѣ трехъ лѣтъ тюремнаго заключенія, Палеаріо, по приговору *священнаго* суда, былъ повѣшенъ, а тѣло его было сожжено (3 іюля 1570 г.). Идя на эшафотъ, онъ оставлялъ послѣ себя жену и четырехъ дѣтей. Въ самый день смерти онъ отправилъ къ нимъ прощальное письмо, проникнутое тѣми самыми чувствами и расположеніями, тою же теплою сердечною вѣрою, тою же религіозною восторженностію, которыя составляютъ отличительныя свойства его сочиненія *«О благодѣяніяхъ»*.

Женѣ онъ писалъ: «Я не хотѣлъ бы, чтобы моя радость была для тебя предметомъ скорби и мое благо—источникомъ огорченія. Пришелъ часъ, когда мнѣ нужно оставить этотъ міръ и предстать предъ моего Господа, моего Отца и Бога. Я непрестанно молилъ Бога, чтобы Онъ, по Своей благости и не-

изреченному милосердію, даровалъ мнѣ эту радость. На тебѣ лежитъ теперь, дорогая жена, долгъ — всецѣло посвятить себя пораженному горемъ семейству, которое меня переживаетъ; наставляй его въ страхѣ Божіемъ и будь заразъ отцомъ и матерью, я же теперь не болѣе, какъ безполезный 70-лѣтній старикъ... Богъ Отецъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Святой Духъ, да будутъ съ тобою».

Въ письмѣ къ дѣтямъ, завѣщавши сначала двумъ сыновьямъ послѣднія наставленія, онъ потомъ обращается къ дочерямъ съ слѣдующими словами: «Прощайте, Аспазія и Аонилла, прощайте, дорогія мои дочери о Богѣ. Часъ мой приблизился. Духъ святый да утѣшитъ васъ и осѣнитъ Своею благодатію».

Теперь о самомъ сочиненіи. Оно составляетъ небольшую книжку—въ 92 страницы in octo (по французскому переводу, который у насъ подъ руками). Все сочиненіе раздѣляется на 6 главъ. Въ первой главѣ говорится о первородномъ грѣхѣ и бѣдственномъ состояніи необлагодатствованнаго человѣка; во второй—о значеніи ветхозавѣтнаго закона, какъ путеводителя ко Христу; въ третьей—о томъ, что отпущеніе грѣховъ, оправданіе и все наше спасеніе зависятъ отъ Христа; четвертая — о плодахъ живой вѣры и единенія души со Христомъ; пятая, составляющая продолженіе предъидущей, — о крестѣ или страданіяхъ христіанъ (заглавіе: Какимъ образомъ христіанинъ облекается во Христа); шестая — о нѣкоторыхъ средствахъ противъ сомнѣнія, неувѣренности или отчаянія въ своемъ спасеніи.

Наиболѣе характеристичною мы находимъ главу

четвертую. Нѣсколько выдержекъ, сдѣланныхъ изъ нея, дадутъ намъ понятіе о всемъ сочиненіи.

«Святая и живая вѣра въ то, что Христосъ взялъ на себя грѣхи наши, столь дѣйствительна, что она дѣлаетъ вѣрующаго подобнымъ Христу, и чрезъ нее христіанинъ, подобно Ему, можетъ торжествовать надъ грѣхомъ, смертію, діаволомъ и адомъ. По этой-то причинѣ церковь, какъ и всякая вѣрная душа, называется супрогою Христа, а Христосъ ея супругомъ. Посмотрите на союзъ брачный; два составляютъ едино: достояніе того и другаго дѣлается общимъ ихъ достояніемъ; мужъ смотритъ на приданое своей жены такъ какъ бы оно составляло его собственность, а жена, въ свою очередь, смотритъ на доли и имущество своего мужа такъ какъ бы все это принадлежало ей самой. Подобнымъ же образомъ и Сынъ Божій находится въ союзѣ съ душею вѣрною, и такъ какъ послѣдняя не имѣетъ ни какой собственности, кромѣ грѣха, то Сынъ Божій и не возгнушался взять Свою невѣсту съ ея приданымъ грѣхомъ. Христосъ сказалъ; «приданое души, моей возлюбленной невѣсты, ея грѣхи, ея преступленія закона, гнѣвъ Божій, который она заслужила, опасность ада и всѣ другія бѣдствія я обращаю въ свою собственность; все это мое, и я дѣлаю изъ всего этого что мнѣ угодно. Все это я хочу уничтожить, бросивъ въ пламя моего креста». Когда Богъ увидалъ Своего Сына обремененнымъ грѣхами Его невѣсты, Онъ предалъ Его смерти на крестномъ древѣ. Но поелику Онъ былъ Его Сынъ возлюбленный, послушный Ему даже до смерти, Богъ воскресилъ Его, приведши отъ смерти въ животъ: Онъ далъ Ему всякую власть на небѣ и

на землѣ и посадилъ Его одесную Себя (Матѳ. XXVIII, 18). Невѣста, въ свою очередь, говоритъ съ великою радостію: «Богатство моего жениха, Его святость, Его невинность, Его праведность, Его божественность, вообще всѣ Его добродѣтели и Его власть дѣлаются моею собственностію и чрезъ Него я дѣлаюсь святою, невинною, праведною и божественною. Нѣтъ болѣе никакого порока во мнѣ я чиста и прекрасна; потому что мой Божественный Женихъ безъ порока, чистъ и прекрасенъ».

Святѣйшій по самой природѣ Своей, Онъ освятилъ оскверненное рожденіе Своей невѣсты, зачатой во грѣхѣ, Его дѣтство, Его святая жизнь, освятили несовершенныя дѣла Его возлюбленной невѣсты. Ибо таково дѣйствіе любви и общенія, которое существуетъ между душею истинно христіанскою и ея женихомъ, Іисусомъ Христомъ, что дѣла одного дѣлаются свойственными другой. Такимъ образомъ когда говорится: Христосъ постился, Христосъ молился, Христосъ воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ бѣсовъ, исцѣлялъ больныхъ, умеръ, воскресъ и вознесся на небо, — можно утверждать что всѣ эти дѣла свойственны и христіанину, который совершаетъ ихъ во Христѣ. Такимъ образомъ можно сказать, что христіанинъ былъ пригвожденъ ко кресту и положенъ во гробъ, что онъ воскресъ и вознесся на небо, сдѣлался сыномъ Божіимъ и причастникомъ божественной природы. И на оборотъ, всѣ дѣла христіанина, суть дѣла Христа — Онъ ихъ усвояетъ Себѣ; но такъ какъ эти дѣла сами по себѣ нечисты, а Онъ святъ и не можетъ сносить ничего несовершеннаго, то Онъ дѣлаетъ ихъ совершенными Своею силою; ибо Онъ хочетъ, чтобы Его

невѣста была всегда радостна и чужда страха, въ увѣренности, что какъ бы ни были несовершенны дѣла ея, они всегда пріятны Богу—чрезъ Его Сына».

Нельзя не видѣть, до извѣстной степени, мистическаго гиперболизма въ ученіи автора объ оправдывающей силѣ вѣры. Его жизненное и глубоко-внутреннее отношеніе къ вѣрѣ предотвращаетъ однако же тѣ крайніе и опасные въ практическомъ отношеніи выводы, какіе вздумалъ бы кто сдѣлать изъ его ученія.

«Да не обольщается кто нибудь, (говоритъ онъ) какъ дѣлаютъ это ложные христіане, злоупотребляющіе всѣмъ, чтобы только жить по плоти, что если одна вѣра спасетъ, то для спасенія ничего болѣе не требуется, какъ только вѣрить исторіи Іисуса Христа, подобно тому, какъ вѣрятъ разсказамъ о Цезарѣ или Александрѣ. Такое историческое вѣрованіе, основанное на простомъ свидѣтельствѣ людей, или Писаніи и легко усвояемое душой, силою одной привычки, ничѣмъ въ сущности не разнится отъ вѣры турокъ, которыя вѣрятъ всѣмъ баснямъ Корана [1]. Такая вѣра есть—простая мысль, простое воображеніе, или представленіе самаго человѣка, которое не обновляетъ ничего въ сердцѣ человѣка, которое не возгрѣваетъ въ немъ божественной любви и не сопровождается никакимъ добрымъ дѣломъ вѣры и жизни духовной... Такая вѣра не только не оправдываетъ, но еще низвергаетъ въ глубину ада всѣхъ тѣхъ, кто подобно юродивымъ дѣвамъ, не имѣетъ елея въ лампахъ, т. е. живой вѣры въ сердцѣ..

«Вѣра оправдывающая—есть дѣйствіе самаго Бога

[1] То-есть также безсильна для спасенія.

въ насъ, которымъ нашъ ветхій человѣкъ распинается (Рим. VI, 6) и мы, совершенно преобразившись во Христѣ, дѣлаемся новою тварію и возлюбленными чадами Божіими...

Поэтому-то Христосъ и приписываетъ спасеніе вѣрѣ, которую Богъ производитъ своимъ духомъ, а это спасеніе плодомъ своимъ всегда имѣетъ добрыя дѣла и святость... Какъ въ самомъ дѣлѣ можетъ быть, чтобы христіанинъ не былъ святъ, когда по его вѣрѣ, Самъ Христосъ есть его освященіе? Да, вѣра дѣлаетъ насъ праведными и святыми. Поэтому-то Павелъ и называетъ всѣхъ, которые именуются христіанами, святыми. Онъ говоритъ, что если они не имѣютъ въ себѣ Духа Святаго,—то не суть Его, т. е. не суть и христіане. Но если они имѣютъ Духа Христова, Который любитъ ихъ, управляетъ ими, — то нельзя опасаться, что они будутъ лѣнивы на добрыя дѣла, потому только, что признаютъ оправданіе одною вѣрою; потому что Духъ Св. есть Духъ любви, а любовь не можетъ быть праздною, ни утомляться, дѣлая добро.

Всякій, кто не находитъ въ себѣ такихъ плодовъ вѣры, долженъ признать, что онъ не имѣетъ еще самой вѣры, и долженъ просить ея у Бога, говоря: «Господи, помоги моему невѣрію»...

Вѣра оправдывающая есть какъ бы пламя, которое не можетъ не свѣтить. Но какъ пламя одно истребляетъ дрова безъ помощи свѣта, который оно производитъ, и однакожъ не можетъ существовать, не производя свѣта. Точно также и вѣра; она одна уничтожаетъ грѣхъ, безъ помощи дѣлъ, но не можетъ

никогда существовать безъ добрыхъ дѣлъ. Видя пламя не распространяющее свѣта, мы говоримъ, что это пламя не дѣйствительное (на картинѣ). Точно также, если мы не видимъ въ человѣкѣ свѣта его добрыхъ дѣлъ, мы можемъ заключать, что нѣтъ въ немъ истинной вѣры,—вѣры, которую Богъ производитъ Своимъ Духомъ, которую Онъ даетъ для оправданія и прославленія своимъ избраннымъ.

Мы можемъ еще сравнить оправдывающую вѣру съ божествомъ, которое было во Христѣ. Истинный человѣкъ, но безъ грѣховъ, Онъ творилъ эти удивительныя дѣла, исцѣляя больныхъ, возвращая зрѣніе слѣпымъ, ходя по водамъ, воскрешая мертвыхъ. Но эти чудесныя дѣла не были причиною того, что Христосъ былъ Богомъ. Прежде, чѣмъ Онъ совершилъ одно изъ этихъ дѣлъ, Онъ былъ уже Единородный Сынъ Божій, и Ему не было нужно, для того, чтобы быть Богомъ, творить чудеса; но Онъ творилъ ихъ, поелику былъ Богъ. Чудеса эти не сдѣлали Его Богомъ, но показали, что Онъ былъ Богъ. Точно также и вѣра живая и истинная: она есть божественное начало въ душѣ христіанина, дѣйствующее, такъ сказать, чудесно и не престающее творить добрыя дѣла. Но эти дѣла не суть причина, почему христіанинъ—христіанинъ, т. е. праведенъ, святъ, угоденъ Богу. Ему нѣтъ и нужды для того, чтобы дѣлаться такимъ, творить эти дѣла; но поелику онъ христіанинъ по вѣрѣ, также какъ Христосъ-Богъ по божеству (по самой божественной Своей природѣ), то онъ чрезъ это уже Самъ естественно творитъ всѣ эти дѣла»...

Такова разсматриваемая нами книга. Напряженіе, съ какимъ авторъ говоритъ объ оправданіи вѣрою,

живо даетъ чувствовать другой міръ —изсякшей и оскудѣвшей вѣры,—этотъ міръ съ его ученіями объ избыточествующихъ заслугахъ святыхъ, объ индульгенціяхъ, о внѣшней механической праведности...

А. Лебедевъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Свящ. А.Я. Кудрявцев

Церковный вопрос в Австрии

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 1. С. 150-158.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ АВСТРІИ.

ЛЕОПОЛЬДЪ II 1790—1792.

По смерти Іосифа II-го, централистическимъ планамъ австрійскаго правительства грозила сильная опасность. Оппозиція національная, соединившись съ оппозиціей церковной, требовала всѣхъ прежнихъ порядковъ, какъ въ отношеніи правъ и преимуществъ націй, такъ и въ отношеніи независимости церкви. Во главѣ оппозиціи стояла Венгрія, за ней: Бельгія, Богемія, Галиція и даже иллирская нація (сербы). Сеймъ богемскій, собравшійся 20 марта 1790 года въ Градчинѣ, наряду съ разными сословными и автономическими правами, требовалъ: духовной цензуры книгъ, изъятія изъ казны церковныхъ имѣній, замѣщенія профессорскихъ каѳедръ только добрыми римо-католиками, устраненія протестантовъ отъ сеймовыхъ собраній, отмѣны общихъ кладбищъ и дозволенія обращать малолѣтнихъ евреевъ въ христіанство. Сеймъ венгерскій, еще болѣе хлопотавшій о своихъ конституціонныхъ правахъ, предъявилъ еще большія требованія относительно церкви. Всѣ эти разныя сеймовыя

требованія предъявлены были еще разъ на общемъ съѣздѣ епископовъ, собранныхъ Леопольдомъ для разъясненія вопросовъ церковныхъ. Президентъ духовной коммиссіи, на разсмотрѣніе которой поступили всѣ эти требованія, богемско-австрійскій придворный канцлеръ Карлъ Крассель, писалъ о нихъ такъ: «Епископы хотятъ забрать въ свое управленіе всѣ почти политическія обстоятельства: они предъявляютъ притязанія на управленіе религіознымъ фондомъ, на судопроизводство по дѣламъ брачнымъ, на подчиненіе себѣ всѣхъ монастырскихъ имуществъ; они желаютъ исключить государственный надзоръ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся пастырской должности, церковной жизни вообще и духовенства въ особенности, и такимъ образомъ составить независимое государство. Выполни, прибавлялъ канцлеръ, эти требованія и тогда ясно какъ день, государству отнята будетъ всякая возможность дѣйствовать на умы гражданъ, а клиру предоставлена будетъ неограниченная свобода располагать умами народа и господствовать. «Едва-ли удалось бы австрійскому правительству справиться съ этой двойной оппозиціей, если бы во главѣ его, по смерти Іосифа, не сталъ такой мудрый и опытный правитель, какъ младшій братъ Іосифа, Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій. Благодаря его вполнѣ искусной дѣятельности, оппозиція ослаблена была такъ, что централистическая власть не пострадала почти ни мало. Искусство его состояло въ томъ, что онъ далъ волю всѣмъ наговориться, сдѣлалъ видъ, что хочетъ всѣхъ удовлетворить, а на самомъ дѣлѣ не удовлетворилъ никого, или же — въ однѣхъ мелочахъ. Изъ приведеннаго письма богемско-австрійскаго

канцлера видно, что австрійскіе епископы, въ своемъ собраніи, наговорили также довольно, какъ и сеймы, но получили также мало, какъ и тѣ. Раздѣляя вполнѣ взглядъ своего предшественника-брата на отношенія церкви къ государству, Леопольдъ понималъ, что уступить въ пользу церкви также опасно, какъ и въ пользу національностей; поэтому онъ рѣшилъ уступить только тамъ, гдѣ грозила дѣйствительная опасность; тамъ же, гдѣ ея не было, или гдѣ грозила она въ меньшей степени, тамъ оставить все, за небольшими исключеніями, на прежнихъ началахъ. Такъ какъ опасность болѣе всего грозила со стороны Венгріи, то въ отношеніи къ церкви въ Венгріи онъ былъ и болѣе уступчивъ. Желая задобрить венгерское духовенство и тѣмъ заручиться его сильнымъ вліяніемъ на сеймѣ, онъ возвратилъ ему всѣ тѣ права, какими пользовалось оно до Іосифа. 1) Онъ возстановилъ латинскій языкъ при Богослуженіи вмѣсто нѣмецкаго, передалъ на судъ духовенства всѣ дѣла касающіяся брака, снялъ съ него обязанность объявлять государственныхъ преступниковъ, дозволилъ совершать процессіи на страстной недѣлѣ и разныя другія празднества въ ихъ прежнемъ видѣ, словомъ, далъ церкви полную автономію. Далеко не былъ императоръ такъ уступчивъ въ отношеніи къ тѣмъ областямъ, гдѣ грозила ему меньшая опасность,—это: верхней и нижней Австріи, Богеміи, Галиціи, Коринтіи и др. Здѣсь Леопольдъ ограничился въ своихъ уступкахъ только такими церковными дѣлами, которыя дѣйствительно трудно было оставить въ вѣденіи правительства. Такъ, предоставляя епископамъ право имѣть надзоръ за богослуженіемъ, Леопольдъ самъ

сознавался, что уступка эта совершенно справедлива: «Какимъ, говорилъ онъ въ своей резолюціи, способъ, какимъ нужно обращаться въ церквахъ съ богослуженіемъ, не принадлежитъ вѣденію чиновниковъ, а епископовъ». 2) Онъ уволилъ духовенство отъ объявленія съ каѳедръ распоряженій правительства. 3) Подвергъ пересмотру брачный патентъ, съ указаніемъ впрочемъ, что измѣненія будутъ касаться только времени и качества разрѣшеній. 4) Разрѣшилъ епископамъ имѣть синоды, но не иначе какъ съ разрѣшенія правительства. 5) Уничтожилъ генеральныя семинаріи и предоставилъ, какъ назначеніе на священническія мѣста, такъ и надзоръ за образованіемъ духовенства, снова епископамъ. Главные же и существенные пункты, какъ-то: уничтоженіе процессій и братствъ, placetum regium для всѣхъ папскихъ и епископскихъ посланій, подчиненность духовныхъ суду власти гражданской по всѣмъ дѣламъ, касающимся — собственности монастырской, религіознаго фонда, конкурса для занятія духовныхъ мѣстъ, цензуры книгъ, наконецъ, отношеній къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, — остались въ томъ видѣ, какъ существовали они при Іосифѣ. Какъ ни ограниченны были всѣ эти уступки, но послѣ всего, что видѣло духовенство при Іосифѣ, оно и ими осталось довольно. Уничтоженіе генеральныхъ семинарій, въ связи съ возвращеніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ имуществъ, которыя были употреблены на ихъ содержаніе, особенно удовлетворило епископовъ. Дозволеніе употреблять прежній порядокъ при богослуженіи удовлетворило народъ, а постановленіе, чтобы никакая книга, заключающая въ себѣ прямо или косвенно осмѣяніе религіи и духовенства, не

была допускаема къ печати, весьма благотворно подѣйствовало на всю образованную публику. Благодаря такому образу дѣйствія правительства, церковная оппозиція хотя и была ослаблена, но то двойственное отношеніе, о которомъ сказали мы, положило начало несправедливому церковному дуализму, который продожается и до сихъ поръ и который былъ предвѣстникомъ еще болѣе несправедливаго настоящаго дуализма политическаго.

Тотъ же характеръ двойственности, какой видѣли мы въ отношеніи къ государствующей церкви, былъ примѣняемъ и въ отношеніи къ частнымъ церквамъ. И здѣсь императоръ Леопольдъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовалъ то такъ, то иначе. Такъ, въ отношеніи къ уніатамъ онъ былъ также терпимъ, какъ и Іосифъ, но какъ въ Галиціи онъ стоялъ между двумя народностями—польской и русской, изъ коихъ первая, болѣе оппозиціонная, хотѣла преобладанія надъ русскою не только въ политическомъ но и церковномъ отношеніи, а послѣдняя только того и добивалась, чтобы сохранить свою національность и обрядъ, то Леопольдъ хотѣлъ удовлетворить и ту и и другую. Поляки, выславъ въ Вѣну суффрагана Львовскаго архіепископа Каетана Кицкаго, просили: генеральную русскую семинарію уничтожить, а русское духовенство совершенно подчинить латинскому митрополиту. Русскіе, выславъ также двоихъ суффргановъ, отъ Львова—Скородынскаго и отъ Перемышля—Шпоринга, просили: семинарію оставить, уравненіе латинскаго и русскаго обрядовъ вновь подтвердить, а въ отношеніи къ управленію: возстановить достоинство митрополита и прежніе капитулы. Императоръ

удовлетворилъ и тѣхъ и другихъ. Въ угоду русскимъ, онъ семинарію оставилъ и равноправность обрядовъ подтвердилъ; что же касается управленія, то въ угоду мадьярамъ, онъ назначилъ сперва коммисію, которая должна была рѣшить: нужно ли возстановленіе митрополіи и соборовъ или нѣтъ. Эта уловка вполнѣ удалась. По случаю возникшей войны, коммисія была распущена и дѣло о возстановленіи митрополіи и соборовъ отложено до временъ болѣе благопріятныхъ.

Въ отношеніи къ православнымъ сербамъ, населяющимъ Славонію, Банатъ и другія части Венгріи, Леопольдъ II имѣлъ причины относиться еще болѣе благопріятно, чѣмъ его предшественникъ. Такъ какъ Іосифъ II оставилъ своему преемнику въ наслѣдство, кромѣ войны съ Турціей, сильную оппозицію со стороны мадяръ, то для Леопольда II такой вѣрный, такой преданный своимъ государямъ народъ, какъ народъ сербскій, былъ очень полезенъ. Вслѣдствіе этого, лишь только мадяры отказали сербамъ въ участіи на ихъ сеймѣ, онъ дозволилъ имъ собрать ихъ обычный народный конгрессъ, и, вопреки желанію мадяръ, чтобы конгрессъ былъ послѣ сейма, предписалъ, чтобы тотъ и другой были одновременно. Этотъ конгрессъ, происходившій въ 1790 году въ Темишварѣ, очень замѣчателенъ, какъ по составу членовъ, такъ и по предмету совѣщаній. По составу членовъ онъ важенъ тѣмъ, что на немъ кромѣ обычныхъ 25 лицъ духовныхъ, участвовали, въ первый разъ, епископы— Буковинскій и Трансильвальскій, подчиненные при Іосифѣ II сербскому митрополиту. По предмету совѣщаній—важенъ тѣмъ, что на немъ рѣшался вопросъ о политическомъ мѣстѣ сербовъ въ государствѣ. Мы

называемъ такой чисто политическій вопросъ важнымъ потому особенно, что съ нимъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ вопросъ церковный. Такъ какъ во всей предшествующей исторіи главными дѣятелями были митрополиты, подъ руководствомъ которыхъ совершались какъ самыя переселенія, такъ и самая дѣятельность народа, то всѣ привиллегіи императоровъ, хотя и были даны иллирской націи, но даны собственно духовенству и въ его преимущественную пользу. Поэтому, когда зашелъ вопросъ о мѣстѣ соборовъ въ государствѣ, то многимъ сербамъ пробавляться долѣе такими привиллегіями не хотѣлось, а желалось или такихъ правъ, которыя признаны были бы вообще государствомъ, или болѣе лучшаго приспособленія въ пользу народа самыхъ привиллегій. Такимъ образомъ образовались три партіи: клерикальная, народная и либеральная. Первая желала, чтобы сербамъ предоставлена была какая-либо опредѣленная территорія, на которой они пользовались бы, во всей силѣ, прежними привиллегіями. Народная партія также желала опредѣленной территоріи, но требовала, чтобы имущества монастырскія были обложены податьми въ пользу народнаго образованія. Третья или либеральная партія жалала, чтобы права сербской націи были признаны венгерской короной наравнѣ съ другими національностями, входящими въ составъ Венгріи. Послѣдняя партія, какъ искавшая соглашенія съ мадярами, получила названіе мадяронской. Борьба этихъ трехъ партій, ясно обозначившаяся на конгрессѣ, непрекратилась и до сихъ поръ и имѣла большое вліяніе на послѣдующую судьбу сербскаго народа. Она же послужила поводомъ къ распущенію конгресса въ

прошломъ 1869 году, но объ этомъ мы еще скажемъ впослѣдствіи. Такое раздѣленіе народа на партіи правительству было очень пріятно; оно, смотря по надобности, пользовалось то той, то другой. Леопольдъ, заключившій союзъ съ мадярами, счелъ нужнымъ опереться на послѣднюю партію. Въ особенной территоріи было отказано, но прежняя придворная иллирская канцелярія была возстановлена. Партія народная также получила удовлетвореніе. Положено было образовать три фонда: общенародный съ капиталомъ въ 203,017 флор. 2-й семинарскій и консисторскій и 3-й школьный. Въ пользу этихъ фондовъ обязаны были вносить каждогодно какъ епископы, такъ и монастыри съ церквами. Епископы обязались вносить до 10,000 фл. Кромѣ постановленій въ пользу образованія, на конгрессѣ много сдѣлано было въ пользу огражденія православія. Такъ отмѣнены были постановленія, по которымъ латинскимъ епископамъ: Великоварадинскому и Крижовачькому давались имѣнія для распоряженія, съ какого времени считать тотъ или иной приходъ уніатскимъ. Прежде очень часто случалось, что если парохъ или часть общины переходили къ уніи, то церковь считалась уже уніатскою; теперь же было опредѣлено, чтобы не считать церковь до тѣхъ поръ уніатской, пока не перейдетъ по крайней мѣрѣ три четверти общины; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, опредѣлялось вознаграждать остальную часть общины на столько, на сколько она принимала участія въ устройствѣ церкви. Православное духовенство получило совершенно равныя права съ римокатолическимъ, какъ въ отношеніи къ содержанію, такъ и суду. Уничтожены унизительныя для православнаго

духовенства названія—рацъ, шизматикъ, попъ; а опредѣлено всѣхъ священниковъ называть «парохами». Отмѣнено названіе «греко-соединенная церковь и не соединенная»; вмѣсто этого опредѣлено называть: «церковь восточная и церковь западная» ([1]).

Діаконъ А. Кудрявцевъ.

Вѣна.

(*Продолженіе будетъ*).

([1]) Радња Благовештенског сабора народа србског у сремским корловцима 1861.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Современное обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 1. С. 159-188.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Взглядъ на недавнее прошлое духовнаго сословія.—Начало преобразованій въ средѣ его.—Виды на будущее.

Приступая къ составленію періодическаго обозрѣнія текущихъ событій въ области церкви, мы прежде всего должны оглянуться назадъ, остановиться на грани, которая отдѣляетъ настоящее отъ прошедшаго. Эта грань проведена очень недавно. Настоящее, о которомъ мы будемъ говорить, началось передъ нашими глазами. Мы всѣ присутствовали при его зарожденіи и развитіи. Его послѣдствія еще не обнаружились передъ нами во всей своей полнотѣ. Но какія богатыя обѣщанія кроются въ этомъ настоящемъ! Какая прекрасная перспектива разстилается передъ нами въ будущемъ!

Христова церковь есть животворный источникъ, къ которому притекаютъ всѣ жаждущіе свѣта и истины. Она вліяетъ на всю жизнь человѣка отъ колыбели до могилы, и въ различные моменты его земнаго существованія приноситъ ему отраду и утѣшеніе, поддерживаетъ въ немъ бодрость духа, окриляетъ его на духовные подвиги, и, приготовляя въ

немъ гражданина неба, указываетъ ему пути и способы сдѣлаться достойнымъ званія, въ которое онъ призванъ на землѣ. Велика сила церкви; потому что она истекаетъ изъ силы божественной, потому что въ основѣ ея лежитъ слово Христа, вѣчное, могущественное и неизмѣняемое. Но для того, чтобы сила эта была вполнѣ дѣйственна и принесла плодъ между людьми, необходимы два условія: во-первыхъ— нужна добрая почва, на которой сѣмя слова Божія могло бы зрѣть, не заглушаясь терніями; во-вторыхъ— необходимо, чтобы тѣ, которымъ ввѣренъ этотъ священный залогъ, были достойными его носителями. Отсюда является двойственная потребность широкаго умственнаго и нравственнаго развитія пастырей церкви и прочнаго религіозно-нравственнаго развитія общества, и такъ какъ достойное развитіе общества въ этомъ направленіи находится въ прямой зависимости отъ всесторонняго развитія духовенства, то на это послѣднее должно быть прежде всего обращено вниманіе въ ряду мѣръ, предпринимаемыхъ для нравственнаго блага общества.

Задача эта очень многосложна. Для того, чтобы поднять умственный и нравственный уровень духовенства, нужно дать ему правильное воспитаніе, сообщить возможно широкое развитіе духовной наукѣ, облегчить духовенству способы дѣйствованія на паству, устранить отъ него ежедневныя заботы о кускѣ хлѣба, пробудить въ немъ сознаніе своей свободы и нравственнаго достоинства и сдѣлать его во всѣхъ отношеніяхъ полноправнымъ гражданиномъ церкви и общества, между которыми должна существовать самая тѣсная, неразрывная связь, которая точнѣе ска-

зать, должна жить однимъ и тѣмъ же духомъ, духомъ истины, правды и любви божественной.

Къ сожалѣнію, не такъ было у насъ до послѣдняго времени. Между представителями церкви и общества существовало пагубное разъединеніе. Духовенство было замкнуто въ отдѣльное сословіе и находилось лишь въ случайныхъ, такъ сказать оффиціальныхъ отношеніяхъ къ обществу. Съ своей стороны, и общество смотрѣло на духовенство, какъ на сословіе совершенно чуждое себѣ и нисколько не интересовалось тѣмъ, что происходило въ средѣ его, ничѣмъ не помогало ему въ выполненіи его высокаго назначенія. Оттого нравственно-религіозное воспитаніе общества не шло далѣе оффиціально утвержденныхъ программъ преподаванія закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ и рѣдкаго, большею частію вынужденнаго общественнымъ или служебнымъ положеніемъ, отправленія христіанскихъ обязанностей. Но на духовенствѣ недостатокъ живой связи между нимъ и обществомъ, въ соединеніи съ другими причинами, о которыхъ мы скажемъ далѣе, отразился еще болѣе невыгоднымъ образомъ. Воспитаніе духовенства пошло ложнымъ путемъ. Въ то время, когда въ свѣтской наукѣ дѣлались новыя открытія, вырабатывались новые способы преподаванія, обращалось вниманіе на раціональное развитіе умственныхъ силъ подрастающаго поколѣнія, духовная школа слѣдовала укоренившейся рутинѣ и не давала своимъ питомцамъ не только общаго, но и религіознаго образованія въ его живительномъ видѣ и надлежащемъ объемѣ. Преподаванія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не было и все дѣло ограничивалось заучиваньемъ, большею

частію безсмысленнымъ, задаваемыхъ уроковъ. Въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ такого явленія быть не могло; но и въ нихъ чувствовалось отсутствіе живой струи внѣшняго воздуха. Духовная наука замкнулась вмѣстѣ съ сословіемъ, которое трудилось на ея поприщѣ, и облеклась въ сухія схоластическія формы, и только нѣкоторые профессоры, силою своихъ высокихъ талантовъ и глубокой учености вливали въ нее ту животворную струю, которая дѣлаетъ столь привлекательнымъ занятіе наукой и столь плодотворнымъ ея вліяніе на человѣка.

Недостатокъ надлежащей подготовки къ высшему званію пастыря церкви отнималъ у духовенства возможность дѣйствовать на паству въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для нравственно-религіознаго преуспѣянія общества. Тотъ, кто призванъ учить другихъ, кому ввѣрено нравственное воспитаніе цѣлаго общества, долженъ обладать умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ надъ своими учениками и питомцами. Только тогда слово его будетъ имѣть авторитетъ, только тогда вліяніе его на общество будетъ дѣйствительно. Къ сожалѣнію, этого, за весьма рѣдкими исключеніями, не было. Масса духовенства не возвышалась надъ массою народа своими духовными силами. Недостатки его образованія сказывались на каждомъ шагу—въ жизни, въ школѣ, на церковной каѳедрѣ. Оттого и вліяніе его на паству было весьма слабо, и передъ его глазами нерѣдко возникали и развивались суевѣрія и вредныя привычки, съ которыми иной сельскій пастырь не только не могъ справиться, но вліянію которыхъ нерѣдко подчинялся самъ. Безсиліе духовенства въ нравствен-

но-религіознымъ воспитаніи народа выдавалось такъ рельефно и было такъ всеобще, что нѣкоторая часть общества потеряла вѣру даже въ возможность улучшенія въ этомъ отношеніи. Мы очень хорошо помнимъ время, когда, при наплывѣ въ наше общество модныхъ философскихъ и соціальныхъ идей, плохо переваренныхъ слишкомъ ярыми нововводителями, духовенство громко обвинялось въ неспособности быть руководителемъ народа въ его нравственномъ и умственномъ образованіи. Какіе напримѣръ горячіе споры велись изъ-за вопроса о томъ, кому быть учителями въ народныхъ школахъ! Противники духовнаго сословія, не смотря на несомнѣнныя заслуги нѣкоторыхъ членовъ духовенства на этомъ поприщѣ; не обращая ни малѣйшаго вниманія на многочисленныя препятствія, съ которымъ духовенству приходилось бороться для того, чтобы принести возможную пользу дѣлу народнаго образованія, и которыя слѣдовало только устранить, чтобы сдѣлать эту пользу ощутительнѣе; не принимая наконецъ въ расчетъ педагогической подготовки, объявленной обязательною для воспитанниковъ духовныхъ семинарій,—не смотря на все это, кричали во всеуслышаніе, что народныя школы слѣдуетъ изъять изъ круга дѣятельности духовенства, такъ какъ нѣтъ надежды, чтобы изъ этой дѣятельности могло выйти что-нибудь доброе,—и все это на томъ основаніи, что духовенство дотолѣ сдѣлало слишкомъ мало, а по словамъ его противниковъ даже ничего не сдѣлало для народнаго образованія. Подобное воззрѣніе на образовательную дѣятельность духовенства укоренилось до того, что рѣдкіе голоса, раздававшіеся въ пользу участія духовенства въ народныхъ школахъ,

считались чѣмъ-то дикимъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ.

Однимъ изъ послѣдствій недостаточной подготовки духовенства къ пастырской дѣятельности было слабое развитіе церковной проповѣди. Все имѣло здѣсь отпечатокъ оффиціальный. Проповѣди подавались къ извѣстному сроку мѣстному цензору только для выполненія тяжелой обязанности. Ни серьезности, ни вдохновенія, ни примѣнительности къ понятіямъ массъ въ нихъ не было и быть не могло. Проповѣди составлялись на скорую руку, большею частію списывались съ какого-нибудь забытаго проповѣдника, или компилировались изъ нѣсколькихъ. Внутренняго побужденія обратиться съ словомъ поученія къ прихожанамъ, научить ихъ правиламъ вѣры и нравственности христіанской—не оказывалось въ большинствѣ случаевъ, и масса коснѣла въ религіозномъ невѣжествѣ, представляя собою обширное поприще для суевѣрной или антихристіанской пропаганды. А между тѣмъ потребность въ церковной проповѣди ощущалась самимъ обществомъ. Лучшіе проповѣдники привлекали въ храмы многочисленныхъ слушателей, и проповѣди ихъ, предаваемыя тисненію, расходились въ значительномъ количествѣ экземпляровъ.

Вообще говоря, духовенство мало занималось и печатаніемъ чего бы-то не было. Развитіе духовной литературы было слабо. Духовные журналы издавались только учеными корпораціями академій, и по своему чисто ученому характеру имѣли мало распространенія въ публикѣ. Характеръ академическихъ изданій былъ между прочимъ причиною, что духо-

венство, не принадлежащее къ этимъ ученымъ корпораціямъ, мало дѣлало вкладовъ въ религіозную литературу. Все дѣло ограничивалось изданіемъ отдѣльныхъ книжекъ и брошюръ; но лица, занимавшіяся этимъ дѣломъ, были почти всѣ на перечетъ, а изданія ихъ не всегда отличались литературными достоинствами или писались въ формѣ мало доступной большинству. Само собою разумѣется, что и здѣсь были блестящія исключенія, и творенія нѣкоторыхъ изъ духовныхъ писателей навсегда останутся какъ драгоцѣнныя пріобрѣтенія духовной литературы, но списокъ этихъ твореній весьма не длиненъ.

Слабость развитія духовной литературы имѣла прямымъ своимъ послѣдствіемъ отсутствіе гласности въ духовномъ мірѣ. Хотя, повидимому, духовенство менѣе, чѣмъ какое-либо другое сословіе, нуждается въ оглашеніи своихъ дѣйствій, направленныхъ единственно ко благу паствъ, ввѣренныхъ его руководству; но съ другой стороны, и въ его средѣ гласность представляетъ много полезныхъ сторонъ для поддержанія его дѣятельности на подобающей высотѣ. Посредствомъ гласности происходитъ постоянный обмѣнъ мыслей по вопросамъ, близко касающимся даннаго сословія; она указываетъ на опыты дѣятельности однихъ, представляющіе другимъ или образцы для подражанія, или примѣры неудачъ и несовершенствъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать; она, кромѣ того, возбуждаетъ соревнованіе, заставляетъ быть осторожными тѣхъ, которые не привыкли церемониться съ своими обязанностями и наконецъ устраняетъ въ обществѣ ошибочное или превратное понятіе о харак-

терѣ и размѣрахъ дѣятельности тѣхъ или другихъ тружениковъ, нерѣдко оскорбительное для послѣднихъ и заставляющее ихъ опускать руки. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, отсутствіе гласности въ духовномъ сословіи было весьма ощутительно. Подъ покровомъ тайны, при отсутствіи общественнаго контроля, въ среду духовенства, къ сожалѣнію, вкрались многіе прискорбные недостатки, набрасывающіе тѣнь на жизнь и дѣятельность духовнаго сословія. Недостатки эти, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, принимали тревожные размѣры и заслуживали тѣмъ большаго сожалѣнія, чѣмъ выше это сословіе по своей идеѣ и чѣмъ серьезнѣе задачи, выполненіе которыхъ лежитъ на немъ. При отсутствіи гласности, не было и соревнованія, между представителями духовнаго сословія въ разныхъ епархіяхъ, ибо то, что дѣлалось одними, было покрыто мракомъ неизвѣстности для другихъ. Наконецъ, сколько разъ духовенство должно было выносить несправедливыя замѣчанія о своей мнимой недѣятельности, тогда какъ, во многихъ случаяхъ, дѣятельность его была несомнѣнна и приносила добрый плодъ. Мы можемъ указать, въ этомъ отношеніи, на безмездные труды духовенства по народному образованію, въ свое время бывшіе почти единственнымъ источникомъ свѣта въ нашихъ селахъ и деревняхъ. Мы не преувеличиваемъ этой дѣятельности и остаемся при мысляхъ, высказанныхъ нами по этому предмету выше; но мы рѣшительно возстаемъ противъ того огульнаго обвиненія духовенства въ безполезности его трудовъ по народному образованію, которое слышалось такъ часто; мы отдаемъ, напротивъ, полную справедливость его благороднымъ усиліямъ въ этомъ дѣлѣ, не

смотря на крайнюю скудость средствъ — вести его, какъ должно.

Укажемъ еще на одно обвиненіе, которому подвергалось наше духовенство,—все за недостаткомъ той же гласности,— не у насъ только, но и за предѣлами нашего отечества, въ странахъ иновѣрныхъ. Мы говоримъ о миссіонерствѣ между полудикими инородцами отдаленныхъ странъ Россіи. Обвиненіе это имѣло особенную важность, какъ въ частности для духовенства, такъ вообще для православной церкви. Иновѣрцы запада въ мнимомъ отсутствіи миссіонерской дѣятельности православнаго духовенства видѣли слабость православія, его мертвенность и недостатокъ въ немъ экспансивной силы. Это укрѣпляло въ иновѣріи ложное понятіе о православной церкви и давало оружіе ея исконнымъ врагамъ, много пособлявшее пагубной пропагандѣ іезуитизма и протестантства посреди православныхъ населеній востока; наконецъ, это отводило глаза тѣмъ, которымъ внутреннее чувство подсказывало, что, можетъ быть, эти обвиненія, особенно со стороны іезуитовъ, никогда не пользовавшихся сочувствіемъ западныхъ христіанъ, что обвиненія эти, быть можетъ, болѣе настойчивы, чѣмъ справедливы, и что ближайшее знакомство съ церковью, въ которую бросаютъ грязью, было бы далеко не излишнимъ. Что же было причиною такихъ обвиненій? Разумѣется, недобросовѣстность тутъ играла важную роль, но и отсутствіе гласности относительно трудовъ нашихъ миссіонеровъ много облегчало задачу нашихъ обвинителей и клеветниковъ. Самоотверженные труды сѣятелей слова Божія посреди русскихъ инородцевъ были почти совершенно неиз-

вѣстны ни русскому, ни иностраннымъ обществамъ, и однакоже въ числѣ нашихъ миссіонеровъ были такіе крупные дѣятели, каковы: Макарій алтайскій и Иннокентій алеутскій. Миссіонерскіе труды высокопреосвященнаго Иннокентія, начатыя имъ въ санѣ священника и продолжавшіеся до самаго назначенія его на московскую митрополію, труды, соединенные съ неимовѣрными усиліями и лишеніями, составляютъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи православной церкви и имя этого апостола сѣверныхъ странъ перейдетъ въ отдаленное потомство. Цѣлые десятки тысячъ инородцевъ были приведены ко Христу имъ однимъ, а сколько было еще другихъ, безвѣстныхъ, скромныхъ дѣятелей на нивѣ Божіей, которые неутомимо распространяли свѣтъ евангелія, терпя голодъ, стужу и наготу; но кто же зналъ о нихъ, кто слышалъ о ихъ великихъ подвигахъ, кто вдохновлялся этими подвигами и соревновалъ имъ?

Людское злословіе любитъ пользоваться неизвѣстностью съ одной стороны, чтобы обрушиться всею массою несправедливыхъ нареканій на другую. Эта неизвѣстность заставляетъ злословящихъ утверждать, что не только никакой дѣятельности въ данной области не было, но что подобные праздные, по ихъ мнѣнію, люди даже прямо вредятъ дѣлу, къ которому они приставлены.

Духовенство, говорятъ злые люди, ничего не сдѣлало для распространенія христіанства между язычниками и магометанами; но оно сдѣлало кое-что худшее этого: оно допустило уже обратившихся къ церкви инородцевъ или принадлежавшихъ къ ней русскихъ— первыхъ опять совратиться въ иновѣріе, послѣднихъ

удалиться въ расколъ. Къ прискорбію сыновъ православія, факты, на которые указываютъ противники духовенства, вѣрны: отпаденія отъ православія бываютъ и иногда въ немаловажныхъ размѣрахъ. Но вопросъ въ томъ: дѣйствительно-ли въ этихъ отпаденіяхъ виновно духовенство, или, по крайней мѣрѣ, виновно-ли оно въ этомъ, какъ непосредственно дѣйствующая причина? Мы, не обинуясь, отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно. Войдемъ по этому поводу въ нѣкоторыя общія разсужденія.

Духовенство, какъ и всякое другое сословіе, несетъ на себѣ всѣ невыгоды общества, посреди котораго оно живетъ и къ которому принадлежитъ по своему внѣшнему положенію. Если общество живетъ фальшивыми преданіями, если въ организмѣ его есть какой-нибудь существенный порокъ, если оно подвергнуто вліянію разныхъ нравственныхъ аномалій, то духовенство, не смотря на свою замкнутость, подвергается всѣмъ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя проистекаютъ изъ недостатковъ въ строѣ общественномъ. Мало того—въ силу той же самой замкнутости, духовенство еще сильнѣе терпитъ эти послѣдствія, такъ какъ его внутреннихъ, сословныхъ ресурсовъ недостаточно, чтобы устранить отъ себя всѣ невыгоды своего положенія, а общество не хочетъ идти къ нему на помощь, даже тогда, когда оно могло бы это сдѣлать. Все это оканчивается тѣмъ, что духовное сословіе лишается энергіи, теряетъ силы и падаетъ наконецъ подъ бременемъ тягостей, которыя гнетутъ его со всѣхъ сторонъ.

Общество наше, еще въ очень недавнее время, было лишено всякой самодѣятельности, всякаго по-

чина въ общественномъ дѣлѣ. За него думало и дѣлало правительство, а общество довольствовалось слѣпымъ, холоднымъ исполненіемъ даваемыхъ ему предписаній, не заботясь ни о чемъ, не выражая никакихъ желаній. Затѣмъ, общество ничего не знало о полноправіи всѣхъ своихъ членовъ; все оно было раскроено на отдѣльныя сословія, и каждое изъ этихъ сословій пользовалось особо предоставленными ему правами, исполняло свои отдѣльныя обязанности и руководствовалось спеціально для каждаго изданными законами. Единства въ дѣятельности всѣхъ этихъ отдѣльныхъ кусковъ общества быть не могло. Одно какое-либо сословіе не могло пользоваться для своего обновленія тѣмъ, что было живаго и раціональнаго въ другомъ: все расходилось въ разныя стороны. Но хуже всего было то, что при преобладаніи, въ силу нравственныхъ, матеріальныхъ или общественныхъ условій, одного сословія надъ другимъ, тѣ сословія, которыя не обладали этими условіями, потеряли всякую самостоятельность въ своей жизни и дѣятельности, и поставлены были въ необходимость смотрѣть изъ рукъ другихъ. Удивительно-ли послѣ этого, что между сословіями потерялось равноправіе и, когда одно изъ сословій выдвигалось впередъ, другія отходили все дальше и дальше на задній планъ. Духовенство было въ числѣ этихъ послѣднихъ.

Хотя религія всегда цѣнилась высоко въ нашемъ православномъ обществѣ; хотя выраженіе: «*за вѣру* и царя *православнаго*» было лозунгомъ, съ которымъ вся Русь ополчалась на врага; хотя предки наши всегда гордились именемъ православныхъ, именуя всѣхъ иновѣрцевъ басурманами,— тѣмъ не менѣе со-

словіе, которое было представителемъ и провозвѣстникомъ религіозныхъ истинъ, не пользовалось тѣмъ уваженіемъ, которое подобало его высокому званію. Происходило-ли это вслѣдствіе его происхожденія изъ низшихъ слоевъ общества и его внѣшней грубости, было-ли это результатомъ наплыва, въ слѣдъ за реформою Петра, западныхъ идей, далеко расходившихся съ религіознымъ закаломъ нашего до-петровскаго общества и сильно измѣнившихъ нашу народно-православную физіономію; — но несомнѣнно одно: что духовенство наше теряло постепенно свое до-петровское общественное и государственное значеніе и низпало на степень паріи, съ которымъ никто уже не стѣснялся въ своихъ ежедневныхъ къ нему отношеніяхъ. Было то грустное время, когда помѣщики сѣкли священниковъ на конюшняхъ, а простой народъ сочинялъ разныя крайне не обязательныя для духовенства поговорки. Слово *попъ*, бывшее когда-то оффиціальнымъ и ходячимъ именованіемъ священниковъ, сдѣлалось презрительнымъ и, наконецъ, дѣло дошло до того, что назвать себя происходящимъ изъ духовнаго званія, воспитанникомъ духовно-учебнаго заведенія, семинаристомъ, значило, окончательно погубить себя въ общественномъ мнѣніи!!!

Положеніе духовенства отягчилось еще болѣе отъ уничтоженія равновѣсія силъ въ его собственной средѣ. Ни въ одномъ сословіи не было такихъ прискорбныхъ явленій, какія можно было встрѣтить въ духовномъ сословіи на каждомъ шагу, во всѣхъ родахъ его дѣятельности, даже въ его внутреннемъ бытѣ. То, что происходило въ цѣломъ обществѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, въ духовенствѣ заключено было въ болѣе

тѣсную, но вмѣстѣ и въ болѣе гнетущую рамку. Преобладанію однихъ сословій и родовъ службы надъ другими, отличавшему весь нашъ общественный строй, въ духовной средѣ соотвѣтствовало тягостное преобладаніе лицъ, имѣвшихъ какое-нибудь значеніе въ церковной администраціи, надъ лицами, не имѣвшими никакой административной силы. Жалобы духовенства на это не нормальное положеніе вещей слышались отовсюду, а помощи противъ произвола и насилія оно не видѣло ни отъ кого. Еще на школьной скамьѣ привыкнувъ трепетать при видѣ начальника или учителя, оно перенесло этотъ трепетъ и въ свою служебную сферу. Благочинные и консисторіи представлялись для духовенства страшною властью, способною наносить только удары, и эти удары были дѣйствительно неотразимы. Благочинные часто безконтрольно аттеставали духовенство; по своему провѣряли дѣятельность причтовъ; по своему разбирали ихъ домашнія дрязги; въ ихъ рукахъ были первые элементы наградъ и наказаній, и они пользовались своими правами съ удивительною широтою. Они дѣлали подчиненному духовенству выговоры и замѣчанія, собирали съ нихъ постоянную дань, увеличивавшуюся каждый разъ, когда между подчиненными замѣчалось нѣчто такое, къ чему можно было придраться, и заставляли ихъ только кланяться себѣ да просить объ отеческомъ снисхожденіи. Оттого духовенство находилось въ постоянно возбужденномъ состояніи и одна мысль о пріѣздѣ благочиннаго для ревизіи, или о необходимости явиться къ нему съ отчетомъ о своихъ дѣйствіяхъ наводила на духовенство невольный, безотчетный страхъ.

Но этотъ страхъ принималъ гораздо большіе размѣры, когда нужно было являться въ епархіальный городъ, къ начальству и въ консисторію. Тутъ даже сами благочинные, такъ отлично разыгрывавшіе роль маленькихъ деспотовъ въ своемъ околодкѣ, впадали въ лихорадочную дрожь, не говоря уже о вѣчно-трепетавшемъ рядовомъ духовенствѣ. И было отчего. Консисторіи не церемонились съ представителями сельскаго духовенства и, находя въ нихъ главный источникъ своихъ доходовъ, разработывали этотъ рудникъ съ особеннымъ тщаніемъ, не пренебрегая ни угрозами, ни явнымъ нарушеніемъ законовъ. Консисторіи, правду сказать, руководствовались въ своей дѣятельности тѣми же побужденіями, какъ и свѣтскія судебныя учрежденія. Канцелярская тайна и скудость содержанія чиновниковъ давали имъ поводъ и возможность дѣйствовать единственно въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ, и потому все, что не отвѣтствовало этимъ интересамъ и нарушало ихъ, преслѣдовалось консисторіями, какъ не законное. Понятно, что при такомъ основномъ принципѣ консисторской дѣятельности наиболѣе виновными оказывались люди бѣдные, а такими было и есть огромное большинство духовенства. Каковы же долженствовали быть нравственныя страданія людей, которые каждую минуту чувствовали надъ собою мечъ благочиннической и консисторской власти, и не имѣли средствъ отклонить отъ себя ежеминутно готовящійся ударъ! На покровительство власти, на силу закона надежды у нихъ быть не могло, и вотъ они прибѣгали ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы обезопасить свое положеніе. Сколько тутъ приходилось терпѣть уни-

женій; сколько разъ иной священникъ долженъ былъ кривить совѣстью и гнуть спину передъ высокомѣріемъ! И какое гибельное дѣйствіе производили на его нравственную сторону окружавшія его со всѣхъ сторонъ несправедливость и равнодушіе!

Таково было внутреннее и внѣшнее положеніе духовенства во времена еще для всѣхъ насъ памятныя. При всемъ желаніи его подняться до той высоты, на которой ему слѣдовало стоять по своему великому общественному и церковному значенію, оно не могло этого сдѣлать: въ немъ самомъ не было для того достаточнаго запаса нравственныхъ силъ; его собственная среда тормозила въ немъ всякую попытку улучшенія, а общество относилось къ нему съ равнодушіемъ или презрѣніемъ.

Понятно, что при такомъ положеніи вещей, духовенство съ ужасомъ смотрѣло на всеобщее сокрушеніе своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Предоставляемое самому себѣ, лишенное принадлежавшихъ ему нѣкогда имуществъ, вынужденное питаться отъ подаяній своихъ прихожанъ, униженное и оскорбленное, оно все болѣе и болѣе теряло силу, которою когда-то обладало въ государствѣ и обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, быстро падали и его матеріальныя средства. Нужда въ насущномъ кускѣ хлѣба стала грозно напоминать о себѣ. Нищета распространялась все больше и больше, и духовенство стало въ горестную зависимость не только отъ высшихъ сословій, но даже отъ простаго крестьянина, который своимъ высокомѣріемъ, подбитымъ грубостью нравовъ и необразованностью, доводилъ униженіе священника до послѣднихъ предѣловъ. Иной причтъ, по-

добно нищему, таскался по дворамъ и подъ окнами своихъ духовныхъ чадъ, и, какъ милости, выпрашивалъ себѣ пукъ пеньки, вязанку дровъ или щепоть хлѣбнаго зерна. Сколько оскорбленій онъ долженъ былъ выносить при этомъ! А между тѣмъ нужда не дожидалась; изба оставалась нетопленной; дѣти плакали отъ голода, и вотъ духовенство въ конечномъ результатѣ дошло до горькой необходимости усиливать служеніе молебновъ и литій въ рождественскіе, пасхальные и храмовые праздники единственно для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ къ существованію, и такимъ образомъ обращать это священное дѣло въ ремесло, а затѣмъ явились разнаго рода пороки, уступчивость самымъ нелѣпымъ прихотямъ прихожанъ, уклоненіе отъ первоначальнаго идеала своей пастырской дѣятельности, равнодушія къ своимъ священнымъ обязанностямъ и т. д.

Остановимся на этомъ и спросимъ самихъ противниковъ духовенства: у кого изъ нихъ самихъ нашлось бы достаточно нравственныхъ силъ, чтобы устоять противъ столь тяжкихъ невзгодъ? кто не палъ бы подъ бременемъ такой невыносимой ноши? Нѣтъ, съ подобными препятствіями къ дѣятельности трудно работать, и въ нихъ-то именно скрывается главный источникъ того нравственнаго упадка нѣкоторой части нашего духовенства, того ослабленія его духовныхъ силъ, которыя не даютъ ему возможности быть въ полной мѣрѣ полезнымъ обществу и дѣлу религіознаго служенія. Этимъ объясняется все, что есть ненормальнаго въ отношеніяхъ духовенства къ области религіозныхъ интересовъ: и слабость церковной проповѣди, и отсутствіе плодотворнаго дѣйство-

ванія между иновѣрцами и инородцами, и недостатокъ нравственнаго примѣра для прихожанъ и проч. и проч. Конечно, каждое изъ этихъ явленій обусловливается также другими, ближайшими причинами, имѣющими непосредственное вліяніе на тотъ или другой видъ извѣстнаго явленія въ духовной сферѣ; но эти частныя причины не имѣютъ того рѣшительнаго характера, которымъ, къ прискорбію, отличается матеріальная, нравственная и сословная скудость духовенства.

Картина, которую мы набросали лишь въ общихъ чертахъ, не касаясь тысячи раздирающихъ душу подробностей, далеко не утѣшительна; но она вѣрна еще не давней дѣйствительности. Да, духовенство наше находилось именно въ такомъ, если еще не въ худшемъ положеніи и нечего повторять, что оно не въ состояніи было выполнить своего назначенія, какъ должно. Но такое положеніе не могло продолжаться до безконечности: оно угрожало самымъ существеннымъ—религіознымъ и нравственнымъ интересамъ общества, и нужно было, наконецъ, принять мѣры противъ увеличивающагося зла. Нашему времени, богатому великими реформами на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, суждено было внести свѣтъ и жизнь и въ среду духовенства. Передъ нашими глазами положено начало удовлетворенія какъ нравственнымъ, такъ и матеріальнымъ интересамъ духовнаго сословія, и по тѣмъ результатамъ, которые произошли отъ того теперь же, уже можно надѣяться что духовенство воспрянетъ изъ своего угнетеннаго положенія и принесетъ обществу и церкви всю ту пользу, какой они вправѣ ожидать отъ него.

Улучшеніе въ положеніи духовенства собственно всегда составляло предметъ заботливости правительства; но мѣры, принимавшіяся имъ въ этомъ отношеніи, не имѣли единства и касались лишь нѣкоторыхъ сторонъ всего дѣла. Общая мѣра, болѣе существеннымъ образомъ коснувшаяся вопроса, принята лишь въ 1862 году, когда состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи въ С. Петербургѣ главнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Программа занятій этого присутствія состояла въ изысканіи мѣръ: а) къ улучшенію матеріальнаго быта духовенства; б) къ увеличенію личныхъ его гражданскихъ правъ и преимуществъ; в) къ открытію дѣтямъ духовныхъ лицъ путей для обезпеченія своего существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности; г) къ открытію духовенству способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ. При тогдашнемъ взглядѣ на дѣло, мѣры, предложенныя присутствію для изысканія, обнимали собою всѣ роды дѣятельности духовенства и касались всѣхъ сторонъ его быта. Поэтому само духовенство возлагало большія надежды на присутствіе и полагало, что присутствіе разрѣшитъ, наконецъ, запутанный вопросъ объ улучшеніи его быта и о его болѣе правильномъ общественномъ положеніи. Но съ теченіемъ времени, занятія присутствія приняли иное направленіе, болѣе согласное съ воззрѣніями, которыя постепенно вырабатывались въ обществѣ и въ литературѣ. Вопросъ о ближайшемъ участіи духовенства въ народныхъ училищахъ разрѣшился тѣмъ, что духовенству предоставлено было, во-первыхъ, вѣдать заводимыя имъ училища, на общемъ всѣмъ вѣдомствамъ и частнымъ

лицамъ основаніи; во-вторыхъ, на духовенство исключительно возложено обученіе закону Божію въ народныхъ школахъ, и въ-третьихъ, на него же возложено наблюденіе за нравственно-религіознымъ состояніемъ учащихся. Относительно преподаванія прочихъ предметовъ въ школахъ, духовенство подчинено тѣмъ же правиламъ, какъ и всѣ прочіе преподаватели.

Вопросъ объ улучшеніи быта православнаго духовенства — труднѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ, касающихся этого сословія. Присутствіе по дѣламъ духовенства долго собирало необходимыя по этому предмету свѣдѣнія; губернскія присутствія также не дремали и, собирая необходимыя данныя для рѣшенія вопроса, представили главному присутствію и проэкты этого рѣшенія, такъ какъ они выработались на мѣстѣ; проэкты эти отличались чрезмѣрнымъ разнообразіемъ, сущность же ихъ сводилась къ тому, чтобы правительство помогло духовенству своими собственными денежными средствами. Но это была утопія, выполненіе которой было немыслимо. Обезпечить денежными средствами нѣсколько десятковъ тысячъ причтовъ, давъ имъ возможность къ безбѣдному существованію, это такая задача, которую государство, при ограниченности своихъ средствъ и при ежедневно возникающихъ государственныхъ потребностяхъ, требующихъ значительныхъ денежныхъ затратъ, разрѣшить не въ силахъ. Необходимо изыскать другія, ближайшія, мѣстныя средства, и одно изъ такихъ средствъ избрало присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства. Оно остановилось на необходимости уменьшить количество приходовъ тамъ, гдѣ къ этому представится

возможность, и сократить составъ причтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлены особыя правила относительно замѣщенія открывающихся вакансій въ церковныхъ причтахъ. Всѣмъ этимъ имѣлось въ виду ограничить число духовныхъ лицъ дѣйствительно существующею потребностію и не допускать безполезнаго, даже въ религіозномъ отношеніи, размноженія приходовъ, имѣющихъ по мѣстамъ, даже до настоящаго времени лишь нѣсколько десятковъ прихожанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлены опредѣленныя правила относительно перемѣщенія священниковъ съ одного мѣста на другое и увольненія священно и церковно служителей за штатъ. Правила послѣдняго рода оказались необходимыми въ виду нѣкотораго произвола, господствовавшаго въ этомъ отношеніи и наносившаго большой матеріальный вредъ лицамъ, которыя подвергались мѣрамъ подобнаго рода. Упомянемъ здѣсь же о важномъ распоряженіи главнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства относительно устройства при церквахъ помѣщеній для причтовъ. Еще въ 1863 году присутствіе постановило — не открывать новыхъ приходовъ безъ такихъ помѣщеній. Въ 1869 году состоялось ходатайство о разрѣшеніи пріобрѣтать для храмовъ недвижимыя имущества чрезъ покупку и дарственнымъ образомъ, не испрашивая каждый разъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, а также и о томъ, чтобы, при покупкѣ недвижимой собственности, церкви были освобождены отъ взноса гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ.

Вслѣдъ за распоряженіемъ о сокращеніи числа приходовъ и состоящихъ при нихъ причтовъ, послѣдовало новое распоряженіе — объ открытіи дѣтямъ

православнаго духовенства путей къ обезпеченію своего существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности. Распоряженіемъ этимъ дѣти лицъ духовнаго званія перестаютъ лично принадлежать къ этому званію и пользуются общими правами, присвоенными дѣтямъ личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставляются нѣкоторыя особыя права относительно поступленія въ гражданскую службу. Самое важное въ этомъ распоряженіи касается отмѣны сословнаго значенія лицъ, не носящихъ на себѣ священнаго сана и не служащихъ дѣйствительнымъ образомъ церкви. Этимъ распоряженіемъ окончательно разрушена стѣна, отдѣлявшая духовное сословіе отъ прочихъ сословій государства. Кастовое устройство духовенства, отозвавшееся на немъ столь вредными послѣдствіями, отошло, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, въ область исторіи. Духовное сословіе, точно такъ же какъ и духовныя учебныя заведенія, открыты для всѣхъ желающихъ посвятить себя служенію церкви; въ тоже время выходъ изъ духовнаго званія, для лицъ не служащихъ церкви, представлявшій при прежнихъ порядкахъ множество трудностей, сдѣлался вовсе не нужнымъ, ибо самое духовное званіе слилось съ прочими сословіями государства; каждый, слѣдовательно, можетъ посвятить себя тому роду дѣятельности, къ которому онъ признаетъ себя способнымъ и къ которому имѣетъ влеченіе. Вслѣдствіе этого, мѣста церковнаго служенія занимаются лицами вполнѣ достойными и хорошо приготовленными къ такому служенію, и потому необходимо должно уменьшиться количество лицъ, ищущяхъ священнаго сана единственно для обезпеченія

себя хотя бы и скудными средствами къ существованію. Нечего и доказывать, какія добрыя послѣдствія повлечетъ за собою эта мѣра, какъ для самаго духовенства, такъ въ особенности для дѣла служенія церкви и для нравственно-религіознаго развитія народныхъ массъ.

Возвышенію духовенства въ особенности много будетъ способствовать преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній, совершенное на самыхъ широкихъ современныхъ началахъ. Заведенія эти поставлены, наконецъ, въ уровень съ свѣтскими учебными заведеніями, какъ относительно своихъ программъ, такъ относительно всего своего внутренняго устройства. Для нихъ даже сдѣлано нѣчто бо́льшее, чѣмъ для свѣтскихъ заведеній: всѣ служащія въ нихъ лица, отъ начальствующихъ до преподавателей и прочихъ должностныхъ лицъ, получаютъ мѣста по выборамъ, и лишь утверждаются въ должностяхъ высшею властію; исключеніе сдѣлано только для академій, куда ректоры назначаются непосредственно святѣйшимъ сунодомъ. Выборное начало, предоставляя учебнымъ заведеніямъ полную свободу дѣйствій, снимаетъ съ преподавателей этихъ заведеній ихъ вѣчно подчиненное положеніе и возвращаетъ имъ нравственное достоинство, необходимое въ преподавателѣ, для возвышенія его воспитательнаго значенія. Учрежденныя вмѣстѣ съ тѣмъ педагогическія и распорядительныя собранія въ семинаріяхъ и училищахъ, предоставляютъ каждому члену учебной корпораціи право дѣйствительнаго участія во всѣхъ дѣлахъ учебнаго заведенія и не могутъ не способствовать успѣшному ходу воспитательнаго дѣла, обезпечивая въ тоже

время правильный административный ходъ заведеній. Требованіе пробныхъ уроковъ для поступленія въ число преподавателей гарантируетъ выборъ на учебныя должности лицъ, спеціально знающихъ свой предметъ и способныхъ къ дѣлу преподаванія. Духовнымъ академіямъ, за исключеніемъ выбора ректора, предоставлены всѣ права, которыми пользуются университеты. Подъ предсѣдательствомъ ректора, совѣтъ академіи вѣдаетъ все, что касается учебной и административной сторонъ, и дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно, представляя только нѣкоторыя важнѣйшія свои распоряженія на утвержденіе высшей власти. Содержаніе членовъ академической корпораціи усилено до размѣровъ университетскихъ, и чрезъ то дана имъ возможность посвятить себя всецѣло ученымъ занятіямъ, не устремляя ежеминутно свою мысль на то, какъ бы достать средствъ къ обезпеченному содержанію себя и своего семейства. Духовная наука отъ всего этого можетъ только выиграть, а ея новая постановка снимаетъ съ нея ту некрасивую печать схоластицизма, которую всегда и справедливо ставили ей въ укоръ. Очень плодотворное значеніе имѣетъ для успѣха духовнаго образованія уничтоженіе многопредметности, которая не дозволяла прежнимъ студентамъ свободы выбора извѣстной науки для спеціальнаго изученія, заставляя ихъ, напротивъ, изучать всю массу наукъ академической программы, отчего, конечно, ни къ одной наукѣ студентъ не могъ относиться вполнѣ серьезно. Теперь студентамъ предоставлено изучать почти на половину меньшее число предметовъ, составляющихъ кругъ только одного изъ отдѣленій академіи, а въ четвертомъ курсѣ имъ дана возмож-

ность, и изъ этого круга избирать и спеціально и практически изучать одинъ какой либо предметъ, чтобы достойнымъ образомъ приготовиться къ будущей преподавательской дѣятельности и только по этому предмету, съ однимъ или двумя вспомогательными предметами, искать ученой степени магистра. Мы, впрочемъ, не имѣемъ въ виду въ подробности разбирать достоинства новаго устава духовныхъ академій и ограничимся замѣчаніемъ, что этотъ уставъ вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ, которыя современное общество предъявляетъ къ духовной наукѣ и ея представителямъ. Не можемъ однако же пройти молчаніемъ постановленіе, которымъ предоставляется право искать ученой степени доктора богословія всѣмъ желающимъ, не стѣсняясь необходимостью носить священный санъ. Это постановленіе должно имѣть самыя благотворныя послѣдствія для богословской науки. Высокая степень доктора богословія, предоставляемая каждому, заставитъ многихъ заняться ученою разработкою духовной науки, что неминуемо обогатитъ послѣднюю важными изслѣдованіями и двинетъ ее впередъ. У насъ доселѣ наука эта, имѣвшая впрочемъ нѣсколькихъ достойнѣйшихъ представителей, въ общемъ пробавлялась изслѣдованіями иностранныхъ ученыхъ; а это не могло дать ей полнаго хода; при томъ, чисто объективный взглядъ на богословскую науку составлялъ большую рѣдкость между западными богословами, а пересаживать ее на православную почву, безъ самостоятельныхъ изслѣдованій въ духѣ православія, было и есть во многихъ отношеніяхъ неудобно, и во всякомъ случаѣ не научно. Думаемъ, что при новыхъ условіяхъ,

въ которыя поставлены православные богословы, духовная наука не преминетъ занять подобающее ей мѣсто въ ряду прочихъ отраслей науки вообще, и родитъ многихъ замѣчательныхъ изслѣдователей. Покрайней мѣрѣ, два первые диспута на степень доктора богословія, происходившія въ истекшемъ году въ С.-Петербургской духовной академіи, возбудили наилучшія надежды въ этомъ отношеніи.

Выше мы упомянули о выборномъ началѣ, введенномъ въ духовно-учебныя заведенія. Это благотворное начало, служащее основою самоуправленія, всегда составляло предметъ желаній духовенства. Въ духовной журналистикѣ велись даже по поводу его оживленные споры, такъ какъ, не смотря на очевидную свою пользу, начало это имѣло посреди самого духовенства не мало противниковъ. Въ духовномъ вѣдомствѣ выборы касаются лицъ, назначающихся въ качествѣ членовъ отъ духовенства въ учебныя заведенія, и кандидатовъ на мѣста благочинныхъ, ихъ помощниковъ, депутатовъ и духовниковъ, а также частію членовъ консисторіи. Лица, представляющія духовенство въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, служатъ живою связью между духовенствомъ и заведеніями, въ которыхъ обучаются его дѣти и на содержаніе которыхъ оно жертвуетъ часть собственныхъ своихъ доходовъ. Эта связь не можетъ не оказать весьма добраго плода для дѣла обученія будущихъ кандидатовъ священства. Духовенство повсюду приняло къ сердцу обращенный къ нему призывъ правительства — принять непосредственное участіе и попеченіе о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній, и, повсюду жертвуя значительныя для этого дѣла суммы, даже

иногда въ ущербъ своимъ ближайшимъ, непосредственнымъ интересамъ, старалось и въ званіе своихъ членовъ въ учебныя заведенія избирать лицъ достойныхъ и способныхъ выполнить серьезную задачу, на нихъ возлагаемую. Вообще въ этомъ дѣлѣ. духовенство показало зрѣлость и способность къ самоуправленію, дающія надежду, что выборныя права духовенства будутъ расширены. Они уже дарованы духовенству нѣкоторыхъ епархій мѣстными преосвященными, и вездѣ пользованіе ими только усиливало довѣріе власти къ подчиненному духовенству. Остается желать, чтобы это благотворное право было распространено и на всѣ епархіи, такъ какъ произволъ бл..гочинныхъ во многихъ изъ нихъ возбуждаетъ справедливыя жалобы, заявленныя не разъ посредствомъ печати. Что касается до выбора членовъ консисторіи, то хотя нѣкоторыми преосвященными уже изъявлено на это предварительное согласіе, но дѣло это, какъ кажется, пріостановлено, по причинѣ учрежденія особаго комитета для составленія основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части, сообразно тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ совершена судебная реформа въ гражданскомъ и другихъ вѣдомствахъ. Такъ какъ консисторіи имѣютъ въ своихъ рукахъ, между прочимъ, и судебную власть, то нѣтъ сомнѣнія что названный комитетъ займется и преобразованіемъ духовныхъ консисторій. Кстати замѣтить, что преобразованіе уже коснулось отчасти этого учрежденія. Чинамъ консисторіи назначено усиленное денежное содержаніе, которое дастъ имъ возможность безбѣднаго существованія и избавитъ ихъ отъ плачевной необходимости прибѣгать къ поборамъ и вымогатель-

ствамъ, отъ которыхъ такъ много терпѣло духовенство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приняты мѣры къ болѣе правильному ходу дѣлопроизводства въ консисторіяхъ. Секретари консисторій отнынѣ будутъ избираемы изъ лицъ, получившихъ академическое или университетское образованіе, и опредѣляемы на мѣста по непосредственному усмотрѣнію г. оберъ-прокурора святѣйшаго сѵнода, внѣ участія мѣстныхъ преосвященныхъ, отъ которыхъ нерѣдко были скрываемы истинныя свойства этихъ лицъ, имѣвшихъ доселѣ преобладающее вліяніе въ консисторіяхъ. Наконецъ, самимъ членамъ консисторіи назначено особое содержаніе; при чемъ имѣлось въ виду, что они будутъ дѣйствительными наблюдателями за дѣлопроизводствомъ во ввѣренныхъ каждому экспедиціяхъ и столахъ и дѣйствительными въ нихъ распорядителями.

Во многихъ епархіяхъ учреждены съѣзды духовенства, на которыхъ, посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей, наблюденій и свѣдѣній, наиболѣе вѣрнымъ образомъ достигается правильное рѣшеніе и успѣхъ дѣлъ. Въ Литовской епархіи съѣзды эти имѣютъ наиболѣе полную организацію: они раздѣлены здѣсь на съѣзды третейскіе для рѣшенія споровъ и меньшихъ дѣлъ на мѣстахъ событій, по примѣру третейскаго суда; благочинническіе—для обсужденія дѣлъ по благочиніямъ; епархіальные — для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ по епархіи и по учебной части; наконецъ окружные училищные, узаконенные правительствомъ, о которыхъ мы говорили выше. Вездѣ, гдѣ введены съѣзды, духовенство принимаетъ ихъ съ величайшимъ сочувствіемъ и съѣзжается на нихъ въ большомъ числѣ. Всѣ вопросы, ближайшимъ образомъ касающіеся

дѣятельности духовенства, обсуждаются на съѣздахъ съ усердіемъ и братскою любовію къ немощамъ своихъ сослужителей. Усиленіе церковной проповѣди, мѣры къ распространенію граматности и доброй нравственности между прихожанами, учрежденіе благотворительныхъ заведеній, для прихожанъ и для сиротствующаго и заштатнаго духовенства, попеченіе объ устройствѣ церковныхъ библіотекъ, наконецъ все, что относится до церковнаго благочинія и церковной практики, все это было предметомъ обсужденія на съѣздахъ. Видно, что духовенство серьезно поняло свои обязанности и отнеслось къ нимъ съ полнымъ сознаніемъ важности вновь предоставленнаго ему права.

Вообще, въ дѣйствіяхъ современнаго духовенства замѣтна новая, живительная струя, отсутствіе которой еще такъ недавно вело къ равнодушію и застою. Духовенство мало по малу формируется въ дѣятельнаго члена общества, на котораго даже недавніе его противники начинаютъ смотрѣть съ уваженіемъ. Въ обществѣ уже нѣтъ того равнодушія къ интересамъ духовенства, которое было такъ тяжело и само по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ для этого сословія, и духовенство начинаетъ принимать живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Оно принимаетъ близко къ сердцу всѣ интересы отечества, не только нравственные и религіозные, но даже экономическіе, что видно, между прочимъ, изъ того, что участіе его въ земскихъ собраніяхъ отличается вполнѣ дѣятельнымъ характеромъ. Оно также усиленно работаетъ въ пользу паствъ, ввѣренныхъ ихъ руководству, и мы видимъ уже, какъ дѣятельно оно заботится объ умноженіи

приходскихъ попечительствъ; открываетъ повсемѣстно воскресныя и катехизическія бесѣды для прихожанъ; принимаетъ болѣе живое участіе въ дѣлѣ народнаго образованія; само обучается новымъ пріемамъ преподаванія, требуемымъ современною педагогикою; принимаетъ мѣры къ поднятію народной нравственности, и, наконецъ, съ большею дѣятельностію трудится или приготовляется къ трудамъ миссіонерства. Расширеніе свободы слова, дарованное печати въ нынѣшнее царствованіе, и ожидаемое также для духовной литературы съ окончаніемъ работъ особо учрежденнаго по сему предмету комитета, пробудило во многихъ членахъ духовенства стремленіе заниматься литературными трудами. Духовные наши журналы представляютъ много замѣчательныхъ статей, написанныхъ духовными лицами. Въ этихъ статьяхъ они не ограничиваются чисто богословскою или нравственною стороною церковной литературы. Они даютъ также много полезнаго матеріала для обсужденія соціальнаго положенія духовенства, его отношеній къ мѣстнымъ властямъ, способовъ улучшенія его матеріальнаго положенія мѣстными средствами, его отношенія къ духовно-учебной реформѣ, и проч. и проч. Во всемъ этомъ видна жизнь, готовность къ дѣятельности, желаніе поднять свой духовный уровень, оградить свое достоинство. И всѣмъ этимъ духовенство обязано тѣмъ благотворнымъ началамъ, которыя положены въ основу его дѣятельности въ послѣднее время, его нравственному пробужденію, вызванному недавними реформами. Въ послѣдствіи времени, мы надѣемся представить читателямъ множество самымъ разнообразныхъ фактовъ, подтверждающихъ эту мысль, а теперь

повторимъ сказанное нами въ началѣ: прекрасные задатки кроются въ настоящемъ духовенствѣ; прекрасная перспектива разстилается передъ нами въ его будущемъ!

П.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Архиеп. Филарет (Гумилевский)

Святые подвижницы Восточной Церкви

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 2. С. 195-241.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

СВЯТЫЯ ПОДВИЖНИЦЫ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе).

---

5. Св. Елисавета.

Еще въ юныхъ лѣтахъ отданная въ цареградскую обитель чистыхъ дѣвъ, блаженная Елисавета ([1]), давъ обѣты дѣвства въ зрѣломъ возрастѣ, съ пламенною ревностію выполняла ихъ,—проводила жизнь въ постѣ, трудахъ и молитвахъ. Зимою и лѣтомъ одна была на ней одежда—грубая власяница; тѣло ея коченѣло отъ холода, но душа горѣла любовію къ Господу. Какое, скажутъ, насиліе природѣ! Да, насиліе, но законное. Что прикажете дѣлать, когда природа дурна и ее нельзя иначе приблизить къ нормальному состоянію, какъ насиліемъ? Иначе не желаете-ли попасть въ адъ. Если желаете, попадете. Благочестивый императоръ Іустинъ (518—527 г.) и супруга его Софія, положивъ мощи св. мучениковъ Козмы и Даміана въ храмѣ щедро построенномъ, открыли тутъ женскую обитель. ([2]). Въ этой-то обители настоятельницею была блаженная Елисавета ([3]).

([1]) О ней Menologium Basilii et Synaxarium ad 24 april, Прологъ и Четь-Минея на 24 апр. Подробное житіе ея нынѣ не извѣстно.

([2]) Дю-Канжа Const. chr. p. 121. 122.

([3]) Ни въ Менологѣ, ни въ Синаксарѣ не указаны время и мѣсто подвиговъ св. Елисаветы. Но такъ какъ мощи ея покоились въ обители Безсребренниковъ, построенной императоромъ Юстиніаномъ (518—527 г.): то этимъ опредѣляются время и мѣсто подвиговъ ея.

Борьба преподобной съ собою не ослабѣвала до гроба. Она питалась только растеніями, не вкушая хлѣба; даже масла не прибавляла она къ суровой своей пищѣ. Постъ ея по временамъ продолжался до 40 дней. Три года во время молитвы не возводила она очей на небо, по примѣру смиреннаго мытаря. Тѣла своего не мыла она во всю жизнь. Такъ смиряла она и сладострастное тѣло и гордость духа подвигами перемѣнными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она ревностно заботилась о спасеніи сестръ ея о Господѣ. Опытная подвижница, хорошо узнавшая сердце женское, внушала сестрамъ и женамъ особенно остерегаться лживаго лукавства и злоязычія, какъ грѣховъ очень частыхъ между женщинами. Мы слабы и тѣлесною силою и умомъ, такъ разсуждала она. Премудрый говоритъ: «человѣка (умнаго мущину) я нашелъ одного изъ тысячи, а женщины (умной) изъ всѣхъ ихъ (изъ тысячи) не нашелъ ни одной». (Еккл. 7, 28). Въ укоризну говоритъ пророкъ объ Израилѣ: «дѣти—вожди народа моего, женщины господствуютъ надъ нимъ» (Ис. 3, 12; 19, 16). И при такой-то слабости мы думаемъ быть сильными то хитростію, то языкомъ злымъ. Но хитрость наша, какъ неразлучная съ ложью, ставитъ насъ прямо подъ вліяніе сатаны. Онъ — отецъ лжи и отважно дѣйствуетъ тамъ, гдѣ любятъ ложь. Кто изворачиваясь во лжи думаетъ, что выказываетъ тѣмъ умъ и силу: тотъ ошибается до жалости,—онъ послушное орудіе сатаны, отца лжи. Отецъ тьмы наводитъ на такую душу тьму, она не сознаетъ грѣховъ своихъ, не видитъ своей опасной низости, и остается въ безчувствіи. Говорливость женская тѣмъ болѣе грѣшна, что, при недостаткѣ разсудительности и при раздражительности

сердца, расточаемъ мы всего чаще пустоту, ложь, клевету, легкомысліе, вредное для себя и другихъ. «Сердце праведнаго подумавъ отвѣчаетъ; а уста беззаконныхъ рѣкою льютъ худое», говоритъ мудрый (Прит. 15, 28). Что обнаруживаетъ собою болтливое злоязычіе? Злость гордости, бѣснующейся отъ сознанія своей слабости. Въ бѣдности женщина по зависти чернитъ другихъ; богатая унижаетъ другихъ по гордости. Сколько бѣдъ, сколько страданій выходитъ отъ того для людей! Какъ все это пагубно для безсмертной души! Любите другъ друга, а не злобствуйте, сказано намъ. Блаженная игуменія полна была любовію къ другимъ. У нея готова была помощь для бѣдныхъ и вдовъ; обиженныхъ защищала она отъ обижающихъ предъ начальствомъ ихъ; призирала и воспитывала сиротокъ ([1]).

«Хотя внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, но внутренній со дня на день обновляется», учитъ апостолъ (2 Кор. 4, 16). «Любящихъ Меня Я люблю и усердно ищущіе Меня найдутъ Меня», говоритъ Господь (Прит. 8, 17). Очищенная долгими скорбями подвижничества, преп. Елисавета была сосудомъ св. Духа. Въ ночныхъ молитвахъ осіявалась она свѣтомъ небеснымъ. Въ земной жизни называлась она и была чудотворицею:

([1]) Менологъ Василія: «Святая и чудотворица Елисавета, послѣдовавъ ученію св. отцевъ, съ дѣтства обрекла себя на труды благочестія. Потому, получивъ даръ исцѣленій, исцѣляла всякія болѣзни. Совершила она много великихъ дѣлъ: помогала бѣднымъ и вдовамъ, доставляла пропитаніе сиротамъ; тѣхъ, которые терпѣли обиды, защищала отъ притѣснителей. Во всякое время года, одѣтая только одною одеждою, переносила зимою стужу, согрѣваемая Духомъ св. Во всю жизнь никогда не мыла тѣла своего. Какъ древле Моусей, 40 дней пробыла безъ всякой пищи. Въ три года, устремивъ умъ къ Богу не подымала очей своихъ на небо. Хлѣба не вкушала, также и масла. Совершая такую жизнь, творила много чудесъ».

по молитвѣ ея издохъ змѣй и исцѣлилась кровоточивая жена ([1]).

Русскіе поклонники святыни Стефанъ новгородецъ въ 1350 г. и іеродіаконъ Зосима въ 1420 г. поклонялись мощамъ преподобной Елисаветы въ констант. монастырѣ св. Козмы и Даміана ([2]).

6. Св. Евстолія и Сопатра.

Блаженная Евстолія, дочь благочестивыхъ родителей, съ нѣжнаго возраста посвятила себя посту и молитвѣ. Горя любовію къ Господу, при имп. Маврикіѣ

([1]) Память ея въ греческой и въ западной церкви апр. 24. Usuardi martyrol. avctum ad 24 april. Patrol. lat. t. 123 p. 270.

([2]) Путешествія ихъ, по изданію Сахарова (Спб. 1849 г.) стр. 53. 62. Русскіе паломники объясняютъ и дополняютъ, во многомъ показанія Дю-Канжа о монастыряхъ цареградскихъ. По ихъ показаніямъ, женскіе монастыри въ Цареградѣ: 1) монастырь Богородицы близъ Одигитріи, гдѣ глава св. Златоуста (Du-Cangii Const. p. 33); 2) монастырь Панахранъ (Παναχράντου) съ главою св. Василія (Du-Cangii p. 93); 3) близъ Софіи монастырь зовомый Панданассы (Παντανάσσης—царицы всѣхъ, p. 94); 4) тамъ же, близъ храма св. Ирины, мон. съ мощами св. Евдокіи; 5) близъ Софіи, мон. Христа милостиваго (Φιλανθρώπου p. 81); 6) мон. съ мощами св. Андрея (p. 112); 7) мон. Козмы и Даміана (p. 121. 122); 8) мон. св. Евѳиміи (p. 145); 9) мон. съ мощами св. Климента анкирскаго (p. 181); 10) близъ Предтечева мон. обитель св. Николая съ мощами св. Михаила (p. 130); 11) мон. Богоматери благодатной съ мощами Іоанна Дамаскина (p. 87); 12) мон. Евергетисъ съ мощами Ѳеодосіи (p. 87); 13) мон. Липеси съ мощами св. Стефана (p. 138); 14) Омонейскій съ мощами св. Пантелеймона (p. 137). Путешествія, по изданію Сахарова, стр. 52—55. 61—63. 73. У Дю-Канжа женскіе монастыри построенные до X в.: а) Прокопіинъ, построенный теткою имп. Юстиніана; б) Гастрійскій; в) Деспоты; г) Икасіи; д) Киріановъ; е) св. Домнины или пр. Захаріи; ж) св. Мавры; з) Матроны; и) Марилейскій; і) Маврикіевъ, новый монастырь; к) Покаянный; л) Покаянный новый; м) Богородицы всеблаженной—Constant. chr. p. 93. 153. 154. 157—160. 185. 186. О другихъ не показано, были ли они мужскіе или женскіе.

(582—602 г.) оставила она Римъ и пришла въ Константинополь ([1]).

Лучшіе люди запада чувствовали и тогда нужду какъ можно ближе и какъ можно чаще знакомиться съ востокомъ, чувствовали, что уже и тогда христіанская жизнь была слаба на западѣ и выставляла собою много печальнаго. Да и какъ было не чувствовать, когда еще св. Амвросій, Іеронимъ и Августинъ должны были бороться съ Іовиніаномъ и ему подобными, которые осыпали бранью лучшую христіанскую жизнь и жарко хвалили жизнь заботливую объ однихъ интересахъ земныхъ? ([2]).

Св. Григорій бесѣдователь, который такъ много боролся съ гордостію современнаго запада для того, чтобы ввести восточное богослуженіе на западѣ, вотъ что пишетъ о своихъ теткахъ, современницахъ св. Евстоліи:

У отца моего были три сестры: Ѳарсилла, Гордіана и Емиліана; всѣ три онѣ дали обѣтъ дѣвства въ одинъ и тотъ же день, съ одинаковою горячностію души, и жили вмѣстѣ. Ѳарсилла и Емиліана возрастали время отъ времени въ любви къ Господу, твердо борясь съ немощами. Иначе жила Гордіана. Она хладѣла въ благочестіи и въ душѣ ея явилась мірщина. Ѳарсилла часто, съ глубокою скорбію, говорила: вижу, что сестра наша Гордіана болѣе уже не наша, предастся разсѣянію и не вѣрна призванію Божію.

([1]) Сказаніе о св. Евстоліи и Сопатрѣ — въ краткомъ менологѣ, изд. Банажемъ: Thesaurus monum. T. 3. Amstelodami 1723. Переводъ этого краткаго извѣстія въ прологѣ ноября 9.

([2]) См. сочиненія св. Амвросія: de virginibus; ep. 63 ad eccles. Vercellensem; de virginitate; de institutione virginis; exhortatio virginitatis. Бл. Іеронима adv. Iovinianum; ep. 91 ad Ageruchiam; ep. 5 ad Heliodorum; ep. 95 ad Rusticum. Августина de virginitate; opus imperf. cont. Iulianum.

Обѣ сестры дружески уговаривали сестру удерживаться отъ легкомыслія и вѣтренности въ поступкахъ. Послѣ такихъ напоминаній любви, Гордіана на время казалась степенною,—но потомъ опять возвращалась къ прежней легкости, дружилась съ дѣвушками мірскими и отстранялась отъ тѣхъ, которыя жили для Господа. Ѳарсилла постоянно пребывала въ молитвѣ и вела жизнь строгую. При такой жизни ея, въ сонномъ видѣніи, является ей дѣдъ ея св. Феликсъ папа, показываетъ ей свѣтлое мѣсто своего покоя и говоритъ: «иди, я принимаю тебя въ это свѣтлое жилище.» Скоро послѣ того она стала страдать отъ лихорадки и приблизилась къ смерти. Благородные родственники собрались къ умирающей, въ томъ числѣ и мать моя, прибавляетъ св. Григорій. Больная поднимаетъ глаза къ небу, видитъ приближающагося Господа Іисуса и говоритъ громко: «отойдите, отойдите, идетъ Господь Іисусъ». И въ тѣже минуты скончалась. Когда стали убирать ее къ погребенію, увидали, что на колѣнахъ и локтяхъ ея кожа отъ молитвенныхъ трудовъ стала груба и толста, какъ у верблюда. Она скончалась наканунѣ дня Рождества Христова. Послѣ этого праздника Ѳарсилла, въ сонномъ видѣніи, явилась сестрѣ Емиліанѣ и сказала ей: «иди! безъ тебя праздновала я Рождество Христово, но съ тобою хочу праздновать Богоявленіе». Емиліана, сильно озабоченная душевнымъ спасеніемъ сестры Гордіаны, сказала: «если я пойду, на кого оставлю сестру мою?» Та, какъ говорила Емиліана, съ видомъ скорбнымъ, сказала: «иди одна; сестра твоя принадлежитъ къ чадамъ міра.» Послѣ того Емиліана стала больною и скончалась наканунѣ дня Богоявленія, какъ предсказала

Өарсилла. Гордіана, оставшись на полной свободѣ, быстро стала измѣняться и, наконецъ, забывъ страхъ Божій, потерявъ всякій стыдъ, вышла замужъ за одного арендатора земель. Св. Григорій разсказываетъ объ этомъ и въ своей исторіи людей благочестивыхъ и въ одной Бесѣдѣ на евангеліе. Такъ поразилъ его примѣръ слабости, показанный дѣвственницею теткою! Тамъ и здѣсь повторяетъ онъ въ заключеніи: мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ (1. Кор. 10, 12) (1).

Это событіе римское, современное для Евстоліи, безъ сомнѣнія было однимъ изъ побужденій, заставившихъ Евстолію оставить слабый Римъ и уйти въ Константинополь, съ надеждою видѣть образцы лучшей жизни на востокѣ.

Въ Константинополѣ посѣщала она святыни и обители иноческія, съ жаждою духовнаго совершенства. Во Влахернскомъ храмѣ встрѣтилась съ нею другая жаждущая душа и еще юная, дочь имп. Маврикія, Сопатра. Юная душа, встрѣтивъ уже довольно созрѣвшую въ духовной жизни, неотступно просила Евстолію быть для нея духовною матерью-наставницею. Евстолія согласилась, тѣмъ болѣе, что желала остаться на востокѣ. Сопатра, оставивъ царскій дворъ, приняла иночество. Дочь просила добраго отца устроить

(1) Dialog. lib. 4. c. 16. In evangelium homil. 38. Мартирологъ Баронія подъ 24 декабря: «въ Римѣ кончина св. Өарсиллы дѣвы, тетки св. папы Григорія, о которой самъ онъ свидѣтельствуетъ, что въ часъ смерти своей видѣла она идущаго къ ней Іисуса». Св. Григорій родившійся въ 540 г. скончался въ 604. По такому времени жизни его надобно положить, что тетка его св. Өарсилла почила около 580 г. Барселонскій соборъ 599 г. опредѣлилъ въ 4 правилѣ: «дѣвы, давшія обѣтъ цѣломудрія и иночества, если выходятъ замужъ, подвергаются такому отлученію, чтобы не смѣлъ никто говорить съ ними». Фарисейская строгость—не надежная подпора нравственности.

обитель молитвы, и просьба была исполнена [1]. Благочестивый императоръ купилъ огромный домъ патриція Каріана. Здѣсь прежде всего устроенъ былъ храмъ молитвы, потомъ явились и келліи для дѣвственницъ; здѣсь же открыто было и помѣщеніе для престарѣлыхъ [2].

Блаженная Сопатра уже прежде того начала приучать себя къ евангельской жизни. Тетка ея Даміана была игуменіею іерусалимской обители и потомъ жила затворницею. Сопатра путешествовала въ Іерусалимъ для поклоненія святымъ мѣстамъ его и годъ прожила у тетки, выслушивая уроки ея о духовной жизни. «Въ одно время, говоритъ блаженная Даміана у Іоанна Мосха, пришла въ святой городъ племянница моя, дочь императора Маврикія, и провела цѣлый годъ здѣсь. Однажды, взявъ ее съ собою, пошли мы къ св. Козьмѣ и Даміану. Стоя въ храмѣ, говорю я племянницѣ: смотри, госпожа, когда придетъ старица и будетъ давать тебѣ два нумула (двѣ полушки), возьми ихъ, не гордись. Она со вздохомъ сказала: какъ это приму я? Я сказала ей: прими. Эта жена — велика предъ Богомъ. Каждую недѣлю она раздаетъ свои нумулы находящимся въ храмѣ, имѣя отъ роду 80 лѣтъ. Прими лепты; принявъ отдашь ты ихъ другому; только не отвергай усердія старицы. Тогда какъ мы разговаривали объ этомъ, вдругъ подходитъ старица и подала мнѣ тихо, ничего не сказавъ мнѣ: но, подавая племянницѣ моей, сказала: прими и съѣшь. Когда она удалилась, мы поняли, что Господь открылъ ей, о чемъ говорили мы. Пославъ одного изъ слугъ купить

(1) Менологъ у Банажа.

(2) Du-Cangii Constant. chr. p. 154.

на двѣ лепты бобовъ, племянница съѣла ихъ и свидѣтельствовалась Богомъ, что бобы эти сладки, какъ медъ; она дивилась и прославила Бога, подающаго благодать рабынямъ своимъ ([1]). Другой урокъ, полезный для себя, Сопатра слышала тогда же въ Кесаріи. «Объ одной знатной изъ сенаторскаго дома женщинѣ, такъ пишетъ современникъ Мосхъ, ходившей для поклоненія святымъ мѣстамъ, нѣкто изъ отцевъ разсказывалъ такъ: Она пришедши въ Кесарію, рѣшилась здѣсь остаться и обратилась къ епископу съ слѣдующею просьбою: дайте мнѣ дѣвицу для обученія меня страху Божію. Епископъ приставилъ къ ней смиренную дѣвицу. Спустя нѣсколько времени, епископъ, при встрѣчѣ съ нею, спрашиваетъ у ней: каково поживаетъ дѣвица, которую я приставилъ къ вамъ! Хороша, отвѣчала женщина, но для моей души она мало полезна, потому что позволяетъ мнѣ исполнять мою волю, и это отъ того, что она смиренна, а я имѣю нужду, чтобы она бранила меня и не позволяла мнѣ дѣлать то, что хочу. Епископъ, вмѣсто этой, далъ ей другую, съ характеромъ довольно грубымъ. Та начала бранить ее, называла ее глупою богачкою и тому подобными именами. По прошествіи нѣкотораго времени епископъ опять спросилъ у нея: а эта дѣвица какова? «Она истинно приноситъ мнѣ пользу, отвѣчала жена. И она сдѣлалась весьма кроткою» ([2]).

Блаженная Сопатра подчинила себя св. Евстоліи для обученія себя самоотреченію. Къ нимъ присоединились весьма многія другія дѣвы и проводили время въ трудахъ и молитвахъ. Подвижница Евстолія, про-

([1]) Лугъ духовный гл. 126. Du-Cangii familiae byzant. p. 106.
([2]) Лугъ духовный гл. 204.

живъ многіе годы въ иночествѣ, мирно переселилась ко Господу. Сопатра управляла послѣ нея общиною и строго слѣдовала правиламъ духовной своей матери. Достигши подвигами духовнаго совершенства, покойно скончалась ноября 9, около 610 года ([1]).

Вспомнивъ судьбу другихъ дѣтей Маврикія, и мірскіе люди должны сознаться, что счастлива Сопатра, избравшая доброю волею жизнь иноческую. Кровожадный Фока, убивъ добраго императора Маврикія и трехъ сыновей его, жену и трехъ дочерей (Анастасію, Θеоктисту и Клеопатру), заперъ въ монастырь, гдѣ послѣ трехъ лѣтъ предалъ смерти ([2]). Не лучше ли было по волѣ избрать тишину уединенія, чѣмъ по неволѣ? Не лучше ли добровольно отказаться отъ незавидной суеты мірской, чѣмъ противъ воли заключену быть во гробѣ? И въ міру можно дѣлать много добраго! Да, можно коптить сердца и небо! Дѣлаютъ добро души смиренныя, а не гордыя и самонадѣянныя.—«Со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе»—. (Фил. 2, 12). Царство небесное берется силою, и употребляющіе насиліе *восхищаютъ его* (Мат. 11, 12).

7. Св. Февронія царевна.

Дочь импер. Ираклія, блаженная Февронія, съ юныхъ лѣтъ пожелала служить единому Господу. Двѣ сестры ея, Августина и Мартина, украшались титломъ Августы, а Февронія подвизалась въ уединеніи, заботясь только о томъ, какъ бы не лишиться славы вѣчной, приготовленной для всѣхъ страданіями Сына Божія ([3]).

([1]) Менологъ, Память св. Евстоліи и Сопатры какъ греческая, такъ и римская, церковь чтитъ ноября 9.

([2]) Du-Cangii familiae byzant. p. 107 Constant. chr. p. 160.

([3]) Du-Cangii familiae byzant. p. 119.

Св. Апостолъ учитъ: *не замужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу*, чтобы быть святою *тѣломъ и духомъ* (1 Кор. 7, 34). Здѣсь двѣ высокія мысли о дѣвѣ: дѣва, посвящающая себя Богу, заботится о славѣ Божіей, потомъ она же заботится объ освященіи души и тѣла.

Кто такъ искренно и полно преданъ славѣ Господа, какъ та душа, которая не развлекается ничѣмъ земнымъ? «Замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу» (1 Кор. 7, 34). Умное угожденіе мужу—дѣло должное; это не то, что служеніе страстямъ и грѣшной волѣ. Но земля и небо—не одно и тоже. Услуживать мужу и услуживать Господу—вещи разныя по предмету, по достоинству, по послѣдствіямъ. Прямое и полное служеніе Господу — занятіе самое высокое и самое достойное желаній человѣческихъ.

Освященіе души и тѣла—другой предметъ заботъ дѣвы. Чистота и невинность — свойства богосозданной природы человѣческой. Съ разстроенною грѣхомъ природою недоступна на землѣ невинность райская; но она возвращается постепенно, по частямъ, при пособіяхъ благодати Божіей. И вотъ, о возвращеніи этой-то невинности воздыхаетъ дѣва, ее-то старается она усвоить себѣ подвигами.

Властію надъ стремленіемъ къ другому полу человѣкъ ставитъ себя выше животнаго. Звѣрь неудержимо влечется, слѣдуетъ влеченію тѣлесной природы. Человѣку дана разумная свобода, чтобы господствовать надъ веществомъ. Честь ему, слава ему, если торжествуетъ онъ побѣду надъ веществомъ. Само язычество уважало дѣвственную чистоту: и оно для служенія извѣстнымъ божествамъ назначало дѣвъ и

юношей чистыхъ, хотя съ худымъ успѣхомъ. Тѣло христіанина — собственность Божія, храмъ Св. Духа (1 Кор. 6, 15. 19; 3, 16. 17); страшно злоупотреблять членами его (1 Кор. 6, 18); только для обузданія грѣшной плоти указанъ бракъ (1 Кор. 7, 3, 2). Чистымъ же обѣщается высокое счастіе (2 Кор. 7, 1. 1 Кор. 7, 35.). «Ничто такъ не приближаетъ къ Богу, какъ добрая, цѣломудренная и богоподобная чистота, которая доставляетъ честь и дѣлаетъ насъ способными предстоять Господу безъ развлеченія».

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что св. Іоаннъ патріархъ († 595 г.) писалъ для св. царевны свое «Посланіе дѣвѣ преданной Богу». Прочитаемъ нѣкоторыя мѣста изъ этого обширнаго, прекраснаго посланія.

«Хотя и успѣешь въ добродѣтели, не возносись добротою твоею, чтобы за тщеславіе не отвратился отъ тебя Богъ... Если уловлена будешь когда нибудь глазами, какъ Давидъ, худо отворившій окна; если глаза твои возмутятъ душу твою: закрой съ воздыханіемъ око свое, худо смотрѣвшее. Иначе навыкъ грѣховный ведетъ споткнувшагося къ худшему. Если имѣешь чистую одежду: не вездѣ ходи въ ней, чтобы какъ нибудь не замаралась... Упражняйся непрестанно въ св. Писаніи. Какъ вино, когда пьютъ его, прекращаетъ печаль и производитъ въ сердцѣ веселость: такъ и духовное вино, когда пьешь его, производитъ въ душѣ радость... Все настоящее слабѣе паутины, обманчивѣе сновидѣній. Спаситель ублажаетъ скорбящихъ, чтобы наслажденіе пріятнымъ не удерживало въ своей власти пристрастныхъ къ нему. Какъ Авраамъ, услышавъ слова: *изыди отъ земли твоея* (Б. 12, 1), вышелъ: оставимъ и мы обыч-

ныя наклонности наши, чтобы, упражняясь въ умерщвленіи, переселиться въ горній городъ;—будемъ всегда носить мертвость Іисуса въ тѣлѣ своемъ и помнить слова: *трезвитесь, бодрствуйте* (1 Петр. 5, 8)... Много купцовъ, которые обнищавъ снова обогащались и, послѣ кораблекрушенія продолжая торговать, поправляли свое состояніе. Неужели для насъ приготовилъ Богъ огонь? Нѣтъ, для діавола и ангеловъ его; только пусть сами мы не разводимъ того огня... Если не можешь быть солнцемъ, будь по крайней мѣрѣ звѣздою,—только восходи съ земли къ небу; начни ревновать свѣтлымъ звѣздамъ... Подвижникъ не намащается мүромъ: ибо это есть забота только низложенныхъ. Какую приноситъ пользу слоновою костію или серебромъ оправленный одръ? Попеченіе объ этомъ излишне и съ неба низводитъ гнѣвъ... Ты возжелала дѣвства? Храни заповѣди и Господь сохранитъ тебя. Если молясь скажешь: сохрани мя, Господи, яко зѣницу ока (Иса. 16, 8): скажетъ тебѣ и Онъ: *храни моя заповѣди и поживеши, словеса же моя, яко зѣницы очію* (Прит. 7, 2). Если будешь расположена такъ: Господь, усвоивъ Себѣ попеченіе о тебѣ, скажетъ: *касаяйся васъ, яко касаяйся въ зѣницу ока моего* (Зах. 2, 8)... Многія дѣвы понесли мученичество. Если же другія перенесли смерть: ужели ты не можешь превозмочь похоти? Надобно властвовать не только надъ похотію, но и надъ гнѣвомъ. Языкъ твой долженъ говорить не много... Берегись, чтобы языкъ не погубилъ тебя: *языкъ*, говоритъ Іаковъ, *заражаетъ все тѣло* (3, 6); когда заразится все тѣло, необходимо повредится и умъ... Языкъ заключенъ двумя преградами, зубами и губами, чтобы, подобно цѣло-

мудренной дѣвицѣ, не произносилъ ничего безразсуднаго... Сладокъ ночной сонъ: но будь увѣрена, что ничего нѣтъ слаще пѣнія псалмовъ. Тебѣ тяжко спать на землѣ? Но вспомни, что Мученики были повергаемы на горящіе угли. У тебя очень горько во рту отъ поста? Но Христосъ для тебя вкусилъ желчи. Ты плачешь о себѣ? Но ты никогда не плакала, какъ Павелъ, о спасеніи другихъ. Облегчай трудъ надеждою: за печалію слѣдуетъ радость» (1).

По такимъ правиламъ, съ такими мыслями, подвизалась св. царевна Февронія. Чистая душею и тѣломъ, почила она въ 632 г., когда отецъ ея императоръ сражался съ Персами (2).

Память ея чтится греческою церковію октября 28 дня (3).

8. Св. Анѳуса старшая и младшая.

Старшая Анѳуса (4), оставивъ родительскій домъ, подвизалась сперва въ пещерахъ уединенно, переходя изъ одной въ другую; потомъ, встрѣтивъ старца, подвижника Сисинія, продолжала подвиги по его совѣтамъ и столько успѣла въ духовной жизни, что ея управленію отдали себя въ Мантинеѣ многія дѣвы. Къ совѣтамъ ея обращались жаждавшіе спасенія, и не оставались безъ пользы. Высокая жизнь ея пріобрѣла

(1) Посланіе св. Іоанна постника изд. Мореллемъ въ 1 томѣ твореній Іоанна Златоуста; переводъ его — въ Христ. Чтеніи 1826 г. 24, 246—306.

(2) П. Никифора хроника р. 64.

(3) Menologium ex ed. Basnagii ad 28 Octob. Minaea graeca Octob. у Вершинскаго она опущена.

(4) Менологъ Василія и краткій менологъ у Банажа на 27 іюня. Св. Анѳуса, о которой говорится здѣсь, была старшею между подвижницами. Были еще двѣ мученицы Анѳусы, старшая при муч. Валеріанѣ, чтимая 22 августа, и младшая 5 вѣка, чтимая декабря 8.

ей уваженіе и лучшихъ изъ мірскихъ людей Эллады. Имп. Константинъ Копронимъ настойчиво хотѣлъ быть тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи былъ Лютеръ: страхомъ и обманомъ вынудилъ онъ (въ 753 г.) оправдать на соборѣ магометанское (т. е. глупое) отвращеніе отъ св. иконъ, почитаніе святыхъ выдавалъ за суевѣріе, обѣты дѣвства — за извращеніе природы ([1]). Услыхавъ, что Анѳуса въ своей обители благоговѣйно и безъ страха предъ людьми чтитъ св. иконы и даже уговорила своего брата стать въ ряды защитниковъ св. иконъ, онъ приказалъ представить къ себѣ смѣлую игуменью со всѣми ея 90 сестрами. Гордый и развратный деспотъ ([2]) потребовалъ, чтобы отказались онѣ отъ своего образа мыслей; онъ думалъ, что пустынная игуменія легко уступитъ гордой волѣ его, какъ уступали искатели честей его и прохладной жизни.

([1]) П. Никифора хроника р. 73. 74. ed. Bonn. 1837. J. Iohannis Damasceni op. I, 613 S. Сербская лѣтопись о Копронимѣ: «ненавистный кровопійца-волкъ старался погасить славу святыхъ,— запрещалъ называть кого либо святымъ, а велѣлъ просто называть одиимъ именемъ, и Богородицу приказалъ именовать не Богородицею, а матерію Христовою; свѣтлые душею чины иночествующихъ поносилъ какъ бѣшеный песъ,—закалалъ ихъ какъ агнцевъ, наполнялъ ими темницы: въ одной, называемой преторъ, содержалъ 345 иноковъ и однимъ отрѣзалъ носы, другимъ уши, инымъ выкололъ глаза, другихъ, обмазавъ бороды смолою, обуглилъ; св. Стефана, вѣнецъ иноковъ и другихъ многихъ замучилъ до смерти». Гласникъ X, 251. 252. Самое сильное гоненіе противъ иконъ, святыхъ и иночества происходило въ 765 и 766 г. Никифора хроника р. 80—83. Le Quien or. chv. I, 237. 238.

([2]) Кодинъ: «старческій домъ Герагаѳы построила Агаѳія, дочь патриція Петра, красавица рѣдкая. Она называлась Герагаѳой отъ того, что сохранила непорочнымъ дѣвство свое до старости; Константинъ Копронимъ наконецъ осквернилъ ее и осыпалъ богатствами: но она тайно почитала св. иконы. Когда оконченъ былъ этотъ домъ: нечестивецъ собралъ въ него всѣ иконы и сжегъ тутъ». ed. Beckeri p. 94. По словамъ Зонары, Копронимъ—«не христіанинъ, не язычникъ, не жидъ, а смѣсь всякаго нечестія, дикій африканскій звѣрь». Annal XVI 5. p. 84.

Христіанская совѣсть, отвѣчала Анѳуса, не дозволяетъ выполнить несправедливую царскую волю: поклоненіе св. иконамъ—дѣло святое, оправданное постоянною практикою св. церкви, а жить для удовлетворенія однимъ скотскимъ потребностямъ — не значить жить достойно человѣка; надобно плакать, что и безъ повелѣній власти такъ много несчастныхъ, которые любятъ грязную жизнь [1].—Копронимъ велѣлъ бить ее бичами безъ пощады. Воля деспота была исполнена. Копронимъ отдалъ приказаніе отослать игуменію съ сестрами въ заточеніе. Въ это самое время императрица страшно страдала муками родовъ. Преподобная сказала вслухъ всѣхъ, что императрица родитъ двойни, сына и дочь, и указала судьбу двойней. Разрѣшившаяся двойнями императрица стала чтить преп. Анѳусу, какъ духовную мать, и для ея обители сдѣлала много пожертвованій. Блаж. Анѳуса скоро предала духъ свой Господу, въ глубокой старости, въ 759 г. [2].

Дочь Копронима, родившаяся по предсказанію св. Анѳусы, названа была Анѳусою. И по жизни явилась также святою.

«Отецъ желалъ, говоритъ Менологъ о младшей Анѳусѣ [3], выдать дочь замужъ: но она отказалась отъ предложенія. По смерти его († 775 г.) получивъ свободу, раздала имущество: одни расточала на нищихъ,

---

(1) См. о покаянномъ монастырѣ у Дю-кажа p. 158.

(2) Прологъ: «заточена бысть въ Маломъ островѣ и тамо въ глубоцѣй старости ко Господу отыде». Римскій мартирологъ подъ 27 іюля: «въ Константинополѣ кончина блаженной дѣвы Анѳусы: она при Константинѣ Копронимѣ за почитаніе св. иконъ была бита бичами и, сосланная въ ссылку, почила въ Господѣ». Если преподобная и была отправлена на островъ: то этотъ островъ вблизи столицы. У Вершинскаго (стр. 115) Амѳиса—ошибка: такого нѣтъ греческаго имени.

(3) Menologium Basilii ad 17 April.

другія употребляла на построеніе церквей и монастырей; золотыя одежды свои, которыя носила, обратила на украшеніе святынь. Она была матерію для многихъ сиротъ: собирая брошенныхъ младенцевъ, воспитывала и пристроивала ихъ: если иные умирали, поручала ихъ Богу, а которые оставались живы помѣщала въ домъ престарѣлыхъ ([1]). Блаженная царица Ирина (780—802 г.) не разъ приглашала ее къ участію въ управленіи имперіею; но она уклонилась отъ того. Затѣмъ пострижена она была въ инокиню патріархомъ Тарасіемъ (784—816 г.) въ монастырѣ св. Евфиміи ([2]), въ томъ самомъ, который жалкимъ отцемъ ея «превращенъ былъ въ арсеналъ и въ общественный нужникъ» ([3]).

По другимъ извѣстіямъ ([4]), святая и тогда еще, какъ жила во дворцѣ, подъ пышною одеждою царевны, носила власяницу, довольствовалась хлѣбомъ и водою и занималась чтеніемъ священныхъ книгъ. Безобразна была жизнь отца ея и смерть его была ужасна: онъ кричалъ, что горитъ онъ и наказывается за хулы на Богоматерь ([5]). Жизнь безобразіемъ ея,

---

([1]) Въ Константинополѣ было два дома воспитанія сиротъ, 4 больницы, 13 страннопріимныхъ домовъ, 16 домовъ для престарѣлыхъ. Du-Cangii Const. chr. p. 133—136.

([2]) Въ константинопольскомъ монастырѣ св. Евфиміи спасались дочери имп. Василія македонянина и жена имп. Льва мудраго Зоя. Du-Cangii Constant. chron. p. 146. Въ мѣсяцесловѣ Вершинскаго (стр. 57) сказано, что Анфуса скончалась въ мон. Евменія. Это ошибка. Такой обители не было въ Царѣградѣ, (см. прим.).

([3]) Кодинъ у Дю-канжа, Const. chr. p. 145. Кодинъ прибавляетъ, что спустя 35 лѣтъ имп. Ирина аѳинянка возобновила храмъ и перенесла въ него св. мощи найденныя у острова Лемноса. ed Beckeri p. 75

([4]) Прологъ 12 апр. и синаксарь греч. апр. Минеи.

([5]) Кедрина Chron. II, 18. Іокія Chron. p. 52.

а смерть ужасами ея безъ сомнѣнія болѣе всего расположили царевну вести *жизнь благочестивую*. Принявъ постриженіе и ставъ настоятельницею Омонейскаго монастыря (¹), она, полная смиренія и любви, сама носила воду для сестръ и выполняла другія услуги. Въ столицѣ имперіи, какъ и въ Тавеннѣ, женская обитель боялась принимать для себя недвижимыя имѣнія. «Греческіе иноки не имѣютъ рабовъ, а латинскіе имѣютъ», говорилъ западный кантербурійскій архіепископъ (²). Община дѣвъ Анѳусы рукодѣліями добывала себѣ хлѣбъ и другое содержаніе, а царская дочь-игуменья сама служила сестрамъ съ смиренною любовію. Особенно строго выполняла игуменія Анѳуса, въ отношеніи къ себѣ и другимъ, древнее правило — не выходить изъ обители въ міръ, такъ какъ иначе душа разстроивается мірскими впечатлѣніями, да и другимъ подается случай къ соблазну. Много значило для блаженной постановленіе трулльскаго собора объ этомъ предметѣ (³), а еще болѣе тотъ шумъ, ко-

(¹) По греч. синаксарю и по прологу св. Анѳуса жила въ Омонейскомъ монастырѣ и не дозволяла другимъ выходить изъ обители. Это значитъ, что здѣсь она была игуменіею, тогда какъ въ Евѳиміевомъ монастырѣ пострижена была въ иночество, о чемъ говоритъ Менологъ Василія. Омонейскій монастырь извѣстенъ особенно тѣмъ, что при имп. Ѳеодосіѣ великомъ въ храмѣ его были засѣданія вселенскаго собора. Du-Cangii Constant. chr. p. 157. Во время Анѳусы, въ слѣдствіе соборнаго опредѣленія, было большое передвиженіе иноковъ и инокинь изъ одного мѣста въ другое.

(²) Ѳеодора кантербур. († 690 г.) Capitula 8.

(³) Трулльскій соборъ 692 г. *опредѣлилъ*: «избравшіе подвижническое житіе и опредѣленныя въ монастырь отнюдь да не исходятъ. Аще же неизбѣжная нѣкая нужда побудитъ ихъ къ сему: да дѣлаютъ сіе по благословенію и изволенію настоятельницы, но и тогда исходити должны не однѣ, а съ старшими старицами и съ первенствующими въ монастырѣ, по повелѣнію игуменіи. Обнощевати же внѣ монастыря совсѣмъ не позволяется имъ». Прав. 46. въ книгѣ правилъ. Превосход-

торый поднимали противъ монастырей при отцѣ ея. Вселенскій соборъ постановилъ: «не долженствуетъ монахъ или монахиня оставлять свой монастырь и отходити во иный» (Пр. 21). Такъ блаж. Анѳуса ни сама не переступала ногою за ограду обители, ни сестрамъ не дозволяла являться въ міру безъ самой крайней нужды. Благоговѣйная настоятельница твердо выполняла и другое правило собора: «Ни жена въ мужескомъ, ни мужъ въ женскомъ монастырѣ да не спитъ» [1]; тѣмъ болѣе, что и современный ей соборъ подтвердилъ это правило до того, что запретилъ монаху съ монахинею говорить наединѣ [2], а въ столичной женской обители требовалась особенная осторожность относительно посѣтителей обители. Блаженная игуменія не допускала въ свою обитель и того простодушнаго обыкновенія, которое осудилъ соборъ 692 г. Въ нѣкоторыхъ женскихъ обителяхъ принимавшія иночество наряжались тогда, какъ невѣсты, и въ такомъ видѣ приходили въ храмъ для постриженія. Запрещая это, Констант. соборъ 692 г. писалъ: «не слѣдуетъ быть тому, чтобы, по собственному произволенію отложившая уже всякую житейскую пріятность,

---

ныя разсужденія о нуждѣ для иночествующихъ не выходить изъ обители см. у Василія велик. въ правил. Твор. 5, 53. 59, 191—193.

(1) Трулльское прав. 48.

(2) Вселен. 7 соб. пр. 20 «опредѣляемъ не быти отнынѣ монастырямъ двойнымъ, потому что сіе бываетъ соблазномъ и преткновеніемъ для многихъ,—аще же восхотятъ нѣкои съ сродниками отъ міра отрещися и монашескому житію послѣдовати: то мужамъ отходити въ мужескій монастырь, а женамъ входить въ женскій монастырь, ибо симъ благоугождается Богъ. А обрѣтающіеся до нынѣ двойные монастыри да будутъ управляемы по правилу св. отца нашего Василія: да не будутъ во единомъ монастырѣ монахи и монахини... Да не имѣетъ дерзновенія монахъ съ монахинею или монахиня съ монахомъ бесѣдовати наединѣ».

возлюбившая жизнь по Богѣ, утвердившаяся въ ней непреклонными мыслями, возвращалась воспоминаніемъ къ тому, что уже предано забвенію, и отъ сего явилась бы колеблющеюся, возмущалась бы въ душѣ какъ отъ волнъ потопляющихъ и бросающихъ туда и сюда; иногда и проливая слезы не являетъ она сердечнаго сокрушенія, а если и упадетъ слеза искренности, зрители думаютъ, что это не столько отъ усердія къ монашескому подвигу, сколько отъ разлуки съ міромъ и съ тѣмъ, что въ мірѣ» ([1]). — Молитвы св. Анѳусы были неусыпныя и стояніе на бдѣніяхъ неослабное; слезы сокрушенія постоянно текли изъ очей ея. «Прекрасная вѣтвь дурнаго дерева, честная Анѳуса отцвѣла для земной жизни» ([2]) 12 апр. 811 г. на 57 году ея жизни.

6. Св. Аѳанасія эгинская.

Островъ Эгина — одинъ изъ островов̆ Эгейскаго моря, ближайшихъ къ материку Эллады, на югъ отъ Саламина. Здѣсь родилась и здѣсь подвизалась св. Аѳанасія—([3]). Родители ея, Никита и Ирина, были люди богатые, благородные и добрые христіане. Они дали дочери хорошее образованіе. Дочь съ юности

([1]) Трулльское прав. 45. Это простодушное обыкновеніе сохранялось даже въ 18 столѣтіи въ нѣкоторыхъ южныхъ женскихъ монастыряхъ Россіи. См. Опис. харьковской епархіи I, 133. 134. Харьковъ 1859 г.

([2]) Двустишіе Синаксаря.

([3]) Житіе ея — въ Четьи-Минеѣ апр. 12 греческій текстъ in act. Sanct. ad 12 augusti. Библіографъ говоритъ: «принявъ на себя это (описать жизнь и чудеса), передаю я не пустые вымыслы, но то, что самъ собственными глазами видѣлъ, частію же слышалъ отъ святыхъ женъ... Всѣ онѣ хорошо знали дѣянія блаж. Аѳанасіи. Потому и я повѣрилъ имъ». Въ Прологѣ апр. 12 и въ сборномъ Патерикѣ (знам. I) краткое извѣстіе съ нѣсколькими добавленіями.

не находила утѣшенія въ пріятностяхъ земной жизни: душа ея стремилась служить одному Господу. Но благій Сердцевѣдецъ знаетъ какія мѣры всего удобнѣе могутъ привести душу ко спасенію и употребляетъ самыя полезныя. Родители выдали Аѳанасію замужъ противъ ея желанія, за военнаго: партія блистательная! Но на 17 дней брака арабы напали на островъ, и мужъ Аѳанасіи въ схваткѣ съ ними былъ убитъ (1). Аѳанасія рада была тому, что можетъ вступить въ монашескую жизнь. Но указъ императора Михаила Заики предписалъ выдать молодыхъ вдовъ замужъ за молодыхъ военныхъ людей. И Аѳанасія выдана была за втораго мужа, опять противъ ея желанія. Къ счастію ея, мужъ былъ человѣкъ расположенный къ добру; супруга своею добротою самоотверженною пріобрѣла вліяніе на него. Съ дозволенія супруга посвящала она большую часть времени и средствъ на дѣла милосердія: помогала бѣднымъ, посѣщала больныхъ и часто оставалась въ больницахъ для услугъ страждущимъ; для вдовъ и сиротъ была она самою нѣжною матерію. Она снабжала однихъ пищею, другихъ и одеждою. Такая высокая, христіанская любовь къ другимъ и Господу произвела въ мужѣ рѣшительную перемѣну. Онъ удалился въ монастырь, какъ желала супруга. Аѳанасія, оставшись свободною, продала земли, составлявшія наслѣдство ея, и большую часть денегъ раздала бѣднымъ. Домъ свой обратила она въ домъ молитвы для душъ воздыхающихъ о небѣ. Къ ней собралось довольно дѣвственницъ. Спустя 4 года упросили ее быть игуменьею. Она горячо подвизалась.

(1) Это нападеніе арабовъ-магометанъ было въ 823 г. Они взяли тогда Критъ.

На тѣлѣ ея была власяница; спала она на каменьяхъ; пищею ея былъ ячменный хлѣбъ; рыбу вкушала только два раза въ годъ, въ Пасху и въ Рождество Христово; во весь великій постъ принимала пищу только два раза. Прислугою себѣ была она сама; даже не допускала, чтобы лили на ея руки воду.—Никогда не опускала общихъ молитвъ, и кромѣ того въ кельѣ своей совершала ночныя молитвы. Спустя четыре года, по совѣту духовнаго старца, избрала она болѣе уединенное мѣсто для пребыванія молитвенницъ и устроила монастырь съ храмомъ. — Пустынный храмъ—отрада для пустынницъ и въ немъ же служитель Божій — врачъ душевный. Блаженная игуменія внушала сестрамъ каяться предъ Господомъ искренно, и по ложному стыду не скрывать предъ духовникомъ какой либо язвы душевной,—къ пагубѣ своей. Она напоминала имъ о древнемъ законѣ Божіемъ, относительно священниковъ: «По закону, которому научатъ они тебя, и по опредѣленію, какое они скажутъ тебѣ, поступи, не уклоняйся ни направо, ни налѣво отъ того, что они скажутъ тебѣ. А кто поступитъ такъ дерзко, что не послушаетъ священника, стоящаго тамъ въ служеніи предъ Господомъ Богомъ твоимъ, или судіи: тотъ долженъ умереть». (Втор. 17, 11, 12).—Къ себѣ самой преподобная по прежнему была строга, но еще болѣе стала смиренна и добра къ другимъ. Слухъ о ея подвижничествѣ разошелся по всему острову. Въ обитель ея приносили больныхъ и они получали тутъ здоровье. Но слава имени преподобной сильно тяготила ее по многимъ причинамъ, между прочимъ и потому, что посѣщавшіе отнимали время нужное для молитвы и бесѣды съ своею душею, а

вносяя въ чужую душу суеты свои, не платили ни вздохомъ о себѣ самихъ. Она удалилась въ Константинополь. Здѣсь также скоро узнали о ней. Царица Ѳеодора желала слушать совѣты ея. Хотя, по положенію тогдашнихъ дѣлъ церкви, пребываніе Ѳеанасіи въ столицѣ было полезно для многихъ, но борьба придворныхъ страстей была слишкомъ шумна и пустынная душа страдала въ такой атмосферѣ: она скорбѣла о томъ, что люди выгнали ее изъ тихой обители ея. Наконецъ эгинскія сестры явились къ ней съ неотступными просьбами возвратиться въ свою обитель. Она была рада тому. Но кончина ея была уже близка: спустя 20 дней, по возвращеніи въ свою обитель, почила она о Господѣ, такъ покойно, какъ бы заснула обыкновеннымъ сномъ. Это было августа 14-го 860 г.

Предъ смертію завѣщевала она кормить нищихъ до 40 дней въ ея память. Сестры ставили трапезу 9 дней, потомъ прекратили. Явясь въ 40-й день, говорила она: «напрасно нарушено мое завѣщаніе. Поминовеніе по умершимъ, совершаемое въ храмѣ до 40 дней, или питаніе нищихъ въ тоже время много помогаетъ грѣшнымъ въ загробной жизни, а совершаемое за праведныхъ низводитъ благословенія небесныя на совершающихъ поминовеніе». Явившаяся воткнула игуменскій жезлъ свой въ землю, и перестала быть видимою. Оставленный жезлъ оказался на другой день живымъ деревцомъ [1].

Считаемъ умѣстнымъ и должнымъ привесть здѣсь

---

[1] И по римскому мартирологу, «авгус. 14 д. въ Эгинѣ кончина св. вдовицы Ѳеанасіи, славной монашескими подвигами и благодатію чудесъ». Св. Димитрій справедливо замѣтилъ: «сія преподобныя Ѳеанасіи память почитати приличнѣе есть августа въ 14 день, въ навечеріи Успенія прес. Богородицы, когда та святая представися».

повѣствованіе Агапія, инока критскаго, о событіи касавшемся вопросовъ занимавшихъ душу блаж. Аѳанасіи.

Надобно сказать, что императоръ Михаилъ заика (1820—828) жилъ какъ язычникъ, безъ вѣры въ будущую жизнь; для него всѣ вѣры были одной цѣны— не важной; онъ не допускалъ безсмертія и бытія духовъ, и жизнь грязная (1), плотская была для него жизнь безгрѣшная.

Этимъ объясняется значеніе загробной проповѣди св. Аѳанасіи, какъ и событіе разсказываемое Агапіемъ.

Была, пишетъ онъ, одна женщина добрая и благочестивая. Она раздавала милостыню, постилась и творила другія добрыя дѣла. Но бѣдная допустила одинъ грѣхъ тяжкій, и не исповѣдалась въ немъ. Не разъ порывалась она открыть грѣхъ свой духовнику, и, тогда какъ разсказывала о другихъ грѣхахъ, стыдилась сказать о томъ, и такъ уходила отъ духовника. Часто съ горькими слезами молилась она предъ иконою Богоматери и просила защиты ея. Наконецъ, умерла она, не исповѣдавъ грѣха своего. Родные и особенно сестры захотѣли похоронить ее въ другомъ мѣстѣ, и погребеніе совершалось на третій день. Когда отпѣвали ее въ церкви, вдругъ мертвая поднялась, сѣла на одрѣ и сказала: «велика мощь твоя, Владычица непорочная!» Призвавъ духовника, исповѣдала предъ нимъ скрываемый грѣхъ. За тѣмъ въ слухъ всѣхъ говорила: бѣдная я, отъ стыда не исповѣдалась въ одномъ грѣхѣ такъ и умерла; но я каж-

(1) Theophr. contr. p. 47. 49. Zonarae annal. XV, 22. p. 106. 107.

дый день съ глубокимъ сокрушеніемъ молила пресвятую Богородицу о томъ, чтобы не понесть мнѣ наказанія за свой грѣхъ. Когда несчастная душа моя разлучилась съ тѣломъ: темные злобные духи укоряли меня въ тайномъ грѣхѣ и радовались, считая меня своею добычею. Но явилась царица ангеловъ и своимъ свѣтомъ разогнала духовъ злобы; она сказала имъ съ негодованіемъ: Господь не далъ вамъ власти надъ этою душою. Потомъ привела меня къ Господу и просила Его явить милость свою надо мною; она, говорила, оказывала много любви и вѣры. Господь сказалъ: пусть эта душа соединится съ тѣломъ своимъ и, какъ должно, исповѣдуетъ грѣхъ свой. Тогда ангелъ хранитель мой оживилъ меня. Прошу тебя, любезная сестра и всѣхъ родныхъ моихъ, не плакать о мнѣ, — это не принесетъ мнѣ никакой пользы, а пусть совершаются литургіи и подается милостыня за меня. За тѣмъ она снова почила во Господѣ (¹).

Св. Кириллъ алекс. въ свое время обличалъ тѣхъ, которые говорили, что «не надобно приносить жертву за умершихъ». Если, училъ онъ, ни къ чему не служитъ и безполезно удостоивать умершихъ нашего приношенія: то и въ простыхъ молитвахъ нашихъ не нужно поминать ихъ. Если же вы попираете законы любви и, ни за что считая умершихъ, оставляете ихъ погибать: то вы оказываетесь камнями бездушными и людьми безчеловѣчными. Затѣмъ, повторяетъ евангельское повѣствованіе объ исцѣленіи сына сотникова и говоритъ: «смотри, вотъ исцѣленный за вѣру другаго. За чѣмъ же вы упрекаете насъ въ любостяжаніи, когда мы, не виновные въ томъ, стараемся

(¹) Ἀγάπη ἁμαρτωλῶν σωτηρία, Ἐν ἐνησίν 1803. S. 376. 377.

привлекать милость небесную на усопшихъ въ вѣрѣ, и приносимъ за нихъ таинственную жертву, столько благотворную, отъ которой пала смерть и засіяла надежда на жизнь нескончаемую?» (1). Св. Златоустъ писалъ: «не напрасно узаконено апостолами поминать умершихъ при страшныхъ тайнахъ. Они знали, что великая бываетъ отъ того польза для умершихъ» (2). Другой великій учитель церкви говорилъ: «не надобно отвергать того, что души умершихъ получаютъ облегченіе отъ благочестія живыхъ родственниковъ, когда приносится за нихъ жертва Ходатая, или раздается милостыня въ церкви для ихъ пользы... Подлинно есть образъ жизни, который не столько честенъ, чтобы не требовалъ того по смерти, и не столько худъ, чтобы не послужило ему это въ пользу по смерти. Есть образъ жизни столь честный, что не требуетъ помощи, и есть образъ жизни столь худой, что это не можетъ помочь ему по смерти. Кому молитвы полезны: то полезны или столько, что бываетъ полное отпущеніе грѣховъ, или столько, что сносное бываетъ осужденіе» (3).

10. Св. Ѳеодора царица.

Блаженная Ѳеодора, дочь благороднаго пафлагонскаго дома, давшаго для имперіи многихъ даровитыхъ людей (4), бывъ супругою императора Ѳеофила, удерживала мужа, сколько могла, отъ гоненій противъ православія; тайно покланяясь св. иконамъ въ своихъ покояхъ, она усердно молила Господа, дабы Онъ

(1) Op. S. Cyrilli alex. t. X. 1423—1426 ed Migne, Paris 1589.
(2) Hom. 3 in ep. ad Philipp. n. 4.
(3) Блаж. Августинъ Enchirid. ad Lavrentium c. 100. 109. 110.
(4) Du-Cangii famil. byzant. p. 133. 135. Constantin. chr. p. 156.

Самъ утишилъ бурю иконоборства ([1]). Когда умеръ (въ 842 г.) императоръ Θеофилъ: она, по малолѣтству сына, принявъ правленіе имперіею, немедленно начала возстановлять покой церкви: множество страдальцевъ, разосланныхъ въ ссылки за исповѣданіе чистой вѣры, возвращено было на мѣста покойной жизни, ложный архипастырь лишенъ власти и заключенъ въ монастырь, а св. исповѣдникъ Меθодій возведенъ былъ на патріаршій престолъ. Тогда же установлено было праздновать торжество православія каждый годъ въ первое воскресенье великаго поста ([2]). Патріархъ Меθодій предложилъ царицѣ: «Не служитъ къ чести имперіи, если славный патріархъ Никифоръ, за защиту чистой вѣры согнанный съ престола и скончавшійся вдали, остается въ пренебреженіи; надобно, чтобы тѣло его возвратилось въ столицу». Императрица, соглашаясь съ тѣмъ, сказала: «выполненіе мысли будетъ честію мнѣ и дѣтямъ моимъ». И святое тѣло торжественно перенесено было (марта 13 846 г.) въ столицу ([3]). Всѣ лучшіе люди отдавали уваженіе царицѣ и за управленіе гражданскими дѣлами имперіи: ея умнымъ распоряженіямъ и твердости имперія одолжена была (въ 852 г.) успѣхами въ отношеніяхъ къ Болгаріи. Но противъ нея возсталъ злобный и властолюбивый братъ ея Варда. Царица вынуждена была (855 г.) отказаться отъ управленія, и сперва жила уединенно въ загородномъ дворцѣ сво-

---

([1]) Менологъ Василія на 11 февр. Сказаніе пролога—переводъ изъ Менолога, съ добавленіемъ извѣстія о загробной участи Θеофила.

([2]) Левъ грамматикъ р. 449. Скилитза р. 515. Зонара р. 114. Le-Quien Or. chr. I, 243—245.

([3]) Рѣчь пресвитера Θеофана in Philippi cyprii Chronico p. 102. 103. Lipsiae 1687.

емъ, называвшемся въ послѣдствіи дворцемъ св. Ѳеодоры ([1]). Оказывая помощь всякой бѣдности, изыскивала она способы для возстановленія благочинія въ обителяхъ, столько страдавшихъ отъ иконоборства; вызывала къ себѣ опытныхъ старицъ-игуменій, какова была св. Аѳанасія эгинская, для бесѣдъ объ устроеніи духовной жизни. Блаженная царица много сдѣлала для св. церкви тѣмъ, что воспитала въ своемъ сынѣ императорѣ Михаилѣ твердую преданность св. православію. Какъ много и какъ долго страдала дотолѣ церковь отъ магометанской ненависти верховныхъ правителей имперіи къ св. иконамъ! Мать желала, чтобы и нравственное поведеніе сына было достойно престола и полезно имперіи. Она все употребила въ его юности, чтобы дать ему лучшее воспитаніе: наставниками Михаила были люди даровитые и съ желаніями добрыми; св. Кириллъ, просвѣтитель славянъ, былъ товарищемъ Михаила по ученію. Но Михаилъ своимъ примѣромъ показалъ, что самое усердное воспитаніе не пересиливаетъ въ насъ порчи природы: порча остается и открывается въ жизни то тѣми, то другими дурными наклонностями. Мать старалась быть полезною Михаилу царю совѣтами. Но Михаилъ только оскорблялся добрыми совѣтами и велъ жизнь разгульную въ обществѣ дурныхъ людей. Мать страдала. Послѣ многихъ безполезныхъ попытокъ вразумить сына, она увидѣла, что ей остается предать сына волѣ Божіей, тѣмъ болѣе, что ему было уже 17 лѣтъ. Она прервала всякую связь съ міромъ и заключилась въ монастырѣ ([2]).

([1]) Du-Cangii Constant. chr. 174. famil byz„nt. p. 134.

([2]) Кодинъ: «Монастырь св. Евфросиніи, называемый Луговой, по-

Теперь занятіями ея были: молитва, постъ, чтеніе душеполезныхъ книгъ; извѣстно нынѣ евангеліе, писанное ея рукою ([1]). Строгимъ наблюденіемъ надъ своею душею она очищалась и возвышалась въ духовной жизни; прекрасныя качества души ея, на свободѣ отъ дрязгъ свѣта, раскрывались по евангельскому закону. Такъ провела она восемь лѣтъ, въ подвигахъ самоотреченія, и мирно скончалась февраля 11, 867 г., а вскорѣ за тѣмъ убитъ былъ сынъ ея ([2]).

11. Св. Θеодора Солунская.

Солунская подвижница Θеодора ([3]) родилась на

строенъ былъ въ маломъ и бѣдномъ видѣ Ириною воинянкою. Когда Михаилъ, сынъ имп. Θеофила, разсорился съ матерію своею, православною Θеодорою, и сестрами своими: то выслалъ ихъ изъ дворца и отправилъ въ этотъ монастырь; тогда обогатилъ онъ его имуществами и украшеніями. Онъ назывался Евфросиніинымъ по имени одной изъ сестеръ его—Евфросиніи, которая жила и подвизалась хорошо». ed Beckeri p. 97. Сличая извѣстія византійцевъ о монастырѣ, гдѣ подвизалась св. царица Θеодора и гдѣ лежали мощи ея (у Дю-канжа Constant. chr. p. 110. 147. 156), должны мы положить, что Евфросиніинъ монастырь и монастырь гастрійскій—одинъ и тотъ же, а не два какъ у Дю-канжа... Первоначально построенный Ириною, онъ распространенъ Евфросиніею матерью имп. Θеофила, которая жила и скончалась въ немъ. Мать св. Θеодоры, Θеоктиста имѣла вблизи его домъ свой, и также благотворила обители молитвъ. Еще болѣе обогащенъ онъ былъ св. Θеодорою. Евфросиніинымъ назывался онъ по имени матери Θеофила; а у имп. Михаила не было сестры Евфросиніи; сестры его, жившія въ монастырѣ были: Анна, Анастасія и Пульхерія. По словамъ Скилитзы, Василій макед. «отослалъ дочерей ея (Θеодоры) въ монастырь бабки, называемый Гастрія». Du-Cangii famil byzant. p. 134. Constant. chr. p. 156.

([1]) Это евангеліе, писанное письмомъ мелкимъ, нынѣ находится въ Петерб. публичной Библіотекѣ, куда подарено было въ 1829 г. Сильвестромъ архимандритомъ монастыря св. Іоанна понтскаго. Cataloge de manuscrits grecs bibliot. impériale publique, Peterb. 1864. p. 29. 30.

([2]) Bollandistae ad II d. Februarii p. 552—556 *Weiss* Leben d. Heiligen 3, 11. 12. Мощи св. царицы Θеодоры лежали въ гастрійскомъ монастырѣ. Du-Cangii; Constant. chr. p. 110. 156.

([3]) У Болландистовъ похвала Николая Кавасилы, архіепископа солунскаго св. Θеодорѣ, lat. et graec. april. I, 405—409. append. p. 55—59. Извлеченія—въ Четьѣ-Минеѣ на 5 апр.

островѣ Эгинѣ, отъ родителей благочестивыхъ, ревнителей чистой вѣры. Выданная замужъ, имѣла у себя дочку. Непріятельскимъ нашествіемъ вынуждена она была съ мужемъ переселиться въ Солунь. Здѣсь отдала дочь свою въ монастырь; а потомъ, по смерти мужа, и сама приняла иночество въ обители, гдѣ жила дочь ея. Порча души нашей такъ велика, что противовѣсъ, остающійся у насъ для борьбы съ нею, противовѣсъ разума и совѣсти, не силенъ предохранять насъ отъ самыхъ дурныхъ поступковъ. Что же дѣлать намъ съ собою? Молиться и молиться, чтобы оживляла и укрѣпляла насъ больныхъ благодать Божія. Такъ поступала блаж. Ѳеодора. Она для того и заперлась въ монастырь, чтобы молиться и молиться, молиться молитвою, не разсѣеваемою міромъ, молитвою вседушевною. И вотъ, укрѣпляемая благодатію, она трудами послушанія и смиренія, постомъ и самоотреченіемъ, молитвою и хвалою, столько угодила Господу, что по смерти своей, послѣдовавшей въ 879 г., совершала разныя чудеса. Когда, спустя нѣсколько времени, скончалась игуменія обители и гробъ послѣдней ставили вблизи мощей Ѳеодоры: то блаженная Ѳеодора, отдавая честь настоятельницѣ обители, подвинулась, какъ живая, и дала мѣсто усопшей игуменіи. Изъ тѣла ея истекала благовонная и цѣлительная масть и Ѳеодора называлась мѵроточивою; масть исцѣляла разныя болѣзни. Когда турки (въ 1427 г.) взяли Солунь: то, предавъ поруганію мощи св. великомученика Димитрія, то же неистовство фанатизма «показали и надъ мощами святой и мѵроточивой Ѳеодоры, бросили ихъ на землю и раздробили

на части» (1). Тѣ, которые знаютъ только жизнь животную, скотскую, не терпятъ видѣть осязаемые знаки побѣды духа безсмертнаго надъ веществомъ. Жалкіе люди! «Богъ поругаемъ не бываетъ: что сѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ тлѣніе, а сѣющій въ духъ, отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную» (Гал. 6, 7. 8).

12. Св. Өеоктиста паросская.

Островъ Лесбосъ—одинъ изъ островов Эгейскаго моря, сосѣдній съ мысомъ Мисіи. Его Митилену посѣщалъ св. Павелъ (Дѣян. 20, 14); а на сѣверномъ берегу его—городъ Меѳимна. Это считалось частію Малой Азіи. Паросъ, одинъ изъ цикладскихъ острововъ, знаменитый своимъ мраморомъ, принадлежалъ къ Элладѣ.

На островѣ Лесбосѣ, въ городѣ Меѳимнѣ, родилась блаженная Өеоктиста. (2). Съ юныхъ лѣтъ, пожелавъ вести жизнь чистую, отдана она была родными въ дѣвичій монастырь. Семнадцати лѣтъ пострижена была въ монашество. Случилось ей выдти изъ обители, для свиданія съ сестрою. Въ это время, неожиданно ни для кого, напали на островъ пираты-арабы. Захвативъ множество плѣнныхъ, захватили они и Өеок-

(1) Слова Іоанна чтеца въ повѣствованіи о туркахъ, гл. 16. У Кавасилы св. Өеодора также называется мироточивою. Монастырь, гдѣ лежали мощи св. Өеодоры, у Франэ (2, 41) называется монастыремъ св. Өеодоры *Tafel* de Thessalonica p. 5. 120. 159.

(2) Метафрастово описаніе разговора о св. Өеоктистѣ въ латинскомъ переводѣ—у Сурія ad 10 Noveneb. Отрывки греческаго текста—у Аллятти de Symeonibus p. 49. 53. 55. Въ Четьѣ-Минеѣ нояб. 9, изъ разговора составлено описаніе жизни. Метафрастъ разговаривалъ о святой на островѣ Лесбосѣ съ пустыннымъ старцемъ въ 902 г. Старецъ просилъ его описать жизнь святой для общей пользы, и Симеонъ записалъ тогда же разсказъ старца. Ученіе объ отцахъ § 294.

тисту съ ея сестрою. Грабители пристали потомъ къ острову Паросу и расположились тутъ оцѣнивать плѣнныхъ. Θеоктиста, трепеща не столько за жизнь, сколько за чистоту свою, бросилась бѣжать; долго гнались за нею; наконецъ она, спасаясь отъ нихъ, скрылась въ пустынѣ, на серединѣ острова.

Θеоктиста спасла жизнь и чистоту отъ насилія людей, — но островъ оказался совершенно запустѣвшимъ. На немъ стоялъ только каменный храмъ пустой. Θеоктиста предала себя въ волю Божію. Она питалась сѣменами мѣстнаго растенія, солнечника. Псалмы, которые изучила она въ монастырѣ, составляли пищу и утѣшеніе ея. Одежда, въ которой схватили ее пираты, впослѣдствіи обветшала, обратилась въ гниль и она осталась нагою. То зной лѣтній жестоко палилъ ее, то холодъ зимы костѣнилъ тѣло ея. Она терпѣла и молилась. Мѣстомъ молитвъ ея былъ притворъ опустѣвшаго храма.—Такъ прожила она 35 лѣтъ. Случилось, что прибыли на островъ охотники для ловли звѣрей. Между ними былъ богобоязненный человѣкъ; онъ ходилъ одинъ, слѣдя за звѣрями; увидавъ запустѣвшій храмъ, вошелъ въ него помолиться. Помолившись, видитъ небольшую ямку съ водою и въ ней намокшія сѣмена солнечника. Вѣрно, подумалъ онъ, подвизается здѣсь рабъ Божій, пустынникъ. Чтобы не потерять дружины, онъ поспѣшилъ выдти изъ храма. На слѣдующій день мысль о пустынникѣ снова привела его въ пустой храмъ. На этотъ разъ увидалъ онъ на правой сторонѣ притвора какъ бы растеніе, колеблемое вѣтромъ, и закрытое густыми сѣтями паутины. Онъ хотѣлъ подойдти и посмотрѣть, что это такое? Но услышалъ голосъ: «остановись, не подходи

ко мнѣ, добрый человѣкъ! стыжусь показаться тебѣ нагою». Онъ затрепеталъ и хотѣлъ бѣжать, но собрался съ духомъ и спросилъ: кто ты и откуда? «Брось мнѣ какое нибудь одѣяніе, чтобы я могла прикрыться, и тогда скажу». Онъ исполнилъ желаніе ея. Обвернувшись верхнею одеждою охотника и оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вышла она къ охотнику. Волосы ея были бѣлые, лице почернѣлое, одна кожа покрывала кости, и все цѣлое походило болѣе на призракъ, чѣмъ на живаго человѣка. Она разсказала о себѣ, какъ попала она на островъ и какъ жила тутъ. Потомъ просила она охотника принесть ей святое причастіе. Такъ какъ охотники, отправляясь въ дальній и опасный путь, запасались тогда св. дарами Евхаристіи: то тотъ поспѣшно принесъ сосудъ съ святыми дарами [1]. Она, помолившись, причастилась св. Евхаристіи и вознесла благодареніе Богу. Когда охотникъ еще разъ пришелъ видѣть дивную пустынницу: онъ нашелъ ее почившею. Выкопавъ могилу, какую могъ, благоговѣйно положилъ страдальческіе останки подвижницы.

Нападеніе морскихъ разбойниковъ, африканскихъ арабовъ, на островъ Лесбосъ было въ 846 г.; тогда они ограбили и Римъ. Прибавляя къ этому году разбоя 35 лѣтъ пребыванія святой на безлюдномъ островѣ

[1] О томъ, какъ въ древнее время причащались тѣла и крови Христовой, сказано довольно въ прим. на 77 главу Луга духовнаго. Іоанна Мосха лугъ духовный стр. 258. 259. М. 1853 г. Причина, почему давно уже перестали поручать св. запасные дары на храненіе мірянамъ,— понятны. Если св. Димитрій ростовскій и блаженный Іоасафъ бѣлградскій находили такихъ священниковъ, которые оказывали самую грубую небрежность въ храненіи страшныхъ таинъ: то чего ожидать отъ мірянъ позднаго времени?

Паросѣ, находимъ, что дивная подвижница почила въ 881 году.

13. Св. Марія младшая.

Подвизалась дѣвственницею при имп. Василіи Македонянинѣ.

Дорогое, высокое богатство—чистота дѣвственная. Какъ соблюсти ее?

Надобно усердно молиться къ Тому, для Кого все возможно и Кто по благости своей готовъ помогать и любитъ дарить чистоту (Фил. 4, 13; Іак. 1, 5).

Надобно бояться гордости и самонадѣянности: съ этими расположеніями легко попадаютъ въ нечистоту.

Соблюдайте умѣренность въ пищѣ и питьѣ (Рим. 13, 13).

Охраняйте чувства, взоръ, слухъ, осязанье: очи—двери смерти (Іер. 9, 21). Смотрите на святое, и святое будетъ въ умѣ и сердцѣ. Берегитесь обхожденія съ другимъ поломъ, чтенія соблазнительныхъ книгъ и сладострастныхъ картинъ. Кто любитъ опасность, попадетъ въ нее (Еккл. 3, 27).

Трудъ тѣлесный много укрощаетъ похотливость.

Особенно же спасителенъ страхъ Божій, страхъ смерти и геенны (Дан. 13, 22).

Дѣвственница Божія Марія, крѣпко подвизавшаяся для чистоты, богоугодно почила около 886 г. [1].

14. Блаженная Ѳеофанія царица.

Плодъ молитвъ матери, долго бывшей бездѣтною, дочь вельможи Константина Мартинакія и Анны по-

(¹) О ней греческое сказаніе писано при патр. Евѳиміѣ (906—909 года), современникомъ, но не издано. Fabricii bibl. gr. X, 286. Въ мѣсяцесловѣ Вершинскаго не помянута эта святая.

лучила блистательное образованіе; родители нѣжно любили Θеофанію и ничего не жалѣли для ея воспитанія [1]. Имп. Василій Македонянинъ избралъ ее въ супругу сыну своему Льву и съ брачнымъ вѣнцомъ возложенъ былъ на Θеофанію вѣнецъ царскій, какъ на супругу наслѣдника престола [2]. Но счастіе недолго ласкало Θеофанію. Θеодоръ Сантаваринъ, человѣкъ злой и коварный, подавъ совѣтъ Льву носить подъ одеждою мечь на случай опасности для царя-отца, также наклеветалъ царю, что сынъ нетерпѣливо ждетъ какъ бы сѣсть на престолъ отца и намѣренъ умертвить его скрытымъ подъ одеждою мечемъ.—Левъ и супруга его заперты были въ крѣпость и три года пробыли въ тяжеломъ заключеніи. Въ день пророка Иліи, по ходатайству вельможъ, ручавшихся за невинность сына, Василій возвратилъ сыну и невѣсткѣ свободу. Но здоровье Θеофаніи, разстроенное неожиданнымъ несчастіемъ, уже не возвращалось къ ней. У нее была только одна дочка и та, лишь только родилась, какъ и умерла [3]. Блаженная увидала, что земля скорьбями отталкиваетъ ее отъ себя и что приходится искать покой, только не на землѣ. Гдѣ же покой, столько желаемый душею? Душа сама знаетъ, гдѣ ея покой: созданная по образу Божію, она рвется къ Нему, Богу своему,—тамъ ея свѣтъ, тамъ ея радости. Временныя блага, мѣняющіеся образы земные, обольщаютъ собою душу, увлекаютъ ее за собою: но вѣдь это—только обольщеніе, обманъ: послѣ него въ

(1) Жизнь ея описалъ въ Панегирикѣ Никифоръ Григорасъ. Lambec. Comm. Vindob. IV, 61. Извлеченіе—въ Четьѣ-Минеѣ дек. 16 и въ Синаксарѣ греч. Минеѣ.

(2) Leo grammat. p. 473.

(3) Du-Cangii famil. byzant. p. 141.

душѣ только пустота и горечь. Такъ блаженная обратилась всею душею къ Господу своему. Она усердно занималась молитвою и читала св. Писаніе ([1]). Одѣваясь для приличія царственною одеждою, она на тѣлѣ носила власяницу. Кровать ея была царски-пышная, но она спала на голомъ полу. Пищею ей служили хлѣбъ и овощи. Съ тѣми, которые служили ей, обращалась она ласково и кротко, никто не слыхалъ отъ нея и слова гнѣвнаго. Свѣтскаго празднословія не любила она, какъ и веселостей забывчивой разсѣянности. Заботы о бѣдности — служили утѣшеніемъ для нея. Все, что̀ получала она отъ двора, обращала на вспоможеніе сиротамъ, вдовамъ несчастнымъ, на монастыри и храмы. Она жила мыслями о вѣчности и мирно почила 16 декабря 892 г., пробывъ въ супружествѣ 12 лѣтъ.

Супругъ ея имп. Левъ, зная святость жизни ея, построилъ храмъ и желалъ посвятить ея имени; но, по совѣту другихъ, храмъ освященъ былъ во имя всѣхъ святыхъ и здѣсь основался женскій монастырь([2]). «Уважая первую супругу, блаженную Θеофанію, Левъ создалъ памятникъ въ ея имя вблизи храма св. Апостола, гдѣ положилъ и тѣло ея, говоритъ греческій историкъ ([3]). Русскій поклонникъ святыней въ 1342 году писалъ: «Идохомъ къ св. Константину, въ монастырь женскій: ту лежитъ тѣло св. Климента архіепископа и Θеофаніи царицы ([4]).

([1]) Leo gramm. p. 475.

([2]) Скилитза р. 599. Симеонъ Логоѳетъ н. 5. Гликасъ.

([3]) Зонара у Дю-канжа Constant. chr. p. 152. famil. byzant. p. 111.

([4]) Стефанъ новгородецъ въ пушествіи. Іерод. Зосима въ 1420 г. замѣтилъ: «Ту есть монастырь, иже зовется Филостратосъ, въ немъ же мощи св. Климента анкирскаго и Θеофаніи».

15. Св. Каллія и терпѣливая вдова.

«Блаженны милостивые: они помилованы будутъ», сказалъ Господь (Матѳ. 5, 7). Кто сѣетъ скупо, для того и жатва скупа; а кто сѣетъ щедро, для того щедра и жатва». Доброхотно дающаго любитъ Богъ, учитъ апостолъ (2 Кор. 9, 6, 7). Все это видимъ исполнившимся надъ св. Калліею. Она прославлена на землѣ и на небѣ за подвиги искренняго милосердія. Мужъ ея былъ богатый купецъ. Каллія съ юности любила благотворить бѣднымъ; богатство мужа доставляло ей средства помогать нищетѣ. Но мужъ ея сколько былъ богатъ, столько же и жаденъ до денегъ. Разъ цѣлые три года плавалъ онъ по морю, занимаясь торговыми оборотами. Милостивая супруга его щедро раздавала безъ него милостыню. Она твердо помнила и вѣрно выполняла наставленія Господа: «продавайте имѣнія и давайте милостыню; приготовляйте себѣ влагалища неветшающія, сокровище неоскудѣвающее на небѣсахъ, куда воръ не приближается и гдѣ моль не съѣдаетъ» (Лук. 13, 39). Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою (Мат. 16, 26). Возвратившійся мужъ, увидавъ, что жена растратила для нуждающихся очень и очень много денегъ, столько любимыхъ имъ, до того разсвирѣпѣлъ на жену, что замучилъ ее до смерти. Богъ прославилъ щедрую жену нетлѣніемъ тѣла ея (¹). Блаж. патріархъ Антоній (893—895 г.) выстроилъ женскую обитель для мощей святой Калліи (²). «Хроміи и больніи гробу ея кланяются и ис-

---

(¹) Путешествіе іерод. Зосимы стр. 62 (Спб. 1849 г.).

(²) Дю-канжъ Const. chr. p. 153 Онъ говоритъ, что монастырь на-

цѣляются», говоритъ русскій поклонникъ, покланявшійся бѣлицѣ Калліи въ 1420 г. [1].

Вотъ что значитъ богатство, расточаемое для бѣдныхъ. Но бѣдность терпѣливая и благочестивая также близка къ небесному царству.

Около того же времени, какъ жила Каллія, бѣдная вдова благодушно переносила горькую бѣдность и усердно сохраняла заповѣди Всевышняго.

Священникъ позванъ былъ къ ней, умирающей, для пріобщенія св. таинъ: въ тоже время звали его за тѣмъ же къ богатому князю. Онъ пренебрегъ бѣдною вдовою, и пошелъ къ богачу. Возвратясь отъ князя, нашелъ онъ новаго посланнаго звать его къ умирающей вдовѣ. Гордый и корыстолюбивый не пошелъ онъ къ нищетѣ. Дьяконъ его, богобоязненный и благочестивый, выпросилъ у него дозволеніе идти и пріобщить умиравшую. Придя въ домъ ея, къ изумленію видитъ онъ тутъ пресвятую Дѣву и чистыя дѣвы одѣваютъ бѣдную больную въ чистыя одежды. Къ новому изумленію, небесная царица благоговѣйно поклонилась пресвятому тѣлу Христову. Чистыя дѣвы пали предъ нимъ на землю. Вставъ, дѣвы дали знать діакону, чтобы онъ совершилъ свое служеніе. Когда больная пріобщена была святыхъ таинъ: дѣвы приняли святую душу ея и вознеслись на небо. Діаконъ пошелъ потомъ въ домъ богача. Здѣсь видитъ онъ при постелѣ

зывали то μονὴ τῶ Κάβλεα, то μονὴ Καλέως—(чит. Καλλέας), и оставляетъ не рѣшеннымъ, не назывался ли П. Антоній, строитель обители, Антоніемъ Кавлеемъ по монастырю своему. Дю-канжъ не называетъ и того, женскій или мужескій былъ монастырь Калліи. Но Зосима говоритъ: «подалѣе стоитъ монастырь женскій Повасильясъ (чит. Кавлеасъ): ту лежитъ св. Калія бѣлица».

(1) Зосима стр. 12. Къ мѣсяцесловѣ Вершинскаго нѣтъ этой святой.

умирающаго страшныхъ темныхъ духовъ, и одинъ изъ нихъ насильно вытащилъ душу изъ грѣшнаго тѣла. Въ ужасѣ діаконъ упалъ на землю. Является Пресвятая и говоритъ: не бойся, возлюбленный служитель! сохраняй заповѣди Сына моего и духи злобы не будутъ имѣть власти надъ тобою; тебѣ готово царство небесное. Діаконъ палъ предъ Царицею небесною и она удалилась (1).

«Блаженъ человѣкъ, который переноситъ искушеніе, потому что онъ, усовершась искушеніемъ, получилъ вѣнецъ жизни, который обѣщалъ Господь любящимъ Его» (Іак. 1, 12). «Мы хвалимся и скорьбями, зная, что отъ скорьби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія опытность, отъ опытности надежда, — а надежда не постыжаетъ» (Рим. 5, 3—5). «Если остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ общее: то вы не законныя дѣти и не сыны» (Евр. 12, 8). Таково ученіе слова Божія!

16. Св. Өеодора цареградская.

Өеодора была зажиточная гражданка Цареграда (2). По смерти мужа она посвятила себя на служеніе ближнимъ и молитвѣ. Когда блаженный Василій сталъ жить въ домѣ благочестиваго Константина, въ сосѣдствѣ съ домомъ Өеодоры. Өеодора, по приглашенію Константина, съ полнымъ усердіемъ прислуживала блаженному Василію, какъ рабу Божію

(1) Ἀγαπίου ἁμαρτωλῶν σωτηρία, S. 380. 381. Ἐν Βενετίᾳ 1803. Имя терпѣливой вдовицы не показано у Агапія; не показано и время жизни ея; но такъ какъ св. царь относитъ къ больной діаконъ, а это бывало въ древнее время и сохранялось въ IX стол. то событіе, описанное Агапіемъ, относимъ къ IX стол.

(2) О ней прологъ дек. 30 и Четь-Минея мар. 26. Исторія блаж. Өеодоры отдѣльно отъ житія Василіева — въ греч. рук. (Lambecii c omm. bibl. Vindob IV 422) и въ житіи Василія по греч. рук. Синод. Библ. (Mattaci descr. N. 236).

Если кто приходилъ видѣться съ затворникомъ Василіемъ: Θеодора докладывала о томъ Василію и Василій въ кельѣ Θеодоры бесѣдовалъ съ приходившими къ нему. Кто принимаетъ во имя праведника, получитъ награду праведника, сказалъ Господь, «Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію» училъ Апостолъ (Рим. 152). Θеодора была при томъ усердная молитвенница. Это было въ то время, когда въ той же столицѣ пр. Симеонъ богословъ ревностно одушевлялъ подвизающихся наставленіями о любви къ Богу. Проповѣдуя о чистой любви къ Богу, онъ вмѣстѣ училъ: «надобно поститься въ три поста. Въ великій постъ пощеніе усиленное, кромѣ великаго праздника, субботы и недѣли, а въ два другія—черезъ день. Въ другіе дни года слѣдуетъ принимать пищу одинъ разъ въ день, кромѣ субботы, недѣли и праздника, при томъ не въ сытость (¹). Это значитъ, что чистая любовь къ Богу—не любовь мечтательная, довольная восторгами чувства и мыслями своеволія, а любовь трудолюбивая, строгая исполнительница заповѣдей Божіихъ и уставовъ церкви. Такъ жила блаженная Θеодора. Предъ смертію приняла она иночество и скончалась 30 декабря 940 года. Ученикъ Василія, Григорій усердно просилъ наставника открыть, гдѣ и какъ пребываетъ почившая Θеодора? По молитвамъ Василія, Григорію во снѣ показаны были въ образахъ состоянія, которыя прошла Θеодора, пока достигла покоя; показано и то, что молитвы праведника служили великою помощію для Θеодоры въ загробной жизни ея.

(¹) Добротолюбіе, главы дѣятельныя, гл. 142.

17. Св. Маѳа моновассійская и три неизвѣстныя подвижницы.

Св. Маѳа была игуменьею моновассійской обители св. Богородицы. Морея съ 7 вѣка занята была славянами и Моновасія, которой святители извѣстны съ 8 вѣка (¹), въ 8 вѣкѣ полагалась въ славянской землѣ (²). Блаженной Маѳѣ, какъ и современнымъ ей проповѣдникамъ вѣры, предстояло между прочимъ утверждать въ вѣрѣ и благочестіи недавнихъ язычниковъ (³). Жизнь христіанская сама по себѣ свѣтъ; только въ точномъ своемъ видѣ не легка она для насъ немощныхъ. Св. Василій в. писалъ къ современной ему, благородной инокинѣ Ѳеодорѣ: «Не легкій подвигъ обѣщающемуся выполнить обѣщанное. Долгъ каждаго избирать жизнь евангельскаго закона. Но выполнять все до малости и не пренебрегать ничѣмъ изъ написаннаго въ евангеліи, какъ знаемъ, не многіе успѣваютъ. Надобно обуздывать языкъ и очи просвѣщенныя евангельскимъ ученіемъ; надобно, чтобы и руки дѣлали въ угожденіе Богу, и ноги двигались и каждый членъ употреблялся такъ, какъ изначала назначилъ Творецъ намъ. Надобно соблюдать скромность въ одеждѣ, осторожность въ сношеніяхъ съ

(¹) Монемвасійскій епископъ подписался подъ опредѣленіями никейскаго собора 787 г. Mansi conc. XII, 1109. XIII, 145. 392. Le-Quien or. chr II, 216 S.

(²) Морея занята была славянами со времени имп. Маврикія (502—602 г.). Путешественникъ Виллибальдъ въ 723 г. писалъ: «изъ Сициліи плывя, прошли за адріатику къ городу *Моновасіи въ славянскую землю*» *Tafel* de Thessalonica p. 455. 456. *Falmerayer* Geschichte d. Morea I, 104.

(³) Обращеніе морейскихъ майонитовъ Константинъ ясно относитъ ко времени имп. Василія (de admin. imperio p. 134). Въ тоже время, т. е. когда Кирилломъ и Меѳодіемъ переведены были священныя книги на славянскій языкъ, обратились къ св. вѣрѣ и морейскіе славяне. *Falmerayer* Gesch. d. Morea S. 230.

мужчинами, умѣренность въ пищѣ, не имѣть лишняго изъ вещей нужныхъ. Все это кажется просто малостію, а требуетъ великаго подвига при выполненіи, какъ дознаемъ на дѣлѣ. Надобно хранить смиреніе, чтобы не помнить о знатности предковъ своихъ, не гордиться природными дарованіями тѣла или души, не превозноситься добрыми мнѣніями о насъ другихъ. Всего этого требуетъ жизнь евангельская, къ тому же нужны: постоянство въ воздержаніи, усердіе къ молитвѣ, состраданіе любви къ другимъ, щедрость къ нуждающимся, смиреніе въ мысляхъ, сокрушеніе сердечное, цѣлость въ вѣрѣ, равнодушіе въ скорбяхъ, постоянное памятованіе о томъ страшномъ и неизбѣжномъ судѣ, къ которому всѣ близимся, и о которомъ однако не многіе помнятъ, беззаботные о его рѣшеніи» ([1]). Блаженная Мароа крѣпко подвизалась сама на пути евангельскаго закона, и усердно понуждала сестеръ къ подвигамъ благочестія([2]). Потомъ удостоилась страдальческой кончины съ тремя сестрами въ концѣ царствованія Константина Порфирогенета. Записка о ней, извѣстная нынѣ только по отрывку, не объясняетъ, по какому случаю и отъ кого послѣдовала эта смерть, но такъ какъ съ одной стороны вмѣстѣ съ св. Мароою и тремя сестрами пострадали «знаменитые благочестіемъ мужи», какъ бываетъ въ нападеніе непріятелей, съ другой стороны

(1) Epist. 173. Op. 4, 646—650.

(2) In act. Sanct. ad 24 Maii p. 431. «Павла архіепископа монемвасійскаго повѣствованіе о св. Мароѣ игуменіи храма пресвятой Богородицы, находящагося въ богоспасаемомъ городѣ Монемвасія ниже монастыря Одигитріи и о другихъ знаменитыхъ по добродѣтели мужахъ и женахъ и о трехъ особенно женахъ, которые всѣ преданы смерти при Константинѣ, сынѣ Льва и Зои и зятѣ Романа старшаго». Въ мѣсяцесловѣ Вершинскаго нѣтъ этой святой.

единственные непріятели греческой власти въ Мореѣ были тогда славяне, частію еще язычествовавшіе: то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что св. Мареа съ сестрами пострадала отъ славянъ-язычниковъ.

Тотъ же блаженный Павелъ епископъ моновасійскій, который писалъ о св. Мареѣ, оставилъ слѣдующее извѣстіе о трехъ современницахъ св. Мареы (1).

Былъ я, говоритъ онъ, посланъ на востокъ по царскому дѣлу. На дорогѣ встрѣтился мнѣ пустынный монастырь и мнѣ захотѣлось побывать въ немъ. Игуменъ и черноризцы вышли ко мнѣ на встрѣчу и поздоровавшись сѣли мы на горѣ. Тутъ были плодовитыя деревья. И вотъ птицы прилетая ломали вѣтки съ плодами и быстро уносили. Я спросилъ игумена, отъ чего это птицы не ѣдятъ плодовъ, а уносятъ куда-то съ вѣтками? Онъ отвѣчалъ: вотъ уже одиннадцатый годъ, какъ они тоже дѣлаютъ каждое лѣто. Тутъ въ горахъ, сказалъ я по какому-то вдохновенію, живутъ или мужи или жены и имъ-то носятъ онѣ плоды. Когда говорилъ я это: прилетѣвшій воронъ сломилъ вѣтвь съ плодомъ. Я сказалъ игумену: пойдемъ за нимъ, и пошли. Воронъ съ плодомъ летѣлъ впереди насъ и, долетѣвъ до утеса, положилъ вѣтку. Когда подходили мы къ нему: онъ, взявъ вѣтку полетѣлъ въ провальѣ и, тамъ оставивъ вѣтвь, воротился

(1) Прологъ подъ 10 декабря: «въ той же (10) д. память святыхъ тріехъ женъ, обрѣтенныхъ въ горѣ, о нихже сказа Павелъ епископъ моновасійскій. Павелъ, сынъ Леоновъ, сказа о святыхъ сихъ» и проч. Сказатель называется по имени и по отцу. Это—не по гречески, а по славянски. Не дивно, что морейскій славянинъ былъ въ службѣ императора, какъ и то, что послѣ былъ онъ епископомъ на родинѣ, въ Моновасіи. Не дивно и то, что зналъ онъ по гречески такъ же, какъ по славянски. То же извѣстіе въ Четь-Минеѣ, только одинъ разсказъ начатъ такъ: «бувшу ми міряниву посланнъ быхъ».

безъ всего. Придя къ провалью, мы бросили внизъ камень. И вотъ кто-то кричитъ: если вы христіане, не убивайте насъ. Кто вы таковы? спросили мы. Если хотите, былъ отвѣтъ, видѣть насъ: бросьте намъ три одѣянія,—мы—нагіе жены; идя по горѣ увидите дорожку, и по ней можете сойти къ намъ. Услышавъ это, три чернеца сняли съ себя одѣянія и, обвивъ ими камень пустили внизъ. Найдя указанную узенькую дорожку, съ трудомъ сошли мы по ней къ святымъ. Три жены, увидѣвъ насъ, поклонились намъ до земли и, сотворивъ молитву, сѣли мы. Одна изъ нихъ тоже сѣла, а двѣ стояли. Тогда игуменъ спросилъ сѣвшую: откуда ты, госпожа-матерь, и какъ пришла сюда? Я изъ Констаитинограда, отвѣчала она, мужъ мой служилъ при императорѣ и скончался молодымъ; я осталась вдовою 20-ти лѣтъ и горько плакала, какъ о вдовствѣ, такъ и о томъ, что не имѣла дѣтей. Спустя нѣсколько дней одинъ вельможа присылаетъ ко мнѣ слугъ, съ тѣмъ, чтобы насильно доставить меня къ нему. Слуги, ничего не слушая, хотѣли весть меня. Я помолилась Господу Іисусу, да избавитъ меня отъ того, который готовъ осквернить душу и тѣло мое. Потомъ сказала слугамъ: я рада идти къ вашему господину, столько славному; но теперь я очень больна, непрестанно течетъ кровь; потерпите, пока выздоровлю, и тогда съ радостію пойду. Хорошо, сказали они, господинъ будетъ ждать до 40 дней. По удаленіи ихъ, созвала я слугъ моихъ и, давъ имъ денегъ отпустила ихъ на волю, а при себѣ оставила только двухъ служанокъ, которыхъ вы видите. Потомъ пригласивъ одного родственника, человѣка христолюбиваго, подъ клятвами завѣщала ему

продать села мои и домъ, и раздать деньги нищимъ. Такъ я осталась безъ заботъ житейскихъ. Ночью, взявъ моихъ служанокъ, а теперь моихъ сестеръ, вступила я съ ними на корабль, и мы пришли на это мѣсто, гдѣ видите насъ. Вотъ одиннадцатый годъ, какъ не видали мы ни одного человѣка, кромѣ васъ. Одежды наши изветшали и распались. Игуменъ сказалъ: откуда, госпожа, получаете вы пищу? Благой и человѣколюбивый Богъ, отвѣчала она, прокормившій народъ свой въ пустынѣ 40 лѣтъ, посылаетъ пищу и намъ недостойнымъ рабынямъ Его. Каждое лѣто птицы приносятъ всякій овощь, даже до излишества. И нагота не тяготитъ насъ, — ни зимой не боимся холоду, ни лѣтомъ — зноя, прославляя святую Троицу. Мы слушали это съ изумленіемъ. Игуменъ сказалъ: если прикажешь, госпожа моя, пошлю брата въ монастырь принесть пищи и мы покушаемъ съ вами. Она отвѣчала: прикажи придти священнику, пусть напередъ помолится, и мы причастимся святыхъ таинъ, — съ того времени, какъ удалились мы изъ города, не удостоивались мы принять святыя тайны. Игуменъ послалъ чернеца въ монастырь позвать пресвитера и принесть пищу. Пресвитеръ, придя, совершилъ службу и Божіи рабыни причастились святыхъ таинъ. Потомъ покушали онѣ съ нами. Молю святыню твою, сказала святая, пробыть здѣсь три дня. Игуменъ далъ обѣщаніе. Блаженная, ставъ усердно молилась и тихо преставилась ко Господу; совершивъ надгробное пѣніе, похоронили мы ее. На другой день также покойно скончалась другая, а на третій — третья. Похоронивъ ихъ, возвратились мы, славя Христа Бога, творящаго чудеса.

УКАЗАТЕЛЬ АЛФАВИТНЫЙ [1].

---

1. Александра Александр. † 376 г.
Анна Азійская † 826 г.
Анастасія Александр. † 565 г.
Анѳуса Констан. стар. † 759 г.
5. Анѳуса Констан. млад. † 811 г.
Аполинарія Александр. † 470 г.
Аѳанасія Эгинская † 860 г.
Вріенна Сирская † 318 г.
Геласія Константиноп. † 422 г.
10. Доминна Сирская † 450 г.
Доминика Константиноп. † 474 г.
Евпраксія Тавенская † 392 г.
Евпраксія Тавен., младш. † 410 г.
Евсевія Азійская † 452 г.
15. Евстолія Константин. † 610 г.
Евстохія Палестинская † 419 г.
Евфросинія Александр. † 435 г.
Елисавета Цареградская † 540 г.
Емилія Азійская † 375 г.
20. Зоя Палестинская † 415 г.
Исидора Тавенская † 365 г.
Іерія Сирская † 320 г.
Каллія Константиноп. † 891 г.
Кандида Константиноп. † 418 г.
25. Кира Сирская † 430 г.
Клеопатра Палестинск. † 327 г.
Мавра Константиноп. † 436 г.
Магна Кесарійская † 425 г.
Макрина Азійская † 379 г.
30. Марана Сирская † 430 г.
Марина Александрійск. † 508 г.
Марія Египтянка † 520 г.
Марія Палестинская † 553 г.
Марія Эгисская † 607 г.
35. Марія Константиноп. † 886 г.
Марѳа Моновасійск. † 990 г.
Марѳа Сирская † 551 г.
Мастридія Палестинск. † 580 г.
Матрона Константиноп. † 492 г.
40. Меланія Палестинская † 439 г.
Неизвѣстныя по имени:
Александрійская † 395 г.
Верхняго Египта † 389 г.
Палестинскія † 596 г.
Малой Азіи † 616 г.
45. Константинополя † 892 г.
Эллады 576 г.
Нонна Малоазійская † 374 г.
Олимпіада Константин. † 410 г.
Павла Палестинская † 404 г.
50. Пансемнія Сирская † 369 г.
Пахомія Тавенская † 365 г.

Пелагія Палестинская † 460 г.
Пелагія Сирская † 502 г.
Піамуна Александр. † 377 г.
55. Платонида Сирская † 308 г.
Публія Сирская † 369 г.
Пульхерія Констант. † 453 г.
Сарра Александрійская † 370 г.
Синклитикія Александр. † 350 г.
60. Сопатра Константиноп. † 525 г.
Таисія Өиваидская † 462 г.
Таисія Александрійская † 340 г.
Талида Өивская † 367 г.
Таора Өивская † 391 г.
65. Юлія Тавенская † 310 г.
Яздундокта Сирская † 380

Февронія Сирская † 310 г.
Февронія Констант. † 532 г.
Өеодора Александр. † 445 г.
70. Өеодора Александр. † 480 г.
Өеодора Азійская † 750 г.
Өеодора царица † 750 г.
Өеодора Константин. † 960 г.
Өеодора Солунская † 879 г.
75. Өеодула Тавенская † 410.
Өеозевія Азійская † 385 г.
Өеоклета Азійская † 840 г.
Өеоктиста Паросская † 840 т.
Өомаида Сирская † 320 г.
80. Өомаида Александр. † 476 г.
Өеофанія Константин. † 892 г.

Примѣчаніе Жизнеописаніе всѣхъ означенныхъ здѣсь Св. Подвижницъ помѣщено въ «Христ. Чтеніи» за 1870 г. кн. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и за 1871 г. кн. 1 и 2.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Годичное торжественное собрание санкт-цетербургской духовной академии 17-го февраля 1871 года

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 2. С. 242-277.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ГОДИЧНОЕ ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ

С.-Петербургской Духовной Академіи

17-го февраля 1871 года.

17-го февраля 1871 года было первое, по новому Уставу, торжественное собраніе С.-Петербургской Академіи. Это собраніе почтили своимъ присутствіемъ Высокопреосвященнѣйшіе: митрополиты — С.-Петербургскій, Кіевскій и Московскій; архіепископы—Полоцкій Василій, Литовскій Макарій, Рязанскій Алексій; министръ Народнаго Просвѣщенія и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода графъ Д. А. Толстой; товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія тайный совѣтникъ И. Д. Деляновъ; товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода дѣйствительный статскій совѣтникъ Ю. В. Толстой; тайный совѣтникъ И. П. Корниловъ; Викаріи С.-Петербургскаго Митрополита — Преосвящен. еп. Павелъ и Преосвящен. еп. Тихонъ: Протоіерей І. В. Рождественскій; Главный священникъ арміи и флота М. И. Богословскій; предсѣдатель Духовно-учебнаго Комитета Протоіерей І. В. Васильевъ; ректоръ С.-Петербургскаго Университета К. Ѳ. Кесслеръ; академикъ А. В. Никитенко; Директоръ Военно-юридической Академіи генералъ П. Ѳ. Ферморъ; нѣкоторые изъ профес-

соровъ Университета и Историко-Филологическаго института; многіе представители столичнаго духовенства и проч. Собраніе было открыто духовною пѣснію: «Днѣсь благодать Св. Духа», послѣ которой ректоръ Академіи Протоіерей I. Янышевъ прочиталъ извлеченіе изъ составленнаго имъ отчета о состояніи и дѣятельности Академіи со времени введенія новаго Устава, т. е. съ 15 августа 1869 года по 1-е января 1871 г. Чтеніе отчета заключено было національнымъ гимномъ, пропѣтымъ студентами Академіи. Затѣмъ экстра-ординарный профессоръ академіи Кояловичъ сказалъ приготовленную имъ къ этому собранію рѣчь. Актъ заключенъ былъ церковною пѣснію «Достойно есть».

ОТЧЕТЪ

О составѣ и дѣятельности С.-Петербургской Духовной Академіи съ 15 августа 1869 г. по 1 января 1871 г.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ силу новаго Высочайше утвержденнаго 30 мая 1869 года Устава, въ первый разъ со времени основанія своего имѣетъ долгъ въ публичномъ собраніи представить отчетъ о своемъ состояніи и своей дѣятельности. Для этого акта Совѣтъ Академіи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, С.-Петербургскаго Митрополита, избралъ 17-е февраля, какъ день памятный для Академіи еще съ 1809 года, когда она, волею Блаженной памяти Государя Императора Алек-

сандра 1, впервые поставлена была въ условія высшаго духовно-учебнаго заведенія.

Новый Уставъ, освободивъ Академію отъ лежавшихъ на ней прежде обязанностей управленія окружными духовными семинаріями и училищами, завѣдыванія цензурою книгъ духовнаго содержанія, распространенія и поощренія учености въ духовенствѣ ввѣреннаго ей округа и образованія духовнаго юношества къ высшимъ должностямъ, оставилъ за Академіею менѣе широкую, но болѣе опредѣленную цѣль: доставлять высшее богословское образованіе для просвѣщеннаго служенія Церкви и приготовлять преподавателей для духовно учебныхъ заведеній, и для этого: исключивъ изъ круга Академическаго преподаванія физико-математическія науки, какъ наименѣе необходимые въ высшемъ духовно-учебномъ заведеніи, увеличилъ прежній составъ Академическихъ каѳедръ новыми 10-ю; ввелъ дотолѣ не извѣстное Академіи раздѣленіе преподаваемыхъ въ ней наукъ на три отдѣленія--Богословское, Церковно-историческое и Церковно-практическое, и, сдѣлавъ только нѣкоторые изъ наукъ Богословскаго и Церковно-практическаго отдѣленія обязательными для всѣхъ студентовъ, предоставилъ имъ изучать въ теченіе трехъ Академическихъ курсовъ науки одного отдѣленія, а въ послѣднемъ четвертомъ курсѣ и изъ отдѣленія только одну группу наукъ; возвысилъ условія для полученія ученыхъ степеней, равно и преподавательскихъ должностей въ Академіи, предоставивъ, между прочимъ, право на должность Ординарнаго Профессора Академіи только имѣющимъ степень Доктора, а для полученія этой степени, равно какъ и степени Ма-

гистра, обязавъ представлять печатныя диссертаціи и публично защищать ихъ; все управленіе Академіею, подъ ближайшимъ вѣденіемъ Епархіальнаго Преосвященнаго, сосредоточилъ въ Совѣтѣ состоящемъ изъ профессоровъ Академіи, предоставивъ одни изъ его дѣлъ окончательно рѣшать ему самому, другія болѣе важныя, — епархіальному Преосвященному, третьи важнѣйшія—Святѣйшему Сνноду; наконецъ возвысилъ матеріальныя средства Академіи какъ по содержанію наличнаго состава преподавателей и студентовъ Академіи, такъ и по содержанію Академической библіотеки. Всѣ эти наиболѣе важныя преобразованія въ бытѣ Академіи должны были отразиться на наличномъ составѣ ея, на занятіяхъ какъ преподавателей, такъ и студентовъ, на дѣятельности Академическаго управленія и на всемъ матеріальномъ ея бытѣ. Отчетъ о состояніи хозяйственной части, завѣдуемой Правленіемъ Академіи, по существующимъ постановленіямъ для духовно-учебныхъ заведеній, представляется въ епархіальный Ревизіонный Комитетъ. Теперь же имѣю долгъ представить извлеченіе изъ отчета Совѣта Академіи—I) о наличномъ составѣ преподавателей и перемѣнахъ въ немъ по отдѣленіямъ, II) объ учебныхъ и ученыхъ занятіяхъ студентовъ и преподавателей Академіи и III) о дѣятельности Совѣта Академіи, за періодъ времени отъ начала введенія въ Академію новаго Устава—15 августа 1869 года по 1 января 1871 года, т. е. за прошлый Академическій годъ и первый семестръ настоящаго.

—

I.

Въ составъ Богословскаго отдѣленія, къ которому отнесены Уставомъ и преподаватели общеобязательныхъ для всѣхъ студентовъ наукъ по Священному писанію, Философіи и Педагогикѣ, входятъ слѣдующіе преподаватели:

1) Ректоръ Академіи ординарный профессоръ Нравственнаго богословія и Педагогики магистръ Протоіерей Іоаннъ Янышевъ читалъ Нравственное Богословіе и исторію Христіанскаго нравоученія.

2) Помощникъ ректора по Богословскому отдѣленію ординарный профессоръ Исторіи Философіи магистръ Чистовичъ прочиталъ Исторію древней греко-римской философіи, и исторію философіи христіанскаго міра до Канта; при изложеніи своего предмета знакомилъ студентовъ съ подлинными сочиненіями философовъ и съ литературой своей науки.

3) Экстра-ординарный профессоръ Сравнительнаго богословія магистръ Осининъ прочиталъ историко критическій разборъ вѣроученія римской церкви и главныхъ протестантскихъ обществъ: лютеранскаго и реформатскаго, а равно и англійскаго; и изъ мелкихъ протестантскихъ обществъ объ анабаптистахъ. гернгутерахъ, квакерахъ, методистахъ, арминіанахъ, и проч.

4) Экстра-ординарный професоръ Догматическаго богословія магистръ Катанскій прочиталъ исторію Догматическаго богословія, какъ научной системы, съ разборомъ главнѣйшихъ догматическихъ системъ разныхъ временъ, и догматическое ученіе по Св.

писанію Новаго Завѣта, по изложенію отцевъ церкви и по опредѣленію Вселенскихъ соборовъ.

5) Экстра-ординарный профессоръ Еврейскаго языка и библейской Археологіи докторъ Хвольсонъ занимался съ студентами еврейской грамматикою, по учебнику Д-ра Леви и переводилъ съ Еврейскаго изъ Христоматіи Леви и Гезеніуса; преподавалъ введеніе въ изученіе Еврейскаго языка, объяснялъ псалмы съ филологической стороны, преподавалъ сирскій языкъ, и читалъ о религіозныхъ древностяхъ Еврейскаго народа.

6) Доцентъ по Патристикѣ магистръ священникъ Леонидъ Павловскій прочиталъ о мужахъ Апостольскихъ; о церковныхъ писателяхъ: Тертулліанѣ, Климентѣ Александрійскомъ и Оригенѣ, и о Св. отцахъ II, III и IV вѣковъ.

7) Доцентъ Метафизики магистръ Каринскій читалъ: объ основаніяхъ убѣжденія въ существованіи независимаго отъ мысли бытія; о возможности метафизическаго познанія и возраженіяхъ противъ нея, въ особенности, такъ называемой, критической школы; объ общихъ основаніяхъ для признанія существованія Верховной Причины всякаго бытія, субъекта психической жизни и міра. При разрѣшеніи вопросовъ касающихся міра внѣшняго, доцентъ обращалъ особенное вниманіе на разсмотрѣніе спиритуалистическаго идеализма Бэрклея и его школы, а при рѣшеніи вопроса о сущности ограниченнаго бытія вообще — на разъясненіе тѣхъ причинъ, по которымъ приходятъ къ противорѣчащимъ одно другому рѣшеніямъ этого вопроса, выражающимся въ матеріалистическихъ, спиритуалистическихъ и дуалистическихъ системахъ.

8) Доцентъ Логики и Психологіи магистръ Свѣтилинъ читалъ: Опытную Психологію и изъ Логики—ученіе о критеріѣ достовѣрности, о законахъ мышленія и о понятіи.

9) Доцентъ Основнаго богословія магистръ Николай Рождественскій прочиталъ систему науки Основнаго богословія и исторію христіанской Апологетики отъ первыхъ вѣковъ христіанства до новѣйшаго времени.

10) Доцентъ по второй каѳедрѣ Священнаго писанія магистръ Василій Рождественскій читалъ общее историческое обозрѣніе Священныхъ Новозавѣтныхъ книгъ; въ частности—историческое обозрѣніе Евангелій; изъяснялъ, кромѣ того, нѣкоторыя главы Евангелія отъ Матѳея въ связи съ Евангеліями отъ Марка и Луки, и Евангеліе отъ Іоанна.

Изъ поименованныхъ каѳедръ Богословскаго отдѣленія новымъ Уставомъ вновь открыты: вторая каѳедра Священнаго Писанія, на которую Совѣтомъ избранъ доцентомъ наставникъ С.-Петербургской духовной семинаріи магистръ Василій Рождественскій; каѳедра Метафизики, на которую избранъ доцентомъ наставникъ Московской духовной семинаріи магистръ Михаилъ Каринскій; каѳедра Библейской археологіи, съ которою соединено и преподаваніе еврейскаго языка: избранъ преподававшій въ Академіи этотъ языкъ ординарный профессоръ С.-петербургскаго Университета докторъ Хвольсонъ. Всѣ избранные кандидаты утверждены въ своихъ должностяхъ подлежащею высшею властію. Предъ самымъ открытіемъ курсовъ въ 1869 году, къ прискорбію Академіи, послѣдовала кончина одного изъ достойнѣйшихъ преподавателей, Богословскаго отдѣленія, ординарнаго

профессора Священнаго писанія Моисея Александровича Голубева: каѳедра его доселѣ остается вакантною.

Изъ преподавателей Богословскаго отдѣленія, согласно избранію въ отдѣленіи, утверждены: профессоръ Чистовичъ—въ должности помощника ректора по отдѣленію, профессоры Голубевъ и Осипинъ въ должности членовъ Совѣта отъ того же отдѣленія; доцентъ Катанскій и преподаватель Хвольсонъ по избраніи Совѣтомъ—въ должности экстра-ординарныхъ профессоровъ; профессоръ Катанскій, по случаю смерти профессора Голубева,—въ должности члена Совѣта.

Въ Церковно-историческомъ отдѣленіи состоятъ слѣдующіе преподаватели:

1) Помощникъ ректора по сему отдѣленію ординарный профессоръ древней Церковной исторіи докторъ Чельцовъ читалъ Исторію христіанской Церкви отъ ея начала до отдѣленія Западной церкви отъ православной Восточной.

2) Ординарный профессоръ по ученію о расколѣ докторъ Нильскій прочиталъ, такъ называемую, исторію раскольническихъ мнѣній до происхожденія раскола, обнимающую болѣе двухъ вѣковъ (1419—1667 г.) и о состояніи раскола со времени Московскаго собора 1666—7 г.г. до Петра 1-го включительно.

3) Экстра-ординарный профессоръ Русской гражданской исторіи магистръ Кояловичъ, по не замѣщенію въ прошломъ году вакантной каѳедры Русской церковной исторіи, до новаго Устава соединявшейся въ одной каѳедрѣ съ Русскою гражданскою исторіею, читалъ Русскую церковную исторію съ древнѣйшихъ

временъ до учрежденія въ Россіи патріаршества; въ текущемъ учебномъ году читалъ Русскую гражданскую исторію до нашествія татаръ.

4) Экстра-ординарный профессоръ Древней общей гражданской исторіи магистръ Предтеченскій прочиталъ общее введеніе въ Исторію цивилизаціи, Исторію цивилизаціи древняго Востока и исторію греческой цивилизаціи. Независимо отъ этого, по незамѣщенію въ Академіи каѳедры новой гражданской исторіи, профессоръ Предтеченскій началъ къ концу прошлаго года чтеніе—о развитіи европейской общественной мысли въ XVII и XVIII вѣкахъ.

5) Экстра-ординарный профессоръ новой Церковной исторіи магистръ Троицкій читалъ Исторію Восточной церкви съ половины IX вѣка до взятія Константинополя Турками и исторію западной церкви со времени Папы Николая 1-го (858—867 г.) до Реформаціи, и занимался чтеніемъ и разборомъ Византійскихъ историковъ, на сколько они могутъ служить источниками для Исторіи Восточной церкви.

6) Доцентъ Библейской исторіи магистръ Елеонскій, занявшій свою каѳедру съ 30 октября прошлаго года, къ 1 январю текущаго года прочиталъ о событіяхъ приготовительнаго періода Ветхо-завѣтной Исторіи.

7) Приватъ-доцентъ по Византійской Исторіи монахъ Яредъ, начавшій свои чтенія съ 25 ноября прошлаго года, къ 1-му января прочиталъ о состояніи Римской имперіи отъ временъ Августа до императора Діоклетіана, о реформахъ Діоклетіана и о царствованіи святаго Константина Великаго.

Изъ трехъ вновь открытыхъ въ Церковно-истори-

ческомъ отдѣленіи каѳедръ: Библейской исторіи, Русской церковной и второй каѳедры Общей гражданской исторіи, — на первую, по избраніи Совѣтомъ вслѣдствіе конкурса, утвержденъ доцентомъ наставникъ Литовской семинаріи магистръ Елеонскій. Другія двѣ каѳедры остаются вакантными.

Въ званіи привать доцента Византійской исторіи въ томъ же отдѣленіи утвержденъ преподаватель здѣшней духовной Семинаріи монахъ Герасимъ Яредъ.

Согласно избранію въ отдѣленіи утверждены: профессоръ Чельцовъ въ должности помощника ректора по отдѣленію, профессоры: Нильскій и Кояловичъ—въ должности членовъ Совѣта отъ отдѣленія; экстраординарный профессоръ докторъ Нильскій—въ должности ординарнаго профессора.

Къ Церковно-практическому отдѣленію Уставомъ отнесены и преподаватели древнихъ языковъ, изъ которыхъ изученіе одного обязательно въ Академіи для каждаго студента. Преподавателями этого отдѣленія состоятъ:

1) Помощникъ ректора по отдѣленію, заслуженный профессоръ церковной Археологіи и Литургики магистръ Долоцкій, послѣ общаго введенія въ эти науки, читалъ о составныхъ частяхъ или стихіяхъ христіанскаго Богослуженія, о службахъ, входящихъ въ кругъ Богослуженія рядоваго, и изъ службъ внѣрядовыхъ—о крещеніи. Съ 1 декабря прошлаго года, по вниманію къ нуждамъ студентовъ IV курса, готовящихся быть преподавателями Литургики въ семинаріяхъ, началъ чтеніе объ устройствѣ христіанскихъ храмовъ и Церковной архитектурѣ.

2) Заслуженный профессоръ по каѳедрѣ Словесно-

сти магистръ Лучицкій прочиталъ полный курсъ Словесности и исторію Русской литературы съ краткимъ обозрѣніемъ замѣчательнѣйшихъ литературъ иностранныхъ.

3) Ординарный профессоръ Греческаго языка и его словесности магистръ Ловягинъ читалъ: о преимуществѣ Рейхлинова чтенія предъ Эразмовымъ; о производствѣ греческихъ словъ изъ первоначальныхъ корней Греческаго языка; о происхожденіи, характерѣ и особенностяхъ іоническаго и аттическаго діалектовъ; о составѣ греческихъ стиховъ и различныхъ родахъ стихотвореній; о писателяхъ эпическихъ, элегическихъ, ямбическихъ и лирическихъ іоническаго діалекта и нѣкоторые отдѣлы изъ греческихъ древностей; занимался со студентами переводомъ разговоровъ Платона, отрывковъ изъ Исторіи Иродота, изъ Иліады и Одиссеи Омира, стиховъ Св. Григорія Богослова и сочиненія Исіода «Ἔργα καὶ ἡμέραι».

4) Экстра-ординарный профессоръ Латинскаго языка и его словесности магистръ Глоріантовъ переводилъ и разбиралъ со студентами 21-ю и 22-ю книгу исторіи Тита Ливія, 2-ю книгу Виргиліевой Энеиды и посланіе Горація «de arte poëtica»; излагалъ теорію латинскаго стихосложенія и правилъ скандовки гекзаметровъ и пентаметровъ и читалъ исторію древней Римской литературы до временъ Цицерона.

5) Экстра-ординарный профессоръ Церковнаго права магистръ Тимоѳей Барсовъ читалъ объ устройствѣ и управленіи древней Вселенской церкви; объ устройствѣ и управленіи Русской отечественной церкви и церковно-гражданскія постановленія относительно ученія, священнодѣйствія и пастырства вклю-

чительно до наставленій, относящихся къ таинству брака.

6) Доцентъ Гомилетики и Пастырскаго богословія магистръ Николай Барсовъ, послѣ общаго введенія въ курсъ наукъ, относящихся къ занимаемой имъ каѳедрѣ, читалъ Исторію русскаго церковнаго проповѣдничества отъ начала церковной литературы до настоящаго времени, съ критическимъ разборомъ болѣе замѣчательныхъ проповѣдей стараго времени, примѣнительно къ требованіямъ теоріи Гомилетики и съ точки зрѣнія историко-литературной.

7) Приватъ-доцентъ, занимающій каѳедру русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, магистрантъ с.-петербургскаго Университета Будиловичь въ теченіе прошлаго года прочиталъ: общій топографическо-этнографическій очеркъ славянства и теоретическое изложеніе нормъ древне-славянскаго языка; также знакомилъ студентовъ практически съ языкомъ важнѣйшихъ памятниковъ старо-славянской письменности; въ текущемъ году излагалъ ученіе о звуковой системѣ, образованіи темъ и словъ древне-славянскаго языка, исторію важнѣйшихъ явленій въ области славянскаго языкознанія и знакомилъ студентовъ теоретически и практически съ юго-славянскими нарѣчіями.

Вновь открытыхъ въ этомъ отдѣленіи каѳедръ четыре: Пастырскаго богословія и Гомилетики, двухъ древнихъ языковъ (эти предметы прежде соединялись въ академіи съ другими каѳедрами) и Русскаго языка и Славянскихъ нарѣчій. По избраніи въ Совѣтѣ, утвержденъ: доцентомъ на каѳедру Пастырскаго богословія и Гомилетики наставникъ здѣшней Семинаріи

магистръ Николай Барсовъ; на каѳедру Греческаго языка и Словесности ординарный профессоръ Ловягинъ; на каѳедру Латинскаго языка и Словесности—экстра-ординарный профессоръ Глоріантовъ. Четвертая каѳедра: Русскаго языка и Славянскихъ нарѣчій остается вакантною; преподаваніе же этого предмета поручено, съ утвержденія Святѣйшаго Сѵнода, приватъ-доценту магистранту с.-петербургскаго Университета Будиловичу.

Согласно съ избраніемъ въ отдѣленіи утверждены: профессоръ Долоцкій—въ должности помощника ректора по отдѣленію, профессоры: Ловягинъ и Глоріантовъ—въ должности члена Совѣта отъ отдѣленія, доцентъ Тимоѳей Барсовъ—въ должности экстра-ординарнаго профессора; сверхъ того профессоры Долоцкій и Лучицкій въ званіи заслуженныхъ профессоровъ.

Вообще при академіи состоятъ три лектора новыхъ языковъ: кандидатъ Коппенгагенскаго университета Людвигъ Размуссенъ преподаетъ Нѣмецкій языкъ; кандидатъ нашей Академіи Поповицкій—Французскій языкъ; получившій по экзамену въ здѣшнемъ Университетѣ право учителя Англійскаго языка г. Нурокъ преподаетъ Англійскій языкъ.

Всѣхъ штатныхъ преподавателей въ Академіи къ 1 января 1871 г. было 25: 7 ординарныхъ профессоровъ, 8 экстра-ординарныхъ, 7 доцентовъ и 3 лектора новыхъ языковъ; и сверхъ того два приватъ-доцента. Замѣщеніе 4, остающихся вакантными, каѳедръ Совѣтъ Академіи имѣетъ въ виду къ будущему академическому году.

Инспекторомъ академіи состоитъ заслуженный ординарный профессоръ Лучицкій, экономомъ—священ-

никъ Алексѣй Соколовъ, врачемъ—коллежскій совѣтникъ Лебединскій; всѣ трое опредѣлены въ эти должности до новаго Устава. Вновь избраны и утверждены: на должности: помощника инспектора — кончившій курсъ Академіи Никифоровскій; секретаря Совѣта и Правленія—наставникъ здѣшней Семинаріи кандидатъ Бѣлецкій; помощника его—дѣйствительный студентъ академіи Николай Граціанскій; библіотекаря—бывшій баккалавръ въ Академіи Комаровъ; помощника его—кандидатъ Академіи Родосскій.

Прежнія двухгодичныя отдѣленія студентовъ - высшее и низшее замѣнены четырьмя одногодичными курсами. Въ прошломъ академическомъ году въ Академіи было два курса: I-й, составившійся изъ вновь принятыхъ студентовъ, и III-й изъ студентовъ бывшаго низшаго отдѣленія. Въ началѣ текущаго учебнаго года, когда студенты изъ I-го курса перешли во II-й, а изъ III-го въ IV-й, изъ вновь принятыхъ студентовъ образовался опять I курсъ. Такимъ образомъ въ настоящее время въ академіи три курса: I, II и IV. Общее число студентовъ 129; въ томъ числѣ: казеннокоштныхъ 120, стипендіатовъ—7, своекоштныхъ—2. Къ Богословскому отдѣленію принадлежатъ 42 студента, къ Церковно-историческому - 43, къ Церковно-практическому—44; Греческій языкъ изучаютъ 68, Латинскій - 61, Нѣмецкій языкъ въ первыхъ двухъ курсахъ изучаютъ 47 студентовъ; Французскій—12, и Англійскій 5.

Кромѣ студентовъ, 11 молодыхъ людей разныхъ сословій допущены были къ слушанію академическихъ лекцій, по ихъ выбору, въ качествѣ постороннихъ слушателей.

магистръ Николай Барсовъ; на каѳедру Греческаго языка и Словесности ординарный профессоръ Ловягинъ; на каѳедру Латинскаго языка и Словесности— экстра-ординарный профессоръ Глоріантовъ. Четвертая каѳедра: Русскаго языка и Славянскихъ нарѣчій остается вакантною; преподаваніе же этого предмета поручено, съ утвержденія Святѣйшаго Сvнода, приватъ-доценту магистранту с.-петербургскаго Университета Будиловичу.

Согласно съ избраніемъ въ отдѣленіи утверждены: профессоръ Долоцкій—въ должности помощника ректора по отдѣленію, профессоры: Ловягинъ и Глоріантовъ—въ должности члена Совѣта отъ отдѣленія, доцентъ Тимоѳей Барсовъ—въ должности экстра-ординарнаго профессора; сверхъ того профессоры Долоцкій и Лучицкій въ званіи заслуженныхъ профессоровъ.

Вообще при академіи состоятъ три лектора новыхъ языковъ: кандидатъ Копенгагенскаго университета Людвигъ Размуссенъ преподаетъ Нѣмецкій языкъ; кандидатъ нашей Академіи Поповицкій—Французскій языкъ; получившій по экзамену въ здѣшнемъ Университетѣ право учителя Англійскаго языка г. Пурокъ преподаетъ Англійскій языкъ.

Всѣхъ штатныхъ преподавателей въ Академіи къ 1 января 1871 г. было 25: 7 ординарныхъ профессоровъ, 8 экстра-ординарныхъ, 7 доцентовъ и 3 лектора новыхъ языковъ; и сверхъ того два приватъ-доцента. Замѣщеніе 4, остающихся вакантными, каѳедръ Совѣтъ Академіи имѣетъ въ виду къ будущему академическому году.

Инспекторомъ академіи состоитъ заслуженный ординарный профессоръ Лучицкій, экономомъ—священ-

никъ Алексѣй Соколовъ, врачемъ—коллежскій совѣтникъ Лебединскій; всѣ трое опредѣлены въ эти должности до новаго Устава. Вновь избраны и утверждены: на должности: помощника инспектора — кончившій курсъ Академіи Никифоровскій; секретаря Совѣта и Правленія—наставникъ здѣшней Семинаріи кандидатъ Бѣлецкій; помощника его—дѣйствительный студентъ академіи Николай Граціанскій; библіотекаря—бывшій баккалавръ въ Академіи Комаровъ; помощника его—кандидатъ Академіи Родосскій.

Прежнія двухгодичныя отдѣленія студентовъ высшее и низшее замѣнены четырьмя одногодичными курсами. Въ прошломъ академическомъ году въ Академіи было два курса: I-й, составившійся изъ вновь принятыхъ студентовъ, и III-й изъ студентовъ бывшаго низшаго отдѣленія. Въ началѣ текущаго учебнаго года, когда студенты изъ I-го курса перешли во II-й, а изъ III-го въ IV-й, изъ вновь принятыхъ студентовъ образовался опять I курсъ. Такимъ образомъ въ настоящее время въ академіи три курса: I, II и IV. Общее число студентовъ 129; въ томъ числѣ: казенношштныхъ 120, стипендіатовъ—7, своекоштныхъ – 2. Къ Богословскому отдѣленію принадлежатъ 42 студента, къ Церковно-историческому – 43, къ Церковно-практическому—44; Греческій языкъ изучаютъ 68, Латинскій - 61, Нѣмецкій языкъ въ первыхъ двухъ курсахъ изучаютъ 47 студентовъ; Французскій—12, и Англійскій 5.

Кромѣ студентовъ, 11 молодыхъ людей разныхъ сословій допущены были къ слушанію академическихъ лекцій, по ихъ выбору, въ качествѣ постороннихъ слушателей.

II.

Занятія студентовъ Академіи состояли, во-первыхъ, въ записываніи и, на основаніи этихъ записей, въ составленіи лекцій,—число лекцій въ первыхъ трехъ курсахъ простиралось отъ 18 до 22 въ недѣлю,—во-вторыхъ, въ чтеніи книгъ, которыхъ въ означенное время выдано было на руки студентовъ болѣе 5,000 томовъ; въ-третьихъ, въ собственныхъ сочиненіяхъ. Студенты первыхъ двухъ курсовъ въ опредѣленные сроки каждый годъ представляютъ три сочиненія, достоинства которыхъ принимаются въ соображеніе при оцѣнкѣ устныхъ отвѣтовъ на годичныхъ переводныхъ экзаменахъ.

Для студентовъ III курса къ концу учебнаго года обязательно представленіе одного, болѣе обширнаго сочиненія, отъ достоинства котораго, вмѣстѣ съ успѣхами въ другихъ отношеніяхъ, зависитъ для нихъ или переходъ въ IV курсъ и право, по окончаніи этого курса, по крайней мѣрѣ на низшую ученую степень кандидата, и на преподавательскую дѣятельность въ семинаріяхъ, или по окончаніи III курса выходъ изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента и педагогическая дѣятельность въ духовныхъ училищахъ. Изъ 69 кандидатскихъ диссертацій, въ концѣ прошлаго учебнаго года поданныхъ студентами бывшаго III курса, только три оказались неудовлетворительными, и авторы ихъ, по выдержаніи экзамена, выпущены изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительныхъ студентовъ. Изъ 66 диссертацій, признанныхъ совѣтомъ удовлетворительными, 6 лучшихъ совѣтъ полагалъ бы наградить медалями; но такъ какъ изготовленіе меда-

лей оказалось невозможнымъ къ настоящему дню, то онъ постановилъ имѣющуюся въ его распоряженіи на этотъ предметъ сумму въ 300 р. серебромъ распредѣлить между авторами по 50 рублей на каждаго. Къ сочиненіямъ удостоеннымъ награды принадлежатъ:

1) Ѳеодора Гусева, на тему «теистическая тенденція въ психологіи Фихте и Ульрици», въ которомъ авторъ разбираетъ нѣкоторыя антропологическія и психологическія ученія Фихте младшаго, имѣющія теистическую тенденцію. Основательное изученіе многихъ психологическихъ вопросовъ, сильная логика, прекрасная манера изложенія и тонкое пониманіе требованій научнаго метода: таковы капитальныя достоинства этого труда.

2) Якимова: «объясненіе VI, VII и VIII главъ посланія св. Апостола Павла къ Римлянамъ». Раскрывъ предварительно общій смыслъ и развитіе ученія св. Апостола объ оправданіи въ этихъ главахъ, равно какъ связь ихъ съ предъидущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ апостольскаго посланія, авторъ объяснилъ этотъ отдѣлъ посланія съ замѣчательною основательностію и полнотою; въ своемъ объясненіи руководился какъ древними святоотеческими, такъ и нѣкоторыми новѣйшими толкованіями небезразборчиво, но съ надлежащею критическою оцѣнкою. Языкъ сочиненія легкій, ясный, отчетливый. Сочиненіе вообще показываетъ въ авторѣ зрѣлую мысль и бойкое перо.

3) Каратыгина: «протопопъ Аввакумъ и его значеніе въ расколѣ». Сочиненіе это, отличаясь замѣчательно правильнымъ историческимъ разсказомъ, обращаетъ на себя вниманіе основательнымъ знакомствомъ автора съ литературою своего предмета и вѣрною кри-

тическою оцѣнкою ея, самостоятельностію взгляда на многія стороны жизни расколоучителя и особенно умѣньемъ автора дать смыслъ и объясненіе даже и такимъ словамъ и дѣйствіямъ протопопа, которыя другимъ кажутся не болѣе, какъ бредомъ больнаго воображенія, или поступками изступленнаго фанатика,—вслѣдствіе чего своеобразная личность Аввакума и его оригинальный характеръ обрисованы въ сочиненіи правдиво и рельефно.

4) Сочиненіе Правдина «преподобный Нилъ сорскій и преданіе его о жительствѣ скитскомъ». Въ немъ авторъ объясняетъ происхожденіе въ Россіи скитскаго иночества преподобнаго Нила сорскаго и его вліяніе на русское общество. Обѣ эти задачи требовали отъ сочинителя внимательнаго изученія событій Русской церкви, особенно XV столѣтія, по первоисточникамъ и кромѣ того изученія образцовъ скитскаго иночества въ Греческой церкви, которыми руководствовался препод. Нилъ сорскій. Обѣ эти задачи рѣшены сочинителемъ удовлетворительно. Съ особенною отчетливостію изслѣдовано имъ «Преданіе» ученикамъ препод. Нила. Сочинитель сличилъ при этомъ печатныя изданія преданія съ рукописными, находящимися въ нашей академической библіотекѣ, и кромѣ того сдѣлалъ попытку обстоятельнѣе указать въ Греческой отеческой литературѣ источники преданія.

5) Сочиненіе Дмитрія Покровскаго «о религіозномъ элементѣ въ русскихъ былинахъ», свидѣтельствуя о весьма тщательномъ изученіи авторомъ сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова и всей наличной литературы по вопросу о былинахъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ трудъ самостоятельный и оригинальный, въ

предѣлахъ кандидатской диссертаціи вполнѣ удовлетворительно рѣшающій избранную задачу. Оцѣнка существующихъ теорій по вопросу о бьеніахъ, а равно своеобразныя и остроумныя соображения самаго автора имѣютъ достаточную степень зрѣлости и основательности, обнаруживая въ авторѣ умѣнье съ успѣхомъ разбирать научные вопросы, даже запутанные и спорные. Даровитый авторъ пишетъ бойко, плавно, легко.

6) Сочиненіе Альхимовича «О значеніи южнаго славянства въ исторіи христіанскаго просвѣщенія и литературнаго развитія древней Руси», трудъ довольно обширный для кандидатской диссертаціи свидѣтельствуетъ о примѣрномъ трудолюбіи автора, объ обстоятельномъ изученіи имъ всей литературы по культурной исторіи древней Руси и представляетъ не мало вполнѣ самостоятельныхъ и удачныхъ соображеній и выводовъ самаго автора.

Другія пять сочиненій, также кандидатскихъ, которыя, хотя и не могутъ равняться съ вышеупомянутыми, отличаются однакоже отъ всѣхъ остальныхъ преимущественными достоинствами. Совѣтъ постановилъ удостоить въ настоящемъ отчетѣ почетнаго отзыва. Таковы сочиненія «нравственный идеалъ буддизма предъ свѣтомъ Евангелія» Александра Гусева. «объ антидикамаріанитской ереси» Автономова; «О ереси коллиридіанской» Успенскаго; «очеркъ христіанскаго Богослуженія по сочиненіямъ св. Іустина Мученика и тертулліана» Ковалевскаго, и «О русскихъ проповѣдникахъ-публицистахъ XVIII вѣка» Михаила Соколова.

Студенты IV курса, изъ выслушанныхъ ими наукъ

своего отдѣленія, по новому Уставу, избираютъ для спеціальнаго изученія тѣ группы ихъ, по которымъ они имѣютъ держать экзаменъ на степень магистра и быть преподавателями въ семинаріяхъ. Изъ 63 студентовъ настоящаго IV курса, 9 избрали для спеціальнаго узученія Священное писаніе и Еврейскій языкъ; 6 Основное богословіе, Догматическое и Нравственное; 6 Пастырское богословіе, Гомилетику, Литургику и Церковное право; 13 Церковную и Гражданскую исторію, Общую и Русскую; 10 Гомилетику, Словесность и Логику; 6 Основное богословіе, Психологію, Логику, Исторію философіи и Педагогику; 7 Греческій языкъ и 5 Латинскій съ дополнительными къ нимъ богословскими предметами. Избраніе темъ для магистерскихъ диссертацій, оцѣнка источниковъ и пособій для нихъ, приготовленіе самыхъ диссертацій, спеціальное изученіе избранныхъ предметовъ, ближайшее ознакомленіе съ семинарскими программами, учебниками и пособіями по этимъ предметамъ, собсвенные опыты приготовленія уроковъ—все это подъ руководствомъ подлежащихъ наставниковъ, вотъ въ чемъ заключаются занятія студентовъ IV курса.

Многія изъ нихъ занимаются въ Императорской публичной библіотекѣ и нѣкоторые, благодаря благосклонному позволенію начальства библіотеки, и въ отдѣленіяхъ ея рукописей. Готовящіеся къ преподаванію Педагогики въ семинаріяхъ познакомились, сколько позволяло время, съ образцовыми педагогическими курсами при здѣшней Андреевской школѣ, съ педагогическимъ музеемъ управленія военно-учебными заведеніями и нынѣ приступаютъ къ практическимъ урокамъ въ одномъ изъ пріютовъ столицы. Не-

зависимо отъ всѣхъ этихъ занятій, четыре студента Богословскаго отдѣленія IV курса: Иванъ Якимовъ, Григорій Смирновъ, Митрофанъ Симашкевичь и Алексѣй Палисадовъ перевели съ Нѣмецкаго краткую Еврейскую грамматику Леви, съ измѣненіями и дополненіями, сдѣланными подъ руководствомъ профессора Хвольсона. Эта грамматика налитографирована и служитъ учебнымъ пособіемъ для начинающихъ изучать въ Академіи Еврейскій языкъ. Наконецъ, одинъ изъ постороннихъ академическихъ слушателей, коллежскій ассессоръ Верховскій, на дняхъ напечаталъ первый выпускъ обширнаго труда подъ заглавіемъ: «Библейскій словарь, содержащій библейскую пропедевтику, исторію, географію, древности, хронологію и проч.».

Дѣятельность академическихъ преподавателей отчасти видна изъ вышеизложеннаго. Преподаваніе каждымъ изъ нихъ своего предмета, соотвѣтствующее состоянію его въ современной литературѣ и цѣлямъ академическаго образованія, составляетъ важнѣйшій предметъ этой дѣятельности. Въ прошломъ учебномъ году, когда въ Академіи были только два курса, число лекцій для преподавателей простиралось отъ 2-хъ до 4-хъ, въ текущемъ году, съ прибавленіемъ третьяго курса, возрасло для многихъ до 5-ти, для нѣкоторыхъ преподавателей до 6-ти въ недѣлю.

Чтеніе студенческихъ сочиненій есть также долгъ каждаго изъ преподавателей, требующій много времени и особеннаго вниманія. Въ отчетный періодъ времени прочитано ими 242 сочиненія студентова первыхъ двухъ курсовъ, 69 кандидатскихъ III курсъ и 21 сочиненіе изъ представленныхъ на ученыя сте-

пени кончившими курсъ въ Академіи по старому Уставу; на послѣднія сочиненія представлены 63 письменныхъ отзыва, препровожденные въ Святѣйшій Сунодъ.

Наставники Академіи, по новому Уставу, принимаютъ участіе въ коммиссіяхъ, которыя образуются, по опредѣленіямъ Совѣта, для ближайшаго разсмотрѣнія и подготовленія дѣлъ, имѣющихъ обсуждаться въ Совѣтѣ. Въ теченіе отчетнаго времени такія коммиссіи были образуемы: а) для проэктированія инструкцій и правилъ, составленіе которыхъ или предоставлено Совѣту Уставомъ, или возложено на него по особымъ распоряженіямъ высшаго начальства, или вызываемо было положеніемъ дѣлъ; б) для выслушанія пробныхъ лекцій лицъ, заявившихъ желаніе поступить или въ Академію, или въ Семинарію въ качествѣ преподавателей; в) для производства испытаній по пріемѣ студентовъ въ Академію, и при переходѣ ихъ изъ курса въ курсъ; г) для присутствованія при пріемѣ и сдачѣ библіотеки, при пріемѣ и сдачѣ архива.

Всѣхъ коммиссій въ теченіе отчетнаго періода времени было назначено 67. На ректора и его помощниковъ падала большая доля участія въ занятіяхъ коммиссій, но и каждый изъ преподавателей среднимъ числомъ участвовалъ не менѣе, какъ въ семи коммиссіяхъ.

По распоряженіямъ высшаго начальства, Совѣта и Правленія Академіи, были возлагаемы на отдѣльныхъ наставниковъ особыя порученія:

1) Заслуженный ординарный профессоръ Долоцкій въ теченіи каникулъ прошлаго года съ 16 іюня по

11 августа, исправлялъ должность ректора Академіи.

2) Заслуженный ординарный профессоръ Лучицкій былъ командированъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1869 г. въ Кіевскую академію для присутствованія на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Академіи въ качествѣ депутата.

3) Ординарный профессоръ Нильскій исправлялъ, во время командировки профессора Лучицкаго, должность инспектора Академіи по наблюденію за студентами.

4) Экстра-ординарному профессору Глоріантову поручено было составить программу физики и космографіи для семинарій, и сдѣлать опись физическаго кабинета, находящагося въ Академіи.

5) Экстра-ординарный профессоръ Кояловичь избранъ депутатомъ отъ Академіи въ Археологическій съѣздъ.

6) Экстра-ординарный профессоръ Тимоѳей Барсовъ былъ назначенъ членомъ временнаго Ревизіоннаго комитета для провѣрки отчетовъ по С.-Петербургской епархіи за 1869 годъ.

7) Доцентъ Николай Рождественскій состоялъ членомъ Строительнаго комитета по ремонтнымъ работамъ въ зданіи Академіи.

Сверхъ того, многіе изъ преподавателей Академіи, по порученіямъ начальства, или же по званіямъ членовъ разныхъ обществъ, несли и доселѣ несутъ весьма сложныя обязанности, помимо академическихъ; нѣкоторые имѣютъ лекціи въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, иные состоятъ членами разныхъ комитетовъ и административныхъ учрежденій:

1) Ректоръ Академіи протоіерей Іоаннъ Янышевъ оканчивалъ Высочайше возложенныя на него занятія по религіи и русскому языку съ Ея Императорскимъ Высочествомъ, Государынею Цесаревною Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною.

2) Ординарный профессоръ Чистовичъ преподаетъ философію въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣденія; состоитъ—членомъ Учебнаго Комитета, по порученію котораго составилъ программу опытной психологіи, съ объяснительными къ ней примѣчаніями, утвержденную Св. Сѵнодомъ въ качествѣ нормальной программы по преподаванію этого учебнаго предмета въ духовныхъ семинаріяхъ; членомъ Коммиссіи, учрежденной при Св. Сѵнодѣ, для пересмотра устава духовной цензуры и по порученію этой послѣдней составилъ: «Предположеніе о томъ, какія перемѣны необходимы въ уставѣ православной духовной цензуры»; дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Археологическаго общества; членомъ Филологическаго общества при с.-петербургскомъ Университетѣ и соревнователемъ Общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ Университетѣ.

3) Заслуженный ординарный профессоръ Лучицкій состоитъ преподавателемъ Русскаго языка и Словесности въ Царскосельскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія.

4) Ординарный профессоръ Ловягинъ состоитъ секретаремъ С.-Петербургскаго комитета духовной цензуры.

5) Экстра-ординарный профессоръ Кояловичъ трудится по званію члена Археологической коммиссіи,

Археологическаго общества, Филологическаго общества, Славянскаго Благотворительнаго комитета, многихъ западно-русскихъ братствъ и проч.

6) Экстра-ординарный профессоръ Осининъ состоитъ по вѣдомству IV отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи начальникомъ женскихъ С.-Петербургскихъ и Царскосельской гимназій и продолжаетъ преподаваніе всеобщей исторіи Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ.

7) Экстра-ординарный профессоръ Катанскій состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Филологическаго общества при с.-петербургскомъ Университетѣ.

8) Экстра-ординарный профессоръ Хвольсонъ состоитъ при с.-петербургскомъ Университетѣ ординарнымъ профессоромъ еврейскаго, халдейскаго и сирійскаго языковъ; читаетъ также еврейскій языкъ въ католической Духовной Академіи; состоитъ членомъ комитета для разсмотрѣнія еврейскихъ учебныхъ руководствъ при департаментѣ министерства Народнаго Просвѣщенія и членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительнымъ членомъ обществъ: Географическаго, Археологическаго, Филологическаго и Нѣмецкаго восточнаго. Отъ департамента министерства Народнаго Просвѣщенія даются ему разныя порученія касательно еврейскихъ училищъ и еврейскихъ учебниковъ, такъ—въ теченіе прошлаго года онъ обработалъ проэктъ преобразованія еврейскихъ училищъ; по порученію г. директора Императорской публичной библіотеки, товарища министра Народнаго Просвѣщенія Н. Д. Делянова, онъ пересмотрѣлъ большую коллекцію самаритянскихъ руко-

писей и представилъ, вмѣстѣ съ академикомъ Дорномъ, подробный отзывъ о нихъ; по порученію Императорскаго Археологическаго общества, онъ написалъ подробный разборъ сочиненія, представленнаго на премію г. Гараклимъ, подъ заглавіемъ «Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ»; по порученію председателя Археографической коммиссіи графа Строганова, онъ описалъ древній еврейскій камень, найденный на Таманскомъ полуостровѣ, близъ Фанагоріи.

9) Экстра-ординарный профессоръ Тимофей Барсовъ состоитъ членомъ Высочайше учрежденнаго при Святѣйшемъ Сѵнодѣ Комитета, для преобразованія духовно-судебной части.

10) Доцентъ Николай Барсовъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Географическаго общества и С.-Петербургскаго епархіальнаго статистическаго комитета.

11) Привать-доцентъ Будиловичъ состоитъ членомъ-сотрудникомъ Филологическаго общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ и членомъ Славянскаго Благотворительнаго комитета.

12) Лекторъ нѣмецкаго языка Размусенъ состоитъ почетнымъ корреспондентомъ Императорской публичной библіотеки.

Такая сложность занятій академическихъ преподавателей не препятствовала имъ однако же содѣйствовать успѣхамъ нашей духовной литературы, быть постоянными сотрудниками издаваемаго при Академіи журнала «Христіанское Чтеніе», участвовать въ другихъ періодическихъ изданіяхъ и печатать, или же приготовлять къ печати, отдѣльные труды. Не имѣя

права перечислять капитальные вклады въ нашу ученую литературу, сдѣланные нѣкоторыми профессорами Академіи до начала отчетнаго періода времени и давшія авторамъ лестную для Академіи извѣстность, и почетное положеніе въ ученомъ сословіи, считаю долгомъ заявить о напечатанныхъ трудахъ академическихъ преподавателей съ 15 августа 1869 г.:

1) Ректоръ Академіи протоіерей Іоаннъ Янышевъ продолжалъ редактированіе издаваемаго при Академіи журнала: «Христіанское Чтеніе».

2) Ординарный профессоръ Чистовичъ напечаталъ и представилъ въ Совѣтъ сочиненіе на степень доктора богословія, подъ заглавіемъ: «Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни». Книга его: «Курсъ опытной психологіи», по опредѣленію Святѣйшаго Сvнода, введена учебникомъ въ Духовныхъ Семинаріяхъ и удостоена преміи преосвященнаго Макарія, архіепископа литовскаго.

3) Ординарный профессоръ Чельцовъ издалъ свое изслѣдованіе «О древнихъ формахъ символа вѣры Православной церкви». Продолжая это сочиненіе подъ общимъ заглавіемъ: «Собраніе символовъ и вѣроизложеній Православной церкви», въ 1870 г. онъ помѣстилъ въ Христіанскомъ Чтеніи переводъ посланія Ап. Варнавы съ Тишендорфова изданія Синайской рукописной Библіи и изслѣдованіе о текстѣ и времени происхожденія этого посланія.

4) Ординарный профессоръ Ловягинъ перевелъ съ Греческаго языка книгу Товитъ и греческія мѣста изъ книги Есеирь, по порученію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита, въ видѣ подготовительнаго

труда къ изданію Святѣйшимъ Сvнодомъ русскаго перевода книгъ Ветхаго Завѣта, т. II 1869 г.; перевелъ съ Нѣмецкаго языка сочиненіе Юл. Шикоппа «Апологетическія бесѣды о лицѣ Іисуса Христа», кокорое напечатано и издано въ 1870 г. между сочиненіями подъ общимъ заглавіемъ: «Матеріализмъ, наука и христіанство»; участвовалъ въ переводѣ каноническаго сочиненія Шагуны, помѣщаемаго въ Христіанскомъ Чтеніи.

5) Ординарный профессоръ Нильскій напечаталъ 2 тома сочиненія «Историческій очеркъ раскольническаго ученія о бракѣ» и статью «Объ единовѣріи» въ Христіанскомъ Чтеніи.

6) Экстра-ординарный профессоръ Кояловичъ, напечаталъ «Дневникъ Люблинскаго Сейма 1859 г. по порученію Археографической коммиссіи и статью «о возсоединеніи уніатовъ».

7) Экстра-ординарный профессоръ Троицкій напечаталъ въ Христіанскомъ Чтеніи два церковно-историческихъ изслѣдованія, подъ заглавіемъ: «Арсеній, патріархъ никейскій и константинопольскій и Арсениты» и «Къ вопросу о сближеніи армянской церкви съ православною» и двѣ переводныя статьи: «Автобіографія Григорія кипрскаго патріарха константинопольскаго» и его же «Письмо къ императору Андронику Палеологу старшему».

8) Экстра-ординарный профессоръ Катанскій кончилъ въ 1870 г. печатавшійся въ Христіанскомъ Чтеніи и потомъ отдѣльно изданный трудъ «Очеркъ исторіи древнихъ національныхъ литургій запада»

9) Экстра-ординарный профессоръ Хвольсонъ напечаталъ «Новооткрытый памятникъ моавитскаго ца-

ря Меши (Mescha, Моса), современника іудейскаго царя Іосафата» въ Христіанскомъ Чтеніи 1870 г., и продолжалъ помѣщать въ томъ же журналѣ русскій переводъ Ветхаго Завѣта съ помощію г. Савваитова.

10) Экстра-ординарный профессоръ Тимоѳей Барсовъ, напечаталъ въ Христіанскомъ Чтеніи статьи историко-каноническаго характера: «о вселенскихъ соборахъ», «о принятіи въ православіе въ древней вселенской церкви священнослужителей, обращающихся изъ ереси и раскола съ повтореніемъ и безъ повторенія рукоположенія» и «о духовномъ судѣ». Сверхъ того имъ же переводится краткое изложеніе Каноническаго права Шагуны, печатаемое въ Христіанскомъ Чтеніи.

11) Доцентъ Свѣтилинъ напечаталъ составленный имъ учебникъ формальной логики.

12) Доцентъ Николай Барсовъ напечаталъ въ Христіанскомъ Чтеніи слѣдующія статьи: 1) Новый методъ въ богословіи (по поводу богословскихъ сочиненій Хомякова); 2) Русскій простонародный мистицизмъ,—сообщеніе читанное въ отдѣленіи этнографіи Географическаго общества. Съ 1869 г. онъ занимается изученіемъ не изданныхъ твореній пастырей древней русской церкви, по рукописямъ Академической библіотеки. Изъ числа этихъ памятниковъ имъ напечатано въ прошломъ году въ Христіанскомъ Чтеніи «посланіе патріарха Іова къ грузинскому митрополиту Николѣ», и на дняхъ: «учительныя посланія священника московскаго Благовѣщенскаго собора Сильвестра къ казанскому воеводѣ Александру Борисовичу (Шуйскому-Горбатому)».

13) Доцентъ Каринскій помѣстилъ въ томъ же журналѣ статью: «Египетскіе іудеи».

14) Доцентъ Василій Рождественскій помѣстилъ тамъ же двѣ статьи: «объ изученіи Священнаго писанія въ виду современныхъ потребностей жизни и богословской науки» и «Годъ рождества Іисуса Христа».

15) Доцентъ Элеонскій, помѣстилъ тамъ же: «Состояніе исторіи ветхозавѣтной церкви въ современной протестантской литературѣ».

16) Приватъ-доцентъ Будиловичъ издалъ сочиненіе: «Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ», напечатанное въ журналѣ министерства Народнаго Просвѣщенія, а потомъ отдѣльной книгой съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія сочиненій Ломоносова по теоріи языка и словесности. Какъ приложеніе къ этому труду, онъ печатаетъ теперь обширный сборникъ матеріаловъ для изученія ученой и литературной дѣятельности Ломоносова, который въ скоромъ времени выйдетъ въ видѣ приложенія къ Сборнику II отдѣленія Академіи Наукъ. Кромѣ того находится уже въ типографіи его же— «Изслѣдованіе объ языкѣ древняго славянскаго перевода 13-ти словъ св. Григорія Богослова по рукописямъ Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка, съ палеографическимъ изданіемъ самаго текста этой рукописи». Означенное изслѣдованіе одобрено историко-филологическимъ факультетомъ здѣшняго Университета, какъ диссертація на степень магистра славянской филологіи. Приготовленный же имъ къ изданію этой рукописи текстъ принятъ Академіею наукъ для напечатанія въ ея ученомъ сборникѣ. По пору-

ченію С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета онъ составилъ извлеченіе изъ чешскаго энциклопедическаго очерка Чехіи, который уже и напечатанъ. Изъ журнальныхъ статей его помѣщены: 1) «Не былъ ли православнымъ человѣкомъ Іеронимъ пражскій» въ Христіанскомъ Чтеніи; 2) «о славянскихъ матицахъ и ученыхъ дружествахъ» въ журналѣ министерства Народнаго Просвѣщенія; 3) Сербія и Сербы» въ періодъ возрожденія—по поводу сочиненія Н. Попова «Россія и Сербы» въ журналѣ «Заря».

17) Лекторъ Англійскаго языка Нурокъ издалъ краткую христоматію съ словаремъ въ дополненіе къ практической грамматикѣ англійскаго языка, изданной имъ въ 1861 году.

III.

Наконецъ всѣ ординарные и экстра-ординарные профессоры Академіи принимали участіе въ собраніяхъ Совѣта Академіи, какъ его члены.

Всѣ вопросы и дѣла, подлежащіе разсмотрѣнію Совѣта Академіи, Уставомъ ея раздѣлены на два рода; одни болѣе важные вносятся въ общее собраніе Совѣта, состоящее, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ всѣхъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ профессоровъ Академіи; другіе — въ обыкновенное собраніе, состоящее, кромѣ ректора, изъ избранныхъ на 4 года трехъ помощниковъ его по учебной части, инспектора и 6 профессоровъ по два отъ каждаго изъ трехъ отдѣленій. Это раздѣленіе собраній Совѣта на общее и обыкновенное не имѣло впрочемъ въ отчетный періодъ времени полнаго примѣненія; такъ

какъ число членовъ общаго собранія, по не замѣщенію нѣсколькихъ профессорскихъ каѳедръ, въ теченіе прошлаго академическаго года превышало обыкновенное собраніе только двумя, а къ 1 января 1871 года только четырьмя членами. При введеніи новаго Устава въ Академію, когда важность и многочисленность предметовъ занятій Совѣта и самыя формы дѣлопроизводства, при отсутствіи въ прежней практикѣ Академіи какихъ либо примѣровъ, требовали особеннаго вниманія, и когда на Совѣтѣ лежала обязанность въ одинъ годъ опредѣлить весь строй академической жизни, засѣданія его происходили не только ежемѣсячно, какъ непремѣнно требуется Уставомъ, но еженедѣльно, а въ нѣкоторыя недѣли неоднократно. Общихъ собраній въ прошломъ академическомъ году было 21, обыкновенныхъ 35, — итого въ годъ всѣхъ 56, въ первый семестръ текущаго года 9 общихъ (въ томъ числѣ 2 публичныхъ) и 8 обыкновенныхъ; всего же въ отчетный періодъ времени было 73 собранія.

Предметъ занятій Совѣта составляли: 1. Избраніе кандидатовъ на вакантныя должности и каѳедры въ Академіи и другія перемѣны въ личномъ составѣ управленія и учащихъ. 2. Составленіе инструкцій для инспектора и его помощника, и библіотекаря. 3. Составленіе правилъ: а) о пріемѣ студентовъ въ Академію; б) о переходѣ ихъ изъ одной академіи въ другую; в) изъ одного отдѣленія академіи въ другое; г) о допущеніи постороннихъ слушателей; д) объ обязанности учащихся; е) о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей; ж) о срокѣ и порядкѣ производства испытаній при переходѣ студентовъ изъ курса

въ курсъ; з) о порядкѣ возведенія въ ученыя степени кончившихъ курсъ по старому Уставу; и) о срокѣ и порядкѣ производства испытаній на ученыя степени и званіе дѣйствительнаго студента, по новому Уставу. 4. Дѣла объ испытаніяхъ студентовъ: повѣрочныхъ при пріемѣ ихъ въ Академію и переводныхъ. 5. Рекомендація кандидатовъ на наставническія мѣста въ семинаріяхъ и слушаніе ихъ пробныхъ уроковъ. 6. Удостоеніе къ ученымъ степенямъ. 7. Выборъ книгъ для академической библіотеки и мѣры къ лучшему ея устройству. 8. Дѣла по надзору за поведеніемъ студентовъ и проч.

О поведеніи студентовъ, къ чести ихъ, могу упомянуть, что за полтора года отчетнаго времени были только два случая, о которыхъ инспекторъ Академіи, по соглашенію съ ректоромъ, долженъ былъ довести до свѣдѣнія Совѣта; въ обоихъ случаяхъ Совѣтъ призналъ возможнымъ подвергнуть провинившихся только дисциплинарному взысканію.

Относительно академической библіотеки имѣетъ особенную важность предпринятое, по опредѣленію Совѣта вслѣдствіе представленія библіотекаря, составленіе новыхъ алфавитныхъ подвижныхъ каталоговъ, вмѣсто прежнихъ систематическихъ неподвижныхъ. Къ 1 января 1871 года такой каталогъ составленъ для книгъ на русскомъ языкѣ (3,680 названій) и соотвѣтственно съ нимъ перенумерованы шкафы и книги. Вся библіотека къ началу текущаго года заключала въ себѣ, включительно съ рукописями, учебниками и журналами 17,759 названій въ 34.297 томахъ, на сумму приблизительно 36,000 руб. Въ одномъ прошломъ 1870 г. на сумму, по новому штату,

вмѣсто прежней въ 642 р. 50 к. возвышенную до 1,600 р., пріобрѣтено 853 тома и на особо ассигнованную сумму въ 208 р. 60 к. пріобретена Waltoni Biblia polyglotta въ 7 томахъ,—пожертвовано разными лицами 57 томовъ и одна рукопись.

Важнѣйшимъ предметомъ занятій Совѣта было удостоеніе къ ученымъ степенямъ: изъ кончившихъ курсъ Академіи удостоены къ степени кандидата и утверждены, на основаніи стараго Устава, 9 студентовъ.

Удостоены къ степени магистра и утверждены въ ней 6 студентовъ, именно:

1) Владиміръ Левицкій, представившій сочиненіе на тему: «Богомильство, болгарская ересь X — XIV вѣка».

2) Василій Братолюбовъ на тему: «патріархъ Фотій и его время».

3) Іеромонахъ Тихонъ Клитинъ—на тему: «критическій обзоръ книги Ренана: Les Apôtres».

4) Алексадръ Богословскій—на тему: «о Моусеевомъ законодательствѣ».

5) Левъ Рущинскій—на тему: «Свѣдѣнія иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ о русскихъ церковныхъ дѣлахъ».

6) Михаилъ Альбовъ - на тему: «объ апокрифическихъ евангеліяхъ».

На основаніи новаго Устава утверждены въ степени доктора богословія: ординарный профессоръ древней церковной исторіи магистръ Чельцовъ, по защищеніи диссертаціи подъ заглавіемъ: «Древнія формы символа вѣры церкви православной, или такъ называемые Апостольскіе символы», и экстра-ординарный

(нынѣ ординарный) профессоръ по ученію о расколѣ въ русской церкви магистръ Нильскій, по защищеніи диссертаціи: «Историческій очеркъ раскольническаго ученія о бракѣ».

Въ заключеніе долгомъ поставляю упомянуть о ходатайствѣ Совѣта Академіи предъ Святѣйшимъ Сунодомъ относительно командированія доцента Метафизики Каринскаго въ Германію. срокомъ на одинъ годъ, съ цѣлію обстоятельнаго ознакомленія съ состояніемъ преподаваемой имъ науки за границей. Святѣйшій Сунодъ призналъ командировку доцента Каринскаго полезною и предоставилъ его сіятельству, господину оберъ-прокурору, испросить на это Высочайшее соизволеніе, истребовавъ предварительно отъ Совѣта Академіи свѣдѣнія о времени, въ которое онъ полагалъ бы командировать Каринскаго. Отправленіе г. Каринскаго предположено по окончаніи лекцій, весною текущаго года.

Въ послѣднемъ собраніи своемъ прошлаго 1870 г. Совѣтъ Академіи, въ выраженіе благодарности господину оберъ-прокурору Святѣйшаго Сунода и министру Народнаго Просвѣщенія графу Дмитрію Андреевичу Толстому, за содѣйствіе его сіятельства къ преобразованію духовныхъ академій, семинарій и училищъ, за постоянно оказываемое имъ покровительство духовному просвѣщенію, за предначинаніе его по пересмотру устава духовной цензуры и преобразованію духовно-цензурныхъ установленій и за всѣ совершенные и предпринятые имъ труды на пользу Церкви, избралъ его сіятельство въ почетные члены С.-Петербургской духовной академіи.

Итакъ новый Уставъ, при архипастырскомъ благословеніи и содѣйствіи высокопреосвященнѣйшаго попечителя нашего, взошелъ въ жизнь Академіи. Составъ ея курсовъ, правда, пока не полонъ; не всѣ наставническія каѳедры замѣщены въ ней; не могла еще Академія воспользоваться предоставленными ей правами—учреждать ученыя общества, открывать публичныя лекціи, предлагать къ рѣшенію новые вопросы, относящіеся къ той или другой изъ преподаваемыхъ въ ней наукъ: на все это нужно время; но строй внутренней жизни Академіи опредѣленъ всесторонне; начало ея дѣятельности, на основаніи новаго Устава, положено твердо. Державною волею великаго Монарха нашего и мудрымъ попеченіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, такимъ образомъ, сдѣлано все, чего требовало время, для обновленія и преуспѣянія духовной науки.

Отъ насъ, академическихъ преподавателей и слушателей, зависитъ отнынѣ умѣть пользоваться дарованными намъ средствами къ собственному нашему, дальнѣйшему духовному преуспѣянію, къ развитію нашей науки и къ ея вліянію на благо отечественной церкви Какъ бы ни неблагопріятны были условія, среди которыхъ совершилось первое наше воспитаніе, первая учебная подготовка, отнынѣ мы болѣе, чѣмъ когда либо, призваны, не возвращаясь вспять, не останавливаясь и не уставая въ работѣ надъ своимъ усовершенствованіемъ, идти самимъ и вести другихъ за собою впередъ, ближе—къ свѣту евангельскому, къ первоисточнику истинной мудрости и истинной жизни. Онъ Самъ, незримый Глава Своей земной церкви, и Зиждитель блага всего человѣчества, да приблизится

къ намъ своею благодатью, да почіетъ Духомъ Своей любви и премудрости на нашей дорогой Академіи, на нашемъ избранномъ юношествѣ. Самъ да возраститъ и укрѣпитъ въ ней достойныхъ будущихъ дѣятелей среди жаждущаго истины русскаго православнаго общества и народа, и Державному Вѣнценосцу Всероссійскому, всемилостивѣйше даровавшему въ новомъ Уставѣ Академій новый залогъ попеченія о духовномъ просвѣщеніи, да подастъ радость болѣе и болѣе видѣть плоды этого просвѣщенія!

Ректоръ Академіи Протоіерей
Іоаннъ Янышевъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

М.О. Коялович

Русские еретики-стригольники, жидовствование. Феодосий Косой и русские общественные дворяне во время борьбы с ними

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 2. С. 278-301.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

РѢЧЬ,

читанная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургской Духовной академіи экстра-ординарнымъ профессоромъ М. О. Кояловичемъ 17 февраля 1871 года.

Русскіе еретики-стригольники, жидовствовавшіе, Ѳеодосій Косой и русскіе общественные дѣятели во время борьбы съ ними.

Нашъ русскій, православный міръ давно уже встревоженъ быстрымъ разливомъ въ нашемъ обществѣ невѣрія, которое не ограничивается уже отдѣльными лицами, не есть случайное проявленіе пытливаго ума, а составляетъ направленіе въ нашемъ обществѣ, имѣетъ свою литературу, установляетъ во многихъ домахъ особый складъ жизни и нерѣдко кладется въ основу воспитанія дѣтей. Невѣріе это, какъ извѣстно, выражается въ полномъ, безусловномъ отрицаніи всего нашего религіознаго строя, подрываетъ основу всякой вѣры—религіозное чувство, подрываетъ наконецъ вообще смыслъ нравственныхъ чувствъ и дѣйствій, которыми надежнѣе всего оберегается не только обычное теченіе жизни, но и историческій, творческій духъ народа.

У народовъ старыхъ, изжившихся, такое явленіе понятно и легко поддается анализу, но въ обществѣ нашемъ, вышедшемъ изъ народа, столь молодаго, столь богатаго сердечными порывами и вѣрою въ свою будущность, оно странно и не легко объяснимо. Извѣстно, что мы и не имѣемъ до сихъ поръ удовлетворительнаго объясненія этого явленія, не смотря на то, что объ немъ говорятъ многіе и много. Намъ кажется, что историческое изученіе этого явленія вѣрнѣе всего можетъ уяснить его или, по крайней мѣрѣ, открыть исходную точку, съ которой должно начаться разъясненіе его. Мы сдѣлаемъ опытъ такого разъясненія и для этого отойдемъ ко временамъ отдаленнымъ, которыя, не смотря на значительный недочетъ памятниковъ, можно разсматривать съ большею основательностію и съ большимъ спокойствіемъ, чѣмъ времена ближайшія къ намъ.

Отрицательное отношеніе къ вѣрѣ не разъ появлялось въ нашей исторической жизни старыхъ временъ. Оно волновало русское общество и въ XVI ст., и въ XV и даже въ XIV.

Въ семидесятыхъ годахъ XIV столѣтія новгородскіе и псковскіе еретики, такъ называемые стригольники, изъ-за церковныхъ даней, прервали всѣ связи съ іерархіей, стали отвергать ея необходимость и даже отвергали обряды бгослуженія, между прочимъ, дорого стоившіе обряды погребенія и поминовенія, что подало поводъ митрополиту Фотію подозрѣвать ихъ въ отверженіи воскресенія мертвыхъ и называть ихъ Саддукеями.

Еще съ большею рѣшительностію выступили на путь отрицанія русскіе еретики, появившіеся въ

Новгородѣ въ семидесятыхъ годахъ XV-го столѣтія.

Они не разрывали внѣшней связи съ церковью; многіе изъ нихъ не чуждались даже носить священный санъ, но за то тѣмъ рѣшительнѣе все отвергали въ церкви и, можно сказать, не оставляли въ ней камня на камнѣ. Они отвергали всѣ ея учрежденія, какъ-то: монашество, іерархію, иконопочитаніе, богослуженіе со всѣми таинствами; всѣ почти источники вѣроученія, какъ-то: ученіе св. отцовъ, постановленія соборовъ, новый завѣтъ, и почти всѣ основныя истины христіанства, какъ-то: догматъ искупленія, троичности лицъ Божества и даже безсмертіе души. Въ крайнемъ своемъ развитіи ученіе это выражалось въ такихъ положеніяхъ; а што-то царство небесное, а што-то второе пришествіе, а што-то воскресеніе мертвымъ. Ничего того нѣтъ; умретъ кто, ино то и умеръ; по та мѣста и былъ (1). Въ практической жизни, многіе изъ этихъ еретиковъ отвергали всѣ правила нравственности и жили, по выраженію Іосифа Волоколамскаго, свинскимъ житіемъ.

Наконецъ, еще дальше пошелъ еретикъ половины XVI столѣтія Ѳеодосій Косой, проповѣдывавшій свое ученіе въ бѣлозерской странѣ, затѣмъ взятый на судъ въ Москву и оттуда бѣжавшій въ Литву, гдѣ пріобрѣлъ большое число послѣдователей. Онъ не только проповѣдывалъ положенія жидовствовавшихъ, но отвергалъ всякую власть, всѣ гражданскія обязанности и подрывалъ семейный бытъ, именно: отвергалъ уваженіе къ родителямъ, цѣломудріе и благоприличіе. Исходная точка зрѣнія этого еретика ясно выражается

(1) Вивліое 14, 135—9.

въ слѣдующихъ его положеніяхъ: святости и освященія никоеяже не нарицати, ни имѣти ни чтоже свято, ниже освященно... такоже и нечистымъ не нарицати ничтоже и скверна никакова не мнѣти ни въ чесомъ же (Многос. посл. л. 3. рук. соф. библ.).

Положительнаго ученія, установленія какихъ-либо порядковъ и правилъ религіозной жизни мы не видимъ по памятникамъ у этихъ еретиковъ. Такъ о стригольникахъ извѣстно лишь, что они желали быть истинными христіанами и стоять, по видимому, въ болѣе непосредственныхъ отношеніяхъ къ Богу, чѣмъ при іерархіи, и потому говорили, что можно просто каяться землѣ, что учить можетъ и простой человѣкъ и имѣли какихъ-то выборныхъ наставниковъ, пользовавшихся у нихъ уваженіемъ, наконецъ, они имѣли какія-то писанія, которыми доказывали свое ученіе.

О положительной сторонѣ ученія жидовствовавшихъ тоже немного извѣстно. Они какъ будто уважали ветхозавѣтный канонъ Св. писанія и имѣли свое какое-то десятословіе и свою псалтырь, но, по всей вѣроятности, уважали они ветхозавѣтныя книги лишь какъ средство, которое съ своей точки зрѣнія противопоставляли новозавѣтному ученію. Еще извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ принимали жидовство, но, по всей вѣроятности, дѣлали это не многіе, ибо современные свидѣтели говорятъ, что у этихъ еретиковъ было не одно жидовство, а разныя ереси, которыя, впрочемъ, они опредѣляютъ лишь съ теоретической стороны и то нерѣшительно.

Еще менѣе положительнаго можно найти въ ереси Ѳеодосія Косого. Его ученіе называли новымъ, его

самаго называли умнымъ, начитаннымъ, говорили, что онъ дѣлаетъ собранія своимъ послѣдователямъ, но что онъ давалъ имъ взамѣнъ отвергаемой имъ вѣры, кромѣ безграничной разнузданности чувственной природы человѣка, неизвѣстно, да едва ли и могло быть извѣстно.

Конечно, скудость свѣдѣній о положительной сторонѣ ученія этихъ еретиковъ можно отчасти объяснить тѣмъ, что мы объ нихъ знаемъ единственно изъ обличительныхъ сочиненій противъ нихъ, но какъ бы ни смотрѣть на эти сочиненія, придется признать, что отрицаніе существующаго строя русской религіозной жизни преобладало у нашихъ еретиковъ, а положительная сторона ихъ ученія или являлась въ слабыхъ задаткахъ или вовсе не существовала. Слѣдовательно, нѣтъ научнаго основанія думать, что эти еретики были провозвѣстниками какой-либо новой цивилизаціи. Они имѣютъ значеніе лишь какъ люди, заявлявшіе крайній протестъ противъ церковныхъ злоупотребленій, противъ преобладанія обрядности въ религіозной жизни и противъ московскаго единодержавія и соединенія съ нимъ интересовъ православія. Но кромѣ того ереси эти развивались у насъ подъ вліяніемъ иноземнымъ. Такъ основателемъ ереси жидовствовавшихъ современники называютъ литовскаго жидовина Схарію, свѣдущаго въ чернокнижіи и звѣздочетіи; въ ереси Ѳеодосія Косого неоспоримо отраженіе крайнихъ протестантскихъ сектъ; не безъ основанія можно думать, что и стригольники научились враждовать съ своей іерархіей такъ упорно подъ вліяніемъ иноземцевъ латинянъ.

Какъ же отнеслись къ этимъ еретикамъ русскіе

люди тѣхъ временъ и какихъ общественныхъ дѣятелей выставили для борьбы съ ними и для охраненія православія въ средѣ вѣрующихъ?

Когда появились еретики стригольники, русское общество въ Новгородѣ и Псковѣ отнеслось къ нимъ съ большимъ ожесточеніемъ. Въ Новгородѣ еретики Карпъ, Никита и еще какой-то третій членъ ихъ ереси были свергнуты съ моста въ Волховъ, при чемъ, по свидѣтельству позднѣйшей лѣтописи, новгородцы говорили: писано есть въ евангеліи: аще кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, лучше есть ему, да обѣсится камень жерновый на выи его и потопленъ будетъ въ мори. Подобнымъ же образомъ отнеслись къ послѣдователямъ этой ереси и псковичи. Въ двадцатыхъ годахъ XV столѣтія они многихъ изъ нихъ показнили. Только уже подъ вліяніемъ церковной власти, установился взглядъ, что еретиковъ не слѣдуетъ казнить смертію, можно лишь наказывать тѣлесно, но не смертно, а собственно церковный взглядъ былъ тотъ, что нераскаянныхъ еретиковъ слѣдуетъ отлучать, отчуждать.

Еретики жидовствовавшіе долгое время не были вовсе замѣчаемы и пріобрѣли большую силу. Они считались людьми просвѣщенными, утвердились не только въ Новгородѣ въ средѣ почетнаго духовенства, но и въ Москвѣ, гдѣ заняли вліятельное положеніе при дворѣ Іоанна III и имѣли послѣдователей даже въ великокняжеской семьѣ. Ересь жидовствовавшихъ имѣла при дворѣ Іоанна III значеніе модной либеральности; самъ Іоаннъ III прислушивался къ еретическимъ толкамъ и зналъ особые оттѣнки ихъ. Въ такомъ положеніи была ересь слиш-

комъ десять лѣтъ. Когда она была открыта въ Новгородѣ въ 1486 году и оказалось, что во главѣ ея стоятъ все духовныя лица, то правительство, послѣ нѣкотораго колебанія, судило ихъ на соборѣ 1488 года. казнило нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Москвѣ и продолжало розыскивать другихъ и казнить въ Новгородѣ. Но вслѣдъ затѣмъ оно какъ будто усвояетъ старый церковный взглядъ на еретиковъ, подвергаетъ ихъ на соборѣ 1492 г. лишь покаянію и заточенію, и выдерживаетъ этотъ взглядъ опять слишкомъ десять лѣтъ. Въ это время даже Іоаннъ III смущается мыслію, не грѣхъ ли казнить еретиковъ. Только уже въ 1504 г., когда окончательно возобладала у насъ греческая партія въ лицѣ царицы Софіи и сына ея Василія, правительство стало безъ колебаній казнить еретиковъ. Въ этомъ году русскій міръ пораженъ былъ лютыми казнями еретиковъ—сожженіемъ ихъ, отрѣзываніемъ языка въ Москвѣ и въ Новгородѣ. Съ тѣхъ поръ лютыя казни еретиковъ на долго сдѣлались правиломъ и вошли впослѣдствіи въ наше законодательство. Казни еретиковъ развились у насъ тоже подъ вліяніемъ иноземцевъ, какъ и самыя ереси. Казни эти у насъ были въ ходу во время господства у насъ греческой партіи, и московское правительство, рѣшаясь казнить еретиковъ, прямо объявляло, что дѣлаетъ это по царскимъ греческимъ законамъ. Было кромѣ этого и вліяніе западно-европейское; по крайней мѣрѣ ему подчинялись, какъ сейчасъ увидимъ, вліятельнѣйщіе у насъ общественные дѣятели того времени.

Такимъ образомъ, въ русской религіозной жизни, въ концѣ XIV столѣтія, въ XV и въ началѣ XVI, при

рѣшеніи русскимъ обществомъ религіозныхъ вопросовъ, волновавшихъ умы, мы видимъ прежде всего двѣ крайнія стороны или партіи: одна болѣе или менѣе рѣшительно отрицаетъ установившійся строй религіозной жизни, другая казнитъ отрицателей его. Извѣстно, что съ одними этими крайностями общество не можетъ жить исторически. Общество, имѣющее задатки исторической жизни, непремѣнно выдвинетъ между этими двумя крайностями людей вѣры, людей свѣта истины и нравственной силы, которые оживятъ въ еретической средѣ вѣру, устранятъ то, что питаетъ ересь и выведутъ страдающее общество на путь обновленной жизни. Количество такихъ людей, чистота ихъ убѣжденій и дѣйствій и твердость ихъ положенія въ обществѣ обыкновенно служатъ мѣрою исторической жизненности и цивилизаціи общества. Посмотримъ, каковы были въ тѣ времена наши общественные дѣятели.

Когда появились еретики стригольники, русскіе люди даютъ знать объ этомъ бѣдствіи въ Константинополь и бывшій тамъ Суздальскій епископъ Діонисій привозитъ увѣщательныя граматы, ѣдетъ съ ними въ Новгородъ и умиротворяетъ на время взволнованное общество. Того же лѣта (1381) пріиде изъ Царя-града въ Новъ-градъ великій Деонисей епископъ Суждальскій, отъ преосвященнаго патріарха Нила вселенскаго съ благословеніемъ и съ граматами, поучая закону Божію по священнымъ правиломъ и божественнымъ писаніямъ, укрѣпляя отъ соблазнъ и отъ ереси стригольниковъ... и устави мятежи и соблазны [1]. Въ первой

---

[1] Ников. лѣт. IV. 130. Въ девяностыхъ годахъ другой патріархъ Антоній присылалъ тоже грамату въ Новгородъ и русскій митроп. Кипріанъ посылалъ ее во Псковъ.

четверти XV столѣтія съ такою же заботливостію объ охраненіи православія дѣйствовалъ русскій митрополитъ Фотій. Онъ тоже писалъ граматы противъ стригольниковъ, волновавшихъ псковское общество. Сущность этихъ граматъ – вразумленіе еретиковъ и угроза отлученія нераскаяннымъ изъ нихъ. Впрочемъ, замѣтна большая разница между его образомъ дѣйствій и дѣйствіями патріарховъ константинопольскихъ и Діонисія Суздальскаго и Кипріана. Фотій не столько вразумляетъ еретиковъ, сколько возбуждаетъ псковичей принимать мѣры къ уничтоженію ереси. Въ числѣ этихъ мѣръ, кромѣ обычнаго отлученія и отчужденія, Фотій указалъ на слѣдующіе: по великаго апостола Павла слову: предайте, рече, таковаго въ изможеніе плоти, яко да духъ спасется, рекше по всему отлучайте отъ себе аще не покаются ([1]). Когда же псковичи не поняли или не приняли Фотіева объясненія, этого текста, а показнили еретиковъ и донесли объ этомъ митрополиту, то Фотій счелъ нужнымъ точнѣе выяснить свою мысль: и которіи тіи стригольници отъ своего заблужденія не имутъ чистѣ вѣровати православія истинаго, ни къ Божіимъ церквамъ къ Господу... не имутъ прибѣгающе и на покаяніе къ своимъ отцемъ духовнымъ не имутъ приходити: и яко же убо прежде къ вамъ писахъ и нынѣ пишу, удаляйте себе отъ тѣхъ въ ястіи и питіи и казнми (толико не смертными, но внѣшними казнми) и заточеньми приводяще тѣхъ, да будутъ въ познаніе и обращеніе къ Богу и никако да будутъ тіи попущени въ васъ, яко плевелы посреди пшеница ([2]), т. е. митрополитъ Фотій толь-

([1]) Акты истор. I. 33.
([2]) Тамъ-же. № 34.

ко смягчаетъ наказаніе за ересь, но самый принципъ тѣлеснаго наказанія допускаетъ. Во времена еретиковъ жидовствовавшихъ, принципъ этотъ былъ развитъ общественными силами русскихъ людей во всей широтѣ.

Когда въ Новгородѣ развилась ересь жидовствовавшихъ, новгородскій архіепископскій престолъ занялъ одинъ изъ образованнѣйшихъ святителей того времени—Геннадій. Онъ извѣстенъ участіемъ въ важномъ трудѣ — собраніи кодекса Священнаго писанія, причемъ нѣкоторыя книги Священнаго писанія вновь были переведены на церковно-славянскій языкъ, извѣстенъ также участіемъ въ составленіи продолженія пасхаліи послѣ седьми тысячь лѣтъ отъ сотворенія міра, наконецъ, извѣстенъ усиленною заботливостію объ образованіи духовенства. Ересь жидовствовавшихъ могла встрѣтить въ этомъ святителѣ просвѣщеннаго обличителя своего и опытнаго наставника православной паствы. Къ сожалѣнію, не эти свойства обнаружилъ Геннадій въ борьбѣ съ еретиками. Съ перваго обнаруженія ихъ онъ сталъ въ положеніе строгаго судьи и настойчиво вызывалъ другихъ іерарховъ и московское правительство покончить съ еретиками этимъ именно путемъ. Когда московское правительство казнило нѣкоторыхъ еретиковъ (1488), Геннадій принялъ еще болѣе близкое участіе въ казняхъ ихъ,—онъ по порученію правительства, отдавалъ нераскаянныхъ еретиковъ на казнь гражданскимъ властямъ. Мало этого, когда соборъ 1492 г. осуждавшій еретиковъ только на заточеніе, прислалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на покаяніе въ Новгородъ, Геннадій приказалъ ввести ихъ въ Новгородъ на лошадяхъ верхомъ, лицемъ къ хвосту, въ одеждахъ, надѣтыхъ задъ-

напередъ, въ берестовыхъ шлемахъ съ надписью: се сатанино воинство, и затѣмъ велѣлъ зажечь эти шлемы на головахъ еретиковъ, послѣ чего, нѣкоторые изъ нихъ умерли.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, поступая такъ съ еретиками, Геннадій подражалъ пріемамъ латинской церкви. Фрязове, писалъ онъ къ митрополиту Зосимѣ, по своей вѣрѣ какову крѣпость держатъ, сказывалъ ми посолъ (Юрьи) цесаревъ про испанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ и язъ тѣхъ рѣчей списокъ къ тебѣ послалъ и ты *бы*, господине, сыну своему великому князю о томъ крѣпко говорилъ (¹). Неоспоримо также, что такое обращеніе съ еретиками выражало личный характеръ Геннадія. Ближайшій современный свидѣтель Іосифъ Волоколамскій дѣлаетъ слѣдующій отзывъ о Геннадіѣ: «Въ лѣто 6993 (1484 въ декабрѣ) поставленъ бысть архіепископомъ великому Новугороду и Пскову священный Геннадіе и положенъ бысть, яко свѣтильникъ на свѣщницѣ Божіимъ судомъ и яко левъ пущенъ бысть на злодѣйственные еретики, устремибося, яко отъ чаща божественныхъ писаній и яко отъ высокихъ и красныхъ горъ пророческихъ и апостольскихъ ученій, иже ногти своими растерзая тѣхъ скверныя утробы, напившаяся яда жидовскаго, зубы же своими сокрушая и растерзая и о камень разбивая (²)». Но едва-ли справедливо было бы приписывать все это дѣло только иноземному вліянію и личному характеру Геннадія. Еретики жидовствовавшіе дозволяли себѣ крайнія неистовства. Они страшно глумились надъ священными

(¹) Вивліое. 14. 288, Акты Экспед. т. I. № 380, стр. 488.
(²) Вивліое. 14. 130—134.

предметами, вовлекали въ это дѣло неповинный народъ и производили въ православной средѣ жестокое смущеніе. Благоприличною рѣчью невозможно передать проявленій этого глумленія, напримѣръ, глумленія Юрьевскаго архимандрита Кассіана и его друзей. Кромѣ того, во главѣ этихъ еретиковъ стояли все духовныя лица. Еретики овладѣли даже центральною церковною властію, выдвинувъ своего члена Зосиму на митрополичій престолъ и стали преслѣдовать православныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ избрали Геннадія предметомъ своей злобы и не давали ему покоя. О чернецѣ Захарѣ Геннадій писалъ, 1490 г., что онъ уже слишкомъ три года *лаетъ* на него, разсылаетъ грамоты въ его архіепископію и къ чернцемъ и къ попомъ, а что въ московской землѣ, того числа нѣсть, а пишетъ въ своихъ грамотахъ: послалъ-де есми по всѣмъ градомъ на еретика грамоты ([1]). Нравственная борьба съ такими людьми могла казаться невозможною. Съ другой стороны. Какъ ни одинокъ былъ Геннадій въ новгородской архіепископіи среди мѣстнаго новгородскаго населенія, какъ человѣкъ пришлый изъ Москвы и поставленный не по обычаю новгородскому, но невозможно думать, чтобы онъ и въ этихъ отношеніяхъ къ еретикамъ стоялъ одинокимъ въ своей паствѣ. Устроя вышеуказанную необычайную встрѣчу еретикамъ, Геннадій, между прочимъ, приказалъ «стрѣтающимъ ихъ плевати на нихъ и глаголати: се враги Божіи и христіанстіи хульницы» ([2]). Очевидно, предполагалось, что найдутся желающіе такъ встрѣчать еретиковъ. Наконецъ, неоспоримо извѣстно, что Ген-

([1]) Акт. Эксп. I. № 380. стр. 482.

([2]) Вивліо. 14. 134—5.

надій имѣлъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ не мало сочувствующихъ ему людей, которые такъ же, какъ и онъ смотрѣли на еретиковъ. Но къ чести этого святителя и къ чести нашей іерархіи вообще нужно сказать, что въ Геннадіѣ не умерло сознаніе необходимости вести нравственную борьбу съ еретиками. Онъ вызвалъ на эту борьбу знаменитаго подвижника своей епархіи, извѣстнаго Волоколамскаго игумена Іосифа, котораго дѣятельность по отношенію къ еретикамъ естественно должна была отражать въ себѣ еще яснѣе господствовавшее тогда направленіе мыслей.

Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, получившемъ потомъ названіе: «Просвѣтитель», писанномъ по частямъ, въ видѣ словъ и посланій, Іосифъ дѣйствительно выступилъ противъ жидовствовавшихъ съ необыкновеннымъ для того времени богословскимъ знаніемъ. Въ этомъ сочиненіи цѣлый курсъ богословія; всѣ положенія еретиковъ опровергнуты и вѣрующимъ даны отвѣты на всѣ вопросы, поднятые еретиками. Но и Іосифъ сошелъ съ высоты чисто нравственной борьбы съ еретиками. Въ томъ же «Просвѣтителѣ» онъ предложилъ практическія средства поразить ересь, предложилъ казнить еретиковъ и послѣ того, какъ они станутъ каяться, потому что ихъ покаяніе лицемѣрно. Іосифъ Волоколамскій высказалъ мысль, которая въ первый разъ вырвалась изъ устъ русскаго православнаго человѣка: еже убити еретика молитвою или руками — едино есть [1]. Но и на это отношеніе къ еретикамъ Іосифа Волоцкаго нельзя смотрѣть, какъ на личное лишь выраженіе его мыслей и характера. Іосифъ Волоцкій имѣлъ многочисленныя

(1) Вивліов. XVI. 424.

связи въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Кругомъ его стояли многочисленныя друзья и послѣдователи его мыслей, изъ духовнаго и свѣтскаго званія, которые тоже убѣждены были, что такъ именно слѣдуетъ поступать съ еретиками, по внушенію которыхъ и рѣшено было на соборѣ 1504 года—казнить еретиковъ лютыми казнями. Присматриваясь къ этому дѣлу внимательнѣе, можно прослѣдить предѣлы, до которыхъ простиралась въ русскомъ обществѣ теорія казнить еретиковъ, точно такъ же, какъ можно указать, гдѣ эта теорія не допускалась.

Въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоколамскаго есть довольно ясные признаки его многосоставности, разнохарактерности и можно предполагать, что въ составленіи его участвовали главнѣйшіе члены Волоколамской общины, и что этотъ трудъ есть выраженіе взгляда всей этой общины. Мало того, въ вопросѣ объ отношеніи къ еретикамъ, Волоколамская община служила выраженіемъ мыслей многихъ другихъ подобныхъ ей общинъ, и это тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что рядомъ съ этого рода общинами существовали другія, которые выработали совсѣмъ иные взгляды на еретиковъ. Изученіе этихъ двухъ направленій въ нашемъ иночествѣ того времени тѣмъ болѣе важно, что въ тѣ времена въ монашествѣ сосредоточивались лучшіе идеалы русскаго человѣка, туда часто направлялись лучшія силы русскаго общества, оттуда выходили передовые общественные дѣятели и выносили обществу рѣшенія на занимавшіе его вопросы.

Во второй половинѣ XV столѣтія, когда у насъ происходила страшная ломка старыхъ порядковъ русской жизни, когда русскіе люди ожидали даже сокрушенія

всего міра съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, что приходилось въ 1492 году, и въ иноческой средѣ обнаруживалось критическое направленіе. Странствованіе по монастырямъ, исканіе лучшаго образа жизни было тогда болѣе сильною, чѣмъ въ другія времена, потребностію весьма многихъ людей. Одни обходили русскіе монастыри и въ нихъ изучали лучшіе образцы жизни, другіе не ограничивались Россіей и путешествовали на востокъ. Первые обыкновенно изучали и усвояли себѣ лучшіе, по ихъ разумѣнію, черты иноческаго общежитія и старались этимъ путемъ достигать совершенства. Такъ именно изучалъ и развивалъ иночество Іосифъ Волоколамскій. Онъ можетъ быть названъ самымъ практическимъ устроителемъ общежитія. Онъ не создавалъ, строго говоря, ничего новаго. Онъ бралъ существовавшія черты иночества и соединялъ ихъ строго логическимъ и практическимъ образомъ. Такъ, онъ принялъ, поддерживалъ у себя и даже настойчиво защищалъ обычай монастырей владѣть имѣніями, но устроилъ у себя такъ, что иноки его, при всемъ богатствѣ монастыря, были дѣйствительными бѣдняками въ своей жизни, а богатства монастыря были источникомъ благодѣяній окрестнаго населенія. Или: Іосифъ собралъ черты самой строгой власти монастырской и самаго полнаго повиновенія. Иноки у него должны были постепенно, подъ строжайшимъ руководствомъ, проходить отъ нижнихъ степеней до высшихъ. Точнѣйшимъ образомъ распредѣлены были роды занятій, пищи, одежды по группамъ иноковъ, сообразно ихъ особенностямъ. Такъ, новымъ молодымъ инокамъ обыкновенно назначались тяжкія работы въ поварнѣ и пе-

карнѣ, изнурявшія тѣлесныя силы. Такъ, допускались разнообразная пища и одежда, безъ сомнѣнія, въ виду новопоступавшихъ иноковъ изъ знатныхъ людей, привыкшихъ къ удобствамъ жизни. Удаленіе инока изъ этого монастыря было почти немыслимо. Внушалось иноку, что оставляющій свой монастырь не достоинъ погребенія. Одинъ инокъ, рѣшившійся выдти изъ Волоколамскаго монастыря, долженъ былъ обращаться къ содѣйствію великаго князя. Всею этою системою, очевидно, предполагалось, что иноческаго совершенства можно достигнуть просто путемъ навыка, строго охраняемаго; но этимъ путемъ еще легче и вѣрнѣе можно было воспитывать вообще людей, привыкшихъ къ исполненію своихъ обязанностей,—хорошихъ исполнителей, администраторовъ, почему Іосифъ и считалъ монастырь, между прочимъ, мѣстомъ воспитанія церковныхъ правителей. Вообще, строгое, практическое управленіе и безусловное подчиненіе — вотъ идеалъ, который предлагался русскому обществу Волоколамскимъ монастыремъ, и русское общество того времени весьма скоро и хорошо поняло это направленіе Волоколамскаго монастыря. Люди властные — духовные и свѣтскіе и тѣ изъ подвластныхъ, которые не задавались высшими, самостоятельными задачами, относились къ Волоколамскому монастырю съ великимъ уваженіемъ и къ нему обращались въ своихъ нуждахъ. Многіе иноки этого монастыря брались на высшія іерархическія мѣста; они были извѣстны также, какъ лучшіе слѣдователи при допросахъ еретиковъ, почему и употреблялись для этого, какъ, напримѣръ, при допросахъ Башкина; монастырь Волоколамскій считался лучшимъ мѣстомъ для наказанія и исправ-

ленія осужденныхъ за ересь, почему туда ссылались болѣе опасные изъ нихъ, какъ многіе жидовствовавшіе, какъ Максимъ грекъ, Вассіанъ, и друг. Такимъ образомъ очевидно, что казнь еретиковъ вытекала логично изъ всего склада Волоколамской общины, склада, который, въ свою очередь, совмѣщалъ обычныя въ то время особенности общежительныхъ монастырей.

Другимъ путемъ пошелъ современный Іосифу великій подвижникъ Нилъ Сорскій, въ мірѣ Майковъ, и другія идеи предложилъ онъ обществу въ своемъ иночествѣ. Онъ выработалъ свой идеалъ иночества путемъ изученія не только русскаго, но и греческаго иночества и выработалъ его въ такихъ особенныхъ чертахъ, которыя поразили тогдашній русскій міръ. Все, что можетъ быть названо внѣшнимъ благоустройствомъ и благочиніемъ монастыря, было оставлено Ниломъ въ сторонѣ, а иное даже прямо запрещено. Такъ, вопреки сильно развитому обычаю основывать монастыри по близости къ большимъ путямъ сообщеній и допускать подлѣ нихъ поселенія, Нилъ избралъ недалеко отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря—на рѣкѣ Соркѣ такое мѣсто, которое по его словамъ было маловходно мірской чади. Вопреки всеобщему обычаю монастырей принимать поземельныя пожертвованія и украшать монастырскую церковь, Нилъ запретилъ у себя то и другое. Вопреки обычаю общежительныхъ монастырей имѣть ежедневное, благочинное Богослуженіе и занимать все время инока имъ и работами, въ скитѣ ниловомъ иноки только въ воскресные и праздничные дни собирались въ церковь, а все остальное время проводили у себя по

кельямъ. Вопреки общежительному обычаю устроять въ монастырѣ строгое управленіе, Нилъ представляетъ власть настоятеля, какъ дружескую власть и иноки по его мысли должны жить по два, по три дружески между собою связанныхъ. Онъ и называлъ своихъ учениковъ друзьями его нрава. Наконецъ, пища, сонъ, занятія, вообще подвиги не столько опредѣлялись правилами, сколько предоставлялись разумному усмотрѣнію инока, точно такъ же, какъ и самое пребываніе инока въ ниловомъ скиту было совершенно свободно. Община нилова владѣла однимъ лишь принудительнымъ оружіемъ, — изгоняла безчинныхъ иноковъ.

Какое же дѣло могла имѣть эта община, повидимому, лишенная всякой организаціи. Ей предлагалось великое дѣло, передъ которымъ съ изумленіемъ останавливались современники. Нилъ съ необыкновеннымъ для того времени богословско-философскимъ знаніемъ открывалъ иноку внутренній міръ съ разнообразными проявленіями духовной жизни отъ низшаго состоянія, когда человѣкъ получаетъ лишь впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, до высшаго состоянія умной молитвы, когда плоть безмолвствуетъ, душа исполняется радости Св. Духа и человѣкъ не знаетъ, гдѣ онъ — на землѣ или на небѣ, — и предлагаетъ это Нилъ въ цѣльной, подробной системѣ о помыслахъ, объ умной молитвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нилъ указываетъ иноку другой трудъ — постоянное изученіе Писанія. Когда я желаю что либо дѣлать, говоритъ онъ, ищу въ Писаніи и если не нахожу, то отлагаю дѣло.

Само собою разумѣется, что этотъ образецъ иночества могли усвоить только не многіе, весьма раз-

витые люди, потому-то Нилъ устранялъ всякую заботу о множествѣ братій и строго запретилъ принимать молодыхъ людей.

Повидимому, эта система иночества не могла имѣть общественнаго значенія, какъ слишкомъ отрѣшенная отъ жизни; но на дѣлѣ было иначе. Она скрывала въ себѣ задатки самаго возвышеннаго и могущественнаго вліянія на общество. Вся она основана была на самобытности личности. Она выносила тогдашнему обществу свѣтъ личной самобытности, свободы, — который тогда померкалъ на пространствѣ всей Руси.

Вліяніе этой системы на общество сказалось еще при жизни Нила. Онъ подобно Іосифу Волоколамскому былъ извѣстенъ тогдашнему русскому обществу, и къ нему также обращались за разрѣшеніемъ занимавшихъ тогда вопросовъ. Онъ давалъ отвѣты, вытекавшіе прямо изъ его теоріи. Такъ онъ заявлялъ, что монастырямъ не слѣдуетъ владѣть имуществами, такъ онъ заявлялъ, что не слѣдуетъ вдовыхъ поповъ лишать права священнодѣйствовать. Безъ сомнѣнія, онъ былъ и противъ казней еретиковъ. Въ кругѣ его послѣдователей появилось знаменитое посланіе къ Іосифу Волоколамскому вологодскихъ, или правильнѣе, заволжскихъ старцевъ, въ которомъ русскіе люди того времени становятся выше царскихъ греческихъ узаконеній и западно-европейскаго отношенія къ еретикамъ, и во имя новозавѣтной любви возстаютъ противъ казней еретиковъ, совѣтуютъ кающихся изъ нихъ прощать, принимать съ любовію, и только нераскаянныхъ совѣтуютъ заточать. Кто бы ни написалъ это посланіе, оно имѣетъ великое значеніе въ исторіи нашей церкви. Оно показываетъ, что въ самыя трудныя вре-

мена въ нашей церкви не умирало истинное понимание духа православія. Оно издано въ XVI т. Вивліоѳики Новикова.

Можно сказать, что весь тогдашній образованный руccкій міръ раздѣлился между Ниломъ Сорскимъ и Іосифомъ Волоколамскимъ. Замѣчательно, что это было на рубежѣ русской вѣчевой и единодержавной жизни, и что какъ бы въ соотвѣтствіе преобладанію тогда единодержавнаго склада, направленіе Іосифа Волоколамскаго возобладало, а направленіе Нила, хотя лично Нилъ остался въ уваженіи у современниковъ и потомства, быстро стало падать и вскорѣ даже заклеймено было названіемъ еретическаго. И не безъ основанія. При тогдашнемъ состояніи у насъ просвѣщенія и гражданской свободы, направленіе Нила Сорскаго легче всего могло доводить до ереси, а направленіе Іосифа могло казаться надежнѣйшимъ средствомъ къ охраненію отъ крывовѣрія и своеволія. Впрочемъ, нужно сказать, что оба эти направленія значительно стѣснены были въ своемъ развитіи случайнымъ, постороннимъ вліяніемъ. Оба они сильно заслонены были дѣятельностію Максима грека, который отнесся къ явленіямъ русской жизни съ безпристрастіемъ сторонняго человѣка, но также и съ отчужденностію иноземца. Между его послѣдователями встрѣчаются и почитатели Нила Сорскаго, какъ инокъ князь Вассіанъ, и почитатели Іосифа Волоколамскаго, какъ инокъ Зиновій Отенскій обличитель ереси Ѳеодосія Косаго. Но неоспоримо, что дѣятельность Максима грека больше давала опоры направленію Нила Сорскаго. Просвѣщенное и живое отношеніе къ вѣрѣ — вотъ основная мысль всей дѣятельности Максима

грека. Мысль эта сильнѣе всего занимала послѣдователей Нила Сорскаго и вызвала нѣкоторыхъ изъ нихъ на общественную дѣятельность, но печальная судьба постигла каждаго изъ этихъ проповѣдниковъ. Эту мысль сталъ проповѣдывать во времена Василія Іоанновича, упомянутый нами князь инокъ Вассіанъ Косой. Онъ нападалъ на богатства монастырей, на вмѣшательство иноковъ въ мірскія дѣла, на невѣжество своихъ современниковъ въ дѣлахъ церковныхъ, особенно по вопросу книжныхъ исправленій; но эта проповѣдь отличалась крайнею раздражительностію, не чужда была еретическихъ мнѣній и направлена была главнымъ образомъ противъ послѣдователей Іосифа Волоколамскаго, которые и довели Вассіана до осужденія и заточенія въ стѣнахъ Волоколамскаго монастыря. Обманчивое время, первые годы самостоятельнаго царствованія Іоанна IV, когда лучшіе люди русской земли окружили царскій престолъ, произвели огромной важности преобразованія внутри и озарили русскую землю необычайною славою завоеваній, — время это вызвало и сильное религіозное движеніе. Стоглавый соборъ, большая часть постановленій котораго была весьма разумна и благотворна, ясно показалъ, что просвѣщенное отношеніе къ вѣрѣ, требованія духа жизни въ дѣлахъ религіозныхъ сказывались тогда во многихъ, но тогда же вновь сказались и еретическія мнѣнія, и тѣ и другія жестоко смѣшались и въ дѣлахъ тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей и въ сознаніи тогдашняго общества. Это смѣшеніе сказалось со всею ясностію въ судьбѣ троицкаго игумена Артемія и свѣтскаго человѣка Башкина. Если отрѣшиться отъ мнѣній людей, судившихъ Артемія въ 155

году, и смотрѣть на одни его показанія, то можно думать, что его душа жаждала истины и добра. Онъ требовалъ живаго отношенія къ обрядамъ, дѣйствительнаго соотвѣтствія жизни предписаніямъ вѣры; но его запутали въ ересь и осудили. Еще неудачнѣе тогда же выступилъ съ тѣми же мыслями свѣтскій человѣкъ Матвѣй Башкинъ. Онъ искалъ разумѣнія вѣры, вдумывался въ Священное писаніе, спрашивалъ наученія у духовника, старался жить по евангельски и пришелъ къ одному практическому рѣшенію весьма важнаго общественнаго значенія, — во имя евангельскаго братства отпустилъ на волю всѣхъ своихъ рабовъ, но и онъ также запутанъ былъ въ ересь и осужденъ. Съ этими лицами—Артеміемъ, Башкинымъ поставлены были въ связь многіе старцы заволжскихъ пустыней — послѣдователи и почитатели Нила Сорскаго и привлечены были къ отвѣтственности. При настоящей разработкѣ памятниковъ, невозможно опредѣлить точно, кто тутъ былъ еретикомъ. Но совершенно очевидно, что тогда благотворнѣйшія мысли оглашаемы были еретическими и лучшіе люди еретиками. Подозрѣніе въ еретичествѣ бросаемо было тогда даже на такихъ лицъ, какъ Θеодоритъ просвѣтитель лопарей и премудрый старецъ Іоасафъ Бѣлобаевъ. Даже Максимъ грекъ встревоженъ былъ опасеніемъ, что и его подозрѣваютъ въ ереси. На подмогу этой фанатической подозрительности въ еретичествѣ явились и еретики. Θеодосій Косой и его послѣдователи распространяли мнѣніе, что на ихъ сторонѣ стоитъ Зиновій Отенскій, извѣстный обличитель этихъ еретиковъ. Такимъ образомъ и отрицатели и казнители сходились вмѣстѣ и за одно дѣлали зло людямъ вѣры, людямъ разума и нрав-

ственности. Изнеможенiе русской мысли и воли, разочарованiя быстро слѣдовали въ тѣ времена за возбужденiемъ. Артемiй уходитъ въ пустынь бѣлозерской страны отъ необузданности иноковъ Троицкаго монастыря, надъ которыми поставленъ былъ игуменомъ, затѣмъ бѣжитъ изъ Москвы, призванный для обличенiя ереси Башкина, когда увидѣлъ, что его подводятъ подъ судъ, на которомъ однако держалъ себя съ великимъ достоинствомъ. Башкинъ, отданный на допросъ иноковъ Волоколамскаго монастыря, теряется, видитъ чудо и будто бы по внушенiю свыше оговариваетъ въ ереси многихъ неповинныхъ людей. Лучшiе люди своего времени—митрополитъ Макарiй и извѣстный Сильвестръ колеблются въ распознанiи ереси, съ тревогой разузнаютъ мысли заподозрѣнныхъ людей тайными путями даже черезъ духовниковъ. Что производило это изнуренiе мысли и воли? Безъ сомнѣнiя, страшная тьма невѣжества и рабства, разстилавшаяся кругомъ лучшихъ людей и захватывавшая ихъ самихъ, а также, вѣроятно, и пробужденiе кровожадныхъ инстинктовъ Iоанна IV.

Обозрѣвая судьбу всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами общественныхъ дѣятелей временъ еретиковъ-отрицателей, мы не можемъ не видѣть, что ихъ судьба не совсѣмъ свѣтла. Этихъ людей слишкомъ мало, они не тверды въ своемъ положенiи и большей частью мало цѣнятся обществомъ, тогда какъ люди крайностей—отрицатели и преслѣдователи многочислены, дѣйствуютъ почти непрерывно и иногда даже за одно.

Намъ думается, что въ этомъ прежде всего нужно искать простѣйшаго объясненiя разнообразныхъ неудачъ нашей цивилизацiи и, между прочимъ, совре-

меннаго намъ невѣрія, и такъ какъ это происходитъ не только отъ недостатка гражданской свободы, но и отъ недостатка просвѣщенія, то мы позволимъ себѣ заявить и другую, тоже весьма простую мысль, что на нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и на нашей академіи лежитъ великая обязанность воспитывать побольше людей этой золотой середины между отрицателями и казнителями, людей свѣта истины и нравственной силы—этихъ истинныхъ тружениковъ цивилизаціи, а на обществѣ русскомъ поддерживать ихъ на ихъ трудномъ поприщѣ.

М. Кояловичъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Митр. Андрей (Шагуна)

Внутреннее каноническое право

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 2. С. 302-328.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ВНУТРЕННЕЕ КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО.

Блажени слышащіе слово Божіе соблюдающіе его. Лук. XI, 28.

О МОНАСТЫРЯХЪ.

§ 235 О монастыряхъ вообще.

Монастыремъ называется священное мѣсто, застроенное церковію и другими зданіями, назначенными для жительства монаховъ, которые,—слѣдуя словамъ Спасителя: *если хочешь быть совершеннымъ, пойди продай имѣніе свое, и роздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ: и приходи и слѣдуй за мною* (¹),—посвятили себя уединенной и созерцательной жизни.

Церковныя правила предписываютъ относительно основанія монастырей, чтобы основатель монастыря заявилъ епархіальному епископу о своемъ намѣреніи устроить монастырь въ предѣлахъ его епархіи и представилъ денежныя средства, необходимыя для сооруженія, украшенія и поддержанія монастыря; но если бы основатель пожелалъ присоединить къ монастырю

(¹) Матѳ. XIX, 20.

больницу, или другое какое либо благотворительное, или учебное заведеніе, то онъ долженъ обезпечить денежными средствами и достиженіе этой цѣли; всѣ свѣдѣнія касательно построенія представляются епископу, который самъ повѣряетъ ихъ, и — если найдетъ удовлетворительными—дѣлаетъ распоряженіе о храненіи ихъ въ епископскомъ архивѣ и вмѣстѣ назначаетъ день, въ который онъ имѣетъ прибыть на мѣсто построенія монастыря, чтобы совершить молитвы, установленныя для закладки монастырскихъ зданій. Эти требованія строго должны быть соблюдаемы, потому что четвертое правило IV вселенскаго собора повелѣваетъ: «чтобы никто не созидалъ монастыря безъ воли епископа» (1).

§ 236. Каждый монастырь подлежитъ вѣденію той епископіи, въ предѣлахъ которой онъ находится.

Что каждый монастырь долженъ подлежать вѣденію той епископіи, въ предѣлахъ которой онъ находится,—это вполнѣ естественно; потому что каждый монастырь есть составная часть епископской епархіи,— истина, въ которой не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но мы намѣрены подтвердить наше положеніе канонами, а именно: 1) 34-мъ апостольскимъ правиломъ, въ которомъ усвояется епископу право дѣлать все въ своей епархіи, что касается до нея и до мѣстъ, принадлежащихъ къ ней; 2) 4-мъ правиломъ IV вселенскаго собора, которымъ предписывается не основывать ни одного монастыря безъ соизволенія епархіальнаго епископа; 3) 18-мъ и 23-мъ правилами IV вселенскаго собора, которыя опредѣляютъ: лишать

(1) См. 1 пр. Двукр. Собор.

монаховъ ихъ званія за возмущеніе противъ епископа; 4) 11-мъ правиломъ VII вселенскаго собора, которое даетъ епископу право назначать въ монастырь эконома, если настоятель не радитъ объ этомъ; 5) 1-мъ правиломъ двукратнаго помѣстнаго константинопольскаго собора, которое повелѣваетъ: не принимать въ монашество никого безъ соизволенія епископа; 6) 4-мъ правиломъ того же помѣстнаго константинопольскаго собора, на основаніи котораго усвояется епископу право перемѣщать монаховъ, по своему усмотрѣнію, изъ одного монастыря въ другой, или допускать ихъ до управленія приходами.

§ 237. Есть ли каноническое основаніе для такъ называемыхъ «ставропигій» и «монастырей посвященныхъ».

Чтобы по возможности разрѣшить: есть ли каноническое основаніе или нѣтъ его для монастырей, называемыхъ «ставропигіями» и «монастырями посвященными», для сего необходимо напередъ дать понятіе объ нихъ. Итакъ мы говоримъ: 1) «ставропигіями» называются тѣ монастыри, которые основатель отдалъ подъ вѣденіе какого нибудь патріарха; вслѣдствіе чего патріархъ даетъ потомъ свое благословеніе на построеніе монастыря и посылаетъ крестъ, который вкладывается въ основаніе строющагося монастыря; въ такомъ монастырѣ патріархъ потомъ дѣйствуетъ епископскою властью, съ совершеннымъ устраненіемъ епископа, въ епархіи котораго находится этотъ монастырь; 2) «монастырями посвященными», существующими въ Румыніи, называются тѣ монастыри, основатели которыхъ завѣщали отсылать часть ежегодныхъ монастырскихъ доходовъ

какому нибудь патріархату, или какому нибудь монастырю на востокѣ съ тою цѣлію, дабы и тамъ совершались молитвы за спасеніе ихъ души. На основаніи этого ежегоднаго вспоможенія патріархъ, а равно и настоятели тѣхъ монастырей на востокѣ, при содѣйствіи гражданской власти, присвоили себѣ власть надъ монастырями, находящимися въ епископскихъ епархіяхъ Румыніи, отстранивъ совершенно власть мѣстныхъ епархіальныхъ епископовъ.

Хотя эти опредѣленія теперь достаточно показываютъ, что монастыри, называемые ставропигіями и посвященными монастырями, не имѣютъ никакого каноническаго основанія, потому что они не согласны съ основными правилами церкви, касающимися до монастырей, изложенными въ предыдущихъ 235 и 236 параграфахъ; однако мы, въ виду особаго значенія этого предмета, чувствуемъ себя обязанными обстоятельнѣе показать незаконность, допущенную въ отношеніи къ этимъ монастырямъ и господствующую вслѣдствіе злоупотребленія.

§ 238. Ставропигіи противны канонамъ.

Мы утверждаемъ, что ставропигіи противны канонамъ; потому что каноны совершенно нигдѣ не упоминаютъ о монастыряхъ этого рода, напротивъ они вообще говорятъ о монастыряхъ только какъ о церковныхъ учрежденіяхъ, которые, какъ церковныя учрежденія, получаютъ устройство во всѣхъ ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ.

Но мы находимъ упоминаніе о ставропигіяхъ въ толкованіи на 31 апостольское правило у Вальсамона и въ пидаліонѣ. Это правило предписываетъ: «Аще

который пресвитеръ, презрѣвъ собственнаго епископа, отдѣльно собранія творити будетъ, и алтарь иный водрузитъ, не обличивъ судомъ епископа ни въ чемъ противномъ благочестію и правдѣ, да будетъ изверженъ, яко любоначальный; ибо есть похититель власти. Такожде да будутъ извержены и прочіе изъ клира къ нему приложившіеся. Міряне же да будутъ отлучены отъ общенія церковнаго. И сіе да будетъ по единомъ, второмъ и третьемъ увѣщаніи отъ епископа». Мы не находимъ въ этомъ правилѣ ничего, кромѣ требованія, по которому каждый пресвитеръ, клирикъ и міарянинъ долженъ подчиняться своему епископу. Однакожъ Вальсамонъ, въ толкованіи на это правило, приводитъ слѣдующее: «Митрополиты и епископы, основываясь на этомъ и другихъ правилахъ, негодуютъ на тѣхъ, которые просятъ, чтобы въ ихъ епархіяхъ были водружаемы патріаршіе кресты, и, по этому случаю, многіе изъ епископовъ весьма часто обращались къ императору и патріарху и просили ихъ прекратить раздачу патріаршихъ крестовъ, и, въ частности, не оказывать никакого вниманія лицамъ, домогающимся сего; но они не были услышаны, и когда настаивали, чтобы съ точностью указали имъ правила, дозволяющія водруженіе таковыхъ крестовъ, то имъ отказывали въ этой просьбѣ; потому что святая церковь-патріархатъ ссылалась на многолѣтній, неписанный обычай церкви соблюдавшійся, подобно правилу, съ незапамятныхъ временъ и соблюдающійся до настоящаго времени».

Толкователи Пидаліона объ этомъ предметѣ утверждаютъ: «Клирики и міряне, учреждающіе ставропигіи въ округахъ различныхъ митрополій и епископій, под-

лежатъ наказанію 31 апостольскаго правила; потому что такъ учитъ Вальсамонъ; но всѣ митрополіи, архіепископіи и епископіи раздѣлены между патріархатами, а митрополиты и архіепископы, по смыслу 6 и 7 правилъ I вселенскаго собора, также по смыслу 2 и 3 правилъ II вселенскаго собора,— по которымъ митрополиты и архіепископы возносятъ на литургіи молитвы за мѣстнаго патріарха,—подчинены власти патріарха; отсюда по этимъ же правиламъ патріархи имѣютъ право посылать кресты въ епархіи митрополитовъ и архіепископовъ, для устройства ставропигіальныхъ монастырей въ которыхъ возносится на литургіи и ихъ имя. Въ такихъ ставропигіяхъ епархіальный епископъ не принимаетъ никакого участія ни въ святыхъ Богослуженіяхъ, ни въ назначеніи настоятелей монастыря, ни въ судѣ по встрѣчающимся преступленіямъ; но епархіальному епископу подчинены только христіане, жившіе въ патріаршихъ ставропигіяхъ еще до учрежденія ихъ, а равно и послѣ учрежденія.

§ 239. Доказательства противности «ставропигій» канонамъ.

Въ предъидущемъ параграфѣ мы привели толкованіе Вальсамона на 31-е апостольское правило, но не нашли въ немъ ничего, кромѣ согласія съ означеннымъ правиломъ, прямо осуждающимъ тѣхъ клириковъ и мірянъ, которые оставляютъ и презираютъ своего епископа безъ его вины, и произвольно устрояютъ алтари; тѣмъ не менѣе, говоритъ Вальсамонъ, нѣкоторые митрополиты и епископы, основываясь на этомъ апостольскомъ правилѣ, обращались къ патріархату съ просьбою о томъ, чтобы ни отъ кого не при-

нимались прошенія объ учрежденіи ставропигій, но они получали отказъ, и когда эти епископы требовали, чтобы были указаны имъ каноны, усвояющіе патріархату право учреждать ставропигіи въ чужихъ епархіяхъ, то имъ отвѣчали указаніемъ на многолѣтній обычай, соблюдающійся съ незапамятныхъ временъ. Для насъ не понятно, какимъ образомъ кто-либо въ вопросѣ о ставропигіяхъ могъ ссылаться на многолѣтній обычай съ незапамятныхъ временъ, когда извѣстно, что между девятымъ столѣтіемъ, когда были послѣдніе соборы церкви, и двѣнадцатымъ вѣкомъ, когда Вальсамонъ писалъ свои толкованія на церковныя правила,—прошло не болѣе, какъ два столѣтія, а этотъ промежутокъ времени не незапамятный, т. е. выходящій за предѣлы памяти людей. И если послѣдній вселенскій никейскій соборъ былъ въ 778 году, а послѣдній помѣстный константинопольскій, въ храмѣ святой Софіи, былъ въ 879 году; между тѣмъ митрополиты и епископы ни на этомъ послѣднемъ, ни на прежнихъ соборахъ церкви не жаловались на патріарховъ за учрежденіе ставропигій, очевидно не имѣя къ тому никакого повода: то мы утверждаемъ: обычай учреждать ставропигіи могъ впервые утвердиться въ десятомъ вѣкѣ, благодаря произволу патріархата и поддержкѣ его со стороны гражданской власти, вопреки существующимъ канонамъ, и онъ не можетъ быть названъ обычаемъ давнимъ, существующимъ съ незапамятныхъ временъ, противъ котораго, какъ самъ Вальсамонъ сознается, вооружались митрополиты и епископы, ссылаясь на каноны и доказывая тѣмъ, что обычай, на который указывалъ патріархъ, есть злоупотребленіе.

Мы присоединяемся къ этимъ достоуважаемымъ архіепископамъ и епископамъ и держимся твердаго убѣжденія, что «ставропигіи» суть злоупотребленіе временъ упадка церковнаго просвѣщенія и питаемъ надежду, что это злоупотребленіе не будетъ болѣе терпимо въ наше время.

§ 240. Продолженіе 1-е.

Мы также привели выше и толкованіе 31-го апостольскаго правила изъ Пидаліона, но и о немъ должны сказать, что оно не противорѣчитъ ни буквѣ, ни духу апостольскаго правила; потому что изъ того, что патріархатъ состоитъ изъ многихъ митрополій и епископій, никакъ не слѣдуетъ, будто бы патріарху принадлежитъ епископская власть или право дѣлать все,—что онъ пожелаетъ,—въ тѣхъ митрополіяхъ и епископскихъ епархіяхъ. Кругъ дѣйствій патріархата въ принадлежащихъ къ нему митрополіяхъ и епископіяхъ ограниченъ церковными правилами, и онъ не можетъ выходить изъ этого круга, какъ мы показали въ параграфахъ 144 и 145. Если патріархъ не имѣетъ никакого права священнодѣйствовать въ церквахъ митрополій и епископій, хотя сами онѣ подчинены его престолу, то тѣмъ менѣе онъ имѣетъ права подчинить своей власти какой нибудь монастырь изъ чужой епархіи.

Достойно замѣчанія и то мѣсто въ вышеприведенномъ толкованіи, гдѣ говорится: «ставропигій можно давать только немного, чтобы не нарушить каноновъ, предписывающихъ монастырямъ и монахамъ быть въ подчиненіи мѣстнымъ епископамъ»; но это ошибочное мнѣніе, когда кто либо думаетъ, будто каноны не на-

рушаются не многими ставропигіями. Толкователи Пидаліона забыли слова Спасителя, когда онъ училъ: *кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ, и научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ царствіи небесномъ; а кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствіи небесномъ* (¹). Они забыли и ученіе апостола Іакова: *кто соблюдетъ весь законъ и согрѣшитъ въ одномъ чемъ нибудь, тотъ становится виновнымъ во всемъ* (²). Каноны особенно нарушаются даже не многими ставропигіями, но кто грѣшитъ и противъ одного правила, тотъ становится виновнымъ противъ всѣхъ.

§ 241 **Продолженіе 2-е.**

Толкователи 31-го апостольскаго правила въ Пидаліонѣ усиливаются поддержать свое мнѣніе ссылкою на 6 и 7 правила I вселенскаго собора, также на 2 и 3 правила II вселенскаго собора. Мы прямо, на основаніи приведенныхъ правилъ, осмѣливаемся доказывать противное; потому что 1) 6 правило I вселенскаго собора предписываетъ «да хранятся древніе обычаи». Но во время I вселенскаго собора не существовало и тѣни древняго обычая, по силѣ котораго принадлежало бы патріарху право учреждать ставропигіальные монастыри; потому что въ то время совсѣмъ не было такихъ монастырей; но упомянутый соборъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго контекста, постановилъ соблюдать древній обычай независимости церквей Египта, Ливіи и Пентаполя отъ римскаго престола, пытавшагося вопреки древнему обычаю рас-

(¹) Мѳ. V 19.
(²) Іаков. II, 10.

прострапить свою власть и на эти церкви; 2) 7-е правило I вселенскаго собора возводитъ епископскій престолъ Іерусалима въ достоинство митрополіи; слѣдовательно и изъ этого правила нельзя извлечь права патріарха на ставропигіи; 3) 2-е правило II вселенскаго собора запрещаетъ епископамъ переступать предѣлы своихъ областей и смѣшивать церкви, и опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ округи патріархатовъ; слѣдовательно и здѣсь не дается патріарху никакого права переступать предѣлы своего патріаршаго округа и смѣшивать церкви митрополіи и епископіи посредствомъ ставропигій; 4) 3-е правило II вселенскаго собора усвояетъ патріарху Константинополя первенство мѣста послѣ патріарха Рима, но и отсюда столь же мало можно выводить право патріарха на ставропигіи.

На основаніи этихъ каноническихъ истинъ мы говоримъ, что—какъ патріархъ обязанъ сохранять неприкосновенными внѣшніе предѣлы своего патріархата отъ посягательствъ другихъ патріархатовъ,—такъ онъ также обязанъ охранять и уважать предѣлы отдѣльныхъ архіепископскихъ и епископскихъ епархій внутри своего патріархата, и не нарушать канонической власти ни архіепископій, ни епископій; потому что въ нашей церкви патріархи, подобно митрополитамъ и епископамъ, стоятъ не «надъ», а «подъ» правилами церкви.

§ 242. Предварительныя свѣдѣнія о началѣ монастырей въ Румыніи.

Мы прежде разсмотримъ этотъ предметъ съ исторической стороны, чтобы потомъ надлежащимъ образомъ обсудить его съ точки зрѣнія канонической.

Поводомъ къ этому разсмотрѣнію служитъ для насъ различіе мнѣній относительно дѣйствительности епископской власти надъ тѣми монастырями Румыніи, которые во всей Европѣ извѣстны подъ именемъ «монастырей посвященныхъ»; далѣе поводъ къ этому разсужденію подаетъ намъ также недавно послѣдовавшая секуляризація этихъ посвященныхъ монастырей со стороны румунскаго правительства. На этомъ основаніи мы хотимъ свѣриться съ церковными правилами: 1) какому епископу принадлежитъ власть надъ этими монастырями? 2) Можетъ-ли секуляризація ихъ считаться справедливою?

Общую историческую часть о румунскихъ монастыряхъ мы начинаемъ тѣмъ мѣстомъ изъ сочиненія румунскаго писателя—Цезаря Болліака ([1]), въ которомъ читаемъ: «пріятно размышлять, какъ набожность нашихъ предковъ умѣла выбирать мѣста, въ которыхъ они хотѣли прославлять Творца; пріятно слушать, какъ вдругъ горныя долины оглашаются звуками колоколовъ, призывающими путниковъ къ пристанищу, а блуждающихъ къ домашнему очагу; пріятно смотрѣть, какъ куполы церквей смѣшиваются съ верхушками сосенъ; пріятно находить Божіи храмы въ извилистыхъ горныхъ ущельяхъ съ общественными гостинницами, гдѣ послѣ отдыха отворяется для васъ храмъ, великолѣпный по архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и пѣнію; наконецъ, пріятно въ такой отдаленности отъ міра разсматривать союзъ искусства съ природою, творенія Божія съ произведеніями человѣческими».

Начало построенія монастырей восходитъ къ пер-

([1]) Cesare Bolliacu, Monastrille din Romania Bucuresci. 1862. pag. 4—5.

вымъ временамъ христіанской церкви. Въ этомъ отношеніи мы, кромѣ приведеннаго нами въ нашей исторіи объ утвержденіи [1] христіанства въ румунскомъ народѣ, держимся того же самаго мнѣнія съ нашимъ румунскимъ историкомъ, который утверждаетъ: «Идеи христіанства распространились въ Дакіи еще съ перваго его вѣка; въ этомъ увѣряютъ насъ: Августинъ, Златоустъ, Тертулліанъ и другіе, да и существо предмета требуетъ, чтобы это было такъ. Гдѣ во всей Римской имперіи, и особенно въ Европѣ, гонимые христіане могли найдти мѣсто убѣжища, какъ не въ обширной и гостепріимной землѣ могущественнѣйшаго изъ образованныхъ враговъ Рима, у единственнаго народа Европы, жившаго въ обществѣ, который отличался терпимостію къ духовной вѣрѣ? Эта земля есть классическая страна христіанства, которая защищала Христа, повитаго пеленами, противъ преслѣдованій римлянъ, съ тою же самою пламенною ревностію и энергіею, съ какою она защищалась противъ турокъ и татаръ».

Изъ этого свидѣтельства мѣстной науки мы усматриваемъ древность происхожденія монастырей въ Румуніи; но относительно ихъ первоначальнаго положенія мы прибавимъ только къ этому, что они вначалѣ были малы и скромны, потому что въ природѣ каждаго учрежденія лежитъ то, что оно по началу бываетъ малое, но непрерывно возрастаетъ, чѣмъ далѣе распространяется убѣжденіе въ его пользѣ и его благотворныхъ дѣйствіяхъ для общества [2].

(1) Kirchengeschichte von Andreas, Bischof in Sabenbourgen. 1860. Th. 11. cap. 11. Abschnitt.

(2) Въ § 243 авторъ говоритъ о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя дѣлали князья и бояре въ пользу монастырей; въ § 244 указываетъ самые источники, изъ которыхъ заимствовались эти пожертвованія. *Перев.*

Поводомъ къ этому разсмотрѣнію служитъ для насъ различіе мнѣній относительно дѣйствительности епископской власти надъ тѣми монастырями Румуніи, которые во всей Европѣ извѣстны подъ именемъ «монастырей посвященныхъ»; далѣе поводъ къ этому разсужденію подаетъ намъ также недавно послѣдовавшая секуляризація этихъ посвященныхъ монастырей со стороны румунскаго правительства. На этомъ основаніи мы хотимъ свѣриться съ церковными правилами: 1) какому епископу принадлежитъ власть надъ этими монастырями? 2) Можетъ-ли секуляризація ихъ считаться справедливою?

Общую историческую часть о румунскихъ монастыряхъ мы начинаемъ тѣмъ мѣстомъ изъ сочиненія румунскаго писателя—Цезаря Болліака ([1]), въ которомъ читаемъ: «пріятно размышлять, какъ набожность нашихъ предковъ умѣла выбирать мѣста, въ которыхъ они хотѣли прославлять Творца; пріятно слушать, какъ вдругъ горныя долины оглашаются звуками колоколовъ, призывающими путниковъ къ пристанищу, а блуждающихъ къ домашнему очагу; пріятно смотрѣть, какъ куполы церквей смѣшиваются съ верхушками соcенъ; пріятно находить Божіи храмы въ извилистыхъ горныхъ ущельяхъ съ общественными гостинницами, гдѣ послѣ отдыха отворяется для васъ храмъ, великолѣпный по архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и пѣнію; наконецъ, пріятно въ такой отдаленности отъ міра разсматривать союзъ искусства съ природою, творенія Божія съ произведеніями человѣческими».

Начало построенія монастырей восходитъ къ пер-

([1]) Cesare Bolliacu, Monastrille din Romania Bucuresci. 1862. pag. 4—5.

вымъ временамъ христіанской церкви. Въ этомъ отношеніи мы, кромѣ приведеннаго нами въ нашей исторіи объ утвержденіи (¹) христіанства въ румунскомъ народѣ, держимся того же самаго мнѣнія съ нашимъ румунскимъ историкомъ, который утверждаетъ: «Идеи христіанства распространились въ Дакіи еще съ перваго его вѣка; въ этомъ увѣряютъ насъ: Августинъ, Златоустъ, Тертулліанъ и другіе, да и существо предмета требуетъ, чтобы это было такъ. Гдѣ во всей Римской имперіи, и особенно въ Европѣ, гонимые христіане могли найдти мѣсто убѣжища, какъ не въ обширной и гостепріимной землѣ могущественнѣйшаго изъ образованныхъ враговъ Рима, у единственнаго народа Европы, жившаго въ обществѣ, который отличался терпимостію къ духовной вѣрѣ? Эта земля есть классическая страна христіанства, которая защищала Христа, повитаго пеленами, противъ преслѣдованій римлянъ, съ тою же самою пламенною ревностію и энергіею, съ какою она защищалась противъ турокъ и татаръ».

Изъ этого свидѣтельства мѣстной науки мы усматриваемъ древность происхожденія монастырей въ Румуніи; но относительно ихъ первоначальнаго положенія мы прибавимъ только къ этому, что они вначалѣ были малы и скромны, потому что въ природѣ каждаго учрежденія лежитъ то, что оно по началу бываетъ малое, но непрерывно возрастаетъ, чѣмъ далѣе распространяется убѣжденіе въ его пользѣ и его благотворныхъ дѣйствіяхъ для общества (²).

(¹) Kirchengeschichte von Andreas, Bischof in Sabenbourgen. 1860. Th. 11. cap. 11. Abschnitt

(²) Въ § 243 авторъ говорить о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя дѣлали князья и бояре въ пользу монастырей; въ § 244 указываетъ самые источники, изъ которыхъ заимствовались эти пожертвованія. *Перев.*

§ 245. На сколько классовъ въ настоящее время дѣлятся Румунскіе монастыри

Хотя церковныя постановленія нашей вселенской церкви не знаютъ никакого различія относительно рода монастырей или ихъ названій, однако же всей церкви извѣстно, что въ Румуніи монастырямъ даны различныя наименованія и что они раздѣляются у насъ на три класса, а именно: одни называются «посвященными монастырями», другіе «непосвященными» или «мѣстными», третьи наконецъ «бранкованскими» (Brancowanische).

Посвященными называются въ Румуніи тѣ монастыри, основатели которыхъ,—за исключеніемъ издержекъ, сдѣланныхъ на покрытіе монастырскихъ нуждъ,—весь прочій остатокъ ежегодныхъ доходовъ назначили въ пользу патріархата, или монастыря на востокѣ, какъ напримѣръ: святаго гроба, константинопольскаго патріархата, аѳонской горы, монастыря на горѣ Синай и др. «Непосвященными» или «мѣстными» называются тѣ монастыри,—основатели которыхъ назначали всѣ ежегодные монастырскіе доходы на религіозныя или благотворительныя цѣли въ предѣлахъ отечества. «Бранкованскими» называются монастыри, основанные членами этой знаменитой древне-румунской фамиліи (1).

(1) Въ § 246 говорится о томъ, когда явилось названіе посвященныхъ монастырей; въ § 247 раскрывается, что греческіе монахи, владѣя монастырями Румуніи, никогда не осмѣливались выдавать себя за собственниковъ имѣній этихъ посвященныхъ монастырей; въ § 248 доказывается сохранялись ли и какъ долго сохранялись граматы князя Михаила Бенарескаго и Парѳенія патріарха Константинопольскаго, касающіяся посвященныхъ монастырей; въ § 249 указываются тѣ послѣдствія, которыя повлекло за собою наименованіе посвященныхъ монастырей; въ § 250 рѣшается, наименованіе посвященныхъ монастырей и происшедшія отсюда послѣдствія были ли согласны съ канонами. Мы

§. 251. Монастыри не могутъ быть обращаемы въ мірскія жилища.

Въ существѣ благотворительности лежитъ основаніе того, что однажды добровольно пожалованное монастырю, какъ признанному государствомъ церковному учрежденію, должно оставаться навсегда собственностію монастыря и быть употребляемо по правиламъ монастыря, согласнымъ съ церковными правилами, и сообразно съ намѣреніемъ жертвователя; во всякомъ случаѣ на пожертвованія монастырю слѣдуетъ смотрѣть не иначе какъ на дѣло нравственное, законность котораго признается не только церковью, а и государствомъ. Поэтому коль скоро церковь признаетъ законность сдѣланнаго пожертвованія въ пользу монастыря; то и государство въ свою очередь обязано признать и уважить законность и ненарушимость этого пожертвованія, подобно собственности всякой другой корпораціи въ государствѣ существующей подъ защитою гражданскихъ законовъ.

Государство отнюдь не имѣетъ права обращать монастыри въ мірскія жилища и отбирать ихъ доходы даже въ томъ случаѣ, когда оно закономъ запрещаетъ существованіе монастырей въ своихъ предѣлахъ; потому что по общимъ, кореннымъ законамъ наслѣдственнаго права, имущество монастыря, какъ собственность не частныхъ лицъ, т. е. монаховъ, а «Господа», должно въ такомъ случаѣ переходить въ собственность мѣстнаго религіознаго общества, т. е. во владѣніе мѣстной епархіи, къ которой принадлежитъ монастырь,

---

не переводимъ всѣхъ этихъ параграфовъ потому, что содержаніе ихъ имѣетъ исключительно мѣстный, притомъ историческій, а не каноническій интересъ. *Перев.*

дабы это имущество навсегда оставалось «собственностію Господа».

Святые отцы, въ своемъ попеченіи «о собственности Господа», уже въ пятомъ вѣкѣ постановили правило противъ покушенія на секуляризацію монастырей и отобранія монастырскихъ имуществъ. Это сдѣлано въ то время, когда монастыри находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и были предметомъ всеобщаго уваженія, когда сами императоры и высшіе сановники римскаго государства дѣлали пожертвованія монастырямъ, когда такимъ образомъ не было никакой мысли о секуляризаціи монастырей и отобраніи монастырскихъ имѣній. Но святые отцы, зная непостоянство мірскихъ дѣлъ и, быть можетъ, руководимые пророческимъ духомъ, предвидѣли, что настанутъ и такія времена, когда государство будетъ секуляризировать монастыри и захочетъ конфисковать ихъ имѣнія, хотя въ подобномъ насиліи нѣтъ ничего назидательнаго; даже отъ него не произойдетъ и никакой матеріальной выгоды, потому что на святотатствѣ не можетъ почивать никакое благословеніе.

Правила св. отцевъ, относящіяся къ этому предмету, суть слѣдующія:

1) 24 правило IV вселенскаго собора, которое опредѣляетъ: — «единожды освященнымъ по изволенію епископа монастырямъ пребывати монастырями навсегда: принадлежащія имъ вещи сохраняти, и впредь не быти онымъ мірскими жилищами. Попускающіе же сему быти да подлежатъ наказаніямъ по правиламъ».

2) Святые отцы, сознавая большую пользу для христіанъ, — происходящую отъ монастырей, — въ отношеніи къ благочестію, нравственности, наукѣ и

искуеству,—предметамъ изъ плодовъ которыхъ извлекаетъ пользу и государство, подтвердили 24 правило того же IV собора, 49-мъ VI вселенскаго и опредѣлили, «чтобы монастыри не могли быть мірскими обиталищами и никѣмъ не могли быть преданы мірскимъ человѣкамъ».

3) Когда, во время иконоборческихъ смутъ, многіе епископы были изгнаны изъ своихъ епископскихъ каѳедръ, а многіе монахи изъ своихъ монастырей, и иконоборцы превратили домы епископовъ и монастыри въ мірскія жилища, даже въ гостинницы: то церковь, какъ скоро освободилась отъ такого тяжкаго положенія, потребовала возвращенія епископскихъ домовъ и монастырей, угрожая клирикамъ лишеніемъ должности, а мірянамъ анаѳемою, какъ доказываетъ это 13 правило VII вселенскаго собора, если они, получивъ ихъ во владѣніе, не возвращали епископамъ и монахамъ.

4) Наконецъ монастыри не могутъ быть обращаемы въ мірскія жилища и по причинѣ безчинствъ со стороны монаховъ; потому что въ такомъ случаѣ, вопреки требованіямъ справедливости, наказывались бы не одни монахи виновные въ безчинствахъ, а и монастырь, не безчинствующій и не подающій повода монахамъ къ безчинствамъ, потому что уставы его святы.

§ 252. Монахъ не можетъ брать назадъ своего вклада.

Бываютъ иногда случаи, что поступающій въ монастырь съ цѣлію постриженія въ монашество жертвуетъ монастырю даже ту часть своего имущества, которая, по закону, должна принадлежать его дѣтямъ, и что дѣти поэтому требуютъ у монастырясвоей части. На

этотъ разъ 19 правило VII вселенскаго собора опредѣляетъ: «о вещахъ, приносимыхъ изъ собственности, съ объявленіемъ отъ приносящаго, яко посвящается Богу, мы опредѣлили, да пребудутъ по обѣщанію ихъ, пребудетъ ли принесшій въ монастырѣ, или изыдетъ, аще не будетъ сему вины въ настоятелѣ».

§ 253. Монастырское имущество не можетъ быть ни продаваемо, ни отчуждаемо.

Для доказательства этой мысли мы имѣемъ, какъ общія, такъ и частныя каноническія правила. Изъ общихъ мы укажемъ 1) на 38 апостольское правило, въ которомъ опредѣляется:—«епископъ да имѣетъ попеченіе о вещахъ церковныхъ и оными да распоряжаетъ, яко Богу назирающу. Но не позволительно ему присвоивать что-либо изъ оныхъ, или сродникомъ своимъ дарить принадлежащее Богу»; 2) на 40 Апостольске и 24 Антіохійскаго собора, которыя предписываютъ, чтобы частное имущество епископа было отдѣлено отъ имущества епископіи и другихъ церквей и монастырей, съ тою цѣлію, чтобы онъ при своей смерти могъ оставить свое частное имущество кому захочетъ. Что касается частныхъ каноническихъ правилъ, относящихся къ нашему предмету, то мы приведемъ здѣсь толкованіе на 12-е правило VII вселенскаго собора, изъ Пидаліона, гдѣ говорится слѣдующее: «Ни епископъ, ни настоятель монастыря не могутъ продавать ничего изъ недвижимыхъ монастырскихъ имуществъ, но если они поступятъ вопреки этому, то сіе должно оставаться недѣйствительнымъ. Необходимо напередъ удостовѣриться, что то или другое недвижимое имущество не приноситъ монастырю никакой

пользы; въ такомъ случаѣ оно можетъ быть продано клирику или земледѣльцу, но не знатному лицу, дабы продажа съ одной стороны не возбуждала никакихъ подозрѣній, съ другой—былъ бы возможенъ выкупъ проданнаго имущества, когда монастырь послѣ пожелаетъ снова пріобрѣсти его себѣ; а это удобнѣе можно сдѣлать съ клирикомъ, или земледѣльцемъ, чѣмъ съ лицомъ знатнымъ. И святые отцы, заботясь о точномъ соблюденіи ихъ правилъ, въ томъ же 12-мъ правилѣ VII вселенскаго собора опредѣлили: «Аще же употребятъ лукавый оборотъ, и властелинъ перекупитъ землю у клирика или земледѣльца; то и въ семъ случаѣ продажа да будетъ недѣйствительна и проданное да будетъ возвращено епископія или монастырю, а епископъ или игуменъ тако поступающій, да будетъ изгнанъ: епископъ изъ епископіи, игуменъ же изъ монастыря, яко злѣ расточающіе то, чего не собирали». Чтобы предупредить всякое злоупотребленіе, которое можетъ быть допущено со стороны епископа или настоятеля монастыря при продажѣ недвижимаго монастырскаго имущества,—коль скоро оно не приноситъ пользы монастырю,—для этого само собою требуется: 1) чтобы игуменъ и экономъ монастыря представляли дѣло монастырскому собору на разсмотрѣніе и обсужденіе; 2) чтобы игуменъ представлялъ епископу письменный протоколъ разсужденій монастырскаго собора на окончательное утвержденіе; 3) чтобы епископъ предлагалъ такое дѣло на обсужденіе епархіальной консисторіи и также прислушивался къ общественному мнѣнію, потому что, въ противномъ случаѣ, ни епископъ, ни игуменъ не могутъ избѣжать тяжелыхъ нарѣканій.

§ 254. Въ монастырѣ долженъ быть экономъ.

Изъ многихъ правилъ, которыя предписываютъ, чтобы управленіе церковнымъ имуществомъ совершалось не безъ свидѣтелей, мы, для доказательства нашей мысли, укажемъ на 11 правило VII вселенскаго собора, въ которомъ говорится: «такъ какъ въ каждой церкви долженъ быть экономъ, то слѣдовательно долженъ быть экономъ и въ монастырѣ, и если настоятель не сдѣлаетъ сего, то епископъ обязанъ поставить въ монастырь эконома». Число экономовъ монастыря должно быть опредѣляемо количествомъ и обширностію монастырскаго хозяйства; поэтому въ монастыряхъ съ болѣе обширнымъ хозяйствомъ для каждой отрасли хозяйства назначается особливый экономъ, наприм. одинъ экономъ для приходовъ и расходовъ и вообще для внутренняго хозяйства монастыря; другой для наблюденія за полями и лугами; третій для наблюденія за лѣсами; четвертый—за монастырскимъ скотомъ и т. д.; потому что гдѣ не послѣдовало такого раздѣленія въ хозяйствѣ, а существуетъ только одинъ экономъ, тамъ при самомъ лучшемъ усердіи онъ не исполнитъ своихъ обязанностей,—ни какъ экономъ, потому что одинъ человѣкъ не въ состояніи достаточно наблюдать за всѣми частями обширнаго и сложнаго хозяйства, — ни какъ іеромонахъ, потому что матеріальное хозяйство монастыря отвлекаетъ его отъ исполненія его церковныхъ обязанностей, отъ которыхъ не могутъ освободить его ни епископъ, ни тѣмъ менѣе настоятель; въ тоже время большое хозяйство отнимаетъ у него время, которое онъ, какъ монахъ, долженъ употреблять на благочестивыя размышленія, также на свое умствен-

ное образованіе, на чтеніе и изученіе библіи, твореній святыхъ отцевъ и другихъ богословскихъ, историческихъ и религіозно-нравственныхъ сочиненій. Такимъ образомъ, чтобы іеромонахъ, занятый экономіею монастырскою могъ жить согласно своему главному пресвитерскому званію и, ради веденія монастырской экономіи, не унизился до состоянія мірскаго эконома и не имѣлъ повода уклоняться отъ добрыхъ уставовъ монашества—чего св. отцы отнюдь не имѣли въ виду, когда узаконяли, чтобы монастырь имѣлъ своего эконома—для сего необходимо въ монастыряхъ съ обширнымъ хозяйствомъ назначать многихъ экономовъ. И поелику іероманахи, какъ люди граматные, обязаны по порядку исполнять въ монастырѣ всякія послушанія—какъ тяжелыя такъ и почетныя—то не слѣдуетъ избирать эконома на всю жизнь, но онъ долженъ быть избираемъ изъ званія іеромонаховъ на два или много на три года; такъ какъ распредѣленіе другихъ монастырскихъ послушаній между монахами также измѣняется ежегодно, и только игуменъ или архимандритъ поставляются на всю жизнь.

§ 255 О контролѣ надъ монастырскимъ имуществомъ.

Поелику монастырское имущество составляетъ общецерковное имущество и собственность религіознаго общества, назначенную для религіозныхъ и благотворительныхъ цѣлей; то отсюда слѣдуетъ, что оно подлежитъ контролю, стоящему во внутренней связи съ общимъ церковнымъ организмомъ.

Непосредственный контроль и надзоръ надъ монастырскимъ имуществомъ принадлежитъ настоятелю вмѣстѣ съ монастырскимъ соборомъ, дабы оно сохра-

нялось въ цѣлости, а о доходахъ и расходахъ велась точная запись: настоятель и монастырскій соборъ отвѣчаютъ за цѣлость монастырскаго имущества, потому что 12 правило VII вселенскаго собора наказываетъ исключеніемъ изъ монастыря за растрату монастырскаго имущества.

Посредственный контроль и надзоръ надъ монастырскимъ имуществомъ принадлежитъ епархіальному епископу. Этотъ епископскій контроль и надзоръ клонится къ тому: 1) чтобы настоятель и монастырскій соборъ добросовѣстно исполняли постановленія епархіальнаго собора, относящіяся до монастырскаго имущества; 2) чтобы также добросовѣстно были исполняемы игуменомъ и монастырскимъ соборомъ епископскія распоряженія, имѣющія отношенія къ монастырскому имуществу; 3) чтобы представлялся епископу для повѣрки и высшей ревизіи годовой отчетъ, вмѣстѣ съ описью движимой и недвижимой собственности монастыря.

Это право епископа контролировать и наблюдать надъ монастырскимъ имуществомъ возлагаетъ на него строгую отвѣтственность; потому что тоже вышеприведенное правило VII вселенскаго собора изгоняетъ съ епископской каѳедры того епископа, который или самъ расхититъ церковное имущество, или оно будетъ растрачено по его винѣ.

Протоіерейства.

§ 256. О протоіерействахъ.

Протоіерействами называются тѣ общественныя части въ церковномъ организмѣ, которыя, образуя округи въ епархіи, обнимаютъ собою нѣсколько приходовъ.

Нынѣшнія протоіерейства учреждены вмѣсто хорепископствъ, бывшихъ въ древнія времена составными частями епископскихъ епархій; слѣдовательно учрежденіе протоіерействъ ведетъ свое начало отъ древности; и они были учреждены съ тою цѣлію, чтобы дѣла церкви тѣснѣе обобщались между собою подъ каноническимъ управленіемъ и надзоромъ, и чтобы духовенство и народъ имѣли вблизи себя представителей церковной власти, къ которымъ бы они могли обратиться въ случаяхъ необходимости по разнымъ церковнымъ предметамъ и которыя бы наблюдали за ихъ поведеніемъ.

Протоіерейства могутъ быть учреждаемы и преобразуемы только вслѣдствіе опредѣленій епархіальнаго сѵнода, смотря по мѣстнымъ отношеніямъ отдѣльныхъ приходскихъ общинъ ([1]). Протоіерейства ограничиваются только тѣмъ кругомъ дѣйствій, какой указанъ имъ сѵнодомъ и епархіальнымъ епископомъ; поэтому они не независимо, но только вслѣдствіе даннаго имъ сѵнодомъ и епархіальнымъ епископомъ дозволенія и полномочія, могутъ исправлять свои обязанности.

Епархіи.

257. О епархіяхъ.

Епархіями называются тѣ общественныя составныя части въ церковномъ организмѣ, которыя, составляясь изъ многихъ протоіерействъ, образуютъ составныя части митрополіи.

Епархіи не могутъ предпринимать ничего въ важныхъ церковныхъ дѣлахъ безъ собора своей митро-

---

([1]) См. § 132—134.

поліи; но распоряжаются и управляютъ церковными дѣлами въ своихъ протоіерействахъ, и посредствомъ нихъ въ подчиненныхъ имъ приходскихъ общинахъ и монастыряхъ, согласно съ церковными правилами ([1]). Епархіи должны оставаться неизмѣнны относительно своихъ предѣловъ, какъ они были опредѣлены въ древности; поэтому приходы не могутъ быть безпокоимы, ни отдѣляемы отъ той епархіи, къ которой они всегда принадлежали. Но если въ теченіе 30-ти лѣтняго срока какая нибудь епархія предъявитъ споръ о возвращеніи одного или нѣсколькихъ приходовъ отъ епархіи сосѣдней и будетъ настаивать на томъ, будто бы это сдѣлано въ отношеніи къ ней несправедливо, то это несогласіе должно быть обсуждено и рѣшено на соборѣ епископовъ митрополіи ([2]).

Новыя епархіи могутъ быть открываемы только вслѣдствіе опредѣленія митрополичьяго собора, составленнаго изъ представителей клира и вѣрнаго народа всѣхъ епархій, принадлежащихъ къ митрополіи.

Поводами къ учрежденію какой нибудь новой епархіи могутъ служить: 1) большая отдаленность многихъ приходовъ отъ епископской каѳедры, 2) чрезмѣрное умноженіе вѣрнаго народа. Такъ ревностный епископъ Августинъ иппонійскій, когда замѣтилъ, что его епископскій округъ очень обширенъ и многіе приходы слишкомъ отдалены отъ епископской каѳедры, согласился съ областнымъ соборомъ учредить изъ епархіи иппонійской еще другую, что и случилось, когда была учреждена эта новая епархія въ Фоссулѣ. Точно также и митрополитъ нумидійскій,

---

([1]) Ап. 34.
([2]) IV всел. 17, Bingam. tom. 11. 77

когда увидѣлъ, что, съ обращеніемъ очень большаго числа Донатистовъ, значительно увеличилось количество членовъ его епархіи, просилъ, чтобы изъ его епархіи была образована еще новая, что и было исполнено, когда извѣстный Антоній былъ поставленъ во епископа областнымъ соборомъ ([1]).

Митрополія.

§ 258. О митрополіяхъ.

Митрополіями называются тѣ общественныя составныя части церковнаго организма, которыя состоятъ изъ многихъ епархій, принадлежащихъ одной и той же народности міряиъ, клириковъ и епископовъ, согласно 34 апостольскому правилу, которое говоритъ: епископамъ каждаго народа подобаетъ знать перваго изъ нихъ, т. е. своего митрополита.

Предѣлы митрополій должны быть сохраняемы согласно древнему обычаю ([2]), и одна митрополія не можетъ присвоять себѣ другой митрополіи сосѣдней, издавна существовавшей. Соединеніе, или смѣшеніе одной митрополіи съ другою, чтобы изъ двухъ составилась одна митрополія, не позволяются даже въ томъ случаѣ, когда обѣ митрополіи находятся въ одномъ и томъ же городѣ ([3]). Но если какая либо митрополія, подвергшись гоненію, лишится своихъ епископовъ и пресвитеровъ, то ближайшая митрополія обязана оказывать такой митрополіи всевозможное попеченіе и заботливость и содѣйствовать тому, чтобы, по прекращеніи гоненія, она снова была приведена въ свое

(1) IV. VI. Bingam. tom. I. стр. 177.
(2) I всел. 6. II всел. 2. IV всел. 17. 25.
(3) III всел. 8

прежнее состояніе [1]. Еще правило опредѣляетъ [2]: митрополія не можетъ быть, по просьбѣ того или другаго епископа, раздѣлена на двѣ части гражданскою властію; но епископъ, покусившійся на это, долженъ быть низверженъ съ своей степени.

Митрополіи равноправны между собою и независимы одна отъ другой даже въ томъ случаѣ, хотя бы двѣ или много митрополій находились въ одномъ и томъ же государствѣ.

Поводами къ учрежденію митрополіи могутъ служить три слѣдующіе случая. Первый предусмотрѣнъ 34-мъ апостольскимъ правиломъ, которое предписываетъ «Епископамъ каждаго народа имѣть подобаетъ своего митрополита»; отсюда слѣдуетъ, что по кореннымъ правиламъ нашей православной церкви, во всѣхъ богослуженіяхъ, церквахъ и частяхъ управленія долженъ быть употребляемъ языкъ вѣрнаго народа,—что пресвитеры и епископы вмѣстѣ съ митрополитомъ должны принадлежать къ той же самой народности, къ которой принадлежатъ вѣрующіе [3].

Второй случай предусмотрѣнъ 17 правиломъ IV вселенскаго собора и 38 правиломъ VI вселенскаго собора, которыя опредѣляютъ: «аще царскою властію вновь устроенъ, или впредь устроенъ будетъ градъ; то распредѣленіе церковныхъ приходовъ да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку». Согласно съ этими правилами Василій Великій, когда увидѣлъ, что его каппадокійская митрополія, въ гражданскомъ управленіи, раздѣлена на двѣ провинціи,

(1) I всел. 6.
(2) IV всел. 12.
(3) § 35.

допустилъ учредить новую митрополію изъ той части каппадокійской митрополіи, которая была причислена къ другой гражданской провинціи Коппадокіи; и поелику главнымъ городомъ этой другой Каппадокійской провинціи была Тіана, гдѣ раньше также была епископская каѳедра, занимаемая епископомъ Анѳимомъ, то и учрежденная по этой причинѣ митрополичья каѳедра перенесена въ Тіану, и мѣстный епископъ Анѳимъ сдѣлался первымъ митрополитомъ Тіаны. На томъ же основаніи обѣ эти митрополіи потомъ были распредѣлены согласно предѣламъ гражданскаго управленія, и были учреждены нѣкоторыя новыя епархіи, когда областной соборъ нашелъ это полезнымъ. Григорій Назіанзинъ, воздавая Василію Великому высокую похвалу за это дѣло, говоритъ, что только Василій могъ совершить столь великодушное достойное удивленія дѣло ([1]). Учрежденіе новой митрополіи, по случаю чрезмѣрнаго распространенія, дозволяется на основаніи 24 правила Карѳагенскаго собора, которымъ нумидійская митрополія, по причинѣ ея большаго пространства, раздѣлена на двѣ части, на митрополію нумидійскую и митрополію мавританскую.

Патріархаты.

§ 259. О патріархатахъ.

Патріархатами называются тѣ общественныя части организма церкви, которыя состоятъ изъ многихъ митрополій. Патріархаты суть самыя обширныя общественныя части церкви; потому что вся вселенская церковь, по раздѣленіи церквей на восточную и за-

([1]) Bingam. tom. s. pag. 170.

падную, считаетъ на востокѣ только четыре патріархата, въ которые включаются всѣ прочія общественныя части церкви, какъ малыя, такъ и большія.

Патріархаты, подобно другимъ общественнымъ частямъ церковнаго организма, независимы другъ отъ друга, слѣдовательно самостоятельны и равноправны. Существующее между ними различіе опредѣляется порядкомъ каѳедръ т. е. ихъ мѣстомъ чести на соборѣ. Церковными правилами предоставлено первое мѣсто Константинопольскому патріарху, второе – Александрійскому, третье — Антіохійскому. четвертое наконецъ – Іерусалимскому. Пока Римскій патріархатъ находился въ единеніи съ другими, до тѣхъ поръ первое мѣсто принадлежало Римскому патріарху, а потомъ слѣдовали другіе въ указанномъ порядкѣ ([1]).

([1]) I всел. 6, 7, II всел. 8. IV всел. 28. IV всел. 36. §§ 138, 139 и 143.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. И. Базаров

Причащение святых таин

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 2. С. 329-342.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ПРИЧАЩЕНІЕ СВ. ТАИНЪ.

Всякое важное событіе въ жизни человѣка сопровождается болѣе или менѣе рѣшительными послѣдствіями, отдается болѣе или менѣе осязательными перемѣнами въ его внутреннемъ настроеніи. Причащеніе св. таинъ, повидимому, не принадлежитъ къ числу такихъ событій, которыя составляли бы эпоху въ жизни христіанина, уже потому одному, что это святое дѣло повторяется ежегодно и входитъ, такъ сказать, въ порядокъ церковной жизни каждаго. Но и въ историческомъ быту важность событій опредѣляется не столько рѣдкостію ихъ явленій, сколько силою того вліянія, которое они производятъ или должны производить на всю совокупность дѣйствій и настроенія дѣятелей. Причащеніе св. таинъ, разсматриваемое какъ фактъ церковной жизни христіанина, имѣетъ рѣшительную важность въ ряду прочихъ его дѣйствій, какъ члена великой семьи Божіей на землѣ. Что же касается до нравственнаго значенія этого религіознаго акта, то важность, сила и неизмѣримое вліяніе причащенія на всю жизнь человѣка, какъ во времени, такъ и въ вѣчности, даютъ этому священ-

ному дѣйствію характеръ эпохи, хотя и часто повторяемой, но тѣмъ не менѣе рѣшительной и обильной послѣдствіями для жизни христіанина. Посмотримъ ближе на это дѣло въ обоихъ отношеніяхъ, какъ церковномъ, такъ и нравственномъ, и мы убѣдимся, что значеніе причащенія св. таинъ для христіанина далеко не ограничивается предѣлами самаго акта, но простирается на всю жизнь - прошедшую, настоящую и будущую, и имѣетъ концомъ своимъ вѣчность со всѣми принадлежностями дѣйствительнаго бытія въ этой новой, ожидающей насъ впереди, сферѣ.

Что такое—причащеніе св. таинъ въ церковномъ отношеніи? Церковь — это общество людей, связанныхъ между собою узами одной вѣры, одинаковой надежды и единной любви. Когда Іисусъ Христосъ предъ страданіями своими говорилъ, что чрезъ вознесеніе тѣла Его на крестъ всѣ будутъ призваны къ Нему, Онъ этимъ въ первый разъ далъ намекъ на то, что вокругъ креста Его должны собраться всѣ разрозненныя чада Божіи, чтобы составить изъ себя новую семью, то царство, котораго еще не было доселѣ на землѣ, но которое назначалось для людей прежде сложенія міра. Общій міръ и взаимная любовь междусобою—вотъ главный характеръ этого новаго царства, этой новой семейной жизни человѣчества! Рознь мнѣній, разногласица стремленій и раздѣлъ сердецъ въ эгоистическихъ притязаніяхъ были порожденіями грѣха и источниками всѣхъ золъ и бѣдствій на землѣ. Пора было прекратиться этому вопіющему безпорядку среди людей, и вотъ въ одну блаженную ночь ангелы воспѣли хвалебную пѣснь Богу: «Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ»! Но миръ этотъ возстановился не

вдругъ; бурное море страстей не улеглось по одному слову Христову: «умолкни, перестань»! (Мар. IV, 39). Волю человѣческую нельзя было сломать, но только привлечь къ добру силою самаго добра. И вотъ мы видимъ прежде всего Слово божіе, воплощенное и принявшее наше человѣческое естество, оглашающимъ слухъ и сердца людей, которые то признаются, что новое ученіе имѣетъ силу неестественную, то въ самомъ Учителѣ видятъ проповѣдника, облеченнаго какою-то невѣдомою дотолѣ властію, то наконецъ такъ безотчетно и непреодолимо увлекаются Его словами, что забываютъ и голодъ, и утомленіе, слушая съ жадностію его бесѣды. Такимъ образомъ, разумъ человѣческій былъ взятъ въ плѣнъ ученіемъ Христовымъ. Казалось, можно было бы ожидать, что послѣ этого всѣ люди согласятся послѣдовать новому ученію и силою одного убѣжденія обновятся во внутренней жизни. Оно и было бы такъ, если бы человѣкъ не былъ раздвоенъ въ своей природѣ силою грѣха, разъ потрясшаго его бытіе въ самомъ основаніи. Однимъ умомъ человѣкъ не могъ совладѣть съ своею волею; онъ принужденъ проходить эту борьбу между закономъ ума и *иными* законами, противоборствующими стремленію къ добру (Рим. VII, 18—23) и доселѣ. Нужно было также точно привлечь и волю къ добру и взять ее въ плѣнъ любовью. Но для этого недостаточно было твердить человѣку: люби Бога, люби ближняго. Эти внушенія оставались бы для него сухими правилами ума, не выражаясь нисколько въ его дѣятельности. Нужно было особое средство—покорить эту непреклонную волю. Средство это должно было такъ поразить всего человѣка въ его

умѣ, въ его чувствѣ, во всемъ сознаніи его, чтобы онъ весь невольно палъ предъ величіемъ такого дѣла и въ смиреніи лобызалъ руку, ведущую его на новый путь—даже противъ его воли. «Господи, аще хощу, или не хощу, спаси мя»!

Такимъ средствомъ и была любовь Божія, выразившаяся въ искупленіи человѣка. «Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную» (Іоан. III, 16). Проникнутый этими актами любви къ себѣ со стороны Бога, человѣкъ не могъ устоять противъ того, чтобы не отдать всей воли своей въ послушаніе гласу любви и не прилѣпиться всею силою души своей къ виновнику своего спасенія. Чтобы поддержать въ человѣкѣ это спасительное для него настроеніе, Іисусъ Христосъ благоволилъ запечатлѣть его особымъ, такъ сказать, осязательнымъ для самого человѣка актомъ,—и вотъ въ ночь, въ которую Онъ долженъ былъ быть преданъ на мученіе, Онъ собираетъ вокругъ себя близкихъ своихъ, этихъ двѣнадцать представителей будущихъ Его послѣдователей, на тайную, дружественную вечерю и здѣсь, напоминая имъ напередъ сущность своего ученія — эту любовь, которую Онъ Самъ принесъ съ неба, и этотъ миръ, который Онъ завѣщевалъ міру, Онъ беретъ въ руки хлѣбъ и вино, благословляетъ ихъ и даетъ ѣсть и пить ученикамъ Своимъ съ исполненными глубокаго смысла словами: «пріимите, ядите! это—Мое тѣло, за васъ сокрушаемое для оставленія вашихъ грѣховъ! Пейте! это—Моя кровь, за васъ проливаемая для оставленія грѣховъ»!

Какими чувствами исполнился бы каждый изъ насъ,

если бы всѣ мы христіане могли присутствовать при этой торжественной минутѣ! Не представилось ли бы намъ ясно, что цѣлое человѣчество соединилось бы въ одну семью вокругъ стола своего Господа, давшаго намъ власть и право называть Бога—отцемъ своимъ! Не возгорѣлось ли бы въ это время наше сердце пламенною любовью и къ Богу милосердому, и къ Спасителю любвеобильному, и къ каждому изъ нашихъ собратій, участвующихъ въ этой таинственной вечери! И дѣйствительно, каждый разъ, когда мы приступаемъ къ таинству тѣла и крови Христовыхъ, мы должны прежде всего вспомнить, что каждый изъ насъ есть членъ великой семьи Божіей, и что предъ этимъ столомъ господнимъ должна падать всякая рознь нашихъ мнѣній, даже религіозныхъ, и должна торжествовать одна только любовь христіанская. Какое поразительное и утѣшительное зрѣлище—видѣть этотъ сонмъ людей различныхъ націй, различныхъ обычаевъ и нравовъ, отъ просвѣщеннаго европейца до грубаго араба или негра, съ одинаковою любовію простирающихся предъ престоломъ божіимъ, и причащающихся тѣхъ же таинствъ Христовыхъ! Не пробуждается ли при этомъ мысль, что во всѣхъ христіанахъ течетъ одна и та же кровь, и что вслѣдствіе всего этого мы всѣ—братья во Христѣ, не по имени только, но въ самой сущности! Да, во Христѣ Іисусѣ нѣтъ дѣйствительно ни еллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго, ни даже мужескаго пола или женскаго, но всѣ одинаково люди, имѣющіе одну надежду воскресенія и жизни вѣчной съ Господомъ.

Но эта великая мысль единенія всего христіанства въ таинствѣ причащенія еще ближе должна ка-

саться нашего сердца, когда мы представимъ себѣ, что каждый изъ этихъ людей, причащающихся той же таинственной чаши, есть отдѣльный міръ съ своею собственною жизнію, съ своими собственными интересами, съ своимъ горемъ, съ своими радостями. Мы проходимъ обыкновенно мимо всѣхъ этихъ людей, чуждыхъ намъ по жизни, далекихъ по положенію, равнодушно, мало даже обращая вниманія на случайныя столкновенія или встрѣчи съ ними. Въ эту же священную минуту ни одинъ изъ этихъ людей, самыхъ малыхъ и самыхъ дальнихъ, не можетъ быть намъ равнодушенъ. Нѣтъ, онъ намъ родной по вѣрѣ, онъ намъ близкій по соучастію въ той же надеждѣ, онъ намъ свой, какъ членъ одной и той же семьи Божіей, къ которой принадлежимъ и мы на одинаковыхъ правахъ съ нимъ. Смотря такъ христіански на каждаго человѣка въ торжественную минуту причащенія св. таинъ, мы конечно должны устыдиться всѣхъ тѣхъ мелочныхъ расчетовъ самолюбія, которые такъ часто раздѣляютъ людей между собою. Что могутъ значить предъ серьезностью соединенія всѣхъ во Христѣ наши житейскія раздѣленія и ссоры, имѣющія часто основаніемъ своимъ движеніе минутныхъ страстей или увлеченій? Въ эту минуту мы готовы не только забыть всякую неправду людскую, но, если бы то можно, заключить всѣхъ людей въ свое сердце и обнять отъ души самаго озлобленнаго врага.

Но скажете: это минуты! это только порывы мгновеній, правда священные, но преходящіе! Да, это — минуты, но минуты вѣчности; это — порывы, но порывы неудержимые, которые не проходятъ безъ слѣдовъ для души и сердца человѣка. Если хотите, вся

жизнь человѣка слагается изъ минутъ, и ни одной дѣятельности не найдется безъ порывовъ. Но минуты жизни не бываютъ безсодержательны, и каждая изъ нихъ привноситъ свой оттѣнокъ въ общую картину жизни. Если бы извѣстныхъ минутъ совѣсти не было въ жизни, она приняла бы совсѣмъ другой характеръ. Но есть минуты рѣшительныя для всей будущности, для цѣлой вѣчности. Поэтому пусть христіанинъ дорожитъ и этими священными минутами, которыя онъ переживаетъ во время причащенія св. таинъ. Онѣ не останутся безъ плода, и какъ сѣмя, брошенное въ землю, созрѣваетъ, пока иной спитъ, и принесетъ свой плодъ когда онъ проснется. Порывы бываютъ жалки, когда они остаются только порывами, не подвигающими впередъ человѣка. Но порывы такого рода, какъ святое настроеніе души въ минуты ея приближенія къ Богу, не могутъ оставаться безъ послѣдствій. Конечено такой порывъ уноситъ насъ хоть на мгновеніе въ вѣчность, а кто коснулся хоть разъ близко этого океана жизни, тотъ не можетъ остаться на берегу, не увлекаясь непреодолимымъ желаніемъ переплыть эту неизмѣримость. Блаженъ тотъ, кто хоть разъ въ жизни испыталъ въ душѣ своей подобный порывъ къ Богу; сто разъ блаженнѣе, кто могъ испытывать его каждый разъ, приступая къ таинству причащенія.

Но обратимся къ таинственному значенію причащенія. Если въ церковномъ отношеніи христіанинъ участвуетъ въ торжествѣ единенія всѣхъ вѣрующихъ у одного стола Господня, то здѣсь въ глубокой тайнѣ соединенія со Христомъ онъ входитъ въ единеніе съ самимъ Богомъ: «Ядущій Мое тѣло и піющій Мою

кровь во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ» (Іоан. VI, 56) сказалъ Самъ Спаситель. Пребываніе это не есть только одно минутное прикосновеніе. И оно одно—это прикосновеніе творитъ чудеса (Марк. V, 29). Но здѣсь идетъ рѣчь о постоянномъ пребываніи, о соединеніи неразрывномъ, о сожитіи неразлучномъ. Іисусъ Христосъ сказалъ о Себѣ: «Я лоза, а вы вѣтви. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ; такъ и вы, если не будете во Мнѣ» (Іоан. XV, 5. 4). Наше единеніе со Христомъ не есть одинъ только союзъ любви или благодарности, но существенная, неразрывная связь нашего естества съ его обоготвореннымъ естествомъ. Если послѣ паденія человѣка оставалось еще средство къ спасенію его въ перетвореніи самой природы его, то это совершилось именно во Христѣ, такъ справедливо названномъ у апостола новымъ Адамомъ, въ которомъ мы должны всѣ переродиться, чтобы сдѣлаться способными снова къ жизни, не ежедневной и мірской, но жизни пребывающей вѣчно. Но какъ бы могъ переродиться человѣкъ, спрашиваетъ себя каждый вмѣстѣ съ Никодимомъ, если ужъ онъ разъ узрѣлъ свѣтъ съ данными отъ природы его наклонностями ко грѣху. Ему пришлось бы не перерождаться, но перетворяться, а это значило бы, потерявъ свое личное бытіе, явиться новыми существами, совсѣмъ чуждыми прежнему. Богъ же въ своей премудрости не хотѣлъ уничтожить изтекшаго разъ изъ него же бытія, чтобы замѣнить его новымъ. Это значило бы на языкѣ человѣческомъ—поправлять свою ошибку, дѣлая позже опыты на томъ же поприщѣ. Но Богъ не такъ измѣнчивъ, какъ слабый человѣкъ,

и не такъ слабъ въ дѣлахъ Своихъ, какъ подверженный измѣненію геній человѣческій. Всемогущій и Премудрый, Онъ избралъ мудрое средство къ возобновленію испортившейся природы человѣка. Сынъ Божій дѣлается самъ человѣкомъ и, явившись среди людей, возвѣщаетъ міру возможность возсоединенія человѣка съ Богомъ черезъ искреннее и сверхъестественное общеніе съ Нимъ и Его природою.

Но какъ соединиться съ Нимъ, какъ сродниться съ этимъ Богочеловѣкомъ послѣ того какъ Онъ оставилъ землю и сдѣлался намъ доступенъ только вѣрою да путемъ историческаго преданія? На землѣ есть узы брака, есть союзъ родства, соединяющій людей не только въ интересахъ жизни, но въ самыхъ сердечныхъ потребностяхъ. Другаго средства къ сближенію съ отсутствующимъ, хотя и дорогимъ по образу и вліянію на нашу жизнь, у насъ нѣтъ. Развѣ въ состояніи замѣнить намъ это одна идеальная любовь, одно священное чувство дружбы къ нашему Спасителю! Нѣтъ, ни узы родства, связующія людей плотски, ни связи любви и дружбы, поддерживающія только духовныя отношенія, недостаточны для такого союза, въ которомъ вся природа человѣка должна быть проникнута новымъ духомъ, новою жизнью. Для этого нужна была небывалая таинственная связь, которую бы человѣкъ не только сознавалъ во глубинѣ души своей, но — что еще важнѣе — въ которую бы онъ *вѣровалъ* всею силою души своей. Господь нашъ Іисусъ Христосъ могъ бы ограничить наше единеніе съ Богомъ однимъ требованіемъ поклоненія Ему духомъ и истиною, и тогда нашлись бы и между христіанами набожные факиры, которые по часамъ стали

бы погружаться во внутреннее созерцаніе Бога. Но такое насиліе собственной природы далеко недостаточно для того, чтобы переродить всего человѣка въ его природномъ составѣ. Человѣкъ не духъ, но и не плоть только. Состоя изъ души и тѣла, онъ въ этомъ двусоставномъ существѣ долженъ будетъ жить вѣчно. Поэтому и соединеніе его со Христомъ должно было выразиться не въ одной только духовной формѣ вѣры, но и въ тѣлесныхъ знакахъ духовнаго единенія съ своимъ Спасителемъ.

«Истинно, истинно, говорю вамъ, если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни» (Іоан, VI, 53) Что можетъ быть яснѣе этихъ словъ Іисуса Христа касательно таинства тѣла и крови Его! Они были такъ ясны, что, по словамъ евангелиста, это привело въ недоумѣніе и соблазнъ многихъ изъ учениковъ Его, такъ что съ этого времени многіе отошли отъ Него и уже не ходили за Нимъ (60, 66). И что же? Онъ же Самъ предлагаетъ даже избраннымъ Его двѣнадцати, не хотятъ ли они отойти отъ такого ученія! Стало быть это былъ рѣшительный вызовъ, данный какъ современнымъ, такъ и будущимъ вѣрующимъ, на испытаніе — оставаться, или отойдти? Разумъ человѣка, даже здравый, но недалекій, конечно отвратился бы отъ такихъ *странныхъ* словъ, и только одна благоразумная вѣра отвѣтила съ любовію на предложенную задачу словами неисходнаго положенія: «Господи! къ кому же намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни; и мы увѣровали и познали, что Ты—Христосъ, Сынъ Бога живаго»! (67, 68). Кто не убѣдится послѣ этого, что святая сущность христіанскаго таинства

лежитъ въ самомъ тѣлѣ и крови Христовыхъ, которыя должны быть приняты въ насъ, чтобы совершить внутри насъ истинное перерожденіе нашей природы чрезъ общеніе со Христомъ даже тѣлесно. Если мы въ доказательство родства нашего съ нашими близкими по плоти говоримъ, что въ насъ течетъ таже кровь, то также справедливо мы можемъ сказать и о нашемъ общеніи со Христомъ въ таинствѣ Евхаристіи, что Его кровь течетъ въ нашихъ жилахъ.

Но, среди самаго яснаго ученія о таинствѣ тѣла и крови Своей, Господь прибавилъ: «плоть не пользуетъ ни мало. Духъ животворитъ» (63). И дѣйствительно одного общѣнія плотскаго со Христомъ было бы недостаточно для спасенія нашего. Человѣкъ, хотя и плотянъ, но вмѣстѣ и духовенъ. Посему и соединеніе его со Христомъ въ таинствѣ причащенія должно быть по преимуществу духовное. «Духъ животворитъ». Что бываетъ съ нашимъ тѣломъ, когда оно неодушевлено силою духа, намъ показываетъ ежедневно горестный примѣръ смерти нашихъ собратій. Но и одушевленное тѣло еще не даетъ намъ настоящаго образа человѣка, назначеннаго для жизни въ Богѣ, пока оно не оживлено духомъ. Духъ животворитъ; онъ даетъ настоящую жизнь этому одушевленному организму, называемому человѣкомъ. Что за жалкая машина была бы это гордое животное на землѣ, если бы его дѣятельность, подобно прочимъ животнымъ, ограничивалась бы одними инстинктами животной природы! Гдѣ носили бы мы въ немъ образъ или даже подобіе божіе, если бы не одухотворяло его это начало божественное, которое мы называемъ духомъ? Но духи бываютъ различные. Есть духи даже

злые. И такъ, чтобы имѣть въ себѣ духа Божія, нужно пріобщаться духу Христову, этому образу упостаси божественной, который приблизился до насъ путемъ не только воплощенія, но и вочеловѣченія. И вотъ гдѣ сила таинства тѣла и крови Христовыхъ! Здѣсь, въ этомъ таинствѣ, соприкасаясь и соединяясь тѣлесно и осязательно съ человѣческою природою Богочеловѣка, мы вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаемся участниками и его божественной природы, неразрывно соединенной въ лицѣ Его съ человѣческимъ естествомъ.

Какая глубина премудрости, благости, милосердія и любви лежитъ въ этомъ священномъ дѣйствіи! Сознавая хотя въ небольшомъ размѣрѣ всю неизмѣримую важность этого таинства, мы должны отъ одной мысли объ его дѣйствіи на насъ приходить въ умиленіе и благоговѣйный восторгъ. Какъ! я, вчера еще грѣшный и недостойный, еще за нѣсколько мгновеній передъ симъ отверженный и удаленный отъ Бога грѣхами и пороками, вдругъ въ это мгновеніе причащенія Св. таинъ, дѣлаюсь участникомъ не только пречистаго естества моего Спасителя, но и самаго Божества его! Я, смиренный и ничтожный членъ грѣшнаго человѣчества, обоготворяюсь въ лицѣ моего Искупителя и дѣлаюсь наслѣдникомъ Его царствія въ жизни вѣчной! Не слишкомъ ли уже много этого для моего смиренія? Не впасть бы намъ отъ восторга въ грѣховное искушеніе гордости и самомнѣній? Нѣтъ; развѣ самъ Христосъ не сказалъ: «не написано ли въ законѣ: Я сказалъ: вы боги? а писаніе нарушиться не можетъ» (Іоан. X, 34, 35). Да, если мы и не боги по естеству, то мы навѣрно способны быть участниками божества. Развѣ жизнь вѣчная, это нескончае-

мое бытіе радости съ Богомъ, не есть уже одна изъ принадлежностей божественной природы? И развѣ не въ этомъ смыслѣ сказано: «если не будете ѣсть тѣла моего и пить крови моей: не будете имѣть жизни въ Себѣ»? Да; только въ соединеніи со Христомъ, только въ искреннемъ общеніи съ Нимъ мы и можемъ участвовать въ жизни вѣчной. Помимо этого условія самое безсмертіе души теряетъ великое значеніе жизни, такъ какъ одно бытіе, хотя бы и нескончаемое, еще не выражаетъ собою жизни въ смыслѣ дѣятельности и безконечнаго усовершенствованія.

Послѣ этого не есть ли каждое причащеніе Св. таинъ новая эпоха въ жизни христіанина? Не есть ли это повторяемое дѣйствіе возношенія въ небо, временное посѣщеніе того отечества, въ которое мы стремимся неудержимо съ каждымъ біеніемъ нашего пульса? Благодареніе Господу, даровавшему намъ въ этомъ таинствѣ предвкушеніе того блаженства, которое Онъ уготовалъ любящимъ Его! Благодареніе и слава Ему, давшему намъ средство приближаться къ Нему и таинственно соединиться съ Нимъ на землѣ, гдѣ все какъ бы сговорилось насъ удалять отъ неба! Будемъ же внимательны къ себѣ и не допустимъ враговъ нашего спасенія безнаказанно исторгать изъ души нашей то сокровище, пріобрѣтенное нами вѣрою, возлелѣянное надеждою и охраняемое любовью. Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ беречь его во глубинѣ своего сердца, и оно — это сокровище - принесетъ намъ радость и счастіе какъ внутри насъ, такъ и внѣ во всемъ окружающемъ насъ.

Если на землѣ нѣтъ выше счастія, какъ въ родной семьѣ, гдѣ любовь, ласка и взаимное довѣріе

связують всѣхъ между собою, то въ таинствѣ причащенія это счастіе осуществляется въ самой сильной мѣрѣ. Богъ—отецъ; Іисусъ Христосъ—нашъ другъ и собратъ по человѣчеству, мы всѣ во имя христіанства братья и друзья. Всѣ соединяемся съ любовію вокругъ одного стола Господня; всѣ питаемся однимъ таинственнымъ хлѣбомъ, всѣ пьемъ изъ одной чаши спасенія. О! да запечатлѣется эта картина любви въ нашемъ сердцѣ и да не оставляетъ она души нашей среди заботъ и разсѣяній мірской жизни. Но пусть свѣтитъ она намъ на всѣхъ путяхъ нашихъ, какъ спасительный маякъ, указующій намъ путь въ пристань вѣчности.

Прот. І. Базаровъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А. Лавров

Вдовые священнослужители

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 2. С. 343-382.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ВДОВЫЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ.

(Продолженіе).

Отмѣненіе запрещенія вдовымъ священникамъ священнодѣйствовать.

Никоново разрѣшеніе священнодѣйствовать вдовымъ священникамъ въ Москвѣ было предвѣстіемъ общаго отмѣненія запрещенія. Основаніе, лежавшее въ Никоновомъ разрѣшеніи, какъ мѣрѣ исключительной, могло быть то, что жизнь вдовыхъ священниковъ Московскихъ ему была извѣстна, а находящихся внѣ Москвы—нѣтъ. Кромѣ сего, общее запрещеніе положено было соборомъ, слѣдовательно соборомъ же могло быть и отмѣнено. Соборъ патріарховъ 1667 г. Никоновой мѣрѣ далъ общій характеръ, признавъ постановленіе о вдовыхъ священнослужителяхъ несогласнымъ съ древними церковными правилами. Замѣчательно сужденіе о семъ постановленіи, произнесенное симъ соборомъ. Соборъ, сознавая, что это постановленіе не основывалось на правилахъ древней церкви, находилъ его однако же полезнымъ для церкви Русской по особеннымъ ея обстоятельствамъ. «Аще

и кромѣ правилъ положися, говорили отцы собора, еже вдовствующимъ причетникомъ не служити божественныя литургіи, обаче за умноженіе безчинія неискусныхъ причетниковъ, опаства ради, добрѣ повелѣся. Нѣцы бо тогда, за неискуство ученія, презирающе священная правила и попирающе свою совѣсть, недостойніи дерзаху служити. Сіе злое Россійстіи пастыріе пресѣцающе, повелѣша вдовствующимъ попамъ и діаконамъ не касатися божественной службѣ». Но при семъ соборъ дѣлаетъ замѣчаніе уже прежде высказанное вдовымъ священникомъ Скрипицею, что пастыри Русскіе презрѣли разлучити чистыхъ отъ оныхъ невоздержниковъ, ихже всегда подобаетъ отлучати». Обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ положено запрещеніе, Соборъ нашелъ уже измѣнившимися. Въ настоящее время, продолжали пастыри, и между вдовыми священнослужителями оказываются знающіе Божественныя писанія и имѣющіе чистое житіе. Поэтому соборъ признаетъ справедливымъ отмѣнить прежнее запрещеніе священнослуженія вдовымъ священнослужителямъ всѣмъ безъ исключенія, оставивъ въ силѣ, согласно съ древними правилами запрещеніе священнослуженія только для нечисто живущихъ во вдовствѣ. Соборъ положилъ: 1) если вдовыхъ священнослужителей совѣсть не укоряетъ ни въ чемъ возбраняющемъ священнослуженію, то пусть они невозбранно служатъ. Но 2) если кто по смерти жены будетъ обличенъ въ дѣлахъ возбраняющихъ священнодѣйствіе, тотъ отлучается отъ священнодѣйствія, или извергается по дѣламъ своимъ, но не иначе, какъ по суду, когда будетъ обличенъ въ этомъ по сыску, т. е. по архіерейскому крѣпкому

истязанію и по свидѣтельству достовѣрныхъ людей: «понеже бо не жены ради попъ, или діаконъ, и не жены ради умертвія запрещаются священнодѣйствія, но за порокъ невоздержанія или иныхъ безмѣстныхъ дѣлъ; яже запрещаютъ священнодѣйствовати: ибо издревле священными правилы имущіе женъ причетницы не запрещахуся». Соборъ приводитъ далѣе правила, которыми допускаются въ клиръ не только женатые, но и безбрачные (1). Замѣчая, что, на основаніи сихъ правилъ, разрѣшается священнослуженіе вдовымъ священнослужителямъ, соборъ заповѣдуетъ имъ: «житіе имѣти со всякимъ и впредь опасеніемъ и воздержаніемъ и лицъ зазорныхъ въ домѣхъ своихъ отнюдь не имѣти (2). Съ сего времени не было болѣе общаго запрещенія вдовымъ священнослужителямъ священнодѣйствовать.

Не смотря однако же на это, прежняя до-соборная практика продолжается нѣкоторое время, и притомъ не только въ епархіяхъ (3), но и въ самой патріаршей области: нѣкоторымъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ разрѣшается и совершеніе литургіи, другимъ дается разрѣшеніе совершать все кромѣ литургіи. Такъ выдаются и граматы патрахильныя и постихарныя двухъ родовъ -- однѣ *«съ обѣднями»*, другія — *«безъ обѣденъ»*, и пошлины за первыя вдвое про-

(1) I вселен. соб. 3; Неокес. 8; Кирил. Алекс. 4; Василія В. 87 и изъ Юстиніановой Новвелы.

(2) Въ іюнѣ 1667 г. Дополн. къ Акт. Истор. V, стр. 493 — 495; Полное собран. зак., т. I, № 412, стр. 709, 710; Сравн. въ книгѣ Полн. Собр. Дѣян. Рукоп. С.-Петербургск. Синод. библіот. л. 155.

(3) 13 марта 1687, грамата патр. Іоакима о пошлинахъ, въ описаніи документовъ Москов. Архива министерства Юстиціи 1, прилож. стр. 6.

тивъ послѣднихъ ([1]). На чемъ основывалось такое раздѣленіе—рѣшить не легко. Что не по желанію самихъ вдовыхъ - это несомнѣнно; ибо нельзя представить основанія для подобнаго желанія съ ихъ стороны. Едва-ли могло быть основаніе къ сему и со стороны самой церковной власти: дозволить совершать всѣ священнодѣйствія и обряды, хотя бы и безъ литургіи, очевидно можно только человѣку вполнѣ безукоризненной жизни. Едва-ли это не было остаткомъ прежней до-соборной практики, продолжавшимъ существовать на томъ единственно основаніи, что недостаточно еще уяснилась несовмѣстность этой практики съ соборнымъ опредѣленіемъ. Или не было ли это временнымъ возвращеніемъ къ до-соборной практикѣ; такъ какъ оба документа, свидѣтельствующіе объ этомъ, принадлежатъ ко времени патріарха Іоакима; послѣ же него уже нѣтъ подобныхъ примѣровъ. Кромѣ сего, въ 1738 году состоялось запрещеніе служить тѣмъ вдовымъ священнослужителямъ, которые на свои мѣста поставили своихъ дѣтей и родственниковъ ([2]).

([1]) Прихожане вологодской Муроносицкой церкви, въ 1686 г. подавали отъ себя челобитную Вологодскому архіепископу Гавріилу, въ коей просили о дозволеніи, уже три года во вдовствѣ служившему у ихъ церкви, дать благословеніе служить ему впредь. На этой челобитной дана резолюція: 197 (1689) г. мая 20 *дать патрахильная грамота на годъ: пѣти вечерни, заутрени, а литургіи не пѣть* (Вологод. Еп. Вѣдом. 1869, № 5, стр. 187).

([2]) Въ инструкціи данной Московскому поповскому старостѣ изъ Духовной Дикастеріи 21 іюля 1738 г. вслѣдствіе именнаго указа 25 ноябрѧ 1737 г. о замѣченныхъ въ государствѣ суевѣріяхъ, между прочимъ предписано досматривать есть ли у вдовыхъ поповъ и діаконовъ епитрахильныя и стихарныя граматы. А буде гдѣ есть вдовые священники у церквей, которые на свои мѣста поставили своихъ дѣтей и родственниковъ, а сами служатъ и живутъ съ ними жъ, и тѣхъ допрашивать и по допросу ежели явятся править съ поповъ и діаконовъ штрафы. А недѣйствительныхъ вдовыхъ поповъ и діаконовъ, которые

Вопросъ о запрещеніи всѣмъ вдовымъ священнослужителямъ священнослуженія, обсуждаемъ былъ въ Св. Сvнодѣ вновь, по случаю безъимяннаго прошенія, поданнаго на Высочайшее имя 6 сентября 1800 года. Неизвѣстные просители, выставляя на видъ, что вдовые священнослужители служатъ соблазномъ для народа, просили императора Павла I-го, чтобы вдовыхъ вовсе не допускать до священнодѣйствія и не постригать въ монахи, а опредѣлять ихъ къ обученію дѣтей у народа, дозволяя имъ вступленіе во второй бракъ. Но Св. Сvнодъ на то предложеніе неизвѣстныхъ, чтобы никому изъ вдовыхъ священнослужителей не дозволять священнодѣйствія отвѣчалъ, что это было бы крайне беззаконно и несправедливо; потому что многіе живутъ хорошо и священство удержать желаютъ. Въ разсужденіи соблазна открывать вдовымъ грѣхи на исповѣди, Св. Сvнодъ указываетъ на то, что можно по желанію избирать духовника и не изъ вдовыхъ, а женатаго изъ другаго прихода. Что касается до упоминаемаго неизвѣстными доносителями соблазна отъ поведенія вдовыхъ священнослужителей, то Св. Сvнодъ указываетъ, что для отвращенія его существуютъ законныя мѣры. «Хотя Духовнымъ Регламентомъ и предположено имѣть о вдовыхъ священникахъ прилежный совѣтъ въ Св. Сvнодѣ, но указъ 30 апрѣля 1724 г., состоявшійся послѣ Регламента, и служитъ уже къ разрѣшенію сего обстоятельства. И какъ объ ономъ тогда же изъ Св. Сvнода дано знать во всѣ епархіи, о чемъ и должны быть

при произведенныхъ вновь на ихъ мѣста священнослужителей праздно живутъ оковавъ присылать въ Дикастерію за крѣпкимъ карауломъ на ихъ коштѣ, 1738 іюля 21, дѣло архива Св. Сvн. № 518, стр 2, п. II.

извѣстны священнослужители, то, видя они таковое къ случающимся иногда въ нихъ слабостямъ снисхожденіе какъ въ духовныхъ правилахъ, такъ и въ гражданскомъ законѣ установленное ([1]), конечно не могутъ имѣть въ томъ нужды, чтобъ подавать вдовствомъ своимъ прихожанамъ неограниченый соблазнъ и омерзѣніе. Но таковые, пользуясь помянутыми правилами и не допуская себя до того, оставляютъ добровольно духовное званіе, прежде нежели бы получили какое нареканіе, или впали въ самое преступленіе. Въ заключеніе Св. Сунодъ, имѣя въ виду существовавшія до того времени постановленія о вдовыхъ священнослужителяхъ, не находитъ никакой надобности дѣлать вновь какое либо положеніе по этому предмету ([2]).

И смыслъ и буква опредѣленія собора 1667 года таковы, что ими безвозвратно и безъ всякихъ ограниченій и остатковъ отмѣнялось прежнее запрещеніе вдовымъ священнослужителямъ священнодѣйствовать. И вдовые, по соборному опредѣленію, должны были подлежать отлученію отъ священнослуженія на томъ же основаніи, какъ и женатые, т. е. когда кто нибудь изъ нихъ будетъ обличенъ въ дѣлахъ, препятствующихъ священнослуженію и притомъ не иначе, какъ по сыску, т. е. по архіерейскому крѣпкому истязанію и по свидѣтельству достовѣрныхъ людей. Казалось бы, что съ отмѣненіемъ существеннаго должно было само собою утратить силу и все находившееся въ связи съ этимъ запрещеніемъ. Между тѣмъ, нѣчто имѣвшее

([1]) Допущеніе вступать овдовѣвшимъ священнослужителямъ во второй бракъ, по сложеніи сана, съ оставленіемъ въ должностяхъ учителей (имен. указъ 1724 г.).

([2]) 15 генв. 1801. Син. опред. въ дѣл. архив. Св. Син. 1800, № 766.

связь съ запрещеніемъ священнослуженія вдовымъ священникамъ, продолжало существовать еще не малое время, а иное сохраняетъ силу и до нынѣ.

Сюда относятся: 1) особыя граматы вдовымъ священнослужителямъ; 2) запрещеніе вдовымъ священнослужителямъ служить: а) въ женскихъ монастыряхъ и б) въ домовыхъ церквахъ; 3) побужденіе ихъ къ принятію монашества; 4) обычай не рукополагать вдоваго діакона въ пресвитера безъ постриженія въ монашество; 5) распространеніе запрещенія вступать во второй бракъ даже на вдову священника.

1) Особыя граматы вдовымъ священнослужителямъ.

Отмѣнивъ запрещеніе совершать литургію, соборъ 1667 г. не считалъ нужнымъ въ особенности отмѣнять и граматы, съ которыми въ прежнее время разрѣшалось вдовымъ священнослужителямъ въ началѣ стояніе не клиросѣ и право на полученіе четвертой части доходовъ, а въ послѣдствіи и совершеніе церковныхъ службъ, исключая литургіи. И граматы остались и послѣ отмѣны запрещенія.

Особыя граматы для вдовыхъ священнослужителей въ первый разъ установилъ Новгородскій архіепископъ Іона, по замѣчанію лѣтописца, изъ мзды. Осудивъ своевольныя дѣйствія Псковичей въ отношеніи къ вдовымъ священнослужителямъ, которыхъ они своею собственною властію въ 1468 г. отлучили отъ службы, архіепископъ Іона вдовыхъ священнослужителей началъ призывать къ себѣ въ Новгородъ на управленіе, бралъ съ нихъ мзду: съ кого по рублю, съ кого по полтора, и всѣмъ безъ различія сталъ давать благословеніе служить, выдавая имъ другія

граматы, которыя установилъ изъ тоя мзды за печатями (1)». Соборъ 1503 г. не упоминаетъ объ нихъ ни слова. Но стоглавымъ соборомъ установлены особыя граматы собственно для тѣхъ вдовыхъ священнослужителей, которые, во вдовствѣ проводя жизнь безупречную, не желали однако же идти въ монастыри, а желали стоять въ клиросѣ, довольствуясь четвертою частью доходовъ отъ поступившихъ на ихъ мѣсто. Цѣль и смыслъ этихъ граматъ состояли въ томъ, что, получаемыя отъ архіереевъ, онѣ давали симъ послѣднимъ случай и средства удостовѣриться въ дѣйствительно честномъ и чистомъ житіи вдовствующихъ. Онѣ выдавались крѣпости—для и береженія. Содержаніе ихъ, по Стоглаву, должно составлять напоминаніе священнослужителямъ не держать у себя въ домѣ зазорныхъ лицъ женскаго пола (2). Въ XVII в. грамата, выдаваемая вдовымъ священнослужителямъ содержала въ себѣ: 1) изложеніе оказавшагося по обыску произведенному о просителѣ граматы—обыску обыкновенно производившемуся по приказанію архіерея чрезъ духовника; 2) архіерейское благословеніе на выдачу граматы; 3) исчисленіе предметовъ священнослуженія—дозволяемыхъ и запрещаемыхъ; обозначеніе срока на который дается дозволеніе, и 5) напоминаніе о не держаніи зазорныхъ женскихъ лицъ. Грамата, выдававшаяся вдовому священнику, называ-

(1) Пск. 1 Лѣтоп. подъ 1470 г. Полн. Собр. лѣтоп. т. IV, стр. 231.

(2) Стогл. гл. 81, стр. 367, изд. Казан.: да въ тѣ же нихъ грамоты писати, что вдовымъ священникомъ и діакономъ, которые обѣщаются въ чистотѣ пребывати посвященнымъ правиломъ св. IV всел. собора 5-е правило: въ дому у себя женскаго полу не держати отъ зазорныхъ лицъ, но токмо кому матерь и сестру, или тетку по отцѣ или по матерѣ или дщерь свою. Преступающіе же сіе извращи повелѣваютъ, а мірскихъ отлучаютъ.

лась патрахильною, грамата, выдававшаяся вдовому діакону, называлась стихарная, постихарная или орарная (уларная, орарская) ([1]).

Срокъ, на который были выдаваемы граматы вдовымъ священно-служителямъ, первоначально былъ трехлѣтній. Такъ и въ первой половинѣ XVII вѣка.— Позднѣе граматы выдаются уже на одинъ годъ. По прошествіи года давалась и другая грамата на годъ же, а прежняя грамата отбираема была въ патріаршій казенный приказъ. Прежнія ставленныя граматы были у поповъ и дьяконовъ вдовыхъ отбираемы въ Казенный Приказъ и были записываемы въ книги ([2]).

Безъ епитрахильной граматы вдовому священнику дозволялось отслужить только сорокоустъ по своей женѣ, и послѣ сего не дозволялось уже дѣйствовать ничего священническаго. Въ допросѣ, который былъ ему дѣлаемъ, по случаю его просьбы о выдачѣ граматы, прямо было прописываемо, что «отслужа онъ по попадьѣ своей четыредесятницу священническаго ничего недѣйствовалъ».

Когда вдовый священникъ намѣревался подавать архіерею просьбу ([3]) о выдачѣ епитрахильной грама-

---

([1]) Сравн. Церковн. словарь Алексѣева ч. 2 стр. 23 и ч. 3 стр. 213.

([2]) Марта 1687, грамата патріарха Іоакима о пошлинахъ, въ Описаніи документ. Моск. Архива Мин. Юстиціи, 2 прилож., стр. 6.

([3]) Вотъ образецъ просьбы: „Государю Преосвященному... бьетъ челомъ богомолецъ твой попъ Амвросимъ: въ нынѣшнемъ государь въ 194 году (1686) волею Божіею я богомолецъ твой овдовѣлъ, и остался здѣтишками самъ третей, да сомнюжъ, богомольцомъ твоимъ, живутъ братъ да сестра и поить ихъ и кормить некому, и я богомолецъ твой безъ твоей архіерейской, благословенной патрахильной грамоты служить не смѣю. Милостивый Государь преосвященный... пожалуй меня богомольца своего, вели, Государь, мнѣ дать свою архіерейскую благословенную потрахильную грамоту, чтобъ мнѣ богомольцу твоему збратомъ и сестрою и здѣтишками бродя межъ дворъ въ конецъ не погинуть" (чтен. въ

ты, онъ долженъ былъ взять заручную отъ своихъ прихожанъ о своемъ незазорномъ поведеніи и вмѣстѣ съ нею подавать просьбу. За симъ слѣдовалъ допросъ «кѣмъ проситель во діаконы поставленъ и въ попы совершенъ и къ которой церкви и сколь давно овдовѣлъ», кто живетъ въ его домѣ и нѣтъ ли зазорныхъ лицъ? На допросѣ полагалась архіерейская резолюція: «исповѣдать—достоинъ ли священническая дѣйствовать». И если духовникъ признавалъ достойнымъ — выдаваема была грамата на одинъ годъ съ разрѣшеніемъ «божественныя литургіи служить и священническая дѣйствовать». Черезъ годъ поступала къ архіерею новая просьба: «въ прошломъ году дана была твоя архіерейская благословенная патрахильная грамата, и та, Государь, грамата изъ году у меня, богомольца твоего, вышла, смилуйся и т. д. Слѣдовалъ опять допросъ и прежняя процедура.

Стоглавымъ соборомъ, который установилъ епитрахильныя и орарныя граматы, предписано между прочимъ *«пошлинъ отъ нихъ не давати»*. Но поелику никакія граматы въ древней Россіи безъ пошлинъ не были выдаваемы; то, вѣроятно, вскорѣ послѣ Стоглава стали взиматься пошлины и съ сихъ граматъ. Въ духовной граматѣ патріарха Іова (1604 г.) упоминаются *патрахильные* доходы, вѣроятно, означающіе доходы съ патрахильныхъ граматъ. Слѣдовательно между Стоглавомъ и Патріаршествомъ Іова установились уже доходы съ этихъ граматъ. Іовъ говоритъ здѣсь, что

Моск. общ. любит. дух. просвѣщ. кн. 5, стр. 72—74. Сравн. Вологодск. Епарх. Вѣдом. 1869, № 5, стр. 183—187. Срав. А. Ю. изд. 1838 № 391, стр. 416).

эти доходы митрополиты, его предшественники, уже имѣли ([1]).

Количество пошлинъ съ патрахильныхъ и постихарныхъ граматъ было неодинаково въ разныхъ епархіяхъ. Патріархъ Іоакимъ въ 1687 году въ первый разъ постановилъ, по всѣмъ епархіямъ сборамъ пошлинъ со всѣхъ дѣлъ и граматъ быть одинаковаго размѣра во всѣхъ епархіяхъ, и именно такого какъ въ патріаршей области. Въ патріаршей же области съ патрахильныхъ и постихарныхъ граматъ, кому онѣ давались *съ обѣднями* на годъ, было взимаемо по *десяти алтынъ* съ граматы; изъ нихъ половина шла въ келейную казну патріарха, а другая—начальнымъ людямъ Казеннаго Приказа. Сверхъ того—за письмо подъячему по гривнѣ. Съ патрахильныхъ и постихарныхъ, выдаваемыхъ «*безъ обѣденъ*», пошлины были взимаемы въ половину съ такимъ же раздѣленіемъ ([2]).

Граматы вдовымъ священнослужителямъ остались и послѣ отмѣны запрещенія совершать имъ священнослуженіе соборомъ 1667 г. Поелику съ выдачею граматы соединялось слѣдствіе о поведеніи просителя, представляемо было свидѣтельство прихожанъ о его жизни, совѣсть его была испытываема чрезъ духовника, и поелику съ выдачею ихъ соединены были

([1]) Отъ царскаго семейства „многія дачи и не изреченныя милостыни заздравныя и заупокойныя къ тому же и *патрахильные* наши всякіе доходы и пошлины, что братія наша прежніе митрополиты имали на себяжъ... и тѣмъ вашимъ царскимъ жалованьемъ и своими *патрахильными* и пошлинными доходы владѣлъ азъ самъ, а инъ никтоже у меня тѣмъ не владѣлъ... и въ томъ бы Вашемъ царскомъ жалованьи и въ нашихъ *патрахильныхъ* и въ пошлинныхъ доходѣхъ никто по насъ не пострадалъ (Собр. Госуд. Гр. и Догов. т. II, стр. 185).

([2]) Марта 1687 грамата патр. Іоакима о пошлинахъ, въ Описаніи документовъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи 1 прилож., стр. 6.

извѣстныя пошлины; то безъ сомнѣнія по этимъ причинамъ, отмѣнивъ запрещеніе, не нашли возможнымъ отмѣнить и граматы.

И послѣ собора 1667 г. вдовые священнослужители допускаемы были къ священнослуженію не иначе, какъ по граматамъ епитрахильнымъ—для вдовыхъ священниковъ, орарнымъ и стихарнымъ — для вдовыхъ діаконовъ. Теперь существеннымъ содержаніемъ граматъ сдѣлалось разрѣшеніе священнослужителямъ совершать Божественную литургію и запрещеніе держать въ домѣ зазорныя женскія лица. Иногда присоединялись къ этому нѣкоторыя общія наставленія, пригодныя для каждаго священнослужителя и не вдоваго, напр. въ недоумѣнныхъ дѣлахъ обращаться къ архіерею, не переходить къ другой церкви, не ходить въ пиры и не упиваться. Въ граматѣ обыкновенно назначаемъ былъ срокъ, до котораго разрѣшено священнослуженіе. По прошествіи срока (обыкновенно годичнаго), вдовый священнослужитель не могъ уже служить безъ новаго архіерейскаго благословенія, безъ новой граматы, а слѣдовательно и безъ новой подати (1). За этимъ учрежденъ былъ строгій досмотръ чрезъ поповскихъ старостъ. Они обязаны были досматривать у вдовыхъ священниковъ епитрахильныя, а у діаконовъ постихарныя граматы. Если оказывалось, что у вдовыхъ нѣтъ этихъ граматъ, или они служатъ по просроченнымъ граматамъ; то старосты патріаршей области обязаны были представлять таковыхъ въ Москву въ казенный патріаршій приказъ, а церкви, у которыхъ они служили, запечатывать до указа патріарха. За послабленіе старосты подлежали

(1) А. Ю. изд. 1838. № 391.

большимъ пенямъ [1]. Въ такомъ видѣ и съ такими цѣлями въ патріаршее время послѣ Собора 1667 г. были выдаваемы епитрахильныя и орарныя граматы для вдовыхъ священнослужителей.

Святѣйшій Сvнодъ, вскорѣ по учрежденіи имѣлъ случай обратить вниманіе и на эти граматы и придавалъ имъ значеніе акта, въ которомъ содержится свидѣтельство о честномъ житіи вдовыхъ священнослужителей, полученное вслѣдствіе особаго дознанія. Указомъ Св. Сvнода 15 марта 1723 г. установлено было особое свидѣтельствованіе жизни вдовыхъ священнослужителей. По этому указу вдовыхъ протопоповъ, поповъ, протодіаконовъ и діаконовъ, являющихъ житіе доброе, благочинное и не подозрительное, и исправное въ исполненіи всѣхъ должностей священнаго чина—положено чина и мѣстъ не лишать. Но епархіальнымъ архіереямъ предписано каждогодно имѣть свидѣтельство о честномъ ихъ поведеніи—чрезъ достовѣрныя заручныя прошенія всѣхъ приходскихъ людей, чрезъ испытанія въ архіерейскихъ домахъ, чрезъ заказчиковъ, управителей, поповскихъ старостъ и инквизиторовъ, а въ домахъ архіерейскихъ чрезъ іеромонаховъ. Когда послѣ такого испытанія никакой къ обличенію и изверженію ихъ правильной вины не окажется; то предписано выдавать имъ епитрахильныя граматы безъ замедленія и безъ излишняго пошлинъ взятія. Вслѣдствіе сего вдовые священники оставались и теперь подъ особымъ присмотромъ епархіальныхъ властей, и должны были брать на право служенія особыя епитрахильныя граматы. Святый

[1] Инструкц. патр. Андріана попов. старост. Собр. Зак. № 1612, пп 10, 11, 12.

Иннокентій иркутскій, посылая въ 179 г. на ревизію епархіи ключаря, въ особой инструкціи между прочимъ предписывалъ ему: «гдѣ вдовые священники о такихъ старосты церковные и прочіе прихожане подавали бъ доношенія, что они ни въ чемъ не подозрительные, и служатъ при церквахъ благочинно, и впредь оные прихожане имъ въ служеніи при церквахъ священниками быть желаютъ, и чтобъ въ тѣхъ доношеніяхъ, ежели оные благочинно живутъ, просили о дачѣ онымъ священникамъ епитрахильныхъ граматъ (1).

Въ инструкціи, данной изъ духовной дикастеріи поповскому старостѣ московскаго-китайскаго сорока, опредѣленъ и штрафъ тѣмъ вдовымъ священнослужителямъ, которые служатъ безъ епитрахильныхъ и безъ стихарныхъ граматъ—съ поповъ и діаконовъ по 2 р. по 4 алтына и по 2 деньги (2).

Въ указѣ Св. Сvнода 15 марта 1723 года, между прочимъ, предписано выдавать епитрахильныя граматы безъ замедленія и безъ излишняго пошлинъ взятія. Это послѣднее напоминаніе Св. Сvнода было весьма нужно и пригодно, но едва ли дѣйствительно. По сvнодскому указу съ вдовыхъ священниковъ велѣно брать патрахильныхъ денегъ по 15 коп. Но указомъ Ростовской консисторіи при Георгіи Дашковѣ опредѣлено собирать по 2 рубля, да въ подносы архіерею съ судьею и секретаремъ по 30 рублей (3). На самаго Сте-

(1) Иркут. Еп. Вѣд. 1864, № 11, стр. 177.

(2) 21 іюля 1738, Дѣло Архива Св. Сvнода № 518, л. 2.

(3) Правосл. Обозр. 1863 № 1, стр. 63. Черниговскій епископъ Амвросій въ 1747 году вмѣсто епитрахильныхъ граматъ давалъ особыя свидѣтельства за своею подписью: „Вдовымъ сиротинамъ вмѣсто епитрахильныхъ граматъ свидѣтельства за рукою нашею давать". (Черниг. Еп. Изв. 1865 г., № 20, стр. 50).

фана Яворскаго, митрополита рязанскаго, были нареканія, якобы онъ много беретъ за патрахильныя и постихарныя граматы. Рязанскій дьячекъ Поповъ въ 1726 г. доносилъ, что митрополитъ даетъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ патрахильныя и постихарныя граматы на всякій годъ по 4 рубля и больше, и отъ того (вмѣстѣ съ поборами за поставленіе новыхъ священниковъ, которое обходилось въ 20, 30, и 40 рублей) священный чинъ весь раззорился безъ остатка ([1]).— Отъ епитрахильныхъ и постихарныхъ пошлинъ съ 1727 г. освобождены были только вдовые священнослужители въ С.-Петербургѣ и другихъ новозавоеванныхъ городахъ, гдѣ со священниковъ не только епитрахильныхъ, но и никакихъ церковныхъ даней не было положено противъ другихъ великороссійскихъ городовъ ([2]). Повсемѣстно пошлины и доходы съ граматъ отмѣнены послѣ утвержденія духовныхъ штатовъ Высочайшимъ указомъ 17-го февраля 1765-го г: Поелику какъ самимъ архіереямъ, такъ и находящимся при нихъ приказнымъ служителямъ положены особые оклады жалованья; то отмѣнены вмѣстѣ съ другими и сборы съ епитрахильныхъ и постихарныхъ граматъ, выдаваемыхъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, а равно и самая выдача сихъ граматъ ([3]).

([1]) Соловьев. Истор. Рос. т. XVI, 357.

([2]) Одинъ изъ вдовыхъ Петербургскихъ священниковъ просилъ объ освобожденіи его отъ взноса епитрахильныхъ денегъ по скудости его, Св. Сvнодъ положилъ: «поелику въ С.-Петербургѣ и въ другихъ новозавоеванныхъ городахъ, не только съ поповъ епитрахильныхъ, но и никакихъ и церковныхъ даней не положено противъ другихъ великороссійскихъ городовъ, то епитрахильныхъ и постихарныхъ денегъ съ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ въ С.-Петербургѣ и другихъ новозавоеванныхъ городахъ до указу не спрашивать, а также никакой тяготы имъ не чинить $\frac{\text{24 марта}}{\text{5 мая}}$ 1727, сvнод. опред.

([3]) 18 апр. 1765 ук. Сенат. собр. зак., № 12,379.

2) Запрещеніе вдовымъ священникамъ служить: а) въ женскихъ монастыряхъ и, б) въ домовыхъ церквахъ.

а) Къ числу особыхъ законодательныхъ мѣръ о вдовыхъ священнослужителяхъ принадлежитъ запрещеніе имъ служить въ женскихъ монастыряхъ.

Въ поученіи митрополита Петра по Волоколамской рукописи читается: гдѣ черницы, туто бы попы бѣльцы съ попадьями, а вдовца бы попа туто не было (¹).

Тоже самое запрещеніе повторяется и у митрополита Фотія: «У черницовъ пусть и попами будутъ черницы», писалъ онъ новгородцамъ, а гдѣ будутъ въ монастырѣ черницы, туто избирать поповъ бѣльцовъ съ попадіями, а попа бы вдовца туто не было (²).

Дѣйствовало ли запрещеніе, положенное митрополитомъ Фотіемъ въ XV вѣкѣ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Послѣ собора 1503 г. вдовые священники не могли служить въ женскихъ монастыряхъ вслѣдствіе общаго запрещенія. Имъ открывалась возможность служить вездѣ, исключая домовыхъ церквей, послѣ собора 1667 г. И этою возможностію пользовались нѣкоторые въ Москвѣ; но, какъ видно, не безъ соблазна для народа. До свѣдѣнія Св. Сунода въ 1729 году дошло, что въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ дѣвичьихъ монастыряхъ, при церквахъ для священнослуженія находятся вдовые священники и діаконы, и являются въ подозрѣніяхъ. Поэтому Сунодъ указомъ 16 іюня 1729 года, опредѣлилъ: справиться немедленно о такихъ вдовыхъ священнослужителяхъ, находящихся при дѣ-

(¹) Рукоп. Волокол. нынѣ Моск. Дух. Акад., № 566, л. 392.

(²) А. Э. 1. стр. 462, № 369. 29 авг. 1410. Сравн. въ служебн. Соф. библіотеки, № 588, л. 4.

вичьихъ монастыряхъ, и всѣхъ ихъ отъ монастырей отрѣшить, потому что такимъ вдовцамъ въ дѣвичьихъ монастыряхъ быть не надлежитъ и подозрительно, и впредь вдовымъ священнослужителямъ въ дѣвичьихъ монастыряхъ отнюдь не быть. Отрѣшенныхъ, если пожелаютъ, постригать въ монашество ([1]). Это запрещеніе повторено было Св. Сунодомъ еще въ 1735 году ([2]). Но нынѣ не вездѣ соблюдается.

б) До собора 1667 года вдовые священники безъ запрещенія служили въ домовыхъ церквахъ у бояръ, которымъ дозволено было имѣть церкви, или же, если и не было церквей, совершали заутреню, часы, молебны и вечерни. Жили эти священники въ домахъ бояръ и пищу имѣли съ ними за столомъ, у кого что прилучилось, получая сверхъ сего и жалованье погодно, по уговору ([3]). Запрещеніе вдовымъ священникамъ служить въ домовыхъ церквахъ дано тѣмъ же соборомъ патріарховъ, который отмѣнилъ общее запрещеніе священнослуженія вдовыхъ священнослужителей. Соборъ считаетъ неправильнымъ дозволять служить вдовымъ священникамъ въ домовыхъ церквахъ. Говоря о причинахъ, сдѣлавшихъ необходимымъ созваніе собора, соборъ указываетъ на нестроенія въ Россійской Церкви и на то, что многіе около того времени уклонились отъ исполненія долга исповѣди и св. причастія, и продолжаетъ: «могущіи же по домомъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ безъ благословенія и безъ свидѣтельства архіерейскаго; иніи же изъ тѣхъ священниковъ мнози подъ

([1]) 16 іюня 1727. Собр. Зак.. № 5439.

([2]) Указъ 31 марта 1735 г.

([3]) Котошихинъ о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, гл. XIII, стр. 122.

запрещеніемъ и изверженіемъ отъ своего имъ архіерея служаху по домомъ и угождаху непокорникомъ Святыя Восточныя Церкви, не хотящимъ слушати въ церквахъ пѣнія, идѣже совершается по исправленнымъ печатнымъ книгамъ по обычаю Святыя Восточныя Церкве» ([1]). Въ одномъ изъ засѣданій собора, предшествовавшихъ тому, въ которомъ отмѣнено запрещеніе священнослуженія вдовымъ священнослужителямъ, именно въ засѣданіи 2 іюня 1666 г., Соборъ опредѣлилъ, чтобы черныхъ поповъ и вдовыхъ въ домѣхъ отнюдь не было, и службы церковныя никоторыя по домомъ и по мірскимъ церквамъ не служили отнюдь черные попы и вдовыя безъ указу и безъ памятей бы отнюдь съ сего числа въ домѣхъ никто нигдѣ не служилъ; а буде тѣ, кто отнынѣ не явся въ домѣхъ у крестовъ учнутъ служити, и тѣмъ священникомъ быть въ смиреніи и въ пенѣ ([2]). Всѣ священники должны были подать о томъ сказки за руками, кто священниковъ имяны вдовыхъ или пришлыхъ у кого въ дому имянемъ служатъ ([3]). Это запрещеніе повторено потомъ московскимъ соборомъ 1681 г., подтвердившимъ, чтобы «мірскіе люди вдовыхъ священниковъ въ домѣхъ своихъ у крестовъ не держали. Патріархъ и архіереи, по просьбамъ знатныхъ людей, которымъ безъ церковнаго пѣнія не возможно быть, могутъ дозволять у нихъ служить священнику не вдовому; вдовымъ же священникамъ и іеромонахамъ не давать благословенія жить въ мірскихъ домахъ, и совершать церковныя службы. Причиною

([1]) Книга соборныхъ опредѣленій гл. I, по рукоп. СПб. библ. Св. Сунода, л. 4. Дополн. къ акт. ист. V, № 102, л. 460,

([2]) Дополн. къ акт. ист. V, № 102, стр. 465.

([3]) Тамъ-же, стр. 466.

этого запрещенія соборъ указываетъ умноженіе безчинія и пьянства въ духовномъ чинѣ въ то время ([1]). За нарушеніе запрещенія соборъ предписываетъ ссылать такихъ вдовыхъ священниковъ въ монастырь подъ крѣпкій началъ, или отдавать въ работу. Принимающіе вдовыхъ священниковъ для служенія въ свои домы подлежатъ церковной епитиміи ([2]). При Петрѣ 1-мъ и его преемникахъ не рѣдки были запрещенія имѣть домовыя церкви; но не видимъ, чтобы были какія нибудь запрещенія служить въ домовыхъ церквахъ вдовымъ священникамъ. Нынѣ это запрещеніе не имѣетъ силы.

3. Побужденіе ко вступленію въ монашество.

Во все время, пока дѣйствовало запрещеніе священнослуженія вдовымъ священнослужителямъ безъ постриженія въ монашество, самое это запрещеніе служило наисильнѣйшимъ побужденіемъ къ принятію монашества. Только принявъ монашество священнослужитель сохранялъ право совершенія всѣхъ священнослужительскихъ дѣйствій. Въ противномъ случаѣ онъ лишался возможности пользоваться правомъ священнослужителя самымъ высшимъ—правомъ совершенія божественной литургіи. Сильнѣе этого побужденія къ монашеству для человѣка чистой совѣсти трудно найти. Но были примѣры, что нѣкоторые архіереи ревнители даже особенно принуждали къ постриженію всѣхъ вдовыхъ безъ разбора. Не задолго до совершеннаго отмѣненія запрещенія, рязанскій архіепи-

([1]) Въ нынѣшнее время многіе попы и дьяконы живутъ безчинно и упиваются безмѣрнымъ пьянствомъ и церковныя тайны дѣйствуютъ пьяные.

([2]) А. И. т. V, № 75, стр. 113, 114.

скопъ Мисаилъ (хиротонис. въ 1651 г.), въ самомъ началѣ своего святительства, разослалъ ко всей своей паствѣ грамату съ различными наставленіями, между которыми было и слѣдующее: «объявите по всей нашей Рязанской архіепископіи и въ Михайловскомъ уѣздѣ, чтобы вдовые попы и діаконы постригались въ иноческій чинъ, а въ мірѣ не жили бы и не дѣлали соблазна міру. Если какіе вдовые священники и діаконы сняли съ себя скуфьи и женились на другихъ женахъ, то вы не входите къ нимъ въ домъ ни съ какою святынею, не пущайте ихъ въ церковь Божію, и не принимайте отъ нихъ въ церковь никакого приношенія. Такихъ разстригъ поповъ и дьяконовъ, которые не станутъ слушать нашего указа, отдавать на поруки и съ поручными высылать къ намъ въ Переславль Рязанскій (¹).

Запрещеніе священнослуженія вдовымъ священнослужителямъ отмѣнено соборомъ 1667 г. Вмѣстѣ съ нимъ должно было утратить свою силу и вынуждаемое этимъ запрещеніемъ вступленіе въ монашество, составлявшее единственное условіе для сохраненія права священнодѣйствія. Но утративъ свою силу *de jure*, оно не утратило ее *de facto*. Практика и обычай поддерживали понужденіе вдовыхъ къ вступленію въ монашество еще долгое время. Святитель Димитрій Ростовскій въ 1708 г. указываетъ даже на юридическое основаніе этого обычая въ одномъ указѣ Петра 1-го, намъ неизвѣстномъ. Вотъ что писалъ св. Димитрій Ростовскій къ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ на просьбу ея объ опредѣленіи одного вдоваго

(¹) Грамата напечат. у Воздвиж. Исторія Рязан. Іерархіи, стр. 87—97 и въ Хр. Чт. 1859 г. кн. I, стр. 377—378 статья Архіеп. Филарета о Рязанскихъ Іерархахъ.

священника опять на мѣсто, отъ котораго онъ былъ отрѣшенъ: «изволила ты, государыня, по милости своей милосердствовати о отставномъ вдовомъ попѣ Давидѣ, села Курбы, дѣлъ его не вѣдая ([1]), чтобъ ему прощену быть, и на своемъ мѣстѣ жить по прежнему. И я, богомолецъ вашъ, вашему царскому величеству о томъ попѣ творю извѣстно, что тотъ попъ, уже тому назадъ прошло годовъ два, какъ онъ отъ курбовской церкви отставленъ, а священства не отлученъ, аще и достоинъ былъ отлученія, и велѣно ему постричься въ коемъ себѣ изберетъ монастырѣ, понеже грамота государская у насъ есть, чтобъ вдовыхъ поповъ постригать, и по той грамотѣ пострищися ему велѣли». Ясно, что здѣсь разумѣется грамата или указъ самаго Петра. Ниже въ томъ же письмѣ, отказываясь отъ исполненія просьбы, святитель говоритъ: «еще же и государева гнѣва опасаюсь, аще грамотѣ его государской, вдовыхъ поповъ постригать повелѣвающей, ослушенъ буду». Но видно, что святитель не принуждалъ къ постриженію. Въ концѣ письма онъ говоритъ: «молю убо ваше царское благородіе, не положите гнѣва на мя, богомольца своего, что не могу содѣлати вещи невозможной. Азъ же

([1]) Дѣла этого священника, навлекшія на него наказаніе, состояли въ томъ, что онъ придерживался раскола. Убѣдившись, что обвиняемый священникъ дѣйствительно раскольникъ, св. Димитрій отрѣшилъ его отъ мѣста, но дозволилъ, какъ вдовцу, идти въ монахи. «Много мнѣ было отъ него досады, пишетъ между прочимъ Святитель, передъ многими людьми называлъ меня еретикомъ, римляниномъ, невѣрнымъ, я все ему прощаю Христа ради моего, а священства не отнялъ у него, далъ ему волю постричься въ какомъ нибудь монастырѣ; но боюсь гнѣва Божія, если волка въ одеждѣ овчей пущу въ стадо Христово губить души людскія раскольническими ученіями. Соловьева. Истор. Россіи т. XVI, 28. Кабинет. дѣла II кн. IV, II, 8 Чтен. Ист. Общ. 1868 г., кн. 2.

грѣшный на того попа гнѣва не держу и не хощу его, и запрещенія ему отъ меня нѣтъ, а принужденія къ иночеству нѣтъ же, какъ онъ себѣ хочетъ. Овца не слушающая пастыря волку корысть, а я чистъ отъ погибели его» (1).

Святѣйшій Сѵнодъ не одобрялъ понужденій въ монашество и въ первое время былъ озабоченъ устройствомъ судьбы вдовыхъ священнослужителей. Въ прибавленіи къ Духовному Регламенту замѣчено: «долженъ быть прилѣжный совѣтъ въ Св. Сѵнодѣ, чтó дѣлать съ овдовѣвшими іереями и діаконами, наипаче которые въ юности овдовѣли. Былъ дотолѣ обычай постригать таковыхъ въ монахи; но како же таковый изречетъ предъ Богомъ обѣщаніе, что онъ не отъ нужды въ чинъ монашескій идетъ? что же еще, когда онъ и не ощущаетъ дарованія и вельми того не хотѣлъ бы? Понуждать не надобно, а въ самовластномъ произволеніи со искушеніемъ постригать можно (2). Этотъ предположенный Регламентомъ совѣтъ и дѣйствительно былъ въ Св. Сѵнодѣ. И при разсужденіи въ 1723 г. о вдовствующихъ священнослужителяхъ: «которымъ прежде того принужденіе бывало лишатися мѣстъ своихъ или неволею въ монашество постригатися безъ всякія къ тому кромѣ онаго овдовѣнія вины», Св. Сѵнодъ опредѣлилъ: «съ сего времени какъ прежде овдовѣвшихъ, такъ и впредь во вдовыхъ быть имѣющихъ протопоповъ, поповъ, протодіаконовъ и діаконовъ, которые по овдовѣніи своемъ показуютъ и впредь являть будутъ житіе до-

(1) Древн. Рос. Вивліоѳ. XVII. Дневн. зап. св. Димитрія, стр. 60—68. Моск. 1791.

(2) Прибавл. къ Дух. Регл. о пресвитер. п. 30.

брое, благочинное, неподозрительное, и во всѣхъ священному чину должностяхъ исправное, отъ чина и отъ мѣстъ ихъ не лишать, но быть имъ (буде никакой ко отлученію или изверженію правильной вины не явится) въ прежнемъ своемъ достоинствѣ непремѣнно (¹).

Этого правила и держался Св. Сѵнодъ въ послѣдующее время. Хотя и видимъ частныя попытки со стороны нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ ко введенію обязательнаго постриженія вдовыхъ священнослужителей, по особеннымъ обстоятельствамъ и нуждамъ епархій, и—одно предложеніе общаго введенія повсюду непремѣннаго постриженія вдовыхъ священнослужителей; но всѣ эти попытки были отклонены Св. Сѵнодомъ и общее правило о непринужденіи къ монашеству вдовыхъ священнослужителей было утверждаемо. Никакія причины и представленія епархіальныхъ архіереевъ не были уважаемы Св. Сѵнодомъ. Первая во времена Св. Сѵнода попытка принужденія къ монашеству вдовыхъ священнослужителей, и притомъ только нѣкоторыхъ, сдѣлана была вологодскимъ епископомъ Аѳанасіемъ Кондоиди, но была отклонена Св. Сѵнодомъ. Онъ доносилъ Св. Сѵноду, что въ монастыряхъ его епархіи за недостаткомъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ, имѣются священники и діаконы бѣлые, а настоятели престарѣлые, и на мѣсто ихъ произвести некого. Но вдовыхъ священниковъ въ его епархіи обрѣтается не малое число, и изъ нихъ и не молодые, сдавшіе свои мѣста, причемъ обязывалися письменно—по сдачѣ не священнодѣйствовать, и мірскихъ требъ не отправлять, но по посвященіи на ихъ мѣсто дерзаютъ служить, отъ чего происходятъ ссоры между

(¹) Опред. Св. Сѵнода 11 янв. 1723.

новопоставленными и ими. Для предотвращенія этого и для пополненія монастырей, онъ предлагалъ таковыхъ *постригать и съ принужденіемъ*. Но Св. Сvнодъ опредѣлилъ таковыхъ, вопреки обязательству служащихъ и совершающихъ требы, отъ чего происходили ссоры, смирять за это посылкою въ монастырскіе труды подъ началомъ. «А ежели кто изъ нихъ *пожелаетъ* воспріять монашескій чинъ, и тѣхъ монашества сподоблять, какъ правила св. апостолъ и богоносныхъ отецъ повелѣваютъ» ([1]). Но этимъ не ограничились попытки принужденія къ постриженію въ монашество вдовыхъ священнослужителей со стороны епархіальныхъ начальствъ. Иркутскій епископъ Иннокентій II-й Неруновичъ отрѣшилъ отъ мѣстъ всѣхъ вдовыхъ священниковъ, силою взялъ ихъ въ монастырь и постригъ въ монахи. Въ 1744 г. тобольскій архіепископъ Антоній, по неимѣнію въ Томскомъ монастырѣ іеромонаховъ, велѣлъ забрать вмѣсто нихъ вдовыхъ священниковъ ([2]). И во второй половинѣ прошедшаго столѣтія держался этотъ обычай, хотя въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло доходило до Св. Сvнода, или до Высочайшаго свѣдѣнія,—этотъ обычай и былъ осуждаемъ. Въ 1755 г. нѣсколько вдовыхъ священнослужителей жаловались Св. Сvноду, что ихъ, за вдовствомъ ихъ, новгородская консисторія принуждаетъ въ монашество, а они того за имѣющимися при нихъ малолѣтними дѣтьми не желаютъ, и просили, чтобъ ихъ до воспитанія дѣтей отъ постриженія въ монашество уволить и оставить при церквахъ по

([1]) 29 янв. 1729, ук. Св. Сvнода.

([2]) Статья Серафимовича. Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири, Отеч. Зап. 1867 № 20, стр. 713.

прежнему. Св. Сунодъ предписалъ: вдовыхъ священниковъ, если до нихъ не имѣется такихъ дѣлъ, по коимъ въ монастырѣ быть имъ слѣдуетъ, къ постриженію въ монашество безъ самопроизвольнаго ихъ желанія не принуждать ([1]). Впрочемъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, безъ сомнѣнія безъ вѣдома Св. Сунода, вдовыхъ священниковъ бездѣтныхъ отправляли въ монастыри и постригали иногда и противъ ихъ желанія ([2]). Въ 1763 г. дѣло объ одномъ вдовомъ священникѣ костромской епархіи, который въ московской сунодальной конторѣ просилъ отъ невольнаго его постриженія защищенія, но вмѣсто того опять посланъ въ тотъ же монастырь для неисходнаго пребыванія, дошло до свѣдѣнія императрицы Екатерины II-й, которая признала это за несправедливый и съ законами несходственный поступокъ и повелѣла сего вдоваго попа отъ того монастырскаго неисходнаго пребыванія немедленно освободить и по прежнему опредѣлить къ церкви, у коей былъ, и впредь таковыхъ постриженія не желающихъ въ неисходныя въ монастырскія пребыванія отнюдь не посылать ([3]).

([1]) 2 іюня 1755 г. Сун. прот. № 10. Такой же указъ и опять посланъ въ Новгород. епархію (5 іюля 1755. Сун. Прот. № 7). Лука епископъ Бѣлгородскій принуждаетъ вдоваго священника къ постриженію. Но Св. Сунодъ предписываетъ не принуждать (2 окт. 1756 Сун. прот. № 1). Въ 1761 г. вдовый діаконъ у Св. Сунода просилъ дозволенія жениться и просилъ не отсылать его для сего къ епарх. архіерею, ибо онъ принудитъ его къ постриженію (9 февр. 1751 проток. Св. Сун № 29). И вдовыхъ дьячковъ Арсеній Мацѣевичъ также посылалъ въ монастыри. Но Св. Сунодъ по жалобамъ ихъ всѣхъ освобождаетъ изъ монастырей (16 марта 1759. Проток. № 61).

([2]) Такъ бывало напр. въ Крутицкой епархіи (Руднева, Духовенство Крутицкой епархіи въ чтен. общества любителей дух. просвѣщ. кн. 5, стр. 74).

([3]) 27 окт. 1763. Сунод. проток. № 40.

Въ тоже самое время, какъ высшее церковное и гражданское правительство удерживали епархіальныя начальства отъ вынужденнаго постриженія вдовыхъ священнослужителей въ монашество, о томъ же подавала голосъ и свѣтская литература, хотя и совершенно по другимъ основаніямъ и побужденіямъ. Ломоносовъ, въ письмѣ къ Шувалову (отъ 13 ноября 1761 г.) изложилъ разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа, гдѣ въ 4-мъ пунктѣ осуждаетъ обычай вдовыхъ священниковъ постригать въ монашество ([1]).

Предписанія церковнаго и свѣтскаго правительства о непринужденіи къ постриженію ясны и рѣшительны. Но и послѣ сего обычай держался. Повторялись и попытки принужденія къ монашеству вдовыхъ священнослужителей со стороны архіереевъ, были жалобы на это, были и замѣчанія противъ сего со стороны св. Сѵнода ([2]). Св. Сѵнодъ всякій разъ

([1]) Вотъ въ полномъ видѣ это легкомысленное разсужденіе Ломоносова, обращенное имъ къ его милостивцу: „вошло въ обычай, что натурѣ человѣческой противно (противно ли законамъ на соборахъ положеннымъ—не помню), что вдовыхъ молодыхъ поповъ и дьяконовъ въ чернецы насильно постригаютъ, чѣмъ къ грѣху, а не ко спасенью дается поводъ, и приращенію народа не малая отрасль пресѣкается. Смѣшная неосторожность! Не позволяется священнодѣйствовать, женясь вторымъ бракомъ законно, честно и благословенно, а въ чернечествѣ блуднику, прелюбодѣю, или еще и м.... литургію служить и всякія тайны совершать дается воля. Возможно ли подумать, чтобы человѣкъ молодой, живучи въ монастырѣ безъ всякой печали, довольствуясь пищами и напитками, и по всему внѣшнему виду здоровой, сильный и тучный, не былъ бы плотскихъ похотей стремленіямъ подверженъ, кои всегда тѣмъ больше усиливаются, чѣмъ больше запрещаются! Для сихъ причинъ кажется, что молодымъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ надобно позволить второй бракъ, и не постригать прежде лѣтъ пятидесяти, или, снявъ чинъ священства, позволить быть мірскими чинами“. (Библіограф. записки 1859, № 11, столб. 346. 347).

([2]) Вдовые священники и имѣющіе даже дѣтей, были принуждаемы

когда доходили до него свѣдѣнія о подобныхъ принужденіяхъ, воспрещалъ оныя. Даже въ крайнихъ случаяхъ при недостаткѣ въ монашествующихъ по какимъ нибудь особымъ обстоятельствамъ, св. Сѵнодъ не соглашался на эту мѣру, когда ее предлагали. Недостатокъ монашествующихъ былъ одною изъ причинъ поддерживавшихъ существованіе обычая. Такъ въ 1783 г. Михаилъ епископъ Иркутскій доносилъ о недостаткѣ въ епархіи до штатнаго числа монашествующихъ около 42 человѣкъ, и присовокуплялъ, что хотя въ епархіи находятся вдовые протопопы, священники и діаконы, въ томъ числѣ иные престарѣлыхъ лѣтъ и бездѣтные, а у которыхъ хотя и дѣти есть, но они распредѣлены уже къ церквамъ, однако же тѣ вдовые священники и діаконы о постриженіи себя въ монашество не просятъ. Поэтому онъ представлялъ чтобы св. Сѵнодъ, въ разсужденіи крайняго въ монашествующихъ недостатка, вдовыхъ священнослужителей Иркутской епархіи повелѣлъ постричь въ монашество. Св. Сѵнодъ предписалъ, что какъ Духовнымъ Регламентомъ и Императорскими указами 4 сент. 1764 и 29 окт. 1769 и указомъ св.

къ постриженію въ монашество. Такъ въ Тобольской епархіи въ 1762 г. (26 мая 1764 г. Сѵн. прот. № 15) въ Костромской (7 іюня 1764 г. Сѵн. прот. № 5). Въ Вятской игуменъ и членъ духовнаго правленія захватилъ вдоваго священника чрезъ нарочно присланныхъ и содержалъ нѣсколько времени подъ карауломъ и, будто бы по приказу Вятскаго архіерея, имѣлъ намѣреніе постричь его въ монахи принужденно (14 іюня 1764 Сѵн. прот. № 31). Св. Сѵнодъ по доходившимъ до него жалобамъ всегда осуждалъ принужденіе. Въ Тобольской епархіи пономарь по постриженіи даже получилъ и іеродіаконство. Св. Сѵнодъ опредѣлилъ: возвратить, но вмѣстѣ съ симъ діаконскаго служенія не исправлять, такъ какъ онъ діаконство получилъ будучи въ монашествѣ, отъ котораго отрицается (тамъ же, № 33. Сравн. прот. Св. Сѵнода 13 авг. 1772, № 26).

Сvнода 12 дек. 1729 г. въ 5 пунктѣ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ и никого сверхъ ихъ воли не только въ монашество постригать, но и въ монастырь принимать строжайше запрещено, то Преосвященному такихъ несходственныхъ съ узаконеніями представленій и чинить не слѣдовало ([1]).

Нынѣ о принужденіи вдовыхъ священнослужителей къ постриженію въ монашество не можетъ быть рѣчи. И хотя св. Сvнодъ и нынѣ иногда дѣлаетъ вдовымъ священнослужителямъ предложенія о постриженіи, но уже совершенно въ другихъ видахъ и съ другими цѣлями. Монашество предлагается навлекшимъ на себя подозрѣніе въ какихъ либо преступленіяхъ вдовымъ священнослужителямъ, какъ жизнь покаянія, вступленію въ которую не препятствуетъ никакой прежній образъ жизни по правиламъ ([2]). Такъ св. Сvнодъ напр. въ 1830 г. опредѣлилъ «предложить священнику, не согласится ли онъ въ отвращеніе всякаго нареканія на честь его, могущаго произойти и впредь отъ одного мнѣнія о его вдовствѣ и безсемейственности, поступить въ число братства какого нибудь монастыря съ надеждою постриженія въ чинъ монашескій ([3]). Подобное же предложеніе и по подобному же случаю было и еще употреблено въ отношеніи къ одному уже престарѣлому вдовому священнику, подвергшемуся укоризненнымъ по жизни оговорамъ впрочемъ безъ доказательствъ. Положено Консисторіею: «настоятелю монастыря убѣждать сего священника какъ вдоваго и безсемейнаго остаться

([1]) 4 авг. 1783. Сvн. прот. л. 481.
([2]) VI всел. соб. пр. 43.
([3]) 4 марта 1830, Сvн. прот. л. 908, кн. апрѣльск.

въ монастырѣ въ числѣ братства. А св. Сүнодъ положилъ: «священника, если не согласится остаться въ монастырѣ съ надеждою постриженія, оставить нынѣ же въ заштатныхъ (¹). Въ 1845 г. священникъ запрещенный въ священнослуженіи и состоявшій на причетнической должности, просилъ о разрѣшеніи священнослуженія. Св. Сүнодъ согласился, съ тѣмъ если пожелаетъ поступить въ число братства на всегда въ который либо монастырь. Въ такомъ случаѣ, по испытаніи совѣсти чрезъ духовника, въ монастырѣ можетъ быть ему разрѣшено священнослуженіе (²).

Если въ Православной русской церкви обычай постригать вдовыхъ священнослужителей въ монашество можно почитать имѣющимъ свой корень и ведущимъ свое начало отъ Московскихъ Соборовъ 1503 и 1551 годовъ; то и Виленскій Соборъ 1509 года произвелъ подобное же дѣйствіе въ Православной церкви, принадлежавшей прежде къ православной западно-русской митрополіи, часть которой въ прошедшемъ столѣтіи отъ Польши отошла къ Австріи. Дѣйствіе постановленій Московскаго Собора 1667 г., измѣнившихъ судьбу вдовыхъ священнослужителей, не могло простираться на Православную церковь въ западно-русскихъ областяхъ, находившихся тогда подъ польскимъ владычествомъ, и въ послѣдствіи поступившихъ во владѣніе Австріи. Поэтому мы и видимъ, что обычай обязательнаго постриженія вдовыхъ священнослужителей тамъ держится до конца прошедшаго столѣтія (³). Онъ отмѣненъ регламен-

(¹) 17 марта 1830, Сүн. прот. л. 1261 кн. апрѣльск.

(²) 27 марта 1845, протоколъ № 31.

(³) Wiggers Kirchliche statistik 1842, S. 208. Helfert Rechte d. Akatholiken in Oesterreich S. 176. 177.

томъ Императрицы Маріи Терезіи 1776 г., въ которомъ говорится объ этомъ предметѣ слѣдующее: «иже на каноническихъ правахъ греческой церкви никакоже основанный обычай, имъ же донынѣ попове по смерти женъ своихъ въ монастыри отслани, къ монашескимъ обѣтомъ противу законовъ вѣры принуждени, дѣти же ихъ въ крайную бѣду вдани быша, все—конечно запрещается и утоляется: тѣмъ же убо овдовѣвшіи негли парохи при парохіяхъ своихъ да оставятся, не хотящіи и безъ довольныя каноническія, или отъ дряхлыя негли старости, или нездравія раждающихся препонъ сановъ своихъ да не оставятся, ниже въ монастыри да отсылаются, но аще бы таковое нѣчто собственныхъ ради винъ потребно было, сіе намъ во всякомъ случаѣ да объявится, и о прочемъ же священствѣ, аще бы кто не хотящъ въ монастырь отсланъ быти имѣлъ, тожде да сохранится (¹)».

Но не допуская ни по какимъ причинамъ принужденія къ постриженію въ монашество, наше высшее церковное и гражданское правительство не находили противнымъ справедливости а), допустить нѣкоторыя снисхожденія и облегченія къ поступленію

(¹) Регулам. § 46, стр. 44. То извѣстіе, будто и въ греческой церкви для вдоваго священнослужителя обязательно вступленіе въ монастырь едва ли точно. Гейбъ, изображая юридическій бытъ Греціи подъ турецкимъ владычествомъ, говоритъ: «греческое церковное право всѣмъ духовнымъ за исключеніемъ епископа и монаховъ бракъ вмѣняетъ въ обязанность но вмѣстѣ съ тѣмъ вступленіе во 2-й бракъ рѣшительно воспрещаетъ, почему вдовые священники обыкновенно и поступаютъ въ монастыри» (Geib—Darstellung d. Rechtszustandes in Griechenland während d. türkisch. Herrschaft. Heidelb. 1835, S. 28). Очевидно, что все это извѣстіе не имѣетъ точности и объясняется недостаточнымъ знакомствомъ писателя и съ правилами Восточной Церкви и съ практикою.

въ монашество вдовыхъ священнослужителей, имѣющихъ собственное къ тому желаніе, и б), назначать вдовыхъ священнослужителей, въ случаяхъ крайней нужды, къ совершенію богослуженія въ монастыряхъ.

а), При общихъ запрещеніяхъ постригать въ монашество, частыхъ въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ десятилѣтіяхъ прошедшаго вѣка, для вдовыхъ священнослужителей всякій разъ дѣлаемо было исключеніе ([1]), или для нихъ облегчаемы были тѣ трудности, которыми обставлено было вступленіе въ монашество для другихъ, и вообще были назначаемы болѣе легкія условія при вступленіи въ монашество чѣмъ для другихъ.

Чтобы оцѣнить, сколь важно было въ то время упомянутое нами исключеніе, состоявшее въ разрѣшеніи вдовымъ священнослужителямъ быть допущенными до постриженія, мы должны припомнить обстоятельства, при которыхъ, напр., дано было такое разрѣшеніе при Императрицѣ Аннѣ въ 1734 году. Ѳеофанъ Прокоповичъ, имѣвшій свободной доступъ къ Императрицѣ, въ іюнѣ 1734 г. въ лѣтнемъ дворцѣ имѣлъ съ нею разговоръ о монахахъ и изложилъ законодательство объ нихъ бывшее, начиная съ Петра I-го. Императрица нашла оное согласнымъ съ своими мыслями и изъявила желаніе, чтобы эти постановленія были строго соблюдаемы. Въ слѣдствіе сего Ѳеофанъ въ собраніи Сѵнода 10 іюня 1734 г. объявилъ словесно, что Императрица указала, чтобы во всѣхъ Россійской Имперіи монастыряхъ, кромѣ вдовыхъ священниковъ, діаконовъ и отставныхъ солдатъ, которыхъ

([1]) 3 марта 1725, Собр. Зак. № 4672. 16 іюля 1729, Собр. Зак. № 5439 10 іюня 1734, Собр. Зак. № 6585. 5 февр. 1729. указъ Св. Сѵнода Иркут. еписк. Иннокентію.

указами постригать въ монашество повелѣно, никого ни изъ какихъ чиновъ людей постригать не велѣла, и о томъ повелѣла послать изъ Сѵнода указы. Въ тотъ же день св. Сѵнодъ сдѣлалъ распоряженіе о разсылкѣ указовъ въ этомъ смыслѣ съ присовокупленіемъ наказанія за нарушеніе указа (архіереямъ штрафъ въ 500 руб., а монастырскимъ властямъ лишеніе чиновъ и монашества и ссылка съ лишеніемъ имущества) и опредѣленіемъ, чтобы и вдовые священники и діаконы были постригаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія Сѵнода—въ сѵнодальной Области, и епархіальныхъ архіереевъ—въ епархіяхъ ([1]).

Къ облегченіямъ, упомянутымъ нами, принадлежали слѣдующія: аа) данное Св. Сѵнодомъ въ 1736 г. вдовымъ священнослужителямъ дозволеніе, въ числѣ прочихъ послушаній, совершать, во время трехлѣтняго искуса предъ постриженіемъ и священнодѣйствія ([2]);

([1]) 10 іюня 1734, Собр. Зак. № 6585. Сравн. Архангельскаго—С.-Петербургская епархія съ воцаренія имп. Анны. Странникъ, декабрь 1867, стр. 166, 167.

([2]) 12 ноября Святѣйшій Сѵнодъ, имѣя разсужденіе о вдовыхъ священникахъ и діаконахъ, желающихъ постриженія, каковыхъ по силѣ состоявшихся въ прошлыхъ годахъ, а именно: 1724 февр. 5 Петра Великаго, 1725 марта 3—Екатерины Алексѣевны, 1731 іюня 10—Анны Іоанновны указовъ, принимать въ монашество надлежитъ, точію чинить имъ постриженіе по силв же напечатанныхъ въ прибавленіи Духовн. Регламента о пріемѣ въ монашество, пунктовъ: 7 со оберегательствомъ, и 11-го по трилѣтнемъ искушеніи, съ прохожденіемъ общаго монастырскаго послушанія, каковое укажетъ настоятель, по 12-му же съ докладу архіерейскаго. А чтобъ въ оное трилѣтнее во искушеніи пребываніе изъ приходящихъ въ монашество вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, за скудость въ монастырѣхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ отправлять и священнослуженіе, таковаго точнаго опредѣленія еще не учинено. А хотя изъ вышепоказаннаго въ прибавленіи Духовн. Регламента напечатаннаго 11 п., о исправленіи общаго монастырскаго послушанія, въ числѣ котораго разумѣется и священнослуженіе, но чаятельно есть, что допустить таковыхъ до священнослуженія, какъ Архі-

бб), сокращеніе срока трехлѣтняго искуса на шестимѣсячный, данное Св. Сунодомъ въ 1739 г. (¹), и потомъ, имяннымъ указомъ 30 ноября 1779 г. объявленное, совершенное отмѣненіе обязательности условія объ искусѣ для вдовыхъ священнослужителей (²), --об-

ереи, кольми же паче настоятели сами собою не дерзнутъ. А егда о томъ произойдутъ требованія, и отъ того имѣетъ нанестися Св. Суноду напрасное утружденіе. Въ указѣ 1721 генв. 25, между прочимъ изображено: должна есть коллегія сія (т. е. Св. Сунодъ) и новыми впредь правилами доводнять Регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разныхъ дѣлъ случаи; но оное о допускѣ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ во время трилѣтняго искушенія до священнослуженія позволеніе, не яко новое каковое правило, но токмо вышеизображенному въ прибавленіи Дух. Регламента 11 п. во изъясненіе Св. Суноду и безъ докладу Ея Императорскому Величеству учинить возможно, того ради приказали: вдовымъ священникамъ и діаконамъ, желающимъ монашества, по надлежащему, по силѣ св. правилъ, Дух. Регламента, прежнихъ же и Ея Императорскаго Величества указовъ, въ монастыри пріемѣ, во время трилѣтняго, до поступленія, искушенія *въ числѣ прочихъ послушаній дозволять и священнослуженіе* съ докладу и резолюціи въ Сунод. области—Дух. Дикастеріи, а въ епархіяхъ—архіереевъ, ставропигіальныхъ же монастырей—Св. Сунода, а по близости мѣсторазстоянія—Московской Сунодальнаго правленія канцеляріи.

(¹) Іюля 30 1739, Св. Сунодъ объявилъ всѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, гдѣ оные находятся, также и прошедшимъ въ школахъ реторическое, философское и богословское ученіе студентамъ и отставнымъ, опредѣленнымъ на пропитаніе въ монастыри военнымъ, ежели кто изъ нихъ желаетъ безъ трехлѣтняго искушенія токмо по шестимѣсячномъ искушеніи восприять чинъ монашескій, тѣ бъ о томъ объявили съ показаніемъ своего имени, фамиліи и проч. И впредь о таковыхъ чинахъ о постриженіи ихъ безъ трехлѣтняго, а только по шестимѣсячномъ искушеніи, представлять въ Сунодъ, принимая отъ нихъ за ихъ руками доношенія (30 іюля 1739. Указъ Св. Сунода).

(²) 1779 г. ноября 30. Ея Императорское Величество ноября 28 въ церкви Гатчинскаго своего дворца повелѣла объявить Суноду: 1) дабы къ приведенію въ лучшее состояніе монастырей и къ распространенію въ оныхъ благочестиваго и примѣрнаго житія вдовые священники ученіемъ и честностію житія себя отличающіе, а потому достойные занимать высшіе въ монастыряхъ и другихъ мѣстахъ должности, такъ какъ и учители Духовныхъ училищъ бѣльцы, по желаніямъ ихъ принять монашество, постригаемы были въ сіе званіе и безъ трехлѣтняго искуса.

легченіе сохраняющее силу и до настоящаго времени, съ тѣмъ ограниченіемъ, если таковые вдовые священнослужители достаточно были одобряемы на прежней службѣ ([1]), и не простирающееся на замѣченныхъ въ предосудительныхъ поступкахъ ([2]); вв) дозволеніе совершать таковымъ священнодѣйствіе по постриженіи по прежнимъ священническимъ и діаконскимъ граматамъ, безъ іеромонашескихъ и іеродіаконскихъ вновь граматъ, данное Св. Сvнодомъ въ 1742 г. ([3]), для чего предписано у священнослужителей, опредѣляемыхъ въ монастыри по одному только вдовству, ставленныхъ граматъ не отбиратъ ([4]), и гг) дозволеніе совершать постриженіе вдовыхъ священнослужителей въ монашество безъ точнаго соблюденія условій о возрастѣ для вступленія въ монашество ([5]).

([1]) 20 іюня 1833. Сvнод. съ Высочайше утвержденными правилами.

([2]) Вдовые священнослужители, которые были неоднократно замѣчаемы въ предосудительныхъ поступкахъ, постригаются не прежде, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ искуса со дня опредѣленія въ монастырь, если притомъ все время искуса проживутъ безпорочно (17 мар. 1836. Сvн. прот., лист. 908. 909.

([3]) Указомъ Св. Сvнода 30 марта 1742 г., вдовымъ священникамъ и діаконамъ, которые по прошеніямъ и по желаніямъ ихъ и по даннымъ имъ отъ командъ своихъ указамъ воспріемлютъ въ монастырахъ монашество и по воспріятія того, ежели по усмотрѣнію настоятелей, житіе свое будутъ оказывать безпорочное, и свидѣтельствующія священство и діаконство ихъ ставленыя грамоты имѣютъ правильныя и безсомнительныя, таковымъ іеромонашеская и іеродіаконская дѣйствовать безъ іеромонашескихъ и іеродіаконскихъ вновь грамотъ (Собр. Зак. № 8537).

([4]) Въ ук. 26 іюля 1821 не опредѣлено отбирать отъ священнослужителей, кои, будучи добропорядочнаго поведенія опредѣлены по желанію въ монастыри по одному только вдовству - ставленныя граматы и другіе на званіе ихъ виды (3 мая 1822 прот. № 18).

([5]) 20 іюня 1832, Сvнод. съ Высоч. утвержденными правилами.

Иногда, у нѣкоторыхъ нашихъ архіереевъ, были намѣренія, при недостаткѣ лицъ монашествующаго духовенства, способныхъ занимать настоятельства въ монастыряхъ, замѣщать сіи мѣста вдовыми священнослужителями по постриженіи ихъ въ монашество. Но другіе не раздѣляли этихъ мыслей, не находя справедливымъ тотчасъ постригать и производитѣ въ архимандриты (1).

б) Отъ побужденія къ постриженію Св. Сѵнодъ отличалъ назначеніе вдовыхъ священнослужителей въ монастыри для священнослуженія и, отвергая рѣшительно первое, допускалъ второе. Указомъ Св. Сѵнода, состоявшимся въ 1732 г., предписано таковыхъ въ монастыри для священнослуженія опредѣлять (2). Въ 1757 г., при разсужденіи о вдовыхъ священнослужителяхъ новгородской епархіи, Св. Сѵнодъ предписалъ: «таковыхъ вдовыхъ священнослужителей, безъ всякихъ ихъ отговорокъ, отсылать для священнослуженія къ монастырямъ такимъ, гдѣ въ томъ нужда состоитъ, и въ монашество ихъ, въ силу духовнаго регламента, если они сами пожелаютъ, постригать» (3). Подобнымъ образомъ разрѣшилъ Св. Сѵнодъ этотъ вопросъ и въ 1772 г., когда, по случаю моровой язвы въ Москвѣ, въ монастыряхъ оказалось много недо-

(1) По поводу представленія о назначеніи на игуменскія вакансіи митрополитъ Платонъ писалъ къ Амвросію: «о попахъ вдовыхъ что̀ изволите упоминать, я не понимаю. Ихъ у меня много; но ни отъ кого въ монашествѣ быть отзыву нѣтъ; а ежелибъ и были, не ужъ-ли они тотчасъ и пострижены и въ архимандриты произведены быть должны? А ежели есть готовые, пожалуйте ихъ въ бизюковъ и въ другіе монастыри, коихъ у васъ много». 15 авг. 1800. Письмо 66 въ Троицк. Серг. Лавр. Ризн. № 124).

(2) 13 авг. 1773. Сѵн. прот. № 26.

(3) 10 марта 1757.

стающихъ противъ штатнаго числа монашествующихъ. Сѵнодальная контора, ссылаясь на опредѣленіе Сѵнода 1732 г., которымъ предписывалось таковыхъ въ монастыри для священнослуженія опредѣлять, просила разрѣшенія у Св. Сѵнода вдовыхъ и бездѣтныхъ священнослужителей и безъ ихъ желанія отослать, и впредь таковыхъ же въ московской епархіи въ разсужденіи крайнѣйшей въ московскихъ монастыряхъ въ монашествующихъ нужды, и чтобъ оные священники и діаконы безъ пропитанія не находились, отсылать въ тѣ монастыри, въ коихъ недостатокъ монашествующихъ, гдѣ употреблять достойныхъ къ священнослуженію, а прочихъ въ монастырскія службы, и производить имъ жалованье, положенное штатнымъ монашествующимъ, точію къ постриженію въ монашество ни подъ какимъ видомъ не принуждать. Но Св. Сѵнодъ разсуждалъ иначе: «понеже Духовнымъ Регламентомъ ни Императорскими указами монашества не желающихъ не токмо постригать, но и въ неисходныя монастырскія пребыванія посылать не велѣно, то въ опредѣленіи священнослужителей въ монастыри поступать по точной силѣ Регламента и указовъ, и если гдѣ въ монашествующихъ недостатокъ и въ священнослуженіи остановка, то изъ находящихся въ Москвѣ вдовыхъ праздноживущихъ и бездѣтныхъ священнослужителей для исправленія священнослуженія по очереди на время хотя и посылать, однакожъ съ тѣмъ, чтобы къ неисходному въ тѣхъ монастыряхъ житію, а паче къ постриженію въ монашество, ни подъ какимъ видомъ принужденія имъ не было, и находились бы они по отслуженіи своей череды при своихъ домахъ, гдѣ живутъ, кромѣ только того, развѣ

кто сами добровольно въ тѣхъ монастыряхъ пребываніе имѣть похотятъ (1). Но это была только временная мѣра, вызванная особыми обстоятельствами.

4. Обычай вдоваго діакона не удостоивать хиротоніи во пресвитера, безъ постриженія въ монашество.

Существующій до настоящаго времени обычай сохранился безъ сомнѣнія отъ того времени, когда имѣло силу запрещеніе допускать вдовыхъ до священнослуженія безъ принятія монашества. Существенная цѣль этого обычая безъ сомнѣнія та, чтобы въ торжественныхъ обѣтахъ монашества получить рѣшительное и несомнѣнное ручательство цѣломудренной и чистой жизни. Этотъ обычай можно почитать утратившимъ силу въ слѣдствіе принятаго, въ Высочайше утвержденномъ 16 апрѣля 1869 г., журналѣ Присутствія по дѣламъ Православнаго духовенства, правила, по которому всѣмъ лицамъ, подвергшимся вдовству послѣ перваго брака и желающимъ остаться въ безбрачномъ состояніи, открывается доступъ къ сану діакона и священника, если, при соблюденіи другихъ, полагаемыхъ церковными правилами, условій, они имѣютъ не менѣе 40 лѣтъ отъ роду и если совершенно извѣстны епархіальному начальству своимъ усердіемъ къ церкви и вполнѣ безукоризненною жизнію. Это право, дарованное всѣмъ вдовствующимъ, очевидно простирается и на вдовствующихъ діаконовъ, которые въ силу сего положенія могутъ получать священство по достиженіи ими 40-лѣтняго возраста и при извѣстности епархіальному начальству со стороны усердія къ церкви и безукоризненной жизни. Можетъ ли быть допущено

(1) 13 авг. 1772. Син. прот. № 26.

отступленіе отъ обычая — рукополагать вдоваго діакона въ пресвитера безъ постриженія въ монашество и прежде достиженія имъ 40-лѣтняго возраста—этотъ вопросъ остается не разрѣшеннымъ.

5. Нѣкоторые обычаи въ отношеніи къ женѣ умершаго священника.

Въ связи съ второбрачіемъ священника въ XV вѣкѣ высказаны были и нѣкоторыя особыя мысли о второбрачіи вдовы священника. Изъ той общей мысли, высказанной митрополитомъ Фотіемъ, что «егда Богу вземшу подружіе священниковъ, и полъ тѣлесъ ихъ, то мертва суть, и земля своего тѣла естественнаго въ растлѣніе червемъ пріятъ», митрополитъ Фотій выводитъ и то заключеніе, что и вдовамъ умершихъ священниковъ «такожде нелѣпо ходити замужъ, понеже едино бысть тѣло прежъ съ мужемъ своимъ, и то убо есть яко полтѣла мертваго» (¹). Эта мысль имѣла и доселѣ имѣетъ мѣсто въ греческой церковной практикѣ. Ее находимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Вальсамоновыхъ толкованій иногда какъ его личное мнѣніе, иногда же какъ мысль, вытекающую изъ правилъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: Божественные и священные каноны и опредѣленія сочетавшагося со вдовою, считая двубрачнымъ, не допускаютъ до церковной степени, и супругѣ умершаго священника не дозволяютъ вступать во 2-й бракъ по причинѣ тѣснаго союза (ταυτότητα) ихъ тѣлъ (²). Вальсамонова же мнѣнія держится и Властарь. А толкователь Пидаліона находитъ, что Властарь правильно изъ 48 правила VI вселенскаго

(¹) Послан. Русск. митроп. Рукоп. Московск. Сунод. библіотеки № 562 л. 399. Сравн. Рукоп. Корнч. Имп. Публ. библіотеки отд. II, № 80, л. 681.

(²) Συντ. τ. θείων καν. Ἐκδ. Ῥάλλ. IV, σελ. 563, 193 Снес. 11, σελ. 422.

собора выводитъ то заключеніе, что неприлично (*δεν πρέπει*) женамъ умершихъ священниковъ вступать во 2-й бракъ [1]. И вообще въ восточной церкви бракъ вдовы священника считался не приличнымъ [2].

У насъ послѣ вышеуказаннаго посланія митрополита Фотія нигдѣ не встрѣчаемъ этой мысли. Въ 1733 г. императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ сдѣлалось извѣстно, что находящійся въ Ригѣ протопопъ Николай Растовецкій попадью одного умершаго священника такъ спрашивалъ: идетъ ли она замужъ, объявляя, если идетъ, то онъ умершаго мужа ея священника похоронитъ безъ ризъ, а ежели послѣ мужа своего во второбрачіе не вступитъ, то похоронитъ въ ризахъ. Когда доведено было о семъ до свѣдѣнія Св. Сѵнода, то онъ призналъ «воономъ быть нѣкоему суевѣрію, и полагалъ, что не безсумнительно есть, нѣтъ-ли гдѣ таковыхъ и тому подобныхъ суевѣрствъ и въ прочихъ мѣстахъ». И посему предписалъ, если гдѣ каковыя обрящутся, о томъ слѣдовать и имѣть крайнее попеченіе дабы оныя весьма пресѣчены и искоренены были [3]. Не былъ-ли этотъ признанный суевѣрнымъ обычай остаткомъ воззрѣнія указаннаго еще митрополитомъ Фотіемъ?

Кромѣ обычая вдоваго діакона не рукополагать во священника безъ постриженія въ монашество, который соблюдается въ Россійской церкви повсемѣстно, и который, и послѣ Высочайше утвержденнаго 16 апрѣля 1869 г. положенія Присутствія по дѣламъ Православнаго духовенства, не можетъ быть почитаемъ безусловно отмѣненнымъ и, кромѣ обычая не дозво-

(1) Πηδάλ. ἐκδ. 1841 σελ. 151.

(2) Goar, Euchol*o*g. p. 219 Annot. 1.

(3) 7 сент. 1733. Сѵн. ук. въ Собр. Зак. № 6478.

лять вдовымъ служить въ женскихъ монастыряхъ, соблюдаемаго еще во многихъ епархіяхъ, нынѣ положеніе вдовыхъ священнослужителей совершенно такое же, какъ и имѣющихъ женъ. По смерти женъ своихъ, если только ведутъ безукоризненную жизнь, они безпрепятственно могутъ служить при тѣхъ церквахъ, при которыхъ находились до своего вдовства. Такъ же, какъ и прочіе невдовые священнослужители, они пользуются всѣми правами и преимуществами, какія вообще предоставлены нашему бѣлому духовенству. Но какъ прежде особому надзору поповскихъ старостъ было поручаемо, чтобы вдовые протопопы и попы и діаконы и всякой причетникъ иныя жены въ дому своемъ не держалъ, но токмо матерь, или сестру, или тетку (1), такъ и нынѣ особенному надзору благочинныхъ поручается, чтобы вдовые священнослужители зазорныхъ женскихъ лицъ при себѣ не держали ни подъ какимъ видомъ въ противность правилъ Св. Отецъ (2). А армейскимъ вдовымъ и безсемейнымъ священникамъ не дозволяется держать женскія лица совершенно. Армейскій благочинный обязанъ строго наблюдать, чтобы вдовые и безсемейные священники довольствовались прислугою однихъ казенныхъ деньщиковъ, а женскихъ лицъ, въ противность правилъ Св. Отецъ, ни подъ какимъ видомъ не держали (3).

---

(1) 25 Марта 1701. Указъ Стефана митрополита Рязанскаго поповскимъ старостамъ. Толстов. рукоп. Отд. I. 334.

(2) Инструкц. благочин. изд. 1856 п. 35; изд. 1859 п. 30.

(3) Инструкц. армейск. благочин. п. 27. Въ инструкціи отъ Св. Сѵнода, данной полевому оберъ-священнику предписано строго наблюдать, дабы вдовые полковые священники въ противность правилъ св. отецъ ни подъ какимъ видомъ женскихъ лицъ при себѣ не держали (28 авг. 1797. Собр. Зак. № 18115 п. 13, стр. 701.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. Е.И. Попов

Воззвание к католическим епископам о.Гиацинта (Иакинфа)

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 2. С. 383-391.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ВОЗЗВАНІЕ

къ католическимъ епископамъ о. Гіацинта (Іакиноа),

(ПЕРЕВ. Е. П. ПОПОВА).

Недавно, и именно съ береговъ Англіи, послышалось довольно сильное воззваніе къ католическимъ епископамъ извѣстнаго кармелита и знаменитаго парижскаго проповѣдника-апологета о. Іакиноа (Hyacinthi), и, по выраженію клерикальныхъ и не клерикальныхъ газетъ, произвело сильное впечатлѣніе. Не излишнимъ считаемъ познакомить съ этимъ посланіемъ и православныхъ читателей.

«Воззваніе къ католическимъ епископамъ.

Rome, absent de corps, présent d'esprit.

День Р. Х. 1870.

Когда внезапно открылась война, подобно молніи, разразившейся надъ Ватиканомъ въ отвѣтъ на объявленное имъ нечестивое ученіе, я тотчасъ же поспѣшилъ сдѣлать небольшой протестъ, и, исполнивъ этотъ долгъ, наложилъ на себя молчаніе. Между тѣмъ не переставалъ бдительно слѣдить, какъ исчезали предо мной, подобно соломинкамъ, уносимымъ порывами вѣтра, тѣ два абсолютизма, то въ союзѣ, то во враждѣ жившіе между собою, которые такъ тяжело

подавляли и церковь и міръ,—я разумѣю имперію Наполеоновъ и мірскую власть папъ! Защитники папской непогрѣшимости не поняли того благоговѣйнаго молчанія, на которое обрекли себя тогда столь многія души, и которое больше, чѣмъ кто-либо, они сами должны бы были хранить: преслѣдуя дерзкую свою политику, которая въ одно и тоже время причинила имъ и торжество и погибель, они гласно и шумно позволяютъ себѣ разсчитывать и на скромность (réserve), болѣе или менѣе благоразумную, со стороны однихъ, и на уступчивость, болѣе или менѣе вынужденную, со стороны другихъ. Такое—больше чѣмъ—недоразумѣніе не можетъ продолжаться; тяжкая вина пала бы на тѣхъ, которые не возстали бы противъ того, что со временемъ могло бы сдѣлаться обязательной для всѣхъ ложью (préscription du mensonge).

Политическая катастрофа, которая, въ особенности для Французовъ, могла бы, съ перваго взгляда, требовать молчанія, теперь, въ настоящемъ ея видѣ, поставляетъ насъ въ необходимость и говорить и дѣйствовать. Я не обинуясь скажу: вопросъ, важность котораго, даже въ настоящую минуту, выше всѣхъ прочихъ вопросовъ для Франціи, есть вопросъ религіозный. Франція не можетъ обойтись безъ христіанства; но не можетъ же она и принять его въ тѣхъ тяжело-стѣснительныхъ и искаженныхъ формахъ, въ которыя его теперь облекли. Вотъ почему она больше, чѣмъ всѣ остальныя латинскія племена, невольно остается безъ религіи, и, слѣдовательно, безъ нравственнаго огражденія,—остается между ультрамонтанизмомъ и невѣріемъ—этими двумя врагами, отъ которыхъ она не довольно оберегалась, и съ которыми

надлежало бы по крайней мѣрѣ столько бороться, какъ и съ врагами, вторгшимися въ ея землю.

Да будетъ же позволено мнѣ, въ виду несчастій моего отечества и несчастій церкви, обратиться къ каѳолическимъ епископамъ всего христіанскаго міра, и въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которые смотрятъ на ея положеніе одинаково со мною, а число ихъ, я знаю, велико. Самъ я по себѣ ничто, и слѣдовательно не имѣю права обращаться къ нимъ такъ дерзновенно; но что отважился сказать знаменитый Gerson? Не сказалъ-ли онъ, что во времена кризиса «il appartient á la plus humble femme de convoquer le concile oecumenique», для спасенія вселенской церкви? И вотъ этимъ-то правомъ и я пользуюсь, эту-то обязанность и я исполняю, и такимъ образомъ умоляю епископовъ пресѣчь существованіе той прикровенной схизмы, которая тѣмъ страшнѣе и тѣмъ глубже насъ раздѣляетъ, чѣмъ менѣе она замѣтна намъ.

Прежде всего, пусть они намъ скажутъ, обязательны или не обязательны для нашей вѣры опредѣленія послѣдняго Ватиканскаго собора? Какъ извѣстно, въ собраніи, котораго первыми условіями должны быть—полная свобода въ дѣлѣ разсужденій и нравственное единодушіе въ подачѣ голосовъ, епископы, досточтимые—и по численности своей, и по учености своей, и по личнымъ свойствамъ своимъ—гласно, громко и многократно жаловались на всякаго рода стѣсненія ихъ свободы, и окончательно отказались отъ принятія участія въ подачѣ голосовъ. Возможно-ли жъ теперь предположить, чтобы, по возвращеніи ихъ на ихъ епархіи, какъ бы съ пробужденіемъ отъ долгаго сна, могла у нихъ родиться увѣ-

ренность относительно прежнихъ дней, будто они дѣйствительно пользовались нравственною независимостью, которой въ то время не сознавали? Такое предположеніе просто обидно, оскорбительно. Дѣло идетъ здѣсь не о какомъ-либо таинствѣ, превышающемъ наше разумѣніе, но просто о фактѣ, подлежащемъ личному опыту: перемѣнить мнѣніе въ подобномъ случаѣ значило бы не умъ свой подчинить авторитету, а принести въ жертву свою совѣсть.

Если же такъ, то въ нашей волѣ, и послѣ собора, какъ до собора, отвергать непогрѣшимость папы, какъ ученіе, неизвѣстное христіанской—церковной древности и опирающееся только на апокрифическіе документы, надъ которыми критика произнесла свой окончательный приговоръ, безъ всякой дальнѣйшей аппелляціи.

Въ нашей волѣ громко и законно говорить, что мы не принимаемъ послѣднихъ окружныхъ посланій и «Syllabus», которыхъ самые разумные защитники ихъ не могутъ истолковать, не противорѣча ихъ прямому смыслу и хорошо извѣстному намѣренію ихъ составителя, и слѣдствіемъ которыхъ, если бы стали разбирать эти документы какъ слѣдуетъ, была бы радикальная ихъ несовмѣстимость между долгомъ вѣрнаго католика и долгомъ безпристрастнаго ученаго и свободнаго гражданина. Таковы наиболѣе выдающіеся пункты, которые породили схизму. Всякій католикъ, желающій охранять цѣлость и достоинство своей вѣры, всякій священникъ, любящій честно проходить свои служенія, имѣетъ право вопрошать епископовъ относительно сихъ пунктовъ, и епископъ имѣетъ долгъ отвѣчать имъ безъ утайки и безъ оговорки. Эти-то утайки и оговорки и погубили насъ: и вотъ теперь

настало время возстановить въ нашей церкви древнюю искренность по дѣламъ религіи, которая такъ много у насъ ослабѣла. При семъ должно имѣть въ виду, что факты и ученія, на которые я указываю, держатся на обширной системѣ; и такъ, чтобъ приняться за нихъ какъ за части, нужно взяться, съ тѣмъ или другимъ врачевствомъ, за все цѣлое. Вопросъ становится больше и больше именно вслѣдствіе крайнихъ уклоненій ультрамонтанизма, и отнынѣ открывается слѣдующая задача: если шестнадцатый вѣкъ имѣлъ свою протестантскую реформацію; то почему бы и девятнадцатому вѣку не имѣть своей католической реформаціи?

О, епископы! посмотрите: невѣста Христова, которая есть и ваша невѣста,—святая церковь прободена, какъ и Самъ Христосъ, пятью язвами!

Первая язва, язва въ десную руку, въ руку, которая носитъ свѣтъ: это омраченіе слова Божія. Священный свитокъ открытъ міру для освѣщенія и для оплодотворенія его; почему-жъ онъ заключенъ во мракѣ мертвыхъ языковъ и содержится подъ печатію самыхъ строгихъ запрещеній? Хлѣбъ ученія и жизни уготованъ Богомъ равно для всѣхъ, для младенцевъ также, какъ и для мудрыхъ; почему-жъ онъ отъемлется отъ нихъ? Напрасно указывать, какъ на предлогъ, на злоупотребленія ереси и невѣрія. Поставимъ библію въ ея истинное отношеніе къ наукѣ, при помощи разумной экзегетики,—и библія и наука не будутъ страшиться одна другой; поставимъ библію въ ея истинное отношеніе къ народу, при посредствѣ религіознаго воспитанія, достойнаго и той и другаго,—и она сдѣлается самымъ вѣрнымъ вождемъ въ жизни

народа, и трезвенно будетъ вдохновлять его въ дѣлѣ Богочтенія.

Язва въ другую руку—это угнетеніе ума и совѣсти, причиняемое злоупотребленіемъ власти іерархической. Такъ, Христосъ Спаситель сказалъ своимъ апостоламъ: «идите и учите всѣ народы»; но Онъ же сказалъ: «цари господствуютъ надъ народами: вы же не тако»!—Преемники апостоловъ, поспѣшите снять съ нашихъ плечъ то бремя, котораго ни мы не можемъ, ни отцы наши не могли носить, и возвратите намъ то благое и легкое иго, къ которому воззываетъ насъ любовь Искупителя!

А что сказано о ранѣ въ сердце? Я называю ее прямо по имени, потому что тѣ, которые всего больше страдаютъ отъ нея, всего меньше смѣютъ говорить о ней: это безбрачіе духовныхъ. Я не говорю здѣсь о добровольномъ безбрачіи, тѣмъ болѣе пріятномъ Богу, чѣмъ болѣе оно свободно и радостно, какъ и та любовь, которая внушаетъ его; это удѣлъ немногихъ душъ, призванныхъ къ сему состоянію и охраняемыхъ особенною благодатію. Нѣтъ; но когда это безбрачіе безъ различія простирается на природы совершенно противоположныя и всего менѣе къ нему подготовленныя, когда оно. какъ вѣчная клятва, налагается на ихъ неопытность и на ихъ энтузіазмъ, тогда оно дѣлается учрежденіемъ жестокосердымъ и часто, часто безнравственнымъ. Народы, которые думаютъ находить въ немъ исключительный идеалъ совершенства, не знаютъ святости супружеской жизни и, унижая семейство въ пользу иночества, дѣлаютъ изъ безбрачнаго состоянія пріютъ для душъ самыхъ обыкновенныхъ или, по крайней мѣрѣ, земныхъ (ter-

restres). Домашніе очаги перестаютъ тогда быть жертвенниками Божіими.

Есть еще и другія раны церкви · раны въ ногахъ ея, причиняемыя ей тою самою опорой, которой она ищетъ на землѣ: я хочу говорить о ея свѣтской политикѣ и о ея суевѣріи въ дѣлѣ благочестія. Церковь конечно должна имѣть свою политику, потому что она необходимо должна имѣть сношеніе съ властями сего міра, но наиполнѣйшее ея выраженіе заключается въ словахъ Господа: «Аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ». Откуда жъ теперь эта политика мірской власти и свѣтской державы, которая на обладаніе нѣсколькими провинціями въ Италіи и нѣкоторыми привиллегіями въ Европѣ смотритъ какъ на существенное условіе для обладанія душами и какъ на вершину всего духовнаго зданія? Такая политика столь же бѣдственна для церкви, какъ и для міра! Она бѣдственна какъ революція, которая вызывается ею и вызывается самою борьбою съ ней! И эту-то политику, съ ея безсильнымъ и слѣпымъ упорствомъ, пытаются возвести на высоту догмата! Между тѣмъ нельзя сказать, что въ католицизмѣ нашихъ дней нѣтъ болѣе духовной силы: онъ считаетъ тысячами число преданныхъ ему душъ, и онъ видитъ, что въ нѣдрахъ его процвѣтаютъ самыя дивныя добродѣтели и самые дивные подвиги. Зачѣмъ же это благочестіе столь трогательное и истинное слишкомъ часто предается обольщеніямъ мистицизма, не имѣющаго глубины, и аскетизма, лишеннаго нравственной строгости, — мистицизма и аскетизма, вовсе непохожихъ на тотъ мистицизмъ и аскетизмъ, которые составляютъ величіе древнихъ христіанскихъ вѣ-

ковъ? Внѣшняя практика, скажу больше,— матеріаль ная практика безмѣрно размножается; чествованіе святыхъ и въ особенности чествованіе Святой Дѣвы, выходятъ изъ законныхъ, положенныхъ церковію предѣловъ, и къ тому еще усвояютъ себѣ характеръ, чуждый истинному каѳолическому чувству; а то поклоненіе Отцу духомъ и истиною, которое Христосъ Господь содѣлалъ душею Своей религіи, замѣтно все больше и больше между ними уменьшается!

Вотъ до чего довели тѣло Христово на землѣ грѣхи народа и еще болѣе грѣхи служителей церкви! О, предстоятели церкви! Ужели вы останетесь при семъ зрѣлищѣ безъ жалости? Ужели вы не принесете себѣ благопотребное врачество! «Или ритины (бальзамъ) нѣсть въ Галаадѣ? Или врача нѣсть тамо»?

Я останавливаюсь здѣсь: сердцу слишкомъ тяжело продолжать далѣе. Не знаю, что выйдетъ изъ моихъ слабыхъ словъ среди борьбы имперій и среди гласовъ крови, вопіющихъ на поляхъ истинной сѣчи. Знаю только, что если они безсильны для ускоренія исполненія намѣреній Божіихъ, то, съ другой стороны, по крайней мѣрѣ истинны, и истинно возвѣщаются ими суды Божіи.

Знаю еще, что я не отдѣляюсь ни отъ святой каѳолической вѣры, ни отъ церкви моего крещенія и моего священнаго служенія. Если досточтимые представители церкви почтутъ вниманіемъ своимъ мое смиренное воззваніе, то я снова приму съ послушаніемъ и должною покорностію то служеніе, которое было единственною страстію моей юности, единственнымъ любочестіемъ моей жизни, и отъ котораго одна совѣсть, вопреки моей воли, заставила меня укло-

питься, и уклониться съ скорбію сердца Если жъ, напротивъ, они отвѣтятъ мнѣ только укоризной или молчаніемъ, то и тутъ я не поколеблюсь въ любви моей къ церкви, которая больше, чѣмъ ея правители, и сильнѣе, чѣмъ ея защитники, и, удержавъ достояніе, завѣщанное мнѣ моими отцами, котораго не могутъ восхитить у меня, никакія неправедныя и слѣдовательно недѣйствительныя отлученія, я изнесу для уготовленія царства Божія на землѣ тотъ личный, свободный трудъ, который по праву принадлежитъ всѣмъ истиннымъ христіанамъ».

Hyacinthe.

Пер. Прот. *Е. Поповъ.*

26 янв. 1871.
Спб.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Современное обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 2. С. 394-410.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Противники реформъ въ духовенствѣ.—Новое законоположеніе о замѣнѣ свѣчнаго сбора процентнымъ со всѣхъ церковныхъ доходовъ.—Необходимость устройства общежитій для учениковъ семинарій и училищъ, и постановленія епархіальныхъ съѣздовъ по сему предмету.—Нѣкоторыя ненормальныя явленія въ жизни духовныхъ училищъ и надежды на ихъ искорененіе.

Не смотря на благотворность реформъ, совершенныхъ въ духовной средѣ за послѣднее время, дѣйствительное приведеніе ихъ въ исполненіе весьма нерѣдко встрѣчаетъ на пути своемъ разнообразныя препятствія, задерживающія ихъ правильное развитіе, а иногда и парализующія ихъ въ самомъ корнѣ. Общество, жившее долгое время при иныхъ порядкахъ, до того свыкается съ ними, что всякое измѣненіе въ обычномъ строѣ его жизни производитъ въ немъ болѣзненное потрясеніе. Выбитое изъ своей всегдашней колеи, оно теряется, не знаетъ какъ направить свою дѣятельность при новой обстановкѣ и съ грустію вспоминаетъ о старыхъ условіяхъ, при которыхъ ему жилось подъчасъ и неудобно, да привычно. Но это—среда благодушная, съ которой еще можно справиться. Если объяснить ей хорошенько дурныя стороны любезныхъ ей порядковъ; если ей показать, что то, о чемъ она грустить такъ наивно, держало ее въ черномъ тѣлѣ; что есть болѣе высокіе и болѣе чи-

стые идеалы, къ которымъ она призвана самою природой и которые неминуемо поднимутъ ея нравственное достоинство до подобающей высоты и возвратятъ ей ея человѣческій обликъ; что наконецъ самая матеріальная ея обстановка, составляющая для многихъ единственный идеалъ жизни, приметъ болѣе соотвѣтствующія ея положенію формы; — если уяснить все это, то среда, о которой мы говоримъ, хотя и не всегда охотно и часто, оглядываясь назадъ, все-таки пойдетъ впередъ и такъ или иначе, восприметъ въ себя новые элементы жизни. Но есть другая среда, глубоко испорченная и недоброжелательная, которая въ каждой реформѣ видитъ своего личнаго врага, подрывающаго ея эгоистическія разсчеты, и которая потому считаетъ своею обязанностію сопротивляться преобразованіямъ всѣми зависящими отъ нея средствами. Съ этой средой борьба бываетъ трудна, ибо она пускаетъ въ ходъ и лукавство и интригу, которыя не всегда удобно бываетъ распутать, и тогда самыя лучшія намѣренія остаются безъ исполненія и самая благотворная реформа не приноситъ ожидаемаго плода.

Къ сожалѣнію, и духовная среда не чужда была всѣхъ этихъ грустныхъ явленій. Хотя она подчинялась въ этомъ случаѣ общему ходу человѣческихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе, въ виду ея великаго нравственнаго назначенія, не хотѣлось бы встрѣчаться въ ней съ фактами, глубоко унижающими ее. А между тѣмъ что мы видѣли еще недавно? Выборное начало, столь благотворное по своей идеѣ и имѣющее цѣлію поднять нравственный уровень духовенства, искажалось въ своемъ примѣненіи къ практикѣ. Люди, желавшіе

оставить за собою выгодное положеніе, созданное старыми порядками, не давали ему хода и, пользуясь своимъ вліяніемъ, заставляли производить выборы соотвѣтственно съ своими личными стремленіями и интересами. Лица, которымъ поручено было произве сти новое росписаніе приходовъ и церковныхъ причтовъ въ соотвѣтствіе съ намѣреніями Высочайшго повелѣнія 16 апрѣля 1869 г., состоящими въ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства и возвышеніи его значенія въ обществѣ, дѣлали росписанія эти не въ видахъ удовлетворенія истиннымъ религіознымъ потребностямъ паствъ и общимъ интересамъ духовнаго сословія, а въ своихъ личныхъ разсчетахъ, подававщихъ поводъ къ значительнымъ злоупотребленіямъ. Люди, которымъ предложено было оказать матеріальное содѣйствіе къ улучшенію духовноучебныхъ заведеній, скрывали точную сумму церковныхъ доходовъ и, представляя незначительное пособіе для довершенія духовноучебной реформы, указывали, какъ на единственный источникъ для этого, на средства правительственныя. И мало ли было другихъ явленій въ средѣ духовенства, доказывавшихъ неискреннее или прямо враждебное отношеніе нѣкоторыхъ лицъ къ совершившимся реформамъ? Не способны ли были всѣ подобныя явленія затормозить дѣло улучшеній въ духовной средѣ или дать имъ ложное направленіе? По счастію, высшая духовная администрація зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы благотворныя начинанія ея въ пользу духовнаго вѣдомства не оставались безплодными и употребляетъ энергическія мѣры къ приведенію въ дѣйствіе подъятыхъ ею трудовъ на благо церкви и ея служителей, и должно сказать къ чести

духовенства, она находитъ въ средѣ его многихъ просвѣщенныхъ помощниковъ себѣ въ этомъ дѣлѣ.

21 декабря 1870 года состоялось Высочайшее повелѣніе о замѣнѣ свѣчнаго съ церквей сбора процентнымъ съ доходовъ кружечнаго, кошельковаго и свѣчнаго, на содержаніе духовноучебныхъ заведеній. Эта нравственная мѣра имѣетъ весьма важное значеніе для дѣла, которое имѣется въ виду поддержать сію.

Извѣстно, что первая мысль объ обращеніи свѣчнаго сбора въ пользу духовноучебныхъ заведеній и причтовъ принадлежитъ Анастасію Братановскому, бывшему около начала нынѣшнаго столѣтія архіепископомъ астраханскимъ. Приведеніе этой мысли въ исполненіе выпало однакоже на долю Сперанскаго, по начинанію котораго сборъ этотъ началъ поступать въ Святѣйшій Сѵнодъ на образованіе духовноучебнаго капитала съ 1808 г. Въ послѣдствіи времени, именно въ 1816 году, свѣчной сборъ сдѣлался исключительнымъ источникомъ для содержанія духовныхъ училищъ, вслѣдствіе чего прекращенъ на этотъ предметъ отпускъ суммъ изъ государственнаго казначейства. Свѣчной сборъ предоставлялъ весьма значительный доходъ въ распоряженіе духовноучебнаго вѣдомства, такъ что около 1826 года изъ его остатковъ образовался даже капиталъ въ сорокъ милліоновъ рублей ассигнаціями. Но съ теченіемъ времени, этотъ порядокъ вещей подвергся значительному измѣненію. Свѣчной доходъ сталъ уменьшаться и, тогда какъ прежде онъ превосходилъ всѣ прочіе церковные доходы, въ послѣдующее время онъ сталъ показываться въ значительно меньшемъ противъ этихъ по-

слѣднихъ размѣрѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1868 году церковныхъ сборовъ показано по отчетамъ 4,922,365 руб. $90^{1}/_{2}$ коп., тогда какъ свѣчнаго дохода за тоже время значится 1,408,976 руб. $59^{1}/_{4}$ коп.

Святѣйшій Сѵнодъ давно уже обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Въ одномъ изъ синодальныхъ указовъ по этому предмету, изданномъ въ 1820 году, прямо указывается на «самовольное перечисленіе церковными причтами и старостами свѣчныхъ денегъ въ другія статьи церковныхъ доходовъ» и на «утайку сими лицами свѣчнаго дохода для обращенія въ свою собственную пользу». Какъ ни грустно и вмѣстѣ какъ ни невѣротно это обстоятельство, но оно подтверждается всѣми извѣстіями изъ различныхъ епархій. Оказывалось, что нѣкоторыя епархіи, по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ и вычисленіямъ, доставляли не только половину свѣчныхъ доходовъ, но пятую, седьмую, даже девятнадцатую часть ихъ. Въ сокрытіи причтами дѣйствительнаго количества свѣчныхъ доходовъ принимали дѣятельное участіе церковные старосты, частію въ интересахъ церквей, а иногда и въ своихъ личныхъ выгодахъ. Растраты церковныхъ капиталовъ отъ этого бывали не рѣдки, но не всегда было возможно услѣдить за ними и, во всякомъ случаѣ, предупредить такія злоупотребленія было очень трудно. Правда, высшее правительство принимало нѣкоторыя мѣры для прекращенія подобныхъ утаекъ и перечисленій доходовъ изъ одной статьи въ другую: предписывалось, напримѣръ, показывать цифру свѣчныхъ сборовъ не ниже предыдущихъ годовъ, дѣлались замѣчанія и выговоры; но всѣ эти мѣры не достигали надлежащихъ результатовъ. Свѣчные доходы по преж-

нему утаивались или перечислялись на другія статьи. Высочайшее повелѣніе 21 декабря 1870 года имѣетъ въ виду положить на всегда конецъ такому ненормальному порядку вещей.

Новое законоположеніе соединяетъ всѣ церковные доходы въ общую сумму денежныхъ поступленій и съ этой суммы опредѣляетъ взимать по двадцати одному проценту по сорока четыремъ епархіямъ и по десяти процентовъ по шести епархіямъ: волынской, литовской, минской, могилевской, полоцкой и рижской. Четыре епархіи: варшавская, донская, камчатская и якутская и грузинскій экзархатъ вовсе освобождены отъ взноса процентовъ на содержаніе духовноучебныхъ заведеній, такъ какъ они состоятъ на особомъ положеніи. За нормальный размѣръ церковныхъ доходовъ, съ котораго будетъ взиматься процентный сборъ, принята сумма поступленія ихъ въ 1868 году. Такимъ образомъ ежегодное поступленіе на содержаніе духовноучебныхъ заведеній составитъ сумму въ 1,281,450 руб., что вмѣстѣ съ отпускаемымъ изъ государственнаго казначейства пособіемъ въ полтора милліона рублей составитъ 2,781,450 руб., болѣе противъ суммы опредѣленной для покрытія всѣхъ расходовъ духовно-учебнаго вѣдомства на 30,914 руб. 83 коп. Такимъ образомъ, духовно-учебныя заведенія получаютъ вполнѣ твердое обезпеченіе и уже не будутъ подвергаться различнымъ случайностямъ отъ произвола или недобросовѣстности частныхъ лицъ. Дѣло духовно-учебныхъ заведеній пріобрѣтетъ даже значительное расширеніе, такъ какъ въ распоряженіи духовно-учебнаго вѣдомства будетъ находиться запасный капиталъ, который можетъ быть упо-

треблен на дальнѣйшее развитіе духовнаго образованія.

Упомянутый законъ будетъ имѣть и другое не менѣе благотворное послѣдствіе. Онъ освободитъ духовенство отъ необходимости дѣлать незаконныя перечисленія церковныхъ доходовъ изъ одной категоріи въ другую, или скрывать истинную цифру свѣчнаго сбора и тѣмъ оградитъ ихъ нравственное достоинство. Причты обязываются вносить въ пользу духовно-учебнаго вѣдомства точно опредѣленную сумму и имъ поэтому предоставляется полная свобода возвышать, зависящими отъ нихъ способами, церковные доходы, въ числѣ которыхъ самъ новый законъ указываетъ на устройство свѣчныхъ заводовъ или лавокъ, не страшась обязанности отчуждать значительную ихъ часть въ пользу духовныхъ училищъ, и не прибѣгая къ хитрости «неблаговидной для духовенства и не соотвѣтствующей достоинству церковнаго учрежденія». Притомъ нѣкоторыя церковныя хозяйства будутъ отъ новаго распоряженія въ положительномъ выигрышѣ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы отдавать цѣлую треть, а иногда и половину своихъ доходовъ въ пользу духовнаго образованія, онѣ будутъ вносить лишь одну пятую часть ихъ, и слѣдовательно пріобрѣтутъ гораздо болѣе значительныя средства для покрытія своихъ ближайшихъ церковныхъ нуждъ.

Однимъ изъ учрежденій, на которое, какъ намъ кажется, съ пользою можетъ быть употребленъ излишекъ изъ доходовъ духовно-учебнаго вѣдомства, имѣющій составляться изъ вновь узаконеннаго размѣра ихъ, могли бы быть общежитія для воспитанниковъ семинарій и училищъ. Устройство общежитій реко-

мендуется новыми уставами духовно-учебныхъ заведеній, а между тѣмъ на многихъ съѣздахъ духовенства заявлены были матеріальныя затрудненія для удовлетворенія требованіямъ уставовъ въ этомъ отношеніи.

Устройство общежитій во многихъ мѣстностяхъ составляетъ насущную потребность для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній. Духовенство переяславскаго уѣзда *полтавской* губерніи заявило, чрезъ своихъ депутатовъ на окружномъ съѣздѣ, происходившемъ 4-го мая прошлаго года, что общежитія необходимы и желательны для духовенства, въ видахъ доставленія дѣтямъ удобнѣйшаго помѣщенія, сбереженія времени для учебныхъ занятій, побужденія ихъ къ неуклонному исполненію дисциплинарныхъ условій, правильнаго надзора за ними подлежащихъ лицъ и сохраненія другихъ интересовъ отцевъ дѣтей и училищнаго начальства, тѣсно связанныхъ съ осуществленіемъ общежитія. Въ *тамбовской* епархіи необходимость устройства общежитій вызывается весьма печальнымъ обстоятельствомъ. Каждый годъ, въ осенніе мѣсяцы и предъ началомъ весны, между воспитанниками тамошнихъ семинаріи и духовныхъ училищъ сильно дѣйствуетъ тифозная горячка. Въ особенности несчастна была въ этомъ отношеніи прошедшая осень. Воспитанники, большею частію худо одѣтые и обутые, живя въ квартирахъ бѣдныхъ, сырыхъ и неопрятныхъ, на окраинахъ города, въ улицахъ невообразимо грязныхъ, которыми Тамбовъ изобилуетъ, не въ состояніи были предохранить себя отъ дѣйствія тифа. При такихъ неблагопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, трудно духовенству поправить зло безъ устройства особаго

общежитія вблизи духовно-учебныхъ заведеній, въ мѣстности по возможности сухой. Какой существенный вредъ происходитъ отъ этихъ неблагопріятныхъ условій видно уже изъ того, что, въ прошедшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ семинаріи изъ 565 воспитанниковъ оказалось 200 больныхъ; во 2-мъ духовномъ училищѣ больныхъ было на половину противъ всего числа учащихся, а въ 1-мъ училищѣ около 100 человѣкъ — цифры по истинѣ ужасныя и никакія частныя мѣры тутъ не помогутъ.

Ливенскій, *орловской* епархіи, окружной училищный съѣздъ, въ засѣданіи 5 сентября 1870 г., изъ отчета членовъ училищнаго правленія отъ духовенства, усмотрѣлъ, что мѣстное училищное начальство обращало очень слабое вниманіе на удобнѣйшее размѣщеніе учениковъ по квартирамъ, и потому обратилось къ преосвященному съ просьбою, устранивъ монополію нѣкоторыхъ квартиръ, допущенную, какъ сдѣлалось извѣстнымъ съѣзду, училищнымъ начальствомъ, предоставить свободный выборъ удобныхъ квартиръ для учениковъ родителямъ или родственникамъ ихъ, и затѣмъ вмѣнить этому начальству въ обязанность, чтобы оно неотложно обратило свое вниманіе на устраненіе всѣхъ недостатковъ въ занимаемыхъ учениками квартирахъ, — недостатковъ, могущихъ вредно и даже гибельно дѣйствовать на развитіе учениковъ въ физическомъ, нравственномъ и учебномъ отношеніяхъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что это заявленіе ливенскаго училищнаго съѣзда указываетъ еще на одно зло, возможное при существованіи ученическихъ квартиръ: на монополію ученическихъ квартиръ, допущенную училищнымъ начальствомъ. Отчего эта монополія? Зна-

читъ училищное начальство имѣетъ какую-то личную для себя выгоду въ помѣщеніи учениковъ на извѣстныхъ квартирахъ?! Если такъ, то вотъ еще одно изъ сильнѣйшихъ побужденій къ устройству общежитій. Дѣйствительно, въ бытъ учебныхъ заведеній, въ маленькихъ городахъ, жившихъ доселѣ почти внѣ всякаго начальственнаго контроля, прокралось много печальныхъ злоупотребленій, возникшихъ частію вслѣдствіе крайне скудныхъ средствъ содержанія лицъ, завѣдующихъ училищами, частію по причинѣ отсутствія надлежащаго надзора и постоянной повѣрки ихъ дѣятельности и, наконецъ, какъ результатъ естественной апатіи, появляющейся въ людяхъ, не получившихъ серьезнаго научнаго образованія и не имѣющихъ вокругъ себя образованнаго общества. Къ счастію, новые уставы духовныхъ училищъ установили новый порядокъ вещей, обезпечивающій правильный ходъ дѣлъ, даже въ самыхъ отдаленныхъ отъ епархіальнаго центра училищахъ. Въ числѣ такихъ обезпеченій находится устройство училищныхъ съѣздовъ, которые всегда имѣютъ возможность самымъ дѣятельнымъ образомъ слѣдить за тѣмъ, что и какъ дѣлается въ училищахъ. — доказательствомъ тому служатъ между прочимъ и вышеприведенные факты. Возвращаясь къ вопросу о квартирахъ для учениковъ, мы находимъ въ журналахъ ливенскаго съѣзда, что преосвященный вполнѣ согласился съ представленіемъ съѣзда о необходимости предоставить ученикамъ, а также ихъ родителямъ и родственникамъ свободный выборъ квартиръ, удобныхъ для занятій и образа жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ съѣзду, что училищному правленію, а также членамъ училища отъ духовенства и

депутатамъ съѣзда неизлишне позаботиться объ устройствѣ при училищѣ общежитія.

Какъ бы то ни было однакожъ, но духовенство различныхъ епархій, при значительныхъ общихъ жертвахъ на дѣло образованія своихъ дѣтей и своей, почти повсемѣстной, бѣдности, оказывается въ большинствѣ случаевъ несостоятельнымъ къ удовлетворенію насущной потребности въ общежитіяхъ. Такъ духовенство *калужской* епархіи, на съѣздѣ 14-го января настоящаго года, заявило, что такъ какъ на содержаніе каждаго ученика семинаріи ассигнуется 90 р., а на содержаніе ученика училища 71 р. при готовыхъ квартирахъ, отопленіи, освѣщеніи и прислугѣ, то оно, по скудости своихъ средствъ, не можетъ представлять такой суммы на содержаніе своихъ дѣтей, а тѣмъ болѣе не можетъ устроить домъ для общежитія. Поэтому съѣздъ постановилъ предоставить духовенству озаботиться пріисканіемъ для дѣтей квартиръ болѣе приличныхъ, удобныхъ и стоящихъ въ мѣстностяхъ невредныхъ для здоровья; относительно заявленнаго на томъ же съѣздѣ четырмя депутатами желанія устроить конвикты, предоставилъ имъ разработать проектъ по этому предмету, а тремъ депутатамъ поручилъ осмотрѣть училищный домъ и представить будущему съѣзду свои соображенія касательно того, нельзя ли въ этомъ домѣ устроить помѣщенія для пансіонеровъ. Духовенство *вологодской* епархіи, обсуждая вопросъ объ устройствѣ общежитій на съѣздѣ 28-го ноября 1870-го года, заявило, что оно на одномъ изъ прежнихъ съѣздовъ, нашло себя вынужденнымъ отказаться отъ устройства общежитій «по своей крайней бѣдности». Но здѣсь, подобно тому, какъ въ 1869-мъ году въ

Подольской епархіи, на помощь духовенству пришелъ мѣстный преосвященный, который, сдѣлавъ значительное съ своей стороны пожертвованіе на этотъ предметъ, (1.000 р. на устройство общежитія для воспитанниковъ семинаріи и такую же сумму для учениковъ училища), далъ духовенству возможность осуществить благую мысль объ устройствѣ общежитія при самомъ училищѣ.

Впрочемъ, нѣкоторые съѣзды духовенства указывали на средства для устройства общежитій, но эти средства въ большинствѣ случаевъ оказывались или скудными и не обѣщали скораго образованія потребныхъ для этой цѣли суммъ, или неосуществимыми. Такъ, въ упомянутомъ выше засѣданіи *переяславскаго* училищнаго съѣзда, было постановлено: взимать каждогодно изъ кошельковыхъ суммъ, впредь до устройства общежитія, отъ окружныхъ церквей третьяго класса по 5 руб., четвертаго — по 4 руб., пятаго, шестаго и седьмаго — по 3 руб. и просить архипастыря о распоряженіи, чрезъ консисторію, относительно приглашенія всѣхъ причтовъ и церквей полтавской епархіи къ посильному пожертвованію. Но, въ тоже время, имѣя въ виду, что устройство общежитія обойдется въ 18 тыс. рублей, а духовенство не въ состояніи собрать эту сумму даже въ далекомъ будущемъ, съѣздъ призналъ необходимымъ просить преосвященнаго ходатайствовать объ отпускѣ 15 тыс. рубл. изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Святѣйшаго Сvнода. Преосвященный полтавскій утвердилъ постановленіе съѣзда относительно сбора въ предѣлахъ училищнаго округа; но касательно ходатайства предъ Святѣйшимъ Сvнодомъ замѣтилъ, что подобное хода-

тайство не можетъ быть успѣшнымъ, такъ какъ изысканіе мѣръ къ улучшенію матеріальнаго положенія духовныхъ училищъ отнесено новымъ уставомъ на счетъ собственныхъ средствъ самаго духовенства. Не призналъ преосвященный благовременнымъ и приглашеніе къ пожертвованію на переяславское училище причтовъ и церквей другихъ округовъ, потому что всѣ они озабочены многочисленными нуждами собственныхъ училищъ. Точно также *саратовскій* епархіальный съѣздъ, не находя никакихъ средствъ къ устройству общежитій съ своей стороны, постановилъ вмѣнить епархіальному духовенству въ обязанность, чтобъ оно брало восковыя свѣчи непремѣнно съ епархіальнаго свѣчнаго завода, а завѣдующій заводомъ комитетъ за каждый проданный пудъ отдѣлялъ бы на устройство общежитій и на нѣкоторыя другія потребности по 2 руб. Преосвященный согласился на это постановленіе, но указалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на затрудненіе, заключающееся въ томъ, что комитетъ, обязанный передать деньги казначею общества взаимнаго вспоможенія, долженъ этому послѣднему значительную сумму. *Сапожковскій*, рязанской епархіи, училищный съѣздъ указалъ на слѣдующія средства: а) пожертвованіе изъ собственныхъ средствъ всего окружнаго духовенства въ теченіи двухъ лѣтъ по 1 коп. съ приходской души въ годъ; б) пожертвованіе изъ кошельковой суммы въ теченіе такого же времени и въ томъ же размѣрѣ; в) остатокъ половинной суммы, вносимой на училища, но невошедшей въ расходъ по училищной смѣтѣ, и г) недоимку. Не можемъ не замѣтить, по поводу распоряженія сапожковскаго съѣзда, что назначенный съѣздомъ взносъ съ мѣстнаго духо-

венства можетъ, конечно, доставить въ довольно скоромъ времени средства на устройство общежитій; но онъ отзовется тяжело на духовенствѣ и будетъ для него весьма обременительнымъ, въ особенности при множествѣ другихъ сборовъ на разныя, также не отложныя надобности. По этой причинѣ, гораздо лучше дѣлать то, что совѣтывалъ преосвященный полтавскій переяславскому духовенству. «Разсчитывая на одни собственныя и другія мѣстныя средства, говоритъ преосвященный, конечно, нельзя сдѣлать вдругъ все, что задумано; но къ этому никто и не нудитъ. Невозможное къ исполненію за одинъ разъ пусть дѣлается по частямъ, по мѣрѣ силъ и средствъ,—и единодушно, братски задуманное дѣло, при дружномъ участіи всѣхъ и каждаго, общими усиліями, безъ сомнѣнія, будетъ постепенно доведено до конца съ желаемымъ успѣхомъ». Этотъ мудрый совѣтъ преосвященнаго Іоанна можетъ служить руководствомъ для дѣйствій всѣхъ съѣздовъ по вопросу объ устройствѣ общежитій. Не должно слишкомъ торопиться и назначать обременительные взносы; тогда дѣло будетъ гораздо спорѣе. Но съ другой стороны нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ необходимость общежитій заявляетъ о себѣ весьма настойчиво, и вотъ здѣсь-то излишки отъ сборовъ на духовно-учебныя заведенія, имѣющіе составляться вслѣдствіе вновь узаконеннаго размѣра этихъ взносовъ, могутъ принести существенную пользу важному дѣлу устройства общежитій для воспитанниковъ духовныхъ училищъ и семинарій.

Трудности, о которыхъ мы говорили выше, не уполномочиваютъ однакоже духовенство вовсе отка-

зываться отъ пожертвованій на дѣло образованія своихъ дѣтей. Между тѣмъ печальный примѣръ тому показало духовенство гор. Золотоноши, той же полтавской епархіи. Не смотря на многократныя подтвержденія со стороны окружнаго съѣзда, духовенство это, въ продолженіи трехъ съ половиною лѣтъ, отказывалось отъ взноса слѣдовавшихъ съ него процентовъ, и это происходило не по причинѣ бѣдности духовенства—на эту причину могло бы сослаться всякое духовенство,—а просто по прихоти, соглашаясь лишь на единовременное и въ неопредѣленномъ размѣрѣ пожертвованіе. Въ отвѣтъ на такое странное притязаніе золотоношскаго духовенства, предсѣдатель переяславскаго съѣзда весьма основательно замѣтилъ, что единовременныя и случайныя пожертвованія не приведутъ съѣздъ къ выполненію его задачи относительно поддержанія и благоустройства окружнаго училища, и что только опредѣленный двухъ-процентный сборъ могъ достигнуть тѣхъ благопріятныхъ условій, въ которыхъ находится теперь училище. Нельзя не удивляться, что золотоношское духовенство не могло понять, что такое важное дѣло, какъ образованіе его дѣтей, не можетъ подвергаться колебаніямъ, неизбѣжнымъ при неопредѣленности взносовъ; что случайность никогда не можетъ служить обезпеченіемъ поддержанія и развитія какого бы то ни было дѣла, и что, напротивъ, она можетъ вести только къ подрыву и разрушенію самаго прочнаго порядка вещей. По счастію, прискорбному недоразумѣнію, о которомъ мы говоримъ, нынѣ положенъ конецъ. Благодаря личному вліянію архипастыря, золотоношское духовенство одумалось и дало преосвященному слово, что «оно ис-

полнить свой долгъ немедленно и не позволитъ себѣ въ будущемъ никакихъ уклоненій отъ этого долга, наравнѣ со всѣми братьями училищнаго округа».

Въ протоколахъ ливенскаго окружнаго училищнаго съѣзда, о распоряженіяхъ котораго мы упомянули выше, мы находимъ свѣдѣнія о весьма неудовлетворительномъ состояніи мѣстнаго училища,—состояніи, которое объясняется, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ точнымъ выполненіемъ требованій устава относительно духовныхъ училищъ. Уставъ требуетъ, чтобы смотритель, кромѣ службы по училищу, по возможности, былъ свободенъ отъ другихъ должностей. Хотя параграфъ устава, въ которомъ выражено это требованіе (50-й) не имѣетъ абсолютнаго характера, тѣмъ не менѣе намѣреніе законодателя, выражающееся въ этомъ параграфѣ, не подлежитъ никакимъ ошибочнымъ толкованіямъ. Означеннымъ параграфомъ допускается соединеніе должности смотрителя съ другими очевидно лишь въ томъ случаѣ, когда такое соединеніе вынуждается крайностью, но изъ протоколовъ съѣзда не видно, чтобы онъ дѣлалъ какія нибудь попытки для устраненія проистекающихъ отсюда неудобствъ. Между тѣмъ въ результатѣ оказывается, что члены правленія отъ духовенства, въ продолженіи трехъ лѣтъ ни разу не заявившіе протеста съ своей стороны на образъ дѣйствій смотрителя, не дѣлали этого потому, что, какъ они объяснили на съѣздѣ, они находятъ для себя стѣснительнымъ и тяжелымъ входить въ пререканіе и становиться въ непріязненное отношеніе съ смотрителемъ, потому что онъ состоитъ ихъ благочиннымъ. Стѣсненіе, испытываемое въ этомъ случаѣ членами правленія отъ духовенства, весьма

понятно при силѣ благочиннической власти: благочинный всегда имѣетъ возможность существеннымъ образомъ навредить имъ въ ихъ приходской службѣ. Но какъ же оставлять подобный порядокъ вещей, очевидно вредный для дѣла воспитанія дѣтей духовенства въ училищѣ? Къ чему тогда поведутъ и благія намѣренія законодателя, сдѣлавшаго съ своей стороны все для того, чтобы искоренить въѣвшіеся въ духовно-воспитательное дѣло недостатки? Долгъ духовенства, на которое возложено ближайшее наблюденіе за точнымъ исполненіемъ требованій закона по отношенію къ училищамъ, состоитъ именно въ томъ, чтобы слѣдить зорко за ходомъ этого важнаго дѣла и своевременно принимать мѣры къ устраненію причинъ, препятствующихъ успѣшному дѣйствію училищной реформы. Резолюція, положенная мѣстнымъ преосвященнымъ на протоколѣ съѣзда по этому предмету, можетъ оказать полезное содѣйствіе къ прекращенію порядка вещей, нарушающаго существенные интересы воспитанія мѣстнаго духовнаго юношества. Этою резолюціею предписывается объявить смотрителю, чтобы онъ представилъ прошеніе объ увольненіи его отъ смотрительской должности, если онъ по прежнему будетъ избранъ на должность благочиннаго, и если не можетъ и не желаетъ исполнить требованій устава. Остается надѣяться, что дальнѣйшая, подъ надзоромъ съѣзда, дѣятельность начальника училища не потребуетъ болѣе рѣшительныхъ противъ него мѣръ со стороны епархіальной власти.

Тотъ же протоколъ указываетъ на одну весьма полезную и даже необходимую для успѣха учебнаго и воспитательнаго дѣла мѣру, хотя и не новую во всякомъ

другомъ вѣдомствѣ, кромѣ духовнаго: это—ежегодная ревизія училища, совершаемая внезапно, безъ всякой подготовки и въ неопредѣленное время. Въ данномъ случаѣ, въ теченіи цѣлыхъ 13 лѣтъ, была произведена одна только ревизія ректоромъ семинаріи, и притомъ она была произведена такъ, какъ вообще производились въ прежнее время ревизіи духовно-учебныхъ заведеній. Въ тѣ времена, о пріѣздѣ ревизора начальство извѣстнаго училища предувѣдомлялось заранѣе, и оно, конечно, дѣлало всѣ возможныя подготовленія къ тому, чтобы показать училище въ отличномъ видѣ въ отношеніяхъ: учебномъ, воспитательномъ и хозяйственномъ.

Теперь время всѣмъ этимъ стариннымъ порядкамъ, или лучше—безпорядкамъ, прошло безвозвратно, и отрадно видѣть, что наши духовныя училища подъ эгидою новаго законодательства, начинаютъ становиться все болѣе твердою ногою на новую почву. Теперь духовное образованіе имѣетъ на своей сторонѣ всѣ ручательства къ тому, что его не свернутъ съ новаго пути безпечность, недоброжелательство или недобросовѣстность близко стоящихъ къ нему лицъ. Центральное управленіе внимательно слѣдитъ за прочною постановкою духовно-учебной реформы. Епархіальныя съѣзды, подъ благотворнымъ руководствомъ архипастырей, прилагаютъ заботы къ успѣшному ея примѣненію и развитію. Духовенство не скупится на средства поддержать дѣло образованія своего юношества на томъ уровнѣ, который составляетъ необходимое условіе преуспѣянія духовныхъ училищъ. Наконецъ, ближайшіе исполнители предначертаній правительства все глубже и глубже проникаются сознаніемъ

своихъ высокихъ обязанностей. Можно ли сомнѣваться, что соединенныя усилія всѣхъ этихъ дѣятелей на благородномъ поприщѣ духовнаго образованія приведутъ къ желаемому результату, и изгладятъ недостатки, столь долго ему вредившіе? Приведенные выше факты (а такихъ фактовъ очень много), заимствованные изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, устраняютъ всѣ подобнаго рода сомнѣнія.

П.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Послание Константинопольского патриарха Григория и Синода к Святейшему Правительствующему всероссийскому Синоду по греко-болгарскому вопросу

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 3. С. 415-445.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ПОСЛАНІЕ

константинопольскаго патріарха Григорія и Сνнода къ Святѣйшему Правительствующему Всероссійскому Сνноду—по греко-болгарскому церковному вопросу (1).

Перев. съ греческ.

Святѣйшій Правительствующій Сνнодъ православной всероссійской Церкви, возлюбленный во Христѣ Богѣ и превожделенный братъ и сослужитель нашей мѣрности: братское во Христѣ цѣлованіе отъ любящаго сердца посылая, съ живѣйшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ.

1. Досточтимая и вожделенная Глава! Никогда не слѣдовало бы даже и по имени упоминать о соблазнахъ и происходящихъ отъ нихъ ссорахъ и распряхъ во всей избранной и богоустроенной паствѣ Господней; тѣмъ болѣе не слѣдовало бы возставать другъ противъ друга членамъ тѣла Христова, братьямъ противъ единокровныхъ и чадамъ противъ родителей;

(1) Отвѣтное посланіе Святѣйшаго Всероссійскаго Сνнода къ святѣйшему патріарху Григорію и константинопольскому сνноду помѣщено въ Христіанскомъ Чтеніи 1869 года ч. II, стр. 355—361.

скажемъ ближе, пасомымъ противъ пастырей, и одному какому либо благочестивому народу противъ другаго, особенно такому, который благочестіе признаетъ существеннымъ и неизгладимымъ признакомъ своей народности. Напротивъ, на всѣхъ насъ вкупѣ лежитъ долгъ являть, въ потребной мѣрѣ, ревностное попеченіе и заботливость о томъ, чтобы неослабно и твердо *блюсти единеніе духа въ союзѣ мира; едино тѣло и единъ духъ, яко же и звани быхомъ во единомъ упованіи званія нашего*, и быть единодушными въ мысли и словѣ, по любви нелицемѣрной. Ибо Спаситель міра не призвалъ одно только какое либо племя или одинъ языкъ, дабы въ немъ утвердить святый, спасительный и общечеловѣческій кивотъ Церкви, и не одну какую либо націю, измѣняющуюся смотря по времени и обстоятельствамъ, но призвалъ все безъ различія человѣчество, какъ одно общее богородное отечество и одно жилище, дабы единство обитающаго въ немъ Духа славилось въ единствѣ истины, въ единствѣ вѣры и въ единствѣ любви, *любви, не завидующей, не безстыдствующей, не ищущей своихъ си, не гнѣвающейся, не радующейся о неправдѣ, сорадующейся же истинѣ*. Поэтому-то всехвальный апостолъ языковъ, благовѣствуя и ближнимъ и дальнимъ миръ евангельскій, а не къ одному какому либо племени относящійся, богомудро отъялъ отъ чистаго и благоустроеннаго тѣла Церкви всякій недостатокъ и скверну земнаго неравенства, всякое различіе высокаго и низкаго состоянія, всякое средостѣніе національныхъ и племенныхъ особенностей и положеній въ мірѣ, дабы въ Іудеѣ и Еллинѣ, въ обрѣзанномъ и въ необрѣзанномъ, въ скиѳѣ и варварѣ, въ рабѣ и сво-

бодномъ, въ мужскомъ полѣ и женскомъ, *всяческая и во всѣхъ былъ Христосъ и Духъ Его.*

Поелику же,—частію по человѣческой немощи, и еще болѣе, вслѣдствіе многообразныхъ и хитросплетаемыхъ ковъ и навѣтовъ міродержителя, искусно вметающаго въ житницу благочестія разнородныя и душепагубныя плевелы и, своими фальшивыми и прикровенными приманками, непрестанно обманывающаго поддающихся ему, — *невозможно, чтобы не быть соблазнамъ*, какъ предсказалъ Господь: то самый священный долгъ обязываетъ увѣровавшихъ отъ Бога заботиться о душахъ, *сильныхъ* же и долженствующихъ *носити немощи немощныхъ* обязываетъ непрестанно бодрствовать и пещись о томъ, чтобъ съ осторожностію возвращать на прямую и царскую стезю случайно заблуждающихся, чтобы, не причиняя вреда, съ корнемъ вырвать всѣ худые ростки, а умалившееся вслѣдствіе этого древо мира и любви, насажденное Богомъ, умножить усерднымъ трудомъ, утраченное же и недостающее въ немъ возстановить, въ возможно скорѣйшемъ времени, въ надлежащемъ и потребномъ видѣ.

II. Ваша, превожделенная намъ во Христѣ, любовь, конечно, помните изъ исторіи, что въ теченіи почти десяти блаженныхъ вѣковъ, благословенныя и счастливыя племена славянъ, просвѣщенныя лучезарнымъ свѣтомъ православной вѣры, возсіявшимъ для нихъ, по волѣ Провидѣнія и ко благу Церкви, съ яркаго патріаршаго свѣщника, не переставали до сего времени, по всесовершающей благодати Божіей, приносить совершенные и обильные плоды вѣры и благочестія. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, вслѣдствіе

сродства въ ихъ языкѣ и благодаря благопріятнымъ для нихъ въ то давнее время обстоятельствамъ, образовавшія, къ ихъ счастію, особый многочисленный народъ—болгарскій, къ удивленію, уклонились было отъ пути покорности и богопознанія, но потомъ опять, по волѣ Божіей, привились къ міроспасительному древу православной вѣры и съ тѣхъ поръ, ставши истинными чадами и украшеніемъ всей единой каѳолической и апостольской Церкви Спасителя, и въ частности (по своей іерархіи и просвѣщенію) нашей патріаршей, великой церкви, они не преставали постоянно воздавать вещественную благодарность своей духовной матери и благодѣтельницѣ, и благоговѣйно, по обычаю чтить ее, принося блестящіе плоды посильнаго о Христѣ преуспѣянія.

Но въ послѣднія два десятилѣтія, когда служители тьмы, и на морѣ и на сушѣ, производятъ безпрерывныя смуты и, подобно дикому звѣрю, вторгаясь въ вертоградъ Господа, терзаютъ оный зубами и когтями,—въ это время и особенно въ настоящіе дни, сверхъ всякаго чаянія, люди, зараженные національными страстями и надменнымъ самомнѣніемъ, дѣломъ и словомъ, тайно и явно распустили цѣлыя тысячи унизительныхъ порицаній и безстыдныхъ навѣтовъ противъ всей іерархіи нашей великой церкви, которая, подобно Господу своему, несетъ терновый вѣнецъ безпрерывныхъ страданій. Такія порицанія и навѣты распускаются ежедневно на радость всѣмъ врагамъ вѣры, но къ глубокому огорченію и на общій соблазнъ для всѣхъ православныхъ, подвѣдомыхъ апостольскому и патріаршему престолу нашему, и къ нравственному, а не матеріальному только, какъ скажетъ пожалуй

кто, вреду простодушныхъ, нравственно-шаткихъ и такъ безразсудно и легковѣрно поступающихъ благочестивыхъ болгарскихъ епархій; ибо въ средѣ ихъ нашлись люди, худо воспитанные нравственно и съ поверхностнымъ богословскимъ образованіемъ, но облеченные правами и властію, которые дошли даже до насильственнаго возмущенія и самоуправства, поднимая свою святотатственную и нечестивую руку на величайшія святыни вѣры и на священныя личности, канонически-поставленныхъ и почтенныхъ пастырей, и, можно сказать, обращаютъ церкви *въ добычу для грабителей*, говоря словами пословицы. Все это дѣлается отъ имени и для славы потомковъ того самого болгарскаго народа, котораго великій Фотій, въ лицѣ князя его, назвалъ: «славнымъ памятникомъ трудовъ своихъ, благороднымъ и достойнымъ чадомъ духовныхъ родовъ его».

III. Откуда и вслѣдствіе чего возникло это зло съ самаго начала, какъ оно, съ теченіемъ времени, возрастало, какіе предлоги и обвиненія выставляютъ возмутители и какія требованія заявляли они, а также, какими мѣрами, съ своей стороны, великая Христова церковь, уступая необходимости, старалась, по возможности, устранить рѣшительно всякіе поводы къ безпорядкамъ, —излагать все это вашему богохранимому о Господѣ братству подробно, было бы слишкомъ долго, а можетъ быть и не своевременно, такъ какъ многое вамъ не безъизвѣстно изъ того, что было уже нѣсколько разъ говорено и писано о настоящемъ предметѣ. Поэтому мы рѣшились объяснить въ историческомъ порядкѣ только самое главное и существенное, изъ чего ясно будетъ видно, прежде всего, то,

что великая церковь нисколько не изобличена фактами въ возводимыхъ на нее обвиненіяхъ и что она не оставляла безъ вниманія настоящаго возмущенія при самомъ его началѣ и гдѣ бы оно ни проявлялось; но, съ самыхъ первыхъ поръ, при Божьей помощи, прилагала всю заботливость и, сохраняя великодушіе, предпринимала надлежащія распоряженія, оказывая при этомъ снисхожденіе, чтобы пристыдить возмутителей, спасти благочестивый народъ, тщетно отторгаемый отъ паствы, и уврачевать, заявленныя въ послѣднее время нѣкоторыми изъ среды его, духовныя, такъ сказать, нужды и притязанія національнаго честолюбія. Затѣмъ, въ нашемъ изъясненіи представимъ ту необходимость, почему мы сочли долгомъ о настоящемъ предметѣ довести до свѣдѣнія вашего апостольскаго собранія, дабы, въ виду усиливающейся и явно распространяющейся болѣзни, употребить и лекарство лучшее и болѣе дѣйствительное.

IV. Отъ вашей пастырской и неусыпной бдительности, конечно, не могло укрыться то явленіе, что и всегда, особенно же въ послѣднее время, когда многіе, не заботясь о небесномъ, предались одному земному, лукавый змій устроялъ разнообразные и многочисленные ковы противъ православія, могущественнаго своею силою и укрѣпляемаго Свыше. Съ завистью видя, что высота православной церкви для него не досягаема и твердыня ея, по благодатному слову Жениха ея, непреодолима, онъ старался со всею хитростію внушать людямъ тѣ соображенія, что безъ труда и легко можно будетъ овладѣть и подчинить себѣ церковь, если только коснуться плотской ея стороны (ибо духа онъ не въ силахъ сбить съ

камня вѣры, охраняемаго Самимъ Богомъ и, по небесной высотѣ своей, не достижимаго). Подъ вліяніемъ такихъ внушеній, возникло стремленіе и затѣя разжигать и возбуждать, среди пасомыхъ церковію. идеи о народностяхъ, племенныя самолюбія и вообще людскіе интересы, съ цѣлью заманить и втянуть каждаго туда, гдѣ уже весьма легко ранить его и побѣдить. Не зная, какъ успѣшнѣе напасть на досточтимый восточный клиръ, этого непобѣдимаго поборника и учителя отеческаго благочестія, стали клеветать на него предъ слушателями простолюдинами или такими, которые, благоговѣя предъ иностранными теоріями. обычаями и порядками, легкомысленно относятся ко всему отечественному; стали обвинять въ насильственныхъ вымогательствахъ и денежныхъ поборахъ, намѣренномъ подавленіи народныхъ правъ того или другаго племени (смотря по тому, къ кому обращалась рѣчь), которому, вслѣдствіе этого (какъ стараются убѣдить), угрожаетъ опасность остаться навсегда подъ такимъ духовнымъ деспотизмомъ и въ настоящемъ политическомъ рабствѣ, и такимъ образомъ оказаться самымъ худшимъ и ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ. Жестокіе и коварные клеветники и гонители нашего клира дошли до такой дерзости, что, всячески домогаясь изгнать его изъ всей Болгаріи, они постарались убѣдить нѣкоторыхъ въ томъ, что численности и племени паствы должно соотвѣтствовать въ пастырѣ не только тождество языка, но и единство происхожденія, какъ будто бы апостолъ Божій призванъ былъ не вѣру и евангеліе распространять, а образовать извѣстную народность и племя, подобно государственнымъ людямъ, разсуждающимъ въ собраніяхъ о чело-

вѣческихъ и общественныхъ дѣлахъ. Можетъ ли быть что безразсуднѣе этого и богохульнѣе въ Богоправимой церкви!—Но вѣдь нужно же было пустить въ ходъ всякаго рода хитрости лукаваго и осадить со всѣхъ сторонъ твердыню православія, для того, чтобы или поколебать самыя основанія этой твердыни или, по крайней мѣрѣ, частыми племенными стрѣлами подѣлать проломы въ многочисленныхъ и крѣпкихъ оплотахъ и оградахъ церкви, блистающихъ силою и красотою правой вѣры.

V. И вотъ, такъ какъ изъ вредоноснаго колчана людей, разсѣявающихъ всякій вздоръ, безъ перерыва летятъ пронзительныя стрѣлы, то и въ тѣлѣ возлюбленныхъ о Христѣ и драгоцѣнныхъ чадъ, природныхъ болгаръ и болгаръ по языку, оказалось много и почти смертоносныхъ ранъ, такъ что нѣкоторые изъ болгаръ, увлекшись святотатственными началами и мятежническими пожеланіями, стали домогаться такихъ и столькихъ преимуществъ, притомъ и юридическихъ, сколько и какихъ ни дать, ни не дать мы не въ правѣ; стали взводить обвиненія и жалобы въ разное время разныя (ибо человѣческое желаніе безгранично, всегда домогается бо́льшаго, а особенно, когда находится подъ постороннимъ вліяніемъ), и притомъ не сами лично, представъ лицомъ къ лицу во дворъ церкви, гдѣ устрояется спасеніе душъ, но скрываясь хотя за народолюбивою и мудрою, но все таки свѣтскою властію, отъ которой можетъ происходить только матеріальное благосостояніе; далѣе, рѣшительно не хотятъ принимать ни одного изъ пастырей, посылаемыхъ великою Христовою церковію и подчиненныхъ ей о Господѣ, хотя бы эти пастыри и по языку,

и по происхожденію были изъ болгаръ болгары, но усиливаются учредить свою особую и народную (какъ они говорятъ) іерархію и церковь, неопредѣленную въ географическомъ отношеніи и въ исторіи безпримѣрную, такъ какъ будто только такая церковь способна доставить имъ народную извѣстность и величіе могущества и славы; и, наконецъ, всѣ другія блага, получаемыя отъ церкви, прежде и нынѣ, считаютъ за ничто, какъ ненужныя.

Итакъ, значитъ, напрасно великая Христова церковь, слѣдуя евангельской любви, всѣми средствами: и разнообразными побужденіями, и усердными просьбами, и денежными взносами, безъ всякихъ о томъ просьбъ, содѣйствовала устроить для болгаръ и всѣхъ говорящихъ по болгарски, переселившихся къ намъ еще въ 1848 году, не только особенное болгарское училище, но и священный храмъ на фанарѣ, съ дозволеніемъ совершать въ немъ божественныя тайнодѣйствія и службы, а также и проповѣдь на болгарославянскомъ языкѣ. Этого мало: по ходатайству упомянутыхъ болгаръ, церковь назначила имъ епископовъ, говорящихъ на ихъ языкѣ, именно: Стефана Лаодикійскаго, потомъ Поликарпа Патарскаго, а послѣ того Иларіона Маріупольскаго, тогда только что вновь рукоположеннаго. Оказывая такія благодѣянія людямъ съ скрытнымъ характеромъ, церковь и не замѣчала, что она собственными руками приготовила виновника возмущенія. Ибо тѣ самые люди, которые такъ близко къ сердцу принимали народное обособленіе и племенное раздѣленіе въ церкви, эти люди со всѣмъ усердіемъ пользовались разными случаями, чтобы склонять простодушныхъ болгаръ дѣлать денеж-

ныя приношенія на построеніе великолѣпнаго болгарскаго храма въ Константинополѣ, и, украшая его поэтическими цвѣтами и льстивыми изрѣченіями, указывали на это священное зданіе, какъ на твердую основу и тронъ едва зарождающагося болгарскаго самоуправленія и самостоятельности; при чемъ безъ зазрѣнія совѣсти дѣлали слѣдующія двѣ вещи: собирая отъ всѣхъ деньги, они никому не давали въ нихъ отчета, и расходовали ихъ въ неизвѣстности, объясняя только въ краснорѣчивыхъ и благочестивыхъ выраженіяхъ одному одно, другому другое употребленіе ихъ; и въ то же время, какая дерзость! разсѣявали, какъ сѣмя, свои мятежническія національныя идеи, сзывая, точно какъ въ походъ, *къ возстанію и освобожденію болгарскаго народа отъ греческаго ига.*

Напрасно также и въ Филиппополѣ,—гдѣ зло распри болѣе дерзскимъ образомъ обнаружилось по дѣйствіямъ прокравшихся туда въ 1849 году иностранцевъ, оказавшихся не учителями, а народовозмутителями и обольстителями тамошнихъ христіанъ,—великая церковь, по долгу снисходя къ слабости тѣхъ, которые племеннымъ мечемъ хотѣли вселить раздоръ и сразу разсѣчь и раздѣлить единое стадо Спасителя, строго внушила и приказала составляющимъ большую часть населенія того города, природнымъ грекамъ и грекамъ по языку только, чтобы они, сохраняя братолюбіе, никакъ не запрещали отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ въ двухъ, издавна существующихъ тамъ храмахъ, хотя противъ такого распоряженія заявленъ былъ ропотъ и даже протестъ со стороны грековъ, какъ законныхъ и прямыхъ потомковъ строителей означенныхъ храмовъ.

Равнымъ образомъ напрасно, желая оказать благодѣяніе болгарамъ и уничтожить главный предлогъ ихъ мятежническаго движенія, церковь наша уже поставила епископовъ изъ болгаръ или говорящихъ на болгарскомъ языкѣ, и обѣщала въ будущемъ назначать таковыхъ же въ тѣ епархіи, гдѣ откроются епископскія вакансіи, а также признала необходимымъ замѣнить нѣкоторыхъ епископовъ, когда замѣтила, что болгары сильно возстаютъ противъ нихъ и возводятъ разныя обвиненія и свое обычное: *притѣсненіе и оскорбленіе болгарскаго племени.*

Не менѣе напрасно церковь и правительство, получая въ разное время то отъ болѣе благоразумныхъ и умѣренныхъ изъ болгаръ, то отъ небольшаго числа мятежниковъ многія прошенія, изобличающія клеветы послѣднихъ и возмущающія и раздирающія невинный и кроткій болгарскій народъ, приглашали болгарскихъ воспитанниковъ, первая — въ богословское училище въ Халки, а второе — въ медицинскую школу, и оба равно заботились, по мѣрѣ ихъ силъ, объ общественномъ и нравственномъ усовершенствованіи всѣхъ подданныхъ, не отдавая преимущества ни тому, ни другому племени.

VI. Напрасно, говоримъ, эти и другія благодѣянія, прежде и послѣ сего, предлагаемы были болгарамъ отъ лица духовной ихъ матери, великой церкви, для того, чтобы пристыдить этихъ мятежниковъ, дабы они, отрезвившись, сохранили себя и свой народъ и единовѣрцевъ отъ большихъ еще потрясеній и общественныхъ соблазновъ, виновникамъ коихъ угрожаетъ вѣчное *горе.* Ибо послѣ извѣстной восточной войны, когда установился обычный порядокъ дѣлъ и

когда наше великодушное и народолюбивое правительство снова обнародовало государственный законъ о вѣротерпимости, объявивъ оный въ султанскомъ хатти-гумаюмѣ, возмутители, воспользовавшись этимъ предлогомъ, совершенно превратно истолковали вѣротерпимость, именно не въ смыслѣ допущенія въ государствѣ различныхъ одна отъ другой инославныхъ церквей и вѣроисповѣданій, какъ обыкновенно понимаютъ, а въ смыслѣ дозволенія: въ одномъ и томъ же вѣроисповѣданіи и церкви безнаказанно нарушать ея законы, по произволу каждаго, и такимъ образомъ низвращать мудрыя отеческія постановленія въ чуждомъ и безбожномъ духѣ. Послѣ этого, уже снявъ съ себя маску, они стали прямо и открыто нападать на клиръ Господній разными путями, между прочимъ, посредствомъ газетныхъ статей, порождаемыхъ и составляемыхъ іезуитскимъ умомъ и перомъ, и такимъ образомъ развили зло въ необразованномъ обществѣ до послѣднихъ предѣловъ. Печальными послѣдствіями этого зла были разныя, исполненныя печальныхъ и плачевныхъ сценъ, оскорбленія и жестокіе поступки, какимъ подвергались, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, священнослужители и учители, говорившіе на греческомъ языкѣ. Въ іюлѣ же 1856 года подано было Его Величеству, великодушному Султану, всеподданнѣйшее прошеніе, конечно, отъ имени болгарскаго народа, о дарованіи ему правъ и преимуществъ, равныхъ съ подданными изъ грековъ и армянъ,—правъ, которыми онъ пользовался до половины прошлаго столѣтія (говорятъ они), и затѣмъ лишился въ пользу греческой патріархіи. Въ слѣдующемъ году, съ наступленіемъ весны, когда распубликованъ былъ сул-

танскій указъ относительно созванія, разрѣшеннаго уже 3-мъ пунктомъ упомянутаго хатти-гумаюма, всеобщаго собранія, въ кругу мѣстныхъ христіанъ, для разсужденія по общимъ вопросамъ, возмутители сочли это обстоятельство самымъ благопріятнымъ для возстановленія, согласно ихъ желанію, *своей народной и независимой іерархіи*, и, повторяя эти слова, какъ условленный знакъ, въ разговорахъ и въ печати, снова принялись за клеветы, порицанія и другія выходки, чтобы доказать, что весь клиръ великой христіанской церкви, отъ мала до велика, отъ грека до болгара, не что иное, какъ жестокій гонитель болгарскаго народа; что онъ злонамѣренъ, корыстолюбивъ и, о сатанинство! рѣшительно неисправимъ. Хотя эти тяжкія и жестокія обвиненія и клеветы, по своей преувеличенности, конечно, ни для кого не убѣдительны, похожи болѣе на шутку, и потому не достигаютъ цѣли, съ какою они распускаются, однакожъ успѣли было, правда, при помощи матеріальныхъ выгодъ болѣе, чѣмъ убѣжденія, вторгнуть въ сѣти унитской пропаганды нѣкоторую добычу изъ болгарскаго народа, сначала въ Полянѣ, въ богоспасаемой епископіи Ѳессалоникійской, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ; впрочемъ, это уклоненіе было временное: ибо ложь не долговѣчна.

VII. Пока эти обвиненія и жалобы болгаръ разглашались и писались болѣе мѣстнымъ образомъ и не имѣли еще характера открытаго общественнаго вопроса, до тѣхъ поръ и святѣйшая церковь наша, съ своей стороны, также не выступала изъ предѣловъ домашнихъ распоряженій, строго сохраняя свой постъ, постъ стража бдительнаго и матери многопопечитель-

ной, до послѣдней возможности. Именно, посредствомъ церковныхъ посланій, частныхъ писемъ и, изрѣдка, путемъ печати, она постоянно дѣлала внушенія и увѣщанія, и старалась предотвратить и отклонить, по мѣрѣ возможности, гибельныя для народа соблазны раздора, съ цѣлію пристыдить и, такъ сказать, смягчить и благорасположить разсердившихся дѣтей, по молодости лѣтъ разгорячившихся противъ своей матери, дѣтей, которыя, какъ оказалось къ удивленію, не знаютъ ни того, что дѣти обыкновенно живутъ въ единодушіи и любви, согрѣваемые животворнымъ дыханіемъ материнской нѣжности, наслаждаясь оною при полномъ равенствѣ, *равенствѣ воздающемъ*, по слову писанія, *каждому по достоинству*; не понимаютъ и того, какой части требуютъ они себѣ изъ общаго наслѣдія Господа.

VIII. Но, въ началѣ 1860 года (15 января), уполномоченный отъ восьмидесяти Терновскихъ гражданъ, засѣдавшій въ вышеупомянутомъ собраніи, подалъ Портѣ всеподданнѣйшее прошеніе, и затѣмъ содержаніе этого прошенія письменно представилъ собранію, изложивъ въ 6-ти пунктахъ свои предположенія относительно *долженствующаго возстановленія* двухъ архіепископій, Охридской и Терновской, бывшихъ прежде когда-то автокефальными; о рукоположеніи архіереевъ изъ природныхъ болгаръ, съ предоставленіемъ имъ совершенно равныхъ правъ съ греческими епископами; также о безпрепятственномъ употребленіи народнаго языка, и наконецъ о производствѣ слѣдствія по дѣлу о такъ-называемомъ *общемъ долгѣ*, съ цѣлію принудить платить этотъ долгъ тѣхъ, кто, по разслѣдованіи, окажется виновнымъ въ безотчетной

(говорятъ они) растратѣ имущества патріархіи. Хотя требованія терновцевъ, какъ представленныя уполномоченнымъ лицомъ, повидимому, и имѣли характеръ заявленій епархіальнаго совѣта, но собраніе не стало разбирать ихъ и даже совсѣмъ не приняло: во первыхъ потому, что требованія эти основаны на показаніяхъ и обвиненіяхъ бездоказательныхъ; во вторыхъ потому, что сужденіе о нихъ не входило въ кругъ дѣйствій собранія. Вслѣдствіе этого уполномоченный, заявивъ протестъ, удалился изъ собранія; единомышленники же его, какъ бы потерявъ всякую надежду и съ отчаянія, открыто уже и систематически принялись за возбужденіе и возмущеніе противъ патріархіи, и дошли даже до того, что поругали и сожгли нѣсколько древнѣйшихъ евангелій и другихъ богослужебныхъ книгъ, а также нѣкоторыя иконы, потому только, что первыя писаны, а на вторыхъ надписи—на греческомъ языкѣ; этого мало: они расхищали цѣлыя епископіи и митрополіи, готовые въ тоже время посягнуть на жизнь живущихъ въ нихъ пастырей.

IX. Но нѣкоторые изъ этихъ необузданныхъ и святотатственныхъ буйствъ тѣмъ тяжелѣе и убійственнѣе были, что виновники ихъ, по видимому, должны бы знать церковные каноны, и быть благоразумнѣе другихъ, занимая посты учителей благочестія, въ санѣ епископа. Такъ, 3 апрѣля того же года, въ святый, славный и спасительный день воскресенія изъ мертвыхъ Жизнодавца, когда мы, въ побѣдной всеобщей радости, объемля другъ друга, враговъ и друзей братскимъ цѣлованіемъ, торжествуемъ побѣду надъ діаволомъ и грѣхомъ, дарованную церкви Іисусомъ

Христомъ, въ этотъ свѣтлый день всеобщаго веселія, хорепископъ вышеупомянутаго Галатскаго (Галата смежная съ кварталомъ Фанара: между ними находится болгарскій храмъ) болгарскаго храма, жестокій Иларіонъ дерзкимъ языкомъ исключилъ изъ ектеній поминовеніе каноническаго патріарха, и, ни самъ не стыдясь, ни отъ другихъ не слыша за это охужденія, поминалъ въ тотъ день и впослѣдствіи: *«всякое епископство православное»*, точно какой автокефальный и самозванный архіепископъ всѣхъ на свѣтѣ болгаръ. На другой же день и вообще въ послѣдующее время онъ, безъ стыда и опасенія отвѣтственности предъ церковными законами, во всей полнотѣ торжествовалъ и схизматическими устами разглашалъ пагубную проповѣдь духовнаго и нравственнаго возстанія. Когда же послѣ третьяго приглашенія, какъ слѣдовало по закону, онъ волею-неволею явился на судъ собора (13 апрѣля), то, въ оправданіе возводимаго на него обвиненія, коварно и какъ бы съ угрозою отвѣчалъ сему священному собранію, что онъ дѣлалъ все это *по повелѣнію народа*, и что *болгарскій народъ не доволенъ существующею церковною властію*, и на этомъ основаніи такъ и остался нераскаяннымъ. Самъ продолжая упорствовать въ антиканоническомъ направленіи, онъ вскорѣ увлекъ за собою прежде бывшаго Диррахійскаго епископа Авксентія, а за тѣмъ Филиппопольскаго Паисія, которые, какъ оказалось, не уступали другъ другу въ антиканонической дерзости. За тѣмъ, устроивъ себѣ въ Константинополѣ, предъ самыми воротами патріаршаго храма, (а позже и кое-гдѣ въ болгарскихъ мѣстностяхъ), своего рода каѳедральный, отщепеническій храмъ,

этотъ новый Новатъ новаго Рима и самъ себя называлъ, и другимъ проповѣдывалъ, и на богослуженіи поминалъ себя предстоятелемъ болгарской народной церкви. Изъ означенныхъ двухъ епископовъ (не будемъ нарушать покоя усопшаго) Паисій, до низложенія бывшій въ Филиппополѣ и производившій тамъ распри, не прислалъ, какъ слѣдовало бы по установленному порядку, своего голоса въ столицу, по случаю избранія патріарха (такъ какъ въ маѣ святѣйшій киръ Кириллъ неожиданно отказался отъ патріаршества), а также не далъ объясненія во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, затребованнаго церковію, но письменно отозвался, что *пастыри должны необходимо слѣдовать своей паствѣ и съ нею согласоваться;* наконецъ, переходя отъ безумія къ безумію, этотъ жалкій и самъ исключилъ установленное канонами возношеніе имени патріарха, и обратилъ свою многочисленную и прекрасную митрополію въ открытую арену безпрерывныхъ и нерѣдко кровавыхъ сценъ.

X. Между тѣмъ какъ происходили такія потрясенія среди болгарскаго народа, ежедневно подаваемы были прошенія, въ коихъ оплакивались народныя страданія, достойныя тысячи слезъ, страданія, общественныя и нравственныя, причиняемыя нападеніями нѣсколькихъ мятежниковъ и развратителей, безнаказанно и такъ дерзко относящихся къ высшей степени великодушнымъ дѣйствіямъ церковной власти; все же остальное христіанское населеніе, за исключеніемъ болгаристовъ, скорбѣло и сѣтовало въ виду такого волненія въ церкви, которое можетъ угрожать опустошеніемъ цѣлому народу. Тщательно разсмотрѣвъ все это и взвѣсивъ величіе отвѣтственности, святѣй-

шій предшественникъ нашъ киръ Іоакимъ рѣшился составить священный и великій соборъ (4 февраля 1861 г.) изъ святѣйшихъ патріарховъ, прежде бывшихъ константинопольскихъ, пребывавшихъ тамъ въ эту пору ихъ блаженствъ и всѣхъ присутствовавшихъ митрополитовъ (въ числѣ коихъ были и болгары родомъ, именно: Родосскій—Игнатій, Нишавскій—Дороѳей и Врачанскій - Паисій). Святой и великій соборъ этотъ разсудительно и внимательно разслѣдовалъ и разсмотрѣлъ все антиканоническое поведеніе и дѣйствіе маріупольскаго Иларіона и прежде бывшаго диррахійскаго Авксентія и, убѣдившись въ мятежническихъ и другихъ предосудительныхъ и неразумныхъ поступкахъ этихъ епископовъ, со скорбію сердца взглянулъ на оные; затѣмъ, тщательно обсудивъ отдѣльно каждый пунктъ обвинительнаго акта и послѣ троекратнаго, предписываемаго канонами, приглашенія виновныхъ явиться для оправданія, соборъ лишилъ ихъ, какъ непослушныхъ и упорныхъ, епископскаго сана во Святомъ Духѣ, за то, что они нетолько сами нарушили существующій священный порядокъ и презрѣли церковныя постановленія и каноны, но, сверхъ того, злонамѣренно внесли въ среду цѣлаго болгарскаго народа въ высшей степени пагубныя для него возмущенія и раздоры и разсѣявали возмутительные соблазны. По такимъ же основаніямъ, низложивъ и соучастника ихъ Паисія, соборъ призналъ необходимымъ всѣхъ трехъ ихъ удалить на время въ ссылку, такъ какъ и послѣ низложенія, оставаясь непреклонными въ своихъ злонамѣренныхъ убѣжденіяхъ, они всячески пытались возмущать своихъ сторонниковъ. При этомъ соборъ не ограничился только наказаніемъ виновниковъ без-

порядка, но, чтобы снова показать болгарскому народу особенную и неподдѣльную материнскую любовь къ нему церкви, опять назначилъ ему трехъ же митрополитовъ: Анѳима, Панарета и Игнатія; перваго въ г. Филиппополь, втораго въ г. Бреславъ, а Игнатія въ Кестендилъ, кои всѣ трое знакомы были съ болгарскимъ языкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изложивъ въ пятнадцати пунктахъ права и преимущества, которыя она признала нужнымъ даровать болгарамъ, для приданія этимъ правамъ постояннаго значенія и ненарушимости; церковь утвердила оныя окружнымъ посланіемъ (отъ 25 февраля того же года) и султанскимъ фирманомъ.

XI. Нельзя не признать, что такія распоряженія означеннаго собора въ непродолжительномъ времени обнаружили благія послѣдствія. Съ одной стороны ими положенъ былъ предѣлъ самочиннымъ и оскорбительнымъ интригамъ сторонниковъ Иларіона, съ съ другой же они уменьшили переходъ въ унію изъ болгаръ, такъ что многіе изъ обольщенныхъ и отпавшихъ изъ нѣдръ православія вскорѣ оставили обольстителей. Рукоположенный же папою епископъ унитскій, Іосифъ Сокольскій, вмѣстѣ съ подвѣдомымъ ему священствомъ, 18 іюня того же года, скрылся, предварительно самымъ убѣдительнымъ образомъ внушивъ и завѣщавъ своимъ единоплеменникамъ помнить—*не вѣрить встрѣчнымъ и поперечнымъ лисицамъ*, которыя только о томъ и заботятся, чтобы уловлять души и тѣла. Терпя такія уроны, унія по прошествіи уже семи мѣсяцевъ послѣ того, едва-едва пріобрѣла нѣкоего Араватзиска, обыкновенно поддерживающаго ее предъ высокою Портою и ставшаго поборникомъ уніи

ради мамоны неправды, а не по убѣжденію. Но жаркіе ревнители и поборники болгарской народности, такъ открыто и сильно упорствующіе противъ церкви, избрали другой очень хитрый и болѣе вѣрный для нихъ путь. Низложеніе единомысленныхъ имъ лжеепископовъ коварно истолковывая въ смыслѣ тяжкаго отлученія всего болгарскаго народа, они до того разожгли и ожесточили епархіи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чуть не всѣхъ достопочтенныхъ епископовъ, поставленныхъ великою церковью, какъ бы по данному приказу, подвергали насильственному изгнанію или неприличнымъ оскорбленіямъ и побоямъ, или морили голодомъ или, наконецъ, какъ иноплеменныхъ и чужеродныхъ (ибо насъ порицали и такимъ названіемъ, которое въ писаніи усвояется только иновѣрцамъ, какъ поносное), и нехотѣвшихъ возстать за одно съ ними, епископовъ этихъ лишали, предписываемаго канонами, возношенія ихъ именъ на священнодѣйствіяхъ и въ богослуженіи, для того чтобы беззаконно поминать канонически низложенныхъ и сосланныхъ. Затѣмъ, возбужденная такимъ образомъ и оставшаяся безъ пастырей и стражей благочестивая паства дѣлалась добычею ловкихъ ханжей, невѣждъ или самозванцевъ и необузданности хищныхъ звѣрей. Лучшихъ и даровитѣйшихъ воспитанниковъ изъ болгаръ, взятыхъ изъ греческихъ училищъ собственными руками ихъ родителей, отдали въ инославныя школы, гдѣ изучается только иностранное, а родное остается въ презрѣніи.

XII. Самовольники не удовольствовались мѣстными безпорядками, произведенными по епархіямъ. Спустя пять мѣсяцевъ послѣ собранія вышеупомянутаго

собора и по утвержденіи церковнаго регламента, а также означенныхъ пятнадцати пунктовъ, толпа нѣсколькихъ, изъ болѣе знатныхъ болгаръ, пришла къ высокому правительству просить о церковномъ отдѣленіи болгаръ *отъ греческой патріархіи* (такъ обыкновенно филоманы называютъ нашъ святѣйшій, апостольскій вселенскій престолъ); не бывъ выслушаны, они снова обратились съ другими, чѣмъ какихъ такъ недавно хотѣли, требованіями, именно—*самостоятельнаго церковнаго и народнаго управленія*, и подали объ этомъ восемь предложеній (9 іюня 1861 г.) высшему правительству, которое не замедлило препроводить ихъ полуоффиціальнымъ образомъ вселенскому патріарху для обсужденія, и если можно, для принятія и признанія. Святѣйшій досточтимый киръ Іоакимъ, вмѣстѣ съ существующимъ при немъ священнымъ сvнодомъ, немедленно отвергли означенныя предложенія, ссылаясь на противорѣчіе ихъ священнымъ канонамъ. Послѣ этого правительство оставалось въ ожиданіи цѣлый годъ и, не желая употреблять принудительныхъ средствъ противъ церковныхъ возмутителей, но мало по малу смягчать ихъ мѣрами спокойными и кроткими, указомъ (отъ 24 апрѣля 1862 г.) предписало составить смѣшанную коммиссію изъ грековъ и болгаръ, по пяти съ той и другой стороны. Около двухъ лѣтъ проведши въ спорахъ и препирательствахъ въ придворныхъ палатахъ (коммиссія занималась не въ патріаршихъ палатахъ, на которыя филоманы смотрѣли недовѣрчиво) и встрѣтивъ непреодолимыя претвновенія, она разбилась о подводный камень племеннаго раздѣленія. Почему члены коммиссіи, не изъ болгаръ, оставивъ это безполезное собраніе, представили верховному министру объясне-

ніе о томъ, что и какъ они дѣлали и какія непреодолимыя препятствія къ законному примиренію поставлены членами изъ болгаръ. Великая же Христова церковь, по возшествіи на патріаршій престолъ святѣйшаго киръ Софронія, уже не по побужденію отъ правительства, но по собственному убѣжденію и по чувству материнскаго соболѣзнованія о стольких овцахъ, искупленныхъ безцѣнною кровію Богочеловѣка, но отбиваемыхъ отъ стада и разсѣяваемыхъ куда попало, съ полнымъ стараніемъ и усердіемъ, снова разсмотрѣла восемь болгарскихъ предложеній и, для обстоятельнаго разсужденія о нихъ, созвавъ общее собраніе (24 февраля 1864 г.), составила разъяснительную коммиссію (διασαφητικήν), изъ девяти достоуважаемыхъ членовъ, которая точно и систематически раскрыла антиканоническія заблужденія и ошибки, на основаніи ясныхъ законовъ и постановленій, и затѣмъ въ семи засѣданіяхъ сообща разсмотрѣвъ свой трудъ, составила законный отвѣтъ, руководясь при этомъ безпристрастными указаніями большинства общаго собранія. Отвѣтъ этотъ церковь и послала правительству, такъ какъ отъ него присылались къ церкви всѣ болгарскіе проэкты.

XIII. Казалось бы, такіе труды всѣхъ этихъ коммиссій и собраній покончатъ настоящую распрю; но до конца оказалось очень далеко. Еще не прошло двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ неугомонные дѣятели и двигатели болгарской народности не переставали возбуждать возстанія противъ церкви, какъ великодушнѣйшій министръ, вѣроятно по неотступной просьбѣ и непреклонной настойчивости мятежниковъ, опять прислалъ въ патріархію (26 апрѣля 1866 г.) еще

шесть болгарскихъ предложеній, наполненныхъ тѣми же мятежническими требованіям и національными идеями. Предложенія эти самымъ дѣломъ доказывали, что тотъ строитъ на пескѣ и хочетъ сдѣлать бѣлымъ негра, кто рѣшился бы удовлетворить людей, для которыхъ религія дѣло второстепенное, матеріальные же и личные интересы выше духовныхъ и народныхъ, а таковы и есть передовые дѣятели настоящей печальной распри. Но церковь, и въ виду такого упорства, никогда не терявшая надежды и присутствія духа, не только не отказалась заняться означенными предложеніями и надлежащимъ образомъ разсмотрѣть ихъ, но терпѣливо и великодушно, ставъ въ положеніе безпристрастной и нѣжнолюбящей матери, ничего другаго не желая, какъ только спасти свое чадо, снова собрала общее собраніе изъ достойнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; затѣмъ составила коммиссію изъ шести членовъ, извѣстныхъ своею опытностію и исполнительностію для тщательнаго изученія упомянутыхъ предложеній и опредѣленія ихъ достоинства. Разобравъ предложенія, коммиссія ясно доказала несообразность ихъ съ канонической и общественной точки зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, озабочиваясь отысканіемъ такого рѣшенія, которое, будучи въ существѣ своемъ сообразно съ законами, способно было бы и болгаръ удовлетворить и другимъ православнымъ не подать повода думать, что единство управленія престола распадается, коммиссія изготивила свой, вполнѣ основательный проэктъ.

XIV. Когда означенная коммиссія почти совсѣмъ уже приводила къ концу порученное дѣло, занимавшее ее цѣлый годъ по причинѣ особеннаго упрямства

со стороны шестаго изъ членовъ, родомъ болгара, (то былъ филиппопольскій Панаретъ, оказавшійся гораздо хуже своего предшественника), въ это время оставилъ престолъ предшественникъ нашъ святѣйшій киръ Софроній; на мѣсто же его милостію Вседержителя призваны были мы, со страхомъ и опасеніемъ. Во-второй разъ воспріявъ иго Господа, мы тотчасъ же и первѣе всего направили свои заботы къ тому, чтобъ достигнуть, наконецъ, по возможности скорѣе рѣшенія этой столь долгой, такъ называемой, болгарской распри, рѣшенія законнаго и, по возможности, для обѣихъ сторонъ безобиднаго. Къ этому побуждало насъ многое, особенно же скорбь, испытываемая Церковію. Такой пагубный и заразительный соблазнъ церковнаго возмущенія нѣкоторыхъ изъ болгарскихъ чадъ нашихъ, съ каждымъ днемъ увеличивая взаимное раздраженіе между обѣими сторонами и съ теченіемъ времени глубже и глубже западая и проникая въ общественные умы, заражая въ тоже время мало по малу, хотя и незамѣтно, молодыя сердца, угрожаетъ обратиться во всеобщую и неизлечимую болѣзнь, влекущую за собою вмѣстѣ съ нравственнымъ вредомъ раздѣленіе единаго и стройнаго тѣла церкви. Внимательно размысливъ и разсудивъ о всемъ этомъ и со страхомъ въ глубинѣ сердца взвѣсивъ лежащую на насъ тяжкую отвѣтственность предъ самимъ Іисусомъ Христомъ, Богомъ нашимъ, и затѣмъ со слезами помолившись о просвѣщеніи свыше, мы со всѣмъ усердіемъ принялись разсматривать настоящій предметъ лично сами, на сколько это позволяли намъ другія заботы патріархіи. При этомъ мы не оставили безъ вниманія ни одного изъ прежде представлен-

ныхъ разныхъ проэктовъ разрѣшенія распри, насколько каждый изъ нихъ могъ содѣйствовать къ достиженію желаемой цѣли. По тщательномъ ознакомленіи съ ними, открылось, что какъ ни много уступокъ и снисхожденія въ пользу болгаръ представляли прежніе проэкты, тѣмъ не менѣе они оказались неудовлетворительными для мятежниковъ и не были приняты ими на томъ основаніи, какъ по крайней мѣрѣ увѣдомило правительство и показало самое дѣло, что не во всемъ уступлено имъ было. По этому мы съ особеннымъ вниманіемъ и стараніемъ взялись за проэктъ упомянутой послѣдней коммиссіи. Мы нашли, что по общему характеру своихъ положеній, этотъ проэктъ можетъ нѣсколько содѣйствовать къ разрѣшенію нашего вопроса, и потому мы воздали должную похвалу труду. Со стороны частностей проэктъ этотъ, по нашему мнѣнію, какъ можно судить по прежде даннымъ уступкамъ, скорѣе можетъ быть отвергнутъ, чѣмъ принятъ тѣми людьми, которые всѣ священныя и божественныя постановленія соборовъ стараются низвести на степень человѣческихъ и мірскихъ распоряженій и всѣ силы напрягаютъ къ тому, чтобы воззрѣнія міра сего поставить выше церковныхъ. Посему мы сочли необходимымъ избрать другой путь. Именно мѣрность наша и нашъ священный сунодъ митрополитовъ положили: изготовить проэктъ, который бы, нисколько не нарушая святыхъ и непреложныхъ постановленій священныхъ канововъ, допустилъ нѣкоторое ограниченіе правъ патріаршаго престола по управленію относительно возлюбленныхъ во Христѣ болгаръ, и проэктъ этотъ частнымъ образомъ сообщить верховному министру, въ надеждѣ, что бу-

детъ обнародованъ болгарамъ. Это и было сдѣлано еще въ маѣ прошлаго года.

XV. Питая такія довѣрчивыя надежды, мы спокойно ожидали отъ министерства признанія и утвержденія нашего проэкта и особенно безпрекословнаго принятія его болгарами, такъ какъ. по нашему мнѣнію, и быть не можетъ другаго проэкта. болѣе удовлетворительнаго и по отношенію къ неприкосновенности священныхъ каноновъ, и по отношенію къ самой патріархіи, а также для имперіи и для возмутителей Но вдругъ. въ прошломъ мѣсяцѣ того же истекшаго года, при министерскомъ тескерѐ, къ намъ препровождены были два другіе проэкта рѣшенія распри, съ приглашеніемъ или принять одинъ изъ двухъ, или представить другой способъ рѣшенія, который бы и для болгаръ не былъ стѣснителенъ, и, не нарушая церковныхъ законовъ, согласенъ былъ съ евангельскимъ ученіемъ о единствѣ въ церкви, не зависящемъ отъ народностей. Но одно уже предложеніе признать и принять одинъ изъ двухъ проэктовъ показываетъ какъ будто, что правильность рѣшенія должна основываться не на пререкаемой истинѣ Писанія и соборовъ, а на человѣческомъ желаніи, всегда измѣняющемся и стремящемся къ земному.

Эти проэкты, какъ оказалось по частномъ и общемъ обсужденіи ихъ, далеко превосходятъ всѣ прежніе по своей антиканоничности. такъ какъ они открыто и оффиціально установляютъ и опредѣляютъ нечестивое и противозаконное раздѣленіе святыхъ Божіихъ церквей по племенамъ и народностямъ. не установленные канонами предѣлы епископской власти по священнодѣйствію и управленію смѣшиваютъ не

только въ области патріаршей или въ каждой епископіи и митрополіи, гдѣ только есть болгары, но, что невыносимо и возмутительно, даже во всякомъ домѣ христіанскомъ, въ которомъ найдется одинъ или двое, мужъ или жена, или кто изъ слугъ по происхожденію болгаре; вообще въ самомъ корнѣ и сущности низвращаютъ всѣ основныя и въ теченіе вѣковъ неизмѣнныя установленія евангельскія и соборныя, особенно же въ отношеніи нравственности и церковнаго управленія. Поэтому, тщательно разобравъ отдѣльно каждый пунктъ параграфовъ, сопоставивъ ихъ съ священными канонами и другими священными постановленіями церковнаго преданія, а также достаточно опровергнувъ, мѣрность наша, согласно собственному мнѣнію и положенію священнаго собора присутствующихъ преосвященныхъ митрополитовъ, преподобныхъ архимандритовъ и учителей, составили разборъ и надлежащій отвѣтъ, которые и посланы уже верховному министру. Причемъ *другой способъ рѣшенія* (ибо инаго найти мы не можемъ) мы смѣло и ясно указали въ собраніи вселенскаго собора всей каѳолической православной церкви, какъ святаго тѣла, имѣющаго всю достовѣрность боговдохновеннаго и непреложнаго рѣшенія, которое и для нашего начальствованія будетъ не менѣе обязательно и важно, какъ и достойно преимущественнаго и благоговѣйнаго послушанія со стороны, если не всѣхъ именующихъ себя *представителями болгаръ*, коими управляютъ низложенные епископы, то, конечно, со стороны всего болгарскаго, благочестиваго по своимъ предкамъ, народа, а также со стороны благомыслящихъ предстоятелей его.

XVI. Таковъ, досточтимые и превожделенные намъ во Христѣ братья и сослужители, таковъ въ главныхъ чертахъ ходъ, надѣлавшаго такъ много шуму, раздора и возстанія, въ нѣдрахъ управляемой нами святѣйшей церкви, со стороны нѣкоторыхъ изъ болгаръ или говорящихъ по болгарски (но не всего народа и не большей части болгаръ). Возстаніе, которое, если только распространится (чего да не будетъ), угрожаетъ въ скоромъ времени всѣмъ церквамъ Христовымъ быть раздѣленными и расторгнутыми другъ отъ друга когтями родословій и басней, чего ни одна изъ древнихъ и новыхъ ересей не могла сдѣлать и не сдѣлаетъ никогда, по всесильной благодати Того, Который собралъ расточенное и составилъ едино стадо изъ всѣхъ народовъ вселенной. Таковы дерзости и нечестіе противъ духовной матери, воспитательницы и благодѣтельницы, отъ любимыхъ по вѣрѣ чадъ, болгаръ, къ коимъ святѣйшая церковь Фотіевъ (τὸν Φωτίου), хвалясь хваленіемъ не тщетнымъ, обращала слова блаженнаго Павла: *аще инымъ и нѣсмь Апостолъ, но обаче вамъ есмь; о Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ* (1 Кор. IX, 2; IV, 15). Таково раздраженіе со стороны благочестивыхъ болгаръ, которые дошли до того, что рѣшились оружіемъ и насиліемъ достигнуть оскорбленія и униженія своей духовной матери, дабы чрезъ униженіе ея воздвигнуть народно-болгарское (какъ говорятъ они) церковное зданіе на рыхломъ фундаментѣ и изъ непрочнаго матеріала: злословія, братоненавидѣнія и неблагодарности. Таково ожесточеніе, оставшееся непреклоннымъ и послѣ столькихъ ласкъ и нѣжнаго обращенія со стороны церкви. Такова какъ бы нѣкая нравственная

буря и волненіе, которыя увлекли нѣкоторыхъ болгаръ къ предложеніямъ и требованіямъ постоянно новымъ, одно другому противорѣчащимъ, дерзскимъ, антиканоническимъ, болгаръ, которые изгоняютъ законныхъ и апостольскихъ пастырей, для того чтобы оставшись безъ стражей, сдѣлаться доступными для всѣхъ похитителей душъ. Такія, скажемъ еще разъ, мрачныя и печальныя вспышки благочестиваго народа, бывшаго ученика здѣшней церкви, раздѣлявшаго съ нею славу и безчестіе, довольство и нищету, радость и слезы, въ высшей степени опечалили и поразили наше сердце (да иначе и быть не могло) и пронзили нашу утробу. Мы думаемъ, что не менѣе огорчены и боголюбивыя седца вашего во Христѣ превождѣленнаго и досточтимаго Главенства, въ виду этихъ бѣдствій, общихъ всѣмъ церквамъ Божіимъ, бѣдствій, которыя тѣмъ тяжелѣе и поразительнѣе, что исходятъ отъ своихъ же. «Аще бо страждетъ единъ удъ, говоритъ Писаніе, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди». (1 Кор. XII, 26). По этому-то, согласно древнему и Богоучрежденному обычаю, мы сочли пріятнѣйшимъ долгомъ и вашему достоуважаемому и досточтимому во Господѣ братству, какъ и прочимъ представителямъ каѳолической церкви, сообщить нынѣ, хотя бы и поздно, о настоящихъ обстоятельствахъ въ краткихъ и существенныхъ чертахъ. Сообщаемъ для того, чтобы и вы, по апостольскому и братолюбному благорасположенію, слѣдуя порядку преданному отцами, явились готовымъ сподвижникомъ и соучастникомъ въ виду страданія народа и гибели душъ, и нынѣ же доставили намъ потребное утѣшеніе и одобреніе, хотя

издали, своею отвѣтною граматою, а потомъ, когда, по изволенію Божію (и съ согласія нашего правительства), соберется и составится святѣйшій соборъ всей церкви, на судъ котораго вызвали мы настоящій вопросъ, вы соприсутствовали бы и совмѣстно дѣйствовали. Ибо двое лучше, чѣмъ одинъ, а многіе еще лучше могутъ наставить и вразумить согрѣшившаго и упорствующаго во грѣхѣ брата, особенно такого, который не разъ и не два презрѣлъ и преслушалъ свою церковь (Мѳ. XVIII, 11—17). Мы убѣждены, что не одинъ какой-либо епископъ, самъ по себѣ, а всѣ вообще епископы и пастыри поставлены Господомъ учителями и стражами православной вѣры, какъ въ дѣлѣ догматовъ, такъ и относительно церковной практики, этихъ двухъ боговдохновенныхъ скрижалей Святаго Духа, и что чѣмъ выше простыхъ христіанъ поставлены они, тѣмъ болѣе они обязаны заботиться о благостояніи церквей и спасеніи паствъ. По сему, съ распростертыми объятіями и пламеннымъ сердцемъ ожидая отъ вашей досточтимой и богохранимой Главы благовременной граматы, братски и отъ всей души братскимъ во Христѣ Богѣ цѣлованіемъ много разъ цѣлуемъ васъ...

Зиждитель же, Совершитель и Глава вселенской и апостольской церкви, истинный Богъ нашъ, Первый Великій и Вѣчный Архіерей, добровольно принесшій Себя въ жертву за спасеніе и животъ міра, единый Начальникъ всякаго мира, Самъ да даруетъ нашимъ чадамъ *сердце плотяно и уши во услышаніе вѣры,* преданной отцами дѣломъ и словомъ, и во услышаніе материнскихъ наставленій церкви, *которая есть столпъ и утвержденіе истины.* И всей цер-

кви да дастъ умноженіе и укрѣпленіе въ единствѣ духа и въ союзѣ мира, во славу Отца, Сына и Св. Духа, единаго безначальнаго божества и царства; вашей же досточтимости и всѣмъ пасомымъ вами да даруетъ спасеніе и лѣта безмятежныя, счастливыя и благоденственныя. Аминь. 1868 г. декабря 12.

Вашего превожделеннаго намъ и досточтимаго святѣйшества любящіе во Христѣ братья:

Константинопольскій Григорій.
Кизическій Никодимъ.
Халкидонскій Герасимъ.
Деркскій Неофитъ.
Дидимотихскій Діонисій.
Веррійскій и Наусскій Софроній.
Драмскій Агаѳангелъ.
Филадельфійскій Мелетій.
Ганохорскій Хрисанѳъ.
Воденскій Никодимъ.
Корицанскій Неофитъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Исторические и канонические основания, приводимые болгарами в пользу их церковной самостоятельности

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 3. С. 446-499.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИСТОРИЧЕСКІЯ И КАНОНИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ,

приводимыя болгарами въ пользу ихъ церковной самостоятельности.

Въ 1869 году издана въ Константинополѣ брошюра подъ заглавіемъ: *«τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς Ἀχρίδων καὶ Πεκιου»*, заключающая въ себѣ историческія и частію каноническія данныя, приводимыя болгарами въ пользу ихъ церковной самостоятельности.

Имѣя возможность подѣлиться съ читателями содержаніемъ этой брошюры, весьма интересной и самой по себѣ и особенно въ виду разрѣшенія, такъ называемаго, греко-болгарскаго вопроса, мы предлагаемъ здѣсь довольно полное извлеченіе изъ нея, не принимая на себя впрочемъ отвѣтственности ни за рѣзкость нѣкоторыхъ выраженій въ ней, ни за достовѣрность сообщаемыхъ фактовъ, такъ какъ большинство ихъ заимствовано издателемъ брошюры изъ источниковъ, намъ недоступныхъ.

Поводомъ къ составленію брошюры, заглавіе которой мы привели выше, послужила, какъ видно изъ предисловія ея издателя, напечатанная въ 1868 году въ газетѣ «Νεόλογος» статья, подъ названіемъ: «нѣсколько мыслей относительно болгарскаго вопроса», написанная съ цѣлію показать, что болгары, въ доказательство законности своихъ требованій о дарованіи имъ церковной самостоятельности, неосновательно указываютъ на тотъ фактъ, что будто суще-

ствовала самостоятельная архіепископія Охриды и всей Болгаріи, и что поэтому болгары неправильно обвиняютъ великую церковь въ присвоеніи себѣ преимуществъ и независимости этой архіепископіи, такъ какъ, утверждаетъ авторъ означенной статьи, а) великая церковь никогда не признавала независимости Охридской архіепископіи, потому что самостоятельность и автокефальность ея не была признана и утверждена ни однимъ вселенскимъ соборомъ, и б) великая церковь не присвояла себѣ автокефальности этой архіепископіи, потому что подчиненіе сей архіепископіи юрисдикціи вселенскаго престола совершилось вслѣдствіе общей (Κοινῆς) о томъ просьбы клира и народа означенной епархіи.

Въ послѣднихъ двухъ положеніяхъ, по словамъ издателя брошюры, заключается явное противорѣчіе. Если Охридская архіепископія не была самостоятельною, то и рѣчи не можетъ быть о ея подчиненіи; а коль скоро таковое подчиненіе было, значитъ до него Охридская церковь оставалась самостоятельною.

Указавъ въ предисловіи поводъ къ составленію брошюры и противорѣчіе въ разсужденіяхъ автора упомянутой статьи, издатель брошюры, на основаніи приводимыхъ имъ историческихъ документовъ, доказываетъ, что архіепископія Охридская дѣйствительно была учреждена и признана самостоятельною и что лишена этой самостоятельности вселенскимъ престоломъ по его собственнымъ побужденіямъ, а не вслѣдствіе общей (Κοινῆς) будто бы просьбы о томъ клира и народа этой епархіи.

I.

Объ учрежденіи и признаніи охридской архіепископіи самостоятельною.

По словамъ издателя брошюры, охридская архіепископія стала автокефальною съ 535 года, въ царствованіе Юстиніана Великаго, въ силу не «подложнаго указа» сего императора, какъ утверждаетъ корреспондентъ газеты Неологъ, а на основаніи подлиннаго и дѣйствительнаго указа, писаннаго, отъ 28 апрѣля того года, на имя перваго архіепископа охридскаго Кателліана и находящагося подъ № II въ 3-мъ томѣ Corpus juris civilis Romanorum.

Вотъ буквальный переводъ этого указа:

«Вознамѣрившись многими и разными способами возвеличить нашу родину, гдѣ намъ въ первые Богъ даровалъ видѣть этотъ міръ, созданный имъ, мы хотимъ возвысить оную важными преимуществами и со стороны іерархической власти, такъ, чтобы преосвященный епископъ Первой Юстиніаны, нашей родины, былъ не только митрополитомъ, но и архіепископомъ, и чтобы подъ его властью находились прочія епархіи, т. е. средиземная, равно какъ и прибрежная Дакія, вторая Мисія, Дарданія, Превалитанская епархія, вторая Мекедонія, а также часть второй Панноніи, которая находится въ уѣздѣ Бекенеѣ.

Ибо когда, въ древнія времена, областное управленіе (ὑπαρχία) находилось въ Сирміи, то тамъ же было и главное управленіе всей Иллиріи какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по церковнымъ (ἐπισκοπικοῖς); впослѣдствіи же, во времена Аттилы, когда вышеозначенныя страны подверглись опустошенію, Апен-

ній, преторъ преторіанцевъ города Сирміи, перешелъ въ г. Θессалоники; тудаже за областнымъ управленіемъ послѣдовала и церковная власть, и θессалоникійскій епископъ удостоенъ былъ нѣкоторыхъ преимуществъ не по собственному значенію, но благодаря падавшей на него тѣни—величія областнаго управленія.

Такъ какъ въ настоящее время, при Божіей помощи, имперія наша настолько увеличилась, что оба берега Дуная неселены нашими городами, а Виминакіонъ, Рекидна и Литерата, находящіеся по ту сторону Дуная, снова покорены нашей власти то мы признали необходимымъ перевести упомянутое областное управленіе изъ Панноніи, гдѣ оно было, въ нашу блаженную родину,, ибо вторая Паннонія недалеко отстоитъ отъ средиземной Дакіи. И поелику для имперіи было невыгодно отправлять въ Первую Македонію, въ такую даль и при такихъ затрудненіяхъ, солдатъ, изнуренныхъ безпрерывными войнами, то мы признали необходимымъ сказанное областное управленіе перенести въ верхнюю часть той страны, дабы зависящія отъ нея провинціи удобнѣе могли получать потребную помощь.

Посему и твое блаженство, равно какъ всѣ преосвященные предстоятели упомянутой Первой Юстиніаны, по званію архіепископовъ, да будутъ имѣть преимущество и полное право простирать свою власть на епископовъ вышеозначенныхъ странъ, рукополагать ихъ и во всѣхъ сказанныхъ епархіяхъ (провинціяхъ) имѣть первое достоинство, высшее архіерейство и высшее значеніе, такъ чтобы они тебя одного признавали своимъ архіепископомъ и зависѣли отъ твоего престола; впредь прекращается всякое на него

вліяніе со стороны Θессалоникійскаго архіепископа, но какъ ты, такъ и всѣ предстоятели послѣ тебя да будутъ имѣть право суда и рѣшенія надъ этимъ епископомъ. Въ случаѣ, если между епископами сихъ епархій возникнетъ распря, то они (предстоятели Юстиніаны) должны разбирать оную, подвергать тѣхъ епископовъ наказанію, подобно какъ рукополагать ихъ, такъ чтобы ни къ кому другому не обращались, но знали бы именно своего архіепископа всѣ сказанныя епархіи и подчинялись рѣшенію его; онъ будетъ имѣть полное право назначать клириковъ или самъ лично, или давать на то дозволеніе: ему всецѣло будетъ принадлежать іерархическая власть и разрѣшеніе на рукоположеніе.

Равнымъ образомъ мы желаемъ, чтобы епископъ г. Акіи, который принадлежитъ къ провинціи Дакіи прибрежной, впредь былъ рукополагаемъ твоимъ святѣйшествомъ, а не епископомъ Θракійскаго города Месемвріи; власть Месемврійскаго епископа ограничится Месемвріею, безъ всякаго вліянія на Акію, а епископъ Акійскій да вѣдаетъ симъ городомъ, его гражданскими и церковными дѣлами, дабы онъ могъ изгнать изъ этого города и страны ересь Воносіаковъ и обратить заблудшихъ къ православной вѣрѣ.

Чтобы твое блаженство знало о таковомъ распоряженіи нашей воли, для этого настоящій указъ посылаемъ къ твоему досточтимому престолу, дабы церковь нашей родины *навсегда* пользовалась такимъ благодѣяніемъ во славу всемогущаго Бога и въ вѣчное памятованіе о нашемъ къ ней расположеніи.

Когда же владыкѣ твоего престола придетъ время переселиться изъ сего міра, каждый будущій архі-

епископъ онаго, повелѣваемъ мы, да рукополагается досточтимымъ, находящимся при немъ, Сѵнодомъ митрополитовъ, такъ какъ архіепископу надлежитъ быть избираему отъ всѣхъ церквей, безъ всякаго участія въ томъ рукоположеніи со стороны Ѳессалоникійскаго епископа.

Твое блаженство всячески не замедлитъ привести въ исполненіе постановленіе нашей неизмѣнности.

Данъ въ 4-е календы мая, въ Константинополѣ, въ консульство Велисарія (28 апрѣля 35 г.)».

Чрезъ десять лѣтъ послѣ этого указа, 17 марта, императоръ Юстиніанъ издалъ другой указъ, подъ заглавіемъ: «О церковныхъ канонахъ и преимуществахъ святѣйшихъ церквей», на имя претора преторіанцевъ Петра, находящійся въ томъ же сборникѣ Corpus juris civilis Romanorum, подъ № 131. Третій пунктъ этого указа, согласно рѣшенію папы Вигилія, снова подтверждаетъ преимущество сказанной архіепископіи.

«Блаженному архіепископу Первой Юстиніаны, нашей родины, писалъ императоръ, впредь должно имѣть подъ своею юрисдикціею епископовъ средиземной Дакіи, Дакіи прибрежной, Превалитаніи, Дарданіи, верхней Мисіи и Панноніи, и ихъ рукополагать; самому же быть рукополагаему своимъ Сѵнодомъ; въ подчиненныхъ ему епархіяхъ будетъ занимать степень апостольскаго римскаго престола, согласно опредѣленію Св. папы Вигилія».

Въ концѣ этого указа находится слѣдующій эпилогъ:

«Что наше величество постановило настоящимъ указомъ, имѣющимъ силу *навсегда*, о томъ ваше превосходительство (ὑπεροχή), разославъ эдикты въ здѣш-

ней столицѣ, по установленному порядку, поспѣшитъ довести до всеобщаго свѣдѣнія; мы же позаботимся объявить о томъ по епархіямъ безъ всякаго промедленія.

Данъ въ 15-е календы апрѣля, въ Константинополѣ, въ годъ царствованія Юстиніана 18-й, консульства же Василія 4-й» (17 марта 545 г.).

Такимъ образомъ учрежденіе архіепископіи Первой Юстиніаны, о чемъ упоминаетъ и современный историкъ Прокопій ([1]), немедленно было обнародовано въ столицѣ сказаннымъ консуломъ, а въ провинціяхъ самимъ Юстиніаномъ, и, однако, ни патріархъ Константинопольскій, ни папа римскій, ни кто другой изъ тогдашнихъ іерарховъ не протестовалъ противъ сего. А это по латинской пословицѣ: „qui tacet, confirmat", значитъ, что всѣ они согласились на учрежденіе означенной архіепископіи. Такое молчаніе тѣмъ болѣе важно, что, при тогдашнихъ же обстоятельствахъ, многіе изъ восточныхъ и западныхъ архіереевъ не усумнились заявить голосъ противъ указа того же императора относительно такъ-называемыхъ «трехъ главъ», вслѣдствіе чего великій императоръ вынужденъ былъ, чрезъ нѣсколько времени, отмѣнить послѣдній свой указъ и созвать по вопросу объ упомянутыхъ «главахъ» пятый вселенскій соборъ.

И такъ учрежденіе архіепископіи Первой Юстиніаны послѣдовало съ согласія церкви. Согласіе это дано было не только молчаніемъ, но словесно и оффиціально, и прежде всего со стороны папы Вигилія, подъ церковною юрисдикціею коего находились тогда

([1]) Procop. de aedif. IV, I. P. 67.

Иллирія ([1]), какъ говоритъ приведенный указъ Юстиніана, и церковные историки ([2]); потомъ со стороны бывшаго въ Константинополѣ подъ предсѣдательствомъ того же папы Вигилія собора, состоявшагося предъ V вселенскимъ ([3]); и, наконецъ, со стороны всей церкви на V вселенскомъ соборѣ, созванномъ въ 553 г. въ Константинополѣ, по вопросу о «трехъ главахъ».

Извѣстно, что изъ восточныхъ церквей прибыли на этотъ соборъ три патріарха восточные и 155 епи-

([1]) Извѣстно, что вся Римская Имперія, сперва при Діоклетіанѣ, а потомъ при Константинѣ Великомъ раздѣлена была на четыре области (Галлію, Италію, Иллирію и Востокъ); каждая изъ областей подраздѣлялась на округи (діоцезы), а эти, въ свою очередь, на провинціи. Три первыя области съ своими округами и провинціями находились подъ юрисдикціею римскаго архіепископа, по древнему обычаю, какъ постановляетъ 6-е правило I вселенскаго собора; признаны же независимыми по силѣ того же правила и 2-го прав. II вселенскаго собора, только митрополиты главныхъ городовъ (ἐν ταῖς μητροπόλεσι) пяти округовъ восточной области (Египта, Востока, Азіи, Понта и Ѳракіи, со включеніемъ Іерусалимскаго. Впослѣдствіи, когда епископъ г. Византіи, бывшій прежде подъ вѣдѣніемъ митрополита Ѳракійскаго округа, возведенъ былъ въ санъ патріарха, потому что Константинополь сталъ столицею имперіи, то, на основаніи 28 правила IV вселенскаго собора, епископу сему подчинены были только митрополиты трехъ изъ означенныхъ пяти округовъ восточной области, именно митрополиты: Кесаріи Понтійской, Ефеса Азійскаго и Иракліи Ѳракійской. Прочіе же всѣ независимые митрополиты, т. е. Александрійскій, въ провинціи египетской, и Антіохійскій — въ провинціи восточной, остались въ прежнемъ положеніи. А всѣ митрополіи въ провинціяхъ другихъ трехъ областей продолжали быть въ подчиненіи римскаго архіепископа, по древнему обычаю. Одна изъ таковыхъ областей имперіи состояла изъ двухъ округовъ: въ составъ одного изъ нихъ входила Ахаія и Критъ, а въ другой — Дакія и Македонія. Изъ этого-то послѣдняго округа Юстиніанъ образовалъ совершенно независимую Архіепископію своей родины, — Первой Юстиніаны, испросивъ на это согласіе главнаго начальника (Κορυφαῖος) сихъ провинцій, папы Вигилія.

([2]) Baron. ad an. 535 T. VII p. 537 Crist. Orient. T. II. N. XXV. P. 283—284.

([3]) Δοσιθ. περὶ τῶ ἐν Ἱεροσ. πατρ. Βιβλ. Ε. Κεφ. Κ', § 2 и 8.

скоповъ. Явился также и папа Вигилій съ нѣсколькими западными архіереями изъ Италіи, Иллиріи и Африки, и пробылъ въ Константинополѣ съ 547 г. по 555 г.; но ни онъ, ни кто другой, не сдѣлали заявленія противъ новообразованной архіепископіи Первой Юстиніаны, хотя въ то время у него уже было несогласіе и большой споръ по предмету «трехъ главъ», съ Константинопольскимъ патріархомъ Миною, другими архіереями и даже съ самимъ императоромъ. Далѣе, когда наступилъ день, назначенный для открытія собора (5 мая 553 г.), то папа и прибывшіе съ нимъ западные епископы, рѣшительно отказались присутствовать наономъ; италійскіе и африканскіе епископы, на сдѣланное имъ приглашеніе, сказали, что они не пойдутъ на соборъ, если не пойдетъ ихъ патріархъ папа. Папа же, видя, что число западныхъ епископовъ очень мало, и опасаясь, поэтому, слишкомъ большаго противъ нихъ количества голосовъ со стороны восточныхъ, согласился быть на соборѣ подъ условіемъ, чтобы соборъ состоялъ изъ равнаго числа епископовъ восточныхъ и западныхъ, — точь-въ-точь какъ нѣсколько времени тому назадъ болгары требовали составленія Патріаршаго Сvнода изъ равнаго числа греческихъ и болгарскихъ архіереевъ. Предложенное папою Вигиліемъ условіе весьма не понравилось восточнымъ епископамъ. Въ оправданіе непринятія такого условія они говорили, что на вселенскій соборъ они прибыли изъ такихъ отдаленныхъ провинцій, что собору сему, какъ представляющему собою всю вселенскую церковь, неприлично состоять изъ небольшаго числа епископовъ; что на вселенскихъ соборахъ греческихъ епископовъ всегда

было большинство, что въ Никеѣ были всѣ греческіе епископы; въ Халкидонѣ, въ числѣ собравшихся 630 отцовъ, изъ западныхъ были только послы папы Льва ([1]); что, наконецъ, всѣмъ извѣстно упорное мнѣніе латинскихъ епископовъ въ пользу «трехъ главъ», а потому, если бы пригласить всѣхъ ихъ, то вышли бы безконечные споры, изъ которыхъ соборъ не пришелъ бы рѣшительно ни къ какому результату, и т. п. Послѣ этого, снова отправили торжественное посольство къ папѣ съ приглашеніемъ на соборъ, но онъ далъ тотъ же отвѣтъ, присовокупивъ, что мнѣніе свое представитъ императору особо... Когда исчезла всякая надежда на успѣхъ въ отношеніи папы, посланы были отъ собора другіе послы къ бывшимъ въ Византіи западнымъ епископамъ, съ приглашеніемъ прибыть на соборъ для совмѣстнаго разсужденія по означенному предмету. Но италійскіе и африканскіе епископы отвѣчали, что они не могутъ придти, если не будетъ папы, а иллирійскіе, что они не могутъ присутствовать безъ согласія ихъ архіепископа. Но соборъ, относительно послѣднихъ (т. е. иллирійскихъ) епископовъ, сказалъ: «мы (соборъ) имѣемъ мнѣніе ихъ *архіепископа*, т. е. Охридскаго, и достаточно» ([2]).

Отсюда, по словамъ издателя брошюры, видно,

(1) Іерусалимскій патріархъ Досиѳей говоритъ, что на I-мъ вселенскомъ соборѣ, кромѣ трехъ западныхъ, были всѣ греческіе восточные епископы; на II-мъ—никого не было изъ Рима; на III-мъ—только трое прибыли изъ Рима къ концу собора; на IV-мъ—всѣ греческіе, кромѣ трехъ римскихъ; на V-мъ—всѣ восточные; на VI-мъ—также какъ на IV-мъ; на VII-мъ—кромѣ трехъ западныхъ, всѣ прочіе греки (Δοσιθ. l. c. Βιβλ. I. κ. ια. § 5).

(2) Ἴδε πρακτ. Συνοδ. Τ. Ѣ. ἱστορ. τῆς ἑ Συν. καὶ πρακτ. τῆς β' συνεδρ. αὐτῆς. Ἴδε καὶ Δοσιθ. l. c. κεφ. ια. § 4.

что а) бывшіе на семъ соборѣ три патріарха и 155 епископовъ—всѣ восточные, смотрѣли на архіепископа Илиріи и подвѣдомыхъ ему архіереевъ, какъ на западныхъ; б) признавали архіепископа Первой Юстиніаны или Охриды автокефальнымъ и независимымъ на столько, что согласіе его одного считали достаточнымъ для предстоявшаго разсужденія по столь важному религіозному вопросу о «трехъ главахъ».

И послѣ этого собора, архіепископы Первой Юстиніаны были признаваемы автокефальными и независимыми какъ со стороны западной церкви (до отдѣленія ея отъ восточной), о чемъ свидѣтельствуетъ исторія, особенно письма папы Григорія Великаго ([1]), жившаго въ 590—604 г., такъ и со стороны церкви восточной, что доказываютъ частыя сношенія ея съ сказанною архіепископіею ([2]), и разные гражданскіе и церковные документы. Означенная архіепископія признавалась самостоятельною не только при византійскихъ императорахъ, но и при оттоманскомъ правительствѣ

Во время зависимости Болгаріи отъ византійскихъ императоровъ, архіепископъ Охридскій и всей Болгаріи былъ избираемъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и прочіе патріархи ([3]). Константинопольскій патріархъ такъ относился оффиціальнымъ образомъ къ упомянутому архіепископу: «блаженнѣйшій архіепископъ первой Юстиніаны Охридскій и всей Болгаріи, во Св. Духѣ возлюбленный братъ нашей мѣрности и сослужитель: молю Бога» и проч. ([4]). Что автономія это-

(1) Epist. pap. Greg. L. IV, epist. VII, VIII et X.

(2) Ιδε πρακτ. Συν. Τ. σελ. 978—981 Μελετιυ Εκκλησ, ἱστορ, Κ. τ. λ.

(3) Codin. Curopal. de offic. C. XX. p. 10—5.

(4) L. c. y Giar. 406—419 и Συντ. Ράλλη. Τ. ε σελ. 498.

го архіепископа признавалась неприкосновенною и что вселенскій патріархъ не имѣлъ права посягать на нее, это видно также изъ письма къ Михаилу Халкидонскому болгарскаго архіепископа Феофилакта при императорѣ Алексеѣ Комнинѣ (1081 - 1118), гдѣ сказано: «какое отношеніе Константинопольскаго патріарха къ епископамъ (т. е. Болгаріи), когда онъ не имѣетъ права рукополагать ихъ, такъ какъ они имѣютъ автокефальнаго архіепископа, и когда патріархъ не получилъ никакого другаго права надъ ними».

Въ доказательство признанія Охрядской архіепископіи автокефальною со стороны вселенскаго патріарха или лучше со стороны всей церкви православной, авторъ брошюры приводитъ оффиціальное письмо, которымъ въ Іюнѣ 1368 г. тогдашній вселенскій патріархъ Филоѳей приглашалъ архіепископа Первой Юстиніаны Охридскаго и всей Болгаріи на предполагавшійся въ Константинополѣ вселенскій соборъ, по вопросу о соединеніи церквей. Вотъ отрывокъ изъ этого письма: «Блаженный архіепископъ Первой Юстиніаны Охридскій и всей Болгаріи... Старшій двоюродный братъ державнѣйшаго и августѣйшаго нашего императора, принцъ Савойскій, прибывъ по дѣламъ въ Константинополь вмѣстѣ съ западнымъ архіереемъ Павломъ, сообщилъ державнѣйшему и августѣйшему императору нашему мысли папы касательно единенія и согласія церквей, нашей т. е. и латинской».

«Вслѣдствіе сего державнѣйшій и августѣйшій нашъ императоръ поручилъ нашей мѣрности и святѣйшимъ патріархамъ: Александрійскому и Іерусалимскому, а также священному Суноду находящихся здѣсь

преосвященныхъ архіереевъ, чтобы мы, собравшись вкупѣ, единогласно рѣшили, слѣдуетъ ли быть вселенскому собору, по примѣру бывшихъ семи вселенскихъ соборовъ».

«По сему, два святѣйшіе патріарха, Александрійскій и Іерусалимскій, которые недавно прибыли сюда, посылаютъ уже письма къ подвѣдомымъ имъ архіереямъ и своимъ сунодамъ, чтобы они прибыли; мы же даемъ знать Святѣйшему Патріарху антіохійскому, чтобы и онъ прибылъ со всѣми подвѣдомыми ему архіереями и своимъ сунодомъ. Почему необходимо прибыть и твоей святынѣ со всѣми *подвѣдомыми тебѣ* архіереями, въ виду того, что имѣетъ быть каѳолическій и вселенскій соборъ. Поелику же *тамошняя* церковь и тамошній народъ со времени его появленія и образованія постоянно содержитъ благочестіе и вѣру чистую, здравую, разсужденіе же предстоитъ именно по предметамъ вѣры и благочестія, то рѣшительно необходимо прибыть сюда твоей святынѣ, дабы мы, *разсудивши сообща*, при помощи Божественной благодати, изложили сущность нашего богопочтенія и непорочнаго ученія о Божествѣ».

«Поэтому, оставивъ всѣ твои занятія, какія и сколько бы ихъ ни было, и предпочтя всѣ твои обязанности долгу благочестія, поспѣши, какъ можно скорѣе, прибыть сюда со всѣми подвѣдомыми тебѣ архіереями...».

Очевидно, что архіепископъ Первой Юстиніаны Охридскій и всей Болгаріи, какъ признаваемый въ этомъ званіи всею церковью, становится здѣсь на одинаковую степень самостоятельности и независимости съ патріархами Александрійскимъ, Антіохій-

скимъ и Іерусалимскимъ, потому что наравнѣ съ ними приглашается на вселенскій соборъ со всѣми подвѣдомыми ему архіереями.

Въ заключеніе издатель брошюры, для доказательства самостоятельности Болгарской церкви, приводитъ слѣдующія выдержки изъ двухъ документовъ, хранящихся въ архивѣ великой церкви.

Въ одномъ изъ этихъ документовъ, относящемся къ 1762 г., говорится: «поелику святѣйшія митрополіи: Могленская и Катраницкая, подвѣдомыя святѣйшей архіепископіи Охридской, остались безъ пастыря,... посему патріархъ сей митрополіи, блаженный архіепископъ Охридскій и всей Болгаріи киръ Кириллъ, имѣющій пребываніе въ здѣшней столицѣ, выразилъ желаніе», и проч.

Замѣтьте здѣсь, что, по словамъ приведеннаго документа, архіепископъ Охридскій и всей Болгаріи не только есть автокефальный и патріархъ, но и имѣетъ пребываніе въ столицѣ, т. е. въ Константинополѣ.

Въ другомъ документѣ, писанномъ въ маѣ 1763 г., сказано: «Такъ какъ святѣйшая архіепископія Охридская, въ теченіи уже долгаго времени, остается безъ предстоятеля, а тамошнее христіанское населеніе безъ архіепископскаго надзора и духовнаго управленія..., вслѣдствіе того, что Киръ Кириллъ, подпавши императорскому гнѣву, осужденъ на изгнаніе, принявшій же послѣ него архіепископію Іеремія умеръ, то находящееся здѣсь въ Константинополѣ довольно многочисленное общество православныхъ нѣсколько разъ прибѣгало къ управляемой нами Христовой великой церкви... за помощію... присылали также общія прошенія отъ тамошнихъ архіереевъ, которые сами

вмѣстѣ съ выбранными изъ ихъ епархій, просили великую Христову Церковь помочь имъ... Когда же мы довольно долгое время не соглашались на эти общія прошенія, то они наконецъ обратились къ высшей императорской власти и державнымъ властителямъ нашимъ, послѣ чего намъ повелѣно было верховнымъ императорскимъ указомъ избрать и поставить достойное лицо для занятія упомянутой архіепископіи».

«Мѣрность наша откладывала доселѣ это дѣло потому, что мы смотрѣли на архіепископію сію, какъ на находящуюся въ другомъ округѣ и какъ на самостоятельную (αὐτόνομον), и не подлежащую Святѣйшему нашему престолу и рѣшенію нашего Свящ. Сѵнода».

«Но нынѣ, когда находящееся въ Константинополѣ многочисленное общество христіанъ изъ означенной архіепископіи, по своему желанію, ревнуя о благосостояніи сей архіепископіи и духовномъ управленіи тамошняго народа, неотступно просило у насъ великаго протосинкелла великой Христовой Церкви, преподобнаго іеромонаха Ананія, представивъ на это согласіе и соизволеніе своихъ архіереевъ и ихъ паствъ, и даже обращалось къ императорской власти, и получило удовлетвореніе... такъ, что императорскимъ указомъ означенная архіепископія предоставлена его преподобію, то...».

«Итакъ, належитъ необходимость совершить рукоположеніе его (Ананія) церковнымъ порядкомъ, согласно общему избранію и просьбѣ всей тамошней паствы... Съ другой стороны, такъ какъ нами не могло быть совершено рукоположеніе, потому что Священный Сѵнодъ архіереевъ нашего вселенскаго

престола не имѣлъ права произвесть касательно онаго выборы, по непринадлежности намъ означеннаго округа, то по сему, чтобы соблюсти необходимый порядокъ церковнаго благоустройства, мѣрность наша пригласила находящихся здѣсь прежде бывшихъ епархіальныхъ архіереевъ, именно: бывшаго Касторійскаго Исаію, Преславскаго Филофея, Неопатрскаго Господина. . . ., архіепископа Тиноса Кирилла, Чіанскаго Неофита, Голенискаго Захарію, Ѳавмакійскаго Серафима и Ставропольскаго Анѳима, чтобы они, собравшись во всечестномъ храмѣ св. Георгія, что въ Метохѣ Св. Гроба, съ нашего соизволенія, произвели каноническіе выборы и, согласно общему желанію всей паствы упомянутой архіепископіи, общимъ ихъ архіерейскимъ рѣшеніемъ возвели его преподобіе, іеромонаха Ананія, въ санъ законнаго архіепископа».

Чтобы избѣгнуть обвиненія въ противуканоническомъ вмѣшательствѣ въ дѣло назначенія и поставленія архіепископа для Охридской архіепископіи, вселенскій патріархъ, повидимому, всячески старается доказать и сохранить полную автономію и независимость этой архіепископіи, по которой она не подчинена ни Святѣйшему престолу вселенскаго патріарха, ни его священному Сѵноду, почему послѣдній и не можетъ произвести для нея архіерейскихъ выборовъ. Но такъ какъ означенное вмѣшательство для патріарха было нужно; то онъ и дозволилъ себѣ оное, оправдываясь для благовидности тѣмъ, что оно допущено по необходимости, вслѣдствіе неотступной просьбы находившагося въ Константинополѣ общества изъ охридскаго православнаго народа, просьбы архіереевъ и всей тамошней паствы (т. е. въ лицѣ упо-

мянутаго общества), съ согласія и полномочія даннаго тамошними архіереями и христіанами, по повелѣнію державной власти, и во исполненіе императорскаго берата, коимъ предоставлена Охридская архіепископія протосинкеллу патріархіи. Здѣсь, кромѣ противозаконнаго вмѣшательства въ дѣла чужой архіепископіи, со стороны его святѣйшества допущенъ противный правиламъ церковнымъ способъ избранія упомянутаго Ананія въ архіепископы при посредствѣ архіереевъ, не состоящихъ членами его сvнода, а живущихъ на покоѣ, безъ мѣстъ и безъ епархій, и притомъ въ храмѣ другаго, совершенно независимаго патріархата іерусалимскаго.

Итакъ, если великая церковь считала себя въ правѣ прибѣгать къ антиканоническимъ дѣйствіямъ для удовлетворенія необходимости и неотступной въ теченіи двухъ мѣсяцевъ просьбы одного общества или пожалуй одной епархіи: то тѣмъ болѣе она въ правѣ удовлетворить несравненно важнѣйшей необходимости и просьбѣ цѣлаго народа, заявляемой въ продолженіи девяти лѣтъ. Главный же выводъ изъ приведеннаго въ отрывкѣ патріаршаго документа тотъ, что сама константинопольская патріархія признавала самостоятельность и неподчиненность ей Болгарской церкви. Впрочемъ самостоятельность эта лучше всего доказывается самыми документами объ ея упраздненіи.

II.

Объ упраздненіи архіепископіи охридской.

Корреспондентъ журнала «Неологъ» утверждаетъ, что упраздненіе Охридской архіепископіи произошло

вслѣдствіе общей (κοινῆς) просьбы о томъ клира и народа той епархіи.

Но нужно сперва изслѣдовать, говоритъ издатель брошюры, 1) была ли такая общая (κοινή) просьба клира и народа, и вообще какъ происходило это упраздненіе; съ другой стороны, 2) если бы и дѣйствительно была таковая просьба, имѣла ли право великая церковь упразднить и уничтожить независимый престолъ, признававшійся такимъ въ теченіе многихъ вѣковъ.

Для доказательства того, что означенная общая просьба существовала, защитники патріархіи представляютъ три документа, находящіеся въ архивѣ великой церкви, изъ коихъ первые два въ отрывкѣ, а третій цѣликомъ напечатаны въ 1860 году преосвященнымъ хіосскимъ Григоріемъ, бывшимъ главнымъ секретаремъ константинопольскаго сѵнода, въ 1-й главѣ 3-й части его сочиненія «о канонической юрикдикціи вселенскаго престола по отношенію къ православнымъ христіанамъ Болгаріи». Отсюда перепечаталъ эти документы въ послѣднее время, въ такомъ же видѣ, преосвященный бѣлградскій Анѳимъ въ 6-й главѣ своего «краткаго историческаго очерка бѣлградской митрополіи».

ПЕРВЫЙ ДОКУМЕНТЪ.

Отреченіе (просьба объ увольненіи) архіепископа Арсенія.

«Настоящимъ *добровольнымъ и непринужденнымъ* прошеніемъ я нижеподписавшійся заявляю, что, будучи не въ состояніи устроить и привести въ порядокъ нужды Охридской архіепископіи, безпрестанно

возраставшія прежде насъ и въ наше время, вслѣдствіе чего большой ущербъ отъ раззорителей терпятъ митрополиты сей архіепископіи и бѣдное населеніе ея, и, не видя другой возможности тамошнему округу и всему христіанскому населенію выйти изъ этихъ дурныхъ обстоятельствъ, какъ чрезъ упраздненіе сей архіепископіи, я поэтому самому отрекаюсь нынѣ отъ Охридской архіепископіи... желая имѣть за собою прежде бывшую мою епархію пелагонійскую, которая по конецъ моей жизни была бы моею питательницею и покрывала мои надобности. Настоящее мое добровольное и непринужденное отреченіе, послѣдовавшее съ согласія собратій моихъ пяти архіереевъ, должно быть положено въ священный архивъ великой Христовой церкви, равно какъ въ архивъ блаженнѣйшаго іерусалимскаго Парфенія». 1767 г., января 15.

(Под.): *Арсеній Охридскій подписуюсь*

Изъ этого документа прежде всего видно только, что Арсеній отрекается отъ своей архіепископіи, и не болѣе, отрекается подъ условіемъ оставить за собою по жизнь для пропитанія прежнюю свою епархію пелагонійскую. Но условіе это сохранено было лишь на 5 мѣсяцевъ. По прошествіи же ихъ, именно 24 іюня 1767 г., несчастный Арсеній принужденъ былъ отказаться и отъ пелагонійской епархіи. Вотъ актъ этого отреченія, заимствованный изъ архива великой церкви: «Смиреніе мое настоящимъ добровольнымъ отреченіемъ заявляетъ, что, будучи не въ состояніи справиться съ лежащими на моей епархіи долгами и рѣшительно не имѣя возможности избавиться отъ притязаній со стороны кредиторовъ, я

добровольно и непринужденно отказываюсь отъ своей пелагонійской епархіи въ пользу преосвященнаго митрополита могленскаго возлюбленнаго моего собрата господина Наѳанаила, какъ достойнаго и способнаго къ управленію сею епархіею.

Посему усердно прошу святѣйшаго и досточтимаго моего владыку и сѵнодъ преосвященныхъ архіереевъ соизволить на мое добровольное сіе рѣшеніе и назначить его преосвященство на означенную митрополію. При этомъ желаю, чтобы настоящее мое добровольное отреченіе имѣло силу единственно въ пользу его преосвященства, но никакъ не для кого другаго, въ доказательство и удостовѣреніе чего и дано мною его преосвященству настоящее мое добровольное отреченіе, скрѣпленное собственноручно подписью моею и печатью. 1767 г., іюня 24.

(Под.): *Прежде бывшій Пелагонійскій подписуюсь»*

Такимъ образомъ Арсеній подалъ два добровольныхъ отреченія отъ двухъ престоловъ [1]. Причиною къ отреченію оказывается невозможность устроить нужды, т. е. долги архіепископіи, изъ за которыхъ раззорители кредиторы осаждали его и подчиненныхъ ему митрополитовъ, а равно и христіанъ ихъ епархій. Если это дѣйствительно такъ было, то значитъ Арсеній подалъ отреченіе *невольно* и *нехотя*, а не по доброй волѣ и непринуждено, какъ стараются пока-

[1] На самомъ же дѣлѣ, по преданію доселѣ сохраняющемуся между святогорцами, Арсеній былъ низложенъ патріархіею и удаленъ въ Аѳонскій Зографскій монастырь, отцы коего и покоили его до смерти въ той самой пещерѣ, куда послѣ того помѣщенъ былъ патріархъ Самуилъ, которому пришлось выслушать отъ Арсенія разные горькіе упреки, какъ передаетъ о томъ сохранившееся доселѣ свидѣтельство бывшаго у Арсенія слуги нѣкоего Неѳѳалима-Нестора.

зать. Что выраженія: *добровольно* и *непринужденно*, встрѣчающіяся въ отреченіяхъ архіереевъ и патріарховъ, ничего не значатъ, это видно изъ того, что весьма много подобнаго рода добровольныхъ и непринужденныхъ отреченій хранится въ архивѣ великой церкви, гдѣ, непосредственно за ними или даже и прежде ихъ по времени, помѣщены акты объ удаленіи на покой и низложеніи архіереевъ, коимъ приписываются эти отреченія. Такъ, напримѣръ, предмѣстникъ патріарха Самуила былъ лишенъ престола по императорскому указу, тѣмъ не менѣе онъ послѣ того подалъ добровольное отреченіе. Или: архіепископъ фіанскій и чермійскій Діонисій, вслѣдствіе жалобы на него, былъ низложенъ и удаленъ на покой 6 ноября 1763 г., а между тѣмъ 24 декабря того же года онъ подалъ *тоже добровольное* отреченіе. Или еще: митрополитъ еврипскій Паисій удаленъ на покой въ ноябрѣ и низложенъ 1 декабря 1763 г.; между тѣмъ въ архивѣ великой церкви имѣется отреченіе его отъ 23 марта 1765 г., мотивированное между прочимъ тѣмъ, что онъ не могъ уплатить долговъ епархіи и удовлетворить кредиторовъ своихъ.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, означенная причина отреченія Арсенія отъ Охридской архіепископіи, если бы она и дѣйствительно была такова, ни коимъ образомъ не вела къ необходимости упраздненія сей архіепископіи. Но очевидно, что и самая мысль Арсенія о собственной несостоятельности вести дѣла архіепископіи была внушена ему со стороны, съ цѣлію воспользоваться ею какъ законнымъ предлогомъ къ оправданію подчиненія означенной архіепископіи все-

ленскому престолу. Итакъ, разобранный документъ нисколько не доказываетъ необходимости упраздненія Охридской архіепископіи и тѣмъ болѣе ничего не говоритъ объ общей (κοινῆς) просьбѣ клира и народа этой епархіи относительно ея упраздненія.

ВТОРОЙ ДОКУМЕНТЪ.

Совокупное прошеніе (συμφωνητικόν) шести архіереевъ, подчиненныхъ Охридской архіепископіи.

«Настоящимъ совокупнымъ нашимъ прошеніемъ мы нижеподписавшіеся заявляемъ: поелику въ теченіи нѣкотораго времени, именно съ тѣхъ поръ, какъ архіепископы наши начали такъ часто смѣняться, на насъ посыпались невыносимые безчисленные расходы, безпорядки и оскорбленія, отъ которыхъ намъ и самая жизнь сдѣлалась тяжела, то мы, дабы освободиться отъ безпрерывныхъ притѣсненій, невыносимыхъ поборовъ и разныхъ непріятностей, признали необходимымъ искупить наше спокойствіе и получить покой.

Почему едиными усты и единымъ сердцемъ совокупно просимъ матерь нашу св. великую Христову церковь или, что тоже, мудрѣйшаго и святѣйшаго владыку и патріарха вселенскаго киръ Самуила, оказать, по примѣру родшагося въ Виѳлеемѣ I. Христа, снисхожденіе и принять насъ бѣдныхъ въ пещеру и паству своей великой Христовой церкви, присоединить членъ къ цѣлому организму такъ, чтобы по истинѣ было едино стадо и единъ пастырь, и взять на себя заботу и попеченіе о насъ наравнѣ со всѣми. Мы же, съ своей стороны, обязуемся быть неизмѣнно преданными сему богоугодно

му дѣлу, подъ защитою общаго нашего владыки, святѣйшаго вселенскаго патріарха. Но, чтобы владыка и находящійся при немъ священный сѵнодъ не сомнѣвались въ этомъ, мы клянемся душею нашею и архіерействомъ своимъ. Вслучаѣ же, если кто изъ насъ измѣнитъ рѣшеніе, захочетъ разстроить настоящее согласіе, тайно или явно станетъ возбуждать кого либо противъ сего и въ томъ будетъ уличенъ достовѣрными свидѣтелями, таковой, кто бы онъ ни былъ, какъ отступникъ и злоумышленникъ, да будетъ изверженъ и отлученъ отъ святыя, единосущныя и нераздѣльныя Троицы и преданъ вѣчной анаѳемѣ.

Въ удостовѣреніе неизмѣнности нашего рѣшенія подписуемъ настоящее писаніе и утверждаемъ собственными нашими печатями, да будетъ оно имѣть полную силу, и смиренно вручаемъ оное общему нашему отцу святѣйшему владыкѣ и вселенскому патріарху господину Самуилу и священному при немъ сѵноду. (1767 г.). *Касторійскій Евѳимій обѣщается, Воденскій Германъ обѣщается, Корицанскій Геннадій обѣщается, Тиверіопольскій Геннадій обѣщается, Сисанскій Никифоръ обѣщается, Гребенскій Григорій обѣщается*».

Этотъ документъ, подписанный только шестью архіереями, хотя подвѣдомыми Охридской архіепископіи, но по происхожденію греками, ничего другаго не доказываетъ, какъ лишь то, что эти добрые пастыреначальники, вопреки ясному слову Господа нашего Іисуса Христа: «пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы», признавая себя не въ силахъ выносить денежныхъ поборовъ, происходившихъ по случаю частыхъ смѣнъ архіепископовъ и вытекав-

шихъ отсюда безпорядковъ, а также оскорбленій, которымъ они, вѣроятно, подвергались вслѣдствіе упорнаго отказа давать падавшую на нихъ часть изъ денежныхъ взносовъ, сопровождающихъ обыкновенно такія смѣны, и вслѣдствіе сего чувствуя свою жизнь тяжкою, разсчитали, что если они теперь же подчинятся великой церкви, то разъ на всегда избавятся отъ сказанныхъ непріятностей, какъ по всей вѣроятности обѣщали имъ это отъ лица великой церкви. По этому, чтобы спасти свою душу и достигнуть вожделеннаго спокойствія, они сотворили совѣтъ, какъ нѣкіе фарисеи, и согласились купить себѣ спокойствіе, пустивъ въ оборотъ независимость означенной архіепископіи, которой они не были собственниками, и измѣну священнѣйшему своему архіерейскому долгу — быть вѣрными и послушными законному своему архіерейству, въ чемъ они дали священное обѣщаніе при ихъ хиротоніи. Но чтобы никто изъ нихъ не смѣлъ нарушить такое противозаконное согласіе, эти беззаконники дерзнули даже, не смотря на то, что были архіереями, клясться въ этомъ своею душою и своимъ архіерействомъ, опять вопреки ясному изреченію Господа нашего Іисуса Христа, и признають себя отверженными и отлученными, подлежащими вѣчной анаѳемѣ, если они измѣнятъ свое рѣшеніе и преступять взаимное соглашеніе. И такое-то антихристіанское, антиканоническое и совершенно безбожное согласіе, такія-то клятвы, отлученія и анаѳематствованія принесли, какъ угодный и пріятный даръ, тогдашнему патріарху и его сvноду. Такіе-то строгіе блюстители вѣры и священныхъ каноновъ были приняты благосклонно и *съ радостнымъ лицомъ*, безъ всякаго замѣ-

чанія или возраженія. Вотъ только что показываетъ настоящее прошеніе шести упомянутыхъ архіереевъ.

Итакъ опять, гдѣ же *общее* (κοινή) *прошеніе клира и народа* Охридской архіепископіи объ ея упраздненіи?

ДОКУМЕНТЪ 3-й

Соборный актъ объ избраніи перваго митрополита Диррахійскаго послѣ упраздненія архіепископіи Охридской.

Святѣйшая архіепископія Охридская уже пріобщена и присоединена къ святѣйшему апостольскому и вселенскому престолу, вмѣстѣ съ подвѣдомыми ей митрополіями и епископіями, именно: Касторійскою, Пелагонійскою, Воденскою, Корицанскою, Белеградскою, Струмницкою, Гребенскою, Сисанскою, Могленскою, Пресписко, Девронскою, Корскою и Велесскою, по причинѣ постоянныхъ и безпрерывныхъ нападеній и набѣговъ со стороны тѣхъ, которые по временамъ нападали на эту архіепископію, какъ разбойники, и, вопреки божественнымъ и свящ. канонамъ церкви нашей, безъ совѣта и согласія, подвѣдомыхъ ей митрополитовъ, при помощи лишь несмѣтнаго количества денегъ, подкупа и большихъ издержекъ похищали эту архіепископію, вслѣдствіе чего приходилось подвергаться нападеніямъ и нести страшныя издержки не только виновникамъ этихъ золъ, а рядомъ съ ними и невиннымъ въ нихъ, но и всему тамошнему христіанскому православному населенію.... такъ, что весь округъ тотъ впалъ въ неимовѣрные и безчисленные долги...

По симъ-то обстоятельствамъ собрались въ то

время въ здѣшнюю столицу, занимавшій Охридскую архіепископію, Арсеній, который по собственной волѣ и желанію подалъ отреченіе отъ нея, и другіе епископы: Касторійскій Евѳимій, Воденскій Германъ (которому поручили свои голоса: Могленскій Германъ, Преспскій Парѳеній, Корскій Аверкій и Велисскій Іосифъ) Корицанскій Геннадій, Тиверіопольскій Ананій (коему поручилъ свой голосъ Белеградскій Іоасафъ), Гребенскій Григорій и Сисанскій Никифоръ, кои подали подписанный ими и ихъ пасомыми общій адресъ его величеству державному султану и просили, для общаго спасенія ихъ и ихъ пасомыхъ о подчиненіи патріаршему и вселенскому престолу, каковая просьба ихъ была услышана и бывшая нѣкогда архіепископія Охридская, вмѣстѣ съ подвѣдомыми ей митрополіями, присоединена къ одному тѣлу церкви, такъ что съ того времени митрополіи эти были и признавались подчиненными вселенскому престолу, подобно издревле подчиненнымъ сему вселенскому престолу митрополіямъ въ Азіи и Европѣ, и были сопричислены къ кругу прочихъ митрополій Константинополя, съ правомъ митрополитамъ ихъ засѣдать въ сунодѣ, учавствовать въ выборахъ вмѣстѣ съ прочими братіями, имѣть право голоса и мнѣнія по всѣмъ вопросамъ и пользоваться правами чести и достоинства, совершенно одинаковыми съ другими митрополитами. Имя же архіепископіи Охридской изглажено изъ государственныхъ актовъ и она считается небывшею.

Такъ какъ съ того времени бывшій Охридскій округъ остался безъ предстоятеля и такъ какъ и по сіе время нѣтъ епископа надъ тѣми уѣздными горо-

дами и мѣстами, которые собственно составляли такъ называемую Охридскую архіепископію... и которые нынѣ уже обращены въ одну новую митрополію—Диррахійскую, то мы, пребывающіе въ Константинополѣ собратія-архіереи, съ разрѣшенія святѣйшаго начальника и владыки нашего вселенскаго патріарха господина Самуила, собравшись во всечестномъ храмѣ святаго славнаго великомученика Георгія Побѣдоносца, произвели каноническіе выборы для назначенія достойнаго и способнаго лица, которое приняло бы на себя пастырское предстоятельство въ означенной митрополіи, и избрали мы трехъ іеромонаховъ: Григорія, Іосафа и Нафанаила, имена коихъ и внесены въ священный архивъ великой Христовой Церкви 1767 г.

Фессалоникійскій Неофитъ, коему поручили свои голоса преосвященные епископы: Кесарійскій Макарій, Ефесскій Мелетій, Кизическій Герасимъ, Никомидійскій Никифоръ.

Критскій Герасимъ, коему поручили свои голоса преосвященные епископы: Халкидонскій Іоанникій, Деркскій Діонисій и Прусійскій Мелетій.

Неопатрскій Поликарпъ.

Анхіальскій Даніилъ, коему поручили свои голоса преосвященные епископы: Митиленскій Анѳимъ, Месимврійскій Анѳимъ, Видинскій Іосифъ и Навплійскій Венедиктъ.

Касторійскій Евфимій, коему поручилъ свой голосъ преосвященный Пелагонійскій.

Воденскій Германъ, коему поручили свои голоса преосвященные епископы: Могленскій Германъ, Дев-

ронскій Григорій, Преспскій Парфеній, Велисскій Іосифъ и Корскій Аверкій.

Корицанскій Геннадій.

Тиверіопольскій Ананій, коему поручилъ свой голосъ преосвященный Белеградскій Іоасафъ.

Бывшій секретарь сунода, нынѣшній преосвященный Хіосскій, напечатавшій этотъ документъ въ вышеупомянутомъ своемъ сочиненіи и перепечатавшій его оттуда преосвященный Белеградскій Анѳимъ въ своемъ, также вышеупомянутомъ, очеркѣ, называетъ документъ сей «актомъ подчиненія архіепископіи Охридской и подвѣдомыхъ ей митрополитовъ и архіереевъ престолу патріарха Константинопольскаго». Но онъ вовсе не то, какъ оказывается по прочтеніи его. Такъ, прямо въ началѣ сего документа заявляется, что означенная архіепископія съ подвѣдомыми ей епархіями уже пріобщена и присоединена къ вселенскому престолу; то же самое говорится въ срединѣ документа и въ послѣднемъ пунктѣ онаго. Поэтому настоящій документъ слѣдуетъ назвать собственно актомъ избранія митрополита Диррахійскаго, въ коемъ, *между прочимъ*, говорится и о подчиненіи бывшей Охридской архіепископіи, но какъ о фактѣ, уже совершившемся еще прежде. Если такъ, то гдѣ же церковный актъ, гдѣ общая (*κοινὴ*) просьба, произведшая упраздненіе сей архіепископіи, и каноническое подчиненіе ея вселенскому патріарху, не имѣвшему дотолѣ надъ нею никакого іерархическаго права, какъ мы видѣли выше? Мы напрасно стали бы искать таковой просьбы: если бы она была, то преосвященный Хіосскій, конечно помѣстилъ бы ее въ сказанномъ своемъ сочиненіи, вмѣсто того, чтобы на-

зывать таковою просьбою приведенный нами избирательный документъ. Итакъ, если нѣтъ такой просьбы, значитъ Охридская архіепископія *церковнымъ порядкомъ не упразднена*, а Константинопольская патріархія, просто-на-просто, предположивъ ее уже упраздненною вслѣдствіе отреченія Арсенія и совокупнаго прошенія шести упомянутыхъ архіереевъ, раздѣлила ризы ея и присвоила себѣ всѣ ея права, и затѣмъ думая, что означеннымъ совокупнымъ прошеніемъ шести архіеереевъ, на будущее время, она ограждена отъ канонической и всякой другой отвѣтствѣнности за антиканоническое, самовольное и поистинѣ хищническое свое дѣйствіе, патріархія преспокойно и благодушно приступила къ избранію упомянутаго митрополита. Вотъ что доказываетъ разбираемый документъ священнаго патріаршаго архива. Но разберемъ этотъ документъ подробнѣе.

1) Излагая причины упраздненія Охридской архіепископіи, документъ этотъ указываетъ прежде всего на частыя и безпрерывныя смѣны ея архіепископовъ, которыя онъ называетъ нападеніями и хищническими на нее нашествіями временныхъ архіепископовъ, похищавшихъ оную вопреки священнымъ канонамъ, безъ согласія и помимо избранія мѣстныхъ митрополитовъ, а только при помощи громадныхъ денегъ.

Противъ этого нужно замѣтить, во-первыхъ, что частая смѣна архіепископовъ не можетъ быть законною причиною для упраздненія архіепископіи; иначе въ такомъ случаѣ давно слѣдовало бы упразднить и самый патріаршій престолъ, такъ какъ весьма часто бываетъ, что патріархи постоянно мѣняются, и притомъ точно также при посредствѣ большихъ де-

негъ; во-вторыхъ, развѣ сама архіепископія виновна въ такихъ смѣнахъ, когда они происходили независимо отъ нея?

2) Настоящій документъ затѣмъ сообщаетъ, что по вышеизложеннымъ причинамъ собрались въ столицу архіепископъ Арсеній и подвѣдомые ему митрополиты и епископы, и что первый подалъ отреченіе, а митрополиты его обратились къ высшему правительству съ общею (κοινῇ) отъ себя и отъ лица ихъ пасомыхъ просьбою, для ихъ спасенія, подчинить ихъ вселенскому престолу, и таковая просьба была услышана.

И такъ, вотъ общая просьба клира и народа, на которую ссылаются защитники патріархіи. Кто же подтверждаетъ существованіе ея? Сама же патріархія, самъ тогдашній сѵнодъ ея.

Если сличить этотъ 3-й документъ со 2-мъ, т. е. съ совокупною (συμφωνητικόν) просьбою шести архіереевъ, то тогда ясно станетъ, какъ было дѣло.

Именно 2-й документъ подписанъ только шестью архіереями: Касторійскимъ, Воденскимъ, Корицанскимъ, Тиверіопольскимъ (что тоже Струмницкимъ), Сисанскимъ и Гребенскимъ; въ немъ говорится, что онъ вручается вселенскому патріарху и священнѣйшему сѵноду. Между тѣмъ, 3-й документъ, насчитывая сначала, что всѣхъ архіереевъ Охридской архіепископіи было тринадцать, сообщаетъ затѣмъ, что адресъ съ просьбою объ упраздненіи былъ подписанъ тѣми же опять шестью архіереями, но уже имѣющими мнѣнія другихъ пяти архіереевъ и согласіе своихъ пасомыхъ, и поданъ былъ этотъ адресъ его величеству державному Султану.

Изъ этого сличенія открывается, что адресъ, упоминаемый въ 3-мъ документѣ, и совокупное прошеніе шести архіереевъ,—это двѣ отдѣльныя вещи; что первый есть общее прошеніе, а второе частное, и что послѣднее, т. е. частное подано патріархіи, а общее державной власти. Значитъ, великая церковь не получала общаго адреса объ упраздненіи архіепископіи, но что вслѣдствіе поданнаго къ державной власти прошенія, которое было услышано, упразднена сія архіепископія свѣтскимъ правительствомъ и изглажено самое имя оной изъ государственныхъ актовъ, какъ никогда несуществовавшее, и митрополиты этой архіепископіи подчинены вселенскому престолу. Выводъ изъ всего этого тотъ, что послѣдовавшее, какъ говорятъ, вслѣдствіе общаго прошенія, упраздненіе Охридской архіепископіи и подчиненіе вселенскому престолу ея митрополитовъ и епископовъ, совершилось не церковнымъ порядкомъ, а государственнымъ. Это великій практическій урокъ для болгаръ въ настоящее время.

Далѣе, въ 3-мъ документѣ говорится, что подписавшіе означенный адресъ шесть архіереевъ имѣли полномочія отъ пяти другихъ архіереевъ, бывшихъ, очевидно, въ то время въ своихъ епархіяхъ. Если это правда, то почему же тѣ шесть архіереевъ не заявили объ этомъ въ своемъ совокупномъ (συμφωνητικὸν) прошеніи, а обращаются въономъ исключительно только отъ своего имени, говоря: «*на насъ* посыпались невыносимые и безчисленные расходы, отъ которыхъ намъ и самая жизнь стала тяжела, посему совокупно просимъ»? и проч. Почему также отсутствовавшіе пять архіереевъ, если они согласны были на

упраздненіе Охридской архіепископіи, не прислали собственноручнаго прошенія великой церкви или на имя Порты? Почему, наконецъ, эти шесть архіереевъ, если они дѣйствительно имѣли полномочіе и согласіе упомянутыхъ пяти архіереевъ по дѣлу объ упраздненіи Охридской архіепископіи, въ письмѣ ихъ къ одному изъ сихъ архіереевъ, именно Белеградскому Іоасафу, уже послѣ упраздненія Охридской каѳедры, 12 февраля 1769 г., сообщаютъ объ этомъ упраздненіи, какъ о фактѣ, совершенно неизвѣстномъ для преосвященнаго Іоасафа? «Нѣсколько дней тому назадъ, говорится въ означенномъ письмѣ, мы писали вамъ о новостяхъ, именно о тѣхъ притѣсненіяхъ и оскорбленіяхъ, которыя мы испытывали отъ кредиторовъ, и о томъ, что, послѣ многихъ разныхъ средствъ, мы рѣшили просить высокую Порту о повелѣніи его святѣйшеству принять насъ, что таковое повелѣніе послѣдовало, и онъ принялъ насъ съ радостнымъ лицемъ».

Странно также, какимъ образомъ такъ называемый общій адресъ могъ быть подписанъ, какъ утверждаетъ 3-й документъ, пасомыми всѣхъ архіереевъ (числомъ 13), подавшихъ прошеніе? Здѣсь, вѣроятно, одно предположеніе, что адресъ этотъ былъ похожъ на тотъ, который въ 1763 г. подало державной власти общество проживавшихъ въ Константинополѣ христіанъ изъ Охридской епархіи о назначеніи на Охридскую архіепископію бывшаго великимъ протосинкеломъ патріархіи Ананія. Такое предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что означенное общество, состоявшее изъ лицъ торговаго сословія, имѣло, какъ извѣстно, большое значеніе и силу. Значитъ,

упоминаемое въ 3-мъ документѣ прошеніе объ упраздненіи Охридской архіепископіи могло быть подписано и скрѣплено только лишь 6-ю архіереями и нѣкоторыми изъ сего общества греками, валахами или болгарами.

Поищемъ вышеупомянутое такъ называемое общее (κοινή) прошеніе въ документахъ самаго правительства, которому, какъ говорятъ, подавалось это прошеніе, и которое, естественно, должно было упомянуть объ ономъ въ своихъ распоряженіяхъ, послѣдовавшихъ по поводу его.

Первый таковой документъ, въ коемъ упоминается о настоящемъ предметѣ,—это беpатъ, обыкновенно даваемый на имя каждаго новаго патріарха. Въ немъ вотъ что въ сущности говорится относительно настоящаго предмета: «по разсмотрѣніи находящихся въ императорскомъ архивѣ бумагъ относительно епископовъ, найдено, что въ одной изъ нихъ сдѣлана замѣтка о томъ, что патріархія Охридская, вмѣстѣ съ подвѣдомыми ей епархіями, присоединена къ патріархіи Константинопольской; что такимъ образомъ присоединены къ ней епархіи и уѣзды какъ подвѣдомые патріархіи Охридской, такъ и принадлежавшіе патріархіи Ипекской; что подчиненіе тѣхъ и другихъ вселенской патріархіи послѣдовало вслѣдствіе адреса и ходатайства патріарха и сvнода, которые вмѣстѣ съ тѣмъ просили сдѣлать распоряженіе, чтобы подчиненіе это было внесено въ бератъ, данный на ихъ имя; что вслѣдствіе сего данъ былъ высочайшій указъ о томъ, чтобы представленіе сіе внесено было куда слѣдуетъ, чтобы никто не смѣлъ дѣлать что либо противное сему распоряженію, чтобы въ случаѣ, если

появится прошеніе съ протестомъ объ отдѣленіи патріархіи Ипекской и Охридской отъ Константинопольской патріархіи въ пользу кого другаго, таковаго не принимать...»

Такимъ образомъ ясно, что здѣсь и слова нѣтъ *объ общей или частной просьбѣ*, поданной будто бы со стороны клира и народа епархій Ипекской и Охридской. Напротивъ, здѣсь прямо говорится, что упраздненіе этихъ двухъ автокефальныхъ архіепископій послѣдовало по просьбѣ и представленію самаго вселенскаго патріарха и его сунода.

Это еще яснѣе открывается изъ слѣдующаго документа, заимствованнаго изъ государственнаго архива:

«Константинопольскій патріархъ и находящійся въ здѣшней столицѣ сунодъ митрополитовъ подали въ Диванъ всеподданнѣйшее прошеніе, въ коемъ изъясняютъ, что съ нѣкотораго времени многіе интриганы, смотря на Охридскихъ патріарховъ, какъ на предметъ торговли, то и дѣло смѣняютъ ихъ и вмѣсто однихъ назначаютъ другихъ недостойныхъ, взимая съ нихъ денежныя обязательства, отъ чего патріархія эта впала въ тяжкіе долги и дошла до невозможности управлять болѣе своими дѣлами и сохранять какой либо законный порядокъ, а происходящія отсюда злоупотребленія и притѣсненія, какія испытываютъ подвѣдомые ей митрополиты и бѣдные подданные, продолжаясь безъ конца, угрожаютъ повергнуть ихъ въ самое бѣдственное и безпомощное положеніе. Вслѣдствіе чего, съ *согласія и по желанію* бѣдствующихъ пасомыхъ Охридской патріархіи, на основаніи *прошенія*, поданнаго патріархомъ ихъ Ар-

сеніемъ, и *просьбы* подвѣдомыхъ ему митрополитовъ за ихъ печатями, ходатайствовали о томъ, чтобы исключить изъ актовъ и уничтожить запись о сказанной патріархіи, и подчиненный ей округъ присоединить къ патріархіи Константинопольской подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эта патріархія приняла на себя и уплачивала въ императорскую казну... обычные взносы, патріархію же Охридскую совсѣмъ упразднить, и, въ случаѣ еслибы кто послѣ того, предлагая бо́льшую сумму взносовъ или подъ какимъ другимъ коварнымъ предлогомъ, заявилъ ходатайство о возстановленіи Охридской архіепископіи, то такое ходатайство не должно быть удовлетворяемо.

Вслѣдствіе таковаго прошенія Константинопольскаго патріарха послѣдовалъ высочайшій указъ, по силѣ коего исключена изъ актовъ и уничтожена запись объ Охридской патріархіи, и она присоединена къ Константинопольской греческой патріархіи подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдняя уплачивала въ императорскую казну всѣ причитающіяся за Охридскою архіепископіею взносы до 160,000 асировъ и государственныхъ налоговъ до 100,000... каковой указъ да имѣетъ силу, доколѣ будетъ угодно Святому Богу» и проч.

Послѣ этого уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что упраздненіе архіепископіи Охридской и присоединеніе ея и подвѣдомыхъ ей митрополитовъ и епископовъ къ вселенскому престолу сдѣлано высокою Портою по просьбѣ самаго вселенскаго патріарха и его сvнода, а не по прошенію *клира* и *народа* епархій этой архіепископіи. Значитъ, выставленныя патріархіею причины къ упраздненію Охридской архі-

епископіи суть только вымышленный предлогъ, подъ которымъ скрывается тайная цѣль патріарха Самуила, состоявшая въ томъ, чтобы возложить на Охридскій округъ часть непомѣрныхъ долговъ вселенской патріархіи, которыя самъ патріархъ Самуилъ въ своемъ окружномъ посланіи объ этихъ долгахъ сравниваетъ съ египетскими пирамидами ([1]). Для вѣрнѣйшаго же успѣха въ этомъ дѣлѣ патріархія постаралась убѣдить Порту, какъ видно изъ историческихъ свидѣтельствъ ([2]), при посредствѣ тогдашняго великаго Логоѳета Ивана Ипсиланти, что такое присоединеніе будетъ выгодно и для правительства, хотя въ самомъ дѣлѣ здѣсь преслѣдовался интересъ только эллинизма. Въ оправданіе своего ходатайства, патріархъ и его сунодъ ссылаются на *согласіе* и *желаніе* Охридской паствы, на *прошеніе* патріарха охридскаго Арсенія и просьбу его митрополитовъ. Но изъ приведенныхъ выше документовъ мы знаемъ уже, что *согласіе* и *желаніе* о семъ паствы охридской ни въ чемъ не высказалось, подъ прошеніемъ Арсенія надобно разумѣть ничто иное, какъ извѣстное его отреченіе, а просьба его митрополитовъ—это совокупное (συμφωνητικὸν) прошеніе вышеозначенныхъ *шести* митрополитовъ. Основательность ссылки патріархіи очевидна сама собою, безъ всякаго разбора.

III.

Объ упраздненіи Архіепископіи Ипекской.

Такимъ же порядкомъ и по такимъ же основаніямъ была упразднена архіепископія Ипекская,

([1]) Ἴδε Ζαχαρίου Μαθᾶ Ἱστορ. Κατάλ. τῶν Κωνστ. Πατρ. σελ. 253—254.

([2]) Ἴδε Ἰω. Φιλημ. Ἱστορ. δοκίμ. Ἑλλην. επανάστ. Προλεγόμ. καὶ κέφ. α. σελ., 2, 3, 4 и 5 τοῦ α Τόμου.

также бывшая самостоятельною. Архіепископія эта образовалась изъ болѣе сѣверныхъ епархій Охридской архіепископіи, отдѣленныхъ отъ послѣдней для сей цѣли по просьбѣ Сербскаго князя Стефана Немани, при византійскомъ императорѣ Θеодорѣ Ласкарисѣ и патріархѣ Мануилѣ, когда и былъ назначенъ на эту каθедру, въ качествѣ самостоятельнаго архіепископа Сербіи, изъ архимандритовъ Хилиндарскаго Аθонскаго монастыря, братъ упомянутаго князя, преподобный Савва, который посланъ былъ въ Сербію съ цѣлью противодѣйствовать притязаніямъ папскаго престола на сербскій народъ. Въ послѣдствіи архіепископія эта при Сербскомъ князѣ Стефанѣ Душанѣ въ 1340 г. признана была патріархіею, по опредѣленію помѣстнаго собора, бывшаго въ Скопіѣ, на которомъ, между прочимъ, присутствовали—Терновскій патріархъ и архіепископъ первой Юстиніаны Охридской.

Объ упраздненіи Ипекской архіепископіи въ архивѣ Константинопольской патріархіи имѣются также три документа, какъ и относительно архіепископіи Охридской.

ПЕРВЫЙ ДОКУМЕНТЪ.

Отреченіе архіепископа Ипекскаго Каллиника.

«Настоящимъ моимъ добровольнымъ и непринужденнымъ прошеніемъ заявляю, что, будучи не въ состояніи епископствовать на каθедрѣ святѣйшей архіепископіи Ипекской, по причинѣ лежащихъ на ней неоплатныхъ и чрезмѣрныхъ долговъ, и, между тѣмъ, признавая для себя необходимымъ вести спокойную и безмятежную жизнь, что я хотѣлъ сдѣлать еще дав-

но, я добровольно и не принужденно дѣлаю настоящее отреченіе отъ сего престола предъ святѣйшимъ и досточтимѣйшимъ начальникомъ и владыкою вселенскимъ патріархомъ Киръ Самуиломъ и находящимся при его святѣйшествѣ священнымъ сѵнодомъ, а также прибывшими сюда—въ Константинополь архіереями, подвѣдомыми престолу святой архіепископіи Ипекской, дѣлаю отреченіе для того, чтобы на сей престолъ поставлено было другое, болѣе достойное и способное лицо. Въ удостовѣреніе чего дано настоящее добровольное отреченіе, утвержденное моею собственною подписью и печатью».

(подп.) *Прежде бывшій Ипекскій Каллиникъ утверждаю*.

Замѣчательно, что послѣдній архіепископъ ипекскій Каллиникъ, три раза повторившій слово «добровольно» и два раза слово: «непринужденно», единственною причиною отреченія называетъ неоплатные и чрезмѣрные долги архіепископіи. Итакъ *долги, долги* и опять *долги*. Съ другой стороны Каллиникъ, подавая отреченіе, и не думалъ объ упраздненіи архіепископіи, но отрекался съ тѣмъ, чтобы на его мѣсто поставлено было другое, болѣе достойное и способное лицо, слѣдовательно онъ, напротивъ желалъ, чтобы архіепископія оставалась по прежнему. Какое же право имѣла патріархія упразднить эту архіепископію?

ВТОРОЙ ДОКУМЕНТЪ.

Причины и порядокъ упраздненія Ипекской архіепископіи.

«Въ 1765 г., когда несчастный Георгаки, сынъ врача Ставраки, былъ осужденъ на позорную смерть

и все имущество его, движимое и недвижимое, заключавшееся въ вещахъ и бумагахъ, было конфисковано, въ наказаніе за его проступки, и когда произведено было правительствомъ самое тщательное и точное разслѣдованіе о составѣ сказаннаго имущества, а также относительно исковъ и долговъ по оному, и когда, по истеченіи безъ малаго уже года, оказалось, что Ипекская архіепископія состоитъ должною упомянутому Георгаки по долговымъ обязательствамъ, высокое же правительство неотступно стало требовать уплаты, то мы, занимающіе вселенскій престолъ, увидѣли себя въ большомъ затрудненіи, такъ что не знали, какъ поступить намъ, чтобы и обязанность свою исполнить и избавиться отъ значительныхъ убытковъ, такъ какъ архіереи, подвѣдомые Ипекской архіепископіи, даже и малой монеты заплатить были не въ состояніи по своей бѣдности и нищетѣ, а между тѣмъ со стороны казны были предъявлены намъ самыя настойчивыя требованія.

По сему, движимые божественною ревностію и полные браткой любви, мы волею-неволею приняли на себя этотъ долгъ, хотя сами никому ничего не были должны. И съ того-то времени все, что требовалось, мы уплачивали сполна и неопустительно...

Вслѣдствіе этого, какъ бы въ вознагражденіе за наши труды и хлопоты, мы удостоены были отъ высокаго правительства присоединенія и подчиненія Ипекскаго округа нашему святѣйшему апостольскому вселенскому престолу, о чемъ подано было общее прошеніе, подписанное находившимися тогда въ столицѣ архіереями Ипекскаго округа: нисскимъ Гавріиломъ (коему поручили свои мнѣнія: белеградскій—

Іеремія и узичскій—Митрофанъ), скопійскимъ Константиномъ (ему же поручили свои мнѣнія гени-пазарійскій—Гавріилъ и боснійскій—Серафимъ), самаковійскимъ Неофитомъ, кестенделійскимъ Гавріиломъ, ерсекійскимъ Анѳимомъ и презренскимъ Гавріиломъ. На основаніи этого прошенія, послѣдовавшимъ затѣмъ императорскимъ указомъ утверждено было присоединеніе означеннаго округа къ нашей великой Христовой церкви, съ тѣмъ, чтобы впредь навсегда всѣмъ подвѣдомымъ Ипекской архіепископіи архіереямъ быть и считаться подлежащими во всемъ нашему вселенскому престолу, поминать въ своихъ епархіяхъ, по канонамъ, наше патріаршее имя, повиноваться и быть послушнымъ, какъ единой главѣ, вселенскому константинопольскому патріарху и никому другому, такъ чтобы архіепископія Ипекская совсѣмъ была изглажена изъ государственныхъ актовъ...»

Такимъ образомъ причиною присоединенія Ипекской архіепископіи ко вселенскому престолу представляется строгое требованіе правительствомъ отъ этой архіепископіи денегъ, которыя она задолжала вышеупомянутому Георгаки, съ одной стороны; съ другой, несостоятельность подчиненныхъ ей архіереевъ уплатить сіи деньги. Итакъ *долги* и опять *долги*.

Но прямѣе сказать, не было ли сіе дѣло такъ: не считая себя обязаннымъ уплачивать означенные долги, потому что Ипекская архіепископія не была подчинена вселенскому престолу, и видя возможность упразднить Ипекскую архіепископію, патріархъ пользуется настоящимъ случаемъ и входитъ съ правительствомъ въ сдѣлку такого рода: «если нашему престолу подчините Ипекскую архіепископію, то мы

обяжемся уплатить ея долги». Такъ какъ эта сдѣлка оказалась выгодною для обѣихъ сторонъ, то и состоялась продажа означенной архіепископіи. Указаніе на общую какую-то просьбу, послѣ этого, совершенно излишне, тѣмъ болѣе, что просьба эта подписана только шестью архіереями, какъ и просьба объ упраздненіи Охридской архіепископіи, которые, подобно тѣмъ, имѣли мнѣнія и другихъ четырехъ. Но какое право имѣли подчинить автокефальную архіепископію вселенскому престолу эти шесть архіереевъ, епархіи коихъ были ей подвѣдомы, когда архіепископъ ея отказался отъ престола не съ тѣмъ, чтобы упразднить архіепископію, а чтобы на его мѣсто поставлено было болѣе достойное и способное лицо?

Нашу догадку о побужденіяхъ, руководившихъ дѣйствіями вселенской патріархіи по упраздненію Ипекской архіепископіи и присвоенію округа оной, доказываетъ тотъ фактъ, что патріархія, взявшись сама уплатить правительству долги этой архіепископіи, по займу у вышеупомянутаго Георгаки, возложила эту уплату на другихъ епархіальныхъ архіереевъ, и кто изъ нихъ отказывался отъ этого, тотъ подвергался низложенію. Такъ, нишавскій Даніилъ, 15 января 1766 г., подалъ отреченіе, какъ оказавшійся не въ состояніи уплатить долговъ, лежавшихъ на его епархіи, выдѣлившейся въ сентябрѣ 1761 г. изъ митрополіи софійской..... ни дѣлать взносовъ на покрытіе суммы, слѣдовавшей въ императорскую казну по долговому обязательству, оставшемуся послѣ покойнаго Георгаки, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ архивъ великой церкви.

ТРЕТІЙ ДОКУМЕНТЪ.

Актъ объ избраніи новаго презренскаго митрополита послѣ упраздненія архіепископіи Ипекской.

Святѣйшая архіепископія Ипекская уже пріобщена и присоединена къ святѣйшему апостольскому и вселенскому престолу, вмѣстѣ съ подвѣдомыми ей митрополіями, именно: скопійскою, презренскою, генипазарійскою, боснійскою, узическою, ересекійскою, белеградскою, нисскою, самаковійскою и кестенделійскою, по причинѣ постоянныхъ и безпрерывныхъ нападеній и набѣговъ со стороны тѣхъ, которые по временамъ нападали на эту архіепископію какъ разбойники, и, вопреки божественнымъ и священнымъ канонамъ церкви нашей, безъ совѣта и согласія подвѣдомыхъ ей митрополитовъ, при помощи лишь несмѣтнаго количества денегъ, подкупа и большихъ издержекъ, похищали эту архіепископію, вслѣдствіе чего приходилось подвергаться нападеніямъ и нести страшныя издержки не только виновникамъ этихъ золъ, а рядомъ съ ними и невиннымъ въ оныхъ, но и всему тамошнему христіанскому православному населенію... такъ что, весь округъ тотъ впалъ въ неимовѣрные и безчисленные долги...

По этимъ-то обстоятельствамъ, занимавшій Ипекскую архіепископію и по собственной волѣ и желанію отъ нея отрекшійся, а также нынѣшній нисскій, прежде архіепископствовавшій въ оной, Гавріилъ (коему поручили свои голоса: белеградскій Іеремія и узическій Митрофанъ) вмѣстѣ съ митрополитами того округа: скопійскимъ Константиномъ (коему поручилъ свой голосъ боснійскій Серафимъ), самоковійскимъ

Неофитомъ и кестенделійскимъ Гавріиломъ, собравшись въ здѣшнюю столицу, подали подписанный ими и ихъ пасомыми адресъ его величеству, державному султану, и просили, для общаго спасенія ихъ и пасомыхъ, о подчиненіи патріаршему и вселенскому престолу, каковая просьба ихъ была услышана и бывшая нѣкогда архіепископія Инекская, вмѣстѣ съ вышепоименованными митрополіями присоединена къ одному тѣлу церкви, такъ, что съ того времени митрополіи эти были и признавались подчиненными вселенскому престолу, подобно издревле подчиненнымъ сему вселенскому престолу митрополитамъ въ Азіи и Европѣ, и были сопричислены къ сонму прочихъ митрополитовъ Константинополя, съ правомъ митрополитамъ ихъ засѣдать въ сунодѣ, участвовать въ выборахъ, имѣть право голоса и мнѣнія по всѣмъ вопросамъ и пользоваться правами чести и наградъ, совершенно одинаковыми съ другими митрополитами. Имя же архіепископіи Ипекской изглажено изъ государственныхъ актовъ и она считается небывшею.

Такъ какъ съ этого времени бывшій Ипекскій округъ остался безъ предстоятеля и такъ какъ и по сіе время нѣтъ епископа надъ тѣми уѣздными городами и мѣстами, которые собственно составляли такъ называемую Ипекскую архіепископію... и которые нынѣ уже обращены въ новую митрополію Призренскую, то мы, пребывающіе въ Константинополѣ собратія-архіереи, съ разрѣшенія святѣйшаго начальника и владыки нашего вселенскаго патріарха господина Самуила, собравшись во всечестномъ храмѣ святаго славнаго великомученика Георгія Побѣдоносца, произвели каноническіе выборы для назначенія до-

стойнаго и способнаго лица, которое бы приняло на себя пастырское предстоятельство въ означенной митрополіи, и избрали мы первымъ бывшаго преосвященнаго Амасійскаго Гавріила, другимъ іеромонаха.... и третьимъ іеромонаха Даніила, имена коихъ и внесены въ священный архивъ великой Христовой Церкви. 1765 г., сентября 11.

Кесарійскій Макарій, коему поручили свои голоса преосвященные: Кизическій Герасимъ, Халкидонскій Іоанникій, Дебрскій Діонисій и Прусійскій Мелетій.

Ѳессалоникійскій Ѳеодосій, коему поручили свои голоса преосвященные: Никомидійскій Никифоръ, Критскій Герасимъ, Митиленскій Анѳимъ и Месемврійскій Анѳимъ.

Санторійскій Діонисій, коему поручили свои голоса преосвященные: Видинскій Іосифъ, Навплійскій Венедиктъ и Ферсальскій Никодимъ.

Скопійскій Константинъ, имѣвшій голосъ преосвященнаго Нисскаго Гавріила.

Самаковійскій Неофитъ.

Кестенделійскій Гавріилъ».

Документъ этотъ, какъ сразу видно, буквально сходенъ съ избирательнымъ актомъ перваго митрополита Диррахійской епархіи, которая образовалась вмѣсто Охридской архіепископіи, точно также какъ Презренская вмѣсто Ипекской, сходенъ до такой степени, что есть какъ бы копія съ того. Въ томъ и другомъ одни и тѣ же причины и порядокъ упраздненія обѣихъ архіепископій, и какъ документы объ упраздненіи Охридской архіепископіи противорѣчатъ одинъ другому, такъ и здѣсь 2-й и 3-й документы

противорѣчатъ между собою и съ другими документами, именно:

а) во 2-мъ изъ приведенныхъ трехъ документовъ относительно упраздненія Ипекской Архіепископіи говорится, что общее прошеніе, поданное будто бы поэтому предмету правительству, подписали шесть архіереевъ: Нисскій, Скопійскій, Самаковійскій, Кестенделійскій, Ерсекійскій и Презренскій, и что изъ нихъ двое первые имѣли голоса четырехъ другихъ; третій же документъ, гдѣ подчиненіе Ипекской архіепископіи вселенскому престолу представляется уже совершившимся, послѣ чего въ общей просьбѣ нѣтъ уже надобности, показываетъ, что означенное общее прошеніе подписали только четыре архіерея: Нисскій, Скопійскій, Самаковійскій и Кестенделійскій, и притомъ двое первые изъ нихъ имѣли только три голоса другихъ; б) во 2-мъ документѣ говорится, что означенное общее прошеніе подписалъ преосвященный Ерсекійскій Анѳимъ, а въ 3-мъ документѣ объ немъ и помину нѣтъ. Кромѣ того, во время подачи упоминаемаго во второмъ документѣ общаго прошенія Анѳимъ не былъ на этой каѳедрѣ, а былъ простымъ очереднымъ священнослужителемъ (ἐφημέριος) при патріархіи. Это подверждается слѣдующими данными. Извѣстно, что несчастный Георгаки былъ заключенъ въ темницу 12 августа 1765 г., а 15 сего же мѣсяца онъ повѣшенъ; требованіе же должныхъ ему съ Ипекской архіепископіи денегъ послѣдовало со стороны правительства, какъ говоритъ патріаршій 2-й документъ, по истеченіи *одного года безъ малаго*, т. е. около конца іюля 1766 г.; вслѣдъ за симъ состоялось упраздненіе означенной архіепископіи, и вышелъ им-

ператорскій указъ о присоединеніи ея, вслѣдствіе чего былъ избранъ для вновь образовавшейся епархіи Презренской первый митрополитъ оной 11 сентября 1766 г., какъ показываетъ 3-й документъ. Но вышеупомянутый Анѳимъ назначенъ на Ерсекійскую епархію только 23 сентября того же 1766 г., какъ гласитъ слѣдующій актъ его избранія, находящійся въ архивѣ великой церкви:

«Святѣйшая митрополія Ерсекійская остается безъ предстоятеля послѣ того, какъ начальствовавшій въ ней, въ санѣ архіерея Стефанъ, не только подвергся совершенному изверженію изъ архіерейскаго сана, но, по императорскому указу, сосланъ въ заключеніе за безчестный и постыдный образъ жизни, а также непослушаніе и дерзости, какія онъ обнаружилъ по отношенію къ предстоятелю Ипекскаго округа и подвѣдомымъ ему архіереямъ, равно какъ къ вселенской Христовой Церкви, и за многіе другіе проступки, достойные каноническаго низложенія.

Посему мы, пребывающіе въ Константинополѣ, собратіи-архіереи, по предложенію и соизволенію святѣйшаго патріарха Киръ Самуила, собравшись во всечестномъ патріаршемъ храмѣ св. великомученика Георгія Побѣдоносца, произвели каноническіе выборы для изысканія и назначенія достойнаго и способнаго лица къ принятію общаго управленія означенною митрополіею, и первымъ мы предположили преподобнѣйшаго Іеромонаха Анѳимія, состоящаго на вакансіи священника (ἐφημέριον) при патріаршемъ храмѣ; вторымъ—іеромонаха Іоасафата; а третьимъ—іеромонаха Іоакима; имена всѣхъ сихъ трехъ внесены въ свя-

щенный кодексъ великой Христовой церкви, 1766 г., 23 сентября».

Изъ этого документа и сказаннаго передъ нимъ, видно, что когда было написано и подано упоминаемое во 2-мъ документѣ *общее прошеніе* шести архіереевъ, которое будто было подписано Ерсекійскимъ Анѳимомъ, то въ это время митрополитомъ Ерсекійскимъ былъ не Анѳимъ, а Стефанъ, что Анѳимъ тогда былъ простымъ священнослужителемъ (ἐφημέριος) при патріархіи, избранъ же онъ въ митрополита Ерсекійскаго 23 сентября 1766 г., слѣдовательно спустя уже болѣе мѣсяца послѣ того, какъ архіепископія Ипекская была упразднена, а округъ ея присоединенъ къ Константинопольскому престолу, и чрезъ двѣнадцать дней послѣ того, какъ былъ избранъ и назначенъ первый по означенномъ упраздненіи митрополитъ Презренскій. Значитъ, невѣрно увѣряетъ 2-й документъ, что Анѳимъ подписалъ общую просьбу объ упраздненіи Ипекской архіепископіи. Не явно-ли, что означенная общая просьба объ упраздненіи Ипекской архіепископіи подложна, выдумана, а потому и подписи подъ ней сдѣланы какъ попало: то она подписана 6-ю съ четырьмя, то 4-мя съ тремя епископами.

Итакъ, изъ разбора документовъ, выставляемыхъ патріархіею для оправданія себя въ упраздненіи и подчиненіи Охридской и Ипекской архіепископій, становится яснымъ какъ день, что подчиненіе это есть прямое дѣло самовластія и властолюбія патріарха вселенскаго Самуила и матеріальныхъ интересовъ патріархіи. На сколько властолюбивъ былъ патріархъ Самуилъ, это видно и изъ другихъ документовъ. Пользуясь благопріятными для него обстоятельствами, онъ

простеръ свое самовластіе даже на патріаршія каѳедры Антіохійскую и Александрійскую, избравъ своимъ сунодомъ и рукоположивъ на первую 24 апрѣля, а на вторую въ іюнѣ мѣсяцѣ 1766 года—патріарховъ. Властолюбіе и деспотизмъ патріарха Самуила, наконецъ, дошли до того, что, желая остаться единовластнымъ распорядителемъ церковныхъ дѣлъ патріархіи, онъ удалилъ изъ сунода всѣхъ членовъ онаго, заставивъ ихъ, посредствомъ исходатайствованнаго имъ высочайшаго указа, удалиться въ свои епархіи и дать ему слѣдующій полномочный актъ:

«Настоящимъ нашимъ общимъ довѣрительнымъ документомъ заявляемъ, что отправляясь, вслѣдствіе даннаго высочайшаго указа, въ свои епархіи... поручаемъ наши голоса святѣйшему и досточтимѣйшему нашему владыкѣ и вселенскому патріарху господину Самуилу, дабы, въ случаѣ нужды въ каноническихъ выборахъ для поставленія новыхъ архіереевъ на какую либо епархію, его досточтимое святѣйшество предлагалъ и канонически избиралъ и поставлялъ, какъ имѣющій наши голоса, подобно тому, какъ мы, пребывая въ здѣшней столицѣ, подавали голоса отъ лица всѣхъ отсутствующихъ собратій.

Въ обезпеченіе и удостовѣреніе сего, подписавшись собственноручно въ настоящемъ документѣ, вручаемъ оный его досточтимѣйшему святѣйшеству. 1767 г., іюля 11».

Такое ненормальное положеніе дѣлъ продолжалось до тѣхъ поръ, когда 5 ноября 1768 г. и самъ этотъ патріархъ, бывъ низложенъ съ престола, послѣ низложенія уже подалъ свое *добровольное* отреченіе, съ *радостію* будто бы и *полною пріятностію*, какъ писалъ

онъ въ этомъ отреченіи, хранящемся въ архивѣ великой церкви и здѣсь приводимомъ въ переводѣ:

«Давно уже и много разъ объяснялъ я, въ присутствіи многихъ достовѣрныхъ лицъ, о своемъ желаніи подать отреченіе, но желаніе мое не было услышано, писалъ патріархъ Самуилъ въ отреченіи; теперь же, по милости Божіей, исполнилось мое давнишнее намѣреніе избавиться отъ безчисленныхъ хлопотъ, заботъ и дать успокоеніе старости и немощамъ, почему нынѣ *съ радостію и полною пріятностію* отрекаюсь настоящимъ моимъ собственноручнымъ прошеніемъ, съ тѣмъ, чтобы собратія-архіереи избрали на здѣшній престолъ вселенской патріархіи лицо способное и сему соотвѣтствующее.

(Под.): *Бывшій константинопольскій Самуилъ утверждаю*».

Скажемъ нѣсколько словъ о бывшей нѣкогда самостоятельной каѳедрѣ Терновской, прежде чѣмъ перейдемъ къ изложенію каноническихъ соображеній Болгаръ о своихъ правахъ на церковную автономію.

Собственно Болгарская церковь независимая, подъ условіемъ только рукоположенія ея архіепископа константинопольскимъ патріархомъ и возглашенія первымъ имени послѣдняго, по словамъ брошюры, образовалась еще во время введенія христіанства въ Болгаріи, когда и былъ посланъ туда Ѳеофилактъ, первый епископъ болгарскій ([1]), который при царѣ Борисѣ раздѣлилъ всю Болгарію въ церковномъ отношеніи на семь епархій. Впослѣдствіи, 927 г., архіепископія эта признана была независимою констан-

([1]) Baron. an. 870 n. Gesta Innocent. III, p. 52. Const. Porphyr. Vita Basil. c. 96. p. 210.

тинопольскимъ патріархомъ Стефаномъ. Архіепископская каѳедра сначала была въ великой Преславѣ, бывшей столицѣ Болгаріи, потомъ перенесена въ Терново, новую резиденцію болгарскаго царя. Во время византійскаго императора Іоанна Дука Ватацци, резиденціею коего была Никея—въ Виѳиніи, и при константинопольскомъ патріархѣ Германѣ, по просьбѣ болгарскаго царя Іоанна Асани 2-го, въ 1234 г. архіепископъ терновскій признанъ былъ патріархомъ Болгаріи, автокефальнымъ и самостоятельнымъ навсегда, на соборѣ, бывшемъ въ Лампсакѣ, на основаніи церковнаго и императорскаго опредѣленія и съ согласія другихъ патріарховъ, т. е. александрійскаго, іерусалимскаго и антіохійскаго, которые на письма къ нимъ императора и константинопольскаго патріарха съ просьбою: «дать церкви терновской, матери церквей болгарскаго царства, равное имъ (патріархамъ) званіе патріархіи, отвѣчали, что, соглашаясь съ таковою просьбою, какъ предположеніемъ и намѣреніемъ основательнымъ, они утверждаютъ оное собственноручнымъ посланіемъ (1)».

Но дальнѣйшая исторія этой новой патріархіи показала, что существованіе ея, хотя и признанное уже, было не совсѣмъ пріятно для патріархіи константинопольской, какъ доказываетъ слѣдующій фактъ. Константинопольскій патріархъ Каллистъ, получивъ отъ двухъ терновскихъ монаховъ заявленіе о томъ, что терновскій патріархъ не поминаетъ его имени на богослуженіи, также какъ и сей не возглашаетъ имени терновскаго, писалъ означеннымъ монахамъ, въ де-

(1) Г Αγροπολ. § 33, Ioann. Morin. P. I. Exercit. 27; см. самую брошюру.

кабрѣ 1355 г., между прочимъ, слѣдующее: «дѣйствія нашей мѣрности (т. е. не возношеніе имени) по отношенію къ нему (терновскому патріарху) имѣютъ надлежащее и законное основаніе; его же дѣйствія касательно насъ, т. е. не поминаніе нашей мѣрности во время богослуженія, не имѣетъ никакого основанія и совершенно противузаконно, по слѣдующей причинѣ: патріарху терновскому... вслѣдствіе неоднократной просьбы и ходатайства со стороны Болгарскаго царя, изъ уваженія къ сему послѣднему и его народу... дано было, по вниманію къ г. Терново, право называться патріархомъ Болгаріи, но, конечно, не быть сопричисленнымъ къ прочимъ святѣйшимъ патріархамъ, и поэтому его не слѣдуетъ поминать въ священныхъ диптихахъ, согласно священнымъ правиламъ IV (28) и VI (36) вселенскихъ соборовъ, такъ какъ издревле учреждено было пять патріарховъ... и такъ было до тѣхъ поръ, пока въ единеніи съ нами былъ Римскій папа; съ того же времени до нынѣ существуютъ, пребывая въ единеніи, четыре патріарха, которые, неизмѣнно сохраняя общеніе между собою, поминаютъ другъ друга на всѣхъ церковныхъ собраніяхъ. Слѣдовательно, Терновскій патріархъ, частію по силѣ того подчиненія нашей святой, великой церкви, отъ которой онъ получилъ право быть и именоваться патріархомъ, частію для сохраненія собственнаго значенія и общенія съ нашею мѣрностію и другими патріархами, необходимо обязанъ всегда возносить имя нашей мѣрности и другихъ патріарховъ въ священныхъ диптихахъ, и такимъ образомъ соблюсти въ своей церкви установленный порядокъ церковнаго устройства...

Между тѣмъ, онъ, противозаконно нарушая таковой церковный порядокъ и уклоняясь отъ подчиненія нашей мѣрности и каѳолической церкви Божіей, отъ которой, какъ сказано, онъ имѣетъ по снисхожденію званіе (ἀξία) патріарха, не творитъ такого поминанія нашей мѣрности, допуская этимъ поступокъ самый непристойный и противный соглашенію, установленному еще опредѣленіемъ святѣйшаго патріарха Германа... Сверхъ того, если Константинопольскій патріархъ имѣетъ право сужденія и властъ надъ распоряженіями прочихъ патріарховъ: Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго, право перерѣшать и утверждать оныя, *какъ повелѣваютъ божественные каноны* и свидѣтельствуютъ факты, то не гораздо ли болѣе власти надъ Болгарскою церковію имѣетъ сей престолъ, отъ котораго онъ (Терновскій архіепископъ) почтенъ званіемъ патріарха? Но знайте, что еслибы не было искренняго отношенія и расположенія нашей мѣрности къ болгарскому царю, истинному во Св. Духѣ сыну нашему Іоанну Асани, и еслибы не было опасенія опечалить его по этому поводу, то наша мѣрность, по праву вселенскаго патріарха, имѣла бы право, по благодати Христовой, подвергнуть суду означенный поступокъ его (Терновскаго архіепископа), изслѣдовать этотъ поступокъ, какъ доселѣ беспримѣрный, въ нашемъ священномъ сѵнодѣ, и затѣмъ или предписать ему (Терновскому архіепископу) исправиться, или канонически наказать его за явное оскорбленіе церкви, отъ которой, какъ не разъ сказано, онъ облеченъ званіемъ патріарха, или же, наконецъ, лишить его этого званія» ([1]).

([1]) См. Acta Patriarch. Const. ed. 1862 г. Т. I, p. 437—439.

Приведенный отрывокъ изъ граматы патріарха Каллиста показываетъ, во-первыхъ, что патріарху сему извѣстно было о существованіи Терновской патріархіи, учрежденной при Константинопольскомъ патріархѣ Германѣ, на основаніи соборнаго опредѣленія; но Каллистъ дѣлаетъ видъ, какъ будто онъ не зналъ, что въ теченіе 119 лѣтъ имя вселенскаго патріарха не поминается Терновскимъ и потому старается доказать посредствомъ софизма необходимость такого поминанія; въ случаѣ неповиновенія этой канонической необходимости угрожаетъ совершеннымъ упраздненіемъ Терновской патріархіи. Во-вторыхъ, изъ этого отрывка видно, что въ угожденіе и уваженіе Болгарскаго царя и народа учреждено было патріаршество Терновское, въ угожденіе же Болгарскому царю патріархъ Каллистъ удержался отъ немедленнаго упраздненія той патріархіи по вышесказанному поводу. Такимъ образомъ ясно, почему Терновская патріархія была закрыта вскорѣ послѣ того, какъ вселенской патріархіи не было уже болѣе кому дѣлать *угожденіе* сохраненіемъ того патріаршества. И дѣйствительно, въ сочиненіи Іерусалимскаго патріарха Досиѳея о Іерусалимскихъ патріархахъ ([1]) мы читаемъ, что въ 1572 г., во время великаго Логоѳета Іерака, «по взятіи турками Константинополя, былъ въ Константинополѣ соборъ, на коемъ, между прочимъ, было разсужденіе о томъ, что неосновательно поступали императоры, возводя нѣкоторыя епархіи на степень автокефальныхъ архіепископій. Поэтому, такъ какъ въ то время церковь не могла противиться императорамъ, то нынѣ благовременно подчинить Кон-

([1]) Кн. II гл. 3. § 1.

стантинопольскому престолу патріархіи: Охридскую, Ипекскую и Терновскую, согласно съ чѣмъ и были рукоположены митрополиты на каѳедры сихъ архіепископій. Но въ этотъ разъ только одна Терновская патріархія подверглась означенному подчиненію, другія же двѣ, давъ Султану обязательство дѣлать ему особые денежные взносы, получили возможность, благодаря посторонней поддержкѣ, остаться въ прежнемъ положеніи».

Таковы историческія данныя, на коихъ болгары основываютъ свои требованія о дарованіи, или лучше, о возвращеніи имъ церковной самостоятельности, какъ нѣкогда уже предоставленной имъ, но, по обстоятельствамъ, упраздненной.

Продолженіе будетъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Год рождества Иисуса Христа

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 3. С. 500-515.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ГОДЪ РОЖДЕСТВА ІИСУСА ХРИСТА.

Окончаніе.

Доселѣ главнѣйшею цѣлію нашихъ изслѣдованій было доказать полную историческую достовѣрность евангельскаго повѣствованія о рождествѣ Іисуса Христа. И мы дѣйствительно нашли, что всѣ упоминаемыя у евангелиста Луки обстоятельства или подтверждаются свидѣтельствами изъ другихъ историческихъ источниковъ, или же, гдѣ этого не оказывается, стоятъ въ полномъ согласіи съ разными данными исторіи того времени. Хронологическій выводъ, сдѣланный нами отсюда, относительно года рождества Іисуса Христа, представляется потому еще недостаточнымъ, что остается еще выборъ между многими, по крайней мѣрѣ, между двумя годами. Необходимо, такимъ образомъ, путемъ тщательнаго изслѣдованія остальныхъ хронологическихъ данныхъ, заключающихся въ евангельскомъ повѣствованіи, съузить, такъ сказать, границы указаннаго періода времени и установить одинъ опредѣленный годъ рождества Іисуса Христа. Въ этомъ и будетъ состоять задача дальнѣйшаго изслѣдованія.

Изъ іудейской исторіи самымъ важнымъ хронологическимъ пунктомъ для опредѣленія времени рождества Іисуса Христа служитъ смерть царя Ирода. По

тщательнымъ изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ она послѣдовала въ началѣ апрѣля мѣсяца (низана) 4-го года до нашей эры. Данными для опредѣленія этого служатъ продолжительность времени царствованія, какъ самаго Ирода, такъ и его трехъ сыновей; затѣмъ—обстоятельное повѣствованіе Іосифа Флавія о послѣднихъ событіяхъ царствованія Ирода, и наконецъ—бывшее въ послѣдніе дни его жизни лунное затмѣніе. Въ виду такихъ данныхъ относительно правильности означеннаго хронологическаго пункта не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія ([1]). Такимъ образомъ, какъ съ одной стороны конецъ 9-го года до нашей эры является крайнимъ предѣломъ, *раньше* котораго нельзя полагать рождество Іисуса Христа, такъ съ другой—начало 4-го года представляется таковымъ же крайнимъ предѣломъ, *позже* котораго оно также не могло быть. Что Іисусъ Христосъ родился еще при жизни Ирода царя,—въ этомъ единогласно удостовѣряютъ насъ Евангелія. Но царствованіе Ирода продолжалось 34 года. Къ какому же, спрашивается, времени его царствованія нужно отнести рожденіе Іисуса Христа? Событія, сообщаемыя евангелистомъ Матѳеемъ во второй главѣ его Евангелія,—каковы: избіеніе виѳлеемскихъ младенцевъ, бѣгство Іосифа въ Египетъ и возвращеніе оттуда лишь послѣ смерти Ирода, не позволяютъ думать, чтобы оно случилось уже впослѣдніи дни его царствованія. Правда, у евангелиста Луки нѣтъ ни слова объ этихъ событіяхъ; но, наоборотъ, евангелистъ Матѳей ничего не говоритъ

([1]) Особенно замѣчательныя изслѣдованія о времени смерти Ирода царя принадлежатъ Санклементію въ его сочиненіи: De vulgaris aerc emendatione, а также Иделеру, дополняющему во многомъ Санклементія: Handbuch der Cronologie, S. 388 и f.

о правленіи Квиринія, объ іудейской переписи и вообще о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя были причиною путешествія Іосифа въ Виѳлеемъ; тѣмъ не менѣе, обстоятельства эти признаются несомнѣнно историческими. Точно также молчаніе евангелиста Луки и др. объ означенныхъ выше событіяхъ, сообщаемыхъ въ евангеліи Матѳея, отнюдь не даетъ права подвергать сомнѣнію ихъ историческую достовѣрность. Если же событія эти несомнѣнны, то, повторяемъ, рожденіе Іисуса Христа никакъ нельзя отнести къ послѣднимъ днямъ жизни Ирода. На основаніи извѣстій евангелиста Матѳея находили, повидимому, возможнымъ опредѣлить, какъ задолго прежде смерти Ирода оно послѣдовало. Но надежда эта, впрочемъ, оказалась невѣрной. Повѣствованіе евангелиста Матѳея объ избіеніи виѳлеемскихъ дѣтей и бѣгствѣ Іосифа въ Египетъ представляетъ еще менѣе хронологической ясности и опредѣленности, чѣмъ повѣствованіе Луки объ обстоятельствахъ рождества Іисуса Христа. Евангелистъ передаетъ событія въ общихъ выраженіяхъ, въ формѣ самаго простаго, безъискуственнаго разсказа. Пришедшіе съ востока волхвы говорятъ о родившемся царѣ іудейскомъ, но они не высказываютъ, послѣдовало ли рожденіе его одновременно съ явленіемъ звѣзды, или же это небесное явленіе было ранѣе его и служило лишь провозвѣстникомъ его, какъ событія будущаго. Они нѣкоторое время остаются въ Іерусалимѣ и потомъ отправляются въ Виѳлеемъ, гдѣ и находятъ новорожденнаго Младенца-Мессію; но евангелистъ не говоритъ ни того, какъ долго продолжалось пребываніе волхвовъ въ Іерусалимѣ и ихъ путешествіе въ Виѳлеемъ, ни также

того, какихъ лѣтъ или мѣсяцевъ былъ обрѣтенъ ими Мессія. Затѣмъ, Иродъ ожидаетъ ихъ возвращенія, но опять не извѣстно, какъ продолжительно было это ожиданіе. Разгнѣванный властелинъ Іудеи повелѣваетъ избить въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ всѣхъ дѣтей отъ двухъ лѣтъ и ниже: это опять показываетъ, что и самъ Иродъ, не смотря на всѣ усилія, употребленныя имъ, не зналъ въ точности времени рожденія Младенца-Христа; потому что, въ противномъ случаѣ едва ли бы онъ прибѣгъ къ такой безполезной жестокости. Мы не знаемъ также, какъ долго продолжалось пребываніе св. семейства въ Египтѣ; только о возвращеніи его евангелистъ замѣчаетъ, что оно послѣдовало въ то время, когда Іудеею правилъ Архелай; слѣдовательно оно могло быть никакъ не ранѣе половины 4-го года до нашей эры, когда Архелай прибылъ изъ Рима въ Іудею. Если Іисусъ Христосъ называется въ это время у евангелиста еще младенцемъ, то это есть такое же общее и неопредѣленное выраженіе, какъ и другія, употребляемыя евангелистомъ. Одно только изъ повѣствованій евангелиста Матѳея видно, что рожденіе Іисуса Христа не могло быть въ концѣ 5-го года до нашей эры; потому что въ тѣ немногіе мѣсяцы, какіе протекли отъ этого времени до смерти Ирода, не могло случиться столь многихъ обстоятельствъ, — каковы: пришествіе волхвовъ, ихъ путешествіе въ Виѳлеемъ, ожиданіе Иродомъ ихъ возвращенія, избіеніе младенцевъ, путешествіе Іосифа въ Египетъ и пребываніе тамъ. Изъ предъидущихъ же годовъ (т. е. ранѣе 5-го) каждый равно возможенъ, если только не заходить такъ далеко, что Іисуса Христа, при возвращеніи изъ Египта, уже

нельзя было назвать Младенцемъ. По крайней мѣрѣ, указанные нами выше, при разсужденіи о переписи Квиринія, годы отъ 7-го до 9-го совершенно примиримы съ евангельскимъ сказаніемъ о виѳлеемскомъ событіи и другихъ, предшествовавшихъ ему и слѣдовавшихъ непосредственно за нимъ ([1]).

Были, впрочемъ, попытки инымъ образомъ отыскать, на основаніи сказаній евангелиста Матѳея, годъ рождества Іисуса Христа. Ангелъ Господень, явившійся во снѣ Іосифу и повелѣвшій ему возвратиться въ свое отечество (Мѳ. 2, 20), такъ говоритъ ему: «встань, возьми младенца и матерь Его,... *ибо умерли, искавшіе душу Младенца»*. Здѣсь упоминается о многихъ лицахъ, по крайней мѣрѣ о двухъ, которыя искали

([1]) Ни какихъ другихъ извѣстій, кромѣ указанныхъ, о возрастѣ І. Христа во время избіенія Виѳлеемскихъ младенцевъ и бѣгства въ Египетъ мы не имѣемъ, какъ ни желательны онѣ для насъ. Что находимъ относительно этого въ апокрифическихъ Евангеліяхъ,—не заслуживаетъ вниманія; въ нихъ нѣтъ ни одного обстоятельства, котораго бы нельзя было вывести изъ нашихъ каноническихъ Евангелій. Въ Протоевангеліи Іакова (гл. 22) и въ Евангеліи псевдо-Матѳея (гл. 17) только повторяется сказаніе еванг. Матѳея о повелѣніи Ирода избить дѣтей отъ двухъ лѣтъ и ниже. Въ 26 гл. Евангелія псевдо-Матѳея разсказывается, правда, одно событіе, но такое, которое несомнѣнно было послѣ возвращенія І. Христа изъ Египта на первомъ году его жизни, хотя въ самомъ псевдо-Евангеліи и не говорится прямо, что оно было именно послѣ возвращенія оттуда. Въ исторіи Іосифа (гл, 8) говорится, что пребываніе І. Христа въ Египтѣ продолжалось одинъ годъ, въ Евангеліи Ѳомы (лат., гл. 1)—что во время бѣгства Его въ Египетъ Ему было два года, въ Евангеліи дѣтства арабскомъ (гл. 16)—exacto vero triennio rediit ex Aegypto,—что вѣроятно означаетъ время пребыванія въ Египтѣ. Повѣствованіе Матѳея объясняли обыкновенно такимъ образомъ, что со времени рожденія І. Христа до повелѣнія Ирода объ избіеніи Виѳлеемскихъ дѣтей протекли два года; самое же повелѣніе было дано Иродомъ въ послѣднее время жизни своей; затѣмъ нѣсколько времени полагали для путешествія и пребыванія въ Египтѣ и такимъ образомъ приходили въ заключенію, что І. Христосъ возвратился изъ Египта почти на четвертомъ году жизни. Особеннаго, независимаго отъ Евангелій преданія объ этомъ нѣтъ нигдѣ.

смерти новорожденнаго Богомладенца. Одно изъ этихъ лицъ есть Иродъ; другимъ же лицомъ, говорятъ, такъ какъ дѣло шло о паденіи династіи Ирода, долженъ быть такой человѣкъ, который былъ также самымъ прямымъ образомъ заинтересованъ въ поддержаніи ея. Такимъ человѣкомъ могъ быть, говорятъ, только *Антипатръ*, сынъ Ирода великаго ([1]), давно уже объявленный наслѣдникомъ престола. Въ началѣ 6-го года до нашей эры Антипатръ ѣздилъ въ Римъ, и по возвращеніи оттуда, обвиненный въ злоумышленіи на жизнь отца, былъ умерщвленъ имъ. Такимъ образомъ, заключаютъ, повелѣніе Ирода объ избіеніи дѣтей состоялось прежде путешествія Антипатра въ Римъ, въ концѣ 7-го года до нашей эры ([2]). Но такое заключеніе совершенно несостоятельно во всѣхъ отношеніяхъ. Если дѣйствительно многіе были участниками въ повелѣніи Ирода объ избіеніи виѳлеемскихъ младенцевъ, то почему же нельзя имѣть въ виду при этомъ и другихъ сыновей Ирода? И если предположить даже, что одинъ Антипатръ побуждалъ своего отца къ этой безчеловѣчной мѣрѣ, то онъ могъ это сдѣлать и изъ Рима, во время пребыванія тамъ. Главнымъ же образомъ евангелистъ вовсе не хотѣлъ, какъ кажется, означить многихъ лицъ, какъ виновниковъ ужаснаго виѳлеемскаго кровопролитія; потому что у него выше шла рѣчь только о смерти Ирода царя; на это же указываетъ евангелистъ и тогда, когда говоритъ, что умерли тѣ, которые искали души младенца. Евангелистъ Матѳей употребляетъ обыкновенный въ обыденной устной рѣчи образъ выраженія, когда,

---

([1]) Это былъ старшій сынъ его отъ первой жены. *В. Р.*

([2]) Такъ утверждаетъ Санклементій, а. а. о. S. 437.

не называя имени извѣстнаго лица, ставятъ множественное число вмѣсто единственнаго. Наконецъ, въ послѣдующихъ разсужденіяхъ нашихъ еще болѣе объяснится, почему 7-й годъ до нашей эры не можетъ быть принятъ за годъ избіенія виѳлеемскихъ младенцевъ. Теперь же замѣтимъ, что, если не давать много воли своей фантазіи, необходимо нужно согласиться, что все повѣствованіе евангелиста Матѳея о кровавомъ виѳлеемскомъ событіи, при всей его исторической достовѣрности, не можетъ служить пособіемъ къ точному опредѣленію года рождества Іисуса Христа. Цѣлію евангелиста было—описать только вообще нѣкоторыя обстоятельства, предшествовавшія и послѣдовавшія за рожденіемъ Іисуса Христа безъ какаго-либо ученаго хронологическаго распорядка ихъ.

III.

У нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ отцовъ церкви есть замѣчаніе, что будто бы, во время рождества І. Христа, во всей вселенной господствовалъ миръ; подобное же древнее преданіе находимъ въ латинской церкви, въ одномъ изъ календарей которой подъ 25 декабря значится, что І. Христосъ родился въ то время, когда вся земля наслаждалась миромъ (¹). Этимъ извѣстіемъ также, между прочимъ, пользуются для того, чтобы изъ трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ Сенцій Сатурнинъ былъ правителемъ Сиріи, опредѣ-

(¹) Augustin. de Civit. dei, XVIII, 46: Regnante ergo Herode in Iudaea, apud Romanos autem jam mutato reipublicae statu imperante Caesare Augusto et per eum orbe pacato natus est Christus... Hyeronim. in Ies. c. 2: tunc omnia bella cessaverunt. Преданіе латинской церкви говоритъ, что І. Христосъ родился toto orbe in pace composito.

лить подлинный годъ рождества I. Христа. Сатурнинъ оставался въ Сиріи до половины 6-го года до нашей эры; въ 8-мъ же году до нашей эры происходили еще войны въ Германіи; всеобщій миръ во всемъ римскомъ государствѣ наступилъ лишь позже. Итакъ, говорятъ, истинный годъ рождества I. Христа есть *седьмой годъ* до нашей эры, какъ лежащій въ срединѣ между двумя различными пограничными пунктами (1).

Но и этотъ способъ опредѣленія года рождества I. Христа едва ли можетъ имѣть серьезное историческое значеніе. Прежде всего, вышеуказанныхъ извѣстій о господствовавшемъ будто бы во всей вселенной мирѣ при рожденіи I. Христа весьма немного и они очень неопредѣленны; находятся эти извѣстія у церковныхъ писателей, относительно уже позднѣйшихъ, которые притомъ не были достаточно знакомы съ римскою исторіей и не имѣли даже особеннаго интереса знакомиться съ нею. Затѣмъ, въ нихъ не указывается какого либо опредѣленнаго года, какъ года всеобщаго мира; но, въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ описывается вообще время царствованія императора Августа послѣ окончанія внутреннихъ гражданскихъ войнъ и успокоенія Испаніи, Галліи и другихъ провинцій, время (съ 10 или 9 года до Р. Хр.), которое, сравнительно съ предшествовавшимъ време-

(1) На этомъ, между прочимъ, основаніи Санклементій (de vulgaris aerae emendatione, p. 297) годомъ рождества I. Христа полагаетъ 7-й годъ до нашей эры. Сенцію Сатурнина Санклементій признаетъ обыкновеннымъ тогдашнимъ правителемъ Сиріи; Квиринія же считаютъ чрезвычайнымъ уполномоченнымъ императора, производившимъ, по его повѣленію, перепись Іудеи. Доказательство Санклементія повторяетъ и Идлеръ въ своемъ «Handbuch der Cronologie» II, 397.

немъ, отличалось дѣйствительно миромъ, спокойствіемъ и въ самомъ Римѣ и въ провинціяхъ; война велась лишь на границахъ противъ разныхъ сосѣднихъ народовъ, что на мирное благосостояніе собственно римскаго государства не имѣло никакого вліянія. Къ этому-то вообще сравнительно мирному времени для римскаго государства и относятся, безъ сомнѣнія, упомянутыя извѣстія церковныхъ писателей о господствовавшемъ будто бы всюду во вселенной мирѣ въ годъ рождества І. Христа. Указать же опредѣленный годъ, какъ годъ всеобщаго мира, они не могли. Наконецъ, основаніемъ къ этому мнѣнію послужило для церковныхъ писателей, какъ можно видѣть, извѣстное повѣствованіе еванг. Луки объ обстоятельствахъ рожденія Іисуса Христа. Небесные вои, явившіеся виѳлеемскимъ пастухамъ (Лук. II, 13—14), въ своей хвалебной пѣсни, воспѣвали Бога такимъ образомъ: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе*. Слова эти, истинный смыслъ которыхъ тотъ, что съ явленіемъ Христа Спасителя прекратилась вражда міра земнаго съ небеснымъ, людей съ Богомъ, нѣкоторые изъ позднѣйшихъ писателей понимали въ смыслѣ всеобщаго гражданскаго мира, господствовавшаго будто бы въ римскомъ государствѣ во время рождества Іисуса Христа ([1]). Такимъ образомъ не какія-либо историческія данныя лежатъ въ основаніи разсматриваемаго древняго церковнаго преданія, но лишь невѣрное пониманіе евангельскаго ска-

([2]) Oros. VI, 22: Igitur eo tempore, id est eo anno, quo firmissimam verissimamque pacem ordinatione dei Caesar composuit, natus est Christus, cujus adventui pax ista famulata est, in cujus ortu audientibus hominibus exultantes angeli cecinerunt: gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonae voluntatis. Cp. Oros. VI, 20 extr.

занія Луки. Можно ли послѣ сего дѣлать въ свою очередь изъ этого преданія историческое основаніе для опредѣленія года рождества Іисуса Христа? Преданіе это, если угодно, можетъ вести къ разсмотрѣнію того, какое вліяніе имѣло на успѣхи первоначальнаго распространенія христіанства относительно мирное состояніе римскаго государства во времена Іисуса Христа и нѣсколько послѣ; но о какихъ-либо хронологическихъ выводахъ при этомъ не можетъ быть рѣчи.

IV.

Излагая мнѣнія древнихъ церковныхъ писателей о годѣ рождества Іисуса Христа, мы видѣли [1], что они главнымъ образомъ или даже исключительно почти основывались въ своихъ хронологическихъ вычисленіяхъ, на сказаніи евангелиста Луки о возрастѣ Іисуса Христа при вступленіи Его въ общественное служеніе (Лук. III, 23). Опыты ихъ вычисленій достаточно показываютъ, на сколько вѣрный и безошибочный путь къ разрѣшенію нашей хронологической проблеммы представляетъ это сказаніе. Ни одно изъ указанныхъ мнѣній не выдерживаетъ, какъ мы видимъ, строгой исторической и хронологической критики. И причины этого лежатъ, между прочимъ, въ самомъ основаніи, изъ котораго выходили древніе церковные писатели. Не смотря на всю неоспоримую хронологическую важность сказанія Луки при разсмотрѣніи жизни Іисуса Христа, въ особенности при разрѣшеніи вопросовъ, представлявшихъ также не мало трудностей, о продолжительности его обществен-

(1) См. Хр. Чт., февраль, 1870 г., стр.

наго служенія и о годѣ Его смерти, для нашей собственно цѣли это сказаніе *не* имѣетъ особенно важнаго значенія. На основаніи другихъ хронологическихъ данныхъ мы нашли, что рождество Іисуса Христа могло быть только въ одномъ изъ слѣдующихъ трехъ или собственно двухъ годовъ: въ 8-мъ или въ 7-мъ году до нашей эры. Но какой именно изъ этихъ двухъ годовъ есть истинный годъ рождества Іисуса Христа, *для* опредѣленія этого общее и неопредѣленное извѣстіе евангелиста Луки (*яко лѣтъ тридесять*) не можетъ служить основаніемъ ([1]).

Въ порядкѣ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію фактовъ для опредѣленія года рождества Іисуса Христа остается еще одинъ, которому въ данномъ случаѣ нужно приписать рѣшающее значеніе: разумѣемъ

([1]) Цумптъ дѣлаетъ, впрочемъ, весьма подробное историческое и хронологическое изслѣдованіе 1. 2 и 23 *стиховъ* III-й главы Евангелія Луки и въ своемъ изслѣдованіи доказываетъ, между прочимъ, *справедливость* того мнѣнія, высказаннаго въ первый разъ еще въ первой половинѣ *прошедшаго столѣтія* однимъ изъ ученыхъ изслѣдователей Евангельской хронологіи (Nicol. Mann, De veris annis Iesu Christi natali et emortuali dissertationes duae chronologicae, Londini 1712, p. 143) и въ новѣйшее время повтореннаго въ книгѣ H. Lutteroth (*Le recensement de Quirinius en Iudée*, Paris 1865), что евангелистъ Лука въ счетѣ годовъ царствованія Тиверія *держался иного порядка*, не того, какой издавна обыкновенно предполагаютъ. По общепринятому мнѣнію, ведущему свое начало еще изъ отдаленной христіанской древности, 15-й годъ царствованія Тиверія соотвѣтствуетъ 29-му году нашего общепринятаго лѣтосчисленія, считая *начало* царствованія Тиверія со смерти Августа. Напротивъ, по мнѣнію Цумпта, *евангелистъ* Лука счетъ годовъ царствованія Тиверія велъ примѣнительно къ *сирійскому обычаю*, *не* со времени смерти Августа и вступленія Тиверія на престолъ, но со *времени назначенія его* Августомъ въ соправители провинцій (что, по изслѣдованію Цумпта, *было въ январѣ* 12 года по Р. Хр.) и такимъ образомъ упоминаемый имъ 15 годъ его царствованія соотвѣтствуетъ не 29, а 26 году по Р. Хр. Таковъ, по мнѣнію Цумпта, единственно возможный и вмѣстѣ правильный исходъ изъ хронологическихъ затрудненій, представляющихся *при* изъясненіи вышеозначенныхъ стиховъ Евангелія Луки. *В. Р.*

явившуюся при рожденіи Іисуса Христа звѣзду на востокѣ и полученные по поводу изслѣдованія этой звѣзды знаменитыми астрономами факты. Факты эти не позволяютъ относительно себя никакихъ возраженій, никакого сомнѣнія со стороны историка, такъ что остававшееся доселѣ, не смотря на всѣ изысканія, колебаніе въ выборѣ изъ двухъ возможныхъ годовъ одного истиннаго года рождества Іисуса Христа уничтожается вполнѣ; открытіе этихъ фактовъ указало съ тѣмъ вмѣстѣ правильный путь къ пониманію Евангельскаго сказанія о явленіи необыкновенной звѣзды.

Евангелистъ Матѳей повѣствуетъ (гл. 2), что во время рожденія Іисуса Христа въ Виѳлеемѣ пришли въ Іерусалимъ волхвы съ востока, говоря, что они видѣли на востокѣ звѣзду царя іудейскаго и пришли поклониться ему. На вопросъ ихъ: *гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій*, имъ указали на Виѳлеемъ, какъ мѣсто рожденія Мессіи по предсказаніямъ пророковъ. Руководимые звѣздою, волхвы отправились въ Виѳлеемъ, нашли тамъ новорожденнаго Мессію-младенца и, послѣ поклоненія Ему и принесенія даровъ, возвратились въ свою страну. Таковы обстоятельства дѣла, какъ они излагаются евангелистомъ Матѳеемъ. Если въ этой необыкновенной звѣздѣ, явившейся при рожденіи Іисуса Христа и видѣнной волхвами, признавать какое-либо чудесное, вопреки законамъ природы бывшее, небесное явленіе, то тутъ не можетъ быть рѣчи ни о какомъ ученомъ изслѣдованіи и хронологическомъ вычисленіи. Но ничто не препятствуетъ видѣть въ ней совершенно естественное явленіе природы. Такое пониманіе нисколько не противорѣчитъ буквѣ Евангельскаго сказанія; напротивъ, сильное

развитіе астрономическихъ гаданій около времени рождества Іисуса Христа и другія обстоятельства придаютъ такому пониманію большую вѣроятность. Вычисленія астрономовъ открыли (¹), что въ 7-мъ году до Р. Хр. было три раза необыкновенно знаменательное, по астрологическимъ гаданіямъ, соединеніе планетъ Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи рыбъ. Совпаденіе этого замѣчательнаго обстоятельства съ однимъ изъ двухъ годовъ, въ которые, по другимъ хронологическимъ признакамъ, должно было послѣдовать рожденіе Іисуса Христа, привело къ тому рѣшительному заключенію, что видѣнная восточными мудрецами и руководившая ихъ звѣзда была не что иное, какъ именно это соединеніе названныхъ планетъ; и это то мнѣніе дѣлаютъ затѣмъ основаніемъ для опредѣленія года рождества Іисуса Христа.

Самъ по себѣ годъ открытаго астрономами указаннаго соединенія планетъ еще не даетъ твердаго основанія для опредѣленія года рождества Іисуса Христа. Изъ евангельскаго повѣствованія не видно, *какъ долго спустя* послѣ рожденія Іисуса Христа волхвы пришли въ Виѳлеемъ, или *какъ скоро* отправились они въ путь въ Іудею, послѣ появленія необыкновенной звѣзды. Говоря объ этомъ, евангелистъ Матѳей выражается неопредѣленно, точно также, какъ это видимъ мы у евангелиста Луки въ его повѣствованіи о другихъ обстоятельствахъ рождества Іисуса Христа. Но если астрономическое явленіе 7-го года до нашей эры сблизить съ другими хронологическими данными, то полученные такимъ образомъ результаты

(¹) См. Ideler's, Handbuch der Chronologie II, 406; Lehrbuch der Chronologie, S. 428.

даютъ возможность точнымъ образомъ опредѣлить, наконецъ, найденный нами выше періодъ времени, когда должно было послѣдовать рождество Іисуса Христа, равно какъ вполнѣ дѣлаютъ ясными и другія частности въ евангельскомъ повѣствованіи Матѳея.

Іисусъ Христосъ уже родился, когда волхвы пришли въ Іерусалимъ: это ясно видно изъ начальныхъ же словъ повѣствованія евангелиста Матѳея. Но рожденіе Его послѣдовало, какъ видно также, еще незадолго до ихъ пришествія; иначе былъ бы совершенно неумѣстенъ вопросъ волхвовъ о *новорожденномъ* Царѣ Іудейскомъ. Соединеніе планетъ въ первый разъ, по вычисленіямъ астрономовъ, было 29-го мая 7-го года до Р. Хр.; волхвы не могли отправиться въ путь тотчасъ же послѣ того, какъ было замѣчено это явленіе; тѣмъ болѣе они не могли быть въ это время уже въ Іерусалимѣ; первымъ дѣломъ ихъ при этомъ могли быть еще гаданія и вычисленія, предзнаменованіемъ какого необыкновеннаго событія служитъ это явленіе; при этомъ мысль ихъ, при всеобщемъ и напряженномъ ожиданіи Мессіи, весьма легко могла остановиться на Его пришествіи. Вторичное соединеніе названныхъ выше планетъ было видимо 1-го октября и это вторичное явленіе могло утвердить волхвовъ въ ихъ гаданіяхъ о пришествіи Мессіи—Царя Іудейскаго,—и они отправились въ Іерусалимъ для поклоненія Ему. Въ столицу іудейскаго царства — въ Іерусалимъ волхвы пришли въ концѣ 7-го года, уже послѣ рожденія Іисуса Христа, причемъ послѣдовавшее въ третій разъ явленіе необыкновенной звѣзды 5-го декабря было новымъ подтвержденіемъ и усиленіемъ ихъ вѣры въ пришествіе Мессіи. Пре-

бываніе волхвовъ въ Виѳлеемѣ продолжалось лишь нѣсколько дней, когда звѣзда еще сіяла на горизонтѣ, хотя свѣтъ ея мало по малу уже исчезалъ. Такъ приблизительно можно представлять себѣ ходъ дѣла, держась строго буквальнаго объясненія евангельскаго сказанія и имѣя въ виду результаты, добытые различными изслѣдователями (¹).

(¹) Всѣ эти хронологическія соображенія Цумпта любопытны и достойны вниманія, какъ трудолюбивыя изысканія въ такой области, гдѣ такія изысканія всегда особенно желательны и заслуживаютъ уваженія; тѣмъ не менѣе давать имъ какое-либо серьезное историческое значеніе совершенно нельзя; тѣмъ болѣе нельзя видѣть въ нихъ вполнѣ *правильный путь къ пониманію Евангельскаго сказанія о явленіи необыкновенной звѣзды или строго буквальное объясненіе этого сказанія*, какъ хочетъ этого Цумптъ. Напротивъ, независимо отъ хронологическихъ выводовъ, самое мнѣніе (весьма распространенное, впрочемъ, между новѣйшими изслѣдователями Евангельской хронологіи) о томъ, что будто бы видѣнная восточными волхвами необыкновенная звѣзда была не что иное, какъ именно повторяющееся періодически соединеніе планетъ Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи рыбъ, если и не противорѣчитъ дѣйствительно буквѣ Евангельскаго повѣствованія, то ни мало также не служитъ и къ его разъясненію. Для оправданія его мы должны прибѣгнуть къ большимъ натяжкамъ при объясненіи Евангельскаго текста, какъ эти натяжки ясно бросаются въ глаза и въ вышеприведенныхъ разсужденіяхъ Цумпта, пріурочивающаго мѣсяцъ и день рождества І. Христа исключительно къ 25 декабря (какъ будто бы это есть несомнѣнно дознанный хронологическій фактъ!) и сообразно съ этимъ располагающаго путешествіе волхвовъ съ востока въ Іерусалимъ и изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ. Но лучшимъ доказательствомъ того, сколько въ этомъ мнѣніи и основанныхъ на немъ выводахъ произвольнаго, загадочнаго, неопредѣленнаго, служатъ разногласія самихъ же защитниковъ его. Одни, какъ напр. *Идлеръ*, *Гушне*, *Эбрардъ* и др., а также и Цумптъ, основываясь на этомъ мнѣніи, годомъ рождества І. Христа полагаютъ 7-й годъ до нашей эры; другіе же, какъ напр. *Визлеръ, Ангеръ, Прессансе* и др., выходя изъ того же основанія и дополняя его нѣкоторыми другими данными, доказываютъ, что не въ 7-мъ, а въ концѣ 5-го или въ началѣ 4-го года до нашей эры родился І. Христосъ (т. е. въ 749 или 750 году отъ основанія Рима). Еще далѣе расходятся мнѣнія относительно частностей объясненія Евангельскаго повѣствованія. Такъ, напр., пришествіе волхвовъ въ Іерусалимъ одни (Идлеръ) полагаютъ еще *прежде* рождества І. Христа, другіе (Визлеръ)—спустя два или даже болѣе года *послѣ* рожденія Его; третьи,—какъ напр. самъ

Изъ всего этого видно, во первыхъ, что 8-й годъ до нашей эры не можетъ быть признанъ за годъ рождества Іисуса Христа; признать его не позволяетъ также и хронологическое замѣчаніе евангелиста Луки. что Іисусъ Христосъ въ 15 годъ Тиверія кесаря или 26-й годъ по Р. Хр. былъ *почти тридцати лѣтъ*. Во-вторыхъ, рождество Іисуса Христа не могло послѣдовать также и послѣ 7-го года или въ концѣ 6-го до нашей эры; потому что пришедшіе, послѣ уже рождества Іисуса Христа, въ Іерусалимъ волхвы говорятъ о необыкновенной звѣздѣ, какъ еще видимой и наблюдаемой ими (ст. 7: *τοῦ φαινομένου ἀστέρος*); подъ ея руководствомъ они идутъ въ Виѳлеемъ. Между тѣмъ астрономами найдено, что годомъ позже положеніе планетъ было совершенно иное. Къ тому же заключенію приводятъ и добытые нами въ предшествовавшемъ изслѣдованіи результаты, а именно, что въ половинѣ 6-го года до нашей эры Сенцій Сатурнинъ, при которомъ родился Іисусъ Христосъ, оставилъ управленіе Сиріею. Итакъ, слѣдовательно, остается единственный, подлинный годъ рождества Іисуса Христа—*7-й годъ до нашей эры* или до начала общепринятаго лѣтосчисленія Діонисія малаго. Это вполнѣ подтверждается основательнѣйшими вычисленіями астрономіи. Звѣзда, освѣщавшая нѣкогда путь восточнымъ волхвамъ, служитъ теперь яркимъ факеломъ для хронологовъ.

В. Рождественскій.

Цумптъ—въ самый годъ и даже мѣсяцъ рожденія І. Христа. Очевидно изъ всего этого, что указанное мнѣніе о звѣздѣ Мессіи есть не болѣе, какъ догадка, догадка можетъ быть смѣлая и геніальная, достойная великаго астронома, каковъ былъ Кеплеръ, но которой тѣмъ не менѣе придавать рѣшающее значеніе въ опредѣленіи года рождества І. Христа, какъ придаетъ ей Цумптъ, совершенно невозможно. *В. Р.*

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Чем объяснить долговечие раскола?

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 3. С. 516-563.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ЧѢМЪ ОБЪЯСНИТЬ ДОЛГОВѢЧІЕ РАСКОЛА?

— — —

13-го мая 1867 года исполнилось 200 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ братій по вѣрѣ и крови, возставшіе противъ церковныхъ преобразованій патріарха Никона и получившіе, вслѣдствіе опредѣленія Московскаго собора 1666—7 года, оффиціальное названіе раскольниковъ, отдѣлились отъ церкви, разошлись съ властію свѣтскою, стали во враждебное отношеніе къ православному обществу и начали жить своею особою, самостоятельною жизнію. Мы не знаемъ, съ какими чувствами расколъ праздновалъ свой двухсотлѣтній юбилей,—радовался ли онъ своему долговѣчію, или, подведя итогъ всему, что́ онъ вытерпѣлъ въ теченіе двухъ вѣковъ, скорбѣлъ о прошломъ и томился неизвѣстностію будущаго; но, кажется, можно сказать, не нарушая правды, что для православной власти и православнаго общества указанное событіе едва-ли можетъ служить предметомъ радости и чести. Въ самомъ дѣлѣ, два вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ русское благочестіе и русское православіе раскололись на двѣ, хотя и неравныя, части, и, не смотря на то, что обѣ половины преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—вѣчное спасеніе,—недора-

зумѣніе между ними не только не прекратилось, но въ теченіе двухъ столѣтій еще усилилось и количественно и качественно. Расколъ, считавшій на первыхъ порахъ своихъ послѣдователей сотнями тысячъ, въ настоящее время, говорятъ, имѣетъ на своей сторонѣ цѣлые милліоны ревнителей мнимой старины. Православіе, видѣвшее въ расколѣ, въ первые годы его существованія, только нѣкоторыя обрядовыя неправильности, встрѣчаетъ теперь въ немъ цѣлую систему лжеученія съ еретическимъ характеромъ. Власть свѣтская, скучавшая во второй половинѣ XVII столѣтія отъ многочисленныхъ челобитныхъ, которыя слали ей со всѣхъ сторонъ послѣдователи древняго благочестія — съ вѣрноподданнѣйшими заявленіями своихъ желаній, — въ XIX вѣкѣ случайно наталкивается на такихъ ревнителей старины, которые съ запальчивою искренностію фанатиковъ объявляютъ на формальныхъ допросахъ слѣдующее: «подъ сводъ законовъ не подхожу, потому что Государь—раскольникъ, христіаниномъ его не признаю, потому что онъ отсталъ отъ истинной вѣры, и потому власти его не подчиняюся; за Царя Бога не молю и молить не стану». ([1]) Нельзя сказать, чтобы во всемъ этомъ не было своего рода прогресса, хотя трудно согласиться, чтобы православная власть и православное общество могли радоваться такому движенію впередъ со стороны раскола.

Въ чемъ же однако дѣло? Вѣдь расколъ, какъ говорятъ и пишутъ, есть ничто иное, какъ окаменѣлый остатокъ старины, древняго благочестія и древняго обрядоваго безнарядья, о которыхъ новое благо-

([1]) Кельсіев. вып. IV, стр. 285—6.

честіе дало въ 1667 году соборный отзывъ, какъ о «простотѣ и невѣжествѣ»; отдѣлился онъ отъ церкви не въ слѣдствіе *движенія* въ какую нибудь *свою* сторону отъ теченія общей исторической жизни церкви, а именно въ слѣдствіе *своей косности*, неспособности слѣдовать за жизнію церкви ([1]). Какимъ же образомъ это косное, окаменѣлое невѣжество, не смотря на всѣ заботы власти о его прекращеніи, не только живетъ вотъ уже болѣе 200 лѣтъ, но и прогрессируетъ въ пріобрѣтеніи себѣ послѣдователей, въ развитіи своего ученія и въ отрицательномъ отношеніи къ православной власти и православному обществу? Гдѣ причины этого, по видимому, страннаго явленія? Не говоря о многомъ другомъ, намъ думается, что *главная* причина продолжительнаго существованія и даже усиленія раскола заключается въ самыхъ мѣрахъ, какія употребляемы были для его уничтоженія.

Прежде всего извѣстно, что противъ раскола, возставшаго противъ церкви *изъ-за вѣры*, власть, съ самаго начала его существованія, стала употреблять не только слово вразумленія, но и наказанія по «градскому» закону. Московскій соборъ 1667 года, *окончательно* осудившій расколъ и изрекшій на него анаѳему, въ тоже время опредѣлилъ, что «еретики и раскольники не токмо церковнымъ наказаніемъ имутъ наказатися, но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ» ([2]). Мы не станемъ входить здѣсь въ сужденіе о томъ, на сколько указанное опредѣленіе собора соотвѣтствовало духу евангелія и

([1]) Руковод. къ русск. церк. истор. Знаменскаго, Казань 1870 г. стр. 302.

([2]) Полн. собр. зак. т. I, № 412, стр. 706.

любви христіанской, — современное общественное сознаніе не нуждается въ этомъ,—мы хотимъ только указать на то, къ какимъ практическимъ результатамъ должно было повести такое отношеніе власти къ расколу.

Гоненіе, воздвигнутое свѣтскою властію на расколъ, было причиною того, что послѣдователи древняго благочестія, не желавшіе попасть на костеръ, или по меньшей мѣрѣ—лишиться ноздрей, языка и проч.,—одни бросали матушку Русь и бѣжали за границу, за рубежи Шведскій, Польскій, въ Крымъ, на Кавказъ, въ Сибирь, въ Японію,—всюду, гдѣ только надѣялись укрыться отъ вниманія власти, другіе, не ожидая, когда ихъ поведутъ на огненную смерть, сами строили костры и сожигались, а если почему либо нельзя было устроить костра, врывались въ печи, бросались въ воду, рѣзались ножемъ и умирали другими насильственными способами. По видимому, это разсѣяніе раскольниковъ по разнымъ зарубежнымъ странамъ и добровольное умерщвленіе себя, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало цѣлямъ правительства, рѣшившагося уничтожить расколъ. Число послѣдователей старины на Руси святой сокращалось и, если вѣрить раскольникамъ, «многочисленными тысящами». Но если находятся лица, которыя позволяютъ себѣ печатно заявлять, что «лучше было бы, если бы раскольники *всѣ* направили тогда стопы свои за границу,—убытку бы государству отъ нихъ не было, а церковь оставалась бы покойною»(¹),— за то власть, неоднократно приглашавшая раскольниковъ возвратиться изъ-за границы и иногда даже силою принуж-

(¹) Парѳеній, Опроверж. записки стр. 118.

давшая ихъ къ этому, очевидно, смотрѣла на бѣгство раскольниковъ за рубежъ нѣсколько иначе. Что же касается тѣхъ писателей, которые въ раскольникахъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованій за границу, видятъ «піонеровъ русской народности, содѣйствовавшихъ какъ обрусѣнію окраинъ государства, такъ и пріобрѣтенію Россіею новыхъ областей», и на этомъ основаніи мечтаютъ даже о томъ, что рано или поздно Австріи придется поплатиться за Бѣлую Криницу тѣмъ же, чѣмъ Польша заплатила Россіи за Вѣтку ([1]); то въ виду тѣхъ явленій, какія совершаются въ *наши дни* на нашихъ *обрусѣлыхъ* окраинахъ, трудно признать за раскольниками такую почтенную роль. Наконецъ военныя команды, постоянно разсылавшіяся правительствомъ для удержанія раскольниковъ отъ самосожигательства, а на самомъ дѣлѣ только усиливавшія фанатизмъ ревнителей древняго благочестія, показываютъ, что и самоумерщвленіе раскольниковъ не входило въ планъ власти, хотѣвшей «градскими казненіями» задавить расколъ.

Впрочемъ, если бы кто либо, при помощи фантастическихъ предположеній и соображеній, и съумѣлъ доказать, что преслѣдованіе раскольниковъ свѣтскою властію, заставлявшее ихъ бѣжать въ чужіе края, или сожигаться дома, было дѣйствительнымъ средствомъ къ *количественному* уменьшенію послѣдователей древняго благочестія,— мы укажемъ въ такомъ случаѣ на *качества*, пріобрѣтенныя расколомъ, подъ вліяніемъ воздвигнутыхъ на него свѣтскимъ правительствомъ гоненій.

([1]) Андреевъ, расколъ и его значеніе въ народн. русск. истор., стр. 225 и VI.

Уже то обстоятельство, что одни изъ раскольниковъ, благодаря преслѣдованіямъ, разставались съ отечествомъ, которое такъ любитъ русскій человѣкъ, бросая на произволъ судьбы домы свои и все, что нажито было въ нихъ тяжелымъ трудомъ, а другіе, изъ опасенія попасть въ руки агентовъ власти и измѣнить своимъ вѣрованіямъ, жгли себя и рѣзали,—достаточно говоритъ о томъ, на сколько былъ возбужденъ религіозный фанатизмъ диссидентовъ и какъ дороги сдѣлались для нихъ убѣжденія, за которыя ихъ преслѣдовали. «Не та вѣра (истинна), которая мучитъ, а та, которую мучатъ»,—вотъ какіе афоризмы стали слышаться въ средѣ гонимыхъ, и они ясно показываютъ, что ссылки, рѣзанія языковъ, сожженія и проч. дѣйствительно убѣждали заблуждающихъ... въ справедливости ихъ вѣрованій. Бѣжавшіе за рубежи, а тѣмъ болѣе добровольно сожигавшіеся на кострахъ являлись въ глазахъ остальной массы страдальцами и мучениками за вѣру, слово которыхъ дѣлалось закономъ для толпы ([1]). А эти «мученики» никогда не упускали случая, въ виду пытокъ и огненной смерти, дать какое либо завѣщаніе своимъ послѣдователямъ. «Вотъ будете этимъ крестомъ молиться, говорилъ Аввакумъ собравшейся толпѣ уже съ подожженнаго костра, указывая на двуперстіе,—во вѣкъ не погибнете, а оставите его,—городокъ вашъ (Пустозерскъ) погибнетъ, пескомъ занесетъ, а погибнетъ городокъ,—наступитъ и конецъ свѣту» ([2]). Эти грозныя слова, произнесенныя съ страшнаго эшафота, конечно, не могли пройти безслѣдно. Надъ мѣстомъ казни Аввакума раскольники поставили крестъ, на-

([1]) Дом. бытъ русск. царицъ Забѣлина, стр. 119.

([2]) Есипов, т. 1, стр. 117.

писали икону расколоучителя и стали покланяться ей, какъ святынѣ. А такъ какъ число подобныхъ «страдальцевъ» за вѣру, казненныхъ такъ или иначе въ разныхъ мѣстахъ, было не мало, или, скажемъ словами раскольниковъ, «не толикое множество заяцей, увязшихъ въ ловитвенныхъ тѣнетахъ, видяшеся, елико повѣшенныхъ, сожженныхъ и другимъ образомъ замученныхъ за древнее благочестіе зряшеся»; то въ скоромъ времени явились у раскольниковъ, такъ называемые, мартирологіи, въ родѣ Винограда Россійскаго, чтеніе которыхъ дѣйствовало на массы народа гораздо сильнѣе, чѣмъ разные Жезлы правленія, Увѣты духовные и проч., чѣмъ даже—«градскія казненія».

Былъ и еще результатъ отъ «градскихъ казненій», которымъ подвергли раскольниковъ во второй половинѣ XVII столѣтія. Пока свѣтское правительство не объявило себя окончательно на сторонѣ новыхъ церковныхъ порядковъ, заведенныхъ патріархомъ Никономъ и утвержденныхъ соборомъ 1666 - 67 г., ревнители старины вели свои счеты и споры о «древнемъ благочестіи» съ одною властію церковною, которую считали единственною виновницею мнимой перемѣны вѣры, и относились къ власти свѣтской почтительно. Совершенно другое видимъ мы въ расколѣ послѣ того, какъ свѣтское правительство, по указанію власти церковной, взялось не за свое дѣло и стало казнить и вѣшать людей, которыхъ нужно было только учить и вразумлять. Какъ ни «просты и ни невѣжественны» были, по мнѣнію собора, защитники старины, тѣмъ не менѣе и они понимали, что «царю»—будемъ говорить далѣе словами раскольниковъ—«слѣдуетъ только подати и оброки собирать, а въ духовныя дѣла вмѣ-

шиваться не слѣдуетъ», что «духовное духовными разсуждается», и потому «нѣтъ надобности мученіемъ приводить въ вѣру, по подобію языческому»,—что «какъ архіереямъ неприлично входить въ распоряженіе войскомъ, такъ и государю не слѣдуетъ касаться до вѣры» ([1]). А слѣдствіемъ такого разсужденія было то, что раскольники дѣйствія свѣтской власти, направленныя противъ нихъ, признали не только незаконными, но даже богопротивными, антихристіанскими, и, потерявъ уваженіе къ правительству, сдѣлались врагами не только церкви, но и государства,— «батюшка»—Царь превратился въ сознаніи заблуждающихъ въ мучителя, даже въ антихриста, съ которымъ можетъ быть только одинъ счетъ—борьба на жизнь и смерть, или, если не достанетъ силъ на это,— бѣгство, куда глаза глядятъ, лишь бы только не попасть въ его руки. И вотъ начинается съ одной стороны передвиженіе раскольниковъ изъ городовъ и селъ въ лѣсныя трущобы,—съ другой, при встрѣчѣ скопищъ раскольническихъ съ агентами власти, завязываются схватки, иногда даже оканчивавшіяся успѣхомъ со стороны заблуждающихъ. На сколько подобныя явленія, вызванныя строгими мѣрами противъ раскола, содѣйствовали его ослабленію и уничтоженію, понять не трудно. Лѣсные скитальцы тѣмъ съ большею свободою и энергіей проповѣдывали въ пользу «древняго благочестія», чѣмъ дальше находились они отъ правительственнаго надзора, лишавшаго ихъ спокойной жизни въ брошенныхъ домахъ; а рѣшавшіеся отстаивать свои вѣрованія силою, съ оружіемъ въ рукахъ, и, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ, при напорѣ

(1) Кельсіев. вып. I, стр. 211.

неравныхъ силъ, сожигавшіеся, или умиравшіе другими способами, только увеличивали число раскольничьихъ мучениковъ и святыхъ. И вотъ какіе либо выходцы Соловецкіе, діаконъ Игнатій, иноки Германъ, Іосифъ и другіе, бродившіе вмѣстѣ съ своими последователями по Поморью съ ружьями, пищалями, бердышами и подобнымъ оружіемъ и послѣ схватокъ съ стрѣльцами сожигавшіеся [1], также попадали въ раскольничьи мартирологіи. Но главное зло, какое произошло отъ преслѣдованія раскола свѣтскою властію, состояло въ томъ, что раскольники, и прежде видѣвшіе въ церковныхъ преобразованіяхъ новшества, ересь,—теперь, благодаря вмѣшательству въ это дѣло свѣтской власти, окончательно убѣдились въ неправославіи церкви и ея ученія, для поддержки котораго будто бы потребовалась внѣшняя помощь. Извѣстна въ этомъ смыслѣ энергическая рѣчь «богатыря» протопопа Аввакума. «Чудо, писалъ онъ, огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! которые-то апостолы научили такъ? не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господемъ рѣченное ко апостоламъ сице: *шедше въ міръ весь проповѣдите евангеліе всей твари, иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ.* Смотри, слышателю: волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарскій богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: «непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити», Нашъ Христосъ своимъ ученикамъ

---

(1) Истор. русск. раск. преосв. Макарія, стр. 252-4.

никогда такъ не повелѣвалъ; а тѣ учители явны яко и сами антихристы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предаютъ: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же» ([1]). Какими послѣдствіями для православія должны были сопровождаться подобныя рѣчи расколоучителей, понять не трудно. Расколъ росъ не по днямъ, а по часамъ, послѣдователи его сплачивались между собою тверже и крѣпче, пока наконецъ не образовали изъ себя силы, противъ которой уже безсильны стали всевозможныя гоненія.

Такимъ образомъ преслѣдованіе раскольниковъ свѣтскою властію - съ цѣлію уничтожить расколъ не только не достигало предположенныхъ результатовъ, напротивъ отдаляло отъ нихъ. И это весьма естественно. «Къ признанію истины, писалъ митрополитъ Платонъ въ своемъ «Увѣщаніи», никого силою принудить нельзя и дѣло обращенія человѣческаго сердца есть дѣло самаго Св. Духа» ([2]). «Тѣмъ, которые думаютъ, скажемъ словами Маколея, что правительство должно употреблять силу для распространенія истины, необходимо помнить, что заблужденіе, немогущее соперничать противъ истины, стоящей одиноко, нерѣдко оказывается болѣе, чѣмъ соперникомъ,—оказывается побѣдителемъ, когда истина опирается на внѣшнюю силу» ([3]). И дѣйствительно, припоминая разные моменты изъ исторіи раскола, невольно убѣждаешься въ справедливости словъ знаменитаго историка. Такъ напр. въ прошлое царствованіе правительство, задавшись мыслію—обратить поповцевъ въ православіе,

([1]) Житіе Аввакума, стр. 93—4.
([2]) Увѣщан. л. 82 об.
([3]) Прав. обозр. 1861 г. янв., стр. 102.

стало энергически преслѣдовать, такъ называемыхъ, бѣглыхъ поповъ, безъ которыхъ поповщина не мыслима. Мѣры власти были такъ строги и приводились въ исполненіе съ такою настойчивостію, что, казалось, поповщинскій расколъ, за недостаткомъ бѣглыхъ поповъ, долженъ былъ изчезнуть. А между тѣмъ въ то самое время, какъ ловились послѣдніе бѣглые попы, явилось въ поповщинѣ не только священство, но даже архіерейство въ лицѣ разныхъ Кирилловъ, Антоніевъ и др., которые въ наши дни и почти на нашихъ глазахъ созываютъ вселенскіе раскольничьи соборы...

Правда, исторія свидѣтельствуетъ, что строгія гражданскія мѣры противъ ересей и расколовъ *иногда* достигали цѣли; но это бывало только тогда, когда ересь, или расколъ, являлись въ томъ или другомъ обществѣ, какъ новость, и, не находя себѣ сочувствія въ массахъ народныхъ, ограничивались только небольшимъ числомъ послѣдователей, которыхъ поэтому можно было переловить и засадить въ темницы, или даже казнить. При другихъ совершенно условіяхъ явился нашъ русскій расколъ. Когда на Московскомъ соборѣ 1667 г. нѣкоторые церковные обряды, существовавшіе при предшественникахъ Никона, были объявлены неправильными и лица, державшіяся этихъ обрядовъ, признаны раскольниками,—расколъ явился у насъ не какъ новость, а какъ остатокъ прежняго, хотя и невполнѣ правильнаго, порядка церковной жизни и практики, и на сторонѣ его оказались всѣ, кто свыкся съ этимъ порядкомъ и не хотѣлъ перемѣнить его на другой. Значитъ, безъ преувеличенія можно сказать, что въ самую первую пору жизни рас-

кола послѣдователей его, особенно въ низшихъ классахъ общества, было много, и даже очень много. Не даромъ же Алексѣй Михаиловичъ еще въ 1666 г. жаловался отцамъ собора, что приверженцы прежняго порядка вещей были не только въ Москвѣ, но и въ «различныхъ царствія Богомъ ему врученнаго странахъ, градѣхъ и весѣхъ» ([1]). А по другимъ свидѣтельствамъ, двуперстія, которое въ ту пору болѣе всего и считали знакомъ раскольничества, не держались «едини точію зѣло престарѣлые люди» ([2]), да и то не всѣ; все же молодое поколѣніе крестилось въ первые годы патріаршества Никонова двуперстно. А послѣ этого естественно было ожидать, что война, объявленная правительствомъ расколу, будетъ упорна и даже безполезна, что̀ и случилось.

Впрочемъ, если бы свѣтская власть, взявшая на себя защиту православія и объявившая войну расколу, была послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ, быть можетъ, расколъ въ теченіе 200 лѣтъ и пошатнулся бы. Постоянство въ мѣрахъ, быть можетъ, внушило бы заблуждающимъ мысль, что рано или поздно, а уступить необходимо, потому что на сторонѣ правительства, кромѣ внутренняго убѣжденія въ правотѣ защищаемаго дѣла, была еще внѣшняя сила, которой разсѣявшійся по разнымъ странамъ расколъ не имѣлъ. Не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Испытавши неудачу мѣръ строгихъ, карательныхъ, власть съ теченіемъ времени начинаетъ смягчать свои распоряженія и иногда доходитъ до прямой поблажки расколу; а потомъ, раздраженная какими-либо частными, случай-

([1]) Дополн. къ акт. истор. т. V, стр. 445.
([2]) Игнат. Тобол. III посл. гл. 13.

ными дѣйствіями изувѣровъ, снова обращается къ строгости и простираетъ свое неблаговоленіе на весь расколъ.

При Алексѣѣ Михаиловичѣ, Өеодорѣ Алексѣевичѣ и въ правленіе Софіи Алексѣевны раскольниковъ бьютъ батогами и кнутомъ, лишаютъ языковъ, жгутъ и вообще, по выраженію одного указа, «*казнятъ* смертію безъ всякаго милосердія» (1). Петръ 1, объявившій въ манифестѣ 1702 года, что онъ, «по дарованной ему отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаетъ и охотно предоставляетъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей» (2), и дѣйствительно въ первые годы своего царствованія оставлявшій раскольниковъ въ покоѣ и даже принимавшій отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ разнаго рода «гостинцы» (3),— къ концу своей жизни, подъ разными внушеніями и вліяніями, призналъ заблуждающихъ «лютыми непріятелями, непрестанно государству и государю зло мыслящими» (4), и дѣйствія ихъ причислилъ «къ злодѣйственнымъ» (5); а для того, чтобы эти злодѣи не могли причинить какой либо «напасти» государству, нарядилъ ихъ въ шутовской костюмъ, дабы всѣ раскольники были у него и у всѣхъ на виду и на счету, не теряясь въ общей массѣ, взимая однакожъ за право носить такой костюмъ деньги, и въ концѣ концовъ дошелъ до того, что, лишивъ раскольниковъ права на общественныя должности «даже до послѣдняго на-

(1) Полн. собр. закон. т. II, № 1102.
(2) Полн. собр. зак. IV, № 1910.
(3) Есиповъ. т. I, стр. 290 и др.
(4) Реглам. ст. о мір. п. 6.
(5) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. I, стр. 99.

чала и управленія», сталъ приглашать ихъ въ Преображенскій приказъ и въ Тайную канцелярію резолюціями такого содержанія: «а другаго Іону пытать до обращенія, или до смерти, ежели чего по расколу не явится» (1), и все это за то только, что Іона не хотѣлъ повѣрить, чтобы керженскіе раскольники добровольно отреклись предъ Питиримомъ отъ своихъ заблужденій.

Слѣдовавшія за Петровымъ кратковременныя царствованія Екатерины I и Петра II, когда главныя занятія правительства состояли въ борьбѣ партій и когда всѣ почти дѣйствія свѣтской власти противъ раскола ограничивались приведеніемъ въ исполненіе резолюціи Петра I, чтобы сборъ съ раскольниковъ двойнаго оклада вѣдать при Сенатѣ, а не при Сунодѣ,—расколъ пользовался относительнымъ спокойствіемъ; за то послѣдующія царствованія Анны Іоанновны, когда всѣмъ заправлялъ Биронъ, и Елизаветы Петровны, благоговѣвшей предъ всѣмъ, что было сдѣлано отцомъ,—строгость противъ раскола усилилась. Въ это время, когда «равноапостольный» Питиримъ, постоянно вооружавшій противъ раскольниковъ Петра I (2), сдѣлался членомъ св. Сунода и сошелся съ Өеофаномъ Прокоповичемъ (3), смотрѣвшимъ на раскольниковъ, какъ на невѣждъ, съ которыми не стоитъ вести рѣчи, какъ на злодѣевъ, достойныхъ одной казни, не только раскольники, жившіе въ предѣлахъ отечества, не знали покоя,- взрослые высылались свѣтскими командами или къ епар-

(1) Есипов. т. II, стр. 271.
(2) Тамъ же прилож. стр. 213—220
(3) Руков. къ рус. церк. истор., стр. 421.

хіальнымъ архіереямъ ([1]), или въ монастыри, гдѣ «содержимы были въ цѣпяхъ и въ трудахъ монастырскихъ, подъ крѣпкимъ присмотромъ, неисходно, и водились въ церкви ко всякому божественному пѣнію и, какъ возможно, увѣщевались» ([2]), а, въ случаѣ упорства, отсылались къ свѣтскому суду—для «нещаднаго наказанія плетьми» и ссылки на галеры ([3]),—дѣти же раскольничьи «малолѣтнія выше и ниже 10 лѣтъ», которыя «не имѣли еще совершеннаго разума и знанія истинныя православныя вѣры догматовъ», присылались въ св. Сѵнодъ «для увѣщанія и обращенія къ благочестію и познанія христіанскія православныя вѣры» ([4]), — но даже заграничные не лишены были вниманія власти; они выгонялись изъ-за границы, какъ овцы, сортировались по помѣщикамъ, заводамъ и монастырямъ, или, какъ животныя, запирались «въ особливые дворы съ высокимъ тыномъ» ([5]). А въ царствованіе Елизаветы Петровны, объявившей себя возстановительницею законовъ и порядковъ своего отца, не только возобновлены были прежніе указы относительно раскольниковъ, изданные въ послѣдніе годы Петра I, и изданы—новые, еще болѣе строгіе, направленные къ тому, чтобы «искоренить» ([6]) расколъ, но даже снова были пущены въ ходъ относительно заблуждающихъ застѣнокъ, пытки и кнутъ ([7]), вслѣдствіе чего фанатизмъ раскольниковъ, начавшій

([1]) Собран. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. I, стр. 238.

([2]) Тамъ же стр. 225.

([3]) Тамъ же стр. 323.

([4]) Тамъ же стр. 233.

([5]) Тамъ же стр. 263—8, 274—80, 284—303, 311—12, 317—18, 325—6. 398 и др.

([6]) Тамъ же стр. 406.

([7]) Тамъ же стр. 411 и 428.

было слабѣть, снова сталъ проявляться въ самосожигательствѣ заблуждающихъ [1], которое, по выраженію одного указа, дѣлало вѣру раскольниковъ еще болѣе «твердою» [2], — такъ, что расколъ въ это время не только не слабѣлъ, но усиливался и умножался до того, что, по сознанію самого правительства, раскольниковъ было «многое число во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи» [3], а въ нѣкоторыхъ приходахъ никого, кромѣ раскольниковъ, «не обрѣталось» [4].

Съ восшествія на престолъ Петра III и особенно въ царствованіе Екатерины II власть начинаетъ относиться къ расколу совершенно въ другомъ тонѣ. Прежніе строгіе указы мало по малу отмѣняются, раскольники освобождаются отъ двойнаго оклада и вводятся въ общую колею русскихъ граждан, наконецъ самое имя—раскольникъ запрещено было употреблять какъ на бумагѣ, такъ и въ разговорѣ. За то и раскольники изъ лѣсныхъ, бездомовныхъ бродягъ превращаются въ домовитыхъ, промышленныхъ сельчанъ и горожанъ, начинаютъ сближаться съ православными, принимать къ себѣ въ домы православныхъ священниковъ, отъ которыхъ прежде бѣгали, какъ отъ зачумленныхъ, поступать въ «начальство» и въ военную службу и—даже съ «присягою, съ цѣлованіемъ креста и евангелія» и съ обѣщаніемъ служить правительству «вѣрою и правдою, яко благочестивой власти» [5], и, что всего важнѣе, пользу-

(1) Собран. пост. по ч. раск., стр. 361, 367, 427—8, 480—2, 501, 537—8, 543—6, 551, 567 и др.

(2) Тамъ же стр. 455.

(3) Тамъ же стр. 443.

(4) Тамъ же стр. 512.

(5) Кельсіев. вып. IV, стр. 256—7, 267; снес. стр. 274—7.

ясь относительною свободой и спокойствіемъ, начинаютъ вдумываться въ свои вѣрованія, повѣрять ихъ соборными разсужденіями и, послѣ взаимныхъ пререканій, болѣе благомыслящіе изъ раскольниковъ сами рѣшаются искать мира и единенія съ церковію,— является, такъ называемое, единовѣріе.

Къ сожалѣнію, направленіе, принятое правительствомъ относительно раскольниковъ въ царствованіе Екатерины II, быстро измѣняется при Императорѣ Павлѣ. Этотъ государь, польщенный успѣхомъ своихъ собесѣдованій съ представителями петербургской поповщины, хотѣлъ, чтобы обратились къ церкви и столичные безпоповцы; но, встрѣтивъ здѣсь неудачу, заключилъ въ Петропавловскую крѣпость главнаго вожака петербургскихъ ѳедосѣевцевъ — Косцова ([1]) и сталъ преслѣдовать и остальныхъ раскольниковъ.

Царствованіе императора Александра I началось самыми милостивыми распоряженіями власти относительно заблуждающихъ. Не только раскольники разныхъ толковъ, но даже сектанты въ родѣ духоборцевъ, молоканъ и проч. признаны были правительствомъ просто заблуждающими и притомъ «по ревности Божіей, только не поразуму», которыхъ поэтому предписано было «возвращать въ нѣдра церкви не жестокими и суровыми средствами, не истязаніями, ссылками и т. п., не насильствіемъ и казнями, но поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами» ([2]). Къ сожалѣнію, въ концѣ своего царствованія государь измѣнилъ свой взглядъ на этотъ пред-

([1]) Историч. очерк. единовѣр. стр. 101—3; истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 403.

([2]) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 22 и 47—8.

метъ. Мало по малу поповцы ограничены были въ пріобрѣтеніи себѣ бѣлыхъ поповъ, на которыхъ прежде велѣно было «смотрѣть сквозь пальцы», безпоповцы-поморцы ограничены въ правахъ на выборы въ общественныя должности, а ѳедосѣевцы и вовсе лишены были этихъ правъ, и притомъ главныя учрежденія ихъ въ Москвѣ и Петербургѣ подвергнуты были самому строгому надзору полиціи, а болѣе видные учители ихъ схвачены и заключены по монастырямъ ([1]).

Императоръ Николай Павловичъ, объявившій, что въ отношеніи къ заблуждающимъ онъ намѣренъ «слѣдовать духу терпимости, соединенному съ необходимыми мѣрами строгости» ([2]), и дѣйствительно на первыхъ порахъ своего царствованія требовавшій, чтобы «ни мѣстныя полиціи, ни духовныя начальства не тревожили понапрасну раскольниковъ» и не вмѣшивались въ совершаемые ими обряды и таинства ([3]), лишь бы только диссиденты не совращали православныхъ въ свое заблужденіе, — въ скоромъ времени, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, измѣняетъ свое отношеніе къ заблуждающимъ и доводитъ строгость мѣръ противъ нихъ до того, что среди раскольниковъ снова усиливаются толки о царствѣ антихриста и скоромъ наступленіи втораго пришествія Христова.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ всего сказаннаго, ни одно царствованіе со временъ Петра I, за исключеніемъ царствованія Екатерины II, не выдерживало разъ принятой системы дѣйствій въ отноше-

---

([1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 27—8, 62—4, 66—7, 75—6, 79—80 и др.
([2]) Тамъ же стр. 129.
([3]) Тамъ же стр. 93, 97, 126 и 167.

ніи къ расколу и каждое почти, начинаясь милостями къ заблуждающимъ, оканчивалось строгостями. Мало этого: часто случалось, что въ одно и то же время одни раскольники преслѣдовались, а другіе пользовались милостями власти; и это различіе мѣръ зависѣло не отъ того, что онѣ прилагались къ разнымъ сектантамъ, — часто заблуждающіе одного и того же толка, только жившіе въ разныхъ губерніяхъ, пользовались неодинаковыми правами. Не трудно понять, что было слѣдствіемъ такого непостоянства и безсистематичности въ распоряженіяхъ правительства относительно раскола. «Мѣры, предпринятыя и невыдержанныя, писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1837 году, не рѣдко бываютъ вреднѣе, нежели когда бы оныхъ совсѣмъ не было предпринято» ([1]). А если такъ, то неудивительно, что раскольники, видя непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ власти, не только не оставляли своихъ заблужденій, какъ того желало правительство, но еще болѣе ожесточались, объясняя непостоянство власти тѣмъ, что она въ своихъ распоряженіяхъ противъ нихъ слѣдуетъ не твердому убѣжденію въ правотѣ своего дѣла и ясно выработанному взгляду на расколъ, какъ заблужденіе, а—только личнымъ ощущеніямъ, вызваннымъ тѣми или другими случайностями, и слѣдовательно всегда болѣе или менѣе несправедливымъ. Еще хуже то, что раскольники, благодаря непослѣдовательности въ дѣйствіяхъ власти, пришли къ убѣжденію, будто, скажемъ словами одной оффиціальной бумаги, «всякая, принимаемая правительствомъ и относящаяся къ нимъ взыскательная, или строгая, мѣра есть только *вре-*

([1]) Такъ же стр. 245.

менная и что она никакъ не можетъ продержаться въ одинаковомъ духѣ до результатовъ, съ видами которыхъ предпринимается начало ея». А слѣдствіемъ такого убѣжденія было то, что въ случаѣ какого либо новаго строгаго закона противъ раскола, заблуждающіе только молили Бога о терпѣніи, ни мало не думая исполнять то, чего требовалъ законъ.

Къ чему, подумаетъ кто либо, толковать о безполезности вмѣшательства свѣтской власти въ религіозныя дѣла раскола и о вредѣ преслѣдованія заблуждающихъ строгими мѣрами—въ наше время, когда расколъ пользуется почти совершенною свободою? Правда, нынѣ, благодаря изданному въ 1858 г. Высочайше утвержденному «Наставленію для руководства при исполнительныхъ дѣйствіяхъ и совѣщаніяхъ по дѣламъ, до раскола относящимся», и другимъ болѣе частнымъ распоряженіямъ правительства, раскольники «не преслѣдуются за мнѣнія о вѣрѣ» и могутъ безпрепятственно «исправлять требы по своимъ обрядамъ», такъ какъ власть заявила, что она «не вмѣшивается въ заблужденія, противныя правиламъ истинной вѣры». Мало этого: новые суды, какъ видно, признаютъ иногда невиновными даже такихъ раскольниковъ, которые обвиняются «во вторичномъ отпаденіи отъ православія и въ распространеніи раскола ([1])»; тѣмъ не менѣе и въ наши дни случаются иногда вещи, которыя показываютъ, что раскольники не могутъ считать себя вполнѣ безопасными. Всѣмъ, мы думаемъ, извѣстенъ заявленный газетами фактъ, какъ въ 1867 г. въ Москвѣ надзиратель 7 квартала Рогожской части съ двумя полицейскими солдатами

[1] Голосъ. 1867 г. № 189.

явился непрошенный въ квартиру мѣщанина Николаева въ то самое время, когда раскольничій попъ совершалъ тамъ погребеніе умершей матери Николаева, и, не дозволивъ попу даже разоблачиться, повелъ его въ контору квартала при многочисленномъ стеченіи народа. Изъ газетъ же видно, что и въ наше время раскольники за одно распространеніе своихъ вѣрованій лишаются всѣхъ правъ состоянія и ссылаются на поселеніе въ Закавказскій край (¹). Кромѣ того, и само правительство, объявившее, что оно не намѣрено вмѣшиваться въ религіозныя вѣрованія раскольниковъ, и предоставившее имъ нѣкоторую долю свободы, рѣшилось на этотъ шагъ не потому, чтобы признало прежнюю систему дѣйствій несправедливою и вредною, а потому только, что система эта «не точно и не правильно исполнялась—по неблагонамѣренности исполнителей въ низшихъ инстанціяхъ, или, можетъ быть, и отъ неумышленности по недостаточному знанію многочисленныхъ и разнообразныхъ узаконеній на счетъ раскола, въ различное время и по разнымъ вѣдомствамъ изданныхъ (²)». Этимъ и объясняется наприм. то обстоятельство, что «Наставленіе», предоставивъ раскольникамъ право «исполнять требы по своимъ обрядамъ», въ тоже время запрещаетъ имъ строить молитвенныя зданія, или обращать въ молельни жилыя помѣщенія (§ 8).

Съ другой стороны, хотя современное общественное сознаніе, выражающееся въ литературѣ, и высказалось самымъ положительнымъ образомъ противъ всевозможныхъ притѣсненій заблуждающихъ свѣтскою

(¹) Голосъ, 1868 г. № 295, 1869 г. № 227.
(²) Собр. постановл. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 793.

властію; тѣмъ не менѣе еще и въ наши дни слышатся иногда голоса въ пользу прежняго порядка вещей. Есть лица, и ихъ даже не мало, которыя говорятъ, что раскольники такъ невѣжественны и грубы, что безъ строгихъ гражданскихъ мѣръ съ ними ничего нельзя подѣлать; и если эти мѣры до послѣдняго времени не привели ни къ какимъ хорошимъ результатамъ, то не потому, чтобы онѣ не могли достигать цѣли, а потому, какъ заявило объ этомъ и само правительство, что низшія административныя власти изъ корысти, или по другимъ какимъ либо видамъ, потворствовали заблуждающимъ.

Мы не знаемъ, на сколько справедливо это обвиненіе агентовъ власти въ потворствѣ расколу. Правда, во все время существованія раскола, правительство, дѣйствовавшее противъ него репрессивными мѣрами, постоянно предостерегало исполнителей своихъ распоряженій отъ злоупотребленія тѣмъ, или другимъ, закономъ относительно заблуждающихъ, требуя, чтобы они дѣйствовали «по присяжной должности, безъ всякаго лакомства и пристрастія, не льстясь ни на какіе дары и посулы и взятки ([1])»; а раскольники съ своей стороны иногда откровенно сознавались, что «аще бы не снисходили къ нимъ господа чрезъ даяніе ихъ нескудная, то давно и духъ бы ихъ не пахнулъ на земли ([2])». Но если бы все это и было справедливо,—продолжать прежній порядокъ вещей значило бы только продолжать безъ всякой пользы для православія чиновничьи злоупотребленія; такъ какъ, по остроумному выраженію одного писателя,

———

([1]) Собр. постановл. по ч. раскола 1860 г. кн. I, стр. 402, 409, 580, 589 и др.

([2]) Обзоръ литер. Филарет., кн. 2, стр. 34—5.

доколѣ у раскольниковъ будутъ деньги, а у чиновниковъ—руки, эксплуатація раскола низшими агентами власти не прекратится. «Хорошо, скажемъ словами Ломоносова, давать законы, ежели ихъ исполнять есть кому»; въ противномъ случаѣ законъ будетъ поводомъ только къ новымъ злоупотребленіямъ.

Наконецъ, указывая вредъ, происходившій отъ вмѣшательства свѣтской власти въ религіозныя дѣла раскола, мы хотимъ сказать не то, будто правительство можетъ оставить заблуждающихъ безъ всякаго съ своей стороны вниманія, а то, что оно не должно простирать своего вліянія далѣе границъ, подлежащихъ его вѣдѣнію Когда раскольники-поповцы Богородскаго уѣзда Московской губерніи, не ограничиваясь преніями объ «окружномъ посланіи», устрояютъ у себя фабрики для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій, а раскольницы Никольскаго села Тверской губерніи, по нелюбви къ рекрутчинѣ, открываютъ секретъ—послѣ рожденія перваго сына оставаться праздными ([1]),—когда фанатикъ-безпоповецъ врывается въ православный храмъ и производитъ богохульное кощунство въ самомъ алтарѣ,—когда ѳедосѣевецъ, поживъ нѣсколько лѣтъ съ своею подругою, взятою «не безъ выгоды и не безъ денегъ» ([2]) прогоняетъ ее потомъ и съ дѣтьми — искать счастія на бѣломъ свѣтѣ, а себѣ беретъ новую хозяйку, чтобы съ нею въ свою очередь поступить также,—когда, такъ называемый, бѣгунъ, подъ личиною вѣры, странствуетъ по Божьему міру, чтобъ не нести никакихъ государственныхъ повинностей,—когда послѣдователь глухой нѣтовщи-

(¹) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 237.
(²) Матер. для истор. безпоп. соглас. стр. 154—8.

ны собираетъ своихъ односельчанъ на гумнѣ и, во имя вѣры, топоромъ отрубаетъ имъ головы,—когда скопецъ уродуетъ себя и другихъ и проч. и проч.,—правительство въ правѣ наложить свою мощную руку на всѣ подобныя безобразія, нарушающія законы гражданскіе и уголовные, и никто не станетъ осуждать его за это. Но когда власть въ лицѣ своихъ агентовъ,—будетъ ли то чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, квартальный надзиратель, или простой будочникъ,—врывается въ домы заблуждающихъ, гдѣ совершается богослуженіе, и, разогнавъ молившихся, или даже размѣстивъ ихъ по кварталамъ и тюрьмамъ, обираетъ иконы, кресты, книги и другія богослужебныя принадлежности, составляющія частную собственность, и передаетъ ихъ въ православные, или единовѣрческіе, храмы,—какъ это часто случалось въ былое время,—такой порядокъ вещей не можетъ не быть признанъ болѣе, чѣмъ ненормальнымъ и вреднымъ. Не легко опредѣлить границу, до которой можетъ простираться правительственный надзоръ за расколомъ; но, кажется, не будетъ неправдой, если мы скажемъ, что все, что касается въ расколѣ нарушенія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и полицейскихъ правилъ, подлежитъ вѣдѣнію и суду власти свѣтской; всѣ же религіозныя дѣла раскола должны быть предоставлены усмотрѣнію и заботамъ власти духовной и совѣсти заблуждающихъ.

Доселѣ мы говорили о томъ, какіе мѣры употребляло для искорененія раскола свѣтское правительство и почему эти мѣры не достигали цѣли. Что же дѣлала съ своей стороны власть церковная, на которой по преимуществу и лежитъ обязанность вразум-

лять заблуждающихъ? Было бы слишкомъ долго перечислять все, что въ теченіе двухъ вѣковъ было предпринято противъ раскола церковнымъ правительствомъ; а потому мы укажемъ только на нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи, благодаря которымъ всѣ почти распоряженія духовной власти относительно заблуждающихъ оказывались безуспѣшными.

Уже одно то обстоятельство, что церковная власть, забывъ, что единственное оружіе, которымъ она въ правѣ бороться со всевозможными ересями и расколами, есть мечъ слова Божія, призвала на помощь себѣ противъ раскола и мечъ правительства свѣтскаго,— должно было предъубѣдить заблуждающихъ противъ православной истины. Къ бо́льшему несчастію для церкви, первые опыты словеснаго, или точнѣе, книжнаго вразумленія раскольниковъ поручены были людямъ, противъ которыхъ питали предъубѣжденіе не только заблуждающіе, но и многіе изъ православныхъ, и которые, получивъ схоластическое образованіе и въ совершенствѣ владѣя діалектикою, говорили и писали красно и витіевато, но довольно пусто, и, гордясь своимъ просвѣщеніемъ, презрительно смотрѣли на московское невѣжество, хотя сами не всегда отличались даже православіемъ. Жезлъ правленія, — первое по времени противораскольническое сочиненіе, одобренное и изданное отъ лица собора 1666—7 года, — былъ написанъ, какъ извѣстно, Симеономъ Полоцкимъ, воспитанникомъ новой Кіевской школы, противъ котораго въ скоромъ времени раздались возгласы со стороны самаго патріарха Іоакима, обвинявшаго Полоцкаго въ томъ, будто онъ держался

«хлѣбопоклонническoй ереси», и называвшаго его «Вѣнецъ вѣры», — вѣнцемъ, изъ западнаго тернія сплетеннымъ, а «обѣдъ душевный» — исполненнымъ душевныхъ бѣдъ ([1]). Понятно, съ какимъ довѣріемъ читали раскольники сочиненіе, вышедшее изъ-подъ пера такого лица. Жезлъ правленія написанъ въ обличеніе раскола, а между тѣмъ и самъ не чуждъ неправославныхъ мыслей, которыя и были замѣчены заблуждающими ([2]).

Патріархъ Іоакимъ, быть можетъ, противъ воли уронившій достоинство Полоцкаго, какъ учителя истины, и тѣмъ подорвавшій авторитетъ его Жезла правленія, былъ вторымъ литературнымъ борцемъ противъ раскола. Къ сожалѣнію, въ защиту православнаго ученія онъ привелъ въ своихъ сочиненіяхъ такія доказательства, которыя... только подали раскольникамъ поводъ къ большему предъубѣжденію противъ православія и его учителей. Мы разумѣемъ руку преподобнаго Комненоса и руку св. апостола Андрея первозваннаго, на которыя сослался святитель, въ доказательство правильности православнаго троеперстія, и которыя возбудили въ раскольникахъ столько недоумѣній ([3]).

Въ первой четверти XVIII столѣтія главными дѣятелями противъ раскола со стороны церкви были: св. Димитрій Ростовскій, Питиримъ Нижегородскій и Ѳеофилактъ Лопатинскій. Къ сожалѣнію, «Розыскъ» перваго и «Обличеніе неправды раскольнической» послѣдняго, хотя эти сочиненія, при нѣкоторыхъ не-

([1]) Руков. къ русск. церк. истор. стр. 318—19.

([2]) Христ. Чт. 1860 г. ч. 2, стр. 498—500.

([3]) Пращица, вопр. 73—9; Пом. отв. 9.

достаткахъ, имѣютъ несомнѣнныя достоинства, — почему то находились подъ спудомъ цѣлые десятки лѣтъ и были напечатаны въ первый разъ только въ 1745 году ([1]); между тѣмъ, какъ «духовная пращица» Питирима, всѣ почти разсужденія въ пользу православія основывающая на «соборномъ дѣяніи на еретика Мартина», вызвавшемъ со стороны раскола такой сильный протестъ ([2]), была издана немедленно еще при Петрѣ I и даже нѣсколько разъ.

Къ концу царствованія Петра Великаго учрежденъ былъ св. Сѵнодъ. Къ сожалѣнію, въ это время во главѣ церковнаго управленія становятся люди, которыхъ не только раскольники, но и весьма многіе изъ православныхъ называли не иначе, какъ «еретиками, обливанниками, ляшенками», и которые, въ свою очередь, на всѣхъ, кромѣ себя, смотрѣли, какъ на свиней ([3]). Мы разумѣемъ Ѳеодосія Яновскаго, Ѳеофана Прокоповича и др. Понятно послѣ этого, какъ смотрѣли раскольники на распоряженія и разныя «увѣщанія» церковной власти, находившейся въ рукахъ лицъ, которыя потомъ формально, самою властію свѣтскою были уличены въ такихъ преступленіяхъ ([4]), отъ которыхъ содрогается сердце всякаго честнаго и благочестиваго человѣка. Ѳеофанъ Прокоповичъ вздумалъ-было снизойти до полемики съ невѣжественнымъ расколомъ; но его «Оправданіе поливательнаго крещенія», изданное отъ лица св. Сѵнода, произвело только соблазнъ—и не въ однихъ расколь-

([1]) Собр. пост. по ч. раск., кн. I, стр. 445—7.

([2]) Пращица вопр. 85—99; Пом. отв. 9.

([3]) Письм. новгор. митр. Іова къ Ѳеодос. Янов. въ лѣтоп русск. литер. т. I, смѣсь, стр. 156.

([4]) П. С. З. VII, № 4717.

никахъ, но и во многихъ изъ православныхъ, убѣдившихся теперь, что подозрѣнія ихъ относительно обливанства малороссовъ, захватившихъ церковную власть въ свои руки, не неосновательны.

Слѣдовавшія за Петровымъ царствованія до Елизаветы Петровны были не таковы, чтобы власть церковная могла что либо сдѣлать въ пользу православія и къ вразумленію раскольниковъ, еслибы даже хотѣла этого. Въ это время—борьбы Ѳеофана Прокоповича съ его противниками—никто изъ самыхъ высшихъ лицъ церковной іерархіи не могъ поручиться, что завтра онъ не попадетъ въ тайную канцелярію и затѣмъ—въ монастырь, или даже въ Петропавловскую крѣпость, какъ было это, напримѣръ, съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. А простыхъ священниковъ и монаховъ въ это время «давили, по выраженію одного современника, какъ мушекъ». Это было время, когда, по словамъ Амвросія Юшкевича, архіепископа Новгородскаго, «готовыя книги духовныя во тьмѣ заключали, а другія сочинять подъ смертною казнію запрещали, когда не только учителей, но и ученія, и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли, и уже приходило къ тому, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей уста отворить было опасно,—тотчасъ бѣды и гоненія надѣйся» [1]. Въ это время церковнаго безправія не только раскольники не присоединялись къ церкви, но многіе православные, и, что́ особенно важно, даже ученики семинарій,—отличные студенты, по выраженію Любопытнаго,—попирали никоніанизмъ и становились на сторону

(1) Слов. на 28 февр. 1742 г.

раскола (1), не желая сдѣлаться послѣдователями «новоизмышленной безпоповщины», въ которую хотѣли совратить всѣхъ русскихъ, т. е. протестанства.

Правленіе Елизаветы Петровны было благопріятно для духовной власти. Но погромъ лицъ іерархіи въ прошлое царствованіе былъ такъ великъ, что при Елизаветѣ Петровнѣ долгое время при многихъ церквахъ не было ни священниковъ, ни діаконовъ, вслѣдствіе чего, для пополненія причтовъ, разрѣшено было опредѣлять на церковныя должности даже крѣпостныхъ крестьянъ. Но само собою разумѣется, что подобные пастыри не могли быть хорошими учителями православной истины и обличителями раскола. Тѣ же священники, кои остались въ живыхъ послѣ временъ Бироновщины, были такъ деморализованы, что «непорядочными своими поступками раскольниковъ паче отгоняли, или сами, не умѣя лжи той разсудить, согласовали и тайно утверждали» (2). Не даромъ церковная власть вынуждена была въ 1741 году издать присягу, по которой каждый ставленникъ, вновь производимый во священника или діакона, долженъ былъ произносить, между прочимъ, слѣдующее: «къ тому же клянуся, что долженъ и по должности хощу и всячески тщатися буду по хиротоніи во священство (или будучи въ діаконствѣ) въ приходѣ моемъ тайныхъ раскольниковъ чрезъ удаленіе ихъ отъ св. Евхаристіи, или чрезъ иныя каковыя примѣты, накрѣпко смотрѣть; и аще бы таковые явиться могли, ни за каковые отъ нихъ дары, или посулы, укрывать и таить не буду, но какъ о нихъ, раскольникахъ, ско-

(1) Сборникъ Попова, т. 2, стр. 84—5.

(2) Собр. пост. по ч. раск. кн. 1, стр. 351.

ро могу увѣдать, со всякимъ обстоятельствомъ письменно представлять, гдѣ надлежитъ, всемѣрно потщуся, также въ книгахъ исповѣдающихся и св. Таинъ причащающихся, закрывая ихъ зловѣріе, съ правовѣрными христіанами писать не стану... Буде же я впредь, по семъ клятвенномъ обѣщаніи, забывъ страхъ Божій и должность свою, таить ихъ, раскольниковъ, въ своемъ приходѣ стану и съ правовѣрными, для прикрытія ихъ зловѣрія, по какой нибудь страсти, вѣдая ихъ заподлинно, съ исповѣдавшимися и Божественныхъ Таинъ сообщившимися въ книгу ложно напишу и въ томъ отъ кого обличенъ буду, то, яко клятвопреступникъ, чужда священнаго сана и мірскому публичному наказанію себе подвергаю» (1).

Съ другой стороны, и въ это время, если не сама церковная власть, то исполнители ея распоряженій еще не разстаются съ мыслію, что «нейтралитета Христосъ нашъ не любитъ», и что поэтому всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ, въ случаѣ ихъ упорства, нужно «смирять постомъ и стегать плетьми» (2). Благодаря такому способу вразумленія заблуждающихъ, нѣкоторые изъ раскольниковъ иногда дѣйствительно присоединялись къ православію—*въ консисторіяхъ;* но, «по возвращеніи въ домы, паки, аки пси на свою блевотину, въ погибельный расколъ совращались» (3); и это вторичное уклоненіе въ расколъ мнимо-обратившихся къ церкви въ виду плетей было такъ часто, что раскольники «уже и по обращеніи отъ раскола, по выраженію одного сунодскаго указа,

(1) Собр. пост. по ч. раск. стр. 376—7.

(2) Тамъ же стр. 333, снес. стр. 575—84, 588—9, 714 и др.

(3) Тамъ же стр. 515. снес. стр. 473.

стали быть невѣроятны» [1], т. е. въ это время перестали даже вѣрить въ возможность *искренняго* обращенія заблуждающихъ къ церкви.

Съ царствованія императрицы Екатерины II и до нашихъ дней, когда свѣтская власть постоянно напоминала духовной, что обязанность вразумлять заблуждающихъ лежитъ на пастыряхъ церкви, хотя сама продолжала по прежнему держать расколъ въ своихъ рукахъ,—мы встрѣчаемъ и бо́льшее, сравнительно съ прежнимъ временемъ, число распоряженій св. Сунода по расколу, и бо́льшее количество книгъ, написанныхъ для вразумленія заблуждающихъ, и, наконецъ, больше любви къ заблуждающимъ въ этихъ книгахъ. Распоряженія св. Сунода, изданныя въ этотъ періодъ времени, обнимаютъ вопросъ о расколѣ въ такой полнотѣ, что если бы всѣ они были приведены въ исполненіе,—расколъ по своему объему и содержанію былъ бы далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ настоящее время. Каковы должны быть священники въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, какъ они обязаны вести себя въ отношеніи къ заблуждающимъ, чтобы могли пріобрѣсть вліяніе на нихъ, какъ должны совершать службу, вести бесѣды съ раскольниками, что̀ обязаны дѣлать для предохраненія православныхъ отъ совращенія въ расколъ,—обо всемъ этомъ есть самыя точныя наставленія въ указахъ св. Сунода. Не разъ также св. Сунодъ указывалъ въ своихъ циркулярахъ на необходимость увеличенія въ епархіяхъ, зараженныхъ расколомъ, числа храмовъ, улучшенія быта причтовъ въ раскольническихъ

[1] Собран. пост. по ч. раск. стр. 345.

приходахъ, строгаго надзора за ними епархіальныхъ архіереевъ, новаго изданія книгъ, написанныхъ въ обличеніе раскольниковъ и оказавшихъ болѣе дѣйствія,—для снабженія ими церквей и училищъ и для продажи за дешевую цѣну въ народѣ, и проч. и проч. Однимъ словомъ, со времени Екатерины II и до нашихъ дней, церковное правительство, въ видахъ ослабленія раскола, дѣлало все, что̀ было въ его власти и средствахъ. Къ сожалѣнію, указы св. Сѵнода сами по себѣ не могли сдѣлать ничего, а исполнители этихъ указовъ часто были неискусны, или даже недѣятельны, чаще же всего, по разнымъ обстоятельствамъ, и не могли, при всемъ желаніи, исполнять того, что̀ предписывалось въ указахъ.

Разныя «Увѣщанія, Наставленія, Бесѣды» и другія книги, писанныя въ наученіе раскольниковъ въ послѣднее столѣтіе, также вещь сама по себѣ хорошая; но чтобы эти книги могли научить заблуждающихъ истинѣ, необходимо, чтобы онѣ читались раскольниками; а этого-то всего болѣе и избѣгаютъ ревнители старины—не только потому, что считаютъ грѣхомъ взять въ руки «никоніанское» сочиненіе изъ опасенія заразиться содержащимися въ немъ ересями, не только потому, что, живя по разнымъ захолустьямъ необъятной Россіи и не читая газетныхъ объявленій о выходѣ въ свѣтъ новыхъ изданій, большинство раскольниковъ часто и не знаетъ, что объ нихъ заботятся и пишутъ для вразумленія ихъ книги, но всего болѣе отъ того, что масса заблуждающихъ не умѣетъ и читать разныхъ «Увѣщаній и Бесѣдъ».

Но тогда, какъ сочиненія православныхъ полемиковъ противъ раскола большею частію не доходили

по назначенію, въ самомъ расколѣ шла неустанная работа въ пользу «древняго благочестія» и противъ «никоніанскихъ новшествъ», являлись цѣлыя сотни и даже тысячи книгъ, авторы которыхъ не только доказывали справедливость «древле-церковнаго содержанія», но нерѣдко съ изумительнымъ искуствомъ и безпощадною сатирою осмѣивали разные «Жезлы правленія, Увѣты, Пращицы, Обличенія» и т. п. ([1]). И хотя сочиненія вожаковъ раскольническихъ не печатались, а только переписывались, и слѣдовательно пріобрѣтеніе ихъ было весьма затруднительно; тѣмъ не менѣе нельзя сказать, что въ средѣ заблуждающихъ было больше православныхъ сочиненій—печатныхъ, чѣмъ раскольническихъ-рукописныхъ. Мало этого: неизвѣстно по какимъ причинамъ, книги, писанныя противъ раскола, всегда составляли рѣдкость не только для раскольниковъ, на что иногда жаловались болѣе благомыслящіе изъ нихъ ([2]), но даже и для самихъ православныхъ. И такъ было не только въ прошломъ столѣтіи ([3]), но и во времена, ближайшія къ намъ. Въ 1835 году томскій преосвященный просилъ св. Сѵнодъ снабдить его слѣдующими, необходимо нужными, какъ выражался онъ, для обращенія раскольниковъ въ православіе, книгами: Камнемъ вѣры, Пращицей, Жезломъ, Увѣтомъ и Обличеніемъ неправды раскольнической; книги были посланы—по 1 экземпляру каждая, но на покупку ихъ св. Сѵнодъ употребилъ 107 р. ([4]). Можно судить по

([1]) Сборн. Попова т. 2, вып. V, №№ 214—15, 284, 399, 507, 581 и др.

([2]) Обзор. Филар. т. 2, стр. 34.

([3]) Собр. постан. по ч. раск. кн. I, стр. 689.

([4]) Собр. постан. по ч. раск. кн. 2, стр. 288—9.

этой цѣнѣ, какъ рѣдки были эти книги. Въ 1839 г. преосвященный митрополитъ Петербургскій Серафимъ представлялъ св. Сѵноду, что книгу: «Увѣщаніе во утвержденіе истины», написанную митрополитомъ Платономъ, «по содержащимся въ ней правымъ изложеніямъ высокихъ истинъ св. православной восточно-каѳолической церкви и по убѣдительнымъ доводамъ къ вразумленію чуждающихся оной», полезно было бы «*распространить между духовенствомъ и мірянами* съ спасительною цѣлью утвержденія вѣры» ([1]). А между тѣмъ это—одно изъ самыхъ лучшихъ сочиненій, когда либо писанныхъ противъ раскола. Въ 1853 году самъ св. Сѵнодъ заявилъ, что нужно новое изданіе книгъ, изданныхъ въ прежнее время «въ обличеніе раскола и оказавшихъ болѣе дѣйствія, для снабженія таковыми книгами церквей и училищъ, и для продажи за дешевую цѣну въ народѣ» ([2]). И однако же и послѣ этого недостатокъ въ подобныхъ книгахъ чувствовался. Въ 1855 году преосвященный Камчатскій входилъ представленіемъ въ св. Сѵнодъ, прося его «выслать ему книги, дающія вѣрное понятіе о расколѣ и служащія къ обличенію онаго» ([3]).

Если же ко всему сказанному мы прибавимъ, что рука объ руку съ письменною пропагандою раскола идетъ, во все время его двухвѣковаго существованія, непрестанная пропаганда устная, что вожди раскольническіе, съ цѣлію привлечь на свою сторону православныхъ, употребляютъ самые разнообразные и всегда, по внѣшности по крайней мѣрѣ, почтенные спо-

([1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 361.
([2]) Тамъ же стр. 527.
([3]) Тамъ же стр. 619—20; снес. стр. 547, 553, 807, 818—19 и др.

собы.—«всельшеся въ кой либо домъ, скажемъ словами св. Димитрія Ростовскаго, которыя служатъ вѣрной характеристикой и современныхъ намъ проповѣдниковъ древняго благочестія, являютъ благоговѣнство веліе, и словомъ и нравомъ показующеся быти Божіи рабы, святи, и праведни, и преподобни, — приносятъ съ собою свой хлѣбъ, и ничто же хотятъ вкусити отъ предлагаемыхъ имъ снѣдей, дондеже прельстятъ на свое зловѣріе дому того, — не вкушаютъ убо брашенъ ихъ, ово аки скверными гнушающеся, ово же постничество свое являюще, и постятся до вечера, или черезъ день и болѣе, мало вкушающе отъ принесеннаго съ собою хлѣба, продолжаютъ молитву свою прилежную къ Богу со умиленіемъ... предлагаютъ чтеніе книжное... бесѣдуютъ же къ слушающимъ ихъ со воздыханіемъ и умиленіемъ и слезами, весь образъ святыни, вся дѣла богоугожденія являютъ» (¹); между тѣмъ какъ наши православные священники въ былыя, хотя и недавнія, времена или ничего не проповѣдывали, или проповѣдывали такъ витіевато, что ихъ никто не понималъ, а посѣщая домы православныхъ, вмѣсто того, чтобы учить ихъ уму-разуму и тѣмъ предохранять ихъ отъ раскола, являлись только, по выраженію одного указа, «храбры къ питью» (²) и своимъ поведеніемъ «наводили нареканія на чинъ духовный (³)», а входя въ домы раскольниковъ, брали только съ нихъ деньги, если же раскольники не принимали непрошеныхъ гостей, ломали у нихъ ворота, двери, окна—такъ, что въ 1767 г.

(¹) Розыск. стр. 559.

(²) П. С. З. т. VI, стр. 707; лѣтоп. русск. литер. Тихонрав. т. I, смѣсь, стр. 197—8; Увѣщ. М. Платона л. 49.

(³) П. С. З. т. XIX, № 13905.

св. Сvнодъ вынужденъ былъ «обязать священниковъ подпискою, чтобы они къ раскольникамъ въ домы, безъ требованія ихъ, ни подъ какимъ видомъ не ходили и ничего не предпринимали, а наипаче обидъ и притѣсненія отнюдь не чинили» (¹),—если возьмемъ во вниманіе все это, тогда поймемъ, что и со временъ Екатерины II до конца прошлаго царствованія въ дѣйствіяхъ нашего духовенства было не мало такого, что не только не располагало раскольниковъ къ сближенію съ церковію, но еще болѣе удаляло ихъ отъ православной іерархіи.

Странно было бы обвинять наше духовенство за то, что оно до послѣдняго времени не учило раскольниковъ истинѣ, а только брало съ нихъ деньги; оно и не могло вступать въ бесѣды о вѣрѣ съ заблуждающимися, потому что по разнымъ обстоятельствамъ само не знало, въ чемъ заключается доктрина раскольничья. Многіе священники наши, особенно въ прошломъ столѣтіи, были люди простые, знавшіе только читать и писать; такимъ пастырямъ церкви, разумѣется, было не до полемики съ раскольниками, между которыми встрѣчаются люди огромной начитанности и рѣдкаго знакомства съ памятниками нашей старины. Эти простые пастыри иногда были такъ просты, что вѣрили даже внушеніямъ раскольниковъ, будто церковь православная перестала быть истинною, и на этомъ основаніи бросали свои приходы и переходили въ расколъ. Другіе, получавшіе санъ священства по окончаніи семинарскаго курса, знали кое-что, изучали на школьной скамьѣ древніе языки, разнаго рода богословскія науки, физику, даже

(¹) Собр. пост. по ч. раск. кн. I, стр. 638.

естественную исторію и медицину, только не слышали ни слова о русскомъ, по выраженію Посошкова, «дурацкомъ» расколѣ и его ученіи. Значитъ, и этимъ «ученымъ» проповѣдникамъ православной истины, при встрѣчѣ и собесѣдованіи съ раскольниками, приходилось или терпѣть пораженіе, или, во избѣжаніе подобнаго скандала, вовсе не вступать въ споръ съ «неуками». Поэтому, подобные пастыри всячески старались избѣгать раскольничьихъ приходовъ — такъ, что епархіальные архіереи иногда вынуждены бывали прибѣгать къ разнаго рода «пастырскимъ убѣжденіямъ», чтобы расположить «благонадежныхъ» священниковъ принять перемѣщеніе въ раскольничьи приходы «по долгу послушанія и ради пользы общественной» ([1]). Если же иногда и встрѣчались въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, пастыри церкви, которые, помня свои обязанности, рѣшались бороться съ заблуждающими словомъ истины,—раскольники умѣли скоро отдѣлываться отъ такихъ безпокойныхъ священниковъ. Составивъ убѣжденіе, будто со временъ Петра I, уничтожившаго патріаршество и учредившаго св. Сѵнодъ, «вся воля отъяся отъ духовныхъ гражданскою властію»—такъ, что духовная власть ничего не можетъ дѣлать безъ позволенія свѣтской ([2]), и въ тоже время зная по опыту, какъ милостивы бываютъ къ ревнителямъ старины разнаго рода «господа, чрезъ даянія ихъ не скудная», раскольники, чтобы избавиться отъ ревностныхъ пастырей, обращались къ свѣтскимъ властямъ съ горько-слезными жалобами на притѣсненія, при чемъ «чинили иногда

([1]) Собр. постан. по ч. раск. кн. 2, стр. 298.

([2]) Кельсіев. 4, стр. 265—6.

доступательство до самыхъ высокихъ персонъ» ([1]), и всегда почти успѣвали въ томъ, что ревностные пастыри получали приказаніе быть осторожнѣе, или даже подъ благовидными предлогами переводились на другія мѣста.

Что же касается потворства раскольникамъ со стороны духовенства, разумѣется, недароваго, на что̀ такъ любятъ указывать разные благожелатели церкви, то объяснить это злоупотребленіе еще легче. Прежде всего—въ то время, когда сборъ съ раскольниковъ двойнаго оклада находился въ рукахъ церковной власти, и приходскому духовенству позволено было пользоваться кое-какими крупицами отъ заблуждающихъ. «Съ обрѣтающихся въ приходахъ раскольниковъ, читаемъ въ указѣ св. Сѵнода отъ 15 мая 1722 года,брать приходскимъ ихъ священникамъ съ причетниками, со всякаго раскольничьяго двора по гривнѣ съ души въ годъ, а сверхъ того, отъ рожденія гривна, отъ женитьбы гривна, отъ погребенія гривна» ([2]). Этотъ указъ въ 1729 году былъ подтвержденъ и свѣтскою властію ([3]). Значитъ, поборы духовенства съ раскольниковъ имѣли когда-то легальное основаніе. Далѣе,—всякому извѣстно, въ какой бѣдности находится большая часть нашихъ священниковъ, особенно сельскихъ; а голодный, по словамъ Татищева, хотя бы и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ ([4]), особенно если этотъ кусокъ ему предлагаютъ. Правда, власть старалась улучшить

([1]) Есипов. т. I, стр. 304—7; собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 35, 290—4 и др.

([2]) Собр. пост. по ч. раск. кн. I, стр. 38; свес. стр. 82.

([3]) Тамъ же, стр. 207—8.

([4]) Татищев. и его время, стр. 226—7.

положеніе духовенства въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ ([1]); но это улучшеніе было такъ условно и незначительно, что немного помогало дѣлу. Въ 1829 году правительство объявило, что «обратившій къ церкви значительное число раскольниковъ можетъ быть сопричисленъ къ ордену св. Анны» ([2]); но во первыхъ, отъ возможности до дѣйствительности очень далеко, а во вторыхъ—лестна ли подобная честь тому, кому нечего ѣсть? ([3]).

Съ начала 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія церковная власть по нѣкоторымъ обстоятельствамъ обратила на расколъ самое серьезное вниманіе; учреждены были при академіяхъ и семинаріяхъ, такъ называемыя, миссіонерскія отдѣленія, назначены были по епархіямъ, гдѣ особенно силенъ расколъ, нарочитые миссіонеры изъ лучшихъ священниковъ, сдѣланы были и другія распоряженія въ томъ же духѣ. Къ сожалѣнію, миссіонерскія отдѣленія при семинаріяхъ по обстоятельствамъ были такъ поставлены, что ожидать отъ нихъ особенной пользы для православія въ борьбѣ его съ расколомъ было нельзя. Вѣроятно сознаніе этого и было причиной того, что новый семинарскій Уставъ снялъ съ этихъ отдѣленій оффиціальную ферулу и предоставилъ изученіе раскола въ каждой семинаріи мѣстнымъ средствамъ и мѣстному благоусмотрѣнію. Молимъ Бога, чтобы средства нашлись и благоусмотрѣніе явилось. Иначе расколъ, особенно при томъ гражданскомъ строѣ, какой дается нашему

([1]) Собр. постан. по ч. раск. кн. 2, стр. 298.

([2]) Тамъ же стр. 228; снес. стр. 651.

([3]) О духовенствѣ см. въ собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 121, 168—9. 284, 298, 324, 364, 515, 528, 548, 576, 594—5, 700—1, 735, 755, 762, 797 и др.; Увѣщ. М. Платона л. 79.

отечеству реформами нынѣшняго царствованія, когда наприм. крестьянина уже не можетъ болѣе удерживать при церкви власть помѣщика, и на будущее время будетъ рости, а не уменьшаться. Что же касается *особыхъ* миссіонеровъ противъ раскола, то первоначальное учрежденіе этой должности было вызвано случайными обстоятельствами—желаніемъ св. Сvнода, не ожидая приготовленія опытныхъ для борьбы съ расколомъ священниковъ въ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ, на что требовалось не мало времени, имѣть поскорѣе готовыхъ дѣятелей противъ заблуждающихъ ([1]), и, какъ показалъ опытъ, не принесло никакой пользы православію ([2]); такъ какъ раскольники питаютъ, по заявленію епархіальныхъ архіереевъ, «особое отвращеніе» къ миссіонерамъ ([3]). Поэтому можно надѣяться, что должность *особыхъ* миссіонеровъ въ епархіяхъ просуществуетъ не долго, а скорѣе позаботятся о томъ, чтобы всѣ наши священники, каждый въ своемъ приходѣ, были способны къ исполненію миссіонерскихъ обязанностей, кому встрѣтится въ томъ надобность.

Итакъ, подумаетъ кто либо послѣ всего сказаннаго, въ томъ, что расколъ доселѣ ущеcтвуетъ и даже увеличивается въ числѣ своихъ послѣдователей, виноваты свѣтская власть и духовенство,—первая тѣмъ, что вмѣшалась не въ свое дѣло, послѣднее—тѣмъ, что не дѣлало своего дѣла надлежащимъ порядкомъ.

Не судите, да не судими будете. Изъ того, что мы сказали, видно, какая доля вины принадлежитъ свѣт-

[1]) Собран. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2. стр. 517—50.
[2]) Тамъ же стр. 806—7.
[3]) Тамъ же стр. 350 и 740.

скому правительству и духовенству—въ томъ, что въ теченіе двухъ вѣковъ мы не съумѣли примирить съ собою своихъ братій по вѣрѣ и крови; но изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы тотъ же грѣхъ въ большей или меньшей степени не лежалъ и на всѣхъ насъ,—на всемъ православномъ обществѣ.

Не станемъ говорить о прошломъ, когда свѣтская власть, сосредоточивъ все въ своихъ рукахъ, не любила, чтобы общество принимало участіе въ ея распоряженіяхъ и дѣлахъ, и когда въ частности расколъ составлялъ непроницаемую тайну, съ которою вѣдались однѣ только канцеляріи и вообще—лица оффиціальныя. Обратимся къ настоящему времени, когда волею Державнаго Монарха къ устройству дѣлъ общественныхъ призваны всѣ земскія силы и когда слѣдовательно общество не только можетъ, но и обязано обсуждать и такъ или иначе рѣшать вопросы, которыми оно интересуется. Что же мы видимъ въ дѣятельности нашего земства относительно вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, т. е. раскола? Сколько намъ извѣстно, ни одно земское собраніе даже и не намекнуло на то, что наши заблуждающіе братья—дороги ему, что отдѣленіе ихъ отъ церкви безпокоитъ его, что особое положеніе ихъ въ государствѣ, вредное для самаго православнаго общества, озабочиваетъ его. Нельзя сказать, чтобы лица, съ такимъ равнодушіемъ относящіяся къ расколу, могли съ спокойною совѣстію бросать въ кого либо камнемъ за то, что расколъ существуетъ и даже увеличивается.

Въ настоящее царствованіе, благодаря новымъ законамъ о печати, можно не только писать книги о расколѣ, но и печатать ихъ безъ цензуры. Что же?

воспользовалось-ли общество въ лицѣ своихъ представителей мысли этимъ новымъ правомъ и поспѣшило-ли честно, добросовѣстно указать заблуждающимъ путь къ болѣе разумной и правильной жизни, объяснивъ ихъ недоразумѣнія, успокоивъ ихъ сомнѣнія, подавъ имъ надежду на лучшее будущее? Да, въ последніе 10—13 лѣтъ и свѣтская литература стала говорить о расколѣ; но что̀ мы находимъ въ сочиненіяхъ этого рода? За исключеніемъ немногихъ лицъ, большая часть свѣтскихъ писателей разглагольствуютъ въ своихъ сочиненіяхъ главнымъ образомъ о томъ, что духовная наука доселѣ не понимала раскола и смотрѣла не него односторонне, «занимаясь преимущественно схоластическими словопреніями о сложеніи перстовъ, о хожденіи посолонь» и проч. ([1]), или излагая дѣло пристрастно, неумѣренно и несдержанно въ тонѣ ([2]), что религіозныя вѣрованія раскольниковъ, которыми, замѣтимъ, они дорожатъ, какъ святынею,—пусты, невѣжественны, противны здравому смыслу и могутъ быть объяснены только религіозной маніей, зависящей отъ простуды ([3]), что расколъ держится и одушевляется не религіозными своими убѣжденіями, которыя иногда выставляетъ на видъ, какъ маску, а стремленіями другаго рода,—хотя эти стремленія и не указываются опредѣленно, или иногда указываются такія, отъ которыхъ раскольники чураются, какъ отъ привидѣній, и считаютъ долгомъ печатно протестовать противъ непрошенныхъ своихъ учителей,—что наконецъ главное средство къ приведе-

(1) Письм. Мельников., стр. 3.
(2) Андреева, раскол., стр. 389.
(3) Тамъ же стр. 1 и 371—6.

нію заблуждающихъ на путь истины состоитъ не въ разъясненіи ихъ религіозныхъ недоумѣній, не въ успокоеніи ихъ немощной совѣсти, а въ школахъ, но такихъ, гдѣ-бы духовенству, псалтири, катехизису и др. не было мѣста, но гдѣ процвѣтали бы физика, естественныя науки и под. Что же касается вопроса объ отношеніи свѣтскаго правительства къ расколу, то тогда какъ одни изъ свѣтскихъ писателей по прежнему требуютъ если не костровъ и срубовъ, такъ по крайней мѣрѣ самаго строгаго и бдительнаго надзора полиціи за этою стоглавою гидрою ([1]), - другіе проповѣдуютъ полное невмѣшательство свѣтской власти въ дѣла раскола, если бы даже фанатики стали сожигаться и уродовать себя и другихъ ([2]). Не думаемъ, чтобы общество могло поставить себѣ въ особенную заслугу подобнаго рода литературные труды по предмету раскола; трудно согласиться и съ тѣмъ, чтобы раскольники, читая такіе *новые* взгляды представителей мысли православнаго общества на причины отдѣленія ихъ отъ церкви, почувствовали особенное желаніе сблизиться съ этимъ обществомъ.

Но есть еще одна сторона дѣла, которая показываетъ, что никто изъ насъ не въ правѣ умыть руки предъ раскольниками и сказать: «я не виноватъ въ вашихъ заблужденіяхъ и въ томъ, что вы доселѣ не можете примириться съ церковію и православнымъ обществомъ и въ слѣдствіе этого терпите разнаго рода невзгоды». Охрана вѣры, писали восточные патріархи въ отвѣтъ на посланіе папы Пія IX, охрана догмата заключается въ цѣломъ народѣ церковномъ.

([1]) Ze Rascol. . Русск. духов., Берлинъ, стр. 44.

([2]) Кельсіев. I, XXVIII.

А если такъ, то, значитъ, обязанность предохранять отъ заблужденій раскола массы православнаго населенія и приводить въ ограду церкви самихъ раскольниковъ лежитъ не на одной іерархіи, не на одномъ духовенствѣ, а на всемъ православномъ обществѣ, которое, въ предѣлахъ предоставленнаго ему права, не только можетъ, но и обязано содѣйствовать пастырямъ церкви въ охраненіи интересовъ православія. А между тѣмъ, кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ сознаетъ это назначеніе свое, какъ члена церкви, и по мѣрѣ силъ старается быть вѣрнымъ ему? Мало этого: до послѣдняго времени духовенство не только не находило себѣ сочувствія и поддержки со стороны общества въ дѣлѣ вразумленія заблуждающихъ,—часто оно встрѣчало одни только препятствія на этомъ пути.

Вотъ священникъ старается доказать раскольнику, что изъ-за двуперстія не слѣдуетъ удаляться отъ церкви, что троеперстіе, содержимое православными, древнѣе и правильнѣе двуперстія; а раскольникъ, оставивъ въ сторонѣ и троеперстіе и двуперстіе, указываетъ пастырю церкви на то, что православные и троеперстіемъ-то не хотятъ совершить крестнаго знаменія, какъ слѣдуетъ, и только «махаютъ рукою сѣмо и овамо, чему бѣси радуются» ([1]). Вотъ раскольнику говорятъ, что всѣ его внѣшнія дѣйствія: колѣнопреклоненія на молитвѣ, строгіе посты и проч., не могутъ имѣть цѣны предъ Богомъ, такъ какъ совершаются не въ союзѣ съ церковію; а онъ съ злою усмѣшкою спрашиваетъ: «а развѣ стоять въ храмѣ болваномъ, безчинно и безъ страха, смѣясь и разговаривая, рукою подпершись, ногу откинувши, или

[1] Цвѣтн. кн. 6, л. 4; снес. Стогл. гл. 31.

ѣсть въ посты млеко и мясо, не разсуждая о постнаго храненія, какъ дѣлаютъ это ваши—церковные, можно и это угодно Богу?» Вотъ приходскій священникъ приглашаетъ раскольника въ храмъ Божій, чтобы онъ посмотрѣлъ православное богослуженіе и убѣдился, что въ немъ нѣтъ ничего антихристіанскаго; а тотъ полу-шутя, полу-серьозно, отвѣчаетъ: «и радъ бы, батюшка, да храмъ-то больно далеко, верстъ 20 будетъ, да говорятъ, въ немъ и стоять-то нельзя, – вѣтеръ дуетъ, снѣгъ чрезъ разбитыя стекла несетъ, отъ мороза дрожь пробираетъ... нѣтъ ужъ, служи ты въ немъ со своими-то; имъ, можетъ, и сподрученъ такой холодъ, а мы привыкли въ часовняхъ къ теплу, да и дома дѣло стало». Вотъ священникъ доказываетъ Ѳедосѣевцу, что ученіе его объ обязательномъ для всѣхъ безбрачіи—несправедливо и ведетъ къ нарушенію цѣломудрія, а онъ, съ ядовитою улыбкою, отвѣчаетъ: «ты вѣрно, батюшка, по своимъ судишь; у васъ завѣдомо существуютъ развратные домы, а у насъ, слава Богу, этой мерзости нѣтъ» (1). Кто виноватъ во всѣхъ этихъ упрекахъ, которые слышатся со стороны раскола православному обществу и которые препятствуютъ раскольникамъ признать церковь православную истинною? А эти упреки не-единственные. Кто знакомъ съ раскольничьей литературой, или велъ съ раскольниками живую бесѣду, тотъ знаетъ, что раскольники смущаются и нашими церковными собраніями, въ которыхъ, вопреки слову апостола (2), женщины часто стоятъ съ непокрытыми головами и одѣтыя до того щегольски, что щепетильной совѣсти

(1) Апологъ. раск. у Пареен. стр. 50.
(2) 1 Кор. 11, 4 и 5.

раскольниковъ онѣ представляются собравшимися не въ храмъ—для молитвы, а на балъ—для «богомерзскихъ танцевъ»,—и тѣмъ, что у насъ «комеди, оперы, маскарады творятъ *противу воскресныхъ дней и прочихъ господскихъ праздниковъ»*, и нѣкоторые изъ православныхъ «проводятъ всю нощь въ таковой бѣсовской потѣхѣ»,—что многіе «нынѣшніе господа изъ домовъ своихъ иконы древнія выносятъ, вмѣсто же ихъ картины скверныхъ еллинскихъ богъ написуютъ, аще же гдѣ иконы и обрѣтаются, то точію по единой, и сіи не поставлены благочинно, но повѣшены, яко же у иконоборцевъ», и притомъ иконы эти часто написаны бываютъ «дебело и развращенно, — нагія и обнаженныя, срамныя и очесемъ цѣломудреннымъ вредительныя», иногда даже «пречистая Богородица» изображена бываетъ «съ распростертыми власы и въ нѣмецкомъ платьѣ», а «Спасовъ образъ Еммануила— брюхатъ и толстъ, яко нѣмчинъ, лишь сабли при бедрѣ не написано»,—что мы — православные, вопреки соборнымъ правиламъ, имѣемъ общеніе съ иновѣрцами не только въ пищѣ и питьѣ, но даже въ молитвѣ, и проч. и проч. (¹). Пусть говорятъ, что въ подобныхъ упрекахъ со стороны раскола слышится невѣжество, обскурантизмъ и под.,—каждый мѣритъ на свой аршинъ,—а раскольники, какъ извѣстно, на все смотрятъ съ точки зрѣнія нравственно-религіозной и церковной; но если всѣ указанные обычаи и порядки православнаго общества соблазняютъ немощную совѣсть раскольниковъ и служатъ одною изъ многихъ причинъ отдѣленія ихъ отъ церкви, долгъ общества—или постараться развить религіозное сознаніе заблуждаю-

(¹) Хр. Чтен. 1863 г. ч. 1, стр. 27—96.

щихъ до того, чтобы они перестали злоупотребленія частныхъ лицъ ставить въ вину цѣлому обществу, а тѣмъ болѣе—въ вину церкви, не имѣющей въ своемъ распоряженіи средствъ къ искорененію злоупотребленій жизни гражданской и общественной, — или оставить эти обычаи, особенно, если совѣсть находитъ въ нихъ несоотвѣтствіе тѣмъ началамъ, которыя должны проникать всю жизнь и поведеніе Христіанскаго православнаго общества,—или по меньшей мѣрѣ сознаться, что не одно духовенство и власть свѣтская виноваты въ томъ, что расколъ существуетъ вотъ уже болѣе 200 лѣтъ и не только не ослабѣваетъ, но даже увеличивается въ числѣ своихъ послѣдователей, но что грѣхъ этотъ лежитъ и на всѣхъ насъ, какъ членахъ православнаго общества и сынахъ церкви. Однимъ словомъ: если православное общество искренно желаетъ уничтожить тотъ антагонизмъ, какой существуетъ между нимъ и расколомъ и который препятствуетъ Руси православной идти по пути прогресса общими, совокупными силами всѣхъ членовъ дорогаго нашего отечества,—долгъ его—принять самое живое и дѣятельное участіе въ заботахъ церкви о просвѣщеніи заблуждающихъ свѣтомъ истины и общими силами стараться объ исцѣленіи болѣзни, дурныя послѣдствія которой тяжело отзываются на всемъ тѣлѣ церкви и на всемъ организмѣ государственномъ.

И такъ въ томъ, что расколъ дожилъ до 200-лѣтняго юбилея и даже не одряхлѣлъ въ теченіе двухъ вѣковъ, больше, или меньше, мы всѣ виноваты. А если такъ, то на всѣхъ же насъ лежитъ обязанность позаботиться и о томъ, чтобы этотъ почтенный, но еще не обезсилѣвшій, старикъ перестал дичиться право-

славнаго общества, усвоившаго себѣ нѣкоторыя, не-нравящіяся старикамъ, новизны, и, соединившись съ нимъ, пошелъ одною и тою же дорогою въ жизни церковной, государственной и общественной, привнеся такимъ образомъ въ среду православнаго населенія свои многомилліонныя силы, свою вѣковую опытность и свои громадныя средства. Что же нужно сдѣлать для этого? Отвѣтъ на этотъ вопросъ такъ сложенъ, что мы отлагаемъ его до другаго времени.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е. Смирнов

Письма из Нью-Йорка

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 3. С. 564-575.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ПИСЬМА ИЗЪ НЬЮ-IОРКА.

Письмо третье [1] и четвертое.

Что сказать о себѣ, о своей церкви? Богослуженіе совершается въ ней каждый воскресный и праздничный день. Посѣтителей за каждымъ Богослуженіемъ круглымъ числомъ бываетъ до 25; въ Рождество Христово ихъ было болѣе 40. Число лицъ нашего прихода до этихъ поръ нельзя еще опредѣлить съ точностію. Къ намъ постоянно являются новые сочлены православной церкви, живущіе или въ самомъ Нью-Iоркѣ, или въ его окрестностяхъ. По всей вѣроятности, съ великимъ постомъ, когда всѣ живущіе здѣсь православные сочтутъ своею обязанностію исповѣдаться и и причаститься св. таинъ, число это опредѣлится. Во всякомъ случаѣ, мы насчитываемъ уже около ста человѣкъ, принадлежащихъ къ нашей церкви. У насъ начались и требы; такъ, въ одно изъ послѣднихъ воскресеній была крещена въ нашей церкви дочь проживающаго здѣсь грека. Еще до моего прибытія въ Нью-Iоркъ, о. Біеррингъ совершилъ здѣсь бракосочетаніе одного русскаго съ русскою же.

Двѣ недѣли тому назадъ церковь наша была фотографически снята однимъ изъ художниковъ, работающихъ при «Frank Leslies illustrated paper». Чрезъ нѣсколько времени гравюра съ фотографіи будетъ по-

[1] Изъ третьяго письма здѣсь помѣщается извлеченіе. *Ред.*

мѣщена въ названной иллюстрированной газетѣ; помѣщена будетъ вмѣстѣ и гравюра о. Біерринга.

7-го января, въ газетѣ «Sun», была помѣщена статья о праздновании въ нашей церкви Рождества Христова. Въ ней вкратцѣ описана совершенная въ тотъ день литургія и высказано большое сочувствіе тому, что православная церковь не лишаетъ дѣтей св. причащенія. Авторъ цитируетъ слова Спасителя и другія мѣста изъ св. Писанія, чтобы доказать необходимость причащенія дѣтей, и тѣмъ хочетъ оправдать установленіе нашей церкви. Оканчивая статью, онъ замѣчаетъ, что «православной церкви предлежитъ въ Америкѣ въ недалекомъ будущемъ обильная жатва»... Жатва, дѣйствительно, предстоитъ ей обильная. Съ общимъ религіознымъ движеніемъ, обхватывающимъ все болѣе и болѣе народонаселеніе Америки, съ распространеніемъ въ здѣшнихъ газетахъ благопріятныхъ извѣстій объ открытіи нашей домовой православной церкви, о совершеніи въ ней Богослуженія, и т. д., о. Біеррингъ сталъ получать письма отъ священно- и церковнослужителей епископальной и католической церквей изъ различныхъ частей Америки, письма, въ которыхъ лица эти заявляютъ о желаніи сблизиться съ православною церковью. Къ сожалѣнію до времени намъ нельзя будетъ дать объ этомъ дѣлѣ болѣе подробныхъ извѣстій. Чѣмъ кончится начинающееся здѣсь дѣло, не знаемъ... всю свою надежду мы возлагаемъ на милосердіе Божіе и ежедневныя молитвы всей православной церкви о соединеніи святыхъ Божіихъ церквей.

Нью-Іоркъ.
20 января 1871 г.

—

Переводъ литургіи св. Іоанна Златоустаго приведенъ наконецъ къ концу и отпечатанъ. Въ послѣднее воскресенье, т. е. 31 января (12 февраля), и въ Срѣтеніе мы правили по нему свое Богослуженіе. Настоящій переводъ даетъ намъ удобный случай сказать нѣсколько словъ о прежде сдѣланныхъ переводахъ литургіи св. Златоуста на англійскій языкъ, о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ; это тѣмъ болѣе необходимо, что только посредствомъ подобнаго обозрѣнія можетъ быть понята та цѣль, какую имѣлъ при своемъ переводѣ о. Біеррингъ.

Всѣ прежніе переводы литургіи св. Златоуста на англійскій языкъ сдѣланы были духовными лицами англиканской епископальной церкви. Чтобы ближе познакомиться съ православною церковью, они прибѣгали къ всевозможнымъ средствамъ; въ то время какъ одни изъ нихъ путешествовали по востоку, чтобъ въ самомъ центрѣ православной жизни лучше высмотрѣть и освоиться съ особенностями православной церкви, другіе занялись изученіемъ исторіи церкви первыхъ вѣковъ, изданіемъ твореній св. отцовъ, актовъ соборныхъ, изученіемъ исторіи православной церкви въ Россіи, ея учрежденій, способовъ управленія, и т. д.; иные же изъ нихъ занялись, наконецъ, переводомъ Богослуженія православной церкви на родной языкъ, или даже—сравнительнымъ изложеніемъ и оцѣнкой всѣхъ дошедшихъ до настоящаго времени литургій первенствующей церкви. Первый изъ подобныхъ обширныхъ трудовъ принадлежитъ Iohn Glen King, бывшему во второй половинѣ прошлаго столѣтія капелланомъ англиканской церкви въ Петербургѣ. Живя долгое время въ нашей столицѣ, онъ хорошо ознакомился

съ нашимъ славяно-русскимъ языкомъ, что дало ему возможность заняться переводомъ Богослуженія православной церкви на языкъ англійскій, именно съ славянскаго языка. и затѣмъ изучить самую исторію Русской церкви. Плодомъ его занятій является изданный имъ въ Лондонѣ въ 1772 году большой томъ (около 500 страницъ in-quarto) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «The Rites and ceremonies of the Greek Church, in Russia; containing an account of the doctrine, worship and discipline». Книга эта, которая, нужно сказать, пользуется большею популярностью между англиканскими теологами, не только Англіи, но и Америки, составляетъ нѣчто въ родѣ православно-церковной энциклопедіи на англійскомъ языкѣ. Изложивъ въ краткомъ видѣ исторію введенія въ Россіи Христіанства при св. Владимірѣ, онъ переходитъ къ раскрытію догматовъ греко-славянской церкви; затѣмъ, описавъ внѣшній и внутренній видъ православнаго храма со всѣми его принадлежностями для Богослуженія, онъ останавливается на самомъ Богослуженіи. Раскрывъ первоначально теорію, такъ сказать, Богослуженія, его общую схему, онъ излагаетъ или лучше предлагаетъ въ переводѣ частные виды православнаго Богослуженія: вечерню, утреню, литургію св. Іоанна Златоустаго, всѣ таинства и т. д. Свой трудъ King заключаетъ изложеніемъ краткой исторіи русской церкви до реформы Петра и учрежденія Св. Сvнода. Эта книга снабжена нѣсколькими рисунками церковныхъ облаченій. сдѣланными впрочемъ весьма неудачно. King посвятилъ свою книгу императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ послѣднее время, именно въ 60 годахъ англи-

канское духовенство съ особенною любовію и интересомъ останавливается на литургіяхъ восточныхъ церквей. Въ продолженіи только трехъ лѣтъ, отъ 66 года до 69, въ Лондонѣ являются цѣлыхъ два подобныхъ перевода. Въ 66 году въ Лондонѣ была издана литургія св. Іоанна Златоустаго подъ заглавіемъ: «The divine Liturgy of our father among the Saints, Iohn Chrysostom, Archbishop of Constantinopole». Тогда какъ переводъ King'а сдѣланъ съ языка славянскаго, этотъ послѣдній сдѣланъ съ языка греческаго, съ которымъ вмѣстѣ и изданъ. Это первая часть. Во второй половинѣ помѣщены чтенія Апостола и Евангелія на цѣлый годъ на праздники господскіе, богородичные и нѣкоторыхъ святыхъ. Третій переводъ, изданный въ 1869 году въ Лондонѣ, принадлежитъ I. M. Neale и R F. Littledale. Общими силами они издали литургіи св. Марка, Іакова, Климента, Златоуста, Василія Великаго и церкви въ Малабарѣ: «The Liturgies of Ss. Mark, Iames, Clement, Chrysostom and Basil, and the Church of Malabar». Книга эта снабжена обширнымъ ученымъ приложеніемъ, свидѣтельствующемъ о чисто научной цѣли, съ какою былъ предпринятъ этотъ трудъ.

Неотъемлемымъ достоинствомъ означенныхъ переводовъ служитъ то, что всѣ они выполнены съ чрезвычайнымъ стараніемъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, выполнены, нужно сказать, въ высшей степени добросовѣстно. Но въ этомъ и все ихъ достоинство. Не говоря уже о частныхъ недостаткахъ, которые неизбѣжны при всякомъ переводѣ, во всѣхъ ихъ замѣчается одинъ общій и притомъ самый существенный недостатокъ. Онъ состоитъ въ томъ, что переводчики

не уяснили себѣ и поэтому не передали въ своихъ переводахъ основной идеи православнаго Богослуженія, его духа и характера,—что, какъ извѣстно, составляетъ самую трудную задачу какого бы то ни было перевода и тѣмъ болѣе перевода церковнаго Богослуженія. Здѣсь недостаточно филологическаго знанія языковъ, филологическаго же знакомства съ священнымъ Писаніемъ, знанія исторіи постепеннаго образованія того или другаго Богослуженія: все это только косвенныя средства, которыя сами по себѣ не приведутъ еще къ желаемой цѣли. Здѣсь нужно родиться и вырости въ «церкви», подъ непосредственнымъ ея руководствомъ, нужно сжиться съ православіемъ, проникнуться имъ до костей. Самый лучшій примѣръ для этого представляютъ просвѣтители славянъ св. Кириллъ и Меѳодій. Если дѣло ихъ велико, то велико именно тѣмъ, что они передали намъ, славянамъ, не простой переводъ только Богослуженія греческой церкви, а вмѣстѣ съ нимъ и самый духъ, идею православнаго Богослуженія. Какимъ образомъ могъ отразиться указанный недостатокъ во всѣхъ переводахъ литургіи на англійскій языкъ, понятно само собою, когда мы вспомнимъ, что всѣ они выполнены были людьми, непринадлежащими къ православной церкви, людьми для нея чуждыми по духу и характеру и руководившимися при переводѣ только научною цѣлью. Такимъ образомъ, переводы эти могутъ имѣть значеніе только въ ученомъ отношеніи, т. е. могутъ познакомить желающихъ съ порядкомъ совершенія литургіи и другихъ службъ православной церкви, могутъ передать смыслъ молитвъ и т. д.; но они далеко недостаточны для того, чтобы по нимъ можно было бы совершать самое Богослуженіе. Чтобы

удовлетворить вотъ этой-то цѣли,—чтобы перевести, такъ сказать, служебникъ, служащій не механическимъ только переводомъ извѣстныхъ молитвъ, лишенныхъ всякой внутренней связи съ цѣлымъ Богослуженіемъ, лишенныхъ одной общей, проникающей все Богослуженіе, идеи,—предпринялъ свой трудъ о. Біеррингъ. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть объясненъ его переводъ, предпринятый имъ при существованіи другихъ раньше сдѣланныхъ и, повидимому, вполнѣ удовлетворительныхъ переводовъ.

Указавъ цѣль, которою долженъ былъ руководиться при своемъ переводѣ о. Біеррингъ, перейдемъ теперь къ самому его переводу. Скажемъ прежде всего о внѣшнихъ отличіяхъ его.

Раскрытою сейчасъ цѣлію объясняется то частное обстоятельство, что переводъ о. Біерринга примѣненъ къ нашему клиру, т. е. совершителями Богослуженія является въ немъ только священникъ съ хоромъ. Вообще присутствующій въ нашей церкви иновѣрецъ, незнакомый съ нашимъ Богослуженіемъ и держащій въ своихъ рукахъ, по обычаю всѣхъ западныхъ церквей, молитвенникъ, увидитъ наглядно въ нашемъ Богослуженіи ни болѣе, ни менѣе, какъ только то, что читаетъ онъ въ своемъ молитвенникѣ. Златоустовская литургія, переведенная о. Біеррингомъ и озаглавленная «The divine Liturgy of S. Iohn Chrysostom», заключаетъ въ себѣ только вторую и третью часть литургіи св. Златоуста. Нужно впрочемъ замѣтить, что и эти части переведены еще невполнѣ; нѣкоторыхъ молитвъ, измѣняющихся при Богослуженіи, какъ-то антифоновъ, трисвятаго, и т. д. еще нѣтъ въ переводѣ. Объясняется это слѣдующимъ: Вмѣстѣ съ желаніемъ пе-

редать въ своемъ переводѣ основную идею литургіи, о. Біеррингъ руководился еще и другимъ желаніемъ. Ему хотѣлось, какъ можно скорѣе, удовлетворить насущной потребности нашего прихода, — дать всѣмъ членамъ его, и русскимъ, и грекамъ, и славянамъ, равно и иновѣрцамъ, одинаковую возможность сознательно присутствовать при Богослуженіи, понимать его. Въ этомъ отношеніи, проскомидія, совершаемая священникомъ въ алтарѣ въ тайнѣ, не такъ необходима, какъ литургія оглашенныхъ и вѣрныхъ, совершаемая для всѣхъ присутствующихъ въ слухъ. Укажемъ еще одну, весьма важную особенность настоящаго перевода. Въ немъ, на эктеньяхъ, на ряду съ прошеніями за Государя Императора и весь царствующій домъ, есть, какъ выразилась газета «Herald», «прошеніе за народъ Америки, его президента и конгрессъ». Такъ въ великой эктеньѣ читаемъ слѣдующія два прошенія: «For the President of the United States and all others in autority, and for the peace, prosperity, and welfare of the people of this land, let us make our supplications to the Lord», т. е. о президентѣ Соединенныхъ Штатовъ и о всѣхъ прочихъ властяхъ, и о мирѣ, благоденствіи, и о благосостояніи народа этой земли, Господу помолимся; и «for the Senate and Representatives of the United States in Congress assembled, and that God will so overrule all their deliberationes as shall be most for His glory and the honor of this nation, let us make our supplications to the Lord», т. е. о сенатѣ и представителяхъ Соединенныхъ Штатовъ, собранныхъ въ конгрессѣ, и да споспѣшествуетъ имъ Богъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ къ славѣ Своей и къ прославленію народа. Господу помолимся.

Въ сугубой ектиньи читаемъ слѣдующія прошенія: «Further we pray for the President of the United States, and all others in authority». т. е. еще молимся о президентѣ Соединенныхъ штатовъ и о всѣхъ прочихъ властяхъ, и «further we pray for the Senate and Representatives of the United States in Congress assembled», т. е. еще молимся о сенатѣ и представителяхъ Соединенныхъ штатовъ, собранныхъ въ конгрессѣ. Кромѣ этого, еще въ заамвонной молитвѣ есть моленіе за президента Соединенныхъ Штатовъ и за весь его народъ: «to the President of the United States, and the to all The people». Особенность эта не скрылась отъ рапортовъ американскихъ газетъ; какъ увидимъ ниже. «Herald» отъ 13-го февраля упоминаетъ о ней. Объ языкѣ перевода нью-іоркскія газеты отозвались также съ большою похвалой.

Какъ же отнеслись къ переводу о. Біерринга здѣшнія газеты? Какъ отнеслись онѣ къ служенію литургіи на англійскомъ языкѣ? Отзывы эти кратки. Отъ 13-го февраля, т. е. на другой день послѣ того, какъ въ нашей церкви въ первый разъ совершена была литургія на англійскомъ языкѣ, рапортеръ Herald-а, сказавъ, что православное Богослуженіе, до построенія въ Нью-Іоркѣ православнаго храма, отправляется въ частномъ домѣ о. Біерринга, и описавъ внѣшній видъ настоящей домовой церкви, которую онъ находитъ устроенною съ пышностью всѣхъ восточныхъ церквей, говоритъ: «Литургія превосходно (beautiful) переведена отцомъ Біеррингомъ на англійскій языкъ и содержитъ въ себѣ между прочимъ молитвы за народъ Америки, за его президента и конгрессъ. Это—прекрасная литургія, составленная св. Іоанномъ Златоустомъ, красно-

рѣчивѣйшимъ отцомъ христіанской церкви». Въ газетѣ «Sun» отъ того же числа читаемъ: «вчера былъ замѣчательный день между членами православной восточной церкви въ Америкѣ, потому что Богослуженіе было отправлено въ первый разъ на англійскомъ языкѣ. Христіанскій обычай, существующій въ церквахъ русской, александрійской, константинопольской, іерусалимской, антіохійской, смирнской и другихъ малоазійскихъ церквахъ, по которому языкъ, употребляемый въ церкви, долженъ быть господствующимъ въ странѣ, сталъ основнымъ закономъ. По этой причинѣ, Литургія св. Іоанна Златоуста превосходно переведена его преподобіемъ отцомъ Біеррингомъ, и будетъ на будущее время регулярно употребляема въ временно-домовой церкви въ Second avenue до построенія великолѣпнаго храма, начало которому положено будетъ еще въ настоящемъ году въ Lexington avenue». Не смотря на краткость этихъ замѣтокъ, обѣ означенныя газеты успѣли назвать переводъ прекраснымъ; мало того, «Sun» замѣчаетъ, что отправленіе Богослуженія 12-го февраля въ нашей церкви на языкѣ англійскомъ есть событіе замѣчательное между членами православной восточной церкви въ Америкѣ. При скупости американскихъ газетъ вообще на анализированіе фактовъ, на выводы изъ нихъ общихъ выводовъ, часто два—три слова въ газетныхъ извѣстіяхъ и замѣткахъ играютъ весьма важную роль. Такую роль играютъ, въ приведенныхъ извѣстіяхъ, слова: «beautiful» и «замѣчательный день».

Въ первомъ письмѣ я писалъ, что мѣсто для церкви куплено на имя О. Біерринга и что это сдѣлано было потому, что по американскимъ законамъ

только одно опредѣленное лице и притомъ гражданинъ Америки можетъ имѣть здѣсь поземельную собственность. Но, по устроеніи на купленномъ отъ Святѣйшаго Сунода мѣстѣ православнаго храма, очевидно, неудобно было бы и самый храмъ приписать собственности о. Біерринга. Поэтому онъ просилъ посольство и консульство представить здѣшнимъ властямъ о переводѣ купленнаго мѣста въ видѣ исключенія на имя или Святѣйшаго Сунода или посольства и консульства. Представленіе, встрѣтившее себѣ на первое время много препятствій, въ концѣ концовъ прошло весьма удачно всѣ ступени здѣшней администраціи. Въ настоящее время мѣсто считается собственностію посольства и консульства.

Отвѣтное посланіе высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго къ «возлюбленному о христѣ, достопочтѐнному комитету палаты епископовъ протестантской епископальной церкви Соединенныхъ-Штатовъ Америки» отпечатано въ переводѣ на англійскій языкъ въ газетѣ «Sun».

Религіозное движеніе, незадолго до настоящаго времени охватившее собою чуть не всю Америку,—то есть, адресы Пію и протесты противъ Виктора Эммануила, которыми въ концѣ прошлаго года и въ началѣ настоящаго были испещрены католическія газеты,—уступили въ настоящее время свое мѣсто политическимъ статьямъ и телеграммамъ. Успокоенію католиковъ не мало, впрочемъ, способствовало посланіе Папы Пія IX, присланное имъ на имя «достоуважаемаго брата, Мартина Іоанна, Архіепископа Балтиморскаго» (Venerabili Fratri. Martino Joanni. Archiepis-

copo Baltimorensi). Католики убѣдились, что его Святѣйшество приведенъ въ извѣстность объ ихъ преданности апостольскому престолу, о ихъ негодованіи противъ «разбойническаго поступка» Виктора Эммануила,—убѣдились и успокоились. Вотъ въ краткомъ видѣ содержаніе отвѣта Пія IX. Пожелавъ въ началѣ посланія, по обычаю всѣхъ подобныхъ посланій, здравія, Пій желаетъ ему счастія. Выразивъ затѣмъ свои благожеланія католикамъ Балтимора, онъ хвалитъ ихъ за то, что они единогласно и торжественно (una voce solemniorique) осудили и отвернулись съ негодованіемъ отъ того преступленія, которымъ насильно отнята отъ него его свѣтская власть и поземельная собственность и которое повергло его въ руки враговъ. Отвѣтивъ на негодованіе католиковъ Америки такимъ же голословнымъ негодованіемъ, Пій проситъ архіепископа Балтимора передать своей паствѣ благодарность за непреклонную вѣрность апостольскому престолу. Въ заключеніе онъ шлетъ архіепископу и его паствѣ апостольское благословеніе. Успокоенные католики увѣрены, впрочемъ, что римское дѣло еще не окончилось; напротивъ, они убѣждены, что оно съ новою силой будетъ поднято послѣ заключенія мира между воюющими нынѣ державами и что оно завершится торжествомъ католической церкви и Папы.

Евг. Смирновъ,
псаломщикъ православной домовой церкви въ Нью-Йоркѣ.

6 (18) февраля 1871 г.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 4. С. 579-645.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

АРСЕНІЙ,

ПАТРІАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ).

(продолженіе [1])

III

Со смертію Михаила положеніе дѣлъ и партій въ имперіи перемѣнилось.

Эта перемѣна обусловливалась сколько характеромъ и наклонностями новаго государя, столько же и обстоятельствами, сопровождавшими вступленіе его на престолъ.

Сынъ и преемникъ Михаила, Андроникъ Палеологъ старшій (1282 1328), не былъ приготовленъ къ царствованію ни природой, ни отцемъ своимъ. Природа, передавшая ему, можетъ быть, съ излишней полнотой всѣ слабости и недостатки его отца, не передала ему ни одного изъ его достоинствъ. Это была натура вялая, слабая, не рѣшительная, крайне мнительная и суевѣрная, не лишенная простаго житейскаго благоразумія, умѣющаго схватить связь между ближайшими причинами и слѣдствіями, но крайне близорукая и вовсе обдѣленная политическимъ смыс-

[1]) См. Христ. Чтеніе за 1869 г. ноябрь и декабрь.

ломъ и тактомъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній относительно того, какого рода воспитаніе дано было Михаиломъ наслѣднику своего престола; но, судя по вкусамъ и привычкамъ, обнаруженнымъ Андроникомъ во время своего царствованія, склоняемся къ мысли, что оно скорѣе соотвѣтствовало его природнымъ свойствамъ и наклонностямъ, чѣмъ его будущей роли правителя. Андроникъ любилъ выставлять на видъ свои познанія въ тогдашней школьной «мудрости», любилъ составлять и произносить витіеватыя рѣчи, любилъ окружать себя людьми, знавшими толкъ въ этихъ рѣчахъ и умѣвшими цѣнить ихъ, любилъ говорить съ этими «питомцами мудрости» объ астрономіи, о небесныхъ свѣтилахъ, о движеніи звѣздъ блуждающихъ и не блуждающихъ (1)»;—еще болѣе любилъ онъ казаться знатокомъ «божественной мудрости»,—любилъ говорить «о вещахъ божественныхъ», устроять богословскіе диспуты, церковныя процессіи и соборы, принимать въ тѣхъ, и другихъ, и третьихъ, самое живое и дѣятельное участіе. Его дворецъ во всякое время дня и ночи былъ открытъ для всѣхъ «ревнителей вѣры и благочестія», и особенно изъ иноческаго званія. Бесѣды съ людьми этого рода были пріятнѣе для Андроника и сна и пищи... Но за то къ военному дѣлу онъ чувствовалъ положительное отвращеніе; не чувствовалъ также охоты и къ дѣламъ гражданскаго управленія. Да негдѣ было ему развить и вкуса къ дѣламъ этого рода. Правда, девять лѣтъ ужъ носилъ онъ званіе соправителя своего отца (2), но не принималъ близкаго участія—ни вообще въ дѣлахъ прав-

(1) Григор., стр. 359.
(2) Съ 1273 г. см. Пахим., стр. 293.

ленія, ни вчастности въ какой либо отдѣльной его отрасли военной или гражданской. Покойный императоръ былъ крайне ревнивъ къ своей власти и вслѣдствіе этого ограничилъ царственную роль своего сына-соправителя однимъ подписомъ текущихъ бумагъ и то безъ права выставлять на нихъ годъ и число мѣсяца,—безъ чего онѣ никакой силы не имѣли,—предоставивши это право себѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы ни одна бумага, подписанная соправителемъ, не прошла мимо его рукъ [1]. Этимъ же подписомъ ограничивалось участіе соправителя и въ сношеніяхъ съ иностранными дворами и государствами. Гдѣ же было ему набраться государственной мудрости и опытности? Словомъ - Андроникъ и созданъ былъ и готовился быть кабинетнымъ ученымъ, или монахомъ, но ни чуть не государемъ.

Притомъ, въ минуту смерти отца ему было лишь съ небольшимъ 24 года [2]. Между тѣмъ обстоятель-

---

(1) Пахим., стр. 294. Впрочемъ, есть основаніе думать, что не по одной только ревности къ своей власти Михаилъ ограничилъ царственную роль своего первенца-соправителя такими скромными размѣрами, а и потому, что считалъ его неспособнымъ къ болѣе видной и широкой роли, до того неспособнымъ, что подумывалъ даже о передачѣ своей власти второму своему сыну Константину, болѣе отвѣчавшему его желаніямъ и надеждамъ (см. Григор., стр. 779—180), хотя самъ Андроникъ передавалъ совсѣмъ иначе мнѣніе своего отца о своихъ административныхъ способностяхъ. Но кто-жь себѣ врагъ?

(2) Vid. Pachym Andronicus Palaeologus lib. 1, c. 1 p. 12. ed. Bonn. 1835. Григора даетъ ему двумя годами меньше (см. Григор., стр. 160); но мы считаемъ показаніе Пахимера болѣе вѣрнымъ: а) потому, что Пахимеръ былъ современникомъ и рожденія Андроника и смерти Михаила, тогда какъ Григора родился 12—13 лѣтъ спустя послѣ смерти Михаила (см. Григор., стр. 320); б) потому, что его показаніе совершенно согласно съ показаніемъ втораго современнаго писателя Акрополита (см. лѣтопись Великаго Логоѳета Георгія Акрополита по русск. перев. (Спб. 1863), стр. 222. Ср. Пахим. царствованіе Михаила Палеолога. стр. 147, 153), и в) потому, что согласно съ показаніемъ

ства сложились такъ серьозно, что не вдругъ нашелся бы определить свое къ нимъ отношеніе и болѣе опытный, ловкій и энергическій человѣкъ. Андроникъ очутился буквально между двухъ огней: съ одной стороны вспомогательный татарскій отрядъ, присланный по просьбѣ покойнаго императора зятемъ его Ногаемъ для совокупнаго дѣйствованія противъ безпокойнаго Батарды, и оказавшійся не нужнымъ за смертію Михаила, требовалъ или битвы или денегъ; съ другой— отрядъ греческаго войска, слишкомъ недостаточный для того, чтобы внушить должное уваженіе къ особѣ молодаго государя татарскимъ союзникамъ, былъ болѣе, чѣмъ достаточенъ для того, чтобы внушить серьозныя опасенія самому молодому государю своимъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ личности и дѣлу его отца. И во главѣ этого отряда стоялъ вліятельнѣйшій вельможа тогдашняго времени, великій логоѳетъ Ѳеодоръ Музалонъ, тотъ самый, который былъ избитъ палками, по приказанію покойнаго императора, своимъ роднымъ братомъ за отказъ ѣхать посломъ въ Римъ въ 1280 году. Гордый вельможа склонился тогда предъ силою неотразимыхъ обстоятельствъ и къ концу жизни Михаила успѣлъ пріобрѣсти его благосклонность на столько, что былъ почтенъ важнымъ саномъ великаго логоѳета ([1]). Но никто, конечно, не вѣрилъ

самаго Григоры объ общемъ количествѣ лѣтъ, прожитыхъ Андроникомъ (см. Григор., стр. 138). Исключивши 74 года, прожитыхъ, по словамъ Григоры, Андроникомъ, изъ 1332 (годъ его смерти), получимъ 1258 (годъ его рожденія по Акрополиту и Пахимеру), а исключивши 1258 изъ 1282 (годъ смерти Михаила), получимъ 24-хъ лѣтній возрастъ, въ которомъ находился въ это время Андроникъ, по словамъ Пахимера.

([1]) Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ въ жизни Музалона Пахимеръ: «когда же настало время отправить посольство въ Римъ,

въ искренность его примиренія съ покойникомъ, и еще менѣе въ искренность примиренія съ уніей. Теперь онъ могъ жестоко отметить за себя наслѣднику Михаилову, пользуясь его затруднительнымъ положеніемъ... Союзники весьма легко нашлись бы между тѣми же приближенными Михаила, окружавшими теперь его бездыханный трупъ (1). Конечно, не одинъ Музалонъ былъ вынужденъ къ примиренію съ уніей логикой палокъ.

Андроникъ очень хорошо зналъ это,—сознавалъ и то, что ему не подъ силу отстаивать память и дѣло своего отца: для этого нужно было имѣть его умъ, энергію и опытность,—а онъ не имѣлъ ни того, ни другаго, ни третьяго. Съ его же собственными духовными задатками и въ критическомъ положеніи, въ которомъ онъ

державный, оставивъ въ покоѣ другихъ, для испытанія, думаю, сталъ возлагать дѣло посольства больше на него. Однакожъ, сколько ни приказывалъ онъ, не добился отъ него никакого знака согласія, какъ будто говорилъ глухому, или указывалъ что либо слѣпому. Причина отказа (отвращеніе къ уніи) царю не была не извѣстна, — и онъ какъ ни сдерживалъ свой гнѣвъ, наконецъ, не могши болѣе владѣть собою, приказалъ другому Музалону, который былъ при царѣ въ качествѣ докладчика и получилъ эту должность при посредствѣ брата,— долго и жестоко бить его, такъ что находившаяся въ рукахъ его палка не могла удовлетворить гнѣву царя, и, отъ многократныхъ ударовъ сломившись, отказалась служить и потребовала другой, которая бы докончила ея дѣло. Но и этимъ тогда не ограничилось его наказаніе; царь удалилъ его отъ своего лица и не замедлилъ устранить отъ участія въ управленіи государственными дѣлами. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ презрѣніи и пріобрѣталъ необходимое трудами рукъ своихъ, пока не только не согласился на миръ (унію), но и готовъ былъ дѣлать еще больше, если царь прикажетъ. Довольный такою его перемѣною... онъ опять принялъ его къ дѣламъ и приказалъ твердо стоять въ своихъ мысляхъ». Пахим. стр. 257—259.

(1) По крайней мѣрѣ, многіе изъ этихъ приближенныхъ не затруднились поддержать совѣтъ, данный Музалономъ Андронику, относительно похоронъ его отца (Pachym. Andron. Palaeologus, lib 1, c. 1 p. 12, ed. Bon. 1855), совѣтъ явно неприязненный покойному.

находился, ничего не оставалось больше дѣлать, какъ броситься въ объятія Музалона и поручить ему и честь своего отца и свою собственную участь и будущее своего царства. Онъ такъ и сдѣлалъ (1).

Музалонъ дѣйствительно его выручилъ. Онъ помогъ ему отдѣлаться и отъ татарскаго отряда и отъ трупа своего отца. Первому дано было порученіе наказать ни душею, ни тѣломъ неповинныхъ Триваллов (2), второй былъ спрятанъ въ надежное мѣсто впредь до усмотрѣнія (3).

(1) Pachym. Andron. Palaeolog. lib. 1, c. 1. p. 12.

(2) Pachym. Andron. Palaeolog. lib. 1, c. 1. p. 11, 12. Григор., стр. 150—151.

(3) Впрочемъ, мы должны здѣсь оговориться, что возстановить фактъ погребенія Михаила въ дѣйствительныхъ его подробностяхъ и въ его смыслѣ не легко, вслѣдствіе разнорѣчія въ показаніяхъ историковъ. Пахимеръ въ своей исторіи царствованія Михаила Палеолога говоритъ, что «умершаго назначенные для того люди поспѣшно перенесли ночью въ новую, недалеко оттуда находившуюся обитель» (исторія царствованія Михаила Палеолога по русскому переводу, стр. 491); Григора же въ своей римской исторіи увѣряетъ, что «присутствовавшій здѣсь (при смерти Михаила) его сынъ, царь Андроникъ, не только не почтилъ своего отца приличнымъ царю погребеніемъ, но *не удостоилъ* и того, какое предоставляется ремесленникамъ и земледѣльцамъ. Онъ только приказалъ, чтобы нѣсколько человѣкъ, отнесши тѣло подальше отъ лагеря, зарыли его глубже въ землю; онъ позаботился только о томъ, чтобы тѣло царя не досталось на растерзаніе звѣрямъ» (Григоры римская исторія по русск. перев., стр. 147). Послѣднее сказаніе принимаетъ и Франца въ свою хронику (Χρόνικον, ed. Bonn. 1838 p. 24). Разнорѣчіе между обоими сказаніями касается не столько подробностей погребенія, сколько его смысла. Соображая сказаніе Пахимера съ другими мѣстами въ его книгѣ, мы должны думать, что Андроникъ, отдавая приказаніе на счетъ погребенія своего отца, водился желаніемъ скрыть его трупъ отъ оскорбленія со стороны «ревнителей», между тѣмъ какъ, слѣдуя Григорѣ, онъ хотѣлъ выразить этимъ свое «отвращеніе къ поступку отца» (принятію уніи); и такимъ образомъ, слѣдуя первому, мы должны признать «лишеніе христіанскаго погребенія» моментомъ случайнымъ, обусловленнымъ потребностями минуты, — *средствомъ* для извѣстной предположенной себѣ Андроникомъ цѣли, а слѣдуя послѣднему, должны признать оное

Развязавшись такимъ образомъ съ ближайшими затрудненіями, Андроникъ, въ сопровожденіи своего

моментомъ существеннымъ, преднамѣреннымъ, — моментомъ, къ которому сводился весь смыслъ разсказаннаго событія, — не средствомъ къ цѣли, а самою *цѣлію*, предположенною Андроникомъ. Сказаніе Григоры со стороны смысла и отчасти фактическихъ подробностей погребенія находитъ для себя подтвержденіе съ одной стороны въ существовавшей тогда на востокѣ погребальной практикѣ относительно лицъ, отлученныхъ отъ церкви, съ другой—въ заявленіяхъ самаго Андроника. Тѣла отлученныхъ отъ церкви въ то время дѣйствительно зарывали въ землю гдѣ нибудь въ пустомъ мѣстѣ вдали отъ жилья и кладбищъ безъ всякихъ церковныхъ молитвословій (см. примѣч. Боивина къ цитованному мѣсту Григоры). Андроникъ впослѣдствіи въ оффиціальныхъ документахъ и рѣчахъ указывалъ на «лишеніе своего отца христіанскаго погребенія», какъ на доказательство своей «ревности по благочестію». И при всемъ томъ мы отдаемъ предпочтеніе Пахимеру. Его сказаніе и съ фактической, и экзегетической стороны представляется намъ болѣе вѣрнымъ потому, что оно вполнѣ подтверждается *дѣлами* Андроника, тогда какъ сказаніе Григоры подтверждается только его *словами* и то лишь отчасти. Возьмемъ фактъ погребенія Михаила въ тѣхъ его подробностяхъ, въ которыхъ онъ передается *согласно* обоими историками, и, оставивши въ сторонѣ его несогласное толкованіе, посмотримъ, какъ онъ самъ себя объясняетъ. Историки согласно свидѣтельствуютъ, что погребеніе совершено было *поспѣшно*, совершено было *ночью*, довѣрено *нѣсколькимъ* лицамъ, приняты были мѣры *къ охраненію* трупа (хотя бы-то и отъ хищныхъ звѣрей, какъ увѣряетъ Григора). Спрашивается: къ чему было *спѣшить* похоронами? Къ чему было совершать ихъ *ночью?* Къ чему было избирать для этого *глухой*, безвѣстный монастырь, какъ показываетъ Пахимеръ, или *глухое* мѣсто вообще, какъ свидѣтельствуетъ Григора? Къ чему было *заботиться* еще о *сохраненіи трупа?* Къ чему, спрашивается, все это, если цѣлію Андроника при этомъ было выразить *открыто* свое «отвращеніе къ извѣстному поступку отца», какъ утверждаетъ Григора? Не цѣлесообразнѣе ли былъ бы совершенно противоположный образъ дѣйствій? Но разладъ между *словами* и *дѣлами* Андроника на этомъ не останавливается, а идетъ дальше, и, что̀ особенно важно, въ существенныхъ моментахъ *согласно* подтверждается обоими историками. Распорядившись похоронами отца, Андроникъ шлетъ *секретное* предписаніе префекту Константинополя Папилѣ «принять всѣ нужныя мѣры для поддержанія спокойствія въ городѣ до его прибытія» и *секретное* же извѣщеніе патріарху о смерти отца (Pachym. Andron. Palaeol. p. 13). Къ чему всѣ эти *предосторожности* и *секреты*, если дѣло шло о заявленіи *Илiиной ревности по благочестію?*

ментора Музалона, поспѣшилъ въ столицу» объявить

Далѣе, по прибытіи въ столицу, Андроникъ налагаетъ на народъ «обычный по царямъ трауръ» и послѣ того ужъ, какъ константинопольскій соборъ въ февралѣ 1283 г. опредѣлялъ лишить усопшаго государ- христіанскаго погребенія и поминовенія, онъ, подъ предлогомъ опасности отъ предполагаемаго нашествія каталонцевъ на мѣстность, гдѣ скрыты были смертные останки Михаила, приказываетъ перенести ихъ въ знаменитый Силиврійскій монастырь (Pachym. I, с. 37 р. 105—108. Григор., стр. 151) и положить рядомъ съ гробницей героя средневѣковой Византіи, императора Василія Болгароктона. Гдѣ же во всемъ этомъ «отвращеніе къ поступку отца» и желаніе покарать его за этотъ поступокъ? Мы, напротивъ, думаемъ, что если бы Андроникъ и дѣйствительно имѣлъ это «отвращеніе», — въ чемъ позволительно еще сомнѣваться,—если бы даже это «отвращеніе» было такъ велико, что подавило въ немъ естественное чувство любви и признательности къ отцу, то среди обстоятельствъ, въ какихъ онъ находился, онъ не могъ обнаружить открыто этого чувства, если бы и хотѣлъ. Это значило бы играть въ слишкомъ опасную игру съ фанатизмомъ толпы. Возбудить этотъ фанатизмъ при томъ напряженномъ состояніи, въ какомъ держали его «ревнители» всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, было бы чрезвычайно легко, но чрезвычайно трудно было бы указать его проявленіямъ должныя границы. Что если бы онъ, развернувшись подъ такимъ поощрительнымъ примѣромъ, потребовалъ къ своему суду вмѣстѣ съ умершимъ государемъ и живаго? А это было тѣмъ естественнѣе, что до послѣдней минуты толпа считала ихъ солидарными на пунктѣ отношенія къ уніи... Чувство совмѣстной съ отцемъ отвѣтственности предъ своимъ народомъ за унію слишкомъ ясно сквозитъ въ первыхъ дѣйствіяхъ Андроника по прибытіи въ столицу и не могло поощрять его къ слишкомъ крутому образу дѣйствій не только относительно личности почившаго, но и относительно его дѣла. Самыми особенностями своего положенія между покойнымъ и народомъ онъ вынуждался къ выжидательному образу дѣйствій и дѣйствительно держался его, можетъ быть, даже дольше, чѣмъ слѣдовало... Согласіе сказанія Григоры съ существовавшей тогда на востокѣ погребальной практикой относительно отлученныхъ отъ церкви въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываетъ: а) потому, что императоръ Михаилъ, какъ справедливо замѣтилъ Бонвинъ, комментаторъ Григоры, не былъ формально отлученъ отъ церкви за унію съ Римомъ (отлученіе, произнесенное бѣглыми «ревнителями» на соборищѣ въ Патрахъ подъ поощрительномъ вліяніемъ смертельнаго врага Михаилова, севастократора Іоанна Батарды, не могло быть обязательно для Андроника, какъ и ни для кого въ имперіи) и б) потому, что это не былъ простой вѣрующій, а императоръ, — а относительно лицъ его положенія существовала другая практика. Еще менѣе

о смерти своего отца-царя своей матери-государынѣ

может быть доказываема справедливость сказанія Григоры оффиціальными заявленіями самаго Андроника. Смысл этих заявленій опредѣлялся потребностями положенія. И Григора, в качествѣ придворнаго ученаго, взысканнаго вниманіем и милостями Андроника (Григ., стр. 313, 319, 333), очевидно, служит лишь эхом и усердным истолкователем и апологетом слов и дѣяній своего государя... Притом слова Андроника о лишеніи им своего отца христіанскаго погребенія весьма легко могут быть отнесены к опредѣленію константинопольскаго собора, которое Андроник утвердил своим согласіем, а не к первоначальным похоронам. В виду этих фактов мы думаем, что не «отвращеніе к поступку отца» и не желаніе покарать его за этот поступок (общій ему с отцем) выражалось в распоряженіях Андроника относительно похорон отца, а опасеніе за него (и, вѣроятно, за себя) и желаніе сохранить его труп от весьма возможнаго при тѣх отношеніях, в каких находился покойный к своему народу в послѣдніе годы своей жизни, поруганія над ним, что «лишеніе христіанскаго погребенія» не было и не могло быть при этом *цѣлію* Андроника, несмотря на увѣренія в противном его усерднаго панегирика Григоры, а было лишь *одною из мѣр предосторожности*, разсчитанною *на время* впредь до отмѣненія при благопріятных обстоятельствах... И если этой мѣрѣ суждено было остановиться и окаменѣть на своей переходной формѣ и принять не свойственный ей смысл, и если этот смысл не только признан был Андроником, но и объявлен ея первичным, преднамѣренным смыслом и остается за нею до сих пор, то это было чистой случайностью, вовсе не входившей в первоначальный план Андроника и только искуственно пріуроченной к дальнѣйшим его планам. Неестественность *преднамѣренности* этого смысла в распоряженіях Андроника относительно похорон отца сознает и сам Григора: возводя эти распоряженія на степень *религіознаго подвига*, он в то же время находит нужным *оправдывать* его в этом подвигѣ, «впрочем, он (Андроник) питал такое отвращеніе не к отцу, а к поступку отца, и сыновнею преданностью, почтеніем и должным уваженіем к отцу *превзошел всѣх сыновей*, которые когда либо заслужили отцовскую любовь» (Григор., стр. 148). Надѣемся, что наши читатели оцѣнят сами по достоянію эту реторическую *шутиху* почтеннаго Григоры.

Вообще же разногласіе в показаніях Пахимера и Григоры, по нашему мнѣнію, происходит оттого, что Григора смѣшал в одно два совершенно отдѣльные факта—первоначальные поспѣшные похороны Михаила и опредѣленіе константинопольскаго собора 1283 г., лишившее его христіанскаго погребенія и поминовенія, и, приписавши доброй волѣ Андроника то, на что он вынужден был согласиться

и наложить на народъ обычный по царямъ трауръ [1]». Здѣсь только два человѣка знали о смерти Михаила—патріархъ Іоаннъ Веккъ и префектъ города Панила, извѣщенные секретными письмами Андроника для принятія мѣръ предосторожности на всякій случай [2]. Особеннаго рода предосторожность найдено было нужнымъ употребить относительно вдовствующей императрицы. Щадя ея чувства, Андроникъ взялъ на себя лично сообщить ей эту прискорбную вѣсть. Но было и другое основаніе для этой предосторожности, — не показное, а завѣтное. Θеодора, также какъ и ея покойный супругъ, больше любила своего втораго сына [3], который находился въ это время въ столицѣ... А въ Византіи, при перемѣнѣ царствованій, бывали всякія комбинаціи. Потому-то найдено было нужнымъ до поры до времени морочить и главу партіи уніонистовъ, патріарха Векка.

Сближеніемъ Андроника съ Музалономъ приговоръ надъ дѣломъ Михаила былъ уже произнесенъ и участь партій была рѣшена. Ревностный Іосифитъ, Музалонъ уже рѣшилъ въ душѣ торжество своей партіи и гибель уніонистовъ съ ненавистнымъ Веккомъ во главѣ; но, какъ человѣкъ крайне осторожный, привыкшій дѣйствовать навѣрняка, онъ не спѣшилъ къ своей цѣли, чтобы тѣмъ вѣрнѣе ея достигнуть. Впрочемъ къ этой медленности и осторожности побуждали его сколько личные расчеты—не желаніе безъ край-

---

по необходимости, заставилъ его, въ минуту смерти отца, разыграть роль, совершенно не соотвѣтствовавшую ни личнымъ отношеніямъ его къ покойному, ни потребностямъ его положенія.

(1) Григор., стр. 151.

(2) Pachym. lib. 1. c. 1, p. 13.

(3) Pachym. Andron. Palaeol. lib. II c. 29, p. 166. Григ., стр. 179. 187.

ней нужды рисковать своимъ положеніемъ и будущностью своего дѣла,—столько же и мнительность и инертивность Андроника, находившія себѣ пищу и отчасти оправданіе въ особенностяхъ его положенія. Что Андроникъ не сочувствовалъ уніональнымъ затѣямъ своего отца, въ этомъ едва ли позволительно сомнѣваться: онъ не могъ имъ сочувствовать ужъ по тому одному, что онѣ были сопряжены съ громаднымъ рискомъ, а Андроникъ былъ квіетистъ въ душѣ и больше всего на свѣтѣ цѣнилъ спокойствіе;—но въ то же время уступая волѣ своего отца онъ присоединился къ нимъ и скрѣпилъ это присоединеніе письменнымъ актомъ. Этотъ актъ сильно тревожилъ Андроника и отнималъ у него и остатокъ микроскопической энергіи, отпущенной ему природой. Не могло также не говорить въ немъ и естественное чувство любви къ своему отцу и не побуждать его по возможности щадить его память. Необходимо было также оглядываться и на народъ, чтобы какимъ нибудь необдуманнымъ распоряженіемъ не поднять его страстей преждевременно. Могла также въ крайнемъ случаѣ постоять за себя и партія уніонистовъ, конечно не изъ привязанности къ уніи, а по чувству самосохраненія. Все это Музалонъ долженъ былъ брать въ соображеніе и дѣйствовать съ крайней осторожностію.

Чтобы обезпечить себѣ побѣду и надъ инертивностію, щекотливостью и опасеніями Андроника, и надъ возможнымъ сопротивленіемъ оппозиціонныхъ партій, Музалонъ поспѣшилъ собрать вокругъ себя корифеевъ своей партіи и прежде всѣхъ возвратить ко двору главную придворную опору этой партіи, тетку императора, знаменитую Евлогію. Она все еще томилась

въ крѣпости св. Григорія, куда была заключена покойнымъ императоромъ вмѣстѣ съ своей старшею дочерью, женою Рауля, за свою церковно-политическую интригу. Теперь настало и для нея время торжества и мщенія! Немедленно же дано было приказаніе освободить ее изъ заключенія и съ честію препроводить ко двору.

Вслѣдъ за Евлогіей очутились въ столицѣ и Галактіонъ Галесійскій и Мелетій «святой».

Андроникъ былъ теперь уже совершенно въ рукахъ Іосифитовъ.

Но коноводы партіи еще медлили рѣшительными мѣрами. По личному ли усмотрѣнію, или по желанію Андроника, они предпочитали до поры до времени играть въ темную съ своими врагами, такъ что по наружности ничего нельзя было замѣтить при дворѣ. Здѣсь, по видимому, ничѣмъ болѣе не занимались, кромѣ скорби по усопшемъ. И обоихъ патріарховъ — какъ Векка, такъ и Іосифа—встрѣчали съ одинаковымъ почетомъ и предупредительностью, когда они явились утѣшать вдовствующую императрицу. Но въ тоже время главы Іосифитовъ держали конфиденціальныя совѣщанія у Андроника о средствахъ къ отмѣненію уніи и устраненію Векка съ его партіей, и молодой императоръ проводилъ дни и ночи въ кельѣ Іосифа въ таинственныхъ переговорахъ о возстановлеего на престолѣ ([1]). Между тѣмъ какъ Евлогія, поселившаяся во дворцѣ, какъ какой либо злой демонъ, изливала ядъ родственнаго участія въ растерзанное сердце вдовствующей императрицы, занимая ее разсказами объ адскихъ мученіяхъ, которымъ, по ея

([1]) Pachym. lib. 1. c. 3 p. 16.

словамъ, подвергся покойный императоръ за унію съ Римомъ,— (1) и тѣмъ давала предвкушать какъ ей самой, такъ и всѣмъ принимавшимъ унію, чего они могутъ ожидать отъ ревнителей вѣры и благочестія въ родѣ Евлогіи.

Понятно, что подобная игра въ жмурки не могла быть продолжительною. И дѣйствительно, лишь только ея двигатели условились окончательно на счетъ плана, которому должно слѣдовать, какъ она немедленно же и разрѣшилась катастрофой для уніи и ея вольныхъ и невольныхъ сторонниковъ.

Настал праздникъ Рождества Христова. По обычаю, издревле установившемуся при Константинопольскомъ дворѣ (2), въ этотъ день долженъ былъ быть высочайшій выходъ въ «великую церковь». Служить долженъ былъ самъ патріархъ. Но Андронику, рѣшившему уже въ интимномъ совѣтѣ съ Іосифитами покончить съ уніей и ея сторонниками, не возможно было принять участія въ Богослуженіи, совершаемомъ главою уніонистовъ, и допустить возношеніе его имени на церковныхъ молитвахъ въ своемъ присутствіи. Это было бы равносильно вступленію съ нимъ въ церковное общеніе. Въ силу этого соображенія высочайшій выходъ въ великую церковь былъ отмѣненъ подъ предлогомъ траура по скончавшемся государѣ (3).

На интимныхъ совѣщаніяхъ по вопросу объ устраненіи уніи нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ подано было мнѣніе, что для этого вполнѣ достаточно

(1) Ibid.

(2) Vid. Constant. Porphyrogen. de cerimoniis aulae Constantinop. lib. I, § 2. p. 5—11. ed. Bonn. 1829 Vol. I.

(3) Pachym. Andron. Palaeologus lib. I c. 3. p. 16.

формальнаго разрыва съ Римомъ; но Галактіонъ и Мелетій, болѣе другихъ пострадавшіе отъ уніи, сильно возстали противъ этого мнѣнія и съ своей стороны потребовали, чтобы вновь были освящены всѣ церкви, оскверненныя, по ихъ мнѣнію, присутствіемъ въ нихъ латинянъ и латиномудрствующихъ, и чтобы послѣдніе были подвергнуты церковной эпитиміи за общеніе съ первыми (1).

Ихъ мнѣніе одержало верхъ; но прежде приведенія его въ исполненіе положено было немедленно устранить Векка и возстановить на патріаршемъ престолѣ Іосифа. Объявленіе Векку императорскаго повелѣнія объ увольненіи состоялось въ самый же праздникъ Рождества одновременно съ распоряженіемъ объ отмѣнѣ высочайшаго выхода. Оно возложено было на его ближайшаго сподвижника, архидіакона и великаго хартофилакса Константина Мелетиніота. Андроникъ хотѣлъ облечь свою волю въ возможно-мягкую форму. Хартофилаксу поручено было объявить патріарху, что императоръ рѣшился удалить его отъ престола не подъ вліяніемъ какого либо непріязненнаго къ нему чувства, а уступая лишь настоятельной необходимости—водворить, въ самомъ же началѣ своего царствованія, спокойствіе въ имперіи и прекратить соблазнъ и расколъ, возникшіе въ церкви вслѣдствіе устраненія Іосифа отъ патріаршаго престола, что императоръ нисколько не сомнѣвается въ готовности патріарха пожертвовать для блага церкви не только своимъ престоломъ, но и жизнію, и проситъ его удалиться только на время, и притомъ вѣ-

(1) Pachym. lib. 1. c. 3 p. 17.

рить, что съ потерею патріаршаго престола, онъ не потеряетъ ни его благоволенія, ни уваженія (1).

Веккъ, по словамъ Пахимера, давно уже тяготившійся патріаршимъ престоломъ и заявлявшій словомъ и дѣломъ готовность уступить его всякому желающему (2), безпрекословно повиновался и попросилъ лишь у императора чрезъ его посланца вооруженнаго конвоя, который проводилъ бы его до монастыря Пречистой Дѣвы (Παραχράντης), куда думалъ онъ удалиться. Просьба была мотивирована тѣмъ, что онъ опасается публичнаго оскорбленія со стороны нѣкоторыхъ, непріязненно къ нему расположенныхъ духовныхъ лицъ, на дѣлѣ же ему хотѣлось оправдать себя и въ собственныхъ своихъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ въ томъ, что онъ не бѣжитъ съ своего мѣста, а уступаетъ лишь силѣ (3).

26 декабря вооруженный конвой, согласно изъявленному Веккомъ желанію, проводилъ его до монастыря Парахранты (4).

Вечеромъ 31 декабря полуживой патріархъ Іосифъ былъ перенесенъ на носилкахъ въ зданіе патріархіи, при звонѣ колоколовъ, въ сопровожденіи безчисленной толпы народа, сопровождавшей его съ зажженными свѣчами и факелами въ рукахъ и заявлявшей свою радость восклицаніями и рукоплесканіями (5).

Вечерню въ этотъ день духовенство великой церкви отправляло у себя дома (κατ' ἑαυτὸς). На другой же день, т. е. 1 января, обычнаго звона къ утрени не было и духовенство, собравшись по обычаю для слу-

(1) Pachym. lib. I. c. 3, p. 15—18.
(2) См. Пахим., стр. 376, 420.
(3) Pachym. lib. 1, c. 4 p. 18, 19.
(4) Ibid. 1, c. 4 p. 19.
(5) Ibid. lib. 1, c. 5 p. 19.

женія утрени, нашло двери великой церкви запертыми. но, не желая остаться безъ Богослуженія въ такой большой праздникъ, отправило службу на улицѣ предъ церковными дверями и потомъ разошлось по домамъ въ крайнемъ недоумѣніи на счетъ причины этого страннаго распоряженія властей (1).

Загадка, впрочемъ. скоро разрѣшилась. На разсвѣтѣ появилась процессія у великой церкви и принялась освящать сначала наружныя стѣны храма, а потомъ и внутреннія его принадлежности: колонны, портики, иконы, окропляя все это св. водой. Обрядъ освященія совершалъ слѣпой Галактіонъ Галесійскій, котораго водили подъ руки. Это — приводилось въ исполненіе мнѣніе, поданное Галактіономъ и Мелетіемъ на совѣтѣ у императора. Толпа зѣвакъ, сбѣжавшаяся поглазѣть на это зрѣлище, смиренно просила окропить и ихъ (2).

Послѣ освященія храма началась расправа съ уніонистами. Они раздѣлены были на двѣ категоріи: къ одной отнесены были духовные, къ другой — міряне. Наказаніе духовныхъ предоставлено было патріарху, наказать мірянъ взяли на себя монахи, принадлежавшіе къ его партіи. Принято было степень эпитиміи соразмѣрять съ степенью общенія, въ какое желалъ вступить виновный съ церковію: самую легкую эпитимію предположено было налагать на тѣхъ, которые искали общенія въ псалмопѣніяхъ, болѣе тяжелую для тѣхъ, которые желали общенія въ благословенномъ хлѣбѣ (антидорѣ) и, наконецъ, самую тяжелую для искавшихъ общенія въ причащеніи. А

(1) Pachym. p. 19. 20.
(2) Ibid. p. 20.

такъ какъ никакихъ другихъ, болѣе точныхъ указаній и ограниченій для выбора эпитиміи не было дано эпитиматорамъ, то дикій произволъ въ наложеніи эпитиміи на виновныхъ, на который нашъ историкъ указываетъ какъ на характеристическую особенность этого импровизованнаго монашескаго суда ([1]), дѣлается вполнѣ понятнымъ.

Духовныхъ лицъ отсылали для принятія эпитиміи къ патріарху. А такъ какъ патріархъ лежалъ почти безъ движенія, не принимая никакого участія въ совершавшемся вокругъ него, то и здѣсь отъ его имени распоряжались назначеніемъ эпитимій окружавшіе его монахи. Къ духовнымъ лицамъ они были гораздо строже, чѣмъ къ мірянамъ, — эпитиміи на нихъ возлагались самыя тяжкія. Излишне было бы прибавлять, что и здѣсь царилъ тотъ же произволъ въ выборѣ эпитимій, какой и на судѣ надъ мірянами.

Между тѣмъ, великая церковь все еще была заперта для всѣхъ. Епископы, находившіеся въ столицѣ и, конечно, волей не-волей «соглашавшіеся въ догматѣ съ царемъ Михаиломъ» при его жизни и, слѣдовательно, не по должности только, а и лично заинтересованные въ совершавшихся вокругъ нихъ событіяхъ, недоумѣвая, что̀ бы все это значило и чѣмъ все это кончится, собрались въ патріархіи и потребовали себѣ аудіенціи у патріарха. «Ревнители» вынесли къ нимъ въ аудіенцъ-залу Іосифа, который походилъ скорѣе на трупъ, чѣмъ на живаго человѣка, и одинъ изъ коноводовъ партіи, монахъ Геннадій, обратившись къ собравшимся епископамъ отъ лица патріарха, произнесъ зловѣщимъ голосомъ: «вы со-

([1]) Pachym. lib. 1, c. 6. p. 20—21.

вершили тяжкое преступленіе,—попрали святое Евангеліе» ([1]).

Эта дикая выходка фанатика привела въ смятеніе и ужасъ епископовъ. Они бросились къ полумертвому патріарху, умоляя его сказать имъ, что̀ все это значитъ и дѣйствительно ли по его приказанію все это дѣлается? Іосифъ съ трудомъ могъ произнести отрицательный отвѣтъ и, съ горькимъ упрекомъ взглянувши на самозваннаго истолкователя его мыслей, отпустилъ епископовъ съ обѣщаніемъ, что свою волю объявитъ имъ письменно.

На другой день дѣйствительно было прочитано въ церкви письменное изложеніе воли патріарха. Всѣмъ духовнымъ лицамъ объявлялось запрещеніе Богослуженія на три мѣсяца, а мірянамъ разныя эпитиміи, смотря по степени участія въ общеніи съ латинянами. Архидіаконы Мелитиніотъ и Метохитъ лишались сана навсегда за то, что, будучи послами въ Римѣ, присутствовали при папскомъ Богослуженіи. «Въ такое тяжкое преступленіе вмѣнено было имъ, прибавляетъ нашъ историкъ, присутствіе при латинскомъ Богослуженіи, между тѣмъ какъ самому патріарху не вмѣнили въ преступленіе того, что онъ дозволялъ присутствовать при своемъ Богослуженіи Іоанну Парастрону и фреріямъ, пріѣзжавшимъ въ Константинополь послами отъ папы» ([2]).

5 января въ сочельникъ наканунѣ крещенія вечеромъ «ревнители» допустили духовныхъ лицъ «къ общенію въ молитвахъ». Послѣ обычныхъ молитвъ и

([1]) Παρανενόμηται μὲν σφισὶ μέγιστα, παραβέβασται δὲ τὸ ἱερὸν εὐαγγέλιον. Pachym. c. 6. p. 21.

([2]) Pachym. c. 6. p. 21, 22.

псалмопѣній приступили къ водосвятію. Духовенство и народъ, греки и латиняне столпились вокругъ церковнаго водоема (ἀμφὶ τὴν φιάλην τῆς ἐκκλησίας), у всѣхъ, не исключая и латинянъ, были въ рукахъ зажженныя свѣчи. Священнодѣйствовалъ опять слѣпой Галактіонъ, водимый подъ руки. Присутствовавшіе при этой церемоніи греки,—духовные и міряне, допущенные къ «общенію въ молитвахъ», не могли достаточно надивиться, какимъ образомъ и для чего очутились при Богослуженіи латиняне, изъ—за которыхъ недавно освящали и церковь, и на нихъ самихъ наложили эпитиміи,—они не вѣрили глазамъ своимъ, считая за сонъ то, что происходило вокругъ нихъ.

Между тѣмъ это былъ не сонъ, а явь. Латиняне дѣйствительно присутствовали при Богослуженіи «ревнителей», и притомъ по ихъ собственному приглашенію. А почему «ревнители» пригласили «латинянъ» принять участіе въ своемъ Богослуженіи,—они и сами не знали. Они просто потеряли голову, ошалѣли отъ неожиданно доставшейся имъ въ руки власти, дѣйствовали точно въ чаду (¹). Императоръ, запуганный своей теткой и великимъ логоѳетомъ и имѣвшій наивность думать, что «ревнители», отмстивши за себя уніи и уніонистамъ, подарятъ его желаннымъ спокойствіемъ и водворятъ миръ и тишину въ церкви

(¹) Отлично охарактеризовалъ тогдашнее психическое состояніе «ревнителей» Григора: «очень многіе изъ нихъ принадлежали къ площадному, необразованному и своенравному люду, и вчера или третьяго дня не смѣли даже посмотрѣть въ лицо царю; теперь же, внезапно, и не по заслугамъ, встрѣтивъ въ немъ большую благосклонность къ себѣ, они такъ загордились своимъ положеніемъ, что стали точно пьяные» (Григор. стр. 163—164).

и государствѣ, предоставилъ имъ полную свободу дѣйствій» (¹).

Старый патріархъ Іосифъ, знавшій по собственному опыту какъ трудно было противиться волѣ покойнаго императора, который на отказъ принять унію смотрѣлъ какъ на оскорбленіе величества, крайне не одобрялъ суровыхъ мѣръ, принятыхъ «ревнителями» противъ вольныхъ и невольныхъ сторонниковъ уніи, и совѣтовалъ имъ мѣры кротости и снисхожденія (²).

Но не такъ были настроены «ревнители», чтобы внимать такимъ совѣтамъ. При томъ, оставался еще не наказаннымъ человѣкъ, котораго они считали главнымъ виновникомъ уніи и всѣхъ бѣдствій, отъ нея происшедшихъ,— бывшій патріархъ Іоаннъ Веккъ. Онъ сошелъ уже со сцены, удалившись въ монастырь Парахранты; но этого удаленія было мало «ревнителямъ»: они хотѣли суда, позора и положительнаго наказанія.

Встрѣтивши сопротивленіе своимъ видамъ въ Іосифѣ, не видя возможности самолично произвести судъ и расправу надъ павшимъ патріархомъ, такъ какъ были простыми монахами, они вступили въ переговоры съ тѣми самыми епископами, которыхъ за два дня тому назадъ такъ грубо оскорбили, чтобы произвести требуемый судъ и осужденіе посредствомъ ихъ.

На счетъ роли, которую епископамъ пришлось бы играть въ этомъ судѣ, и вѣроятныхъ результатовъ его для нихъ самихъ, мудрено было ошибаться. И дѣйствительно, ее отлично понялъ и охарактеризовалъ епископъ адріанопольскій Ѳеоктистъ, одинъ изъ ум-

(¹) Pachym. c. 7 p. 22.

(²) Ibid. p. 23, 24.

нѣйшихъ людей того времени, слѣдующимъ остроумнымъ сравненіемъ: «ревнители думаютъ употребить теперь епископовъ вмѣсто деревянныхъ вертеловъ для того, чтобы поджарить Векка, а потомъ, по минованіи надобности, бросятъ и ихъ самихъ въ огонь» (1).

Такъ и случилось. Епископы имѣли неосторожность или слабость войти въ виды «ревнителей» и дорого за это поплатились.

Назначенъ былъ день (2) и мѣсто для суда, поставлено два престола—одинъ для патріарха Іосифа, другой для александрійскаго Аѳанасія(издавна жившаго въ Константинополѣ) съ обычными сѣдалищами для епископовъ и другихъ членовъ собора. Престолъ Іосифа все время простоялъ празднымъ. По болѣзни, патріархъ не могъ принять участія въ дѣйствіяхъ собора. Его мѣсто занимали «ревнители». На соборъ явились: великій логоѳетъ Музалонъ, протоапостоларій Георгій Кипрскій, великій риторъ Оловолъ, возвратившійся за нѣсколько дней предъ тѣмъ изъ монастыря μεγάλȣ Ἀγρȣ въ Константинополь, монахъ Ѳеодосій Сапонопулъ, бывшій нѣкогда протонотаріемъ Михаила Палеолога, и другіе «ревнители». Дѣйствіями собора заправлялъ великій логоѳетъ.

Положено было разсмотрѣть сочиненія, написанныя по вопросу о соединеніи церквей, но не съ мирною цѣлію—хорошее одобрить, а сомнительное отбросить, нѣтъ, «ревнителей» не занималъ вопросъ—

(1) Νῦν μὲν εἰς ὄπτησιν τὴν ἐκείνου (Векка) ὀβελοῖς ξυλίνοις χρῶνται τοῖς κρίνουσιν, ὕστερον δὲ καὶ αὐτοὶ πυρὶ δοθέντες καυθήσονται. Pach. c. 7. p. 25.

(2) По мнѣнію Поссина, соборъ, о которомъ рѣчь, падалъ на одно изъ чиселъ февраля 1283 г. Vid. Observationes Pachymerianae l. III, c. II. p. 780.

здравыя или ложныя мысли проводились въ этихъ сочиненіяхъ,—они исключительно имѣли въ виду «соблазнъ», произведенный этими сочиненіями, и вслѣдствіе этого, признавали справедливымъ винить писателей за то одно, что они *писали*, безъ всякаго отношенія къ характеру ихъ писаній.

Великій логоѳетъ представилъ собору свою собственную книгу, написанную имъ въ защиту православія ([1]), съ предложеніемъ сжечь ее тутъ же въ присутствіи собора. Предложеніе было мотивировано тѣмъ, что «хотя она не содержитъ никакого ложнаго ученія, но такъ какъ написана въ бурныя времена церкви и такъ или иначе поддерживала церковныя смуты; то и должна быть предана сожженію».

Предложеніе было единодушно принято и немедленно же приведено въ исполненіе. Вмѣстѣ съ книгой Музалона сожжена была и книга покойнаго великаго логоѳета Георгія Акрополита ([2]), равно какъ и нѣкоторыя другія сочиненія, касавшіяся спорныхъ вопросовъ.

Бросая въ огонь эти сочиненія, «ревнители» считали нужнымъ для успокоенія своей совѣсти торжественно оговориться, что «они жгутъ не изреченія отцовъ церкви, приводимыя въ этихъ книгахъ, а собственныя сочиненія» ([3]).

([1]) Это сочиненіе не дошло до насъ.

([2]) Отъ Георгія Акрополита осталось два разсужденія, посвященныя вопросу объ исхожденіи св. Духа—Λόγοι δύο περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου Πνεύματος. Одно изъ нихъ издано по рукописи московской синодальной библіотеки о. Андрониковъ Димитракопуломъ въ его bibliotheca ecclesiastica graecorum... p, 395--410. Другое остается въ рукописи.

([3]) Ἅμα δὲ καὶ τῷ δοκεῖν περιεῖναι οἱ τῆς εὐσεβείας, οὐχ ὡς ῥητὰ πατέρων ἐδίδου τὰ συνταχθέντα πυρὶ, ἀλλ' ὡς ἴδιον σύγγραμμα. Pachym. c. 8 p. 27.

Все это было прелюдіей къ суду надъ злополучнымъ Веккомъ. Великій логоѳетъ, предавая пламени свою собственную, ни въ чемъ неповинную книгу, подогрѣвалъ лишь «ревность» присутствовавшихъ противъ дѣйствительнаго преступника.

Векка винили не въ «недостаткѣ благоразумія»—что поставилъ себѣ въ вину великій логоѳетъ—а прямо въ ереси». Ему ставили въ преступленіе то, что онъ «дерзнулъ слабымъ человѣческимъ разумомъ углубляться въ смыслъ божественныхъ изреченій, превышающихъ всякое разумѣніе и, водясь предосудительнымъ любопытствомъ, хотѣлъ проникнуть въ божественныя тайны, которыя должно чтить благочестивымъ молчаніемъ» ([1]).

Вина его состояла въ слѣдующемъ:

«Встрѣтивши у о.о. церкви, разсуждавшихъ о св. Духѣ, изреченіе, что *Духъ святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына* ([2]), онъ воспользовался этимъ изреченіемъ къ тому, чтобы выставить прибавленіе, сдѣланное латинянами къ сvмволу, какъ нѣчто не важное (Filioque)... Но опасаясь, чтобы его не обвинили за это въ дерзости, онъ увѣрялъ съ страшными клятвами, что дѣлаетъ это не для того, чтобы обвинять нашихъ въ какихъ либо погрѣшностяхъ, равно какъ и не для того, чтобы принять мнѣніе латинянъ, какъ лучшее, а единственно для того, чтобы снять наложенное на нихъ пятно ереси, имѣя въ виду оправдывать не италіянцевъ (за это прибавленіе) а тѣхъ, изъ нашихъ, которые вступили въ общеніе съ ними ради возста-

([1]) Ibid.; p. 27.

([2]) Τὸ ἐκ πατρὸς δι' υἱοῦ τὸ πνεῦμα παρὰ τῶν πατέρων λεγόμενον ἐκπορεύεσθαι ἐπὶ τῇ θεολογίᾳ τοῦ πνεύματος. Ibid.

новленія мира и древняго согласія. Онъ старался также доказать, что предлоги διὰ и ἐκ въ изреченіяхъ о.о. церкви, говорящихъ объ исхожденіи Духа Св. отъ (ἐκ) Отца чрезъ (διὰ) Сына замѣняются одинъ другимъ, какъ въ тѣхъ изреченіяхъ, гдѣ говорится объ исхожденіи Духа Св., такъ и въ тѣхъ, гдѣ говорится о рожденіи Сына. Такъ, по его словамъ, учитъ и «Священное оружехранилище», одобренное церковію (1). Цѣль всего этого состояла въ томъ, чтобы доказать, что и у насъ есть нѣчто подобное сдѣланному латинянами прибавленію къ сумволу (и тѣмъ сдѣлать это прибавленіе менѣе ненавистнымъ). Наконецъ, чтобы отклонить отъ себя всякій упрекъ, онъ прибавилъ три главы къ опредѣленію (ὅρον), читаемому въ недѣлю православія,—именно включилъ анаѳему во 1-хъ тѣмъ, которые Сына считаютъ виновникомъ Духа, во 2-хъ тѣмъ, которые считаютъ Его виновникомъ Духа вмѣстѣ съ Отцемъ, и въ 3-хъ тѣмъ, которые имѣютъ общеніе съ тѣми и другими». Къ этому впрочемъ онъ прибавлялъ, что отнимать отъ предлога διὰ всякую тѣнь *причинности*, въ виду многочисленныхъ и точныхъ изреченій оо. церкви, было бы большою дер-

(1) Ἱερὰ Ὁπλοθήκη—богословскій энциклопедическій сборникъ, составленный по приказанію императора Мануила Комнина (1143—1181), Андроникомъ Каматиромъ, друнгаріемъ Виглы (δρουγγάριος τῆς βίγλας) и принадлежащій къ той же категоріи богословскихъ сочиненій, къ которой принадлежатъ Πανοπλία δογματικὴ Евѳимія Зигабена и Θησαυρὸς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως Никиты Хоніата. Оно остается до сихъ поръ въ рукописяхъ. Веккъ написалъ опровержевіе на толкованіе изреченій отеческихъ, приведенныхъ въ этой книгѣ въ подтвержденіе православнаго ученія объ исхожденіи св. Духа, помѣщенное въ II-мъ томѣ Graecia Orthodoxae Аллація, p. 287—521.

зостью (1). Вотъ все, что онъ говорилъ, и что писалъ, и больше ничего (2)».

Но не изъ-за мнимой ереси Векка бились «ревнители». Имъ хотѣлось заставить его подчиниться Іосифу, испросить у него прощеніе въ томъ, что не только при его жизни занялъ принадлежавшій ему престолъ, но и старался оправдать свой поступокъ въ нарочитыхъ сочиненіяхъ, и наконецъ вынудить у него формальное отреченіе отъ патріаршаго престола (3). Притомъ Евлогія и Музалонъ имѣли особые счеты съ Веккомъ. Они считали его главнымъ виновникомъ опалы, постигшей ихъ въ предшествовавшее царствованіе, и теперь, прикрываясь личиною ревности по благочестію, мстили ему за свою личную обиду.

Желая придать какъ можно больше торжественности суду надъ Веккомъ и еще прежде осужденія подвергнуть публичному позору какъ его самого, такъ и дѣло, котораго онъ являлся защитникомъ, «ревнители» ударили въ набатъ, чтобы собрать зѣвакъ и толпы народа къ мѣсту собора. Это должно было возбудить толки и говоръ въ толпѣ и наэлектризовать ея ненависть къ уніи, латинянамъ и ихъ сторонникамъ однимъ видомъ ведомаго къ суду патріарха (4).

На требованіе собора явиться въ его собраніе и дать отчетъ въ своихъ сочиненіяхъ въ защиту латинянъ, Веккъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ исполнить этого требованія, такъ какъ народъ, считая его глав-

(1) ... Ποιούμενος ὑπ' ἀνάθεμα τρίτον τὸν ἤτοι δοξάζοντα ἢ αἴτιον ἢ μετὰ τοῦ πατρὸς συναίτιον τὸν υἱὸν τοῦ πνεύματος, ἢ συγκοινωνεῖν ἐν γνώσει καταδεχόμενον τοῖς οὕτω λέγουσι καὶ δοξάζουσι.

(2) Pachym. c. 9. 27– 33.

(3) Pachym. c. 9. p. 33.

(4) Pachym. c. 10. p. 33, 34.

нымъ виновникомъ ненавистной ему уніи, при появленіи его придетъ въ бѣшенство и растерзаетъ его ([1]).

Вслѣдствіе этого, великій логоѳетъ вышелъ къ народу и объявилъ тѣмъ, которые особенно сильно бѣсновались въ ожиданіи расправы съ «еретикомъ», что всякое оскорбленіе словомъ или дѣломъ нанесенное подсудимому, будетъ принято императоромъ на свой счетъ и повлечетъ за собою наказаніе, положенное за оскорбленіе величества.

Толпа присмирѣла.

Получивши удостовѣреніе въ своей безопасности, Веккъ явился на соборъ. Судъ надъ нимъ былъ короткій. Ему указали послѣднее мѣсто и потребовали, чтобы онъ оправдался въ томъ, что говорилъ и писалъ въ защиту уніи. Веккъ отвѣчалъ: «я писалъ свои сочиненія единственно потому, что того требовали неотразимыя обстоятельства. И такъ какъ эти обстоятельства теперь миновались, то вамъ столько же не своевременно спрашивать меня объ этомъ, сколько мнѣ безполезно въ этомъ оправдываться. Единственное, что остается рѣшить собору, это слѣдующій вопросъ: такъ какъ въ настоящее время возстановленъ на своемъ престолѣ прежній патріархъ, то что̀ дѣлать съ патріаршимъ саномъ человѣка, которому навязанъ былъ этотъ санъ противъ его воли его избирателями, и котораго всѣ доселѣ признавали и считали законнымъ патріархомъ?»

Послѣднія слова Векка задѣли за живое весьма многихъ и вызвали цѣлую бурю въ собраніи. Со всѣхъ сторонъ завопили: «скажите, пожалуйста, онъ претен-

([1]) Pachym. c. 10. p. 34.

дуетъ на патріаршій санъ, тогда какъ ему нужно еще доказать свое православіе»!

Но заправители дѣла, очень хорошо понимая, что крикомъ и попреками они ничего не добьются отъ Векка, поторопились успокоить своихъ слишкомъ рьяныхъ пособниковъ. Когда тишина была возстановлена, Веккъ, уступая частію убѣжденіямъ, частію угрозамъ своихъ судей, согласился лично извиниться предъ Іосифомъ въ занятіи его престола при его жизни и подписать «покаянную запись», заключавшую въ себѣ изложеніе вѣры, направленное противъ тѣхъ пунктовъ латинскаго ученія, которые онъ бралъ (въ извѣстномъ смыслѣ) подъ защиту въ своихъ сочиненіяхъ, и отреченіе отъ патріаршаго престола (¹)».

(¹) «Покаянная запись» (λίβελλος μετανοίσεως), подписанная Векномъ на этомъ соборѣ, сохранилась; она напечатана у Бандурія въ его Imperium orientale (по венеціанскому изданію византійскихъ историковъ, томъ XXX. p. 653--654). Мы помѣщаемъ ее здѣсь въ переводѣ: «Поелику, гласитъ она, во время недавней неудачной попытки возстановить церковный миръ посредствомъ благоразумнаго приспособленія къ обстоятельствамъ (ἐπείπερ ἐπὶ τῇ προβάσῃ ἐπισφαλῶς οἰκονομίᾳ τῆς ἔνθεν ἐκκλησιαστικῆς εἰρήνης), случалось мнѣ, въ видахъ приведенія всѣхъ къ этому миру, говорить и писать о церковныхъ догматахъ, и при этомъ употреблять выраженія, несогласныя съ священными и божественными догматами и опасныя (ἐπισφαλῶς ἔχοντα), выраженія, на которыя такъ посмотрѣлъ и сей божественный и священный соборъ (ἅπερ οὕτως ἔχοντα καὶ ἡ θεία καὶ ἱερὰ σύνοδος ἐφωράσατο), именно: я говорилъ, что Духъ св. имѣетъ Виновникомъ своего исхожденія (ἐκπορεύσεως) Отца и Сына, находя подтвержденіе этой мысли въ изреченіи: «Духъ св. исходитъ отъ Отца чрезъ Сына»,—вслѣдствіе чего оказывалось двѣ причины Духа и отсюда подразумѣвалось два начала (исхожденія) ближайшее и отдаленное (ὅθεν καὶ δύο ἀναφαίνεται τοῦ Πνεύματος αἴτια, καὶ ἡ προσεχὴς καὶ ἡ πόρρωθεν ἀρχὴ ἐντεῦθεν ὑπονοεῖται), и что Сынъ настолько есть виновникъ бытія (ὑπάρξεως) св. Духа, на сколько это заключается въ предлогѣ *чрезъ*. Такъ какъ всѣ эти выраженія я употреблялъ и въ устныхъ бесѣдахъ и въ сочиненіяхъ, и такъ какъ я, а не другой кто, и говорилъ и писалъ все это, и кромѣ того говорилъ и писалъ, что Отецъ и Сынъ являются (въ актѣ исхожденія) не двумя виновниками, а единымъ виновникомъ Духа св., что онъ (Духъ святый) имѣетъ бытіе отъ нихъ (ἐξ ὧν, какъ

Іосифъ, узнавши потомъ объ этомъ насиліи человѣку, ничѣмъ не погрѣшившему противъ чистоты пра

отъ одного начала и источника (ὡς ἀπὸ μιᾶς ἀρχῆς καὶ πηγῆς ἔχει τὸ εἶναι); то отъ всего этого, равно какъ и отъ другаго подобнаго—если таковое окажется (въ моихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ), заключающаго въ себѣ такія же неумѣстныя уклоненія отъ догмата, предъ Богомъ и страшными Его ангелами, равно какъ и предъ симъ божественнымъ и священнымъ соборомъ, отъ всего сердца (ἐκ ψυχῆς μέσης), безъ всякаго лукавства и безъ всякой задней мысли (καὶ τοῦ ἄλλα μὲν κρύπτειν, ἄλλα δὲ λέγειν) отвращаюсь, отмѣняю все это и отвергаю (ἀποτρέπομαι καὶ ἀθετῶ καὶ ἀποβάλλομαι), какъ угрожающее конечной гибелью душѣ (ὡς εἰς ἔσχατον ψυχῆς ὄλεθρον φέροντα). Сердцемъ и устами исповѣдую, какъ издревле исповѣдуетъ святая каѳолическая церковь, и мудрствую подобно ей, о святой Троицѣ, Единомъ Богѣ такъ: Отецъ не получилъ бытія ни отъ другаго кого, ни отъ Себя Самаго, а безначаленъ и безвиновенъ; Единородный Сынъ Божій получилъ бытіе отъ Отца посредствомъ рожденія (γεννητῶς), и имѣетъ своимъ виновникомъ Отца; относительно Духа св. исповѣдую и вѣрую, что онъ имѣетъ бытіе отъ Бога и Отца посредствомъ исхожденія (ἐκπορευτῶς), и что Отецъ, по словамъ священныхъ учителей, есть виновникъ Сына и св. Духа, такъ какъ изреченіе: *Духъ св. исходитъ чрезъ Сына*, вовсе не дѣлаетъ Сына виновникомъ св. Духа, ни самаго по Себѣ, ни вмѣстѣ съ Отцомъ такъ, чтобы Сынъ и Отецъ, по неосновательному представленію нѣкоторыхъ иномыслящихъ, представляли единаго виновника и единое начало Духа. Такъ и о семъ мудрствую и молю Бога, да сподобитъ меня такъ мудрствовать и до послѣдняго моего издыханія; равно какъ и относительно всѣхъ другихъ догматовъ быть единомысленнымъ съ святою каѳолическою церковію Божіею, согласно вышеизложенному исповѣданію; всѣхъ же не такъ мудрствующихъ, или имѣющихъ мудрствовать на будущее время, считаю находящимися внѣ общенія (съ церковью), отверженными, далеко уклонившимися отъ православной вѣры христіанской (ἀκοινωνήτους ἔχω καὶ ἀποβλήτους καὶ πόῤῥω τῆς τῶν χριστιανῶν ὀρθοδόξου πίστεως) Такова моего исповѣданія и вѣры запись, чрезъ которую предъ всѣми признаюсь, свидѣтельствую и ясно провозвѣщаю, какъ я содержу еже по Бозѣ благочестіе, и какъ всецѣло пріемлю евангельскіе и отеческіе догматы. А поелику за дерзновеніе, съ какимъ я неразсудно дерзнулъ (посягнуть) на нѣкоторые изъ вышереченныхъ божественныхъ догматовъ, я присужденъ къ лишенію архіерейскаго сана святѣйшимъ господиномъ и вселенскимъ патріархомъ, и сущимъ при немъ божественнымъ и священнымъ соборомъ (τῆς περὶ αὐτὸν ἱερᾶς..., на которомъ присутствуетъ и святѣйшій папа и патріархъ Александріи, то я пріемлю это лишеніе, какъ законно и канонически совершившееся, доволенъ (στέργω) имъ, какъ законнымъ и праведнымъ, и никогда не буду пытаться возвратить себѣ священство».

вославія, призналъ вынужденное у него отреченіе не законнымъ, такъ какъ оно было противно канонамъ [1].

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Веккъ былъ сосланъ, по требованію Іосифитовъ, въ Прузу. Андроникъ, чувствовавшій себя виноватымъ въ двойной измѣнѣ бывшему патріарху, озаботился устроить его здѣсь прилично его высокому положенію [2].

Раздѣлавшись съ Веккомъ, торжествующіе Іосифиты не забыли и о покойномъ императорѣ. Они потребовали, чтобы онъ былъ лишенъ христіанскаго погребенія и поминовенія. Слабый Андроникъ исполнилъ и это требованіе.

Тогда же, вѣроятно, издалъ онъ и преловутый манифестъ, на который давно подбивали его Музалонъ съ Евлогіей [3], и о которомъ говоритъ Григора,—манифестъ, въ которомъ онъ торжественно отрекался отъ уніи, сваливая всю отвѣтственность за нее на своего отца, объявлялъ «исправленіе безпорядковъ, допущенныхъ въ церкви, возвращеніе всѣхъ, за ревность свою о церкви подвергшихся ссылкѣ, и помилованіе испытавшихъ другое какое либо бѣдствіе [4]».

Всѣми этими жертвами онъ надѣялся удовлетворить суровыхъ ревнителей и возстановить желанное спокойствіе въ церкви и имперіи. Но, увы! это были мечты, грезы на яву! замѣчаетъ нашъ историкъ [5].

(1) Ὅπερ μαθὼν ὕστερον Ἰωσήφ, τὴν ἐπὶ τῇ παραιτήσει βίαν ὀρθοσεβοῦντος, ὡς οὐ κανονικήν, ἄδικον ἔκρινεν. Pachym. l. 1. c. 10. p. 36.

(2) Ibid. p. 33.

(3) Pachym. lib. 1. c. 2. p. 14.

(4) Григор., стр. 152.

(5) Pachym. lib. 1. c. 11 p. 36.

Оказалось, что онъ расчитывалъ безъ третьяго игрока и потому жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ.

Пока Іосифиты, предводимые Евлогіей и Музалономъ, торжествовали свою некрасивую побѣду надъ живыми и мертвыми, вольными и невольными сторонниками уніи, ихъ соперники «по ревности» Арсениты также стягивались со всѣхъ сторонъ къ столицѣ, чтобы принять свою долю участія въ торжествѣ православія и въ «исправленіи безпорядковъ, допущенныхъ въ церкви». Историкъ говоритъ, что самъ императоръ далъ имъ не гласное позволеніе собраться въ столицу, въ надеждѣ примирить ихъ съ церковію. Они группировались вокругъ своихъ старинныхъ милостивцевъ при дворѣ,—извѣстнаго намъ «ревнителя» Іоанна Тарханіота, двоюроднаго брата императорскаго, и его сестеръ—монахинь Ѳеодосіи и Ностонгониссы, и если еще не выступали прямо со своей программой «исправленія», то съ одной стороны потому, что не представлялось пока благопріятнаго случая, съ другой потому, что поджидали своего главу Андроника Сардскаго, который почему-то замедлилъ въ своемъ монастырѣ. Іакинфъ со своими «учениками» былъ уже на лицо (1). Вѣроятно здѣсь же были и Мануилъ и Исаакъ Раули, и Іоаннъ Палеологъ, и Лазарь Гаріанита и Макарій Голубь (2).

Но не пассивно ждали Арсениты наступленія благопріятнаго момента и прибытія своего вождя для вмѣшательства въ игру, а исподоволь подготовляли константинопольскую публику къ своей будущей роли въ этой игрѣ, —именно: они громко возобновили свое ста-

(1) Pachym. lib. 1. c. 12 p. 38.

(2) См. Христ. Чтеніе за 1869 г., декабрь, стр. 1013.

ринное обвиненіе противъ Іосифа въ противозаконномъ занятіи патріаршаго престола при жизни несправедливо низложеннаго Арсенія и сказаніе о мнимомъ, или истинномъ отлученіи его Арсеніемъ отъ церкви.

Іосифиты очень хорошо поняли, къ чему клонятся деклараціи Арсенитовъ, тѣмъ болѣе, что не замедлили обнаружиться и слѣдствія этихъ декларацій въ весьма замѣтномъ увеличеніи ихъ сторонниковъ, которые, подобно имъ, стали уклоняться отъ церковнаго общенія съ Іосифомъ и его приверженцами [1]. Они поняли, что ихъ непримиримые соперники не только хотятъ лишить ихъ всѣхъ плодовъ, пріобрѣтенныхъ ими въ послѣднее время въ награду за свою «ревность» по вѣрѣ, но и привлечь ихъ къ отвѣту не только за ихъ настоящее поведеніе относительно уніонистовъ но и за прошедшее ихъ поведеніе относительно Арсенія и его партіи: поняли, что Арсениты вызываютъ ихъ на борьбу не на животъ, а на смерть, и не на шутку встревожились. Впрочемъ, пока живъ былъ Іосифъ, борьба эта не слишкомъ ихъ затрудняла. Они легко набросили тѣнь подозрѣнія на своихъ недруговъ въ глазахъ императора, выставивши ихъ раскольниками, столь же опасными для единства церкви, сколько и для спокойствія и благосостоянія государства. Но по мѣрѣ того, какъ силы Іосифа упадали и надежда на продолженіе его жизни ослабѣвала, уменьшалась и самоувѣренность Іосифитовъ; между тѣмъ какъ энергія и силы ихъ противниковъ возрасли до

(1) Καὶ τὴν ἐκείνου (Іосифа) κοινωνίαν μὴ ὅτι γ' ἐκεῖνοι (Арсениты) ὡς ἄγος ἐξέκλινον, ἀλλὰ καὶ πολλοὺς ἔπειθον φεύγειν, ὥστε καὶ ὁσημέραι πλείους ἐκείνοις προστίθεσθαι κἀξ ὀλίγων τῶν πρώτων πολλοὺς γίνεσθαι. Pachym. c. 12 p. 37.

того, что императоръ увидѣлъ себя въ необходимости считаться съ ними ([1]).

Наконецъ смерть Іосифа, послѣдовавшая черезъ нѣсколько недѣль послѣ ссылки Векка— именно въ началѣ марта того же 1283 г., совершенно уравняла положеніе и шансы противниковъ ([2]). Іосифиты, оставшись безъ главы, очутились въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находились Арсениты, и должны были вести съ ними борьбу al pari.

Которая изъ двухъ партій по праву можетъ считаться истинною представительницею церкви? Вотъ тотъ вопросъ, который раздѣлялъ обѣихъ соперницъ и дѣлалъ примиреніе между ними не возможнымъ.

Каждая изъ нихъ со своей точки зрѣнія смотрѣла на другую, какъ на раскольническую. Іосифиты, считая себя съ Іосифомъ истинными представителями церкви, считали Арсенитовъ злыми и упорными раскольниками, безъ достаточной причины уклоняющимися отъ общенія съ нею. Арсениты въ свою очередь считали себя однихъ истинными представителями церкви, смотрѣли на Іосифитовъ, какъ на сонмище лукавнующихъ въ нѣдрахъ истинной церкви, избравшихъ своимъ главою человѣка, не только восхитившаго себѣ противо-канонически патріаршій санъ при жизни законнаго патріарха, но и отлученнаго этимъ послѣднимъ отъ общества вѣрующихъ, и слѣдовательно не заслуживающаго не только имени патріарха, но и просто христіанина.

Положеніе Андроника между партіями, выступав-

([1]) Ibid. c. 13. p. 39.

([2]) Историки говорятъ, что Іосифъ за нѣсколько дней до смерти формально отказался отъ престола. См. Pachym. lib. 1. c. 12 p. 37—38. ср. Григор., стр. 154.

шими съ такими радикальными претензіями одна противъ другой, сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Съ той и другой изъ нихъ его связывали нравственныя узы, которыхъ онъ не могъ порвать безъ дальнихъ околичностей. Съ партіей арсенитовъ связывало его уваженіе къ личности ихъ главы и сознаніе вопіющей несправедливости, ему сдѣланной; съ партіей Іосифитовъ - не давнее торжественное возстановленіе Іосифа на патріаршемъ престолѣ и коронованіе изъ его рукъ императорскою короною. Это послѣднее обстоятельство особенно озабочивало Андроника. Отрицаніе законности хиротоніи Іосифа казалось ему равносильнымъ отрицанію дѣйствительности его собственной коронаціи (¹). Притомъ его ближайшіе родственники и лучшіе совѣтники дѣлились между обѣими партіями. Необходимо было щадить убѣжденія и чувства тѣхъ и другихъ.

Все это наталкивало его на попытку примирить такъ или иначе обѣ партіи, попытку, которую давнымъ давно подсказывала ему его природная наклонность къ среднимъ путямъ, къ выжидательному образу дѣйствій. Такъ какъ арсениты вынесли весьма много горькихъ воспоминаній изъ своихъ прежнихъ столкновеній съ іосифитами, которые во дни своего владычества весьма безцеремонно давали чувствовать свою силу своимъ противникамъ; то императоръ, справедливо предполагая, что эти воспоминанія играютъ весьма важную роль въ той ожесточенной оппозиціи, въ которою они выступили теперь противъ іосифитовъ, рѣшился прежде всего ослабить въ нихъ чувство раздраженія и злости противъ своихъ недруговъ и съ

(¹) Pachym. c. 13, p. 39.

этою цѣлію открылъ съ ними личныя конференціи въ своемъ дворцѣ. Посредникомъ въ этихъ конференціяхъ служилъ Іоаннъ Тарханіотъ. Онъ приводилъ къ императору вліятельнѣйшихъ изъ своей партіи и неизмѣнно присутствовалъ на всѣхъ ихъ совѣщаніяхъ. Императоръ принималъ своихъ гостей весьма предупредительно, осыпалъ ихъ ласковыми словами, заботливо освѣдомлялся объ ихъ нуждахъ, спѣшилъ удовлетворять ихъ щедрою рукою,—словомъ, дѣлалъ все возможное, чтобы пріобрѣсти ихъ довѣріе, возбудить въ нихъ благодарность и привязанность къ себѣ, успокоить ихъ смятенныя души, смягчить ожесточенныя сердца; но старался избѣгать разговоровъ объ Іосифѣ, чтобы не скомпрометировать своихъ отношеній къ его партіи, съ которою онъ не хотѣлъ и даже не считалъ возможнымъ прервать сношенія по выше изложеннымъ причинамъ.

Арсениты, настроенные своимъ милостивцемъ, вели себя на этихъ совѣщаніяхъ съ такою же выдержанностію и осторожностію, какъ и ихъ царственный собесѣдникъ. Съ признательностію выслушивали отъ него ласковыя слова, съ благодарностію принимали оказываемыя имъ милости; но въ концѣ концовъ рѣшительно объявили, что не хотятъ имѣть ничего общаго съ іосифитами, вызываясь доказать справедливость своего отдѣленія отъ нихъ «судомъ Божіимъ». Съ этою цѣлію они попросили себѣ одну изъ городскихъ церквей, въ которой ни разу не было совершено богослуженіе во время патріаршества Іосифа.

Императоръ склонился на ихъ просьбу и приказалъ передать въ ихъ распоряженіе церковь всѣхъ святыхъ, которая почему-то давнымъ давно оставалась

безъ богослуженія, хотя по своимъ размѣрамъ и богатству украшеній принадлежала къ числу лучшихъ церквей столицы [1]. Получивши въ свои руки эту церковь, арсениты открыли въ ней богослуженіе. При этомъ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы никто не принадлежащій къ ихъ обществу не могъ попасть въ ихъ церковь, своимъ присутствіемъ не осквернилъ бы ее и тѣмъ не помѣшалъ бы совершенію ожидаемаго чуда.

Они надѣялись совершить чудо въ родѣ того, какое совершилось въ Халкидонѣ во время засѣданій IV вселен. собора въ гробницѣ св. великомученицы Евѳиміи Всехвальной, именно:—увѣряли, что свитокъ, въ которомъ они изложатъ причины своего отдѣленія отъ іосифитовъ и который положатъ въ ногахъ святого, очутится, по ихъ молитвамъ, въ его рукахъ; вслѣдствіе этого они обратились къ императору съ новою просьбою—дать имъ мощи одного изъ святыхъ нетлѣнно почивающихъ въ городѣ, вмѣстѣ съ ракою, въ которой онѣ почиваютъ. Императоръ исполнилъ и эту просьбу и приказалъ передать имъ раку съ мощами св. Іоанна Дамаскина; но во избѣжаніе какого либо подлога съ ихъ стороны, повелѣлъ устроить новую раку, въ которую помѣстились бы мощи святого и вмѣстѣ съ ихъ прежнею ракою, замкнуть эту вторую раку нѣсколькими замками и запечатать нѣсколькими печатями, такъ чтобы никто, будь онъ искуснѣе самого Дедала, не проникъ бы въ нее [2].

(1) Pachym. c. 13, p. 40.

(2) Βασιλεὺς προστάσσει ἐπισκευασθῆναι μὲν ἑτέραν μείζονα θήκην, καὶ σῶμα καὶ θήκην αὐτὴν ἐν ᾗ τὸ σῶμα χωρήσουσαν, οὕτω δὲ ταύτην οἵαν τ᾽ εἶναι ἀσφαλισθῆναι καὶ κλεισὶ καὶ σφραγῖσιν ὡς μηδὲ τὸν ἐντεχνότατον κατὰ Δαίδαλον παρεγχειρεῖν μηδ᾽ ὁτιοῦν δύνασθαι. Pachym. lib. 1. c. 13, p. 41.

Пока всѣ эти распоряженія приводились въ исполненіе арсениты усердно готовились къ совершенію чуда постомъ и молитвами. Но въ то время, когда все уже было готово. и оставалось лишь приступить къ самому совершенію обѣщаннаго чуда, императоръ вдругъ отмѣнилъ свои распоряженія. Историкъ говоритъ, что причиною этой отмѣны было опасеніе за свою коронацію, которая была бы сильно скомпрометирована въ случаѣ совершенія чуда; но не берется рѣшить,—самому ли ему пришло въ голову это опасеніе, или другіе ему подсказали. Какъ-бы то ни было, самъ ли Андроникъ, или тѣ, чьимъ интересамъ непосредственно угрожалъ приготовляемый экспериментъ, испугались, какъ бы онъ и на самомъ дѣлѣ не сопровождался тѣми результатами, которыхъ съ такою увѣренностію ожидали смѣлые экспериментаторы, и потому во избѣжаніе вящшихъ затрудненій, рѣшено было остановить ихъ во время.

Предъ арсенитами эта отмѣна прежнихъ распоряженій была мотивирована тѣмъ, что «время чудесъ въ церкви прошло съ распространеніемъ истинной вѣры, что въ настоящее время для удостовѣренія въ истинѣ достаточно отеческихъ твореній, что когда извѣстный евангельскій богачъ потребовалъ, чтобы кто нибудь изъ мертвыхъ возсталъ для вразумленія его братьевъ, то получилъ въ отвѣтъ, что они имѣютъ Моусея и пророковъ, и пусть ихъ слушаютъ (Лук. 16, 29). По всѣмъ этимъ соображеніямъ императоръ посовѣтовалъ арсенитамъ смиренно ждать обнаруженія воли Божіей, а не искушать ее дерзновенными вызовами» ([1]).

(1) Pachym. c. 13, p 41—42.

Неизвѣстно, какъ былъ принятъ этотъ умный совѣтъ арсенитами; но извѣстно, что послѣ этого Андроникъ значительно охладѣлъ къ нимъ и снова обратился къ іосифитамъ, дѣло которыхъ показалось ему теперь болѣе справедливымъ, — что́ и наводитъ на предположеніе, что опасеніе за коронацію внушено было ему іосифитами.

Но поелику въ его разсчеты вовсе не входило отталкивать отъ себя окончательно арсенитовъ, а пріобрѣсти ихъ такъ или иначе для церкви, то онъ продолжалъ поддерживать съ ними прежнія сношенія съ цѣлію устроить ихъ соглашеніе съ іосифитами на какомъ нибудь компромиссѣ. Удобный случай къ тому представляло предстоявшее избраніе преемника Іосифу на патріаршемъ престолѣ. Задушевное желаніе обѣихъ партій состояло въ томъ, чтобы занять это мѣсто кѣмъ либо изъ своихъ. Но такъ какъ исполненіе этого желанія въ одностороннемъ интересѣ равнялось бы прямому разрыву съ одной изъ партій,—что́, какъ мы сказали, не входило въ виды Андроника, — то онъ рѣшился на среднюю мѣру, — именно задумалъ возвести на это мѣсто такого человѣка, противъ котораго не имѣла бы ничего сказать ни та, ни другая партія, и который бы, по своему уму, опытности и миролюбивому характеру, могъ бы съ успѣхомъ разыграть роль посредника и миротворца между той и другой.

Выборъ его палъ на Георгія кипрскаго. Этотъ человѣкъ казался ему вполнѣ отвѣчающимъ его видамъ, какъ по своимъ талантамъ, характеру и образованію, такъ и потому, что формально не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой партіи. Онъ принад-

лежалъ къ нейтральной партіи Акакія Фригійскаго и его ученика Германа,—партіи, отдѣлявшей догматическій вопросъ отъ каноническаго и потому ратовавшей только съ уніонистами и старавшейся ладить какъ съ іосифитами, такъ и съ арсенитами (¹). Между тѣмъ, были у него пункты соприкосновенія съ той и другой изъ этихъ двухъ партій: съ партіей іосифитовъ связывало его то, что онъ былъ посвященъ въ протоапостоларіи Іосифомъ; съ партіей арсенитовъ — глубокое уваженіе, которое онъ оказывалъ къ памяти Арсенія. Но какъ устроить избраніе? Если повести его обыкновеннымъ порядкомъ, то, при возбужденіи партій, трудно было разсчитывать, чтобы выборъ палъ на Георгія; съ другой стороны и обойти этотъ порядокъ въ самомъ же началѣ царствованія и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, казалось ему неудобнымъ и потому онъ рѣшился повести дѣло такъ, чтобы и форма была соблюдена и результатъ выборовъ былъ обезпеченъ. Съ этою цѣлью онъ началъ приглашать къ себѣ болѣе вліятельныхъ изъ епископовъ и склонять ихъ въ пользу намѣченнаго имъ кандидата; а такъ какъ въ конечной цѣли имѣлось въ виду достигнуть, при помощи его, соглашенія между двумя враждебными партіями и, слѣдовательно, весьма важно было заручиться и согласіемъ партій на его выборъ, то Андроникъ тотъ же пріёмъ употребилъ и относительно главъ партій. Со стороны арсенитовъ на интимныя совѣщанія къ императору былъ приглашенъ глава

(¹) Этимъ и объясняется, какъ Георгій могъ очутиться въ числѣ „ревнителей-іосифитовъ“ на Константинопольскомъ соборѣ въ февралѣ 1283 г., осудившемъ Векка.

ихъ—монахъ Аѳанасій, бывшій Андроникъ сардскій. Честолюбивый арсенитъ самъ имѣлъ виды на патріаршій престолъ; но, уступая представленіямъ императора, согласился помириться на возстановленіи себя въ санѣ и правахъ епископа сардскаго и возведеніи въ званіе духовника императорскаго. Будущій патріархъ поспѣшилъ съ своей стороны задобрить суроваго «ревнителя» тѣмъ, что «безъ всякой нужды, а единственно изъ ласкательства и для обезпеченія себѣ его согласія, подошелъ къ нему подъ благословеніе» (1).

Когда такимъ образомъ согласіе важнѣйшихъ избирателей и главъ партій было получено, то результатъ избранія не могъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. И дѣйствительно Георгій былъ избранъ въ патріархи соборомъ епископовъ и утвержденъ императоромъ, который, «по установившемуся издревле обычаю, съ царскаго мѣста вручилъ ему пастырскій жезлъ» (2).

Хиротонія новаго патріарха была совершена еще съ большими предосторожностями, чѣмъ хиротонія Іосифа. Въ виду щекотливости партій нужно было отыскать такого епископа, который не только бы не «соглашался въ догматѣ съ царемъ Михаиломъ», но и не принималъ никакого участія въ распрѣ между Арсеніемъ и Іосифомъ. Поиски продолжались недолго. «Немного спустя, случайно ли или, лучше, по устроенію Промысла Божія, прибылъ въ Константинополь посломъ отъ тогдашняго правителя Этоліи, деспота Никифора, епископъ Козилы, и вмѣстѣ съ нимъ при-

(1) Pachym. lib. 14 p. 44.
(2) Григор., стр. 156.

былъ и изъ Македоніи епископъ Девръ, не въ качествѣ посла, а по другой надобности. Оба они соблюли себя отъ сообщества съ тѣми, которые добровольно согласились на догматическую новость; но козильскій епископъ былъ предпочтенъ епископу деврскому. Козильскій епископъ зависѣлъ отъ навпактской митрополіи, а навпактская митрополія—отъ константинопольскаго престола, между тѣмъ, какъ деврскій епископъ былъ подчиненъ престолу первой Юстиніаны. Поэтому козильскій епископъ былъ болѣе пригоденъ къ тому, чтобы послужить настоящимъ нуждамъ, чѣмъ епископъ деврскій» (1).

Въ монастырѣ св. Предтечи найдена была среди виноградниковъ давнымъ-давно заброшенная маленькая церковь. Въ этой церкви епископъ козильскій, въ присутствіи пяти или шести человѣкъ, подобно ему соблюдшихъ себя отъ «соблазна», постригъ Георгія кипрскаго въ монахи, переименовавъ его въ Григорія, и посвятилъ его изъ чтецовъ въ діаконы. Въ тотъ же день онъ былъ нареченъ и патріархомъ, по вышеизложенному церемоніалу (2), и «дѣятельно принялся за управленіе дѣлами, которыя хотя и входили въ область патріаршаго права, но могли быть исправляемы и безъ патріаршаго посвященія» (3).

Съ такими же предосторожностями былъ избранъ и рукоположенъ и архіепископъ ираклійскій, долженствовавшій, по древнему обычаю, рукоположить Григорія въ патріархи. Григорій, послѣ императорскаго утвержденія, располагавшій уже патріаршими права-

(1) Григор., стр. 156.
(2) Pachym. c. 14, p. 44
(3) Григор., стр. 156.

ми, нарекъ въ ираклійскіе архіепископы своего духовника Германа, ученика извѣстнаго намъ Акакія фригійскаго, которые, въ качествѣ главъ особой партіи, фигурировали на извѣстномъ собраніи, гдѣ императоръ Михаилъ Палеологъ старался склонить представителей всѣхъ партій къ миру и соединенію съ церковію словами параволики Ихнилата ([1]).

Хиротонія Германа была совершена епископомъ Козильскимъ въ храмѣ св. Ирины, престолъ которой былъ предварительно вновь освященъ. Чрезъ нѣсколько дней Германъ рукоположилъ Григорія во священника, а въ Вербное воскресенье, которое въ этомъ году приходилось 11 апрѣля, въ патріарха ([2]).

«Не лишне будетъ, замѣчаетъ нашъ историкъ, сообщить кое-какія подробности и относительно того, какъ совершена была хиротонія Григорія».

Прежде всего найдено было нужнымъ совершить обрядъ освященія престола Великой церкви ([3]), въ которой должна была совершиться хиротонія патріарха. Вокругъ будущаго патріарха собрались толпы отщепенцевъ (οἳ δὴ καὶ τῶν σχιζομένων),—люди, совершенно незнакомые съ обрядомъ, который собирались совершать, а думавшіе замѣнить недостатокъ знанія «ревностію» Они не только не знакомы были съ чиномъ хиротоніи, но и вообще съ порядками богослуженія, такъ, что настояла опасность опустить что нибудь изъ существеннаго. Намѣреніе ихъ состояло

([1]) См. Христ. Чтен. За 1869 г. декабрь, стр. 1031.

([2]) Pachym. c. 14, p. 42—45. Пасха въ этомъ году была, по вычисленію Поссина, 18 апрѣля. Vid Observationes Pachymevianae. lib. III. p 780.

([3]) Ἥγιστο μὲν εὐχαῖς τε καὶ ἁγιάσμασιν ἡ τῆς μεγίστης ἐκκλησίας ἱερὰ τράπεζα.

въ томъ, чтобы не допустить никого изъ клириковъ великой церкви, кто бы онъ ни былъ, не только принять прямое участіе въ совершеніи хиротоніи, но и просто видѣть ее. Только горькая необходимость заставила ихъ пригласить одного изъ клириковъ, именно великаго екклисіарха, чтобы онъ показывалъ и училъ ихъ, что̀ и какъ нужно было дѣлать. Имъ казалось, что они могутъ дозволить себѣ это маленькое отступленіе, лишь бы соблюдено было все остальное. Для всѣхъ же остальныхъ клириковъ двери были заперты. За дверьми же стоялъ и великій логоѳетъ: хотя никто не запрещалъ ему войти въ церковь, но самъ онъ считалъ себя недостойнымъ присутствовать при совершеніи священнодѣйствія. Помѣстившись поодаль отъ закрытыхъ дверей, онъ стоялъ съ опущенными долу глазами, въ положеніи человѣка, сознающаго свое недостоинство. Приняты были также мѣры и къ тому, чтобы не дать видѣть совершеніе священнодѣйствія съ верхнихъ галлерей, извѣстныхъ подъ именемъ «Катехуменъ» (Κατηχουμενεῖαι), тѣмъ, которыхъ не удержало бы отъ неумѣстнаго любопытства сознаніе своего недостоинства. Когда богослуженіе кое-какъ было совершено и освящены были три хлѣба для употребленія въ первые три дня страстной недѣли ([1]), патріархъ отправился къ царю, чтобы съ нимъ отпраздновать праздникъ по заведенному обычаю; клирикамъ же снова былъ прегражденъ доступъ къ священнымъ собраніямъ не на основаніи какого либо церковнаго закона, а согласно эпитиміи, наложенной на нихъ патріархомъ

([1]) На литургіи преждеосвященныхъ даровъ, которая по церковному уставу въ эти дни обыкновенно совершается.

Іосифомъ. Насталъ второй день (понедѣльникъ); для окружавшихъ патріарха храмъ былъ открытъ; для клириковъ же святилище было недоступно. На третій день (вторникъ) то же самое. Когда же насталъ четвертый день, то рѣшились сдѣлать имъ (клирикамъ) нѣкоторое снисхожденіе; но при этомъ возникло разногласіе между ними и клириками (относительно условій, на которыхъ первые хотѣли оказать снисхожденіе послѣднимъ), перешедшее въ оживленный споръ, такъ что въ этомъ спорѣ прошло время, положенное для совершенія литургіи прежде освященныхъ даровъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ порѣшили на томъ, что «ревнители» во главѣ предводимой ими толпы станутъ шпалерами въ два ряда у наружныхъ портиковъ, ведущихъ въ преддверіе храма, а желающіе удостоиться «снисхожденія» пройдутъ между ними въ церковь, кланяясь въ землю на ту и другую сторону и испрашивая себѣ прощенія, и такимъ образомъ сподобятся сопричисленія къ церкви (τῆς συνεκκλησιάσεως). Совершивши въ сумеркахъ вечерню (литургія была опущена, потому-ли, что пропущено было уреченное время, или потому, что не хотѣли еще удостоившихся снисхожденія допустить до участія въ преломленіи хлѣба, какъ оказалось на слѣдующій день), разошлись по своимъ домамъ. Въ великій четвергъ совершена была литургія въ присутствіи удостоенныхъ снисхожденія, но ревнители, желая обмануть ихъ на счетъ освященія (ἁγιάσμον), тайкомъ послали на рынокъ купить хлѣбовъ и, разломивши ихъ на мелкія части, роздали ихъ послѣднимъ вмѣсто причастія,—что̀ вскорѣ же и открылось и повергло несчастныхъ въ ужасную тоску. Этимъ дано имъ было понять, что̀ ожи-

даетъ ихъ въ будущемъ, такъ что они не столько страдали отъ того, что̀ уже испытали, сколько отъ мысли о томъ, что̀ еще придется имъ испытать далѣе»...

«Насталъ и праздникъ праздниковъ (пасха), когда какъ служители церкви, такъ и простые вѣрующіе даютъ другъ другу лобзаніе любви. Приглашены были и архіереи, приглашены были и клирики и, собравшись на второй день пасхи, дали другъ другу святое лобзаніе, какъ того требовали время и обычай» ([1]).

«Но все это было злой насмѣшкой. Люди опытные предугадали это по слѣдующимъ предзнаменованіямъ. Одному епископу пригрезился сонъ, будто бы онъ присутствуетъ въ патріаршемъ соборѣ и видитъ, что всѣ сѣдалища, начиная съ патріаршаго, опрокинулись, и всѣ засѣдавшіе грохнулись на землю, такъ что возбудили жалость въ присутствующихъ. Другое предзнаменованіе: въ началѣ мѣсяца Вондроміона (апрѣля), когда солнце, поворачивая на весну, сіяетъ ярче, чѣмъ прежде, благодаря тому, что въ это время зимнія облака разгоняются вѣтромъ, на самой срединѣ неба вдругъ заблестѣлъ Сатурнъ... Одни видѣли въ этомъ доброе предзнаменованіе. Имъ казалось, что новый патріархъ засіяетъ добрыми дѣлами и разгонитъ мракъ невѣжества и умопомраченія. Но болѣе знающіе (λόγιοι) люди находили, что это скорѣе предзнаменовываетъ помраченіе и потерю чести для величайшихъ мужей: высота звѣзды соотвѣтствуетъ величію сихъ мужей, а поелику эта звѣзда холодная и суровая; то эти свойства свои она передаетъ и ихъ

([1]) Pachym. c. 15, p. 45—49.

величію, такъ что они будутъ охвачены несчастіемъ, какъ мразомъ, идущимъ по пятамъ Сатурна» [1].

На второй недѣлѣ послѣ пасхи былъ обнародованъ императорскій декретъ, которымъ монахъ Аѳанасій возстановлялся въ санѣ епископа сардскаго, переименовывался снова въ Андроника и назначался въ духовники царскіе. Встрепенулась суровая душа жестокаго старика. «Богъ сохранилъ мнѣ жизнь до сихъ поръ [2], чтобы дать мнѣ возможность отмстить за себя!» воскликнулъ онъ, получивши этотъ указъ, и впалые глаза его загорѣлись зловѣщимъ блескомъ».

«Совершилось нѣчто странное и жалости достойное! Этому человѣку суждено было отмстить тѣмъ, которые допустили совершиться всему вышеописанному. Имъ желательно было ограничиться отмѣною того, что сдѣлано было за послѣднее время относительно папы вопреки канонамъ, какъ они говорили, и возстановленіемъ прежнихъ порядковъ на этотъ счетъ; а ему хотѣлось поднять старину, хотѣлось потребовать (у кого слѣдуетъ) отчета въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ относительно Іоанна, сына императора Ѳеодора Ласкариса, въ измѣнѣ патріарху Арсенію и наконецъ въ оставленіи на произволъ судьбы его самого (Андроника); какъ архіереи, они должны были слѣдовать за ними (Арсеніемъ и Андроникомъ), а не отступаться отъ патріарха, какъ они сдѣлали, и не искать на мѣсто его другаго, не оставлять также на произволъ судьбы и его (Андроника), когда онъ поревновалъ (о несправедливо низложенномъ патріар-

---

(1) Pachym. c. 16, p. 49 -50.

(2) Ему было уже за 80 лѣтъ.

хѣ), и не передавать его церкви Халазѣ ([1]). Раздраженный всѣмъ этимъ, онъ привлекъ къ отвѣтственности не только тѣхъ (архіереевъ), которые остались еще въ живыхъ отъ того времени (времени перваго удаленія Арсенія отъ престола въ 1260 г.), но и тѣхъ, которые были рукоположены позднѣе» ([2]).

На той же недѣлѣ, для удовлетворенія претензій Андроника былъ составленъ соборъ во Влахернскомъ храмѣ. Лице императора на этомъ соборѣ представлялъ Михаилъ Стратигопулъ, не задолго предъ тѣмъ возведенный въ достоинство протостратора. Церковь представляли собою патріархъ Григорій и Андроникъ сардскій.

Влахернскій соборъ былъ торжествомъ арсенистовъ. Всѣми его дѣйствіями заправлялъ Андроникъ сардскій, облеченный неограниченнымъ полномочіемъ со стороны императора. Патріархъ присутствовалъ лишь для того, чтобы одобрять всѣ распоряженія Андроника, а представитель императора для того, чтобы приводить ихъ немедленно въ исполненіе при помощи военной команды, которая съ этою цѣлію была помѣщена у церковныхъ дверей. Патріархъ Григорій и Андроникъ сардскій, окруженные огромной толпой «отщепенцевъ» (τῶν σχιζομένων), помѣстились на одну сторону церкви; представитель императора съ царскими экдиками, долженствовавшими вести протоколы соборныхъ дѣяній, заняли другую. Подсудимыми были епископы, обвиняемые въ троякой измѣнѣ — Іоанну Ласкарису, патріарху Арсенію и

([1]) Преемникъ Андроника на Сардской каѳедрѣ, рукоположенный патріархомъ Никифоромъ въ Никеѣ въ 1260 г., см. Христ. Чтен. за 1867 г. Декабрь, стр. 956—957.

([2]) Pachym. c. 17, p. 50—52.

Андронику сардскому, и внесенные этимъ послѣднимъ въ особый списокъ, съ которымъ онъ и явился на засѣданіе собора.

Царскимъ экдикамъ оказалось здѣсь немного дѣла. На соборѣ раздавались только слова, выкрикиваемыя нѣсколькими голосами: «привести такаго-то»—и —«отвести такаго-то назадъ». Изслѣдованія не было. Виновность подсудимыхъ напередъ была рѣшена. Ихъ призывали лишь для выслушанія приговора. Всѣ формальности ограничивались тѣмъ, что монахи фигурировавшіе въ качествѣ обвинителей, заявляли, что подсудимый (имя рекъ) виновенъ въ нарушеніи церковныхъ каноновъ, а судья (Андроникъ) провозглашалъ: «низлагается». Одни изъ монаховъ прибавляли къ этому лаконическому опредѣленію, столь же лаконическій эпитетъ осужденному:—«нечестивецъ», другіе кричали ему: «анаѳема», третьи—самые озлобленные—рвали на немъ мантію или заворачивали ее на голову съ возгласомъ: «недостоинъ», и передавали несчастныхъ съ рукъ на руки солдатамъ, которые доканчивали судебную процедуру тѣмъ, что выпроваживали ихъ изъ церкви пинками, толчками и пощечинами (¹). Никто не вышелъ изъ этого страннаго судилища оправданнымъ. Никому не было оказано ни малѣйшей пощады. Патріархъ Григорій, хотя возмущавшійся до глубины души всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, долженъ былъ однакожъ волей неволей показывать видъ, что одобряетъ всѣ дѣйствія импровизованныхъ судей. Но впослѣдствіи въ интимныхъ разговорахъ съ приближенными онъ не скрывалъ своего отвращенія къ дѣйствіямъ Влахернскаго

(¹) Pachym. c. 17, p. 52, 53.

собора и откровенно сознавался, что это былъ не соборъ, а настоящее «сонмище лукавнующихъ» ([1]).

Одинъ изъ архіереевъ, занесенныхъ въ роковой списокъ Андроника Сардскаго,—именно Θеодоръ Кизическій думалъ избѣжать, если не осужденія, то по крайней мѣрѣ поруганія, тѣмъ, что не явился на соборъ. Спрятавшись въ монастырѣ Предтечи, онъ надѣялся переждать здѣсь, пока утихнетъ разразившаяся столь неожиданно буря. Но надежда его оказалась тщетною. Мѣсто его убѣжища было открыто и отъ собора стали посылать пословъ за послами съ требованіемъ на судъ. Онъ отказывался явиться и, когда послы соборные объявили ему, что они уполномочены употребить относительно его силу, если онъ не отправится съ ними добровольно, то онъ бросился въ церковь и, ухватившись за престолъ, объявилъ, что выйдетъ отсюда не иначе, какъ мертвый. Цѣлый день пробились съ нимъ соборные посланцы и, не добившись ничего, возвратились на соборъ уже вечеромъ. Андроникъ сдѣлалъ имъ выговоръ за то, что они потратили понапрасну столько времени, которое могли бы съ пользою употребить на другія дѣла. Θеодоръ, равно какъ и другіе епископы, не явившіеся на судъ, были осуждены заочно. Но это спасло ихъ по крайней мѣрѣ отъ тѣхъ поруганій и истязаній, которымъ подверглись ихъ собратья, имѣвшіе несчастье явиться на соборъ ([2]).

([1]) Ibid. p 53

([2]) Pachym. c. 17, p 53—54. Почти тѣми же словами, но съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ, опущенныхъ Пахимеромъ подробностей, разсказываетъ о дѣяніяхъ Влахернскаго собора и Григора. Такъ какъ эти подробности удачно дополняютъ печальную картину, нарисованную Пахимеромъ, то мы приводимъ здѣсь и разсказъ Григоры: „получивъ

Мѣста низложенныхъ епископовъ были переданы ревнителямъ, какъ вполнѣ заслуженная ими награда за ревность.

Вспомнили неумытные судьи и о вдовствующей императрицѣ Ѳеодорѣ, которую іосифиты, во дни своего безраздѣльнаго господства, щадили, вѣроятно, изъ уваженія къ императору. Арсениты не были такъ снисходительны. А можетъ быть и взаимное соревнованіе дѣлало тѣхъ и другихъ болѣе жестокими и требовательными. Какъ бы то ни было, но суровые ревнители, предводимые Андроникомъ Сардскимъ, потребовали, чтобъ вдовствующая императрица подписала «покаянную запись» (λίβελλον μεταγνώσεως) съ изложе-

дозволеніе отъ царя, который уступалъ имъ во всемъ по своему пламенному, наполнявшему его сердце желанію единенія церкви, они (ревнители) потомъ уже, нисколько не стѣсняясь, собрали, какъ овецъ, въ великій Влахернскій храмъ всѣхъ тѣхъ, на которыхъ предположили произнести то безчестное опредѣленіе. Послѣдніе старались пробудить въ нихъ жалость и внѣшнимъ своимъ видомъ, и словами, и древними примѣрами снисходительности въ подобныхъ случаяхъ, между прочимъ, примѣрами, взятыми изъ временъ перваго и втораго иконоборства, когда поступившіе хуже, чѣмъ они, нашли, однакожъ, человѣколюбіе у защитниковъ православія и нѣкоторые даже остались на своихъ мѣстахъ. Несмотря на все это, тѣ не отступились отъ своего звѣрскаго рѣшенія; всѣ чувства милосердія и состраданія, какія могли быть въ нихъ, точно разнесли и схоронили на днѣ Атлантическаго океана. Среди этого священнаго собранія разгуливала зависть, и добрымъ согласіемъ, только что начавшимся, потѣшалась жестокая буря. Но у кого найдется такое жестокое и такое каменное сердце, чтобы разсказать о той наглости и о томъ необычайномъ безчеловѣчіи, какія они обнаружили къ несчастнымъ епископамъ и другимъ священнымъ лицамъ? Послѣ ругательствъ, предсѣдатели приказали прислужникамъ снимать съ головы виновныхъ покрывала и бросать ихъ на землю съ троекратнымъ произношеніемъ: „недостоинъ"; у другихъ же снимать другія одежды, и, заворачивая имъ подолы на голову, возглашать тоже: „недостоинъ", а потомъ толчками, пинками и пощечинами, какъ какихънибудь убійцъ выгонять изъ храма. И это праведные судьи, люди посвященные въ тайны Евангелія!" Григор., стр. 164—165.

ніемъ вѣры, отреченіемъ отъ всего сдѣланнаго (противъ вѣры и церковныхъ каноновъ) въ царствованіе своего супруга, и съ обязательствомъ, что она никогда не позволитъ себѣ добиваться христіанскаго погребенія и поминовенія покойнаго супруга; въ награду за это они соглашались упоминать имя ея въ церковныхъ молитвословіяхъ на ряду съ именемъ ея сына, императора Андроника. Требованіе ревнителей было исполнено ([1]). Тогда же, вѣроятно, было исклю-

([1]) Этотъ любопытный документъ, находившійся до сихъ поръ въ рукописяхъ, недавно изданъ о. архимандритомъ Димитракопуломъ въ своей Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου ἑλληνικῆς. Ἐν Λειψίᾳ. 1867 по рукописи Вѣнской библіотеки (за № 245). Вотъ онъ въ возможно-близкомъ переводѣ:

„Θеодора во Христѣ Богѣ вѣрная Августа и самодержица Римская, Дука, Комнина, Палеологъ.

„Мнѣ кажется, что попеченіе о благочестіи не такъ должно выражаться, какъ попеченіе о собственномъ спасеніи. Ибо какъ послѣднее хорошо скрывать и содержать въ тайнѣ отъ постороннихъ взоровъ, да видяй втайнѣ небесный Отецъ и Богъ воздастъ явѣ, такъ, наоборотъ, благочестіе, этотъ источникъ и мать всякой добродѣтели, не скрывать, а открывать всѣмъ и всенародно возвѣщать — спасительно. Мнѣ кажется, что это и есть тотъ свѣтъ, который священное евангеліе повелѣваетъ намъ просвѣщать предъ человѣки. Посему наше Царское Величество (βασιλεία μου) ни прежде не опускало, ни теперь не опускаетъ обнаруживать еже по Бозѣ благочестіе; скажу болѣе, — оно постоянно старалось показывать и самымъ дѣломъ подтверждать, что именно такъ вѣруетъ, какъ издревле учила вѣровать и исповѣдывать церковь Божія. Сіе вѣдаетъ Богъ, испытуяй глубины сердецъ нашихъ; пусть же вѣдаютъ и всѣ люди, что у насъ нѣтъ другихъ мнѣній (по вопросамъ вѣры), кромѣ свойственныхъ каѳолической церкви. Понятно, что, имѣя такія мысли и убѣжденія, по благодати Божіей, наше Царское Величество отъ всей души отвращается, ненавидитъ и порицаетъ гибельное начинаніе и дѣло, въ недавнее время не къ добру приключившіяся церкви и въ конецъ ее возмутившія, какъ бы ихъ не называли — миромъ ли, или приспособленіемъ къ обстоятельствамъ (εἴτε ἕνωσιν, εἴτε οἰκονομίαν), или другими какими бы то ни было не менѣе ложными именами; а тѣхъ, которые продолжаютъ еще и теперь одобрять это дѣло и прилежать ему, считаетъ супостатами ([illegible]) церкви Божіей, злоумышленниками противъ собственнаго спасенія, вра-

чено изъ церковныхъ диптиховъ и имя первой супруги Андроника (Анны) за то только, что она скончалась во время введенія уніи.

Отъ александрійскаго патріарха Аѳанасія потребовали: а) согласія на низложеніе архіереевъ, осужденныхъ на влахернскомъ соборѣ, и б) отреченія отъ всего, что сдѣлано было по дѣлу уніи съ Римомъ. На этомъ послѣднемъ они настаивали особенно потому, что Аѳанасій во все время поддерживалъ самыя близкія сношенія съ лицами, заправлявшими этимъ дѣломъ, т. е. съ императоромъ Михаиломъ и патріар-

гами и губителями тѣхъ, которые ихъ принимаютъ, и отвергаетъ какъ причиняющихъ погибель душамъ. Ибо если прежде отъ нашего Царскаго Величества укрывалось то, что есть въ этомъ начинаніи душевреднаго, то теперь ужъ не укроется. Насъ вразумили самыя дѣла и слова, ими оправдываемыя и подтверждаемыя. Впрочемъ, наше Царское Величество, по благодати Божіей, и тогда, какъ подготовлялось это начинаніе, сильно было опечалѣно и скорбѣло объ этомъ дѣлѣ, какъ не обычномъ и новомъ, и возмущалось противъ него въ душѣ, хотя и не понимало вполнѣ всего, что было въ немъ ужаснаго (δεινόν), въ настоящее же время возмущается и еще болѣе, ясно видя, какимъ не добрымъ концомъ заключилась эта недобрая затѣя (ἐπίνοια). Но объ этомъ и довольно. А послику церковь Божія осудила и Векка за его хульные догматы (τὰ βλάσφημα αὐτοῦ δόγματα), равно какъ и единомышленниковъ его Мелитиніота и Метохита отчуждила и отлучила отъ своего общенія, то и наше Царское Величество, слѣдуя опредѣленію церкви, считаетъ ихъ также отлученными и отверженными. А послику той же святой церкви угодно было не удостоить обычнаго поминовенія усопшаго господина нашего, царя и супруга по причинѣ вышереченнаго начинанія, то наше Царское Величество, предпочитая страхъ Божій и послушаніе Его св. церкви, соглашается (στέργει) и пріемлетъ то, что ей угодно было опредѣлить о немъ, и не будетъ принуждать дѣлать поминовеніе по господинѣ и супругѣ нашемъ, ни что либо другое, кромѣ постановленнаго ею. Ибо наше Царское Величество во всемъ послушно слѣдуетъ церкви Божіей, всеконечно (παντελῶς) устрояя отсюда свое спасеніе и желая извѣстно и явленно сотворить всѣмъ свое благочестіе, которое, принявши отъ отцевъ и сохранивши до настоящаго времени, сохранитъ и до конца, охраняемое силою создавшаго насъ и воспріявшаго Бога. Ἱστορία τοῦ σχίσματος. σελ. 78, 80.

хомъ Веккомъ. Подъ этими условіями ревнители соглашались принять его имя въ церковные диптихи на-равнѣ съ другими патріархами ([1]).

Аѳанасій отказался исполнить требованія, предложенныя ему ревнителями, и былъ за это исключенъ ими изъ церковныхъ диптиховъ. Но это мало его безпокоило. Онъ утѣшалъ себя примѣромъ многихъ другихъ, подвергшихся одной съ нимъ участи, и продолжалъ преспокойно жить въ Константинополѣ.

Антіохійскій патріархъ Ѳеодосій Принкипсъ ([2]), которому угрожали тѣ же требованія, тайно скрылся во владѣнія латинянъ, находившіяся въ Сиріи, не предувѣдомивши императора, а отправивши лишь письменное отреченіе отъ своего престола. На мѣсто его клиръ антіохійской церкви избралъ нѣкоего Арсенія Агіосимеонита, «мужа во всемъ святолѣпнаго и

([1]) Pachym. c. 19 p. 55.

([2]) Объ этомъ Принкипсѣ Пахимеръ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „это былъ человѣкъ благородный; ведущій свой родъ отъ князей (латинскихъ) Пелопонезскихъ. Пришедши съ родины еще въ юношествѣ, онъ, ради подвиговъ добродѣтели и совершеннѣйшей жизни заключился сперва въ одномъ изъ восточныхъ монастырей Черной Горы, потомъ, чрезъ нѣсколько времени, пришелъ къ царю и, получивъ санъ архимандрита, сдѣланъ былъ настоятелемъ монастыря Вседержителя; затѣмъ находился въ посольствѣ къ восточнымъ Тохарамъ и, тамъ, сочетавъ бракомъ побочную дочь царя съ Апагою, удалился для уединенной жизни въ келію Одигійской обители. Впослѣдствіи Принкипсъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ антіохійской церкви“ (Пахим. стр. 371—372). Русскій переводчикъ Пахимера комментируетъ это мѣсто такимъ образомъ: „Это былъ тотъ самый Принкипсъ, котораго Палеологъ посылалъ съ незаконнорожденною своею дочерью къ Тохарскому правителю Халавѣ (кн. 3, гл. 3) и который въ санѣ архимандрита, а потомъ патріарха назывался Ѳеодосіемъ (кн. 6, гл. 5). Имя Принкипса безъ сомнѣнія было не собственнымъ, а родовымъ его именемъ и происходило отъ управлявшей Пелопонезомъ княжеской фамиліи (Princeps). Собственное же имя, которымъ назывался Принкипсъ, по Георгію Акрополиту (Hystoria c. 48) было Виллардуинъ“.

почтеннаго». Константинопольскіе ревнители, узнавши объ этомъ и не имѣя ничего противъ новаго патріарха, немедленно же приняли его имя въ церковные диптихи; но вскорѣ затѣмъ столь же быстро и исключили его, такъ какъ разнесся слухъ, неизвѣстно на чемъ основанный, будто онъ находился въ церковномъ общеніи съ царемъ армянскимъ (¹). Провѣрять справедливость слуха ревнители не считали нужнымъ.

Относительно избранія преемника Арсенію произошло разногласіе между епископами: епископы Киликійскіе избрали на вакантный патріаршій престолъ Діонисія, епископа помпеіопольскаго, а сирскіе—Кирилла, епископа тирскаго, за которымъ и остался спорный престолъ (²).

Такъ скоро и точно исполнилось предсказаніе Ѳеоктиста адріанопольскаго на счетъ участи епископовъ, согласившихся судить Векка въ угоду «ревнителямъ».

Но доброе согласіе, установившееся между «ревнителями» всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ (³) было не

(¹) Ibid. p. 55, 56.

(²) Ibid. p. 56.

(³) Что кромѣ Арсенитовъ, Іосифитовъ и Акакіанъ сохранили свою особность и свои оттѣнки и другія партіи, о которыхъ мы упоминали выше, это прямо утверждаетъ Григора: „онъ (діаволъ) устраиваетъ такъ, что они (ревнители) раздѣляются на двѣ и даже на три части: одна беретъ сторону патріарха Іосифа, другая—давно умершаго Арсенія. Эта говорила, что Іосифъ былъ отлученъ Арсеніемъ за то, что при его жизни занялъ престолъ; а та утверждала, что Арсеній былъ низложенъ законно всѣмъ соборомъ, присутствовавшихъ тогда архіереевъ. Третья предъявляла противъ той и другой другія обвиненія (къ сожалѣнію историкъ не говоритъ, въ чемъ состояли эти обвиненія);... „Были наконецъ и такіе ревнители, которые только пререкались между собою и язвили другъ друга языкомъ, приводимымъ въ движеніе и управляемымъ не божественною ревностію, а безразсудною горячностію". Григор., стр. 153—154.

продолжительно: оно держалось до тѣхъ лишь поръ, пока существовали «козлы очищенія» въ видѣ несчастныхъ уніонистовъ, на которыхъ они могли вымѣщать накопившуюся въ нихъ злобу противъ этихъ людей, которыхъ считали своими общими врагами. А когда расправа съ ними была покончена и торжествующіе «ревнители» очутились лицомъ къ лицу другъ съ другомъ, безъ всякой посредствующей партіи, которая могла бы послужить громоотводомъ для ихъ взаимнаго озлобленія другъ противъ друга, это озлобленіе сказалось съ удвоенною силою и мечты императора на возстановленіе церковнаго мира путемъ уступокъ всѣмъ и каждому разлетѣлись, какъ дымъ.

Ближайшимъ поводомъ къ возобновленію прежней неприязни и происковъ другъ противъ друга послужило поведеніе новаго патріарха Григорія. Арсенитамъ показалось, что онъ больше тянетъ на сторону своей партіи и ихъ соперниковъ — іосифитовъ. Насколько это было справедливо—трудно рѣшить. Наши историки оставляютъ насъ на этомъ пунктѣ безъ всякихъ руководящихъ указаній. Но мы думаемъ, что и безъ всякихъ особыхъ поводовъ со стороны патріарха опасность быть заподозрѣну въ пристрастіи къ одной сторонѣ во вредъ другихъ заключалась въ самой его задачѣ—быть посредникомъ и миротворцемъ между партіями. Какъ бы искусно и добросовѣстно ни выполнялъ онъ эту задачу; но едва ли была какая нибудь возможность выполнить ее такъ, чтобы остались довольными всѣ партіи. Ихъ раздѣляла непроходимая бездна, созданная радикальной противоположностью ихъ интересовъ и ихъ бурнымъ, полнымъ

вражды и самыхъ горькихъ воспоминаній, прошедшимъ. При такихъ отношеніяхъ между ними самый избытокъ безпристрастія могъ быть принятъ за признакъ равнодушія и послужить поводомъ къ жалобамъ и неудовольствію. Какъ бы, впрочемъ, ни было, подалъ ли Григорій дѣйствительно поводъ къ жалобамъ со стороны арсенитовъ, или имъ такъ показалось, только они повели теперь интригу одновременно и противъ своихъ старыхъ совмѣстниковъ іосифитовъ и противъ ихъ единомышленника и покровителя— какъ имъ казалось —патріарха. Обвиненія ихъ противъ іосифитовъ были старыя. Противъ патріарха они пустили молву «будто онъ, будучи 20 лѣтъ, отправлялся изъ Кипра къ Римлянамъ и усвоилъ тамъ нѣкоторые обычаи латинянъ, и будто посвященіе въ чтеца получилъ отъ латинянъ». Хотя историкъ и не рѣшается обвинять въ распущеніи этой молвы прямо арсенитовъ, а говоритъ, что «такая молва, быть можетъ, еще прежде была пущена въ ходъ, какимъ либо недоброжелателемъ Григорія, или же была обязана своимъ появленіемъ неблагородству зилотовъ, которыхъ вызвали къ тому тогдашнія обстоятельства, или лучше поджегъ демонъ» ([1]); но принимая въ соображеніе, что она направлена была именно противъ того пункта, который соединялъ Григорія съ іосифитами (посвященія его въ чтецы Іосифомъ), едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она вышла не изъ лагеря Арсенитовъ. Очевидно, она разсчитана была не на то только, чтобы набросить тѣнь подозрѣнія на православіе патріарха, но и на то, чтобы поссорить его съ іосифитами.

([1]) Григор., стр. 157—158.

Историкъ не безъ основанія предполагаетъ, что «это было только поводомъ отвергать патріарха; на самомъ же дѣлѣ, рисуясь и непомѣрно гордясь ссылками и другими страданіями за свою ревность по вѣрѣ, они желали заправлять всѣми церковными дѣлами и рѣшать всё какъ бы мановеніемъ скипетра. Мало того, они хотѣли утвердить на патріаршемъ престолѣ кого либо изъ своихъ по своему усмотрѣнію, чтобы, пользуясь его высокимъ положеніемъ, какъ бы какою неприступною крѣпостью, удобно подѣлить между собою епископіи и митрополіи, завладѣть всѣми монастырями, распредѣлить между собою всѣ церковные чины, занять всѣ епархіи и получить въ свое распоряженіе всѣ доходы, расходы и выдачи. Все это, думали они, должно быть предоставлено имъ, какъ награда за ихъ добродѣтель и ревность» [1].

Эта новая вспышка старой вражды партій, осложнившаяся злостной экскурсіей къ сторонѣ новаго патріарха и подснащенная такими честолюбивыми тенденціями, сильно смутила императора. Городъ находился въ постоянной агитаціи, благодаря взаимнымъ интригамъ и проискамъ партій. Нужно было подумать о средствахъ, если не къ примиренію враждовавшихъ партій, то по крайней мѣрѣ къ устраненію изъ города ихъ коноводовъ, поддерживавшихъ въ немъ постоянное броженіе.

Мысль Андроника остановилась на созваніи новаго собора изъ представителей всѣхъ партій для обсужденія еще разъ средствъ къ примиренію, но не въ столицѣ, а гдѣ либо поодаль отъ нея, чтобы—въ крайнемъ случаѣ; т. е., если попытки къ примиренію

(1) Тамъ же, стр. 158.

опять окажутся тщетными—отвлечь отъ нея элементы, поддерживающіе въ ней агитацію. Выборъ императора палъ на небольшой городокъ—Атрамитій.

Приказано было заготовить средства къ продовольствію, достаточныя для содержанія собора, въ теченіе всей зимы (1283—1284 гг.). Императоръ со своимъ дворомъ выѣхалъ раньше, чтобы своимъ личнымъ присутствіемъ ускорить приготовленія. Патріарху съ представителями партій повелѣно было отправиться вслѣдъ за нимъ немного спустя. Григорій прибылъ въ сопровожденіи Евлогіи и ея дочерей Ѳеодоры и западной императрицы Анны (¹), которая, узнавши о приготовляемомъ соборѣ, поспѣшила изъ Ѳессалоникъ, чтобы принять въ немъ участіе, и великаго логоѳета Музалона, который за услуги, оказанныя молодому императору, былъ почтенъ особенными отличіями, приравнивавшими его къ членамъ царской родни (²). Партію арсенитовъ представляли Іакинѳъ, Лазарь Гаріанита, Макарій Голубь и Аѳанасій Лепендренъ, окруженные огромной толпой единомышленниковъ, такъ какъ императоръ, желая, чтобы соглашеніе было полнѣе, позволилъ всѣмъ, кому угодно—изъ при-

(¹) Супруга Этолійскаго деспота Никифора Ангела.

(²) „Музалонъ раздѣлялъ тогда управленіе съ царемъ, былъ посредникомъ въ дѣлахъ государственныхъ и народныхъ и пользовался у царя величайшимъ уваженіемъ за свою ученость, глубокую старость и многостороннюю опытность, соединенную съ разсудительностію. Поэтому онъ одинъ изъ всѣхъ, носившихъ прежде его одно съ нимъ достоинство, отличенъ былъ почетнымъ правомъ носить на головѣ калиптру, имѣвшую алую съ золотомъ покрышку, которая возвышалась въ видѣ пирамиды, и тѣмъ только отличавшуюся отъ калиптры царскихъ родственниковъ, что ея внутренняя сторона, ея подкладка не была изукрашена золотистыми кружками, а была вся гладкая“. Григор., стр. 162, 163.

дворныхъ ли, или простонародья, — державшимся ихъ стороны, слѣдовать за ними ([1]).

Всѣ, получившіе приглашеніе, или позволеніе явиться на соборъ, собрались въ Атрамитій къ великому посту 1284 г. ([2]). Императоръ отложилъ въ сторону всѣ остальныя дѣла и занялся исключительно дѣломъ соглашенія партій. Весь великій постъ былъ посвященъ этому дѣлу. Извѣстные дни недѣли были посвящены соборнымъ совѣщаніямъ, другіе молитвамъ о дарованіи мира. Не скупился также императоръ ни на обѣщанія, ни на угрозы. Но всѣ его усилія, равно какъ и усилія собора разбивались о непреклонное упрямство партій. Этимъ упрямствомъ особенно отличались арсениты. Они оставались глухи ко всѣмъ представленіямъ, резонамъ и убѣжденіямъ императора и въ отвѣтъ на всѣ его усилія возобновили свое прежнее требованіе — рѣшить споръ между ними и іосифитами судомъ Божіимъ. Патріархъ на отрѣзъ отказался согласиться на это требованіе. Не одобряли этой мѣры и болѣе умѣренные между арсенитами. Но императоръ, безуспѣшно истощившій всѣ обыкновенныя средства къ соглашенію противниковъ, и не видѣвшій выхода изъ положенія, созданнаго ихъ взаимною ненавистью и упрямствомъ, послѣ долгаго колебанія рѣшился снизойти къ требованію упрямцевъ и испробовать предлагаемое ими чрезвычайное средство.

(1) Pachym. c. 21, p. 57—59.

(2) Поссинъ, въ своихъ Observationes Pachymerianae lib. III, p. 780, 836, допускаетъ странную хронологическую ошибку - относитъ хиротонію Григорія и открытіе Атрамитскаго собора къ великому посту 1283 г., тогда какъ Пахимеръ ясно говоритъ, что Влахернскій соборъ, бывшій раньше Атрамитскаго, имѣлъ свои засѣданія на Ѳоминой недѣлѣ 1283 г.

Условились на томъ, чтобы арсениты въ особомъ свиткѣ изложили свои претензіи на іосифитовъ, равно какъ и средства къ удовлетворенію этихъ претензій; а іосифиты, съ своей стороны, изложили въ своемъ свиткѣ то, что они имѣютъ сказать въ свою защиту, и потомъ оба свитка будутъ одновременно брошены въ огонь и затѣмъ если который либо свитокъ останется цѣлъ и невредимъ, то это будетъ знакомъ того, что дѣло, защищаемое партіей, которой принадлежитъ этотъ свитокъ, есть дѣло правое, одобряемое Богомъ; если же оба свитка сгорятъ, то противники бросятъ взаимныя претензіи и примирятся другъ съ другомъ.

Императоръ, не щадившій никакихъ издержекъ—лишь бы достигнуть примиренія партій, велѣлъ приготовить великолѣпный серебряный треножникъ для разведенія огня, въ который предполагалось бросить оба свитка. Днемъ для испытанія воли Божіей была назначена великая суббота, приходившаяся въ этомъ году 8-го апрѣля ([1]).

Когда наступилъ назначенный день, представители и сторонники той и другой партіи, послѣ долгихъ и усердныхъ молитвъ къ Богу за успѣхъ предпринимаемаго дѣла, выбрали изъ своей среды двухъ самыхъ благочестивыхъ и уважаемыхъ старцевъ, которые въ присутствіи императора, его двора и огромной массы «ревнителей» и зрителей, одновременно бросили въ огонь два, заранѣе приготовленныхъ той и другой партіей, свитка. Всѣ присутствующіе точно по мановенію волшебнаго жезла устремили свои взоры на роковой треножникъ—заинтересованные извѣстнымъ

(1) По вычисленіямъ Поссина, пасха въ 1284 г. была 9 Апрѣля. Vid. Observat. Pachymer. Кн. III, p. 780.

исходомъ дѣла съ замираніемъ сердца,—не заинтересованные—съ любопытствомъ. Результатъ испытанія впрочемъ не заставилъ себя долго ждать. Чрезъ нѣсколько мгновеній отъ обоихъ свитковъ осталась только горсть золы.

Этотъ естественный и неизбѣжный результатъ до того однако былъ неожиданъ для дерзкихъ искупателей воли Божіей, что они точно пойманные на мѣстѣ преступленія, пали ницъ предъ императоромъ, обѣщаясь повиноваться во всемъ его власти, также точно, какъ ихъ свитки уступили силѣ огня, и подчиниться патріарху и слушаться его во всемъ.

Обрадованный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, императоръ спѣшилъ ковать желѣзо, пока горячо: — во главѣ несмѣтной толпы обезкураженныхъ ревнителей онъ поспѣшилъ, не смотря на снѣгъ и слякоть, пѣшкомъ къ патріарху, который, какъ не одобрявшій этого дѣла, не присутствовалъ и при его производствѣ. Патріархъ, не менѣе императора обрадованный такимъ счастливымъ результатомъ сумазброднаго предпріятія, немедленно же согласился вступить съ ними въ общеніе. Арсениты—такъ какъ собственно они только враждовали противъ Григорія—въ свою очередь поспѣшили принять благословеніе и частицы антидора изъ рукъ патріарха въ доказательство искренности и прочности своего примиренія съ нимъ, а чрезъ него и съ церковію, которую онъ представлялъ собою, обѣщаясь на будущее время оставить всѣ распри и раздоры, на которыя ихъ наводила до сихъ поръ—по ихъ словамъ—горькая необходимость ([1]).

Но на другой день (въ Пасху) арсениты были уже

(1) Pachym. c. 22, p. 60—63.

не тѣ, что̀ на канунѣ, и заговорили другія рѣчи. Ошеломляющее дѣйствіе неудачнаго испытанія воли Божіей прошло и все, совершившееся накануне, явилось предъ ихъ взорами совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Изъ безусловно-вѣрующихъ они превратились въ скептиковъ и заговорили тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ до сихъ поръ тщетно говорили съ ними императоръ и патріархъ,--языкомъ простаго здраваго смысла. На исчезновеніе брошенныхъ въ огонь свитковъ они смотрѣли теперь уже какъ на случайность, ничего не рѣшающую въ вопросахъ совѣсти, и возгорѣли желаніемъ,, чтобы убѣдили ихъ въ неправотѣ ихъ дѣла разумными доводами, къ которымъ до сихъ поръ были такъ глухи. Но въ этотъ день они ничего не предприняли, чтобы взять назадъ согласіе на миръ, столь опромѣтчиво—какъ имъ теперь казалось—данное ими царю и патріарху наканунѣ. Весь день прошелъ лишь въ сожалѣніяхъ, толкахъ и въ построеніи предположеній и плановъ относительно того, что̀ и ка̀къ предпринять далѣе.

На другой день (понедѣльникъ свѣтлой недѣли) они уже заявили подъ рукой, что не считаютъ для себя обязательнымъ согласіе на миръ, данное патріарху, и снова прерываютъ съ нимъ церковное общеніе. Это заявленіе разомъ уничтожало всѣ результаты, добытые тяжкими усиліями и жертвами (какъ матеріальными, такъ и моральными) императора и снова возвращало дѣло о примиреніи партій и возстановленіи церковнаго мира въ прежнее безвыходное положеніе. Оскорбленный и раздраженный до глубины души этимъ непостоянствомъ арсенитовъ, онъ призвалъ главнѣйшихъ коноводовъ партіи въ свой кабинетъ, чтобы

лично переговорить съ ними и—если можно—образумить ихъ, а чрезъ нихъ и остальныхъ ея членовъ и возвратить ихъ къ тому миролюбивому настроенію, въ которомъ онъ ихъ оставилъ вечеромъ третьяго дня. Въ сосѣдней комнатѣ, по его распоряженію, помѣстился патріархъ Григорій въ полномъ святительскомъ облаченіи. Вожди арсенитовъ были встрѣчены вопросомъ: признаютъ ли они патріарха? Этотъ простой вопросъ поставилъ въ крайнее затрудненіе арсенитовъ,—они рѣшительно не знали, что имъ отвѣчать; утвердительный и отрицательный отвѣтъ одинаково ставилъ ихъ въ противорѣчіе съ самими собой: не признавать Григорія патріархомъ мѣшало имъ то, что они не дальше какъ за день тому назадъ приняли изъ его рукъ благословеніе и антидоръ, признать—принятое ими рѣшеніе снова прервать съ нимъ общеніе. Но дѣлать было нечего, — необходимо было отвѣчать— «да» или «нѣтъ». Послѣ долгаго колебанія они отвѣтили наконецъ, что признаютъ Григорія паріархомъ. Этого только и нужно было императору. Едва лишь произнесли они послѣднее слово, какъ патріархъ, скрывавшійся въ сосѣдней комнатѣ, внезапно появился предъ ихъ изумленными взорами и обратился къ нимъ съ горькимъ и грознымъ обличеніемъ, упрекая ихъ въ неискренности, лицемѣріи, желаніи обмануть людей и Бога, и немедленно же произнесъ имъ отлученіе отъ церкви. Этой послѣдней, крайней мѣрой онъ расчитывалъ подѣйствовать на болѣе благочестивыхъ между ними — Іакинѳа и Лепендрена, а чрезъ нихъ и на остальныхъ членовъ фракціи. Но эффектъ, полученный отъ этой мѣры, вышелъ діаметрально противоположный ожиданіямъ царя и патріарха. Она озлобила ар-

сенитовъ и побудила ихъ къ открытому разрыву съ церковію и явному пренебреженію ея авторитетомъ ([1]).

Тѣмъ не менѣе попытка императора не осталась совсѣмъ безъ послѣдствій въ интересѣ церковнаго мира и единенія. Плотному единству и согласію арсенитовъ былъ нанесенъ ею жестокій ударъ. Въ то время какъ одни изъ нихъ прервали всякое общеніе съ церковію, другіе согласились повиноваться ей на извѣстныхъ условіяхъ. Эти условія были слѣдующія: всѣ хиротоніи, совершенныя Беккомъ—лично ли, или чрезъ лицъ, имъ рукоположенныхъ, должны быть признаны недѣйствительными, если онѣ совершены въ Константинополѣ, если же въ другомъ какомъ мѣстѣ, то ограничиться наложеніемъ эпитиміи на таковыхъ лицъ, не лишая ихъ сана. Ихъ (арсенитовъ) гонителямъ безъ различія того, кѣмъ они рукоположены, запретить навсегда священнослуженіе, будутъ ли они въ Константинополѣ или другомъ какомъ мѣстѣ. Подъ своими гонителями они разумѣли тѣхъ, которые лично принимали противъ нихъ какія либо строгія мѣры, или чрезъ другихъ. Относительно же всѣхъ остальныхъ духовныхъ лицъ, какую бы степень въ іерархіи они не занимали, они находили возможнымъ ограничиться одними эпитиміями, не подвергая ихъ запрещенію священнодѣйствія и, лишь не возводя ихъ на высшія степени, какими бы заслугами они не отличались. Царь и патріархъ нашли возможнымъ принять эти условія и вслѣдствіе этого они были изложены въ особомъ актѣ и скрѣплены подписями ([2]).

([1]) Pachym. c. 22, p. 63—64.

([2]) Pachym. c. 22, p. 64—65. Соборное опредѣленіе (Σχεδάριον) по этому предмету издано о. Андроникомъ Димитракопуломъ въ его Ἱστορία

дѣйствій, а послѣдній, горѣвшій жаждой мести своимъ недругамъ и гонителямъ, настаивалъ на самыхъ рѣшительныхъ и крайныхъ мѣрахъ ([1]). Теперь это разногласіе приняло болѣе опредѣленный характеръ и широкіе размѣры. Іоаннъ сталъ теперь во главѣ умѣренной, а Іакинѳъ во главѣ крайней партіи арсенитовъ.

Андроникъ Сардскій, по словамъ Пахимера, бывшій главнымъ заправителемъ всего совершеннаго арсенитами въ Атрамитіѣ, хотя, по неизвѣстной намъ причинѣ, и не присутствовалъ здѣсь лично, вскорѣ сошелъ со сцены столь же шумно, какъ и вступилъ на нее. Его келейникъ, монахъ Галактіонъ, сдѣлалъ на него доносъ, будто онъ держалъ непригожія рѣчи на счетъ императора. Вслѣдствіе этого доноса суровый глава арсенитовъ, котораго давно уже, и вѣроятно не безъ основанія, подозрѣвали въ недоброжелательствѣ къ царствующей фамиліи, былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества и лишенъ всѣхъ своихъ должностей и званій. Когда слухъ объ этой опалѣ безжалостнаго временщика разнесся по городу, массы потерпѣвшихъ отъ его неумолимой жестокости лицъ устремились къ зданію патріархіи, гдѣ происходило засѣданіе патріаршаго собора, судившаго и осудившаго Андроника по императорскому повелѣнію. Такъ какъ, по существовавшему обычаю, входъ въ залу засѣданій никому не воспрещался, то многіе проникли и сюда, и когда былъ произнесенъ приговоръ низложенія, стоявшая у дверей толпа, не стѣсняясь присутствіемъ членовъ собора, выразила свое сочувствіе соборному приговору громкими рукоплесканіями и

([1]) Pachym. c. 12, p. 38.

вслѣдъ затѣмъ стала осыпать осужденнаго ругательствами и насмѣшками. Нѣкоторые, болѣе озлобленные, скоро перешли отъ словъ къ дѣлу, наложили на него руки и потащили вонъ изъ комнаты. А Никандръ, епископъ ларисскій, лишенный сана за то, что получилъ рукоположеніе отъ Векка, видя, что главный виновникъ его низложенія, подвергся той же самой участи, продрался къ нему сквозь толпу и нахлобучилъ ему на голову монашескій клобукъ. Андроникъ, остававшійся равнодушнымъ ко всѣмъ другимъ оскорбленіямъ, не вытерпѣлъ этого и порывистымъ движеніемъ руки сбросилъ съ себя ненавистный клобукъ, такъ некстати напоминавшій ему бурное прошедшее и сулившій вдали мрачное будущее. Вмѣстѣ съ клобукомъ упала на землю и архіерейская шапочка, которою была покрыта совершенно лысая голова стараго ветерана арсенитовъ. Гомерическимъ хохотомъ и рукоплесканіями привѣтствовала толпа праздныхъ зѣвакъ это неожиданное открытіе и поощрила шутника повторить свою плоскую шутку нѣсколько разъ, а такъ какъ Андроникъ всякій разъ столь же поспѣшно сбрасывалъ съ себя клобукъ, какъ Никандръ набрасывалъ его на него; то праздные зѣваки досыта насладились даровымъ спектаклемъ, которымъ неожиданно угостили ихъ два экс-епископа.

Для толпы все это было предметомъ глумленія, но «люди разсудительные видѣли въ этомъ справедливое воздаяніе за тѣ неистовства, которыя дозволялъ себѣ Андроникъ относительно другихъ епископовъ», замѣчаетъ нашъ историкъ (1).

(Продолженіе будетъ).

И. Троицкій.

(1) Pachym. c. 23, p. 65—66.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Исторические и канонические основания, приводимые болгарами в пользу их церковной самостоятельности

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 4. С. 646-667.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИСТОРИЧЕСКІЯ И КАНОНИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ,

приводимыя болгарами въ пользу ихъ церковной самостоятельности.

Окончаніе.

Рядомъ съ историческими данными, въ подкрѣпленіе своихъ правъ на церковную автономію, болгары приводятъ соображенія каноническія ([1]), касающіяся, впрочемъ, уже не столько вопроса о правѣ болгаръ на означенную автономію, въ которомъ имъ почти не отказываютъ и сами противники ихъ, сколько условій и порядка пріобрѣтенія этой автономіи.

Въ самомъ началѣ рѣчи объ упраздненіи Охридской архіепископіи поставленъ былъ вопросъ: имѣла ли право великая церковь упразднять Охридскій архіепископскій престолъ, признававшійся независимымъ въ теченіе 12-ти вѣковъ съ половиною, если бы дѣйствительно была подаваема о семъ, такъ называемая, *общая* (κοινή) просьба? Въ сущности одинаковъ съ симъ будетъ слѣдующій вопросъ: имѣетъ ли право константинопольская патріархія предоставить болгарамъ церковную автономію, согласно ихъ требо-

([1]) При изложеніи каноническихъ соображеній, кромѣ извѣстной уже читателямъ греческой брошюры: «Τὰ κατὰ τὰς Ἀρχιεπισκοπὰς» и пр., источникомъ извлеченія служила еще другая, греческая же брошюра, подъ заглавіемъ: «Ἀνασκευὴ τῆς ἀπαντήσεως τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας εἰς τὰ τῆς Ὑψηλῆς Πύλης σχέδια λύσεως τοῦ Βουλγαρικοῦ ζητήματος» 1869 г.

ваніямъ? Оба эти вопроса до такой степени сходны, что рѣшеніемъ одного данъ будетъ отвѣтъ и на другой.

Извѣстно, что великая церковь упразднила уже автономію и самостоятельность многихъ церквей и присвоила себѣ власть надъ ними: какъ напр. надъ экзархами - митрополитами діоцедій—Ѳракіи, Азіи и Понта, за коими преимущества автономіи, подъ условіемъ рукоположенія отъ константинопольскаго патріарха, были сохранены 28-мъ прав. IV вселенскаго собора; подобнымъ же образомъ упразднила она, какъ мы знаемъ также, права самостоятельнаго архіепископа и патріарха, предоставленныя самою великою церковію, согласно рѣшенію ея синода, архіепископамъ Ипекскому въ 1219 и Терновскому въ 1234 г. Имѣя въ виду такіе факты, можно на нашъ вопросъ съ основательностію отвѣтить, что вселенская патріархія, примѣняясь къ временнымъ обстоятельствамъ, руководясь изрѣченіемъ знаменитаго Фотія, въ письмѣ его къ папѣ Николаю I-му, «что порядокъ церковнаго управленія, особенно же распредѣленіе церковныхъ округовъ, обыкновенно слѣдуетъ гражданскому раздѣленію губерній и областей», а также основываясь на 17-мъ прав. IV и 38-мъ VI вселенскихъ соборовъ, гдѣ сказано: «распредѣленіе церковныхъ округовъ да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку»,—имѣетъ право, по требованію или съ разрѣшенія правительства, учреждать и упразднять самостоятельныя церкви. Такой отвѣтъ будетъ совершенно согласенъ съ пониманіемъ означенныхъ каноновъ лучшими толкователями-канонистами. По мнѣнію Вальсамона, 38-мъ прав. VI-го вселенскаго собора предоставлено императору право учреждать новыя еписко-

піи, другія же возводить на степень митрополій, а также дѣлать постановленія относительно выборовъ на оныя и другія распоряженія по своему усмотрѣнію. Вальсамонъ указываетъ на эдиктъ императора Алексѣя Комнина, изъ котораго видно, что, въ присутствіи тогдашняго константинопольскаго сунода и съ его согласія, изданъ былъ указъ, по которому императоры имѣютъ право въ областяхъ церковныхъ открывать епископіи, а другія изъ епископій или архіепископій возводить въ митрополіи, равно какъ давать повелѣнія о замѣщеніи ихъ и дѣлать другія касательно ихъ распоряженія, по своему изволенію. Тотъ же канонистъ въ толкованіи на 17 пр. IV вселенскаго собора пишетъ: «Сверхъ того отцы говорятъ и то, что они не могутъ противиться царской власти, и что поэтому церковный порядокъ управленія долженъ слѣдовать постановленіямъ императоровъ». И еще: «Царю дозволено церковныя преимущества упразднять; царь не подчиняется ни законамъ, ни канонамъ, говоритъ Вальсамонъ въ изъясненіи 16-го пр. карѳ. соб., поэтому въ его власти возводить епископіи въ митрополіи и выдѣлять ихъ изъ вѣдѣнія ихъ митрополій, равно какъ распредѣлять округа архіереевъ, назначать вновь епископовъ и митрополитовъ, также предписывать епископамъ священнодѣйствіе въ чужихъ діоцезахъ, безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія, помимо согласія епископовъ той мѣстности, и присвоять себѣ другія подобнаго рода епископскія права. Ибо, если мѣстный епископъ можетъ это дѣлать, то тѣмъ болѣе царь, не имѣющій необходимости слѣдовать канонамъ».

Другой канонистъ Матвѣй Властарь въ своемъ

«Syntagma Alphabeticum» также говоритъ, что царю предоставлено распредѣлять церковные округа и упразднять преимущества нѣкоторыхъ изъ нихъ, равно какъ епископовъ возводить въ митрополиты (глав. 21).

Епископъ кипрскій Іоаннъ, въ отвѣтъ къ дирахійскому епископу Константину, пишетъ между прочимъ: «Царь одобряетъ соборное рѣшеніе и даетъ имъ утвержденіе устроять церковные порядки.... изъ низшей степени возводить въ высшую, т. е. изъ епископовъ въ митрополиты, по уваженію ли къ достоинству возводимаго, или по желанію почтить городъ... словомъ, кромѣ одного права священнодѣйствія, всѣ остальныя архіерейскія преимущества несомнѣнно принадлежатъ царю, если только онъ дѣйствуетъ законно и согласно съ канонами» ([1])...

Съ даннымъ отвѣтомъ согласна и константинопольская патріархія. Въ актѣ, на которомъ въ 1767 году она основала свои права на упраздненіе Охридской архіепископіи и который хранится въ ея архивѣ, она прямо признаетъ за свѣтскою верховною властію право упразднять и учреждать самостоятельныя церкви. Въ актѣ этомъ, между прочимъ, говорится: «Мы знаемъ, что «νεαρά» означаетъ распоряженіе или постановленіе императора, которое имѣетъ цѣлію исправить дурное или узаконить то, что еще не было узаконено, и которое мы называемъ указомъ или императорскимъ закономъ, διατάξιν, римляне—sacra, а турки—гатти-шерифъ. Такимъ образомъ обязанность законодателя, который прежде всего самъ долженъ быть лицемъ имѣющимъ законную власть и притомъ совершившимъ въ человѣческомъ родѣ многія доблести,

([1]) Σύνταγμα ἱερ. καν. ὑπὸ Ῥάλ. Τ. Ε. Σελ. 428–429.

состоитъ въ томъ, чтобы исправлять нехорошее и не покушаться отмѣнять хорошее, подобно тому какъ, въ давнія времена у насъ, нѣкоторыя неизвѣстныя и незнатныя лица, похитившія скипетръ (въ чемъ нужно признаться), издавали законы, имѣющіе цѣлію не утвержденіе древнихъ добрыхъ порядковъ, но ниспроверженіе ихъ и даже самыхъ святыхъ учрежденій церкви, и называли эти законы словомъ «νεχρα». Такъ, разрушая стройное единство нашей церкви, они отдѣлили отъ нея двѣ каѳедры, Охридскую и Ипекскую, чтобъ образовать двѣ самостоятельныя каѳедры, и именемъ «νεχρά» освятили это отдѣленіе, бывшее причиною многихъ золъ. Именно вскорѣ затѣмъ начались безпорядки и увеличивались больше и больше, потому что некому было остановить ихъ; безпорядки угрожали церкви разстройствомъ, такъ какъ часто низкіе интриганы, занимавшіе эти каѳедры, ниспровергали одинъ другаго и присвоивали себѣ титулъ архіепископа. Они управляли своими церквами отвратительнымъ образомъ, самовластвуя до неистовства, увеличивая долги на долги, изгоняя изъ епархій епископовъ, имѣвшихъ несчастіе зависѣть отъ нихъ. Благочестивые христіане этихъ несчастныхъ странъ переносили столь же сильныя оскорбленія и видѣли, что гибнутъ ихъ епархіи. Когда безпорядки дошли до крайняго предѣла, церковные представители этихъ двухъ епархій, вмѣстѣ съ своими паствами прибыли въ здѣшнюю столицу. Поддерживаемые мнѣніемъ христіанъ своихъ странъ, равно какъ мнѣніемъ прежнихъ архіепископовъ, которые добровольно дали отреченіе отъ своихъ каѳедръ, они представили высокой Портѣ общее прошеніе о томъ, чтобы обѣ архіепископіи

были упразднены и соединены съ нашимъ святѣйшимъ, апостольскимъ и вселенскимъ престоломъ.

Когда нашъ могущественный государь, коего Господь да сохранитъ на многія лѣта, милостиво принялъ горячія моленія и издалъ «νεχρά» или гатти-шерифъ, по которому обѣ архіепископіи и зависящія отъ нихъ епархіи были навсегда присоединены къ нашему константинопольскому престолу, съ тѣмъ, чтобы впередъ онъ назначалъ для нихъ пастырей и завѣдывалъ ихъ дѣлами, мы всѣ возблагодарили Бога за спасеніе этихъ святыхъ церквей, внушившаго нашему государю изданіе сего новаго постановленія, которое мы называемъ истиннымъ императорскимъ «νεχρά» и государственнымъ распоряженіемъ и закономъ, потому что оно сообразно съ положеніемъ тѣхъ обѣихъ церквей и направлено къ ихъ благу, и потому что оно издано тѣмъ, кто — законный нашъ государь и носитъ скипетръ по праву преемства.

Въ вѣчное свидѣтельство объ этомъ распоряженіи, полученномъ въ сіи послѣднія времена относительно присоединенія и подчиненія святыхъ церквей Охридской и Ипекской нашему святѣйшему, апостольскому, патріаршему престолу, настоящее наше патріаршее и сунодальное писаніе положено въ священный архивъ нашей вселенской Христовой церкви, въ лѣто отъ Р. Х. 1767-ое, 15-го мая».

Нельзя не замѣтить, что актъ этотъ противорѣчитъ самому себѣ. Въ немъ признается за свѣтскою властію право упразднять автокефальныя церкви, но не учреждать оныя. Такое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что первая половина права, т. е. упразднять полезна для патріархіи, а послѣдняя скорѣе невыгод-

на, чѣмъ полезна. Поэтому приведенный актъ требуетъ болѣе подробнаго разбора.

Если изъ этого акта исключить все, относящееся до изложенія причинъ уничтоженія двухъ упомянутыхъ архіепископій — причинъ совершенно однѣхъ и тѣхъ же съ указанными выше, то остальное содержаніе этого документа сводится къ слѣдующимъ двумъ силлогизмамъ:

1) Императорамъ, получившимъ власть законнымъ путемъ и совершившимъ многія доблести въ человѣческомъ родѣ, предоставлено издавать «νεαρά», т. е. законы относительно священныхъ и церковныхъ предметовъ.

Но императоры, учредившіе путемъ законовъ самостоятельныя или совершенно независимыя архіепископіи Охридскую и Ипекскую, а также послѣдующіе императоры, признавшіе эти архіепископіи таковыми, какъ люди незнатные и неславные и похитители скипетра, не были законными императорами.

Слѣдовательно, они неправильно (κακῶς) поступили, учредивъ посредствомъ законовъ сказанныя архіепископіи.

2) Императорамъ, получившимъ власть законнымъ путемъ и совершившимъ многія доблести въ человѣческомъ родѣ, предоставлено издавать «νεαράς», т. е. законы относительно священныхъ и церковныхъ предметовъ.

Таковъ именно и былъ султанъ Мустафа,—истинный императоръ, носившій скипетръ по праву преемства, державный, благочестивѣйшій, побѣдитель и тріумфаторъ.

Слѣдовательно, онъ правильно (καλῶς) поступилъ, уничтоживъ сказанныя архіепископіи.

Изъ обоихъ силлогизмовъ этихъ выходитъ, что учрежденіе и упраздненіе архіепископій и вообще церковныхъ порядковъ принадлежитъ вступающимъ на царство законно, т. е. свѣтской власти. Но учрежденіе архіепископій Охридской и Ипекской было неправильно, потому что учредившіе ихъ не были законными императорами, а были люди незнатные и неславные и похитители престола. Упраздненіе же этихъ архіепископій было правильно, потому что упразднившій ихъ султанъ Мустафа былъ императоръ истинный, по праву преемства имѣвшій скипетръ,—державный, побѣдитель и тріумфаторъ.

Очевидно, что первый изъ приведенныхъ силлогизмовъ согласенъ съ правилами логики и вѣренъ: въ самомъ дѣлѣ, если истиннымъ и законнымъ императорамъ предоставлено издавать законы и относительно дѣлъ церковныхъ, въ такомъ случаѣ право это предоставлено и султану Мустафѣ, какъ истинному и законному императору. Второй же силлогизмъ есть чистый софизмъ, или паралогизмъ, потому что никто изъ составителей представленнаго документа не можетъ доказать, что учредившій архіепископію первой Юстиніаны, такой же побѣдитель и тріумфаторъ, императоръ Юстиніанъ Великій, и императоръ Василій, вновь подтвердившій права этой архіепископіи, наименовавъ ее Охридскою и всей Болгаріи, а также Іоаннъ Дука, соизволившій на учрежденіе Ипекской архіепископіи и патріархіи Терновской, не были настоящими, истинными и законными государями, но были люди незнатные, неславные и похитители пре-

стола. Поэтому, чтобы второй силлогизмъ вышелъ правильнымъ, надо сказать такъ:

Императорамъ, получившимъ власть законнымъ порядкомъ, предоставлено издавать законы и по церковнымъ дѣламъ.

Но императоры, учредившіе и признавшіе автокефальными архіепископіи Охридскую, Ипекскую и Терновскую, были законными императорами.

Слѣдовательно, они поступили правильно, учредивъ эти архіепископіи путемъ закона.

Казалось бы изъ всего этого необходимо вытекаетъ тотъ выводъ, что если свѣтской власти, во время патріарха Самуила, принадлежало право издавать законы по дѣламъ церковнымъ, частнѣе — право издать указъ объ упраздненіи Охридской и Ипекской архіепископіи, а патріархія признавала это право законнымъ, то и теперь она должна признать за нынѣшнимъ султаномъ, какъ вообще право принимать участіе въ дѣлахъ церкви, такъ, въ частности, право разрѣшать вопросъ о возстановленіи независимости болгарской церкви.

Но уже при чтеніи означеннаго документа можно было догадываться, что право учреждать самостоятельныя церкви, какъ небезбѣдныя въ настоящемъ случаѣ для вселенской патріархіи, она отклонитъ и отъ себя и отъ свѣтскаго правительства. И дѣйствительно, въ отвѣтѣ турецкому правительству на, присланные имъ вселенскому патріарху, извѣстные два проэкта разрѣшенія болгарскаго вопроса, его святѣйшество вмѣстѣ съ состоящимъ при немъ синодомъ заявляютъ, что «означенный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только вселенскимъ соборомъ всей церкви, сама же патріар-

хія не имѣетъ на это права, такъ какъ вопросы чисто религіозные и догматическіе не только не подлежатъ юрисдикціи свѣтской власти, но даже и нашей частной церкви, а подлежатъ единственно суду всей церкви; слѣдовательно и мы никакъ не можемъ дать какого либо сужденія о болгарскомъ вопросѣ, какъ чисто религіозномъ».

Но въ самомъ ли дѣлѣ болгарскій вопросъ есть вопросъ чисто религіозный и догматическій. Объявляя болгарскій вопросъ религіознымъ и догматическимъ, патріархія приводитъ въ основаніе этого въ означенномъ своемъ отвѣтѣ четыре положенія:

Первое то, что «всѣ церковные вопросы по существу своему суть религіозные вопросы. Но такъ какъ это положеніе не есть аксіома и можетъ быть оспориваемо, какъ вопросъ, то приводить его въ доказательство, когда оно само нуждается въ доказательствѣ, значитъ доказывать вопросъ вопросомъ. Что положеніе патріархіи невѣрно, достаточно указать на то, что напр. распоряженіе экономическими дѣлами извѣстной церкви, сооруженіе, тамъ или здѣсь, малаго или большаго храма, управленіе извѣстною церковію въ смыслѣ общества вѣрующихъ, посредствомъ высшаго или низшаго священнаго лица, священнодѣйствіе епископа въ той или иной церкви—суть вопросы касающіеся церкви, и слѣдовательно церковные, но отнюдь эти вопросы не касаются самой религіи и поэтому не могутъ быть названы вопросами религіозными. Будетъ ли управлять извѣстною частною церковію, священнодѣйствовать въ ней митрополитъ или епископъ, во всякомъ случаѣ принадлежащій къ сей церкви христіанинъ будетъ истиннымъ христіаниномъ,

по слову апостола и евангелиста Іоанна: *всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть* (посл. Іоанна 4—2)».

Развивая свою мысль, патріархія выражаетъ еще слѣд. два положенія: а) «что всякій церковный вопросъ, касающійся учрежденій и священныхъ каноновъ церкви, есть вмѣстѣ вопросъ религіозный и б), что такъ какъ настоящій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ соображенія съ апостольскими и соборными правилами, то очевидно, что это вопросъ религіозный».

Первое изъ сихъ положеній, по смыслу котораго «всякій церковный вопросъ есть религіозный, коль скоро онъ касается постановленій и законовъ церкви», или: «всякій церковный вопросъ не есть религіозный, если онъ не касается постановленій и каноновъ церкви», есть положеніе невѣрное. Во-первыхъ потому что есть много церковныхъ вопросовъ, которые, хотя касаются постановленій и каноновъ церкви, однако не составляютъ религіозныхъ вопросовъ. Во-вторыхъ потому, что есть вопросы, не касающіеся постановленій и каноновъ церкви, но тѣмъ не менѣе эти вопросы остаются религіозными. Поэтому, чтобы означенное положеніе было вѣрно, нужно ограничить его только областью религіозныхъ предметовъ, составивъ оное такъ: «всякій вопросъ церковный, касающійся постановленій и каноновъ церкви, относящихся до религіи, есть вопросъ религіозный». Патріархія это знала и однако не сдѣлала такого ограничительнаго добавленія, потому что тогда болгарскій вопросъ, какъ не касающійся постановленій и правилъ церкви, относящихся до религіи, самъ собою оказался бы нерелигіознымъ.

Второе изъ означенныхъ положеній не болѣе перваго твердо и вѣрно; потому что въ самомъ-то дѣлѣ ни откуда не видно—ни того, что болгарскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ соображенія его съ апостольскими и соборными правилами, ни того, чтобы правила эти гдѣ либо говорили что-нибудь о болгарахъ и ихъ вопросѣ, такъ какъ въ то время, когда составились правила сіи, болгары не были еще народомъ. Напротивъ извѣстно, что одновременно съ тѣмъ, какъ они приняли христіанскую вѣру, нынѣшній болгарскій вопросъ уже былъ возбужденъ, и болгары тогда же просили себѣ самостоятельной народной церкви и архіепископа, какъ представателя ея, у папы Николая и непосредственно послѣ осьмаго собора (¹) получили архіепископа (признаннаго послѣ независимымъ) отъ самой константинопольской патріархіи.

Къ тремъ приведеннымъ положеніямъ патріархія присоединяетъ четвертое, гдѣ съ точки зрѣнія догматической усиливается доказать, что болгарскій вопросъ есть вопросъ антидогматическій. Положеніе это, довольно длинное, можетъ быть выражено такимъ образомъ:

«Каждый православный христіанинъ долженъ вѣровать въ догматъ о единой и единственной церкви; слѣдовательно болгары, требуя для себя церкви, независимой отъ патріархіи, отдѣляются отъ единой церкви. И такъ требованіе ихъ противорѣчитъ догмату о единствѣ церкви».

Это положеніе, или лучше силлогизмъ, не только

(¹) Осьмымъ соборомъ греческіе писатели называютъ соборъ, бывшій при патріархѣ Фотіѣ, въ храмѣ св. апостолъ, и называемый обыкновенно *двукратнымъ*.

представляетъ неточно требованіе болгаръ, но и содержитъ въ своихъ посылкахъ совершенно ошибочную мысль о догматѣ единства церкви. Въ самомъ дѣлѣ, символъ вѣры христіанской учитъ насъ вѣрить въ единство церкви каѳолической, имѣющей главою Христа, а не въ единство церкви константинопольской, имѣющей главою патріарха. И если всѣ тѣ, которые, бывъ отдѣлены отъ этой послѣдней церкви, образуютъ независимую и отдѣльную церковь, должны считаться внѣ единой церкви; то должно сказать, что независимыя церкви—александрійская, антіохійская, іерусалимская, кипрская и многія другія нарушаютъ означенный догматъ. Но не можетъ такъ думать патріархія. Слѣдовательно означенный силлогизмъ, который угодно было составить патріархіи совершенно некстати относительно болгаръ, есть силлогизмъ совершенно ошибочный, и мы его опровергаемъ, какъ неправославный, объявляя, что, желая быть духовно управляемыми національною независимою церковію, мы не перестаемъ быть въ тѣсномъ единеніи со вселенскою церковію всѣхъ православныхъ христіанъ, которая, будучи единою, содержитъ въ своемъ лонѣ великое число частныхъ независимыхъ церквей.

Къ изложеннымъ основаніямъ патріархія присовокупляетъ, что «въ церковныхъ лѣтописяхъ нѣтъ примѣра, чтобы церковное правительство было основано на началѣ національности», и затѣмъ совершенно неосновательно заключаетъ, будто «такое рѣшеніе подобнаго вопроса діаметрально противоположно религіи нашихъ отцевъ».

Напротивъ, христіанская религія, не имѣя ничего общаго съ государствами и мірскими правительства-

ми, и имѣя дѣло лишь съ личностями, съ самаго начала не иначе основывала различныя церкви, какъ на началѣ національности, въ собственномъ смыслѣ. Пусть патріархія прочтетъ внимательно священное писаніе и исторію церкви, и она тамъ найдетъ, что:

1) Вѣрующіе во Христа не суть одинъ какой-либо народъ, а составляютъ многіе и различные народы, и поэтому церковь Христова не есть стяжаніе одного народа греческаго, а достояніе всѣхъ народовъ, потому что Богъ *«не есть Богъ только іудеевъ, но и язычниковъ»* (1), и нѣтъ такого различія между іудеями и еллинами (2), чтобы однимъ, т. е. грекамъ быть достойными принятія въ служеніе церкви, а болгарамъ быть лишенными этого; ибо «всѣ языки снаслѣдники и стѣлесники и причастники обѣтованія Христова и болгары въ свою очередь «не странники и пришельцы, но сожители святымъ и присніи Богу». (3) Поэтому, если болгары хотятъ отдѣлиться по управленію отъ константинопольской церкви, состоящей изъ грековъ и ими управляемой, то это вовсе не значитъ, чтобы они отдѣлялись отъ нея духовно, потому что, какъ говоритъ апостолъ: *«раздѣленія дарованій суть, а тойжде духъ, и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь, и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ... на пользу вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде духъ, раздѣляя комуждо якоже хощетъ. Яко же бо тѣло едино есть и уды иматъ многи, вси же уди единаго тѣла, многи суще, едино суть тѣло, тако и Христосъ. Ибо еди-*

(1) Кор. 3--29.
(2) Рим. 10. 12.
(3) Ефес. 2. 19.

нымъ духомъ мы вси во едино тѣло крестихомся, аще іудеи, аще еллины или рабы, или свободни, и вси единымъ духомъ напоихомся, ибо нѣсть единъ удъ, но мнози» (¹). Апостолъ какъ бы такъ говоритъ: существуетъ одна каѳолическая церковь, состоящая изъ всѣхъ вѣрующихъ во Христа, потому что одна вѣра и одинъ Христосъ Господь; но частныхъ церквей есть много, потому что вѣрующіе раздѣляются на многія націи. Съ другой стороны, хотя націй много, но въ лицѣ частныхъ своихъ церквей онѣ соединяются въ одно цѣлое со вселенскою церковію, подобно членамъ одного и того же тѣла.

2) Богъ, приготовляя апостоловъ къ проповѣди евангелія среди народовъ, послалъ имъ прежде всего Духа Святаго, который научилъ ихъ говорить языками, потому что безъ этого и они не понимали бы другихъ, и сами не были бы понимаемы ими... *Аще сопѣль, аще гусли, аще писканьемъ разнствія не дадятъ, како разумно будетъ «пискапіе или гуденіе? Ибо аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань? Тако и вы аще неблагоразумно слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое? будете бо на воздухъ глаголюще»* (²). Не ясно ли отсюда, что архіереи, посылаемые подобно апостоламъ, къ разнымъ народамъ, должны быть или изъ среды этихъ же народовъ, или, по крайней мѣрѣ, въ совершенствѣ знать языкъ ихъ. Между тѣмъ патріархія, не соблюдавшая этого прежде, и теперь на требованіе болгаръ имѣть такихъ архіереевъ отвѣчаетъ, что требованіе сіе противно евангелію и канонамъ. Справедливо ли утвержденіе патріархіи?

(¹) I Кор. 12, 4—6, 11—14.

(²) I Кор. 14, 7—9.

3) Сначала образованія христіанства божественные апостолы основали частныя церкви по народамъ и опредѣляли «епископамъ каждаго *народа* знати перваго въ нихъ, и признавати его яко главу» (1). Такимъ порядкомъ образованы были церкви: для арабскаго народа — церковь Ливіи, Египта и Пентополя, въ Александріи; для сиріанъ—церковь на востокѣ, въ Антіохіи; для римлянъ — на западѣ, въ Римѣ; для грековъ въ Коринѳѣ; для македонянъ въ Ѳессалоникѣ. Впослѣдствіи, говоритъ Созоменъ (2), признано было за лучшее, чтобы дѣлами каждой церкви управлялъ соборъ того *народа*, каковое постановленіе было подтверждено соборами (3).

Съ тѣхъ же поръ, какъ римскіе императоры, сдѣлавшись христіанами, приняли участіе и въ устройствѣ церкви, они сами назначали предѣлы юрисдикціи предстоятелей каждой частной церкви, сообразно съ гражданскимъ раздѣленіемъ ихъ имперіи. Такимъ путемъ образовались экзархи—митрополиты въ діоцезахъ, митрополиты въ епархіяхъ и епископы въ болѣе значительныхъ городахъ; вселенскіе же и помѣстные соборы, слѣдуя волѣ императоровъ, принимали такое устройство церкви, и выраженіе: «*митрополіи народа*», встрѣчающееся въ правилахъ апостольскихъ, стали замѣнять терминами: «*митрополіи, области* и *епархіи*» (4).

Подобнымъ же образомъ впослѣдствіи основаны были многія другія частныя и совершенно народныя церкви, каковы на востокѣ еѳіопская, армянская, ибе-

(1) Прав. Апост. 34.
(2) Церков. Истор. Кн. 2-я гл. 9.
(3) II-го Собор. пр. 2; Антіох. прав. 20-е.
(4) Пр. 9. Антіох.; 28 пр. IV вселен.; 39 пр. VI-го.

рійская, готеская, скиеская, хазарская, болгарская, русская и проч. На западѣ народныя церкви: въ Ирландіи, Франціи, Англіи, Голландіи, Германіи; церкви образовавшіяся въ наше время: еллинская, сербская и валахская. Вотъ примѣры частныхъ церквей, основанныхъ по народамъ и самостоятельныхъ. Значитъ требуемая болгарами народная и независимая церковь, основанная на народныхъ началахъ, не есть явленіе безпримѣрное, какъ утверждаетъ патріархія.

Какого же характера болгарскій вопросъ и кому принадлежитъ рѣшеніе его? Болгарскій вопросъ, говорятъ болгары, состоящій въ томъ, что болгары желаютъ быть подъ управленіемъ національной церкви, правда, независимой отъ всякой другой частной церкви, но подчиненной и соединенной со вселенскою церковію, сообразно съ святыми божественными канонами этой церкви,—несомнѣнно есть вопросъ церковный,—поелику онъ имѣетъ предметомъ устройство (σύστασιν) церкви, но отнюдь не религіозный и не догматическій, поелику не касается ни одного священнаго канона, ни одного догмата религіи и не имѣетъ въ виду отмѣнять, измѣнять или переиначивать что-либо въ канонахъ, установленіяхъ или догматахъ религіи. Такимъ образомъ, разсматриваемый съ духовной точки зрѣнія, этотъ вопросъ есть чисто церковный, а не религіозный и не догматическій.

Но разсматриваемый какъ вопросъ, имѣющій предметомъ не только устройство, но также и управленіе церкви, т. е. людей, находящихся въ церкви, онъ есть также вопросъ, по своему характеру, политическій, потому что идея объ управленіи, заключающая въ себѣ идею о власти и правѣ судить и наказывать

управляемыхъ, есть идея мірская и политическая, такъ какъ духовная власть состоитъ только *въ ученіи и наставленіи*, *въ вязаніи и рѣшеніи грѣшниковъ и кающихся* и, наконецъ, *въ отлученіи отъ церкви* упорствующихъ въ своихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ.

Если же духовные предстоятели церкви, кромѣ этой власти, пользуются другою, какъ, напр., властію судить вѣрующихъ по дѣламъ мірскимъ и не собственно духовнымъ, подвергать ихъ матеріальнымъ или денежнымъ наказаніямъ, принуждать ихъ силою къ исполненію своихъ распоряженій и проч., то этими и другими правами, не указанными ни въ одномъ божественномъ и священномъ канонѣ, пользуются они не въ силу благодати св. духа и дара Іисуса Христа. ибо Іисусъ Христосъ сказалъ: *Царство Мое нѣсть отъ міра сего*, а получаютъ оныя отъ царства міра сего, т. е, отъ свѣтской власти, потому что право начальствованія въ мірѣ можетъ проистекать токмо отъ свѣтской власти. По этому-то и самые вселенскіе соборы составлялись по повелѣнію и приглашеніямъ императоровъ и правила этихъ соборовъ утверждались и предлагались къ исполненію императорами же. По этому-то, въ самомъ началѣ образованія церкви, именно сообразно съ гражданскимъ раздѣленіемъ государства, назначались въ одни мѣста патріархи, въ другія—митрополиты, въ третьи—епископы, какъ мы уже сказали. По этому-то, въ послѣдствіи, многія епископіи возведены были, по распоряженію императоровъ, въ митрополіи, а многія изъ епархій образованы были вновь. Поэтому-то еще и доселѣ сохраняется установленіе императора Юстиніана избирать и представлять на каждую каѳедру, вмѣсто одного, трехъ кан-

дидатовъ, хотя это постановленіе и не согласно съ правилами. Поэтому-то избранный на каѳедру кандидатъ всегда утверждается императорскимъ указомъ и проч.

Разсматриваемый съ этой стороны болгарскій вопросъ есть необходимо политическій вопросъ. Слѣдовательно, рѣшеніе его должно принадлежать столько же гражданскому правительству его величества султана, какъ и духовной власти церкви. И та и другая сторона можетъ дѣлать по нему предложенія, и каждая изъ нихъ, не относясь враждебно къ другой, должна принимать предложенное рѣшеніе, если оно не противно устройству ея, правиламъ и установленіямъ, относящимся къ сущности ея религіи. Такой взглядъ подтверждается исторіею. Первоначально, по волѣ и начинанію гражданской власти, были основаны и учреждены многія существующія частныя церкви, и при томъ всегда по политическимъ соображеніямъ страны. Подобные вопросы часто рѣшаемы были даже одною государственною властію и церковь принимала эти рѣшенія, потому что чтить государей и правительства признаетъ своимъ основнымъ правиломъ. Такъ простая епископія Византіи выдѣлена была изъ подъ юрисдикціи митрополита ираклійскаго и стала архіепископіею константинопольскою, а впослѣдствіи признана вселенскою патріархіею, потому что этотъ городъ сдѣлался новымъ Римомъ и столицею имперіи. Точно также и по такимъ же причинамъ образовались самостоятельныя архіепископіи и затѣмъ патріархіи Охридская, Ипекская, Русская, Терновская и др.

Послѣ всего изложеннаго пусть читатель припомнитъ приведенныя въ началѣ сего отдѣла правила съ

толкованіями на нихъ Вальсамона и другихъ, припомнить слова знаменитаго Фотія, и то, что сказано въ документахъ константинопольской патріархіи о правѣ законныхъ государей издавать законы по дѣламъ церковнымъ, — тогда право мѣстнаго свѣтскаго правительства рѣшать болгарскій вопросъ станетъ ясно и несомнѣнно.

Что касается до увѣренія патріархіи, что право дать болгарамъ церковную самостоятельность не принадлежитъ ей, отъ которой зависѣли доселѣ болгарскія церкви, но единственно вселенскому собору цѣлой церкви, такъ какъ требованія болгаръ противны канонамъ и, слѣдовательно, удовлетвореніе первыхъ сопряжено съ нарушеніемъ послѣднихъ, а сіи, т. е. каноны, постановлены на вселенскихъ соборахъ и ни одной частной церкви не дозволено измѣнять ихъ, то увѣреніе это неосновательно.

1) Если требованія болгаръ признать антиканоничными и такими представить ихъ вселенскому собору, то ему напрасный будетъ трудъ собираться, такъ какъ ни одинъ соборъ не имѣетъ права нарушать или низвергать каноновъ религіи и догматовъ вѣры.

2) Съ другой стороны, мы не знаемъ ни одного церковнаго правила, которое воспрещало бы константинопольской патріархіи предоставлять самостоятельность церквамъ, зависящимъ отъ нея, и если мы обратимся къ исторіи, то она представитъ намъ множество примѣровъ на то, что эта самостоятельность всегда предоставляема была церквамъ прежде всего старѣйшею частною церковію, что даже и соборы вселенскіе не предоставляли означенной самостоятель-

ности безъ предварительнаго согласія подлежащей частной церкви, и что, въ частности, такъ именно дѣйствовала константинопольская патріархія всякій разъ, когда просили ее сдѣлать независимою какую-либо изъ церквей, подчиненныхъ ей. Такъ, въ древности, она изъявила согласіе на независимость Русской церкви, а въ недавнее время, въ 1850 г., церкви эллинской.

Въ заключеніе приводимъ слѣдующія соображенія болгаръ: если заявленіе патріархіи о томъ, что она не признаетъ за султаномъ права возстановленія автокефальности болгарской церкви, потому что вопросъ этотъ, какъ вопросъ религіозный и догматическій, не подлежитъ суду не только свѣтской власти, но и самой великой церкви, а подлежитъ лишь суду всей каѳолической церкви, если такое заявленіе, говорятъ болгары, истинно, то отсюда само собою выходитъ, что великая церковь, упразднивъ по своимъ интересамъ іерархическія права и преимущества самостоятельныхъ болгарскихъ церквей, учрежденныхъ и признанныхъ, какъ показано выше, всею церковію, вслѣдствіе императорскихъ указовъ, допустила въ этомъ случаѣ поступокъ антиканоническій, антирелигіозный и антидогматическій; слѣдовательно, она должна поправить такой незаконный поступокъ согласно предписанію 8 правила 3-го вселенскаго собора, гдѣ выражено: «никто изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ да не простираетъ власти на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ; но аще кто простеръ и насильственно какую епархію себѣ подчинилъ, да отдастъ оную: да не преступаются правила отецъ, да не вкра-

дывается, подъ видомъ священнодѣйствія, надменность власти мірскія».

Возвратить присвоенныя великою церковію чужія права она тѣмъ болѣе обязана, что объ этомъ просятъ дѣйствительно весь клиръ и народъ болгарскіе, и что державный императоръ и его правительство, которому принадлежитъ всякое право начальства и власти надъ своими подданными, также благосклонно пріемлютъ означенную просьбу, какъ въ свое время приняли просьбу патріархіи объ упраздненіи самостоятельности болгарской церкви. Для возвращенія этого нѣтъ нужды въ рѣшеніи всей вселенской церкви, такъ какъ церковная автономія была предоставлена и признана всею церковію за болгарами, а отнята у нихъ патріархіею самовольно, безъ предварительнаго согласія и рѣшенія каѳолической церкви. Слѣдовательно, съ канонической точки зрѣнія, за болгарскимъ народомъ de jure сохранилось право автономіи; только право это оставалось мертвымъ и безъ дѣйствія, въ силу данныхъ патріархіи Высочайшихъ указовъ; нынѣ же, когда согласіе того же правительства вызываетъ это право къ дѣйствію, оно должно войти въ полную силу.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Ф. Нильский

Ответ на письмо Т.И.Филиппова по вопросу о браке в русском расколе

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 4. С. 668-735.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО Т. И. ФИЛИППОВА.

По вопросу о бракѣ въ русскомъ расколѣ.

М. Г.

Въ первомъ № «Бесѣды» я прочиталъ ваши замѣчанія на мое сочиненіе: «семейная жизнь въ русскомъ расколѣ», которыя вы намѣрены были предложить мнѣ — въ видѣ возраженій. на диспутѣ моемъ (25 октября прошлаго года) и которыя тогда же обѣщали заявить печатно. Согласно своему обѣщанію, честь имѣю печатно же разъяснить ваши «недоумѣнія, возбужденныя въ васъ содержаніемъ моего труда», и тѣмъ успокоить васъ.

Если оставить въ сторонѣ всѣ разсужденія ваши, иногда довольно остроумныя, свидѣтельствующія о знакомствѣ вашемъ и съ древними языками и съ русскими поговорками, но мало относящіяся къ дѣлу; то сущность вашихъ возраженій можетъ быть изложена въ слѣдующихъ пяти пунктахъ:

1) По вашему мнѣнію, я «нигдѣ въ своемъ сочиненіи не предложилъ полнаго и яснаго опредѣленія правильнаго, или, что одно и тоже, православнаго понятія о таинствѣ брака», что, по вашимъ словамъ, составляетъ «немаловажный недостатокъ моей книги», такъ какъ «въ сочиненіи, которое посвящено изложенію столь многоразличныхъ ученій о брачной тайнѣ, строгая и точная постановка схемы православнаго

брака составляетъ явную и настоятельную необходимость» для опредѣленія «степени правильности того или другаго вида брака».

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе я прошу васъ взять первый выпускъ моего сочиненія и на двухъ первыхъ страницахъ прочитать слѣдующее: «въ ученіи о бракѣ, равно какъ и о другихъ таинствахъ, у раскольниковъ на первыхъ порахъ не было и даже не могло быть ничего существенно отличнаго отъ ученія объ этомъ предметѣ православной церкви... Считая церковныя богослужебныя и учительныя книги, изданныя до Никона, и особенно въ патріаршество Іосифа, за неизмѣнно вѣрныя и непогрѣшимыя, раскольники могли узнать и знали изъ этихъ самыхъ книгъ, что «бракъ есть тайна, ею же женихъ и невѣста отъ чистыя любве своея въ сердцы своемъ усердно себѣ изволятъ, и согласіе между собою и обѣтъ сотворятъ», что брачущіеся «отъ Бога пріемлютъ» въ этой тайнѣ «особнѣ сію благодать, дабы дѣти добрѣ и христіански родили и воспитали, и да соблюдутся отъ мерзостнаго блуднаго грѣха и невоздержанія», что бракъ «бываетъ общимъ изволеніемъ отъ тѣхъ, иже входятъ въ то достояніе безъ всякія пакости, и благословеніемъ священническимъ: егда себѣ обручаютъ взаемно», что послѣдняя цѣль брака, какъ таинства, состоитъ въ томъ, чтобы «человѣческій родъ умножался и число бы назнаменованныхъ и избранныхъ въ царство небесное исполнилося», что, наконецъ, вслѣдствіе своихъ цѣлей частныхъ (избѣжанія блуда и рожденія дѣтей) и общей («исполненія церкве Божія»), бракъ не только «потребенъ», т. е. нуженъ тѣмъ, кои не могутъ нести безъ грѣхопаденія дѣв-

ственной жизни, хотя могутъ быть лица, которыя въ состояніи обходиться безъ брака, но и «нужно потребенъ», т. е. необходимъ, неизбѣженъ для полноты церкви и, слѣдовательно, всегда будетъ существовать въ ней, какъ «нужно потребно» и всегда будетъ существовать въ церкви таинство священства «правленія ради церковнаго и строенія Божественныхъ тайнъ», хотя и «не всякъ долженъ есть» и можетъ «священствовати». Если эти изреченія старопечатныхъ книгъ переложить на современную русскую рѣчь, то выйдетъ слѣдующее опредѣленіе брака: бракъ есть таинство, въ которомъ сообщается брачущимся особенная благодать св. Духа—для христіанскаго рожденія и воспитанія дѣтей и для избѣжанія блуда; совершается онъ благословеніемъ пастыря церкви, при взаимномъ, безпрепятственномъ согласіи на вступленіе въ супружество жениха и невѣсты; послѣдняя цѣль брака—умноженіе человѣческаго рода для полноты церкви; вслѣдствіе своихъ цѣлей — частныхъ и общей, бракъ необходимъ и будетъ существовать въ церкви вѣчно, какъ вѣчна сама церковь, т. е. до конца міра.

Если это опредѣленіе брака, по вашему мнѣнію,—не полно и неясно, въ такомъ случаѣ я долженъ сказать, что нѣтъ яснаго и полнаго опредѣленія брака ни въ православномъ исповѣданіи Петра Могилы, ни въ православномъ катихизисѣ преосвященнаго Филарета, ни въ догматикахъ преосвященныхъ Макарія, Филарета и др.

«Понятіе о бракѣ, настаиваете вы, есть понятіе сложное, въ коемъ каждая составная часть имѣетъ свое особенное, ей только принадлежащее, значеніе; эти составныя части суть: а) взаимное, непринуж-

денное соизволеніе на бракъ жениха и невѣсты, б) согласіе, при извѣстномъ возрастѣ жениха и невѣсты, ихъ родителей и в) священнословіе (ἱερολογία), или, по нынѣшнему, вѣнчаніе вступающихъ въ бракъ въ церкви; объяснить читателю истинное значеніе этихъ моментовъ въ составѣ брака было, замѣчаете вы, вашею несомнѣнною обязанностію».

Существенная необходимость для правильнаго брака взаимнаго согласія жениха и невѣсты и священническаго благословенія ясно видна изъ того опредѣленія, какое сдѣлано мною, на основаніи старопечатныхъ книгъ. Что же касается согласія на бракъ родителей жениха и невѣсты, то говорить особо объ этомъ предметѣ, какъ имѣющемъ условное значеніе для брака, я не считалъ нужнымъ—тѣмъ болѣе, что сами раскольники необходимости этого согласія не отрицаютъ, а только спорятъ о томъ, нужно ли существенно для законности брака пресвитерское благословеніе и вѣнчаніе, или бракъ можетъ правильно состояться и безъ него. Кромѣ того, если, по вашему мнѣнію, для полноты опредѣленія брака, мнѣ нужно было объяснить читателю истинное значеніе указанныхъ вами моментовъ въ составѣ брака,—то, ради той же полноты опредѣленія, я долженъ былъ бы показать также значеніе для правильности брака степеней родства и возраста брачущихся, времени и мѣста совершенія брака и другихъ, необходимыхъ для правильнаго бракосочетанія, условій,—другими словами,—написать цѣлое сочиненіе о бракѣ съ канонической точки зрѣнія, какъ сдѣлалъ это, напримѣръ, покойный преосвященный Іоаннъ, помѣстившій въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1859 годъ «обзоръ поста-

новленій о бракѣ въ православной церкви», или—покойный Неволинъ, посвятившій вопросу о бракѣ весь первый томъ своей «Исторіи гражданскихъ законовъ». Все это, согласенъ, было бы и хорошо, только разсмотрѣніе всѣхъ указанныхъ вопросовъ, «къ понятію объ истинномъ бракѣ относящихся», не входило въ задачу моего чисто историческаго труда, имѣвшаго цѣлію—изложеніе постепеннаго развитія въ расколѣ ученія о бракѣ, а не критическую оцѣнку этого ученія и раскольничьихъ браковъ разныхъ формъ и видовъ. Правда, я иногда произносилъ судъ о правильности или неправильности того или другаго вида раскольничьихъ браковъ, какъ это вы и замѣчаете; но для такого суда я считалъ достаточнымъ и того опредѣленія брака, которое вы признаете неполнымъ и неяснымъ и которое, по вашимъ словамъ, повело меня къ «немаловажнымъ ошибкамъ и немалочисленнымъ противорѣчіямъ съ самимъ собою». Ниже вы увидите, что такой приговоръ вашъ о моихъ опредѣленіяхъ «степени правильности» разныхъ раскольничьихъ браковъ—положительно несправедливъ.

II. Второе замѣчаніе ваше касается моего отзыва объ ученіи Ивана Алексѣева. Указавъ на второе положеніе и на 122—3 стр. моей книги, вы утверждаете, будто бы отзывъ мой объ ученіи Алексѣева а) невѣренъ, б) оскорбителенъ для памяти дѣятеля, достойнаго уваженія, и в) несогласенъ съ моими собственными словами о характерѣ ученія и дѣятельности Ивана Алексѣева, сказанными въ другомъ мѣстѣ. Посмотримъ, на сколько справедливы эти обвиненія.

а) Невѣрность моего отзыва объ ученіи Ивана Алексѣева состоитъ, по вашимъ словамъ, въ томъ,

что я приписалъ Алексѣеву взглядъ на бракъ не какъ таинство, а какъ на естественный, или гражданскій, союзъ, тогда какъ, по вашему мнѣнію, Алексѣевъ считалъ бракъ таинствомъ. Доказывая свою мысль, вы говорите, что послѣ того, какъ расколъ былъ отлученъ отъ церкви, и раскольники, придя къ убѣжденію, будто уже воцарился антихристъ, настало послѣднее время, церковь «бысть безъ вѣсти» и православное священство прекратилось, стали учить, что «за разсыпаніемъ руки освященныхъ» не можетъ быть болѣе и таинствъ, кромѣ крещенія и покаянія, которыя, по мнѣнію раскольниковъ, можетъ совершать и міранинъ, и вслѣдствіе этого провозгласили, что не можетъ быть болѣе брака и всѣ обязаны проводить «чистое житіе», Алексѣевъ, возмущенный послѣдствіями принудительнаго дѣвства, выступилъ съ своею устною и потомъ письменною проповѣдію, и «сталъ учить, что къ допущеннымъ уже всѣми безпоповцами изъятіямъ, относительно крещенія и покаянія, слѣдуетъ присоединить новое исключеніе въ пользу таинства брака: ибо вопреки мнѣнію прежнихъ учителей безпоповскаго толка, и бракъ, точно также какъ крещеніе и покаяніе, можетъ, по его мнѣнію, быть вполнѣ правильно (въ видѣ таинства) совершаемъ при безусловномъ отсутствіи на землѣ правильнаго священства». И затѣмъ послѣ замѣчанія о томъ, что ученіе Алексѣева о сущности и условіяхъ правильнаго брака можно считать неправильнымъ, вы заключаете: «но изъ-за этого приписывать ему воззрѣніе на бракъ, какъ на союзъ естественный, или гражданскій, чуждый благодатнаго таинственнаго освященія, значитъ внести въ заключеніе то, чего не дано въ посылкахъ. Иное дѣло

ошибочно думать о таинствѣ, и иное — отвергать его».

Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что первая ваша посылка о первоначальномъ ученіи безпоповцевъ относительно брака можетъ привести къ другому заключенію, а не тому, къ какому пришли вы. Если первоначальные раскольники,—это разсуждаю я,—въ силу того убѣжденія, что бракъ, какъ таинство, можетъ быть совершенъ правильно только православнымъ священникомъ, обрекли всѣхъ, вслѣдствіе мнимаго прекращенія въ мірѣ священства, на «чистое житіе», сдѣлавшееся скоро самымъ нечистымъ; то Алексѣеву, желавшему прекратить безпоповщинскій развратъ, оставалось проповѣдывать своимъ братьямъ по вѣрѣ необходимость и возможность брака, не какъ таинства,—такой бракъ, за разсыпаніемъ руки освященныхъ, былъ невозможенъ, по понятію заблуждающихъ,—но какъ естественный или гражданскій союзъ; проповѣдывать такой бракъ Алексѣевъ могъ тѣмъ естественнѣе, что онъ (бракъ), прекращая блудъ, къ пресѣченію котораго и направлена была вся дѣятельность автора книги «о тайнѣ брака», въ тоже время менѣе могъ оскорблять религіозное чувство заблуждающихъ,—такъ какъ подобные браки (не въ видѣ таинства) существовали и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ,—чѣмъ вступленіе въ бракъ, какъ таинство, при благословеніи только мірянина (священники православной церкви, по взгляду безпоповцевъ и самаго Алексѣева, не болѣе, какъ міряне и притомъ еретичествующіе), такъ какъ такое заключеніе брака было бы, по мнѣнію ревнителей старины, нарушеніемъ всѣхъ правилъ, низведеніемъ таинства на степень

простаго дѣйствія, кощунствомъ надъ нимъ, нарушеніемъ «писанія» и вѣры (вып. 2, стр. 187—8), изъ-за не нарушимаго храненія которой раскольники и отдѣлились отъ церкви. Я не знаю, которое изъ разсужденій,—мое или ваше,—вы найдете болѣе логичнымъ, и хочу только показать, что въ разсматриваемомъ нами вопросѣ сужденія a priori не могутъ привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Далѣе: вторая посылка ваша—объ ученіи собственно Алексѣева не только произвольна, но даже находится въ прямомъ противорѣчіи съ его книгою «о тайнѣ брака» и съ тѣмъ, что́ сказано въ моемъ сочиненіи объ этомъ предметѣ. Такъ, напримѣръ, вы говорите. будто Алексѣевъ «сталъ учить, что, вопреки мнѣнію *прежнихъ* учителей безпоповскаго толка, и бракъ *точно также, какъ крещеніе и покаяніе*, можетъ быть вполнѣ правильно (*въ видѣ таинства*) совершаемъ при безусловномъ отсутствіи на землѣ правильнаго священства»; а между тѣмъ а) взгляда на бракъ, какъ таинство, которое можетъ совершить одинъ только православный священникъ, держались не одни *прежніе*, но и современные Алексѣеву учители безпоповщинской секты; такой взглядъ на бракъ и побудилъ выговцевъ послать Вышатика на востокъ для отысканія тамъ «православной хиротоніи; б) Алексѣевъ не только не приравнивалъ брака, который проповѣдывалъ, къ крещенію и покаянію, а напротивъ существенно отличалъ его отъ послѣднихъ таинствъ; доказательствомъ этого могутъ служить и его ясныя слова объ этомъ предметѣ, приведенныя мною на 129 стр. перваго выпуска, которыми послѣ я воспользуюсь противъ васъ, и то обстоятельство, что, реко

мендуя своимъ послѣдователямъ вѣнчаться у православныхъ (а по его мнѣнію, еретическихъ) священниковъ, Алексѣевъ въ тоже время строго, безусловно запрещалъ принимать отъ нихъ всѣ другія таинства— и крещеніе и покаяніе, о чемъ также ясно говорится въ моей книгѣ на стр. 160—1. Въ виду сказаннаго, я рѣшительно недоумѣваю, на какомъ основаніи вы, разсуждая о причинахъ, вызвавшихъ Алексѣева на проповѣдь о бракѣ и написаніе книги «о тайнѣ брака», могли сказать, что онъ «сталъ учить, что и бракъ точно также, какъ крещеніе и покаяніе, можетъ»... и т. д., когда въ сочиненіи моемъ ученіе его объ этомъ предметѣ изложено вовсе не такъ, и прихожу къ мысли, что вы, рѣшившись явиться моимъ оппонентомъ, или не дали себѣ труда со вниманіемъ прочесть мою книгу (ниже это я и докажу), или въ своемъ возраженіи противъ моего взгляда на ученіе Алексѣева руководились не своими собственными соображеніями, а замѣтками рецензента моего сочиненія, помѣщенными въ майской книжкѣ Православнаго Собесѣдника за прошлый годъ, да только сказанное тамъ о послѣдователяхъ Покровской часовни, дѣйствительно приравнивавшихъ бракъ къ таинствамъ крещенія и покаянія, приписали Алексѣеву, или, наконецъ, желая отстоять разъ возникшую въ головѣ вашей мысль, закрываете глаза отъ всего, что́ опровергаетъ ее. Послѣднее предположеніе я позволяю себѣ потому, что слова Алексѣева, помѣщенныя мною на 129 стр. перваго выпуска, и вы привели въ своемъ письмѣ, только опустили изъ нихъ то, что̀, какъ послѣ будетъ видно, прямо опровергаетъ и ваше разсужденіе относительно Алексѣева, и вашъ взглядъ на ученіе его о

бракѣ, какъ таинствѣ. Наконецъ, в) ваши слова: «бракъ... можетъ быть вполнѣ правильно (*въ видѣ таинства*) совершаемъ», дѣйствительно—ваши, а не Алексѣева, который во всей книгѣ «о тайнѣ брака» ни разу не употребилъ словъ: «правильно, т. е. въ видѣ таинства».

Послѣ всего сказаннаго о вашихъ «посылкахъ», я надѣюсь, вы признаете за мною право не согласиться и съ вашимъ выводомъ, основаннымъ на нихъ, т. е., что будто бы «приписывать Алексѣеву воззрѣніе на бракъ, какъ на союзъ естественный, или гражданскій, чуждый благодатнаго таинственнаго освященія, значитъ внести въ заключеніе то, чего не дано въ посылкахъ».

Приступаю къ дальнѣйшему разбору вашихъ доказательствъ, которыя вы приводите въ подтвержденіе мысли, будто мой взглядъ на ученіе Алексѣева о бракѣ, не какъ таинствѣ, а какъ естественномъ или гражданскомъ союзѣ, невѣренъ. «Что Иванъ Алексѣевъ, пишете вы, самъ почиталъ предлагаемый имъ бракъ за таинство, тому свидѣтель вся его книга, начиная съ ея заглавія: «*о тайнѣ брака*».

На мой взглядъ, это заглавіе книги показываетъ только, что Алексѣевъ *называлъ* бракъ тайной; но разумѣлъ ли онъ подъ этимъ названіемъ бракъ, какъ таинство, это еще вопросъ, который я рѣшаю въ отрицательномъ смыслѣ. Раскольники называютъ *тайной* и аллилуію; но изъ этого, разумѣется, еще не слѣдуетъ, будто они признаютъ ее таинствомъ въ церковномъ смыслѣ. Однимъ словомъ: одно и тоже названіе можетъ скрывать подъ собою понятія и вещи совершенно различныя. Мы съ вами, какъ лица право-

славныя, подъ церковію разумѣемъ собраніе вѣрующихъ съ іерархіею и таинствами,—раскольники-безпоповцы тѣмъ же словомъ означаютъ свое общество, въ которомъ, какъ извѣстно, нѣтъ іерархіи, а равно и таинствъ, за исключеніемъ крещенія и покаянія, совершаемыхъ міррянами.

«Весь подвигъ его (Алексѣева) жизни, продолжаете вы, и все намѣреніе его ученаго изслѣдованія въ томъ только и состоитъ, чтобы обществу безпоповцевъ, которые потому единственно и отвергли бракъ, что онъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть совершенъ безъ правильнаго священства, доказать, что, напротивъ того, и при отсутствіи истиннаго священства вполнѣ возможно совершеніе брака, какъ таинства. Именно: брака, какъ таинства; ибо что касается гражданскаго брака, то и говорить нечего, что онъ можетъ быть совершенъ безъ священника: тутъ нечего было бы и доказывать и не за чѣмъ было бы предпринимать тѣхъ дальнихъ странствій и тѣхъ усидчивыхъ книжныхъ изысканій, на которыя обрекъ себя еще съ отроческаго возраста Иванъ Алексѣевъ».

Я не имѣю побужденій оспоривать вашу мысль о томъ, что у Алексѣева было намѣреніе ввести въ безпоповщину бракъ, какъ таинство; только утверждаю, что намѣренію этому не суждено было исполниться, и въ книгѣ своей онъ говоритъ о бракѣ не какъ таинствѣ, но какъ о естественномъ, или гражданскомъ, союзѣ. Другими словами: я не допускаю въ Алексѣевѣ предвзятой мысли и желанія—уничтожить значеніе брака, какъ таинства, и думаю, что онъ пришелъ къ понятію о бракѣ, какъ естественномъ союзѣ, въ слѣдствіе неправильно понятыхъ имъ тѣхъ «исторій

и книгъ», которыя усидчиво перечитывалъ съ цѣлію—уничтожить безпоповщинское всеобщее безбрачіе и слѣдовавшій за нимъ развратъ. А какъ скоро Алексѣевъ убѣдился, что бракъ не таинство и что, слѣдовательно, онъ возможенъ и при отсутствіи православнаго священства, онъ сталъ и доказывать свою мысль тѣмъ, кто, выходя изъ другаго взгляда на бракъ, утверждалъ, будто нынѣ, за разсыпаніемъ руки освященныхъ, онъ уже невозможенъ.

«И способъ доказательствъ, продолжаете вы, и самый источникъ ихъ былъ бы въ такомъ случаѣ иной: за чѣмъ бы Ивану Алексѣеву, если бы онъ вздумалъ предлагать бракъ гражданскій, искать подтвержденія своей мысли въ Большомъ Катихизисѣ или Кормчей, гдѣ ни о какомъ другомъ бракѣ, кромѣ признаваемаго церковію, слѣдовательно, таинственнаго и благодатнаго, не можетъ быть и рѣчи? Зачѣмъ ссылаться на Діонисія Ареопагита и на свидѣтельства ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи?».

Алексѣевъ ссылался на указываемыя вами книги и исторіи потому, что а) какъ самъ онъ былъ раскольникъ, такъ и рѣчь свою о бракѣ велъ съ раскольниками же, которые, какъ извѣстно, свои недоумѣнія даже о самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ предметахъ—одеждѣ, пищѣ, бородѣ и проч. любятъ разрѣшать свидѣтельствами «божественнаго писанія», подъ именемъ котораго они разумѣютъ и разные катихизисы и кормчія и другія книги; а вопросъ о бракѣ по важнѣе бороды даже и для раскольника; б) на Большой Катихизисъ, Кормчую, Діонисія Ареопагита и пр. Алексѣевъ могъ ссылаться тѣмъ легче, что въ этихъ-то книгахъ онъ и нашелъ мнимыя основанія считать

бракъ не таинствомъ, какъ понимаетъ это слово церковь православная.

«Да и кому бы, замѣчаете вы, сталъ онъ (Алексѣевъ) предлагать гражданскій бракъ? Обществу, которое всѣ условія своей жизни опредѣляло началомъ религіознымъ, или церковнымъ, и которое одной минуты не потратило бы на разговоръ о бракѣ гражданскомъ, ни на что ему не нужномъ?»

Ваша правда, что раскольники всѣ условія своей жизни опредѣляютъ религіознымъ, или церковнымъ, началомъ; только это обстоятельство не помѣшало Ильѣ Ковылину взглянуть на отношенія половъ съ точки зрѣнія, по вашему выраженію, современныхъ женскихъ эмансипаторовъ, а ѳедосѣевцамъ нашего времени—вступать въ брачныя сожительства «по взаимному соглашенію жениха и невѣсты и по благословенію родителей, при домашней молитвѣ», и печатно называть такія сожительства *гражданскими браками* (Соврем. Лѣтоп. 1864 г. № 33, стр. 12). А вѣдь последователи Алексѣева чувствовали нужду въ бракѣ не менѣе современныхъ намъ ѳеодосѣевцевъ.

«Вѣдь вы сами же говорите, замѣчаете вы мнѣ, въ положеніи 3-мъ, что исканіе выговскими поморцами, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, архіерея на востокѣ было вызвано, главнымъ образомъ, вопросомъ о бракѣ. Не ясно ли изъ этого, какой бракъ, освященный или гражданскій, былъ нуженъ безпоповскому согласію?»

Дѣйствительно, безпоповцы первой половины прошлаго столѣтія нуждались въ бракѣ, какъ таинствѣ; только Алексѣевъ не могъ имъ предложить такого брака и указалъ другой, какъ союзъ естественный

или гражданскій; и послѣдователи его стали вступать въ такой бракъ по той же пресловутой «нуждѣ», на которую такъ любятъ ссылаться раскольники, когда имъ приходится нарушать завѣщанную отцами старину и церковныя преданія.

Такимъ образомъ и это *разсужденіе* ваше не доказываетъ прямо того, будто Алексѣевъ смотрѣлъ на бракъ, какъ таинство. Гдѣ же фактическія основанія, давшія вамъ право утверждать, будто бы я понялъ ученіе Алексѣева невѣрно? Сдѣлавъ нѣсколько выписокъ изъ моей книги, указывающихъ, какимъ путемъ дошелъ Алексѣевъ до своеобразнаго понятія о бракѣ, вы въ концѣ приводите слѣдующія слова Алексѣева, взятыя изъ моего сочиненія: «*тайна* брака не такъ отъ церковнаго дѣйства силу имать, какъ отъ Божія оного содѣтельства и Божіихъ оныхъ словесъ... По сему церковь неразнственно всѣ браки имяше... и отъ всякаго языка, аще отъ еллинъ, незнающихъ Бога, аще отъ жидовъ, и аще отъ еретиковъ приходящія со своими ихъ браки пріемлетъ въ томъ же дѣйствѣ, точію бы въ нихъ было законно по коегождо обычаю совокупленіе. *Прочія же тайны, кромѣ сея единыя, святая церковь не пріемлетъ*». Прошу васъ вникнуть, пишете вы, въ послѣднія курсивомъ напечатанныя слова; неужели изъ нихъ не ясно, что Иванъ Алексѣевъ не исключалъ брака изъ седми церковныхъ тайнъ, а напротивъ считалъ его именно одною изъ этихъ тайнъ, но только находилъ въ ней извѣстную, выше объясненную особенность» (т. е. что бракъ можетъ быть совершенъ и при отсутствіи правильнаго священства).

Признаюсь откровенно, вы изумляете меня ориги-

нальностію вашихъ умозаключеній. Алексѣевъ говоритъ, что бракъ, будетъ ли онъ заключенъ между язычниками, жидами, или еретиками, имѣетъ одинаковое значеніе и силу, одинаково законенъ и правиленъ, какъ и бракъ христіанскій,—а вы утверждаете, на основаніи такого разсужденія автора книги «о тайнѣ брака», что онъ считалъ бракъ одною изъ семи *церковныхъ тайнъ*. Да скажите пожалуйста, развѣ въ язычествѣ, жидовствѣ и проч.. есть и могутъ быть церковныя таинства? Правда, Алексѣевъ здѣсь же называетъ бракъ языческій, жидовскій, еретическій — тайною; но развѣ онъ не указываетъ въ то же время и существеннаго отличія этой тайны отъ прочихъ тайнъ церковныхъ, когда говоритъ, что церковь, кромѣ брака, никакой другой тайны не пріемлетъ не только отъ язычниковъ, у которыхъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо тайнахъ въ смыслѣ христіанскомъ, но даже и отъ іудеевъ, у которыхъ кромѣ брака есть и мνропомазаніе и исповѣданіе грѣховъ, только не въ смыслѣ таинствъ христіанскихъ, какъ мы ихъ разумѣемъ, и отъ еретиковъ, изъ которыхъ у многихъ имѣются всѣ семь христіанскихъ таинствъ? На основаніи слова: *тайна*, которымъ называетъ Алексѣевъ бракъ и языческій, наравнѣ съ христіанскимъ, выводить заключеніе о взглядѣ Алексѣева на бракъ, какъ одно изъ семи церковныхъ таинствъ, значитъ, по моему мнѣнію, поступать подобно нѣкоторымъ современникамъ троицкаго архимандрита Діонисія, о которыхъ одинъ изъ его сотрудниковъ замѣчалъ, что они «писанія точію по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся вѣдѣти».

Къ моему искреннему сожалѣнію, я нахожусь вы-

нужденнымъ, во имя истины, которую мы съ вами отыскиваемъ, сказать еще болѣе. Чтобы отстоять *свой* взглядъ на спорный вопросъ, вы не только не хотѣли вникнуть въ смыслъ рѣчи Алексѣева и привязали ваше вниманіе къ одному его слову, — вы еще позволили себѣ привести слова Алексѣева о значеніи брака не въ цѣломъ ихъ видѣ, какъ приведены они у меня, но съ пропускомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя и показываютъ истинный взглядъ автора книги «о тайнѣ брака» на бракъ, т. е. употребили пріемъ, къ какому прибѣгали иногда противники Алексѣева, стараясь отстоять свои неправильныя мысли (вып. 1, стр. 136). Но «мы, скажу словами Алексѣева, сполна воспріимемъ» отрывочно приведенное вами мѣсто, «да разумно покажется глаголемое». «Тайна брака, писалъ Алексѣевъ, не такъ отъ церковнаго дѣйства силу имать, какъ отъ Божіяго онаго содѣтельства и Божіихъ оныхъ словесъ, *(послѣдство имущи на основаніи плотскаго договора). Прочія же тайны церковныя на страданіи Христовѣ основаніе имутъ и точію благодатію Св. Духа совершаются:* аще крестити, аще рукоположити, аще муро освятити, вездѣ благодати потреба чрезъ Христа, коея еретицы не имутъ: тѣмъ же и тайны сія не могутъ за тайны вмѣнятися, яко не отъ Христа и Духа Св. начало и совершенство свое имутъ... Посему церковь неразнственно всѣ браки имяше» (вып. 1, стр. 129) и проч., что́ уже приведено выше. Призываю во свидѣтели всѣхъ, кто имѣетъ понятіе о таинствѣ въ христіанскомъ смыслѣ, и прошу ихъ сказать, не на основаніи соображеній, а на основаніи приведенныхъ словъ Алексѣева, кто изъ насъ вѣрнѣе смотритъ на ученіе его о бракѣ, г.-ли Филиппов, утверждающій,

что Алексѣевъ считалъ бракъ церковнымъ таинствомъ, наравнѣ съ крещеніемъ и покаяніемъ, или я, признавшій бракъ Алексѣева не болѣе, какъ союзомъ естественнымъ, т. е. чуждымъ, по словамъ г. Филиппова, благодатнаго таинственнаго освященія? Впрочемъ, къ чему обращаться къ посредству другихъ, когда самъ Алексѣевъ рѣшаетъ споръ безапелляціонно. Онъ прямо и ясно говоритъ, что только крещеніе, мѵропомазаніе и другія *церковныя* тайны основаніе имѣютъ на Христовомъ страданіи и совершаются благодатію Св. Духа; основаніемъ же брака служитъ плотской договоръ брачущихся, а сила его зависитъ не отъ церковнаго дѣйствія, т. е. священнословія, но отъ первоначальнаго Божія благословенія мужу и женѣ. Поэтому бракъ, какъ тайна, независимая отъ благодати Св. Духа и ненуждающаяся въ ней, можетъ быть законно совершенъ и въ язычествѣ, и въ жидовствѣ, и между еретиками; между тѣмъ какъ другія церковныя тайны возможны только въ православной церкви, такъ какъ онѣ совершаются благодатію Св. Духа, которой не только язычники и іудеи, но даже и еретики не имѣютъ. Отъ того-то церковь бракъ, гдѣ бы онъ ни былъ совершенъ, принимаетъ за бракъ, когда вступившіе въ него по обычаю своего общества, будетъ-ли оно языческое или еретическое, приходятъ къ ней; всѣхъ же другихъ таинствъ, совершенныхъ внѣ ея ограды, она не принимаетъ, такъ какъ знаетъ, что нигдѣ, кромѣ ея, таинства невозможны ([1])».

([1]) На этомъ-то основаніи, Алексѣевъ, позволявшій своимъ послѣдователямъ вѣнчаться въ церкви еретической, гдѣ нѣтъ благодати, запрещалъ имъ принимать отъ нея всѣ другія таинства, какъ невозможныя въ еретической церкви, о чемъ выше уже замѣчено.

Я надѣюсь, что точно передалъ истинный смыслъ словъ Алексѣева, и, кажется, имѣю право сказать, что ваше замѣчаніе, будто отзывъ мой объ ученіи Алексѣева—невѣренъ, несправедливо. Я не стану входить въ разслѣдованіе, почему вы опустили слова Алексѣева, которыя главнымъ образомъ и дали мнѣ основаніе признать бракъ его не таинствомъ, а союзомъ естественнымъ; но думаю, что если бы вы на нихъ обратили вниманіе, ваше недоумѣніе, за разрѣшеніемъ котораго вы обратились ко мнѣ, прошло бы само собою, и вы тогда не написали бы, бутто «во всей моей книгѣ, исполненной многоразличныхъ выписокъ и ссылокъ, вы не нашли ни одного подлиннаго слова Алексѣева о томъ, чтобы онъ самъ предлагаемый имъ бракъ не считалъ за таинство и чтобъ въ замѣну бывшаго въ Христовой церкви таинственнаго союза мужа и жены, во образъ союза Христа съ церковію, онъ предлагалъ новый, имъ самимъ вымышленный, бракъ естественнаго, или гражданскаго характера».

Что самъ Алексѣевъ не считалъ предлаемаго имъ брака за таинство въ церковномъ смыслѣ, это вы сейчасъ видѣли; что онъ смотрѣлъ на него, какъ на союзъ естественный, это также ясно видно изъ вышеприведенныхъ словъ его о томъ, что основаніемъ брака служитъ *плотской договоръ* брачущихся лицъ. А что Алексѣевъ смотрѣлъ еще на предлагаемый имъ бракъ, какъ на союзъ гражданскій, это видно изъ его собственныхъ словъ, приведенныхъ мною на стр. 190 и 193 перваго выпуска. Говоря о тѣхъ изъ раскольниковъ, которые, въ слѣдствіе возгласовъ своихъ наставниковъ о томъ, что вѣнчаться въ еретической

церкви, какъ требовалъ того Алексѣевъ, значитъ отступать отъ вѣры, принять печать антихриста и проч., стали вступать въ брачныя сожительства *безъ вѣнчанія*, по одному взаимному согласію между собою, Алексѣевъ такъ выражается: «и сихъ ради учительскихъ въ нихъ изглашеній на бракъ послѣдующій злообычный ихъ народъ *гражданскій обычай* въ поятіи женъ весьма отложиша, да не горшіи блудниковъ предъ учительми своими явятся и милости ихъ не отщетятся; тѣмъ-же обычаемъ манихейскимъ мужъ со женою поемлются, и не въ бракъ, но въ блудъ; вмѣняюще браковѣнчаніе во отступство, по себѣ самихъ женятся».

Изъ этихъ выраженій Алексѣева я вывожу слѣдующее: если онъ обычай вѣнчать браки въ церкви, (хотя бы и еретической), называлъ *гражданскимъ* (потому ли, что вѣнчанію, какъ дѣйствію церковному, не придавалъ никакого значенія, да и не считалъ его необходимымъ для существа брака, потому-ли, что только заключенные такимъ образомъ браки гражданская власть признавала правильными (вып. 1, стр. 129-30 и 193), или наконецъ потому, что, какъ думали послѣдователи Покровской часовни, вѣнчаніе брака въ церкви было установлено для законности брака не церковію, а властію гражданскою, или частнѣе: Алексѣемъ Комнинымъ (тамъ-же, стр. 142, 252-3), для меня все равно) и въ то же время требовалъ, чтобы послѣдователи его вступали въ бракъ именно путемъ вѣнчанія, и только такимъ образомъ заключенный бракъ признавалъ правильнымъ; то, мнѣ думается, я не погрѣшилъ противъ Алексѣева, сказавъ, что онъ смотритъ на предлагаемый имъ бракъ

не какъ на таинство, но какъ на союзъ естественный, или по крайней мѣрѣ *гражданскій*. Это замѣчаніе я предлагаю не только вашему вниманію, но и благоусмотрѣнію рецензента моего въ Православномъ Собесѣдникѣ, который говоритъ, что «только въ томъ случаѣ бракъ Алексѣева можно было-бы назвать строго гражданскимъ, если бы онъ устранилъ необходимость вѣнчанія въ православной церкви» (Правосл. Собес. 1870 г., май, стр. 35). Я напротивъ потому и называю бракъ Алексѣева гражданскимъ, что онъ требовалъ для его заключенія вѣнчанія въ церкви, на которое смотрѣлъ, какъ на обычай гражданскій. Конечно, тутъ нѣтъ полнаго сходства съ бракомъ гражданскимъ, какъ мы его понимаемъ теперь; но существо дѣла одно и тоже. Вѣнчаніе въ церкви, по мысли Алексѣева, значило *тоже*, что «утвержденіе общественною властію» современныхъ гражданскихъ браковъ, гдѣ они существуютъ.

б) Утверждая, будто я невѣрно понялъ взглядъ Алексѣева на бракъ, вы прибавляете, что взглядъ мой на это дѣло еще и оскорбителенъ для памяти этого честнаго дѣятеля. Въ чемъ же это оскорбленіе, позвольте васъ спросить? Въ томъ, отвѣчаете вы, что я «приравнялъ ученіе Алексѣева къ ученіямъ современныхъ намъ ревнителей женской эмансипаціи». Правда, показавъ, какъ смотритъ Алексѣевъ на вѣнчаніе, опредѣливъ значеніе брака, какъ понималъ его авторъ книги: «о тайнѣ брака», (т. е. показавъ, что онъ считалъ его не таинствомъ, а союзомъ естественнымъ или гражданскимъ), я замѣтилъ: «какъ ни страннымъ можетъ показаться читателю, что Алексѣевъ—раскольникъ, котораго мы привыкли считать жаркимъ

ревнителемъ старины и буквы, еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія заговорилъ о бракѣ *подобно* современнымъ намъ ревнителямъ женской эмансипацiи, однако смѣемъ увѣрить, что мы изложили ученiе его совершенно вѣрно» (вып. 1, стр. 122—3). Но что-же тутъ оскорбительнаго для Алексѣева? Помилуйте, говорите вы, стремленiя современныхъ ревнителей женской эмансипацiи извѣстны; эти люди хотятъ, чтобы «въ вопросѣ о союзѣ между лицами разнаго пола ихъ личному чувству и влеченiямъ предоставить полную и ничѣмъ не ограниченную свободу не только до вступленiя ихъ въ этотъ союзъ, но и по заключенiи онаго; пока обоимъ вступившимъ въ такой союзъ лицамъ нравится жить вмѣстѣ,— они живутъ; какъ скоро одному изъ нихъ перестало это нравиться, онъ можетъ съ правомъ искать новаго союза, столь же мало для него обязательнаго, какъ и первый, и такъ далѣе, смотря по темпераменту, до третьяго, седьмаго, двадцатаго, сотаго, безъ малѣйшаго при этомъ помышленiя и заботы о нравственномъ состоянiи и внѣшней судьбѣ покидаемыхъ имъ лицъ и даже прижитыхъ съ ними дѣтей». И затѣмъ, указавъ на Люкрецiю Флорiани Жоржъ-Занда и на правила, которыми она руководствовалась въ своихъ сближенiяхъ съ отцами своихъ дѣтей, вы заключаете: «потрудитесь же примѣрить къ этой схемѣ отношенiй между полами ученiе Ивана Алексѣева, и скажите, чтò вы нашли между ними общаго?»

Позвольте же вамъ сказать, что когда я указывалъ на сходство ученiя Алексѣева о бракѣ съ ученiемъ современныхъ ревнителей женской эмансипацiи, я имѣлъ въ виду, какъ вы можете видѣть изъ

связи рѣчи, не заграничные типы, которые вы рисуете, а тѣхъ нашихъ доморощенныхъ защитниковъ женскихъ правъ, которые, какъ показываетъ современная литература, и въ частности 2 № «Бесѣды», считая себя сынами православной церкви, въ то же время не приписываютъ браку значенія таинства, съ предубѣжденіемъ относятся къ церковному вѣнчанію, ставятъ ни во что священническое благословеніе и смотрятъ на бракъ не болѣе, какъ на дѣло житейское, или, по крайней мѣрѣ, какъ на союзъ гражданскій. Если я «приравнялъ», какъ выражаетесь вы, къ подобнымъ господамъ Алексѣева, мнѣ думается, я нимало не оскорбилъ его, а только сказалъ правду; такъ какъ и онъ, какъ я доказалъ вамъ, смотрѣлъ на бракъ не какъ на таинство, а какъ на естественный, или гражданскій союзъ, и церковному вѣнчанію брака не приписывалъ никакого существеннаго значенія. Если же вы скажете, что Алексѣевъ требовалъ неразрывности брака, о чемъ и говорится во 2 положеніи, между тѣмъ какъ современные ревнители женской эмансипаціи, которыхъ я имѣлъ въ виду, всего болѣе и вооружаются противъ неразрывности брака,—я отвѣчу вамъ на это, что оттого я и не сказалъ, что Алексѣевъ училъ о бракѣ *такъ же, какъ* учатъ о немъ современные ревнители женской эмансипаціи, но—*подобно*. Будьте же внимательны къ чужимъ словамъ и выраженіямъ; они говорятся и пишутся не наобумъ.

в) Въ подтвержденіе той мысли, будто отзывъ мой объ Алексѣевѣ и его ученіи не только невѣренъ и оскорбителенъ для него, но даже противорѣчитъ моимъ собственнымъ словамъ о характерѣ ученія и

дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка, сказаннымъ въ другомъ мѣстѣ моей книги, вы ссылаетесь на слѣдующія слова: «потому ли, что ученіе защитниковъ всеобщаго дѣвства со всѣми основаніями, на которыхъ оно утверждалось, будучи сопоставлено съ ученіемъ Ивана Алексѣева о бракѣ, являлось въ глазахъ людей непредубѣжденныхъ и безпристрастныхъ слишкомъ натянутымъ и фальшивымъ, или потому, что нужда брачнаго сожитія слишкомъ живо чувствовалась невольными дѣвственниками, вслѣдствіе господствовавшаго въ средѣ ихъ разврата, только все, что̀ было въ безпоповщинѣ болѣе честнаго и способнаго на принятіе слова истины, стало на сторону Алексѣева и готово было воспользоваться его совѣтами въ устроеніи своей жизни» (вып. I, стр. 149). Приведя это мѣсто, вы спрашиваете съ недоумѣніемъ: «какимъ же дивомъ «слово истины» оказалось на сторонѣ Ивана Алексѣева, который, по вашему же мнѣнію, признавалъ бракъ не за таинство, а за гражданскій союзъ, сходился въ своемъ воззрѣніи на брачный союзъ со взглядами ревнителей женской эмансипаціи и въ этомъ именно пунктѣ своего ученія явился, какъ вы выразились, истымъ раскольникомъ? Слово истины и гражданскій бракъ! Слово истины и эмансипація женщинъ! Слово истины и истый расколъ!»

А когда Алексѣевъ говорилъ своимъ братіямъ по вѣрѣ, требовавшимъ отъ всѣхъ безбрачія, что подобное требованіе—незаконно, что тѣ только обѣты дѣвства угодны Богу, которыя даются по доброй волѣ, а не по принужденію, что къ дѣвству призываются Господомъ только тѣ, кои могутъ нести этотъ высо-

кій подвигъ, что бракъ не можетъ препятствовать спасенію истиннаго христіанина, что онъ такъ же, какъ и дѣвство, установленъ отъ Бога и святъ, что обязывать всѣхъ обѣтами дѣвства значитъ неизбѣжно вести слабыхъ къ паденію, идти противъ воли Творца, сотворившаго мужа и жену, и обрекать родъ человѣческій на уничтоженіе, что церковь Христова тѣхъ, кои рѣшительно и безусловно отвергали бракъ, признавала еретиками (вып. I, стр. 120) и проч. и проч.,—развѣ онъ говорилъ ложь? Или когда авторъ книги «о тайнѣ брака» разъяснялъ и въ православномъ смыслѣ объяснялъ ѳедосѣевцамъ разнаго рода тексты св. Писанія и свидѣтельства св. отцевъ, на которыхъ они основывали свое неправильное ученіе о прекращеніи въ мірѣ брака и о невозможности вступать въ него въ настоящее время, — когда онъ указывалъ имъ точный смыслъ правилъ соборныхъ и доказывалъ подложность свидѣтельствъ, сочиненныхъ самими же ѳедосѣевцами и выданныхъ подъ именемъ разныхъ св. отцевъ и учителей церкви (тамъ же, стр. 135—148),—развѣ онъ говорилъ не истину? Еще: когда Алексѣевъ, желая подтвердить свой неправильный взглядъ на бракъ, какъ не таинство, а союзъ естественный, или гражданскій, указывалъ на практику первенствующей церкви, по которой церковь принимала супруговъ, переходившихъ къ ней изъ язычества, или еретичества, не вѣнчая ихъ вновь (тамъ же, стр. 127—129), — развѣ онъ говорилъ неправду? Чего же вы недоумѣваете и чему дивитесь, если я, не смотря на неправильный взглядъ Алексѣева на бракъ, какъ союзъ естественный, сказалъ, что въ ученіи его было и «слово истины»? Или вы ду-

маете, что расколъ и истина — слова, несовмѣстимыя ни въ какомъ случаѣ, и что истый раскольникъ не можетъ уже сказать ни одного слова правды? Точно также ужели, по вашему, и въ толкахъ о гражданскомъ бракѣ и объ эмансипаціи женщинъ нѣтъ и не можетъ быть своей доли истины? А если бы вы обратили вниманіе на то, какими выраженіями обставлено и послѣ какихъ разсужденій сказано мною «слово истины», оно не возбудило бы въ васъ никакого недоумѣнія; контекстъ прямо указываетъ на то, что на сторонѣ Алексѣева, по моему мнѣнію, было больше правды, чѣмъ на сторонѣ лицъ, защищавшихъ въ его время безпоповщинское безбрачіе. Или, по вашему, сказать, что такой-то въ одномъ ошибается, а въ другомъ — правъ, значитъ допустить противорѣчіе? Опять невольно припоминается мнѣ сотрудникъ Діонисія архимандрита, писавшій: «симъ, во искусѣ не бывшимъ, обычай есть, не точію на едину строку зрять, но на едину токмо рѣчь (т. е. слово) смотря и разсуждая»...

Послѣднее недоумѣніе ваше относительно Ивана Алексѣва, возбужденное моею книгою, состоитъ въ слѣдующемъ вопросѣ: почему я предлагаемый Алексѣевымъ бракъ считаю *не только неправильнымъ*, но даже вовсе исключаю его изъ ряда таинствъ, между тѣмъ какъ *браки раскольниковъ*, совершавшіеся (на первыхъ порахъ ихъ отпаденія) *помимо православной церкви*, священниками, державшимися прежнихъ обрядовъ, признаю *браками, въ существѣ дѣла правильными*. «Чѣмъ же эти браки, спрашиваете вы, правильнѣе тѣхъ, которые заключались, по ученію Ивана Алексѣева?... За что же вы къ нему столь

безмѣрно строги, тогда какъ къ заблужденіямъ болѣе важнымъ являете столь же безмѣрное снисхожденіе?»

Если бы вы внимательнѣе прочитали мою книгу, вы не предложили бы мнѣ такого вопроса. Потрудитесь заглянуть на 186 стр. перваго выпуска, и вы убѣдитесь, что браки, въ которые вступали послѣдователи Алексѣева путемъ вѣнчанія въ православныхъ храмахъ, я называю законными и правильными. Вы, конечно, удивляетесь такому открытію и, видя въ моемъ признаніи еще большее противорѣчіе, мысленно спрашиваете: «какимъ же образомъ я, считая предлагаемый Алексѣевымъ бракъ не только неправильнымъ, но даже не таинствомъ, могъ назвать браки его послѣдователей законными и правильными?» Очень просто: Алексѣевъ и, вѣроятно, его послѣдователи, если только они хорошо понимали его ученіе, смотрѣли на бракъ неправильно, не считали его таинствомъ; но такъ какъ они вступали въ брачные союзы правильнымъ путемъ, т. е. чрезъ вѣнчаніе въ православныхъ храмахъ, то и браки ихъ были формально правильны, или точнѣе: надъ ними совершалось дѣйствительное таинство брака, такъ какъ, по ученію православной церкви, личное расположеніе и настроеніе пріемлющихъ таинство не можетъ препятствовать совершенію надъ ними таинства; оно можетъ только послужить причиной того, что совершенное надъ ними таинство не только не сообщитъ имъ свойственной ему благодати, но еще послужитъ имъ въ судъ и во осужденіе, хотя таинство будетъ совершено и останется таинствомъ. «Мы считаемъ, писали восточные патріархи, крайне

ложнымъ и нечистымъ то ученіе, будто несовершенствомъ вѣры нарушается цѣлость и совершенство таинства» (Посл. вост. патр. о правосл. вѣр. чл. 15). Поэтому, вопреки вашему мнѣнію, я думаю, что и Іуда былъ причастникомъ великой тайны, совершившейся на тайной вечери, если только допустить, что хлѣбъ, котораго онъ вкусилъ; былъ не хлѣбомъ ветхозавѣтной пасхи, а хлѣбомъ, который Спаситель называлъ тѣломъ Своимъ; только, какъ недостойный участникъ божественной трапезы, Іуда *судъ себѣ ѣлъ*, по выраженію апостола, *не разсуждая тѣла Господня* (1 Кор. XI, 27—9). Вообще мысль, будто дѣйствительность таинствъ зависитъ отъ расположенія и отъ вѣры лицъ, пріемлющихъ таинства,—мысль неправославная, лютеранская (Прав. догм. Богосл. преосв. Мак. 1857 г. Т. II, стр. 243). «Отъ приступающихъ къ таинствамъ, скажу словами преосвященнаго Макарія, безъ всякаго сомнѣнія, требуется вѣра и надлежащее приготовленіе по уставу церкви; но не для того, чтобы таинства содѣлались таинствами и могли дѣйствовать благодатію, а чтобы принятіе таинствъ было достойное, чтобы оно не обратилось въ судъ или осужденіе недостойно пріемлющимъ, и чтобы дѣйствія принятой благодати были вполнѣ спасительными и плодоносными въ душахъ вѣрующихъ» (тамъ же, стр. 395).

Въ силу такого взгляда на дѣло, я назвалъ правильными не только браки послѣдователей Алексѣева, но даже и браки тѣхъ раскольниковъ, которые въ прошлое царствованіе, вслѣдствіе особенныхъ мѣръ власти, вѣнчались въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, иногда даже безъ предварительнаго

присоединенія къ церкви и безъ всякаго внутренняго расположенія къ православной святынѣ. Таинство брака надъ ними совершалось, и браки ихъ формально были правильными; иное дѣло, освящала ли ихъ эта святыня и хорошо ли поступала власть, разрѣшая священникамъ совершать таинство брака надъ лицами, въ расположеніи которыхъ къ православной святынѣ можно было, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться? Если же я на 159 стр. втораго выпуска выразилъ сожалѣніе о томъ, почему въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія епархіальная власть и св. Сѵнодъ не разрѣшали вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ храмахъ безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, то сдѣлалъ это потому, что, во-первыхъ, подобные браки считаю формально, на основаніи сейчасъ указанныхъ причинъ, болѣе правильными, чѣмъ супружества раскольничьи, заключающіяся по одному взаимному согласію; во-вторыхъ, многіе раскольники сами изъявляли желаніе вѣнчаться въ православныхъ храмахъ и тѣмъ показывали свое душевное расположеніе къ православной святынѣ (см. вып. 11, стр. 54—5); въ-третьихъ, въ такомъ разрѣшеніи я видѣлъ средство къ сближенію раскольниковъ съ церковію, на *что* и указали просившіе разрѣшенія (тамъ же, стр. 159), въ-четвертыхъ, въ такомъ запрещеніи я видѣлъ непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ власти, такъ какъ еще въ 1777 году св. Сѵнодомъ было разрѣшено вѣнчать раскольниковъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, и еще въ 1764 году Сѵнодъ опредѣлилъ: тѣхъ изъ раскольниковъ, которые церкви православной не чуждались и таинства церковныя отъ православныхъ

священниковъ принимали, но по неразумію оставались при своихъ, такъ называемыхъ, старыхъ обрядахъ, отъ входа церковнаго и отъ таинствъ не отлучать и за раскольниковъ не признавать «въ надѣяніи такомъ, что они, будучи не отлучены отъ правовѣрныхъ, совершенно православную нашу вѣру познаютъ, а свое не по разуму упрямство оставятъ и во всемъ церкви святѣй согласны будутъ» (Собр. постан. по ч. раск. кн. 1, стр. 605; вып. перв., стр. 325—7). И если св. Сѵнодъ давалъ въ прошлое царствованіе разрѣшеніе вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ храмахъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, съ нѣкоторыми ограниченіями и негласно,— это не значитъ, будто онъ считалъ подобные браки *неправильными* (см. вып. 1, стр. 152, примѣч.),—«ибо въ противномъ случаѣ, скажу вашими же словами, пришлось бы заключить, что Сѵнодъ разрѣшалъ неправильные браки, чего, очевидно, и быть не могло», — но зависѣло отъ другихъ причинъ, которыя мною и указаны на стр. 58—9 втораго выпуска. Что же касается тѣхъ браковъ раскольничьихъ, которые, въ первую пору жизни раскола, совершались священниками, державшимися прежнихъ обрядовъ, *помимо православной церкви*, то я назвалъ ихъ правильными на слѣдующемъ основаніи. «Такъ какъ основаніе законнаго священства, писалъ въ 1859 году досточтимый нашъ канонистъ, покойный преосвященный Смоленскій Іоаннъ, есть непрерывное преемство даровъ Св. Духа отъ апостоловъ, чрезъ священноначальственное рукоположеніе, то и въ обществахъ, сохранившихъ у себя непрерывность этого преемства, должно быть признаваемо священство канонически

правильнымъ, хотя бы эти общества отдѣлялись отъ православной церкви въ какихъ либо частныхъ мнѣніяхъ, не касающихся основаній вѣры, сущности и силы таинствъ, или въ какихъ либо своеобразныхъ обрядахъ» (Прав. собес. 1859 г., ч. 2, стр. 280—1). А если такъ, то вы, конечно, согласитесь со мною, что и священники, перешедшіе на сторону раскола въ первую пору его жизни, какъ получившіе правильное поставленіе въ православной церкви, оставались канонически правильными и послѣ того, какъ изъ-за своеобразныхъ обрядовъ оставили церковь и перешли въ расколъ; слѣдовательно, далѣе, и браки раскольниковъ, которые совершали эти священники по старопечатнымъ книгамъ, были правильны. А что общее начало для сужденія о правильности того, или другаго, священства, указанное преосвященнымъ Іоанномъ, можетъ и должно быть примѣнено и къ священникамъ, перешедшимъ отъ церкви въ расколъ, въ первую пору его жизни, — видно изъ того, что наши законы допускали къ священнодѣйствію тѣхъ священнослужителей, которые, бывъ первоначально поставлены правильнымъ образомъ въ православной церкви, переходили затѣмъ къ раскольникамъ и потомъ снова обращались къ церкви (тамъ же, стр. 285; собр. постан. по ч. раск., кн. 1, стр. 38). На этомъ основаніи, я думаю, можно считать правильными всѣ раскольничьи браки, которые совершались и совершаются, такъ называемыми, бѣглыми попами, если только эти священники до перехода въ расколъ не были извержены изъ сана за какіе либо пороки и преступленія. И если церковь считала, напримѣръ, браки поповцевъ незаконными, то только потому, что

не могла узнать, дѣйствительно ли они совершены были бѣглыми священниками, нелишенными, до перехода въ расколъ, сана, а не какими либо пройдохами, только выдававшими себя за священниковъ, какихъ въ расколѣ всегда бывало не мало, или, какъ говорится въ указахъ св. Сунода, поелику эти браки были вѣнчаны «внѣ церкви, *въ домахъ и часовняхъ*, и *неизвѣстными бродягами*» (вып. 1, стр. 336; собр. пост., кн. 2, стр. 75), или «*неизвѣстнымъ* старообрядческимъ священникомъ» (тамъ же, стр. 174).

Послѣ всего сказаннаго, я надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ правѣ сказать, что вашъ упрекъ, будто бы я въ своихъ отзывахъ о томъ или другомъ видѣ раскольничьихъ браковъ противорѣчу и себѣ и существу дѣла, положительно несправедливъ. Въ одномъ только я не могу не согласиться съ вами, — это въ томъ, что рѣшеніе мною вопросовъ о томъ, въ какой мѣрѣ для правильности брака необходимо: а) чтобы вступающія въ правильный бракъ лица принадлежали къ православной церкви и б) чтобы совершающіе бракъ священнослужители были православны, — было бы полезно для тѣхъ изъ читателей, которые лютеранскія мысли выдаютъ за православныя и къ которымъ поэтому можно весьма справедливо приложить слѣдующія слова сотрудника Діонисіева: «есть, государь Борисъ Михайловичъ, иные и таковы, которые на насъ ересь ввели... Не смѣю же, государь, о оглаголющихъ на насъ неправая рещи дерзновенно, что не знаютъ ни православія, ни кривославія, точію же божественныя писанія по чернилу проходятъ, разума же сихъ не пудятся вѣдѣти».

III. Третье возраженіе ваше относится къ моему

заключенію о безсвященнословномъ бракѣ, который введенъ былъ въ среду безпоповскаго согласія наставникомъ Покровской часовни Василіемъ Емельяновымъ и который я считаю (положеніе 6-ое) въ сущности одинаковымъ съ бракомъ Алексѣева и только по формѣ представляющимъ «новый шагъ на пути удаленія раскольниковъ отъ церковнаго преданія», другими словами: не таинствомъ, а союзомъ гражданскимъ. «Здѣсь, пишете вы, повторяется вами та же ошибка, которую вы допустили въ своемъ отзывѣ объ ученіи Ивана Алексѣева». На сколько я ошибся во взглядѣ на бракъ, который предлагалъ своимъ послѣдователямъ Алексѣевъ, это уже показано мною выше. Что же касается Василія Емельянова и его послѣдователей, то и они, подобно Алексѣеву, смотрѣли на бракъ не какъ на церковное таинство, а какъ на естественный, или гражданскій союзъ. Вы говорите, что это несправедливо и доказываете свою мысль выписками изъ Каталога, *или* историческаго Словаря Павла Любопытнаго, который, перечисляя разныя сочиненія раскольничьихъ писателей, указываетъ, между прочимъ, два (одно Ивана Филиппова, другое—Скочкова) съ слѣдующими заглавіями: «ясное и убѣдительное и духомъ благочестія дышущее показаніе или врачество злочестивымъ бракоборцамъ, увѣряя ихъ и Духомъ Божіимъ, гласящимъ вездѣ, что законный бракъ въ Христовой церкви будетъ существовать вѣчно и онъ совершиться можетъ навсегда свято единымъ того существомъ, кромѣ хиротоніи, будучи предметъ случайной принадлежности, и благословеніемъ сопрягающихся родителей», и еще: «трогательное и живое, духомъ убѣжденія и Христовой любви наполненное, увѣ-

щаніе къ грубымъ Өедосіанцамъ и Филипповымъ о явномъ ихъ заблужденіи въ бракоборствѣ: что сія тайна въ Христовой церкви вѣчно имать пребывать, доколѣ міръ сей существуетъ, и что она можетъ совершаться свято, кромѣ хиротоніи». Приведя эти заглавія сочиненій раскольничьихъ писателей, вы заключаете: «итакъ нѣтъ сомнѣнія, что учители и послѣдователи Покровской часовни проповѣдывали и учили о бракѣ, какъ о церковной тайнѣ, и увѣряли только, что это таинство можетъ быть совершено безъ священника, собственнымъ своимъ существомъ (т. е. взаимнымъ изволеніемъ жениха и невѣсты) и благословеніемъ родителей лицъ, вступающихъ въ бракъ».

Для васъ—такъ, а для меня больше, чѣмъ сомнительно. Тѣ толкованія, какія вы даете вышеприведеннымъ заглавіямъ раскольничьихъ сочиненій, поясняя наприм. слова: «законный бракъ въ Христовой церкви»—словами: «а не гражданскій, какъ вы говорите», или слово: «свято» словами: «слѣдовательно, какъ таинство», сдѣланы вами произвольно и потому не доказываютъ ничего. И при взглядѣ на бракъ, какъ союзъ гражданскій, авторы указанныхъ сочиненій могли сказать, что онъ законенъ, а потому и можетъ совершаться свято, т. е. правильно, безъ нарушенія какихъ либо правилъ. Все, что можно вывести изъ сдѣланныхъ вами выписокъ, состоитъ только въ томъ, что и Скочковъ *называлъ* бракъ тайной. Но я уже выше показалъ и доказалъ, говоря объ Иванѣ Алексѣевѣ, что изъ его названія брака тайною было бы несправедливо, или по меньшей мѣрѣ поспѣшно, заключать, будто онъ смотрѣлъ на бракъ,

какъ на таинство въ церковномъ смыслѣ, т. е. такое священное дѣйствіе, чрезъ которое сообщается брачущимся особенная благодать Св. Духа. Тоже нужно сказать и объ учителяхъ и послѣдователяхъ Покровской часовни. Прочитайте 246 стр. перваго выпуска и вы увидите, какъ понимали слово «тайна» Скочковъ и его сторонники (см. также въ Сборн. о брак. разныхъ ревн. мужей, л. 14—22). Названіе это было употребляемо и Алексѣевымъ и Покровцами не для обозначенія имъ таинства въ церковномъ смыслѣ, а единственно потому, что этимъ словомъ бракъ назывался и въ Кормчей, и въ Большомъ Катихизисѣ, и перемѣнить его на другое, которое бы ближе выражало существо дѣла, проповѣдники брака или не могли, или вѣрнѣе не хотѣли, чтобы чрезъ такую перемѣну не подорвать кредита своего у тѣхъ, кто вѣрилъ Большимъ Катихизисамъ и другимъ старопечатнымъ книгамъ.

Къ сказанному считаю не лишнимъ прибавить слѣдующее: а) Каталогъ и историческій Словарь Любопытнаго не одно и тоже, а два, совершенно отдѣльныя, сочиненія; б) Иванъ Филипповъ умеръ 1744 г., а Покровская часовня устроилась и въ лицѣ Емельянова, Скочкова и др. начала свою проповѣдь въ пользу брака въ концѣ прошлаго столѣтія; слѣдовательно излагать ученіе о бракѣ послѣдователей Покровской часовни, на основаніи сочиненій Филиппова,—не совсѣмъ хронологично; в) я привелъ въ своей книгѣ (вып. I, стр. 176—8) серьезныя основанія, по которымъ не могъ допустить, чтобы выписанное выше изъ Каталога сочиненіе Филиппова съ тѣмъ заглавіемъ, какое дано ему Любопытнымъ, могло принад-

лежать Выговскому настоятелю, а вы, не опровергнувъ этихъ основаній, строите, опираясь на произвольно составленное Любопытнымъ заглавіе, разнаго рода теоріи; г) я доказалъ (тамъ же, стр. 81 — 2, примѣч.; стр. 177, примѣч. 4), что Любопытный, часто по недосмотру, а иногда намѣренно, съ предвзятою мыслію, невѣрно передаетъ заглавіе и содержаніе сочиненій, о которыхъ сообщаетъ свѣдѣнія, и что основываться на его показаніяхъ нужно съ крайнею осторожностію, а вы не только не слѣдуете этому совѣту, но еще позволяете, очевидно, произвольно составленнымъ заглавіямъ сочиненій давать свой произвольный же смыслъ и объясненіе; д) наконецъ Каталогъ Любопытнаго напечатанъ — и не разъ, а вы приводите выписки изъ него по рукописи и тѣмъ не разрѣшаете, а только запутываете спорный вопросъ — для лицъ, которыя не могутъ воспользоваться имѣвшеюся у васъ подъ руками рукописью.

Все это я говорю, впрочемъ, не потому, чтобы не вѣрилъ заглавіямъ сочиненій, приведенныхъ вами по рукописи, хотя эти заглавія и не буквально сходны съ печатными; напротивъ, я знаю, что въ Каталогѣ указано не мало сочиненій, въ которыхъ бракъ называется не только тайною, но даже прямо «таинствомъ», и что послѣдователи Покровской часовни называли бракъ даже «шестою тайною» и приравнивали его къ таинствамъ крещенія и покаянія (въ видахъ разъясненія истины, я усиливаю ваше возраженіе); только, не смотря на все это, утверждаю, что Емельяновъ, Скочковъ и др. не приписывали (1) браку зна-

(1) Дальнѣйшія мысли направлены противъ рецензента моего, помѣстившаго свою статью въ Прав. Собес. за 1870 г.

ченія таинства—въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его христіанская церковь, а смотрѣли на него просто, какъ на союзъ естественный, или гражданскій. Не входя въ подробности, такъ какъ въ этомъ случаѣ мнѣ пришлось бы повторить все, изложенное мною въ книгѣ, я укажу въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что Покровцы не считали бракъ таинствомъ, только на слѣдующее мѣсто изъ моего сочиненія: «и учитель вселенныя, апостолъ Павелъ женитву, не только въ христіанахъ, но и во всѣхъ народахъ похваляетъ: честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно. И симъ словомъ: во всѣхъ - объемлетъ не только христіанскую женитву, но и у язычниковъ законно отправляемые браки» (вып. I, стр. 246). Другими словами: если можно допустить, что въ язычествѣ есть и могутъ быть таинства въ смыслѣ церковномъ,—послѣдователи Покровской часовни признавали бракъ за таинство; такъ какъ они свой и вообще христіанскій бракъ ставили на одну доску не только съ ветхозавѣтнымъ, но даже съ языческимъ, бракомъ, и послѣдній ничѣмъ не отличали отъ перваго. А что именно такъ они смотрѣли на дѣло, доказательствомъ могутъ служить слѣдующія слова: «Спаситель міра, будучи на бракѣ въ Канѣ Галилейской, ни чѣмъ его въ существѣ не дополнялъ и оставилъ въ своей силѣ» (Сборн. о брак. разн. ревн. мужей, л. 60), и—то обстоятельство, что бракъ, какъ *тайну*, Покровцы допускали и въ ветхомъ завѣтѣ, гдѣ, разумѣется, таинствъ, въ смыслѣ христіанскомъ, не было и быть не могло. «Вседержитель Господь, писалъ Андреянъ Сергѣевъ, творецъ *тайны* брака, повелѣлъ *таинству* сему по изходѣ изъ рая получать свое состояніе въ

царствѣ земномъ, *по закону естественному*, въ порядкѣ потомственномъ, и продолжаться до кончины всего тлѣннаго», вслѣдствіе чего, по словамъ Сергѣева, «бракъ *таинственный* въ родѣ человѣческомъ *существенно* въ своей силѣ по настоящее время продолжается седмь тысящь триста пятьдесятъ лѣтъ (сочиненіе писано Сергѣевымъ въ 1842 г.) и продолжаться будетъ до кончины вселенныя» (тамъ же, л. 46—7; снес. л. 70 об. и др.). Однимъ словомъ: мнѣ просто даже непріятно доказывать то, что́ ясно, какъ день. Почему же? спросите вы. Покровцы называли бракъ тайною шестою и приравнивали его къ таинствамъ крещенія и покаянія? Потому, что во всѣхъ, уважаемыхъ раскольниками, книгахъ бракъ помѣщался въ числѣ таинъ и занималъ въ ряду ихъ 6-ое мѣсто, а не потому, чтобы они признавали бракъ таинствомъ, равнымъ по существу крещенію и покаянію. Скочковъ въ сочиненіи: «о таинствѣ законнаго супружества» крещеніе и покаяніе прямо отличаетъ отъ брака и первыя «тайны» называетъ «*высшими*» брака (тамъ же, л. 166), или — такими, которыя «соединяютъ человѣка съ Богомъ», тогда какъ въ бракѣ «только человѣкъ соединяется съ человѣкомъ» (Матер. для истор. безпоп. согласій, ч. II, стр. 90).

Рецензентъ моей книги, помѣстившій свою статью въ Православн. Собесѣдникѣ, указываетъ на то, что нѣкоторые изъ послѣдователей Покровской часовни писали сочиненія «о времени сошествія Св. Духа на чету во время совершенія священнаго ея *обряда*» и тѣмъ какъ бы признавали таинственную, благодатную сторону въ своемъ безсвященнословномъ бракѣ (Прав. Собес. 1870 г., май, стр. 37). Если бы со-

ченія съ такимъ заглавіемъ писалъ Скочковъ, или какой либо другой послѣдователь Покровской часовни, еще можно было бы думать, что здѣсь идетъ серьезная рѣчь о благодати, какъ о необходимомъ элементѣ для освященія христіанскаго брака. Но въ устахъ Павла Любопытнаго, учившаго, что «вѣнчаніе есть не болѣе, какъ блестящій церемоніалъ, изъ политики установленный для великолѣпной пышности, а не ради оформированія брачнаго существа», что поэтому указывать на необходимость брачнаго вѣнчанія значитъ «проповѣдывать предразсудокъ, буйство и суевѣріе», что «существо тайны брака есть брачущихся вѣчный обѣтъ, а не чинъ вѣнчанія, или иныя разительности онаго» (Сборн. о брак. разн. ревн. мужей, л. 122 об.), что поэтому и языческій бракъ также законенъ, какъ и христіанскій, и ничѣмъ не отличается отъ послѣдняго (тамъ же, л. 123, об.; снес., л. 108), что бракъ дѣлается законнымъ единственно потому, что «онъ содѣлывается во святилищи брачащихся сердецъ вѣчнымъ ихъ обѣтомъ» (тамъ же, л. 107, об.), и за такія и подобныя рѣчи заслужившаго отъ самихъ безпоповцевъ названіе Лютера, какъ извѣстно, отвергавшаго бракъ, какъ таинство,—слово «о времени сошествія Св. Духа на чету» брачущихся звучитъ какъ-то странно. Я не знаю, какой моментъ совершенія брачнаго *обряда* указанъ Любопытнымъ, когда Духъ Св. сходитъ, по его мнѣнію, на брачущуюся чету, такъ какъ не имѣлъ подъ руками его сочиненія съ указаннымъ заглавіемъ; но думаю, что человѣку, признававшему достаточною для заключенія брака *всякую церемонію* (вып. I, стр. 384), или точнѣе: не признававшему необходимости никакой цере-

моніи, не легко было пріурочить къ какому либо чину, или моменту совершенія брака, время сошествія Св. Духа на брачущуюся чету, и объясняю вышеуказанное заглавіе просто уступкою Любопытнаго тѣмъ изъ «черни», которые называли автора Каталога за его ученіе о бракѣ Манихеемъ и Лютеромъ и, въ слѣдствіе этого, не хотѣли оставить своего безбрачія. И если Любопытный, не придававшій чину вѣнчанія никакого значенія, писалъ «воззванія отъ лица московской церкви всему благочестивому христіанству поморской церкви о приглашеніи ихъ въ Москву къ совершенію обряда брачнаго таинства», а, находясь въ Петербургѣ, даже самъ сочинялъ чины обрученія и вѣнчанія,—это значитъ только, что онъ понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; раскольники, не начинающіе и не совершающіе ни одного, самаго обыкновеннаго, дѣла безъ молитвы, назвали бы Любопытнаго не Лютеромъ только, а чѣмъ-либо похуже, если бы онъ сталъ говорить, что такое важное въ жизни дѣло, какъ бракъ, христіане могутъ совершать безъ всякаго молитвословія. Но этому молитвословію ни Любопытный, ни даже Емельяновъ, Скочковъ и др. не придавали никакого таинственнаго значенія, а смотрѣли на него просто, какъ на «моленіе о благополучіи брачущихся» (Сборн. о брак. разн. ревн. мужей, л. 63 и 76. об), подобное тому, какое совершаетъ благочестивый христіанинъ, переходя на житье въ новый домъ, отправляясь въ путешествіе, или рѣшившись на какое-либо серьезное предпріятіе. Поэтому, когда послѣдователи Покровской часовни называютъ свои браки *священно*, или *свято* отправляемыми и *священными*, они выражаютъ этимъ только то, что браки ихъ заключались съ молитвою, а не

то, будто они смотрятъ на бракъ, какъ на таинство въ церковномъ смыслѣ. А что Покровцы смотрѣли на разные «чины вѣнчанія мужами нехиротонисанными» не болѣе, какъ на простую молитву, это видно во 1-хъ изъ того, что чины эти въ началѣ состояли изъ простаго молебна, и уже только послѣ составленъ былъ Скочковымъ «канонъ Господу Богу на *обрядъ* бракосовершенія нерукоположенными мужами поморской церкви» (вып. I, стр. 218). Но и этотъ канонъ имѣлъ силу и приложеніе между послѣдователями Покровской часовни только при жизни Скочкова, благодаря его значенію въ расколѣ; въ первый же годъ по его смерти Захаръ Ѳедоровъ Бронинъ, зять Скочкова, уже долженъ былъ слезно просить своихъ братій по вѣрѣ, чтобы они не оставляли «брачнаго канона», составленнаго его тестемъ, замѣчая, что отвергать канонъ значитъ отвергать и бракъ и прошеніе благословенія Божія бракосочетавающимся (Матер. для ист. безпоп. соглас. въ М., стр. 97—103). А послѣ этого едва ли справедливо думать, будто «сущность вопроса между брачниками и бракоборцами не въ томъ заключалась, что̀ такое бракъ по своему значенію, а въ томъ, кто можетъ совершить таинство брака» (Правосл. Собес. 1870 г., май, стр. 41), т. е., что будто бы Покровцы не отвергали значенія брака, какъ таинства, а только говорили, что его, подобно крещенію и покаянію, можетъ совершить и мірянинъ. По моему, вопросъ о совершителѣ брака, т. е. можетъ ли его совершить и мірянинъ, не имѣлъ существеннаго значенія для Покровцевъ. Выходя изъ того положенія, что «существо тайны брака есть брачущихся вѣчный обѣтъ, а не чинъ вѣнчанія» (Сборн. о брак., л. 122), или, дру-

гими словами, что «возможность устроять бракъ состоитъ во власти брачущихся токмо» (Тамъ же, л. 5, об. и 6; снес., л. 4; вып, I, стр. 244), Покровцы, естественно, должны были безразлично относиться къ вопросу, кто вправѣ вѣнчать бракъ; и если они вѣнчались у своихъ наставниковъ-міранъ, то не потому, будто безъ этого считали бракъ незаконнымъ, а потому, что хотѣли освятить его общественною молитвою, которую совершаютъ въ расколѣ только избранныя лица. Отъ этого-то тѣ, коимъ далеко было ѣздить въ Москву и дорого платить по 10 р. за внесеніе именъ въ брачную книгу, обходились и безъ «брачнаго канона» Скочкова, а прямо вступали въ бракъ съ благословенія родителей, при одной домашней молитвѣ. Учители Покровской часовни, какъ видно изъ ихъ сочиненій, не на то упирали, чтобы послѣдователи ихъ вступали въ браки *съ благословенія наставниковъ-міранъ*, — если они и говорили о «нехиротонисанныхъ мужахъ», то только по вызову бракоборцевъ, указывавшихъ на необходимость пресвитерскаго вѣнчанія,—а на то, чтобы они вступали въ *браки*, а не въ блудъ, т. е. заключали брачные союзы *какою бы то ни было церемоніею*, по выраженію Любопытнаго, на всю жизнь, а не на время. «Бракъ, безъ священника производимый, писали они бракоборцамъ, намъ въ порокъ и грѣхъ причесть не можно. Только, чтобы бракъ былъ такой, какому быть повелѣно, т. е. чтобы было вѣчное жениха и невѣсты между собою согласіе, по словамъ въ Большомъ Катихизисѣ положеннымъ. Если же будетъ временное и случайное между юношей и дѣвицею для сожитія и совокупленія: то это не есть бракъ, но дѣйствительный блудъ

и грѣхъ. И кто симъ образомъ съ дѣвицею сходится, грѣшитъ» (Сборн. о бракахъ, л. 181). Съ тою же цѣлію, т. е., чтобы сдѣлать бракъ неразрывнымъ и отличить его отъ блуда (вып. I, стр. 256), по моему мнѣнію, придуманы были Скочковымъ и другими и разные торжественные «чины обрученія и вѣнчанія» и тѣ клятвенныя обязательства, какія, по требованію наставниковъ, женихъ и невѣста давали другъ другу предъ свидѣтелями (въ присутствіи прочихъ) и при настоятелѣ во время вѣнчанія (вып. I, стр. 339—41; Матер., ч. 2, стр. 18—34; снес. Сборн. о брак. л. 7); а на самый обрядъ вѣнчанія Покровцы смотрѣли просто, какъ на молитву. Любопытный жениха и невѣсту, еще только изъявившихъ желаніе вступить въ бракъ, но необрученныхъ и невѣнчанныхъ, называетъ уже *новобрачными*, мужемъ и супружницей и проч. (Матер. стр. 23, 25 и 35). Да, по мнѣнію Покровцевъ, одни «словеса совокупляющихся изволеніе ихъ внутреннее своею волею, что отъ чистаго своего сердца любовію между собою сопрягаются усердно въ общее и нераздѣльное сожитіе, и составляютъ совершеніе тайны брака» (Сборн. о брак., л. 66). Значитъ, разсуждать тутъ о совершителѣ,—священникѣ, или мірянинѣ, какъ случайной принадлежности брака, нѣтъ нужды.

Послѣ всего сказаннаго, я надѣюсь, ясно видно, что Покровцы, какъ и Алексѣевъ, не считали брака таинствомъ въ церковномъ смыслѣ. А что они смотрѣли на него, какъ на союзъ естественный,— доказательствомъ этого могутъ служить уже выше приведенныя мною мѣста изъ разныхъ сочиненій Покровцевъ, изъ которыхъ видно, что сущность брака, по

ихъ мнѣнію, состоитъ во взаимной любви жениха и невѣсты, а основаніемъ его служитъ первоначальное благословеніе Божіе человѣку и животнымъ, выраженное въ словахъ: раститеся и множитеся (вып. I, стр. 233, 339 и 384; вып. II, стр. 26). «Брачная тайна, писалъ Скочковъ, въ неразрывномъ мужа и жены состоитъ соединеніи; *дѣйствуетъ* же ю не *вѣнчаніе* и *молитвы*, но Самъ Господь Своимъ благословеніемъ, которое прежде Адаму, потомъ Ною и всему его потомству въ сихъ словахъ — раститеся и множитеся — объявилъ. По семъ сами брачущіеся — слѣдующими словами: я тебя беру въ жену мою, и жена говоритъ: я тебя поемлю въ мужа моего, — тайну сію дѣйствуютъ» (Сборн. о брак. л. 149; снес. л. 156, об.). «Необходимо къ совершенію таинства брака, писалъ другой защитникъ брака, принадлежатъ четыре слѣдующія вещи: а) матерія, б) форма, в) дѣйствователь, г) конечныя причины. Четыре части изображенныя подлежатъ власти и силѣ *закона естественнаго* въ порядкѣ потомственномъ (Тамъ же, л. 65 об.; снес. л. 99)... Что же касается названія безсвященнословнаго брака Покровцевъ союзомъ гражданскимъ, то я позволилъ себѣ употребить его на основаніи тѣхъ цѣлей, ради которыхъ, по мнѣнію Емельянова и др., существуетъ и долженъ существовать бракъ въ родѣ человѣческомъ, и на основаніи ихъ взгляда на вѣнчаніе. Павелъ Любопытный цѣль брака поставляетъ въ «благословенномъ продолженіи человѣческаго рода и въ честномъ и неблазненномъ *общежительномъ* состояніи» (вып. I, стр. 384). Бракъ, по словамъ приведеннаго мною клятвеннаго обѣщанія (тамъ же, стр. 339), существуетъ для того, чтобы «мужу имѣть въ

помощницу жену, а женѣ въ попечителя о себѣ мужа, да таковымъ богоблагословеннымъ супружества союзомъ возможетъ человѣкъ хранити себя въ богоугодномъ пребываніи и соблюдать честность брака во славу Божію и въ *пользу человѣческаго общества*, и да освободится отъ безчестія и стыда, наводящаго смертный и душепагубный грѣхъ блудодѣянія». «Бракъ законный, писалъ Андреянъ Сергѣевъ, для непоткновеннаго пути къ спасенію души и *благоустройства гражданскихъ обществъ*, съ соблюденіемъ чистоты тѣла, необходимо въ мірской жизни нуженъ» (Сборн. о брак.. л. 39). Что же касается вѣнчанія, то хотя Покровцы и считали его не болѣе какъ случайно устроеннымъ украшеніемъ, однако не только не чуждались его, но даже убѣдительно предлагали его всѣмъ; это, какъ я уже сказалъ, для того, чтобы торжественностію обряда, совершаемаго при настоятелѣ и свидѣтеляхъ, сдѣлать бракъ формально, общественно, граждански болѣе твердымъ, т. е. на торжественное благословеніе наставника-мірянина Покровцы смотрѣли также, какъ Алексѣевъ смотрѣлъ на вѣнчаніе въ православной церкви, считая его общенароднымъ, или гражданскимъ, обычаемъ, соблюденіе котораго даетъ браку гражданскую твердость. По крайней мѣрѣ противники безсвященнословныхъ браковъ смотрѣли на обряды, съ какими совершались браки послѣдователей Покровской часовни, не болѣе, какъ на обычай гражданскаго укрѣпленія брака. «Вашъ безсвященнословный чинъ брака, вновь изобрѣтенный, писалъ Филиппъ Осиповъ, елико отстоитъ небо отъ земли, свѣтъ отъ тьмы, столько различенъ отъ церковнаго чиновѣнчанія, св. отцами преданнаго. Аще ли бракъ

могъ бы состояться токмо изъ благословенія родительскаго, или изъ *обычая гражданскаго укрѣпленія*, то св. соборы не стали бы для него особый чинъ вѣнчанія составлять» (вып. II, стр. 188). Поэтому-то, какъ видно, многіе и изъ Покровцевъ «ради мнящіяся твердости» брака «вступали къ несогласнымъ съ ними по исповѣданію и по вѣрѣ чинодѣйствіе пріяти» (Матеріал. стр. 33 и 48—9), т. е. вѣнчались даже въ православныхъ церквахъ для формальной, или гражданской, твердости брака (вып. II, стр. 72—73). На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, я, кажется, имѣлъ право назвать безсвященнословные браки Покровцевъ—гражданскими союзами.

Не ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ о невѣрности моего взгляда на бракъ послѣдователей Покровской часовни, достоинство котораго (замѣчанія) я показалъ, вы указываете еще одну частную ошибку, будто бы допущенную мною въ трактатѣ о безсвященнословныхъ бракахъ. Ошибка эта состоитъ въ словѣ: *«будто бы»*, которое я употребилъ въ приложеніи къ свидѣтельствамъ Матѳея Канониста и Севаста Арменопула, которыя Поморцы приводили въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что даже въ IV вѣкѣ, при св. Василіи Великомъ, браки заключались безъ священнословія (вып. I, стр. 242). Приведя это мѣсто изъ моей книги, вы замѣчаете: «вы сказали: «будто бы видно», стало быть, сами такого мнѣнія, что ни изъ Матѳея Канониста, ни изъ Севаста Арменопула вовсе не видно, чтобы было когда-либо такое время, когда бы браки совершались единымъ соизволеніемъ, безъ священнословія». И за тѣмъ, приведя подлинныя слова Матѳея Властаря (по гречески и по руски) и

Өеодора Вальсамона (Арменопула, вы говорите, не имѣли подъ руками), изъ которыхъ видно, что при Василіи Великомъ «единымъ соизволеніемъ (безъ священнословія) бракъ составлялся», вы съ торжествомъ замѣчаете: «и такъ ваше «будто бы» рѣшительно не удалось, и Скочковъ имѣлъ полное право утверждать, что, по свидѣтельству Матөея Канониста, во времена Василія Великаго браки кромѣ всякаго священнословія состояшася».

Удалось мое «будто бы», отвѣчаю я, и даже— весьма. Употребляя слово «будто бы», я не то хотѣлъ сказать, будто не вѣрю указанію Скочкова на Матөея Властаря и Арменопула и не допускаю, чтобы въ IV вѣкѣ браки составлялись единымъ соизволеніемъ—безъ священнословія,—кто же этого не знаетъ,—а то, что мысль Скочкова, будто *церковнаго вѣнчанія брака, какъ таинства*, не было не только въ первые три вѣка, но даже и въ IV—во времена Василія Великаго, въ подтвержденіе чего Скочковъ и ссылался на Матөея Канониста и Арменопула, и будто обычай заключать браки въ церкви священнословіемъ введенъ былъ гражданскою властію уже только въ VIII или даже XI вѣкѣ,—несправедлива, и что свидѣтельства указанныхъ канонистовъ не доказываютъ ея. А что въ IV вѣкѣ браки заключались единымъ соизволеніемъ и были (de jure) законны,—это несомнѣнно; только заключавшіеся такимъ образомъ браки были правильны и законны *по суду гражданскаго*, оставшагося еще отъ временъ язычества, *закона*; церковь же, по словамъ Тертулліана, считала подобные браки наравнѣ съ прелюбодѣяніемъ и блудомъ (Tertull. de pudicit cap. IV; de monogam. cap. XI) и учила, что *бракъ, какъ*

таинство, можетъ быть совершенъ не иначе, какъ съ ея благословенія и освященія. А потому, когда я говорилъ: «будто бы видно, что даже въ IV вѣкѣ при св. Василіи Великомъ браки заключались безъ священнословія»—я разумѣлъ подъ *браками—церковный, таинственный бракъ*, — тотъ, опредѣленіе котораго сдѣлано мною на 6, 121 и др. стр. моей книги. И въ этомъ случаѣ мое «будто бы» совершенно умѣстно.

На основаніи ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ Матѳея Канониста и Ѳеодора Вальсамона, вы, согласно съ Скочковымъ, если не положительно утверждаете, такъ по крайней мѣрѣ думаете, что «въ исторіи истинной Христовой церкви дѣйствительно было такое время, когда *вполнѣ правильные, въ смыслѣ церковномъ*, браки составлялись единымъ соизволеніемъ, безъ священнословія»; а такъ какъ «такого времени, когда бы бракъ въ церкви не почитался за таинство, никогда не было, то выводъ отсюда ясенъ; вопросъ о безусловной невозможности брака, какъ таинства, безъ священнословія, рѣшается отрицательно». Построивъ такой силлогизмъ, вы упрекаете меня за то, почему я не обратилъ вниманія на указанный вопросъ и, не ограничившись однимъ словомъ «будто бы», не доказалъ (если только доказать это вы считаете возможнымъ, замѣчаете вы; значитъ, вы не считаете возможнымъ и слѣдовательно условная форма вашего силлогизма — только дипломатическій пріемъ), что «священнословіе не только теперь, но и во всѣ времена христіанской исторіи, составляло существенную и необходимую сторону таинства брака. Если же этого доказать нельзя, продолжаете вы, то вамъ предстояло, по крайней мѣрѣ, объяснить вашимъ

читателямъ, когда и при какихъ условіяхъ введено въ церкви священнословіе брака, почему оно сдѣлалось необходимостію и какимъ образомъ, по введеніи священнословія, въ него былъ перенесенъ, такъ сказать, центръ брачнаго таинства... *Вы этого не сдѣлали; не знаю, сдѣлалъ-ли за васъ кто другой. Думаю, что нѣтъ.* А до тѣхъ поръ, пока этого не сдѣлано, вы не имѣли, по моему мнѣнію, никакого права не только приписывать наставникамъ Покровской часовни воззрѣніе на бракъ, какъ на естественный, или гражданскій, союзъ (что́ во всякомъ случаѣ останется несправедливымъ,—на сколько, я показалъ), но даже считать предлагаемую имъ (?) схему брака неправильною».

Жаль, что вы въ ученомъ спорѣ со мной больше думаете, или вѣрнѣе: фантазируете, чѣмъ говорите дѣло, на основаніи данныхъ моей книги. Доказать, вопреки мнѣнію Покровцевъ, что священнословіе во всѣ времена христіанской исторіи составляло существенную и необходимую сторону таинства брака, не только возможно, но даже и не трудно. Мало этого: это уже и сдѣлано, между прочимъ, покойнымъ пресвященнымъ митрополитомъ Григоріемъ въ его «Истинно древней и истинно православной Христовой церкви» (ч. 1, стр. 193–205, изд. 4-е), и еще обстоятельнѣе авторомъ статьи: «О церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака (противъ новоженовъ)», помѣщенной въ «Твореніяхъ св. отцевъ» за 1858 г (кн. 2). Если же я обошелъ, какъ выражаетесь вы, этотъ «пунктъ для генеральнаго сраженія» съ послѣдователями Покровской часовни, то не потому, чтобы считалъ себя не въ силахъ остаться побѣдителемъ,—особенно, при пособіи вышеуказанныхъ изслѣдованій,

а потому, что полемика не входила въ задачу моего чисто историческаго труда. Впрочемъ, предполагая, что найдутся читатели, которые, по незнанію дѣла, могутъ смутиться приводимыми мною изъ сочиненій Покровцевъ свидѣтельствами о несущественномъ значеніи для брака церковнаго благословенія, я на стр. 260 перваго выпуска, въ примѣчаніи, замѣтилъ: «разборъ и опроверженіе разсужденій Поморцевъ касательно безсвященнословныхъ браковъ см. въ Твор. св. отц. 1858 г. кн. II, въ статьѣ: «О церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака» (противъ новоженовъ). Какъ же вы, не обративъ вниманія на это примѣчаніе, не справившись съ содержаніемъ указанной мною статьи, въ которой есть рѣчь и о приведенномъ вами свидѣтельствѣ Матѳея Властаря, позволили себѣ печатно обвинять не только меня, но и вообще «нашу науку» въ томъ, будто она доселѣ не дала отвѣта на вопросъ; составляетъ-ли и всегда-ли составляло существенную и необходимую сторону таинства брака церковное благословеніе?—тогда какъ этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ, и мною даже указано, гдѣ именно. Такой поступокъ съ вашей стороны тѣмъ болѣе меня удивляетъ, что я, и на диспутѣ и послѣ—въ частномъ разговорѣ съ вами, указывалъ вамъ и вышеприведенное примѣчаніе въ моей книгѣ и самую статью, на которую ссылаюсь въ немъ, и даже рекомендовалъ вамъ прочитать ее.

Дальнѣйшія ваши разсужденія, выходящія изъ того положенія, будто я не имѣлъ никакого права не только приписывать наставникамъ Покровской часовни воззрѣнія на бракъ, какъ на естественный, или гражданскій, союзъ (выше доказано, имѣлъ-ли я это право),

но даже считать предлагаемую ими схему брака неправильною, такъ какъ не доказалъ, что церковное вѣнчаніе составляетъ необходимый элементъ таинства брака, я оставляю безъ отвѣта; мысли, основанныя на ложномъ началѣ, не могутъ быть справедливы, хотя сами по себѣ, безъ приложенія къ данному случаю, онѣ совершенно вѣрны и показываютъ ваше знакомство съ нѣкоторыми изъ сочиненій, написанныхъ противъ раскола еще въ прошломъ столѣтіи.

IV. Четвертое ваше замѣчаніе касается 5-го моего положенія и направлено къ тому, чтобы доказать, будто бы я слишкомъ «строго осудилъ духовенство прошлаго столѣтія» за то, что оно, вопреки положительнымъ предписаніямъ св. Сѵнода, вѣнчало послѣдователей Алексѣева по старопечатнымъ, а не по новоисправленнымъ, требникамъ; по вашему мнѣнію, я такъ строго отнесся къ духовенству, *разумѣется*, потому, что считалъ браки послѣдователей Алексѣева, заключавшіеся въ православныхъ храмахъ, *неправильными*. Послѣ того, что я сказалъ выше объ этихъ бракахъ, я надѣюсь, вы согласитесь, что ваше «разумѣется», скажу вашими же словами, рѣшительно не удалось. Мало этого: я даже не произнесъ не только слишкомъ строгаго, но даже никакого суда надъ духовенствомъ, о которомъ идетъ рѣчь, а только просто указалъ фактъ, что «въ то время, когда издавались указы съ предписаніемъ вѣнчать раскольниковъ не иначе, какъ «по церковному чину и по новоисправленнымъ требникамъ» и по присоединеніи ихъ къ православію, между православнымъ духовенствомъ было не мало лицъ, которыя считали распоряженія власти, чего бы они ни касались, не для нихъ пи-

санными, или по крайней мѣрѣ «за пенязи» готовы были нарушать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ» (вып. 1, стр. 152). По поводу этого мѣста въ моей книгѣ вы пишете: «во-первыхъ, вами допущена здѣсь та ошибка, что пенязямъ отведено въ этомъ дѣлѣ слишкомъ видное мѣсто, а во-вторыхъ - явное преувеличеніе въ томъ, будто бы духовенство того времени считало не для него писанными всѣ распоряженія власти, чего бы они ни касались».

Я согласенъ съ вами, что довольно трудно опредѣлить, какое мѣсто занимали «пенязи» въ побужденіяхъ духовенства первой половины прошлаго столѣтія—къ неисполненію распоряженій церковной власти, но что они играли немаловажную роль, видно какъ изъ приведенныхъ мною фактовъ (вып. 1, стр. 157—8), такъ еще болѣе изъ самыхъ распоряженій св. Сѵнода за указанное время, которыя я не указалъ въ книгѣ только потому, что не предполагалъ встрѣтить возраженіе противъ этого общеизвѣстнаго факта. Не входя въ подробности, я укажу въ этомъ случаѣ на изданную въ 1741 г. св. Сѵнодомъ присягу, которую долженъ былъ давать каждый рукополагаемый во священника и діакона. Вотъ что читалъ въ этой присягѣ каждый ставленникъ: «къ тому жъ клянуся, что долженъ и по должности хощу и всячески тщатися буду по хиротоніи во священство (или будучи въ діаконствѣ) въ приходѣ моемъ тайныхъ раскольниковъ чрезъ удаленіе ихъ отъ св. Евхаристіи, или чрезъ иныя каковыя примѣты, накрѣпко смотрѣть; и аще бы таковые явиться могли, *ни за каковые отъ нихъ дары или посулы*, укрывать и таить не буду, но какъ о нихъ, раскольникахъ,

скоро могу увѣдать, со всякимъ обстоятельствомъ письменно представлять, гдѣ надлежитъ, всемѣрно потщуся, также въ книгахъ исповѣдающихся и св. таинъ причащающихся, закрывая ихъ зловѣріе, съ правовѣрными христіанами писать не стану. Къ сему же всѣ раскольническіе разные толки со лжестарцами, называющимися учительми и лживыми попами и дьяконами и мірскими (аще въ покаяніе не пріидутъ и къ св. православно-каѳолической церкви обратиться не восхотятъ), вся ихъ согласія суемудренная проклинаю и анаѳемѣ предаю. Буде же я впредь, по семъ клятвенномъ обѣщаніи, забывъ страхъ Божій и должность свою, таить ихъ, раскольниковъ, въ своемъ приходѣ стану, и съ правовѣрными, для прикрытія ихъ зловѣрія, *по какой нибудь страсти*, вѣдая ихъ заподлинно, съ исповѣдавшимися и божественныхъ таинъ сообщившимися въ книгу ложно напишу и въ томъ отъ кого обличенъ буду, то, яко клятвопреступникъ, чужда священнаго сана и мірскому публичному наказанію себя подвергаю» (Собр. пост. по ч. раск. 1860 г., кн. I, стр. 376—7). Чтобы лучше понять все значеніе этой присяги относительно спорнаго вопроса, я считаю нелишнимъ замѣтить, что еще по указу св. Сѵнода 1722 года рукополагаемые во священника и діакона обязывались давать подобнаго рода присягу, съ проклятіемъ всѣхъ раскольническихъ согласій (тамъ же, стр. 39 и 40; снес., стр. 66 — 7). Если же церковная власть нашла нужнымъ въ 1741 году «вновь составить форму присяги» и внести въ нее замѣчаніе о «дарахъ и посулахъ», чего въ прежней присягѣ не было,—то, конечно, не безъ причины.

Что же касается «преувеличенія», будто бы допу-

щеннаго мною въ вышеприведенныхъ словахъ, — я согласенъ, что въ той формѣ, въ какой передана моя мысль вами, т. е., что будто бы *духовенство* первой половины прошлаго столѣтія считало не для него писанными распоряженія власти, она не чужда преувеличенія; но мои выраженія: «между православнымъ духовенствомъ было не мало лицъ» (вып. I, стр. 152), или: «многіе изъ православныхъ священниковъ» (стр. 154)... говорятъ не то. А что въ первой половинѣ прошлаго столѣтія были между духовенствомъ и такія лица, которыя «не считали для себя обязательными всѣ распоряженія власти, чего бы они ни касались», и это—выше всякаго сомнѣнія. Это—тѣ священники и діаконы, которые, по сочувствію къ расколу, или «по какой-либо страсти», совершенно освобождали себя отъ подчиненія епархіальнымъ архіереямъ и св. Суноду, переходя въ расколъ, о чемъ и сказано мною на стр. 158.

V. «Всѣ читавшіе вашу книгу, съ кѣмъ только я имѣлъ о ней разговоръ, — послѣднее замѣчаніе ваше, — согласно отзываются съ невыгодной для васъ стороны о томъ тонѣ, въ который вы нерѣдко вдаетесь при изображеніи непривлекательныхъ и предосудительныхъ чертъ изъ жизни раскольническихъ обществъ. Къ этимъ отзывамъ вполнѣ присоединяюсь и я». И за тѣмъ, сказавъ, будто мои «уничижительные» отзывы о томъ или другомъ явленіи изъ жизни безпоповцевъ, по сущности своей, даже—несправедливы, или по крайней мѣрѣ неравномѣрны, и указавъ при этомъ одно изъ моихъ выраженій (фабрикація раскольничьихъ браковъ), вы продолжаете: «меня въ этомъ дѣлѣ оскорбляетъ главнымъ образомъ то, что

подобнаго выраженія никто изъ насъ не позволитъ себѣ, говоря о бракѣ наприм. лютеранскомъ, между тѣмъ какъ, по суду церковному, онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ бракомъ Покровской часовни. Какъ тотъ, такъ и другой совершается простецомъ, т. е. лицомъ, не имѣющимъ благодати рукоположенія, -- и вся разница, стало быть, въ томъ, что тамъ нѣмецъ и докторъ богословія, предъ которымъ мы чувствуемъ трепетъ, а здѣсь русскій простолюдинъ, котораго мы изощряемся презирать, сколь возможно глубже».

Признаюсь откровенно, когда я читалъ ваше письмо, я никакъ не ожидалъ, что вы заключите его такимъ замѣчаніемъ. Не то я хочу сказать этимъ, будто въ моей книгѣ нѣтъ, какъ выражаетесь вы, уничижительныхъ отзывовъ о томъ или другомъ явленіи изъ жизни безпоповцевъ и даже о нѣкоторыхъ изъ вожаковъ раскольничьихъ, а то, что отъ васъ какъ-то странно слышать урокъ о тонѣ и приличіи. Вы сами откровенно сознаетесь, что нѣкоторыя изъ вашихъ замѣчаній могутъ показаться «не совсѣмъ сдержанными по тону». Если же вы, ведя со мною чисто ученый споръ, не съумѣли сохранить душевнаго равновѣсія и позволили себѣ въ выраженіяхъ «несдержанный тонъ»; то могъ ли оставаться спокойнымъ и не позволить себѣ иногда жесткаго, или уничижительнаго, слова я, ведя въ своемъ изслѣдованіи рѣчь о такихъ самодурахъ, какимъ былъ наприм. Ковылинъ, позволявшій себѣ, вмѣсто спокойнаго изслѣдованія спорнаго вопроса о бракѣ, бить по щекамъ своихъ противниковъ, ломать и жечь кресты съ могилъ ихъ единовѣрцевъ и родственниковъ и проч., или излагая

содержаніе сочиненій такихъ изувѣровъ, какими были наприм. составители «отеческихъ завѣщаній изъ книги Пандекта», или частнѣе: Гнусинъ, проповѣдывавшій самый дикій, необузданный развратъ? Не положеніе лицъ—невысокое, о которыхъ я иногда отзывался уничижительно, было причиной неправящагося вамъ тона моей книги, — вы тономъ вашего письма доказали, что у насъ—на Руси не особенно церемонятся и не съ мужиками, а раскольники изъ моихъ прежнихъ трудовъ и личныхъ сношеній съ ними знаютъ, зараженъ-ли я «аристократическою брезгливостію»,—но ихъ ученіе и дѣйствія, которыми не можетъ не возмущаться всякій порядочный человѣкъ. Вы сами говорите, что я «нарисовалъ живо чистый, нравственный образъ» Ивана Алексѣева; значитъ, я могу съ любовію говорить и о простолюдинѣ. Если же портреты Ковылина, Гнусина и др., нарисованные мною, оказались не безъ пятенъ, — это значитъ только, что таковы были оригиналы.

«Я счелъ своею обязанностію, пишете вы, какъ предъ наукой, такъ и предъ вами, выразить свое мнѣніе съ полной свободой, нисколько не скрывая силы и значенія представленныхъ мною возраженій». Предлагаемый вашему вниманію «отвѣтъ» мой да послужитъ свидѣтельствомъ того, что и я не уклонился отъ своего долга и, по мѣрѣ силъ, показалъ «силу и значеніе» вашихъ возраженій.

Пользуясь случаемъ, не могу не сказать нѣсколько словъ о другой статьѣ—съ замѣтками на мою книгу, написанной по поводу моего диспута и помѣщенной въ ноябрской книжкѣ «Зари» за прошлый годъ. Впрочемъ, входить въ подробный разборъ этой статьи я

не намѣренъ. Во первыхъ—, г. А—овъ въ своей статьѣ большею частію повторяетъ то, что я уже слышалъ на диспутѣ и на что тогда же отвѣчалъ. Во вторыхъ самая статья г. А—ова представляетъ не строго послѣдовательный рядъ мыслей, а сборъ бѣглыхъ замѣтокъ, не имѣющихъ ни связи, ни порядка, притомъ часто повторяющихся, на которыя поэтому отвѣчать болѣе, чѣмъ неудобно. Наконецъ, въ третьихъ г. А—овъ, задавшись мыслію доказать, во что бы то не стало, неудовлетворительность моего сочиненія съ научной точки зрѣнія, прибѣгаетъ для этого иногда къ такимъ пріемамъ, на которые лучшій отвѣтъ—молчаніе Такъ наприм., высказывая то, или другое, обвиненіе противъ меня, онъ въ подтвержденіе своихъ словъ часто дѣлаетъ указанія на мою книгу, но не приводя самыхъ словъ, а только цитуя страницы—такія, на которыхъ въ пользу обвиненія нѣтъ ни слова. Для примѣра укажу на слѣдующее мѣсто: «изъ этого же капитальнаго недостатка, пишетъ мой достопочтенный рецензентъ, вытекаютъ у него (т. е. у меня) частные *грубые* промахи, напримѣръ, онъ представляетъ, что созданіе сектъ—дѣло самое простое, стоитъ одному энергическому лицу сочинить свое ученіе и пустить его въ невѣжественную массу народа, выбрать мѣстечко побезопаснѣе, и дѣло въ шляпѣ (1, 68)». Прошу людей любознательныхъ прочитать указанную г. А—овымъ страницу перваго выпуска моего сочиненія и посмотрѣть, на сколько сказанное на ней имѣетъ отношеніе къ его мысли. Не менѣе любопытна въ этомъ случаѣ ссылка г. А—ова и на 213 и 14 стр. перваго выпуска въ подтвержденіе того, что безбрачные раскольники, «признавая всѣ таинства и считая

невозможнымъ совершать ихъ (всѣ?) по отсутствію священства, были правы, называя брачныхъ отступниками отъ вѣры.» ([1]) А между тѣмъ, подобныя цитаты въ глазахъ людей, не имѣющихъ возможности провѣрить ихъ, придаютъ обвиненіямъ серьезность и могутъ привести къ мысли, будто г. А—овъ пишетъ не на обумъ.

Еще интереснѣе другой пріемъ, употребляемый г. А—овымъ. Нерѣдко, указывая тотъ или другой недостатокъ въ моей книгѣ, онъ цитуетъ такія страницы моего сочиненія, или другіе документы, въ которыхъ говорится совершенно противное тому, что́ утверждаетъ мой достопочтенный рецензентъ. «О научныхъ пріемахъ г. Нильскаго, пишетъ напримѣръ г. А—овъ, и объ отношеніяхъ его къ разнымъ источникамъ, оба оффиціальные оппонента говорили согласно: г. Чельцовъ поставилъ на видъ, что диспутантъ относится къ нѣкоторымъ раскольничьимъ дѣятелямъ и писателямъ очень пристрастно, наприм. Емельянова называетъ *весьма* честнымъ человѣкомъ, тогда какъ онъ обманывалъ Выгорѣцкихъ старшинъ *не разъ и созывилъ по этому поводу* (?) *соборы* (1, стр. 220)». А между тѣмъ на указанной страницѣ говорится, что *не Емельяновъ, а Выговцы* созывали соборы, что Емельяновъ былъ только на *одномъ* изъ нихъ, опредѣленій котораго, какъ несправедливыхъ, по его мнѣнію, впослѣдствіи не исполнилъ; постановленій же двухъ другихъ соборовъ, составлявшихся безъ него, онъ и не обязывался соблюдать; а на стр. 217 Емельяновъ мною названъ

([1]) См. также ссылки г. А—ова на 204, 215—16 стр. перваго выпуска, на 140 стр. втораго выпуска и др.

просто честнымъ человѣкомъ, безъ прибавленія: весьма. Еще курьезнѣе слѣдующая ссылка г. А—ова. Признавая въ моей мысли, что «Софья Алексѣевна для того, чтобы сдѣлаться правительницею государства, обращалась за помощію къ стрѣльцамъ-раскольникамъ и не только позволяла, но даже приказывала имъ совершать въ Москвѣ всевозможныя безчинства: грабить домы, убивать бояръ-приверженцевъ партіи Нарышкиныхъ» и проч.. двѣ *громадныя клеветы* и утверждая, что Софья вовсе не была причиной перваго стрѣлецкаго бунта, а стрѣльцы не только не грабили домовъ, но по данной предварительно клятвѣ наказывали смертію тѣхъ, кто позволялъ себѣ украсть даже хоть 3 коп., г. А—овъ говоритъ, что это обстоятельство засвидѣтельствовано не только отечественными и иностранными писателями, но и оффиціальными правительственными актами, и указываетъ при этомъ IV т. Акт. Археографич. экспедиціи. А между тѣмъ въ актахъ, помѣщенныхъ въ указанномъ томѣ, прямо говорится слѣдующее: «да въ то время (15 мая) они же (стрѣльцы) воры и измѣнники судной приказъ разорили, и всякіе приказные дѣла передравъ пометали, и *нашу* Великихъ Государей *казну разграбили безъ остатку;* и послѣ того мая 16 и 17 числѣхъ, они же воры и измѣнники, не насытясь тѣхъ невинныхъ кровей, приходили на нашъ государской домъ, такимъ же безстудствомъ и безстрашіемъ съ народомъ и со всякимъ оружіемъ, и въ тѣ дни по прежнему своему злому намѣренію многихъ людей побили и тѣлеса ихъ изрубя, на красной площади пометали; и *тѣхъ всѣхъ невинно побитыхъ домы разорили и пожитки всякіе разграбили безъ остатку»*

(Акт. Археограф. экспед. IV, № 262. стр. 373—4). Что же касается участія Софьи Алексѣевны въ первомъ стрѣлецкомъ мятежѣ, то, какъ видно изъ статьи г. А—ова, есть «нѣкоторые знатоки исторіи», которые держатся «неустарѣлыхъ воззрѣній» на этотъ предметъ; но Соловьевъ (истор. Росс. т. XIII, стр. 356 и др.), Устряловъ (истор. царств. Петр. В., т. I), Щебальскій («Правленіе царевны Софьи» въ Русск. Вѣсти. 1856 г.), Забѣлинъ (Дом. быт. русск. царицъ) и другіе *современные* изслѣдователи русской исторіи согласно говорятъ, что первый стрѣлецкій бунтъ былъ вызванъ Софьею Алексѣевною и ея партіею.

Впрочемъ, вѣроятно, изъ опасенія, что подобныя неправильныя цитаты, которыми морочитъ г. А—овъ читателей «Зари», могутъ быть выведены наружу и не послужатъ къ чести автора статьи, г. А—овъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается одними голословными обвиненіями, не указывая страницъ изъ моего сочиненія, или другихъ какихъ либо документовъ, въ которыхъ говорится противное обвиненію. Такъ поступилъ онъ, между прочимъ, упрекая меня въ томъ, будто бы я «нисколько не отнесся критически къ разнообразнымъ источникамъ, которыми пользовался, и приводилъ и разсказъ Ивана Филиппова, и святителя Димитрія Ростовскаго, и множество другихъ писателей *безъ всякой повѣрки*». А между тѣмъ стоило г. А—ову заглянуть на стр. 15, 19—37, 49—50, 72, 81—2, 164, 176—180, 164, 199, 215, 331—8, 343 и др. перваго выпуска, на стр. 33—4, 117 и др. втораго выпуска, и онъ увидѣлъ бы, что тамъ, гдѣ позволяли научныя данныя, я не безъ критики относился къ источникамъ, которыми поль-

зовался. Интереснѣе же всего въ этомъ случаѣ то что г. А—овъ указалъ на святителя Димитрія Ростовскаго, къ свидѣтельству котораго я по преимуществу отнесся критически (вып. 1, стр. 34—5). Другой примѣръ. «По изслѣдованію г. Нильскаго, пишетъ г. А—овъ, оказывается противорѣчіе между стремленіемъ Софьи опереться на раскольничьи копья стрѣльцовъ и страшнымъ преслѣдованіемъ старовѣровъ. И это явленіе (т. е. преслѣдованіе раскольниковъ) *приписывается* опять *ехидному* характеру Софіи; въ этомъ *замысловатомъ обвиненіи ни причинъ*, ни слѣдствій невозможно отыскать, если не считать его *нелѣпымъ*». А между тѣмъ, на 51 стр. перваго выпуска мною сказано только слѣдующее: «въ 1684 году, *въ правленіе* той самой Софьи Алексѣевны, которая... обращалась за помощію къ стрѣльцамъ-раскольникамъ,... *явилось* противъ раскола постановленіе, узаконявшее пытки» и т. д. Какъ видитъ читатель, я не только не говорилъ о «ехидномъ» характерѣ Софьи Алексѣевны, но даже и не приписывалъ ей строгаго указа 1684 года, направленнаго противъ раскольниковъ, замѣтивъ только вообще: «въ правленіе Софьи»... Ужели же это—неправда, или—обвиненіе и притомъ нелѣпое?

Но г. А—овъ, не внимая ничему и желая, во что бы то ни стало, доказать научные недостатки моей книги, продолжаетъ: «законъ 1684 г. противъ раскольниковъ *едва-ли* есть произведеніе Софіи; *скорѣе* это есть сочиненіе *суроваго* патріарха Іоакима, который *жестоко вооружился* на старовѣровъ послѣ бунта 1682 г., и онъ, *по всей вѣроятности*, настоялъ на необходимости кровавыхъ правительственныхъ мѣръ.

Гуманный Голицынъ не могъ совѣтовать царевнѣ издавать такія крутыя узаконенія». По поводу этой тирады, я позволяю себѣ спросить г. А—ова, обвиняющаго меня въ томъ, будто бы я «представляю въ своемъ сочиненіи сомнительныя данныя безъ всякой критики»,—считаетъ-ли онъ свои: «едва-ли»... «скорѣе»... «по всей вѣроятности»—«несомнѣнными данными, критически очищенными»? Далѣе: читалъ-ли онъ въ IV томѣ актовъ археографической экспедиціи, на который ссылается, документы подъ №№ 260, 263, 265—7, въ которыхъ «суровый» патріархъ Іоакимъ изображается ходатаемъ за стрѣльцевъ-раскольниковъ предъ «достойною сестрою Петра», уже успѣвшею казнить Хованскихъ, т. е. уже послѣ стрѣлецкаго бунта, бывшаго въ маѣ—іюлѣ 1682 г.? Читалъ-ли онъ въ частности документъ подъ № 284, содержащій въ себѣ извѣстныя 12 статей противъ раскольниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и имѣющій слѣдующее заглавіе: «въ прошломъ во 193 г. апрѣля въ 7 день Великіе Государи Цари и Великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея... Россіи самодержцы, и сестра ихъ Великая Государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна, слушавъ сихъ статей, указали и бояре приговорили: раскольщикомъ» и т. д., и знаетъ ли, какъ надписывались въ до-Петровской Руси граматы и указы, издававшіеся отъ имени царя, но составлявшіеся «по совѣту и благословенію» патріарховъ? Еще: знакомъ-ли онъ съ записаннымъ Саввою Романовымъ слѣдующимъ комплиментомъ, которымъ стрѣльцы раскольники угостили Софью Алексѣевну на соборѣ въ грановитой палатѣ: «пора-де государыня давно въ монастырь, полно де царствомъ мутить; намъ

бы здоровы цари государи были, а безъ васъ-де пусто не будетъ», и думаетъ ли, что подобная любезность ревнителей старины могла пройти бееслѣдно? Наконецъ, знаетъ-ли онъ, что, «по челобитью гуманнаго» Голицына, пытали тѣхъ, которые казались ему людьми недоброжелательными (записк. Желябуж., стр. 21—2)? Вывода изъ этихъ вопросовъ я не дѣлаю; онъ понятенъ каждому.

Само собою разумѣется, что такое легкое, чтобы не сказать болѣе, отношеніе къ дѣлу не могло не повести г. А-ова къ разнаго рода промахамъ и даже противорѣчіямъ. Это и случилось на самомъ дѣлѣ. Такъ напр., въ одномъ мѣстѣ г. А-овъ обвиняетъ меня въ томъ, будто бы я «враждебно отношусь ко всѣмъ почти коноводамъ раскола» (см. «Зарю», стр. 222), а въ другомъ упрекаетъ за то, что я къ нѣкоторымъ раскольничьимъ дѣятелямъ и писателямъ очень пристрастенъ (стр. 211). Или: то утверждаетъ, что я не отрицаю хорошихъ сторонъ и въ раскольничьихъ сожительствахъ, по одному взаимному согласію, только не могу опредѣлить, которое изъ безпоповщинскихъ ученій о бракѣ лучше (стр. 212), то прямо говоритъ, что все мое сочиненіе есть ничто иное, какъ прямое отрицаніе въ жизни безпоповцевъ всего хорошаго, что я какъ бы задался исключительною цѣлію - втоптать въ грязь семейную жизнь раскольниковъ (стр. 210). Въ одномъ мѣстѣ осуждаетъ меня за то, что я думаю, будто извѣстное явленіе только и возможно въ расколѣ (стр. 216), въ другомъ самъ утверждаетъ, что «развитіе сектъ совершается при содѣйствіи различныхъ условій историческихъ, этнографическихъ и географическихъ, или - говоря дру-

гими словами: каждая нація кладетъ на свои секты особую своеобразную печать» (стр. 217),—а наконецъ въ третьемъ, самъ себя опровергая, пишетъ: «извѣстно, что законы развитія ученія разныхъ сектъ и расколовъ въ общихъ чертахъ вездѣ одинаковы, и не только у народовъ христіанскихъ, но и у націй другихъ вѣроисповѣданій; и это явленіе весьма естественно: люди похожи другъ на друга какъ по физіологическому строю, такъ и по умственнымъ отправленіямъ» (какое открытіе!) (стр. 215). Наконецъ г. А-овъ дошелъ до того, что упрекаетъ меня за то, что я пользуюсь въ своемъ трудѣ сочиненіями и бракоборцевъ и брачниковъ (какъ будто можно излагать ихъ ученіе съ вѣтру) и даже ссылаюсь на легкія журнальныя статьи и въ частности на г. Стебницкаго (какъ будто только одинъ г. А-овъ и можетъ говорить съ вѣсомъ) (стр. 211 и 221), что я не выставилъ въ надлежащемъ свѣтѣ заслугъ для отечества Ковылина, устроившаго на Преображенскомъ кладбищѣ пріютъ для, такъ называемыхъ, воспитанниковъ Ильи Алексѣича (стр. 221), что я возстаю противъ кровосмѣшенія въ раскольничьихъ бракахъ, тогда какъ нѣмцы въ Россіи свободно женятся на двоюродныхъ сестрахъ, и это не считается преступленіемъ (стр. 214), что, объясняя безбрачіе безпоповцевъ, я указывалъ на прекращеніе (мнимое) въ мірѣ священства, ученіе объ антихристѣ и проч., а не доказалъ того, что безбрачные раскольники, стремившіеся къ подвижничеству, основывались на чуждыхъ теоритическихъ началахъ восточно-византійскихъ, а другіе, добивавшіеся возстановить семейную жизнь, опирались на жизненныя національныя привязанности и симпа-

тіи,—такъ какъ, замѣчаетъ г. А-овъ словами одного оффиціальнаго оппонента, подвижничество несвойственно славянской натурѣ, любящей жить семейно (стр. 217—18), что я высказалъ на диспутѣ увѣренность въ томъ, что раскольники при другихъ, лучшихъ для церкви и православнаго духовенства, условіяхъ обратятся къ церкви православной, причемъ г. А-овъ слезно сѣтуетъ о будущемъ уничтоженіи раскола и о томъ, почему я не нарисовалъ картину жизни раскольниковъ «отрадными чертами и красками» (стр. 214—15), что я, подобно раскольничьимъ писателямъ, всякую свою мысль подтверждаю фактомъ (стр. 212) (г. А-овъ, какъ я показалъ выше, держится другаго пріема) и проч. и проч.

Само собою разумѣется, что входить въ подробный разборъ статьи, исполненной такихъ несправедливыхъ ссылокъ, противорѣчій и странныхъ требованій, изъ которыхъ бо́льшая часть не только не оправдывается никакими данными (по крайней мѣрѣ ихъ не указалъ г. А-овъ), но даже прямо противорѣчитъ тѣмъ изъ нихъ, которыя изложены въ моей книгѣ,—требованій, которыя, очевидно, суть ничто иное, какъ дѣло личнаго вкуса, о которомъ не спорятъ,—значило бы обрекать себя на трудъ безполезный.

Но г. А-овъ не ограничился тѣмъ, что отвергъ рѣшительно ученое достоинство моего сочиненія (стр. 224),—онъ еще произнесъ свой судъ и о моей рѣчи, сказанной на диспутѣ. По словамъ достопочтеннаго рецензента, рѣчь моя противорѣчила содержанію моей книги, такъ какъ въ ней я (будто бы) указывалъ «настоятельную необходимость — измѣнить до сихъ поръ существовавшіе у насъ законы и постановленія»

о расколахъ, или, по другому выраженію, «требовалъ болѣе свободныхъ распоряженій правительства о раскольникахъ», тогда какъ изъ моего «сочиненія выходитъ совершенно обратное заключеніе, именно то, что вся прошлая жизнь безпоповцевъ требуетъ уничтоженія ихъ свободныхъ правъ въ семейной жизни» (стр. 210).

Лица, почтившія своимъ присутствіемъ мой диспутъ и читавшія мою книгу, могутъ сами судить, на сколько справедливъ отзывъ г. А-ова о моей рѣчи,— но для тѣхъ, кто не слышалъ ея, я считаю долгомъ заявить, что достопочтенный мой рецензентъ, по невниманію, или по чему либо другому, *невѣрно понялъ мою рѣчь и неточно передалъ ея суть*. Указывая на необходимость болѣе точнаго законодательства по расколу, я не только «не требовалъ болѣе свободныхъ распоряженій правительства о раскольникахъ», семейную жизнь которыхъ изображалъ въ своемъ сочиненіи, а на оборотъ доказывалъ необходимость ограничить тотъ произволъ, съ какимъ брачущіеся безпоповцы относятся къ своимъ женамъ и дѣтямъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ приведу *дословно* слѣдующее мѣсто изъ рѣчи: «но если, не смотря на всю свободу брачныхъ отношеній въ безпоповщинскомъ расколѣ, женщина-раскольница не можетъ похвалиться своимъ положеніемъ, за то раскольникъ-безпоповецъ, благодаря неопредѣленности закона относительно этого предмета, можетъ и часто на самомъ дѣлѣ страшно эксплоатируетъ въ свою пользу эту самую свободу. Какъ показываютъ несомнѣнныя данныя, не только Ѳедосѣевцы, считающіе за грѣхъ брачное сожитіе и поэтому ограничивающіеся большею частію

пріисканіемъ себѣ временныхъ подругъ, часто, послѣ болѣе или-менѣе продолжительнаго сожительства, пускаютъ своихъ возлюбленныхъ на всѣ четыре стороны—искать счастья на бѣломъ свѣтѣ, на нихъ же возлагая заботы и о прокормленіи и воспитаніи прижитыхъ дѣтей, а себѣ выбираютъ новыхъ «хозяекъ»—съ тѣмъ, чтобы въ свое время и имъ предоставить ту же самую свободу—умирать съ голода,—но даже Поморцы, вступающіе, по вѣрованію своего толка, въ неразрывные брачные союзы, нерѣдко поступаютъ съ своими женами точно также. И когда бѣдныя, брошенныя на произволъ судьбы, женщины, вынужденныя, разумѣется, крайностію, обращаются къ покровительству закона,—имъ отвѣчаютъ, что когда не было правильнаго брака, то не можетъ быть рѣчи и о послѣдствіяхъ развода, или точнѣе: разрыва такого брака. Если же которой либо изъ оставленныхъ своими мнимыми мужьями женщинъ вздумается съ горя самой сорвать, какъ говорится, сердце на прежнемъ сожителѣ, напр., во время катанья его на масляницѣ съ «новою женою», бросить ему въ сани пятилѣтняго мальчика—съ словами: «возьми, покатай и его, вѣдь онъ твой»,—за подобный скандалъ мировой судья, по жалобѣ обиженнаго послѣдователя Ковылина, присуждаетъ прежнюю его сожительницу къ двухнедѣльному аресту, или ста рублямъ штрафа. Вотъ еще сторона въ вопросѣ о раскольничьемъ бракѣ, которую, по моему мнѣнію, необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи гражданскихъ правъ раскольниковъ, о чемъ такъ настойчиво трактуетъ современная литература. Если правительство, *въ чемъ согласна и литература*, признаетъ необходимымъ ограничивать въ гражданскихъ

правахъ Ѳедосѣевцевъ—за то, что они отрицаютъ бракъ, то, въ видахъ защиты раскольничьей женщины, не излишне также *точнѣе опредѣлить* гражданское значеніе и сводныхъ браковъ Поморцевъ, а равно и тѣхъ изъ Ѳедосѣевцевъ, которые въ послѣднее время начали вступать въ безсвященнословныя брачныя сожительства. Иначе, т. е. *терпя* только эти браки, правительство рискуетъ и на будущее время получать изъ болѣе населенныхъ диссидентами городовъ донесенія о томъ, что брошенныя раскольниками жены таскаются по улицамъ съ несчастными дѣтьми цѣлыми стаями, какъ случалось это въ былое время... Наконецъ, мнѣ думается, нельзя оставить безъ вниманія, при опредѣленіи гражданскихъ правъ раскольниковъ, и слѣдующей особенности раскольничьихъ браковъ. Раскольникъ, вступившій въ бракъ, который онъ имѣетъ право расторгнуть, когда ему вздумается, въ то же время можетъ, если захочетъ, не только не разрывать своего, терпимаго закономъ, союза, но даже передать все свое имѣніе своимъ дѣтямъ, какъ законнымъ; и на оборотъ, въ случаѣ какого либо неудовольствія на дѣтей, напр. когда они, вопреки его желанію, переходятъ въ православіе, онъ считаетъ себя въ правѣ лишить непокорныхъ всего, и законъ, когда обиженные обращаются къ его покровительству, отвѣчаетъ, что «такъ какъ по церковнымъ правиламъ не признается бракъ между раскольниками, то и къ послѣдствіямъ онаго, т. е. къ дѣтямъ и правамъ наслѣдства, не можно приложить гражданскихъ законовъ,—тѣмъ болѣе, что раскольники имѣютъ всѣ способы, дозволенные закономъ, отдать свое имущество, кому пожелаютъ, посредствомъ-ли условной продажи,

дара, или денежнаго перевода». Такимъ образомъ то, что для православныхъ членовъ общества опредѣлено точными и иногда довольно строгими законами, раскольнику предоставляется на его добрую волю. Это, по моему мнѣнію, уже не только терпимость къ расколу, но очевидное преимущество его предъ православіемъ, опасное для интересовъ церкви».

Что же касается безбрачныхъ безпоповцевъ, или частнѣе—Ѳедосѣевцевъ, то въ рѣчи своей я старался доказать, что, вопреки печатнымъ увѣреніямъ разныхъ Ермиловыхъ, Стукачевыхъ и др., послѣдователи Ковылина отвергаютъ бракъ и въ настоящее время и что слѣдовательно Ѳедосѣевцы не заслуживаютъ тѣхъ льготъ, какія, по словамъ автора «гражданскихъ думъ», они желали бы получить, наравнѣ съ раскольниками другихъ сектъ и толковъ.

И. Нильскій.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Свящ. А.Я. Кудрявцев

Церковный вопрос в Австрии

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 4. С. 736-755.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ АВСТРІИ.

ФРАНЦЪ I-й 1792—1835 г

Ни одно правительство не было такъ сильно напугано французской революціей, какъ австрійское. Зная, какое обиліе горючихъ матеріаловъ скрывается въ управляемомъ имъ мозаическомъ государствѣ, оно сильно опасалось, какъ бы и сюда не запала та или другая искра и не воспламенила все зданіе. Эта боязнь отразилась какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ. Во внѣшней она выразилась въ знаменитомъ священномъ союзѣ, въ устройствѣ котораго австрійское правительство принимало самое дѣятельное участіе; во внутренней — подавленіемъ всякаго пробужденія къ умственной жизни: о свободѣ печати не было и помина; ввозъ иностранныхъ книгъ допускался только подъ условіемъ самой строгой цензуры, число тайныхъ и явныхъ агентовъ полиціи увеличено было до весьма значительной цифры. При такомъ направленіи внѣшней и внутренней политики, и жизнь церковная не могла уже оставаться на тѣхъ началахъ, на которыя поставили ее правительства Маріи-Терезіи и Іосифа II-го, не могли тѣмъ болѣе, что во главѣ правленія стояли два такія лица, которыя воспитаны были въ духѣ строго римо-католическомъ,—

это императоръ Францъ I-й и первый министръ его графъ Меттернихъ. Въ отношеніи къ ней проявилась таже боязнь, которая руководила правительствомъ и въ другихъ сферахъ жизни государственной. Такъ какъ причиной революціи во Франціи считалось распространеніе тѣхъ либеральныхъ и анти-религіозныхъ идей, о которыхъ мы говорили въ одной изъ предыдущихъ статей, то правительство думало, что опасная искра отчасти уже закралась и что нужно немедленно приступить къ ея погашенію. Придти къ такому убѣжденію правительство имѣло нѣкоторыя основанія. Іозефиновскія идеи начали проявляться сильнѣе и сильнѣе, а постоянное уменьшеніе числа духовенства было явнымъ знакомъ возрастающаго въ обществѣ равнодушія къ вѣрѣ и церкви. Въ слѣдствіе этого, правительство рѣшило измѣнить принятую систему въ отношеніи къ церкви. Но какъ подчиниться прежней централистической системѣ папства значило, съ одной стороны, разрушить свою государственную централизацію, съ другой -идти наперекоръ правительствамъ русскому и прусскому, которыя, по причинѣ споровъ съ папскимъ правительствомъ о назначеніи епископовъ, держали себя отъ этой системы вдалекѣ, то оно рѣшило быть консервативнымъ только у себя дома, въ отношеніи къ своему клиру; въ отношеніяхъ же къ Риму оно хотѣло стоять въ тѣхъ же либеральныхъ отношеніяхъ, въ какихъ стояли Іосифъ II и Леопольдъ II-й. Такое двойственное отношеніе сопровождалось очень любопытными фактами. Большая часть Іозефиновскихъ законовъ оставалась во всей силѣ, вліяніе Рима на государство было также, какъ и прежде, малодоступно, а власть духовенства, внутри импе-

ріи, усиливалась и развивалась съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Такъ какъ главною цѣлію правительства было—оградить народъ отъ вліянія вредныхъ идей, а средствомъ къ этому строгій надзоръ духовенства, то первою и главною задачею для правительства было воспрепятствовать уменьшенію числа духовенства. Для устраненія этого зла приняты были двоякія мѣры: однѣ временныя, другія болѣе радикальныя, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на образованіе духовенства. Къ первымъ, изданнымъ 25 окт. 1792 г., относились слѣдующія: 1) тамъ, гдѣ при церкви находится нѣсколько священниковъ, оставить только одного, остальныхъ же перевести на другія мѣста, 2) устранить обычай совершенія св. мессъ, при каждомъ вступленіи въ церковь, что, какъ значится въ эдиктѣ, съ одной стороны, требуетъ увеличенія числа духовенства, съ другой—ослабляетъ должное благоговѣніе къ св таинству и не соотвѣтствуетъ духу первобытной христіанской церкви; 3) возвысить окладъ жалованья, именно: вмѣсто прежнихъ 400 гулд. назначить 600 гулд.; 4) опредѣлить для учащихся Богословію особыя стипендіи, а если этого недостаточно, то выдавать изъ религіознаго фонда по 100 гулд. каждому, кто пожелаетъ слушать Богословскія науки. 5) Въ случаѣ крайней надобности, замѣстить вакантныя мѣста іезуитами и другими монахами. Мѣры радикальныя приняты были въ 1802 году; онѣ излагались въ двухъ рескриптахъ, изъ коихъ въ одномъ говорилось объ увеличеніи мірскаго духовенства, а въ другомъ—монашествующаго. «Я, говоритъ императоръ въ началѣ перваго рескрипта, внявъ многократной жалобѣ епископовъ на уменьшеніе духовенства и

взвѣсивъ причины этого, признать необходимымъ слѣдующее: 1) Возстановленіе гимназій въ провинціальныхъ городахъ и учрежденіе философскихъ курсовъ при монастыряхъ. Эта мѣра признавалась необходимой потому, что многіе родители не посылали дѣтей въ большіе города, отчасти по причинѣ дороговизны жизни, отчасти по причинѣ опасенія за нравственность дѣтей. Философскіе курсы должны быть двухъ годичные, ученіе должно производиться на языкѣ латинскомъ. 2) Возстановленіе конвиктовъ и семинарій тамъ, гдѣ или прежніе дома еще находятся, или имѣются для этой цѣли въ виду. 3) Предоставить право, какъ монастырямъ, такъ и дргимъ духовнымъ учрежденіямъ и даже частнымъ духовнымъ лицамъ, не только открывать у себя философскіе курсы, но и обучать гимназіальнымъ предметамъ. Этимъ имѣлось въ виду то, чтобы побольше захватить въ руки духовенства учащагося юношества. 4) Учрежденіе семинарій при домахъ епископскихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ епископа. Курсъ долженъ быть трехъ годичный. Обученіе должно быть ввѣрено четыремъ профессорамъ, изъ коихъ одинъ читалъ бы церковную исторію, патрологію и церковное право; вторый—герминевтику ветхаго и новаго завѣта съ относящимися сюда введеніями; третій—полемику и догматику; четвертый — Нравственное и Пастырское богословіе и Катехетику. 5) Увеличеніе содержанія духовенства. Всѣ священники (капелланы), получавшіе отъ 300 фл. до 150 получили прибавку въ 50 фл. При этомъ ограничено было число опредѣленныхъ религіознымъ фондомъ мессъ; теперь каждый священникъ, получавшій 600 фл., обязывался совершить 180

мессъ, 400 фл. — 120 мессъ. 350 фл. — 105 мессъ, 250 фл. — 70 мессъ, 200 фл. — 60 м. 6) Престарѣлыхъ или, по какой либо причинѣ, неспособныхъ къ отправленію церковныхъ службъ священниковъ отъ приходовъ не увольнять, а только давать имъ помощниковъ. 7) Для возвращенія духовенству того уваженія, какимъ пользовалось прежде, всѣ книги и брошюры повелѣно было пересмотрѣть и содержавшія что либо противъ религіи или духовенства — запретить. 8) Уменьшеніе новоустроенныхъ Іосифомъ II приходовъ. 9) Въ случаѣ крайней необходимости, дозволялось выписывать священниковъ изъ за границы, но только съ крайней осторожностью и притомъ по самомъ строгомъ изслѣдованіи ихъ благонадежности. Въ такомъ крайнемъ случаѣ совѣтывалось въ рескриптѣ брать лучше заштатныхъ священниковъ. Въ заключеніе, епископамъ и консисторіямъ предписывалось строго слѣдить за выполненіемъ указанныхъ предписаній. Въ рескриптѣ, касающемся благоустройства монастырей, говорилось слѣдующее: 1) Всѣ оставшіеся монастыри, сколько бы братій не заключали въ себѣ, ни уничтожать, ни соединять съ другими монастырями не дозволялось. О возстановленіи прежнихъ монастырей не можетъ быть рѣчи до тѣхъ поръ, пока не будутъ достаточно наполнены находящіеся на лицѣ. 2) Монастырямъ, при которыхъ находятся учебныя заведенія, предписывалось принимать возможно большее число учениковъ. 3) Такъ какъ философія для монаха очень полезна, а занятіе философскими науками чрезъ учрежденіе разныхъ философскихъ факультетовъ облегчено, то законъ, требовавшій отъ монаха окончанія философскаго курса, остается во всей силѣ. 4) Дозволялось постриженіе

въ монашество не по истеченіи 24 лѣтъ, какъ требовалось закономъ Іосифа II-го, а послѣ 21 года, впрочемъ подъ условіемъ, если желающій пострижения прожилъ въ монастырѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ. 5) Согласно выраженному начальниками монастырей желанію, чтобы монастырскіе статуты оставались въ томъ видѣ, какъ прежде, правительство обѣщаетъ свое невмѣшательство въ такія дѣла только до тѣхъ поръ, пока жизнь монастырская будетъ вполнѣ соотвѣтствовать этимъ статутамъ, иначе оно всегда будетъ настаивать на улучшеніи монашеской жизни. 6) Отмѣнялся законъ объ избраніи настоятеля братіей и разрѣшалась визитація монастырей, только отнюдь не иностранными визитаторами, а однимъ изъ начальниковъ монастырей, находящихся въ имперіи. Связь орденовъ съ ихъ генералами оставалась прерванною. 7) Сами визитаторы не должны были ничего предпринимать, а о всемъ доносить или епископу, или, въ случаѣ надобности, мѣстному начальству. 8) Начальникамъ монастырей дозволялось, въ видѣ наказанія, посылать монаховъ изъ своего монастыря въ другой, равно какъ употреблять и другія легкія наказанія за нарушеніе монастырской дисциплины; если же наказаніе имѣло быть продолжительное и строгое, то предписывалось давать знать духовному епархіальному начальству. Монахамъ предоставлялось право жаловаться на настоятеля сперва епископу, а если этотъ послѣдній жалобу не приметъ, то мѣстному начальству. Отказъ епископа долженъ быть доказанъ документомъ. 9) Монашествующему духовенству занимать приходскія мѣста запрещалось, развѣ на самое короткое время и по желанію епископа. Въ за-

ключеніе внушалось начальникамъ монастырей, чтобы они сами были образцомъ монашества. Вотъ къ какимъ унизительнымъ для духовнаго сана мѣрамъ должно было прибѣгать австрійское правительство, чтобы устранить возраставшій со дня на день недостатокъ въ духовенствѣ. Раздача наградъ, стипендій, прибавка жалованья оказали замѣчательное дѣйствіе. Не прошло двухъ лѣтъ и монастыри наполнились монахами, а число лицъ, желавшихъ принять духовный санъ, умножилось до значительной степени. Правительство радовалось такому успѣху, но люди, которымъ интересы церкви были болѣе дороги, смотрѣли на это умноженіе съ большою скорбію. Покровительственная система образовала только массу лѣнтяевъ и привлекла въ составъ духовенства только такія лица, которыя не были годны ни на какомъ другомъ поприщѣ жизни. Это обстоятельство было и само въ себѣ уже очень важно, но оно становилось еще болѣе важнымъ вслѣдствіе того, что съ вопросомъ объ образованіи духовенства вновь соединялся вопросъ о народномъ образованіи. Правительство, желая охранить народъ отъ вліянія идей либеральныхъ, рѣшило снова передать школы въ руки духовенства, поэтому недостаточность образованія въ духовенствѣ не могла не отразиться и на народномъ образованіи. Впрочемъ, передавая школы въ руки духовенства, робкое правительство и здѣсь дѣйствовало также двойственно, какъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ какъ сильнаго вліянія со стороны духовенства оно имѣло причины такъ же опасаться, какъ и вліянія идей либеральныхъ, то, принявъ мѣры противъ послѣдней опасности, сочло нужнымъ оградить себя и отъ первой. Оно ввѣрило

главный надзоръ за школами не епископамъ, какъ стоявшимъ въ зависимости отъ папы, а консисторіямъ, которыя подчинены были мѣстнымъ губернскимъ начальствамъ. Слѣдствіемъ этого было то, что правительство, преслѣдуя за одинъ разъ нѣсколько цѣлей, не достигло ни одной. Стремленіе къ одной подрывало успѣхъ выполненія другой. Подчинивъ консисторіи вѣденію губернскихъ начальствъ, оно тѣмъ самымъ дѣлало невозможнымъ охраненіе отъ идей либеральныхъ. Мѣстные губернскіе начальники, какъ сочувствовавшіе въ большинствѣ случаевъ всѣмъ идеямъ іозефиновскимъ, воспользовались надзоромъ духовенства за школами, какъ средствомъ для упроченія такихъ идей. Они оставили во всей силѣ всѣ прежніе либеральные учебники и заставили духовенство учить по нимъ народъ. Прежде, когда учителями были лица недуховныя, народъ смотрѣлъ съ недовѣріемъ на такіе учебники, а теперь, когда увидѣлъ, что и духовныя лица учатъ все также и по тѣмъ же учебникамъ, не довѣрять не имѣлъ болѣе причины. Что касается духовенства, то оно, по изложенной выше причинѣ, не было въ состояніи ни обсудить важности дѣла, ни стать въ оппозицію. Яснымъ доказательствомъ всему сказанному можетъ служить изданная въ 1815 году Рехбергомъ книга о каноническомъ правѣ. Судя по тому вліянію, какое получило духовенство во всѣхъ дѣлахъ, можно было ожидать, что въ учебникѣ по каноническому праву, составленному при такихъ обстоятельствахъ, отношеніе между церковію и государствомъ будетъ представлено въ духѣ болѣе, чѣмъ прежде, благопріятномъ для римско католической церкви, но книга Рехбауера содержитъ въ

себѣ только повтореніе того, что находится въ книгахъ по каноническому праву, изданныхъ при Маріи Терезіи и Іосифѣ II. Она проникнута тѣмъ же духомъ терпимости въ отношеніи къ другимъ вѣроисповѣданіямъ и тѣмъ же либеральнымъ взглядомъ на папство и его систему, на бракъ и школу. Эта книга принята была съ полнымъ довѣріемъ, какъ учебникъ для всей имперіи. Правительство поняло наконецъ свою ошибку и начало придумывать средство поправить дѣло. Для улучшенія образованія лицъ духовныхъ, оно придумало основать въ Вѣнѣ высшее духовное учебное заведеніе. Люди близкіе ко двору того времени увѣряютъ, что такую мысль подалъ императору Францу I-му россійскій императоръ Александръ Павловичъ. Принимая во вниманіе, что и наши духовныя академіи открыты были около того же времени, какъ и вѣнское училище, равно какъ и сходство послѣдняго съ первыми въ характерѣ и назначеніи, можно думать, что устройство указанныхъ учебныхъ заведеній было предпринято по одной и той же мысли. Вѣнская академія была открыта въ 1817 году подъ руководствомъ придворнаго священника Фрихта. Назначеніе ея состояло въ томъ, чтобы приготовлять годныхъ наставниковъ для семинарій и образованныхъ священниковъ для всѣхъ вліятельныхъ мѣстъ въ имперіи. Система ученія принята была университетская и окончившіе курсъ успѣшно могли получить степень доктора. Заведеніе было поставлено внѣ надзора не только папскаго, но и мѣстнаго архіепископа, а подчинено было непосредственно высшей, учебной коммисіи. Появленіе такого независимаго духовнаго училища обратило сильное вниманіе привер-

женцевъ папства. Не будучи въ состоянiи совершенно уничтожить его, они рѣшили какимъ либо способомъ обратить его въ свою пользу. При томъ положенiи, въ какомъ стояло правительство, достигнуть этого было не трудно. Вынужденное гоняться за достиженiемъ различныхъ цѣлей, оно и здѣсь одною рукою уничтожало то, что созидало другою. Для противодѣйствiя указанному выше распространенiю идей iозефиновскихъ, оно должно было отнять власть надъ училищами у духовныхъ коммиссiи и снова передать ее въ руки епископа, а послѣ таковой передачи уже и вѣнское училище не могло оставаться подъ вѣденiемъ указанной выше коммиссiи. Поступивъ подъ надзоръ епископа, оно лишалось того характера, какой данъ былъ ему по мысли основателя и сдѣлалось одной изъ самыхъ приверженныхъ папству и его системѣ семинарiей.

Вслѣдствiи такого совмѣстнаго дѣйствiя и началъ iозефиновскихъ и началъ строго-клерикальныхъ, — и жизнь церковная приняла два направленiя: клерикальное и либеральное. Первое, какъ стоявшее подъ защитою и охраною духовенства, было болѣе видимое, наружное, второе, какъ таившееся или въ учебникахъ и брошюрахъ, или въ частныхъ лицахъ, было болѣе сокрытое, внутреннее; отсюда начали мало по малу образовываться и двѣ партiи, которыя получили названiе: клерикальной и либеральной. До 1815 года обѣ партiи держались въ равновѣсiи, но съ этого времени равновѣсiе падаетъ и перевѣсъ переходитъ на сторону клерикаловъ. Причиной этого было то, что на сторону партiи клерикальной явно перешелъ императорскiй дворъ. Правительство увидѣло, что либералы много опаснѣе

для государства не только въ нравственномъ отношеніи, но и политическомъ. Такъ, они сочувствуютъ полной и совершенной терпимости вѣроисповѣданій, а терпимость много ослабляетъ государственную централизацію. Вслѣдствіе этого, оно рѣшило не только поддержать клерикальную партію дома, внутри имперіи, но и заручиться ея вліяніемъ извнѣ. Въ 1819 году императоръ Францъ I отправился въ Римъ, гдѣ папа Пій VII представилъ ему нѣчто въ родѣ мемуара о положеніи дѣлъ въ Австріи. Во вниманіе къ сдѣланнымъ папой замѣчаніямъ, императоръ измѣнилъ многое: онъ облегчилъ сношенія духовенства съ Римомъ, дозволилъ снова папскія разрѣшенія во всѣхъ спорныхъ случаяхъ, особенно касающихся брака, и, въ довершеніе всего, призвалъ на помощь сперва, именно въ 1816 году, редемтористовъ, а въ 1820 г. и іезуитовъ ([1]). Онъ намѣревался даже заключить конкордатъ съ папой, но партія либеральная была еще значительно сильна, а потому исполненіе намѣренія отложено до временъ, болѣе благопріятныхъ.

Перемѣна дѣйствій правительства въ отношеніи къ церкви господствующей сопровождалась многими, очень важными, послѣдствіями для другихъ церквей. Латинское духовенство вновь начало свою пропаганду, а правительство не только не препятствовало, но, въ видахъ лучшаго централизма, оказывало даже свое содѣйствіе.

Изъ всѣхъ православныхъ болѣе другихъ подверглись въ это время опасности православные Далматинскіе Сербы, только что поступившіе изъ подданства

([1]) Іезуиты прибыли изъ Россіи, откуда они были тогда прогнаны. Они поселились первоначально въ Галиціи, а затѣмъ проникли и далѣе.

французскаго въ подданство Австрійской Имперіи. Пропаганда латинская была далеко не новостью для бѣдныхъ Далматинянъ. Она велась и въ то время, когда Далмація входила въ составъ венеціанской республики, равно какъ и въ то короткое время, когда она стояла подъ владычествомъ французскимъ, но прежде она сдерживалась или чрезъ защиту и покровительство русскихъ государей, или твердостію и непреклонностію черногорскихъ архипастырей, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находилась долгое время цѣлая область Далмаціи, именно: Бока Катарская. Такъ извѣстно, что въ 1710 году императоръ Петръ I обращался съ просьбою къ венеціанскому правительству—оказать свое покровительство православнымъ. Извѣстно также, что черногорскій владыка Петръ, на предложеніе французовъ — подчинить его власти всю иллирскую націю, подъ условіемъ признанія надъ собою главенства папы, отвѣчалъ совершеннымъ отказомъ. Но со времени вступленія Далмаціи въ составъ Австрійской имперіи бѣдные Сербы очутились беззащитными болѣе, чѣмъ когда либо. Число православныхъ и безъ того простиралось уже не болѣе 70,000, а на престолъ епископскій вступилъ такой архипастырь, который согласился предать и это малое стадо. Это былъ бѣглый Боснійскій монахъ Пачегурица, извѣстный подъ именемъ Бенедикта Кралевича. Онъ былъ возведенъ на епископскій престолъ еще французскимъ правительствомъ, но оказался вполнѣ пригоднымъ и для австрійскаго. Послѣднему было очень пріятно, что въ ново-пріобрѣтенной области находится такая личность, которая доставляла случай плотнѣе пришить новый лоску-

токъ къ той ветхой одеждѣ, какую представляла въ себѣ Австрія. Когда австрійское правительство заручилось согласіемъ Кралевича привести народъ къ уніи, оно, опасаясь, какъ бы письменное сношеніе не обнаружило преждевременно ихъ дѣла, сочло нужнымъ вызвать для этой цѣли Кралевича въ Вѣну. Но какъ это путешествіе могло также дать поводъ къ толкамъ, то выдуманъ былъ благовидный предлогъ, именно: подтвержденіе наполеоновскаго указа объ устройствѣ давно желаемой Далматинцами семинаріи. Въ письмѣ министра Саурау отъ 26-го августа 1818 года, по этому поводу, было прибавлено, что издержки на поѣздку будутъ уплачены правительствомъ, на каковыя повелѣно было получить отъ губернатора Томашича 1,000 фр. Народъ, ничего не подозрѣвая, съ восторгомъ смотрѣлъ на поѣздку своего архипастыря, такъ радѣющаго о просвѣщеніи духовенства. Прибывъ въ Вѣну, Кралевичъ представилъ императору планъ постепеннаго обращенія православныхъ въ унію, а въ Далмацію послалъ циркуляръ, которымъ объявлялъ, что императоръ просьбу его о семинаріи милостиво принялъ и что семинаріи будутъ устроены по указу Наполеона. При этомъ онъ предписывалъ совершить по всѣмъ церквамъ молебствіе о здравіи императора Франца I. такъ милостиво радѣющаго о православномъ народѣ. Народъ съ неописанною радостію принялъ это извѣстіе и когда Кралевичъ возвратился въ Далмацію, то встрѣтилъ его съ тріумфомъ, какъ благодѣтеля народа. Радость была, однако, непродолжительна. Кралевичъ дѣйствительно тотчасъ приступилъ и къ поправкѣ дома училищнаго и къ устройству семинаріи,

но только не въ томъ духѣ, какъ желалъ народъ. Последній съ удивленіемъ смотрѣлъ, что въ наставники для духовнаго юношества избраны были не православные пастыри, а четыре галицкихъ уніатскихъ священника, самыя имена которыхъ, какъ уніатскія, были противны народу. Радость смѣнилась скорбію и тревожнымъ ожиданіемъ чего-то недобраго. Въ народѣ начали появляться ропотъ и недовольство на распоряженія епископа. Губернаторъ Томашевичъ, замѣтивъ, что народъ началъ относиться къ новымъ наставникамъ съ презрѣніемъ, строго предписалъ, чтобы противиться милости царской никто не смѣлъ и презирать учителей, поставленныхъ самимъ императоромъ, не дерзалъ. Покорный народъ, не имѣвшій еще ничего кромѣ подозрѣнія, жалобы свои прекратилъ и учители открыли свою училищную пропаганду. Дѣло пошло было уже успѣшно, но вотъ случилось какое обстоятельство: одинъ изъ архіерейскихъ діаконовъ, посвященный въ дѣла епископа, списалъ нѣкоторые акты и, съ великою для себя опасностію, показалъ ихъ нѣкоторымъ патріотамъ, а тѣ передали объ этомъ народу. Этотъ послѣдній, какъ сильно дорожившій своею святою вѣрою, пришелъ въ страшное негодованіе. Начались совѣты, что дѣлать. На первый разъ рѣшено было отъ епископа устно и письменно отрѣчься, а къ императору отправить письмо, въ которомъ выразить, что если уніатскіе священники будутъ продолжать учить, то ни одно дѣтище ихъ въ такой школѣ не будетъ, и при этомъ вѣрноподданнически просить, чтобы имъ дозволено было жить по той вѣрѣ, какую они всегда исповѣдывали, и пользоваться тѣми правами, какими пользуются другіе неуніатскіе

христіане. Потому ли, что императоръ не желалъ ничего сдѣлать, или потому, что губернаторъ неисправно просьбу передалъ, только она осталась безъ всякихъ послѣдствій. Не нашедши удовлетворенія у императора, православные обратились съ просьбой къ духовной главѣ,—это Карловицкому митрополиту Стефану Стратимировичу. Здѣсь жалоба выражена еще сильнѣе и мольба о помощи еще трогательнѣе. «Съ уязвленнымъ сердцемъ, съ смущеннымъ духомъ, съ глазами полными слезъ, взываемъ, писали они, къ вашему преосвященству, какъ взываемъ къ Богу: заступи, спаси, помилуй и сохрани Твоею благодатіею.» Они изложили ему, какъ бѣдственно было состояніе ихъ края безъ архипастыря, какъ радовались было они, когда получили его, и какъ горько разочаровались когда узнали его. Епископъ Венедиктъ, писали они, ни о епархіи, ни о консисторіи, ни объ училищахъ не заботится; онъ все попеченіе употребляетъ на латинянъ: помогаетъ ихъ проповѣдникамъ и музыкантамъ, мало того, самъ ходитъ ихъ слушать, совершаетъ колѣнопреклоненія и, по обычаю римскому, кропитъ себя при входѣ водою. Онъ издалъ постановленіе, чтобы при смѣшанныхъ бракахъ вѣнчанія совершалъ латинскій священникъ. Мы не смѣемъ даже проводить нашихъ покойниковъ до кладбища. Недавно онъ дозволилъ латинскимъ священникамъ отпѣвать сына Марка Марковича, который всегда былъ вѣроисповѣданія нашего православнаго, а на все это мы имѣли право еще много прежде, когда только что поступали подъ владычество Австріи. Онъ постоянно находится въ сообществѣ лицъ, явно враждебныхъ церкви православной; съ ними денно и нощно пи-

руетъ, пляшетъ, что соблазняетъ даже самыхъ латинянъ. Ужели же нашъ великій монархъ, давшій другимъ подданнымъ толерансъ, откажетъ намъ безъ всякаго повода, намъ, которые преданы царству его и въ 1809 г. много пострадали за это и жизнію и имуществомъ. И за какую же цѣну предалъ насъ Кралевичъ? Онъ предалъ за 2.000 фл., которые прибавили въ Вѣнѣ къ его жалованью и за 5.000 фл., которые дали ему на поѣздку. Но что особенно тяжко для насъ въ его умыслѣ:—это семинарія. Онъ выписалъ для нея четырехъ галицкихъ священниковъ, которымъ онъ нарочно далъ время на ращеніе бороды и на изученіе сербскаго языка. Преподаваніе ввелъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которыхъ народъ нашъ не знаетъ. Консисторію онъ хочетъ не прежде устроить, какъ выйдутъ изъ этого разсадника новые богословы, которые и займутъ тамъ всѣ мѣста. Онъ, Кралевичъ, похитилъ даже нашъ капиталъ, который милостивый императоръ утвердилъ за нами отъ бывшихъ французскихъ владѣній. Кромѣ того, онъ страшаетъ, что на службу царскую будутъ принимать не иначе, какъ только того, кто объявитъ себя уніатомъ; кто послѣ отречется, тотъ будетъ казненъ. Мы не думаемъ, чтобы все это было извѣстно императору. Мы особенно теперь боимся, какъ бы епископъ, не получая отъ насъ дѣтей, не прибѣгнулъ къ насилію, какъ бываетъ въ Турціи. Теперь онъ собираетъ пока сиротъ»! Вѣрные своему долгу, православные изъявляютъ митрополиту готовность лучше положить жизнь и имущество, чѣмъ перейти къ уніи и оставить законъ свой. Свою просьбу православные заключаютъ такъ:

«Утѣшьте, ахъ, утѣшьте, верховнѣйшій монархіи

архипастырю, превеликій милостивый, отче нашъ, утолите вашимъ посредничествомъ междоусобную брань нашу, пошлите, милостивый архипастырю, тихій и радостный отблескъ монаршей милости и росу свободы для угашенія огня, между нами горящаго. Верховный архипастырю и единовѣрный брате нашъ! Тайный дѣйствительный монарховъ совѣтниче! еще разъ умиленно просимъ умилосердиться о насъ, ибо мы утопаемъ, и какъ ап. Петръ ко Христу, вопіемъ тебѣ: спаси ны, да не погибнемъ, и обрати очи монарха на напасть нашу» ([1])!

Неизвѣстно почему, только и эта просьба осталась безъ послѣдствій. По всей вѣроятности, почтенный митрополитъ, хотя и сочувствовалъ своимъ братьямъ, но, зная намѣренія императора и двора, не надѣялся ничего достигнуть. Между тѣмъ начались преслѣдованія. Всѣхъ, кто выражалъ свое неодобреніе, объявляли какъ бунтовщиковъ и государственныхъ преступниковъ. Особенно много пострадало изъ духовенства и купечества. Такъ знаменитый архимандритъ Зеличъ, исправлявшій должность викарія, этотъ камень вѣры и другъ народа, за свое несогласіе съ образомъ дѣйствій епископа, былъ отъ должности удаленъ и жилъ въ Вѣнѣ подъ полицейскимъ надзоромъ до самой смерти. Многіе изъ православныхъ должны были бѣжать изъ Австріи. Таковъ между другими былъ Димитрій Давидовичъ, бывшій впослѣдствіи секретаремъ у сербскаго князя Милоша. Когда его спрашивали, почему онъ оставилъ Австрію, то

([1]) Всѣ приведенныя здѣсь свѣдѣнія заимствованы нами изъ изданной, на основаніи самыхъ вѣрныхъ актовъ, брошюры: „Преписка о уніи далматинскаго епископа Венедикта Кралѣвича съ аустрійскимъ правительствомъ“ у Бѣлограду 1863 г. Многое дополнено устными разсказами лицъ духовныхъ.

онъ прямо говорилъ, что вѣры оставить не можетъ, а правительство всѣхъ неуніатовъ преслѣдуетъ. Преступному намѣренію епископа Богъ не попустилъ совершиться. Народъ, выведенный изъ терпѣнія, нападалъ сперва на учителей, а потомъ хотѣлъ тоже сдѣлать и съ епископомъ, но тотъ бѣжалъ изъ Далмаціи и, послѣ скитальчества по разнымъ мѣстамъ, прибылъ въ Венецію, гдѣ и поселился, какъ заштатный митрополитъ. По разсказамъ одного почтеннѣйшаго епископа, онъ раскаялся въ своемъ поступкѣ. Такія же попытки были сдѣланы правительствомъ въ отношеніи къ православнымъ Русскимъ и Румунамъ въ Буковинѣ, но тамъ на епископскомъ престолѣ былъ, хотя и молодой, но твердый и непоколебимый въ вѣрѣ епископъ Евгеній Гакманъ, святительствующій и до сихъ поръ. Благодаря его стараніямъ и мѣрамъ, буря и здѣсь миновала.

На сколько православнымъ приходилось бороться за свою православную восточную вѣру, на столько же Галицкимъ уніатамъ за свой восточный обрядъ. Правда, возобновляя Галицкую митрополію, правительство давало, какъ будто, знать, что оно дѣйствуетъ въ интересахъ уніатовъ, но вѣдь и въ Далмаціи оно дѣйствовало подъ видомъ попеченія о просвѣщеніи. Умыселъ и здѣсь былъ другой, хотя и не такой преступный, какъ тотъ. Здѣсь оно дѣйствовало въ политическихъ интересахъ. Такъ какъ Галицкія уніатскія епархіи отдѣльнаго самостоятельнаго правленія не имѣли, то онѣ должны были стоять или въ непосредственной зависимости отъ папы, или отъ митрополіи Кіевской, съ которой соединены были прежде, или въ зависимости отъ Львовскаго латинскаго митрополита. Первыя двѣ зависимости сильно не пра-

вились правительству, какъ открывавшія доступъ чуждому иностранному вліянію, а послѣдней—не желали сами уніаты. Оставалось одно: — возстановить давно желаемую уніатами митрополію. 11 августа 1808 года Львовская митрополія была открыта, а 25 сентября того года вступилъ и въ управленіе новый митрополитъ Ягеллоновичъ на радость уніатамъ и на досаду полякамъ, сильно недовольнымъ устройствомъ митрополіи. Лишь только дѣятельность правительства выступала изъ области интересовъ политическихъ и вступала въ сферу духовныхъ интересовъ, она тотчасъ оказывалась на сторонѣ враговъ обряда. Явнымъ доказательствомъ этому служитъ его отношеніе къ назначенію совѣтника въ губернскую церковную коммиссію. Совѣтникъ этотъ и вездѣ важенъ, а для уніатовъ Галицкихъ, окруженныхъ польско-латинскою пропагандою, онъ былъ еще важнѣе. Онъ защищалъ всѣ ихъ церковные интересы, протестовалъ противъ оскорбленій, наносимыхъ обряду, словомъ,—это былъ защитникъ духовенства и обряда. Въ церковной коммиссіи, при Іосифѣ II, такъ и было, что наряду съ представителемъ латинскаго обряда былъ представитель и греческаго, но вотъ, когда подобная коммиссія была возстановлена при Францѣ І-мъ, въ ней оказалось одно латинское духовенство. Митрополитъ Ягеллоновичъ и епископъ Скородынскій протестовали было противъ этого, но ихъ протестъ уваженъ не былъ и обрядъ оставался или безъ защитника или получалъ такихъ, которые болѣе заботились объ его уничтоженіи. Таковъ былъ нѣкто Цейель. Многихъ усилій стоило также митрополиту замѣстить вакантныя мѣста достойными архипастырями. Поляки и Римъ, интересы которыхъ были тождественны, хлопотали о замѣще-

ніи ихъ базиліанскими монахами, которые всею душею были преданы и латинству и полякамъ, а правительство—о замѣщеніи своими креатурами. Такъ на престолъ Перемышльскій въ 1810 году же былъ назначенъ нѣкто Костицкій, человѣкъ крайне не благонадежный и только настоятельныя просьбы митрополита заставили императора отмѣнить рѣшеніе и назначить Левицкаго.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ о протестантахъ. Положеніе и ихъ было незавидное. Правда, на ихъ сторонѣ была либеральная партія, которая, по временамъ, оказывала имъ сильную поддержку, но что могла значить эта поддержка, когда дворъ относился къ нимъ съ крайнимъ недовѣріемъ. Въ законѣ отъ 9 ноября 1809 года говорилось: «со многихъ сторонъ извѣстно, что здѣсь и тамъ въ протестантскихъ школахъ, и на церковныхъ каѳедрахъ проповѣдываются такія религіозныя ученія, которыя отъ чистаго вѣроученія Аугсбургскаго и Гелветскаго вѣроисповѣданій уклоняются и по мѣстамъ содержатъ въ себѣ *тайный ядъ.*» Поэтому предписывалось всякую новизну удалять, а съ учителей и пасторовъ брать въ этомъ присягу. Вѣроятно, въ видахъ охраненія отъ упомянутаго яда, имъ запрещено посѣщеніе германскихъ университетовъ; въ замѣнъ ихъ, въ 1819 году, было основано высшее протестантское училище въ Вѣнѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, что правительство, въ видахъ охраненія цѣлости имперіи, обратилось вновь за помощію къ Римской церкви. Помогла ли ему эта союзница, скажемъ впослѣдствіи.

Діаконъ **А. Кудрявцовъ.**

Вѣна. 27 сент.

(*Продолженіе будетъ*.)

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Современное обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 4. С. 756-773.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Учрежденіе должности надзирателей въ семинаріяхъ. — Заботливость духовенства объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній. — Настоящее и прошедшее низшихъ духовныхъ училищъ. — Отчетъ о состояніи Московской духовной семинаріи.

Изъ обнародованныхъ въ недавнее время правительственныхъ распоряженій по вѣдомству духовноучебныхъ заведеній обращаетъ на себя вниманіе постановленіе, которымъ учреждается въ семинаріяхъ должность надзирателей изъ воспитанниковъ этихъ заведеній, окончившихъ курсъ въ первомъ разрядѣ. Опытъ учрежденія подобной должности былъ сдѣланъ въ Московской, Полтавской, подъ названіемъ репетиторовъ, и нѣкоторыхъ другихъ семинаріяхъ, и какъ видно изъ отчетовъ, удался вполнѣ. Это и было, вѣроятно, побудительною причиною распространить сдѣланный означенными семинаріями опытъ на всѣ семинаріи въ видѣ общей законодательной мѣры. Нельзя не сознаться, что, до учрежденія должности надзирателей, лица, исполняющія обязанности инспектора, должны были находиться въ немаломъ затрудненіи относительно вполнѣ успѣшнаго и сообразнаго съ требованіями устава исполненія этихъ обязанностей. Хотя въ наиболѣе многолюдныхъ семинаріяхъ по уставу назначаются помощники инспектора, но при 3—400

воспитанникахъ надзоръ за ними не можетъ не быть затруднителенъ. Оттого во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ инспектора и его помощниковъ, признано необходимымъ имѣть еще и надзирателей или воспитателей, которые, находясь въ ближайшемъ соприкосновеніи съ воспитанниками, имѣютъ полную возможность съ успѣхомъ слѣдить, какъ за учебными занятіями ихъ, такъ и за нравственнымъ ихъ состояніемъ и развитіемъ. Надобность въ подобномъ учрежденіи сознавалась еще при прежнихъ порядкахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но она сознавалась смутно и оттого удовлетвореніе ей на практикѣ приняло ошибочное направленіе, не только не приводившее къ полезнымъ результатамъ, но во многихъ отношеніяхъ портившее общій строй заведеній. Въ то время существовали, такъ называемые, старшіе изъ молодыхъ людей, нерѣдко мальчиковъ, сидѣвшихъ еще на ученической скамьѣ и обязанныхъ слѣдить за нравственностью и точнымъ выполненіемъ училищныхъ правилъ со стороны ихъ товарищей по воспитанію. Понятно, что въ подобномъ учрежденіи не могло быть ничего серьезнаго. Для того, чтобы нести съ успѣхомъ воспитательскія обязанности, нужно имѣть надлежащую воспитательно-педагогическую подготовку и пользоваться нравственнымъ авторитетомъ въ глазахъ воспитанниковъ. Ни того, ни другаго не было и не могло быть у «старшихъ». Оттого они держали себя по отношенію къ товарищамъ безъ всякаго умѣнья и часто обращались въ какихъ-то соглядатаевъ, ненавистныхъ для учениковъ и безполезныхъ для начальства. Донесенія ихъ начальству часто вызывались мелкими ученическими дрязгами и посѣ-

вали между воспитанниками одного и того же заведенія вражду, гибельно дѣйствовавшую на товарищескія отношенія. Съ одной стороны являлись высокомѣріе и самомнѣніе, съ другой — недовѣрчивость и антагонизмъ. Само начальство иногда не знало, какъ относиться къ тому или другому факту изъ ученической жизни и, вмѣсто того, чтобы имѣть руководительную нить для оцѣнки нравственныхъ качествъ своихъ воспитанниковъ, часто бывало сбиваемо съ толку и теряло точку опоры. Такимъ образомъ, заведеніе, вмѣсто того, чтобы представлять въ своихъ порядкахъ стройную систему, направленную къ одной цѣли — нравственному развитію ввѣренныхъ ему дѣтей, имѣло въ себѣ, напротивъ, нѣчто хаотическое, разрушительно дѣйствующее на нравственный складъ молодыхъ людей, и давало имъ фальшивую нравственную подготовку, съ которою потомъ они должны были выступать на жизненное поприще. Правда, отмѣненное новымъ уставомъ учрежденіе «старшихъ» не могло одно оказывать рѣшительнаго вліянія на нѣжныя дѣтскія натуры; но несомнѣнно, что, какъ продуктъ общаго строя духовно-учебныхъ заведеній въ прежнее время, оно имѣло свою значительную долю вреднаго вліянія на молодое поколѣніе и оказывало тѣмъ болѣе прискорбное дѣйствіе на молодыя натуры, что «старшіе» находились въ ежедневномъ соприкосновеніи съ надзираемыми, и, какъ капля, непрерывно долбили лучшія стороны ихъ нравственнаго организма, дѣлая въ немъ опасныя пробоины.

Пріятно сохранять убѣжденіе, что это, какъ и другія подобныя явленія, нынѣ окончательно устранено изъ организаціи духовно-учебныхъ заведеній. Ко-

нечно, и при совершившейся въ этой сферѣ реформѣ, какъ при всякой другой, намъ можетъ быть придется встрѣчаться съ фактами, идущими въ разрѣзъ съ основною мыслію реформы. Но не забудемъ, что ни одна реформа не искореняетъ съ перваго раза накопившихся въ долгій періодъ безпорядковъ и уклоненій отъ праваго пути. Зло, къ несчастію, цѣпко и упорно. Оно крѣпко держится въ почвѣ, въ которую время дало ему возможность пустить болѣе или менѣе глубокіе корни. Не разомъ сходятъ со сцены люди, руководившіеся иными принципами, дѣйствовавшіе при иной обстановкѣ. Встрѣчаются личности ограниченныя или злонамѣренныя, которыя вмѣняютъ себѣ въ, своеобразно понимаемый ими, долгъ тормозить правильное развитіе и примѣненіе новыхъ началъ. Но каждая реформа, основанная на здравыхъ началахъ, похожа на свѣжій воздухъ, пущенный обильною массою въ зараженную атмосферу. Первыя струи его теряются въ густотѣ преобладавшихъ дотолѣ міазмовъ, но затѣмъ непрерывный токъ свѣжихъ элементовъ постепенно разгоняетъ вредныя частицы зараженной атмосферы и, наконецъ, окончательно очищаетъ воздухъ. Мы увѣрены, что такъ будетъ и съ духовноучебной реформой, — иначе пришлось бы усомниться въ цѣлительной и всевозстановляющей силѣ добра.

Возвращаясь къ вопросу о надзирателяхъ изъ окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, мы не можемъ не остановиться вниманіемъ на упомянутомъ нами выше опытѣ подобнаго учрежденія въ Московской семинаріи. Мы уже замѣтили, что опытъ оказался неудачнымъ. По отчету ректора этой семинаріи за 1869—70 годъ, комнатные надзиратели находились при ученикахъ не-

отлучно: въ церкви при ежедневныхъ молитвахъ и богослуженіи, въ классахъ, какъ до прихода наставника, такъ и *при наставникахъ*, во время вечернихъ занятій, прогулокъ, обѣда, ужина и въ спальняхъ. Такое близкое и непрерывное пребываніе съ воспитанниками, вредное, какъ мы замѣтили выше при учрежденіи старшихъ, является совершенно съ иными результатами при учрежденіи комнатныхъ надзирателей. Будучи старше воспитанниковъ по возрасту, они не могутъ не обладать достаточною долею авторитета надъ ними, какъ окончившіе съ отличіемъ учебный курсъ и, по своимъ нравственнымъ качествамъ, которыми только и можетъ обусловливаться ихъ выборъ въ должность надзирателей. Эти два условія, въ соединеніи съ непрерывными указаніями инспектора и его помощниковъ, обезпечиваютъ правильность надзора и благотворность вліянія надзирателей на воспитанниковъ. Опытъ московской семинаріи представляетъ въ этомъ отношеніи весьма утѣшительныя данныя. Близость надзирателей къ воспитанникамъ давала имъ возможность ознакомиться съ привычками каждаго изъ нихъ и устранять изъ этихъ привычекъ то, что̀ въ нихъ могло быть дурнаго или вреднаго. Въ особенности неосторожныя или неприличныя слова, грубыя шутки и т. п., столь свойственныя молодымъ людямъ, не всегда видѣвшимъ въ дѣтствѣ добрые примѣры, и почти совершенно скрытыя отъ инспектора или его помощниковъ, такъ какъ въ присутствіи ихъ воспитанники по необходимости стараются быть сдержанными, не могли ускользать отъ вниманія надзирателей и прямо подпадали подъ ихъ благотворное вліяніе. Бывали случаи, что

само начальство поручало особенному наблюденію надзирателей воспитанниковъ, зараженныхъ дурными привычками, и результаты во всѣхъ подобныхъ случаяхъ оказывались благопріятными. И не одна чисто-воспитательная часть выигрывала при новомъ учрежденіи: надзиратели слѣдили также за учебными занятіями воспитанниковъ, помогали имъ въ усвоеніи уроковъ, просматривали и исправляли ихъ тетради, давали совѣты при составленіи переводовъ и сочиненій. Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ имъ приходилось самимъ обращаться иногда за совѣтами къ наставникамъ, но уже постоянное присутствованіе ихъ при урокахъ давало имъ возможность освоиваться съ объясненіями и требованіями учителей, и съ знаніемъ дѣла помогать воспитанникамъ въ ихъ учебныхъ работахъ. Наконецъ, надзиратели замѣняли въ нужныхъ случаяхъ отсутствующихъ наставниковъ, прочитывали имъ статьи, имѣвшіе отношеніе къ заданному уроку, и требовали отъ воспитанниковъ отчета въ прочитанномъ, или занимались съ ними повтореніемъ. Очевидно, что подобная постановка надзирательской должности не могла не быть полезною для учебно-воспитательнаго дѣла и отчетъ свидѣтельствуетъ, что новое учрежденіе принесло дѣйствительно благіе плоды.

Этотъ опытъ побудилъ, между прочимъ, педагогическое собраніе Самарской семинаріи ходатайствовать объ учрежденіи комнатныхъ надзирателей въ названномъ заведеніи, съ назначеніемъ имъ ежегоднаго жалованья въ 150 руб., съ квартирою и столомъ отъ семинаріи. Ходатайство это однакоже предупреждено послѣдовавшимъ отъ правительства распоряженіемъ,

такъ что теперь всѣ семинаріи поставлены въ возможность примѣнить къ дѣлу воспитанія молодыхъ людей удачный опытъ московской семинаріи.

Вообще, какъ можно замѣтить изъ разныхъ отчетовъ о состояніи духовно-учебныхъ заведеній, въ средѣ послѣднихъ произошли многія измѣненія къ лучшему. Эти измѣненія, обязанныя своимъ происхожденіемъ сколько раціональности началъ, положенныхъ въ основу духовно-учебной реформы, столько же и добросовѣстному приведенію ея въ исполненіе со стороны различныхъ лицъ, приставленныхъ къ дѣлу, касаются всѣхъ сторонъ въ организаціи заведеній—учебной, воспитательной и экономической. Въ епархіальныхъ и отчасти губернскихъ вѣдомостяхъ мы находимъ многочисленныя данныя о съѣздахъ духовенства, на которыхъ, согласно уставу, обсуждаются свѣдѣнія о состояніи заведеній и принимаются мѣры къ улучшенію ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Съѣзды эти представляютъ много фактовъ самаго горячаго участія духовенства въ судьбѣ своихъ заведеній. Въ большинствѣ епархій духовенство стѣсняется матеріальными средствами для приведенія всѣхъ намѣреній своихъ въ исполненіе, но оно неустанно заботится о томъ, чтобы преодолѣть всѣ трудности, возникающія въ этомъ отношеніи. Такъ напримѣръ, на епархіальномъ съѣздѣ духовенства Уфимской епархіи, бывшемъ въ послѣднихъ числахъ ноября минувшаго года, возникъ вопросъ о томъ, чтобы привлечь къ участію въ помощи на нужды учебныхъ заведеній духовенства каѳедральный соборъ и женскіе монастыри, не вносившіе дотолѣ никакой суммы въ пользу этихъ заведеній. Съѣздъ принялъ при этомъ въ соображеніе, что

духовенство для каѳедральнаго собора и женскихъ монастырей также необходимо, какъ и для другихъ церквей, и что дѣти этого духовенства воспитываются, наравнѣ съ дѣтьми прочаго епархіальнаго духовенства, въ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ. На этомъ основаніи съѣздъ признавалъ справедливымъ, чтобы и каѳедральный соборъ и женскіе монастыри вносили на этотъ предметъ тѣ же 11% съ получаемыхъ ими доходовъ, кромѣ свѣчныхъ, какіе вносятся на тотъ же предметъ и другими церквами. Неизвѣстенъ результатъ такого рѣшенія Уфимскаго духовенства, но вѣрно то, что рѣшеніе это вполнѣ справедливо. Мы думаемъ вообще, что никакая церковь не должна уклоняться отъ участія въ пожертвованіяхъ на дѣло образованія духовнаго юношества. Исключеніе можетъ быть дѣлаемо только въ единственномъ случаѣ— крайней бѣдности той или другой церкви. Что же касается до соборовъ и женскихъ монастырей, то большинство ихъ несомнѣнно обладаютъ средствами, которыя значительно облегчили бы дѣло матеріальнаго улучшенія духовно-учебныхъ заведеній, а съ нимъ связано и общее ихъ преуспѣяніе въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ.

Что духовно-учебныя заведенія наши дѣйствительно улучшаются, это видно и изъ заявленій, сдѣланныхъ на съѣздахъ духовенства, изъ отчетовъ, появившихся въ печати, пока еще въ ограниченномъ числѣ, и изъ частныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ по газетамъ.

На съѣздѣ Саратовскаго духовенства, бывшемъ въ декабрѣ минувшаго года, уполномоченные мѣстнаго духовно-училищнаго съѣзда заявили, что они присут-

ствовали при самомъ преподаваніи въ Саратовскомъ училищѣ и вынесли изъ классовъ отрадное впечатлѣніе. Ученики на вопросы наставниковъ отвѣчали очень хорошо и осмысленно, и наставники прилагаютъ все свое стараніе къ разумной и удобопонятной передачѣ свѣдѣній воспитанникамъ. Во время уроковъ ученики держали себя скромно и съ надлежащимъ вниманіемъ къ дѣлу, а на вопросы нѣкоторыхъ депутатовъ давали отвѣты безъ видимаго замѣшательства, развязно и толково. Относительно хозяйственной части уполномоченными замѣчено, что она находится въ удовлетворительномъ состояніи: въ жилыхъ помѣщеніяхъ замѣтны, противъ прежняго времени, большая опрятность и чистота; пища воспитанниковъ вкусная, здоровая и питательная, и вообще относительно хозяйства по училищу, при настоящихъ средствахъ округа, лучшаго пока желать нельзя.

Если мы сопоставимъ такой отзывъ о Саратовскомъ училищѣ, по справедливости примѣнимый ко многимъ другимъ училищамъ съ прежнимъ ходомъ дѣлъ въ тѣхъ же заведеніяхъ, то намъ останется только радоваться за ихъ видимое преуспѣяніе. Въ прежнее время, духовныя училища находились въ особенно жалкомъ положеніи. Семинаріи были счастливѣе: все-таки на нихъ было обращаемо чаще вниманіе епархіальнаго начальства, которое часто находилось вблизи ихъ; наставники и начальствующіе были люди академическаго образованія; самыя матеріальныя средства семинарій, несомнѣнно скудныя, были значительнѣе средствъ училищныхъ. Все это давало имъ нѣкоторое преимущество предъ училищами, и даже при хорошемъ личномъ составѣ учебно-воспита-

тельной корпораціи, дѣлало не столь чувствительными обуревавшіе ихъ недостатки. Въ училищахъ, можно сказать почти безошибочно, не было ни какихъ гарантій къ правильному веденію учебно-воспитательнаго дѣла. Недостатокъ образованія, отсутствіе контроля и положительная нищета начальствующихъ и преподавателей, уничтожали всякую возможность дѣлать что нибудь дѣйствительно полезное для ввѣренныхъ попеченію ихъ дѣтей. Не только никто не хотѣлъ и не могъ думать объ умственномъ развитіи дѣтей, но дѣлалось даже гораздо проще: учителя просто не ходили въ классъ, или являлись на четверть часа, чтобъ задать уроки или совершить экзекуцію. Воспитательная часть вела не къ развитію добрыхъ началъ нравственности въ воспитанникахъ, но къ ихъ искаженію и истребленію. Во-первыхъ, поведеніе самыхъ учащихъ нерѣдко служило соблазномъ для молодыхъ людей, ввѣренныхъ ихъ руководству; затѣмъ, суровость обращенія, превращавшаяся иногда въ жестокость, не останавливавшуюся ни предъ чѣмъ и казнившую съ плеча мнимыхъ или дѣйствительныхъ преступниковъ, наконецъ вымогательства съ родителей, отражавшіеся,—въ случаѣ слабаго успѣха этой операціи,—на ихъ дѣтяхъ, все это было далеко отъ того, чтобы удержать дѣтскую натуру, нерѣдко чуждую всякой порчи при вступленіи въ заведеніе, на надлежащемъ пути.

Отчетъ Московской семинаріи представляетъ въ себѣ много чрезвычайно интересныхъ данныхъ для оцѣнки учебновоспитательной дѣятельности этого заведенія. Пропуская свѣдѣнія о состояніи собственно учебной части семинаріи, съ которой мы отчасти познакомили

выше читателей, мы останавливаемся на томъ отдѣлѣ отчета, который трактуетъ о состояніи воспитательной части. Эта часть свидѣтельствуетъ о вполнѣ раціонномъ и соотвѣтствующемъ современнымъ педагогическимъ требованіямъ отношеніи семинаріи къ дѣлу нравственнаго воспитанія молодыхъ людей. Видно, что семинарія смотрѣла на своихъ воспитанниковъ, не какъ на сырой и мертвый матеріялъ, годный для грубаго обтесыванія его при помощи допотопныхъ педагогическихъ пріемовъ, но какъ на живыхъ субъектовъ, имѣющихъ право на вполнѣ гуманное съ ними обращеніе. Начать съ того, что педагогическое собраніе озаботилось составленіемъ ясныхъ и опредѣленныхъ правилъ поведенія воспитанниковъ, которыя въ литографированномъ видѣ были *розданы каждому изъ нихъ лично*, съ надлежащими устными поясненіями со стороны ректора. Такимъ образомъ, воспитанники имѣли этотъ кодексъ нравственныхъ правилъ передъ глазами и имѣли возможность вполнѣ ознакомиться съ ними и изучить сущность требованій, которыя предъявлялись имъ со стороны воспитателей. Жизнь и порядокъ занятій учениковъ опредѣлены въ нихъ въ такомъ видѣ, что, устраняя въ воспитанникѣ все, что могло бы вести его къ безпечности, невниманію къ своимъ обязанностямъ и своеволію, предписываемыя правила устраняютъ и другую опасность— избытокъ сухаго и безжизненнаго формализма. При этомъ члены педагогической корпораціи старались содѣйствовать нравственному развитію учениковъ живыми бесѣдами или объясненіями съ ними при разныхъ случаяхъ, не пропуская безъ замѣчаній проявленія въ нихъ какихъ нибудь нехорошихъ

сторонъ, и вліяли на нихъ собственнымъ примѣромъ.

Относительно проступковъ воспитанниковъ принимались мѣры строгости, но не такія, которыя въ былую пору составляли единственный способъ обращенія заблудшихъ на истинный путь и которыя никогда, конечно, не достигали цѣли, оказывая на воспитанниковъ противоположное дѣйствіе, а мѣры гуманныя, при которыхъ никогда не опускалось изъ виду человѣческое достоинство виновныхъ. Было, напримѣръ, пять случаевъ нетрезвости между воспитанниками, этотъ печальный остатокъ старины, и одинъ случай оскорбленія комнатнаго надзирателя 12-ю воспитанниками,—проступки чрезвычайно важные въ учебномъ заведеніи. Въ старину судъ надъ всѣми этими преступниками былъ бы коротокъ: ихъ всѣхъ одновременно исключили бы изъ заведенія, можетъ быть совершивъ надъ ними предварительную экзекуцію, — способъ легкій и быстрый. Но нынѣшнія заведенія понимаютъ свою задачу иначе. Они сознаютъ, что на нихъ лежитъ великая обязанность—воспитывать молодое поколѣніе и, исправлять его отъ недостатковъ, дѣлать изъ него людей лучшихъ. Такимъ именно сознаніемъ проникнута Московская семинарія, и она, ничтоже сумняся, приступила къ исправленію провинившихся путемъ современно-педагогическимъ. Лишивъ наиболѣе виновныхъ казеннаго содержанія, педагогическое собраніе всѣмъ уменьшило баллы изъ поведенія, сдѣлало имъ выговоры и о поступкѣ одного извѣстило родителей; только одинъ изъ провинившихся первой категоріи былъ исключенъ изъ семинаріи, вѣроятно, вслѣдствіе замѣченной со стороны его неис-

правимости. Какой же былъ результатъ всѣхъ этихъ мѣръ? Тотъ, что впослѣдствіи всѣ провинившіеся держали себя такъ исправно, что къ концу учебнаго года оказалось возмòжнымъ возвратить имъ прежнія баллы поведенія, и затѣмъ, благодаря усиленному предупреждающему надзору инспекціи, а также лучшей постановкѣ ученической библіотеки, заведенію по возможности нѣкоторыхъ гимнастическихъ игръ и наконецъ строгимъ предписаніямъ высшаго начальства относительно важныхъ проступковъ, случаи нетрезвости болѣе не повторялись. Отчетъ весьма вѣрно замѣчаетъ по этому поводу, что печальныя увлеченія нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей совершенно случайны, а отнюдь не составляютъ положительной и закоренѣлой порочности, что было бы необъяснимо въ такихъ лѣтахъ ни психологически, ни физіологически; потому увлеченія эти тотчасъ же исчезаютъ, какъ скоро молодая натура, жаждущая дѣятельности, направляется въ другую, лучшую сторону, и свободное время воспитанника занимается предметами, возбуждающими его любознательность, или доставляющими ему пріятное развлеченіе. Такъ понимать свойства молодой натуры и дѣло воспитательнаго руководства ею—значитъ быть истиннымъ педагогомъ и мы, не обинуясь, вмѣняемъ это въ заслугу педагогическому собранію Московской семинаріи.

Укажемъ еще на средства развитія и поддержанія религіознаго настроенія въ воспитанникахъ, принятыя Московскою семинаріею. Начальство семинаріи стремилось, въ этой важной сферѣ воспитанія, къ тому, чтобы религіозныя упражненія воспитанниковъ были исполняемы съ живымъ и яснымъ сознаніемъ ихъ

важности, въ особенности нужнымъ для питомцевъ духовной школы, какъ будущихъ кандидатовъ священства и нравственныхъ руководителей народа. Такое воззрѣніе на дѣло религіознаго воспитанія весьма раціонально и можетъ дѣйствительно привести къ благотворнымъ результатамъ. Дѣло это чрезвычайно важно и нужно сколь можно отчетливѣе уяснить себѣ и цѣль, къ которой должно стремиться, и средства, которыми можетъ быть достигнута эта цѣль. Религіозность, болѣе, чѣмъ какая нибудь сторона въ духовной жизни человѣка, должна исходить изъ сознанія и внутренняго чувства. Слѣдовательно, здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, позволительно дѣйствовать путемъ принужденія или искусственнаго возбужденія. Здѣсь нужны своего рода тактъ и особенная осторожность. Въ старину къ этому дѣлу относились слишкомъ грубо, слишкомъ внѣшнимъ образомъ. Принудительная система господствовала надъ всѣми соображеніями. Отчего внѣшнее благочестіе и лицемѣріе между воспитанниками духовно-учебныхъ заведеній были явленіемъ весьма нерѣдкимъ, а уклоненіе отъ исполненія христіанскихъ обязанностей имѣло даже видъ какого-то геройства и ставило мнимыхъ свободомыслителей на пьедесталъ между товарищами, оказывая въ тоже время самое вредное вліяніе даже на тѣ натуры, которыя вынесли изъ отеческаго дома истинно благочестивое настроеніе. Неопустительное присутствіе при богослуженіи въ воскресные и праздничные дни, участіе казеннокоштныхъ воспитанниковъ всѣхъ классовъ въ церковномъ пѣніи и воспитанниковъ двухъ старшихъ классовъ въ чтеніи и исполненіи служебныхъ обязанностей въ алтарѣ, воспитанниковъ же

шестаго класса и въ сказываніи проповѣдей и проч. ставили воспитанниковъ въ непрерывное соприкосновеніе съ священными предметами и дѣйствіями и освоивали ихъ со всею обстановкою богослуженія. Это соприкосновеніе не могло оставаться безъ вліянія на внутренній духовный строй молодыхъ людей и религіозное развитіе должно было находить здѣсь обильную для себя пищу. Но, повторяемъ, для достиженія этихъ благотворныхъ результатовъ нужно живое и ясное сознаніе важности христіанскихъ обязанностей, и именно на пробужденіе и развитіе этого сознанія употребляемы были усилія воспитателей въ Московской семинаріи.

Есть еще одна значительная сторона въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія юношества, — это вѣжливость, благоприличіе и опрятность. Въ этомъ отношеніи прежніе воспитанники духовно-учебныхъ заведеній оказывались далеко несостоятельными и подвергались справедливымъ упрекамъ. Неопрятность ихъ обусловливалась впрочемъ общею обстановкою заведеній, скудныхъ средствами и разобщенныхъ съ міромъ. Имъ негдѣ было заимствовать образцовъ благоприличія, а изъ своихъ на эту сторону воспитанія никто не хотѣлъ или не могъ обратить должнаго вниманія. Еще въ домашней обстановкѣ дѣти духовныхъ лицъ, въ особенности живущихъ посреди крестьянъ, свыкались съ неряшествомъ и эту привычку приносили съ собою въ заведеніе, а здѣсь не дѣлалось ничего для ея искорененія. Съ такою привычкою воспитанники выходили изъ заведенія, вступали въ жизнь и, въ свою очередь, передавали ее слѣдующимъ поколѣніямъ. Какъ ни мелко, повидимому, это обстоятельство, но

оно не оставалось безъ вліянія на самыя отношенія между духовенствомъ и обществомъ и нерѣдко служило препятствіемъ къ сближенію между ними. Точно также отсутствіе вѣжливости и свободы обращенія въ воспитанникахъ духовно-учебныхъ заведеній клало на нихъ особую, замѣтную печать: они были или угловаты въ своихъ манерахъ, или излишне застѣнчивы и неловки, или впадали въ другую крайность—были грубы и дерзски. И эти недостатки, конечно, были отцовскимъ наслѣдіемъ духовныхъ воспитанниковъ, но эти недостатки не трудно было бы уничтожить, если бы заведенія, въ которыхъ они проводили отъ 8 до 12 лѣтъ самой лучшей поры своей жизни, обращали на эту сторону воспитанія подобающее вниманіе. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ было не такъ. Суровость обращенія начальствующихъ наводила на воспитанниковъ невольный страхъ и въ натурахъ мягкихъ производила забитость и неловкость, а въ характерахъ сильныхъ возбуждала сопротивленіе, обращавшееся въ грубость. Можно ли было называть нормальными отношенія между начальствующими и воспитанниками, когда послѣдніе трепетали даже предъ послѣднимъ изъ учителей, и при всякомъ появленіи начальника или испытывали лихорадочную дрожь, или, если было возможно, обращались въ бѣгство. Мы не говоримъ уже о неотразимомъ вліяніи этого запугиванія на молодыхъ людей, простиравшемся иногда на всю жизнь, вслѣдствіе чего иной изъ бывшихъ воспитанниковъ духовно-учебнаго заведенія до гробовой доски испытывалъ какой то болѣзненный и невольный страхъ предъ высшими себя; но мы спросимъ: при такомъ взаимномъ отношеніи между воспитателями и

воспитанниками, возможно ли благотворное вліяніе первыхъ на послѣднихъ и есть ли тутъ малѣйшая тѣнь воспитанія? А между тѣмъ, ничего не было легче и вмѣстѣ ничего благовременнѣе, какъ искоренить въ воспитанникѣ недостатки его первоначальнаго воспитанія въ этомъ отношеніи, во время его пребыванія въ заведеніи, особенно закрытомъ. Непрерывное, благосклонное и мягкое обращеніе съ воспитанниками, разумѣется, не чуждое и твердости въ потребныхъ случаяхъ, было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ переработать огрубѣвшія натуры и сдѣлать изъ нихъ людей, свободныхъ безъ дерзости и кроткихъ безъ самоуничиженія, и какими добрыми результатами отозвалось бы это для духовенства въ жизни! По счастію, необходимость гуманныхъ отношеній къ воспитанникамъ сознана въ наше время въ духовно-учебныхъ сферахъ, существенныя указанія по этому предмету внесены въ уставъ, а просвѣщенныя начальства принимаютъ мѣры къ примѣненію этихъ указаній къ своей воспитательной дѣятельности. Въ отчетѣ Московской семинаріи указываются въ этомъ отношеніи отрадные факты, и, конечно, и другія духовно-учебныя заведенія обращаютъ на эту немаловажную сторону воспитанія должное вниманіе.

Представляя вышеизложенные факты вниманію читателей, мы хотѣли только указать на тотъ благотворный переворотъ, который совершается нынѣ во внутренней жизни нашихъ духовно учебныхъ заведеній. Правильное воспитаніе духовнаго юношества имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для нашего православнаго общества, которому оно подготовляетъ истинныхъ пастырей. Религія есть существеннѣйшая

основа добра и правды въ мірѣ, и нѣтъ усилій, которыя бы не слѣдовало сдѣлать для того, чтобы дать провозвѣстникамъ религіозныхъ истинъ всю возможность къ благотворному воздѣйствію па нравственную область человѣческаго духа.

А. П.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.А. Чистович

Идея бессмертия в древне-греческой философии и в христианском мировоззрении

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 5. С. 775-790.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИДЕЯ БЕЗСМЕРТІЯ

въ древне-греческой философіи и въ христіанскомъ міровоззрѣніи.

(Нѣсколько словъ, сказанныхъ профессоромъ И. А. Чистовичемъ на диспутѣ 11 апрѣля 1871 г. передъ защищеніемъ докторской диссертаціи: Древне-греческій міръ и Христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка).

Предметъ, которому я посвятилъ мое изслѣдованіе, принадлежитъ одинаково научной и практической области. Вопросъ о безсмертіи и будущей жизни одинъ изъ тѣхъ коренныхъ вопросовъ, къ которымъ обращаются одинаково сердце и разумъ, вѣра и мыслящее сознаніе. Изъ этихъ двухъ сторонъ я могъ взять только одну *научную*. Но и въ научной сферѣ мое изслѣдованіе не есть ни психологическій трактатъ о безсмертіи, ни изложеніе богословско-догматическаго ученія о будущей жизни человѣка, но есть изслѣдованіе идеи безсмертія, какъ историческаго факта, изслѣдованіе о ея происхожденіи, о различныхъ формахъ ея выраженія въ древнемъ до-христіанскомъ мірѣ и наконецъ о той заключительной формѣ, какую оно получило въ христіанствѣ.

Показавши мою точку зрѣнія на предметъ, я прошу позволенія въ коротенькомъ очеркѣ изъяснить

тѣ основныя мысли, около которыхъ вращается мое изслѣдованіе.

1) Что касается до происхожденія идеи безсмертія въ смыслѣ историческаго факта или явленія, то отыскивая его мысль невольно обращается къ Востоку, который вообще можетъ быть названъ страною начала, почина.

Въ Европѣ, странѣ сравнительно новой, все (покрайней мѣрѣ въ элементарныхъ формахъ) идетъ съ Востока. Съ Востока идутъ религіи, съ Востока идутъ языки и зачатки культуры. Прежде чѣмъ загорѣлось образованіе на Западѣ, Востокъ уже имѣлъ за собою цѣлые вѣка умственной жизни. Греки, которые первые явились на исторической сценѣ Запада,—народъ сравнительно молодой въ отношеніи къ прошедшимъ вѣкамъ жизни Востока. Гомеръ, древнѣйшій греческій поэтъ, по общепринятому мнѣнію, не старше IX вѣка до Р. Х. Что это за древность передъ Востокомъ! Научныя изслѣдованія показали, что древнѣйшая Восточная культура была и широка и разнообразна. Области Турана и Ирана, потомъ область Инда и Ганга, страны при-эвфратскія въ Азіи и наконецъ страна пирамидъ были странами древнѣйшихъ цивилизацій, въ которыхъ развились древнѣйшія формы религіи и поэзіи, развилась наука въ ея разнообразныхъ направленіяхъ и примѣненіяхъ, развились искусство въ своеобразныхъ формахъ, техническія свѣдѣнія, относящіяся къ разнымъ областямъ жизни. Но эти цивилизаціи не составляютъ основы для европейской, ближайшимъ образомъ греческой цивилизаціи, не составляютъ историческаго момента въ ея развитіи. Нельзя сказать, что греки подвинули

впередъ, развили дальше Восточную цивилизацію: они развили *свою*, которая носитъ совсѣмъ другой типъ, имѣетъ другой складъ. Безъ сомнѣнія они соприкасаются съ нею въ первоначальное время и въ первоначальныхъ формахъ своего до-историческаго быта, потому что они пришли съ Востока и оттуда принесли первоначальныя формы ихъ быта и понятій, религію и языкъ: но эти формы относятся къ до-исторической эпохѣ, къ дѣтству греческаго народа. Въ этомъ отношеніи всѣ народы имѣютъ много общаго между собою, родственныя черты, которыя указываютъ на единство или взаимное соприкосновеніе ихъ въ древности. Но эти связи намъ почти не извѣстны. Онѣ рушились, порвались очень давно, судя по тому, на примѣръ, что выдѣленіе грековъ и италійцевъ отъ главнаго Арійскаго племени совершилось, какъ полагаютъ, за три тысячи лѣтъ до Р. Х. еще въ ту пору, когда индійскіе арійцы жили вмѣстѣ съ зендами, родоначальниками иранцевъ. Затѣмъ уже самыя первыя, сознательныя, историческія проявленія ихъ жизни носятъ другой отпечатокъ. развились изъ ихъ собственнаго духа и существенно рознятся отъ Восточныхъ.

Въ ту же пору, когда сношенія греціи съ Востокомъ возстановились и дѣлаются исторически-извѣстными, именно около VII в. передъ Р. Х., Западъ стоялъ уже несравненно выше Востока. Поздняя легенда заставляетъ древнихъ мудрецовъ и философовъ — Пиѳагора, Платона, Демокрита, Солона—учиться на Востокѣ; но она не имѣетъ за собою исторической достовѣрности. Сами восточные въ ту пору, на примѣръ, во время Платона, считали греческое образо-

ваніе новымъ. Одинъ египетскій жрецъ, въ Платоновомъ діалогѣ—говоритъ Солону: «Вы греки всегда останетесь дѣтьми; старикомъ грекъ никогда не бываетъ. И когда Солонъ спросилъ, что онъ подъ этимъ разумѣетъ, тотъ отвѣчалъ: вы всѣ люди новые, потому что не имѣете никакихъ старыхъ преданій, никакой древней мудрости, никакого отъ времени посѣдѣвшаго знанія. (Timaeus 22 B.)

Востокъ имѣлъ вліяніе на Западъ, на европейское образованіе, но уже позже и только одною стороною. Я разумѣю тѣ элементы, которые вошли въ христіанское образованіе изъ іудейства, хотя при этомъ долженъ сказать, что христіанство не было ни продолженіемъ, ни видоизмѣненіемъ іудейства, но развило сѣмена жизни совершенно новой. Такимъ образомъ, даже допуская, что на Востокѣ были какія бы-то ни было представленія о будущей жизни, я не видѣлъ побужденія къ изслѣдованію ихъ, такъ какъ они не имѣли вліянія на движеніе религіозной и философской мысли европейскихъ народовъ и стало быть остались за предѣлами исторіи.

2) Обращаюсь къ грекамъ. На полуостровѣ Греціи, который такъ малъ, что если даже присоединить всѣ острова, то получится площадь на одну треть меньше нынѣшняго королевства Португаліи, развилась первая западная, европейская цивилизація. Здѣсь мы видимъ совсѣмъ другой складъ ума и понятій, нежели на Востокѣ. Я не буду входить въ разсмотрѣніе причинъ этого различія. Для меня важно указать только на то, что здѣсь развились важнѣйшія понятія и учрежденія, сдѣлавшіяся элементами европейской цивилизаціи. Заслуга Греціи велика

во всемъ—въ религіи и философіи, въ искусствѣ и политикѣ. Изученіе ихъ не есть изученіе только первыхъ, нетвердыхъ шаговъ европейской жизни, незрѣлыхъ плодовъ европейской мысли: это есть изученіе перваго, сохраняющаго значеніе до сихъ поръ, типа европейской цивилизаціи, изученіе проявленій духовнаго творчества, до сихъ поръ и всегда родственныхъ европейскому духу.

Существенное, что отличаетъ греческую цивилизацію отъ азіятской, это развитіе *индивидуальности*, развитіе *личности*.

На Востокѣ лицо порабощено было, можно сказать даже поглощено было *общимъ* принципомъ, выражавшимся въ разныхъ формахъ—правительственнаго и жреческаго деспотизма, кастоваго раздѣленія, патріархализма съ святынею древнихъ обычаевъ, теократіи, и другихъ,—и охватывавшимъ жизнь на всѣхъ путяхъ, со всѣхъ сторонъ. Деспотизмъ этого принципа оковывалъ мысль, отрицалъ всякое движеніе, всякое развитіе и держалъ жизнь въ оцѣпененіи. Послѣдствіемъ его былъ фатализмъ, безучастное отношеніе къ жизни, роковое довольство тѣмъ, что посылаетъ судьба, безъ жалобы на свое состояніе и безъ надежды на перемѣну къ лучшему. Греція выдвинула и развила другой, противоположный принципъ, принципъ *индивидуальности*, личной свободы. Начало индивидуальности обезпечиваетъ движеніе мысли, движеніе—борьбу, борьба—свободу и прогрессъ. Западъ и Востокъ въ этотъ смыслѣ обозначаютъ собою не только географическія положенія, но и различныя степени культуры. Страна отходитъ отъ Востока или приближается къ Западу по мѣрѣ того,

какъ она развиваетъ въ себѣ принципъ личной свободы. При господствѣ этого принципа каждая даровитая личность вноситъ въ общее движеніе свои элементы; каждая старается отстоять свою независимость и нравственную самостоятельность противъ другихъ. Создаются разные типы, выступаютъ новыя формы, новыя начала; однѣ идеи смѣняются другими и жизнь постоянно обновляется притокомъ свѣжихъ силъ. Этимъ принципомъ, этою могучею основою цивилизаціи европейскій Западъ обязанъ Греціи.

Но Греція выработала его не вдругъ. Въ древнѣйшихъ своихъ формахъ греческая жизнь также примыкаетъ къ Востоку—своей родинѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Она должна была пройти, пережить ту ступень, на которой остановился Востокъ. Греки долго и много поработали надъ собою до тѣхъ поръ, пока не выработали понятій, сдѣлавшихся съ тѣхъ поръ общимъ достояніемъ образованной Европы. Для насъ, въ отношеніи къ нашему вопросу, любопытно взглянуть, какъ совершился этотъ процессъ въ сферѣ религіи и философіи.

Древнѣйшею религіею Грековъ было обоготвореніе грубой силы природы. Ураносъ и за нимъ Кроносъ—это суровые и жестокіе боги *природы*, представители темной силы, которая не только не терпитъ никакого сопротивленія, но не допускаетъ никакого отдѣльнаго существованія и уничтожаетъ свои порожденія вслѣдъ за ихъ появленіемъ на свѣтъ. Это—Востокъ во всей формѣ. Это—индійскій богъ Майя, играющій отдѣльными жизнями, какъ мыльными пузырями. Родись и умри, и въ уничтоженіи получи наказаніе за непозволенныя радости отдѣльнаго бытія. Въ древне-гре-

ческой философіи Анаксимандра, Ксенофана и Элейцевъ видимъ тоже явленіе. Существуетъ только *одно*, какъ высшій законъ, одно имѣющее право на бытіе: всякая множественность, всякая отдѣльная жизнь есть вражда противъ одного и должна погибнуть, и въ этомъ потерпѣть наказаніе за неправды личнаго бытія. Но свѣтлое греческое чувство не могло перенесть этого взгляда на жизнь, уничтожающаго всѣ радости жизни. Припомните хоть того же Ксенофана Колофонскаго, какъ онъ не могъ переварить своего принципа и всю долголѣтнюю жизнь мыкался по Гелладѣ, какъ чужой въ греческомъ мірѣ; припомните его болѣзненный стонъ: «куда ни посмотрю, все стягивается въ одно». Греческая жизнь объявила войну этому принципу и, хотя съ тяжелымъ, болѣзненнымъ процессомъ, освободилась наконецъ отъ этого, какъ бы чуждаго ему, міровоззрѣнія, свергла тяготѣвшее надъ нимъ иго, отвергла безсердечнаго Бога, который даетъ жизнь, но не даетъ счастья своимъ твореніямъ, своимъ порожденіямъ. Древній миѳъ говоритъ, что когда всепожирающій Кроносъ или Сатурнъ родилъ Зевса и хотѣлъ проглотить его, мать подсунула ему камень, а Зевса скрыла и воспитала тайно на островѣ Критѣ. Онъ объявилъ войну отцу, съ помощью титановъ низвергъ его съ престола и съ тѣхъ поръ тиранническое владычество Кроноса кончилось; наступило царство Зевса и Олимпійцевъ, господство политеизма, господство *индивидуальности* въ религіи, въ правительственной и соціальной жизни, въ философіи и искусствѣ. Началось гомеровское время. Въ чувствѣ этой побѣды греки не знаютъ мѣры своимъ радостямъ. Они ликуютъ какъ юноши, вышедшіе изъ-подъ грозной и

ненавистной опеки. Поэзія Гомера, первое проявленіе свободнаго греческаго духа, дышетъ ясностью весенняго утра, свѣжею зеленью полей, сбросившихъ ледяные покровы. Это радость, съ которою ничто не можетъ сравниться и которая имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Религія Зевса, веселая, открытая, истинно-греческая, вполнѣ соотвѣтствовала этому настроенію. Боги Олимпа шутили, рѣзвились, наслаждались жизнію какъ люди; люди слѣдовали примѣру боговъ и гелленская жизнь проходила, какъ веселый пиръ.

Но въ ту пору, какъ олимпійскіе боги пировали въ безпечности, явились соперники имъ. О-бокъ съ религіею Зевса и можно сказать въ нѣдрѣ ея появились тайныя религіозныя общества, образовались тайные культы и эти-то культы были и назывались *мистеріями*, таинствами. Появленіе ихъ относится къ промежутку времени между Гомеромъ и Персидскими войнами, къ срединѣ этого періода, около времени зарожденія греческой философіи.

Время, въ которое они появились, имѣетъ чрезвычайное значеніе въ греческой жизни, хотя о немъ существуютъ различныя мнѣнія. По взгляду однихъ это время, въ которое греческая жизнь подпала подъ чуждыя, именно восточныя вліянія; ровный и свѣтлый потокъ греческой жизни принялъ въ себя новые элементы, чуждые греческому сознанію, такъ что это время было временемъ упадка греческой жизни, помраченія греческаго духа. Мистеріи были восточными религіями, внѣшнимъ образомъ перенесенными на греческую почву. Они скрывались, потому что были чужія; но мало по малу овладѣвали полемъ и наконецъ

разлились по всей Греціи. Въ болѣе облагороженной формѣ взглядъ этотъ видоизмѣнился тѣмъ, что на мистеріи стали смотрѣть какъ на хранилища древнихъ преданій. Хотя они пришли въ Грецію съ Востока, но принесли съ собою древнія понятія, древнія истины о Богѣ и безсмертіи. Философія потомъ не выдумала этихъ истинъ, но заимствовала ихъ именно изъ тайнаго ученія мистерій. Этотъ взглядъ имѣлъ на своей сторонѣ такого знаменитаго символиста, какъ Крейцеръ. Изъ нашихъ соотечественниковъ раздѣлялъ его покойный графъ Уваровъ. Между тѣмъ наука выработала другой взглядъ на мистеріи и на время появленія ихъ въ Греціи, состоящій въ томъ, что разсматриваемое время послѣ Гомера до VII вѣка передъ Р. Х. было временемъ зарожденія величайшихъ понятій греческой мысли о божественномъ происхожденіи и духовной природѣ души, ея паденіи и необходимости искупленія; что эти понятія развились въ мистеріяхъ, но не вошли въ нихъ традиціоннымъ путемъ; что мистеріи были именно носителями этихъ понятій, откуда они перешли и въ философію; что они составляли для грековъ переходъ изъ дѣтства въ вѣкѣ просвѣщенія къ философіи, и были какъ бы философіею въ сферѣ или въ оболочкѣ религіи. Слѣдовательно и время это есть моментъ, и притомъ важнѣйшій, собственно греческой жизни, начало того движенія, которое приняло потомъ такіе широкіе размѣры.

Конечно мистеріи были протестомъ противъ народной вѣры. Усиленіе тайныхъ культовъ ясно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ и, слѣдовательно, о недостаточности религіи Зевса. Причину этой недостаточности угадать не трудно. Существеннымъ элементомъ

греческой религіи была чувственность; культы подняли господство духа и нравственнаго порядка. Пиръ чувственности не можетъ идти дальше этой жизни: культы противопоставили ей будущую жизнь, какъ цѣль для земной жизни. Вотъ въ чемъ состоитъ достоинство и заслуга мистерій. Такимъ образомъ впервые идея безсмертія возникла не въ нѣдрѣ народной религіи и не въ философскомъ мышленіи, но въ мистическихъ культахъ. По этому, если они и составляютъ упадокъ религіи въ ея опредѣленной формѣ, то въ то же время составляютъ торжество и являютъ силу греческаго духа, который возвелъ въ нихъ свое религіозное міровоззрѣніе на несравненно болѣе высокую ступень. Ошибочно было бы сказать, что они, какъ и философія впослѣдствіи, разрушали религію. Они отрицали старыя, отжившія формы, точно также, какъ юность отрицаетъ дѣтство, какъ мужескій возрастъ отрицаетъ юность. Они переводили мышленіе и чувство въ зрѣлый возрастъ пониманія и были выраженіемъ этого возраста и этой степени пониманія.

3) Ѳеологическое мышленіе, развившееся въ мистическихъ культахъ, было толчкомъ для мышленія философскаго. Первые философы почти сплошь примкнули къ мистеріямъ, но повели дѣло еще дальше. Философія уже имѣла передъ собою широкое и глубокое нравственное міровоззрѣніе. Важнѣйшія идеи, выработанныя греческимъ духомъ въ сферѣ религіи, проникли и въ философію и сдѣлались основою философскаго мышленія. Это—идеи божественнаго происхожденія души и паденія; взглядъ на жизнь, какъ на поприще и подвигъ очищенія и возстановленія первобытной чистоты; отсюда—идеи нравственнаго порядка;

и наконецъ идея безсмертія, какъ возвращенія души въ прежнее состояніе и возмездія за дѣла этой жизни. Такъ вопросъ о безсмертіи перешелъ изъ области религіозной въ область философіи.

Но усвоить догматъ религіозной вѣры философскимъ мышленіемъ, перевесть содержаніе религіознаго сознанія въ форму понятій—дѣло не легкое. Истина передъ очами; ее уже приняли вѣра и чувство; но *понять* ее, ввести въ формы мыслящаго сознанія—дѣло не легкое. И какъ часто истина по видимому отвергается, тогда какъ она вовсе не отвергается, а только не поддается объясненію, не укладывается въ разсудочныя формы.

Прежде всего ясно, что философія могла говорить о безсмертіи только тогда, когда человѣкъ выдѣленъ изъ всего остальнаго міра, какъ особое существо, которое имѣетъ особливую нравственную природу, когда онъ пересталъ быть только вещью между вещами; стало быть, когда въ немъ подъ чувственною оболочкою открыто начало, отличное отъ природы, начало, которое мы называемъ духомъ. Если можетъ быть рѣчь о безсмертіи, то только подъ условіемъ духа или о безсмертіи духа. Но идея духа появилась въ философіи не вдругъ. Въ древней философіи не было духа, ни въ формѣ конечнаго человѣческаго, ни въ формѣ безконечнаго божественнаго духа. Это не значитъ, что философія ихъ отрицала, но значитъ только, что философія не дошла до понятія о духѣ. Какъ же она изъясняла явленія, которыя мы производимъ отъ духа божественнаго и человѣческаго? Чѣмъ былъ для нея Богъ? Не отдѣльнымъ, надъ-мірнымъ существомъ, но частью, жизнью міра, или—порядкомъ, закономъ міра,

умственнымъ представленіемъ міровой законосообразности. Сообразно съ этимъ и то, что мы называемъ человѣческимъ духомъ, было не отдѣльнымъ существомъ въ человѣкѣ, но частью міра или, въ менѣе грубой формѣ, идеею порядка въ человѣческой жизни. У Ѳалеса онъ есть вода, у Анаксимена воздухъ, у Гераклита—часть огненной сущности, разлитой въ мірѣ. Слѣдовательно духъ божественный и человѣческій сливаются съ общею жизнію міра и какъ бы разлиты въ мірѣ. Наша разумность находится въ тѣсной зависимости отъ общей разумности міра, т. е. отъ міроваго огня. Когда наши чувства открыты для принятія его, то мы становимся разумными; когда разобщаемся съ нимъ, закрываемъ чувства какъ двери, то въ насъ погасаетъ разумный огонь. Ясно, что тутъ не могло быть и рѣчи о безсмертіи духа, потому что такого существа не было. За тѣмъ начинается въ философіи процессъ, такъ сказать, образованія духа, т. е. образованія понятія о духѣ, какъ существѣ высшемъ природы и управляющемъ ею. Эта разлитая повсюду міровая разумность начала собираться и сосредоточиваться въ отдѣльныя духовныя существа. Первою ступенью такой собранности или сосредоточенности и первою формою духовнаго бытія явилась *душа міра*. Это уже нѣчто отличное отъ міра, хотя и проникающее собою весь міръ, не отвлеченная идея міроваго порядка, но живое начало этого порядка въ мірѣ. Она одушевляетъ міръ и управляетъ имъ. Міръ есть великое одушевленное существо. Все разумное въ мірѣ, вся правильность и закономѣрность его дѣйствій возведена къ душѣ міра, какъ къ своему ближайшему основанію. На этой ступени представленія

человѣческія души суть пока еще части этой мировой души. Очевидно, что и тутъ еще не могло быть рѣчи о безсмертіи человѣческаго духа. Наконецъ Платонъ отдѣлилъ человѣческую душу отъ міровой души, какъ свободную и нравственно-отвѣтственную сущность. Такъ, мало по малу, душа сознана и понята, какъ особливая, нравственно-свободная сущность въ мірѣ, и безсмертіе сдѣлалось существенною формою ея бытія. Жизнь и смерть проходятъ и переходятъ одна въ другую, но въ центрѣ этого движенія остается душа, какъ неизмѣнно-пребывающее начало.

Мы дошли до заключительнаго слова греческой философіи: но оно не было тѣмъ, чего желалъ и можетъ желать человѣкъ. Человѣкъ желаетъ личнаго безсмертія; но безсмертіе духа еще не есть безсмертіе лица. Понятіе лица обнимаетъ собою все содержаніе жизни духа, связанное единствомъ и тождествомъ сознанія. Для меня вовсе не желательно безсмертіе, въ которомъ я перестану быть тѣмъ же лицомъ, потому что это буду ужъ не я. Но точно также меня мало удовлетворило бы и то безсмертіе, въ которомъ сберeглись бы только пріобрѣтенія моей умственной жизни подъ формою понятій; но потерялось бы все то, чѣмъ эти понятія прикрѣплены къ жизни— воспоминанія, чувства, привязанности и проч. Между тѣмъ греческая философія этой идеи, идеи лица, невыяснила и отъ того безсмертіе ея безжизненно. Признавая Божественное происхожденіе души и ея высокое предназначеніе, философія сосредоточила эти качества не вообще въ душѣ, а въ той одной, хотя и высшей части ея, которая какъ сама происходитъ изъ сверхчувственнаго міра, такъ и обращена къ

этому міру. Два великіе философа древности—*Платонъ* и *Аристотель* — производятъ отъ Бога только *умъ* — Платонъ, какъ силу познанія и дѣятельности; Аристотель только какъ силу познанія вѣчныхъ истинъ. То, что мы называемъ областью сердца и желаній— воспоминанія и привязанности,—эта измѣнчивая, но въ тоже время самая привлекательная сторона жизни, отнесена къ смертной душѣ и погибнетъ вмѣстѣ съ нею. Такимъ образомъ воспоминаніе небеснаго переходитъ въ жизнь вмѣстѣ съ душою и оживляетъ ее, но воспоминаніе земнаго, привязанности, желанія, не переходятъ въ небесную жизнь. Это у Платона. Аристотель съузилъ еще болѣе сферу вѣчнаго въ человѣческомъ духѣ. Поставивши нравственную дѣятельность человѣка въ зависимость не отъ ума, но отъ благоразумія, онъ сосредоточилъ первый только на теоретическомъ познаніи и усвоилъ вѣчное бытіе только тому, что составляетъ сферу понятій, область спокойнаго и безстрастнаго созерцанія. Такимъ образомъ безсмертіе усвоено не только не всему человѣку, но даже и не всей душѣ, но только уму. Это безсмертіе не духа, но понятій, отвлеченныхъ образовъ, отвлеченнаго мышленія, если угодно — философіи, но не жизни. На этомъ закончила древняя философія въ отношеніи къ нашему вопросу.

4) Заслуга греческаго міра велика. Онъ отдѣлилъ душу отъ природы, возвысилъ ее надъ природою, указалъ ей иное назначеніе и иную судьбу. Сознаніе того, что возвышаетъ душу, всегда было присуще греческому уму. Въ томъ числѣ идея безсмертія была одною изъ свѣтлыхъ звѣздъ на горизонтѣ греческаго міра. Но онъ не выяснилъ вполнѣ идеи лица, откуда

и произошла его односторонность. Тѣмъ въ большемъ величіи является предъ нами христіанство, которое признало права человѣческаго сердца и не только не сравняло его съ теоретическою стороною, но въ нѣкоторомъ отношеніи даже возвысило его надъ этою стороною по его значенію въ духовной жизни, и самаго Бога назвала не созерцающимъ умомъ, но любовью — названіемъ заимствованнымъ отъ свойствъ сердца.

Сообразно съ этимъ христіанство усвояетъ безсмертіе всему человѣку, не только уму, но и сердцу и его привязанностямъ, распространяя его притомъ и на тѣло, какъ на необходимо соединенное съ духомъ въ понятіи человѣка и участника его нравственныхъ подвиговъ.

Такимъ образомъ къ великимъ усиліямъ хотя и слабаго человѣческаго ума пришло на помощь слово Божіе. Истина естественнаго ума получила освященіе божественное. Надежды сердца нашли опору въ голосѣ вѣры, имѣющемъ авторитетъ божественный.

Вѣчно стремящійся къ свѣту истины и добра человѣческій духъ назадъ нейдетъ и не отказывается отъ того, что одинъ разъ, послѣ долгихъ, вѣковыхъ трудовъ и усилій, онъ понялъ и принялъ какъ истину. Онъ никогда не откажется, онъ не можетъ отказаться и отъ безсмертія въ полномъ смыслѣ христіанскаго понятія о немъ. Тѣ явленія, въ особенности новой философіи, которыя имѣютъ, по видимому, отрицательный характеръ въ отношеніи къ этой истинѣ, показываютъ только недостаточность принциповъ, которыми различные философы хотятъ обнять и объяснить всю полноту бытія — конечнаго и безконечнаго. Но

изъ односторонностей слагается доступная уму полнота истины и отрицательные пути, если только они идутъ изъ пытливаго ума, а не изъ сердца порочнаго, столько же ведутъ къ одной и той же цѣли—къ истинѣ, какъ положительные.

Вотъ тѣ мысли, которыя я счелъ долгомъ изложить въ изъясненіе и оправданіе основныхъ положеній моего сочиненія, съ которыми имѣю честь явиться на вашъ судъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.Л. Катанский

Об историческом изложении догматов

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 5. С. 791-843.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ ДОГМАТОВЪ [1].

I.

На протестантскомъ и даже отчасти на католическомъ западѣ въ настоящее время наука Догматическаго Богословія имѣетъ видъ во многомъ отличный отъ того, какой она имѣетъ на православномъ востокѣ и въ частности у насъ. Между тѣмъ, какъ у насъ Догматическое Богословіе доселѣ еще удерживаетъ характеръ одного цѣлаго, не распавшагося на части, на протестантскомъ и католическомъ западѣ эта наука давно вступила на путь расчлененія, обособленія составныхъ ея частей и въ настоящее время переживаетъ эпоху быстраго и успѣшнаго роста и развитія этихъ ея отраслей, получившихъ самостоятельное существованіе. Не говоря уже о выдѣленіи изъ нея Основнаго Богословія, такъ недавно у насъ еще сливавшагося съ Догматикою и только въ самое послѣднее время получившаго видъ самостоятельной науки, благодаря труду Пр. Макарія,—наука Догматическаго Богословія распадается на западѣ на слѣдующія главныя части: 1) на собственно Догматическое Богословіе и 2) Исторію догматовъ. Догматическое Богословіе имѣетъ видъ подобный на-

(1) См. § 112 устава Дух. Акад.

шимъ догматикамъ, т. е. въ ней на первомъ планѣ стоятъ догматическія положенія, раскрываемыя изъ Св. писанія и Св. преданія и изъ началъ разума, съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ того или другаго, или третьяго элемента, смотря по тому, къ католической или протестантской сторонѣ принадлежитъ данное сочиненіе и по личному направленію сочинителя. На ряду съ этого рода произведеніями, болѣе или менѣе близкими по методу къ нашимъ догматикамъ, идетъ рядъ произведеній, носящихъ названіе Исторій догматовъ. Въ послѣднее время западъ особенно полюбилъ этотъ методъ, пріемъ изслѣдованія; тамъ появляется особенно много историко-догматическихъ трудовъ, не имѣющихъ ничего себѣ подобнаго въ нашей литературѣ. Исторіи догматовъ, въ свою очередь, подраздѣляются на исторіи догматовъ періода библейскаго и отеческо-церковнаго. Первыя, начавшія появляться со второй половины XVIII вѣка ([1]), обыкновенно носятъ названія: *Библейскаго Богословія Ветхаго и Новаго Завѣта, Библейской Ветхозавѣтной и Новозавѣтной Догматики, Богословія Ветхаго и Новаго Завѣта, Новозавѣтнаго и Ветхозавѣтнаго ученія* и др. разнообразныя названія. Не называясь библейской исторіей догматовъ, — какъ слѣдовало бы называться, хотя иногда появляясь и подъ близкими къ этому названію наименованіями, напримѣръ: *Исторіи христіанскаго богословія въ вѣкъ апостольскій* ([2]) или *Руководства къ древнѣйшей исто-*

([1]) Изъ первыхъ наиболѣе значительныхъ трудовъ по библейскому богословію можно указать на трудъ Zacharia - Biblische Theologie. 5 Thl. Göttingen 1774 – 1786. 3 Aufl.

([2]) Reuss. Histoire de la theologie chretienne au siecle apostolique. Strasburg. 1852.

ріи догматовъ ([1]) — этого рода сочиненія тѣмъ не менѣе составляютъ часть исторіи догматовъ. Такъ понимаютъ задачу и направленіе своихъ библейскихъ догматикъ и богословій, не смотря на неопредѣленное и разнообразное ихъ наименованіе, богословы протестанты всѣхъ не только крайнихъ, но и умѣренныхъ направленій ([2]). Такъ понимаютъ и католики, какъ видно изъ примѣра Люттербекка, назвавшаго свое сочиненіе по Библейскому Богословію: «Руководствомъ къ древнѣйшей исторіи догматовъ» ([3]), изъ труда Лянгена, озаглавившаго свое сочиненіе: «Іудейство въ Палестинѣ около временъ христіанства, вкладъ въ исторію откровенія и религіи, введеніе въ Богословіе Новаго Завѣта» ([4]), изъ «Исторіи католическаго Богословія» Вернера, который смотритъ на результаты изслѣдованій по Библейскому Богословію, «какъ на первый краеугольный камень для созданія истинно-научной исторіи догматовъ» ([5]). Знакомясь съ содержаніемъ и методомъ всѣхъ этихъ библейскихъ богословій, еще болѣе убѣждаешься въ ихъ принадлежности къ историко-догматической литературѣ. Вто-

([1]) Lutherbeck. Полное заглавіе этого труда католическаго богослова слѣдующее: «Neutestamentliche Lehrbegriffe oder Untersuchungen über das Zeitalter der Religionswende, die Vorstufen des Christenthums und die erste Gestaltung desselben. *Ein Handbuch fur ältesten Dogmengeschichte* und systematische Exegese des N. T. Mainz. 1852.

([2]) Для примѣра укажемъ на Hagenbach—Encyclopedie und Methodologie der theologischen Wissenschaften (4 Aufl. 1854. § 62), на статью въ Real-Encyclopedie-Herzog (2 Bd. Biblische Theologie), на Hahn-Theologie des N. T. (Leipz. 1854. 1 Bd. p. 7).

([3]) См. выше полное заглавіе его труда.

([4]) Langen—Das Iudentum in Palästina zur Zeit Christi. Ein Beitrag zur Offenbarung und Religions-geschichte, als Einleitung in Theologie des N. T. Freiburg. 1866.

([5]) Werner—Geschichte der katholischen Theologie. München. 1866.

рой разрядъ историко-догматической литературы составляютъ исторіи догматовъ періода отеческо-церковнаго, носящія обыкновенно на западѣ въ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ названія: *Исторій догматовъ* (Dogmengeschichte) Такія сочиненія начали являться въ протестантствѣ еще съ конца прошлаго столѣтія XVIII ([1]); въ настоящемъ же столѣтіи расплодились до чрезвычайной степени; у большей части догматическихъ писателей нашего времени встрѣчаешь между ихъ произведеніями исторію догматовъ. У католиковъ исторіи догматовъ стали появляться гораздо позже, со второй четверти настоящаго столѣтія, хотя мысль о необходимости католической исторіи догматовъ заявлена была еще въ началѣ настоящаго столѣтія ([2]). По количеству ихъ несравненно менѣе, чѣмъ протестантскихъ. Несмотря, однакожъ, на все это, католическій западъ представилъ до настоящаго времени нѣсколько весьма почтенныхъ трудовъ по исторіи догматовъ; таковы труды Кле ([3]), Шване ([4]), Цобля ([5]) и нѣсколько историко-догматическихъ монографій ([6]).

Такимъ образомъ, какъ на протестантскомъ, такъ

(1) Изъ первыхъ можно указать на Münscher—Handbuch der christlichen Dogmengeschichte. Marburg. 1 Thl. 1797—1809 1. и 2 Thl. 2 Aufl. 1802—1804.

(2) Schnappinger—Entwurf der katholischen Religions-und Dogmengeschichte. Karsrhue. 1807.

(3) Klee—Lehrbuch der Dogmengeschichte. Mainz. 1837—1838.

(4) Schwane Dogmengeschichte der vornicänischen Zeit. Münster. 1862. Dogmengeschichte der patristischen Zeit. Münster. 1869.

(5) Zobl — Dogmengeschichte der katholischen Kirche. Innsbruck. 1865.

(6) Haup. Staudenmaier—Die patristische Lehre von der Gnade. Freiburg. 1856, и вышеупомянутый трудъ Лангена.

и на католическомъ западѣ наука Догматическаго Богословія имѣетъ въ настоящее время широкое развитіе, представляя громадную по объему и разнообразную по своему методу и обращенію съ предметомъ литературу. Тамъ весьма не рѣдки случаи, что одинъ и тотъ же писатель представилъ опыты, если не во всѣхъ трехъ родахъ догматической литературы (т. е. по Догматикѣ въ нашемъ смыслѣ, по Библейскому Ветхозавѣтному или Новозавѣтному, или тому и другому вмѣстѣ Богословію и по исторіи догматовъ) (1), то, по крайней мѣрѣ, въ двухъ родахъ догматической литературы, — по Догматикѣ, напримѣръ, и исторіи догматовъ (2), или по Библейскому Богословію и Догматикѣ (3), или по исторіи догматовъ и Библейскому Богословію (4). Обыкновенно каждому изъ этихъ отдѣловъ науки Догматическаго Богословія посвящается отдѣльное сочиненіе. Но есть основаніе надѣяться, что, съ теченіемъ времени, всѣ эти отдѣлы науки будутъ совмѣщаться въ одномъ, болѣе или менѣе, многотомномъ сочиненіи. Опытъ подобнаго совмѣщенія пока единственный, сколько, по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, уже представила западная протестантская литература въ сочиненіи Каниса (5). Нельзя не признать пользы для науки отъ такого всесторонняго и обстоятельнаго изслѣдованія догматическихъ данныхъ, отъ постановленія этихъ

(1) Такихъ людей впрочемъ не много. Какъ на примѣръ можно однакожъ указать на Баумгартенъ-Крузіуса.

(2) Такихъ не мало. Можно указать изъ католиковъ на Кле, изъ протестантовъ—на Августи, Марейнеке, Ебрарда, Нитча, Газе, и др.

(3) Аммонъ, Брейшнейдеръ, де-Ветте, Штейдель и др.

(4) Бауръ, Ноакъ, Лянге, и др.

(5) Три тома. Первый- Die lutherische Dogmatik historisch-genetisch dargestellt. Leipz. 1861. Второй—Der Kirchenglaube in seiner geschicht-

данныхъ въ разнообразныя сочетанія. Разнообразіе метода и пріемовъ, обусловливаясь возбужденіемъ на западѣ религіозныхъ интересовъ, въ свою очередь, много содѣйствуетъ поддержанію догматическаго интереса въ тамошнемъ обществѣ и оживленію школьной богословской науки.—Но въ этомъ развѣтвленіи науки Догматическаго Богословія, въ этомъ устремленіи западныхъ богослововъ особеннаго вниманія на исторію догматовъ въ періодъ основанія христіанства въ вѣкъ апостольскій и въ періодъ отеческій и послѣдующіе вѣка, вмѣстѣ съ свѣтлою стороною есть и сторона темная. Самыя разнообразныя побужденія руководятъ западныхъ богослововъ, разумѣемъ протестантскихъ, когда они приступаютъ къ этого рода изслѣдованіямъ. Самое видное мѣсто между этими побужденіями занимаютъ побужденія нечистыя, стремленія разрушительныя для христіанской вѣры, словомъ, ухищренія невѣрія научнымъ образомъ оправдать свои нападки на богооткровенность христіанской вѣры. Этого рода стремленія и по времени своего появленія занимаютъ первое мѣсто сравнительно съ другаго рода стремленіями, явившимися впослѣдствіи. Изъ нѣдръ невѣрія послѣдней четверти прошлаго XVIII столѣтія (именно въ эпоху борьбы натурализма и супранатурализма) явились первые опыты историческаго изслѣдованія догматовъ. Изъ этихъ же нѣдръ выходитъ и доселѣ большое количество историко-догматическихъ произведеній [1]. Не гово-

lichen Entwicklung. Leipz. 1861. Третій—System der lutherischen Dogmatik. Leipz. 1868.

[1] Какъ на образецъ въ этомъ родѣ можно указать на сочиненіе Baur— Vorlesungen über die christliche Dogmengeschichte. Leipz. 1865—1867. 3 Bde.

римъ, впрочемъ, чтобы у этого рода людей не было научныхъ стремленій. Подобнаго рода стремленія были и есть, но они стоятъ на второмъ планѣ. Такъ было на первыхъ порахъ. Но чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ болѣе выступало побужденій другаго рода, болѣе чистыхъ, руководившихъ авторами историко-догматическихъ изслѣдованій. Около 20-хъ годовъ настоящаго XIX столѣтія, вмѣстѣ съ усиленіемъ философскаго невѣрія, (Гегель и лѣвая сторона его школы) является стремленіе примирить невѣріе и вѣру въ чувствѣ благочестія, проповѣдуемомъ Шлейермахеромъ. Съ этого времени являются произведенія съ характеромъ, правда, колеблющимся (посредствующее Богословіе) съ характеромъ полувѣры, полуневѣрія; но за то съ стремленіемъ избѣгнуть рѣзкихъ сужденій отрицательнаго направленія, собрать какъ можно болѣе фактовъ самыхъ рознохарактерныхъ и изучить ихъ ([1]). У этого рода личностей выступаютъ на первый планъ научныя стремленія, которыя, за недостаткомъ убѣжденій, и двигаютъ ихъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, хотя въ глубинѣ души этихъ людей таятся и стремленія болѣе или менѣе разрушительныя для христіанской вѣры. Наконецъ, въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія выступаютъ лучшіе люди изъ протестантскаго міра съ цѣлію защитить христіанство отъ нападеній современнаго невѣрія, обличить мятущуюся совѣсть полу-вѣрующихъ и полу-невѣрующихъ (отрицательная сторона ихъ задачи), показать, что̀ есть въ христіанствѣ историческаго, измѣняемаго, и что̀ въ немъ не подлежитъ

([1]) Какъ на образецъ въ этомъ родѣ, можно указать на отличающійся необыкновеннымъ обиліемъ матеріаловъ трудъ Гагенбаха — Lehrbuch der Dogmengeschichte von Hagenbach. 3 Aufl. Leipz. 1853.

исторіи и измѣненію сторона положительная». Словомъ, эти люди со времень Генгстенберга, ставшаго во главѣ ихъ, до сихъ поръ трудятся и трудятся съ замѣчательнымъ успѣхомъ надъ рѣшеніемъ великой задачи — примирить вѣру съ знаніемъ, опредѣлить границы того и другаго, не жертвуя ни вѣрою наукѣ, ни наукою вѣрѣ. Много принесли они пользы поддержанію вѣры въ современномъ западномъ протестантскомъ обществѣ, показывая несостоятельность мнимо-научной отрицательной критики и обнаруживая еще большую несостоятельность, логическую преимущественно, посредствующаго направленія; не менѣе полезны были ихъ труды и въ научномъ отношеніи, показавъ возможность изложенія Догматическаго Богословія по историческому методу, обогативъ науку изученіемъ весьма многихъ частностей въ источникахъ Догматическаго Богословія въ Священномъ писаніи и Священномъ преданіи, — частностей, обыкновенно ускользающихъ въ систематическо-теоретическомъ изложеніи Догматики ([1]). Труды людей этого-то направленія, такъ называемаго ортодоксально-протестантскаго, конфессіонально-протестантскаго, какъ нельзя болѣе сильно доказываютъ справедливость всегда — съ самаго начала существованія христіанской церкви — присущаго ей убѣжденія, что всѣ заблужденія, являющіяся въ церкви, обращаются ей въ пользу, потому что являются люди искуснѣйшіе въ обличеніи и наученіи. Одновременно съ появленіемъ, въ

[1]) Кромѣ сочиненій Генгстенберга (Christologie A. T. 1849—32), Гэферника (Vorles. üb. Theol. d. A. T. 1848), Гофмана (Schriftbeweis), Шмида (Bibl. Theol. N. T. 1853) и др., много потрудившихся въ области библейскаго богословія можно указать для примѣра на вышеупомянутое сочиненіе Кависа.

30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, трудовъ лучшихъ людей протестантскаго общества появляются подобные же труды католическихъ богослововъ. Чуткіе ко всѣмъ движеніямъ въ современномъ обществѣ, ученые богословы этой церкви не замедлили представить отъ себя опыты историческаго изложенія догматовъ съ цѣлію, съ одной стороны, противодѣйствовать современному невѣрію, съ другой — отнять возможность у своихъ недоброжелателей упрекать свою церковь, будто она не въ состояніи оправдать путемъ чисто-историческаго изслѣдованія свои догматическія вѣрованія и убѣжденія. Что касается научныхъ цѣлей, то у католическихъ богослововъ они на заднемъ планѣ.

Изъ разсмотрѣнія мотивовъ, двигавшихъ авторами историко-догматическихъ изслѣдованій, мы видимъ, что историческій методъ въ трудахъ по догматикѣ, далеко въ настоящее время не новый на западѣ Европы, принесъ и доселѣ приноситъ тамъ добрые и дурные плоды. Имъ пользовались и пользуются и враги христіанства и люди сердечно ему преданные, и отрицатели и ортодоксалы, и протестанты и католики. Стало-быть историческій методъ самъ по себѣ дѣло безразличное. Онъ есть орудіе, которымъ можно и разрушать, и которымъ можно защищаться, и которымъ даже можно съ успѣхомъ пользоваться при созиданіи научно-догматическаго зданія, вѣчно мѣняющаго, — вмѣстѣ съ перемѣной состоянія наукъ, — очертанія, форму, расположеніе частей, хотя строющагося на вѣчныхъ неизмѣнныхъ основахъ, положенныхъ въ него Христомъ Спасителемъ и изъ того же матеріала, даннаго одинъ разъ навсегда церкви въ Священномъ писаніи и Священномъ преданіи.

II.

Мы вкороткѣ охарактеризовали состояніе науки догматическаго богословія на западѣ. Теперь рѣшимъ вопросъ: должна или не должна рано или поздно и наша наука вступить на тотъ путь, на который вступила западная. По нашему мнѣнію должна и чѣмъ скорѣе она вступитъ, тѣмъ лучше. Такъ думаемъ не изъ легкомысленнаго увлеченія (столь нерѣдкаго въ нашемъ обществѣ) западными образцами. Насъ руководитъ въ этомъ случаѣ не столько желаніе, чтобы наша литература исполнила лежащую на ней обязанность,—отозвалась на религіозныя движенія, волнующія западъ и такимъ образомъ уничтожила возможность упрекать себя въ безмолвіи при видѣ ярыхъ нападеній невѣрующей части западнаго общества на божественныя истины христіанскаго вѣроученія, (хотя и эта цѣль не можетъ быть недостойною православнаго богослова), сколько другія еще болѣе сильныя побужденія. Эти побужденія суть: состояніе и потребности нашего русскаго общества, потребности высшей богословской школы и требованія самой догматической науки.

И прежде всего желать, чтобы наша литература, кромѣ догматическаго богословія, представила еще опыты историческаго изложенія догматовъ, побуждаетъ насъ разливъ невѣрія, къ сожалѣнію все болѣе и болѣе захватывающій наше собственное общество. Этой язвѣ нашего общества въ значительной степени и съ особеннымъ успѣхомъ можетъ противодѣйствовать, по нашему мнѣнію, кромѣ трудовъ по основному богословію, историческое изложеніе догматовъ. Наше

русское невѣріе, занесенное къ намъ съ запада слагается изъ элементовъ не только матеріалистическихъ, опирающихся на превратное истолкованіе данныхъ наукъ естественныхъ ([1]), но и изъ элементовъ раціоналистическихъ, опирающихся на искаженныя данныя наукъ философско-историческихъ. Въ невѣрующей части нашего общества, стоящей на раціоналистической точкѣ зрѣнія, заявляетъ себя стремленіе объяснять все въ религіи путемъ историческаго, естественнаго развитія, творчества духа человѣческаго, на разныхъ ступеняхъ его обнаруженія, не только въ религіяхъ до—христіанскихъ, но и въ христіанской въ разныя эпохи ея исторической судьбы. Христіанская система догматики развилась будто бы тѣмъ же путемъ, какъ и догматики всѣхъ другихъ религій, т. е. путемъ постепеннаго естественнаго развитія идей, начиная съ незначительнаго ихъ зародыша, принимая съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе широкій объемъ и строго опредѣленный видъ. Огромное большинство нашего, такъ называемаго, образованнаго общества заражено именно этого рода невѣріемъ. Грубость и крайность матеріализма или нигилизма, недавно еще занимавшаго столь видное мѣсто въ нашемъ обществѣ, мало кого теперь привлекаетъ. Между тѣмъ какъ утонченный раціонализмъ, съ нѣкоторымъ уваженіемъ, конечно только наружнымъ, относящійся къ религіи и христіанству, раціонализмъ не невѣжественный, а ученый, философскій, находитъ себѣ огромное число послѣдователей въ большинствѣ нашего мыслящаго

([1]) Противъ этого рода невѣрія конечно безсильно всякое историко-богословское изслѣдованіе.

общества, мало знакомаго съ нашею православно-богословскою наукою и не желающаго даже знакомиться съ нею въ настоящемъ ея видѣ. Откуда такое явленіе и какъ проникаетъ къ намъ западный раціонализмъ,—рѣшать эти вопросы не наше дѣло. Замѣтимъ только, что Россія вотъ уже слишкомъ полтора столѣтія находится въ подчиненіи западно-европейскимъ мыслителямъ и въ томъ числѣ раціоналистамъ. Въ ближайшее къ намъ время она попеременно воспитывалась то на Волтерѣ и Руссо, то на Кантѣ, Фихте, Шеллингѣ и Гегелѣ, съ жадностью читая творенія всѣхъ тѣхъ, которые проводили воззрѣнія этихъ ученыхъ въ различныхъ областяхъ знанія. Наша свѣтская наука не самородна и до сихъ поръ не самостоятельна. До сихъ поръ во всѣхъ отрасляхъ знанія мы пробавляемся по большей части тѣмъ, что даетъ намъ западъ; а западная наука пропитана по преимуществу воззрѣніями новѣйшихъ германскихъ мыслителей раціоналистовъ.—То правда, что ученыя богословскія сочиненія, въ которыхъ проводятся взгляды означенныхъ раціоналистовъ на христіанство, находили и находятъ у насъ пока мало читателей. Но съ одной стороны, немного нужно ума, чтобы и самому читателю философскихъ сочиненій сдѣлать тотъ или другой выводъ изъ извѣстныхъ идей, и притомъ во множествѣ отечественныхъ сочиненій и переводовъ, посвященныхъ исторіи, философіи, словесности и другихъ отрасляхъ знанія, читатель находитъ постоянно весьма прозрачные намеки раціоналистическаго свойства; съ другой же справедливо было бы утверждать, что богословскія сочиненія германскихъ раціоналистовъ (Штрауса, Баура, Ренана и др.) вовсе не читаются нашимъ

обществомъ [1]. Такимъ образомъ, не смотря на то, что наша православная церковь стоитъ повидимому въ несравненно болѣе далекихъ отношеніяхъ, чѣмъ римская къ протестантскому міру, по преимуществу порождающему философскій раціонализмъ, наша церковь и наука едва-ли имѣетъ менѣе побужденій противопоставить разливу историко-философскихъ заблужденій свои историко-богословскіе труды, чѣмъ церковь римская, ближе въ пространственномъ отношеніи соприкасающаяся съ протестантствомъ. Римская церковь скоро поняла потребности своего общества и поспѣшила имъ удовлетворить. Примѣръ римской церкви въ этомъ отношеніи достоинъ нашего подражанія. Нисколько не говоритъ противъ всего вышесказаннаго то обстоятельство, что при такомъ состояніи нашего общества не появилось въ немъ однакожъ ни одного спеціальнаго сочиненія чисто русскаго происхожденія съ отрицательно-критическимъ отношеніемъ къ истинамъ религіи. Это объясняется, кромѣ правительственной сдерживающей силы (цензуры), недостаткомъ богословскаго образованія въ нашемъ обществѣ, усыпленіемъ въ немъ научно-богословскаго интереса и вообще недостаткомъ въ немъ самостоятельности и самодѣятельности, стремленіемъ и въ этомъ случаѣ пробавляться трудами западныхъ ученыхъ. Вотъ почему оно довольно тѣмъ рѣшеніемъ, какое да-

(1) Опытъ съ книгою Ренана показалъ противное. Не говоря уже о томъ, что это сочиненіе много читали у насъ въ свое время на французскомъ языкѣ, къ намъ контрабандою проникалъ и русскій переводъ этой книги, сдѣланный за границею. Нашему образованному обществу, кромѣ Ренана, извѣстны Штраусъ и Бауръ, и даже Шлейермахеръ. О послѣднемъ недавно явилась въ одномъ изъ русскихъ журналовъ статья.

ютъ ему многоученые нѣмцы и не пытается сказать что либо оригинальное, хотя бы въ этомъ же отрицательномъ направленіи ([1]). Религіозный вопросъ для него вопросъ давно рѣшенный другими, лучше которыхъ по его сознанію оно не можетъ рѣшить. Гегель, Штраусъ, Ренанъ—вотъ его религіозные авторитеты. Это состояніе невѣрія, даже и не разсуждающаго объ религіозныхъ предметахъ и потому не вызывающаго другихъ на разсужденія, хуже невѣрія западнаго, усиливающагося доказать свои мнѣнія, а потому самому менѣе увѣреннаго въ своей самостоятельности и вызывающаго опроверженія. Такое состояніе нашего общества, не объявляющаго и не доказывающаго громко своихъ убѣжденій и не вызывающаго на споры, есть не только не доказательство ненужности, а напротивъ еще болѣе сильный аргументъ въ пользу настоятельной потребности противоядія скрытой, не выходящей наружу, но тѣмъ сильнѣе разъѣдающей нашъ общественный организмъ болѣзни ([2]).—Настроенность нашего общества къ историческимъ изслѣдованіямъ, какъ нельзя болѣе требуетъ, чтобы пособіе духовнымъ недугамъ общества было предложено именно въ формѣ историческаго изслѣдованія. Въ настоящее

([1]) Впрочемъ, недавно явившееся *въ свѣтъ* сочиненіе: «Библія и наука», представляющее въ себѣ *странную смѣсь* православныхъ и раціоналистическихъ элементовъ, даетъ поводъ *предполагать*, что если не оригинальные, то по крайней мѣрѣ *компилятивные труды* съ *болѣе* или менѣе раціоналистическимъ оттѣнкомъ на будущее время, *быть* можетъ, не будутъ рѣдки въ нашей литературѣ.

([2]) Нельзя однакожъ сказать, будто наше общество не внимательно къ трудамъ лицъ, угадывающихъ, что въ извѣстное время его занимаетъ. Въ доказательство укажемъ на сочиненіе о. Михаила противъ Ренана, встрѣченное съ большимъ сочувствіемъ нашимъ обществомъ. Въ непродолжительное время по выходѣ перваго его изданія потребовалось второе, которое недавно и вышло.

время безспорно любимымъ методомъ научныхъ изслѣдованій во всѣхъ областяхъ знанія, все болѣе и болѣе дѣлается методъ историческій. Все, что претендуетъ на вниманіе общества все это спѣшитъ облечься въ форму историческаго изслѣдованія. Такъ на западѣ, такъ и у насъ. Было бы крайне непрактично не воспользоваться богословской литературѣ такимъ настроеніемъ общества и не извлечь изъ него пользы для дѣла, которому она служитъ. Примѣръ подражанія въ этомъ отношеніи подаютъ намъ великіе отцы церкви, говорившіе съ философами своего времени философскимъ языкомъ, излагавшіе предъ ними истины вѣры методомъ употребительной въ ихъ время философіи, въ риторскихъ школахъ изучавшіе языкъ и пріемы риторовъ, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на массы, словомъ, не пренебрегавшіе ни однимъ законнымъ средствомъ содѣйствовать торжеству христіанской вѣры. Не говоримъ уже о томъ, что нельзя съ успѣхомъ ратовать не на исторической, а на другой какой-либо почвѣ противъ заблужденій, которыя, пользуясь любимымъ въ наше время историческимъ пріемомъ, становятся на почву исторіи и облекаются въ форму историческаго изложенія ([1]). Въ борьбѣ съ этими заблужденіями не стать на историческую почву значитъ тоже, что для нанесенія ударовъ своему противнику стать на далекое отъ него разстояніе вмѣсто того, чтобы къ нему приблизиться, значитъ стараться, чтобы предназначаемые для него удары не попадали въ него, а пропадали въ воздухѣ.—Не служитъ къ опро-

([1]) Такъ книга Ренана въ исторической формѣ имѣетъ цѣлію провесть чисто догматическія тенденціи. Нѣкоторые ея главы по преимуществу догматическаго характера; таковы гл. V, VII, IX, XVII.

верженію нашего мнѣнія то обстоятельство, что знаменитые наши богословы (Преосв. Макарій и Филаретъ Черн.) которымъ безъ сомнѣнія были извѣстны современное состояніе западной догматической науки, равно какъ и состояніе нашего общества и его потребности, не сочли однакожъ нужнымъ (по какимъ-то, вѣроятно, очень уважительнымъ причинамъ) посвятить свои труды историческому изложанію догматовъ, а писали догматическое богословіе. Причинъ, почему наши отечественные знаменитые богословы не представили опытовъ историческаго изложенія догматовъ, найдется не мало и помимо отрицанія ими необходимости или пользы подобнаго изложенія для нашего общества. Они имѣли цѣлію удовлетворить своими трудами ближайшимъ образомъ потребностямъ нашей духовной школы, дать нашимъ духовнымъ училищамъ самостоятельную, полную, стройно изложенную, православную систему догматическаго богословія, недостатокъ, который былъ ощутителенъ, такъ какъ до обширнаго труда Пр. Макарія наша православная литература не имѣла такой системы, пробавляясь компиляціями изъ системъ средневѣковыхъ схоластиковъ и схоластиковъ новѣйшихъ протестантскихъ [1]. Пр. Макарій, къ чести нашей православно-богословской науки, совершилъ огромный трудъ построенія самостоятельной, полной, стройной системы православной догматики, представивъ въ своемъ сочиненіи результаты почти всего добытаго наукою въ древніе, средніе и многаго—въ новые вѣка, изложивъ свой трудъ превосход-

[1] Въ послѣднемъ случаѣ разумѣемъ труды Θеофана Прокоповича, составленные подъ вліяніемъ сочиненій протестантовъ XVII вѣка (Квенштедта и Гергардта) и школу подражателей Θеофана Прокоповича.

нымъ, классическимъ, имъ выработаннымъ богословскимъ языкомъ ([1]). Пр. Филаретъ отчасти дополнилъ трудъ пр. Макарія результатами, выработанными наукою преимущественно протестантскою въ самое последнее время и очищенными критикою православно-богословской мысли и обогатилъ нашу науку весьма многими глубокими, свѣтлыми мыслями. Догматическіе труды этихъ знаменитыхъ нашихъ богослововъ такъ настойчиво вызывались вышеуказанными потребностями нашей школы и отечественной богословской науки, что совершенно понятно ихъ появленіе съ такимъ, а не другимъ характеромъ, съ другой стороны такъ велики, что странно было бы требовать отъ ихъ авторовъ, кромѣ изданныхъ, еще новыхъ трудовъ въ историко-догматическомъ родѣ. Ни отъ кого нельзя требовать, чтобы онъ сдѣлалъ въ той или другой области все, не оставивъ ничего на долю слѣдующихъ поколѣній. Итакъ мы не думаемъ, чтобы фактъ появленія у насъ догматикъ съ извѣстнымъ характеромъ говорилъ противъ историческаго изложенія догматовъ и чтобы наши богословы, пиша свои догматики, признавали ненужнымъ или безполезнымъ для общества историческое изложеніе догматовъ. Мы имѣемъ напротивъ данныя думать, что, внимательно присматриваясь къ настроенію и потребностямъ современнаго общества, они были далеко не противъ подобнаго изложенія ([2]). Вотъ что читаемъ напр. въ предисловіи къ догматикѣ

([1]) Заслуга послѣдняго рода далеко не такъ маловажна, какъ можетъ быть думаютъ нѣкоторые, не знающіе состоянія нашего богословскаго языка въ предшествующее труду пр. Макарія время и не имѣющіе случая сравнить въ этомъ отношеніи трудъ пр. Макарія и пр. Филарета Черн.

([2]) Въ догматикахъ и преосв. Макарія и преосв. Филарета Черниг. мы встрѣчаемъ общіе очерки исторіи нѣкоторыхъ догматовъ.

пр. Филарета: «Въ прежнее время, пишетъ многоученый авторъ, мнѣнія германскаго раціонализма извѣстны были въ Россіи по иностраннымъ сочиненіямъ, для людей обязанныхъ званіемъ слѣдить за путями мысли человѣческой. Въ недавнее время эти мнѣнія стали являться въ русскихъ книгахъ, получаютъ извѣстность въ русскомъ обществѣ. Потому сочиненіе, писанное не безъ вниманія къ такимъ мнѣніямъ, кажется не лишнее въ нынѣшнее время (1)». Внимательное изученіе его труда еще болѣе убѣждаетъ, что авторъ, направляя свое изложеніе противъ заблужденій не только матеріалистическихъ, но и раціоналистическихъ, въ особенности такъ называемаго отрицательно-историко-критическаго направленія, довольно много вводилъ въ свой трудъ историко-критическаго элемента, такъ что его трудъ можно назвать переходомъ отъ догматическаго богословія къ историческому изложенію догматовъ. Если авторъ не представилъ опыта вполнѣ историко-догматическаго труда, то это объясняется тѣмъ, что въ основу его догматическаго богословія легли академическія его лекціи, читанныя имъ въ такое время, когда методъ историческаго изслѣдованія въ области догматики на самомъ западѣ далеко не былъ такимъ господствующимъ, какъ нынѣ, когда только что появился Штраусъ, около 40-хъ годовъ (2). Такимъ образомъ намъ не представляется, чтобы авторитетъ нашихъ знаменитыхъ отечественныхъ богослововъ былъ противъ историко-догматическихъ тру-

(1) Въ этой послѣдней фразѣ, кромѣ скромности знаменитаго ученаго, не выражается ли сознаніе автора, что обстоятельное опроверженіе раціоналистическихъ мнѣній требовало совершенно другаго пріема изслѣдованія, труда съ совершенно другимъ характеромъ?

(2) Первое изданіе Leben Iesu —Штрауса вышло въ 1835 г.

довъ. Что же касается вообще нашей догматической литературы, то ея исторія показываетъ, что историко-догматическія изслѣдованія не суть что либо совершенно чуждое нашей богословской литературѣ. Въ скромной области догматическихъ монографій историческое изслѣдованіе давно уже de facto у насъ допущено. Мы имѣемъ уже нѣсколько историко-догматическихъ монографій ([1]). Историко догматической методъ ожидалъ признанія только de jure и въ болѣе широкой сферѣ, въ сферѣ отдѣльной отрасли науки.— Не думаемъ наконецъ, чтобы пріемъ,—которымъ пользовались и доселѣ пользуются отрицатели и протестанты ортодоксалы и даже въ высшей степени консервативные католики, пріемъ даже и у насъ отчасти употребительный,—только потому долженъ быть навсегда отвергнутъ въ качествѣ метода отдѣльной отрасли догматической науки. что первые имъ пользовались враги христіанства, и что онъ преимущественно выработанъ протестантами. Не думаемъ, чтобы нашлись люди, по мнѣнію которыхъ историческая судьба историческаго пріема въ области догматики навсегда наложила на него печать отверженія и потому, даже и при сознаніи не только его безвредности, но и значительной пользы въ дѣлѣ поддержанія вѣры и православія въ нашемъ обществѣ, онъ, ради одного имени, звучащаго протестантизмомъ, долженъ все-таки навсегда быть отвергнутъ нашею православно-догматическою наукою.

([1]) Изъ нихъ укажемъ на двѣ новѣйшія и болѣе замѣчательныя монографіи. Въ Чтен. въ Моск. общ. любителей дух. просвѣщ. (кн. 9. 1869 г.).—„Раскрытіе главнѣйшихъ догматическихъ истинъ въ писаніяхъ апостоловъ". Въ Правосл. Собес. (1870 г., ноябрь, декабрь, и продолж. 1871 г.)—„Ученіе о лицѣ Господа І. Христа въ первыхъ 3-хъ вѣкахъ христіанства".

Потребности нашихъ вновь преобразованныхъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній (академій) также вызываютъ усиленіе историческаго элемента въ преподаваніи догматики и необходимо требуютъ выдѣленія изъ нея новой отрасли. По новому Уставу въ нашихъ духовныхъ академіяхъ догматическое богословіе читается какъ спеціальный предметъ въ одномъ богословскомъ отдѣленіи. Между тѣмъ въ этомъ отдѣленіи церковная исторія не читается. Историческое изложеніе догматовъ должно до извѣстной степени восполнить этотъ недостатокъ и оно можетъ его восполнить, такъ какъ извѣстно, что исторія догматовъ составляетъ душу церковной исторіи, самый главный ея отдѣлъ. Безъ сомнѣнія въ этихъ между прочимъ видахъ въ уставѣ духовныхъ академій, при перечисленіи предметовъ, отнесенныхъ къ богословскому отдѣленію, и при поименованіи по этому случаю догматическаго богословія, сдѣлана знаменательная прибавка. Въ 122 § Устава означено: *Догматическое Богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ.* Эту прибавку едва ли можно истолковать иначе, какъ такъ, что чрезъ эту фразу новымъ Уставомъ вводится въ кругъ преподаванія догматическаго богословія новая отрасль этой науки, давно существующая на западѣ подъ именемъ исторіи догматовъ, но неизвѣстная пока у насъ, съ легкимъ измѣненіемъ у насъ только западнаго наименованія, съ усвоеніемъ болѣе приличнаго православной наукѣ имени. Иначе безцѣльна и странна была бы эта прибавка, такъ какъ общіе и краткіе очерки исторіи того или другаго догмата помѣщались обыкновенно и прежде въ догматическихъ системахъ и потому не было нужды упоми-

нать о нихъ. Упомянуть объ историческомъ изложеніи догматовъ въ этомъ смыслѣ значило бы тоже, какъ и упомянуть о свидѣтельствахъ Св. Писанія и Св. Преданія, точно также необходимыхъ составныхъ частяхъ догматики. Словомъ, *означенныя слова Устава не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Высшая Власть во вниманіи къ нуждамъ времени узаконила Акад. Уставомъ существованіе у насъ новой отрасли догматической науки.*

Наконецъ, независимо отъ всѣхъ вышеизложенныхъ требованій, вытекающихъ изъ современнаго религіозно-интеллектуальнаго состоянія нашего общества и современныхъ потребностей нашей высшей духовной школы, новая отрасль догматической науки вызывается къ самостоятельному существованію чисто научными цѣлями. Догматическая система, какъ система, какъ бы она ни была совершенна, по самому свойству ея задачи и метода, страдаетъ важными недостатками. Она преслѣдуетъ одну цѣль, изслѣдуетъ преимущественно одну сторону предмета и потому не можетъ достигнуть другой цѣли, изучить другія стороны предмета. Историческое изложеніе должно сдѣлать то, чего она не можетъ, въ свою очередь, пользуясь системою догматическаго богословія, какъ руководительною нитью при своихъ работахъ. Одна должна восполнять другую; одна должна пользоваться результатами другой.

Но всѣ эти чисто научныя цѣли и потребности не будутъ довольно ясны и наглядны для читателя безъ предварительнаго ознакомленія съ сторонами предмета догматической науки и вытекающей отсюда задачи догматическаго богословія, какъ системы, и истори-

ческаго изложенія догматовъ, какъ новой отрасли догматической науки, необходимой для болѣе полнаго и всесторонняго изученія предмета. А потому мы считаемъ нужнымъ перейти къ выясненію различныхъ сторонъ въ предметѣ догматики, надѣясь своимъ изложеніемъ прямо отвѣтить на только что предложенный нами вопросъ: о научныхъ цѣляхъ, вызывающихъ новую отрасль науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы надѣемся отвѣтить и на другой вопросъ: возможно ли съ православной точки зрѣнія историческое изложеніе догматовъ и, если возможно, то въ какомъ смыслѣ?

III.

Догматъ представляетъ двѣ стороны: неизмѣняемую и измѣняемую. Эти двѣ стороны впрочемъ далеко не равны по объему. Одна—обнимаетъ собою въ догматѣ болѣе, чѣмъ другая. Неизмѣняемая обнимаетъ собою все содержаніе догмата, простираясь до извѣстной степени и на его форму; измѣняемая ограничивается исключительно формою догмата, обнимая въ формѣ его или все или не все содержаніе, по различію эпохи въ исторіи догмата.

Догматы, со стороны своего содержанія, суть созерцательныя, богооткровенныя истины, одинъ разъ навсегда преданныя церкви Богомъ и неизмѣнно во всѣ вѣка, при содѣйствіи Духа Святаго, сохраняемыя въ живомъ церковномъ преданіи, какъ непререкаемыя и неизмѣнныя правила вѣры. Съ этой стороны никакой исторической перемѣны ни въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, ни во всѣхъ ихъ въ совокупности не происходило и не могло произойти.—Догматы не образовались постепенно тякимъ или другимъ путемъ. Догматы со стороны существеннаго своего содержа-

нія не образовались путемъ механическаго напластованія разныхъ элементовъ на первоначальной основѣ христіанскаго ученія. Они не образовались и путемъ органическаго развитія зерна христіанской истины, путемъ ассимилированія этимъ зерномъ въ своемъ ростѣ сродныхъ съ нимъ элементовъ, напр. философскихъ взглядовъ, заимствованія и органическаго имъ усвоенія элементовъ изъ той почвы, на которой это зерно развивалось. Догматы, со стороны существеннаго своего содержанія, не образовались наконецъ путемъ логическаго развитія системы христіанскихъ воззрѣній изъ немногихъ самыхъ общихъ положеній, путемъ логическихъ выводовъ изъ этихъ положеній, хотя бы безъ матеріальнаго вліянія, при одномъ только формальномъ возбудительномъ вліяніи постороннихъ идей на ихъ развитіе. Догматы такимъ образомъ не образовались ни однимъ, ни другимъ, ни третьимъ путемъ, ни путемъ механическаго напластованія, ни путемъ органическаго развитія, ни путемъ логическаго вывода. Догматы *не образовались постепенно* въ сознаніи человѣческомъ, *а сразу всѣ даны* человѣческому сознанію отвнѣ—въ преданіи Христовомъ и апостольскомъ (¹). Не люди выработали, образовали эти истины, а напротивъ эти истины дѣйствовали на людей образовывающимъ, развиваю-

(¹) Если въ умахъ частныхъ лицъ богооткровенныя истины нерѣдко смѣшивались болѣе или менѣе механически съ различными философскими взглядами, если далѣе умъ отдѣльнаго лица не могъ вдругъ воспріять всѣ христіанскія истины, и сначала воспринималъ только зерно хр. истины и зерно вѣры мало по малу въ его умѣ возрастало подобно зерну горушичну, если наконецъ, умъ человѣческій много и съ значительнымъ успѣхомъ логически развивалъ истины вѣры, разсматривалъ ихъ съ различныхъ сторонъ, приближая ихъ къ своему разумѣнію, то все это вовсе не касалось существа догматовъ, ничего къ нимъ не прибавляло и ничего у нихъ не отнимало.

щимъ образомъ. Итакъ догматы, какъ мысли ума Божія ([1]), получили бытіе совершенно независимо отъ усилій ума человѣческаго.—Имѣя независимое отъ человѣка происхожденіе, они имѣли и имѣютъ также и *независимое отъ измѣнчивыхъ и шаткихъ человѣческихъ понятій существованіе* въ церкви. Они до сихъ поръ сохраняются въ церкви въ томъ видѣ, въ какомъ они ей преданы. Кто имѣетъ надлежащее понятіе о церкви, тотъ не подумаетъ, будто мы здѣсь или противорѣчимъ себѣ, допуская неизмѣнное существованіе отвнѣ данныхъ истинъ въ перемѣнчивомъ человѣческомъ сознаніи (какъ бы его ни назвали—церковнымъ или другимъ какимъ), въ которое что ни попадаетъ—непремѣнно терпитъ измѣненіе или же что мы дѣлаемъ только видъ, будто допускаемъ неизмѣнное храненіе божественныхъ истинъ въ человѣческомъ церковномъ сознаніи, на самомъ же дѣлѣ представляемъ ихъ существованіе помимо человѣческаго, церковнаго сознанія, изолированно отъ него, полагая непроходимую пропасть между догматами самими въ себѣ и догматами церковными. Имѣющій вѣрное понятіе о церкви знаетъ, что церковное сознаніе не есть вполнѣ человѣческое, измѣнчивое сознаніе и потому можетъ, содержа въ себѣ догматы, сохранить ихъ неизмѣнными. А потому онъ найдетъ, что мы и не противорѣчимъ себѣ и не дѣлаемъ вида, будто допускаемъ неизмѣнное существованіе догматовъ въ церкви, на самомъ дѣлѣ отвергая такое существованіе. Дѣло въ томъ, что между сознаніемъ частнаго лица, сознаніемъ всего человѣчества и сознаніемъ или преданіемъ церковнымъ есть разница. Сознаніе част-

([1]) Выраженіе преосв. Филарета Черниговскаго.

наго лица есть въ высшей степени зыбкое; не такое сознаніе мы здѣсь разумѣемъ; не такому сознанію ввѣрено было храненіе Христовой истины. Сознаніе человѣчества, хотя слагается изъ суммы сознаній отдѣльныхъ лицъ, во всякомъ случаѣ выше, глубже, всестороннѣе и вѣрнѣе сознанія частнаго человѣка и считается вообще довольно прочнымъ хранителемъ обыкновенныхъ человѣческихъ естественныхъ истинъ; но и это сознаніе не можетъ быть ручательствомъ неизмѣннаго храненія истины; и оно можетъ заблуждаться. Сознаніе вселенской церкви, хотя также слагается изъ сознанія отдѣльныхъ единицъ и потому, при всемъ своемъ авторитетѣ, само по себѣ не представляетъ всѣхъ условій для неизмѣннаго храненія истины, но оно является прочнымъ и неизмѣняющимся при вліяніи на него Духа Божія, невидимаго руководителя церкви. При всегдашнемъ, по обѣщанію Спасителя, руководствѣ Духа Святаго, сознаніе церковное теряетъ уже характеръ человѣчески-ограниченнаго, перемѣнчиваго, нетвердаго сознанія и является съ характеромъ твердаго, неизмѣннаго, достойнаго и надежнаго хранителя мыслей ума Божія. Такому-то сознанію ввѣрены были Христомъ Спасителемъ принесенныя имъ на землю истины. И церковь, какъ приняла ихъ, такъ и сохранила неизмѣнно. *Въ церковномъ преданіи, а не помимо его сохранялись догматы неизмѣнно.* Въ церкви православной догматы не умножались и не сокращались въ числѣ и не измѣнялись въ ихъ смыслѣ. Сколько ихъ открыто Христомъ Спасителемъ и Духомъ Утѣшителемъ апостоламъ, а апостолами—церкви, столько же въ ней было ихъ всегда; какой смыслъ имѣли они въ церкви

христовой въ началѣ ея существованія такой же они имѣли въ ней и въ послѣдствіи, имѣютъ—и теперь. Вотъ почему со стороны содержанія догматы не могутъ быть разграничиваемы на библейскіе и церковные, раскрытые и не раскрытые, основные и производные, существенные и несущественные. По ученію православной церкви о догматахъ, какъ о богооткровенныхъ истинахъ, не можетъ быть догматовъ измышленныхъ церковію, не можетъ быть и такихъ, которые, бывъ открыты Христомъ Спасителемъ, отвергнуты были потомъ церковью, словомъ, не можетъ быть церковныхъ догматовъ, которые бы не были вмѣстѣ съ тѣмъ и библейскими. Не можетъ быть догматовъ, смыслъ которыхъ сначала былъ бы неясенъ или непонятенъ сознанію церковному, а потомъ понятъ, уясненъ церковію; нѣтъ догматовъ не раскрытыхъ сначала и раскрытыхъ потомъ со стороны ихъ существеннаго смысла. Не можетъ быть далѣе догматовъ основныхъ, данныхъ сначала самимъ Богомъ, и догматовъ производныхъ, выведенныхъ изъ первыхъ самою церковью, слѣдовательно уже новыхъ, не откровенныхъ. Точно также не можетъ быть догматовъ существенныхъ и не существенныхъ; божественное откровеніе не можетъ сообщить, что-либо несущественное; если Богу угодно было открыть ихъ, то они не могутъ быть несущественными сами въ себѣ или необязательными въ отношеніи къ принятію или непринятію ихъ людьми. Всѣ эти дѣленія не примѣнимы къ догматамъ, разсматриваемымъ со стороны ихъ неизмѣннаго богооткровеннаго содержанія. Другое дѣло, если смотрѣть на нихъ со стороны ихъ внѣшняго формулированія,

систематизаціи и выясненія чисто человѣческимъ сознаніемъ ([1]). Итакъ догматы, съ самаго начала откровенія ихъ міру, сохраняясь въ преданіи церковномъ, не утратили ничего и не пріобрѣли ничего ни въ количествѣ, ни въ качествѣ своего содержанія.— Говоря постоянно о содержаніи догматовъ, мы одна-

([1]) Ограниченное человѣческое сознаніе, неспособное обнять сразу всѣ стороны божественнаго откровенія, воспринимающее сначала одно, потомъ другое, сначала съ одной, потомъ съ другой стороны, можетъ, конечно, считать одно главнымъ, существеннымъ, а другое не главнымъ, не существеннымъ, смотря потому, что прежде всего поражаетъ, возбуждаетъ его къ мыслительной дѣятельности, хотя сами по себѣ и въ сознаніи церковномъ всѣ догматы суть главные и существенные. Далѣе поставляя одинъ догматъ въ связь съ другими, человѣческое сознаніе можетъ находить, на основаніи открываемой имъ связи одного догмата съ другимъ, какъ будто одинъ догматъ вытекаетъ изъ другаго, хотя въ мысли Божіей и въ сознаніи церковномъ, восполняемомъ въ своей немощи Духомъ святымъ, не можетъ быть такой человѣческой постепенности познаванія, такого логическаго процесса. Наконецъ, такъ какъ, по слабости человѣческаго ума, не всѣ истины богооткровенной вѣры входятъ въ сознаніе каждаго отдѣльнаго лица, то нельзя каждому человѣку ставить въ вину, когда онъ чего либо не знаетъ, и это незнаніе не сопровождается гибельными для его спасенія послѣдствіями, хотя изъ этого не слѣдуетъ, будто истина не необходимая для его спасенія, не необходима и для спасенія другихъ людей, для всего человѣчества, для церковнаго сознанія. Какъ скоро эта истина, не сознанная *однимъ*, входитъ въ сознаніе *другаго* лица, она становится для этого послѣдняго необходимою и отверженіе ея столь же гибельно для его спасенія, какъ и отверженіе другихъ истинъ, почему церковь и отлучаетъ отъ своего общенія равно всѣхъ отвергающихъ упорно какую бы то ни было догматическую истину.—Впрочемъ вся эта классификація догматовъ, не примѣнимая къ догматамъ самимъ въ себѣ и къ догматамъ въ сознаніи церковномъ, допускаемая только въ отношеніи къ сознанію отдѣльнаго лица, допускается однакожъ самою церковію въ тѣхъ случаяхъ, когда церковь, имѣя въ виду сознаніе отдѣльныхъ лицъ, снисходя къ ихъ немощи, старается облегчить имъ способъ усвоенія истинъ вѣры и потому предлагаетъ имъ не всѣ догматическія истины и притомъ, въ извѣстной постепенности. *Конечно* въ этомъ, а не въ другомъ какомъ смыслѣ пр. Макарій въ своей догматикѣ (изд. 2 т. I. въ концѣ стр. 28) выражается, что *церковь* изъ общихъ *выводитъ* частные догматы.

кожъ отнюдь не смотримъ на догматы, какъ на полноту какого-то безформеннаго содержанія, не допускаемъ существованія чего-то неуловимаго въ церковномъ сознаніи. Мы не забываемъ, что догматы вѣры преданы церкви и существовали всегда въ ея преданіи съ самаго начала не въ видѣ какихъ либо безформенныхъ, неуловимыхъ идей, носившихся, такъ сказать, въ церковномъ сознаніи безъ опредѣленнаго, болѣе иля менѣе соотвѣтствовавшаго ихъ сущности выраженія (чего даже и представить нельзя при тѣсномъ отношеніи между словомъ и мыслію), но преданы и сохранялись въ живомъ церковномъ преданіи подъ болѣе или менѣе соотвѣтствовавшими имъ опредѣленіями въ болѣе или менѣе краткихъ вѣроизложеніяхъ, существовавшихъ въ преданіи отъ временъ апостольскихъ. Но они были шире той формы, въ какой явились они не укладывались вполнѣ въ эту форму,—особенно на первыхъ порахъ. Форма вообще даже самая совершенная никогда не соотвѣтствуетъ идеѣ; на первыхъ же порахъ форма обыкновенно является въ наиболѣе несовершенномъ видѣ. Вѣрное пониманіе, истинный ихъ смыслъ всегда сохранялись въ церкви; но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда сознаваема была и недостаточность внѣшняго ихъ выраженія. Вотъ почему мы считаемъ не только возможнымъ, но и необходимымъ разсматривать догматы со стороны ихъ существеннаго содержанія, отрѣшенно отъ ихъ формы, не смѣшивая и не отождествляя содержанія съ формою, отличая то и другое, хотя и сознавая въ тоже время, что чистаго безформеннаго содержанія быть не можетъ. Опытъ богослововъ отрицательно-критической нѣмецко-богословской школы показалъ къ чему ведетъ смѣшеніе, отожде-

ствленіе формы и содержанія догмата особенно при изученіи исторіи первыхъ вѣковъ христіанства ([1]).

Итакъ, со стороны своего содержанія догматы суть истины вѣры неизмѣняемыя. Не такими они представляются со стороны своей формы. Догматъ въ своемъ внѣшнемъ выраженіи есть истина не одинаково формулируемая въ разныя времена, не одинаково всесторонне раскрываемая, не одинаково доказательно обосновываемая, словомъ не одинаково на языкъ человѣческихъ понятій переводимая. Впрочемъ, и въ этой измѣняемой сторонѣ догмата нѣчто съ теченіемъ времени теряло свою измѣняемость и получало характеръ неизмѣняемости, догматизаціи; измѣненія и въ этой области (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой ея части) не продолжались въ безконечность. Справедливо разграничиваютъ ([2]) эту измѣняемую сторону догмата на двѣ части, имѣющія не одинаковую степень измѣняемости, именно: 1) положительное изложеніе догмата, — то, что мы называемъ точнѣйшимъ его опредѣленіемъ, и 2) тѣ объясненія или доказательства, которыми они могутъ сопровождаться, — то, что мы называемъ раскрытіемъ и объясненіемъ догмата.

Изложеніе или опредѣленіе догмата выражалось въ разныя времена разными словами, до тѣхъ поръ, пока выработаны были извѣстные догматическіе термины, возможно точные, которые приняты всѣми и такимъ образомъ уже не измѣняются. Вполнѣ точныхъ выраженій не можетъ дать несовершенный языкъ человѣческій. Нѣтъ такого точнаго выраженія, съ

([1]) Несовершенство формулъ догматическихъ въ извѣстную эпоху принимая за невыработанность, неясность идей догматическихъ, они приходятъ къ заключенію, что въ это время догматическія истины находились еще въ зародышѣ, что ихъ содержаніе было еще не ясно и неполно.

([2]) См. Древнія формы символа вѣры. Соч. И. В. Чельцова, стр. 185—194.

которымъ бы нельзя было соединить другаго смысла. Есть только выраженія сравнительно точныя. Недостатокъ абсолютной точности слова человѣческаго вознаграждается обыкновенно условіемъ соединять съ нимъ тотъ или другой смыслъ. Условное сравнительно точное выраженіе въ отношеніи къ формулированію догмата получаетъ значеніе вполнѣ точнаго выраженія и заканчиваетъ собою измѣняемость внѣшней стороны догмата.—Богословскій языкъ выработался не вдругъ. Промыслу было угодно, давши человѣчеству истинное познаніе о Богѣ въ богооткровенномъ христіанскомъ ученіи, предоставить ему самому выработать возможно-точныя на языкѣ человѣческомъ опредѣленія откровенной истины, безъ сомнѣнія съ благодѣтельною для человѣка цѣлію воспитать въ немъ, сколько возможно, самодѣятельное отношеніе къ даннымъ ему истинамъ, что необходимо для существа, созданнаго разумно—свободнымъ, хотя это благодѣяніе, какъ всякое благо, могло повесть къ злоупотребленіямъ, какъ и случалось нерѣдко. Вотъ почему ни Христосъ Спаситель, ни апостолы не дали вполнѣ точныхъ, однообразныхъ формулъ догматическаго ученія. Христосъ Спаситель употреблялъ самые разнообразные обороты рѣчи, говорилъ въ притчахъ, подобіяхъ и сравненіяхъ, говорилъ вообще языкомъ своихъ современниковъ, далеко недостаточнымъ для выраженія новыхъ возвышенныхъ идей, устраняя этотъ недостатокъ подробнымъ раскрытіемъ своихъ мыслей, дѣйствіемъ своей божественной личности на слушателей, чудесами и другими многоразличными способами. Апостолы говорили также языкомъ своего времени и притомъ языкъ каждаго изъ нихъ отличался

нѣкоторыми своеобразными особенностями. Все это, намъ кажется, не требуетъ доказательствъ; довольно припомнить, какимъ языкомъ, въ какихъ выраженіяхъ передаютъ божественное ученіе напр. апостолы Іоаннъ и Павелъ, Петръ и Іаковъ. Всѣ они говорятъ одно, но выражаютъ свою мысль далеко не такъ, какъ мы теперь, и не одинаково одинъ, какъ и другой. Ихъ ученіе тоже, какое и доселѣ удерживается православною церковію; но оно во многомъ не такъ выражено въ ихъ писаніяхъ, какъ теперь послѣ восьмнадцати вѣковой работы догматико филологической. Тоже нужно сказать и относительно догматическихъ вѣроопредѣленій, существовавшихъ въ разныхъ церквахъ въ разныя времена, въ послѣ-апостольское время [1] Оттого всѣ церковныя и отеческія вѣроопредѣленія, будучи сходны между собою по духу, по внутреннему смыслу, до извѣстнаго времени были различны по буквѣ. Впрочемъ, всегда въ церкви обращали вниманіе на эту внѣшнюю сторону догмата. Нельзя сказать, чтобы хоть одна церковь относилась индифферентно къ буквѣ своихъ вѣроопредѣленій и чтобы разность буквы въ церковныхъ опредѣленіяхъ мѣстныхъ церквей гдѣ либо и когда либо происходила отъ признанія неважности опредѣленія догмата, словеснаго его выраженія [2]. Напротивъ, та или другая мѣстная

(1) И здѣсь опять все дѣло зависѣло отъ невыработанности и недостаточной условности богословскаго языка. Довольно припомнить, какъ постепенно вводятся въ догматическія опредѣленія и получаютъ условное значеніе важнѣйшіе догматическіе термины: Троица, существо (οὐσία), ипостась, единосущный, первородный грѣхъ, промыслъ и т. п.; какихъ иногда трудовъ стоило отцамъ первыхъ вѣковъ, при невыработанности тогдашняго богословскаго языка, дать сколько нибудь точное опредѣленіе извѣстной догматической истины.

(2) Эта разность, кромѣ невыработанности языка, развитію кото-

церковь, имѣя извѣстный символъ, различный по буквѣ отъ символовъ другихъ церквей, строго требовала принятія этой самой буквы своего символа отъ своихъ членовъ, заставляя заучивать и точно повторять его при крещеніи, предоставляя только самой себѣ право отъ времени до времени, по требованію обстоятельствъ, въ огражденіе отъ перетолкованій еретиковъ, дѣлать нѣкоторыя измѣненія въ буквѣ своихъ символовъ или вѣроизложеній. Такъ продолжалось въ церкви до тѣхъ поръ, пока ухищренія еретиковъ, пользовавшихся этимъ буквальнымъ различіемъ символовъ разныхъ церквей и сравнительно не полными, не точными и не обще-условленными нѣкоторыми въ нихъ опредѣленіями, не заставили церковь позаботиться о точнѣйшемъ, возможно полнѣйшемъ и однообразномъ для всей церкви опредѣленіи буквы откровенной истины во всѣ вѣка непремѣнно сохранявшейся въ живомъ ея преданіи. Съ этого времени съ общаго согласія установленный и принятый, возможно точный извѣстный образъ выраженія извѣстной части христіанскаго вѣроученія становился уже обязательнымъ для каждаго изъ православныхъ христіанъ и соблюдался неизмѣнно во все послѣдующее время. Чрезъ это самое полагался конецъ измѣняемости извѣстнаго вѣроопредѣленія, такъ что и эта формальная, измѣняемая до того времени сторона догмата, получала съ этихъ поръ характеръ неизмѣняемости, догматизаціи на всѣ вѣка. Такую именно

раго нужно бы дать необходимую для того свободу, прежде чѣмъ налагать санкцію на первыя попавшіяся подъ руку выраженія,—зависѣли отъ многихъ внѣшнихъ причинъ, напр. въ первые три вѣка отъ гоненій, дѣлавшихъ невозможными вселенскіе соборы и вообще весьма много затруднявшихъ сношенія между церквами.

неизмѣняемость имѣетъ никео—константинопольскій сѵмволъ и другія догматическія опредѣленія, напр. о двухъ естествахъ во Христѣ и о двухъ воляхъ. Къ никео-константинопольскому сѵмволу по вѣрованіямъ церкви нельзя прибавить и отъ него нельзя убавить ни одного слова ([1]). Это впрочемъ не значитъ, что церковь отказывается отъ составленія новыхъ болѣе точныхъ формулъ въ огражденіе своей вѣры отъ новыхъ заблужденій. Она составляетъ эти формулы, но только не вноситъ ихъ въ сѵмволъ, какъ показалъ опытъ самихъ вселенскихъ соборовъ (IV Всел. Соборъ). Притомъ и въ этихъ новыхъ формулахъ церковь употребляетъ тѣ же термины, какіе уже приняты ею, только еще точнѣе опредѣляя ихъ значеніе, такъ что все, выработанное относительно внѣшняго опредѣленія догмата однажды вселенскою церковію, получаетъ на всѣ времена твердость, неизмѣняемость ([2]). Итакъ

([1]) Церковь достаточно утвердила неизмѣняемость Никео-константинопольскаго сѵмвола своими запрещеніями дѣлать въ немъ какія либо измѣненія, выраженными въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ. Далѣе, она достаточно доказала твердость принятаго ею рѣшенія тѣмъ, что доселѣ не сдѣлала никакого въ немъ измѣненія, хотя случаи къ тому представлялись. На IV вселенскомъ соборѣ была очень, повидимому, настоятельная нужда добавить сѵмволъ православнымъ ученіемъ о соединеніи двухъ естествъ въ І. Христѣ; составлена была весьма точная и весьма краткая формула, которую, казалось бы, было весьма удобно и полезно включить въ сѵмволъ (напр. въ такомъ видѣ: вѣрую—въ неслитное, непреложное, нераздѣльное и неразлучное соединеніе двухъ естествъ въ Господѣ нашемъ І. Христѣ) и —однакожъ церковь осталась вѣрна своему запрещенію. Наконецъ, въ спорахъ съ латинянами объ исхожденіи св. Духа православная церковь постоянно укоряла ихъ не только за неправоту ихъ ученія, но и за нарушеніе ими прямыхъ постановленій вселенскихъ соборовъ о безусловной неизмѣняемости буквы сѵмвола вѣры. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора сочиненія: Древн. формы сѵмв. вѣры, стр. 187.

([2]) И не безъ причины церковь такъ дорожитъ самою буквою этихъ формулъ, не дозволяя ее измѣнять. „Безъ единства въ общеусловлен-

поха вселенскихъ соборовъ положила во многомъ предѣлъ измѣняемости внѣшней стороны вѣроопредѣленія. Но однакожъ и вселенскіе соборы не все сдѣлали по части точнѣйшихъ вѣроопредѣленій. Нѣкоторые догматы точнѣе опредѣлились съ внѣшней стороны, со стороны ихъ буквы въ періодъ послѣ вселенскихъ соборовъ, таково напр. догматическое ученіе объ исхожденіи Св. Духа и ученіе о таинствахъ вообще и др. (¹). Нѣкоторыя стороны въ догматическомъ ученіи до сихъ поръ не имѣютъ точнѣйшаго опредѣленія, не переставая однакожъ отъ того быть откровенными, вселенскими, неизмѣняемыми догма-

ныхъ выраженіяхъ мысли, справедливо замѣчаетъ авторъ вышеуказаннаго нами сочиненія (Древ. формы симв. вѣры, стр. 203—204), не возможно уже удостовѣриться касательно единства и самой мысли. Настойчивая своеобразность въ словѣ въ существѣ дѣла указывала бы *на своеобразность и въ мысли*". Церковь знаетъ, добавимъ отъ себя, чего *стоили ей догматическія формулы*, чего стоила, нерѣдко, каждая буква этихъ формулъ; *припомнимъ исторію* догматическихъ споровъ въ періодъ вселенскихъ *соборовъ*. *Зная такимъ образомъ* крайнюю необходимость общеусловныхъ выраженій, *зная далѣе, чего они ей стоили*, церковь не видитъ никакой причины когда либо замѣнить ихъ другими. Она знаетъ, что выраженій безусловно точныхъ ей не придумать (по самому свойству несовершеннаго языка человѣческаго), сравнительно же болѣе точныхъ, чѣмъ тѣ, которыя она выработала путемъ вѣковыхъ тяжелыхъ усилій богословской мысли въ цвѣтущую эпоху своей жизни, также ни въ настоящее, ни въ будущее время она не можетъ ожидать. А если бы и ожидала, то, при отсутствіи въ этихъ новыхъ выраженіяхъ абсолютной точности, что́ вознаградило бы ее за тѣ колебанія между тѣмъ или другимъ выраженіемъ и вредъ, происходящій для вѣры отъ этихъ колебаній, на которыя бы она осудила себя въ ожиданіи новыхъ и все таки не безусловно точныхъ формулъ?

(¹) Въ спорахъ объ исхожденіи св. Духа выработана точнѣйшая формула касательно отношеній св. Духа къ Сыну Божію. Далѣе, хотя церковь всегда отличала таинства отъ не таинства, и всегда предпочитала всѣмъ священнодѣйствіямъ тѣ семь, которыя у насъ извѣстны какъ таинства, однакожъ *формула*, что таинствъ *семь* явилась послѣ вселенскихъ оборовъ, не обращавшихъ особеннаго вниманія на формулированіе этой стороны догматики.

тами: таково напр. ученіе о степени участія благодати и свободы въ дѣлѣ спасенія человѣка, многое въ ученіи о томъ или другомъ таинствѣ въ отдѣльности, нѣкоторыя стороны въ ученіи о церкви, въ ученіи о плодахъ искупленія и пр. ([1]).—Итакъ сторона вѣроопредѣленія догмата измѣняема, но не безусловно

Безусловно и вполнѣ измѣняемы объясненія и доказательства догмата. Догматъ самъ по себѣ, по самой своей природѣ, какъ истина откровенная, не нуждается въ доказательствахъ и объясненіяхъ. Природѣ догмата чужды доказательства; догматъ, какъ истина откровенная, опирается не на доказательства, а на авторитетъ божественнаго откровенія. Доказательства и объясненія догматовъ, будучи чужды ихъ природѣ, вытекаютъ изъ природы человѣка, нужны для человѣка, а не для догмата, и суть вполнѣ дѣло человѣческое, а потому допускаютъ безконечную измѣняемость, при всей неизмѣняемости той истины, къ выясненію или утвержденію которой направлены. Какъ дѣло чисто человѣческое, доказательства и объясненія всегда условливаются тѣми умственными средствами, какими располагаютъ данное время и данная личность, и потому представляютъ безконечное разнообразіе и самыя различныя степени совершенства. Такъ умственнымъ и религіознымъ состояніемъ, въ періодъ первыхъ трехъ вѣковъ, обусловливалось то, что догматическія истины въ это время раскрывались преимущественно изъ Св. Писанія Вет. Зав. ([2]), изъ началъ разума, изъ жизни природы и исторіи человѣчества, преимущественно

([1]) Разумѣемъ опять отнюдь не сущность ученія, а словесную его формулу.

([2]) Противъ заблужденій Евіонитскихъ.

же изъ исторіи языческаго міра ([1]). Тогдашнимъ состояніемъ церкви и образованія объясняется, почему рѣдко заимствовались доказательства изъ Св. Писанія Нов. Зав., изъ церковнаго преданія и изъ данныхъ наукъ естественныхъ, находившихся въ то время въ младенчествѣ. Изъ состоянія церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ объясняется, почему доказательства и объясненія въ это время заимствовались преимущественно изъ Св. Писанія Новаго и отчасти Ветхаго Завѣта, изъ началъ Христіанства и свидѣтельства и авторитета церкви, менѣе чѣмъ прежде изъ природы и исторіи человѣчества. Отсюда же объясняется характеръ средневѣковыхъ доказательствъ, отчасти основывавшихся на свидѣтельствахъ Св. Писанія и Отцевъ церкви, отчасти имѣвшихъ характеръ діалектическій. Отсюда же понятно почему въ новѣйшія времена, кромѣ прежнихъ доказательствъ и объясненій, получаютъ видное мѣсто доказательства и объясненія изъ наукъ историческихъ, философскихъ и естественныхъ. Не говоримъ о безчисленно-разнообразныхъ оттѣнкахъ въ характерѣ и развитіи того или другаго доказательства въ разное время и у разныхъ лицъ одной и той же эпохи. И не только частныя лица, но и вся церковь въ лицѣ своихъ соборовъ, не только помѣстныхъ, но и вселенскихъ, употребляла существовавшія въ извѣстное время средства для выясненія и обоснованія догмата и пользовалась этими средствами такъ, какъ тогда ими пользовались. Вселенскіе соборы были органами Духа Святаго только въ той мѣрѣ, въ какой они утверждаютъ извѣстную

([1]) Противъ языческаго политеизма и полуязыческаго гностицизма.

истину. Утвержденіе этой истины есть дѣло Духа Божія, обитающаго въ церкви, но не объясненіе и доказательства ея. Это послѣднее есть дѣло посильнаго человѣческаго разумѣнія и усилія къ выясненію богооткровенной истины. Здѣсь въ области объясненій и доказательствъ допускается участіе естественнаго разума для пользы самаго человѣка, въ видахъ развитія въ немъ, какъ въ существѣ разумно-свободномъ, самодѣятельнаго отношенія къ этой истинѣ.

Такимъ образомъ вся дѣятельность церковнаго сознанія направлена была не на развитіе догматическихъ истинъ самихъ въ себѣ, не на уясненіе ихъ для него самаго (церковнаго сознанія), а на пріисканіе способовъ къ точнѣйшему и наиболѣе соотвѣтствующему ихъ сущности внѣшнему выраженію, на пріисканіе доказательствъ и разъясненій для человѣческаго сознанія отдѣльныхъ лицъ. Сюда же направлена была и дѣятельность ума отдѣльныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ связи съ преданіемъ церковнымъ. Не говоримъ о сознаніи лицъ разорвавшихъ связь съ сознаніемъ общецерковнымъ. Ихъ дѣятельность, не ограничиваясь внѣшнею стороною догмата, а касаясь и его существа, относится къ судьбамъ догмата какъ сила разрушительная, обращаемая впрочемъ Промысломъ ко благу вѣры, къ созиданію, а не разрушенію, къ точнѣйшему опредѣленію догмата, его выясненію для обыкновеннаго частнаго человѣческаго ума.

Сознаемся, что правильное рѣшеніе вопроса о томъ, что̀ относится къ одной сторонѣ догмата и что̀ къ другой, представляетъ большія трудности, особенно въ приложеніи на практикѣ, и потому неправильное рѣшеніе вопроса очень возможно. Очень легко, болѣе

чѣмъ сколько слѣдуетъ, отнесть къ измѣняемой сторонѣ догмата и менѣе къ неизмѣняемой и на оборотъ; въ томъ и другомъ случаѣ получится неправильное понятіе о догматѣ. Въ первомъ случаѣ—вредъ для истины и вѣры, во второмъ—только для истины. Но и отказъ отъ рѣшенія этого вопроса ведетъ за собою слѣдствія также невыгодныя для вѣры и истины; онъ ведетъ за собою смѣшеніе и отождествленіе внѣшней и внутренней стороны въ догматѣ. Смѣшеніе производитъ сбивчивость, запутанность понятій догматическихъ. А отождествленіе возбуждаетъ сомнѣніе, не точно ли также измѣняемо и неизмѣняемое, какъ то, что̀ объявляется неизмѣняемымъ, хотя до очевидности ясно, что оно не таково. Изъ этихъ двухъ способовъ отношенія къ вопросу о составѣ догматовъ — способовъ, могущихъ, при неправильномъ ихъ примѣненіи къ дѣлу, равно вести къ невыгоднымъ для науки и вѣры слѣдствіямъ,—наука, какъ наука, всегда должна, конечно, предпочесть первый и не можетъ остановиться на послѣднемъ, по той простой причинѣ, что цѣль ея сообщить не только правильное, но и по возможности ясное понятіе о догматахъ. Вотъ почему, не смотря на всѣ трудности рѣшенія вопроса о предѣлахъ измѣняемаго и неизмѣняемаго въ догматѣ, мы однакожъ, по нашему крайнему разумѣнію, постарались представить опытъ разграниченія этихъ сторонъ догмата (1).

(1) Не имѣя намѣренія бросать невыгодную тѣнь на достоуважаемые труды нашихъ догматистовъ, отдавая вполнѣ должное ихъ трудамъ по догматикѣ, мы единственно для разъясненія дѣла и въ доказательство справедливости нашей мысли, не можемъ не замѣтить, что недостатокъ разграниченія неизмѣняемой и измѣняемой стороны въ догматѣ отражается невыгодными слѣдствіями на нашихъ догматикахъ. Изъ числа

IV.

На основаніи сдѣланнаго нами разграниченія двухъ сторонъ въ догматѣ можно опредѣлить задачу догматическаго богословія и историческаго изложенія догматовъ слѣдующимъ образомъ:

Задача догматическаго богословія есть систематическое изложеніе всѣхъ догматовъ въ ихъ совокупности, какъ истинъ богооткровенныхъ, неизмѣняемыхъ, съ частнѣйшимъ раскрытіемъ православнаго смысла каждаго догмата и съ краткимъ указаніемъ основаній для такого, а не для другаго смысла въ Св. Писаніи и во всегдашнемъ преданіи церкви, а если догматъ удобопостижимъ, то и — согласія его съ истинами ума человѣческаго. —Догматическое богословіе имѣетъ въ виду преимущественно неизмѣняемую, существенную

многихъ неудобствъ укажемъ на слѣдующія. Классификація догматовъ въ нашихъ догматикахъ безъ строгаго разграниченія сторонъ въ догматѣ порождаетъ много недоумѣній. Такъ, одни дѣленія допускаются, другія отвергаются. Но, по нашему мнѣнію, всѣ дѣленія догматовъ могутъ быть допущены съ одной точки зрѣнія и должны быть отвергнуты съ другой, и потому должны быть какъ допускаемы, такъ и отвергаемы условно. Такой условности мы не находимъ въ нашихъ догматикахъ. Такъ преосв. Филаретъ, допуская дѣленіе на основные и не основные или пояснительные, на такіе которыхъ нельзя не знать безъ ущерба для спасенія, и которыхъ можно не знать (или иначе сказать, на существенные и несущественные) и вооружаясь противъ католическаго богослова Бреннера, не допускающаго таковыхъ дѣленій, рѣшительно отвергаетъ всякую возможность не признать такія дѣленія. Между тѣмъ съ точки зрѣнія на догматы, какъ на богооткровенныя истины, данныя для спасенія человѣка независимо отъ того какъ они входятъ въ обыкновенное человѣческое сознаніе и какъ ими пользуется человѣкъ, конечно нельзя допустить, чтобы какая либо истина была не основная или не существенная или не необходимая для спасенія. У пр. Макарія болѣе условности въ дѣленіяхъ догматовъ; но и здѣсь мы не находимъ ясно формулированныхъ принциповъ ихъ дѣленія. У пр. Макарія дѣленіе на библейскіе и церковные догматы—безусловно отрицается; на раскрытые и не раскрытые—условно допускается; на общіе или основ-

сторону въ догматѣ. Выяснить, что именно нужно считать умозрительнымъ богооткровеннымъ ученіемъ, какъ велика эта область, что ее составляетъ и что къ ней не относится, какъ именно понимаетъ тотъ или другой догматъ православная церковь,—вотъ, что составляетъ главную задачу догматическаго богословія. Церковно-историческая формула догмата и его доказательства въ догматикѣ,—дѣло второстепенное. Для догматическаго богословія важна не буква, а смыслъ этой буквы, тотъ смыслъ, который соединялся съ извѣстною истиною и тогда, когда еще не существовала извѣстная формула. Еще менѣе имѣютъ для него значенія доказательства. Оно имѣетъ дѣло, какъ мы уже сказали, съ истинами, опирающимися единственно на авторитетъ божественный, который дѣлаетъ излишними всякія доказательства. Правда, оно предлагаетъ вселенскія формулы, но не его дѣло показывать, какъ

ные и частные или производные—безусловно допускается; на существенные и не существенные (на необходимые для спасенія и не необходимые) безусловно отвергается. Но, по нашему мнѣнію, можно условно допустить дѣленіе и на библейскіе и на церковные, если подъ церковными разумѣть догматы точнѣе опредѣленные по формѣ на вселенскихъ соборахъ; слѣдовательно, если смотрѣть на нихъ съ внѣшней ихъ стороны. Точно также условно можно допустить дѣленіе на существенные и не существенные—въ отношеніи къ внѣшней ихъ систематизаціи, въ отношеніи къ тому какъ они входятъ въ сознаніе отдѣльнаго лица или съ той точки зрѣнія, съ которой у пр. Макарія допускается дѣленіе на общіе или основные и частные или производные. Точно также условно можно отвергнуть допускаемое у пр. Макарія дѣленіе на общіе или основные и на частные или производные, если смотрѣть на догматы со стороны ихъ содержанія одинъ разъ на всегда даннаго церкви, не подлежавшаго никакому развитію, никакой исторической перемѣнѣ. См. Догм. Бог. пр. Филарета, изд. 1, ч. 1, стр. 21—22. Догм. Бог пр. Макарія т. 1. § 4.—Классификація догматовъ не есть дѣло не важное. Въ ней устанавливается взглядъ на догматы; а извѣстный взглядъ на догматы имѣетъ извѣстное вліяніе на весь строй догматической системы.

образовались эти формулы, какія формулы были прежде и пр.; иначе оно отвлечется отъ прямаго своего предмета — выясненія смысла догмата, заключеннаго въ эти формулы. Цѣль его, напротивъ, показать, какъ при всемъ совершенствѣ этихъ формулъ, смыслъ вселенскаго догмата не можетъ быть заключенъ въ формы несовершеннаго языка человѣческаго. Равнымъ образомъ оно ссылается и должно ссылаться и на свидѣтельства Св. Писанія и Св. Преданія, но не какъ на доказательства, а какъ просто на средства для подтвержденія того, что извѣстное опредѣленіе догмата не есть личное понятіе о немъ автора. Потому догматическое богословіе приводитъ только важнѣйшіе тексты Св. Писанія и творенія отцевъ, классическія мѣста изъ нихъ, разсматривая эти свидѣтельства со стороны подтверждающей такое, а не другое понятіе о догматѣ, предоставляя выясненіе разностей въ буквѣ ихъ текста, съ филологической, исторической и всякой другой стороны, другой своей отрасли, занимающейся этою внѣшнею стороною догмата и историческими ея судьбами. Понятно послѣ этого, почему въ догматикахъ мы не встрѣчаемъ частнѣйшаго анализа текстовъ Св. Писанія и отеческихъ свидѣтельствъ, почему не выяснены частнѣйшіе оттѣнки тѣхъ и другихъ, почему представляется, что всѣ свидѣтельства говорятъ *совершенно* одно и тоже. Это недостатокъ, но недостатокъ не авторовъ. Это неизбѣжное неудобство задачи науки, преслѣдующей цѣль — выяснить и показать единство и неизмѣнность содержанія и смысла догмата во всѣ вѣка. Причемъ, естественно, догматическое богословіе, если указываетъ на тексты Св Писанія и на свидѣтельства

отцевъ, то сообразно съ своею задачею выставляетъ ихъ только съ одной стороны, — со стороны существеннаго согласія ихъ смысла, но не со стороны несущественнаго различія ихъ буквы, способа выраженія и др. особенностей эпохи или личности.—Такой именно характеръ имѣютъ наши догматики, съ тѣмъ только различіемъ, что, при отсутствіи у насъ историческаго изложенія догматовъ, они часто отвлекаются отъ главной своей задачи. Слишкомъ много приводятъ свидѣтельствъ изъ Св. Писанія и Св. Преданія; не ограничиваясь важнѣйшими—приводятъ всѣ. Много также занимаются вопросами недогматическими именно — церковно-историческими (каковы всѣ очерки исторіи догматовъ), обрядовыми (напр. о крещеніи чрезъ погруженіе или чрезъ обливаніе; объ опрѣснокахъ и квасномъ хлѣбѣ и т. п.), каноническими (напр., кто можетъ совершать таинство священства и что требуется отъ приступающихъ къ нему и т. п.), наконецъ истинами, правда, относящимися къ умозрительной области, но не составляющими догматовъ, а только соприкосновенными съ ними ([1]), явившимися вслѣдствіе стремленія ума человѣческаго рѣшить вопросы, на которые не дано отвѣта въ откровеніи (напр. когда пали злые духи; когда сотворены ангелы; какимъ образомъ является на свѣтъ душа каждаго человѣка; будутъ ли воскресшія тѣла имѣть полъ; какой они будутъ имѣть по воскресеніи воз-

---

([1]) Соглашаемся, что весьма многіе вопросы не только послѣдняго рода, но и обрядовые и каноническіе довольно близко соприкасаются съ чисто догматическими вопросами. Но если трактовать о всемъ, что соприкасается съ догматикою, то догматика будетъ наукою безъ конца. Догматъ есть душа все проникающая и въ обрядахъ и въ установленіяхъ церковныхъ и во всей жизни церковной.

растъ и т. д.). Всѣ указанныя излишества въ нашихъ догматикахъ объясняются желаніемъ ихъ авторовъ восполнить очень ощутительный недостатокъ историческаго изложенія догматовъ и сами собою исчезнутъ, отойдутъ къ послѣднему, когда будетъ существовать у насъ эта отрасль науки. Въ настоящее же время, отвлекая вниманіе отъ существенной задачи догматическаго богословія всесторонняго выясненія смысла догматовъ, вредя внѣшней и внутренней стройности системы, разширяя объемъ и безъ того широкой и многосодержательной науки,—всѣ эти подробности однакожъ мало достигаютъ цѣли, ради которой онѣ вводятся. Яснаго понятія объ исторической судьбѣ догматовъ, о различныхъ способахъ ихъ внѣшняго опредѣленія, выраженія въ жизни церковной, выясненія и доказательствъ въ разныя времена,—онѣ не даютъ. Система не можетъ, оставаясь системой, вмѣстѣ съ тѣмъ быть и исторіей. Занимаясь неизмѣняемою, существенною стороною догмата наука не можетъ въ тоже время прослѣдить всѣ фазисы развитія измѣняемой стороны его въ разные вѣка. Сдѣлать это—значило бы вести одновременно, параллельно два рода изслѣдованій. Но человѣкъ такъ устроенъ, что его вниманіе въ каждомъ дѣлѣ сосредоточено преимущественно на одной главной задачѣ. Двухъ же цѣлей и притомъ прямо противоположныхъ (каковы напр. двѣ совершенно противоположныя цѣли—раскрыть неизмѣняемую и въ тоже время прямо ей противоположную измѣняемую сторону догматовъ, иначе сказать, божественную и человѣческую)—достичь не можетъ. Итакъ, задача догматическаго богословія, по нашему мнѣнію должна быть уже, опредѣленнѣе.- Не думаемъ,

чтобы кто либо возразилъ намъ на это, что,—если исключить изъ догматическаго богословія историческіе очерки, крайне ограничить число и измѣнить характеръ, такъ называемыхъ, доказательствъ и наконецъ ограничиться въ строгомъ смыслѣ догматами, —то въ такомъ случаѣ мало останется труда на долю догматическаго богословія. Догматическія истины такъ глубоки и многосодержательны, что раскрыть ихъ смыслъ едва ли есть дѣло не представляющее труда. Безчисленное множество заблужденій догматическихъ дѣлаетъ то, что если заняться даже не обстоятельнымъ ихъ опроверженіемъ, а только простымъ ихъ отрицаніемъ, то и тогда одно отрицаніе этихъ неправильныхъ понятій догмата, безъ всякихъ историческихъ подробностей, потребуетъ не малаго труда. Строгое разграниченіе въ каждомъ догматѣ доступнаго и недоступнаго человѣческому уму—также дѣло не легкое. А выдѣленіе собственно догматовъ изъ круга истинъ недогматическихъ, мнѣній и попытокъ ума человѣческаго проникнуть въ область сокровеннаго для человѣка? Словомъ, догматика, сократившись въ объемѣ, должна сдѣлаться глубже въ своемъ содержаніи и потребовать отъ догматиста не менѣе, если не болѣе трудовъ, чѣмъ требовала прежде [1].

Задача историческаго изложенія догматовъ другаго рода. Если догматическое богословіе преслѣдуетъ идею единства догматическихъ воззрѣній въ церкви во всѣ

[1] Справедливость требуетъ замѣтить, что въ самой западной литературѣ большинство догматикъ страдаетъ неяснымъ пониманіемъ того, чѣмъ должно быть догматическое богословіе при исторіи догматовъ, —смѣшеніемъ чисто догматическихъ и историко-догматическихъ элементовъ. Есть однакожъ нѣсколько трудовъ болѣе или менѣе подходящихъ къ нами начерченной нормѣ; такова отчасти догматика Мартенсена.

вѣка ея существованія, то историческое изложеніе догматовъ преслѣдуетъ идею разнообразія внѣшняго выраженія догматовъ при единствѣ сущности догматическаго содержанія. Девизомъ историческаго изложенія догматовъ могутъ служить слова: разнообразіе въ единствѣ или единство въ разнообразіи.—Историческое изложеніе догматовъ должно показать, какъ среди трудовъ всей церкви надъ точнѣйшимъ опредѣленіемъ, раскрытіемъ и обоснованіемъ истинъ вѣры на языкѣ человѣческомъ и для обыкновеннаго человѣческаго разумѣнія и трудовъ частныхъ лицъ надъ тѣмъ же, частію принимаемыхъ, частію же исправляемыхъ и отвергаемыхъ церковію, возникла та внѣшняя схема догмата, въ какой онъ является въ наукѣ догматическаго богословія. Само собою разумѣется, что, слѣдя за исторіею образованія внѣшней схемы догмата, историческое изложеніе догматовъ, ни на минуту не должно опускать изъ вниманія неизмѣннаго его содержанія. Но историческое изложеніе догматовъ не раскрываетъ нарочито этого содержанія; оно предполагаетъ его уже извѣстнымъ, данымъ, всесторонне раскрытымъ въ другой наукѣ, въ догматическомъ богословіи. Правда, анализируя постепенно всѣ опредѣленія, объясненія и доказательства догматовъ, употреблявшіяся въ церкви въ разное время, различныя по буквѣ, но тождественныя по смыслу, историческое изложеніе съ тѣмъ вмѣстѣ уясняетъ и внутренній смыслъ догмата; но оно уясняетъ его не сразу, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ выработывается болѣе точная, всесторонне-обнимающая догматъ, словесная его формула, по мѣрѣ успѣховъ человѣческаго языка и ума въ точнѣйшемъ выраженіи и уясненіи

для обыкновеннаго человѣческаго пониманія сохраняемыхъ церковію догматовъ и на столько, на сколько выясненіе сущности догмата необходимо при анализѣ буквы догматическихъ формулъ и употребительныхъ въ извѣстное время объясненій и доказательствъ.—Итакъ историческое изложеніе догматовъ, имѣя дѣло главнымъ образомъ съ внѣшнею, измѣняемою стороною догмата, слѣдя за постепеннымъ ея развитіемъ имѣетъ дѣло съ употребительными въ то или другое время формулами, объясненіями и доказательствами догмата. Въ частности, задача этой отрасли науки прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлить изъ всей массы данныхъ то, что должно считать дѣломъ церкви и что есть дѣло частныхъ лицъ, далѣе насколько въ томъ или другомъ случаѣ та или другая личность была органомъ церкви и на сколько она дѣйствовала независимо отъ церкви, наконецъ—выдѣлить изъ всего этого еретическія опредѣленія и объясненія догматовъ. Входя далѣе въ частнѣйшій анализъ всѣхъ различныхъ опредѣленій, объясненій и доказательствъ, историческое изложеніе догматовъ должно показать, чѣмъ условливался различный ихъ характеръ, что значитъ на языкѣ извѣстнаго времени то или другое выраженіе, та или другая фраза, далѣе, какъ примирить неточныя, неосторожныя, повидимому даже неправославныя выраженія нѣкоторыхъ достоуважаемыхъ отцевъ о догматахъ съ несомнѣннымъ православіемъ этихъ отцевъ, съ несомнѣнно православнымъ ихъ ученіемъ объ этихъ самыхъ догматахъ, наконецъ, чѣмъ объяснить нѣкоторые уже несомнѣнно личные оттѣнки въ формулированіи и объясненіи нѣкоторыхъ догматовъ этими отцами, чѣмъ

отличаются эти такъ называемыя мнѣнія отцевъ отъ еретическихъ опредѣленій и объясненій. Отнюдь не смѣшивая всѣхъ этихъ данныхъ, напротивъ, раздѣляя ихъ по категоріямъ, каждому данному отводя приличное мѣсто и выясняя его смыслъ на языкѣ того времени, сообразно съ состояніемъ философскихъ и др. наукъ въ извѣстное время и пр., историческое изложеніе должно показать, какіе фазисы развитія прошла догматическая схема. Оно должно показать, въ какой формѣ Христосъ Спаситель и апостолы предали церкви догматы сообразно съ тогдашнимъ интеллектуальнымъ состояніемъ общества; какъ далѣе церковь сохраняя богооткровенныя истины во всей ихъ неизмѣнности, однакожъ въ разныя времена, соотвѣтственно различному уровню развитія языка и вообще просвѣщенія, различно формулировала, излагала, объясняла догматы въ словѣ человѣческомъ; далѣе какъ она защищала эти истины противъ нападеній на нихъ со стороны враговъ христіанства, смотря по характеру заблужденій различными доказательствами; какъ затѣмъ отцы и учители церкви пытались въ различныя времена дѣлать тоже самое и сверхъ того приближать непостижимое въ догматахъ къ чисто человѣческому частному разумѣнію, допуская при этомъ нерѣдко личные, болѣе или менѣе незначительные, оттѣнки въ пониманіи богооткровенныхъ истинъ, удаляясь чрезъ это болѣе или менѣе отъ общецерковнаго пониманія и способа выраженія догматовъ; какъ церковь исправляла ихъ погрѣшности; какъ наконецъ нѣкоторыя лица, руководясь чисто человѣческимъ измѣнчивымъ и шаткимъ умомъ, еще далѣе расходились съ общецерковнымъ пониманіемъ догматовъ и ихъ

опредѣленіями и объясненіями, но не успѣли поколебать богооткровенныхъ истинъ въ сознаніи церкви, а только подали ей поводъ къ возможно точному формулированію непостижимыхъ истинъ на языкѣ человѣческомъ и примѣнительно къ требованіямъ и законамъ ума человѣческаго. Такимъ образомъ предметъ догматической науки является въ историческомъ изложеніи догматовъ во всемъ своемъ внѣшнемъ разнообразіи, не отрицающемъ впрочемъ единства его существа.—Историческое изложеніе догматовъ снимаетъ съ догматическаго богословія упрекъ въ обезсвѣченіи догматическихъ данныхъ, въ лишеніи свидѣтельствъ св. писателей и отцевъ церкви, не большой, правда, но тѣмъ не менѣе присущей имъ доли историческаго и индивидуальнаго характера, — характера извѣстной эпохи и личности, въ неблаговидной, на взглядъ подозрительнаго невѣрія, утайкѣ свидѣтельствъ отцевъ и учителей церкви, не выражающихъ голоса вселенской церкви, словомъ въ тенденціозномъ будто бы подборѣ и искаженіи догматичесихъ данныхъ. Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ составляетъ прямой долгъ догматической науки. Бояться подобной задачи не можетъ наука, опирающаяся на вѣчныя, неизмѣнныя, богооткровенныя истины. Опасность для нея заключается не въ раскрытіи этой стороны дѣла, а въ опущеніи ея, въ умолчаніи объ ней. Опасность заключается въ томъ, чтобы въ умѣ изучающаго догматическое богословіе, которое сообразно съ своею задачею выставляетъ всѣ данныя со стороны существеннаго ихъ единства, не осталось сомнѣнія, не больше ли различія, чѣмъ сходства заключается въ вѣроопредѣленіяхъ церкви разныхъ временъ, въ сви-

дѣтельствахъ различныхъ св. писателей, отцевъ и учителей церкви, чтобы не осталось подозрительности, почему какъ бы утаиваются черты различія и только выставляются черты сходства, почему не приводятся свидѣтельства противныя общецерковному вѣрованію и пр. Историческое изложеніе догматовъ, обращая особенное вниманіе на всѣ эти разности, показывая ихъ свойства, степень, значеніе и пр., и, такимъ образомъ, вводя идею гармоніи, единства въ этотъ міръ внѣшняго, не существеннаго разнообразія, оказываетъ важную услугу догматической наукѣ, особенно въ наши времена, — во времена критическаго изученія источниковъ христіанскаго вѣроученія и тенденціознаго филологическо-историческаго перетолкованія текста историко-литературныхъ памятниковъ христіанства.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о методѣ историческаго изложенія догматовъ.

Два пріема или метода возможны въ наукѣ историческаго изложенія догматовъ: методъ эпизодическій или монографическій и методъ хронологическій или строго историческій.—Первый методъ весьма рѣдко употребляется въ западныхъ исторіяхъ догматовъ ([1]); что и весьма естественно, такъ какъ онъ представляетъ много неудобствъ. Онъ состоитъ въ томъ, что берутъ тотъ или другой догматъ или же цѣлый отдѣлъ догматики и излагаютъ всю исторію раскрытія

(1) Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ исторій догматовъ этотъ методъ допущенъ только въ одномъ католическомъ сочиненіи: Dogmengeschichte — Klee. Замѣчательно, что другіе католическіе писатели не послѣдовали примѣру этого ученаго.

этого догмата или отдѣла съ появленія христіанства до послѣдняго времени, потомъ переходятъ къ другому догмату или отдѣлу и съ нимъ дѣлаютъ тоже самое и т. д. Неудобства этого метода состоятъ въ слѣдующемъ. Историческое изложеніе догматовъ,—имѣя своею задачею изучить характеръ и особенности схемы, внѣшней оболочки догматическаго содержанія въ разныя времена въ связи съ характеромъ и особенностями языка и съ уровнемъ вообще образованія въ данную эпоху,—вмѣсто цѣльнаго изложенія всѣхъ вообще догматовъ на языкѣ извѣстнаго времени, съ нѣкоторыми внѣшними особенными оттѣнками въ изложеніи догматовъ, свойственными тому времени и личностямъ того времени,—беретъ не всю эту оболочку, а часть ея, лоскутокъ, представляющійся такимъ образомъ оторваннымъ отъ цѣлаго. При этомъ историческое изложеніе догматовъ рискуетъ или не выяснить особенностей въ характерѣ этой оболочки,—въ характерѣ, который ясенъ только тогда, когда берется часть въ цѣломъ, напр. выраженіе въ цѣломъ языкѣ, или же рискуетъ впасть въ безчисленныя повторенія, если, желая представить выраженіе того или другаго догмата въ связи съ выраженіемъ другихъ догматовъ, будетъ вдаваться каждый разъ въ общія обозрѣнія, которыя притомъ по своей общности мало будутъ имѣть наглядности, основательности и убѣдительности. Въ особенности же этотъ методъ не годится для достиженія той цѣли, къ которой въ настоящее время должно по преимуществу стремиться историческое изложеніе догматовъ, именно для борьбы съ современнымъ нѣмецкимъ, богословско-отрицательнымъ, критическимъ направленіемъ. Это направленіе, проникшее и

къ намъ, не есть отрицаніе или искаженіе одного или нѣсколькихъ догматовъ, а состоитъ въ неправильномъ истолкованіи исторической судьбы всѣхъ вообще догматовъ. Оно задалось цѣлію прослѣдить процессъ постепеннаго развитія системы христіанскихъ воззрѣній. Основываясь на внѣшнемъ различіи въ формулированіи, въ пріемахъ уясненія и обоснованія догматовъ въ разныя времена, раціоналисты этой школы утверждаютъ, что ученіе Іисуса Христа было одно, а ученіе Апостоловъ другое, ученіе церкви и отцевъ первыхъ трехъ вѣковъ было одно, а ученіе церкви и отцевъ вселенскихъ соборовъ другое, ученіе среднихъ вѣковъ было одно, а новѣйшихъ—другое. Опровергать съ успѣхомъ подобное заблужденіе наука не можетъ иначе, какъ пользуясь его методомъ и пріемами (¹).— Итакъ и чисто научныя и апологетическія цѣли требуютъ употребленія въ историческомъ изложеніи догматовъ втораго метода,—хронологическаго. Вотъ почему этотъ послѣдній методъ почти исключительно господствуетъ въ западныхъ исторіяхъ догматовъ. Правда и онъ представляетъ нѣкоторыя неудобства;

(¹) Положимъ, мы опровергнемъ гипотезу ученыхъ этого направленія относительно одного какого либо догмата; но вѣдь остается еще много другихъ догматовъ, къ которымъ, быть можетъ, приложима подобная гипотеза. Положимъ далѣе, мы по частямъ опровергнемъ относительно всѣхъ догматовъ извѣстныя предположенія; но не скажутъ ли намъ на это люди, вѣрящіе подобнымъ ученіямъ, что нами употребленъ не совсѣмъ честный пріемъ, давно извѣстный подъ именемъ: divide et impera, что сущность гипотезы даже и не затронута нами, что вся гипотеза опирается главнымъ образомъ на совокупномъ изображеніи всѣхъ догматовъ въ извѣстную эпоху, на сближеніяхъ историческихъ и т. п., что еслибы мы попробовали изложить всѣ догматы въ совокупности въ извѣстную эпоху, тогда, быть можетъ, вышло бы другое.

но послѣднія не такъ значительны, какъ представляемыя ими удобства. Въ историческомъ изложеніи по этому методу необходимо должна повториться вся догматическая система нѣсколько разъ, смотря по тому на сколько періодовъ дѣлится эта наука, т. е. должна нѣсколько разъ пройти предъ глазами читателей вся совокупность догматовъ въ томъ или другомъ внѣшнемъ ихъ выраженіи. Но этого рода повторенія неизбѣжны въ наукѣ; притомъ нельзя сказать, чтобы читатель каждый разъ находилъ здѣсь одно и тоже. Онъ находитъ въ существѣ одно, но въ выраженіи каждый разъ не мало особенностей, свойственныхъ времени. Далѣе, при такомъ изложеніи историческая постепенность перемѣнъ—въ доступной этимъ перемѣнамъ сторонѣ каждаго догмата въ отдѣльности—не сразу дается читателю, желающему прослѣдить постепенно всю исторію какого-либо одного догмата. Читателю самому приходится извлечь изъ всѣхъ отдѣловъ науки нужный ему матеріалъ. Но это опять неизбѣжное и въ сущности маленькое неудобство, трудъ для читателя небольшой. Неудобство это за то вознаграждается лучшимъ и болѣе разработаннымъ матеріаломъ, чѣмъ какой ему дастъ таже наука, при эпизодическомъ методѣ; точно такъ, какъ при пользованіи результатами тѣхъ наукъ, которыя удерживаютъ у себя схоластическія рубрики, пользующемуся данными науки не представляется никакого труда, но за то онъ получаетъ почти всегда сырой неразработанный матеріалъ; въ результатѣ же ему всегда приходится трудиться гораздо болѣе, чѣмъ при обращеніи съ науками, жертвующими этими маленькими удобствами, каковы рубрики, въ пользу существа дѣла.

Надѣемся, что, послѣ всего сказаннаго, болѣе или менѣе ясно, какого рода научными цѣлями вызывается къ существованію у насъ новая отрасль догматической науки и возможно-ли съ православной точки зрѣнія историческое изложеніе догматовъ [1].

А. Катанскій.

---

(1) Чтобы наша статья не казалась теоріей, не приложимой къ дѣлу, мы надѣемся представить вниманію читателей опытъ изслѣдованія по одной изъ частей историческаго изложенія догматовъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Архиеп. Николай (Касаткин)

Эллинская церковная журналистика в 1870 г.

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 5. С. 844-904.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ЭЛЛИНСКАЯ

ЦЕРКОВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВЪ 1870 ГОДУ.

Эллинскія періодическія изданія. Евангельскій Проповѣдникъ (Εὐαγγελικὸς Κήρυξ); его отдѣлы обще-богословскій и пастырски-педагогическій. б) Слово (Λόγος); его отдѣлы — философскій, гражданственный и религіозный. в) Православное Обозрѣніе (Ὀρθόδοξος Ἐπιθεώρησις; его исключительно практическое направленіе.

Греція наводнена массою періодической литературы. Въ столицѣ ея Аѳинахъ число періодическихъ изданій доходитъ до сорока, кромѣ этого многія изъ провинцій (ἐπαρχίαι) имѣютъ свои литературные органы, такъ что общее число изданій въ странѣ доходитъ до семидесяти. Есть изданія ежедневныя, двудневныя, тридневныя, еженедѣльныя, двухнедѣльныя, мѣсячныя, и все это количество и разнообразіе газетъ пишетъ и трактуетъ преимущественно о политикѣ внѣшней и внутренней. Конечно, въ нихъ есть мѣсто и для вопросовъ общественной жизни, мѣсто для оффиціальныхъ жалобъ и доносовъ, и даже для сплетней, словомъ: мѣсто для всего того, чѣмъ наполняются вообще газеты. Не чужда эта литература и вопросовъ религіозныхъ и церковныхъ, но она касается ихъ только вскользь, мимоходомъ, случайно; собственно же изданій, спеціально занимающихся цер-

ковными дѣлами, въ Греціи существуетъ только три. Какъ ни бѣдно это число по отношенію къ общей численности періодической литературы, нельзя сказать, чтобы оно было недостаточно по отношенію къ народонаселенію страны. Для полуторамилліоннаго государства трехъ церковныхъ газетъ достаточно, особенно если имѣть въ виду количественное отношеніе нашей періодической литературы къ народонаселенію Россіи. Въ Греціи одно изданіе приходится на полмилліона житилей, а у насъ болѣе, чѣмъ на милліонъ, слѣдовательно на недостаточность общественнаго вниманія къ предметамъ церковно-религіознымъ пожаловаться нельзя. Литературѣ остается только удовлетворять этому вниманію, т. е. знакомить общество съ уровнемъ научнаго въ данный моментъ развитія богословствующей мысли и съ современнымъ состояніемъ церковно-религіозныхъ дѣлъ, какъ внутри, такъ и внѣ государства. На сколько греческая духовная журналистика выполняла въ истекшемъ году предъ своими соотечественниками эти необходимыя періодической литературы предъ обществомъ обязательства,— дѣло ихъ взаимныхъ отношеній; для насъ она важна сама въ себѣ, на сколько даетъ матеріала для опредѣленія движенія богословствующей мысли и состоянія церковно-религіозныхъ дѣлъ собственно въ Греціи. Примѣнительно къ этому мы и будемъ разсматривать греческую журналистику, или точнѣе:—на основаніи ея постараемся представить очеркъ умственной и практической жизни Церкви королевства эллиновъ въ прошедшемъ 1870-мъ году.

I.

Научно-богословское положеніе греческой журналистики.

Въ періодической греческой литературѣ первое мѣсто, по хронологическому порядку, занимаетъ «*Εὐαγγελικὸς* **Κήρυξ** *Σύγγραμμα θεολογικὸν ποιμαντορικὸν κάι παιδαγωγικόν, περιλαμβάνον 'ενίοτε φιλολογικάς κάι φιλοσοφικάς πραγματέιας, εκδιδόμενον κατὰ διμηνίαν 'εν 'έξ τυπογραφικοῖς φύλλοις*». Въ изданіи его участвуютъ три лица: два профессора богословія въ аѳинскомъ университетѣ и учитель церковной семинаріи. Эта редакція въ настоящемъ ея составѣ образовалась въ позапрошедшемъ 1869-мъ году, и этотъ годъ Εὐ. Κήρ. опредѣлилъ, какъ начало втораго періода своего существованія и принялъ болѣе опредѣленную программу. Въ первой книжкѣ истекшаго года издатели почли своею обязанностію предъ читателями дать отчетъ (*λόγος*)—на сколько добросовѣстно въ прошедшемъ году журналъ выполнялъ свою программу и оказалось, конечно, что онъ шелъ и серьезно, и послѣдовательно по предначертанному имъ пути. На сколько справедливъ такой отзывъ журнала о себѣ самомъ, пусть судятъ читатели шестьдесятъ девятаго года; для новыхъ читателей этотъ отчетъ важенъ тѣмъ, что онъ знакомитъ съ программою журнала. «Всестороннее образованіе общества, или, собственно говоря, образованіе образователей (*μορφωτῶν*) общества, т. е. родителей, учителей и духовныхъ пастырей», вотъ задача, которую Евангельскій Проповѣдникъ положилъ въ основаніе своей программы. «*Εὐαγ.* Κήρ.», говорятъ издатели, «изслѣдуя въ прошедшемъ (1869) году причины господствующаго среди насъ нравственнаго растлѣнія и разврата

(ἠθικῆς ἐξαχρειώσεως καὶ διαφθορᾶς), недостатокъ воспитанія находитъ, какъ главную причину этого, что въ свою очередь происходитъ отъ незнанія той науки, которая занимается воспитаніемъ—отъ незнанія педагогики. Поэтому, выяснивъ и опредѣливъ правильное понятіе о воспитаніи, которое такъ много почитали и уважали древніе греки, показываетъ необходимость, возможность, законность и ходъ его, и даетъ вѣрный образъ и педагога и педагогическихъ пріемовъ (παιδαγωγικὸν τύπον)». Родители и преимущественно мать, слѣдующіе за ними—учители, а за этими духовенство (κληρικά), какъ ближайшіе воспитатели человѣка,—всѣ они получаютъ отъ Ев. Проп. совѣты. указанія и наставленія, каждый примѣнительно къ роду своей дѣятельности. Философскіе и литературные трактаты находятъ мѣсто въ Ев. Проп., но на столько, на сколько они заключаютъ въ себѣ педагогическаго матеріала и не противорѣчатъ педагогическому характеру журнала. «Но и другой характеръ Ев. Проп., т. е. характеръ его, какъ изданія періодическаго, нисколько не опускался изъ виду». Журналъ наблюдалъ за теченіемъ современныхъ событій (ἐφημέρων πραγμάτων) и сообщалъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ области богословія и педагогики, чему служатъ доказательствомъ.... (указываются статьи и страницы изъ прошлаго года).

Хотя издатели и объявили, что «Ев. Проп., какъ въ прошедшемъ, по предначертанному имъ пути, шелъ во всеоружіи науки и со всею послѣдовательностію (ἐπιστημονικῶς καὶ συνεπῶς), такъ и въ будущемъ намѣренъ идти по этому же пути неуклонно; но сопоставляя годичный объемъ журнала (6 книжекъ въ 6 ли-

стовъ) съ очерченною программою, трудно предположить, чтобы они могли выполнять 'Επιστημονικῶς свое обѣщаніе. Правда, они оговариваются, что «Ев. Проп.», какъ изданіе періодическое, назначается выполнять свою задачу не впродолженіи одного или двухъ и трехъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе каждый годъ долженъ представлять, что либо законченное по тому или другому отдѣлу программы, что либо цѣльное, чтобы давало возможность опредѣлить направленіе журнала, чтобы выясняло его отношенія къ наукѣ и жизни.... Впрочемъ перейдемъ къ дѣлу безъ предвзятыхъ мыслей.

Отдѣлъ общебогословскій, поставленный на первомъ мѣстѣ въ оглавленіи журнала, не упомянутъ издателями въ вышеизложенномъ повтореніи или программѣ, но въ журналѣ онъ является. Во второй книжкѣ журнала помѣщено окончаніе статьи (начало въ 1869 г.), содержащей въ себѣ объясненіе одного эпизода изъ страданій Спасителя: *укоривъ же Его Иродъ съ вои своими, и поругався, оболкъ Его въ ризу свѣтлу, возврати Его къ Пилату.* Если, по свидѣтельству исторіи, не только архонты и владѣтели, но и цари, какъ Киръ, Архелай и др., носили въ торжественныхъ случаяхъ бѣлыя одежды и считали ихъ привиллегіями царскаго достоинства, то въ чемъ же состояло поруганіе Спасителя, когда Иродъ облекъ Его въ бѣлую одежду? Мнѣніе толкователей, которые думаютъ, что Иродъ, одѣвши Спасителя въ бѣлую одежду, хотѣлъ унизить царское достоинство, не основательно, потому что въ этомъ случаѣ не было бы никакого поруганія для Спасителя. И самъ Иродъ носилъ такую одежду, какъ достоинство чести и величія, а цари всегда ревностно охраняютъ тѣ прерога-

тивы, которыя служатъ для нихъ отличіемъ отъ подданныхъ. Одежда, въ которую былъ одѣтъ Иродомъ Спаситель, была не царская одежда, но одежда римскихъ молодыхъ людей, называвшихся *кандидатами*. Это были претенденты на общественныя должности, и одежда ихъ не только была бѣлою, естественнаго цвѣта, но и вылакирована при помощи мѣла настолько, что бросалась въ глаза и казалась блестящею (*λαμπρὰ ἐσθὴς*), каковое выраженіе и употреблено у евангелиста; царская же одежда называлась: λευκὴ ἐσθὴς, *toga alba*. Толкованіе это болѣе или менѣе *общественно*. Статья эта принадлежитъ кажется К. Кондогони (подписано К. К.) старѣйшему профессору университета и, такъ сказать, основному редактору «Евангельскаго Проповѣдника». Ему же принадлежитъ помѣщенная въ 5-й книжкѣ монографія: «Исторія Несторіанской ереси». Вся исторія изложена на двадцати страницахъ и представляетъ, по преимуществу, внѣшній ходъ событій, обусловившихъ созваніе, продолженіе и окончаніе третьяго вселенскаго собора и вмѣстѣ съ этимъ и оканчивается. О судьбѣ несторіанъ послѣ собора замѣчается въ двухъ словахъ, что они, подъ именемъ халдейскихъ христіанъ, существуютъ и въ настоящее время. Внѣшняя исторія появленія несторіанства и выдѣленія его изъ церкви извѣстна, и потому предлагать резюме статьи нѣтъ нужды; замѣтимъ только, что слѣдовало бы ожидать отъ автора болѣе подробнаго изложенія предмета, чего требуетъ и монографія и къ чему авторъ имѣетъ средства.

Въ древности, когда греки вошли въ соприкосновеніе съ римлянами, они очень скоро сдѣлались по-

бѣдителями своихъ побѣдителей — интеллектуально, такъ что наконецъ римская имперія выродилась въ греческую. Но они не были такъ счастливы въ соприкосновеніи съ турками. Фанатизмъ послѣднихъ придушилъ геній грековъ. Религія ихъ была едва терпима, а о прозелитизмѣ среди магометанъ нечего было и думать. Но ходъ событій измѣнился, и греки, по своему географическому положенію, какъ ближайшіе сосѣди магометанъ, и вслѣдствіе сознанія своей исторической миссіи — распространять православіе у сосѣднихъ народовъ, начинаютъ обращаться къ туркамъ съ проповѣдію Христіанства. Говоря это, мы разумѣемъ письма, помѣщенныя въ Ев. Проп. «Магометанство въ отношеніи къ Христіанству». Одно письмо было напечатано въ 1869-мъ году; въ истекшемъ году появилось также одно письмо и продолженіе ихъ обѣщано. Неизвѣстный авторъ пишетъ письма къ своему другу изъ магометанъ, но желаетъ, чтобы они были извѣстны и другимъ лицамъ. «Очень желалъ бы, чтобы письма мои достигли до слуха и сердца тѣхъ изъ магометанъ, которые чрезъ образованіе познакомились съ цивилизаціей, но не съ Христіанствомъ. Больше же печалитъ меня духовное состояніе тѣхъ изъ ихъ единовѣрцевъ, которые безразсудно, по великому ихъ невѣдѣнію, знаютъ только кричать: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магомета пророка его», и между тѣмъ твердо исполняютъ его заповѣди... Знаю, что ты находишься теперь въ томъ разгарѣ военныхъ дѣлъ, когда еще сильнѣе возжигается фанатизмъ магометанства и громче раздаются эти крики; поэтому считаю благовременнымъ разъяснить тебѣ исторически: кто былъ этотъ пророкъ и какимъ образомъ онъ со-

общилъ такое пламенное начало своей проповѣди, что, и по прошествіи двѣнадцати вѣковъ, огонь еще сильно пылаетъ. Исторія эта будетъ полезна не только для тебя, но и для самыхъ фанатическихъ послѣдователей ученія, потому что, если не откроемъ передъ ними лица пророка, конечно съ должнымъ почтеніемъ къ ихъ сердечнымъ чувствамъ, невозможно взять въ руки Коранъ и объяснять истину. И такъ, кто былъ Магометъ»? Не будемъ передавать всей послѣдовательности письма автора, излагающаго жизнь Магомета; остановимся только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ указывается соотношеніе между Христіанствомъ и магометанствомъ. «Магометъ, по арабскимъ сказаніямъ, родился въ тринадцатомъ родѣ отъ Авраама. Арабы за родословіемъ этимъ слѣдятъ такъ же внимательно, какъ и мы слѣдимъ за родословіемъ другаго сына Авраама, рожденнаго отъ его законной жены Сарры, но не отъ рабыни Агари, которая была отдалена отъ дома патріарха, чтобы, какъ говоритъ Писаніе, родъ ея не имѣлъ участія въ наслѣдіи на равнѣ съ сынами обѣтованія, рожденными отъ свободныя (Быт. 21, 10). Меня понимаешь, любезный другъ, что говорю о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, въ лицѣ Котораго возвѣстилъ Богъ благословеніе всѣмъ народамъ земли, и Который такъ же былъ сынъ Авраама, но отъ Исаака (Быт. 22, 18). Достойно замѣчанія пророчество о Измаилѣ и потомкахъ его, находящееся въ Пятокнижіи Моѵсея, которому и самъ Магометъ приказываетъ безпрекословно вѣрить, упоминая часто о немъ въ Коранѣ не зная, что слова Моѵсея опровергаютъ его самаго. *Сей будетъ сильный человѣкъ: руки его на всѣхъ и руки всѣхъ на него и предъ лицемъ*

всея братіи своея вселится...... и въ великій народъ умножится (Быт. 16, 12, 21, 18). Не исполнилось ли это надъ дикимъ племенемъ арабовъ, которые воевали со всею вселенною во время калифатетва и проповѣди Корана»? При рожденіи, отецъ, во время домашней пирушки, далъ своему новорожденному сыну имя Μωάμεθ, т. е. славный, имя, котораго до этого времени никто не имѣлъ изъ членовъ его семейства. «Громкое это имя послѣдователямъ Корана подало поводъ составить странную и ни на чемъ не основанную идею, которую внушилъ имъ опятъ самъ же Магометъ, который въ 61-й гл. своего Корана говоритъ, что Іисусъ, сынъ Маріи, сказалъ къ сынамъ израилевымъ: Я посланъ отъ Бога, чтобы утвердить Пятокнижіе Моусея, данное вамъ прежде меня, и чтобы возвѣстить пришествіе другаго посланника, имѣющаго явиться послѣ меня, имя котораго будетъ Αχμέτ, т. е. славный. На чемъ основываясь говоритъ это Магометъ? Въ евангеліи Іоанна пишется, что Іисусъ, разлучаясь съ учениками своими, сказалъ имъ: *и Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами во вѣкъ Духъ истины* (14, 16). Далѣе, говоря о дѣйствіяхъ его, сказалъ: *егда же пріидетъ Утѣшитель, Его же Азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о Мнѣ*. Какое отношеніе могъ найти Магометъ между этимъ обѣтованіемъ Спасителя нашего и своимъ посланничествомъ? Новый законоположитель воспользовался созвучіемъ словъ: παράκλητος и περίκλυτος, чтобы приспособить къ себѣ самому пророчество. Свойственно ли такое присвоеніе человѣку добросовѣстному и особенно пророку? Пусть объ этомъ су-

дятъ послѣдователи его, потому что предъ ними лежатъ и Евангеліе и Коранъ и главы и стихи вышеозначенные. Истина между тѣмъ обнаружилась и изъ дѣйствій обѣщаннаго посланника. Господь дѣйствительно сказалъ, что Утѣшитель будетъ свидѣтельствовать о Немъ тоже, что Онъ и Самъ свидѣтельствовалъ о Себѣ, т. е., что былъ Истинный Сынъ Божій, равный Отцу; это же самое подтвердилъ апостоламъ и Духъ Святый, изобильно на нихъ изліянный; неправильно же приспособившій къ себѣ слова Христа не далъ Ему достодолжной славы, потому что не былъ освященъ отъ Духа истины, безъ котораго никто не можетъ знать Сына Божія и придти чрезъ Него къ небесному Его Отцу (Іоан. 14, 16)». Послѣ изложенія басни о явленіи Магомету архангела Гавріила, авторъ продолжаетъ: «что скажемъ мы, христіане, о новомъ этомъ посланничествѣ, которое засвидѣтельствовано отъ одного только посланнаго и никогда и ни кѣмъ не было предсказано міру? Не таково было обрадованное явленіе Господа нашего на Іорданѣ, прореченнаго и ожиданнаго всѣмъ міромъ и проч.... И какое странное противорѣчіе будетъ, если архангелъ Гавріилъ, послѣ явленія Пресвятой Дѣвѣ Маріи, чтобы благовѣствовать Ей воплощеніе Бога Слова, Который былъ исполненіемъ закона и пророковъ, будетъ опять являться, чтобы возставить новаго пророка, противорѣчащаго ученію Христа» Письмо оканчивается разсказомъ о бѣгствѣ Магомета изъ Мекки въ Медину. Оно, какъ видите, небогато выясненіями отношеній магометанства къ Христіанству, потому что, кромѣ вышеизложенныхъ, другихъ не заключаетъ въ себѣ. Можетъ быть послѣдующія

письма будутъ богаче въ этомъ отношеніи, но если будутъ продолжаться въ этомъ же родѣ, т. е., если будетъ излагаться исторія происхожденія и ученія магометанства съ подобными краткими указаніями крайнихъ ихъ противорѣчій, какъ съ Христіанствомъ, такъ и съ самими собою, то богословская наука не пріобрѣтетъ ничего новаго; съ другой стороны и практическая цѣль писемъ не достигнется, потому что магометане и безъ этого знаютъ основателя ихъ религіи.

«Χριστιανικοὶ φθόγγοι ἐκ τῆς κλασσικῆς ἀρχαιότητος». Какъ вопросъ объ отношеніи магометанства къ Христіанству, въ его практической постановкѣ, есть по преимуществу вопросъ мѣстный греческій, такъ наоборотъ вопросъ о христіанскихъ изреченіяхъ въ классической древности есть вопросъ общій научно-богословскій. Св. Ап. Павелъ поставилъ этотъ вопросъ, если можно такъ выразиться, въ богословскую науку. Инстинктивное предчувствіе грековъ о существованіи «невѣдомаго для нихъ Бога», онъ поставилъ и основаніемъ и въ немъ видѣлъ надежду на успѣхъ своей проповѣди среди грековъ. Отцы церкви останавливались на нѣкоторыхъ чертахъ поразительнаго сближенія язычества съ Христіанствомъ и, такъ или иначе, старались объяснить это; и новѣйшая наука не проходитъ мимо этого вопроса, но иногда рѣшаетъ его не въ пользу Христіанства. Авторъ указанной статьи не останавливается на исторически-научной постановкѣ вопроса и, послѣ краткаго предисловія, переходитъ къ сопоставленію изреченій изъ священнаго Писанія, преимущественно Новаго Завѣта, и изъ классическихъ сочиненій грековъ и римлянъ, въ которыхъ (изреченіяхъ) выражаются одинаковыя мысли о различныхъ

предметахъ нравственности и вѣры. Собраніе изреченій подводится подъ извѣстныя рубрики, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ поставлена слѣдующая: «Παρὰ πᾶσιν ἀνθρώποις ἐστὶ Θεός».

Иже (Богъ) *всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (I Тим. 2, 4).

«Всѣ люди сознаютъ необходимость существованія (χατέουσι) боговъ (Οδυσ 3, 48)».

«Всѣ люди имѣютъ понятіе о богахъ (Αριστ. περὶ ἐνο. 1, 3)».

Единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, Иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ (Ефес. 4, 6).

«У всѣхъ людей первымъ долгомъ считается почитать боговъ (Ξενοφ. Απομν. δ, 4, 19)».

Бога бойся и заповѣди Его храни, яко сіе всякъ человѣкъ (Еккл. 12, 13).

«Понятіе о богахъ самою природою напечатлѣно во всякой душѣ. Какой народъ или какое племя существуетъ на землѣ, которые бы не имѣли, независимо отъ доктрины, нѣкотораго предощущенія о существованіи боговъ (Cicer. de nat deor. 1, 16)».

Еще одно сопоставленіе подобныхъ изреченій и статья оканчивается; продолженіе ея будетъ слѣдовать въ настоящемъ году. Не можемъ не сдѣлать здѣсь одного замѣчанія. Въ предисловіи авторъ указываетъ, что онъ, при составленіи этого трактата, имѣетъ въ виду, кромѣ другихъ, сочиненіе по этому предмету знаменитаго Шнейдера. Вотъ довольно странное явленіе! Грекъ и такихъ же грековъ съ классицизмомъ Греціи знакомитъ по германскимъ сочиненіямъ! Пусть было бы это такъ по другимъ отраслямъ науки,

но греческая-то литература вѣроятно должна быть ближе знакома греку, чѣмъ нѣмцу.

Если не останавливаться на библіографическомъ разборѣ сочиненія хіосскаго митрополита, «Объ отношеніи эллинизма къ Христіанству», на одной проповѣди, произнесенной въ университетскую годовщину и на рѣчи одного гимнасіарха, «О томъ какая польза быть человѣкомъ, не знающимъ цѣли своего существованія», то богословскій отдѣлъ «Ев. Проповѣдника» и оканчивается. Что привнесъ «Е-хү: Кҳр» за истекшій годъ въ богословскую науку чтый да разумѣетъ.

Пастырски педагогическій отдѣлъ ведетъ одинъ изъ издателей, именно профессоръ Пастырскаго богословія въ университетѣ — архимандритъ Никифоръ Калогирасъ. За прошлый годъ труды по этому отдѣлу въ вышеуказанномъ предисловіи такъ обозначены: смотря на пастырей, какъ на третьихъ (т. е. послѣ родителей и учителей) воспитателей человѣка, «Ев. Проповѣдникъ» сообщаетъ имъ вообще понятіе, показываетъ цѣль спеціальной ихъ науки, т. е. богословія, съ подраздѣленіемъ его на вѣтви, и ихъ взаимною связію, въ частности же, понятіе и цѣль Пастырскаго богословія, т. е. такой науки, которая разрабатываетъ вопросы о образованіи пастырей, предназначающихся управлять всѣми -- духовно, такъ какъ имъ непосредственно вручено дѣло духовнаго управленія. «Евангельскій Проповѣдникъ», не ограничивается изслѣдованіемъ одной теоретической стороны высокаго дѣла — пастырства, но предлагаетъ и живые примѣры въ лицѣ тѣхъ мужей, которые, будучи основательно и серьозно приготовленными, примѣнили къ дѣлу практически высокія правила этой божественной

науки, явились знаменитѣйшими пастырями словесныхъ Божіихъ овецъ. Таковыми примѣрами представлены изъ древнихъ временъ: Григорій Назіанзинъ, изъ новыхъ: Филаретъ, митрополитъ Московскій. Въ настоящемъ году упомянутый профессоръ началъ печатать «Исторію Пастырства» (Ἱστορία τῆς Ποιμαντορικῆς). Основателемъ и отцемъ Пастырскаго богословія справедливо долженъ быть признанъ Св. ап. Павелъ. Всѣ апостолы заботились о томъ, чтобы ихъ преемники сколько были учителями и проповѣдниками Евангелія, столько и образцами и примѣрами нравственной жизни; по этому они обращали тщательное вниманіе на поведеніе, нравы и вообще на расположеніе жизни тѣхъ мужей, которымъ въ извѣстныхъ мѣстахъ и странахъ поручали ученіе и проповѣдь Евангелія въ свое отсутствіе. Великій же апостолъ языковъ, не довольствуясь словесными наставленіями, удостоилъ письменно наживописать образъ истиннаго духовнаго пастыря или епископа, въ двухъ посланіяхъ: къ Тимоѳею и къ Титу, которыя составляютъ многоцѣнное сокровище и неоцѣненный даръ для всѣхъ, которые принимаютъ на себя священное званіе пастырства и управленія церковію Христовою.

У такъ называемыхъ отцовъ апостольскихъ встрѣчаются по мѣстамъ пастырскія внушенія и наставленія къ епископамъ и пресвитерамъ, но изъ сочиненій ихъ ни одно не можетъ быть введено въ кругъ практическаго или Пастырскаго Богословія....

Четвертый и пятый вѣка составляютъ эпоху возможнаго развитія Пастырской науки въ восточной православной Христовой церкви. Въ эпоху эту, когда Христіанство сдѣлалось господствующею религіею,

кормило правленія церкви находилось въ рукахъ славнѣйшихъ мужей, которые отличались и всестороннимъ образованіемъ и богатствомъ научныхъ свѣденій и были проникнуты живѣйшимъ сознаніемъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Естественно, въ рукахъ этихъ мужей, управлявшихъ церковію, искусство (τέχνη) пасти христіанскій народъ должно было явиться предметомъ особенной научной теоріи.... Изъ отцевъ и богослововъ церкви этой эпохи первое мѣсто въ порядкѣ пастырей—богослововъ занимаетъ Григорій Нисскій. «Этотъ церковный писатель, много и достохвально содѣйствовавшій развитію богословскихъ наукъ, преимущественно же догматики и ѳики, не оставилъ безъ вниманія и пастырства. Труды его по этой отрасли богословія заключаются въ посланіи къ Летоію, еп. Мелитины, подъ названіемъ: κανονική. Въ этомъ посланіи излагаются замѣчательныя нравственныя и психологическія воззрѣнія (θεωρίαι) о церковной жизни и христіанскомъ просвѣщеніи. Хотя оно, будучи очень кратко, не можетъ считаться даже сколько нибудь похожимъ на систему Пастырскаго богословія, тѣмъ не менѣе въ исторіи этой науки достойно замѣчанія на столько, на сколько въ немъ встрѣчаются важныя воззрѣнія на искусство, при помощи котораго можетъ христіански улучшаться и устроиваться человѣческая душа, что имѣетъ не малое сродство и соотношеніе къ существеннымъ сторонамъ пастырства».

Послѣ Григорія Нисскаго, Григорій Назіанзинъ явился замѣчательнѣйшимъ дѣятелемъ въ наукѣ пастырства: онъ вложилъ идею въ эту науку, поставилъ ее на основанія научныя и сообщилъ ей широкое развитіе.

Все вышеизложенное составляетъ введеніе въ «Исторію Пастырства», какъ науки, затѣмъ слѣдуетъ трактатъ о трудахъ Григорія Богослова, чѣмъ и открывается самая наука, т. е. «Исторія Пастырства».

Научные труды Григорія Богослова по Пастырскому богословію разсмотрѣны авторомъ на основаніи сочиненій отца. Собственныя обстоятельства жизни Григорія Богослова и современное ему плачевное состояніе церковныхъ дѣлъ были главнымъ образомъ причиною, побудившею св. отца писать сочиненія по отдѣлу богословія—Пастырскому. Неожиданное рукоположеніе его въ пресвитера, тайное удаленіе отъ новой должности въ пустыню, различныя объясненія другими этого удаленія и возвращеніе къ отцу въ Назіанзъ были поводомъ къ написанію и произнесенію слова περὶ φυγῆς. Это слово можетъ быть характеризуемо не только какъ проповѣдь, но скорѣе какъ трактатъ о свойствахъ и обязанностяхъ духовнаго пастыря, такъ что оно служило прототипомъ для Іоанна Златоуста при составленіи имъ досточудныхъ его словъ «о священствѣ» и для Григорія Великаго при написаніи «*Liber regulae pastoralis*». Тяжелыя внутреннія испытанія переживала православная церковь во времена Григорія. Кромѣ догматическихъ волненій, состояніе клира было таково, что требовало энергическихъ мѣръ для исправленія его. Не немалочисленны были люди, которые, будучи «худы нравами, слабы умомъ, невѣжества, легкомыслія и порочности исполненные, и поэтому достойные всякаго порицанія и осужденія, и между тѣмъ или подло и безсовѣстно льстя сильнымъ, или безстыдно и нагло подстрекая чернь или иными неправильными и нечестивыми способами пользуясь, какъ

разбойники, а не какъ пастыри, успѣвали вскакивать на высшія церковныя должности». Поэтому-то, при избраніи священниковъ и епископовъ рѣдко обращалось вниманіе на добродѣтели и пастырскія качества: все зависѣло отъ предстательства и покровительства сильныхъ и вельможъ, что поддерживало и развивало сплетни, интриги, козни, ласкательства и проч. Не существовало никакого приготовленія, никакого предварительнаго испытанія, никакихъ яснопоставленныхъ требованій, никакого препятствія, и люди потерянные, худые, простые работники, безъ всякой трудности вступали на высшія церковныя достоинства. Слѣдствіемъ этого было: поношеніе и презрѣніе священныхъ должностей, а служители церкви, вмѣсто почтенія и уваженія, сдѣлались предметомъ смѣха и шутокъ, и въ душахъ вѣрующихъ, вмѣсто религіознаго чувства, являлась индифферентная холодность. Святый Григорій Богословъ противъ подобнаго порядка дѣлъ вооружается всею силою своего слова и своей энергіи. Онъ пишетъ обличенія, сильной ироніей поражаетъ (κατειρωνεύεται λίαν δηκτικῶς) хамелеоновъ, въ одинъ день преображавшихся изъ сборщиковъ податей, землекоповъ, матросовъ и пр. въ священниковъ и епископовъ, предлагаетъ подвергать строгому испытанію желавшихъ вступить въ клиръ и при возведеніи въ высшія должности наблюдать строгую постепенность, подобно той, какая существуетъ у моряковъ въ войскѣ и пр. Въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ онъ начертываетъ идеалъ служителя олтаря, согласно съ которымъ должны опредѣляться достоинства избираемаго или въ клиръ, или возводимаго клирика въ высшія церковныя должности. Всѣ изложенныя мысли ис-

пещрены выдержками изъ сочиненій Григорія Богослова, такъ что среди нихъ разсужденія автора дѣлаются мало замѣтными. По формѣ изложенія статья довольно близко подходитъ къ тому, что называется схоластикой. Автору нужно было вести свое изложеніе на основаніи сочиненій св. отца, съ другой стороны—и свои мысли подтверждать тѣми же сочиненіями, но въ соединеніи тѣхъ и другихъ разсужденій допущенъ чисто внѣшній механическій способъ. Выходитъ такъ: «люди ничтожнѣйшіе, занимающіеся самыми низкими работами, заручившись предстательствомъ и покровительствомъ сильныхъ, могли безъ всякой трудности вскакивать (εἰσπηδῶσιν) на высшія церковныя достоинства. И такимъ образомъ сегодня худой нравомъ и низкій по своему званію и образу жизни (τρόπον) являлся завтра участникомъ въ божественнѣйшихъ таинствахъ, будучи недостойно рукоположенъ въ священника или архіерея» (авторъ). «Вчера святотатцы, а сегодня іереи, вчера святыни внѣ, а сегодня тайноводители; устарѣвшіе въ порокахъ и новоявленные въ благочестіи; произведеніе человѣческой милости, а не дѣло благодати Духа»... (Григ. Бог.). Не только тождемысліе, но и тождесловіе.

Еще одна статья и теоретическая часть пастырски-богословскаго отдѣла журнала заканчивается. Это статья того же автора: «необходимость воспитанія и образованія для духовнаго пастыря». Неужели же нужно ставить подобный вопросъ и доказывать его (конечно съ положительной стороны), и тѣмъ болѣе вести доказательства отъ временъ апостольскихъ?! Въ практической части этого отдѣла помѣщены: біографія приснопамятнаго патріарха іерусалимскаго Гер-

мана и «Созуагаѳуполійскій епископъ, спаситель матросовъ» (отъ потопленія,—современный фактъ).

Что сказать о пастырски-педагогическихъ трудахъ журнала? Довольно странною кажется самая задача журнала «содѣйствовать образованію... пастырей церкви»! Что это значитъ? Если здѣсь разумѣется предварительное приготовленіе желающихъ посвятить себя пастырскому служенію, разумѣется то, чѣмъ занимается школа, очевидно труды журнала за годъ равняются нулю. «Исторія Пастырства» — это вѣроятно отрывокъ изъ лекцій профессора. Приготовляющіеся къ пастырству познакомились съ нимъ въ аудиторіи, и помѣщеніе его въ журналѣ, очевидно, излишне. Съ другой стороны, если журналъ будетъ идти такимъ медленнымъ шагомъ въ исполненіи своей задачи, то руководимые имъ и въ продолженіи всей ихъ жизни едва-ли получатъ необходимое приготовленіе къ пастырству. Вѣроятнѣе, поэтому, что журналъ подъ своею задачею разумѣетъ: содѣйствіе *пастырямъ церкви* въ ихъ трудахъ на поприщѣ педагогическомъ, пособіе въ ихъ дѣятельности религіознаго воспитанія народа. И въ этомъ случаѣ можно сказать тоже, что и въ первомъ, т. е. что журналъ или ничего или очень мало сдѣлалъ. Положимъ, для священника необходимо знакомство и изученіе научныхъ трудовъ и дѣятельности знаменитѣйшихъ пастырей церкви; практическіе примѣры, представляя наглядно истинную пастырскую дѣятельность, могутъ вызывать священника на серьезныя размышленія, возбуждать въ немъ ревность, усердіе къ своему дѣлу; но для священника мало размышленія и усердія, нужно еще умѣніе взяться за дѣло, и болѣе или менѣе успѣшно вести оное. Та

кимъ образомъ вопросъ сводится на чисто практическую почву. Но этого-то, какъ мы видѣли, и нѣтъ въ «Евангельскомъ проповѣдникѣ». Такая постановка вопроса особенно важна для эллинскаго духовенства, для котораго и издается самый журналъ. О положеніи этого духовенства будетъ рѣчь впереди; здѣсь замѣтимъ только, что руководство его должно начинаться, какъ говорится, съ азбуки. Для него: «понятія, цѣли и раздѣленія богословскихъ наукъ, исторія пастырства» и т. п. вещи будутъ китайскою граматою. Для него нужно не знакомство съ состояніемъ клира во времена Григорія Богослова, а знакомство съ его собственнымъ служеніемъ, съ его обязанностями, нужно прямое и непосредственное указаніе рода его дѣятельности, показаніе средствъ и способовъ примѣненія къ практическому выполненію его обязанностей. Говоря это, мы нисколько не противорѣчимъ программѣ журнала, не требуемъ отъ него того, чего онъ не обѣщалъ. Онъ обѣщалъ содѣйствовать образованію общества, собственно же образователей его, т. е. родителей, учителей и священниковъ (ἱερέων); слѣдовательно самъ указалъ на свою дѣятельность, какъ на чисто практическую, но въ своемъ продолженіи и... не останавливается на ней.

Такъ какъ отдѣлъ педагогическій не подлежитъ нашему обозрѣнію, а на отдѣлѣ: Современное обозрѣніе остановимся ниже, когда будемъ говорить о практической жизни церкви Греческой, то мы можемъ и заключить обозрѣніе «Евангельскаго Проповѣдника» въ его научномъ отношеніи. Если за прошлый годъ (1869) издатели сами произнесли достохвальное сужденіе о своемъ журналѣ, то для истекшаго года настоящее обозрѣніе, надѣемся, представляетъ достаточныя дан-

ныя русскимъ читателямъ для сужденія: на сколько «Евангельскій Проповѣдникъ» по предначертанному имъ пути *ἐβάδισεν ἐπιτυχῶς καὶ συνετῶς*.

«Слово»—еженедельная газета занимаетъ второе мѣсто (издается третій годъ) по хронологическому порядку въ греческой періодической литературѣ. Полное заглавіе этой газеты слѣдующее: «*Λόγος, ἐφημερὶς τῆς ἐν Χριστῷ θρησκείας, πολιτείας καὶ φιλοσοφίας*». (Слово. газета сущихъ въ Христѣ религіи, гражданственности и философіи). Подъ заглавными буквами находится виньетка въ кругѣ,—въ верхней части изображается Спаситель, подъ Нимъ находятся символическія изображенія (женскія фигуры) религіи—съ крестомъ, гражданственности—съ вѣсами и философіи—съ книгой, на периферіи круга надпись: вверху—*αἱ τρεῖς ἐξ ἑνὸς ἓν ἐσμέν*,—внизу—*Τὴν ἐν Χριστῷ πάντων πᾶσι συνιστῶμεν ἑνότητα*; на сторонахъ и внизу виньетки тексты: Іоан. I. 1, 3, 14, 16. Лук. II, 28. Редакторъ ея Макракисъ называетъ себя «учителемъ» (Сл. Г. 3. № 126) имѣетъ нѣсколько помощниковъ и сотрудниковъ, которые считаютъ честію для себя называться его учениками (№№ 96, 126). Въ продолженіи года онъ нѣсколько разъ, по причинѣ своего отсутствія, предоставлялъ имъ завѣдываніе редакціею, и въ это время являлись на страницахъ газеты великолѣпныя прославленія редактора, подпись котораго все-таки оставалась на №№ газеты, такъ что, не зная объ отсутствіи его, не разъ случалось удивляться редакторскому самовосхваленію. Да и самъ редакторъ не оставался у себя и своихъ учениковъ въ долгу. Вотъ какимъ образомъ эта газета рекомендуетъ и самую себя и своего редактора и соредакторовъ его: —: Газета «Слово»,

органъ *Самоистины*, единственная газета, издающаяся въ Аѳинахъ, имѣетъ исключительное призваніе служить волѣ Господа, волѣ, пребывающей въ вѣкъ вѣка, учить сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, обличать ложь и связывать вѣчнымъ молчаніемъ дерзкіе языки и не стыдящихся говорить ложь» (№ 95). Часто употребляются также выраженія: «Слово есть слово Слова вѣчнаго», «Слово есть избранный органъ вѣчнаго Слова» (№ 126) «Макракисъ есть умнѣйшій человѣкъ (*κάτοχος πολλῶν καὶ ὑψηλῶν ἰδεῶν*) какъ никто въ настоящемъ вѣкѣ; онъ проникнутъ не только знаніемъ религіи, но и знаніемъ истинной философіи и истиннаго законодательства. Это и быть такъ должно потому, что онъ вѣруетъ отъ всей души и отъ всего сердца въ слово непреложнаго и вѣчнаго Слова, и учился и научился отъ Слова, учился въ истинномъ университетѣ отъ премудраго (*πάνσοφον*) и единственнаго профессора? Объ этомъ свидѣтельствуютъ его сочиненія, всѣ благомыслящіе изъ народа, равно я пишущій это ученикъ его. Не другое что свидѣтельствуютъ и жизнь и дѣла его: онъ всецѣло посвятилъ себя образованію и спасенію нашего народа. «Никто не могъ ни изъ профессоровъ, ни изъ богослововъ, ни изъ юристовъ, ни изъ публицистовъ (*Οὔτε ἐκ τῶν ἐφημεριδογράφων*), никто не могъ опровергнуть истину устъ его, ученіе его наполнило (*ἐκωκζοφόρισε*) всю Элладу, и всераспространяется, чтобы просвѣтились многія помышленія и чтобы былъ отдѣленъ свѣтъ отъ тьмы. Вотъ каковъ есть Макракисъ, ученикъ и апостолъ вѣчнаго Слова, имѣющій высочайшее предназначеніе (*ἀποστολὴν*) въ XIX вѣкѣ»! «Духъ силы и мудрости говоритъ въ уши издателя Слова, достойнаго толкова-

теля Св. Писанія, посему и слово устъ его плѣняетъ и господствуетъ надъ всякимъ благимъ сердцемъ» (№№ 96, 107). И самъ Макракисъ приравниваетъ себя, по своей дѣятельности, къ апостоламъ и даже къ Іисусу Христу; сотрудниковъ своихъ называетъ «учениками, просвѣщенными свѣтомъ, учениками Λόγου, потому что они учились въ нашей (Макракиса) школѣ, профессоромъ и учителемъ которой Христосъ, умудряющій младенцевъ и неразумныхъ». (№ 123). Впрочемъ, много нужно мѣста, чтобы выписывать все, что гг. редакторы говорятъ о себѣ и о своей литературной дѣятельности. Здѣсь нельзя не припомнить словъ Бѣлинскаго о панегирикѣ Полеваго самому себѣ: «охотно вѣримъ г. Полевому, но лучше было бы, если бы это сказали о немъ другіе», да, лучше было бы, если бы все, сказанное «Словомъ» о себѣ самомъ, сказали другіе, — что же говорятъ о немъ другіе? Прежде говорили о немъ, кажется, многіе и много, но въ послѣднее время замолчали. Двѣ, три свѣтскія газеты (Παλιγγενεσία, Ἐπανάστασις, Μέλλον и др.) касались «Слова» мимоходомъ, и только вновь появившаяся церковная газета (Ὀρθόδοξος Ἐπιθεώρησις) посвятила «Слову» нѣсколько статей. Но всѣ эти газеты, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, обзываютъ г. Макракиса шарлатаномъ, ханжей (πλάνος, ἀγύρτης) (¹), фанатикомъ, который ругаетъ всѣхъ и все, безстыднымъ софистомъ, человѣкомъ недалекаго ума (κάτοχος ὀλίγων ἰδεῶν), притомъ же полусумашед-

(¹) Это слово употребляется въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ ханжа ἀγύρτης, значитъ просто *мошенникъ*, или наше техническое слово *мазурикъ*; въ приложеніи къ религіозности понятіе о немъ даютъ странники-богомольцы, которые разные камушки и тряпки выдаютъ за вещи принесенныя изъ Царь-града, Іерусалима и проч.

шимъ, которому мѣсто въ домѣ умалишенныхъ. Отзывы на столько противорѣчивы, что между ними невозможно примиреніе. На которой же сторонѣ правда? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Священный Сvнодъ эллинскій. Съ апрѣля мѣсяца истекшаго года газету «Слово» Сvнодъ избралъ своимъ органомъ. Впрочемъ это слово нужно понимать не въ полномъ его значеніи. Сvнодъ рекомендовалъ ее клиру, какъ газету, отличающуюся вполнѣ православнымъ направленіемъ, какъ вѣрно понимающую положеніе и нужды церкви, и потому совѣтовалъ ее выписывать. Съ другой стороны Сvнодъ печаталъ въ ней (теперь кажется ужъ не печатаетъ) всѣ важнѣйшія свои распоряженія, но не употребляетъ ее органомъ для проведенія своихъ идей, желаній и взглядовъ. Конечно, мы имѣемъ всѣ основанія полагаться на авторитетъ Священнаго Сvнода, но не такъ къ этому факту относятся здѣсь; напр. вышеупомянутая газета «Православное Обозрѣніе» такъ зло выражается по этому случаю: «горько, что макракизмъ, то есть систематическая глупость и организованный фанатизмъ, управляетъ нашею церковію» (№ 1 год. 2). Что же это за сфинксъ газета?

Порядокъ отдѣловъ газеты въ оглавленіи ея поставленъ такъ: религія, гражданственность и философія, но мы обозрѣніе ея начнемъ съ противоположной стороны, т. е. съ философіи. Строго говоря, за отсутствіемъ въ газетѣ элементовъ, сколько нибудь похожихъ на нѣчто философское, философскаго отдѣла въ ней нѣтъ. Нельзя же почтить такимъ названіемъ двѣ краткія, ничего не содержащія статейки о «Фихте» и «Шеллингѣ». Впрочемъ, понятіе редактора о философіи и не сводится на послѣдованіе и проведе-

ніе какой-либо опредѣленной философіи: онъ понимаетъ философію, какъ понимали ее во времена схоластики, въ ея чисто формальномъ отношеніи ([1]). Формальная логика для него критеріумъ всякой истины, и онъ такъ вѣритъ этому критерію, что имъ опредѣляетъ даже достовѣрность или недостовѣрность историческихъ фактовъ, такъ что все реальное содержаніе жизни для него на столько реально, на сколько можно втиснуть оное въ логическія формы ([2]). Въ

([1]) Замѣчательно, что и обстоятельства его жизни нѣсколько напоминаютъ сказанія о схоластикахъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ — „Городъ Сіонъ“ (1860 г.) пишетъ: Достопочтеннѣйшая моя матерь (предисловіе посвящено Божіей Матери)! Помню время, когда ты, окруженная солнцемъ, посѣтила твое чадо, принесши мнѣ въ даръ (δωρουμένη μοι) Слово благое, которое — сердце безначальнаго Отца отрыгнуло и которое Ты родила .. Отрицался я принять этотъ даръ, сознавая свое недостоинство, но не могъ отречься... Посвященный послѣ этого времени въ тайная и сокровенная вѣчной премудрости... позналъ тебя мгновенно сущую матерь мою, какъ и всѣхъ, призывающихъ во истинѣ имя первороженнаго во многихъ братьяхъ, брата нашего, Господа нашего Іисуса Христа... О Матерь моя... Я соблюлъ только великую обязанность, посвятивши тебѣ книгу, трудъ моихъ рукъ, плодъ ученія у единственнаго профессора и учителя... Въ доказательство сыновняго моего благопослушанія и почтенія... послушный сынъ А. Макракисъ (Θεωρ. ἔλεγχ. τῆς κατὰ Θεοκλ. Βίμπου... κατηγορίας 12, 13, σελ.). О подобномъ же явленіи онъ говорилъ на площади къ народу, но въ этотъ разъ видѣніе было во снѣ и Божія Матерь вмѣсто дара — „благаго Слова“ излила въ сердце его „благодатную росу“ (Тамъ же, стр. 23, Примѣч.) Значитъ Макракисъ сдѣлался богословомъ вслѣдствіе чудеснаго явленія ему Божіей Матери. По сказаніямъ, вслѣдствіе такого же явленія, изъ тупоумнаго сдѣлался философомъ Альбертъ Кельнскій или вел., про котораго говорили: „Альбертъ изъ осла сдѣлался философомъ, изъ философа осломъ“. Не исполнилось ли бы это и надъ Макракисомъ? Говорятъ, онъ уже былъ въ домѣ умалишенныхъ, а теперь богословъ... Аналогія на лицо!

([2]) Наприм. «Правосл. Обозр.» опровергая мнѣніе о излишнихъ притязаніяхъ клира, говоритъ: «всѣмъ извѣстна почти унизительная зависимость византійскаго клира отъ гражданской власти Византійскіе императоры отъ Константина Великаго до послѣдняго Палеолога имѣли сильное вліяніе на церковь (ἦγον καὶ ἔφερον τὴν Ἐκκλησίαν), созывали соборы, часто на нихъ предсѣдательствовали самолично, осуждали епис-

опредѣленіи отношеній религіи и философіи - это второй экземпляръ Ансельма. Философія—это чисто служебное орудіе Богословія, потому она и имѣетъ право на существованіе, что уясняетъ разуму религію, содержаніе которой безусловная истина во всѣхъ ея реальныхъ проявленіяхъ: «Credo ut intelligam». Велѣд-

коновъ, регулировали религіозныя убѣжденія, возводили и низводили патріарховъ». „Слово“ отвѣчаетъ: «слова эти совершенная клевета и злословіе противъ православной восточной церкви съ цѣлію представить ее твореніемъ византійскихъ императоровъ, и не имѣющею никакого божественнаго характера. Православная Восточная церковь, преслѣдуемая ли отъ языческихъ императоровъ, или предстательствуемая отъ православныхъ царей, или обуреваемая отъ еретиковъ. ., православная наша церковь хвалится, что божественный залогъ она сохранила чистымъ и неприкосновеннымъ отъ всякой лжи и всякаго заблужденія, мужественно противодѣйствуя всякому человѣческому насилію, старавшемуся о ниспроверженіи божественной истины и божественнаго догмата... Религіозныя убѣжденія устанавливались въ православной церкви императорами, слѣдовательно они не имѣютъ никакого божественнаго характера и потому, какъ человѣческія, а не божественныя, ни для кого не обязательны! Что можетъ быть злѣе и враждебнѣе подобной лжи для православной церкви? И однако жъ въ той же газетѣ говорится: и мы радуемся, когда видимъ другихъ иновѣрцевъ, вступающихъ добровольно и свободно въ нѣдра нашей церкви, потому что вѣруемъ, что въ ней сохранилась, какъ нигдѣ, чистѣйшая христіанская истина, - какъ же послѣ вышесказаннаго можно этому вѣрить“? Отчего жъ бы и не вѣрить! „Несомнѣнно“, продолжаетъ Прав. Обозр. „что и византійскій клиръ имѣетъ пятна, и бывалъ часто причиною общественныхъ бѣдствій. Говоря это, мы не разумѣемъ, что противоборство подчиненію папы было вредно для національныхъ интересовъ.. мы разумѣемъ тѣ чисто мелочные и неосновательные споры, которые нерѣдко возмущали византійскую державу. Вѣрно, что въ то время, когда государство было въ опасности, византійское духовенство не оставляло своихъ ссоръ. Но это не происходило отъ образованности или обезпеченнаго состоянія клира, а отъ невѣжества и суевѣрій его, что замѣтимъ кстати было недостаткомъ не клира только, но всей эпохи» Слово отвѣчаетъ: «Православіе, которымъ мы теперь хвалимся, византійскій клиръ сохранялъ для насъ. Но если бы этотъ клиръ былъ необразованный и суевѣрный, какъ его порицаетъ многообразованный и многоученый Діомидисъ (редакторъ Пр. Обоз.), если бы этотъ клиръ возмущалъ византійскую державу частыми пустыми религіозными спорами, если бы этотъ клиръ былъ причиною общественныхъ бѣдствій, —

ствіе полнаго подчиненія своей мысли логическимъ формамъ, отдѣленія этихъ формъ отъ реальнаго содержанія, а можетъ быть, и вслѣдствіе своеобразнаго устройства головы, г. Макракисъ, въ своихъ логическихъ выводахъ приходитъ къ изумительнымъ результатамъ; силлогизмы, его любимая форма выраженія мыслей, поражаютъ умозаключеніями. Вотъ образчики логическаго построенія разсужденій его и доказательствъ: «всякій, кто думаетъ», пишетъ Прав. Обозр., «что, ругая всѣхъ и ненавидя и преслѣдуя не соглашающихся съ нимъ, есть благочестивый и боголюбезный, таковый заблуждается великимъ заблужденіемъ. Любовь, миръ есть отличительный признакъ истиннаго христіанина». Макракисъ понялъ въ чей огородъ бросаетъ камушки Прав. Обозр. и на этой посылкѣ строитъ такой силлогизмъ: но Хри-

какъ мы можемъ хвалиться православіемъ, которое наслѣдовали отъ такого невѣжливаго, суевѣрнаго, мелочнаго клира? Православіе характеризуется, какъ сохраненіе божественной мысли и какъ отчужденіе отъ божественнаго человѣческихъ разногласій. Но если бы византійскій клиръ былъ...., какъ было бы возможно, чтобы было передано православіе и намъ, т. е. божественная мысль — чистою и непричастною никакой лжи, никакого заблужденія". Подобныя клеветы и злословія направлены противъ самаго православія... потому что клиръ неученый, . былъ не въ состояніи различить между божественною и человѣческою мыслію, чтобы одну отдалить, а другую сохранить для насъ чистою»... Итакъ по Діомидасу, православіе, которымъ мы хвалимся, есть остатокъ прежнихъ невѣжества, пустословія и суевѣрій, чего должно болѣе стыдиться, нежели имъ хвалиться въ настоящую многопросвѣщенную эпоху?... Если таковъ былъ византійскій клиръ, значитъ императоры не управляли церковію. — Клиръ, какъ клиръ святой Христовой церкви, отлично зналъ свои обязанности и не жертвовалъ въ пользу независимости державы и проч. въ этомъ же родѣ. Правда «Православное Обозрѣніе", предполагая въ читателяхъ то или другое знаніе исторіи, выражается обще и неопредѣленно, но «Слово» знать ничего не хочетъ. Православіе церковію сохранено до насъ чистымъ и неповрежденнымъ, значитъ и на греческомъ клирѣ нѣтъ ни одного пятна! Вотъ вамъ факты, вотъ вамъ и исторія!? (Оѳ. Елл. № 1, λογ. № 107).

стосъ, повѣствуется въ Евангеліи, порицалъ всѣхъ людей, не мыслящихъ *яже суть Божія*, ненавидѣлъ и презиралъ, какъ сатану, все противорѣчащее и несогласное съ нимъ; слѣдовательно Христосъ не есть благочестивый и боголюбезный, не имѣетъ признака истиннаго христіанина? Только языкъ діавола имѣетъ дерзость порицать и злословить Бога и Христа и тѣхъ, которыми онъ руководитъ,—прибавляетъ Макракисъ къ своему силлогизму. Въ другомъ мѣстѣ изъ подобнаго же силлогизма онъ выводитъ еще болѣе дерзское заключеніе. Тоже Пр. Об. замѣчаетъ, что Макракиса, какъ человѣка глупаго, слушаетъ только чернь, низкая и безграматная; но повѣствуется въ Святомъ Евангеліи, продолжаетъ Макракисъ, чернь низкая и безграматная слушала и Іисуса Христа, а книжники и фарисеи приходили для того, чтобы уловить Его въ словѣ, значитъ по мудрости, образованію и разсужденію широкоголоваго Діомидиса, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ *εἶναι μωρὸς ἄνθρωπος*? Не есть ли великая похвала и слава для Макракиса, что онъ сравнивается со Христомъ... и подъ подобными параллогизмами онъ самъ прописываетъ такой отзывъ: наши сужденія основаны на логикѣ, наукѣ, доказательности и потому всякой вѣры достойны (Sic!) (Прав. Об. №№ 8, 18 Сл. 101, 135). Лучше, кажется, было бы, если бы Макракисъ построилъ свои силлогизмы слѣдующимъ образомъ: я всѣхъ ругаю, Іисусъ Христосъ тоже порицалъ всѣхъ, не соглашавшихся съ нимъ; меня, какъ урода, слушаетъ только чернь и Іисуса Христа слушала тоже только чернь, слѣдовательно: «я, Макракисъ, есмь Іисусъ Христосъ», или на оборотъ: «Іисусъ Христосъ былъ такой же человѣкъ,

какъ я Макракисъ». Что же? вѣдь и эти силлогизмы, по методу Макракиса, имѣютъ логическое построеніе! Вотъ философія, сущая во Христѣ по Макракису! Подъ таковую философію онъ хочетъ подвести все мыслящее въ Элладѣ, всѣ проявленія научной жизни, и потому выступилъ и со всею энергіею продолжаетъ борьбу съ здѣшнимъ университетомъ, что составляетъ главное содержаніе философскаго отдѣла журнала. Такъ какъ всѣ профессоры университета получаютъ окончательное образованіе въ Западной Европѣ, то «Слово» начинаетъ дѣло отсюда. «Господствующій духъ въ университетѣ и академіяхъ Европы не есть духъ Христа, но діавола, не есть духъ истины и благочестія, но духъ лжи и нечестія, который только злословитъ и нарушаетъ отношенія человѣка къ Богу, повергаетъ перваго въ наслажденія чувственными удовольствіями и нравственную безпорядочность. Нравственная тьма въ этихъ мѣстахъ такъ глубока, что сами, являющіеся друзьями свѣта, не могутъ различить между свѣтомъ и между тьмою (это говоритъ по поводу объясненія словъ, I-я гл. кн. Быт.: и раз лучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою и пр.). Въ такъ называемыхъ университетахъ Европы встрѣчаемъ три школы: «позитивистовъ, спиритуалистовъ и неологовъ». Послѣ краткой характеристики ихъ, продолжаетъ: каждая изъ этихъ школъ страдаетъ страш ною страстію нравственнаго ослѣпленія, ниспровер гаютъ правду Божію и другъ друга, и стараются всѣми силами сообщить и обществу ту страсть, которою сами страдаютъ.... Школа богослововъ, хотя и признаетъ Священное Писаніе, какъ непоколебимый и вѣрный источникъ божественнаго знанія, однакожъ

пренебрегаетъ существеннымъ и главнымъ знаніемъ, открытымъ чрезъ оное, и страждетъ страстію нравственнаго ослѣпленія подобно и другимъ школамъ.... Знаніе это, открытое чрезъ Священное Писаніе, есть законы и заповѣди, обязанности и права, судъ и правда, отъ которыхъ зависитъ жизнь или смерть людей, благополучіе ихъ и несчастіе; школа неологовъ, оставивши изслѣдованіе необходимѣйшаго и полезнѣйшаго этого знанія, изслѣдуетъ тѣ понятія, которыя познаются только отчасти, вообще же не познаваемы, и поелику изслѣдуетъ, на основаніи правъ свободнаго мышленія, съ надутостію и высокомѣріемъ денницы, изъявляющей притязанія вѣрить только тому, что можно изслѣдовать, потрясла вѣру въ основные догматы и низвратила ученіе Священнаго Писанія на основаніи самаго же Писанія. Она основывается на началахъ новѣйшей псевдофилософіи и есть не что иное, какъ вѣтвь ея; но какова мать, такова и дочь... Университетъ въ Аѳинахъ имѣетъ богословскій факультетъ, профессоры котораго получили образованіе въ школѣ неологовъ. Какое же знаніе этотъ факультетъ преподаетъ студентамъ? Не передаетъ знанія правды Бога, знанія законовъ и каноновъ, по которымъ должна быть устроена политическая жизнь частныхъ лицъ и обществъ, чтобы жить мирно съ Богомъ и между собою, но преподаетъ то, что тотъ или другой германскій богословъ думаетъ о томъ или другомъ предметѣ, и все, что дрябло, безплодно и безполезно для жизни во Христѣ, которую многоученые богословы, ходящіе въ волях сердецъ ихъ и по духу заблужденій вѣка, и сами не знаютъ.... Поэтому-то справедливо назвать: «*πανεπιστήμια*» (университеты) — *παν*-

σκοτιστήριο (всезатмилище —что-ли?) и берлогами затмителя или начало - затмителя діавола и нечистыхъ духовъ заблужденія, а профессоровъ ихъ (καθηγηταί) — затмителями (σκοτισταί) и ослѣпленными органами ослѣпителя діавола (№№ 97, 101). Аѳинскому университету и профессорамъ его достается очень сильно ([1]). Обличенія его противъ университета и профессоровъ изъ самыхъ ругательныхъ переходятъ въ поли-

---

([1]) Редакторъ, кажется, имѣетъ своихъ агентовъ въ университетѣ, которые сообщаютъ ему все, что происходитъ въ аудиторіяхъ и потомъ въ злоиронической формѣ онъ печатаетъ сообщенное ему... Пришедши на классъ философіи, слушать мудраго профессора, отъ начала до конца левціи, летающаго «въ идеальныхъ идеяхъ, въ духѣ, въ славѣ». Учениковъ же видишь: одни спятъ на партахъ, другіе читаютъ газеты, третьи бросаютъ „*астрагольями* (сушеный горохъ) въ другихъ учениковъ и смѣются. Слушаешь просвѣтителя Пиларииоса,— онъ осуждаетъ богослововъ, какъ отсталыхъ умомъ, и спрашиваетъ двухъ трехъ учениковъ, зѣвающихъ при смѣшныхъ его риторическихъ фразахъ: «*развѣ г. здѣсь есть кто нибудь изъ богослововъ, который бы могъ осудить насъ и выставить какъ не признающихъ чудесъ*»! (курсивъ въ подлинникѣ)! Входя въ другой классъ, слышишь историка Папаригопулоса; онъ говоритъ, что догматы святыхъ вселенскихъ соборовъ, средневѣковые предразсудки, что иконоборецъ Левъ Исаврянинъ былъ великій и мудрый царь, облагодѣтельствовалъ человѣчество и принесъ много пользы для церкви, святыхъ же исповѣдниковъ и защитниковъ святыхъ иконъ осуждаетъ, какъ еретиковъ, какъ иконослужителей и какъ весьма много повредившихъ своими ересями церкви и народу. слушаешь, осуждаетъ Великаго Фотія, какъ виновника схизмы. Наконецъ, входя въ классъ богословія слышишь толкователя нѣкоего: это мѣсто Евангелія не понялъ хорошо божественный Златоустъ, понялъ и изъяснилъ оное лучше преумнѣйшій и повсюду извѣстный богословъ германскій такой-то, учитель мой! Потомъ видишь мудраго богослова Діомидиса, профессора церковной исторіи,—онъ говоритъ съ большою смѣлостію и напыщенностію между прочимъ и слѣдующее: Никодимъ Святогорецъ былъ неученый и необразованный, и потому сочиненія его не имѣютъ значенія, великій Икономосъ былъ человѣкъ образованный, но не ученый, Фармакидисъ же былъ человѣкъ научно-образованный, принесъ много пользы для церкви, и новѣйшіе клирики пусть подражаютъ ему!.. » (№ 101) Къ подобному панегирику для полноты эфекта не достаетъ только карриватуръ!

цейскіе доносы. «Вонмите, о студенты и ученики, что вы имѣете такихъ учителей, чтобы вамъ не сдѣлаться глупѣйшими ихъ. Вонми, министре просвѣщенія, ты вводишь невѣжество и необразованность, сохраняя таковыхъ профессоровъ. Вонми, несущій подати народъ, кто пожираетъ твои поты, чтобы ослѣплять юношество и невинныхъ чадъ твоихъ. Вонмите іерархи и пастыри стада Христова, въ какія руки предаются будущіе служители православной церкви» (№ 136). Дѣйствительно подобныя натравливанья не оставались безслѣдными. Одинъ ученикъ христіанской школы (т. е. Макракиса, потому что таковой во всей Греціи не обрѣтается) пишетъ въ «Слово»: «мы поняли, что профессоры университета лишены всякаго свѣта истины и потому, чтобы не терять драгоцѣннаго времени, рѣшились не посѣщать ихъ.... и записались въ христіанскую школу, будучи убѣждены, что, имѣя Христа, имѣемъ все нужное; для насъ, такъ называемый, университетъ уже похороненъ подъ мрачными сводами ада и въ безднѣ тартара, куда впадаютъ многія изъ греческихъ дѣтей».... (№ 92). Въ №№ 93 и 95 «Слова» сообщается, что Священный Сvнодъ, вслѣдствіе статьи, помѣщенной въ № 89-мъ (1869 г.), сдѣлалъ представленіе на хульника и зломыслителя (κακόδοξον) профессора философіи Паларинога министерству просвѣщенія, чтобы оно обратило вниманіе на ходъ преподаванія въ университетѣ. Конечно подобныя дѣйствія Сvнода вполнѣ справедливы, но вотъ явленіе, уже выходящее изъ ряда обыкновенныхъ. Епископъ каристійскій Макарій написалъ къ Макракису письмо въ такомъ родѣ: такъ какъ правительство, не смотря на публичныя обличенія, не

смотря на представленіе Сѵнода противъ зломыслящихъ профессоровъ университета, остается ко всему этому безразличнымъ, потому что профессоры остаются на своихъ мѣстахъ и зло поэтому поддерживается самымъ правительствомъ и законами, не наказывающими виновниковъ зла, — «то почему вы не обратились съ своимъ словомъ непосредственно къ народу, чтобы онъ самъ нашелъ средство для уничтоженія зла? Укажите ему это средство, такъ какъ вы обѣщались и поставили себѣ долгомъ вести народъ по прямому пути, пути обязанностей и спасенія его. Скажете, что вы и сами недоумѣваете — какое бы пріискать средетво для уничтоженія этой смертоносной заразы, посему и удерживаетесь (т. е. отъ обращенія къ народу).—По мнѣ же, сколько я ни соображалъ о различныхъ средствахъ, не представляется болѣе соотвѣтствующаго, какъ то, о которомъ часто говорилъ приснопамятный прежній аѳинскій митрополитъ: Университетъ этотъ надобно сжечь (θέλει κάψιμον). Когда будетъ разрушена пещера этихъ развратителей змѣй, тогда они и сами, ища безопасности, скроются въ Западную—мрачную Европу, гдѣ имъ и мѣсто (№ 91). Уродливость подобнаго заявленія поразила даже и друзей Макракиса, такъ что одинъ изъ нихъ пригласилъ епископа на объясненіе. Епископъ будто бы отвѣчалъ, что онъ не разумѣетъ сожженія университета посредствомъ вещественнаго огня, что было бы дѣломъ варварской эпохи и совершенно безполезнымъ, но что онъ разумѣетъ сожженіе нечестія и превращеніе въ пепелъ зломыслящихъ профессоровъ чрезъ слово Бога, которое дѣйствительнѣе всякаго другаго средства. Христосъ говоритъ: *огня пріидохъ воврещи*

на землю и что хощу, аще уже возгорься (Лук. 12, 119). Вотъ какой огонь, объясняетъ «Слово», подражая Христу, разумѣетъ пр. каристійскій (№ 94). Какова казуистика?! Неужели это плоды философіи, судей во Христѣ? Оставимъ «Слово» трудиться на поприщѣ философіи для достиженія вождѣленной цѣли: преобразовать *πανσκοτιστήριον τοῦ Διαβόλου εἰς παμφωτιστήριον καὶ εἰς ἀληθὲς πανεπιστήμιον*, и перейдемъ къ другому отдѣлу газеты.

Πολιτεία значитъ вообще складъ общественной жизни, или тѣ политико-государственныя начала, которыя лежатъ въ основѣ этой жизни. Поэтому «Слово» въ этомъ отдѣлѣ занимается внѣшней политикой, подвергаетъ разбору внутреннее государственное управленіе, анализируетъ элементы народной жизни и, на основаніи этого анализа, строитъ идеалъ греческаго государства — *τὴν ἐν Χριστῷ πολιτείαν*; во внутреннюю политику мало входитъ. Только крупные факты останавливаютъ на себѣ его вниманіе, и по временамъ оно дѣлаетъ довольно сильныя инсинуаціи правительству; но истекшій годъ былъ чреватъ событіями изъ внутренней жизни грековъ и «Слово» воспользовалось представившимся случаемъ, чтобы указать и правительству и народу тотъ путь, по которому должно идти развитіе внутренней жизни государства, начертило «теорію спасенія и славы во Іисусѣ злостраждущей Эллады». Событія эти были—плѣненіе и убійство близъ Мараѳона четырехъ иностранцевъ греческими бандитами. Не будемъ останавливаться на разсужденіяхъ его о степени причастности или непричастности правительства и народа этому преступленію, о причинахъ существованія разбойничества въ Греціи

и о средствахъ противъ онаго. Все это насъ не касается, остановимся только на самой теоріи. «Слово, органъ вѣчной истины, газета. служащая истиннымъ интересамъ народа, съ начала своего изданія указало всѣмъ эллинамъ, гдѣ лежитъ слава Эллады и гдѣ безчестіе ея; указало начальникамъ, правителямъ и законодателямъ народа—какимъ путемъ они должны идти, чтобы вести народъ къ высокому его предназначенію; указало всѣмъ, что Эллада есть держава богоизбранная и не должна устроиваться подобно прочимъ народамъ, и управляться человѣческими законами. Эллада находится подъ непосредственнымъ предстательствомъ вѣчнаго Слова, будучи предназначена къ великой и высокой цѣли всего человѣчества (?), слѣд. и должна управляться по законамъ Его.... какъ нѣкогда древній народъ израильскій, должна управляться по законамъ Евангелія.... Правительство пренебрегаетъ нашимъ голосомъ и не ведетъ народа по указываемому нами пути. Кто же поведетъ его? есть ли такой человѣкъ, который бы помогъ Элладѣ? Когда Сынъ человѣческій устроялъ на землѣ дѣло спасенія человѣка, лежалъ въ овчей купели разслабленный душею и тѣломъ тридцать восемь лѣтъ. Іисусъ, увидѣвъ его лежащаго и узнавъ, что онъ лежитъ уже долгое время, говоритъ ему: хочешь ли быть здоровъ? Больной отвѣчалъ Ему: такъ, Господи, но не имѣю человѣка, который опустилъ бы меня въ купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходитъ прежде меня (Іоан. 5, 6, 7). Несчастная Эллада! не уподобляешься ли ты теперь этому разслабленному, не остаешься ли въ болѣзни уже много времени, потому что не имѣешь

человѣка, который бы тебя узаконоположилъ, управилъ и велъ къ твоему предназначенію? Да, ты говоришь, я изранена, страдаю страшно, хочу возстановить мое здоровье, но человѣка не имѣю, который бы могъ исцѣлить мои страсти, обвязать раны мои, укрѣпить разслабленные члены, освободить отъ когтей разбойниковъ и звѣрей, терзающихъ меня... Другіе народы имѣютъ людей: Бисмарковъ, Наполеоновъ, Гладстоновъ, Кавуровъ, Али-пашей!.. Заблужденіе страшное! Пріиди и виждь!! ..» Указываетъ на Іисуса Христа и съ воодушевленіемъ, доходящимъ до религіознаго экстаза, описываетъ Его страданія и распятіе, и отрицаніе отъ Него іудеевъ... «Открой глаза твои, о Эллас, и виждь человѣка, котораго не призналъ глупый народъ іудейскій, познали же мудрые и разумные сыны твои Діонисіи, Іероѳеи, Іустины и пр... Есть человѣкъ, котораго распялъ глупый народъ іудейскій за то, что онъ себя сыномъ Божіимъ содѣлалъ, и которому мудрый народъ эллинскій поклонился какъ Богу и Царю, потому что Онъ себя Сыномъ Божіимъ показалъ. Вотъ человѣкъ, Его вижу, Его признаю. Онъ есть Сынъ Бога естествомъ, и сынъ Эллады положеніемъ, есть человѣкъ, Котораго Іудея отвергла, и Котораго усыновила мудрая и разумная Элласъ, Діонисіевъ, Іероѳеевъ и Іустиновъ. Но Элласъ 1870 г. забыла себя саму... Познай человѣка твоего, онъ можетъ спасти, возвысить и прославить тебя... но и ты должна дѣйствовать согласно съ всеобщимъ закономъ Высочайшаго.... и вмѣсто того, какъ говорилъ народъ іудейскій—не имѣемъ царя токмо Кесаря, должна говорить, подобно мудрымъ твоимъ предкамъ: не имѣемъ царя, кромѣ Сына Да-

видова, не знаемъ ни Кесаря, ни двора его, ни клевретовъ его, которые именемъ Кесаря, этого великаго разбойника земли, убили Сына Божія... Что же значитъ: не знаемъ Кесаря? Подъ словомъ Кесарь разумѣется высшая власть всякаго общества, отъ которой зависятъ всѣ гражданскіе и военные чиновники, именемъ которой утверждаются законы и приводятся въ исполненіе судебные приговоры. По такому понятію Кесарь Россіи есть императоръ Александръ. Франціи—Наполеонъ (?), нашъ греческій — Георгій. Итакъ, когда говоримъ не знаемъ Кесаря ни двора его.... что разумѣемъ? Разумѣемъ ли, что мы греки и каждый народъ должны свергнуть съ троновъ своихъ царей, уничтожить всякую гражданскую и военную власть, отмѣнить законы и оставаться безъ всякаго гражданскаго устройства, предоставляя каждому въ отдѣльности заботиться о безопасности жизни, чести и имущества? Если бы такъ понимали, то не были ли бы мы достойны цѣпей, страдая такимъ страшнымъ безуміемъ, которое осуждаетъ и здравый умъ и само Евангеліе Христово, говоря: *воздадите Кесарева Кесареви*.... Что же понимаемъ, говоря: не знаемъ Кесаря? Понимаемъ истребленіе и уничтоженіе того зла, которое обозначается словомъ Кесарь, понимаемъ истребленіе и уничтоженіе разбойническихъ понятій и разбойническихъ дѣлъ, понимаемъ уничтоженіе и истребленіе великихъ разбойниковъ земли. Если раскроемъ страницы исторіи, то найдемъ, что Кесарь есть порожденіе (τέκνον) разбойничества, и если сравнимъ римскаго Кесаря съ атаманомъ Такосомъ (предводитель бандитовъ, которые убили англичанъ), то найдемъ ихъ равными по дѣламъ»... говоритъ, что

Такосъ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, можетъ увеличить свою шайку до того, что будетъ въ состояніи сразиться и побѣдить войска султана, низвергнуть его съ престола, какъ это сдѣлалъ Магометъ второй съ Константиномъ Палеологомъ.... «и вотъ архибандитъ Такосъ - кесарь и императоръ всего востока, восхваляемый и прославляемый, какъ великій мужъ, вступающій въ сношенія съ вѣнчанными главами Европы, принимающій посланниковъ.... имѣющій министровъ, генераловъ, дворъ и всю славу Августа Кесаря.... дѣти великаго Такоса и послѣдователей его пріобрѣтутъ благородные титулы, будутъ называться принцами, князьями, графами, баронами, лордами и др. и будутъ презирать другихъ, какъ неблагородныхъ.... Что мы говоримъ объ успѣхѣ архибандита Такоса и послѣдователей его предположительно, то исторія повѣствуетъ о всѣхъ кесаряхъ достовѣрно. Отъ успѣшнаго разбойничества произошли кесари, и кесарская власть, которая имѣетъ въ основаніи право сильнаго, и слѣдовательно привиллегію и ложные титулы благородства. И такъ, когда говоримъ: не знаемъ Кесаря, разумѣемъ истребленіе и уничтоженіе и пр... Поэтому въ настоящее время великіе разбойники земли обвиняютъ эллинскій народъ въ томъ, что онъ поддерживаетъ разбойничество и считаетъ оное занятіемъ благороднымъ; имѣетъ полное право эллинскій народъ самымъ дѣломъ (?) выразить, что онъ ненавидитъ и совершенно отвращается великаго разбойничества и великихъ разбойниковъ, однимъ голосомъ, говоря: не знаемъ Кесаря, ни двора его, ни законоположенія его, желаемъ царя того, который, будучи образомъ Бога, начальствуетъ по по-

добію Божію, такого царя, который возлюбилъ правду и возненавидѣлъ беззаконіе, который помазанъ елеемъ радованія, которому дана всякая власть на небеси и на земли. Желаемъ царей тѣхъ, которые служатъ Господу со страхомъ и радуются Ему съ трепетомъ. Желаемъ Христослужебнаго чиновничества, Христоавторитетнаго законодательства. Но когда власть кесаря есть власть разбойника, то почему Христосъ сказалъ: *воздадите кесарева*... и ап. Павелъ говоритъ: *нѣсть власть, аще не отъ Бога*... Потому что Богъ обыкновенно тѣрпитъ худшее дотолѣ, пока не придетъ лучшее... Власть Кесаря утверждена Богомъ до времени, какъ и законъ іудейскій имѣлъ авторитетъ до времени.... Послѣ несправедливаго осужденія невиннаго Іисуса, воздаяніе Кесарю есть обезглавленіе и уничтоженіе кесарской власти, но Богъ отлагаетъ совершеніе этого главнаго наказанія дотолѣ, пока образуется Христослужебное чиновничество и Христоавторитетное законоположеніе. Богъ долготерпитъ и тѣрпитъ худшее, пока придетъ время востока лучшаго. Уже приближилосъ. И возсіяетъ скоро отъ земли Эллинскія христіанское право и христіанская цивилизація къ ниспроверженію обреченнаго на смерть разбойническаго кесаризма» (№№ 104, 113, 114)! Вотъ такъ,—началъ за здравіе, а кончилъ за упокой! Странная привычка у редактора, или скорѣе несчастная слабость—всегда заноситься фантазіей за облака. Фактъ былъ поразительный; всѣ задумались надъ нимъ, сознали печальное положеніе народа и нужно было пріискать какія-либо средства для улучшенія порядка дѣлъ. Въ «Словѣ», какъ газетѣ церковной, вопросъ поставленъ былъ вѣрно, потому что христіанскому

народу, въ какихъ бы-то ни было обстоятельствахъ жизни, гдѣ же искать опоры, какъ не въ Начальникѣ вѣры, и редакторъ, обладая живымъ и бойкимъ языкомъ, теплымъ и мягкимъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, чувствомъ, могъ бы и сдѣлать что нибудь своимъ словомъ, но онъ вдался сначала въ схоластику, потомъ въ бредни, дошелъ до крайняго абсурда и кончилъ тѣмъ, что доставилъ нѣсколько лишняго матеріала для насмѣшекъ надъ собой. Вмѣсто Бисмарковъ, Наполеоновъ, Гладстоновъ—людей въ другихъ державахъ, Греціи рекомендуетъ Спасителя, — какое нелѣпое, или вѣрнѣе кощунствующее сопоставленіе! Въ какое бы отношеніе, слѣдуя его теоріи, поставить отправленія общественной жизни къ Евангелію,—въ немъ вѣдь нѣтъ ни теорій государственнаго права, ни теоріи финансовъ, ни воинскихъ уставовъ и пр.? Или неужели же онъ думаетъ, что у другихъ народовъ Евангеліе неизвѣстно и современная жизнь не покоится на основахъ христіанскихъ? Едва ли онъ въ этомъ и не убѣжденъ, въ противномъ случаѣ откуда берутся бредни о великихъ разбойникахъ земли, о христослужебномъ чиновничествѣ и пр. Итакъ будемъ ждать христіанской цивилизаціи отъ земли Эллинскія!....

Почти каждый № газеты «Слово» въ продолженіи года начинался объясненіемъ первой главы книги Бытія, а заканчивался полемической статьей противъ неправомыслящихъ. Эти—начало и конецъ и составляютъ содержаніе религіознаго отдѣла газеты. Толкованіе такъ озаглавливается: «писаніе и міръ, или великая книга Божія, посредствомъ малой изучаемая». За истекшій годъ толкованіе открывается словами: «*ка-*

кой духъ носился вверху воды» и въ продолженіи года доведено до 16 ст. 3 гл. О руководительномъ началѣ своего толкованія авторъ говоритъ слѣдующее: «мы занимаемся не только изъясненіемъ Священнаго Писанія, но указываемъ и начало и законы и правила и методъ изъясненія, потому что это содѣйствуетъ къ избѣжанію ложныхъ толкованій, разногласій, разномыслій и заблужденій и служитъ основаніемъ ерминевтической науки... Въ православной Христовой церкви одно и единственное непогрѣшимое руководительное начало (γνώμων καὶ κανὼν) для различія истины и лжи есть *разумное пониманіе, и критика, основанная на законахъ логики* (ἡ κατὰ λόγον νόησις καὶ κρίσις), и подъ это правило подводятся и ангелы и человѣки, и апостолы и отцы и патріархи и папы и сѵноды помѣстные же и вселенскіе. Если же кто не слѣдуетъ этому канону разумнаго пониманія и логическаго сужденія, тотъ не заслуживаетъ никакого вѣроятія, ни даже ангелъ, ни человѣкъ, ни патріархъ, ни папа, ни соборъ, ни кто бы то ни было. Поелику же начало это, начало истинное, начало отеческое, начало согласія, единомыслія и мира, можетъ быть истолковано кѣмъ нибудь какъ начало протестантовъ и раціоналистовъ, мы сочли обязанностію (объ этомъ онъ говорилъ прежде, теперь только повторяется) показать, что протестанты, какъ говорится, никогда и во снѣ не видали этого начала и что начало, которому они слѣдуютъ, есть не что иное, какъ полная безпорядочность (αὐτόχρημα ἀλογία). Чрезъ различеніе это мы не только предупредили клевету и предохранили нашихъ отъ гибельнаго заблужденія, но и протестанство поразили смертельною раною, разоблачивши его безпорядочное

начало, только по имени имѣющее правильное основаніе, которое намъ однимъ принадлежитъ». Мы не рѣшаемся что-либо сказать о выясненіи редакторомъ его руководительнаго начала и обличеніи началъ протестантскихъ, потому что подробно объ этомъ онъ писалъ въ №№ прошедшаго года, которыхъ мы не имѣемъ; но и приведеннаго повторенія достаточно, чтобы понять, если не смертельныя раны, нанесенныя имъ протестанству, то принятое имъ, при объясненіи Св. Писанія, руководительное начало (вторый членъ посл. В. Патр. для него значитъ не существуетъ?). Дѣйствительно, при помощи объявленнаго имъ начала, онъ такъ объясняетъ Св. Писаніе, какъ, пожалуй, никому и во снѣ не привидится. Вотъ его объясненіе словъ: *Духъ Божій ношашеся вверху воды.* Слово πνεῦμα въ писаніи употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Этимъ словомъ обозначается третіе лице Св. Троицы, и тогда присоединяется къ нему: τὸ ἅγιον, напр. τὸ πνεῦμα τὸ Ἅγιον, τὸ Ἅγιον πνεῦμα. Всѣ дѣйствія и силы и дары и дарованія Св. Духа обозначаются словомъ *духъ*, такъ: духъ мудрости, силы и проч. Духами называются и Ангелы, какъ говоритъ Павелъ: *не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми* (Евр. 1, 14). И пророкъ Давидъ говоритъ: *творяй Ангелы своя духи...* Духами же собственно называются тѣ семь избранныя разумныя существа, которыя предстоятъ предъ престоломъ Бога, и о которыхъ много пишетъ Іоаннъ Богословъ въ Откровеніи... Эти семь духовъ суть разумныя существа перваго порядка, служащія и исполняющія хотѣнія Бога. *Духъ* въ Писаніи означаетъ еще и вѣтеръ,—*и наведе Богъ духъ на землю и преста вода.* Имѣетъ это слово и другія

значенія, но мы ихъ оставляемъ, какъ не необходимыя для объясненія... Какой же *духъ* носился верху воды. Самъ-ли Пресвятый Духъ Божій, оживотворяя водное естество и преднаписуя благодать крещенія, какъ думали нѣкоторые изъ отцовъ, или духъ вѣтра, какъ думаетъ Ѳеодоритъ?... Первое мнѣніе, что, т. е., самъ Духъ Божій носился верху воды, не имѣетъ за себя, кажется, никакого разумнаго основанія. Поелику Писаніе *духами Божіими* называетъ и ангеловъ и собственно семь духовъ, предстоящихъ престолу Божію и семь духовъ, посылаемыхъ во всю землю,— никто не можетъ утверждать, что слово «*духъ Божій*» означаетъ Самаго Пресвятаго Духа. Очевидно: неопредѣленное выраженіе *духъ Божій* болѣе означаетъ одного изъ многихъ служебныхъ духовъ Божіихъ, нежели самаго Пресвятаго Духа, что въ писаніи означается *членомъ* и словомъ *святый*. Поелику же Пресвятый Духъ есть Богъ Господь, Которому служатъ безчисленные духи, которые Имъ живутъ и двигаются, есть безпредѣльный, неописанный, вседержащій,—то носиться верху воды, или носить себя самаго надъ водою, есть дѣло совсѣмъ несвойственное вездѣсущему и всеисполняющему Духу Божію, который есть Богъ и Господь. Итакъ мнѣніе это, кому бы оно ни принадлежало, отцу-ли, святому-ли, должно быть отвергнуто, какъ не имѣющее основанія (λόγον) «Мнѣніе блаженнаго Ѳеодорита также должно быть отвергнуто, потому что тогда не было воздуха, τὸ στερέωμα—твореніе втораго дня. Какое же мнѣніе имѣетъ за себя всѣ основанія, и ни одного противъ себя? Это мнѣніе то, что *духъ Божій* означаетъ силу Божію служебную, служительную, исполняющую волю Божію. Такъ какъ Богъ

имѣетъ много духовъ силы, разумныхъ и исполняющихъ Божія повелѣнія, то одинъ изъ этихъ многихъ духовъ и носился верху воды, удерживая и не позволяя разливаться текучему и неустроенному естеству водъ»... Такъ храбро покончивши съ мнѣніями св. отцевъ, толкователь еще меньше задумывается надъ теоріями естествоиспытателей. «Въ послѣднее время», говоритъ онъ, «астрологи и космологи открыли, что земля движится около солнца (будто это открыто въ послѣднее время?), какъ тѣла гораздо ея бóльшаго, и при помощи Ньютонова закона «всеобщаго тяготѣнія» построили, какъ думаютъ, систему всего; но когда земля была бездной невидимой и неустроенной, когда не было ни солнца, ни звѣздъ, ни свѣта, ни тверди, ни воздуха, какія движенія тогда совершала земля, и гдѣ былъ тогда законъ «всего тяготѣнія», который открылъ Ньютонъ, не понимая и самъ, что открылъ? Физики многаго не знаютъ о мірѣ, и многое знаютъ худо, слѣдуя собственной фантазіи, а словомъ Божіимъ, седмикратно очищеннымъ, пренебрегая... (№ 90) Никто не можетъ знать дѣлъ Божіихъ безъ Бога, даже и мы (?) не знаемъ, какъ должно, дѣла Божіи, такъ что наше знаніе къ незнанію относится, какъ капля воды къ океану или морямъ. Но мы имѣемъ гораздо бóльшія преимущества предъ мудрецами міра, потому что свободны отъ глупаго самомнѣнія и ложной славы, чѣмъ наполнены головы физиковъ вѣка сего»... Что же дѣлалъ этотъ служебный духъ, носившійся, по Макракису, верху воды? Онъ былъ какъ бы стѣною и границею между міромъ ангельскихъ ликовъ и чиновъ, и между влажною и безобразною матеріею, имѣвшею преобразоваться въ міръ. «Такъ какъ земля была

невидима и самимъ ангеламъ, и таинство творенія отъ нихъ было сокрыто, то носившійся верху воды духъ былъ для нихъ какъ бы стѣною и преградою, препятствующею имъ понять и узнать необразованное это вещество. Но, скажетъ кто нибудь, если духъ, носившійся верху воды, не былъ Св. Духъ, но онъ вѣроятно зналъ воду, надъ которой носился, значитъ земля была видима и извѣстна нѣкоторымъ изъ ангеловъ, по крайней мѣрѣ избраннымъ». Да, таинство воплощенія Слова было не извѣстно народу іудейскому, но было извѣстно пророкамъ его,—такъ и здѣсь (№ 90). *И рече Богъ да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ.* «Но какіе уши слышали тогда этотъ божественный голосъ, и какія руки совершили это божественное повелѣніе? Потому что не говоритъ Богъ, когда нѣтъ ушей слушающихъ, и не повелѣваетъ Богъ, когда нѣтъ рукъ для исполненія. Слушай небо и внимай земля тому, что Господь сказалъ. Когда Господь говоритъ, призывается небо и земля, вся тварь имѣющая уши, чтобы слушать. Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ: и гласъ этотъ поразилъ слухъ всѣхъ жителей небеснаго міра, и когда весь міръ выслушалъ, что Богъ повелѣлъ новому свѣту придти въ свѣтъ, тогда духъ, носящійся верху бездны, *вывелъ* (ἐξήγαγε) *свѣтъ изъ средины земли*, гдѣ онъ предсуществовалъ, смѣшанный съ другими физическими стихіями... Выше мы сказали, что ангелы не знали невидимой земли, потому что духъ Божій препятствовалъ имъ видѣть то, что было внизу его; поэтому была всякая необходимость, чтобы они услышали прежде, что Богъ повелѣлъ явиться новому творенію, чтобы, увидя оное неожиданно, не заподозрили, что другой богъ, или дру-

гая сила производитъ и творитъ». Такимъ же точно образомъ объясняется процессъ и всего прочаго творенія: «сказалъ Богъ, услышала вся умная тварь, привели въ исполненіе служебные духи подъ наблюденіемъ Святаго Духа»; «твореніе это понимаемъ совершившимся чрезъ служебныхъ духовъ, какъ и прежде объясняли» и проч. Разница только въ томъ, что при твореніи свѣта участвовалъ одинъ духъ, а въ другихъ случаяхъ многіе. Такъ же въ первомъ случаѣ спрашиваетъ: кто слышалъ гласъ Бога, а въ послѣдующихъ это нѣсколько видоизмѣняется. Напр. рече Богъ: да соберется вода и проч. «Итакъ вода услышала этотъ голосъ и добровольно подчинилась ему, собралась въ собраніе одно—и явилась суша? Если бы такъ было, то должно предположить, что вода имѣетъ уши и акустическую способность и свободное хотѣніе и т. п., что нелѣпо и неумѣстно. Итакъ кто услышалъ этотъ голосъ Бога» и проч. Объясненія, какъ видно, нехитрыя, даже не опровергаются и мнѣнія отцевъ, потому что и не приводятся, и астрологи и космологи оставлены въ совершенномъ покоѣ. Правда, что больше и могъ говорить новоявленный толкователь, когда для него мнѣнія отцевъ ничего не значатъ, а астрологи и космологи не знаютъ и сами, что говорятъ, поелику головы ихъ набиты глупымъ самомнѣніемъ! Но мы были бы несправедливы къ автору, если бы только и остановились на этомъ, и не познакомили читателя съ существенной стороной толкованія. При толкованіяхъ, по правиламъ герменевтики, и требуется толкованіе, нравственное же приложеніе выводимое изъ толкованія, обусловливается случайными обстоятельствами, но въ указываемомъ нами случаѣ

ты и академіи европейскіе, но, при разлученіи нравственнаго свѣта отъ нравственной тьмы, не остановился на однихъ университетахъ. Кромѣ нихъ, по его сужденіямъ, папскіе храмы и антипапскія протестантскіе синагоги также мѣста тьмы и вертепы діавольскія. «Но любезнѣйшіе вертепы діаволу есть ночныя масонскія собранія, поелику темный здѣсь почитается по его собственному желанію, называемый великимъ архитектономъ всего... Наконецъ и головы глубокомысленныхъ дипломатовъ, управляющихъ государствами, суть мѣста тьмы и сѣдалища діавола. Поелику, соображаясь не съ правомъ, но съ собственными пользами, они заботятся также и о всѣхъ вертепахъ діавола и соединяютъ непримиримые по природѣ элементы, стремящіеся къ самоистребленію. Напр. написты желаютъ сжечь всѣ ночные масонскіе клубы и всѣ «панскотистиріи»; въ свою очередь масоны и невѣрующіе «скотисты» равно желаютъ сжечь папскіе храмы, какъ остатки, по ихъ понятію, средневѣковыхъ суевѣрій. Такія стремленія къ убійству сдерживаетъ дипломатія, оставляя каждую стихію свободною только въ своемъ ея мѣстѣ... но интересы діавола и требуютъ того, чтобы всѣ его системы сохранялись, потому что, если онѣ будутъ предоставлены самимъ себѣ и придутъ въ столкновеніе, сами собою уничтожатся весьма скоро, прежде опредѣленнаго имъ Свыше времени для существованія. Вообще говоря: на всемъ

и всегда, говоритъ безъ всякой цѣли, наконецъ не понимаетъ и самъ, что̀ говоритъ (2-го год., № 1-й). Спрашиваемъ всеученаго богослова, отвѣчаетъ М., понимаетъ онъ эти слова ап. Павла. Ефес. 6, 10 — 14? по ученому богослову, ап. Павелъ говоритъ безъ цѣли и наконецъ не знаетъ и самъ, что̀ говоритъ, потому что говоритъ о козняхъ и стратегикѣ діавола и приглашаетъ христіанъ облечься... и пр?! № 136.

пространствѣ земли господствуетъ глубокая тьма, и время есть ночь діавола, и не возсіялъ еще день Господа, нравственнаго солнца, въ нѣдрахъ своего Отца скрывающагося, и еще не выступившаго изъ мѣста своего покоя». Надобно замѣтить, что авторъ убѣжденъ въ истинности своихъ сужденій и въ непогрѣшимости приговоровъ. «Насъ поносятъ жестоко», говоритъ онъ, «за то, что мы дѣлаемъ подобное разлученіе, но это дѣло есть не что иное, какъ подражаніе самосвѣту и свѣтотворцу Богу, разлучившему между свѣтомъ и между тьмою, и противные по природѣ предметы назвавшему противными именами (№№ 92—102). Мы привели довольно выдержекъ, чтобы сообщить понятіе о странной новоявившейся отъ земли Эллинскія космогоніи и, можетъ быть, онѣ достаточны для этой цѣли, но ими не исчерпываются всѣ особенности толкованія. Нужно было бы поговорить: о нравственныхъ свѣтилахъ, о троичности въ дѣлахъ и о двоякомъ пониманіи творенія ([1]), о твореніи чело-

([1]) „Всѣ повелѣнія Божія означаютъ двоякое твореніе и чрезъ нихъ не одинъ. а два міра Богъ преемственно творитъ, худшій и лучшій, образный и истинный, призрачный и дѣйствительный, преходящій и пребывающій“. Что это значитъ? Вотъ что: „сухая земля означаетъ плоть изъ земли, какъ Богъ говоритъ Адаму: *земля еси и въ землю отыдеши*, растенія и дерева означаютъ и людей произростающихъ изъ земли“ (не на подобіе ли капусты?), «рыбы морскія имѣютъ аналогію съ спасающимися чрезъ Іисуса Христа, Сына Божія Спасителя, и птицы небесныя имѣютъ аналогію съ летающими умами въ познаніи Бога» и пр. (№ 116). Вотъ еще примѣръ: «*источникъ же исхождаше изъ земли и напаяше все лице земли*. Подъ лицемъ земли Писаніе понимаетъ часть земли, удобную для обитанія человѣка. Какъ лице человѣка означаетъ не весь организмъ человѣка, а только нѣкоторую его часть, такъ и лице земли означаетъ, что въ началѣ не была обитаема вся земля, но только страны, орошаемыя четырмя рѣками. Какъ лице человѣка имѣетъ четыре части для четырехъ чувствъ, каковы: слухъ, зрѣніе, обоняніе и вкусъ, такъ и лице земли имѣетъ четыре страны и четыре рѣки, которыя прообразуютъ духовныя теченія четырехъ Еван-

вѣка, гдѣ говорится, что послѣ произнесенія словъ *сотворимъ человѣка*... прошли пять тысячелѣтнихъ дней и въ половинѣ шестаго явился человѣкъ, котораго разумѣлъ Богъ, что въ твореніи человѣка Богъ сдѣлалъ только начальное и основное дѣло, но потомъ и ангелы и люди и вся тварь трудятся надъ твореніемъ его подъ общимъ промышленіемъ и управленіемъ Бога, что Писаніе различаетъ два вида человѣка—человѣка небеснаго и человѣка земнаго, и что только небесный человѣкъ сотворенъ по образу Божію и по подобію, и есть равный Богу по мудрости, силѣ и славѣ, а земной человѣкъ есть образъ и тѣнь небеснаго человѣка, хотя сотворенъ также по образу Божію(¹) и пр. и пр., но все это мы оставляемъ. Скажемъ только, что нужно прочитать все сочиненіе отъ начала до конца, чтобы понять всѣ хитросплетенныя прелести этого аѳинейскаго суесловія и что для этого нужно великое терпѣніе.

Редакція газеты «Слова» о трудахъ своего редактора, по толкованію Священнаго Писанія, однажды

гелистовъ (№ 132). Интересны также аналогіи рожденія и развитія человѣка и образованія народовъ съ процессомъ творенія міра (№ 125). Но за всѣми его аналогіями, которыя онъ называетъ великими истинами, не угоняешься...

(¹) «Православное Обозрѣніе» замѣчаетъ: это мѣсто всѣ толкователи всѣхъ временъ и каждый разумный человѣкъ понимаетъ о твореніи человѣка, Макракисъ понимаетъ о Іисусѣ Христѣ. Какъ это,—пусть никто не спрашиваетъ. Если спросите Макракиса, онъ можетъ вамъ наговорить тьмы словъ въ защиту мнѣнія этого, но вы, разумѣется, въ то время, какъ онъ будетъ говорить, будете смѣяться (2 г. № 1). Слово отвѣчаетъ: Мы это доказали безчисленными словами и свидѣтельствами Писанія. По герменевтикѣ Діомидиса, по образу и по подобію разумѣется только о образномъ и призрачномъ человѣкѣ, но не о истинномъ и дѣйствительномъ человѣкѣ, которому Богъ покорилъ все. Итакъ Христосъ не есть человѣкъ по образу Божію и по подобію. Вотъ университетская мудрость, образованіе и критика! № 136.

сдѣлала такой отзывъ: «Кто изъ васъ мудрыхъ и дипломированныхъ академиковъ; явившихся изъ Германіи, изъяснилъ такъ научно ('εν τοιαύτη 'επιστήμη) Св. Писаніе и открылъ столько истинъ? Покажите, если можете, вашу ученость и ваше просвѣщеніе, иначе подчинитесь Господу и молитесь Ему, чтобы Онъ спасъ васъ въ день гнѣва. Смотрите и вы, о любезные читатели «Слова», и удивляйтесь мудрости и правдѣ Бога, изливающейся во дни наши. И мы... исповѣдуемъ, къ славѣ Господа, что духъ мудрости и силы говоритъ въ уши издателя «Слова», достойнаго толкователя Св. Писанія, почему и слава устъ его плѣняетъ и господствуетъ надъ всякимъ добрымъ сердцемъ. Благословенно и препрославленно имя Вышняго во вѣки вѣковъ, аминь (въ концѣ № редакторомъ подписался Макракисъ). Недоумѣваешь, что сказать на это! Удивляться ли любезнымъ читателямъ «Слова», которыхъ редакція такъ безцеремонно трактуетъ и считаетъ на столько любезными, что надѣется на благосклонный со стороны ихъ пріемъ такихъ сентенцій, или удивляться недальновидности, если не сказать больше, редакціи которая не считаетъ себя обязанною слѣдовать даже простымъ правиламъ приличія! Дѣйствительно, нельзя не удивляться редакціи, но еще больше удивляешься самомнѣнію и, такъ сказать, сатанинской гордости редактора-толкователя. Напр. въ толкованіи словъ: *духъ Божій, ношашеся верху воды*, четыре отца церкви: Василій Великій, Григорій Нисскій, Кириллъ Александрійскій, Августинъ согласны, что здѣсь разумѣется Св. Духъ. Василій Великій свое толкованіе основываетъ на непоколебимомъ руководительномъ началѣ — на преданіи

церкви; «ближе къ истинѣ», говоритъ онъ, «и *одобрено прежде насъ*,—что духомъ Божіимъ названъ Духъ Св. потому, что Онъ, по замѣченному, преимущественно и исключительно достоинъ такого упоминанія въ Писаніи, и никакой другой духъ не именуется Божіимъ, кромѣ Святаго, восполняющаго Собою Божественную и Блаженную Троицу» (Шестодн. б. 2). Но Макракисъ ни во что ставитъ такіе авторитеты, потому что подобное пониманіе не подходитъ подъ его *разумное и логическое сужденіе*. По сужденію его, едва ли будетъ дѣйствіемъ свойственнымъ для Св. Духа и принимать видъ голубя и являться въ видѣ огненныхъ языковъ. Развѣ можетъ Духъ Св., вездѣсущій и всяисполняющій, вмѣщаться въ форму голубя?! Во второмъ доказательствѣ своего положенія Макракисъ положительно безсовѣстенъ. Совершенно невѣрно, что третіе лицо Св. Троицы въ Писаніи всегда обозначается *членомъ* и прилагательнымъ *Святый*. Членъ ставится для означенія большей опредѣленности понятія и потому при словѣ *πνεῦμα* для этой цѣли онъ и употребляется, а нисколько не для обозначенія третьяго лица Св. Троицы, напр. *не вѣсте, коего духа есте вы*—*οὐκ οἴδατε οἵου πνεύματος*, безъ члена, потому что выражается неопредѣленное понятіе (Лук. 9, 55) *μὴ χαίρετε, ὅτι τὰ πνεύματα ὑμῖν ὑποτάσσεται* (10, 20)—рѣчь идетъ о духахъ нечистыхъ—поставленъ членъ; и семь служебныхъ духовъ, на которыхъ указываетъ толкованіе означается также членомъ: *τὰ ἑπτὰ πνεύματα τοῦ Θεοῦ, τὰ ἀπεσταλμένα εἰς πᾶσαν τὴν γῆν*. Когда же при словѣ *πνεῦμα* находится опредѣляющее прилагательное, то *членъ* весьма часто опускается, напр. *λάβετε πνεῦμα ἅγιον* (Іоан. 20, 22) *и исполнишася вси Духа Свята*,—

πνεύματος ἁγίου (Дѣян. 2, 4) *Духъ Божій живетъ въ васъ*—πνεῦμα Θεοῦ—*аще кто Духа Христова не иматъ* πνεύματι Χριστοῦ (Рим. 8, 9) *елицы бо Духомъ Божіимъ водятся* πνεύματι Θεοῦ (14) *никто же Духомъ Божіимъ глаголяй... точію Духомъ Святымъ* ἐν πνεύματι Θεοῦ... πνεύματι ἁγίῳ (1 Кор. 12 3) и много можно указать подобныхъ мѣстъ, хотя они и не исключаютъ употребленія и *члена* и слова *святый*, напр. *свидѣтельствуетъ же намъ и Духъ Святый* τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον (Евр. 10, 15) *и сниде Духъ Святый тѣлеснымъ образомъ* τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον (Лук. 3, 22). Должно быть справедливо называютъ здѣсь Макракиса безстыднымъ софистомъ, потому что дѣйствительно нужно быть безстыднымъ, чтобы писать противъ столь ясныхъ доказательствъ, и притомъ еще такъ грубо относиться къ мнѣніямъ святоотеческимъ. Далѣе, какое грубое объясненіе словъ *рече Богъ*. Будто возможно здѣсь представленіе о членораздѣльныхъ звукахъ, будто необходимы слушатели и пр., какъ онъ еще не поставилъ вопроса: на какомъ языкѣ говорилъ Богъ? Ужъ не на греческомъ ли? Не такъ относятся къ дѣлу люди, дѣйствительно, проникнутые духомъ мудрости и силы; напр. Василій В. такъ возвышенно объясняетъ это мѣсто: «когда приписываетъ Богу», говоритъ онъ, «гласъ, рѣчь и повелѣніе, тогда подъ Божіимъ Словомъ не разумѣемъ звука, издаваемаго словесными органами и воздуха, приводимаго въ сотрясеніе посредствомъ языка, но, для большей ясности учащимся, хотимъ въ видѣ повелѣнія изобразить самое мановеніе въ волѣ» (Шестодн. б. 2.). Кажется, никто еще изъ толкователей не доходилъ до такой премудрости, чтобы испытывать самый процессъ творенія, и тѣмъ болѣе возлагать это

дѣло на служебныхъ духовъ. Автору и не представляется иначе появленіе свѣта, какъ по способу, по которому теперь возжигается огонь. Потенціально огонь существуетъ во многихъ видахъ, но чтобы онъ явился, нужно непосредственное воздѣйствіе посторонняго фактора. Ангелъ, услышавши повелѣніе Бога, вывелъ огонь изъ земли, совершенно такъ, какъ господинъ приказываетъ слугѣ подать огонь. Въ послѣдующихъ случаяхъ являются дѣйствующими уже нѣсколько ангеловъ,—вѣроятно потому, что процессы творенія усложнились; какое рабское, тупое подчиненіе мысли непосредственности явленій! Сколь ни дерзски, сколь ни грубы указанныя объясненія, но они представляются еще довольно блѣдными по отношенію къ тому понятію, что Св. Троица сотворила отъ начала три первоначальныя сущности *«по образу себя самой»* (*κατὰ τὸν Ἑαυτῆς τύπον*). Что это такое? Или грубый матеріализмъ, или полное отсутствіе всякаго христіанскаго пониманія? Пусть въ Св. Писаніи Лица Пресвятыя Троицы изображаются подъ тѣми или другими символами, пусть сущности, изъ которыхъ состоитъ міръ, образно и символически представляютъ Св. Троицу,—подобныя сравненія и сопоставленія церковь всегда допускала для объясненія непостижимѣйшаго для нашего ума таинства! Но чтобы дѣло поставить на оборотъ; т. е. чтобы свойства матеріи переносить на свойства Св. Троицы, или чтобы на свойствахъ матеріи видѣть отображеніе свойствъ Св. Троицы,—это уже верхъ, даже нельзя сказать: богохульства, а скорѣе—полнаго тупоумія. Впрочемъ оставимъ разборъ подобныхъ уродливостей,—это не относится къ нашему дѣлу, такъ какъ мы имѣемъ цѣлью обозрѣніе, а не критику греческой церковной журналистики.

Полемическія статьи «Слова» писаны по частнымъ случаямъ и направлены преимущественно противъ Православнаго Обозрѣнія и какъ такія они не выясняютъ какихъ либо опредѣленныхъ вопросовъ. Все содержаніе ихъ состоитъ въ томъ, что редакторъ возвелъ нѣсколько лицъ въ глупцы, невѣжи, нечестивыя безбожники, антихристы, еретики и пр. и пр. Болѣе подробно онъ коснулся практическаго основанія христіанства,—вопроса о христіанской любви, который рѣшаетъ по іудейскому воззрѣнію. Любовь должна имѣть основаніемъ одинаковость догмата, равно и проявленіе ея должно ограничиваться единодогматствующими—православными, потому что разнодогматствующій разногласитъ съ Самимъ І. Христомъ, а кто не согласенъ съ І. Христомъ, тотъ ненавидитъ Его и самъ достоинъ ненависти и пр. Вопросъ этотъ редакторъ приложилъ къ вопросу о соединеніи церквей и потому мы возвратимся къ нему, когда будемъ говорить о послѣднемъ предметѣ.

Довольно долго мы остановились на странностяхъ странной газеты. Такое вниманіе къ ней можетъ показаться излишнимъ, но она заслуживаетъ онаго по самымъ своимъ странностямъ и потому положенію, которое занимаетъ въ здѣшней церковной литературѣ. Если Священный Сѵнодъ рекомендовалъ ее духовенству для преимущественнаго чтенія, слѣдовательно, она оказываетъ вліяніе на направленіе мысли и дѣятельности всего клира греческой церкви, но въ тоже время даетъ понятіе о самомъ этомъ клирѣ...

III.

При разсмотрѣніи газеты «Слова» мы уже не разъ упоминали о другой газетѣ «Православное Обозрѣніе». Это третья и послѣдняя газета въ церковной греческой журналистикѣ. Она начала издаваться съ 15-го октября 1869 года и при началѣ изданія Сѵнодъ рекомендовалъ ее для чтенія и клиру и обществу. «Такъ какъ г. А. Діомидисъ-Киріакосъ, профессоръ богословскаго факультета въ національномъ университетѣ», пишетъ Сѵнодъ всѣмъ іерархамъ государства «предпринялъ изданіе газеты подъ названіемъ Ὀρθόδοξος Ἐπιθεώρησις, имѣющей первою и главною цѣлію защищать пользы нашей православной церкви... И такъ какъ несомнѣнно, что изданіе и распространеніе такихъ церковныхъ газетъ весьма много содѣйствуетъ къ устроенію церкви и къ образованію нравовъ христіанскаго общества, Сѵнодъ рекомендуетъ ее вамъ, а чрезъ васъ и подвѣдомственнымъ вамъ обителямъ святымъ, священному клиру и всему христіанскому обществу». Въ № 8-мъ редакторъ пишетъ о положеніи его газеты предъ Священнымъ Сѵнодомъ: что «Православное Обозрѣніе» есть газета независимая, не есть ни органъ Сѵнода, ни зависитъ отъ него, такъ какъ она не желаетъ служить желаніямъ Сѵнода, или какого другаго, но служитъ интересамъ православной восточной церкви» (будто Сѵнодъ противъ интересовъ церкви?). «Она защищаетъ все то, что считаетъ истинно полезнымъ для церкви, но борется и будетъ бороться противъ всего того, что считаетъ вреднымъ для нея. Сохраняя должное почтеніе къ церковной власти, она не думаетъ льстить лицамъ, не считаетъ

себя обязанною давать кому-либо отчетъ, она отвергаетъ всякую зависимость отъ кого бы-то ни было. Основанная на догматахъ и началахъ православной восточной церкви и сохраняя законы конституціи нашего государства, она будетъ преслѣдовать небоязненно ту цѣль, которую предположила, т. е. служеніе истиннымъ интересамъ православной церкви». Подобное объясненіе предполагаетъ, что редакторъ не поладилъ съ Сѵнодомъ, и дѣйствительно въ «Словѣ» появилось отъ 31-го марта 1870 г. объявленіе Сѵнода, что онъ беретъ назадъ свою рекомендацію Православнаго Обозрѣнія, такъ какъ оно не исполнило своихъ обѣщаній, о чемъ и извѣщаются іерархи державы (Λόγ. № 103). Программа этой газеты, потерпѣвшей въ короткое время такія превратности въ своей внѣшней судьбѣ слѣд.: «желая служить нуждамъ и пользамъ церкви, объявляетъ редакторъ, и вообще содѣйствовать возбужденію у насъ религіознаго чувства и распространенію христіански религіозныхъ идей, въ чемъ наше общество, думаемъ, и имѣетъ великую нужду, мы предпринимаемъ изданіе газеты... Она будетъ чисто церковная... Желая видѣть нашу церковь преуспѣвающею и окруженною тою славою, которая ей подобаетъ, желаемъ видѣть клиръ нашъ образованнымъ, благоприличнымъ, занимающимъ достойно свое высокое мѣсто. Улучшенію положенія клира и преимущественно его образованію, что составляетъ одну изъ первыхъ нуждъ нашей церкви, мы будемъ стараться содѣйствовать всѣми силами,— вообще мы будемъ на сторонѣ всякаго улучшенія нашихъ церковныхъ дѣлъ, когда это будетъ согласно съ духомъ Евангелія, священныхъ каноновъ и цер-

ковныхъ преданій. Кромѣ внутреннихъ вопросовъ будутъ занимать насъ и многіе другіе. Церковь имѣетъ враговъ, и враговъ различныхъ. Между ними мы считаемъ первыми тайныхъ отступниковъ религіи, которые нападаютъ на нее посредствомъ печати, сочиненій или другимъ образомъ. Съ ними мы будемъ бороться всегда оружіемъ науки, отвергая всякое другое средство, потому что идеи только чрезъ идеи могутъ быть опровергаемы. Враги нашей церкви и миссіонеры, католики и протестанты, которые смотрятъ на насъ, какъ на незнающихъ Евангелія, и находящихся внѣ истинной церкви, и потому стараются образовать на востокѣ прозелитовъ. Мы желаемъ соединенія церквей, но отвергаемъ прозелитизмъ среди христіанъ. Для него мѣсто среди язычниковъ, гдѣ и трудится наша церковь, гдѣ должны трудиться и проповѣдники другихъ церквей. Мы будемъ преслѣдовать шагъ за шагомъ дѣйствія миссіонеровъ и защищать нашу церковь, не въ Элладѣ только, но и на всемъ востокѣ и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ, но дѣйствовать въ духѣ кротости и мира. Вражда и взаимное отвращеніе христіанъ между собою должны исчезнуть, и всѣ истинные христіане должны содѣйствовать этому, чтобы затѣмъ преслѣдовать взаимные миръ и любовь, и потомъ уже думать о догматическомъ единствѣ». По окончаніи года, по обычаю другихъ газетъ, и «Православное Обозрѣніе» отрекомендовалось, что оно отлично исполняло свою задачу и возвысило значеніе истинныхъ интересовъ нашей церкви. Затѣмъ, оно нѣсколько расширило свою задачу, именно: призвало общество къ участію въ церковныхъ дѣлахъ. Безразличное отно-

шеніе общества къ церкви служитъ причиною жалкаго ея состоянія, которое тогда только улучшится, когда общество придетъ на помощь клиру и прочимъ служителямъ ея, когда всѣ будутъ заботиться о нихъ, когда образуется и будетъ существовать въ церкви нѣкоторое общественное мнѣніе (?), которое будетъ бодрствовать надъ пользами ея. Органомъ такого общественнаго мнѣнія и предлагаетъ себя «Православное Обозрѣніе», обѣщаясь по прежнему служить пользамъ церкви и отстранять отъ нея всякій вредъ...

«Православное Обозрѣніе» заявившее себя, по вышеизложенной программѣ, газетою чисто практическою, не занимается постановкою и рѣшеніемъ теоретическихъ богословскихъ вопросовъ, и потому подробнѣе мы познакомимся съ нимъ, когда будемъ говорить о ходѣ церковныхъ дѣлъ въ Греціи.

Греческая журналистика, какъ видно изъ ея программъ, сознаетъ серьезность своего положенія предъ церковію и предъ обществомъ и трудится надъ выполненіемъ своихъ задачъ по мѣрѣ своихъ силъ, но приносятъ-ли труды ея желательную для нея пользу, это не зависитъ отъ нея. Въ области мысли «Еванг. Проп.» занимаетъ относительно видное мѣсто, какъ по серьезности своего направленія, такъ и по добросовѣстности его выполненія. «Православное Обозрѣніе, можно сказать, дополняетъ его въ области практической, хотя оно, по недавности своего существованія и по другимъ причинамъ, не чуждо нѣкоторыхъ довольно важныхъ промаховъ. И «Слово» имѣетъ свои хорошія стороны. Оно считаетъ себя, и дѣйствительно есть стражъ церкви эллинской, противъ всѣхъ тайныхъ и явныхъ враговъ ея, и по этой сво-

ей задачѣ было бы весьма полезно, если бы не вдавалось въ излишнія крайности, менѣе сурово относилось бы къ неважнымъ мелочамъ и было бы миролюбивѣе и къ обществу и къ самой церкви.

I. Н. Н.

(Продолженіе будетъ).

1871 г.
Аѳины.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Архиеп. Филарет (Гумилевский)

Святые подвижницы Восточной Церкви

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 5. С. 905-935.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ОСТАНКОВЪ

СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ГРИГОРІЯ V

ИЗЪ ОДЕССЫ ВЪ АѲИНЫ.

Съ утра вчерашняго дня, писали почти всѣ аѳинскія газеты 15 апрѣля, съ утра вчерашняго дня свободная Эллась подъ національнымъ флагомъ и на эллинскомъ рейдѣ имѣетъ священные останки пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ повѣшеннаго за свободу эллинскаго народа константинопольскаго патріарха Григорія V изъ Димитсаны Пелопонисской. Національное и церковное сокровище это, чудеснымъ образомъ и покровительствомъ божественнаго провидѣнія спасеное отъ морскаго гроба, въ который, послѣ мученія, бросилъ оное дикій фанатизмъ и мстительность варварской черни, исполнявшей приговоръ правительства, достойнаго ея, и полвѣка сохранившееся въ единовѣрной странѣ русской, и обставленное въ Одессѣ всѣми почестями, которыя благочестіе внушило народу, одинаково съ нами служащему Богу, сокровище это грядетъ, чтобы упокоиться въ землѣ, въ защиту которой подвизалось и свой подвигъ запечатлѣло кровію ('Αἰὼν № 2669).

Святѣйшій патріархъ Григорій V *) три раза былъ возводимъ и низводимъ съ патріаршаго престола. Замѣчательно, что время его патріаршества всегда совпадало съ важными для Турціи политическими обстоятельствами. Въ первый разъ онъ былъ избранъ патріархомъ въ концѣ 1798 г. Строго-аскетическимъ образомъ жизни, точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, неусыпною бдительностію надъ дѣятельностію подвѣдомственныхъ епископовъ, неуклоннымъ преслѣдованіемъ безпорядковъ и злоупотребленій, Григорій возбудилъ противъ себя неудовольствія клира, и особенно епископовъ, которые успѣли представить его предъ правительствомъ, какъ человѣка безпокойнаго и неспособнаго управлять народомъ. И само правительство, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, было уже недовольно патріархомъ. Французы, утвердившись въ это время на востокѣ, распространяли идеи, неблагопріятныя для Порты; правительство ея потребовало отъ патріарха, чтобы онъ предостерегъ народъ отъ

*) Существуютъ нѣсколько біографій патріарха. Первая біографія (анонимная) появилась въ 1852 г. въ Аѳинахъ, вторая біографія переведена съ русскаго языка изъ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1862 г., третья—въ жизнеописаніяхъ дѣятелей греческой революціи, 1869 г. Біографіи сходны между собою почти до тождества, небольшая разница допущена въ опредѣленіи годовъ и чиселъ разныхъ обстоятельствъ жизни патріарха: такъ, годъ рожденія во всѣхъ біографіяхъ указанъ различно: 1750, 1745, 1751 гг. Тоже встрѣчается и съ числами. Вмѣстѣ съ первыми двумя біографіями, изданными въ одной книгѣ, помѣщены и матеріалы для оныхъ, т. е. оффиціальныя распоряженія и частныя письма патріарха, частныя извѣстія лицъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ событіямъ того времени, извѣстія греческихъ и иностранныхъ писателей и проч. Въ виду того, что на русскомъ языкѣ есть біографія блаженнаго патріарха, мы, опуская разныя историческія свѣдѣнія изъ его жизни, остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыя не извѣстны въ русской печати, и которыя въ тоже время представляютъ нѣкоторыя недоразумѣнія.

увлеченія и внушилъ ему нерасположеніе къ французской партіи. Григорій исполнилъ это приказаніе, но не съ такою точностію, какой желало правительство и, ложно обвиненный, онъ былъ удаленъ отъ патріаршества. Послѣ шестилѣтняго пребыванія на Аѳонѣ, въ концѣ 1806 г., онъ во второй разъ былъ избранъ патріархомъ. Въ слѣдующемъ году неожиданно явился предъ стѣнами Константинополя англійскій флотъ, угрожая превратить въ пепелъ столицу Турціи, если послѣдняя не оставитъ союза съ французами. Всѣ жители, по этому случаю, были приглашены къ защитѣ города, и самъ патріархъ съ духовенствомъ и христіанами явился на мѣсто работъ и своими руками носилъ землю для укрѣпленій. Опасность миновала безъ всякихъ послѣдствій, но скоро возникли безпорядки въ государствѣ внутренніе, среди которыхъ Григорій былъ лишенъ каѳедры и удаленъ на Аѳонъ,—это было въ 1808 году. Вторичное пребываніе святѣйшаго патріарха на Аѳонѣ продолжалось десять лѣтъ, по прошествіи которыхъ, въ 1818 году, онъ былъ приглашенъ въ третій и послѣдній разъ на патріаршій престолъ. Въ это время было уже замѣтно греческое движеніе, уже составилось «дружеское общество», имѣвшее цѣлью подготовлять средства для революціи, и потому положеніе патріарха, всегда трудное, въ такихъ обстоятельствахъ сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ. Греческій народъ глубоко ненавидѣлъ турокъ, но онъ ненавидѣлъ ихъ съ одной стороны какъ своихъ тирановъ, съ другой, какъ противниковъ креста, какъ гонителей христіанства, и воодушевляемый такими идеями готовъ былъ по первому призыву поднять оружіе про-

тивъ враговъ христіанской вѣры. Такимъ образомъ греки дѣло своего политическаго освобожденія отожествили съ дѣломъ освобожденія христіанства изъ подъ иновѣрнаго гнета, и возстанію противъ Турціи придали религіозный характеръ. Патріархъ, какъ представитель и руководитель народа и какъ глава церкви, не только не могъ оставаться равнодушнымъ къ начинавшемуся движенію, но отъ него зависѣло сообщить духъ и внутреннюю устойчивость движенію, освятивши оное своимъ благословеніемъ. Съ другой стороны онъ былъ единственно-отвѣтственнымъ лицомъ за спокойствіе и повиновеніе греческаго народа и предъ турецкимъ правительствомъ. Поставленный въ такіе коллизіи святѣйшій патріархъ... былъ повѣшенъ на воротахъ патріархіи. Турецкое правительство, въ основаніе своего жестокаго поступка поставило измѣну патріарха, и потому на груди его послѣ повѣшенія была привязана слѣдующая надпись: «этотъ отступникъ, есть первый виновникъ возстанія и соучастникъ и соотечественникъ бунтовщиковъ». По другимъ извѣстіямъ надпись была очень пространная: содержала въ себѣ изложенія обязанностей руководителей народа, какъ по отношенію къ правительству, такъ и къ народу, указывала, что патріархъ не только не исполнилъ возложенныхъ на него обязанностей, но по причинѣ развращеннаго своего сердца сдѣлался руководителемъ и тайнымъ участникомъ возстанія, и заключалась такъ: поелику всесторонне подтверждено его предательство, вредное не только для высокой Порты, но и гибельное для самаго народа, необходимо, чтобы сей человѣкъ былъ изъятъ отъ лица земли, почему и повѣшенъ для вразумленія дру-

гихъ (βίοι παράλ. т. I, стр. 80—82). Съ другой стороны нѣкоторые изъ греческихъ и иностранныхъ историковъ отрицаютъ всякое участіе патріарха въ дѣлѣ революціи. Въ основаніи такого взгляда лежитъ то, что патріархъ по приглашенію, или вѣрнѣе — по распоряженію Порты, издалъ церковное отлученіе противъ лицъ, поднявшихъ первыми знамя революціи, противъ Александра Ипсиланти и Михаила Сутца. Одно отлученіе было прочитано въ церквахъ константинопольскихъ и разослано по всему патріархату, другое адресовано въ Молдавію, къ тамошнему митрополиту для исполненія онаго на мѣстѣ. Это послѣднее отлученіе написано сильно энергическимъ, страшно-суровымъ языкомъ .. «Всѣмъ единоплеменникамъ нашимъ извѣстны неисчислимыя милости, которыя отъ неоскудѣваемаго источника державнаго надъ нами царства излиты на зловреднаго онаго Михаила. Онъ былъ малъ и ничтоженъ, но возвышенъ въ чины и величія, былъ безславенъ и незнатенъ, но возведенъ въ славу и почести, обогащенъ, возвышенъ и наконецъ почтенъ свѣтлѣйшимъ трономъ игемонства и назначенъ начальникомъ народа. Однакожъ онъ, будучи злонравенъ отъ природы, обнаружилъ удивительные признаки крайней неблагодарности и согласившись съ беглецомъ и изгнанникомъ Александромъ Ипсиланти, оба отчаянные хвастуны и въ высшей степени славолюбивые, или лучше сказать пустоумные, объявили свободу народу. На призывъ ихъ стекаются многіе мѣстные жители, но они еще посылаютъ агентовъ въ разныя стороны, чтобы обманывать и увлекать народъ въ собственную ихъ погибель и многихъ другихъ изъ соплеменниковъ на-

шихъ... Какъ преступники божественныхъ законовъ и апостольскихъ повелѣній, какъ презрители священнаго долга почтенія и благодарности къ благодѣтелямъ, какъ противники нравственныхъ и политическихъ правилъ, какъ безсовѣстные виновники погибели невинныхъ и безотвѣтныхъ соплеменниковъ нашихъ,—да будутъ отлучены и прокляты и непрощены, да не будутъ разрѣшены послѣ смерти, да будутъ повинны вѣчной анаѳемѣ и мученію. Камни, дерево и желѣзо смягчились бы, они же нисколько! Разверзшаяся земля да пожретъ ихъ, не какъ Даѳана и Авирона, но страшнымъ нѣкоторымъ образомъ, какъ чудо и примѣръ. Порази ихъ Господи холодомъ, зноемъ, опустошеніемъ и изнуреніемъ! Да будетъ небо надъ главою ихъ мѣдь, и земля желѣзо подъ ногами ихъ. Да погибнутъ они преждевременно въ настоящей жизни и да накажутся въ будущей. Громы небеснаго гнѣва да поразятъ головы ихъ! Имѣнія ихъ да будутъ въ совершенное уничтоженіе и истребленіе! Да будутъ дѣти ихъ сиры и жены ихъ вдовы! Въ одномъ родѣ да погибнетъ имя ихъ съ шумомъ и къ тому не останется камень на камнѣ! Ангелъ Господень изжени ихъ огненнымъ мечемъ! Да будетъ клятва всѣхъ сущихъ отъ вѣка святыхъ, преподобныхъ и богоносныхъ отцевъ и на нихъ самихъ и на тѣхъ, которыя нераскаянно послѣдовали слѣдамъ ихъ или послѣдуютъ въ будущемъ». Далѣе идетъ рѣчь о присягѣ которую давали греки при вступленіи въ общество. Присяга эта называется «клятвою обмана, неразумною, нечестивою, подобною клятвѣ Ирода», и какъ таковая церковію разрѣшается и считается недѣйствительною. Въ заключеніе архіерею, если онъ

не будетъ всѣми способами противодѣйствовать движенію и содѣйствовать къ приведенію въ повиновеніе своей паствы державной власти, угрожается запрещеніемъ священнодѣйствія, изгнаніемъ изъ священнаго винограда, обнаженіемъ божественной благодати и повинностію геенскому огню. Это отлученіе было подписано на престолѣ двумя патріархами и шестью архіереями; тоже, которое назначалось для всего патріархата, подписано такъ же на св. престолѣ двумя патріархами и двадцатью однимъ архіереемъ (Τὰ κατὰ τὸν πατριάρχην К. Γρηγ. V т. I, стр. 227—241). Послѣ такого страшнаго осужденія не только дѣла революціи, но и самой мысли о ней, трудно допустить даже и малѣйшее предположеніе объ участіи патріарха въ подвигѣ освобожденія Греціи, и убійство его было не болѣе, какъ результатъ дикаго фанатизма турокъ. У турецкаго правительства того времени было въ обычаѣ рубить головы и вѣшать людей совершенно невинныхъ—на томъ только основаніи, что эти лица имѣли счастіе или несчастіе принадлежать къ той мѣстности, гдѣ вспыхивало возстаніе. Когда было получено Турціей извѣстіе (2 апрѣля) о возстаніи въ Пелопонисѣ, мѣстѣ родины патріарха,—смерть его вѣроятно уже была рѣшена, выжидали только случая, чтобы совершить оную при болѣе поразительной обстановкѣ. Находчивость турокъ въ этомъ случаѣ оказалась изумительною. Первый день пасхи (10 апрѣля 1821 г.) день самый досточтимый, самый святый для каждаго христіанина былъ избранъ ими днемъ позорной казни представителя христіанства. Но здѣсь дѣло должно бы повидимому и кончиться. Фанатизмъ турокъ былъ удовлетворенъ. Греки были оскорблены

глубоко въ ихъ религiозномъ чувствѣ, но ихъ нацiональное дѣло не страдало отъ этого, напротивъ, они избавились отъ человѣка, который по своему положенiю и влiянiю на совѣсть христiанъ. могъ тормозить ихъ дѣло. *На подобной мысли греки однакожъ не остановились ни на минуту:* напротивъ, святѣйшiй Григорiй всегда представляется въ мысли грека какъ поборникъ нацiональной свободы, какъ мученикъ за вѣру, какъ *перво-жертва за спасенiе отечества.* Въ такомъ общемъ чувствѣ народа сказывается его уваженiе къ несомнѣннымъ заслугамъ патрiарха, благоговѣнiе къ величiю подвига и жертвы, приносимыхъ имъ для свободы Эллады. И народъ не ошибается въ своемъ мнѣнiи,—для этого онъ имѣетъ полныя основанiя въ дѣятельности святѣйшаго Григорiя за время его послѣдняго патрiаршества.

Когда еще былъ на Аѳонѣ святѣйшiй Григорiй во второмъ его изгнанiи, въ апрѣлѣ 1818 г. явился сюда одинъ изъ агентовъ «общества», чтобы склонить къ вступленiю въ оное, между другими, и изгнанника патрiарха. «Достопочтенный сей старецъ», по словамъ агента Iоанна Фармакиса, «обнаружилъ живѣйшiй энтузiазмъ къ цѣлямъ общества, помолился о немъ отъ всего сердца, однакожъ не пожелалъ дать клятвы, что возбранялъ и священный характеръ его званiя; присовокупилъ же, что если когда нибудь будетъ открыто его имя въ записяхъ общества, то подвергнется опасности весь народъ, который онъ всегда защищалъ отъ власти тирановъ. Послѣднее замѣчанiе онъ сдѣлалъ то, чтобы члены были осторожны, чтобы въ противномъ случаѣ, не принесли больше вреда, чѣмъ пользы для Грецiи». (*βίοι παραλ.* т. I, стр.

55). По вступленіи на патріаршій престолъ, святѣйшій Григорій обратилъ серьезное вниманіе на внутреннее состояніе народа и началъ заботиться о возвышеніи въ немъ національнаго чувства. Для этой цѣли онъ пригласилъ людей богатыхъ и имѣвшихъ значеніе въ народѣ къ устройству школъ, въ которыхъ бы преимущественное вниманіе обращалось на изученіе греческаго языка, греческой исторіи и философіи. Писанныя патріархомъ по этому случаю посланія обнаруживаютъ живѣйщее его сочувствіе къ дѣлу народнаго образованія и искреннюю признательность къ лицамъ, обращавшимъ вниманіе на этотъ предметъ. «Узнавши горячую ревность... и благое намѣреніе и рѣшеніе. которое вы составили между собою, чтобы образовать общую эллинскую школу въ вашемъ отечествѣ, гдѣ уже давно исчезъ свѣтъ образованія и ученія», писалъ патріархъ Пелопонесцамъ, «мы возрадовались великою радостію (καθ' ὑπερβολήν) и вѣнчали васъ сердечными нашими молитвами и благословеніями и достодолжными похвалами и привѣтствіями. Почему, и по долгу отеческой заботливости, пиша настоящее наше патріаршеское посланіе, заповѣдуемъ. . оставайтесь тверды и не поколебимы въ достохвальномъ этомъ и боголюбезномъ рѣшеніи, окажите ваше усердіе къ покровительству общественной школы и къ опредѣленію въ нее достойныхъ дѣла учителей и съ общимъ единеніемъ во Христѣ и братскою любовію и согласіемъ поддержите и руководите ее, чтобы ревность ваш была достойна вашей любви къ отечеству и къ наукѣ, и чтобы показывала, что вы достойные потомки мудрыхъ и славныхъ мужей... Вы знаете наше усер-

діе къ этому дѣлу, заботливость и готовность внести въ оное церковное наше заступничество и покровительство, посему не переставайте дерзновенно писать намъ и сообщать все, что относится къ утвержденію боголюбезнаго этого дѣла, чтобы оно пришло къ надлежащему концу» (1869 г.; іюля 30). Подобное же посланіе было послано патріархомъ (1 августа) въ Бухарестъ. Собиратель матеріаловъ объ этихъ посланіяхъ замѣчаетъ слѣдующее: «письма эти принадлежатъ къ обычнымъ во время возстанія; въ нихъ, подъ предлогомъ содѣйствія учрежденію школъ, разумѣются обстоятельства революціи и члены общества. Но аллегорія достаточно ясна и для самаго невнимательнаго читателя. Замѣчательно же, что патріаршія письма эти посылаются въ два главнѣйшіе центра революціи: въ Пелопонисъ и собственно въМану, начальникъ которой Петръ Мавромихалисъ, сохраняя нѣкоторую автономію, могъ быть свободнѣе приготовленъ, и въ Бухарестъ, гдѣ должна была сначала вспыхнуть революція» (τὰ κατὰ τον πατρ. Κ. Γρηγορ. V т. 1 стр. 214—218). Какъ бы мы ни понимали указанныя письма: въ буквальномъ-ли ихъ значеніи, въ смыслѣ-ли данномъ имъ собирателемъ матеріаловъ (мнѣнія котораго нѣтъ основанія отвергать), изъ нихъ ясно видна заботливость патріарха о возвышеніи въ народѣ національнаго чувства, о развитіи въ немъ стремленія къ свободѣ и независимости внутренней, что служитъ твердою основою и первымъ шагомъ къ независимости и внѣшней. Для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ для возстанія была подобная же исторія, что и со школами. Такъ какъ въ Константинополѣ много бѣдныхъ христіанскихъ семействъ, много бѣдныхъ путе-

шественниковъ, которые являются за помощію въ патріархію, то святѣйшій Григорій, для облегченія участи бѣдствующихъ христіанъ и чтобы не обременять излишними расходами церковь, позаботился образовать для этой цѣли особую кассу подъ названіемъ: «Κιβώτιον τοῦ ἐλέους». Въ основаніе этой кассы были положены единовременныя пожертвованія, сдѣланныя архіереями, сановниками и богатыми купцами; для дальнѣйшаго же ея существованія были назначены опредѣленные взносы отъ церквей, съ участіемъ и патріархата іерусалимскаго, и пожертвованія новохиротонисанныхъ епископовъ. Для наблюденія за приходомъ и расходомъ денегъ были назначены особыя лица. Пособія, кромѣ исключительныхъ обстоятельствъ, производились предъ праздниками Р. Христова и Пасхи». Въ рукописяхъ одного знаменитаго лица, принимавшаго живѣйшее участіе въ возстаніи, сохранилось слѣдующее извѣстіе объ учрежденіи этой кассы. Въ концѣ 1719 г. одинъ изъ главныхъ членовъ общества въ разговорѣ съ патріархомъ, высказалъ безнадежность относительно счастливаго исхода священнаго дѣла вслѣдствіе безденежья и трудности пріобрѣтать деньги, такъ какъ заботливость о собраніи ихъ могла бы подать сильное подозрѣніе врагамъ. Патріархъ, обдумавши хорошо это дѣло, пригласилъ собесѣдника къ себѣ на другой день и сказалъ ему: другъ мой, не отчаявайся, потому что я просвѣщенъ отъ Бога сдѣлать нѣчто такое, что не только не подастъ подозрѣній, но, напротивъ, будетъ казаться еще и достохвальнымъ. Здѣсь находится много бѣдныхъ разныхъ классовъ и національностей, итакъ учредимъ кассу милосердія, назначимъ тричленный совѣтъ, ко-

торый бы входилъ въ соглашенія съ другими государми и собиралъ повсюду дань ради пособія бѣднымъ. Изъ этихъ денегъ совѣтъ одну третью часть будетъ раздавать бѣднымъ всѣхъ національностей, остальныя же части будетъ сберегать для священной цѣли, когда наступитъ для нея опредѣленный отъ Бога часъ. Такимъ образомъ и составился извѣстный *«ящикъ милосердія»*, (*τὰ κατὰ τον πατρ.* К. Γρηγόρ. V т. I, стр. 22, 23. и примѣч. на 223 стр.). Подобныя объясненія тѣхъ или другихъ дѣйствій патріарха, объясненія, направленныя къ тому, чтобы представить его душею и главнымъ дѣятелемъ революціи, могли бы казаться вымысломъ фантазіи, если бы они кромѣ частныхъ сказаній, не имѣли для себя болѣе прочныхъ основаній. Сюда относится, правда тоже частное извѣстіе, но оно подтверждается письмомъ патріарха, которое проливаетъ очень ясный свѣтъ на его дѣйствія. Въ 1820 г. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ Пелопониса чрезъ Константинополь отправлялся въ Россію I. II., который имѣлъ къ патріарху письмо отъ патрскаго епископа Германа. Съ этимъ же лицомъ патріархъ отправилъ письма къ Ипсиланти и въ Москву къ Зосимасу. Въ первомъ письмѣ на цѣлой страницѣ только и было написано *φρόνησις, φρόνησις* во второмъ: *βοήθεια, βοήθεια*. Получившіе эти письма поняли, что патріархъ нуждается въ матеріальномъ пособіи и средствахъ для спасенія своей жизни, и поэтому первый представилъ въ его распоряженіе корабль, на которомъ бы *онъ могъ* отправиться по своему желанію, куда угодно, второй же выслалъ кредитивъ въ 20,000 руб. Когда патріархъ получилъ подобный отвѣтъ, добродушно разсмѣялся, замѣтивъ, что не поняли его

писемъ и, на предложеніе воспользоваться кораблемъ и деньгами отвѣчалъ: «ни то ни другое для меня не нужно. Карабль нуженъ будетъ развѣ для того, что бы отвезти мертвое мое тѣло въ свободную православную мѣстность, деньги же пусть будутъ употреблены на нужды предназначенной Богомъ священной цѣли, достиженіе которой, надѣюсь будетъ вспомоществуемо за вѣру нашу Бож. провидѣніемъ и общимъ согласіемъ и самоотверженіемъ». Потомъ лицу, возвращавшемуся изъ Россіи въ Пелопонисъ патріархъ говорилъ: «нужно съ большою осторожностію и опасеніемъ начинать дѣло; было бы лучшимъ выжидать времени русской войны, не ввѣряться случайностямъ и приготовлять средства. Жалѣю и безпокоюсь, чтобы отечество не пострадало и теперь, какъ пострадало раньше, и было бы гораздо лучше начинать хорошее дѣло издалека». Папаригопулосъ (упоминаемое лицо; въ послѣдствіи русскій генеральный консулъ въ Аѳинахъ,-живъ еще и теперь), тогда объяснилъ патріарху, что, послѣ обсужденія имъ съ Ипсиланти состоянія Пелопониса, и неизбѣжныхъ опасностей, если дѣло начатое отсюда, потерпитъ неудачу было рѣшено начинать революцію въ Молдаво-Валахіи. Патріархъ благословилъ Ипсиланти и Папаригопула и сказалъ, что Богъ послалъ его, что бы представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, потому что «чѣмъ дальше отъ Эллады и ближе къ Россіи начнется революція тѣмъ лучше». Съ этимъ же вѣроятно лицомъ патріархъ послалъ и отвѣтъ патрскому епископу, просившему у него совѣта какъ вести дѣло. Вотъ это письмо: «Сослужитель во Христѣ и возлюбленнѣйшій братъ, письмо твое отъ 20 апрѣля

я получилъ, рѣшеніе мое относительно попеченій о возобновленіи школы любезнаго отечества тоже самое, какъ и твое, о чемъ ты узнаешь отъ самаго подателя письма. «Ящикъ милосердія» долженъ быть поддержанъ, человѣческія силы не могутъ перемѣнить совѣта Господня. Да будетъ Его воля» (1820 г. число ни указано. (Τὰ κατὰ τὸν πατρ. Κ. Γρηγόρ. V, т. I, стр. 368-370. 223-224). Очевидно подъ школою здѣсь не разумѣется учебное заведеніе, равно и назначеніе ящика милосердія оказывается иное.

Лица слѣдившія за ходомъ дѣла, понимали, что положеніе патріарха, не смотря на всю осторожность его дѣйствій, не смотря на то, что онъ не подалъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ на него, было очень опасно, и потому предлагали ему заблаговременно удалиться изъ Константинополя. Патріархъ опять таки оставался вѣренъ предпринятому имъ рѣшенію, отвергалъ всѣ предложенія, не допускалъ даже и мысли о бѣгствѣ, хотя очень хорошо понималъ свое положеніе, но рѣшился добровольно пожертвовать своею жизнію для блага народа: «Бѣгство мое», говорилъ онъ обыкновенно на такія предложенія, «будетъ для меня тяжестію и поношеніемъ, для народа же не принесетъ никакой пользы, наоборотъ будетъ содѣйствовать къ ожесточенію враговъ и совершенному истребленію его отъ тиранновъ. Пребываніе же мое на должности, если и повлечетъ за собою мою смерть, то это вѣроятно вызоветъ примѣры для подражанія и побудитъ народъ къ отмщенію.» Въ концѣ же подобныхъ отвѣтовъ обыкновенно присоединялъ: *только наемникъ, иже нѣсть пастырь, бѣжитъ, пастырь же добрый душу свою полагаетъ за*

овны. (*βίοι πατρχ.* 60 стр.). Дѣйствительно патріархъ сдѣлалъ все, чтобы дать прямое направленіе національному дѣлу грековъ и сколько возможно было удерживать жестокость правительства.

Но.... произнесенное, въ послѣдніе дни его жизни, отлученіе и осужденіе народнаго дѣла остается! Не значитъ ли это, что патріархъ наконецъ измѣнилъ свое поведеніе и тѣмъ вычеркнулъ себя изъ списка подвижниковъ за отечество? Но и самое это отлученіе патріархъ издалъ для предотвращенія угрожавшей его народу опасности. Турецкое правительство намѣревалось тогда осудить на всеобщее истребленіе всѣхъ христіанъ и вѣроятно исполнило бы свое намѣреніе, если бы патріархъ не увѣрилъ Шейхъ-уль-Ислама, главу магометанской вѣры, что революція не имѣетъ общаго характера, и обнаружившіяся волненія суть совершенно частныя и народъ остается къ нимъ совершенно равнодушнымъ. Существуетъ еще особое преданіе, сохранившееся въ одномъ изъ Константинопольскихъ семействъ объ уничтоженіи патріархомъ и самаго отлученія, объ уничтоженіи конечно не явномъ, по тайномъ. Преданіе это представляетъ довольно интереса и мы рѣшаемся сообщить оное. «Въ вел. понедѣльникъ 1821 г. въ три часа по полуночи когда всѣ въ патріархіи спали глубокимъ сномъ, славный патріархъ Григорій неся въ рукѣ ключь и окружаемый шестью митрополитами, членами Сѵнода, спускался съ лѣстницы. Пришедши въ патріаршій храмъ, заперли оный извнутри. Въ храмѣ не было другаго свѣта, кромѣ слабаго свѣта лампадокъ предъ распятіемъ и позади жертвенника. Молчаніе, мерцающій свѣтъ двухъ лампадокъ, сіяніе святыхъ

иконъ, которыя въ слѣдствіе слабыхъ лучей свѣта, казались движущимися, величественность и священно-пристойность церкви, присутствіе семи рясоносцевъ, нарочитѣйшихъ пастырей восточной паствы нашего Господа, представляли удивительное и неописаное зрѣлище, умилительное же и глубокое «Святые братья и сослужители» сказалъ имъ суровый и благочестивый патріархъ, когда они дошли до святыхъ вратъ священнаго алтаря и здѣсь составили кругъ, имѣя впереди себя патріарха, «вотъ мы сошлись въ храмѣ Бога; никто здѣсь насъ не видитъ, кромѣ недремлющаго Его ока, никто насъ не слышитъ, кромѣ уха, открытаго для моленій праведниковъ и грѣшныхъ. Недавно мы издали вынужденное отлученіе противъ возставшихъ нашихъ братьевъ христіанъ, сражающихся подъ знаменіемъ Креста за вѣру и отечество. Спаситель нашъ заповѣдалъ намъ: благословите а не кляните, мы же прокляли святое дѣло, дѣло божественнаго свидѣтельства священныхъ жертвъ, за вѣру Христову принесшихъ себя во всесожженіе, прокляли отвергшихъ тяжкое иго рабства, чтобы освободить отечество отъ ругателей святой нашей вѣры и притѣснителей нашей національности. Поэтому изданное нами противъ нихъ отлученіе, хотя и невольное не только отягчаетъ выю нашу, но опечалило и подвижниковъ, посему мы должны съ призваніемъ въ помощь святаго духа уничтожить оное. «Но мы, свят. патріархъ, сдѣлали дѣло невольное, будучи вынуждены къ оному насиліемъ и необходимостію, что бы не побудить оттоманское правительство на большія противъ Христіанъ злодѣйства», отвѣчалъ блаженный и добрый пастырь Ефесскій, отирая слезы

сочувствія. и раскаянія. «По истинѣ, сдѣлали дѣло невольное, перебилъ его достославный патріархъ, поистиннѣ, когда мы подписывали отлученіе предъ властію, сердца наши молились, и должны оное уничтожить. Слушайте братья! въ полночь прошедшей субботы, когда діаконъ мой прочиталъ полунощницу, и когда я заперъ дверь спальной моей и приблизился къ одру, свѣтлый образъ неожиданно явился предо мною. «Приготовься, сказалъ онъ мнѣ, къ мученичеству; благослови, которыхъ ты проклялъ и подражай Христу, умершему на крестѣ за спасеніе людей; мученичество твое будетъ во спасеніе вѣрнымъ». Во время смятенія моего свѣтлый образъ сдѣлался невидимъ. Голосъ былъ такъ гармониченъ и нѣженъ, что въ сердце мое влился какъ бы пріятный бальзамъ. Всю эту ночь я провелъ въ молитвѣ, и душа моя была полна веселія; теперь я жду нетерпѣливо мученичества, мученичества для спасенія христіанъ». Архіереи въ полномъ молчаніи и умиленіи смотрѣли на патріарха восточной церкви, орошаемые слезами, слезами священными, слезами благочестія, проливаемыми отъ сердецъ полныхъ любви къ народу». Когда, по приглашенію патріарха, преосвященный никомидійскій зажегъ лампадки, «одѣньтесь въ святительскія ваши одежды», сказалъ патріархъ, вмѣстѣ съ этимъ одѣлся и самъ при помощи того же никомидійскаго. Когда вошли всѣ въ священный олтарь, святой патріархъ сталъ предъ лицемъ св. престола, преосвященнѣйшія архіереи окружили его, ставши окрестъ его. Послѣ «благословенъ Богъ нашъ» и краткаго послѣдованія патріархъ взялъ отлученіе, положилъ на одну изъ ступеней св. престола и возгласилъ: «Боже

вседержителю, преблаже, пославый единороднаго Сына Твоего Господа нашего Іисуса Христа въ міръ, пріяти плоть Духомъ Святымъ отъ приснодѣвы Маріи и умрети на крестѣ ради насъ, прости первѣе согрѣшившимъ намъ преступленіемъ заповѣди единороднаго Твоего Сына, заповѣдавшаго намъ: благословите, а не кляните. Потомъ по данной намъ власти вязать и рѣшить, разрѣшаемъ отлученіе сіе, невольно произнесенное противъ христоименитаго стада Твоего. Ей Господи царю, услышь насъ и укрѣпи и спаси мышцею Твоею высокою, яко препрославленъ еси.... Аминь». По окончаніи этого возглашенія, онъ взялъ одну изъ лампадъ, зажегъ отлученіе, которое упало на помостъ предъ ногами ихъ».... (подписано Константинъ Ральфосъ). По другому сказанію патріархъ даже извѣстилъ своихъ соотечественниковъ о разрѣшеніи имъ отлученія. «Была ночь», пишетъ П. Сутцосъ, «патріархъ Григорій за три дня до осужденія, призываетъ г. Ригу Паламидиса и другихъ избранныхъ мужей Пелопониса и говоритъ имъ: мы издали отлученіе противъ вооруженнаго народа изъ страха погибели прочаго народа невооруженнаго. Идите въ Пелопонисъ и объявите тамошнему епископу и другимъ іерархамъ, что благословеніе мое на дѣлахъ рукъ эллинскаго народа. Сражайтесь съ агаряниномъ. Сказалъ, и борода его затряслась, и уста его сдѣлались блѣдны, какъ были и на висѣлицѣ.... (τά κατά τον Πατρ. V. т. I. стр. 249, 252, 359). Да, святѣйшій Григорій кровію запечатлѣлъ свой подвигъ за свободу отечества. Поносная смерть его поразила грековъ, но въ тоже время и показала имъ исходъ ихъ борьбы. Они не видѣли и не желали видѣть предъ собою

ничего, кромѣ свободы или смерти. Тѣнь Григорія была постоянно присуща имъ, воодушевляла ихъ на необычайные подвиги, и неуклонно вела къ такъ опредѣленно предначертанной имъ для эллинскаго народа цѣли.»

Различнымъ образомъ объясняютъ фактъ о сохраненіи тѣла патріарха. Въ продолженіе трехъ дней тѣло его оставалось на висѣлицѣ, потомъ передано евреямъ, которые послѣ разныхъ ругательствъ бросили оное въ морской заливъ «Золотой Рогъ». Французскій историкъ Рафанело говоритъ, что былъ нейденъ въ Босфорѣ трупъ похожій на патріарха, который эллинское блгочестіе признало за настоящее тѣло его, и такимъ образомъ останки неизвѣстнаго старика, вѣроятно изъ осужденныхъ, и были перевезены въ Одессу. Но это единственный писатель, который усумнился въ подлинности тѣла патріарха; всѣ же прочіе признаютъ, что найденные останки дѣйствительно были останки патріарха, и только разнятся въ опредѣленіи способа ихъ сохраненія. Въ *Encyclopaedia Americana* указывается на чисто коммерческій способъ, именно что евреи, подкупленные деньгами, бросили трупъ въ море, но не погрузили онаго, и греческіе моряки ночью нашли и перевезли оный въ Одессу. Указанныя нами біографіи и нѣкоторые греческіе историки сообщаютъ, что камни, съ которыми было брошено тѣло, отвязались, трупъ всплылъ на поверхность моря и отсюда перенятъ на греческое, подъ русскимъ флагомъ, судно, на которомъ находился и протосинкеллъ патріархіи, который и узналъ патріарха. Другіе, тоже греческіе, историки умалчиваютъ о присутствіи на суднѣ протосинкелла, а одинъ

изъ нихъ говоритъ, что капитанъ судна, когда перенялъ трупъ и увидѣлъ въ немъ лицо духовное, на слѣдующій день тайно привезъ на судно нѣкоторыхъ изъ христіанъ, которые и узнали въ найденномъ трупѣ тѣло патріарха. Болѣе же вѣроятнымъ кажется извѣстіе большинства иностранныхъ и многихъ греческихъ историковъ, что христіане замѣтили мѣсто, гдѣ былъ брошенъ патріархъ и ночью успѣли найти его тѣло. Пукевиль такъ описываетъ этотъ фактъ. Вѣрные, издали слѣдуя по слѣдамъ, которыя остались послѣ трупа на грязи, замѣтили мѣсто, гдѣ было брошено тѣло, и искусные водолазы успѣли оное отыскать. Сначала найденное тѣло положили подъ досками бѣднаго рыболова грека, къ которому каждую ночь собирались многія лица, чтобы воздавать долгъ погребенія мертвымъ изъ христіанъ, которыхъ волны пропондиды выбрасывали на берегъ. Останки святаго, омытыя отъ всякой грязи и волнъ, сохранялись вполнѣ, и мученіе, оставившее слѣды на лицѣ его, придало особое величіе его физіономіи. Одинъ дьяконъ положилъ на голову его терпентиновый вѣнокъ, какъ награду мучениковъ, почтенную бороду его окурилъ благовоніемъ алоя, члены его намазалъ многоцѣнными мастями и ноги его были омочены слезами немногочисленныхъ почитателей, лобызавшихъ оныя въ знакъ послѣдняго привѣтствія. Мертвый, одѣтый въ одежду монаховъ ордена Василія, въ которой Григорій и раньше, находясь среди славы, желалъ быть погребеннымъ, былъ положенъ во гробъ, сдѣланный на подобіе товарнаго ящика и перенесенъ на скороплывущее судно.... (*τὰ κατὰ τον πατρ.* Κ. Γρηγόρ. V, т. I, стр. 325, 320. т. 2. стр. 70. 111, 112). Перевезенный въ Одессу, Гри-

горій со всѣми почестями былъ похороненъ здѣсь въ *греческой церкви*.

Въ день благовѣщенія пресв. Богородицы греки празднуютъ годовщину освобожденія изъ подъ чужеземнаго ига. Въ настоящемъ году должно было исполниться пятьдесятъ лѣтъ ихъ независимости и они пожелали юбилейный годъ свой праздновать въ присутствіи первомученика за ихъ свободу. Преосвященный митрополитъ Аѳинскій сдѣлалъ предложеніе палатѣ о перенесеніи останковъ святѣйшаго патріарха изъ Одессы въ Аѳины. И палата и общество съ полною готовностію отозвались на приглашеніе митрополита и, по сношеніи правительства греческаго съ русскимъ, желаніе грековъ было удовлетворено вполнѣ. Но если Россія не замедлила дать полное согласіе на перенесеніе изъ Одессы въ Грецію священныхъ и для русскихъ и драгоцѣнныхъ для грековъ останковъ святѣйшаго Григорія, то Греціи не такъ легко было получить согласіе Турціи на перенесеніе оныхъ мимо ея владѣній. Греческое правительство сначала рѣшило послать въ Одессу военное судно и коммиссію изъ военныхъ и духовныхъ лицъ, почему и обратилось къ Турціи за дозволеніемъ на свободный проходъ означеннаго судна Дарданеллами и Босфоромъ. Турція, промедлившии десять дней, отвѣчала отрицательно. Необходимость заставила грековъ ограничиться посылкою коммерческаго парохода съ коммиссіею изъ однихъ духовныхъ лицъ. Турція не могла препятствовать проходу коммерческаго судна, однако, она не успокоилась. «По извѣстіямъ изъ Константинополя, которымъ читатель можетъ вполнѣ вѣрить», писалъ Αἰὼν, «великій визирь представилъ

препятствія къ проплытію судна; изъ Аѳинъ ему было сообщено, что за останками отправится пароходъ Ἕνωσις, между тѣмъ явился Βυζάντιον; на это Турція смотритъ какъ на оскорбленіе. Но не остановилась на этомъ Порта. Русскому послу, генералу Игнатьеву, она сообщила, что перенесеніе останковъ считается опаснымъ, и оскорбленіемъ султана, перенесеніе же ихъ въ Элладу можетъ нарушить согласіе двухъ державъ сосѣднихъ. Къ этому присовокуплялось, что, такъ какъ патріархъ былъ оттоманскимъ подданнымъ и патріархомъ Константинополя, то Турція, а не Греція имѣетъ право на его останки. и что Турція готова на свой счетъ и съ великою пышностію устроить погребеніе его, на которомъ будетъ присутствовать и самъ великій визирь, въ патріархіи константинопольской; что она воздвигнетъ и великолѣпный памятникъ. Вмѣстѣ съ этимъ русское посольство извѣщалось, что в. визирь уже телеграфировалъ въ Петербургъ, прося именемъ Патріарха и православныхъ константинополитовъ перенесенія останковъ въ Византію, но не въ Грецію. Частное письмо изъ Константинополя, которое мы получили сегодня прибавляетъ, что самъ султанъ телеграфировалъ къ Императору Александру, прося выдать кости патріарха, обѣщая погребсти ихъ съ великою пышностію. Въ султанской телеграммѣ находились слѣдующія фразы «признаю, что повѣшеніе патріарха было несправедливо и есть дѣло эпохи, въ которую господствовали варварскія идеи и которую я не одобрялъ. Но своевременныя и удачныя объясненія со стороны греческаго въ Константинополѣ посольства, представившаго, что погребеніе патріарха въ Константинополѣ причинитъ боль-

шія безпокойства Турціи, и увѣрившаго, что греческое правительство рѣшилось просить кости отъ русскаго императора не вслѣдствіе нерасположенія къ Турціи, или съ цѣлію къ разрыву, но чтобы удовлетворить просьбы родственниковъ патріарха, желавшихъ погребсти останки его въ родномъ его городѣ, въ Дитмисанѣ Пелопонисской, и что греческое правительство приняло всѣ мѣры къ предотвращенію всякихъ манифестацій въ Константинополѣ, во время перенесенія останковъ, убѣдили великаго визиря оставить его противодѣйствія. Такимъ образомъ, 30 марта Βυζάντιον, направляясь въ Одессу, прошолъ чрезъ Босфоръ... Присовокупляемъ наконецъ, что ни патріархія, ни константинопольскіе греки, не обращались къ Портѣ, чтобы просить отъ Россіи кости патріарха, и слѣдовательно прошеніе великаго визиря отъ ихъ имени не было точно ('Αιών, № 2663).

Отправленная въ Одессу коммиссія, по предположенію, должна была прибыть въ Аѳины къ 10-му апрѣля — дню смерти патріарха когда и предполагалось праздновать пятидесятилѣтіе; но праздникъ въ это время не состоялся, такъ какъ коммиссія не успѣла къ назначенному дню исполнить своего порученія. «Византіонъ» вошелъ въ греческія воды утромъ 14 апрѣля. Митрополитъ Аѳинскій въ сопровожденіи членовъ Сѵнода и министра церковныхъ дѣлъ на броненосцѣ «Βασιλεὺς Γεώργιος» отправились къ нему на встрѣчу. По приближеніи къ пароходу броненосецъ былъ убранъ флагами и привѣтствовалъ останки патріарха привѣтствіемъ царскимъ. Министръ церковныхъ дѣлъ на катерѣ подъ національнымъ флагомъ переѣхалъ на Византіонъ, чтобы перенести гробъ на броненосецъ.

Духовныя лица коммиссіи, одѣтыя въ полныя церковныя облаченія, и министръ сопровождали, переложенный на катеръ, гробъ, который былъ принятъ на броненосецъ митрополитомъ и членами Сѵнода, одѣтыми такъ же въ полное церковное облаченіе. «Митрополитъ со слезами на глазахъ и съ полнымъ умиленіемъ, пишетъ 'Αἰών, сказалъ краткое умилительнѣйшее привѣтствіе къ останкамъ, офицеры и матросы на «Георгіѣ» и всѣ предстоящіе съ открытыми головами въ полномъ молчаніи и умиленіи простирали въ это время свои взоры къ многоцѣнному одру. Привѣтствіе предстоятеля свободной церкви Эллады, и самого агониста (*), принимающаго останки, замученнаго за свободу народа начало-вождя всей церкви эллинской, на эллинское военное судно, въ эллинскомъ морѣ, у высокихъ береговъ Аѳинъ, по истиннѣ было чѣмъ-то торжественнымъ и необычайнымъ, было одною изъ тѣхъ сценъ, изъ которыхъ нѣкоторыя порождаются иногда фантазіей поэтовъ, но въ исторіи дважды не повторяются». Гробъ былъ положенъ въ кормовой части броненосца въ особо устроенной изъ флаговъ палаткѣ. Когда были прочитаны митрополитомъ и членами Сѵнода приличныя случаю молитвы, «Георгій», убранный флагами, сопровождаемый пароходомъ «Византіонъ», такъ же убраннымъ флагами, отправился въ Пирейскій рейдъ. Находящіяся на рейдѣ военныя суда Греческія, Русскія и Французскія подняли греческій флагъ, украсились такъ же флагами, и привѣтствовали приближающійся броненосецъ двадцать однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. На русской же

(*) Агонистами называются лица, участвовавшія въ освобожденіи Греціи.

эскадрѣ музыка играла національный греческій гимнъ и «Коль славенъ нашъ Господь». Комерческія суда греческія и иностранныя, находящіяся въ Пирейскомъ рейдѣ, такъ же были убраны флагами и оставались съ ними въ продолженіе всего дня. Одно только Англійское военное судно оставалось спокойно. Кромѣ поднятія полинялаго греческаго флага оно не сдѣлало ничего: ни расцвѣчивалось флагами, ни производило пальбы. Во время прибытія Георгія, вся поверхность рейда была усѣяна катерами и шлюбками, наполненными народомъ, равно и весь берегъ былъ занятъ многочисленными зрителями. Лишь только броненосецъ остановился на якорѣ, тотчасъ былъ окруженъ множествомъ шлюбокъ, съ которыхъ народъ съ нетерпѣніемъ порывался поскорѣе увидѣть и поклониться гробу, такъ много сдѣлавшаго для него человѣка. Все это взятое вмѣстѣ: пушечная пальба, музыка, разноцвѣтныя суда, движеніе народа, одѣтаго въ разныя костюмы при отличной солнечной погодѣ представляло очень живописную картину. «Но неожиданная, умилительная и историческая», пишетъ 'Αιών, «была слѣд. сцена. Около 3 часовъ по полудни король въ мундирѣ адмирала и королева, одѣтая въ черномъ платьѣ, сопровождаемые гофмейстериной и адъютантомъ, безъ всякаго предварительнаго извѣстія, прибыли въ Пирей, и тотчасъ же переѣхали на броненосецъ Когда вошла въ палатку, гдѣ находятся останки, королева Ольга, съ глазами полными слезъ, колѣнопреклонилась предъ гробомъ, и какъ послѣдняя изъ смертныхъ, трижды—въ ноги, средину и голову гроба. облобызала на немъ крестъ и евангеліе, и оставалась молящеюся нѣсколько минутъ. Религіоз-

ное молчаніе господствовало около нея, взоры же всѣхъ были устремлены на королеву. Дочь Романовыхъ, носящая имя первой русской христіанки, королева Эллиновъ, отъ которыхъ народъ ея и родъ ея, девять вѣковъ назадъ принялъ свѣтъ христіанства и былъ веденъ къ величію цивилизаціи, мать наслѣдника эллинскаго трона, называемаго Константиномъ, наслѣдника православнаго, колѣнопреклоненная предъ останками патріарха Эллиновъ, за вѣру и отечество замученнаго и увѣнчаннаго, она сама принимаетъ въ свободной Элладѣ, тѣ останки, которые полвѣка тому назадъ, великій дѣдъ ея, рукоплеща пробужденію эллинскаго народа, пріютилъ въ своей державѣ и сохранилъ, чтобы племянникъ его передалъ въ Элладу, образовавшуюся уже въ государство, и подлѣ королевы находящійся король эллиновъ Георгій изъ страны, откуда приходило войско императоровъ Византійскихъ, — все это не составитъ ли одну изъ самыхъ драматическихъ и поучительнѣйшихъ страницъ исторіи, изъ которыхъ нѣкоторыя поучаютъ и открываютъ прошедшее, поддерживаютъ надежды на будущее и укрѣпляютъ вѣру въ національныя преданія народа?» (№ 2669). Гробъ оставался на броненосцѣ до 25 апрѣля. Въ воскресенье 18 апрѣля была совершена здѣсь литургія однимъ изъ членомъ Сѵнода и во все продолженіе времени до 25 числа находился при гробѣ одинъ изъ епископовъ. Каждодневно на судно являлось много народу, чтобы поклониться гробу мученика. Въ это время въ Аѳинахъ производились приготовленія къ празднику. На концѣ площади «конституціи», которая находится передъ дворцомъ, и отдѣляетъ оный отъ города, были устроены тріумфальныя

ворота въ Іоническомъ стилѣ (изъ дерева съ помощію каленкора, на которомъ были сдѣланы надписи) вышиною въ 11 метровъ и въ 10 шириною, на верху воротъ были поставлены соотвѣтственной имъ величины три изображенія: въ срединѣ—патріарха съ посохомъ и крестомъ въ рукахъ, съ правой стороны его—Германа епископа патрскаго съ національнымъ флагомъ въ рукѣ, и съ лѣвой - Игнатія, епископа унгровлахійскаго съ крестомъ. По обѣимъ сторонамъ предъ воротами поставлены двѣ пирамиды, на которыхъ установлены въ видѣ трофеевъ знамена и оружія. На разныхъ мѣстахъ воротъ сдѣланы были надписи: въ честь пятидесятилѣтняго праздника, въ честь государей трехъ покровительствующихъ державъ, королевскому царствующему дому, Баварскому королю Людовику, патріарху Григорію, членамъ Сѵнода, пострадавшимъ съ нимъ, патрскому и унгровлахійскому епископамъ, всѣмъ павшимъ за вѣру и отечество на полѣ брани, правителю Коподистріи и пр. Посреди площади была воздвигнута деревянная колонна въ коринѳскомъ стилѣ вышиною въ $16^1/_2$ метровъ, на верху которой было утверждено въ формѣ женской фигуры, изображеніе Эллады, держащей въ правой рукѣ вѣнокъ, въ лѣвой греческое знамя. На сторонахъ колонны были написаны имена четырехъ государей, содѣйствовавшихъ возстановленію Греціи и другія мелкія надписи. Днемъ празднованія пятидесятилѣтія Греціи и перенесенія останковъ патріарха въ Аѳины было назначено 25 апрѣля, на каковый случай была составлена и особая программа празднованія.

Вечеромъ 24 апрѣля при заходѣ солнца наступленіе праздника было возвѣщено колокольнымъ во всѣхъ

церквахъ Аѳинъ звономъ и пушечною пальбою. Утромъ слѣдующаго дня, дня праздника сдѣланы были въ Аѳинахъ 101 пушечные выстрѣлы. Въ 6½ часовъ прибыли на броненосецъ три епископа въ сопровожденіи нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства и министра церковныхъ дѣлъ, гдѣ уже собрались адмиралъ, командиры судовъ и офицеры иностранныхъ эскадръ, находящихся въ Пиреѣ; архіерен и духовенство, одѣтые въ полное церковное облаченіе, подняли съ мѣста гробъ и переложили оный на большой катеръ. Въ это время производился церковный звонъ и со всѣхъ военныхъ судовъ сдѣлано было по 21 выстрѣлу. Отплытіе къ берегу было совершено такимъ порядкомъ: первою шла яхта, на которой находился капитанъ надъ пирейскимъ портомъ, за нею слѣдовалъ русскій катеръ съ военными русскими музыкантами, игравшими греческій національный гимнъ и «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», далѣе—баркасъ буксировалъ катеръ съ гробомъ, около котораго духовенство пѣло пасхальный канонъ, здѣсь же находились и министръ Ц. Д., и капитанъ броненосца. Непосредственно за этимъ катеромъ шелъ русскій катеръ, на которомъ находился контръ-адмиралъ И. И. Бутаковъ съ его штабомъ, по сторонамъ русскаго катера были шлюбки съ капитанами французскаго и англійскаго судовъ. Позади этихъ трехъ находились другія шлюбки съ иностранными офицерами. Иностранныя шлюбки съ одной стороны, и греческія съ другой образовали шпалеры около главнаго движенія судовъ. Въ 6¾ часовъ, гробъ былъ вынесенъ на берегъ. Девять священниковъ и члены думы несли гробъ на рукахъ во время шествія къ станціи желѣзной дороги

Всѣ городскія власти, иностранные консулы, офицеры и всѣ граждане города участвовали въ шествіи, на всемъ пути котораго русскіе музыканты не переставали играть греческій національный и русскіе гимны. Въ 8 часовъ гробъ былъ положенъ въ открытый, убранный флагами вагонъ и прибылъ въ Аѳины. Здѣсь въ вокзалѣ встрѣтили оный король, королева со всѣмъ придворнымъ штабомъ, члены Сѵнода и, нарочно приглашенные на праздникъ, нѣкоторые изъ епархіальныхъ архіереевъ, министры, народные депутаты, гражданскіе, военные и городскіе чиновники и пр. и пр. Когда гробъ былъ снятъ съ вагона и принесенъ въ вокзалъ, митрополитъ аѳинскій среди глубокаго молчанія взволнованнымъ голосомъ сказалъ рѣчь, (помѣщаемъ ее ниже), по окончаніи которой гробъ, поднятый священниками и офицерами, былъ положенъ на особо приготовленную колесницу, украшенную балдахиномъ, устроеннымъ въ Одессѣ. Въ колесницу были впряжены 4 лошади, покрытыя бѣлыми попонами. Въ $8^3/_4$ час. двадцать одинъ пушечный выстрѣлъ открыли начало шествія и продолжали раздаваться каждую минуту, пока шествіе не остановилось предъ храмомъ митрополіи. Послѣ различныхъ отдѣльныхъ частей войска и военныхъ музыкантовъ, шествіе открывали агонисты (т. е. лица, участвовавшіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія Греціи), за ними былъ несенъ св. крестъ и хоругви всѣхъ Аѳинскихъ храмовъ, дальше, шли ученики церковной школы, за ними всѣ духовные лица, священники, діаконы, монахи, не бывшіе въ церковномъ облаченіи, и пѣвчіе, которые во все продолженіе пути пѣли пасхальный канонъ. Послѣ пѣвчихъ шли діаконы,

за ними священники (числомъ около 60) и потомъ митрополитъ, сопровождаемый двумя діаконами (на половинѣ пути онъ вышелъ изъ шествія). Непосредственно за митрополитомъ слѣдовалъ гробъ патріарха, окружаемый и поддерживаемый архіереями, за гробомъ шли король и королева, по правую сторону которой находилось министерство, по лѣвую сторону короля—председатель, товарищи его и секретари палаты. Позади короля и королевы шли народные депутаты, кавалеры первой степени ордена Спасителя, генералы, адмиралы и пр. и пр., однимъ словомъ, всѣ лица, состоящіе на государственной и общественной службѣ. По обѣимъ сторонамъ шествіе замыкалось шпалерами войскъ. Три раза въ продолженіи пути было читано Евангеліе, предъ тріумфальными же воротами кромѣ этого были возглашены моленія: о павшихъ на полѣ сраженія за отечество, и за будущее благоденствіе народа. Густыя толпы народа сопровождали шествіе; окна, балконы, даже крыши домовъ, лежащихъ на пути, были заняты народомъ, который при приближеніи гроба патріарха знаменовалъ себя крестнымъ знаменіемъ. Совершенно тихая и ясная погода благопріятствовала величественной обстановкѣ церемоніала и дополняла картину всеобщаго народнаго торжества и энтузіазма. Въ $10^{1}/_{4}$ часовъ, гробъ патріарха былъ внесенъ въ митрополію и поставленъ подъ балдахиномъ. Когда всѣ лица заняли назначенныя имъ мѣста, преосв. Спрскій архіепископъ, Александръ Ликургъ произнесъ очень растянутое, продолжавшееся полтора часа слово, по окончаніи котораго было совершено благодарственное молебствіе. Во время пѣнія многолѣтія королевскому дому пушечные выстрѣ-

лы возвѣстили окончаніе церковнаго торжества. Вечеромъ же при закатѣ солнца новые пушечные выстрѣлы возвѣстили и окончаніе національнаго праздника, который завершенъ былъ иллюминаціей, но не такою, какой по словамъ 'Αιῶν—а требовалъ великій національный праздникъ.

На другой день 26 апрѣля въ каѳедральномъ храмѣ преосв. митрополитомъ и 8-ю архіереями была совершена торжественная литургія, на которой послѣ чтенія Евангелія профессоромъ Университета архимандритомъ Калогирасъ было произнесено слово, во время же причастна одинъ поэтъ прочиталъ, составленную въ честь патріарха, Элегію. 28 числа въ присутствіи короля, королевы, министровъ, членовъ сvнода и прочихъ архіереевъ, при закрытыхъ дверяхъ храма, гробъ былъ вскрытъ. Тѣло, какъ передаютъ газеты, оказалось довольно сохранившимся, кромѣ носа щекъ и голеней, которыя повреждены; волоса на головѣ и борода въ отличномъ состояніи. Предстоящіе взяли нѣсколько волосъ для благочестиваго воспоминанія. Когда былъ составленъ и подписанъ протоколъ, гробъ запечатанъ большою печатью государства.

Іеромонахъ Николай.

Аѳины.
1-го мая
1871 года.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Речь, сказанная митрополитом Афинским при встрече останков константинопольского патриарха святейшего Григория V

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 5. С. 936-940.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

РѢЧЬ,

СКАЗАННАЯ МИТРОПОЛИТОМЪ АѲИНСКИМЪ,

при встрѣчѣ въ Аѳинахъ останковъ константинопольскаго патріарха святѣйшаго Григорія V.

Божественнѣйшій вселенскій
патріархъ Григорій!

Среди страшныхъ обстоятельствъ 25 марта 1821 г. подъ покровомъ таинственности перваго Ахайскаго народнаго собранія, которое составили въ городѣ Егеѣ пелопонисскіе члены «общества», для рѣшенія пяти главнѣйшихъ вопросовъ, предложенныхъ великимъ іерархомъ патрскимъ Германомъ, предсѣдателемъ собранія, было положено первое основаніе дѣла возрожденія одного великаго народа, отъ вѣковъ находившагося подъ властію тиранновъ; и герои, бросавшіе жребій за всѣхъ, увѣнчались собственною ихъ кровію; счастливые побѣдители за святую вѣру и независимость отечества, преобразившіе сухую и безплодную почву въ цвѣтущую страну лимонныхъ деревьевъ, насадившіе между Востокомъ и Западомъ прекраснаплодовитое древо, избрали хранителемъ онаго всѣ племена земли.

Послѣ богодухновенной и великой этой идеи, которая была прекраснымъ произведеніемъ націонал-

наго величія, вверху—на томъ холмѣ историческихъ калавритъ славной Ахаіи, вверху, тамъ—на священномъ этомъ холмѣ, гдѣ стоитъ святая обитель Лаврасъ, тамъ—вверху, божественнѣйшій патріархъ Григорій, священномученикъ приснопамятный митрополитъ патрскій, согражданинъ твой, нѣкогда іеродіаконъ твой, и потомъ собратъ и сослужитель твой, первый отозвался на благородныя и возвышенныя твои чувства. Тамъ—въ святой этой обители, устроивши національное знамя изъ своей рясы и фустанели займиса, онъ начерталъ на немъ святый и животворящій крестъ, и держа въ лѣвой рукѣ протоколы недавно бывшаго тайнаго собранія, въ правой же знамя креста, имѣвшее надпись: «Элласъ возстань, независимостію или смертію клянемся на твоемъ имени»! вмѣстѣ съ достославными Ахаянами и Аркадянами, онъ своею божественною проповѣдію, какъ небеснымъ огнемъ наэлектризовалъ весь эллинскій народъ: «пріидите, возьмите свѣтъ изъ лампады, возженной за вѣру и отечество, и возвѣстите всѣмъ племенамъ, что голосъ мой, есть голосъ самого Господа Вседержителя».

На священный голосъ этотъ раздался воинственный крикъ отъ конецъ даже до конецъ, отъ Тенара даже до Ема, отъ Ахелоа даже до Дуная. Благовѣстіе это, подобное таинственному гласу Ангела Приснодѣвѣ Маріи, по истинѣ снизошло какъ бы съ неба, по истинѣ было какъ бы политическимъ десятословіемъ свободы рая Эллина, написаннымъ на скрижалѣ знамени святаго и животворящаго креста, и руками Моѵсея-Германа положено въ священный кивотъ св. обители лавры въ наученіе новому Израилю—всему эллинскому народу. Это былъ огненный столпъ

который предводилъ и велъ эллинскіе орлы къ побѣдамъ, который возродилъ новыхъ побѣдоносныхъ Мараѳонянъ и Леонидовъ, новыхъ побѣдоносныхъ Саламинянъ и Ѳемистокловъ.

Въ эту страшную и славную эпоху, которой исполнилось уже полныхъ пятьдесятъ лѣтъ, беззаконными судьями подписанъ былъ несправедливый приговоръ противъ твоей, божественный патріархъ Григорій, священной главы, и 10-го апрѣля послѣ божественнаго священнодѣйствія святой пасхи, которое ты въ послѣдній разъ совершилъ въ сослуженіи собратьевъ твоихъ, сунодскихъ архіереевъ, всѣхъ также послѣ повѣшенныхъ, ты былъ схваченъ и возведенъ какъ злодѣй на византійскую Голгофу, и здѣсь повѣшенный оставался въ продолженіи трехъ дней, потомъ какъ какая нибудь нечистота или гнусность, будучи влеченъ руками скверныхъ, брошенъ въ морской заливъ Рога. Но самое море, принявши со страхомъ и трепетомъ святое твое тѣло и сохранивши невредимымъ, волнами Босфора съ почтеніемъ перенесло оное въ православную державу Россіи, передало Великимъ Кесарямъ какъ священный залогъ, и по возрожденіи народа передало для перенесенія и положенія на священно-патріаршескомъ твоемъ тронѣ, который ты обагрилъ своею собственною кровію.

Сегодня торжественно высказываю вѣчную признательность Великимъ Кесарямъ и православной Россіи за достойное сохраненіе священнаго залога и за благосклонное возвращеніе онаго по первому прошенію короля въ нѣдра отечественной земли.

Итакъ, радуйся вселенскій патріарше Григорій, потому что ты находишься уже въ отечественной землѣ, гдѣ блаженный апостолъ языковъ Павелъ пер-

вый училъ христіанству, въ странѣ Кекропа и Перикла, въ странѣ просвѣщенія и цивилизаціи, въ странѣ героевъ и полубоговъ! Радуйся великій мужъ и поборникъ за вѣру и церковь, радуйся священномучениче патріарше, потому что священные останки твои переносятся въ страну свободную, управляемую благочестивѣйшимъ и христолюбивымъ королемъ, народолюбимымъ Георгіемъ. Радуйся, потому что предъ священнымъ гробомъ твоимъ предстоятъ оставшіеся еще въ живыхъ подвижники за вѣру и отечество, подвижники уже удрученныя болѣзнями и старостію. Радуйся вселенскій патріарше Григорій, потому что предъ священнымъ гробомъ, содержащимъ въ себѣ мученическое твое тѣло, предстоитъ благочестивая королева Ольга и юный Константинъ, на которыхъ ниспосли свыше благословеніе твое!

Государь! изъ новой исторіи Греціи ты знаешь, какого мужа память сегодня мы совершаемъ. Итакъ прими благосклонно и почти, великодушнѣйшій Государь, священномученика патріарха Григорія, потому что такимъ образомъ ты увѣнчаешь всѣхъ безъ исключенія за вѣру и отечество пострадавшихъ, обезглавленныхъ, повѣшенныхъ, посаженныхъ на колья, изрѣзанныхъ на куски, изуродованныхъ мужей священнаго клира православной церкви и всѣхъ на морѣ и на сушѣ павшихъ за вѣру и отечество. Въ священномъ гробѣ этомъ лежитъ славное величіе исторіи возродившейся Эллады. Счастливы царь и правители, воздающіе почести и привѣтствующіе кости такихъ героевъ. Въ царскія руки твои, благодушнѣйшій король, передавая священное сокровище вселенскаго патріарха Григорія, просимъ тебя, сохрани оное благочестиво. И когда Бож. Провидѣніе рѣшитъ иначе,

когда придетъ исполненіе благопріятнаго времени (1), да будетъ воля Господа!

Треблаженная душа священномученика патріарха Григорія! видя начало исполненія твоихъ желаній, благослови съ небесъ благочестиваго короля и королеву и ихъ чадъ. Благослови отечество и всѣхъ насъ совершающихъ священный этотъ праздникъ. Благослови весь эллинскій народъ, и всѣхъ христіанъ, которые на прибрежьяхъ морей со слезами благочестиво привѣтствовали переносимыя священныя твои кости отъ страны турецкой до Сароникскаго залива, и умоли предъ Господомъ, чтобы сократилось время для окончательнаго исполненія желаній твоихъ и эллинскаго народа!

Наконецъ, преклоняя колѣна, чтобы привѣтствовать священный прахъ твой, тебя умоляю священная тѣнь патріарха, да передашь препочтеннѣйшему собрату твоему Герману мое глубочайшее почитаніе и мои привѣтствія. Скажи ему, что повелѣнія его относительно церкви и отечества никогда не отдалялись ни отъ устъ моихъ, ни отъ памяти моей. Да проститъ онъ меня, если, независимо отъ воли моей, я не исполнилъ всѣхъ его наставленій.

Перев. Іеромонахъ **Николай**

---

(1) Въ нѣкоторыхъ газетахъ вмѣсто послѣдней фразы напечатаны слѣдующія: когда ты перейдешь Геллеспонтъ, когда переплывешь море Мраморное когда достигнешь Антигоны, когда войдешь въ тихія воды Босфора, когда взойдешь на укрѣпленія Византіи, пусть въ славномъ этомъ шествіи Твоемъ пусть будетъ спутникомъ твоимъ—съ правой стороны Константинъ твой, съ лѣвой же святое это сокровище, и Константина ты введи во дворцы Палеологовъ, священные же останки положи въ священномъ храмѣ вселенскаго трона, который собственною своею кровію обагрилъ патріархъ Григорій (Ἑξνοφάνης № 2216). Рѣчь митрополита слушали немногія лица, и потому не можемъ сказать, говорилъ-ли онъ эти фразы. Впрочемъ, почему же бы ему и не говорить?

Перев.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Свящ. А. Тачалов

Протесты в Германии и Австрии против нового, на ватиканском соборе 18 июля 1870 года провозглашенного догмата о папской непогрешимости и его последствия

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 5. С. 941-977.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ПРОТЕСТЫ
ВЪ ГЕРМАНІИ И АВСТРІИ

противъ новаго, на ватиканскомъ соборѣ 18 іюля 1870 г. провозглашеннаго, догмата о папской непогрѣшимости, и его послѣдствія.

Нѣмецко-французская война значительно ослабила въ Германіи то впечатлѣніе, какого можно было ожидать отъ провозглашенія на римскомъ соборѣ новаго догмата папской непогрѣшимости. Все общественное вниманіе было поглощено военными событіями и всѣ другіе вопросы и интересы были отодвинуты болѣе или менѣе на задній планъ. При всемъ томъ, нельзя было не замѣтить, что провозглашеніе новаго догмата произвело на всѣхъ, неотказавшихся отъ здраваго смысла и не пропитанныхъ іезуитскими началами католиковъ, самое тяжелое впечатлѣніе [1]. Одними,

[1] Мы здѣсь не говоримъ о католикахъ индифферентистахъ, мало думающихъ о предметахъ своей вѣры и занятыхъ только житейскими интересами; о католикахъ неспособныхъ къ самостоятельному сужденію и вѣрующихъ только тому, что имъ скажетъ мѣстное духовенство, равно и объ ультрамонтанахъ, воспитанныхъ іезуитами, къ которымъ принадлежитъ значительная часть нѣмецкихъ аристократовъ. Образовавшійся изъ нихъ въ этомъ году ферейнъ подъ названіемъ «ферейнъ католическихъ аристократовъ» еще въ іюнѣ послалъ папѣ адресъ, въ которомъ, высказавъ свое твердое намѣреніе вести войну со всѣми врагами папы и его церкви и вмѣстѣ свою скорбь, что нѣкоторые ученые, подъ покровомъ науки дерзаютъ поднимать знамя возмущенія про-

болѣе скромными изъ нихъ, новый догматъ былъ встрѣченъ съ явнымъ смущеніемъ и стыдомъ, со стороны же другихъ, болѣе энергичныхъ, съ явнымъ негодованіемъ и открытымъ протестомъ. Кромѣ одиночныхъ протестовъ со стороны нѣкоторыхъ католическихъ богослововъ, какъ напримѣръ профессора Эльвениха въ Бреславлѣ ([1]), д-ра Люттенберга изъ Гессена ([2]), особенно д-ра профессора Михелиса изъ Браунсберга, публиковавшаго свое открытое обвиненіе противъ папы Пія IX, какъ еретика и опустошителя Церкви Божіей ([3]),—протестовъ, имѣвшихъ на публику огромное вліяніе, по всей Германіи распространились коллективные протесты, принимающіе все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Исходными пунктами этихъ коллективныхъ протестовъ сначала были Боннскій и Мюнхенскій университеты... 14 августа всѣ почти профессоры Боннскаго университета, въ томъ числѣ и католическаго богословскаго факультета, вмѣстѣ со многими болѣе образованными и вліятельными католиками изъ Кобленца, Бонна и Кёльна, въ Кенигсвинтерѣ имѣли собраніе, на которомъ единогласно былъ принятъ противъ новаго догмата про-

---

тивъ Рима, „учителя всѣхъ народовъ", уже впереди съ радостію привѣтствовали всѣ опредѣленія Собора, и впереди обѣщали полное имъ подчиненіе съ дѣтскимъ послушаніемъ. Адресъ подписали 61 аристокр. Папа въ отвѣтѣ своемъ на этотъ адресъ, особенно одобряетъ въ нихъ какъ прекрасный признакъ благочестія эту ревность къ нему и каѳедрѣ Св. Петра и эту готовность съ дѣтскою переимчивостію принять опредѣл. Ватик. Собор. См. Mainz. Journ. № 222. Что касается протестантовъ, то они отнеслись къ новому догмату, какъ и слѣдовало ожидать, или съ полнымъ презрѣніемъ или съ злорадостной насмѣшкой.

([1]) Въ Breslau-Zeit., срав. Allg. K. Zeitschrift, p. 484.

([2]) Protest. K. Zeit. № 38. 840 p.

([3]) Augsb. Allg. Zeit. Beit. zu № 216. срав. Protest. Kirchenzeit. № 23, 741 p.

тестъ, литографированные экземпляры котораго должны быть распространяемы въ главныхъ мѣстахъ рейнской провинціи, и въ тоже время адресованы на имя двухъ архіепископовъ Кельнскаго и Трирскаго ([1]). Этотъ протестъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ огромный успѣхъ. Точно также почти всѣ профессоры Мюнхенскаго университета, числомъ 44, открыто протестовали противъ новаго догмата ([2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ почти всѣ либеральные богословы католическихъ университетовъ Мюнхена, Бонна, Бреславля, Фрейбурга и даже Праги имѣли конференцію въ *Нюрнбергѣ*, на которой составленъ и всѣми подписанъ былъ также протестъ противъ опредѣленій ватиканскаго собора и въ частности противъ папской непогрѣшимости ([3]). Этотъ протестъ, мотивированный, помимо научныхъ основаній, тѣмъ, что на ватиканскомъ соборѣ, при отсутствіи свободы разсужденій на немъ и при нравственномъ и даже физическомъ со стороны папы на отцовъ собора гнетѣ, не былъ выслушанъ голосъ церкви—что новый догматъ есть непризнанное многими представительнѣйшими епископами и не имѣвшее никогда вселенскаго характера нововведеніе, которое подрываетъ сущность епископата, какъ божественнаго учрежденія и освящаетъ всѣ церковно-политическія, угрожающія обществу раздѣленіемъ и смутами, папскія изреченія,—окончивается настоятельною просьбою къ (Германскимъ) епископамъ, чтобы они созвали истинный на самомъ дѣлѣ свободный соборъ внѣ Италіи ([4]). Кромѣ этого протеста

([1]) Kölniche-Zeit. 15 Aug., Mainz. Journ. 23 Aug. № 194.
([2]) Allg. Kirchl. Zeitschr. 8 и 9 Heft 486 p. Evang. Kr. 514 p.
([3]) Francf. Journ. 3. Beil. zu № 237 Aug., Prot. K. Z. № 37, 822 p.
([4]) Allg. Zeit. № 298 Beit., Protest. K. Z, № 37, 823 p.

тѣ же католическіе богословы издали уже 10 брошюръ подъ общимъ заглавіемъ: «Голоса изъ католилической церкви о церковныхъ вопросахъ настоящаго времени» ([1]), въ которыхъ они уже научно опровергаютъ вселенскій характеръ ватиканскаго собора и новый догматъ о папской непогрѣшимости. Между тѣмъ, въ томъ же Мюнхенѣ въ высшихъ кругахъ свѣтскаго общества распространенъ другой протестъ, составленный членомъ лучшей аристократической фамиліи оберъ-церемоніймейстеромъ баварскаго двора графомъ фонъ-Люй ([2]), и нашедшій многихъ подписчиковъ ([3]). Этотъ протестъ, озаглавленный: «Протестъ старо-католиковъ», выставивъ на видъ, что новые декреты о папской непогрѣшимости произвели существенное измѣненіе въ старой католической вѣрѣ,— не смотря на протесты 88 кардиналовъ и епископовъ, не смотря на то, что это ученіе со времени своего происхожденія въ XIII вѣкѣ встрѣчало всегда рѣшительное противорѣчіе и не было никогда предметомъ соборныхъ разсужденій, не смотря, наконецъ, на извѣстный фактъ ереси папы Гонорія, при полномъ отсутствіи свободы на соборѣ,—заключается слѣдующими словами: «Этихъ противу-каноническихъ декретовъ собора мы не принимаемъ, нашей старой вѣрѣ, въ которой отцы наши жили и умерли, остаемся вѣрными, и потому, всякой попыткѣ навязать намъ

([1]) Stimmen aus der katholischen Kirche über die Kirchenfragen der Gegenwart». Вотъ заглавіе нѣкоторыхъ брошюръ: Das Pabsthum und der Staat. Wider den Anti-Ianus v. Dr. Huber; Einige Worte über die Unfehlbarkeitadresse und neue Geschäftsordnung des Concils zwei achten von Döllinger; Ist Döllinger Häretiker? Von P. Hölzl; Uber die päpstliche Unfehlbarkeit v. J. Hub, Reinke et—cet.

([2]) A. Allg. Zeit. № 273.

([3]) A. Allg. Zeit. № 263.

новое ученіе или вытѣснить насъ изъ церкви, противупоставимъ активное и пассивное противодѣйствіе» [1]. Подобные же протесты появились и въ сѣверной Пруссіи. Подъ вліяніемъ вышеупомянутаго уже нами д-ра Михелиса въ Браунсбергѣ, 27 августа въ мѣстной газетѣ двадцать вліятельныхъ католиковъ публиковали свой «Протестъ противъ абсолютной власти папы и его личной непогрѣшимости», и скоро послѣ публикаціи этого протеста и другіе католики этого города и изъ окрестностей поспѣшили своею подписью засвидѣтельствовать свое согласіе на протестъ, такъ что въ нѣсколько дней число открыто протестовавшихъ дошло до 50 челов., и въ томъ числѣ директоръ, всѣ профессоры и учители гимназіи, вообще всѣ здѣшніе свѣтскіе, получившіе академическое образованіе католики. Къ этому Браунсбергскому протесту присоединили также свои имена девять представительнѣйшихъ католиковъ изъ Кёнигсберга [2]. Многіе воздерживались отъ протеста противъ новаго догмата въ ожиданіи, что скажутъ возвратившіеся съ собора Германскіе епископы, не присутствовавшіе на соборѣ при провозглашеніи новаго догмата [3], протестовавшіе противъ него предъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Рима [4], и давшіе взаимно обѣщаніе ничего не предпринимать по отношенію къ новому догмату безъ взаимнаго согласія. Нѣкоторые изъ нихъ (Кёльнскій, Трирскій) правда [5] не

---

(1) A. Allg. Zeit. № 266, p. 4222.

(2) Francf. Jour. 1 Beil. zu № 258.

(3) A. Allg. Zeit. № 210 Beil. 3346 p. Епископъ кельнскій и майнскій, впрочемъ не по дѣламъ этого протеста, Francf. Beil. zu № 292.

(4) Francf. Journ. 1 Beil. zu № 202, Allg. Zeit. № 230.

(5) A. Zeit. № 257, 4078 p.

сдержали своего слова, и по возвращеніи на свою каѳедру немедленно объявили своей паствѣ, что хотя онѣ сами были прежде противъ мнѣнія о непогрѣшимости папы, но когда Духъ Св. на вселенскомъ соборѣ провозгласилъ это мнѣніе догматомъ вѣры, то ничего болѣе не остается, какъ подчиниться этому опредѣленію; за то многіе другіе епископы, когда паства ожидала отъ нихъ рѣшительнаго слова касательно новаго догмата, уклонились дать прямой отвѣтъ, ссылаясь на смутные обстоятельства времени и обѣщаясь поговорить объ этомъ въ болѣе благопріятное и мирное время, были въ состояніи нерѣшительности и какъ сами считали такъ и мірянамъ давали поводъ считать дѣло о папской непогрѣшимости еще несовершенно оконченымъ. Но вотъ когда съ одной стороны кардиналлъ Антонелли въ письмѣ своемъ къ Брюссельскому папскому нунцію прямо объявилъ, что послѣ торжественнаго провозглашенія папою на соборѣ новаго догмата, никакимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ относительно его не можетъ быть болѣе мѣста ([1]); когда съ другой Giornal di Roma публиковалъ извѣстіе (впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ), что почти всѣ представители оппозиціонной партіи кардиналъ Маттеи Шварценбергъ, Матье, Раушеръ и Гогенлоэ, со многими другими епископами уже подчинились опредѣленіямъ собора ([2]); когда подъ вліяніемъ такихъ извѣстій почти всѣ германскіе епископы, послѣ краткаго совѣщанія въ Фульдѣ, издали циркулярное пастырское посланіе ([3]) къ своимъ пас-

([1]) Prot. K. Z. № 35, p. 783, Luthisher Zeit. am 18 Aug.

([2]) A. Allg. Zeit. отъ 26 Aug., Prot. K. Z. № 36, p. 799.

([3]) Въ этомъ пастырскомъ посланія епископовъ говорится, что въ церкви Господь установилъ непогрѣшимое учительство, выраженіемъ

ствамъ съ приглашеніемъ всѣхъ, подъ угрозою отлученія отъ церкви, подчиниться соборнымъ опредѣленіямъ; тогда всѣ поняли, что если епископы измѣнили истинѣ и своему убѣжденію, то тѣмъ съ боль-

---

котораго всегда были вселенскіе соборы, собиравшіеся для возстановленія истины по поводу возникавшихъ лжеученій. Рѣшеніямъ этихъ соборовъ всѣ вѣрующіе считали своимъ долгомъ повиноваться не по какимъ либо соображеніямъ о человѣческой авторитетности тѣхъ или другихъ лицъ, составлявшихъ соборъ, а единственно по вѣрѣ, что самъ Духъ Божій, по силѣ обѣтованій Господнихъ руководитъ ими и предохраняетъ ихъ отъ всякаго заблужденія. Такой же вселенскій соборъ созванъ былъ папою Піемъ IX и на немъ торжественно провозглашены различныя вѣроопредѣленія о Церкви и Главѣ ея (о непогрѣшимости не сказано ни полъ-слова). Эти соборныя опредѣленія суть голосъ непогрѣшимости учительства церкви, изреченій Св. Духа, которыя поэтому всѣми духовными и міррянами должны быть приняты съ вѣрою. Далѣе, упомянувъ о возраженіяхъ противъ собора, посланіе старается доказать вселенскій характеръ собора тѣмъ, что а) соединенные съ папою епископы—съ большими или малыми эпархіями или только миссіонеры,—какъ законные преемники апостоловъ, съ равными правами участвовали на соборѣ и все подвергали зрѣлому обсужденію, б) что епископы высказывали свои взгляды на соборѣ съ полною откровенностію и свободою (?!) и если обнаружилось различіе мнѣній о спорныхъ предметахъ, то это нисколько неудивительно при собраніи 800 епископовъ и потому на основаніи этихъ различій мнѣній, нельзя оспоривать обязательности соборныхъ опредѣленій. „Не смотря на то(?)утверждать, что то или другое, провозглашенное на соборѣ, ученіе не заключается въ Св. Писаніи и въ Св. Преданіи—этихъ двухъ источникахъ католической вѣры (переходъ довольно неожиданный) было бы несоединимымъ съ принципомъ католич. церкви начинаніемъ, ведущимъ къ отлученію отъ общества церкви“. Наконецъ, повторивъ, что ватиканскій соборъ есть истинно-вселенскій и что вѣроопредѣленія его заключаютъ не новую, а старую, въ основаніи вѣры заключавшуюся и вѣрно-сохраненную истину, (?) посланіе заканчивается увѣщаніемъ не слушать противнаго тому ученію «не отдѣлятся отъ камня, на которомъ І. Христосъ основалъ свою Церковь» (?) приглашеніемъ къ усердной молитвѣ за Церковь, за заблуждающихъ и слабыхъ въ вѣрѣ, и наконецъ за папу. Это посланіе подписано епископами: мюнхенскимъ, кельнскимъ, лимбургскимъ, фульдскимъ, майнскимъ, гильдесгеймскимъ, патерборнскимъ, кульмскимъ, регенсбургскимъ, аугсбургскимъ, ейхстетскимъ, триренимъ ермландскимъ, фрейбургскимъ, агаполисскимъ (*армянск. епископ.*), мюнстерскимъ, шпейерскимъ (См. A. Allg. Zeit. 23 Sept. № 26. p. 4219).

шею энергіею противъ новаго догмата нужно дѣйствовать самимъ міряпамъ, и протесты со всѣхъ концовъ Германіи поднялись съ новою еще большею силою. Само собой разумѣется, что епископы и низшее духовенство сдѣлали все возможное, чтобы ослабить неблагопріятное впечатлѣніе отъ провозглашеній новаго догмата. Уже самое Фульдское посланіе обходитъ новый догматъ въ общихъ выраженіяхъ, тщательно избѣгая его назвать настоящимъ именемъ; католическіе священники въ своихъ проповѣдяхъ намѣренно старались представить новый догматъ простою формальностію, которая на ученіе и устройство римско-католической церкви не будетъ имѣть никакого вліянія, такъ какъ фактически будто бы, если и не jure, ученіе о папской непогрѣшимости въ ней уже существовало ([1]). Самая публикація новаго догмата вмѣсто обыкновенной въ подобныхъ случаяхъ церковной помпы, ограничивалась однимъ оффиціальнымъ циркуляромъ, который «долженъ быть погребенъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, въ церковныхъ архивахъ» ([2]). Несмотря на всѣ эти мудрыя предосторожности, новый догматъ продолжаетъ производить волненіе среди католиковъ и протесты распространяются все болѣе и болѣе. Эти протесты раздѣляются и поддерживаются самими правительствами и нѣкоторыми хотя немногими епископами. Австрійское правительство на провозглашеніе новаго догмата отвѣтило уничтоженіемъ конкордата ([3]). Баварское правительство разослало епископамъ циркуляръ, запрещающій

([1]) A. Allg. Zeit. № 242, 3838 p.
([2]) Francf. Journ. I Beil. zu № 262.
([3]) A. Allg. Zeit. № 214, 3397 p.

публикацію соборныхъ опредѣленій, особенно догмата о личной папской непогрѣшимости и даже простую перепечатку ихъ въ эпархіальныхъ листкахъ, если не получатъ для этой публикаціи placetum regium (1). Точно также Баденское министерство въ своемъ оффиціальномъ органѣ уже послѣ публикаціи епископомъ Кюбелемъ (на латинскомъ впрочемъ языкѣ) соборныхъ опредѣленій сдѣлало заявленіе, что всѣ соборныя опредѣленія нужно считать законно-необязательными, какъ скоро они посредственно или непосредственно касаются гражданскихъ отношеній (2). Что касается епископовъ, то замѣчательно прежде всего, что изъ Праги было публиковано полу-оффиціальное опроверженіе того извѣстія, будто кардиналы: Пражскій Шварценбергъ и Вѣнскій Раушеръ, подчинились собornымъ опредѣленіямъ съ требованіемъ, чтобы римская газета формально взяла назадъ это извѣстіе, если не хочетъ на себя принять упрека въ намѣренномъ обманѣ, тѣмъ болѣе для нея отвѣтственномъ, что нѣкоторые епископы (напр. Мюнхенскій), этимъ ложнымъ извѣстіемъ увлечены были къ несогласнымъ съ ихъ прежнимъ образомъ мыслей дѣйствіямъ (3). Епископъ Ротенбургскій, извѣстный церковный исто-

(1) Allg. Zeit. № 229, 3642 p.

(2) Francf. Journ. Корреспон отъ 19 сентября.

(3) A. Allg. Zeit. № 263, 20 Sept. Извѣстно, что профессоръ Мейеръ изъ Праги съ вѣдома и согласія кардинала Шварценберга присутствовалъ на конференціи (См. Rhein. Kurier № 217). Это опроверженіе римскаго извѣстія повторено въ Allg. Zeit. за первую половину февраля 1871 года; около этого времени оба кардинала измѣнили своему убѣжденію и уступили давленію римской куріи, публиковавъ новый догматъ въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ отъ 19 февраля, правда со всевозможною холодностію sans phrase, какъ прибавляетъ корреспонд. Allg. Zeit. о Раушерѣ A. Allg. Zeit. 21 Febr., сравн. Rhein. Kurier 19 марта о Шварценбергѣ.

рикъ Гефеле, отказался присутствовать на Фульдскомъ совѣщаніи и подписать свое имя подъ циркулярнымъ посланіемъ епископовъ и продолжаетъ оставаться съ своимъ капитуломъ и богословскимъ факультетомъ въ Тюбингенѣ при прежнемъ своемъ оппозиціонномъ взглядѣ относительно папской непогрѣшимости (1). Того же посланія не подписали епископы Бамбергскій, Нассаусскій, Оснабрюкскій (2). Но главнымъ образомъ, какъ мы выше уже сказали, протесты противъ новаго догмата распространяются между образованными мірянами, особенно въ рейнской провинціи. Такъ мы читаемъ въ корреспонденціи изъ Кобленца отъ 7 сентября: «Составленный въ Кенигсвинтерѣ протестъ противъ папской непогрѣшимости въ нашемъ городѣ на прошлой недѣлѣ (со времени Фульдскаго совѣщанія епископовъ), имѣлъ уже 150 подписей. Если принять во вниманіе, замѣчаетъ корреспондентъ, что означенный протестъ распространяется только между образованными, дѣйствующими съ полнымъ сознаніемъ важности предмета, и что здѣшнее духовенство сильно работаетъ противъ этого протеста, то означенное число можно считать весьма значительнымъ. Между подписавшимися кромѣ частныхъ дѣловыхъ и промышленныхъ лицъ, всѣ почти чиновники

---

(1) Гефеле и доселѣ остается при своемъ протестѣ, Allg. Zeit. 7 April.

(2) A. Allg. Zeit. 4187 p. Не было подписи бреславскаго Архіеп. Форстера; но онъ измѣнилъ своему убѣжденію и публиковалъ въ епархіальномъ листкѣ новый догматъ. См. Franc. Journal. 1 Beil. zu № 171, 30 Sept, Не было Вюрбургенскаго, умершаго раньше Фульдскаго совѣщанія. — Такъ было до февраля 1871 года; около этого времени и епископы Нассаускій и Оснабрюкскій публиковали новый догматъ; Бамбергскій также въ первыхъ числахъ апрѣля просилъ позволенія у правительства публиковать новый догматъ, въ чемъ ему было отказано. См. Allg. Zeit. 17 Apr. № 101, Beil.

королевскаго суда, адвокаты и нотаріусы, почти всѣ учители гимназіи и большая часть городскихъ депутатовъ (1). Точно также къ означенному протесту присоединились и почти всѣ образованные жители Бонна (2). Но самымъ главнымъ и центральнымъ мѣстомъ протестовъ противъ новаго догмата сдѣлался Кельнъ. Здѣсь образовался, такъ называемый, главный центральный комитетъ движенія противъ папской непогрѣшимости (3). Здѣсь издается уже съ апрѣля главный органъ церковной оппозиціи папству, Рейнскій меркурій (Rheinischer Merkur), который не смотря на шестикратное епископское запрещеніе, продолжаетъ идти своимъ путемъ, требуетъ научнаго опроверженія и своимъ анализомъ Фульдскаго пастырскаго посланія (4) и вообще своими неопровержимыми доводами противъ новаго догмата, много содѣйствовалъ къ распространенію протеста. Отъ 9 сентября въ Кельнской газетѣ, былъ публикованъ протестъ противъ папской непогрѣшимости, подписанный большимъ числомъ жителей Кёльна, Дейца, Кобленца, Бонна, Гоннефа (болѣе 600), съ приглашеніемъ въ тоже время другихъ заявлять свое согласіе на этотъ протестъ и свои заявленія адресовать въ вышеозначенный цен-

(1) Koblenz Zeit. отъ 7 Sept., Francf. Journ. отъ 14 Sept.

(2) Protest. K. Z., № 37, 880 p.

(3) Комитетъ помѣщается въ Hochstrasse № 135 (Francf. Journ. № 252.

(4) Анализируя Фульдское посланіе онъ, вмѣстѣ съ догматической несамостоятельностію его клеймитъ столь несвойственное преемникамъ апостоловъ стремленіе все замаскировывать, прикрывать, и гдѣ нужно, представлять дѣло въ превратномъ видѣ, Меркурій открыто обвиняетъ епископовъ, что для спасенія внѣшняго церковнаго единства скрытыми путями вводятъ вѣрный народъ въ заблужденіе и съ преднамѣренною систематичностію обманываютъ его въ его святѣйшемъ интересѣ. См. F. Journ. № 292.

тральный комитетъ ([1]). Это былъ первый полный перечень протестующихъ. 21 сентября въ той же газетѣ публикованъ былъ второй перечень протестующихъ или 2 й päpstliche Ferlustliste, какъ называетъ ихъ въ настоящее военное время народное остроуміе. Какъ видно изъ этого втораго перечня, антипапское движеніе распространилось на восточную и западную Пруссію и точно также, какъ въ Рейнской провинціи, охватило всѣ классы безъ исключенія, такъ что число протестующихъ простиралось уже до 1000 человѣкъ и въ томъ числѣ, что особенно важно, болѣе 100 профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній. Это число, прибавляетъ корреспондентъ, должно показаться особенно значительнымъ, если принять во вниманіе, что за этими подписавшимися, принадлежащими къ образованному классу, стоятъ ихъ семейства ([2]). 10 октября наконецъ былъ публикованъ третій списокъ (около 400) протестующихъ. На этотъ разъ кромѣ Рейнской провинціи и Пруссіи участвуютъ въ протестѣ также Вестфалія и Ганноверъ и притомъ вмѣстѣ съ городами и самыя незначительныя мѣста—доказательство, что антипапское движеніе идетъ все болѣе и болѣе впередъ безостановочно ([3]). Оно распространилось отчасти даже и на военный лагерь, какъ это видно изъ именъ Марсъ ла Тура и другихъ, откуда были заявлены протесты противъ непогрѣшимости ([4]). 15 октября и учители Бреславской католической гимназіи публиковали особенно свой протестъ противъ вѣро-

([1]) Franc. Journ. № 252.
([2]) Franc. Journ. № 268.
([3]) Franc. Journ. 2 Beil. zu № 288.
([4]) Allg. Zeit. № 286.

опредѣленій ватиканскаго собора (1). Циркуляръ такого же протеста распространенъ и между Баденскимъ католическимъ духовенствомъ (2).

Германскіе епископы, особенно Кельнскій, Мюнхенскій и Бреславскій, какъ и слѣдовало ожидать, прибѣгли къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ профессоровъ и приходскихъ священниковъ, протестовавшихъ противъ папской непогрѣшимости, требуя отъ нихъ, чтобы они въ извѣстный срокъ подписали реверсъ или отреченіе отъ своего прежняго протеста подъ угрозою въ противномъ случаѣ запрещенія священнослуженій и отрѣшенія отъ должности. Но эти мѣры, устрашивъ и заставивъ отказаться отъ своихъ убѣжденій однихъ, еще болѣе укрѣпили въ протестѣ другихъ и заставили ихъ дѣйствовать съ большею настойчивостію и рѣшительностію, тѣмъ болѣе, что они находятъ явную поддержку со стороны свѣтскихъ властей и своихъ общинъ. Въ Бонскомъ университетѣ, ко всеобщему изумленію, одинъ профессоръ догматики Дирингеръ (3), уже послѣ обрушившагося на него епископскаго запрещенія, смиренно изъявилъ готовность отказаться отъ своего убѣжденія. Прочіе же всѣ профессоры богословскаго и философскаго факультетовъ, Реймъ, Лянгенъ, Гильгерсъ, Кнодтъ, Бирлингеръ и др., рѣшительно отказались подписать реверсъ и продолжаютъ оставаться при своемъ протестѣ, не смотря на епископское запрещеніе имъ священно-

(1) Директоръ Ребсаккеръ съ 11 учителями. Franc. Journ. № 268.

(2) Franc. Journ. 2 Beil. zu № 329. Во Фрейбургѣ еще ранѣе, подъ вліяніемъ событій на соборѣ, 13 студентовъ вышли изъ богословскаго католич. конвикта, чтобъ избрать другой родъ званія. — Protest. Kirchenzeit. № 29 Ed. 70.

(3) A. Allg. Zeit. p. 5482.

служенія и чтенія лекцій [1]. Какъ общественное мнѣніе отнеслось къ этимъ епископскимъ репрессаліямъ—это видно изъ тѣхъ двухъ фактовъ, что проф. Кнодтъ, уже послѣ епископскаго запрещенія ему священнослуженія, почти единогласно (противъ 5 голосовъ) былъ выбранъ вновь президентомъ, такъ называемаго мартыновскаго ферейна извѣстнаго своими заслугами по возобновленію бонскаго собора, и что проф. Гильгерсъ, не смотря на епископское запрещеніе, съ согласія университета, продолжалъ чтеніе своихъ лекцій, на томъ основаніи, что только министръ народнаго просвѣщенія и университетскій сенатъ могутъ наложить на него означенное запрещеніе. Между тѣмъ, университетскій сенатъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ настоятельною просьбою о защитѣ означенныхъ профессоровъ противъ епископскихъ преслѣдованій. Министръ, какъ видно изъ его отвѣта на университетскую просьбу, дважды писалъ архіепископу, что его образъ дѣйствій въ отношеніи къ профессорамъ университета есть превышеніе его власти, что по статутамъ католическаго университета профессоры для законнаго прохожденія своей должности должны держаться нормы вѣроопредѣленій Тридентинскаго собора и эта норма не можетъ быть измѣнена безъ согласія государства, а съ другой стороны самимъ преслѣдуемымъ профессорамъ дано было знать, что со стороны правительства нѣтъ никакого препятствія къ продолженію ихъ университетской дѣятельности, и такимъ образомъ ихъ лекціи были внесены и на этотъ годъ въ общій планъ университетскаго курса. По поводу тѣхъ же епископскихъ

(1) A. Allg. Zeit. № 331, p. 5297.

репрессалій противъ означенныхъ профессоровъ появилась въ Кельнѣ недавно особенная брошюра подъ заглавіемъ: — «Обзоръ дѣйствій Кельнскаго архіепископа въ отношеніи къ профессорамъ Бонскаго университета съ точки зрѣнія католическаго юриста» (1), въ которой авторъ, въ опровержение какого-то паписта, помѣстившаго въ Кельнской народной газетѣ статью въ защиту епископскихъ притязаній, старается доказать, что образъ дѣйствій епископа никакъ нельзя согласить съ церковно гражданскими законами Пруссіи и что въ немъ нельзя не видѣть попытки епископа обойти права прусскаго правительства, чтобы имѣть полное самовластіе въ отношеніе къ профессорамъ и унизить ихъ до жалкой роли своихъ послушныхъ орудій. Авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается показать, въ какое затруднительное положеніе поставили бы себя профессоры католическихъ университетовъ, подчиняясь новому догмату о папской непогрѣшимости. «По своему званію они должны *научно* излагать и доказывать ученіе вѣры и нравственности своей церкви. Какъ удовлетворить этому требованію по отношенію къ папской непогрѣшимости, для которой они не находятъ никакой опоры ни въ священномъ Писаніи, ни въ священномъ Преданіи и противъ которой существуетъ столько неопровержимыхъ возраженій? Они должны бы доказывать, если догматъ о папской непогрѣшимости признать со всѣми послѣдствіями, что папа можетъ низлагать королей и располагать по своему произволу народами, что свѣтская власть должна безусловно повиноваться ему,...

(1) Das Vorgehen des Herrn Erzbischofs von Köln gegen Bonner Professoren, gewürdigt von einem katolischen Iuristen. Bonn 1870.

что всѣ плоды цивилизаціи, которые не согласны съ притязаніями прежнихъ папъ — дѣло сатаны... Они должны бы къ ногамъ папы повергнуть свой разумъ и такимъ образомъ отказаться отъ научнаго достоинства и свободы».

Изъ профессоровъ богословскаго факультета Мюнхенскаго университета послѣ долгихъ колебаній шесть уступили епископскому давленію и подписали реверсъ; но за то двое изъ нихъ, самые вліятельные, проф. Деллингеръ и Фридрихъ, не желая измѣнить своему убѣжденію отказались отъ означенной подписки (¹). Замѣчательно, обнаружившееся по этому поводу, настроеніе самого баварскаго короля, который въ тотъ же день, послѣ отказа Деллингера отъ подписки реверса, пожаловалъ его членомъ Капитула Максимиліановскаго ордена за науку и искусство (²), и вскорѣ той же чести удостоилъ и другаго изъ неподписавшихъ реверса, проф. Фридриха (³). Между тѣмъ сенатъ университета потребовалъ богословскій факультетъ къ отвѣту за данное имъ, по требованію епископа, объясненіе относительно новаго догмата, такъ какъ по мнѣнію сената епископъ не имѣетъ права отъ неподчиненнаго ему факультета требовать подобнаго объясненія (⁴). Въ Бреславскомъ университетѣ профессоры Бальцеръ (каноникъ), Ренке и Веберъ также, не смотря на епископское отрѣшеніе ихъ отъ должностей, продолжаютъ оставаться при своемъ протестѣ противъ папской непо-

(¹) A. Allg. Zeit. № 334, p. 5284. Сначала и проф. Зильбернагель отказался подписать реверсъ, но потомъ онъ подчинился новому догмату.

(²) Francf. Journ. 1 Beil zu № 333.

(³) Francf. Journ. 1 Beil. zu № 340.

(⁴) A. A. Zeit. № 347. p. 5812.

грѣшимости (1). Проф. и каноникъ Бальцеръ за твердость въ своихъ убѣжденіяхъ получилъ сочувственный адресъ отъ католическаго прихода Гиршберга. Проф. Ренке, издавшій отдѣльную брошюру противъ папской непогрѣшимости, продолжалъ даже чтеніе своихъ лекцій и находилъ многочисленныхъ слушателей (2), такъ что епископъ увидѣлъ себя вынужденнымъ формально запретить воспитанникамъ конвикта посѣщеніе его лекцій подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, изгнанія ихъ изъ конвикта (3). Проф. Веберъ публично заявилъ въ мѣстной газетѣ (4), что онъ не можетъ ничего назадъ взять изъ того, что сказалъ: «Я имѣю, говоритъ онъ въ заключеніе, самое твердое убѣжденіе, что въ дѣлѣ, имѣющемъ столь важное значеніе для церкви и государства, я, какъ слѣдовало всякому честному человѣку, тѣмъ болѣе католическому священнику, засвидѣтельствовалъ истину. Сознаніе своей безвинности и того, что я терплю преслѣдованіе за важнѣйшіе интересы церкви и государства, не оставляетъ меня ни на минуту. Это сознаніе и облегчитъ мнѣ перенесеніе обрушившагося на меня наказанія» (5). Архіеп. Бреславскій хотѣлъ было также употребить репрессивныя мѣры и противъ учителей католической Бреславской гимназіи, также, какъ мы видѣли, протестовавшихъ противъ новаго догмата, и съ этою цѣлію обратился въ провинціальную королевскую училищную коллегію съ скромнымъ запросомъ, нельзя ли этихъ учителей удалить изъ гимназіи; но коллегія

(1) A. Allg. Zeit. № 332, p. 5302.
(2) A. Zeit. № 334. p. 5302.
(3) Franc. Journ. № 336.
(4) Neue Pr. Zeit.
(5) Francf. Journ. № 331.

дала архіеп. рѣшительный въ томъ отказъ (1). Въ Браунбергѣ вышеупомянутый профессоръ философіи въ здѣшнемъ лицеѣ д-ръ Михелисъ, не смотря на преслѣдованіе его со стороны епископа, не только не измѣнилъ своей оппозиціи противъ новаго догмата, но и написалъ еще весьма рѣзкій и безпощадный разборъ Фульдскаго пастырскаго посланія епископовъ въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Новое Фульдское Пастырское посланіе въ своемъ отношеніи къ истинѣ» (2). „Бѣдное католическое христіанство! восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ (pag. 15): Твои пастыри оставляютъ ввѣренныя имъ мѣста и духъ лжи пользуется ихъ слабостію, чтобы лишить тебя священнѣйшаго твоего сокровища—истины твоей вѣры". Съ какимъ сочувствіемъ относится къ нему все общество служитъ доказательствомъ то обстоятельство, что, когда епископъ запретилъ студентамъ лицея посѣщать его лекціи, всѣ получившіе академическое образованіе католики изъ всѣхъ сословій (учители гимназій, юристы, врачи, помѣщики) обратились къ нему съ покорнѣйшею просьбою для нихъ продолжать свои лекціи, и Михелисъ, исполняя общее желаніе, продолжаетъ два раза въ недѣлю въ обыкновенной своей аудиторіи читать лекціи предъ многочисленной публикой изъ исторіи философіи (Francf. Journ. 27 янв.). Приватъ-доцентъ въ томъ же лицеѣ Д-ръ Краузе также отказался подписать реверсъ, предложенный ему епископомъ (3).

(1) Francf. Journ I Beil. zu № 335.

(2) Der neue Fuldaer Hirtenbrief in seinem Verhältniss zur Wahrheit. Braunsberg 1870.

(3) Franc. Journ. 30 декабря.

Еще болѣе обращаетъ на себя общественное вниманіе твердость противъ епископскихъ преслѣдованій нѣкоторыхъ католическихъ приходскихъ священниковъ, не признающихъ папской непогрѣшимости вмѣстѣ съ ихъ приходами (¹). Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ и уважаемыхъ священниковъ рейнской провинціи священникъ изъ Ункеля, д-ръ Тангерманнъ (²), на требованіе Кельнскаго епископа подчиниться новому догмату, далъ между прочимъ слѣдующій, возбудившій всеобщую симпатію къ нему, отвѣтъ: «Когда я по совѣсти долженъ объявить, что не могу ни вѣрить въ новый догматъ о папской непогрѣшимости, ни учить ему, и вижу себя поставленнымъ такимъ образомъ въ необходимость выбирать одно изъ двухъ: или предъ Богомъ и людьми сдѣлаться лицемѣромъ, или потерять мѣсто и хлѣбъ; то я лучше хочу, если это нужно, избрать послѣднее» (³). Архіепископъ дѣйствительно отрѣшилъ его отъ мѣста и немедленно приказалъ ему оставить церковный домъ; но община протестовала противъ этихъ мѣръ предъ свѣтскимъ правительствомъ (⁴). Архіепископъ обратился къ свѣтскому правительству съ просьбою оказать ему содѣйствіе въ его репрессаліяхъ противъ священника, но правительство отклонило отъ себя исполненіе этой просьбы. (A. A. Zeit. 19 янв.). Другой примѣръ еще болѣе замѣчательный. Священникъ Меринга; недалеко отъ Аугсбурга (въ верхней Баваріи), *Ренфле*, по прочтеніи въ церкви предъ своими прихожанами окружнаго Фульдскаго посланія нѣ-

(¹) A: Allg. Zeit. p. 5215.
(²) Ibid.—25. лѣтъ состоявшій на службѣ.
(³) Francf. Journ. № 297, 22 Octob.
(⁴) Francf. Journ. № 310, № 329 отъ 27 Novemb.

мецкихъ епископовъ, немедленно заявилъ свой протестъ противъ вѣроопредѣленій ватиканскаго собора и въ частности противъ папской непогрѣшимости. Епископъ Аугсбургскій, Панкратій, узнавъ объ этомъ, послалъ священнику указъ, въ которомъ, обвиняя его въ злоупотребленіи церковною каѳедрой, въ поданномъ имъ прихожанамъ соблазнѣ и въ оскорбленіи ихъ католической вѣры, требовалъ отъ него, подъ угрозою наказанія, чтобы онъ торжественно отрекся отъ своего протеста и испросилъ у всѣхъ прихожанъ прощеніе за сдѣланный имъ публичный соблазнъ. Но противъ этого епископскаго опредѣленія возстала вся община. Въ особенномъ адресѣ, подписанномъ ея представителями, она заявила епископу, что въ спокойномъ протестѣ своего священника она не видитъ никакого злоупотребленія церковною каѳедрою, что его протестъ не только не сдѣлалъ ей никакого соблазна, но высказалъ ея древле-католическое, и событіями на послѣднемъ соборѣ еще болѣе утвержденное, убѣжденіе, что она сама присоединяется къ этому протесту, и что если бы ихъ священникъ отрекся отъ него, то она увидѣла бы въ этомъ нравственное самоубійство, которое бы имѣло для него и его общины несчастнѣйшія послѣдствія. Если ваше преосвященство, говоритъ въ заключеніе съ энергіей община, за означенный протестъ подвергнете священника наказанію, то и мы сообразно тому не преминемъ говорить и дѣйствовать. Мерингъ, 9 ноября 1870 г. [1]. Не смотря на такое заявленіе со стороны общины, епископъ послалъ въ Мерингъ каноника Липерта, чтобы объявить священнику объ его

[1]) A. Allg. Zeit. № 317. 5017 p.

низложеніи и ввести въ церковный домъ новаго викарія. Но Ренфле, опираясь на энергическое сочувствіе собравшихся на этотъ разъ представителей общинъ, рѣшительно объявилъ, что онъ свое низложеніе считаетъ незаконнымъ и ни зачто не пуститъ новаго кандидата въ церковный домъ—и епископскій посолъ долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться (1). Аугсбургскій ординаріатъ на этомъ не остановился, и еще два раза сряду посылалъ другаго коммиссара, д-ра Штейхеле. Но напрасно послѣдній тотъ и другой разъ, 24 и 26 ноября, старался убѣдить священника Ренфле подчиниться приговору епископа, представляя ему всю преступность его упорства, и угрожая, за дальнѣйшее ослушаніе, даже отлученіемъ отъ церкви; Ренфле былъ непреклоненъ и продолжалъ совершать богослуженіе... Напрасно Штейхеле старался представить и представителямъ общины всю тяжесть ихъ отвѣтственности за поддержку отрѣшеннаго священника и убѣдить, что все богослуженіе и таинства, совершаемые отрѣшеннымъ священникомъ не имѣютъ никакой силы; представители общины рѣшительно объявили, что они останутся вѣрными священнику въ борьбѣ его съ римскими нововведеніями, и никогда его не оставятъ. Напротивъ даже, когда

(1) Francf. Journ. I Beil. zu № 333; Allg. Zeit. 4260 p. Въ Augsb. Anzeigeblatt отъ 22 декабря приведены относительно пребыванія въ Мерингѣ Липерта слѣд. подробности: Липертъ объявилъ Ренфле требованіе ординаріата, чтобы онъ отрекся отъ своего протеста,—и когда Ренфле замѣтилъ, что онъ не можетъ вѣровать въ новое ученіе о папской непогрѣшимости, *Липертъ съ жаромъ возразилъ ему: „я также не вѣрую въ него и всѣ* члены ординаріата вѣроятно также не вѣруютъ въ него, да народу-то нельзя говорить объ этомъ“, и продолжая убѣждать Ренфле къ отреченію, онъ прибавилъ: «вѣдь всего четверть часа и вся исторія будетъ кончена». Срав. Francf. Journ. I Beil. № 357, 25 Decemb.

предостереженіе Штейхеле относительно недѣйствительности священнодѣйствія Ренфле сдѣлалось общеизвѣстнымъ, тотчасъ же многіе изъ прихожанъ потребовали отъ послѣдняго совершенія различныхъ таинствъ: крещенія, покаянія, причащенія и брака (1), ихъ требованія священникомъ безпрекословно были исполняемы (2). Мало того, когда по отъѣздѣ изъ Меринга епископскаго коммиссара 26 ноября, распространился здѣсь слухъ, что въ слѣдующее воскресенье самъ епископъ (Аугсбургскій) пріѣдетъ въ Мерингъ, чтобы торжественно произнести отлученіе отъ церкви на Ренфле, почти весь приходъ собрался для совѣщанія, что нужно сдѣлать при такихъ обстоятельствахъ, и подъ руководствомъ извѣстнаго адвоката д-ра Фолька положилъ, въ предѣлахъ законности, оказать епископу въ исполненіи его намѣренія пассивное противодѣйствіе; именно, по пріѣздѣ епископа сначала просить его, чтобы онъ не входилъ въ церковь, если онъ хочетъ произнести церковное отлученіе на ихъ священника, а если, не смотря на то, епископъ войдетъ въ церковь, тотчасъ же всѣмъ оставить ее; при чемъ всѣ присутствовавшіе на этомъ собраніи своею подписью засвидѣтельствовали полное согласіе на доселѣшній образъ дѣйствій представителей общины. Согласно принятому рѣшенію, эти послѣдніе собрались въ воскресенье утромъ въ лежащемъ близъ церкви домѣ, ожидая прибытія епископа; но онъ, вѣроятно, узнавъ обо всемъ, не явился въ Мерингъ и вообще до сихъ поръ тамъ не показывался (3). Между тѣмъ, самъ Ренфле обратился въ

(1) Francf. Journ. I Beil. zu № 334.
(2) A. Allg. Zeit. №№ 335, 5308 p. Срав. A. Allg. Zeit. 5406 p.
(3) A. Allg. Zeit. 5407 p.

королевское окружное управленіе (верхней Баваріи) съ просьбою о защитѣ его противъ Аугсбургскаго епископскаго ординаріата, и окружное управленіе совершенно удовлетворило его просьбѣ: особеннымъ приказомъ оно сообщило мѣстному гражданскому управленію, къ которому принадлежалъ приходъ Мерингъ (Фридбергъ), что священникъ Ренфле можетъ оставаться при всѣхъ должностяхъ (соприкасающихся со сферою гражданскаго управленія), т. е. оставаться инспекторомъ школъ и предсѣдателемъ совѣта о бѣдныхъ и церковнаго управленія, вести метрическія книги и пользоваться всѣмъ своимъ содержаніемъ (1). Епископъ, раздраженный всей этой исторіей, особенно отвѣтомъ, даннымъ Ренфле его коммиссару 24 ноября, въ которомъ онъ оспориваетъ у епископа право отрѣшенія его отъ должности на томъ основаніи, что епископъ, подчинившись опредѣленіямъ ватиканскаго собора, уже не принадлежитъ католическо-апостольской церкви (2), дѣйствительно произнесъ на него 30 ноября отлученіе отъ церкви. Аугсбургскій ординаріатъ потребовалъ предъ свой трибуналъ Ренфле для произнесенія надъ нимъ епископскаго суда; но Ренфле отказался туда явиться, и получивъ грамату о своемъ отлученіи изъ рукъ сосѣдняго священника, по прежнему продолжалъ исправлять всѣ свои священническія обязанности (3). Ультрамонтанскимъ интригамъ удалось наконецъ въ Мерингской общинѣ

(1) Franef. Journ. I Beil. zu № 338., A. Allg. Zeit. 5407 p.

(2) Кромѣ того онъ сказалъ: я священникъ той церкви, которая въ 1817 году заключила конкордатъ съ королемъ баварскимъ, а къ тому религіозному обществу, къ которому съ нѣкотораго времени принадлежитъ епископъ, я принадлежать не хочу. Rein. Kurier № 301, 2 Aug., A. Allg. Zeit. № 334.

(3) A. Allg. Zeit. № 334, 5476 p.

посѣять сѣмена раздора и въ многочисленномъ приходѣ отыскать небольшую партію ново-католиковъ, протестовавшихъ противъ поведенія Ренфле. Но по слѣдствію, сдѣланному поэтому поводу баварскимъ правительствомъ, оказалось, что бо́льшая часть прихожанъ стоятъ на сторонѣ священника, и что только два небольшихъ мѣстечка сдѣлали попытку агитаціи въ пользу епископа, и что вся оппозиція прихода противъ епископа, не выходя изъ предѣловъ предоставленной въ Баваріи всѣмъ свободы совѣсти и богослуженія, совершенно законна. A. A. Zeit., отъ 19 генв. Такая твердость священника, вмѣстѣ съ его приходомъ, противъ ультрамонтанскихъ притязаній, привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе и горячее сочувствіе весьма многихъ католиковъ, вызвавъ въ тоже время новые протесты противъ папской непогрѣшимости. Многочисленное собраніе католическаго ферейна въ Кемптенѣ (въ западно-южной Баваріи) 39 ноября, единогласно рѣшило послать къ Мерингской общинѣ свой сочувственный адресъ, и въ тоже время также единогласно былъ принятъ и подписанъ протестъ противъ новаго догмата о папской непогрѣшимости, въ которомъ они прямо заявили, что этому нововведенію, признаніе котораго противно ихъ совѣсти, они никогда не захотятъ подчиниться. Къ этому протесту присоединилось нѣсколько другихъ общинъ (¹) равно какъ и сочувственные адресы къ Мерингской общинѣ и ея священнику присылаются также изъ многихъ другихъ католическихъ ферейновъ южной и даже сѣверной Германіи (²).

(¹) Francf. Journ. 1 Beil. zu № 336, 4 Decemb.
(²) Francf. Journ. 1 Beil. zu № 340.

При такомъ множествѣ протестовъ противъ новаго догмата въ Германіи нужно еще замѣтить, что ихъ было бы въ десять разъ больше, если бы война съ одной стороны не заняла всего общественнаго вниманія и не поставила въ тѣни всѣ другіе интересы (¹); а съ другой—не отвлекла къ оружію столько тысячъ образованныхъ, энергичныхъ и способныхъ къ протесту германскихъ католиковъ, изъ которыхъ впрочемъ весьма многіе, по всей вѣроятности, возвратившись, по окончаніи войны, къ своимъ мирнымъ занятіямъ не преминутъ присоединиться къ вышеозначеннымъ протестамъ противъ папской непогрѣшимости.

Какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи,—скажемъ въ дополненіе нѣсколько словъ и объ ней—мы видимъ то же негодованіе и тѣ же протесты противъ новаго догмата, только иногда еще болѣе смѣлые и болѣе рѣшительные. Кардиналы Вѣнскій, Пражскій и примасъ Венгерскій, какъ мы уже видѣли и какъ видно изъ новѣйшихъ извѣстій (²), до послѣдняго времени не подчинялись опредѣленіямъ ватиканскаго собора. Депутація Пражскаго магистрата торжественно изъявила благодарность кардиналу Шварценбергу по его возвращеніи изъ Рима, за его оппозицію на соборѣ новому догмату (³), вообще въ Богеміи были многочисленныя заявленія противъ папской непогрѣшимости, особенно въ Пражской эпархіи, гдѣ почти всѣ викаріатства высказались въ противномъ новому догмату смыслѣ (⁴). О расположеніи

(¹) Въ этомъ увѣрены всѣ. Сравн. Allg. Zeit. № 265.

(²) См. выше, стр. 949 и 950, а также Rein. Kurier №30.

(³) Allg. Kirchl. Zeitschr. 8 и 9 Heft 183 p.

(⁴) Ew. Kirch. Chr. 4 Heft 121 p.

многихъ чеховъ присоединиться къ православію мы уже не говоримъ, какъ о фактѣ общеизвѣстномъ. Въ Кроаціи, въ Аграмѣ, епископъ Штросмайеръ за свою оппозицію на соборѣ противъ новаго догмата былъ принятъ съ неописаннымъ восторгомъ ([1]). Но, что всего важнѣе, въ Грецѣ и окресностяхъ (въ Штиріи) по поводу провозглашенія новаго догмата, сначала 950, а потомъ еще 113 человѣкъ, объявили свой выходъ изъ католической церкви ([2]). Наконецъ, въ Венгріи по тому же поводу поднялось движеніе, во главѣ котораго стоитъ профессоръ Швикеръ, имѣющее цѣлію основать независимую отъ папства венгерскую національную церковь ([3]).

Кромѣ того, извѣстный въ Австріи публицистъ и самый серьезный вѣрующій католикъ, Францъ Флоренкуръ, послѣ продолжительнаго молчанія опять выступилъ на литературное поприще и началъ его рядомъ католическихъ писемъ противъ свѣтской власти папъ и ихъ непогрѣшимости. Письма написаны съ тою же свѣжестью, съ тѣмъ же тактомъ и теплымъ убѣжденіемъ, которыми отличаются его прежнія произведенія ([4]). Совершенно неожиданное, но тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе произвела не въ одной только Австріи, но и во всемъ католическомъ мірѣ изданная знаменитымъ католическимъ юристомъ и профессоромъ Пражскаго университета др. Шульте брошюра противъ папской непогрѣшимости подъ заглавіемъ: «Власть римскихъ папъ надъ государями, государствами, народами и отдѣльными лицами по ихъ

([1]) Allg. Kirch Zeitschr. 8 и 9 Heft 483 p.
([2]) Allg. Kirchl. Zeitschr. 8, 9, 483; Protest. Kirchenzeit. № 36.
([3]) Evang. Kirch. Chr. 4 Heft 121.
([4]) A. Allg. Zeit. 7 Febr.

ученію и дѣйствіямъ для надлежащей оцѣнки ихъ непогрѣшимости ([1])». Шульте по своимъ способностямъ, учености и трудамъ считался первостепеннымъ научнымъ авторитетомъ въ р. католичествѣ; мало того, ультрамонтаны считали его на своей сторонѣ, поборникомъ папской непогрѣшимости и въ защиту послѣдней, нерѣдко ссылались на его сочиненія. Теперь можно себѣ представить, каково было ихъ изумленіе или лучше сказать озлобленіе, когда Шульте въ изданной имъ брошюрѣ объявляетъ явную войну современному ультрамонтанству и новому догмату и поражаетъ его съ такою силою, что всѣ доселѣ сдѣланныя съ различныхъ сторонъ нападенія на новый догматъ, по выраженію одного писателя, не болѣе какъ булавочныя уколы сравнительно съ его топорными ударами. Въ своей борьбѣ противъ новаго догмата Шульте постоянно опирается на богатый запасъ историческихъ познаній, пріобрѣтенныхъ имъ долговременными трудами, и его доказательства имѣютъ тѣмъ болѣе обязательную силу, что онъ намѣренно пользовался только оффиціальными произведеніями, которыя въ Римѣ имѣютъ неоспоримую авторитетность и написаны церковно-авторитетными лицами. Чтò побудило Шульте выступить противъ новаго догмата, онъ самъ пространно говоритъ въ весьма интересномъ для насъ въ настоящемъ случаѣ предисловіи. Авторъ предвидитъ, что его обвинятъ въ возмущеніи противъ церковной власти, въ отпаденіи къ либерализму и т. под.; онъ знаетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ такой пар-

---

([1]) Die Macht der römischen Päpste über Fürsten, Länder, Völker, Individuen nach ihren Lehren und Handlungen zur Würdigung ihrer Unfehlbarkeit, beleuchtet von Ioh. Fridr. von Schulte. Prag 1871.

тіей, которая обыкновенно тамъ, гдѣ нельзя оспоривать самаго дѣла, нападаетъ на личность, гдѣ недостаточны разумныя основанія, прибѣгаетъ къ софизмамъ и даже къ искаженію документовъ и подлогамъ. Долгой и тяжелой борьбы ему стоило прежде, чѣмъ онъ рѣшился выступить противъ нея. Онъ сознается, что онъ самъ много написалъ въ защиту правъ церкви и папъ и можетъ быть съ своей стороны немало содѣйствовалъ побѣдѣ полнаго въ церкви абсолютизма, и это обстоятельство заставляетъ его объясняться публично. Шульте дѣйствовалъ именно прежде такъ, въ полномъ убѣжденіи, что хотя церковь непоколебима и неизмѣнна въ своемъ основаніи, во внѣшнихъ своихъ дѣйствіяхъ, однакоже, можетъ пользоваться всѣми средствами и путями необходимыми для того, чтобы дѣйствовать сообразно съ потребностями времени (in der Zeit für die Zeit). Изъ этого различія между существеннымъ и неизмѣняемымъ ученіемъ церкви и относительными, вслѣдствіе внѣшнихъ историческихъ условій возникшими, воззрѣніями, у него образовалось убѣжденіе, что средневѣковая теорія объ отношеніи церкви къ государству, папства къ свѣтской власти имѣла только преходящее значеніе, и что между правами и ученіемъ церкви съ одной стороны, и воззрѣніями и требованіями государства и современности съ другой – нѣтъ никакой принципальной совмѣстности; какъ истинный другъ государства и вѣрный сынъ церкви онъ хотѣлъ найти между тѣми и другими примиреніе и воздать кесарева кесарю и божія Богови. Подобно милліонамъ другихъ, онъ питалъ твердое убѣжденіе, что Пій IX, пользуясь правильными идеями нашего вѣка, предприметъ реформу

церкви подобно Льву IX и Григорію VII, опиравшимся въ своихъ реформахъ также на идеи своего вѣка. Теперь же, когда опытъ болѣе чѣмъ половины человѣческой жизни познакомилъ его съ дѣйствительнымъ состояніемъ церкви, когда чрезъ разнообразныя сношенія и связи мало по малу проникъ во внутренніе мотивы стоящихъ во главѣ управленія церковью лицъ, особенно же послѣ опредѣленій ватиканскаго собора, онъ долженъ былъ сознаться, что и онъ жилъ въ большомъ заблужденіи. Уже за 10 лѣтъ, говоритъ онъ, у него открылись глаза относительно цѣли, къ которой направлены стремленія могущественной партіи въ церкви. Уже на католическомъ генеральномъ собраніи въ Аахенѣ, противъ нихъ онъ поднялъ свой голосъ. Мюнхенское собраніе ученыхъ въ 1863 году оживило было его надежды, потому что онъ видѣлъ въ немъ средство концентрировать ученыя силы для противодѣйствія вышеозначенному опасному направленію. Но папское бреве отъ 21 дек. 1863 года къ мюнхенскому архіепископу и посланіе папскаго нунція, связывавшее собраніе ученыхъ недостойными условіями, все это, говоритъ Шульте, вмѣсто свѣтлыхъ юношескихъ надеждъ должно было произвести въ немъ холодное тупое разочарованіе. Не смотря на все это, онъ не переставалъ, по его словамъ, стремиться къ своей цѣли, не желая сознаться въ своемъ заблужденіи, «потому что», говоритъ онъ, «у меня сердце разрывалось, при мысли совершенно отказаться отъ того, за что я взялся со всѣмъ пыломъ юношескаго одушевленія, къ чему стремился со всею серьезностью мужа и старался защищать неутомимо всѣми научными средствами». Но въ тоже время, гдѣ онъ

находилъ случай—въ сочиненіяхъ, въ письмахъ, въ разговорахъ—онъ вездѣ высказывалъ свои мрачныя опасенія. «Я могъ бы назвать, говоритъ онъ, цѣлый рядъ самыхъ извѣстнѣйшихъ именъ, показать изъ ихъ словъ и писемъ, что они пришли къ совершенно тѣмъ же воззрѣніямъ, но не мое дѣло называть или упрекать кого либо, кто имѣетъ свои причины скрывать свои убѣжденія въ глубинѣ своего сердца. Никакія газетныя нападенія на меня не могли заставить меня отказаться отъ своего убѣжденія, ни угрозы Шибена и многихъ другихъ, что я спаду съ высоты своей литературной славы, оппонируя противъ ватиканскихъ опредѣленій, не заставили меня молчать Я ищу не литературной славы, а истины». Шульте сознается, что онъ долгое время имѣлъ намѣреніе молчать. Но послѣ того, какъ нѣмецкіе епископы, послѣ своего совѣщанія въ Фульдѣ, въ совершенной противуположности съ ихъ прежними убѣжденіями и образомъ дѣйствій до 18 мая 1870 г., показали, что подчиненіе буквѣ единственное, что̀ осталось католику; послѣ того, какъ преслѣдованіе профессоровъ Боннскаго, Бреславскаго и Мюнхенскаго университетовъ- людей рѣдкой учености и безукоризненной жизни показали, что самыми крайними мѣрами хотятъ ихъ принудить къ покорности и желаютъ имѣть лучше формальныхъ подписчковъ, чѣмъ вѣрныхъ своему убѣжденію людей, тогда онъ рѣшился прервать свое молчаніе. Притомъ же, когда Шульте, по его словамъ, никогда не вѣрилъ въ папскую непогрѣшимость, хотя приверженцы ея на него постоянно ссылались—(обстоятельство, объясняемое Шульте тѣмъ, что приводили мѣста изъ его сочиненій,

не показывая ни связи, ни намѣренія этихъ мѣстъ) и когда до послѣдняго времени не переставали ссылаться на него; то для него было уже дѣломъ литературной чести прервать свое молчаніе. Онъ знаетъ, что многіе епископы для папской непогрѣшимости не находятъ никакого основанія ни въ Свящ. Писаніи, ни у св. отцевъ; онъ знаетъ не мало достойнѣйшихъ священниковъ и особенно профессоровъ богословія, даже такихъ, которые формально признали догматъ, или молчатъ, которые одного со мной убѣжденія; «я могу это, говоритъ онъ, юридически доказать; я не знаю между образованными мірянами, съ которыми я нѣсколько лѣтъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ, и дюжины, которые были бы другаго взгляда... Если бы путемъ самыхъ серьезныхъ занятій не пріобрѣлъ средствъ самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовать дѣло, онъ молчалъ бы. Но при настоящемъ состояніи церкви я считаю обязанностью каждаго, имѣющаго мужество и способность къ тому, выступить съ словомъ открыто»... Къ публичному слову обязываетъ его и званіе профессора каноническаго права и званіе государственнаго чиновника. Въ качествѣ перваго онъ долженъ научно излагать и доказывать истину и право католической церкви. Но въ этомъ отношеніи онъ долженъ объяснить, что для глав. 3 и 4 догматическихъ соборныхъ постановленій о церкви онъ не находитъ нигдѣ подтвержденія ни въ Свящ. Писаніи, ни у св. отцевъ, ни въ подлинныхъ древнихъ источникахъ; какъ государственный чиновникъ съ принятіемъ этихъ догматическихъ постановленій, по силѣ которыхъ безчисленные государственные законы признаются еретическими, самые

законодатели отлученными отъ церкви, долженъ былъ бы нарушить государственную присягу. Шульте прежде всего показываетъ, какъ изъ новаго догмата о папской непогрѣшимости вытекаетъ какъ логическое и юридическое слѣдствіе, что не теперешній только папа сдѣлался непогрѣшимымъ, но и каждый изъ его предшественниковъ былъ уже непогрѣшимъ, если онъ о предметѣ вѣры и нравственности издавалъ какое либо опредѣленіе такъ называемое ex cathedra и что всѣ юридическіе вопросы подлежатъ верховному рѣшенію папъ. Потомъ онъ приводитъ цѣлый рядъ ex cathedra изданныхъ папами декретовъ и историческихъ актовъ, изъ которыхъ видно, какую власть они себѣ присвоили надъ государствами и народами, государями, магистратами и отдѣльными лицами. Изъ приведенныхъ документовъ именно видно, что 1) папы свѣтскую власть производили отъ діавола (стр. 28 и 29) и потому требовали отъ нея безусловнаго себѣ подчиненія (30—32); они учили, что церковь имѣетъ право свѣтскую власть раздавать и отнимать (32 - 36); что папы имѣютъ право земли и народы не католическіе дарить католическимъ правителямъ и наказывать ихъ рабствомъ (36—38); всю литературу подчинять своей абсолютной цензурѣ (39), государственные законы, договоры, учрежденія и пр. уничтожать, и отъ исполненія ихъ освобождать (39 — 47), всѣхъ государей призывать предъ свой трибуналъ, наказывать ихъ и низлагать (46), отъ присяги данной имъ подданными и отъ всѣхъ обѣтовъ разрѣшать; вообще всѣ законныя отношенія и связи отлученныхъ отъ церкви и особенно ихъ браки расторгать (47—51). Все, что доселѣ въ общихъ чертахъ высказано

Януеомъ и нѣсколько подробнѣе его защитникомъ Губеромъ (противъ Гергенретерова Антиянуса) о притязаніяхъ папства въ отношеніи къ свѣтской власти и гражданскимъ условіямъ жизни, у Шульте разъяснено со всею обстоятельностію и со всѣми нужными, неподлежащими никакому сомнѣнію доказательствами. Изданная брошюра составляетъ только первую часть труда Шульте; во *второй* авторъ намѣренъ представить каноническія доказательства того, что декретъ о папской непогрѣшимости нельзя считать декретомъ вселенскаго собора; въ третьей показать, какую исторія представляетъ гармонію между папскимъ ученіемъ и декретами съ одной стороны и признанными догматами вѣры съ другой. Между тѣмъ тотъ же Шульте, издалъ на дняхъ сочиненіе другаго высокопоставленнаго духовнаго лица, которое пока не желаетъ объявить своего имени, подъ заглавіемъ: «Декретъ о папской непогрѣшимости имѣетъ ли церковную обязательность»? Авторъ изслѣдуетъ происхожденіе этого декрета, на основаніи подлинныхъ документовъ и показываетъ, какъ *обойдены* были на соборѣ самыя необходимыя юридическія формы для достиженія желанной цѣли, — формы, которыя одни обезпечивали свободу разсужденій, и приходитъ къ заключенію, что означенный декретъ для вѣрующихъ католиковъ не имѣетъ никакой обязательной силы.

II.

Іезуиты и ультрамонтанское духовенство, какъ мы уже видѣли, въ видахъ успокоенія умовъ, стараются представить новый догматъ о папской непогрѣшимости простою формальностію, которая для католической

церкви не будетъ сопровождаться никакими послѣдствіями. Но очевидно, что они или сами ошибаются, или намѣренно хотятъ обмануть другихъ ([1]). Не нужно много проницательности, чтобы видѣть, что новый догматъ для католичества долженъ имѣть громадныя и притомъ разрушительныя послѣдствія—не даромъ одинъ епископъ назвалъ его самоубійствомъ католичества:

1) Совершенный разрывъ католичества съ церковнымъ преданіемъ. Мѣсто послѣдняго долженъ заступить произволъ непогрѣшимыхъ папъ, имѣющихъ теперь полную свободу произведенія своей личной фантазіи дѣлать обязательнымъ вѣрованіемъ своей церкви. Въ этомъ отношеніи папство съ протестантизмомъ, хотя и противоположною ему крайностію должно совершенно сойтись.

2) Неразрывно съ этимъ совершенное уничтоженіе католической богословской науки. Всякая честная наука должна сдѣлаться врагомъ притязаній непогрѣшимаго папы, а въ согласіи съ ними она будетъ безполезной и не достойной своего имени схоластикой, рабскимъ и жалкимъ орудіемъ ультрамонтанства. То и другое слѣдствіе было высказано преимущественно Янусомъ (псевдонимомъ) ([2]) и отчасти епископами оппозиціи на соборѣ ([3]).

3) Ослабленіе и уничтоженіе власти епископской въ управленіи церковію и полное господство въ ней, именемъ папы, римской куріи и іезуитовъ со всѣми

([1]) Actenstücke zum Concil. Separatabdruck der A. Allg. Zeit. Stuttgart und Augsburg 1870, 46 p.

([2]) Der Pabst und das Concil von Ianus. 49 p. 51—53 p.

([3]) Actenstücke zum Concil. 32, 33, 37. 38 и 46 pp. Römische Briefe von Concil von Quirinus 353 p.

возможными злоупотребленіями. Это было высказано и Янусомъ ([1]) и на соборѣ епископами ([2]) и въ Нюрнбернскомъ протестѣ католическихъ богослововъ ([3]), ясно сознаваемо было самой римской куріей и іезуитами ([4]), которые не даромъ такъ хлопотали о провозглашеніи новаго догмата.

4) Возведеніе на степень догмата противу государственныхъ изреченій древнихъ и новыхъ папъ, что, напр., папа имѣетъ право низлагать королей, разрѣшать отъ присяги, уничтожать гражданскіе законы и пр. ([5]); вслѣдствіе этого постоянная борьба притязаній и распоряженій папскихъ съ государственными учрежденіями и вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянныя смуты въ католическихъ и полу-католическихъ государствахъ и, такъ какъ ни одно государство не захочетъ папѣ уступить своихъ правъ, совершенное отдѣленіе государства отъ церкви со всѣми послѣдствіями. Эти соображенія имѣли въ виду правительства, предостерегавшія папу отъ провозглашенія новаго догма-

---

([1]) Der Pabst und das Concil. 43, 48 p.

([2]) Епископы видятъ ясно, говоритъ авторъ писемъ о соборѣ, что главная цѣль іезуитскаго ордена въ каждой епархіи основать по крайней мѣрѣ одну цитадель съ папскимъ гарнизономъ и епископа, клиръ и народъ держать въ совершенномъ подчиненіи Риму и его притязаніямъ. *Если такъ пойдетъ впередъ*, сказалъ недавно одинъ французскій епископъ, *то намъ и святую воду будутъ присылать готовую изъ Рима*» Briefe von Concil. 143 p., а также 142 и 447 pp.

([3]) См. выше стр. 943, а также A. Allg. Zeit. №№ 298, 1722 p.

([4]) Römische Briefe 231 p.

([5]) Такова пресловутая булла Бонифація VIII «Unam Sanctam» въ 1302 году направленная противъ короля Филиппа IV. Ср. Allg. Zeit. № 250, 3974 p.; таковы изреченія папъ Пія VI, Пія VII, Енциклика Григорія XVI и Силлабусъ Пія IX. См. Януса въ статьѣ: догматизація Силлабуса».

та (¹), и теперь запретившія его публикацію (²), тѣже мысли были высказаны Янусомъ и его защитниками (³), епископами оппозиціи на соборѣ (⁴), въ Нюрнбернскомъ протестѣ католическихъ богослововъ (⁵) и вообще въ современной прессѣ (⁶). Симптомы означенныхъ нами смутъ обозначаются уже и въ настоящее время (⁷).

5) Распространенія невѣрія вообще и раскола въ католичествѣ; постепенное отпаденіе отъ него всѣхъ образованныхъ католиковъ. Эти опасенія были высказаны почти всѣми епископами оппозиціи на соборѣ (⁸); это антипапское движеніе, какъ мы уже видѣли, началось и неминуемо должно все болѣе и болѣе распространяться.

6) Наконецъ, мы можемъ сказать въ заключеніе, при явной нелѣпости непогрѣшимаго папства (⁹) и при непривлекательной раздробленности протестан-

---

(¹) Römische Briefe von Concil. 366 p.

(²) См. выше стр. 948, 949 и 950 прим. 2

(³) Der Pabst und das Concil. p. 24 — 35; Das Pabsthum und der Staat wieder den Anti-Ianus von Dr. Iohannes Huber, München 1870.

(⁴) Actenstücke zum Concil. 32, 34, 41, 45 pp., а также Das Sendschreiben an einen der deutschen Bischöfe von Lord Acton 6 и 8 p. Römische Briefe напр. 347—348.

(⁵) См. выше стр. 943.

(⁶) Прекрасныя статьи объ этомъ предметѣ: «Das Unfehlbarkeitsdogm. und die Staatsregirungen». Фрошамера въ A. Allg. Zeit. № 18, 51 pp.

(⁷) Въ Австріи и Баваріи, гдѣ не смотря на формальное запрещеніе свѣтской власти, епископы публиковали опредѣленіе собора. См. Francfur. Journ, № 342, также исторію съ Мерингскимъ приходомъ и конфликтъ епископовъ съ университетомъ и министромъ народнаго просвѣщенія.

(⁸) Actenstücke zum Concile 31, 85, 41 и 46 pp. Römische Briefe 440 p.

(⁹) Actenstücke 41, 42, 45 pp.; епископъ Орлеанскій Дюпанлу назвалъ новый догматъ «неслыханною нелѣпостію». См. Sendschreiben von Lord Acton 9 p.

тизма для всѣхъ, ищущихъ истинной церкви римскихъ католиковъ, православная восточная церковь должна сдѣлаться единственнымъ и вѣрнымъ убѣжищемъ [1].

Свящ. А. Тачаловъ.

Висбаденъ.
31 марта (12 апрѣля)
1871 г.

---

(1) Въ этомъ отношенія предположенія Др. Овербека заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія. См. Der einzige sichere Ausweg für die liberalen Mitglieder der Römischen Katholischen Kirche von Owerbeck. Halle 1870.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Митр. Андрей (Шагуна)

Внутреннее каноническое право

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 6. С. 981-1054.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ВНУТРЕННЕЕ КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО.

Блаженни слышащіе слово Божіе и соблюдающіе его. Лук. XI, 28.

ГЛАВА IV.

О СОДЕРЖАНІИ СЛУЖИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ (1).

§ 260. Служители церкви изначала пользовались доброхотными подаяніями.

Служители церкви отъ начала церкви и духовнаго званія пользовались доброхотными приношеніями. Самъ Спаситель, учредивъ въ лицѣ Апостоловъ и Своихъ учениковъ духовное званіе, положилъ тѣмъ и начало доброхотнымъ приношеніямъ, потребнымъ для служителей церкви. Посылая своихъ учениковъ на распро-

(1) Въ подлинникѣ это заглавіе читается: über die kirchlichen Beneficiat-Personen. Beneficiat отъ латинскаго beneficium (благодѣяніе, благотвореніе, иносказ. пенсія, даваемая за заслуги) указываетъ именно на содержаніе лицъ этого званія благотвореніями и доходами, получаемыми за служеніе. На этомъ основаніи мы вмѣсто Beneficiaten, Beneficien, подлинника употребляемъ выраженія: пользующійся доброхотными подаяніями, доходами или средствами содержанія. Перев.

страненіе своего ученія, онъ сказалъ имъ: *въ домѣ томъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть, ибо трудившійся достоинъ награды за труды свои* (¹). И изъ дѣяній апостольскихъ мы видимъ, какъ христіане продавали свои дома и земли, и вырученныя деньги приносили къ Апостоламъ для раздачи вдовамъ и бѣднымъ (²). Кромѣ того изъ 3 и 4 апостольскихъ правилъ видно, что набожные христіане приносили для жертвы богослуженія и въ даръ епископамъ, пресвитерамъ діаконамъ и прочимъ служителямъ церкви, кромѣ хлѣба, вина и деревяннаго масла, также другіе плоды, именно: медъ, молоко, овощи, птицъ и разныхъ животныхъ; потому что, будучи іудеями, или язычниками, они также имѣли обыкновеніе приносить во храмъ жертвы. Изъ даровъ, приносимыхъ христіанами, только хлѣбъ, вино и деревянное масло были употребляемы на жертвы богослуженія; прочіе же раздѣлялись между епископомъ, пресвитерами, діаконами и другими служителями церкви. Слѣдовательно, въ первыя времена христіанской церкви клиръ жилъ на счетъ жертвенныхъ приношеній христіанъ.

§ 261. Клиръ пользовался начатками плодовъ, которые приносились христіанами.

По опредѣленію 3-го и 4-го апостольскихъ правилъ, 28-го правила VI вселенскаго собора и 46 собора карѳагенскаго не позволялось приносить къ алтарю другихъ жертвъ, кромѣ хлѣба, вина, раствореннаго водою, деревяннаго масла для свѣтильниковъ,

(¹) Лук. X. 7. (²) Дѣян. IV. 31. 35.

ладона и, потомъ, винограда для благословенія; начатки прочихъ же плодовъ приносились въ домъ епископа, и тамъ раздѣлялись между всѣмъ клиромъ. Кромѣ указанныхъ правилъ церкви, и церковные писатели, а именно—Оригенъ (1) и Ириней (2), свидѣтельствуютъ, что начатки плодовъ, приносимые древними христіанами, составляли источникъ содержанія клира. Если впослѣдствіи клиръ и внушалъ христіанамъ, чтобы они приносили въ церковь только дары, исключительно относящіеся къ новозавѣтному богослуженію, ссылаясь на слова псалмопѣвца: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (3); то христіане, по собственному усердію, продолжали приносить кромѣ необходимаго для алтаря, и начатки другихъ плодовъ, и притомъ не съ тѣмъ, чтобы жертвовать ихъ Богу, но для того, чтобы этими приношеніями помогать содержанію своего клира. Но когда открылись нѣкоторыя злоупотребленія относительно приносимыхъ начатковъ, тогда мы находимъ и слѣды уничтоженія ихъ; такъ напр., 7-е правило гангрскаго собора опредѣляетъ: «кто церковныя плодоприношенія пріимати, или раздавати внѣ церкви хощетъ, безъ воли епископа, или того, кому поручены таковыя, и не по волѣ его творити хощетъ: да будетъ подъ клятвою». Тотъ же гангрскій соборъ въ другомъ своемъ правилѣ опредѣляетъ: «аще кто даетъ или пріемлетъ плодоприношенія мимо епископа, или поставленнаго управляти благотвореніями: и дающій, и пріемлющій да будетъ подъ клятвою».

(1) Origines contra Celsum libr. VIII, pag 40. Edit. Cantabrig.
(2) Iren. lib IV, стр. 32.
(3) Пс. 59, 19.

Изъ этихъ церковныхъ правилъ можно заключить, что жертвенныхъ даровъ бывало много, и что по этой причинѣ, и дабы не было никакихъ злоупотребленій приношеніями, были учреждены экономы, которые, находясь подъ надзоромъ и контролемъ епископа, по его благоусмотрѣнію, хранили и раздѣляли эти приношенія между клиромъ.

§ 262. О содержаніи клира во времена гоненій.

Во времена гоненій христіанамъ было трудно отправлять богослуженіе, принимать въ немъ участіе и приносить жертвенные дары, которыми бы могло содержаться духовенство; поэтому вѣрный народъ дѣлалъ доброхотныя еженедѣльныя и ежемѣсячныя приношенія изъ которыхъ еженедѣльныя употреблялись на нужды богослуженія, а ежемѣсячныя поступали въ кассу церкви ([1]). Сіи послѣднія служили къ содержанію духовенства ([2]). Такой родъ заботливаго обезпеченія духовенства продолжался и въ третьемъ вѣкѣ. Содержаніе выдавалось духовенству каждый мѣсяцъ; по свидѣтельству Кипріана ([3]), всѣ священники получали одинаковое содержаніе; поровну также получали и церковно-служители. Источникомъ содержанія духовенства служили также доходы съ церковныхъ имуществъ, пожертвованныхъ для этой цѣли христіанами; но доходы отъ церковныхъ имуществъ были незначительны, потому что эти имущества часто были отбираемы гонителями. Случалось также, что въ западныхъ провинціяхъ пожертвованныя церкви иму-

([1]) Cyprianus, de elemosina.

([3]) Tertull. гл. 39.

([2]) Cypr. epist. 66.

щества были продаваемы изъ страха гоненій и конфискаціи со стороны гонителей; вырученныя деньги потомъ раздѣлялись на три части, одна часть шла на церковь, другую получалъ епископъ, а третью клиръ ([1]). Нѣтъ ни одного примѣра, чтобы на востокѣ продавались и раздавались недвижимыя церковныя имущества по причинѣ гоненій; слѣдовательно на востокѣ строго соблюдались клиромъ 38-е и 41-е апостольскія правила, которыя запрещаютъ отчуждать церковное имущество. Доказательствомъ нашего мнѣнія служитъ также декретъ императора Максимина, который въ началѣ своего правленія, хотя и преслѣдовалъ христіанъ, однакожъ впослѣдствіи дозволилъ имъ не только опять возстановить свои храмы, но и повелѣлъ снова возвратить христіанамъ домà и другое имущество принадлежавшее имъ, которое поступило въ казну, или во владѣніе какого либо города, или было продано или подарено кому нибудь. Что въ этомъ декретѣ Максимина разумѣлось возвращеніе имущества не только частнымъ лицамъ, а и отдѣльнымъ церквамъ, это видно изъ декрета, даннаго императоромъ Константиномъ въ 313 г. Въ этомъ декретѣ, между прочимъ, говорится: «такъ какъ христіане, знаемъ, имѣли во владѣніи не только тѣ мѣста, въ которыхъ обыкновенно собирались, но и другія составлявшія собственность не частныхъ лицъ, а достояніе цѣлаго общества; то и эти, въ силу изреченнаго нами закона, безъ малѣйшаго промедленія должны быть возвращены упомянутымъ христіанамъ, т. е. всему ихъ обществу и каждому собору ([2])».

([1]) Bingham, Tom. II, pag. 265.

([2]) Евсев. церк. истор. кн. X., гл. 5, стр., 579 по русс. перев:

§ 263. Во времена первыхъ христіанскихъ императоровъ клиръ получалъ пособіе отъ государства

Когда императоръ Константинъ Великій принялъ христіанскую вѣру и его империя наслаждалась миромъ, и христіане могли жить согласно своимъ благочестивымъ вѣрованіямъ; тогда умножились щедрые пожертвованія, а благодаря имъ и доходы церкви; вмѣстѣ съ этимъ улучшился и источникъ доходовъ для содержанія клира. Большимъ побужденіемъ къ щедрымъ пожертвованіямъ послужилъ для христіанъ декретъ императора Константина, который узаконялъ: «что каждый свободенъ жертвовать своимъ имуществомъ, согласно желанію, церквамъ и досточтимымъ соборамъ». Когда свобода вѣроисповѣданія была обезопашена императорскимъ указомъ,—христіане начали жертвовать церкви какъ движимыя, такъ и недвижимыя имущества, которыми значительно улучшилось содержаніе клира. Самъ императоръ Константинъ сдѣлалъ церкви большія пожертвованія изъ собственнаго имущества и изъ государственныхъ доходовъ. Между прочимъ, онъ выдалъ кареагенскому епископу Цециліану три тысячи фолловъ изъ государственной кассы, съ тѣмъ, чтобы онъ роздалъ ихъ клиру Африки, Нумидіи и Мавританіи, присовокупивъ при этомъ, что если бы этой суммы денегъ было недостаточно для покрытія нуждъ сего клира, то Цециліанъ можетъ спросить у хранителя его имуществъ, Гераклида, столько, сколько оказалось бы нужнымъ [1]. Императоръ также постановилъ, чтобы клирики, вдовы и дѣвы, пожелавшіе жить

[1] Евсев. истор. кн. X, гл. 6. стр. 585. Фоллъ составляетъ 10 крейцеровъ или копѣекъ; слѣдовательно три тысячи фолловъ равняются тридцати тысячамъ крейцеровъ, или 300 рублей.

въ дѣвствѣ, получали хлѣбъ изъ государственныхъ житницъ (1).

Такія благодѣянія относительно содержанія духовенства оказывали и прочіе христіанскіе императоры до Юліана; Юліанъ запретилъ выдавать клиру хлѣбъ изъ государственныхъ житницъ; но императоръ Іовіанъ выдалъ клиру третью часть хлѣба, который онъ получалъ прежде изъ государственныхъ житницъ. Въ такомъ видѣ государственное пособіе къ содержанію клира было утверждено закономъ при императорѣ Маркіанѣ; каковой законъ внесенъ въ кодексъ Юстиніана (2).

§ 264. Пожертвованія въ пользу клира не прекратились до настоящаго времени.

Заглавіе этого параграфа даетъ поводъ ко многимъ и разнороднымъ разсужденіямъ; но мы, согласно цѣли каноническаго сочиненія, кратко будемъ разсуждать только о томъ, что относится до правъ клира, пользующагося содержаніемъ, и, такимъ образомъ говоримъ, что клиръ, по существу своего назначенія и положенія, не переставалъ получать пособія отъ вѣрнаго народа, и эти пособія сохранились даже до нашихъ дней, хотя и въ различныхъ видахъ, смотря именно по политическому положенію христіанъ и видамъ гражданскаго правительства. Извѣстно, что нѣкоторыя правительства бывали щедры и потому справедливы; другія, напротивъ, относились и относятся безучастно къ тѣмъ пожертвованіямъ, которыя вѣрный народъ оказывалъ

(1) Ѳеодоритъ, кн. I, гл. 11. Созоменъ, кн. V, гл. 5.
(2) Cod. Justin. I, tit 11. De sacrosanctis Ecclesiis lex XII.

Если далѣе будемъ читать Новый Завѣтъ, то увидимъ какъ апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ евреямъ въ гл. VII, сравнивая священство Христово со священствомъ Мелхиседековымъ, упоминаетъ о десятинахъ, которыя израильскій народъ по закону Моисееву давалъ священникамъ, ничего не говоритъ о томъ, чтобы и Христосъ установилъ десятины для священства. Апостолъ говоритъ такъ: *Получающіе священство изъ сыновъ Левіиныхъ имѣютъ заповѣдь—брать десятину съ народа, то есть съ своихъ братьевъ... Итакъ, если бы совершенство достигалось посредствомъ левитскаго священства, то какая бы еще нужда была возставать иному священнику* (Христу), *по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона? Потому что съ перемѣною священства необходимо быть перемѣнѣ и закона* ([1]). Изъ приведеннаго мѣста видно, что апостолъ, упоминая о десятинахъ, которыя израильскій народъ, по закону Моисееву, платилъ сынамъ Левіинымъ, бывшимъ священниками по чину Аарона, ничего не говоритъ о томъ, чтобы Христосъ подтвердилъ этотъ законъ Моисеевъ и также повелѣлъ христіанамъ, по примѣру израильтянъ, платить десятины священству Новаго Завѣта.

Тотъ же апостолъ, пиша къ римлянамъ (XIII. 7) объ исполненіи обязанностей, учитъ: *отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь.* Но апостолъ не наставляетъ римлянъ давать десятины духовенству. Что этотъ великій апостолъ жилъ не десятинами христіанъ, но доброхотными ихъ подаяні-

---

([1]) Евр. VII, 5, 11, 12.

ями,—объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ посланіи къ филиппійцамъ (IV, 10. 16. 16), когда пишетъ: *«Я весьма возрадовался въ Господѣ, что вы уже снова начали заботиться о мнѣ; вы и прежде заботились, но вамъ не благопріятствовали обстоятельства. Вы и въ Ѳессалонику и разъ и два присылали мнѣ на нужду. Говорю это не потому, чтобы я искалъ даянія; но ищу плэда, умножающагося въ пользу вашу».* Славный апостолъ Павелъ, узнавъ, что нѣкоторые между коринѳянами недовольны имъ за то, что онъ принималъ отъ другихъ доброхотныя подаянія, въ первомъ своемъ посланіи къ коринѳянамъ въ главѣ 9-й, жалуется такими словами: *«Не апостолъ ли я? Не свободенъ ли я? Не видѣлъ ли я Іисуса Христа Господа нашего? Не мое ли дѣло вы въ Господѣ? Если для другихъ я не апостолъ, то для васъ апостолъ; ибо печать моего апостольства вы въ Господѣ. Вотъ мое защищеніе противъ осуждающихъ меня. Или мы не имѣемъ власти ѣсть и пить? Какой воинъ служитъ когда либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада? По человѣческому ли только разсужденію я это говорю? Не то же ли говоритъ и законъ? Ибо въ Моисеевомъ законѣ написано: не заграждай рта у вола молотящаго* (Втор. 25, 4). *О волахъ ли печется Богъ? Если мы посѣяли въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное? Если другіе имѣютъ у васъ власть, не паче ли мы? Однако мы не пользовались сею властью, но все переносимъ, дабы не поставить какой преграды благовѣствованію Христову. Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? Что*

служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія» ([1]).

§ 266. Продолженіе.

Изъ выше сказаннаго слѣдуетъ, что ни Христосъ, ни апостолы не ввели десятинъ для содержанія новозавѣтнаго клира. Если разсмотримъ и относящіеся сюда факты изъ втораго и третьяго вѣка, то найдемъ, что и тогда также не было введено никакой десятины для клира; потому что, какъ мы упоминали въ § 262, во времена гоненій, вошли въ обычай еженедѣльныя и ежемѣсячныя приношенія, назначавшіяся для богослуженія и содержанія клира ([2]).

Православный клиръ, какъ по всему видно, руководясь ученіемъ Христовымъ и апостоловъ и трехвѣковою практикою, какъ правиломъ, касательно своего содержанія, не старался—при первыхъ христіанскихъ императорахъ обязывать христіанъ, на основаніи Моvсеева закона, давать десятины клиру. И въ опредѣленіяхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы отцы того или другаго собора намѣревались ввести десятины для клира; и у писателей нашей церкви мы также не находимъ никакого упоминанія объ этомъ. Слѣдовательно, можемъ утверждать, что нашъ клиръ такимъ своимъ поведеніемъ доказалъ, что онъ и тогда не желалъ вводить абсолютизма въ Церковь, когда онъ могъ надѣяться найдти поддержку въ своемъ предпріятіи со стороны христіанскаго гражданскаго пра-

([1]) Bingham, стр. 284, томъ II.
([2]) Bingham, томъ II, pag. 287, et seq.

вительства. Какихъ убѣжденій держались всѣ христіане относительно десятинъ духовенству еще въ пятомъ вѣкѣ, когда жилъ св. Іоаннъ Златоустъ, это видно изъ IV бесѣды этого великаго учителя, въ которой онъ говоритъ: «чего они (Іудеи) не дѣлали? Отдавали десятины и потомъ предоставляли десятины на вспомоществованіе сиротамъ, вдовамъ, прозелитамъ; мнѣ нѣкто разсказывалъ про другаго, что тотъ даетъ десятины, и удивлялся этому. Какъ это не стыдно! Мы—христіане удивляемся тому, что не было удивительнымъ у іудеевъ [1]?!» Іерархія восточной православной Церкви и въ послѣдующее время не домогалась вводить десятинъ для клира. Тоже самое утверждаемъ мы и въ отношеніи къ нашему времени и, какъ прежде, такъ и теперь она соображается съ обстоятельствами, чтобы, подъ предлогомъ содержанія клира не повредить ученію евангелія, потому что христіане знаютъ и исповѣдуютъ, что приносящіе жертвы должны питаться жертвами и служащіе алтарю должны дѣлиться съ алтаремъ; и Христосъ заповѣдалъ, чтобы проповѣдующіе благовѣстіе жили отъ благовѣстія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Назначеніе на мѣста служителей Церкви, пользующихся доходами.

§ 267. Введеніе.

Прежде всего замѣтимъ, что Іисусъ Христосъ, Основатель новозавѣтной Церкви, не оставилъ намъ никакой заповѣди объ избраніи служителей

---

[1] Златоуст. IV Бесѣд. на посл. къ Ефесс. Стр. 69 по русс. перев.

церкви; но, слушая разсказъ Евангелія объ избраніи Спасителемъ апостоловъ, мы узнаемъ, что Онъ, увидѣвъ на морѣ Галлилейскомъ Петра и Андрея, когда они закидывали свои сѣти въ море, потому что они были рыболовы, сказалъ къ нимъ: «*идите за мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ*». *И они тотчасъ, оставивъ сѣти, послѣдовали за нимъ* ([1]). Проходя далѣе, Христосъ увидѣлъ другихъ двухъ братьевъ, Іакова и Іоанна, сыновъ Заведеевыхъ, въ лодкѣ съ своимъ отцомъ, починивавшихъ свои сѣти; Онъ призвалъ и ихъ,—и они тотчасъ оставили лодку и своего отца, и послѣдовали за Нимъ ([2]). Подобнымъ образомъ Христосъ призвалъ и другихъ апостоловъ последовать за Нимъ, и потомъ послалъ ихъ во весь міръ учить и крестить всѣ народы. Эти дѣянія Христа служатъ очевидными доказательствами избранія апостоловъ, совершеннаго имъ Самимъ; но они не содержатъ какой либо заповѣди, т. е. правила для Церкви, потому что Христосъ не сказалъ апостоламъ, чтобы и они такимъ образомъ поставляли себѣ преемниковъ и что такимъ же образомъ должны быть поставляемы служители Слова во всѣ времена.

Но утверждая, что Христосъ не оставилъ намъ никакой заповѣди объ избраніи клира, мы вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ, что Христосъ несомнѣнно оставилъ намъ заповѣдь о личныхъ качествахъ, которыхъ должно требовать отъ всѣхъ, желающихъ вступить въ клиръ. Такою заповѣдію служитъ нагорная проповѣдь Іисуса Христа ([3]), въ которой Онъ раскрылъ апостоламъ и собравшемуся народу, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ

([1]) Мѳ. IV, 18—20. ([2]) Мѳ. IV, 21, 22. ([3]) Мѳ V.

намъ, свое ученіе о людяхъ блаженныхъ. Называя ихъ «*солью земли*», — *свѣтомъ міра*», Онъ говоритъ имъ: «*Никто, зажегши свѣчу, не ставитъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникъ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ*»; Онъ требовалъ отъ всѣхъ ихъ: «*такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего небеснаго*». Поэтому, если Христосъ не далъ намъ никакой заповѣди объ образѣ избранія клира, то все-таки онъ начерталъ намъ въ своей вышеприведенной проповѣди заповѣдь о качествахъ, которыми долженъ обладать клиръ; но сего достаточно, потому что эта заповѣдь опредѣляетъ и образъ избранія клира на всѣ времена; по этому порядку должны быть принимаемы въ клиръ именно тѣ, которыя служатъ *солью земли* и *свѣтомъ міра*; т. е. люди благочестивые, нравственно образованные и способные научить и воспитать другихъ такъ, чтобы они, видя ихъ добрыя дѣла, прославляли Отца нашего небеснаго. Какъ апостолы примѣняли эту заповѣдь Спасителя въ предстоявшихъ случаяхъ, это будетъ показано въ слѣдующихъ параграфахъ.

§ 268. Образъ дѣйствій апостоловъ при назначеніи на мѣсто Іуды.

Образъ дѣйствій апостоловъ при избраніи на мѣсто Іуды описанъ въ 1-й главѣ Дѣяній Апостольскихъ, гдѣ мы читаемъ: кàкъ апостолы по вознесеніи Господа возвратились въ Іерусалимъ, кáкъ было повелѣно имъ ожидать тамъ обѣщаннаго отъ Отца, пока не будутъ облечены силою свыше, и кàкъ они, пребывая тамъ, собирались со множествомъ народа, ко-

торое простиралось до ста двадцати, — и ка́къ апостолъ Петръ, всталъ и заговорилъ о необходимости замѣщенія мѣста Іуды, низпавшаго изъ числа апостоловъ, по причинѣ предательства Господа, и объ избраніи на его мѣсто одного изъ мужей, всегда имѣвшихъ общеніе съ апостолами въ молитвѣ. И поставили двоихъ изъ мужей: Іосифа, называемаго Варсавою, и Матѳія, и потомъ помолились и сказали: «*Ты, Господи, сердцевѣдецъ всѣхъ, покажи изъ сихъ двоихъ одного, котораго Ты избралъ, принять жребій служенія и апостольства, отъ котораго отпалъ Іуда, чтобы идти въ свое мѣсто*». — За симъ бросили о нихъ жребій, и выпалъ жребій Матѳію, и онъ сопричисленъ къ одиннадцати апостоламъ. Изъ сего примѣра апостоловъ и тѣхъ ста двадцати вѣрующихъ мы усматриваемъ и узнаемъ, какъ они при избраніи на мѣсто Іуды примѣнили раскрытое въ предыдущемъ параграфѣ ученіе Спасителя. Вмѣстѣ съ этимъ мы почерпаемъ отсюда и убѣжденіе, что они примѣнили это ученіе съ полнѣйшимъ послушаніемъ и добросовѣстностію; потому что мы видимъ: 1) какъ апостолъ Петръ, дѣлая своимъ соапостоламъ и тѣмъ 120-ти вѣрующимъ предложеніе о замѣщеніи мѣста Іуды, ясно выразилъ желаніе, которымъ всѣ они должны руководиться въ совершеніи добраго дѣла, дабы и другіе, смотря на нихъ, прославляли Отца небеснаго; 2) какъ тотъ же апостолъ Петръ предлагалъ своимъ соапостоламъ и собравшимся 120-ти вѣрующимъ, чтобы они избрали изъ присутствовавшихъ двоихъ вѣрующихъ, всегда собиравшихся съ ними въ молитвѣ, и какъ онъ выражаетъ желаніе о томъ, чтобы будущій ихъ сотрудникъ былъ такимъ мужемъ, о которомъ можно бы

было сказать, что онъ *«соль земли»* и *«свѣтъ міра»*; 3) какъ собраніе предложило Іосифа, называемаго Варсавою, и Матѳія, и тѣмъ засвидѣтельствовало, что не Петру, а всѣмъ апостоламъ и вѣрующимъ принадлежитъ право поставить избираемаго въ апостолы; 4) какъ они обращаются съ молитвою къ Богу, знающему сердца и совѣсть всѣхъ людей, признавая при этомъ что всякій добрый и всякій совершенный даръ сходитъ свыше, отъ Отца свѣтовъ; и 5) какъ они, для устраненія всякаго раздѣленія въ собраніи, полагаютъ, чтобы жребій опредѣлилъ, кого угодно Богу поставить на мѣсто Іуды.

Этотъ первый примѣръ апостоловъ и 120 вѣрующихъ Іерусалима, собравшихся для избранія апостола на мѣсто Іуды, долженъ служить образцомъ и правиломъ для іерархіи церкви Христовой, на всѣ времена, потому что онъ основанъ на коренномъ ученіи Спасителя и вполнѣ отвѣчаетъ тому Божественному Духу, Которымъ должны руководиться христіане въ подобныхъ случаяхъ, чтобы быть достойными наименованія тѣла Христова.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣ сего избранія не послѣдовало никакого возложенія рукъ на Матѳія, которымъ бы онъ былъ посвященъ въ апостолы; потому что это дѣло апостоловъ совершилось прежде, чѣмъ они получили обѣщанное отъ Отца и облеклись силою свыше, т. е. прежде сошествія на нихъ Святаго Духа. Избраніе Матѳія совершилось тотчасъ послѣ вознесенія Іисуса Христа; сошествіе же Святаго Духа только въ пятидесятый день по воскресеніи Христа ([1]).

([1]) Дѣян. II, 1—4.

§ 269. Образъ дѣйствій апостоловъ при избраніи учениковъ Варнавы и Павла въ апостолы.

Достовѣрное повѣствованіе объ этомъ находится въ IX и XIII главахъ «Дѣяній апостоловъ», гдѣ читаемъ: *Савлъ, дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господа, пришелъ къ первосвященнику и выпросилъ у него письма въ Дамаскъ къ синагогамъ, чтобы кого найдетъ послѣдующихъ сему ученію, и мужчинъ и женщинъ, связавъ, приводить въ Іерусалимъ. — Когда онъ шелъ и приближался къ Дамаску, внезапно осіялъ его свѣтъ съ неба, и онъ упалъ на землю и услышалъ голосъ, говорящій ему: «Савлъ, Савлъ! что ты гонишь Меня»? онъ же сказалъ: «кто Ты, Господи»? Господь же сказалъ: «Я Іисусъ, Котораго ты гонишь; трудно тебѣ идти противъ рожна»; Савлъ въ трепетѣ и ужасѣ сказалъ: «Господи! что повелишь мнѣ дѣлать? а Господь ему: «встань и иди въ городъ; и сказано будетъ тебѣ, что тебѣ надобно дѣлать».* Савлъ отправился затѣмъ въ Дамаскъ, *и три дня онъ не видѣлъ, и не ѣлъ, и не пилъ. Въ Дамаскѣ же былъ нѣкоторый ученикъ (именемъ Ананія). Господь въ видѣніи сказалъ ему, чтобы онъ спросилъ въ Іудиномъ домѣ тарсянина, по имени Савла, гдѣ онъ теперь молится.* И Савлъ также видѣлъ *въ видѣніи мужа, именемъ Ананію, пришедшаго къ нему и возложившаго на него руку, чтобъ онъ прозрѣлъ.* Ананія колебался сдѣлать такъ, какъ было сказано ему въ видѣніи, ибо онъ зналъ, что этотъ Савлъ былъ гонителемъ Церкви Христовой. Тогда Господь въ другой разъ сказалъ ему: *иди, ибо онъ есть Мой избранный сосудъ, чтобы возвѣщать имя Мое предъ народами и царями, и сына-*

ми израилевыми». Ананія пошелъ къ Савлу и, возложивъ на него руки, сказалъ: *«братъ Савлъ! Господь Іисусъ, явившійся тебѣ на пути, которымъ ты шелъ, послалъ меня, чтобы ты прозрѣлъ и исполнился Святаго Духа.—И тотчасъ, какъ бы чешуя отпала отъ глазъ его; и вдругъ онъ прозрѣлъ и, вставъ, крестился, и, принявъ пищи, укрѣпился. И былъ Савлъ нѣсколько дней съ учениками въ Дамаскѣ. И тотчасъ сталъ проповѣдывать въ синагогахъ объ Іисусѣ Христѣ, что Онъ есть Сынъ Божій*. Когда іудеи увидѣли, что Савлъ сдѣлался христіаниномъ и обнаруживаетъ большую ревность къ церкви Христовой, то они пришли въ ярость и *согласились убить его: тогда ученики ночью, взявъ его, спустили по стѣнѣ въ корзинѣ*. Спасшись, такимъ образомъ, отъ смерти, *Савлъ прибылъ въ Іерусалимъ и старался пристать къ ученикамъ; но всѣ боялись его, не вѣря, что онъ ученикъ*, такъ какъ они слышали о его прежнихъ гоненіяхъ. *Варнава же, взявъ его, привелъ къ апостоламъ и разсказалъ имъ все*, что произошло съ Савломъ; апостолы приняли его въ число учениковъ, такъ какъ онъ и въ Іерусалимѣ смѣло проповѣдывалъ во имя Господа Іисуса. Вслѣдствіе сего Еллины покушались убить его. Но братія, узнавъ о такомъ посягательствѣ на его жизнь, *отправили его во Кесарію и препроводили въ Тарсъ*, откуда онъ отправился потомъ въ Антіохію, гдѣ находились нѣкоторые пророки и учители, именно: Варнава, Симеонъ и другіе. Но когда *они служили Господу и постились, Духъ Святый сказалъ: «отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому Я призвалъ ихъ». Тогда они, совершивъ постъ и молитву и возложивъ на нихъ руки, отпустили ихъ. И*

они пришли въ Селевкію, а оттуда отплыли въ Кипръ

Изъ этихъ библейскихъ разсказовъ ясно можно видѣть, какъ обращеніе къ христіанству и ревность Савла, названнаго Павломъ, такъ и поставленіе его и Варнавы въ апостолы. Отсюда же мы вмѣстѣ съ тѣмъ узнаемъ, что апостолы, по основательнымъ причинамъ совершили это поставленіе Варнавы и Павла, безъ участія и выбора со стороны христіанъ, потому что голосъ Самого Господа засвидѣтельствовалъ, что Павелъ есть избранный сосудъ, и Самъ Святый Духъ повелѣлъ апостоламъ отдѣлить Варнаву и Савла на дѣло, къ которому они призваны. Поэтому вся дѣятельность апостоловъ при поставленіи Варнавы и Павла заключается въ томъ, что они, совершивъ постъ, съ молитвою возложили на нихъ руки, т. е. рукоположили ихъ, потому что, послѣ всего бывшаго, они были убѣждены въ своей совѣсти, что согласно ученію Іисуса Христа поставили этихъ двухъ учениковъ апостолами, представившихъ достаточныя доказательства того, что будутъ солью земли и свѣтомъ міра, и что ихъ дѣла просвѣтятся передъ людьми такъ, что они, видя ихъ, прославятъ Отца небеснаго.

§ 270. Поставленіе апостолами семи діаконовъ.

Поводъ и образъ поставленія семи діаконовъ описаны для всѣхъ временъ въ VI главѣ «Дѣяній апостоловъ», гдѣ св. евангелистъ Лука пишетъ слѣдующее: «*Когда умножились ученики, произошелъ у еллинистовъ ропотъ на евреевъ за то, что вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаяніи потреб-*

ностей. Тогда двѣнадцать апостоловъ, созвавъ множество учениковъ сказали: не хорошо намъ, оставивъ слово Божіе, пещись о столахъ. Итакъ, братія, выберите изъ среды себя семь человѣкъ извѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости; ихъ поставимъ на сію службу. А мы постоянно пребудемъ въ молитвѣ и служеніи слова. И одобрено было сіе предложеніе всѣмъ собраніемъ; и избрали Стефана, мужа исполненнаго вѣры и Духа Святаго, и Филиппа и Прохора и Никанора и Тимона и Пармена и Николая антіохійца, обращеннаго изъ язычниковъ. Ихъ поставили предъ апостолами; и сіи, помолясь, возложили на нихъ руки. И слово Божіе расло, и число учениковъ весьма умножалось въ Іерусалимѣ; и изъ священниковъ очень многіе покорились вѣрѣ».

Этотъ библейскій разсказъ показываетъ намъ, что поводомъ къ поставленію семи діаконовъ былъ порядокъ раздачи даровъ любви, что обрядъ поставленія этихъ семи діаконовъ совершился посредствомъ выбора, произведеннаго множествомъ учениковъ, и что далѣе апостолы, нашедши этотъ выборъ сообразнымъ со своимъ ученіемъ, слѣдовательно онъ былъ хорошъ, посвятили избранныхъ посредствомъ молитвы и возложенія рукъ.

Изъ этого примѣра видно, что народъ пользовался правомъ выбора, а апостолы только—правомъ поставленія и посвященія потомъ, когда они убѣдились, что семь мужей, избранныхъ и предложенныхъ въ діаконы суть такія лица, которыя заслуживаютъ названія соли земли и свѣта міра, и что ихъ дѣла будутъ свѣтиться предъ людьми такъ, что они, видя ихъ, прославятъ Отца небеснаго. Хотя библія свидѣтельствуетъ

только о Стефанѣ, какъ о мужѣ исполненномъ вѣры и Духа Святаго, но мы думаемъ, что и другіе шесть мужей, также подобно Стефану, были исполнены вѣры и Духа Святаго, потому что апостолы требовали отъ собранія выбрать семь мужей, имѣвшихъ доброе имя, исполненныхъ вѣры и Святаго Духа. Поэтому мы не сомнѣваемся, что апостолы нашли во всѣхъ семи избранныхъ тѣ качества, которыя напередъ были изображены ими собранію, какъ условіе для правильнаго выбора.

§ 271. О поставленіи въ епископы непосредственныхъ преемниковъ апостольскихъ.

«Кто именно признаны были достойными пасти основанныя Апостолами церкви,—сказать не легко, не именуя тѣхъ, о которыхъ упоминаетъ апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ», — такъ замѣчаетъ Евсевій Памфилъ въ своей Церковной Исторіи (¹).

Но при ближайшемъ знакомствѣ съ церковною исторіею Евсевія, мы находимъ, что этотъ историкъ оставилъ намъ въ III книгѣ своей исторіи подлинныя свѣдѣнія о непосредственныхъ преемникахъ нѣкоторыхъ апостоловъ, въ которыхъ онъ говоритъ: «У Павла было множество сотрудниковъ, или, какъ онъ самъ называетъ ихъ совоинственниковъ (Фил., ст. 2). Многіе изъ нихъ удостоились незабвенной памяти чрезъ то, что свидѣтельство о нихъ внесено навсегда въ свои посланія. Изъ нихъ первый, получившій жребій епископства надъ ефесскою церковью, былъ Тимоѳей, а надъ церквами критскими—Титъ».

(¹) Евсевій, Церков. Истор. кн. III, гл. 4, стр. 115, на рус. пер.

Въ другомъ мѣстѣ Евсевій сообщаетъ намъ, что апостолъ Іаковъ, называвшійся братомъ Господнимъ, былъ первымъ епископомъ въ Іерусалимѣ, который первымъ, послѣ Архидіакона Стефана, былъ убитъ іудеями; оставшіеся еще въ живыхъ апостолы и ученики Господа, когда узнали объ этомъ, собрались съ разныхъ сторонъ въ Іерусалимъ, и совѣщались между собою о преемникѣ апостолу Іакову и единогласно признали достойнымъ на апостольскую каѳедру Іерусалима Симеона, сына Клеопова. Отъ того же историка мы также узнаемъ, что, послѣ мученической кончины Петра и Павла, епископство римской церкви съ именемъ непосредственнаго преемника этихъ апостоловъ принялъ Линъ, за Линомъ слѣдовалъ Анаклетъ, за Анаклетомъ—Климентъ, о коемъ апостолъ Павелъ писалъ въ своемъ посланіи къ филиппійцамъ: «*прошу и тебя, искренній сотрудникъ, помогай имъ, подвизавшимся въ благовѣствованіи вмѣстѣ со мною, и съ Климентомъ и съ прочими сотрудниками моими, которыхъ имена въ книгѣ жизни*» (1). Евсевій (2) также упоминаетъ, что на восьмомъ году правленія Нерона, правленіе александрійскою церковью послѣ евангелиста Марка принялъ Анніанъ.

Теперь обратимся къ жизнеописаніямъ святыхъ, какъ къ достовѣрному источнику, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія о непосредственныхъ преемникахъ апостоловъ, и именно къ жизнеописанію святаго Поликарпа, подъ 23 февраля. Изъ него мы узнаемъ, что императоръ Домиціанъ осудилъ на заточеніе святаго апостола Іоанна, обитавшаго съ своими учениками

(1) Фил. IV, 3.
(2) Евсев. Церк. Ист., кн. II, гл. 24.

въ странахъ Азіи, на островъ Патмосъ; по этой причинѣ апостолъ Іоаннъ поспѣшилъ поставить епископомъ въ Смирну своего ученика Вукола, назначивъ ему помощникомъ другаго своего ученика Поликарпа, и такимъ образомъ отправился въ заточеніе съ своимъ ученикомъ Прохоромъ. По прибытіи въ Смирну, Вуколъ рукоположилъ Поликарпа въ пресвитеры; приближаясь къ смерти, онъ собралъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ, весь клиръ и всѣхъ христіанъ, извѣстилъ ихъ о своей предстоящей кончинѣ, а вмѣстѣ и о томъ, что онъ пресвитера Поликарпа считаетъ достойнѣйшимъ своимъ преемникомъ; всѣ епископы, клиръ и народъ съ большою радостію приняли Поликарпа. Въ жизнеописаніи же святаго Игнатія находится извѣстіе о томъ, что Еводій былъ первымъ антіохійскимъ епископомъ; послѣ него тамъ же сдѣланъ епископомъ св Игнатій, по совѣту всѣхъ апостоловъ.

При этихъ указаніяхъ рождается вопросъ: какимъ образомъ непосредственные преемники Апостоловъ были поставлены епископами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ съ несомнѣнностью можно найти только въ образѣ дѣйствій апостоловъ при поставленіи апостоловъ: Матѳія, Павла и Варнавы и при поставленіи семи діаконовъ. Потому что въ исторіи Евсевія и жизнеописаніяхъ святыхъ не ясно говорится объ образѣ поставленія Симеона преемникомъ апостолу Іакову на епископствѣ Іерусалима, и мы не знаемъ, какъ апостолъ Павелъ поставилъ Тимоѳея епископомъ Ефеса, кромѣ того, что онъ былъ избранъ и рукоположенъ сообразно съ бывшими о немъ пророчествами ([1]), вслѣдствіе чего и его посвященіе на-

([1]) I Тим. I, 18.

зывается дарованіемъ даннымъ ему по пророчству ([1]); относительно поставленія Тита епископомъ Крита, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что апостолъ Павелъ поставилъ его епископомъ по тѣмъ же правиламъ, которыя онъ самъ начерталъ ему въ первой главѣ своего посланія, показывая какихъ лицъ онъ долженъ поставлять въ епископскія и пресвитерскія званія и должности; намъ также не извѣстно, какъ былъ поставленъ апостоломъ Іоанномъ Вуколъ епископомъ смирнскимъ, равно не извѣстенъ и образъ поставленія Лина епископомъ римскимъ по смерти апостоловъ Петра и Павла. Между тѣмъ, изъ священнаго писанія намъ извѣстно, что соборомъ были избраны Матѳій, Павелъ и Варнава въ апостолы и семь мужей въ діаконы; да и изъ жизнеописаній святыхъ мы знаемъ, что Вуколъ, епископъ смирнскій, поставленный апостоломъ Іоанномъ, когда приближался къ своей смерти — собралъ епископовъ, клиръ и народъ, чтобы вмѣстѣ съ ними избрать себѣ преемника, и слѣдовательно онъ въ собраніи, т. е. на соборѣ избралъ святаго Поликарпа, что святый Игнатій былъ поставленъ епископомъ въ Антіохію по согласію всѣхъ апостоловъ. Поэтому, на основаніи этихъ неопровержимыхъ доказательствъ мы заключаемъ: непосредственные преемники апостоловъ были избираемы и поставляемы въ епископы тѣмъ же самымъ образомъ, какой мы кратко изобразили выше, при избраніи Матѳія, Павла и Варнавы въ апостолы и при поставленіи семи мужей въ діаконы, словомъ, соборнымъ образомъ.

([1]) I Тим. IV, 14.

§ 272. Дальнѣйшія доказательства изъ періода гоненій объ образѣ поставленія епископовъ посредствомъ выбора со стороны клира и народа.

Хотя и при разсмотрѣніи доказательствъ періода гоненій о поставленіи епископовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что оно совершалось соборнымъ и совѣщательныхъ образомъ, согласно примѣру апостоловъ Господа и епископовъ, бывшихъ не посредственными преемниками апостоловъ; однако мы считаемъ необходимымъ освѣтить наше мнѣніе подлинными доказательствами того, что въ церкви Христовой и во времена гоненій продолжался и соблюдался принятый и утвержденный апостолами и мужами апостольскими образъ поставленія епископовъ. А именно весь клиръ и весь народъ были проникнуты убѣжденіемъ въ томъ, что они могутъ сохранить свое церковное существованіе только при посредствѣ взаимной любви и общенія въ случаяхъ нужды, т. е. при помощи братскихъ собраній и совѣщаній о церковныхъ дѣлахъ, что залогъ ихъ церкви зависитъ отъ мудраго и братскаго образа дѣйствій на собраніяхъ, дабы этимъ путемъ не только узнавать другъ друга, но и устроять и рѣшать свои церковныя дѣла, касающіяся и каждаго въ частности, и всѣхъ вообще; словомъ, клиръ и народъ, руководясь примѣрами апостоловъ и мужей апостольскихъ, — которые они считали обязательнымъ для себя закономъ и правомъ,—старались соблюдать выборный порядокъ при поставленіи епископовъ, хотя это и было, какъ извѣстно, сопряжено для нихъ со многими затрудненіями и опасностью для жизни, осо-

бенно во время страшныхъ гоненій, воздвигнутыхъ противъ нихъ императорами. Они не ужаснулись передъ всѣмъ этимъ, чтобы только сохранить въ дѣлахъ церкви унаслѣдованную отъ Христа чрезъ апостоловъ соборную форму.

Въ подтвержденіе сего мы приводимъ: 1) свидѣтельство Кипріана, епископа карѳагенскаго, третьяго вѣка, который въ 52, а по другимъ въ 54 письмѣ ([1]) писалъ, что «Корнелій поставленъ епископомъ благодатію Божіею по свидѣтельству всѣхъ клириковъ и всего народа, присутствовавшаго при избраніи соборомъ старшихъ священниковъ и лучшихъ мужей»; 2) въ жизнеописаніи святыхъ подъ 2-мъ января о Сильвестрѣ, епископѣ римскомъ, говорится, что «онъ, по достиженіи тридцатилѣтняго возраста, былъ посвященъ во діаконы Мильтіадомъ, или по другимъ Мелхіадомъ, епископомъ римскимъ, а послѣ его смерти, избранный всѣми, былъ поставленъ въ епископы Рима и управлялъ римскою церковью отъ 314 до 335 г.

§ 273. О поставленіи епископовъ во времена вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что во времена вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ поставленіе епископовъ совершалось по образу наслѣдованному отъ апостоловъ, который, какъ законная норма, соблюдался мужами апостольскими и всею церковью въ первые три вѣка.

Изъ безчисленнаго множества достовѣрныхъ доказательствъ, которыми мы могли бы подтвердить свое мнѣніе, приведемъ только нѣкоторыя изъ жизнеописаній святыхъ:

([1]) S. Cypr. Oper. Edit. Paris, 1866.

1) Подъ 18-мъ января мы читаемъ объ Аѳанасіѣ Великомъ, что послѣ смерти Александра, сдѣлался александрійскимъ епископомъ Аѳанасій, единодушно избранный вѣрными въ 328 году;

2) Подъ 25-мъ февраля говорится о Тарасіѣ, что послѣ того, какъ Павелъ, константинопольскій патріархъ, уединился въ монастырь, «Флоръ» и императрица Ирина, въ своемъ дворцѣ, называемомъ «Магнавра», собрали всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и весь народъ для избранія патріарха, и всѣ подали голосъ, чтобы ихъ патріархомъ былъ Флоръ, а никто либо другой, въ 783 году;

3) Подъ 18 февраля: что Левъ, родомъ изъ Италіи, съ юношества воспитанный въ познаніи мудрости и добрыхъ дѣлъ, былъ сначала діакономъ при папѣ Сикстѣ, а послѣ его смерти избранъ на каѳедру Римской церкви (440 – 461 г.).

4) Подъ 12 февраля: что Мелетій, родомъ изъ Великой Арменіи, свѣдущій во всѣхъ мірскихъ наукахъ и святыхъ догматахъ вѣры, украшенный добродѣтелями и любимый всѣми, былъ принужденъ православными принять управленіе Церковію, сначала въ Севастіи, потомъ въ Беріи Сирійской и наконецъ на архіепископской каѳедрѣ въ Антіохіи (359 – 375 г.).

5) Подъ 12 марта: что послѣ Пелагія, римскаго папы, умершаго въ 590 году, всѣ единогласно избрали римскимъ папою Григорія, прозваннаго «Двоесловомъ» за его прекрасныя поученія; онъ былъ игуменомъ монастыря святаго Андрея близъ Рима (590 г.).

6) Подъ 13 ноября: что святый Іоаннъ Златоустъ былъ избранъ въ епископы по общему согласію клира и народа ([1]).

([1]) Историкъ Сократъ, кн. IV, гл. 2.

Въ заключеніе мы позволяемъ себѣ указать на книгу святаго Іоанна Златоуста «о священствѣ» тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые пожелали бы лучше убѣдиться въ дѣйствительности правъ, принадлежащихъ клиру и народу при избраніи епископовъ и священниковъ

§ 274. Клиръ и вѣрный народъ имѣли одинаковыя права при избраніи епископовъ.

Что клиръ и народъ пользовались равными правами при избраніи епископовъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что это требуется существомъ христіанской церкви, которой Глава Христосъ, а ея члены — пастыри и христіане, получившіе отъ своего Главы однѣ и тѣ же обязанности и одни и тѣ же права. Поэтому, начиная съ примѣра апостоловъ и до послѣдующихъ вѣковъ, мы не находимъ никакого различія въ участіи клира и народа при выборѣ епископовъ, какъ это довольно ясно можно видѣть изъ вышеизложеннаго; кромѣ того мы сошлемся еще здѣсь 1) на историка Сократа, который во 2-й главѣ 6-й книгѣ, при описаніи избранія святаго Іоанна Златоустаго въ епископа, свидѣтельствуетъ, что оно произошло съ общаго согласія всего клира и народа; — 2) на историка Θеодорита, который въ 7-й главѣ 1-й книги свидѣтельствуетъ объ Евстаѳіи Антіохійскомъ, что онъ былъ склоненъ епископами, пресвитерами и всѣмъ народомъ принять епископскій санъ; 3) На Льва, папу римскаго, который въ 68-мъ письмѣ ([1]) къ Аѳанасію пишетъ: «когда объ избраніи епископа будетъ разсужденіе, то всѣмъ долженъ быть

([1]) Bingham par. II lib. III, стр. 1385.

предпочтенъ тотъ, котораго единогласно потребуютъ клиръ и народъ; если же голоса раздѣлятся на партіи относительно лица, то судомъ митрополита долженъ быть предпочтенъ другому тотъ, который отличается и бо́льшею ученостью и бо́льшими заслугами». 4) На пятое правило лаодикійскаго собора, которое опредѣляетъ, что «избраніе въ церковные степени не должно быть въ присутствіи слушающихъ».

Изъ этихъ и изъ многихъ другихъ достовѣрныхъ, признанныхъ доказательствъ, которыхъ мы не приводимъ здѣсь въ виду краткости, слѣдуетъ, что клиръ и вѣрный народъ пользовались одинаковыми правами при избраніи епископовъ.

§ 275. Какое значеніе имѣло избраніе епископа, совершаемое клиромъ и народомъ?

Избраніе епископа, совершаемое клиромъ и народомъ, имѣло не только фактическую, но и юридическую силу (1); это доказывается: 1) 68-мъ, а по инымъ изданіямъ 67-мъ, посланіемъ Кипріана, епископа Карѳагенскаго, въ которомъ онъ пишетъ своимъ испанскимъ братіямъ: «Предъ всѣмъ сонмомъ (Числ. XX. 25, 26) повелѣваетъ Господь поставить священника, т. е. учитъ и показываетъ, что поставленіе священника не иначе должно быть совершаемо, какъ съ вѣдома предстоящаго народа, чтобы присутствующіе могли и открыть преступленія злыхъ и возвѣстить заслуги добрыхъ, и чтобы такимъ образомъ поставленіе было справедливо и законно, какъ основанное на общемъ приговорѣ и судѣ» (2); 2) сло-

(1) т. е. утверждалось не только на практикѣ, а и на законѣ.

(2) Bingam. par. II, стр. 98 сн. твор. Кипр. стр. 269—270. По русс. перев.

вами папы Льва, который излагаетъ и правила и практику Церкви касательно избранія епископовъ, когда пишетъ: «никто да не рукополагается къ тѣмъ, которые не приглашаютъ и не просятъ, дабы принужденный народъ не сталъ или презирать или ненавидѣть неизбраннаго епископа, и не сдѣлался бы менѣе благочестивъ, чѣмъ слѣдуетъ, когда ему не дозволятъ имѣть того, кого онъ хочетъ» (¹); 3) словами императора Валентиніана, вмѣнявшаго Арелатскому епископу Иларію въ величайшее преступленіе то, что онъ «непристойно поставлялъ нѣкоторыхъ, не смотря на нежеланіе и противодѣйствіе гражданъ; такъ какъ таковые не легко были принимаемы не избиравшими ихъ, то онъ привлекалъ къ себѣ вооруженную силу и войною возводилъ на каѳедру тишины — проповѣдниковъ мира (²). И папа Левъ порицаетъ дѣйствіе епископа Иларія и показываетъ ему, что онъ долженъ былъ идти по другому пути, когда увѣщеваетъ его: «да уважаются вѣрныя заявленія гражданъ, свидѣтельства народа; да соблюдаются воля почетнѣйшихъ лицъ, выборъ клириковъ; да избирается всѣми тотъ, кто имѣетъ начальствовать надъ всѣми» (³). Изъ всего этого слѣдуетъ, что совершаемое клиромъ и народомъ избраніе епископовъ основывается не только на силѣ практики, а и на силѣ закона; а потому никто не можетъ быть навязанъ въ епископы клиру и вѣрному народу, кто не былъ избранъ ими и кто не угоденъ имъ.

(¹) Bing. par. 11, стр. 99.

(²) Bingam. par. 11 стр. 99.

(³) Bing. par. 11 стр. 99

§ 276. Что опредѣляютъ правила о поставленіи епископовъ?

Чтобы по возможности отвѣтить на вопросъ, что опредѣляютъ правила относительно поставленія епископовъ, необходимо напередъ привести самыя правила или, лучше сказать, нѣкоторыя изъ многихъ правилъ, относящихся къ разрѣшенію сего вопроса, потому что сжатость изложенія этого труда не позволяетъ намъ привести всѣхъ, относящихся сюда, правилъ. Хотя мы и разсуждали до сихъ поръ объ этомъ важномъ предметѣ на основаніи *Дѣяній Апостоловъ*, примѣровъ мужей апостольскихъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ практики, дѣйствовавшей въ церкви въ теченіи многихъ вѣковъ, которая, поколику основывается на Священномъ Писаніи, имѣетъ силу каноновъ; тѣмъ не менѣе, чтобы дать отвѣтъ на предложенный вопросъ, мы охотно обращаемся къ прекрасному и обширному полю правилъ, дабы почерпнуть изъ нихъ свѣдѣнія о соборныхъ опредѣленіяхъ, и рѣшить нашу задачу съ надлежащею добросовѣстностію. Изъ многихъ правилъ, принимаемыхъ православною Церковью, относительно постановленія епископовъ, мы прежде всего упомянемъ, что во всѣхъ, такъ называемыхъ, Апостольскихъ правилахъ нѣтъ ни одного канона, который бы сполна относился къ нашему предмету, но только стороною касаются: 1-е Апостольское правило, которое читается: «Епископа да поставляютъ два или три епископа»; 34-е Апостольское правило, которое говоритъ: «Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ, и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только

то, что касается до его епархіи, и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе, и прославится Богъ и Господь во Святомъ Духѣ, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ». Отъ правилъ Апостольскихъ, переходя къ правиламъ соборовъ, мы приведемъ:

1) 6-е правило 1-го вселенскаго собора, бывшаго въ 325-мъ году, которое опредѣляетъ: «Аще кто, безъ соизволенія митрополита, поставленъ будетъ епископомъ: о таковомъ великій соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быти епископомъ».

2) 19-е правило Антіохійскаго собора, бывшаго въ 341-мъ году: «Епископъ да не поставляется безъ Собора и присутствія митрополита области. И когда сей присутствуетъ, то лучше есть быти купно съ нимъ и всѣмъ тоя области сослужителямъ: и прилично митрополиту созвати ихъ чрезъ посланіе. И аще соберутся всѣ: лучше есть. Аще же сіе неудобно: то большая ихъ часть неотмѣнно да присутствуютъ, или граматами да изъявятъ свое согласіе, и тако, или въ присутствіи, или съ согласіемъ бо̀льшаго числа епископовъ, да совершится поставленіе. Аще же инако, вопреки сему опредѣленію, поступлено будетъ: да не имѣетъ никакой силы поставленіе. Но аще поставленіе совершится, по опредѣленному правилу, а нѣкоторые по своей любопрительности воспрекословятъ: да превозмогаетъ рѣшеніе множайшихъ.»

3) 28-е правило IV вселенскаго собора, 451 года, которое опредѣляетъ, что и митрополиты должны избираться по обычаю и получать поставленіе отъ подлежащаго патріарха.

4) 12-е правило Лаодикійскаго собора, 365 года: «Епископовъ, по суду митрополитовъ и окрестныхъ епископовъ, поставляти на Церковное начальство, и притомъ такихъ, которые съ давняго времени испытаны и въ словѣ вѣры, и въ житіи сообразномъ праву слову.

5) 5-е правило Лаодикійскаго собора: «Избраніе въ церковныя степени не должно быти въ присутствіи слушающихъ.»

6) 13-е правило Лаодикійскаго собора, бывшаго въ 365 году, которое опредѣляетъ: «Да не будетъ позволяемо сборищу народа (¹) избирати имѣющихъ произвестися во священство.»

7) 61-е правило Карѳагенскаго собора, 419 году: «аще когда приступимъ къ избранію епископа и возникнетъ нѣкое прекословіе, понеже были у насъ въ разсмотрѣніи таковые случаи: дерзновенно будетъ тремъ токмо собратися для оправданія имѣющаго рукоположитися: но къ вышереченному числу да присоединится единъ или два епископа: и, при народѣ, къ которому избираемый имѣетъ быти поставленъ, во первыхъ да будетъ изслѣдованіе о лицахъ прекословящихъ: потомъ да присовокупится къ изслѣдованію объявленное ими, и когда явится чистымъ предъ лицемъ народа, тогда уже да рукоположится.»

8) 13-е Правило Карѳагенскаго собора: «Многіе епископы, собравшись да поставляютъ епископа. А по нуждѣ три Епископа, въ какомъ бы мѣстѣ ни были они, по повелѣнію первенствующаго, да поставятъ епископа. И аще кто поступитъ въ чемъ либо вопреки своему согласію или подписанію: самъ себя лишитъ чести.»

(¹) Т. е. безпорядочной толпѣ.

9) 3-е правило VII вселенскаго собора, которое опредѣляетъ: «Всякое избраніе во епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ не дѣйствительно по правилу (30 Апост. прав.)... Ибо имѣющій произвестися во епископа долженъ избираемъ быти отъ епископовъ, якоже святыхъ отецъ въ Никеи опредѣлено въ правилѣ» (Прав. 4)

§ 277. Выводы изъ опредѣленій, содержащихся въ правилахъ соборовъ, о поставленіи епископовъ.

Изъ добросовѣстнаго сопоставленія по буквѣ и духу соборныхъ опредѣленій о поставленіи епископовъ слѣдуетъ:

1) Что съ теченіемъ времени явилась неизбѣжная необходимость регламентаціи на нѣкоторые частные случаи, относящіеся къ поставленію епископовъ, которая не разрушала основнаго закона и практики первыхъ вѣковъ, слѣдовательно—не уничтожала права, которымъ пользовались клиръ и вѣрный народъ при поставленіи епископовъ еще со временъ Апостоловъ и апостольскихъ мужей и съ трехъ первыхъ вѣковъ, каковое правило должно было соблюдаться и послѣ;

2) что сущность этой регламентаціи касается правила, опредѣляющаго участіе клира и народа, епископскихъ соборовъ и митрополита, а именно: клиръ и народъ участвуютъ при избраніи епископовъ чрезъ своихъ представителей — правомъ выбирать и представлять кандидатовъ; епископскій сѵнодъ участвуетъ при выборѣ новаго епископа—правомъ разсуждать о кандидатахъ и изслѣдовать качества ихъ и правомъ извѣщать митрополита о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій; наконецъ, митрополитъ

участвуетъ при выборѣ новаго епископа—правомъ верховнаго обсужденія дѣйствій представителей клира и народа и епископскихъ сѵнодовъ, а равно и правомъ нареченія и поставленія въ епископы достойнѣйшаго по его мнѣнію и способнѣйшаго изъ кандидатовъ, а также правомъ неутвержденія избирательнаго акта въ томъ случаѣ, когда онъ не удовлетворится ни однимъ изъ кандидатовъ.

3) что 5 и 13 правила Лаодикійскаго собора, предписывающія, чтобы избраніе во священство ни совершалось въ присутствіи служащихъ» ни дозволялось сборищу, — что эти правила устраняютъ отъ выбора и представленія кандидатовъ, имѣющихъ быть рукоположенными въ пресвитеры и епископы, только безпорядочную чернь, а не почтенныхъ лицъ клира и народа, т. е. не представителей ихъ; потому что въ толкованіи на эти правила въ Пидаліонѣ мы читаемъ, что епископы должны избираться епископами и пресвитерами, съ участіемъ и народнаго избранія, и что благоразумнымъ и благочестивымъ мірянамъ приличествуетъ вмѣстѣ съ епископами и пресвитерами участвовать въ избраніи того, кто имѣетъ поступить къ нимъ пресвитеромъ или епископомъ, а не и необразованной и безпорядочной черни по причинѣ безпорядковъ, могущихъ произойти при ихъ выборѣ, когда одни избирали бы одного, а другіе другаго;

4) что епархіальные епископы обязаны являться на соборъ, по приглашенію митрополита, для испытанія представленнаго епархіальнымъ клиромъ и народомъ кандидата на епископскую степень и извѣстить митрополита о послѣдствіяхъ;

5) что епископы, не могущіе участвовать въ соборѣ, по уважительнымъ причинамъ, обязаны письменно заявить о своемъ мнѣніи;

6) что въ случаѣ,—если бы епископы, собравшіеся на соборъ для избранія епископа, разошлись между собою въ мнѣніяхъ и ихъ было не болѣе трехъ,—то въ такомъ случаѣ должны быть приглашены еще одинъ или два епископа, и когда число избирателей такимъ образомъ возрастетъ, дѣло объ избраніи должно быть переслѣдовано передъ тѣмъ самымъ народомъ, для котораго избирается епископъ, и хиротонія можетъ быть совершена только тогда, если избранный во епископы окажется чистымъ и невиннымъ въ глазахъ его будущаго вѣрнаго народа;

7) что не дозволяется никакому епископу поступать вопреки своему мнѣнію и своей подписи, однажды даннымъ имъ на соборѣ (при избраніи), потому что въ такомъ случаѣ онъ самъ лишаетъ себя своей чести;

8) что митрополиты избираются такимъ же образомъ, какъ и епископы, и рукополагаются мѣстнымъ патріархомъ, если они будутъ избраны изъ званія пресвитеровъ. Само собою разумѣется, что въ томъ случаѣ, если въ митрополиты будетъ избранъ епископъ, то никакая хиротонія не можетъ имѣть мѣста, потому что кромѣ хиротоніи епископа нѣтъ хиротоніи высшей; такъ какъ между епископами и митрополитами и между митрополитами и патріархами не существуетъ никакого таинственнаго различія, а есть только различіе чести, относящейся къ порядку каѳедръ ихъ: митрополитъ считается первымъ между епископами, патріархъ первымъ между митрополитами;

9) что избраніе, совершенное мірскими начальниками, не дѣйствительно и не можетъ быть приведено въ исполненіе, потому что такое избраніе запрещено 3-мъ апостольскимъ правиломъ и 3-мъ правиломъ VII вселенскаго Никейскаго собора.

§ 278. Объ избраніи нѣкоторыхъ епископовъ посредствомъ откровенія и указанія Божія.

Случалось, что нѣкоторые поставлялись въ епископы на основаніи откровенія и указанія Божія. Это видно изъ слѣдующихъ достовѣрныхъ случаевъ. Такъ: 1) въ книгѣ «Дѣяній Апостоловъ» (гл. 13, ст. 2) мы читаемъ, что когда апостолы, собравшись вмѣстѣ, служили Господу и постились, Духъ Святый сказалъ имъ: *отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому Я призвалъ ихъ*; 2) въ 1-мъ посланіи святаго апостола Павла къ Тимоѳею (гл. 1, ст. 18) говорится, что Тимоѳей былъ избранъ и поставленъ епископомъ Ефесса *сообразно съ бывшими о немъ пророчествами*; 3) Евсевій въ 11 гл. IV кн. пишетъ: «когда по преклонной старости Наркисъ не могъ уже исправлять свое служеніе, тогда, по домостроительству Божію, избранъ былъ въ сотрудники ему епископъ другой церкви, Александръ, получившій по сему случаю въ одну ночь откровеніе. Послѣдуя какъ бы божественному мановенію, онъ изъ Каппадокіи, гдѣ прежде былъ епископомъ, отправился въ Іерусалимъ для молитвы и посѣщенія святыхъ мѣстъ и принятъ былъ братіями дружелюбно, такъ что они не хотѣли отпускать его домой, ссылаясь равнымъ образомъ на откровеніе, видѣнное ими въ туже самую ночь, и даже— на ясный голосъ, который слышали благочестивѣй-

шіе между ними. Сей голосъ повелѣвалъ выдти за врата города, для принятія назначеннаго имъ отъ Бога епископа ([1])»; 4) подобный примѣръ мы находимъ въ избраніи другаго Александра, прозваннаго Угольщикомъ, епископа Команскаго, о которомъ святый Григорій Нисскій упоминаетъ въ жизнеописаніи святаго Григорія чудотворца. Этотъ Александръ былъ языческій философъ, мужъ весьма ученый, и принялъ христіанскую вѣру съ тѣмъ, чтобы удалиться отъ почестей и продолжать въ уединеніи свои философскія занятія. По причинѣ великаго смиренія, онъ занимался продажею угля, отчего и получилъ названіе угольщика. Случилось къ этому времени, что епископская каѳедра въ Команѣ сдѣлалась празднoю. Граждане отправили къ святому Григорію чудотворцу посольство съ просьбою, чтобы онъ пришелъ поставить имъ епископа. Но—поелику избиратели не были согласны между собою,—то кто-то для смѣха предложилъ въ епископы Александра угольщика. Какъ скоро Чудотворецъ, по особому откровенію, узналъ о немъ, какъ о мужѣ особенныхъ добродѣтелей, который, только чтобы не слыть почетнымъ лицемъ, занимается неприличною торговлею углемъ, и какъ скоро стало извѣстнымъ, вслѣдствіе точнаго розыска, что онъ дѣйствительно отличается знаніями и добродѣтелями, какимъ явился въ откровеніи святому Григорію Чудотворцу, то онъ единогласно всею церковью былъ избранъ въ епископы Команы, и Григорій тотчасъ же рукоположилъ его и во епископы ([2]).

([1]) Евс Церк. Ист., кн. IV, гл. 11, стр. 337, по рус. пер.

([2]) Bing. par. II, стр. 185.

§ 279. Нарушеніе византійскими императорами практики и правилъ относительно поставленія епископовъ.

Нарушеніе византійскими императорами практики и правилъ относительно поставленія епископовъ послѣдовало подъ предлогомъ прекращенія возмущеній, имѣвшихъ мѣсто при томъ или другомъ избраніи епископа. (1). Чтобы избѣжать этихъ возмущеній, императоры, силою своей императорской власти, назначали новаго епископа. Такой случай мы находимъ у историка Созомена въ 8-й гл. VII книги, гдѣ онъ пишетъ: «едва только народъ (2) началъ совѣщаться относительно вновь избираемаго епископа, какъ императоръ Θеодосій Великій уже приказалъ епископамъ написать ему имена тѣхъ, которыхъ они считали достойными епископскаго сана, и, не дождавшись мнѣнія епископовъ, самъ назначилъ епископомъ константинопольскимъ Нектарія, который былъ только оглашеннымъ и еще не былъ крещенъ. Епископы были принуждены тотчасъ крестить его и рукоположить (3)». Историкъ Сократъ въ 29-й гл. VII книги разсказываетъ также подобный случай, а именно: «по смерти константинопольскаго патріарха Сисиннія, самодержцы, ради людей тщеславныхъ, не заблагоразсудили рукоположить на епископство кого либо изъ кон-

---

(1) Возмущенія эти такъ бывали велики и ужасны, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превращались въ междуусобія (см. для прим. Цер. Ист. Созомена, VI, 23. Сократа IV, 29, Ruf II, 11. Marcel. Hist. XVII, 3. Перев.

(2) Въ подлинномъ разсказѣ Созомена объ этомъ избраніи не упоминается о народѣ (Церк. Ист. Созомена кн. VII, гл. 8). Авторъ и вообще этотъ разсказъ представляетъ нѣсколько иначе (см. Цер. Ист. Созом. кн. VII, гл. 8). Перев.

(3) Bing par. II, стр. 112.

стантинопольской церкви, хотя многимъ хотѣлось имѣть епископомъ Филиппа и многимъ Прокла,—но положили вызвать иноземца изъ Антіохіи. Черезъ три мѣсяца явился Нектарій (1)».

Что эти и еще нѣкоторыя другія назначенія, записанныя тѣмъ же историкомъ Сократомъ, совершившіяся по императорскому повелѣнію, не могутъ быть оправданы тѣмъ, будто бы они совершались не съ намѣреніемъ нарушить право выбора, принадлежавшее клиру и народу, а съ цѣлію предотвратить въ подобныхъ случаяхъ возмущенія,—это понятно само собою; потому что по общему правилу одна несправедливость не можетъ сдѣлаться справедливостію, благодаря другой несправедливости, т. е. одно нарушеніе, направленное противъ какого либо права, не можетъ быть исправлено другимъ нарушеніемъ, направленнымъ противъ того же самаго права. Мы утверждаемъ это тѣмъ съ большею силою, что, какъ показано въ § 276, церковное законодательство заботилось о прекращеніи безпорядковъ при выборахъ; оно опредѣлило устранить безпорядочную чернь отъ выборовъ; а въ случаяхъ безпорядковъ митрополитъ и епископы, въ увеличенномъ числѣ, должны были разобрать дѣло предъ тѣмъ самымъ народомъ, для котораго будетъ избираться и поставляться новый епископъ; хиротонія же могла послѣдовать только тогда, если новоизбранный окажется чистымъ и невиннымъ въ глазахъ мѣстнаго народа. Въ отношеніи къ подобнымъ безпорядкамъ вліяніе гражданскаго правительства должно простираться только до бдительной заботы о томъ, чтобы подобные, встрѣчающіеся на

---

(1) Совр. Церк. Ист., кн. VII, гл. 29, стр. 253—254, по рус. пер.

церковныхъ собраніяхъ, безпорядки не переходили въ междуусобія, потому что извѣстно, что уврачеваніе всякого, возникающаго въ области церкви зла, легче можетъ быть совершено каноническими мѣрами, чѣмъ насильственными средствами; потому что каноническія разъясненія дѣла вразумляютъ заблуждающихъ, напротивъ насильственныя мѣры только возбуждаютъ умы и вызываютъ недовольство, а это не можетъ быть согласно и съ выгодами правительства.

Подобныя нарушенія императорами права выбора, представляя собою рѣдкія и частныя явленія въ церковной жизни, не могутъ служить къ укору ни права церкви ни набожности упомянутыхъ императоровъ въ дѣлѣ ихъ вниманія къ соборнымъ постановленіямъ и соблюденію ихъ; потому что византійскіе императоры сами сознавались, что имъ не принадлежитъ никакого права суда въ дѣлахъ церковныхъ ([1]). И вмѣшательство упомянутыхъ императоровъ въ права выбора, принадлежавшія клиру и народу, должно быть приписано болѣе ихъ ревности о благѣ церкви, чѣмъ намѣренію нарушить каноническія правила.

§ 280. Іерархія допускала исключенія въ способѣ поставленія епископовъ.

Какъ вообще всякое общее правило допускаетъ тѣ или другія основательныя исключенія, такъ въ частности и общее правило о правѣ, принадлежащемъ клиру и народу въ избраніи епископовъ, допускаетъ нѣкоторыя исключенія, которыя могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія общаго блага церкви. Подобныя исключенія въ способѣ поставленія епископовъ

([1]) Authorismos, стр. 78—80 и § 19 этого сочиненія.

допускались іерархіею въ необходимыхъ случаяхъ, а именно:

1) Въ случаѣ, когда клиръ и народъ подозрѣвались въ какой либо ереси. Извѣстно, что аріанство и донатизмъ— двѣ опасныя для церкви ереси—увлекли многихъ изъ православныхъ клириковъ и мірянъ и вожди этихъ ересей всѣми мѣрами старались усилиться и распространить свое вліяніе; особенно же не пренебрегали они никакими усиліями и никакими средствами чтобы, при замѣщеніи какой либо епископской каѳедры, былъ избранъ человѣкъ ихъ партіи.

Чтобы въ подобныхъ случаяхъ, такимъ образомъ, не только не подвергались опасности, но были сохранены спокойствіе и цѣлость православной церкви, іерархія вполнѣ находила полезнымъ не предоставлять клиру и народу пользоваться правомъ избранія епископа, но она сама, выбравъ новаго епископа на епископскомъ соборѣ, посылала его въ епархію, не смотря на согласіе или несогласіе клира и народа, даже не обращая вниманія на согласіе или несогласіе новоизбраннаго епископа; потому что епископскій соборъ въ соучастіи митрополита пользовался правомъ,—если бы тотъ отказывался пойдти въ епархію,—принудить его къ тому по смыслу 17-го правила Антіохійскаго собора, которое опредѣляетъ: «аще который епископъ, пріявъ рукоположеніе во епископа, и бывъ опредѣленъ начальствовати надъ людми, не пріиметъ служенія и не согласится пойти во врученную ему церковь: таковый да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго, доколѣ бывъ понужденъ, не пріиметъ служенія, или доколѣ не постановитъ о немъ какого либо опредѣленія совершенный соборъ еписко-

повъ тоя области». Но могло случиться, что новаго епископа, избраннаго соборомъ епископовъ въ праздную епархію, никакимъ образомъ не принимали епархіальные клиръ и народъ, потому что онъ не избранъ клиромъ и народомъ; въ такомъ случаѣ этотъ епископъ, по смыслу 18 правила Антіохійскаго собора, могъ участвовать «въ чести и служеніи епископскомъ, токмо ни мало не вмѣшиваясь въ дѣла церкви, гдѣ пребываетъ, и да ожидаетъ, что опредѣлитъ о немъ совершенный соборъ тоя области по представленіи въ оный дѣла».

2) Въ случаѣ, когда былъ нуженъ епископъ для отдаленной мѣстности и для народа варварскаго; такъ Аѳанасій Великій съ соборомъ епископовъ избралъ Фрументія въ епископы Индіи, и въ такомъ его дѣйствіи никто не видѣлъ нарушенія правъ выбора; еще также былъ избранъ епископскимъ соборомъ въ Константинополѣ и на основаніи 28 правила IV вселенскаго собора рукоположенъ патріархомъ епископъ Томи, въ Скиѳіи, которая считалась страною, обитаемою варварами.

3) Въ случаѣ—когда между клиромъ и народомъ возникало несогласіе во время выбора,—то, для прекращенія раздора и уничтоженія всякаго дальнѣйшаго бѣдствія, митрополитъ созывалъ соборъ епископовъ, который, немедленно избравъ епископа, посылалъ его въ извѣстную епархію. Такое соборное распоряженіе всегда сопровождалось добрыми послѣдствіями; потому что клиръ и народъ были довольны, видя, что соборъ посылалъ къ нимъ епископа, стоявшаго внѣ ссорившихся партій.

4) Въ случаѣ, если бы епископъ, оставшійся безъ

епархіи не по своей винѣ, а по причинѣ непринятія его жителями епархіи, сталъ вербовать себѣ партію въ праздной епархіи, которая бы избрала его своимъ епископомъ; то такой предосудительный поступокъ вызывалъ осужденіе со стороны епископскаго собора и митрополита, и такой епископъ, по смыслу 16 правила Антіохійскаго собора, не признавался, хотя бы онъ былъ избранъ всѣмъ клиромъ и народомъ; но приступали къ новому выбору, и, въ случаѣ сопротивленія клира и народа, избирали новаго епископа—соборъ епископскій и митрополитъ.

5) Въ случаѣ, если бы кто либо, будучи посланъ митрополитомъ въ какую нибудь праздную епархію съ тѣмъ, чтобы сдѣлать тамъ необходимыя приготовленія для каноническаго избранія будущаго епископа, успѣлъ навербовать партію, которая избрала бы его; то такое избраніе отвергалось, не смотря на многочисленность и даже единодушіе голосовъ.

Перечисленныя основанія достаточно оправдываютъ собою допущенныя іерархіею исключенія изъ общаго правила выбирать епископовъ клиромъ и народомъ. Эти исключенія представляются только благодѣтельными мѣрами для поддержанія надлежащаго порядка,—какъ въ отношеніи къ домогавшимся какой либо епископской каѳедры, такъ и въ отношеніи къ клиру и народу, чтобы они не злоупотребляли правомъ избранія епископовъ.

§ 281. Законы объ избраніи епископовъ, изданные императоромъ Юстиніаномъ.

Законы объ избраніи епископа, изданные императоромъ Юстиніаномъ, заключаются въ тѣхъ двухъ поста-

новленіяхъ ([1]), которыя онъ нашелъ полезнымъ издать для узаконенія внѣшней формы епископскихъ выборовъ, для поддержанія значенія церковной іерархіи, и предотвращенія безпорядковъ со стороны клира и народа. Этими двумя постановленіями Юстиніанъ узаконилъ: если откроется нужда рукоположить епископа, то немедленно должны быть избраны духовенствомъ и почетнѣйшими изъ граждан, для которыхъ нужно поставить епископа, три лица и въ избирательномъ актѣ они должны объяснить, что при выборѣ они руководствовались не подкупами или какими нибудь обѣщаніями или другими, личными соображеніями; напротивъ, избрали такихъ, о которыхъ знаютъ, что они православные, ведутъ честную жизнь и свѣдущи въ наукахъ, дабы митрополитъ, согласно сдѣланному выбору и суду епископовъ, могъ рукоположить достойнѣйшаго.

Изъ этого императорскаго закона видно, что въ шестомъ столѣтіи, когда жилъ Юстиніанъ, клиръ и народъ пользовались правомъ избирать себѣ епископовъ. Хотя оба эти постановленія императора Юстиніана можно разсматривать какъ выводъ изъ 13 правила Лаодикійскаго собора; но, поелику ими ограничивается свободный выборъ клира и народа, то они не были признаны и приняты церковнымъ законодательствомъ; это доказывается тѣмъ, что V вселенскій соборъ, бывшій во времена того же самаго императора Юстиніана, не включилъ упомянутыхъ двухъ императорскихъ постановленій въ составъ своихъ правилъ, даже и VI и VII вселенскіе соборы, бывшіе

([1]) Новелла 123, гл. I, и новелла 137, гл. II.

въ седьмомъ и осьмомъ вѣкахъ не дѣлаютъ никакого упоминанія о нихъ; слѣдовательно тѣ императорскія постановленія, относящіяся до выбора епископовъ клиромъ и народомъ, игнорировались іерархіею и церковнымъ законодательствомъ, поелику іерархія и законодательство строго держались вышеизложенныхъ правилъ и практики церкви при избраніи епископовъ.

§ 282. О новеллѣ императора Мануила Комнина касательно выбора епископовъ.

Императоръ Мануилъ Комнинъ, царствовавшій съ 1143 до 1180 года, 14-го іюля 1166 года издалъ новеллу объ избраніи епископовъ; этою новеллою онъ узаконяетъ, въ случаѣ если всѣ избиратели не будутъ одного и того же мнѣнія, но нѣкоторые не согласятся съ мнѣніемъ большинства, или—если мнѣнія раздѣлятся поровну—то должно имѣть перевѣсъ то мнѣніе, на сторонѣ котораго будетъ предсѣдательствующій суда, которому необходимо оказать уваженіе, т. е. на сторонѣ котораго будетъ мнѣніе митрополита, какъ предсѣдателя собора епископовъ.

Вальсамонъ, въ толкованіи на 6 правило I вселенскаго собора, въ которомъ опредѣляется порядокъ патріарховъ и права̀ митрополитовъ при избраніи епископовъ, въ томъ смыслѣ, что епископъ долженъ быть избираемъ большинствомъ голосовъ собравшихся на соборъ епископовъ, и что безъ митрополита никто не можетъ быть поставленъ епископомъ (§ 147 и 149), — разсказываетъ случай,—кто то спрашивалъ: нужно ли при избраніи епископовъ, держаться 6 правила I вселенскаго собора, или новеллы императора Мануила. На это одни отвѣчали, что въ дѣлахъ церков-

ныхъ нельзя поступать по императорскимъ повелламъ, но въ церковныхъ дѣлахъ имѣютъ силу древніе каноны и правила, постановленыя въ согласіи съ канонами; другіе напротивъ утверждали противное, говоря, что новелла имѣетъ силу для всего міра и въ каждомъ случаѣ и что она служитъ общимъ узаконеніемъ. Вальсамонъ послѣ сего на тотъ же вопросъ говоритъ: и мнѣ не думается, чтобы новелла могла имѣть значеніе при церковныхъ выборахъ или въ церковныхъ вопросахъ, хотя бы новелла и не разрушала каноническаго преданія.

Мы также раздѣляемъ мнѣніе Вальсамона и поддерживаемъ его съ точки зрѣнія права, по которому церкви свойственно издавать законы по всѣмъ дѣламъ принадлежащимъ къ кругу церковной жизни а равно и правила для руководства и законнаго разъясненія вопросовъ, подлежащихъ ея власти.

§ 283. Избраніе епископа сдѣланное мірскою властію и свѣтскими людьми не дѣйствительно.

Этотъ вопросъ рѣшаетъ для насъ 3 правило VII вселенскаго собора, которое опредѣляетъ: «Всякое избраніе во епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ не дѣйствительно по правилу (Апост. прав. 30), которое гласитъ: «аще который епископъ, мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получитъ епископскую въ церкви власть, да будетъ изверженъ, и отлученъ, и всѣ сообщающіеся съ нимъ. Ибо имѣющій произвестися во епископа, долженъ избираемъ быти отъ епископовъ, якоже Святыхъ отецъ въ Никеи опредѣлено въ правилѣ (пр. 4), которое гласитъ: епископа по-

ставляти наиболѣе прилично всѣмъ тоя области епископамъ».

Сіе правило, будучи составлено въ 783 году, достаточно доказываетъ, какъ церковная іерархія оставалась вѣрною тому порядку, который установила Христова церковь положительными правилами въ первые и въ послѣдующіе вѣка для избранія епископовъ; какъ она отвергала насильственное вмѣшательство мірской власти и свѣтскихъ лицъ въ выборы епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, и какъ она для утвержденія прежнихъ правилъ подвергаетъ двоякому наказанію выборы, сдѣланные мірскою властію и свѣтскими людьми; потому что, мы видимъ, отцы сего VII вселенскаго собора, на основаніи 30 апостольскаго правила, опредѣляютъ не только изверженіе, но и отлученіе тому, кто сдѣлался бы епископомъ, пресвитеромъ или діакономъ, благодаря мірской власти и свѣтскимъ лицамъ, а участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ отлучаютъ отъ церкви.

§ 284. Объ образѣ поставленія протоіеревъ, священниковъ и діаконовъ.

Протоіерей, какъ мы указали въ 174 и 175 параграфахъ, есть настоятель клира и народа извѣстнаго уѣзда и надзиратель за поведеніемъ духовенства и мірянъ и исполненіемъ ими обязанностей; за это онъ получаетъ особое содержаніе. Священники же и діаконы, какъ мы раскрыли въ 182 и 183 параграфахъ, суть служители Церкви, которые, по ихъ званію, не только стоятъ къ народу ближе, чѣмъ епископъ и протоіерей, но, такъ сказать, постоянно обращаются среди народа, какъ служители божественнаго слова и какъ раз-

даятели святыхъ таинствъ и совершители прочихъ божественныхъ службъ, въ которыхъ вѣрный народъ почти ежедневно имѣетъ нужду; за такое свое служеніе они получаютъ отъ своихъ прихожанъ содержаніе.

Эти особенности назначенія протоіерея, священника и діакона достаточно указываютъ на права клира и народа при избраніи себѣ протоіерея, а равно какъ и на права народа при выборѣ себѣ священниковъ и діаконовъ.

Святый апостолъ Павелъ, описывая Тимоѳею качества, какія долженъ имѣть кандидатъ священства, говоритъ: *надлежитъ ему также имѣть доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ* ([1]). Извѣстно, что частное свидѣтельство, даваемое отдѣльными лицами, не можетъ имѣть того значенія, какъ свидѣтельство, составленное вслѣдствіе серьезнаго обсужденія на законномъ и правильно созванномъ собраніи; поэтому-то и свидѣтельство для кандидата протоіерейства, священства и діаконства имѣютъ требуемую закономъ силу только въ томъ случаѣ, когда оно дано на основаніи совѣщаній, происходившихъ на уѣздномъ соборѣ о назначаемомъ въ протоіереи или, на основаніи совѣщаній, бывшихъ на приходскомъ соборѣ, о кандидатахъ на священство и діаконство. Отсюда, на основаніи примѣра апостоловъ Господа и ихъ преемниковъ, а равно и на основаніи положительныхъ правилъ, въ нашей церкви установился порядокъ совершать избраніе всѣхъ духовныхъ лицъ, пользующихся содержаніемъ, посредствомъ представителей клира и народа, дабы тѣмъ

([1]) 1 Тимоѳ. Гл. III, 7.

самымъ устранить всякія злоупотребленія при выдачѣ свидѣтельства.

Фактическая сторона этой теоріи заключается въ нижеслѣдующемъ:

I. Для поставленія протоіерея собираются представители уѣзднаго клира и народа на уѣздный соборъ, подъ предсѣдательствомъ консисторскаго коммиссара, согласно съ относящимися до сего предписаніями епархіальнаго сѵнода, совѣщаются о замѣщеніи протоіерейскаго мѣста, выбираютъ одного или нѣсколькихъ и препровождаютъ избирательный актъ вмѣстѣ съ протоколомъ собора епархіальной консисторіи; консисторія разсматриваетъ избирательный актъ и испытываетъ качества избраннаго и представленнаго, и, нашедши все въ порядкѣ, препровождаетъ всѣ акты, съ своимъ мнѣніемъ, къ епархіальному епископу; послѣ чего епископъ, удостовѣрившись, что выборъ совершенъ законно, представленный достоинъ протоіерейскаго сана, опредѣляетъ избраннаго протоіереемъ и поставляетъ, снабжая его ставленною епископскою граматою, которою усвояется ему право исправлять должность протоіерея, и онъ отправляется къ указанному ему кругу дѣятельности.

II. Для поставленія священника или діакона представители прихода собираются на приходскій соборъ подъ предсѣдательствомъ своего протоіерея, согласно съ инструкціею, данною епархіальнымъ сѵнодомъ для подобнаго рода собраній, и, послѣ совѣщаній, приступаютъ къ выбору. По окончаніи всего, протоколъ приходскаго собора, вмѣстѣ съ избирательнымъ актомъ, вручается предсѣдательствующему протоіерею, который передаетъ ихъ въ епархіальную консисторію.

Консисторія разсматриваетъ актъ собора и качества избраннаго, и, если находитъ, что приходскій соборъ поступилъ согласно съ данною инструкціею, а избранный обладаетъ качествами, необходимыми для священника или діакона,—представляетъ всѣ акты епархіальному епископу на окончательное утвержденіе. Когда и епископъ найдетъ, что все совершено законнымъ порядкомъ и представленный обладаетъ требуемыми качествами, то опредѣляетъ избраннаго священникомъ или діакономъ и, рукоположивъ его и снабдивъ епископскою граматою, которою усвояется ему право священнодѣйствовать, какъ священнику или діакону, онъ посылаетъ его къ мѣсту его назначенія.

§ 285. Продолженіе о томъ же предметѣ.

Изложенное въ предыдущемъ параграфѣ имѣетъ свое законное основаніе въ 5-мъ и 13-мъ правилахъ Лаодикійскаго собора, которыми устраняется отъ выбора безпорядочная чернь; но не набожные и благоразумные христіане, какъ мы читаемъ въ толкованіи на 13-е правило Лаодикійскаго собора въ Пидаліонѣ.

Что клиръ и мѣстный народъ избирали своихъ пресвитеровъ и діаконовъ и во времена страшныхъ гоненій, воздвигнутыхъ римскими императорами,—это видно изъ декрета императора Александра Севера, умершаго въ 235-мъ году. Этотъ языческій императоръ требовалъ отъ своихъ подданныхъ, чтобы они сами выбирали себѣ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, приводя имъ въ примѣръ поведеніе христіанъ, которые выбирали своихъ клириковъ и, одобряя это, какъ дѣло достойное подражанія [1].

(1) Bing. par. II, стр. 89.

Далѣе 3-е правило VII-го вселенскаго собора, о которомъ мы упоминали въ § 283-мъ, опредѣляетъ, что избраніе, сдѣланное мірскою властію и свѣтскими людьми—не дѣйствительно, и поставленный такимъ образомъ пресвитеръ подвергается изверженію и отлученію отъ Церкви вмѣстѣ съ своими соучастниками,—и мы показали въ предыдущемъ параграфѣ, что «*свидѣтельство отъ внѣшнихъ*», котораго требуетъ апостолъ отъ желающихъ вступить въ священство или діаконство, не можетъ быть пріобрѣтено никакимъ другимъ правильнымъ образомъ, какъ отъ приходскаго собора, состоявшагося на законной формѣ. Отсюда естественно слѣдуетъ, что клиру и мірянамъ принадлежитъ право чрезъ своихъ представителей избирать своего протоіерея, а народу каждаго прихода—право избирать своего священника и діакона. Это право выбирать протоіерея, священника и діакона не можетъ быть уничтожено ни консисторіею, ни епископомъ; потому что оно можетъ быть ограничено только въ томъ случаѣ, когда собравшійся соборъ для выбора протоіерея, священника или діакона, станетъ злоупотреблять своимъ правомъ избранія, или когда онъ, по своему образу дѣйствій, окажется недостойнымъ пользоваться правомъ выбора, какъ мы подробнѣе сказали въ § 280-омъ о подобныхъ случаяхъ.

§ 286. Не имѣетъ ли мѣста въ нашей Церкви право патронатства при назначеніи духовныхъ лицъ, получающихъ содержаніе?

Принимая во вниманіе сказанное въ этой главѣ о духовныхъ лицахъ, пользующихся содержаніемъ, кажется, излишне даже предлагать еще вопросъ: имѣетъ

ли мѣсто или нѣтъ въ нашей церкви право патронатства при назначеніи духовныхъ лицъ, получающихъ содержаніе; потому что право выбора, принадлежащее клиру и народу при назначеніи этихъ лицъ, достаточно изложено; однако жъ мы считаемъ необходимымъ разобрать и этотъ вопросъ, потому что онъ имѣетъ большое значеніе въ каноническомъ правѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть заимствованъ изъ подлинныхъ началъ христіанства; поэтому мы приведемъ сначала нѣкоторыя мѣста изъ Священнаго Писанія, а потомъ и изъ церковныхъ правилъ, съ указаніемъ на организмъ Христовой Церкви, дабы выводы нашихъ соображеній были тѣмъ вѣрнѣе и неопровержимѣе. Но прежде, чѣмъ приводить мѣста изъ Библіи и правилъ, необходимо опредѣлить: что такое благотворительность и какъ она должна совершаться въ христіанскомъ духѣ? Потому что если мы разъ узнаемъ, что такое благотворительность и какъ она должна совершаться въ христіанскомъ духѣ, то мы въ такомъ случаѣ съумѣемъ дать отвѣтъ и на предложенный выше вопросъ въ истинномъ христіанскомъ смыслѣ.

И такъ, прежде всего спрашиваемъ: что такое благотворительность въ христіанскомъ смыслѣ? Отвѣчаемъ: благотворительность въ христіанскомъ смыслѣ есть такое дѣйствіе христіанина, которымъ онъ стремится оказать своему ближнему, или своимъ ближнимъ, въ отношеніи къ тѣлу или душѣ, или въ отношеніи къ религіозной цѣли,—добро и помощь. На вопросъ: какъ христіанинъ долженъ оказывать свою благотворительность? — отвѣчаемъ: христіанинъ долженъ оказывать свою благотворительность отъ чистаго сердца

и съ вѣрою, что—на сколько онъ является сострадательнымъ къ другимъ,—на столько и къ нему бываетъ милосердъ Богъ ([1]).

Что оба эти катихизическія опредѣленія согласны съ христіанскимъ ученіемъ, въ томъ убѣдятъ насъ мѣста, которыя мы приведемъ изъ Священнаго Писанія, чтобы получить подлинныя начала своего вопроса, а именно: 1) у евангелиста Матѳея ([2]) мы читаемъ слова Спасителя, обращенныя Имъ къ его слушателямъ: «*Смотрите, не творите милостыни вашей предъ людьми съ тѣмъ, чтобъ они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего небеснаго. И такъ, когда творишь милостыню, не труби передъ собою, какъ дѣлаютъ лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая; чтобы милостыня твоя была втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно*».

Что достоинство благотворительности въ Церкви Христовой измѣряется не ея количествомъ, но нравственнымъ расположеніемъ, съ которымъ она совершается, сему научаетъ насъ Христосъ, Который, видя богатыхъ, клавшихъ свои пожертвованія въ сокровищницу храма, и бѣдную вдову, положившую двѣ лепты, сказалъ на это Своимъ ученикамъ: «*истинно говорю вамъ, что эта бѣдная вдова больше всѣхъ положила. Ибо всѣ тѣ отъ избытка своего положили въ даръ Богу, а она отъ скудости своей положила все*

([1]) Мѳ. V 7.
([2]) Гл VI, стр. 1—5.

пропитаніе свое, какое имѣла» (1). *Апостолъ пишетъ къ коринѳянамъ, чтобы они все, что ни дѣлали,—дѣлали во славу Божію, не подавая соблазна церкви Божіей* (2).

Обратимся теперь и къ правиламъ церкви. Въ нихъ мы находимъ: 1) что 4 правило IV вселенскаго собора опредѣляетъ: «чтобы никто не созидалъ, и не основывалъ монастыря, или молитвеннаго дома, безъ соизволенія епископа града»; 2) что 1 правило помѣстнаго двукратнаго собора опредѣляетъ: «нѣкоторые, давъ своимъ имѣніямъ и усадьбамъ имя монастыря, и обѣщаваяся посвятити оныя Богу, пишутъ себя владѣльцами пожертвованнаго... И не токмо нѣтъ въ нихъ раскаянія о томъ, яко попускаютъ себѣ властвованіе надъ тѣмъ, что единожды уже посвятили Богу, но и другимъ безстрашно передаютъ оное. Того ради да не будетъ позволено никому созидати монастырь безъ вѣденія и соизволенія епископа. Все же къ нему принадлежащее, купно съ нимъ самимъ, да вносится въ книгу, которая и да хранится въ епископскомъ архивѣ. И пожертвователь безъ воли епископа отнюдь да не имѣетъ дерзновенія самаго себя, или вмѣсто себя другаго поставити игуменомъ. Ибо аще не можетъ кто либо быти обладателемъ того, что подарилъ человѣку: то како можетъ быти попущено кому восхищати обладаніе тѣмъ, что онъ посвящаетъ и приноситъ Богу»? 3) 8 правило IV вселенскаго собора, согласно съ преданіемъ святыхъ отецъ, подчиняетъ епархіальному епископу клириковъ и монашествующихъ при богадѣльняхъ, монастыряхъ и храмахъ му-

(1) 1 Кор. X. 23-31.
(2) Лук. XXI. 1—4.

ческихъ присовокупляя: «дерзающіе порушати сіе постановленіе какимъ бы-то ни было образомъ и не подчиняющіеся своему епископу, аще будутъ клирики, да подлежатъ наказаніямъ по правиламъ; аще же монашествующіе, или міряне, да будутъ отлучены отъ общенія церковнаго». Объясняя это правило, Вальсамонъ даетъ вопросъ: «что слѣдуетъ отвѣчать клирикамъ и монахамъ, которые скажутъ, что они не подчинены патріарху или епархіальному епископу, потому что принадлежатъ къ свободной церкви, и станутъ ссылаться при этомъ на постановленія тѣхъ уставовъ, которые даны основателями той церкви, къ которой они опредѣлены?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, Вальсамонъ говоритъ: отвѣчать здѣсь не трудно, потому что, хотя бы и основатель монастыря или церкви опредѣлилъ въ своихъ уставахъ или законоположеніи, что клирики или монахи основанныхъ имъ монастыря или церкви не должны быть въ подчиненіи епархіальному епископу; то такого основателя не слѣдуетъ слушаться, потому что онъ, узаконилъ нѣчто противное божественнымъ и святымъ канонамъ, и предписалъ нѣчто не терпимое; 4) что въ 3-мъ правилѣ VII вселенскаго собора мы читаемъ: «всякое избраніе во епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ не дѣйствительно».

Обращаясь, наконецъ, къ разсмотрѣнію организма церкви, мы находимъ, что никому изъ его членовъ не усвоено власти и преимущества предъ другою общественною частію, тѣмъ болѣе не могутъ принадлежать одному члену власть или преимущество надъ многими, потому что мы, какъ христіане, должны знать, что

всѣ мы суть члены тѣла Христова, и всѣ мы—какъ богатые, а равно и бѣдные—обязаны, по мѣрѣ силъ, быть милосерды, чтобы и Богъ былъ милосердъ къ намъ, и что всѣ мы, не различаясь на богатыхъ и бѣдныхъ, имѣемъ одинаковые начало и конецъ, всѣ мы созданы изъ земли и возвратимся въ землю. И въ самомъ дѣлѣ, было бы оскорбительно и недостойно христіанской вѣры, если предположить, что кто либо долженъ имѣть преимущество предъ прочими христіанами въ общихъ правахъ на томъ основаніи, что онъ богаче прочихъ и сдѣлалъ бóльшія, чѣмъ другіе, пожертвованія церкви, монастырю, или на другое церковное дѣло, потому что еще остается вопросъ: большое пожертвованіе богача угоднѣе-ли Богу малой милостыни бѣдняка? Изъ словъ Іисуса Христа мы видимъ, что милостыня вдовы изъ двухъ лептъ была пріятнѣе Богу, чѣмъ жертвы богатыхъ. Притомъ Христосъ хочетъ, чтобы никто не разглашалъ о сдѣланной имъ милостыни въ собраніяхъ и на улицахъ, потому что такъ дѣлаютъ лицемѣры, но каждый оказывалъ бы благотворительность тайно, такъ чтобы лѣвая рука не знала что дѣлаетъ правая, и Богъ оцѣнитъ это явно. И Апостолъ учитъ: *Богъ соразмѣрилъ тѣло, внушивъ о менѣе совершенномъ бóльшее попеченіе; дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. Посему, страдаетъ-ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится-ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены. И вы тѣло Христово, а порознь члены* [1].

Такимъ образомъ существомъ христіанской благотворительности, ученіемъ Христа о милостынѣ и ея

(1) 1 Кор. 12, 24—28.

достоинствѣ, далѣе, ученіемъ Апостола и канонами, относящимися до благотвореній при сооруженіи церквей и монастырей, наконецъ понятіемъ объ организмѣ Христовой церкви, предложенный выше вопросъ рѣшается самъ собою такъ: въ румунской церкви,—іерархія которой строго соблюдала слова Спасителя,—при назначеніи церковныхъ лицъ, пользующихся содержаніемъ, никогда не существовало права патронатства, какъ и теперь оно не существуетъ и не можетъ существовать.

Мы знаемъ 18 главу 123 новеллы императора Юстиніана, которая гласитъ: кто строитъ церковь и даетъ содержаніе ея клиру, тотъ имѣетъ право назначать къ ней клириковъ. Но мы также знаемъ, что церковное законодательство не приняло этой новеллы. Наша мысль подтверждается тѣмъ фактомъ, что V вселенскій соборъ, бывшій въ царствованіе этого императора, не обратилъ вниманія на упомянутую новеллу, даже и другіе соборы, бывшіе послѣ, не приняли ея, какъ напр., VI и VII вселенскіе соборы, двукратный помѣстный Константинопольскій, и соборъ, бывшій въ храмѣ Премудрости Слова Божія, что навѣрное случилось бы, если бы іерархія усмотрѣла, что вышеозначенная императорская новелла имѣетъ основаніе въ Св. Писаніи.

Если же и іерархія и церковное законодательство церкви не допускаютъ права патронатства, какъ нѣчто противное началамъ христіанства; то тѣмъ не менѣе она со всѣмъ вниманіемъ относится къ великимъ благотворителямъ церкви и клира, какъ при жизни, такъ и по смерти ихъ самихъ, потому что она ежедневно совершаетъ молитвы за нихъ при богослуженіи.

Равнымъ образомъ и прочіе христіане оказываютъ всякое уваженіе благотворителямъ церквей и монастырей и при каждомъ случаѣ обращаются съ ними съ особеннымъ почтеніемъ, отдавая имъ преимущество внутри и внѣ церкви, а равно и въ прочихъ приходскихъ, епархіальныхъ и митрополичьихъ соборахъ. Всѣ благотворители церквей и монастырей, приносящіе свои пожертвованія отъ чистаго христіанскаго сердца, довольствуются молитвами, возносимыми за нихъ отъ лица іерархіи къ Богу, и не принимаютъ на себя никакихъ правъ, но смиренно благодарятъ Бога за то, что они имѣли возможность сдѣлать нѣчто доброе для благочестія и человѣколюбія, и сами молятъ Бога съ мытаремъ, чтобы Онъ былъ милостивъ къ нимъ ([1]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Объ имуществѣ епархій, митрополій и патріархатовъ.

§ 287. Каноническія правила объ имуществѣ архіерейской каѳедры.

Каноны не дѣлаютъ никакого различія между имуществомъ епархій, митрополій и патріархатовъ, потому что оно одно и тоже въ существѣ, т. е. состав-

([1]) Авторъ по своимъ соображеніямъ отрицаетъ законность права патронатства, подобно тому, какъ онъ въ §§ 238—241 отрицалъ патріаршее *право ставропигіи*. Но—какъ при переводѣ его доказательствъ противъ законности права ставропигій мы не предложили своихъ замѣчаній по сему вопросу; такъ—и въ отношеніи къ праву патронатства мы также не думаемъ входить въ ученое состязаніе съ авторомъ. Мы только замѣтимъ, что какъ право ставропигіи, принадлежавшее патріархамъ, такъ и право патронатства имѣли дѣйствительное развитіе въ исторіи и ограждались законами. Перев.

ляетъ собственность Господа; поэтому и мы будемъ разсуждать о немъ вообще, и, чтобы избѣжать повторенія въ словахъ, мы будемъ употреблять названіе: «имущество архіерейской каѳедры» вмѣсто, «имущества епархій, митрополій и патріархатовъ».

Каноническія постановленія объ имуществѣ архіерейской каѳедры изложены въ слѣдующихъ правилахъ:

1) Въ 38 апостольскомъ правилѣ: «епископъ да имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ вещахъ, и оными да распоряжаетъ, яко Богу назирающу. Но не позволительно ему присвоивать что либо изъ оныхъ, или сродникамъ своимъ дарить принадлежащее Богу. Аще же суть неимущіе, да подаетъ имъ, яко неимущимъ, но подъ симъ предлогомъ да не продаетъ принадлежащаго церкви».

2) Въ 40 апостольскомъ правилѣ: «ясно извѣстно да будетъ собственное имѣніе епископа, и ясно извѣстно Господне: дабы епископъ умирая, имѣлъ власть оставить собственное кому хощетъ и какъ хощетъ, дабы подъ видомъ церковнаго не было растрачено имѣніе епископа, имѣющаго иногда жену и дѣтей, или сродниковъ, или рабовъ. Ибо праведно сіе предъ Богомъ и человѣки, дабы и церковь не претерпѣла нѣкоего ущерба, по неизвѣстности имѣнія епископскаго: и епископъ, или его сродники, не подверглись отобранію имѣнія за церковь, или же дабы близкіе къ нему не впали въ тяжбы, и кончина его не была сопровождаема безславіемъ».

3) Въ 41 апостольскомъ правилѣ: «Повелѣваемъ епископу имѣти власть надъ церковнымъ имѣніемъ. Аще бо драгоцѣнныя человѣческія души ему ввѣрены быть должны, то кольми паче о деньгахъ заповѣдать

должно, чтобы онъ всѣмъ распоряжалъ по своей власти, и требующимъ чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ подавалъ со страхомъ Божіимъ, и со всякимъ благоговѣніемъ: такожде (аще потребно) и самъ заимствовалъ на необходимыя нужды свои и страннопріемлемыхъ братій, да не терпятъ недостатка ни въ какомъ отношеніи. Ибо законъ Божій постановилъ, да служащіе алтарю, отъ алтаря питаются: якоже и воинъ никогда не подъемлетъ оружія на врага на своемъ пропитаніи».

4) Въ 25 правилѣ IV вселенскаго собора: «доходы вдовствующія церкви да сохраняются въ цѣлости экономомъ ея».

5) въ 26 правилѣ IV вселенскаго собора: «поелику въ нѣкоторыхъ церквахъ, якоже намъ содѣлалось гласнымъ, епископы управляютъ церковнымъ имуществомъ безъ экономовъ: того ради разсуждено всякой церкви, имѣющей епископа, имѣти изъ собственнаго клира эконома, который бы распоряжалъ церковнымъ имуществомъ, по волѣ своего епископа: дабы домостроительство церковное не безъ свидѣтелей было, дабы отъ сего не расточалося ея имущество, и дабы не подало нареканія на священство. Аще же кто сего не учинитъ: таковый повиненъ Божественнымъ правиламъ».

6) Въ 35 правилѣ VI вселенскаго собора: «Да не будетъ позволено никому изъ митрополитовъ, по смерти епископа, подвластнаго его престолу, отнимати или присвояти имѣніе его: но да состоитъ оно подъ охраненіемъ клира тоя церкви, коея предстоятелемъ былъ представившійся, даже до произведенія инаго епископа: развѣ когда не останется клириковъ въ

оной церкви. Тогда митрополитъ да соблюдаетъ оное въ цѣлости, и все да предастъ епископу, который поставленъ будетъ».

§ 288. Продолженіе I.

7) Въ 11 правилѣ VII вселенскаго собора: «Будучи обязаны хранити всѣ Божественныя правила, мы должны такожде охраняти всеконечно неизмѣннымъ и то, которое повелѣваетъ быти эконому въ каждой церкви. И аще каждый митрополитъ, во своей церкви поставляетъ эконома, благо есть: аще же не поставитъ, предоставляется Константинопольскому епископу, собственною властію, опредѣлити эконома въ той церкви. Тоже предоставляется и митрополитамъ, аще подчиненные имъ епископы не восхотятъ экономовъ поставити въ церквахъ своихъ. Тоже самое наблюдати и по монастырямъ».

8) Въ 12 правилѣ VII вселенскаго собора: «Аще кто, епископъ, или игуменъ, окажется что либо изъ угодій, принадлежащихъ епископіи, или монастырю, продавшимъ въ руки властей, или отдавшимъ иному лицу: не твердо да будетъ оное отдаяніе, по правилу святыхъ Апостолъ, глаголющему: епископъ да имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ вещахъ, и оными да распоряжаетъ яко Богу назирающу: но не позволительно ему присвояти что либо изъ оныхъ, или сродникамъ своимъ дарити принадлежащее Богу: аще же суть неимущіе, да подаетъ имъ яко неимущимъ, но, подъ симъ предлогомъ, да не продаетъ принадлежащаго церкви (30 Ап. пр.). Аще поставляютъ въ предлогъ, что земля причиняетъ убытокъ, и никакой пользы не доставляетъ: то и въ семъ случаѣ не отдавати

поля мѣстнымъ начальникамъ, но клирикамъ, или земледѣльцамъ. Аще же употребляетъ лукавый оборотъ, и властелинъ перекупитъ землю у клирика, или земледѣльца: то и въ семъ случаѣ продажа да будетъ не дѣйствительна, и проданное да будетъ возвращено епископіи, или монастырю: а епископъ, или игуменъ, тако поступающій, да будетъ изгнанъ: епископъ изъ епископіи, игуменъ же изъ монастыря, яко злѣ расточающіе то, чего не собрали».

9) Въ 24 правилѣ Антіохійскаго собора: «Доброе дѣло есть, да церковное стяжаніе сохраняется для церкви, со всякимъ тщаніемъ, и благою совѣстію, и съ вѣрою во всевидца и судію Бога: и распоряжати онымъ съ разсужденіемъ и властію приличествуетъ епископу, которому ввѣрены всѣ люди и души собирающихся въ церковь. Да будетъ же явно принадлежащее церкви, и открыто окружающимъ его пресвитерамъ и діаконамъ, такъ, чтобы они знали, и не оставались въ невѣдѣніи о томъ, что собственно принадлежитъ церкви, и ничто отъ нихъ не было сокрыто. И тако, аще случится епископу преставитися отъ житія сего, при очевидности принадлежащаго церкви, и оно не будетъ расточено и утрачено, и собственность епископа не будетъ потревожена подъ предлогомъ принадлежащихъ церкви вещей. Ибо праведно есть и угодно предъ Богомъ и человѣками, чтобы собственность епископа предоставляема была кому онъ восхощетъ, а достояніе церкви ей сохраняемо было, и чтобы какъ церковь не терпѣла ущерба, такъ и епископъ, подъ предлогомъ достоянія церковнаго, не былъ лишаемъ своея собственности, или же, чтобы близкіе къ нему не вошли въ тяжбы, а

съ тѣмъ вмѣстѣ и онъ по смерти не подвергся безславію».

§ 189. Продолженіе II.

10) Въ 25 правилѣ Антіохійскаго собора: «епископу имѣти власть надъ церковнымъ имуществомъ, да распоряжаетъ онымъ со всякою осмотрительностію и страхомъ Божіимъ, на пользу всѣхъ нуждающихся; и самъ да взимаетъ изъ онаго должную часть, аще имѣетъ нужду, на необходимыя свои потребности, и на потребности страннопріемлемыхъ имъ братій, дабы они ни въ чемъ не терпѣли лишенія, по слову Божественнаго Апостола: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* ([1]). Аще же симъ не довольствуется, но обращаетъ вещи на свои домашнія потребности, и доходы церкви, или плоды принадлежащихъ ей полей не по согласію пресвитеровъ или діаконовъ употребляетъ, а предоставляетъ надъ оными властъ своимъ домашнимъ и сродникамъ, или братьямъ или сынамъ, отъ чего примѣтно происходитъ замѣшательство въ церковныхъ счетахъ: таковый да представитъ отчетъ собору тоя области. И аще инако доносъ будетъ на епископа и на состоящихъ при немъ присвитеровъ, что они принадлежащее церкви или отъ полей, или отъ иныя собственности церковныя, обращаютъ въ свою пользу, съ утѣсненіемъ убогихъ, и съ причиненіемъ нареканія и бесславія домостроительству церковному и правящимъ оное такимъ образомъ: то таковые да пріимутъ приличное исправленіе, по разсужденію святаго Собора».

11) въ 41 правилѣ Кароагенскаго собора: «Опредѣлено: аще епископы, пресвитеры, діаконы, или ка-

([1]) Тимоѳ. 6, 1.

кіе бы-то ни было клирики, никакого стяжанія не имѣющіе, по поставленіи своемъ, во время своего епископства или клиричества, купятъ на имя свое земли, или какія либо угодія: то да почитаются похитителями стяжаній Господнихъ, развѣ токмо, пріявъ увѣщаніе, отдадутъ оныя церкви. Аще же что дойдетъ къ нимъ въ собственность, по дару отъ кого либо, или по наслѣдію отъ родственниковъ: съ тѣмъ да поступятъ по своему произволенію. Аще же, и произволивъ дати что либо церкви, обратятся вспять: да будутъ признаваемы недостойными церковныя чести, и отверженными.»

12) въ 92 правилѣ Карѳагенскаго собора: «Опредѣлено и сіе: аще который епископъ еретиковъ, или язычниковъ, сродниковъ или не принадлежащихъ къ сродству, оставитъ наслѣдниками своими и предпочтетъ ихъ Церкви: таковому и по смерти да будетъ изречена анаѳема, и его имя никогда отъ іереевъ Божіихъ да не возносится. Да не можетъ быти ему въ оправданіе и то, аще безъ завѣщанія отъидетъ. Понеже бывъ поставленъ епископомъ, по приличію долженъ былъ учинити назначеніе своего имущества, сообразное своему званію».

13) въ 57 главѣ изъ номоканона Алексѣя Аристина: «Все, чѣмъ владѣлъ епископъ до своего рукоположенія въ епископы, онъ можетъ отдать, кому онъ хочетъ, и можетъ раздать это при жизни и при смерти; но что онъ пріобрѣлъ послѣ, будучи епископомъ, то все принадлежитъ церкви, т. е. епархіи или митрополіи, и объ этомъ онъ не можетъ дѣлать никакого завѣщанія. Но если епископъ наслѣдуетъ какое либо имущество отъ своихъ родителей, или дя-

дей, братьевъ, или другихъ родственниковъ, то онъ можетъ раздѣлить его между ними, и можетъ распорядиться имъ какъ хочетъ. Далѣе, по смерти епископа, никто не долженъ отчуждать что либо изъ его имущества, но экономъ обязанъ, принявъ его по описи въ присутствіи клира, хранить до прибытія другаго епископа, которому оно должно быть передано.»

§ 290 О назначеніи имущества архіерейской каѳедры.

Имущество архіерейской каѳедры имѣетъ одинаковое назначеніе съ имуществомъ церквей и монастырей ([1]). Слѣдовательно, первое, какъ и послѣднее, есть собственность Господа; оно неотчуждаемо, и мѣстному Архіерею принадлежитъ только власть, или лучше, обязанность имѣть попеченіе о немъ, употреблять его на свои необходимыя нужды, также давать изъ него путешествующимъ постороннимъ братьямъ и на ихъ нужды, чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ дѣлать щедрыя подаянія бѣднымъ, съ полнымъ благоговѣніемъ, какъ если бы Богъ надзиралъ надъ нимъ. Поэтому архіерей обязанъ смотрѣть на доходы, получаемые имъ отъ епархіи, митрополіи или патріархата, какъ на плоды нивы «Господней», которую представляютъ милосердые христіане; далѣе, онъ обязанъ употреблять эти доходы на покрытіе своихъ нуждъ, на разданніе щедрыхъ даровъ бѣднымъ, а остатокъ отъ него обращать въ казну архіерейской каѳедры; потому что, какъ показываютъ приведенныя правила, архіерей не имѣетъ никакого неограниченнаго права надъ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ имъ во время своего архіерейскаго служенія, а только

([1]) См. § 253.

онъ можетъ передавать и оставлять кому хочетъ имущество, полученное имъ въ даръ, или по наслѣдству отъ своихъ родственниковъ. Далѣе, правила опредѣляютъ, чтобы архіерей, при вступленіи своемъ на архіерейскую каѳедру, предъявлялъ епархіи, митрополіи или патріархату свое собственное имущество, дабы оно не было смѣшиваемо съ имуществомъ архіерейской каѳедры; въ противномъ случаѣ, если архіерей не предъявитъ мѣстному клиру и народу своего частнаго имущества, то онъ лишается права собственности и права завѣщанія и имущество переходитъ во владѣніе архіерейской каѳедры.

Каноны, какъ мы видимъ, не упускаютъ изъ вниманія и того случая, когда архіерейская каѳедра бываетъ праздною. Они опредѣляютъ, чтобы клиръ и экономъ, пока она остается незамѣщенною, заботились не только хранить въ цѣлости коренное имущество епархіи, митрополіи или патріархата, но и вести записи текущимъ доходамъ архіерейской каѳедры, дабы никто, нидаже митрополитъ, не трогалъ ихъ, но все было бы передано будущему епископу.

§ 291. Объ управленіи имуществомъ архіерейской каѳедры.

Сопоставивъ вышеприведенныя правила, мы найдемъ, что имущество архіерейской каѳедры въ началѣ поручалось мѣстнымъ епископамъ; они и завѣдывали имъ, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ только въ отношеніи къ дѣлаемымъ издержкамъ; именно, архіереи могли покрывать изъ имущества свои нужды и нужды страннопріемлемыхъ братій, и раздавать милостыни бѣднымъ; но эти подаянія изъ имущества архіерейской каѳедры должны были раздавать не сами архіереи, а пресвитеры и діаконы. Потомъ имъ не

позволялось смѣшивать свое частное имущество съ имуществомъ архіерейской каѳедры, но они обязывались хранить свое частное имущество въ отдѣльности отъ имущества церкви, дабы, въ случаѣ смерти архіерея, ни одно изъ нихъ не потерпѣло ущерба и не было дано повода къ какимъ либо спорамъ.

Въ опредѣленіяхъ апостольскихъ правилъ, касающихся имущества архіерейской каѳедры, мы видимъ буквальное подражаніе практики апостоловъ ([1]). Апостолы, замѣтивъ недовольство народа установленною ими раздачею даровъ любви, предложили ему самому избрать семь человѣкъ діаконовъ для разданія пособій бѣднымъ и вдовамъ.

Но—26-е правило IV вселенскаго собора опредѣляетъ, чтобы каждая церковь, имѣющая епископа, имѣла и эконома, и упрекаетъ нѣкоторыхъ епископовъ за то, что они управляютъ церковнымъ имуществомъ безъ экономовъ: поэтому мы полагаемъ, что 41-е апостольское правило еще до IV вселенскаго собора, бывшаго въ 451-мъ году, въ практикѣ понималось такъ, что каждая епархія должна была имѣть эконома надъ своимъ имуществомъ, который имѣлъ бы непосредственное попеченіе объ ея собственности и распоряжался бы ею согласно усмотрѣнію епископа; иначе этотъ вселенскій соборъ не имѣлъ бы никакого основанія дѣлать нѣкоторымъ епископамъ упрека за то, что они управляли церковнымъ имуществомъ безъ экономовъ ([2]). Такимъ образомъ, въ пятомъ вѣкѣ каждая архіерей-

([1]) Дѣян., гл. 6

([2]) Что касается насъ, то мы—какъ самое существованіе экономовъ въ церкви до IV вселенскаго собора,—такъ и упрекъ, дѣлаемый этимъ соборомъ епископамъ, управлявшимъ церковнымъ *имуществомъ безъ* экономовъ, поставили бы въ связь не съ 41 *Апостольскимъ* правиломъ, а съ постоянно развивающеюся практикой Церкви. *Перев.*

ская каеедра обязывалась имѣть эконома. И хотя вышеупомянутое 26-е правило IV вселенскаго собора обязываетъ только епископа имѣть у себя эконома, тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что это правило подъ словомъ «епископъ», разумѣетъ всѣхъ архіереевъ, т. е. понимаетъ также и митрополитовъ, и ихъ также обязываетъ ставить экономовъ при своихъ церквахъ. Мы думаемъ такъ на основаніи 11-го правила VII вселенскаго собора, которое говоритъ: «аще каждый митрополитъ во своей Церкви поставляетъ эконома, благо есть: аще же не поставитъ, предоставляется Константинопольскому епископу, собственною властію, опредѣлити эконома въ той Церкви. Тоже предоставляется и митрополитамъ, аще подчиненные имъ епископы не восхотятъ экономовъ поставити въ Церквахъ своихъ». Но на основаніи кореннаго ученія православной Церкви, по которому ни одинъ христіанинъ, ни священникъ, ни архіерей, хотя бы онъ былъ и патріархъ, не изъяты изъ подчиненія законному порядку, потому что только такимъ образомъ все можетъ идти къ лучшему въ Церкви Христовой и быть, по выраженію апостола, *благопристойно и чинно* [1],—мы осмѣливаемся также думать, что, хотя и нѣтъ никакого канона, обязывающаго патріарха имѣть эконома при своей церкви, т. е. при патріаршей каѳедрѣ, однако не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и патріархъ также, какъ всякій митрополитъ и епископъ, обязанъ имѣть эконома для имущества патріархата, и, такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что въ 26-мъ правилѣ IV вселенскаго собора подъ именемъ «епископъ» разумѣются столько же митрополи-

---

[1] 1 Кор. XIV. 26 и 40.

ты, сколько и патріархи. Если апостолы приняли тотъ порядокъ, чтобы, для удовлетворенія народа, дары любви не раздавались болѣе ими, а семью діаконами; то и патріархи въ такомъ случаѣ обязываются слѣдовать этому доброму порядку, отъ котораго зависитъ довольство клира и вѣрнаго народа относительно имущества извѣстной патріаршей каѳедры; въ противномъ же случаѣ, патріаршему сѵноду принадлежитъ право назначить къ патріарху эконома для наблюденія надъ имуществомъ патріаршей каѳедры.

Изъ этихъ указаній видно, что во времена VII вселенскаго собора, бывшаго въ 788 году, архіереи были обязаны имѣть при своихъ церквахъ экономовъ; впослѣдствіи же времени вездѣ,—гдѣ Церковь не встрѣчала препятствій въ своихъ дѣлахъ отъ внѣшнихъ отношеній, и гдѣ архіереи не пренебрегали каноническими требованіями и своими обязанностями,—вездѣ признано необходимымъ вмѣсто одного эконома учредить эфоріи, состоящія изъ нѣсколькихъ членовъ мѣстнаго клира и народа, которымъ поручается завѣдывать имуществомъ архіерейской каѳедры, въ согласіи съ архіереемъ и давать объ этомъ отчетъ церковному собору; въ случаѣ смерти своего архіерея, ефоріи управляютъ церковнымъ имуществомъ, и исполняютъ завѣщаніе умершаго архипастыря по каноническимъ правиламъ. Эти ефоріи представляютъ чисто церковное учрежденіе, согласное съ примѣромъ апостоловъ, которые предложили народу не одного, а семь человѣкъ, съ званіемъ діаконовъ, для раздачи даровъ, дабы тѣмъ поставить это дѣло подъ надлежащій контроль; поэтому и для имущества архіерейскихъ каѳедръ въ настоящее время признано недостаточнымъ имѣть только

одного эконома, но по основательнымъ причинамъ сочтено необходимымъ имѣть ефоріи, учреждаемыя церковнымъ соборомъ, которыя, въ соучастіи мѣстнаго архіерея, такъ управляли бы имуществомъ «Господнимъ», существующимъ при каждой архіерейской каѳедрѣ, чтобы это имущество отвѣчало собою той высокой и святой цѣли, для которой оно собирается.

§ 292. Собственное имущество архіерея должно быть отдѣлено отъ имущества его каѳедры, если архіерею угодно сдѣлать послѣднее по закону завѣщаніе.

Правила, изложенныя въ предыдущихъ параграфахъ, достаточно показываютъ, что имущество архипастырской каѳедры должно быть отдѣлено отъ собственнаго имущества архіерея, если онъ пожелаетъ сдѣлать законное, долженствующее имѣть силу послѣ его смерти, распоряженіе; потому что, въ противномъ случаѣ, если оба имущества будутъ смѣшаны между собою, то едва ли будетъ возможно раздѣлить принадлежащее тому и другому; отсюда, въ концѣ концовъ, произойдутъ только пререканія. По этой причинѣ нужно, чтобы новопоставленный архіерей, принимая при вступленіи въ свое служеніе движимое и недвижимое имущество архіерейской каѳедры,— предъявилъ церковному собранію свое имущество, принесенное имъ съ собою. Сему имуществу должна быть составлена опись, подписанная всѣми присутствующими, дабы послѣ право завѣщанія частнаго имущества архіерея при его смерти оставалось ненарушимымъ и не оспоримымъ (¹). Если архіерей, во время своего архіерейскаго служенія, наслѣдуетъ отъ своего родственника какое либо имущество или получитъ въ

(¹) См. § 159.

даръ; то онъ обязанъ предъявить церковному собору и это имущество и составить ему опись, за подписью всѣхъ присутствующихъ; въ такомъ случаѣ архіерей можетъ распорядиться этимъ имуществомъ послѣ, въ противномъ же случаѣ онъ теряетъ право надъ принадлежащимъ ему имуществомъ. Недѣйствительно также бываетъ завѣщаніе архіерея и въ томъ случаѣ, когда онъ при своей смерти откажетъ болѣе своимъ родственникамъ, чѣмъ своей архіерейской каѳедрѣ, потому что 92-е правило Карѳагенскаго собора ясно говоритъ: «таковому и по смерти да будетъ изречена анаѳема, и его имя никогда отъ іереевъ Божіихъ да не возносится». Вальсамонъ, въ толкованіи на это правило, говоритъ: такой архіерей разсматривается умершимъ какъ будто бы безъ завѣщанія, потому что, какъ архіерей, онъ обязанъ былъ сдѣлать завѣщаніе, согласно съ своимъ саномъ и съ своими монашескими обѣтами. Эти обѣты заключаются: 1) въ клятвѣ, даваемой архіереемъ, какъ монахомъ, въ силу которой онъ отрекается отъ своихъ родителей и родственниковъ, и всецѣло отдается Богу; 2) въ клятвѣ, данной архіереемъ при посвященіи въ епископа, когда онъ предъ лицемъ Церкви далъ обѣщаніе, за своею подписью, въ томъ, что послѣ Бога онъ больше всего будетъ любить ввѣренную ему паству, заботиться о ней, и этимъ самымъ онъ торжественно обязался не давать изъ своего имущества никому болѣе, какъ церкви и своей паствѣ, архипастыремъ которой онъ есть и былъ ([1]).

Наконецъ, имущество, скопленное архіереемъ во время его архипастырскаго служенія и собранное изъ

([1]) См. 161 и 162.

его доходовъ, не можетъ быть разсматриваемо, какъ частное имущество архіерея; потому что—какъ всякое имущество, пріобрѣтенное въ монастырѣ монахомъ или игуменомъ, посредствомъ церковной службы, принадлежитъ не ему, а монастырю, по обѣтамъ монашества, которыми онъ отказался на всю свою жизнь отъ всякаго права собственности и завѣщанія и обязался къ матеріальной нищетѣ; такъ и архіерей—всякое пріобрѣтенное имъ имущество изъ его архіерейскихъ доходовъ—скопляетъ не для себя, но для церкви, въ которой онъ служитъ епископомъ. И подлинно въ такомъ состояніи и въ такомъ нравственномъ самоотреченіи, къ которымъ обязался архіерей клятвою, заключается высота призванія епископа; проникнутый этими свойствами, апостолъ писалъ къ Тимоѳею, епископу Ефеса: «*Великое пріобрѣтеніе, быть благочестивымъ и довольнымъ. Ибо мы ничего не принесли въ міръ; явно, что ничего не можемъ и вынесть изъ него. Имѣя пропитаніе и одежду будемъ довольны тѣмъ. А желающіе обогощаться впадаютъ въ искушеніе и въ сѣть и во многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу. Ибо корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры, и сами себя подвергли многимъ скорбямъ. Ты же, человѣкъ Божій, убѣгай сего; а преуспѣвай въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви, терпѣніи, кротости. Подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, держись вѣчной жизни, къ которой ты и призванъ, и исповѣдалъ доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтелями*» (¹).

(¹) 1 Тимоѳ VI, 6—12, 41 прав. Кар. соб. и 57 гл. изъ номоканона Алексѣя Аристина.

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 6. С. 1055-1119.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

АРСЕНІЙ,

ПАТРІАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Императоръ не оставлялъ своихъ примирительныхъ плановъ и по возвращеніи въ столицу ([1]). Такъ какъ одна половина (меньшая) арсеніанской фракціи согласилась подчиниться церкви на выше изложенныхъ условіяхъ, а другая на отрѣзъ отказалась отъ этого подчиненія, то его ближайшею задачею сдѣлалось теперь устроить соглашеніе между обѣими половинами и тѣмъ подготовить окончательное вступленіе ихъ въ церковь.

([1]) Историкъ, по обыкновенію, не отмѣчаетъ точно времени этого возвращенія; но такъ какъ онъ не разказываетъ ни о какихъ другихъ событіяхъ между дѣйствіями Атрамитскаго собора и возвращеніемъ императора въ столицу, то это возвращеніе можно полагать сряду же по закрытіи собора т. е. въ Маѣ того же 1284 г., но самое возобновленіе примирительныхъ попытокъ должно быть отнесено на нѣсколько недѣль позднѣе возвращенія, такъ какъ, по словамъ историка, императоръ по возвращеніи въ столицу занялся сначала другими дѣлами и только необыкновенныя знаменія, о которыхъ разсказывается ниже, заставили его бросить эти дѣла и заняться снова вразумленіемъ отщепенцовъ. Къ числу этихъ дѣлъ должно быть отнесено и дѣло Андроника Сардскаго, разыгравшееся, несомнѣнно, уже послѣ возвращенія императора въ столицу и до возобновленія примирительныхъ попытокъ.

Къ этому побуждало его, говоритъ нашъ историкъ, сколько его личное убѣжденіе въ необходимости устроить такъ или иначе примиреніе раскольниковъ другъ съ другомъ и съ церковью, столько же знаменія и чудеса, которыя способны были поразить самыхъ безстрашныхъ людей. Разнесся слухъ, что образъ Пресвятой Богородицы, находившійся въ одномъ изъ домовъ, сосѣднихъ съ Великою церковью, источалъ такое множество слезъ, что ихъ собирали губками. Пречистая Дѣва видимо оплакивала гибельное раздѣленіе въ церкви. Императоръ пожелалъ лично удостовѣриться въ дѣйствительности этого чуда и воздать должное поклоненіе Матери Бога Слова. Поклонившись чудесному образу, онъ приказалъ запечатать домъ, въ которомъ онъ находился; но чудо продолжало совершаться и послѣ этого. Въ то же время отъ образа св. великомученика Георгія, находившагося въ части города, лежавшей близъ воротъ Харсія, выпало нѣсколько капель крови. Императоръ, который былъ, по правдѣ сказать, боязливъ и суевѣренъ на этотъ счетъ (*δειδήμων ὤν, ὡς τὸ ἀληθὲς εἰπεῖν, περὶ τὰ τοιαῦτα καὶ εὐλαβής*), не въ шутку испугался (*φόβον οὐ μικρὸν εἶχε*): онъ принялъ эти знаменія за выраженіе гнѣва Божія къ нему за то, что онъ, вмѣсто того, чтобы заниматься исключительно вразумленіемъ и обращеніемъ отщепенцевъ, занялся другими дѣлами, и потому, бросивши все, снова принялся за свои прежнія попытки достигнуть примиренія партій (¹),— приглашалъ къ себѣ ихъ вождей и вмѣстѣ и порознь, совѣщался съ ними и конфиденціально и открыто, и лично и чрезъ посредство другихъ.... но всѣ эти усилія разбивались

(¹) Pachym. lib. 1, c. 30, p. 81—82.

о взаимное раздраженіе и упорство отщепенцевъ. Представители умѣреннаго направленія арсеніанской фракціи, предводимые Іоанномъ Тарханіотомъ, прозвали своихъ прежнихъ союзниковъ огнепоклонниками послѣ неудачнаго искушенія воли Божіей въ Атрамитіѣ и до того чуждались ихъ, что не хотѣли даже говорить съ ними; эти въ свою очередь не хотѣли и слышать о какомъ бы то ни было сближеніи съ церковью. Они продолжали жаловаться на то, что имя Іосифа по прежнему красуется въ церковныхъ диптихахъ и поминается въ церковныхъ молитвахъ не смотря на то, что онъ отлученъ отъ церкви Арсеніемъ вмѣстѣ со всѣми, находившимися въ общеніи съ нимъ, и объявили, что до тѣхъ поръ не вступятъ въ общеніе съ оффиціальною церковію, пока отлученные Арсеніемъ не будутъ приняты въ общеніе намѣстникомъ Арсенія Іакинфомъ, который уполномоченъ на это самимъ Арсеніемъ и который для этого долженъ быть возведенъ на патріаршій престолъ. Наконецъ они утверждали, что имъ однимъ принадлежитъ право предписывать условія принятія въ церковное общеніе, такъ какъ они только одни соблюли себя отъ всякаго компромисса съ папою и его клевретами [1].

Очевидно, раскольники продолжали стоять на своей прежней точкѣ зрѣнія: считая себя однихъ истинными представителями церкви, они отрицали за оффиціальною церковію право принимать ихъ въ свое общеніе, и напротивъ присвояли себѣ право принять или не принять ее въ общеніе съ собою. Понятно, что императоръ не могъ принять этой точки зрѣнія, такъ какъ это равнялось бы формальному осужде-

[1] Pachym. lib. 1, c. 30, p. 82—83.

нію и отмѣненію всего совершившагося въ церкви со времени удаленія Арсенія отъ престола; пришлось бы пересовершать всѣ церковныя таинства надъ всѣми, надъ которыми эти таинства совершены не арсенитами, такъ какъ, при незаконности іерархіи, онѣ оказывались не дѣйствительными. А поелику Іакинѳъ съ своей партіей не хотѣлъ поступиться ни на волосъ въ своихъ требованіяхъ, то желанное соглашеніе и не могло быть достигнуто, не смотря на всѣ усилія императора.

Но и умѣренные арсениты примирились съ церковію не вполнѣ и не безъ задней мысли. Не много спустя они сдѣлали съ своей стороны попытку достигнуть тѣхъ же результатовъ, которыхъ добивались ихъ собратья, только другимъ путемъ. Они приступили къ императору съ просьбою позволить имъ перенести тѣло Арсенія съ острова Приконниса, гдѣ онъ былъ погребенъ, въ столицу. «Просьба была сдѣлана не спроста; но заключала въ себѣ затаенную мысль—прямо возвысить въ мнѣніи народа арсенитовъ и косвенно унизить іосифитовъ» ([1]). Мало этого: этимъ путемъ они надѣялись возстановить Арсенія на его престолѣ хотя бы то и послѣ смерти, eo ipso осудить Іосифа, какъ узурпатора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отмѣнить все то, что было сдѣлано имъ во время его патріаршества ([2]).

Не понялъ ли императоръ этой затаенной мысли арсенитовъ, или въ немъ родилась надежда этой уступкой смягчить суровыхъ представителей крайняго направленія и достигнуть примиренія ихъ съ цер-

([1]) Григор. стр. 159.

([2]) Pachym. lib. 1, c. 31. p. 83.

вію, только онъ безъ труда согласился исполнить предложенную ему просьбу, если не представится къ тому препятствій со стороны завѣщанія Арсенія.

Эта послѣдняя оговорка была сдѣлана потому, что носился слухъ, будто Арсеній на смертномъ одрѣ своемъ подвергъ отлученію всякаго, кто захотѣлъ бы перенесть его тѣло съ Приконниса куда бы то ни было. Но когда нѣкоторые изъ арсенитовъ, близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, увѣрили его, что это выдумка ученика Арсеніева, Матѳея, который изъ личныхъ расчетовъ распустилъ этотъ слухъ, чтобы не лишиться тѣхъ доходовъ, которые онъ получалъ отъ благочестивыхъ поклонниковъ, оставаясь при гробѣ почитаемаго святителя; то Андроникъ отправилъ въ Приконнисъ особую галеру подъ начальствомъ Ѳеодора Мануелита, съ порученіемъ привезти тѣло въ столицу. Само собою разумѣется, что галера наполнена была арсенитами, которые не могли уступить другимъ чести сопровождать прахъ своего главы.

Когда чрезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе о прибытіи галеры съ драгоцѣнною ношею, императоръ и патріархъ—первый во главѣ всего двора и сената, послѣдній во главѣ духовенства, поспѣшили на встрѣчу бреннымъ останкамъ святителя. Безчисленная толпа народа сопровождала ихъ. Прибывши на пристань Евгенія, покрыли раку драгоцѣннымъ покровомъ; священнослужители, вышедшіе на встрѣчу, приняли ее на свои плечи и несли до самаго храма Великой Премудрости Божіей съ пѣніемъ приличныхъ случаю священныхъ пѣсней. У всѣхъ, сопровождавшихъ гробъ, были въ рукахъ зажженныя свѣчи. Не было, говоритъ историкъ, ни одного человѣка,

который бы не оказывалъ останкамъ блаженно-почившаго патріарха такихъ же почестей, какія оказывали и арсениты. Клирики, находившіеся въ церковномъ общеніи съ патріархомъ Григоріемъ, облачившись въ священныя одежды, приготовились служить литургію; но предъ началомъ литургіи они переоблачили мощи, одѣтые въ убогую монашескую одежду, въ святительскія ризы, на амвонѣ, съ обычными обрядами, принятыми при облаченіи архіереевъ, при пѣніи священныхъ пѣсней тѣмъ и другимъ клиросомъ попеременно. Затѣмъ епископы перенесли ихъ въ олтарь на горнее мѣсто. Послѣ этого началась литургія. Во все продолженіе литургіи мощи оставались на горнемъ мѣстѣ, какъ будто усопшій святитель былъ священнодѣйствующимъ. По окончаніи литургіи ихъ положили въ раку, поставленную направо отъ олтаря, замкнувши ее нѣсколькими замками и запечатавши нѣсколькими печатями изъ опасенія, какъ бы арсениты не похитили тѣла. По вторникамъ, на каждой недѣлѣ, когда народъ, по обычаю, стекался къ Одигитріи (¹), гробни-

(¹) Πρὸς τὴν τῶν Ὀδηγῶν κατ᾽ ἔτος λαοῦ συντρέχοντος.... Ученаго Поссина сильно затрудняетъ смыслъ этихъ словъ Пахимера: „признаюсь откровенно, говоритъ онъ, что я брожу здѣсь въ потьмахъ, такъ какъ въ греческихъ книгахъ не нахожу ничего объ этомъ. Послѣ долгаго и тщательнаго обсужденія я останавливаюсь на слѣдующемъ, представляющемся мнѣ болѣе вѣроятнымъ, предположеніи, — именно, что здѣсь дѣло идетъ объ обычномъ стеченіи Константинопольскаго народа на поклоненіе ангеламъ. Ибо я нахожу, что ангелы называются словомъ Ὀδηγὸς въ литургіи Златоуста, во время совершенія которой діаконъ громогласно возглашаетъ: ἄγγελον εἰρήνης πιστὸν ὁδηγὸν, φύλακα τῶν ψυχῶν καὶ σωμάτων ἡμῶν, παρὰ τοῦ Κυρίου αἰτησώμεθα. Эти слова Кавасила с. 31 коментируетъ слѣдующимъ образомъ: εὐχόμεθα περὶ τοῦ φύλακος ἀγγέλου, οὐχ᾽ ἵνα ἡμῖν τότε δοθῇ (δέδοται γὰρ ἐξ ἀρχῆς ἑκάστῳ τῶν πιστῶν ἄγγελος), ἀλλ᾽ ἵνα ἐνεργὸς ᾖ καὶ τὰ αὐτοῦ ποιῇ καὶ φρουρῇ καὶ πρὸς τὴν εὐθεῖαν ὁδὸν ἡμᾶς ὁδηγῇ. Отсюда видно, какъ часто греки

цу открывали, чтобы всѣ желающіе могли видѣть

называли ангеловъ словомъ ὁδηγοί. Кромѣ того извѣстно, что съ древнѣйшихъ временъ установилось въ церкви въ третій день недѣли совершать службу въ честь ангеловъ. И такъ я думаю, что въ третій день недѣли Константинопольскій народъ имѣлъ обыкновеніе стекаться на поклоненіе ангеламъ. Но въ какое мѣсто? Пахимеръ здѣсь указываетъ, что стеченіе это было къ правой сторонѣ главнаго олтаря (maximae arae) въ храмѣ св. Софіи; ибо тамъ, по его словамъ, была поставлена гробница или рака съ костями патріарха Арсенія, рака, которую, по случаю этого стеченія, имѣли обыкновеніе открывать. Мнѣ кажется, что не будетъ пустой догадкой предположеніе, что мѣсто это избрано было въ силу вѣрованія, что ангелы по преимуществу пребываютъ въ этомъ мѣстѣ, согласно съ 11-мъ ст. I гл. евангелія отъ Луки, гдѣ ангелъ представляется стоящимъ одесную олтаря кадильнаго. Остается еще указать читателю основаніе къ исправленію текста въ этомъ мѣстѣ книги Пахимера, исправленію, представляющемуся необходимымъ, согласно съ вышеприведенною догадкою. Въ двухъ лучшихъ кодексахъ подъ литерами B и A (въ кодексѣ V это мѣсто совершенно опущено) это мѣсто читается: πρὸς τὴν τῶν Ὁδηγῶν; чтеніе очевидно испорченное. И прежде всего къ чему относится или на какой предметъ указываетъ слово τὴν? Ни выше ни ниже его нѣтъ ни одного слова того же рода, съ которымъ оно могло бы находиться въ грамматическомъ сочетаніи. Между тѣмъ извѣстно, что переписчики древнихъ книгъ въ этомъ родѣ нѣкоторыя слова обыкновенно изображали сокращенно. Много подобныхъ сокращеній встрѣчается и въ обоихъ упомянутыхъ выше кодексахъ, какъ напр. мы тамъ встрѣчаемъ ἄνος вмѣсто ἄνθρωπος, οὐνὸς вмѣсто οὐρανὸς и пр. Такимъ обр., я думаю, что здѣсь слово τὴν стоитъ вмѣсто τιμὴν... Это подтверждается другимъ мѣстомъ нашего автора, находящимся ниже, p. 302 v. 14, гдѣ говорится, что προσκυνήσεως ἕνεκα имѣли обыкновеніе приходить въ монастырь τῶν Ὁδηγῶν не только народъ, но и самъ императоръ. Вотъ это мѣсто: εἶτ' ἐκεῖθεν ἐπὶ τρίτῃ τῆς ἑβδομάδος ἦν καὶ γ' ἐξ ἀνάγκης ἐκ πολλοῦ τῷ βασιλεῖ ἦν τῇ Ὁδηγῶν μονῇ κατὰ ταύτην τὴν ἡμέραν παραβάλλειν προσκυνήσεως ἕνεκα. Отсюда видно, что императоръ, слѣдуя народному обычаю, имѣлъ обыкновеніе отправляться на поклоненіе въ монастырь Ὁδηγῶν, которому, какъ можно подозрѣвать, дано было это наименованіе потому, что онъ посвященъ былъ спеціально Ὁδηγοῖ, или ангеламъ-руководителямъ, согласно съ вышепредложеннымъ объясненіемъ. Observat. Pachymer. lib. I. p. 707—708.

Но уже ученый Дерубеисъ (въ своихъ Dissertationes duae historicae et dogmaticae... по изд. Миня Patrologiae cursus completus, t. CXLII. col. 126) находилъ это объясненіе неудовлетворительнымъ и высказалъ убѣжденіе, что здѣсь дѣло идетъ не объ ангелахъ, а объ иконѣ Богородицы—Одигитріи, находившейся въ монастырѣ ея имени. И дѣйствительно лучшимъ доказательствомъ несостоятельности этого

мощи (¹).

Въ послѣдствіи старшая дочь Евлогіи, супруга

объясненія служитъ его крайняя искуственность, не отступающая даже предъ очевидными натяжками. Между тѣмъ простое и естественное объясненіе затруднившаго Поссина мѣста находилось въ тѣхъ же словахъ Пахимера, которыя онъ привелъ ниже въ подтвержденіе своего искуственнаго *предположенія (p. 302)*, *стоило* лишь сопоставить эти слова съ словами того же Пахимера на стр. 231-й — αὐτόθεν ἐξ ἀνακτόρων πεζῇ τὴν ὁδὸν διεξεληλυθὼς ἅμα τῇ περὶ αὐτὸν τάξει τὴν τῶν Ὁδηγῶν καταλάμβανει μονήν, καὶ κατέναντι τῆς σεβασμίας εἰκόνος σταθεὶς ἀπονέμει μὲν κατὰ τὸ εἰωθὸς τὴν προσκύνησιν, λιπαρὰν τὴν ἱκεσίαν ποιούμενος ἀπονέμει δέ γε καὶ τὴν εὐχαριστίαν μετὰ θερμῆς ὑποπτώσεως, αὐτῇ γε μετὰ θεὸν λέγων καὶ βασιλείαν καὶ ἐκκλησίαν εἰς χέρας τιθέναι, καὶ παρ' αὐτῆς καὶ μόνης ἐλπίζειν ἀξίαν γε τὴν διοίκησιν καὶ ἐπ' ἀμφοτέραις. Эти два мѣста ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія два факта: а) что въ третій день недѣли существовалъ въ Константинополѣ обычай ходить на поклоненіе въ монастырь τῶν Ὁδηγῶν и б) что предметомъ поклоненія была икона Божіей Матери τῶν Ὁδηγῶν. Эти два факта даютъ ключъ и къ пониманію, столь сильно затруднившихъ нашего ученаго, словъ Пахимера. Говоря объ открытіи раки Арсенія по вторникамъ, когда народъ по обычаю стекался на поклоненіе πρὸς τὴν τῶν Ὁδηγῶν, историкъ, очевидно, хочетъ лишь опредѣлить поточнѣе время открытія раки для народнаго поклоненія, а не мѣсто, гдѣ поставлена была рака (оно точно опредѣлено имъ выше словами: περὶ τὰ δεξιὰ τοῦ βήματος) и не мѣсто стеченія народа (оно хотя и указывается историкомъ; но а) не тамъ, гдѣ ищетъ его ученый коментаторъ, и б) не оно составляетъ здѣсь ту спеціальную цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ). Онъ хочетъ лишь сказать, что раку открывали въ тотъ самый день, въ который народъ по обычаю стекался на поклоненіе Одигитріи (т. е. въ извѣстный монастырь, ей посвященный) и больше ничего. И потому, если ужъ непремѣнно предполагать здѣсь порчу текста; то она должна состоять въ опущеніи слова μονήν, которое фигурируетъ въ двухъ другихъ, приведенныхъ нами мѣстахъ изъ книги Пахимера, и нѣтъ никакой нужды предполагать здѣсь такое двусмысленное сокращеніе, какое предполагаетъ Поссинъ, тѣмъ болѣе, что а) предположеніе такого сокращенія совершенно произвольно и б) ровно ничего не объясняетъ. Намъ кажется, что на истинный смыслъ этихъ словъ Пахимера наводитъ между прочимъ и упомянутый Поссиномъ греческій кодексъ № V, гдѣ этихъ словъ нѣтъ. По существу дѣла онѣ и дѣйствительно были здѣсь плеоназмомъ, такъ какъ ближайшая цѣль историка—опредѣлить время открытія раки Арсенія вполнѣ достигалась словами: τρίτης ἑκάστης ἑβδομάδος.

(¹) Pachym., lib. c. 31. p. 84—85.

протовестіарія Рауля, питавшая особенную привязанность и уваженіе къ Арсенію и при жизни и по смерти его, выпросила у императора его мощи для вновь построенной ею великолѣпной церкви въ монастырѣ святаго Андрея. Это второе перенесеніе смертныхъ останковъ святителя совершено было съ тою же торжественностію, какъ и первое (1).

Но всѣ эти церемоніи не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на суровыхъ приверженцевъ Іакинѳа. Они не сдѣлали ни одного шага къ сближенію съ церковію. Императоръ, впрочемъ, все еще не терялъ надежды побѣдить ихъ упорство, но примирительныя попытки его были на время прерваны неожиданно всплывшимъ дѣломъ Векка, имѣвшимъ роковое значеніе и для патріарха Григорія Кипрскаго.

Послѣ Атрамитскаго собора, когда «всѣ показавшіе въ себѣ ревность по вѣрѣ, собравшись въ Византію, подѣлили между собою митрополіи и другія высшія мѣста» (2), каѳедра митрополіи Прузской досталась нѣкоему повару на царской кухнѣ Николаю, который вслѣдствіе этого постригся въ монахи и принялъ имя Неофита. Историкъ замѣчаетъ, что обычай избирать и возводить такихъ скороспѣлыхъ монаховъ на высшія іерархическія мѣста существовалъ только въ этомъ городѣ, а что въ другихъ мѣстахъ этого обычая не одобряли, находя неприличнымъ, чтобы человѣкъ, только что произнесшій обѣтъ монашества предъ Богомъ и ангелами Его,—обѣтъ послушанія другимъ, такъ скоро бралъ въ свои руки бразды управленія другими (3).

(1) Ibid. p. 85—86.

(2) Григор. стр. 163

(3) Pachym. lib. 1, c 34, p. 88.

Къ какой партіи «ревнителей» принадлежалъ этотъ новый епископъ изъ поваровъ, неизвѣстно. По видимому, онъ принадлежалъ къ одной партіи съ Германомъ Никомидійскимъ и самимъ патріархомъ Григоріемъ. По крайней мѣрѣ, на это предположеніе наводитъ одинъ эпизодъ изъ исторіи отношеній между этими тремя лицами, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Но дѣло пока не въ этомъ, а въ томъ, что этотъ «ревнитель» вступленіе свое на каѳедру митрополита вздумалъ ознаменовать «ревностью по вѣрѣ» и наложилъ на свою епархію постъ за возношеніе имени папы на церковныхъ молитвахъ, допущенное здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ имперіи, послѣ Ліонской уніи. Граждане Прузы нѣкоторое время переносили наложенное на нихъ наказаніе, но потомъ стали роптать и вымѣщать свою досаду на Веккѣ, какъ главномъ виновникѣ Ліонской уніи, а слѣдовательно и наложенной на нихъ эпитиміи. Градъ насмѣшекъ, ругательствъ и проклятій сыпался на несчастнаго эксъ-патріарха при всякомъ появленіи его не только на улицахъ города, но и на дворѣ Космидійскаго монастыря, гдѣ онъ жилъ. Уличные мальчишки показывали ему языки и забрасывали грязью. Долго терпѣлъ Веккъ, но наконецъ не выдержалъ и, когда однажды на монастырскомъ дворѣ собралась довольно многочисленная толпа и начала по обычаю поносить его разными бранными словами, онъ остановился на срединѣ обширнаго двора и, возвысивши голосъ такъ, чтобы всѣ могли его слышать, отозвался въ самихъ рѣзкихъ выраженіяхъ о невѣжествѣ мѣстнаго епископа и личномъ характерѣ и убѣжденіяхъ патріарха Григорія. «Удивляюсь я на ваше безсмысліе», ска-

залъ онъ. Вы набрасываетесь на меня съ ругательствами и трактуете меня, какъ язычника, меня, который родился и выросъ среди васъ, между тѣмъ какъ принимаете и превозносите похвалами человѣка, который родился и выросъ между латинянами и до сихъ поръ остается чуждымъ намъ и по одеждѣ и по выговору. Если дѣло идетъ о моемъ ученіи, то пусть императоръ созоветъ соборъ и поручитъ ему разсмотрѣть, содержится ли въ немъ что́ либо противное ученію священ. Писанія и отцовъ церкви. И если окажется, что нѣтъ, то за что же вы поносите меня такъ, какъ могутъ поносить лишь невѣжды и площадные крикуны?» Веккъ нарочно сказалъ эти слова публично, чтобы онѣ переданы были царю. По словамъ Григоры, онъ «надѣялся достигнуть одного изъ двухъ: или своимъ видомъ, своимъ лицомъ и рѣчью добиться отъ судей человѣколюбія, или же дать всѣмъ знать о нихъ, какъ о людяхъ безжалостныхъ и жестокихъ» (1).

Андронику дѣйствительно скоро были переданы рѣчи Векка, и онъ «нашелъ, что требованіемъ его пренебрегать не слѣдуетъ,—иначе можно посѣять въ головахъ многихъ подозрѣніе, что человѣка обижаютъ; а тогда въ народѣ начнутся нескончаемыя ругательства противъ мнимыхъ обидчиковъ, сперва втихомолку, а со временемъ открыто и въявь» (2). Вслѣдствіе этихъ соображеній рѣшено было созвать соборъ въ триклиніѣ Алексѣя, въ томъ самомъ, гдѣ собирался соборъ, низложившій Арсенія. На соборѣ присутствовали кромѣ множества архіереевъ, монаховъ

(1) Григор. стр. 161—162.
(2) Тамъ же стр. 162.

и почетнѣйшихъ изъ мірянъ два патріарха—Константинопольскій Григорій и Александрійскій Аѳанасій. Послѣдній, страдавшій разслабленіемъ въ ногахъ, былъ принесенъ въ залу собранія на носилкахъ, на которыхъ оставался и во все время засѣданія. Императоръ лично предсѣдательствовалъ на соборѣ, окруженный членами сената и чинами своего двора. Великій логоѳетъ Музалонъ помѣстился близъ патріарха Григорія, чтобы поддержать его въ случаѣ нужды своимъ авторитетомъ и своими богословскими познаніями. Беккъ предсталъ на соборъ въ сопровожденіи своихъ сподвижниковъ и товарищей по ссылкѣ архидіаконовъ Мелетиніота и Метохита ([1]).

Преніе между Беккомъ, Мелетиніотомъ и Метохитомъ съ одной стороны, и ихъ противниками съ другой—весьма подробно и обстоятельство изложено у Пахимера, но мы коснемся его лишь на столько, на сколько оно входитъ въ нашу исторію.

Предметомъ пренія были нѣкоторыя изреченія о.о. церкви, которыя Беккъ приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ защиту уніи, и въ которыхъ.

([1]) Pachym. lib. 1. c. 34 p. 89—90. Акты этого собора были открыты Сирмондомъ, который доставилъ списки съ нихъ продолжателямъ лѣтописей Баронія-Генриху Спондану и Одорику Райнальду. Первый изъ нихъ относитъ этотъ соборъ къ 1283 г. (n. 10), второй къ 1284 (n. 48). Это разнорѣчіе въ опредѣленіи времени собора обоими учеными происходитъ отъ того, что начальный листъ актовъ, на которыхъ, по всей вѣроятности, было точно обозначено время созванія собора, испорченъ. Но мнѣніе Райнальда во всякомъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ этотъ соборъ былъ созванъ послѣ Атрамитскаго, бывшаго несомнѣнно въ 1284 г. Притомъ, соображая естественный ходъ событій въ связи съ крайней медлительностью Андроника во всѣхъ мѣропріятіяхъ, мы должны относить созваніе собора этого къ концу 1284, или даже началу 1285 г. Лямбезій относитъ начало его къ концу 1287, а конецъ къ началу 1288 г. (T. V. Commentariovum bibleotheeae caesareae Yindobonensis p. 116).

по его мнѣнію, излагалось ученіе, благопріятствовавшее латинскому ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и отъ Сына. Особенно жаркій споръ былъ вызванъ однимъ мѣстомъ изъ твореній св. Іоанна Дамаскина, гдѣ св. отецъ называетъ Бога Отца *Προβολεὺς διὰ λόγȣ ἐκφαντορικοῦ Πνεύματος*, Изводителемъ Духа Возсіявателя чрезъ Слово. Мелитиніотъ и Метохитъ, которые привели это мѣсто, замѣтили, что со словомъ *προβολεὺς* они соединяютъ тотъ же самый смыслъ, который принято соединять со словомъ *Αἴτιος* (Виновникъ) въ приложеніи къ первому лицу Св. Троицы и для обозначенія Его отношеній къ двумъ остальнымъ». Но, присовокупили они, мы этимъ не хотимъ сказать, что Сынъ, имѣющій бытіе отъ Отца, есть Виновникъ Духа Святаго, ни того, что Онъ есть Виновникъ Духа Святаго вмѣстѣ съ Отцемъ (т. е. что вмѣстѣ съ Отцемъ изводитъ Духа Святаго). Напротивъ мы анаѳематствуемъ всякаго, кто говоритъ такимъ образомъ. Мы говоримъ только, что Отецъ есть Виновникъ Духа Святаго чрезъ Сына, поелику слово Изводитель принимается въ смыслѣ Виновника.»

На это великій логоѳетъ имъ замѣтилъ: «Какъ же вы не говорите, что Сынъ, пріемлющій бытіе отъ Отца, не есть Виновникъ Духа Святаго, когда утверждаете, что Отецъ есть Виновникъ Духа Святаго чрезъ Сына? Развѣ сказать, что Отецъ изводитъ Святаго Духа не иначе какъ чрезъ Сына, Который раждается отъ Него, не значитъ приписать Сыну истинную причинность относительно Святаго Духа?»

Архидіаконы, желая отклонить отъ себя упрекъ въ непослѣдовательности, отвѣтили, что когда богословы изъясняютъ божественныя тайны, то хотя

употребляютъ самыя тонкія и возвышенныя выраженія, но эти выраженія, какъ бы тонки и возвышены не были—все таки могутъ показаться грубыми и недостойными божественнаго величія, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія слабаго разума человѣческаго. «Развѣ мы не говоримъ, присовокупили они, въ подтвержденіе своихъ словъ, что Отецъ есть Богъ совершенный, что Сынъ есть Богъ совершенный и что Духъ Святый есть Богъ совершенный? И однако кто же думаетъ заключать отсюда, что мы признаемъ трехъ боговъ? Равнымъ образомъ развѣ мы не говоримъ, что Отецъ родилъ Сына? А кто не знаетъ, какъ злоупотребилъ этимъ выраженіемъ Арій, который вывелъ изъ него заключеніе, что Они не совѣчны по бытію, а что существуетъ извѣстный промежутокъ времени между бытіемъ Того и Другаго. Это однако не мѣшаетъ намъ оставаться твердыми въ вѣрѣ и отвращаться его богохульства. Такъ и здѣсь:—мы принимаемъ истину, возвѣщаемую Св. Писаніемъ, и отвергаемъ ложныя заключенія, которыя изъ нея дѣлаютъ».

Великій хартофилаксъ Георгій Мосхампаръ высказалъ было предположеніе, что приведенное архидіаконами изреченіе св. Дамаскина подложно; но великій логоѳетъ, наклонившись къ его уху, сказалъ такъ, чтобы другимъ было не слышно: «чтожъ о насъ подумаютъ, если мы будемъ основываться на такихъ слабыхъ доказательствахъ? Мѣсто, которое ты заподозрилъ, читается буквально въ Ἱερὰ Ὁπλοθήκη (священ. оружехранилище), какъ несомнѣнно принадлежащее св. Дамаскину». За тѣмъ, возвысивши голосъ, онъ сказалъ, обращаясь къ своимъ противникамъ: «я со-

гласенъ съ тѣмъ, что это мѣсто дѣйствительно принадлежитъ св. Іоанну Дамаскину, но не согласенъ съ тѣмъ, что будто Духъ Святый получаетъ Свое бытіе отъ Отца чрезъ Слово или чрезъ Сына, такъ такъ если бы я согласился съ этимъ, то дозволилъ бы себѣ нѣчто болѣе дерзновенное, чѣмъ тѣ, которые говорятъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына. Ибо когда латиняне говорятъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и отъ Сына, то употребленіемъ одного и того же предлога (*отъ*) они уравниваютъ оба лица, и тѣмъ нѣкоторымъ образомъ смягчаютъ то, что есть отталкивающаго въ ихъ ученіи, а когда я слышу, что Духъ Святый исходитъ *отъ* Отца *чрезъ* Сына, то различіе употребляемыхъ въ томъ и другомъ случаѣ предлоговъ даетъ и различныя идеи о способѣ изволенія Св. Духа Отцемъ и Сыномъ,— именно въ одномъ смыслѣ является виновникомъ изволенія Отецъ и въ иномъ Сынъ, и так. обр. вводится въ актѣ изволенія величайшее различіе въ богоначальныя упостаси,—а что̀ можетъ быть хуже этого»?

Сказавши это, великій логоѳетъ думалъ, что сказалъ нѣчто такое, противъ чего его противники не имѣютъ отвѣта. Они однакожъ отвѣчали: «къ чему же ты направляешь свои слова противъ насъ? Направляй ихъ противъ того, чье изреченіе мы привели. Одно изъ двухъ—или это изреченіе Дамаскина должно быть отвергнуто, какъ неудачное, или принято какъ оно есть. За что же насъ обвиняете въ ереси, когда мы съ такимъ же уваженіемъ пріемлемъ это изреченіе св. Дамаскина, съ какимъ принимаете и вы»?

На это патріархъ Григорій имъ замѣтилъ: «кто жъ не уважаетъ св. евангелія, встрѣчая въ немъ

напр. слова: *Отецъ Мой болій Мене есть?* Но не достаточно принимать только съ должнымъ уваженіемъ эти слова, а необходимо и понимать ихъ согласно съ мыслію ихъ Божественнаго автора. Что же толку въ томъ, что вы принимаете эти слова св. Іоанна Дамаскина, когда вы ихъ криво толкуете? Изреченія св. отцевъ находятся въ тѣсной связи и въ полномъ согласіи одно съ другимъ, такъ какъ они произошли хотя и различнымъ образомъ (по формѣ) отъ одного и того же Духа. Докажите же намъ, что и другіе отцы говорили такимъ же образомъ. А такъ какъ вы этого доказать не можете, то явный знакъ, что вы искажаете смыслъ словъ св. Дамаскина, влагаете въ нихъ мысль, противную согласному ученію остальныхъ отцевъ».

Рѣчь патріарха поставила въ большое затрудненіе архидіаконовъ: не имѣя, что отвѣтить на вторую ея половину, они ограничились слѣдующимъ отвѣтомъ на первую: «на слова евангелія, которыя приведены тобою, существуютъ изъясненія о.о. церкви, которыя не позволительно отвергать. Приведенныя нами слова св. Дамаскина должны быть также объяснены. Такъ какъ наше объясненіе вы отвергаете, то скажите намъ свое, чтобы мы могли имъ замѣнить наше, если оно окажется болѣе вѣрнымъ».

Патріархъ отвѣтилъ: «вполнѣ достаточнымъ изъясненіемъ этихъ словъ св. Дамаскина служитъ ученіе, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца».

«Кто же возражаетъ противъ этого? отвѣчали архидіаконы. И мы говоримъ то же самое и въ соблюденіи этой истины полагаемъ надежду на спасеніе».

«А если вы принимаете это толкованіе словъ св.

Дамаскина, то за чѣмъ же вамъ было выставлять другое ихъ толкованіе?» возразилъ имъ великій логоѳетъ.

«Этого требовали обстоятельства времени, — необходимо было успокоить народъ»,—отвѣчали архидіаконы».

«А теперь», прибавилъ къ этому Веккъ, «мы пожалуй уступимъ вамъ это изреченіе, если вы находите его нѣсколько смѣлымъ; мы настаивали на немъ потому лишь, что оно давало намъ возможность оправдываться въ преступленіи, въ которомъ вы насъ обвиняли, — именно: будто мы искажаемъ здравое ученіе. Тебя, великій логоѳетъ, столь хорошо знакомаго съ основами здраваго сужденія, я умоляю благосклонно меня выслушать».

«Пожалуста безъ лести!» прервалъ его Музалонъ.

«Я и не думалъ льстить, отвѣчалъ ему Веккъ,—я прошу лишь вниманія къ тѣмъ сравненіямъ, которыя имѣю предложить для объясненія возвышенныхъ тайнъ, которыя другимъ путемъ не могутъ быть объяснены достойнымъ ихъ образомъ. Я впрочемъ не позволю себѣ приводить здѣсь никакихъ другихъ сравненій кромѣ тѣхъ, которыя я нахожу въ твореніяхъ отцовъ церкви. Они говорятъ, напр., что солнце, лучь и свѣтъ служатъ образами этого таинства, которое впрочемъ не имѣетъ себѣ точнаго подобія. У нихъ же я встрѣчаю и другое сравненіе—съ источникомъ, водой и потокомъ. Лучь непосредственно исходитъ отъ солнца, но въ то же время исходитъ и свѣтъ, прежде чѣмъ лучь будетъ замѣченъ глазами. Спрашивается: что же служитъ причиною свѣта—лучь или солнце? На это разсужденіе наводитъ меня св. Григорій Нисскій,

когда говоритъ, что «мы различаемъ между тѣмъ, что *отъ* причины, и тѣмъ, что *чрезъ* причину. Ибо то — непосредственно *отъ* перваго, а это *чрезъ* то, что непосредственно отъ перваго (1).

«Такъ ты не признаешь Духа Святаго, непосредственно соединеннымъ съ Отцомъ, какъ Сына? возразилъ ему патріархъ со своими сторонниками. Чьи же уши могутъ вынести такія рѣчи? О Сынѣ говорятъ, что Онъ непосредственно съ Отцомъ, а о Духѣ—что Его отдѣляетъ отъ Отца какое то пространственное разстояніе! Не безсмыслица ли это? Ибо если Господь сказалъ: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ*; то съ такимъ же правомъ можно сказать то же самое и о Святомъ Духѣ. Если мы хотимъ быть православными, то должны говорить, что Духъ Святый во Отцѣ и Отецъ во Св. Духѣ, равно какъ, что Духъ Святый въ Сынѣ и Сынъ во Св. Духѣ».

«Совершенно справедливо, отвѣчалъ Беккъ, и вполнѣ раціонально признавать, что Духъ Св. не отдѣленъ ничѣмъ отъ Отца, что Онъ соединенъ съ Нимъ непосредственно, какъ свѣтъ — если позволено мнѣ будетъ возвратиться къ прежнему сравненію,—непосредственно соединенъ съ солнцемъ. Противъ этого я не спорю. Но нельзя сказать, что Духъ Святый непосредственно отъ Отца, поелику св. Григорій говоритъ, что Сынъ непосредственно отъ Отца, а что Духъ Святый отъ Того, Кто непосредственно отъ Отца». Что же касается пространственнаго, или временнаго разстоянія, которое, по вашимъ словамъ,

(1) ...ὁ Νύσσης Γρηγόριος λέγων τοῦ δὲ ἐξ αἰτίας ὄντος, τουτέστι τῶν αἰτιατῶν, πάλιν ἄλλην διαφορὰν ἐννοοῦμεν· τὸ μὲν γὰρ προσεχῶς ἐκ τοῦ πρώτου, τὸ δὲ διὰ τοῦ προσεχῶς ἐκ τοῦ πρώτου.

вводится будто бы нами между Отцомъ и Св. Духомъ, то это такая нелѣпость, которой и опровергать не стоитъ. Правда, когда говорится, что Сынъ раждается отъ Отца,—то этимъ дается понять, что тутъ дѣло идетъ о плотскомъ выдѣленіи и разлученіи одного отъ другого, но когда къ этому присовокупляется, что Онъ раждается нераздѣльно (ἀδιαστάτως), то этимъ ясно показывается, что хотя Сынъ и отъ Него, но не такъ, чтобы отдѣлялся отъ Него. Такъ же точно представляемъ мы и отношеніе между Отцомъ и Духомъ Святымъ. Но для большей точности обратимся опять къ сравненію. Мы говоримъ, что свѣтъ исходитъ изъ солнца при посредствѣ луча, но въ тоже время мы не отрицаемъ того, чтобы свѣтъ не былъ соединенъ съ солнцемъ посредствомъ луча. Вотъ почему святый (Григорій Нисскій) присовокупилъ, что *посредничество Сына въ одно и тоже время и Его свойство Единороднаго сохраняетъ и не отнимаетъ у Духа связи съ Отцомъ* (1).

На это патріархъ Александрійскій замѣтилъ ему со своихъ посылокъ: «мы хранимъ ученіе церкви въ томъ видѣ, въ какомъ его приняли; а говорить такъ, какъ вы говорите, мы не научены. Если бы церковь содержала это въ болѣе пространномъ видѣ, то всеконечно не скрыла бы и отъ насъ. А поелику она содержитъ вѣру просто и безхитростно (ἀπεριέργως), то и мы будемъ также точно хранить догматы вѣры, въ которыхъ мы воспитаны: и къ чему вы усиливаетесь вводить въ церковь Божію то, чего мы не приняли

---

(1) Διὰ τοῦτο καὶ ἐπιφέρει ὁ ἅγιος τῆς τοῦ υἱοῦ μεσιτείας καὶ αὐτῷ τὸ μονογενὲς φυλαττούσης, καὶ τὸ πνεῦμα τῆς τοῦ πατρὸς σχέσεως μὴ ἀπειργούσης.

говорить? Оставьте все это, и тогда миръ между нами и вами установится».

«Но мы говоримъ все это потому, Владыка, что насъ обвиняютъ въ ереси», сказали они.

«И справедливо поступаютъ, отвѣтилъ Аѳанасій; всякое необычное нововведеніе, хотя бы то и безопасное, можетъ считаться ересью; и потому я снова увѣщеваю васъ—присоединитесь къ общему мнѣнію и миръ легко возстановится при посредничествѣ святаго царя нашего ([1])».

Въ томъ же направленіи шли пренія и дальше. Обѣ стороны старались перещеголять одна другую діалектическими тонкостями и вслѣдствіе этого постоянно уклонялись въ сторону, стараясь не о томъ, чтобы общими усиліями выяснить предметъ спора, а о томъ, чтобы поставить на своемъ. Между прочимъ Веккъ, отклоняя отъ себя упрекъ въ ереси, оборотилъ этотъ упрекъ къ самимъ же членамъ собора и, когда патріархъ отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ потребовалъ доказательствъ, вынулъ изъ-за пазухи одну рукопись и, прочитавши изъ ней нѣсколько словъ, спросилъ Григорія: «какъ онъ находитъ высказанныя авторомъ мысли»? Патріархъ призналъ ихъ еретическими; то же подтвердилъ великій логоѳетъ и другіе. Великій хартофилаксъ Мосхампаръ, оказавшійся авторомъ злополучной рукописи, началъ говорить что-то въ свою защиту; но Веккъ, довольный тѣмъ, что ему удалось озадачить своихъ противниковъ, прервалъ его и съ улыбкой сказалъ патріарху: «мы думали, что это твое сочиненіе, а если оно принадлежитъ этому господину, какъ онъ самъ сознался, то

([1]) Pachym. lib. I. c. 35 p. 90—103.

намъ нѣтъ до него дѣла,—это блоха на дышлѣ, которая не можетъ ни поднять, ни опустить козелъ колесницы ([1])».

Въ заключеніе спора Веккъ предложилъ слѣдующій проэктъ соглашенія: «если позволите, я откровенно выскажусь относительно раздѣляющаго насъ пререканія, такъ какъ я столь же искренно желаю мира, какъ и вы. Мы, по обстоятельствамъ времени, приводили мѣста изъ твореній отцевъ церкви, считая ихъ твердо обоснованными (ἀσφαλῶς ἔχοντα) и православными. Посему мы принимали и пріемлемъ и того, кто исповѣдуетъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, ибо это изреченіе (λόγος) Самаго Господа и собора ([2]) и сами мы въ каждый день то же самое исповѣдуемъ ([3]). Но въ то же время мы пріемлемъ и того, кто говоритъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, такъ какъ онъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ цѣлому седьмому вселенскому собору ([4]): а кто не чтитъ иа-

([1]) Ψύλλα τις ἐπικαθίσασα τῷ τῆς ἁμάξης ῥυμῷ οὔτ ἀνασπᾶν οὔτε κατασπᾶν ἔχει τὴν πείρινθα. Игра обоюдностью значенія слова Μοσχαμπάρ.

([2]) Втораго вселенскаго.

([3]) Читая символъ Никео-цареградскій.

([4]) Веккъ разумѣетъ окружное посланіе св. Тарасія къ патріархамъ Александрійскому, Антіохійскому и Іерусалимскому, которое было читано на VII всел. соборѣ и присоединено къ его актамъ. Въ этомъ посланіи между прочимъ читались по рукописи, бывшей въ рукахъ Векка слѣд. слова: καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, τὸ ἐκ πατρὸς δι' Υἱοῦ ἐκπορευόμενον, καὶ αὐτὸ Θεὸν εἶναι γνωριζόμενον. Кромѣ Векка эти слова цитовали: Никифоръ Влеммидъ Orat. 1 и 24 26 (Graeciae Orthodoxae t. 1 p. 31—38). Константинъ Мелетиніотъ Orat. 1. (Ibid t. II. p. 695—696), Георгій Метохитъ съ Максимомъ Планудисомъ (Ibid p. 924. sq.), Мануилъ Калека (Lib I. p. 386. Lib. VI p. 442 sq.), Андрей Родосскій въ 7 засѣданіи флорентинскаго собора (Hard. IX. 100) Виссаріонъ Никейскій (Ibid. p. 344), Іосифъ Меѳонскій (Ibid p. 574), Григорій Протосинкеллъ (Ib. p. 623) и Левъ Аллацій (contra Hotting. c. 20 p. 521. Virdic. Syn. Ephesinae c. 48 p. 263). Но на флорентинскомъ соборѣ въ рукописномъ кодексѣ, находившемся въ рукахъ латинянъ, вмѣсто

реченій отеческихъ, того мы считаемъ дерзновеннымъ. Вотъ, въ настоящую минуту, здѣсь присутствуютъ патріархи, епископы и весь клиръ, равно какъ и почетнѣйшіе изъ мірянъ. Я желаю вступить въ общеніе съ вами, признавая васъ за православныхъ, предпочитаю даже раздѣлить вмѣстѣ съ вами и осужденіе отъ правосуднаго судіи—Бога, если вы уклонились въ чемъ либо отъ православія, чѣмъ оберегать собственную безопасность. И хотя настойчивость, съ какою вы требуете отъ меня и отъ моихъ товарищей, чтобы мы отвергли отеческій догматъ, имѣющій за себя столь почтенную древность и столь многими уважаемый, между тѣмъ какъ сами вы не обращаете на него ни малѣйшаго вниманія, и кажется мнѣ не основательною,—поелику я всячески остерегаюсь какъ бы не уклониться мнѣ отъ чистоты православія,—тѣмъ не менѣе я готовъ отказаться отъ своего мнѣнія, всецѣло присоединиться къ вамъ и быть вашимъ ученикомъ. Ведите меня, куда хотите: я всюду послѣдую за вами, если вы будете предшествовать мнѣ своимъ примѣромъ. Пусть будетъ составлено опредѣленіе (ἐκτεθέτω ὅρος), пусть будетъ отмѣненъ этотъ догматъ, пусть будетъ отвергнуто слово: *чрезъ Сына*, если хотите. И если я не послѣдую за вами—хотя я очень хорошо знаю, какъ опасно подобное пренебреженіе къ изреченіямъ отеческимъ,—то беру на себя одного отвѣтственность въ чемъ бы меня за это не обвиняли—въ измѣнѣ-ли убѣжденію, или въ ереси, такъ какъ—снова повторяю это—я предпочитаю быть оправдан-

---

словъ δι' υἱοῦ стояли слова ἐκ υἱοῦ, а въ кодексѣ, находившемся въ рукахъ грековъ, не оказалось ни тѣхъ ни другихъ словъ. Vid. Ἡ ἁγία καὶ οἰκουμενικὴ ἐν Φλωρεντίᾳ σύνοδος. Ἐν Ῥώμῃ. 1865 г.)

нымъ или осужденнымъ вмѣстѣ съ вами. Но если вы затрудняетесь это сдѣлать, возлагая на насъ однихъ всю тяжесть отвѣтственности за подобное дѣло, то въ свою очередь, развѣ мы не имѣемъ основанія,—скажу болѣе—развѣ не вынуждаемся, въ виду вашихъ опасеній и колебаній, и сами бояться, какъ бы намъ однимъ не подвергнуться опасности, если мы одни рискнемъ сдѣлать это?».

«Но вѣдь мы ничего объ этомъ не писали, возразили имъ сторонники Григорія. Вѣдь вы одни писали объ этомъ и вызвали все это броженіе. Вамъ однимъ нужно и отказаться отъ всего этого. И что же вамъ мѣшаетъ сдѣлать это?

«Рискните вы первые на это, отвѣтилъ Беккъ со своими товарищами. Этимъ вы уврачуете немощную совѣсть братій вашихъ и пріобрѣтете ихъ для себя».

Затѣмъ разговоръ снова сбился на колкости; взаимное раздраженіе возрасло до того, что Беккъ, обратившись къ императору, громко и рѣзко сказалъ, что волненіе въ церкви не успокоится до тѣхъ поръ, пока Григорій будетъ занимать патріаршій престолъ».

Андроникъ, безмолвно и неподвижно сидѣвшій до сихъ поръ, страшно вспылилъ при этой выходкѣ Векка. Не владѣя собой, онъ всталъ съ своего трона и, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, сказалъ, обратившись къ Векку и его товарищамъ: «вы находите, что церковь еще недостаточно страдала? Вамъ мало ея прежнихъ напастей, и вы снова хотите замутить ее? Вы хотите поставить ее между двумя огнями—между нападками раскольниковъ съ одной стороны и вашими собственными вздорными разглагольствованіями (ἐνευκαιρίαις) съ другой. Вы хотите, чтобы единая и нераздѣльная

церковь, за которую Христосъ пролилъ свою кровь, была растерзана своими собственными чадами?»...

Долго и хорошо говорилъ императоръ, замѣчаетъ нашъ историкъ. Онъ былъ истинно краснорѣчивъ въ эту минуту; но тщетно сыпалъ онъ цвѣты своего краснорѣчія. Они не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія и ни на волосъ не измѣнили враждебнаго настроенія присутствовавшихъ. «Это отъ того, заключаетъ историкъ, что не о Божіей правдѣ заботились присутствовавшіе, а всякой наровилъ поставить свою правду» ([1]).

Дѣло кончилось тѣмъ, что Беккъ и его сподвижники, не хотѣвшіе отступиться отъ своихъ убѣжденій, были осуждены, какъ еретики, и за упорство въ ереси—заключены въ крѣпость св. Григорія, въ которой, за два года предъ тѣмъ, томилась знаменитая Евлогія.

Этотъ неожиданный эпизодъ изъ исторіи ліонской уніи, которую всѣ считали уже окончательно сданною въ архивъ, завязалъ первый узелъ въ длинной цѣпи непріятностей и треволненій, разразившихся надъ патріархомъ Григоріемъ и осложнившихъ церковныя смуты и нестроенія новымъ яблокомъ раздора къ великой радости арсенитовъ

«Удалившись со сцены, Беккъ, по словамъ Пахимера, оставилъ по себѣ нѣчто подобное тому, что́ оставляютъ въ тѣлѣ ужаленнаго человѣка пчелы послѣ своего удаленія» ([2]). Жгучей болячкой засѣли въ душѣ его противниковъ его доводы въ свою защиту, представленные на диспутѣ. Они не могли не

([1]) Pachym. lib. I. c. 35 p. 90—102

([2]) Pachym. lib. II. c. 1 p. 108.

сознавать, что безусловно отвергнуть эти доводы еще не значитъ опровергнуть ихъ. Особенно смущалъ ихъ его доводъ, основанный на извѣстномъ изреченіи св. Дамаскина. Хотя патріархъ Григорій и заявилъ на диспутѣ, что вполнѣ достаточнымъ изъясненіемъ этого изреченія служитъ ученіе, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца; но, послѣ спокойнаго обсужденія дѣла, его сторонники находили это изъясненіе недостаточнымъ, такъ какъ оно обходило вопросъ, а не разрѣшало его. И потому они не могли успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отыщутъ такого объясненія словъ св. Дамаскина, которое было бы, съ одной стороны, противно объясненію Векка, съ другой—согласно съ мыслію св. Дамаскина. На предположеніи Мосхампара на счетъ подложности этого изреченія, основанномъ на отсутствіи его въ нѣкоторыхъ экземплярахъ твореній св. Дамаскина, они не могли успокоиться потому, что это изреченіе буквально читалось въ Ἱερὰ Ὁπλοθήκη, какъ подлинное, съ той только оговоркой, сдѣланной на полѣ автографа рукою самого императора Мануила Комнина, что «св. Дамаскинъ не говоритъ здѣсь, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, а что Онъ исходитъ чрезъ Сына и чрезъ Слово» (1). Притомъ было и другое обстоятельство, удерживавшее ихъ отъ принятія предположенія Мосхампара: въ той же главѣ, гдѣ находилось это изреченіе св. Дамаскина, было другое изреченіе, чрезвычайно имъ благопріятствовавшее. Вотъ это изреченіе: «мы не говоримъ, что Духъ отъ Сына» (2). Такимъ образомъ отверженіе подлинности перваго изреченія повлекло бы за собою

(1) Ὡς οὐκ ἐξ υἱοῦ ἀλλὰ διὰ λόγου τε καὶ υἱοῦ ὁ θεολογῶν ἀπεφήνατο.
(2) Ἐκ τοῦ υἱοῦ δὲ τὸ πνεῦμα οὐ λέγομεν.

отверженіе подлинности и другого и, слѣдовательно, лишило бы ихъ одного изъ самыхъ сильныхъ оружій противъ Векка. Между тѣмъ признаніе подлинности того и другого давало имъ въ руки обоюдуострый мечь, который одной своей стороной поражалъ латинянъ, другой ихъ защитниковъ, основывавшихъ свою защиту на тождествѣ предлоговъ ἐκ и διά. Отрицая исхожденіе Св. Духа отъ (ἐκ) Сына, св. отецъ тѣмъ самымъ отвергалъ и исхожденіе Его чрезъ (διά) Сына, и такимъ образомъ защитникамъ латинянъ преграждалась возможность оправдывать ихъ чрезъ отождествленіе обоихъ предлоговъ... Вслѣдствіе этого соображенія они находили нужнымъ признать подлинность всей главы, въ которой находились оба эти изреченія, и лишь озабочивались изъясненіемъ ихъ въ православномъ смыслѣ. А такъ какъ никто не могъ разрѣшить этой задачи лучше патріарха Григорія, который былъ ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени, то они и стали осаждать его просьбами взять на себя этотъ трудъ, долженствовавшій, по ихъ соображеніямъ, служить для потомства столпомъ православія (στήλην εὐσεβείας) и обличеніемъ для уклонившихся отъ него. Патріархъ дѣйствительно принялся за дѣло и написалъ превосходное сочиненіе (γενναῖον τόμον), въ которомъ разбиралъ и опровергалъ противниковъ по пунктамъ.

Τόμος Григорія былъ сначала прочитанъ громогласно въ церкви съ амвона и потомъ подписанъ царемъ, патріархомъ, сорока двумя епископами и двадцатью восемью клириками (¹).

(¹) Pachym. lib. II. c. I. p. 108—111. Сохранилось ли это произведеніе Григорія до нашего времени—неизвѣстно. По заглавію, ему, повидимому, соотвѣтствуетъ Ὁ Τόμος τῆς ἁγίας συνόδου, ἤτοι στήλη Ὀρθοδοξίας, занимающій по словамъ Ламбеція (V t. Comment), num. 3. въ руко-

Но этому произведенію патріарха, долженствовавшему, по мысли его сторонниковъ, служить непоколебимымъ памятникомъ православія, суждено было послужить новымъ камнемъ претыканія не только для враговъ Григорія, но и для многихъ и притомъ ближайшихъ его друзей и почитателей.

Началось съ того, что нѣкоторые изъ клириковъ отказались подписать Τόμος подъ тѣмъ предлогомъ, что боятся подвергнуться за свою подпись непріятностямъ и напастямъ, въ родѣ тѣхъ, которыя разъ они уже и испытали отъ «ревнителей», не смотря на то, что подпись (вѣроятно къ акту уніи, или другому съ нимъ аналогическому), за которую они подверглись этимъ напастямъ, была сдѣлана ими не добровольно, а по принужденію. Что если настанетъ такое время, когда признано будетъ нужнымъ отмѣнить тò, что теперь постановляется, и осудить сочиненіе, которое теперь заставляютъ насъ одобрить,—чѣмъ мы будемъ тогда гарантированы отъ наказанія»?—спрашивали они и, нужно сознаться, опасенія, внушавшія имъ этотъ вопросъ, были вполнѣ основательны, какъ показали послѣдствія. Тщетно патріархъ и другія, скрѣпившія Τόμος своею подписью, власти и лица, старались растолковать имъ, что между тогдашнимъ ихъ

пискомъ греческомъ сборникѣ императ. Вѣнской библіотеки за № 269, но такъ какъ по начальнымъ словамъ, приведеннымъ у Ламбеція, онъ тождественъ съ Ἔκθεσις τȣ̃ τόμȣ, изданнымъ Бандуріемъ въ II-мъ томѣ его Imperium Orientale, то *и нужно признать* его за одно и тоже произведеніе съ этимъ *послѣднимъ*. Между тѣмъ Бандурій отличаетъ Ἔκθεσις отъ *Τόμος*, *какъ* два разныя произведенія Григорія (p. 650). Отрывки изъ него цитуются у Вріеннія въ 4 Orat. de Trinitate, у Аллація въ его Vindiciae Synodi Ephesinae и особенно у Векка въ его трактатахъ противъ Τόμος—а, напечатанныхъ въ II т. Graeciae Orthodoxae Аллація Эти отрывки значительно рознятъ съ текстомъ Ἔκθεσις—а и так. обр. подтверждаютъ мнѣніе Бандурія.

согласіемъ на унію и нынѣшней подписью существуетъ громадное различіе,—что тогда они присоединялись къ дѣлу, завѣдомо не законному, и одобряли ученіе несомнѣнно еретическое, а теперь требуютъ ихъ подписей къ акту, совершенно законному, и къ ученію, вполнѣ православному,—они остались при своемъ и, вслѣдствіе этого, были лишены своихъ должностей и званій. Нежеланіе подписать опасный документъ было истолковано въ смыслѣ желанія остаться вѣрными своей уніи съ латинянами.

Осужденные энергически отвергали это толкованіе, какъ совершенно произвольное и несправедливое, и признались, что ихъ соблазняетъ въ Τόμος-ѣ патріарха объясненіе словъ св. Дамаскина, которыя Веккъ приводилъ въ свое оправданіе и въ своихъ сочиненіяхъ и во время устныхъ преній на соборѣ въ Алексѣевскомъ триклиніѣ. Вотъ это объясненіе: «если у великаго богослова Дамаскина встрѣчается выраженіе, что Отецъ есть Изводитель Духа чрезъ Сына, то это выраженіе имѣетъ цѣлію объяснить не исхожденіе Духа а Его вѣчное возсіяніе» (¹). Они говорили, что не понимаютъ этого объясненія, и просили объяснить имъ различіе между исхожденіемъ и возсіяніемъ, тѣмъ болѣе, что святые отцы безразлично называютъ иногда *возсіяніемъ* какъ *рожденіе* Сына, такъ и *исхожденіе* Духа отъ Отца, и слѣдовательно принимаютъ ис-

(¹) Εἰ δὲ καὶ παρὰ τῷ θεολογικωτάτῳ Δαμασκηνῷ τὸ διὰ λόγου εὕρηται προβολεύς, οὐ τὴν εἰς τὸ εἶναι καθαρῶς τοῦ πνεύματος πρόοδον ἡ λέξις δηλοῦν βούλεται, ἀλλὰ τὴν εἰς ἀΐδιον ἔκφανσιν. Pachym. lib II, c. 1. p. 113. Буквально это мѣсто изъ Τόμος-α, если вѣрить Вріеннію (de Trinitate), со словъ котораго цитуетъ его Аллацій въ своихъ Vindiciae Synodi Ephesinae, cap. 60, читалось такъ: εἰ γὰρ διὰ τοῦ Υἱοῦ παρά τισι τῶν ἁγίων ἐκπορεύεσθαι τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον εἴρηται τὴν εἰς ἀΐδιον ἔκφανσιν ἡ λέξις ἐνταῦθα, οὐ τὴν εἰς τὸ εἶναι καθαρῶς σημαίνειν βούλεται πρόοδον.

хожденіе и возсіяніе за одно и то же. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ согласились подписать Τόμος, если патріархъ и епископы дадутъ имъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что имъ не угрожаетъ за это никакая опасность, для того, чтобы они могли впослѣдствіи оправдать свою подпись, если не въ глазахъ людей, то по крайней мѣрѣ предъ Богомъ, и когда требуемое удостовѣреніе было имъ дано, они подписались (1).

Пока происходили описанныя нами затрудненія съ подписями Τόμος-а, документъ этотъ попалъ какими то судьбами въ руки Векка и встрѣтилъ въ немъ самаго злаго критика. Веккъ нашелъ въ немъ придраться ко многому, но главнымъ образомъ напалъ на то же мѣсто въ сочиненіи Григорія, которое послужило камнемъ преткновенія и для упомянутыхъ выше клириковъ. Онъ находилъ, что если слово «Изводитель» и дѣйствительно имѣетъ различное значеніе—иногда означаетъ Виновника, иногда Посылателя, или просто Сообщителя (Св. Духа), то слова «исхожденіе» и «вѣчное возсіяніе», во всякомъ случаѣ, означаютъ одно и то же (2), и, написавши «окружное посланіе» въ опроверженіе Τόμος-а, отдалъ своимъ друзьямъ для распространенія въ константинопольской публикѣ (3).

(1) Pachym. lib. II. c. 1 p. 113—114.

(2) Ταύτην δε μάλιστα τὴν ἐξήγησιν μὴ καλῶς ἔχουσαν τῆς ἐννοίας ἐπειρᾶτο δυκνύειν, ὡς ἢ μὴ ὁμωνομιζομένου δῆθεν τοῦ προβολέως καὶ ποτὲ μὲν εἰς αἴτιον ἐκλαμβανομένου ποτὲ δὲ εἰς δότην καὶ χορηγὸν τε καὶ ἁπλῶς παροχέα, ἢ εἰ μέλλοι ἁπλοῦν τὸ προβολέυς συντηρεῖσθαι, μιᾶς ἐννοίας δηλωτικὰς εἶναι ἀνάγκη καὶ ἀμφοτέρας τὰς λέξεις τὴν τε εἰς τὸ εἶναι πρόοδον καὶ τὴν εἰς αἴδιον ἔκφανσιν, καὶ οὕτως εἰς ταυτὸν συντρέχειν ἐκείνῳ τόν ὡς δῆθεν διαφερόμενον. Ibid. lib. II c. 2 p. 114.

(3) Объ этомъ сочиненіи Векка мы узнаемъ лишь изъ письма Григорія Кипрскаго къ императору Андронику (См. Христ. Чтен. за 1870 г. сентябрь, стр. 512). Хотя ученый издатель этого письма Мат-

Враги Векка, по словамъ Пахимера, отнеслись къ его произведенію весьма презрительно. Это однакожъ не помѣшало ему распространиться по всему городу и произвести всеобщее броженіе ([1]). Лица, не заинтересованныя въ личныхъ отношеніяхъ Векка къ Григорію, заинтересовались самымъ вопросомъ, который дебатировался между двумя противниками. Многіе, говоритъ историкъ, возгорѣлись желаніемъ самостоятельно изслѣдовать этотъ вопросъ, чтобы не быть поставлену въ опасность увлечься въ заблужденіе вслѣдъ за другими. Это желаніе особенно сильно обнаружилось въ тѣхъ, которые подписали Τόμος не по убѣжденію, а по природной податливости, и положившись на авторитетъ другихъ ([2]).

Но нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ приступили къ дѣлу съ тѣмъ же предубѣжденіемъ противъ патріарха Григорія, съ какимъ и Веккъ, хотя и по другимъ основаніямъ. Въ числѣ ихъ историкъ прежде всего упоминаетъ о великомъ хартофилаксѣ Эскамма

тіэ и думаетъ, что Фабрицій въ своей Bibl. Gr. (t. XI, p. 347, ed. Harl.) упоминаетъ объ этой энцикликѣ со словъ Николая Комнина Пападополи (въ его Praenotiones mystagogicae ex jure canonico, Patav. 1696), но и Фабрицій и Пападополи и самъ Веккъ въ своихъ замѣткахъ о своихъ сочиненіяхъ (у Алляція въ его Gr. Orthodoxae, t. II, p. 7) говорятъ только о „третьемъ сочиненіи“ (кромѣ двухъ напечатанныхъ у Алляція) Векка противъ Григорія, не называя его по имени, такъ что есть еще мѣсто сомнѣнію, дѣйствительно ли разумѣютъ они подъ этимъ „третьимъ сочиненіемъ“ энциклику. Что же касается предположенія Маттіэ, что упоминаемая здѣсь энциклика появилась осенью 1288 г., то мы не имѣемъ основанія ни отвергать, ни принимать его, такъ какъ наши источники даютъ намъ на этотъ счетъ самыя шаткія и неопредѣленныя указанія.

([1]) Этотъ фактъ подтверждаетъ и самъ Григорій Кипрскій въ цитованномъ выше письмѣ своемъ къ императору Андронику Старшему (Христіан. Чтен. за 1870 г. Сентябрь, стр. 512—513).

([2]) Pachym. lib II. c. 11. p. 115.

тисменѣ, преемникѣ Георгія Мосхампара. Къ нему присоединился и его предшественникъ Мосхампаръ съ товарищемъ своимъ Пентеклисіотомъ. Оба они не задолго предъ тѣмъ разошлись съ патріархомъ изъ-за какихъ то пустяковъ и, отрекшись отъ дружбы съ нимъ, сложили съ себя и свои должности Теперь они вздумали воспользоваться представившимся случаемъ и выместить свою досаду и злость на своемъ прежнемъ союзникѣ и покровителѣ. Не имѣя возможности напасть на его личность, они напали на его книгу (Τόμος). Критика Векка нанесла уже ей сильный ударъ въ глазахъ многихъ. Оставалось лишь добить ее. Но, какъ и слѣдовало ожидать, нападая на книгу патріарха, они тщательно отклоняли отъ себя подозрѣніе въ томъ, что они дѣлаютъ это изъ личныхъ счетовъ съ нимъ, а старались увѣрять всѣхъ и каждаго, что водятся единственно желаніемъ возстановить истину.

Понятно, что искатели истины, приступившіе къ своему исканію съ такими предрасположеніями къ патріарху, не могли не превратиться въ жаркихъ его противниковъ,—что̀ дѣйствительно и случилось. Что̀ и какъ писали эти новые противники патріарха противъ его книги, мы не знаемъ, потому что ихъ сочиненія не дошли до насъ (1); но вотъ какъ описы-

(1) *Аллацій* въ своемъ изслѣдованіи de Georgiis говоритъ: Multa in latinam ecclesiam, illiusque dogmata monumentis editis oblatravit, (т. е. Мосхампаръ) quibus Joannes Veccus patriarcha constantinopolitanus docte respondens, tanti nebulonis impetum fastumque compressit. Ego neque Moschamparis scripta, neque Ioannis *responsiones* vidi, id tamen habeo ab eodem patriarcha Ioanne, ex libro, cui ipse titulum *fecit*: ἐπισημείωσις τῆς τῶν ἀπασῶν αὐτοῦ βίβλων, καὶ γραφῶν συμφωνίας. Et incipit: *καὶ τὴν παροῦσαν δέξαι δὴ βίβλον*. Fabricii. *Bibl*: Ir. t. VII p. 47. ed. Harl. Въ цитуемомъ *Аллаціемъ* сочиненіи (Graeciae Orth. t II). Веккъ трижды упоминаетъ о сочиненіяхъ своихъ противъ Мосхампара (на стр. 3, 9 и 11); *но не называетъ* ни ихъ ни сочиненій Мосхампара, *противъ* которыхъ онѣ были направлены.

валъ ихъ самихъ Григорій въ письмѣ къ своему любимцу Іоанну, митрополиту ефесскому: «возстали среди насъ мужи, глаголющіе развращенная, и слову благочестія предстоитъ теперь борьба не съ дѣлами и словами Векка и не съ лицами, пріобщившимися къ этимъ словамъ и дѣламъ и ратующими за нихъ; ибо извѣстный тебѣ краткій *Τόμος* охватилъ тѣ и другія, какъ пламень громадную кучу хвороста, и истребилъ ихъ до конца; нѣтъ, — теперь предстоитъ борьба въ другомъ родѣ: люди, повидимому возстававшіе противъ упомянутыхъ враговъ церкви, по глупости увлекли догматъ изъ одной пропасти въ другую. Недавно еще, или по крайней мѣрѣ не очень давно, никогда ничего путнаго (*ὑγιὲς*) не выдумавшій и не сказавшій Эскамматисменъ сильно замололъ языкомъ (*πολὺς ἦν γλωσσαλγῶν*), понесъ всякую сумасбродную и вздорную чепуху (*τά τε μανιώδη αὐτοῦ καὶ βάρβαρα καὶ παράφορα φθεγγόμενος*) и возмутилъ покой церкви и нашъ собственный, а теперь является на сцену другой дуралей (*κακὸς*), ни въ чемъ не уступающій первому. Невѣжественный, пустой и дураковатый (*ἄγροικος καὶ κοῦφος καὶ εὐήθης*) Мосхампаръ внесъ въ область богословія какія то варварскія бредни (*βλασφημίας*) и дѣтскія толкованія и замутилъ ими чистый источникъ священныхъ догматовъ, точно божественные отцы, потрудившіеся надъ разъясненіемъ этихъ догматовъ, лишь по пусту время тратили. Со своей стороны. я по прежнему не принимаю никакихъ мѣръ противъ этаго стараго ребенка (*νηπιόφρονα τοῦτον γέροντα*); онъ отбился отъ рукъ и отъ словъ моихъ, да никогда и не былъ способенъ понять и принять ни одного умнаго совѣта, по своей ограниченности и тупоголовію. За то для кузнецовъ,

валяльщиковъ, портныхъ, сапожниковъ и другихъ ремесленниковъ онъ—золотой человѣкъ и дѣлаетъ съ ними что хочетъ, по пословицѣ: рыбакъ рыбака видитъ изъ далека (1). Прискорбно мнѣ это; да и какъ же иначе? Поневолѣ заболитъ душа, когда слышишь такія страшныя богохульства, когда видишь, что церковь не только не избѣгла отъ ересей, а напротивъ, подвергается опасности попасть изъ огня въ полымя и притомъ во время божественнаго объ ней промышленія (ἐν καιρῷ καὶ ταῦτα τῆς περὶ αὐτὴν ἐπισκοπῆς τοῦ Θεοῦ). Но что особенно прискорбно, такъ это то, что къ этому пагубному дѣлу (φθορᾶς) пристали нѣкоторые изъ такихъ лицъ, отъ которыхъ мы вовсе этого не ожидали. Чѣмъ они увлечены въ это дѣло я не буду допытываться, предпочитая прикрыть ихъ стыдъ и позоръ покровомъ тайны. Можетъ быть не ошибся бы тотъ, кто отнесъ бы это на счетъ ихъ невѣжества, бездѣлья и совершеннаго незнакомства съ словесами Духа. Впрочемъ, къ чему мнѣ объ этомъ распространяться? Поспѣши сюда самъ для утвержденія непорочной вѣры христіанской (2)».

Въ числѣ лицъ, примкнувшихъ къ Эскамматисмену и Мосхампару оказались Даніилъ Кизическій и Ѳеолептъ филадельфійскій и самъ Іоаннъ ефесскій, котораго такъ довѣрчиво звалъ къ себѣ на помощь Григорій. Ѳеолептъ былъ другомъ великаго логоѳета, а Іоаннъ и Даніилъ были любимцами патрі-

---

(1) Τῷ ὁμοίου τῷ ὁμοίῳ προστρέχοντος. Пословица, соотвѣтствующая латинской: similis similem gaudet

(2) Ἱστορία τοῦ σχίσματος, σελ. 88—89, Письмо это, извлеченное о. Андроникомъ Димитракопуломъ изъ рукописнаго сборника Вѣнской библіотеки за № 67, занимаетъ въ ряду другихъ писемъ этого сборника 178 мѣсто.

арха ([1]). Историкъ говоритъ, что эти епископы, читая сочиненіе Григорія, въ самомъ же началѣ не одобряли сдѣланнаго имъ изъясненія извѣстныхъ словъ св. Дамаскина, но тогда находили, что и приличіе и благоразуміе и здравый разумъ не дозволяютъ имъ возражать патріарху. Теперь и они рѣшились выступить съ полемикой противъ него.

Но какъ повести эту полемику? Доказывать, что патріархъ несправедливо различаетъ между исхожденіемъ и возсіяніемъ, значило бы доказывать тождество этихъ двухъ актовъ, т. е. то же самое, что доказывалъ Веккъ, имъ казалось не удобнымъ, хотя многіе изъ нихъ, при болѣе спокойномъ и безпристрастномъ изученіи догматическихъ произведеній бывшаго патріарха, пришли къ убѣжденію, что онъ заслуживаетъ порицанія не за искаженіе догматовъ вѣры, а за тѣ бѣдствія, которыхъ былъ виновникомъ ([2]). И такъ, они рѣшились напасть на него съ другой стороны,—именно, они напали на его изъясненіе слова «Изводитель». Григорій принималъ это слово въ смыслѣ Подателя, а они находили, что оно должно означать Виновника, такъ какъ спеціально

([1]) Между не изданными доселѣ письмами Григорія есть одно, адресованное «къ монахамъ Іоанну Хилѣ и Даніилу Ἐν τῇ Οστρεῶῳ (Uid. Des Patriarchen Gregorius aus Cypern Selbstbiographie. von D. T. C. Matthiae. Frankfurt in Mayn. 1817 S. 24). Если эти два монаха—одно и то же съ Іоанномъ Хилою Ефесскимъ и Даніиломъ Кизическимъ—въ чемъ едва ли можно сомнѣваться—то знакомство и дружба ихъ съ Григоріемъ должны быть отнесены ко времени, предшествовавшему вступленію его на патріаршій престолъ. По всей вѣроятности своей давнишней дружбѣ съ Григоріемъ они были обязаны и возведеніемъ своимъ въ санъ епископовъ.

([2]) Δοκεῖν γὰρ τοῖς πολλοῖς ἐντεῦθεν ἐπὶ κακίας εὐθύνειν τὸν Βέκκον καὶ οὐ διὰ δογμάτων παραβασίαν, οἷς ὅτι καὶ αὐτοὶ ἀληθείας ἀνάγκῃ συνελαυνόμενοι τὰ αὐτὰ ἐκείνῳ θεολογοῦσι, καὶ ὃ φεύγειν ἔδοξαν βασκανίας χάριν, τοῦτο ὁμολογοῦσιν ἀληθείας ἕνεκα. Pachym. lib. II. c. 3 p. 116—117.

употребляется отцами церкви для выраженія акта исхожденія Св Духа, какъ слово Родитель (Γεννήτωρ) спеціально же употребляется для выраженія акта рожденія Сына Божія. А такъ какъ авторъ Τόμος-а употребилъ это слово не для обозначенія акта исхожденія, а для обозначенія акта возсіянія, между тѣмъ онъ различаетъ между этими двумя актами, то онъ отрицаетъ употребленіе этого слова въ первомъ смыслѣ, т. е. въ томъ, въ какомъ спеціально употребляютъ это слово отцы церкви,—въ чемъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть безъ вины,—а напротивъ можетъ быть обвиняемъ въ искаженіи догматовъ ([1]). Но такъ какъ всѣ эти новые обвинители Григорія скрѣпили раньше его Τόμος своими подписями, то и не могли выступить противъ него открыто, а принуждены были ограничиваться обвиненіемъ его подъ рукой—въ интимныхъ разговорахъ. Вскорѣ впрочемъ представился имъ случай и для открытаго нападенія на патріарха.

Въ числѣ почитателей послѣдняго былъ одинъ монахъ, по имени Маркъ. Какъ человѣкъ любознательный, весьма интересовавшійся догматическими вопросами, занимавшими его современниковъ, и притомъ неофитъ въ христіанствѣ, горѣвшій желаніемъ доказать на дѣлѣ искренность своего обращенія ([2]), онъ часто посѣщалъ

(1) Τὸ δ' ὅτι τὸ προβολεὺς ὄνομα, ὃ ἰδιοτρόπως παρὰ τῶν πατέρων ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ πνεύματος παραλαμβάνεται, ὥσπερ καὶ τὸ γεννήτωρ ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ μονογενοῦς λόγου, αὐτὸς, ὁμωνυμίσας ἐπὶ τῆς ἁπλῶς ἐκφάνσεως ἐξελάβετο καὶ οὐκ ἐπὶ τῆς αἰτίας τοῦ πνεύματος καθαρῶς, ἣν καὶ πρόοδον λέγων τὴν λέξιν ἀπέφασκε, τοῦτ' οὐκ ἠξίουν ἀκαταιτίατον, καὶ παραβασίας ἐκεῖνον ἐντεῦθεν δογμάτων ἐγράφοντο. Pachym. lib II. c. 3 p. 117.

(2) Судя по надписи и нѣкоторымъ выраженіямъ въ Ὁμολογία Григорія нужно думать, что этотъ Маркъ былъ выкрестъ изъ евреевъ. Вотъ что гласитъ надпись: Ὁμολογία τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου Κυρίου Γρηγορίου

арха ([1]). Историкъ говоритъ, что эти епископы, читая сочиненіе Григорія, въ самомъ же началѣ не одобряли сдѣланнаго имъ изъясненія извѣстныхъ словъ св. Дамаскина, но тогда находили, что и приличіе и благоразуміе и здравый разумъ не дозволяютъ имъ возражать патріарху. Теперь и они рѣшились выступить съ полемикой противъ него.

Но какъ повести эту полемику? Доказывать, что патріархъ несправедливо различаетъ между исхожденіемъ и возсіяніемъ, значило бы доказывать тождество этихъ двухъ актовъ, т. е. то же самое, что доказывалъ Веккъ, имъ казалось не удобнымъ, хотя многіе изъ нихъ, при болѣе спокойномъ и безпристрастномъ изученіи догматическихъ произведеній бывшаго патріарха, пришли къ убѣжденію, что онъ заслуживаетъ порицанія не за искаженіе догматовъ вѣры, а за тѣ бѣдствія, которыхъ былъ виновникомъ ([2]). И такъ, они рѣшились напасть на него съ другой стороны,—именно, они напали на его изъясненіе слова «Изводитель». Григорій принималъ это слово въ смыслѣ Подателя, а они находили, что оно должно означать Виновника, такъ какъ спеціально

([1]) Между не изданными доселѣ письмами Григорія есть одно, адресованное «къ монахамъ Іоанну Хилѣ и Даніилу Ἐν τῇ Ὀστρε(ι)δίῳ (Uid. Des Patriarchen Gregorius aus Cypern Selbstbiographie. von D. T. C. Matthiae. Frankfurt in Mayn. 1817 S. 24). Если эти два монаха—одно и то же съ Іоанномъ Хилою Ефесскимъ и Даніиломъ Кизическимъ—въ чемъ едва ли можно сомнѣваться—то знакомство и дружба ихъ съ Григоріемъ должны быть отнесены ко времени, предшествовавшему вступленію его на патріаршій престолъ. По всей вѣроятности своей давнишней дружбѣ съ Григоріемъ они были обязаны и возведеніемъ своимъ въ санъ епископовъ.

([2]) Δοκεῖν γαρ τοῖς πολλοῖς ἐντεῦθεν ἐπὶ κακίας εὐθύνειν τὸν Βέκκον καὶ οὐ διὰ δογμάτων παραβασίαν, οἷς ὅτι καὶ αὐτοι ἀληθείας ἀνάγκῃ συνελαυνόμενοι τὰ αὐτὰ ἐκείνῳ θεολογοῦσι, καὶ ὃ φεύγειν ἔδοξαν βασκανίας χάριν, τοῦτο ὁμολογοῦσιν ἀληθείας ἕνεκα. Pachym. lib. II. c. 3 p. 116—117.

употребляется отцами церкви для выраженія акта исхожденія Св. Духа, какъ слово Родитель (Γεννήτωρ) спеціально же употребляется для выраженія акта рожденія Сына Божія. А такъ какъ авторъ Τόμος-а употребилъ это слово не для обозначенія акта исхожденія, а для обозначенія акта возсіянія, между тѣмъ онъ различаетъ между этими двумя актами, то онъ отрицаетъ употребленіе этого слова въ первомъ смыслѣ, т. е. въ томъ, въ какомъ спеціально употребляютъ это слово отцы церкви,—въ чемъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть безъ вины,—а напротивъ можетъ быть обвиняемъ въ искаженіи догматовъ ([1]). Но такъ какъ всѣ эти новые обвинители Григорія скрѣпили раньше его Τόμος своими подписями, то и не могли выступить противъ него открыто, а принуждены были ограничиваться обвиненіемъ его подъ рукой—въ интимныхъ разговорахъ. Вскорѣ впрочемъ представился имъ случай и для открытаго нападенія на патріарха.

Въ числѣ почитателей послѣдняго былъ одинъ монахъ, по имени Маркъ. Какъ человѣкъ любознательный, весьма интересовавшійся догматическими вопросами, занимавшими его современниковъ, и притомъ неофитъ въ христіанствѣ, горѣвшій желаніемъ доказать на дѣлѣ искренность своего обращенія ([2]), онъ часто посѣщалъ

([1]) Τὸ δ' ὅτι τὸ προβολεὺς ὄνομα, ὃ ἰδιοτρόπως παρὰ τῶν πατέρων ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ πνεύματος παραλαμβάνεται, ὥσπερ καὶ το γεννήτωρ ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ μονογενοῦς λόγου, αὐτος, ὁμωνυμίσας ἐπὶ τῆς ἁπλῶς ἐκφάνσεως ἐξελάβετο καὶ οὐχ ἐπὶ τῆς αἰτίας τοῦ πνεύματος καθαρῶς, ἣν καὶ πρόοδον λέγων τὴν λέξιν ἀπέφασκε, τοῦτ' οὐχ ἡφίουν ἀκαταιτίατον, καὶ παραβασίας ἐκεῖνον ἐντεῦθεν δογμάτων ἐγράφοντο. Pachym. lib II. c. 3 p. 117.

([2]) Судя по надписи и нѣкоторымъ выраженіямъ въ Ὁμολογία Григорія нужно думать, что этотъ Маркъ былъ выкрестъ изъ евреевъ. Вотъ что гласитъ надпись: Ὁμολογία τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου Κυρίου Γρηγορίου

патріарха съ цѣлью оріентироваться въ бесѣдахъ съ нимъ относительно этихъ вопросовъ. Патріархъ, поощрявшій всѣми силами ученость и людей ученыхъ и кромѣ того считавшій своею особенною обязанностію просвѣщать неофита, съ удовольствіемъ принималъ его и удостоивалъ своей бесѣды. Прошло нѣсколько времени въ этихъ бесѣдахъ. Марку показалось, что онъ на столько посвященъ уже теперь въ разумѣніе вопросовъ, занимавшихъ публику, что можетъ сказать объ нихъ и свое слово; и вслѣдствіе этого рѣшился принять участіе въ полемикѣ, возбужденной Τόμος-омъ. Написавши сочиненіе, онъ представилъ оное патріарху и просилъ его прочитать и сказать ему свое мнѣніе. Прочитавши это сочиненіе, патріархъ сдѣлалъ въ немъ нѣсколько поправокъ и возвратилъ автору. Маркъ, заручившись этими поправками, рѣшился пустить свое сочиненіе въ свѣтъ. Въ предисловіи, которое онъ счелъ нужнымъ предпослать своему сочиненію, онъ заявилъ публикѣ, что патріархъ взялъ на себя трудъ прочитать его сочиненіе, нѣкоторыя мѣста исправилъ, а остальное одобрилъ, и что это обстоятельство даетъ ему смѣлость явиться на судъ публики.

Нѣкоторые изъ тайныхъ противниковъ патріарха, прочитавши книгу Марка, нашли, что онъ употребляетъ слово προβολεύς въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялъ его и Григорій въ своемъ Τόμος-ѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что у Марка гораздо яснѣе выражена мысль, довольно темно и неопредѣленно изложенная у Григорія. Эта находка была для нихъ

γεγονέτα ὁπότε ἡ ἐπισύστασις γέγονε κατ' αὐτὸν παρὰ τῶν κληρικῶν καὶ τινῶν Ἀρχιερέων διὰ τὸ γράμμα τοῦ ἐξ ἑβραίων, μᾶλλον δ' Ἰούδα Μάρκου. Bandurii Imperium Orientale. t. II p. 658—660.

сущимъ кладомъ. Такъ какъ въ предисловіи къ книгѣ Марка было сказано, что она издана въ свѣтъ съ одобренія патріарха, то противники послѣдняго сообразили, что патріарху трудно будетъ оправдаться въ единомысліи съ Маркомъ и, не думая долго, сфабриковали слѣдующее обвиненіе противъ Григорія: патріархъ — еретикъ; но, желая скрыть тлетворный ядъ своей ереси, онъ прикрылъ ее въ своей книгѣ туманными и двусмысленными выраженіями, и лишь теперь косвенно, чужими руками, разоблачилъ ее во всей осязательной ясности.

Въ числѣ этихъ закулисныхъ критиковъ образа мыслей патріарха оказался прежде всего Ѳеолептъ Филадельфійскій. Захвативши съ собою только что прочитанную имъ книгу Марка, онъ поспѣшилъ съ нею къ своему пріятелю, великому логоѳету, и, прочитавши ему заранѣе отмѣченныя мѣста, спросилъ его: что онъ объ этомъ думаетъ? Музалонъ, тщеславившійся столько же своими богословскими познаніями, сколько и своей ревностью по благочестію, немедленно же объявилъ, что онъ считаетъ выраженныя авторомъ книги мнѣнія душевредной ересью. Этого только и нужно было искусителю. Въ ту же минуту вытащилъ онъ изъ за пазухи Τόμος Григорія и заявилъ, что и въ немъ содержится то же ученіе. Великій логоѳетъ нашелъ это заявленіе справедливымъ и осудилъ патріарха. Молва объ этомъ, пущенная Ѳеолептомъ подъ рукой, была подхвачена многочисленными тайными и явными врагами патріарха и быстро разнеслась по городу. Начались толки и пересуды, которые, возрастая съ каждымъ днемъ, достигли наконецъ и до ушей императора.

Андроникъ, ревновавшій по чистотѣ православія не менѣе великаго логоѳета и, кромѣ того, имѣвшій слабость считать себя государемъ вполнѣ безпристрастнымъ и справедливымъ ко всѣмъ, не могъ оставить безъ вниманія этихъ толковъ, тѣмъ болѣе, что жалобы на книгу патріарха начали доноситься до него со всѣхъ сторонъ и притомъ отъ лицъ высокопоставленныхъ. Ему казалось дѣломъ несправедливымъ пропускать мимо ушей эти жалобы, потому особенно, что дѣло шло о лицахъ, которыя осуждали другихъ за ересь: такимъ лицамъ, разсуждалъ онъ, всего менѣе извинительно искажать самимъ ученіе церкви ([1]).

Не могли конечно укрыться эти толки и интриги и отъ патріарха и не возмутить его до глубины души. Считая себя неизмѣримо выше своихъ противниковъ по учености и знакомству съ твореніями и ученіемъ оо. церкви, онъ былъ крайне огорченъ этимъ, сколько дерзкимъ, столько же и неожиданнымъ, обвиненіемъ его въ ереси, и съ гордымъ негодованіемъ отказался исправить въ своей книгѣ мнимыя погрѣшности, подавшія поводъ къ соблазну,—что̀, подъ видомъ раденія о его чести и пользѣ, поспѣшили посовѣтовать ему его не́-други. Это побудило ихъ открыто прервать общеніе съ патріархомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что его отказъ исправить замѣченныя погрѣшности служитъ будто бы яснымъ доказательствомъ того, что еретическія мысли, найденныя въ его сочиненіи, допущены имъ не по невѣдѣнію и недосмотру, а сознательно и намѣренно ([2]).

([1]) Pachym. lib. II. c. 4. p. 117–119.
([2]) Ibid p. 120.

Въ числѣ отказавшихся отъ общенія съ Григоріемъ по вышеизложенному побужденію оказался и александрійскій патріархъ Аѳанасій. Историкъ, впрочемъ, говоритъ, что у Аѳанасія было и другое побужденіе. Онъ также принадлежалъ къ числу лицъ, отказавшихся подписать Τόμος подъ тѣмъ предлогомъ, что не принадлежитъ къ персоналу патріархіи константинопольской и считаетъ это дѣло постороннимъ для себя. Григорій былъ оскорбленъ этимъ отказомъ; онъ не довѣрялъ искренности Аѳанасія (что̀ теперь и подтвердилось самымъ дѣломъ) и настаивалъ предъ императоромъ о высылкѣ подозрительнаго патріарха въ его епархію. Но Андроникъ почему-то медлилъ исполненіемъ требованія Григорія. Аѳанасію представился теперь случай, съ одной стороны оправдать свой отказъ отъ подписи, съ другой—отмстить за себя своему взыскательному собрату. И вотъ онъ присоединился къ тѣмъ, которые открыто прервали общеніе съ патріархомъ на основаніи его отказа исправить замѣченныя въ Τόμος-ѣ погрѣшности.

Противники патріарха не могли простить ему отказа исправить свой Τόμος особенно потому, что жертва, которой они отъ него требовали, казалась имъ столь ничтожною въ сравненіи съ тѣми жертвами, которыя были принесены другими и отчасти по его личному требованію или по требованію его приверженцевъ. Такъ напр. Аѳанасій, для отклоненія отъ себя всякаго подозрѣнія въ несогласіи съ Τόμος-омъ, вынужденъ былъ по требованію Григорія, подписать особое изложеніе вѣры, въ которомъ ясно и точно было изложено православное ученіе объ исхожденіи св. Духа. Имя антіохійскаго патріарха Арсенія было

изглажено изъ церковныхъ диптиховъ на основаніи однихъ слуховъ о томъ, будто онъ находился въ церковномъ общеніи съ армянскимъ царемъ. Императоръ въ угоду ревнителямъ вынужденъ былъ принести еще болѣе тяжкія жертвы: лишить христіанскаго погребенія и поминовенія своего отца, изгладить изъ церковныхъ диптиховъ имя своей первой супруги и заставить свою мать подписать извѣстную покаянную запись (λίβελλος μετανοίασεως). Отчего же одинъ Григорій хочетъ быть исключеніемъ? Почему онъ не хочетъ сознаться въ своихъ погрѣшностяхъ и исправить ихъ? Чтó онъ за святой такой? Чтó за счастливецъ?

Всѣ эти толки, приправленные ссылками на жертвы, принесенныя императоромъ для примиренія партій и возстановленія церковнаго мира, были доведены до свѣдѣнія Андроника и сильно вооружили его противъ Григорія По обычаю всѣхъ слабыхъ и безхарактерныхъ людей, онъ принялъ отказъ Григорія исправить замѣченныя въ его Τόμος-ѣ погрѣшности за личную обиду себѣ, за выраженіе презрѣнія къ тѣмъ громаднымъ жертвамъ, которыя онъ самъ принесъ для возстановленія церковнаго мира, и до того прогнѣвался на патріарха, что подослалъ къ нему александрійскаго Аѳанасія съ предложеніемъ отказаться отъ престола, если не хочетъ отказаться отъ своихъ погрѣшительныхъ мнѣній (¹).

Но оставимъ пока высшія, оффиціальныя сферы, въ которыхъ подготовлялся этотъ странный теологическій походъ противъ патріарха, и посмотримъ, чтó дѣлалось въ это время въ низменной, тёмной сферѣ нашихъ «отщепенцевъ» арсенитовъ. Долетали-ль до

(¹) Pachym. lib. II. c. 5 p. 120—121.

нихъ вѣсти объ этомъ переполохѣ во враждебной имъ сферѣ и какъ отнеслись они къ этимъ вѣстямъ?

Они отлично знали все здѣсь происходившее и давнымъ давно не только опредѣлили свою роль въ этой новой, разгоравшейся сумятицѣ, но и весьма ловко и энергично разъигрывали ее. Въ учено-литературной полемикѣ, завязавшейся между противниками, они не принимали, да и не могли принимать никакого участія, такъ какъ большинство ихъ весьма немного понимало въ тѣхъ теологическихъ тонкостяхъ, около которыхъ вращалась эта полемика. Притомъ всѣ оттѣнки мнѣній были уже разобраны между противниками и необходимо было пристать къ одному изъ нихъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ споръ, чего они не могли себѣ дозволить, не выступая изъ своего исключительнаго положенія. Но за то они отлично поняли практическій моментъ въ этомъ споръ и весьма ловко имъ воспользовались для своихъ цѣлей. Они поняли, что въ глазахъ толпы самое консервативное мнѣніе всегда будетъ и самымъ вѣрнымъ, и потому, не долго думая, выступили съ мнѣніемъ, что, по вопросу объ исхожденіи св. Духа, церковь не можетъ и не должна учить ничему другому, кромѣ того, что Духъ святый исходитъ отъ Отца ([1]). Въ сущности они выходили изъ того же положенія, которое было высказано александрійскимъ патріархомъ Аѳанасіемъ на диспутѣ съ Беккомъ, что «всякое нововведеніе въ догматикѣ, хотя бы то и безопасное, можетъ быть признано душевредною ересью». Выходя

([1]) Арсениты впрочемъ не первые выступали съ этимъ мнѣніемъ. По свидѣтельству Влеммида, это мнѣніе поддерживали нѣкоторые ревнители православія еще въ пятидесятыхъ годахъ XIII в. Uid. Oratio secunda ad Theodorum Ducam Lascarim in. Gr. Orth. t I. p. 41.

изъ этого положенія, они потребовали формальнаго отверженія и осужденія слова: *чрезъ Сына*, въ какомъ бы смыслѣ ни принималось это слово, и провозгласили еретиками всѣхъ тѣхъ, которые употребляли это слово. А такъ какъ всѣ партіи, участвовавшія въ спорѣ, употребляли это слово въ разныхъ смыслахъ, то всѣ и оказывались еретиками. Такимъ образомъ арсенитамъ и изъ этого новаго спора удалось всплыть на верхъ въ качествѣ единственныхъ представителей и защитниковъ православной истины.

Но если въ исходной мысли арсениты сошлись съ Александрійскимъ патріархомъ, то въ своемъ требованіи—отвергнуть слово *чрезъ Сына*—они встрѣтились съ Веккомъ, который, какъ мы видѣли, въ заключеніе извѣстнаго диспута, сдѣлалъ подобное же предложеніе своимъ противникамъ. И эта встрѣча двухъ крайностей не была случайною. Она была естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ положенія, въ которомъ очутились спорившіе,—результатомъ, который весьма вѣрно и мѣтко былъ указанъ Веккомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ направленія въ концѣ концевъ должны были придти къ сознанію, что это слово служитъ единственнымъ камнемъ претыканія, мѣшающимъ ихъ взаимному сближенію, что оно есть тотъ гордіевъ узелъ, къ которому сводятся всѣ нити спорнаго вопроса, и который ждетъ своего Александра. И вся трудность положенія заключалась въ томъ, что ни у одной партіи не хватало духу принять на себя роль Александра. Патріархъ Григорій, Музалонъ и оффиціальная церковь желали бы, чтобы эту роль взяли на себя Веккъ съ своими товарищами. Веккъ предлагалъ ее представителямъ оффиціальной церкви.

Вновь образовавшіяся партіи такъ же желали отклонить отъ себя эту честь. Всѣ наперерывъ искали выхода изъ затрудненія въ среднихъ путяхъ, въ компромиссахъ съ этимъ словомъ: всѣ истощались въ болѣе или менѣе удачныхъ и остроумныхъ изъясненіяхъ этого слова, чтобы какъ нибудь приладить оное къ содержимому церковію ученію. Для однихъ арсенитовъ не существовало этихъ опасеній и затрудненій. Полнѣйшее невѣжество въ отеческой письменности давало имъ смѣлость и силу совершить подвигъ, предъ которымъ отступили всѣ, болѣе ихъ знакомыя съ этой письменностью, партіи, и они, съ отвагою Александра, занесли свой картонный мечъ надъ теологическимъ узломъ, затягивавшимъ всѣ партіи.

Съ ученой точки зрѣнія, этотъ подвигъ, конечно, могъ быть приравненъ къ извѣстному подвигу Герострата,—арсенитамъ оставалось лишь, чтобъ быть вполнѣ послѣдовательными, довершить его всесожженіемъ твореній отеческихъ, въ которыхъ встрѣчается это слово; но въ практическомъ смыслѣ принятая ими мѣра была единственною радикальною мѣрою, которая способна была бы разомъ и притомъ навсегда покончить всѣ споры изъ за этого слова. А такъ какъ по указанной причинѣ никто изъ участниковъ спора не могъ согласиться на эту мѣру; то споръ по необходимости долженъ былъ продолжаться. И дорого поплатились за него всѣ участники! Одни арсениты остались въ выигрышѣ.

Стоя въ сторонѣ отъ спора, отрицая его законность и цѣлесообразность въ самомъ основаніи, обзывая всѣхъ участвовавшихъ въ немъ, безъ различія оттѣнковъ, еретиками, они выросли въ глазахъ толпы

до размѣровъ единственныхъ непоколебимыхъ столповъ православія, и въ то время, какъ въ высшихъ слояхъ церкви и государства подготовлялись теологическія стычки en masse, они вели самую дѣятельную и оживленную агитацію въ низшихъ слояхъ, по темнымъ угламъ и вертепамъ, прикрываясь мнимой ересью, заразившею будто бы всю церковь.

Эта агитація, благодаря слабости и бездѣйствію властей, приняла наконецъ такой злокачественный характеръ и достигла такихъ размѣровъ, что вынудила патріарха обратиться къ императору съ формальной жалобой. Не веселую картину рисуетъ онъ въ этой жалобѣ: «Что же касается безпокойствъ, причиняемыхъ нечестивыми сонмищами враговъ церкви, возстающихъ на нее съ другой стороны [1] городу (Константинополю), а чрезъ него и мнѣ, глубоко сокрушающемуся, какъ и слѣдуетъ, объ ихъ послѣдователяхъ (большею частью изъ простонародья), то у меня нѣтъ силъ писать и сообщать объ этомъ вашему царскому благочестію, частію отъ скорби, частію за невозможностію исчислить всѣ совершаемыя ими плутни (πονηρευμάτων). Эти люди, получивши свободу дѣйствій, далеко превосходящую всякую мѣру, и на площадяхъ и въ темныхъ закоулкахъ и, словомъ, повсюду, безъ зазрѣнія совѣсти, разглагольствуютъ со всѣми встрѣчными и поперечными, разцѣнивая и позоря и начальниковъ и подначальныхъ и, короче, всѣхъ, которые не хотятъ быть за одно съ ними. Если же кому случится захворать, то они силой врываются въ домъ, осаждаютъ больнаго и заставляютъ его противъ воли принять ихъ за духовниковъ;

[1] Выше идетъ рѣчь о нападеніи на нее со стороны Векка.

въ случаѣ же смерти они являются и священниками, и пѣвцами, и погребателями (ἐνταφιαστάς), чтобы умирающіе, по ихъ словамъ, по крайней мѣрѣ, при концѣ жизни сдѣлались благочестивыми и православными и не умерли въ злочестіи (κακοπιστία). Смотря на все это, многіе изъ священниковъ, бывшихъ прежде за одно съ нами, ударились въ соревнованіе (такъ какъ это доставляетъ имъ большія выгоды, — они и запрашиваютъ и получаютъ весьма много) и переходятъ къ нимъ, присовокупляя, что уже довольно насладились общеніемъ съ нами (πολλὰ χαίρειν εἰπόντες τῇ μεθ' ἡμῶν κοινωνίᾳ) (¹)».

Но жалоба патріарха лишь больше раздражила и ожесточила противъ него арсенитовъ и заставила ихъ выступить съ заявленіемъ, что они будутъ жить смирно и спокойно, если только будетъ устраненъ отъ престола ненавистный имъ патріархъ. Заявленіе арсенитовъ совпало, какъ мы видѣли, съ желаніемъ Андроника, которое онъ и выразилъ патріарху въ извѣстномъ совѣтѣ Аѳанасія Александрійскаго. На сколько желаніе императора обусловливалось заявленіемъ арсенитовъ мы не знаемъ, но думаемъ, что между ними была связь болѣе интимная и непосредственная, чѣмъ случайное совпаденіе, такъ какъ въ это время болѣе, чѣмъ когда либо императоръ былъ занятъ мыслью пріобрѣсти ихъ для церкви во что бы то ни стало, какъ увидимъ ниже.

Григорій не обратилъ большого вниманія на совѣтъ патріарха Александрійскаго, тѣмъ не менѣе въ

(¹) Письмо Григорія Кипрскаго, патріарха Константинопольскаго къ императору Андронику Палеологу старшему по русс. пер. въ Христ. Чт. за 1870 г., сентябрь стр. 513—514.

ближайшее воскресенье, во время литургіи, которую самъ совершалъ, онъ обратился къ народу съ проповѣдью, въ которой жаловался ему на множество своихъ враговъ и на свою безпомощность, и въ заключеніе объявилъ: «такъ какъ арсениты обѣщаютъ, что будутъ жить въ мирѣ, если я оставлю управленіе церковію, то я удаляюсь для того, чтобы испытать: правду ли они говорятъ: если же и послѣ этого они будутъ продолжать возмущать ее, то я возвращусь изъ своего убѣжища и брошусь на нихъ, какъ левъ». Послѣ обѣдни онъ дѣйствительно удалился въ монастырь Одигитріи (τῶν Ὁδηγῶν) (1); но продолжалъ по прежнему принимать къ себѣ архіереевъ и клириковъ, составлять соборы (σύνοδοι ἐνδημοῦσαι), постановлять на нихъ опредѣленія и вообще управлять дѣлами патріархіи.

Такое полу-отреченіе отъ патріаршаго престола, конечно, не могло никого удовлетворить и еще менѣе способно было возстановить въ церкви желанное спокойствіе. Къ довершенію затрудненій въ это время прибылъ въ столицу изъ своей епархіи Іоаннъ Ефесскій, бывшій почитатель и другъ патріарха, а теперь передавшійся на сторону его враговъ. Съ его прибытіемъ агитація противъ патріарха удвоилась. Іоаннъ представилъ императору записку, въ которой вкратцѣ было формулировано все, въ чемъ обвиняли Григорія его ученые противники (2). Прочитавши эту записку,

(1) О мѣстоположеніи этого монастыря см. *Ducangii*, Constantinopolis christiana, lib. IV sect. 2. *num.* 24.

(2) Текстъ этой записки сохраненъ намъ *Алляціемъ* въ его книгѣ De Ecclesiae Occidentalis et Orientalis perpetua consensione (lib. II. c. II § XI. col. 516). Вотъ что писалъ въ ней бывшій почитатель и другъ патріарха: «Іоанна Хилы, митрополита Ефесскаго, къ императору. Общее мнѣніе (κοινὴ δόξα) церкви признаетъ исхожденіе (ἐκπόρευσιν) не отъ-

императоръ сталъ стѣсняться поминовеніемъ имени патріарха при богослуженіи и пересталъ являться въ церковь. Враги Григорія воспользовались этимъ для

———

емлемымъ свойствомъ (ἀκίνητον ἰδιότητα) Всесвятаго Духа, представляющимъ ничто иное, какъ единое естественное бытіе (μόνην τὴν φυσικὴν ὕπαρξιν) Его отъ отца. Итакъ говорить и писать, что это исхожденіе на богословскомъ *языкѣ* (ἐπὶ τῆς θεολογίας) иногда означаетъ указанное бытіе (ὕπαρξιν), иногда *вѣчное откровеніе* (τὴν ἔκφανσιν τὴν ἀΐδιον) или возсіяніе (ἔκλαμψιν) или проявленіе (φανέρωσιν), *значитъ* говорить и писать нѣчто чуждое апостольскимъ догматамъ и кромѣ того достойное анаѳемы. Далѣе, по общему разумѣнію (ἔννοια) и исповѣданію отцевъ, *слово* Изводитель (Προβολεὺς) означаетъ виновника Всесвятаго Духа, *какъ слово Родитель* (Γεννήτωρ) означаетъ виновника Сына: равнымъ образомъ всѣ согласны *въ томъ*, что исхожденіе (ἐκπόρευσις) и изводѣніе (προβολὴ) означаютъ одно и то же. Такимъ образомъ мыслящій, догматствующій (δογματίζων) и пишущій не такъ, а *иначе,—именно*, что слово Προβολεὺς иногда означаетъ виновника Св. Духа, и *слово* προβολὴ (изводѣніе)—естественное бытіе (ὕπαρξιν) Его отъ Отца; а *иногда, первое слово* (προβολεὺς) означаетъ проявителя (φανερωτὴν), а второе (προβολὴ)—*вѣчное откровеніе*, или возсіяніе, или что то же проявленіе (φανέρωσιν) Всесвятаго Духа; тотъ на нашъ взглядъ (ἡμῖ) есть явный хульникъ (βλάσφημος) и очевидный *нарушитель преданія* (παραδειγματιστὴς) и за это достоинъ отверженія и отвращенія (βδελύγματος). Точно также богоносные отцы наши, слово πρόοδος (происхожденіе), *употребляемое* о Св. Духѣ, всегда принимаютъ въ смыслѣ показателя бытія Всесвятаго *Духа* (παραστατικῆς μόνης τῆς ὑπάρξεως τοῦ παναγίου Πνεύματος); т. е. въ томъ же *самомъ смыслѣ*, въ какомъ употребляютъ слова: ἐκπόρευσις и προβολή. Вслѣдствіе этого тѣ, *которые* дозволяютъ себѣ новшества (καινοτομοῦντες) учатъ и пишутъ, что это выраженіе (φωνή) въ твореніяхъ св. отцевъ иногда служитъ показателемъ бытія, а иногда—*проявленія*, откровенія и возсіянія, должны быть признаваемы за исказителей (παραχαράκται) правыхъ догматовъ, и уклоняющимися отъ истины и кромѣ того *по всей справедливости* (τῷ ὄντι) заслуживающими презрѣнія (μίσους) и отвращенія. Такъ *искони мудрствуетъ*, догматствуетъ и учитъ св. церковь; такъ мудрствовать, догматствовать, учить и исповѣдывать мы приняли отъ нея изначала (ἄνεκαθεν) и доселѣ (ἐν δεῦρο). И если не согласующіеся (διαφερόμενοι) съ нами доселѣ будутъ такъ исповѣдывать устами и писаніями, одно пріемля, какъ правильное, а другое *предавая анаѳемѣ*, какъ хульное, какъ и мы; то будутъ намъ присными (γνήσιοι), братьями и православными, будутъ имѣть въ насъ людей, отъ сердца привѣтствующихъ полное примиреніе съ ними и миръ (ἐντελῆ καταλλαγὴν καὶ εἰρήνην). *Если же нѣтъ—чего* да не будетъ,—то никогда и никакимъ образомъ (οὐδαμῆ οὐδαμῶς).

того, чтобы отмѣнить поминовеніе его имени при богослуженіи и прямо приступили къ нему съ требованіемъ, чтобы онъ отказался отъ своего мѣста и уступилъ оное другому, болѣе его достойному (¹).

Но Григорій, очень хорошо знавшій съ кѣмъ имѣетъ дѣло, не хотѣлъ уступать своимъ врагамъ безъ боя. Онъ осыпалъ упреками и царя и епископовъ за то, что они хотятъ низложить его съ безчестіемъ, хотятъ отнять у него славу православнаго, послѣ того, какъ сами избрали его, какъ человѣка ученаго и вполнѣ достойнаго патріаршаго сана. Въ то же время онъ написалъ отвѣтъ на возраженія, сдѣланныя противъ Τόμος-а его противниками, гдѣ старался объяснить свою мысль и доказать, что средины между этой мыслью и той, которую защищаетъ Веккъ, нѣтъ, такъ что отверженіе его мысли ведетъ прямо къ принятію мысли Векка (²). Впрочемъ онъ соглашался и на отреченіе отъ престола, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему выдано было письменное удостовѣреніе въ томъ, что его признаютъ православнымъ. Но его противники находили это условіе двусмысленнымъ и коварнымъ. На какомъ же основаніи, разсуждали они, мы будемъ требовать отъ него отреченія, если признаемъ его православнымъ? И вслѣдствіе этого соображенія приступили къ императору съ просьбою

(¹) Pachym. lib. II c. 6 p. 121—123.

(²) Въ защиту Τόμος-а Григорій написалъ нѣсколько сочиненій; они напечатаны у *Бандурія* въ его Imperium Orientale, t. II. (по Венеціанскому изданію *византійскихъ историковъ* Т. XXX, p. 652—668). Мы не останавливаемся здѣсь на дальнѣйшемъ *развитіи его мысли* потому, что надѣемся доставить нашимъ читателямъ возможность *познакомиться* съ нею полнѣе и обстоятельнѣе изъ самыхъ его сочиненій, которыя мы надѣемся помѣстить на страницахъ Христіанскаго Чтенія въ русскомъ переводѣ.

дозволить имъ подвергнуть дѣло патріарха тщательному расмотрѣнію, такъ что если ученіе, заключающееся въ его книгѣ, будетъ найдено православнымъ, то онъ удержитъ свой санъ и свое мѣсто, а если, напротивъ, его уличатъ въ заблужденіи; то онъ долженъ будетъ просить прощенія и подвергнуться законной эпитиміи,—тогда сами собою устранятся всѣ затрудненія въ замѣнѣ его другимъ лицомъ, болѣе достойнымъ патріаршаго сана. Императоръ нашелъ это предложеніе основательнымъ и приказалъ сообщить объ немъ патріарху. Григорій отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ разсмотрѣнія его книги и готовъ подвергнуться суду. Вслѣдствіе этого назначенъ былъ день для разсмотрѣнія его сочиненій, выбраны были какъ судьи, такъ и обвинители: въ качествѣ послѣднихъ должны были выступить епископы и клирики, отдѣлившіеся отъ общенія съ нимъ изъ-за его Τόμος-а. Мѣстомъ собранія назначена была одна изъ дворцовыхъ залъ.

Въ назначенный день и часъ патріархъ прибылъ во дворецъ вмѣстѣ съ своими приверженцами верхомъ на лошадяхъ, и такъ какъ въ залѣ собранія никого не оказалось, то приказалъ доложить императору о своемъ прибытіи и просить его о немедленномъ призывѣ его судей и обвинителей для изслѣдованія его дѣла. Но въ промежутокъ времени между принятіемъ извѣстнаго предложенія и днемъ, назначеннымъ для собранія, Андроникъ успѣлъ лучше оцѣнить дѣйствительное значеніе одобренной имъ мѣры и ея вѣроятные результаты. Онъ основательно разсудилъ, что какъ бы ни кончилась конференція, но что ни въ какомъ случаѣ нельзя ожидать отъ ней ничего добраго.

Она должна повести къ одному изъ двухъ—или патріархъ будетъ обличенъ въ заблужденіи и долженъ будетъ подвергнуться низложенію, или его обвинители будутъ уличены въ клеветѣ и за это должны будутъ подвергнуться наказанію, и слѣд. въ томъ и другомъ случаѣ дѣло кончится скандаломъ, между тѣмъ возникнетъ новый споръ, который можетъ затянуться въ безконечность, такъ какъ всегда есть возможность однимъ разсужденіямъ противопоставить другія, безъ надежды достигнуть когда-либо соглашенія. Мало того,—ему казалось и неприличнымъ и опаснымъ допустить низложеніе патріарха по оговору обвинителей, такъ какъ, съ одной стороны, онъ признанъ былъ всѣми вполнѣ достойнымъ своего высокаго сана, съ другой—его книга, на основаніи которой теперь собирались его низложить, была публично одобрена и подписана, какъ имъ самимъ—императоромъ, такъ и лучшими представителями духовенства. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній онъ и отмѣнилъ назначенный диспутъ.

Обвинители патріарха были весьма довольны отмѣной диспута, опасности котораго для нихъ были слишкомъ серьёзны, а успѣхъ слишкомъ сомнителенъ, но не оставляли своего намѣренія добиться такъ или иначе его низложенія. Они продолжали осаждать императора просьбами объ этомъ, соглашаясь даже признать ученіе Григорія православнымъ и объявить, что вся вина его состоитъ лишь въ возбужденіи соблазна книгою Марка, въ которой, по его собственному сознанію, были кое-какія погрѣшности. Уступая этимъ просьбамъ и настояніямъ, которыя совпадали впрочемъ съ его собственными желаніями, императоръ

снова завязалъ съ патріархомъ переговоры по этому щекотливому вопросу. Въ числѣ лицъ, служившихъ посредниками въ этихъ переговорахъ, нашъ историкъ называетъ квестора Хумна и себя самаго. Этимъ двумъ почтеннымъ особамъ поручено было съ особенною силою выставить патріарху на видъ привязанность къ нему императора, привязанность, которая такъ долго заставляла его терпѣть церковныя смуты, возбужденныя его книгою, и побудила его настоять предъ его обвинителями на признаніи его православнымъ, и затѣмъ выразить надежду, что такъ какъ теперь опасность скандала устранена, то патріархъ вѣроятно не затруднится исполнить совѣтъ, внушенный императору столько же заботливостью о пользахъ церкви, сколько и искреннимъ къ нему расположеніемъ. Патріархъ не прочь былъ исполнить этотъ совѣтъ, но его возмущало то нелѣпое и оскорбительное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ условіями отреченія,—именно тѣмъ, что православнымъ соглашались признать его не гласно, какъ бы украдкою, между тѣмъ какъ еретикомъ обзывали его публично, и объявилъ, что онъ готовъ отречься отъ престола, но только подъ условіемъ, чтобы признаніе его православнымъ сдѣлано было торжественно, въ присутствіи императора, сената и почетнѣйшихъ монаховъ([1]).

Получивши такой отвѣтъ, императоръ передалъ его на обсужденіе общаго собранія епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. На собраніи голоса раздѣлились. Одни изъ присутствовавшихъ ни за что не хотѣли принять условія, поставленнаго патріархомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что, по ихъ мнѣнію, такое

([1]) Pachym. lib. II, c. 7, p. 123—127.

торжественное признаніе его православнымъ было бы тождественно съ утвержденіемъ его на престолѣ и открыло бы ему возможность мстить всѣмъ тѣмъ, которые поднимали противъ него свой голосъ. Во главѣ ихъ были епископы Ефесскій и Кизическій. Но другіе не видѣли особеннаго затрудненія признать его православнымъ въ виду того обстоятельства, что соблазнъ, возмущавшій церковь, произведенъ больше книгой Марка, чѣмъ его собственной, а изъявляли лишь желаніе, чтобы патріархъ далъ предварительно письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ дѣйствительно откажется отъ престола послѣ того, какъ провозглашенъ будетъ православнымъ. Императоръ приказалъ сообщить объ этомъ желаніи патріарху. Григорій въ свою очередь потребовалъ, чтобы его противники дали ему письменное удостовѣреніе въ томъ, что дѣйствительно признаютъ его торжественно православнымъ, обѣщаясь, по полученіи этого удостовѣренія, дать подобное же удостовѣреніе съ своей стороны. Требуемое имъ удостовѣреніе, не безъ колебаній и борьбы, было однакожъ составлено его противниками и доставлено ему ([1]). Получивши это удо-

---

([1]) Вотъ текстъ этого удостовѣренія: Εὐλογητὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὅτι οὐδέποτε κακὴν ὑπόληψιν ἔχομεν περὶ τοῦ Δεσπότου ἡμῶν τοῦ πατριάρχου Κυροῦ Γρηγορίου, ὡς ἔστι βλάσφημος, καθάπερ τοῦτο τινὲς τῶν ἀμυήτων ὑπέλαβον. ἀλλ᾽ ὀρθοδοξώτατον τοῦτον γινώσκομεν, καὶ εὐσεβέστατον, μόνον δεόμεθα τοῦ πατριαρχικοῦ παραιτήσασθαι θρόνου διὰ τὴν τῶν ἀνθρώπων εἰρήνην. Καὶ ἐπειδὴ πὰρ᾽ ἡμῶν ζητεῖ τὴν τῆς εὐσεβείας αὐτοῦ ἀνακήρυξιν ἔγγραφον λέγεσθαι, καὶ αὐτίκα καταλύει τὸν θρόνον παραιτήσασθαι, ζητοῦμεν καὶ ἡμεῖς τινὰ ἀσφάλειαν πρότερον γενέσθαι πὰρ᾽ αὐτοῦ, καὶ εἰ τοῦτο γένοιτο, αὐτίκα καὶ ἡμεῖς πάντες ἕτοιμοι ἐν ὀνόματι τοῦ Χριστοῦ καὶ ἐγγράφως καὶ ἀγράφως παρρησίᾳ τε καὶ ἰδίᾳ τοῦτον ὥσπερ καὶ τὸν ἅπαντα χρόνον ἦν, εὐσεβέστατον κηρύττειν καὶ ὀρθοδοξώτατον, ἐπιτιμᾶν δε καὶ τοῖς ἀφρόνως καὶ ἀμαθῶς κατ᾽ αὐτοῦ λέγουσιν. Документъ этотъ, находящійся вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, относящимися къ лицу Григорія Кипрскаго и исторіи церкви его времени, въ руко-

стовѣреніе, патріархъ отказался однакожъ дать такое же удостовѣреніе на бумагѣ, а ограничился лишь словеснымъ завѣреніемъ, что онъ немедленно же пришлетъ формальное отреченіе отъ престола лишь только будетъ исполнено его противниками обѣщаніе провозгласить его православнымъ. Въ подтвержденіе справедливости своего завѣренія, патріархъ призвалъ имя Божіе [1]. Сторонники епископа Ефесскаго увидѣли въ этой уклончивости отъ письменнаго удостовѣренія коварную западню со стороны патріарха и потребовали перерыва съ нимъ переговоровъ. Но сторонники епископа Филадельфійскаго находили, что можно ограничиться и словесной клятвой Григорія, такъ какъ, въ случаѣ нужды, можно будетъ обвинить его въ клятвопреступничествѣ и безъ дальнихъ околичностей лишить его престола. Это соображеніе не подѣйствовало однако на епископовъ Ефесскаго и Кизическаго: они продолжали упорно отказываться отъ общенія съ Григоріемъ и требовать суда надъ нимъ, въ увѣренности, что этотъ судъ непремѣнно кончится его осужденіемъ.

Не малаго труда стоило императору уладить это разногласіе въ лагерѣ противниковъ патріарха. Епископъ Ефесскій, какъ болѣе другихъ не сговорчивый

писномъ кодексѣ Вѣнской библіотеки за № 67, напечатанъ у Удина въ его Commentar. de scriptoribus et scriptis ecclesiast. t. III, p. 561, у о. Андроника Димитракопула въ его Ἱστορία τοῦ σχίσματος. σελ 90 и у Дерубеиса въ его Dissertationes (цитуемыхъ ниже), гдѣ онъ, согласно съ cod. Lugduno—Batavensis, изъ котораго извлекъ его этотъ ученый, надписывается: τοῦ Μοσχάμπερ (письмо Мосхампара). Въ кодексѣ же Вѣнской библіотеки, изъ котораго заимствовали его Удинъ и о. Андроникъ, онъ надписывается: Ἀνακήρυξις τῆς εὐσεβείας αὐτοῦ παρὰ τῶν ὑποσχομένων αὐτῷ.

[1] Ὁ δὲ πέμψαντος τοῦ βασιλέως λόγοις ἐπληροφόρει Θεοῦ ἐναντίον....

и притомъ оказавшійся виновнымъ въ составленіи и отсылкѣ въ свою епархію письма, крайне оскорбительнаго для личности Григорія, былъ даже арестованъ и заключенъ въ темницу. Та же участь постигла и епископа Кизическаго. Но мало по малу то обѣщаніями, то угрозами, императору удалось наконецъ сломить упрямство партизановъ Іоанна и устроить ихъ соглашеніе съ сторонниками епископа Филадельфійскаго.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого въ одной изъ залъ большаго дворца составлено было, подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, чрезвычайное собраніе сената, духовенства, монашества и почтнѣйшихъ гражданъ. Въ собраніи присутствовалъ и патріархъ Григорій. Когда всѣ заняли свои мѣста, епископъ Филадельфійскій вышелъ на средину и громогласно прочиталъ актъ оправданія патріарха, составленный отъ лица всѣхъ, соблазнявшихся доселѣ его книгою. Противники патріарха устами своего представителя провозглашали его православнымъ и признавались, что весь соблазнъ произведенъ книгою Марка, и такъ какъ патріархъ, подобно всѣмъ другимъ, осудилъ эту книгу [1]; то они не имѣютъ больше ничего противъ него. Когда епископъ Филадельфійскій кончилъ, Григорій всталъ—поблагодарилъ императора и собраніе и вышелъ. На другой день онъ прислалъ императору актъ отреченія отъ престола, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Меня возвели на патріаршій престолъ и облекли высшимъ святительскимъ саномъ не собственныя мои

---

(1) Въ осужденіе книги Марка Григорій написалъ два сочиненія: а) Ὁμολογία (цитовано выше) и б) Πιττάκιον (у Бандурія, t. II, p. 667—668)

происки и не искательства моихъ друзей, а неисповѣдимыя судьбы Божіи. Въ теченіе шестилѣтняго пребыванія моего на престолѣ я употреблялъ всѣ усилія—и словомъ и дѣломъ—къ тому, чтобы умиротворить соблазнявшихся и отдѣлившихся отъ церкви и соединить ихъ съ нею. Но всѣ мои усилія повели къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ моимъ желаніямъ;—нашлись люди, которые стали громко кричать, что желанный миръ не состоится до тѣхъ поръ, пока я не оставлю патріаршаго престола. Въ виду такого печальнаго положенія церкви, я не нахожу возможнымъ оставаться долѣе на своемъ мѣстѣ и предпочитаю удержанію власти примиреніе съ церковію и другъ съ другомъ соблазняющихся. Посему, желая содѣйствовать возстановленію среди этихъ людей мира по Богѣ и прекращенію душепагубныхъ соблазновъ, даю отреченіе отъ патріаршаго престола и патріаршей власти и сана, но не отъ священства, которое, по милости Божіей, надѣюсь сохранить до конца своей жизни, поелику я даю это отреченіе единственно для возстановленія мира между множествомъ соблазняющихся и для содѣйствія возсоединенію ихъ съ церковію, а не потому, чтобы сознавалъ за собою какое либо дѣяніе, лишающее меня священства. Въ силу сего позволяется избрать въ патріархи и возвести на патріаршій престолъ и въ святительскій санъ другаго, который, при содѣйствіи и помощи Божіей, возмогъ-бы, какъ канонически избранный патріархъ (*κανονικὸς πατριάρχης*) и законный архіерей, свести во едино и согласить раздѣлившіяся другъ отъ друга части церкви. Что́ и да совершится щедротами Великаго Бога и Спаса нашего І. Христа, преклоняемаго

на милость предстательствомъ Пречистыя Владычицы нашея Приснодѣвы Богородицы и всѣхъ святыхъ».

Актъ былъ написанъ собственною рукою патріарха, но не подписанъ. Историкъ говоритъ, что это было сдѣлано Григоріемъ съ цѣлію облегчить себѣ впослѣдствіи возвращеніе патріаршаго престола, что казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ отказывался теперь отъ этого престола единственно для прекращенія соблазна и успокоенія возбужденныхъ умовъ и притомъ удерживалъ за собою священство, такъ что весьма легко могъ быть возстановленъ на престолѣ, по минованіи условій, вызвавшихъ удаленіе. Такъ объяснили себѣ отсутствіе подписи и многочисленные недоброжелатели патріарха и готовы были поднять изъ-за этого новую бурю. Но императоръ и Ѳеолептъ Филадельфійскій, главный виновникъ разразившейся надъ патріархомъ катастрофы, приняли его отреченіе, поблагодарили его и убѣдили недовольныхъ не настаивать на подписи, а довольствоваться тѣмъ, что оно было написано собственною рукою патріарха. Оставляя патріаршій престолъ, Григорій постарался примириться со всѣми, враждовавшими противъ него клириками и вознаградить по возможности тѣхъ изъ нихъ, которые потерпѣли за свою вражду къ нему матеріальные убытки (1).

(1) Pachym. lib. II, c. 9. p. 130—133. Согласно съ вышеизложеннымъ разсказываетъ исторію своего удаленія отъ престола и самъ Григорій въ письмѣ своемъ къ одному изъ своихъ друзей (τῶν φίλων τινί), напечатанномъ у Дерубенса въ его Dissertationes duae historicae et dogmaticae, cum binis epistolis Cyprii ad amicum, et Moschamperis exchartophylacis ad ipsum, nunc primum editis: queis Byzantina Georgii Pachimeris Historia illustratur; по изданію Миня Patrologiae cursus completus, t. CXLII col. 126—128. Текстъ письма Мосхампера, напечатанный у Дерубенса, тождественъ съ вышеприведеннымъ Ἀπαντήσεως.

Въ числѣ враждовавшихъ противъ него духовныхъ лицъ оказался и его бывшій духовникъ, а потомъ епископъ никомидійскій, Германъ, рукоположившій его въ патріархи, и вмѣстѣ съ нимъ, извѣстный «ревнитель» Неофитъ Прузскій. Причина вражды заключалась въ слѣдующемъ. Германъ, рукоположившій Григорія въ патріархи, узналъ впослѣдствіи отъ лицъ, по его мнѣнію, вполнѣ достовѣрныхъ, что Григорій, во время владычества уніонистовъ имѣлъ съ ними общеніе не только въ молитвахъ и псалмопѣніяхъ (въ чемъ онъ самъ сознавался на духу), но и въ преломленіи хлѣба (о чемъ умолчалъ), и такимъ образомъ, оказывался виновнымъ въ намѣренной утайкѣ грѣховъ на исповѣди. Не долго думая, старый ревнитель составилъ актъ отлученія патріарха отъ церкви за утайку такого важнаго грѣха на исповѣди, грѣха, который, по его мнѣнію, служилъ непреодолимымъ препятствіемъ къ полученію священства, и, скрѣпивши его своей подписью, равно какъ и подписью своего пріятеля, епископа Прузскаго, обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе. Григорій, узнавши о такой дерзкой и противоканонической выходкѣ подчиненныхъ ему епископовъ, отрѣшилъ ихъ обоихъ отъ должности, но, собираясь оставить патріаршій престолъ, пожелалъ примириться и съ ними и разрѣшилъ ихъ отъ наложеннаго на нихъ запрещенія.

Простивши такимъ образомъ всѣхъ своихъ враговъ и примирившись со всѣми, Григорій удалился на покой въ монастырь Аристина (¹), находившійся

(¹) Объ этомъ монастырѣ, равно какъ и о сосѣднемъ съ нимъ Андреевскомъ, см. *Ducangii* Constantinopolis christiana, lib. IV. Sect. 5. num. 5. sect. 7, num. 8.

неподалеку отъ Андреевскаго монастыря, въ которомъ жила его большая почитательница, извѣстная намъ дочь Евлогіи, супруга протовестіарія Рауля ([1]).

Но съ удаленіемъ со сцены Григорія, дѣло съ его книгой не кончилось. Императоръ назначилъ особую коммиссію изъ извѣстныхъ своею ученостью духовныхъ лицъ и поручилъ ей разсмотрѣть ее и сообщить ему свое мнѣніе о ея характерѣ.

Первое засѣданіе коммиссіи, собравшейся въ большомъ дворцѣ, не удалось, благодаря жестокому землетрясенію, разогнавшему членовъ коммиссіи. Второе и слѣдующія затѣмъ засѣданія происходили въ Влахернскомъ дворцѣ. Послѣ долгаго и тщательнаго обсужденія, члены коммиссіи пришли къ заключенію, что собственно въ исправленіи нуждается только извѣстное изъясненіе словъ св. Іоанна Дамаскина, изъясненіе, изъ-за котораго возникло все дѣло. Но такъ какъ судьи не могли согласиться на счетъ способа исправленія этого мѣста; то и остановились на заключеніи, что лучше совсѣмъ исключить это мѣсто, чѣмъ давать ему неудовлетворительное объясненіе. Какъ отнесся къ этому заключенію коммиссіи императоръ, историкъ не сообщаетъ ([2]).

Такъ какъ патріархъ былъ низведенъ съ престола столько же въ угоду его ученымъ противникамъ, сколько, если не болѣе, и въ угоду арсенитамъ; то импе-

([1]) Pachym. Lb. II, c. 10, p. 133. Историкъ говоритъ, что Григорій вскорѣ же и умеръ здѣсь отъ душевныхъ потрясеній и отъ тоски, и что императоръ, узнавши о его смерти, присылалъ къ протовестіариссѣ гонцовъ за гонцами съ приказаніемъ, чтобы похороны его были совершены какъ можно тише и скромнѣе; и вслѣдствіе этого Григорій былъ погребенъ, какъ простой вѣрующій, а не какъ патріархъ. Ibid. c. 17, p. 152.

([2]) Pachym. Lb. II. c. II, p. 133—134.

раторъ считалъ этотъ моментъ весьма удобнымъ для возобновленія переговоровъ съ ними. Прежніе его переговоры, которые онъ возобновилъ вскорѣ по закрытіи Атрамитскаго собора и которые на время были прерваны сначала дѣломъ Векка, а потомъ дѣломъ Григорія, кончились весьма печально. Вмѣсто желаннаго примиренія умѣренныхъ арсенитовъ съ крайними императоръ добился того, что оттолкнулъ отъ церкви если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ изъ первыхъ, не пріобрѣтши для нея послѣднихъ. Чѣмъ и какъ былъ полученъ такой прискорбный результатъ историкъ не объясняетъ, а говоритъ лишь, что глава умѣренныхъ Іоаннъ Тарханіотъ, не хотѣвшій и слышать о примиреніи съ главою крайнихъ, Іакинѳомъ, отдѣлился и отъ церкви и былъ за это заключенъ императоромъ въ крѣпость Хилы (Χηλή) (1). По видимому, причиной этого вторичнаго отпаденія отъ церкви была настойчивость, съ какою императоръ требовалъ отъ Іоанна примиренія съ Іакинѳомъ. Эта настойчивость, при томъ глубокомъ презрѣніи, которое питалъ Іоаннъ и его приверженцы къ Іакинѳу и его партіи послѣ Атрамитской затѣи, на которую Іоаннъ, стоявшій по своему образованію гораздо выше Іакинѳа и его слѣпыхъ приверженцевъ, думавшихъ замѣнить недостатокъ богословскаго образованія неразборчивой «ревностью», смотрѣлъ не только какъ на невѣжество, но и какъ на богохульство, легко могла раздражить характернаго Тарханіота, и заставить его не только окончательно разойтись съ Іакинѳомъ, но и съ докучливымъ императоромъ. Это тѣмъ легче могло случиться, что Іоаннъ во главѣ

---

(1) Когда это случилось, историкъ тоже не объясняетъ.

своихъ приверженцевъ примирился съ церковію не только не безусловно, но и не безъ задней мысли, какъ это обнаружилось въ извѣстномъ перенесеніи праха Арсеніева въ столицу. Какъ бы то ни было, по этому, или по другому побужденію, но и весьма многіе изъ умѣренныхъ вслѣдъ за своимъ вождемъ были снова потеряны для церкви, какъ и крайніе, и, какъ мы видѣли, своимъ вмѣшательствомъ въ интригу ученыхъ противниковъ Григорія, немало поддержали эту интригу и содѣйствовали ея успѣху.

Удаленіе Григорія, бывшее результатомъ этой неблаговидной интриги, само собою вызывало императора на попытку испробовать, на сколько можно было давать значенія обѣщанію арсенитовъ примириться съ церковію подъ условіемъ устраненія этого патріарха. Въ этихъ видахъ онъ приказалъ освободить Іоанна изъ крѣпости и помѣстить его въ зданіи стараго арсенала, находившагося близъ влахернскаго дворца, предоставивъ ему полную свободу дѣйствій и позволивъ принимать у себя кого ему вздумается. Сначала онъ пробовалъ приглашать къ себѣ Іоанна и Іакинѳа по одиночкѣ и окольными путями (ἀκροβολισμοῖς) разузнавать, на сколько расположены они къ примиренію другъ съ другомъ, а потомъ прибѣгъ къ услугамъ постороннихъ людей, пользовавшихся ихъ довѣріемъ и уваженіемъ. Главныя усилія его и теперь, какъ прежде, были направлены на Іоанна. Къ нему онъ подослалъ патріарха александрійскаго, имѣвшаго на него большое вліяніе, разузнать его образъ мыслей, попытаться измѣнить его согласно съ желаніями императора и потомъ сообщить ему о результатахъ своихъ переговоровъ. Аѳанасію было поручено развивать

предъ Тарханіотомъ ту особенно мысль, что если устроится примиреніе между нимъ и Іакинѳомъ, то? безъ сомнѣнія, вслѣдъ за ними примирятся и ихъ сторонники, а когда всѣ они будутъ едино, то можно будетъ составить соборъ, и на немъ дружелюбно устроить и соглашеніе ихъ съ церковію, «такъ какъ Богъ находится посреди единомыслящихъ и подаетъ миръ ищущимъ мира ближнимъ и дальнымъ, особенно когда они ищутъ не своей славы, а Божіей (¹)». Но ни личныя рекогносцировки, ни примирительныя попытки Аѳанасія, не дали никакихъ результатовъ. Іоаннъ держался на сторожѣ противъ тѣхъ и другихъ и отвѣчалъ такъ уклончиво, что нельзя было вывести никакого заключенія на счетъ его образа мыслей и его намѣреній. Не обѣщая ничего въ настоящемъ, онъ подавалъ лишь самыя неопредѣленныя надежды въ будущемъ.

Хотя эта безуспѣшность попытки примирить арсенитовъ другъ съ другомъ подавала мало надежды на примиреніе ихъ съ церковію, тѣмъ не менѣе императоръ, горѣвшій желаніемъ устроить это примиреніе такъ или иначе, не хотѣлъ бросать этого дѣла, не испытавши предварительно всѣхъ средствъ къ его благополучному, желанному въ интересѣ церковнаго мира, окончанію, и съ этою цѣлью неоднократно устроивалъ соборы изъ наличныхъ епископовъ, приглашалъ на ихъ засѣданія представителей той и другой партіи, стараясь склонить ихъ къ миру другъ съ другомъ и церковію.

Но и усилія собора оказались столь же безуспѣшными, какъ и личныя усилія императора.

(¹) Pachym. Lib. I', c. 12, p. 136.

Между тѣмъ, по обычаю, давно вошедшему въ плоть и кровь византійцевъ, противники спѣшили интриговать другъ друга. Крайніе оговорили главу умѣренныхъ-Тарханіота въ замыслахъ на царскую власть. Основаніемъ для оговора послужили два истинныхъ, или вымышленныхъ факта: а) будто бы Тарханіотъ въ одно собраніе явился въ пурпурныхъ нарукавникахъ (χειρίδας), украшенныхъ драгоцѣнными камнями, и б) будто бы нѣкоторыя другія принадлежности царскихъ одеждъ были найдены у одного изъ его единомышленниковъ. Вслѣдствіе этого оговора Тарханіотъ былъ снова заключенъ въ крѣпость безъ суда и слѣдствія.

Тѣмъ внимательнѣе сдѣлался послѣ того императоръ къ главѣ крайнихъ Іакинѳу и его ближайшимъ сподвижникамъ—Лазарю, Макарію и Лепендрену. Онъ подарилъ ему одну изъ лучшихъ лошадей со своей конюшни, чтобы дать ему возможность почаще навѣщать его во дворцѣ для интимной бесѣды. Хитрый монахъ спѣшилъ пользоваться этимъ благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ къ тому, чтобы обезпечить себѣ и своимъ благосклонность императора на счетъ своихъ совмѣстниковъ. Онъ притворился горячимъ сторонникомъ церковнаго мира, старался увѣрить императора, что самъ онъ лично готовъ хоть сейчасъ вступить въ общеніе съ церковію, и если еще медлитъ, то единственно потому, что его единоличное присоединеніе будетъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно въ интересѣ мира, такъ какъ при настоящемъ настроеніи остальныхъ членовъ фракціи нельзя расчитывать на то, чтобы его примѣръ нашелъ себѣ много подражателей, а напротивъ, есть основаніе думать, что его присоедине-

ніе лишь окончательно оттолкнуло бы всѣхъ остальныхъ отъ церкви. Его смертельный врагъ, Іоаннъ Тарханіотъ, служившій до сихъ поръ главнымъ препятствіемъ къ примиренію арсенитовъ какъ между собою, такъ и съ церковію, не замедлитъ воспользоваться этимъ присоединеніемъ къ тому, чтобы выставить его измѣнникомъ памяти и дѣлу Арсенія и тѣмъ сдѣлать его презрѣннымъ столько же въ глазахъ своихъ, сколько и въ глазахъ чужихъ, такъ что въ концѣ концовъ его присоединеніе лишь поссоритъ его со своими и не примиритъ съ чужими, послужитъ лишь къ его личному вреду, безъ всякой пользы для церкви. Вслѣдствіе этихъ соображеній тонкій лицемѣръ просилъ императора дать ему время постепенно подготовить своихъ единомышленниковъ къ шагу, который за себя онъ давно будто бы рѣшилъ, и облегчить для него эту подготовку возможной внимательностью къ нуждамъ и желаніямъ вліятельнѣйшихъ членовъ фракціи. При дѣятельномъ содѣйствіи императора, онъ тѣмъ легче надѣялся достигнуть указанной цѣли, что злокозненный Тарханіотъ, потерявшій свои павлиныя перья, вслѣдствіе недавно разразившейся надъ нимъ, совершенно впрочемъ заслуженной имъ, катастрофы, сдѣлался теперь столько же смѣшонъ, какъ ощипанная ворона, и не можетъ уже тормозить святое дѣло примиренія [1].

Рѣчи хитраго старика были по сердцу императору. Онъ съ удовольствіемъ ихъ выслушивалъ и, не подозрѣвая въ нихъ никакого коварства, охотно согла-

[1] Ἰωάννῃ δὲ (Ταρχανειώτῃ) καὶ δυστακτεῖν, καὶ γ' ὑποκεῖσθαι καὶ παρὰ τῶν ἰδίων καταγνώσει, οὐδὲ καὶ αὐτοὺς θεραπεύειν δεῖν, καὶ οὕτω τὸ τοῦ κολοιοῦ παθεῖν ἐκεῖνον, τῶν ἀλλοτρίων ἐξῃρημένον πτερῶν. Pachym. l. 5, II. c. 12, p. 137.

силея выжидать благопріятнаго момента для полученія обѣщаемаго результата и вызвался содѣйствовать ускоренію этого момента. Въ этихъ видахъ онъ отдалъ въ распоряженіе Іакинѳа и его партіи мозельскій монастырь, продолжая въ тоже время по прежнему принимать у себя слѣпыхъ вождей партіи Лазаря, Макарія и другихъ, когда имъ вздумается, и осыпать ихъ всевозможными знаками вниманія: встрѣчалъ и провожалъ ихъ, когда они его навѣщали, превозносилъ похвалами несокрушимое мужество, обнаруженное ими въ ихъ злостраданіяхъ, выражалъ удивленіе и благоговѣніе предъ знаменіями ихъ достославнаго исповѣдничества и убѣждалъ ихъ не омрачать ихъ отчужденіемъ отъ церкви. Слѣпые исповѣдники принимали всѣ эти комплименты и другіе знаки вниманія царскаго, какъ вполнѣ заслуженную ими дань удивленія къ ихъ добродѣтелямъ и ревности, и не только не думали поступаться ни однимъ изъ своихъ требованій, но и считали себя вправѣ, во имя признанныхъ императоромъ заслугъ своихъ, расширить эти требованія, именно: они потребовали, чтобы торжественно было объявлено, что Іосифъ никогда не былъ законнымъ патріархомъ и чтобы столь же торжественно было осуждено ученіе, что *Духъ св. исходитъ отъ Отца чрезъ Сына* ([1]). Къ этимъ двумъ радикальнымъ требованіямъ они присоединили еще третье, не менѣе радикальное: чтобы провѣрены были всѣ хиротоніи, совершенныя послѣ удаленія отъ престола Арсенія, и затѣмъ скромно

([1]) Пахимеръ называетъ это ученіе догматомъ церкви: ἀθετεῖν δὲ καὶ δόγμα τῆς ἐκκλησίας τὸ διά τοῦ Υἱοῦ ἐκ πατρὸς ἐκπορεύεσθαι. Pachym. lib, II, c 12. p. 138.

присовокупили, что если бы императору угодно было поручить имъ управленіе церковію, то они стали бы управлять ею по святому евангелію и свято-отеческимъ канонамъ [1].

Слушая эту старую пѣсню въ новой, дополненной редакціи, императоръ понялъ, что грубѣйшимъ образомъ обманутъ арсенитами, махнулъ на нихъ рукой и приступилъ къ избранію новаго патріарха.

И. Троицкій

(Продолженіе будетъ).

---

(1) Ibid. p. 138–139.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Свящ. А. Тачалов

Протесты в Германии и Австрии против нового, на ватиканском соборе 18 июля 1870 года провозглашенного догмата о папской непогрешимости и его последствия

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 6. С. 1120-1142.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ПРОТЕСТЫ
ВЪ ГЕРМАНІИ И АВСТРІИ

противъ новаго, на ватиканскомъ соборѣ 18 іюля 1870 г. провозглашеннаго, догмата о папской непогрѣшимости, и его послѣдствія.

(Продолженіе)

II.

Анти-папское движеніе въ католичествѣ, по поводу провозглашенія новаго догмата, приняло несравненно болѣе широкіе размѣры и болѣе рѣшительный и энергичный характеръ, когда во главѣ этого движенія открыто сталъ первостепенный ученый, сеньеръ всѣхъ католическихъ богослововъ, учитель весьма многихъ нѣмецкихъ епископовъ, профессоръ Мюнхенскаго университета—Деллингеръ. Какъ мы въ прежней статьѣ сказали, изъ всѣхъ профессоровъ Мюнхенскаго богословскаго факультета, только двое—Деллингеръ и Фридрихъ не подписали реверса, или отреченія отъ своего протеста противъ папской непогрѣшимости. Мюнхенскій епископъ всѣми мѣрами старался склонить ихъ на свою сторону и дважды давалъ имъ сроки для подписанія реверса; тотъ и другой разъ безуспѣшно. 6 (18) марта окончился второй срокъ. Профессоръ Фридрихъ объявилъ, что онъ ни-

когда не измѣнитъ своему убѣжденію. Деллингеръ же попросилъ себѣ еще сроку двѣ недѣли, «для болѣе серьезнаго размышленія». Какъ либеральная, такъ и ультрамонтанская партіи не переставали возлагать на Деллингера свои надежды. Ультрамонтанская пресса въ продолженіи послѣдняго срока употребляла все свое искусство для его обращенія, старалась подѣйствовать на него то лестью, то угрозами, превознося съ одной стороны его ученость, а съ другой—представляя всѣ неизбѣжныя слѣдствія гибельнаго раскола въ церкви, въ случаѣ дальнѣйшей его новому догмату оппозиціи. Всѣ съ напряженіемъ ожидали, какое будетъ послѣднее слово Деллингера. Наконецъ, 16 (28) марта Деллингеръ далъ епископу ожидавшееся отъ него объясненіе, достойное своего авторитета и своей учености, и рѣшительно отвергающее новый догматъ о папской непогрѣшимости. Это объясненіе, давшее сильнѣйшій толчекъ всему дальнѣйшему движенію противъ новаго догмата, вполнѣ заслуживаетъ подробнаго анализа. Указавъ на угрозы, дѣлаемыя ему епископской куріей, въ случаѣ его дальнѣйшаго сопротивленія, а потомъ на слухъ о предстоящемъ новомъ собраніи нѣмецкихъ епископовъ въ Фульдѣ, Деллингеръ проситъ епископа дать ему возможность или на этомъ епископскомъ собраніи, или на особой конференціи докторовъ богословія, въ открытомъ диспутѣ доказать слѣдующія положенія: 1) Всѣ мѣста Св. Писанія Матѳ. 16, 18; Іоан. 21, 17, и особенно Луки 22, 34, на которыхъ хотятъ утвердить новый догматъ, всѣми отцами церкви безъ исключенія объясняются въ противномъ новому догмату смыслѣ. 2) Мысль, что ученіе о папской непогрѣшимости суще-

ствовало всегда въ церкви, основывается на совершенномъ игнорированіи церковнаго преданія въ 1-е тысячелѣтіе церкви, противорѣчитъ яснѣйшимъ историческимъ свидѣтельствамъ и фактамъ. 3) Всѣ епископы романскихъ земель Испаніи, Италіи, Южной Америки и Франціи, образовавшіе большинство епископовъ собора, уже самыми учебниками, изъ которыхъ они во время своего семинарскаго образованія почерпали свои познанія, введены были въ заблужденіе относительно сущности папской власти, такъ какъ эти учебники наполнены ложными, вымышленными или искаженными доказательствами. 4) Два вселенскихъ собора и многіе папы въ 15 вѣкѣ торжественными, на соборѣ провозглашенными и утвержденными, декретами рѣшили вопросъ объ объемѣ папской власти, и эти рѣшенія стоятъ въ противорѣчіи съ декретами новаго собора. 5) Новые декреты несоединимы съ конституціями европейскихъ государствъ и особенно съ баварской конституціей и онъ, только-что при своемъ вступленіи въ камеры опять присягнувшій этой конституціи, не можетъ принять новые декреты и вмѣстѣ съ ними буллы: «unam sanctam» и «Cum ex Apostolatus officio», силлабусъ Пія IX и многіе другіе папскія изрѣченія и декреты, которые бы теперь должны считаться непогрѣшимыми, и которые стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ государственными законами. Деллингеръ ссылается, въ подтвержденіе послѣдняго своего взгляда на мнѣніе Мюнхенскаго юридическаго факультета и изъявляетъ готовность выслушать приговоръ и всякаго другаго факультета по выбору епископа. Для предлагаемой конференціи Деллингеръ поставляетъ съ своей стороны

два условія: 1) чтобы весь диспутъ былъ занесенъ въ протоколъ и преданъ гласности, и чтобы позволено было присутствовать на конференціи одному научно-образованному лицу по его выбору. Деллингеръ, выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что епископъ прежде примѣненія къ нему всѣхъ другихъ аттрибутовъ своей архипастырской власти употребитъ самый прекраснѣйшій и благороднѣйшій изъ нихъ—учительство, и обѣщаетъ съ своей стороны полное подчиненіе, если ему научно докажутъ, что онъ заблуждается. «Дѣло не въ одномъ только мнѣ, говоритъ онъ;—тысячи между духовенствомъ и сотни тысячъ между мірянами одинаковаго со мною убѣжденія и признаютъ невозможнымъ принятіе новаго члена вѣры. Доселѣ еще никто даже изъ тѣхъ, которые формально подчинились уже новому догмату, мнѣ не сказалъ, чтобы онъ былъ убѣжденъ въ его истинности; всѣ мои друзья и знакомые подтверждаютъ тоже самое. «Ни одна душа не вѣруетъ въ новый догматъ», слышишь каждый день отъ всѣхъ и каждаго. «Но можетъ быть Вы, Ваше преосвященство—продолжаетъ Деллингеръ—укажете мнѣ на недавно изданное Вами пастырское посланіе, какъ на источникъ для исправленія моихъ мнѣній; но я долженъ сознаться, что оно произвело на меня совершенно противоположное дѣйствіе и я желалъ бы представить доказательства, что въ немъ заключается цѣлый рядъ неправильно понятыхъ, искаженныхъ, обрѣзанныхъ или вымышленныхъ свидѣтельствъ, которыя вмѣстѣ съ умолчаніемъ важнѣйшихъ фактовъ и противоположныхъ свидѣтельствъ представляютъ совершенно несходный съ дѣйствительнымъ преданіемъ образъ»; причемъ Деллингеръ

допускаетъ, что тотъ, кому епископъ поручилъ написать пастырское посланіе, не самъ выдумалъ всѣ эти искаженія а по доброй вѣрѣ заимствовалъ отъ другихъ (Cordoni и др.). Далѣе Деллингеръ указываетъ, что его книга «о первомъ вѣкѣ церкви апостольскомъ» одобренная самимъ епископомъ, всѣми католиками въ Германіи была признана какъ вѣрное изображеніе апостольскаго времени (и даже изъ іезуитско-ультрамонтанскаго круга, ничего особеннаго не сказано противъ нея) «и теперь, съ принятіемъ новаго догмата, говоритъ Деллингеръ, я долженъ бы осудить ее и сознаться, что весь отдѣлъ въ этой книгѣ объ устройствѣ древнѣйшей церкви, все мое представленіе объ отношеніи апостола Павла и прочихъ апостоловъ къ Петру, совершенно ложно и я не понималъ ни дѣяній св. апостоловъ, ни посланій апостола Павла».

Новый ватиканскій декретъ, говоритъ Деллингеръ далѣе, предоставляя папѣ всю полноту власти надъ всею церковію, обнимающую всѣ стороны жизни и простирающуюся на всѣхъ—какъ монарховъ, такъ и послѣднихъ подданныхъ—въ тоже время уничтожаетъ самостоятельное значеніе епископата, низводя епископовъ на степень простыхъ папскихъ уполномоченныхъ или коммиссаровъ. Епископы меньшинства понимали это, говоритъ Деллингеръ «Вы сами, преосвященный, принимали участіе въ той депутаціи, которая 15-го іюля папѣ дѣлала самыя сильныя противъ новаго догмата представленія, которыя г. фонъ Кеттлеръ хотѣлъ еще болѣе усилить преклоненіемъ къ папскимъ ногамъ. Все было напрасно». Деллингеръ напоминаетъ при этомъ, какъ епископы оппозиціи въ

особенномъ адресѣ, въ которомъ и мюнхенскій епископъ принималъ непосредственное участіе, представлялъ папѣ, что различныя изреченія и дѣйствія св. отцевъ, подлинные историческіе документы и католическая догматика представляютъ серьёзныя трудности для провозглашенія новаго догмата, и какъ всѣ эти представленія были безплодны, какъ значительное число итальянскихъ епископовъ требовало провозглашенія новаго догмата на томъ только основаніи, «что два итальянца Ѳома Аквинатъ и Альфонсъ Лигори учили этому догмату». «Когда же стало извѣстно, говоритъ Деллингеръ, и онъ самъ и Гратри напомнили, что Ѳома самъ былъ обманутъ длиннымъ рядомъ вымышленныхъ свидѣтельствъ и въ своемъ ученіи постоянно ссылается на эти ложныя свидѣтельства, а не на подлинныя мѣста св. отцевъ и соборовъ, — и еще болѣе тоже самое нужно сказать о Лигори; то необходимо нужно было изслѣдовать обстоятельно дѣло; но такъ какъ изслѣдованіе обнаружило бы, что теорія о папской непогрѣшимости проникла въ церковь только длиннымъ путемъ намѣренныхъ вымысловъ и подлоговъ; то всѣ представленія и просьбы объ изслѣдованіи были напрасны». Авторъ не видитъ въ исторіи церкви ничего подобнаго ватиканскому собору и, по отсутствію свободы совѣщаній и нравственному насилію, сравниваетъ его съ, такъ называемымъ, разбойничьимъ соборомъ... «Извѣстно, что іезуиты, рѣшившіеся во что бы то ни стало ввести полный абсолютизмъ въ церковь, придумали, такъ называемое, жертвоприношеніе разума (sacrificio dell'imtelletto) и увѣрили своихъ приверженцевъ и даже нѣкоторыхъ епископовъ, что самая лучшая Богу жертва

и самый высшій героизмъ состоитъ въ томъ, чтобы, отказавшись отъ свѣта своего разума и пріобрѣтенныхъ познаній, съ слѣпою вѣрою броситься въ объятія непогрѣшимаго папскаго учительства, какъ единственнаго вѣрнаго источника религіознаго познанія». «Но нѣмецкіе епископы, говоритъ Деллингеръ, если судить по ихъ пастырскимъ посланіямъ, еще не дошли до такой степени ослѣпленія, еще допускаютъ человѣческую науку, человѣческія изслѣдованія, ссылаются на исторію и, подобно епископу Кюбелю, думаютъ, что папа можетъ объявить догматомъ только такое ученіе, которое заключается въ священномъ писаніи и въ священномъ преданіи». «Поэтому и разсматриваемый вопросъ чисто историческаго характера и долженъ подлежать историческому изслѣдованію: нѣтъ никакихъ особенныхъ тайныхъ источниковъ, изъ которыхъ бы одни папы имѣли право почерпать истину; папы и епископы равно должны имѣть дѣло съ историческими свидѣтельствами и съ надлежащею оцѣнкою ихъ». Здѣсь, слѣдовательно, историческимъ путемъ нужно рѣшить два вопроса: 1) дѣйствительно ли извѣстныя три изреченія Христа объ апостолѣ Петрѣ съ самаго начала во всей церкви и чрезъ всѣ столѣтія были объясняемы въ томъ смыслѣ, который хотятъ теперь придать имъ, т. е. въ смыслѣ дарованной всѣмъ папамъ непогрѣшимости и ихъ безгранично абсолютной власти, и 2) дѣйствительно-ли церковное преданіе всѣхъ временъ въ писаніяхъ отцевъ и фактахъ исторіи показываетъ всеобщее признаніе этого двойнаго права? Если на эти вопросы нужно дать отвѣтъ отрицательный, то нельзя, какъ епископъ Кюбель и другіе дѣлаютъ, ссылаться на обѣщанное

будто бы папѣ вдохновеніе Святаго Духа, такъ какъ нужно еще исторически доказать, что ему дѣйствительно присуще это вдохновеніе. Гдѣ же это доселѣ доказано? Очевидно, не на соборѣ, гдѣ, какъ доказываетъ сочиненіе Кордона, не боялись даже самыхъ подлоговъ и представили преданіе въ самомъ превратномъ видѣ съ умолчаніемъ самыхъ поразительныхъ противъ новаго догмата фактовъ и свидѣтельствъ; и «это также», прибавляетъ Деллингеръ, «я просилъ бы позволенія доказать». Кромѣ того, по его словамъ, нужно принять во вниманіе, что новый догматъ, по самому существу дѣла, по собственному объявленію папы, по сознанію всѣхъ поборниковъ его, составляетъ «основный членъ вѣры, *норму* вѣры, отъ которой зависитъ вся прочая область вѣры такъ, что на будущее время каждый католикъ, на вопросъ, почему онъ такъ или иначе вѣруетъ, долженъ отвѣчать: я вѣрую въ то или другое, потому что непогрѣшимый папа такъ повелѣлъ. Этотъ высшій принципъ вѣры, какъ сіяющее свѣтило всей церкви, долженъ былъ бы существовать во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и долженъ быть поставленъ во главѣ всякаго христіанскаго наставленія. Теперь мы спрашиваемъ, говоритъ Деллингеръ: чѣмъ же объяснить, что церковь это, по словамъ папы (въ посланіи папы отъ 28-го октября), fundamentale principium catholicae fidei ac doctrinae только теперь послѣ 1830-ти лѣтъ рѣшается провозгласить догматомъ вѣры? Какъ было возможно, что папы прежде снисходительно смотрѣли на то, что цѣлыя страны и цѣлыя школы отвергали этотъ фундаментальный догматъ? И какъ было возможно единство церкви, когда она въ основаніи вѣры раздѣля-

лась? И—смѣю-ли еще прибавить?—Какъ случилось, что ваше преосвященство такъ долго и такъ упорно возставали противъ провозглашенія новаго догмата? Поелику оно неблаговременно,—говорите вы. Но развѣ можетъ быть когда-либо неблаговременнымъ дать вѣрующимъ ключъ ко всему зданію вѣры и провозгласить основный членъ вѣры, отъ котораго зависятъ всѣ прочіе? Здѣсь у насъ кружится голова предъ тою пропастью, которая 18-го іюля прошлаго года открылась предъ нами».

Наконецъ, Деллингеръ указываетъ на ту абсолютную власть, которая новымъ догматомъ дана папѣ, какъ надъ цѣлою церковію вообще, такъ и надъ каждымъ членомъ ея въ частности. «Эта власть, говоритъ онъ, безгранично можетъ простирать свои дѣйствія всюду, гдѣ, какъ говоритъ Иннокентій III, есть грѣхъ, можетъ каждаго подвергать наказанію, не терпитъ никакой аппеляціи... При новомъ дгматѣ папа можетъ всегда однимъ словомъ *urbi* (т. е., что онъ обращается ко всей церкви), каждое положеніе, ученіе и требованіе сдѣлать непогрѣшимымъ догматомъ вѣры. Предъ нимъ не существуетъ никакого права, никакой личной или корпоративной свободы, или какъ канонисты говорятъ: трибуналъ Бога и папы одинъ и тотъ же. «Эта система носитъ на челѣ своемъ романское происхожденіе и никогда не можетъ проникнуть въ германскія земли». Какъ христіанинъ, какъ богословъ, какъ историкъ и какъ гражданинъ, говоритъ Деллингеръ въ заключеніе, онъ не можетъ принять новаго догмата, и заканчиваетъ все объясненіе слѣдующими словами: «Если бы это ученіе, отъ последствій котораго погибла древняя Германская импе-

рія, восторжествовало, наконецъ, въ католической части Германіи, оно сейчасъ бы посѣяло сѣмя неисцѣльнаго разложенія въ только что созданной новой имперіи» [1]. Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ и торжествомъ было принято это объясненіе Деллингера со стороны всѣхъ либеральныхъ католиковъ. Автора осыпали со всѣхъ сторонъ похвалами, всѣ старались выразить ему свое сочувствіе и благодарность. Самъ король, кажется, хотѣлъ выразить ему свою признательность, поручивъ ему, чрезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія, совершить въ великій четвертокъ, въ присутствіи своемъ и всего двора, торжественное богослуженіе и совершить извѣстный обрядъ умовенія ногъ двѣнадцати старцамъ, при чемъ стеченіе было необычайное. Въ тоже время со всѣхъ сторонъ понеслись къ Деллингеру сочувственные и благодарственные адресы. Первый примѣръ къ тому подалъ мюнхенскій университетъ. 4-го апрѣля профессоры всѣхъ факультетовъ, числомъ 50 (недоставало 7-ми богослововъ) чрезъ депутатовъ передали Деллингеру свой сочувственный и благодарственный, за его вѣрное убѣжденіе и мужественное объясненіе, адресъ. Напомнивъ о своемъ прежнемъ протестѣ (въ августѣ прошлаго года) противъ новаго догмата, о насиліи власти на ватиканскомъ соборѣ, объ измѣнѣ нѣмецкихъ епископовъ и стремленіи ихъ путемъ тиранніи ввести новый догматъ и вмѣстѣ абсолютизмъ въ церкви, вопреки требованіямъ разума

---

(1) Примѣч. Деллингера. Въ газетѣ Civiltà отъ 18 марта 1871 р. 661 стоитъ слѣд.: „Папа есть верховный судья всѣхъ гражданскихъ законовъ: въ немъ какъ въ своей главѣ соединяются обѣ власти духовная и свѣтская, потому что онъ есть намѣстникъ Христа, который не только вѣчный Первосвященникъ, но и Царь царей, Господь Господей“.

и права, преданія и евангелія, адресъ далѣе говоритъ: «въ такое опасное время, когда всѣ внѣшнія опоры падаютъ, обязанность высшихъ заведеній быть послѣднимъ и, если Богу угодно, несокрушимымъ щитомъ поруганной истины и прежде всего на васъ, высокопреподоб. отецъ, были обращены взоры всей націи. Вы соотвѣтствовали ожиданіямъ, и своимъ объясненіемъ отъ 28-го марта сохранили католическому міру залогъ спасительнаго развитія, право свободнаго научнаго изслѣдованія, и въ лѣтописяхъ мюнхенскаго университета вписали листъ высшаго историческаго посвященія». Наконецъ, приглашая Деллингера быть твердымъ въ борьбѣ, адресъ заключаетъ: «въ эту эпоху христіанскихъ судебъ мы припоминаемъ вопросъ мужественнаго Гратри: «нуждается Богъ въ вашей лжи»? И мы и вмѣстѣ съ нами тысячи вѣрныхъ сердецъ отвѣчаемъ подобно вамъ, высокопреп. отецъ, яснымъ и рѣшительнымъ: «нѣтъ» ». Вслѣдъ за тѣмъ почти всѣ католическіе университеты (за исключеніемъ богословскихъ факультетовъ) одинъ за другимъ: Вюрцбургскій, Фрейбургскій, Боннскій, Бреславскій, Марбургскій, поднесшій Деллингеру дипломъ на званіе почетнаго доктора правъ, Вѣнскій (1), Инспрукскій и, чего трудно было ожидать, даже Римскій (въ лицѣ 25 профессоровъ) прислали Деллингеру свои сочувственные и благодарственные адресы. Послѣдній адресъ особенно замѣчателенъ; мы приведемъ его заключеніе: «Мы, профессоры римскаго университета привѣтствуемъ съ большими надеждами голосъ, который вы возвышаете, и желаемъ успѣха вашему дѣлу, которое вмѣстѣ и наше и всей христіанской

(1) Въ Вѣнскомъ 60 профессор. подписали адресъ.

цивилизаціи. И мы объявляемъ это открыто съ тѣмъ, чтобы вы на будущее время съ свойственнымъ вамъ безпристрастіемъ различали отвѣтственность итальянскаго народа отъ отвѣтственности итальянскихъ епископовъ. Наши епископы не имѣютъ отечества и стоятъ внѣ связи съ итальянскимъ народомъ. Силлабусъ, непогрѣшимость, папская автократія—всѣ эти отрицанія божественнаго и человѣческаго разума образуютъ систему, которая стоитъ въ противорѣчіи съ нашимъ характеромъ и нашимъ духовнымъ развитіемъ. Мы римляне, т. е. итальянцы, ненавидимъ точно также, какъ и нѣмцы, это позорное порабощеніе духа. Теперь итальянская нравственность уже не та, что въ XVI столѣтіи, и мы знаемъ, что наступилъ часъ, въ который святое дѣло церковной реформы должно быть завоевано обоими народами—нѣмцами и итальянцами». По примѣру профессоровъ и студенты мюнхенскаго университета также подали Деллингеру свой сочувственный адресъ и, для большаго успѣха общаго дѣла, обратились съ приглашеніемъ къ тому же къ студентамъ всѣхъ другихъ католическихъ университетовъ, и студенты инспрукскаго университета первые послѣдовали ихъ примѣру. Вмѣстѣ съ профессорами и студентами католическихъ университетовъ и всѣ образованные и болѣе вліятельные католики и весьма многіе магистраты всѣхъ почти главныхъ городовъ не только Баваріи и Германіи: Мюнхена, Нюрнберга, Аугсбурга, Бамберга, Вюрцбурга, Кемптена, Кайзерслаутерна, Ландау, Фюрта, Ингольштадта, Фрейзинга, Людвигсгафена, Фрейбурга, Мангейма, Раштадта, Бреславля, Кельна и Бонна съ прирейнскими городами, но и: Вѣны, Песта, Праги,

Греца, Линца, Знаимя, Амстердама и др. отослали уже покрытые многочисленными подписями, сочувственные или благодарственные адресы Деллингеру (1). Въ связи съ объясненіемъ Деллингера и вызваннымъ имъ движеніемъ, и швейцарскіе католики въ Бернѣ на многочисленномъ собраніи объявили себя противъ новаго догмата и составили особую коммиссію для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ него.

При такомъ анти-папскомъ движеніи, принимающемъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры, легко себѣ также представить все неистовство, всю лихорадочную дѣятельность ультрамонтанской партіи, усиливающейся во что бы-то ни стало подавить или остановить означенное движеніе. Прежде всего всѣ свои силы она обратила на Деллингера, какъ главнаго виновника всѣхъ ихъ бѣдствій. Ультрамонтанская пресса не находила достаточно словъ, чтобы опозорить, очернить это свѣтлое имя. Еретикъ, второй Лютеръ, самый низкій изъ всѣхъ ученыхъ, демагогъ, Іуда, поклонникъ лжи, обнаружившій притомъ

(1) Всѣхъ сочувственныхъ адресовъ Деллингеру до настоящаго времени прислано болѣе 100 и всѣ покрыты многоч. подписями. Составленный въ Боннѣ 15 апр. и во многихъ сотняхъ экземпляровъ во всѣхъ болѣе значительныхъ мѣстахъ рейнской провинціи розданный для подписи адресъ, среди похвалъ Деллингеру, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «и теперь во всей наготѣ раскрыта ложь, старающаяся запугать робкія души каррикатурою католическаго единства и тѣмъ склонить хотя только къ формальному подчиненію римскимъ нововведеніямъ; потому что *это такъ называемое единство подъ блестящимъ покровомъ скрываетъ страшный разладъ, пропасть противорѣчій между теперешнимъ и прошедшимъ и разрывъ со всѣмъ преданіемъ церкви*. Будьте спокойны; истины нельзя ни заковать, ни подавить; предъ тѣмъ высшимъ трибуналомъ, который образуетъ *вся церковь*, вашъ голосъ будетъ рано или поздо услышанъ; сильнымъ упованіемъ на Христа, *главу церкви* и нашего вождя въ этой борьбѣ, будьте тверды до конца въ защитѣ истины, безъ которой *всякое единство есть безсодержательный призракъ*».

весьма недостаточныя познанія въ догматикѣ и церковномъ правѣ, измѣнникъ Богу, церкви и себѣ, величайшій преступникъ и т. д., вотъ названія, которыми паписты его осыпаютъ; по деревнямъ ультрамонтаны—священники старались распространить молву, что Деллингеръ помѣшался въ умѣ; въ Мюнхенѣ выдумали исторію о портфелѣ, который будто бы Деллингеръ оставилъ случайно въ одномъ изъ мюнхенскихъ институтовъ, гдѣ онъ читалъ свои лекціи, и въ которомъ нашли листы изъ исторіи протестантскаго историка Куртца, выводя изъ этого заключеніе, что онъ читалъ свои лекціи по Куртцу и слѣдовательно давно уже измѣнилъ католическому направленію и т. д. Епископъ мюнхенскій въ особомъ пастырскомъ посланіи, отъ 4-го апрѣля, отвѣчалъ Деллингеру, что нечего рѣшать болѣе на конференціи, когда вопросъ уже рѣшенъ правильнымъ, вселенскимъ соборомъ, что историческаго изслѣдованія нельзя ставить выше церкви, и что мысль объ опасныхъ послѣдствіяхъ новаго догмата чистая клевета. Вслѣдъ за епископомъ 9 католическихъ мюнхенскихъ священниковъ обнародовали свой протестъ противъ объясненія Деллингера, особенно противъ того мѣста, гдѣ онъ говоритъ, что тысячи изъ духовенства не вѣруютъ въ новый догматъ, заявляя въ немъ свою преданность папѣ и епископамъ, свою вѣру въ *новый* догматъ и во всѣ опредѣленія ватиканскаго собора и, подобно епископу, отвергая всякую опасность отъ новаго догмата для государства. Къ этому протесту присоединилось сначала около 100 мюнхенскихъ священниковъ (меньшая половина, впрочемъ, всего), а потомъ, въ соотвѣтствіе сочувственнымъ адресамъ Деллингеру,

посыпались сочувственные адресы мюнхенскимъ священникамъ со стороны всѣхъ почти католическихъ священниковъ и разныхъ орденовъ монаховъ изъ всѣхъ почти баварскихъ и нѣкоторыхъ германскихъ городовъ и мѣстечекъ; ультрамонтанскіе священники пользуются всѣми средствами законными и незаконными (см. ниже), для утвержденія новаго догмата; онъ сдѣлался темою всѣхъ ихъ проповѣдей, въ которыхъ они гремятъ проклятіями на всѣхъ, протестовавшихъ противъ него, угрожаютъ имъ всѣми бѣдствіями, лишеніемъ церковнаго погребенія и т. д. Подъ руководствомъ священниковъ и ультрамонтанскихъ вождей всѣ, такъ называемые, католическіе ферейны и казины, столь распространенные въ Баваріи, обнаруживаютъ особенную дѣятельность въ пользу ультрамонтантства, составляютъ народныя собранія въ различныхъ мѣстахъ, на которыхъ составляются и подписываются адресы папѣ, епископу съ выраженіемъ преданности ихъ новому догмату и т. п. Наконецъ, 17-го апр. на главныхъ вождей оппозиціи новому догмату на Деллингера и Фридриха произнесено формальное отлученіе отъ церкви. Но всѣ эти энергическія мѣры церковной власти, вся эта лихорадочная ажитація духовенства и ультрамонтановъ не только не могутъ остановить анти-папскаго движенія, но и еще, какъ говорятъ, подливаютъ масла въ огонь. Сочувственные адресы Деллингеру продолжаются; но враги новаго догмата не ограничились одними изліяніемъ сочувствій ему, а рѣшились на болѣе энергическія мѣры. Еще до отлученія Деллингера отъ церкви 9-го апрѣля, около 400 самыхъ вліятельныхъ католиковъ Мюнхена, между которыми мы встрѣчаемъ состави-

теля прежняго «протеста старо-католиковъ, противъ новаго догмата графа фонъ Моя», собрались въ залѣ музея для составленія адреса противъ новаго догмата королю. Послѣ историческаго очерка ватиканскаго собора и на немъ провозглашеннаго новаго догмата, въ которомъ профессоръ д-ръ Губеръ яркими красками изобразилъ всѣ интриги іезуитовъ и ультрамонтановъ на соборѣ и вмѣстѣ постыдную измѣну истинѣ со стороны нѣмецкихъ епископовъ, послѣ разсмотрѣнія вопроса съ точки зрѣнія государственнаго права (въ рѣчи Шренга), былъ прочитанъ, единогласно принятъ и подписанъ адресъ королю, и въ тоже время изъ болѣе даровитыхъ и вліятельныхъ лицъ составленъ былъ комитетъ для продолженія борьбы противъ новаго догмата и для собиранія дальнѣйшихъ подписей адреса, и 12 апрѣля комитетъ уже сдѣлалъ торжественное воззваніе ко всѣмъ баварскимъ католикамъ, приглашая ихъ присоединиться къ означенному адресу. Этотъ адресъ, указавъ на исторію насильственнаго провозглашенія догмата и на ту обширную власть, какая дается имъ Папѣ; особенно обращаетъ вниманіе правительства на опасныя послѣдствія этого догмата для государства, ссылаясь на прежнія и современныя притязанія папъ по отношенію къ государству, на то обстоятельство, что новый догматъ низводитъ епископовъ на степень простыхъ папскихъ коммиссаровъ и дѣлаетъ ихъ покорными орудіями папской власти, уничтожаетъ силу конкордата противъ враждебныхъ государству дѣйствій церковной власти, вводитъ неразрѣшимыя противорѣчія между обязанностями католиковъ и обязанностями гражданъ и что епископы, не смотря на пра-

вительственное запрещеніе, самовольно провозгласили догматъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произвели въ Баваріи религіозные смуты, раздѣленія и даже расколы вмѣсто прежняго братскаго единодушія. Наконецъ упомянувъ, что самые знаменитые по жизни и учености богословы, и особенно «краса всѣхъ ученыхъ и знаменитый учитель столь многихъ епископовъ и священниковъ Деллингеръ», объявили себя противъ новаго догмата, тогда какъ епископы, вопреки торжественной клятвѣ оставаться вѣрными своему убѣжденію, такъ постыдно ему измѣнили, адресъ заключается покорнѣйшей просьбою къ правительству «всѣми находящимися въ его власти средствами отвратить опасныя слѣдствія новаго догмата, запретить распространеніе его въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ и принять энергическія мѣры, чтобы законнымъ путемъ вновь резюмировать отношеніе между государствомъ и церковью». Между тѣмъ, епископъ Мюнхенскій счелъ своимъ долгомъ издать пастырское посланіе, въ которомъ, говоря о собраніи въ залѣ музея католиковъ, обвиняетъ оратора (Губера) въ намѣренномъ искаженіи фактовъ ватиканскаго собора и клеветѣ на епископовъ и лично на него, и всѣ соображенія адреса объ опасныхъ для государства послѣдствіяхъ догмата старается представить также ложью и клеветою (такъ какъ онъ, по его словамъ, готовъ опять присягнуть королю и до смерти сохранять свою присягу) и все начинаніе старо-католиковъ — дѣломъ, ниспровергающимъ церковный и гражданскій авторитетъ и приготовляющимъ безчисленныя бѣдствія и несчастный расколъ въ Баваріи. На это посланіе, сначала отвѣчалъ д-ръ Губеръ, требуя отъ епископа, чтобы онъ формально

отказался отъ возведеннаго имъ на него обвиненія въ искаженіи историческихъ фактовъ и клеветъ. «Если я, говоритъ онъ въ заключеніи, въ католическомъ собраніи на основаніи соборныхъ актовъ представилъ яркій контрастъ между тѣмъ убѣжденіемъ, которое вы имѣли въ Римѣ и тѣмъ, которое вы теперь заявляете, и вмѣстѣ высказалъ справедливое сомнѣніе относительно вѣрности и твердости вашей настоящей вѣры, то это просто, только изъ фактовъ вытекающее, чисто объективное слѣдствіе, отъ котораго вы, г. епископъ, въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей, едва ли можете оградить себя [1]». Потомъ, весь такъ называемый комитетъ старо-католиковъ далъ епископу такой отвѣтъ, котораго онъ вѣроятно не ожидалъ отъ *«рожденныхъ* въ болѣзняхъ къ сверхъестественной жизни католиковъ [2]». Въ этомъ энергическомъ отвѣтѣ комитетъ говоритъ, что такъ какъ высказанныя имъ соображенія относительно опасныхъ послѣдствій

---

[1] На это письмо 18 апр. епископъ Мюнхенскій довольно голословно отвѣчалъ Губеру, *повторяя* прежнее, что все сказанное Губеромъ *о соборѣ* и объ немъ лично *неправда;* тогда Губеръ во 2-мъ открытомъ и пространномъ письмѣ пунктъ за пунктомъ, исторически представляетъ епископу его непослѣдовательность въ *вопросѣ* о новомъ догматѣ и заключаетъ такъ: „могу ли я въ виду такихъ противорѣчій имѣть вѣру въ твердость вашихъ догматическихъ убѣжденій? Не долженъ ли каждый, знающій эти *вопіющія противорѣчія,* усумниться въ вашемъ богословскомъ единствѣ, или въ вашей пастырской искренности? Не долженъ ли каждый *проникнуться опасеніемъ,* что здѣсь идетъ невыразимо—*богохульная игра* съ религіозною совѣстію вѣрующихъ? По истинѣ, прежде чѣмъ вамъ налагать *цензуру* (запрещеніе и отлученіе) на лицъ, знающихъ древнее ученіе церкви и мужественно его защищающихъ, лучше бы вамъ на самихъ *себя* наложить цензуру и сложить съ себя высокое званіе, которое вы въ такое серьезное время не можете *проходить* ни къ вашему собственному спасенію ни ко спасенію вашихъ пасомыхъ. Впрочемъ *я отказываюсь* отъ всякаго дальнѣйшаго съ вашей *стороны* удовлетворенія“.

[2] Фраза епископа въ его пастырскомъ посланіи.

новаго догмата для государства вполнѣ раздѣляются самимъ правительствомъ, то называть ихъ ложью и клеветою значитъ не показывать должнаго почтенія къ правительству, и что если бы епископъ помнилъ данную имъ государству присягу въ вѣрности, то не провозгласилъ бы новаго догмата безъ согласія, даже противъ воли правительства, и не преслѣдовалъ бы тѣхъ, которые, изъ религіозной добросовѣстности и вѣрности королю и государству не могутъ признать новаго догмата. «Не насъ, говоритъ комитетъ, не насъ касается упрекъ въ угрожающемъ отечеству расколѣ и въ стремленіи ниспровергнуть всякій гражданскій и церковный авторитетъ, но тѣхъ, кто предписанія чуждой, въ Римѣ господствующей, власти ставитъ выше авторитета правительства нашего короля и своимъ высокимъ духовнымъ званіемъ пользуется для того, чтобы членовъ католической церкви принудить къ внутреннему отпаденію отъ нашей правительственной конституціи. И мы вмѣстѣ съ вами, высокопреподобный архіепископъ, глубоко скорбимъ о глубокомъ паденіи церковнаго авторитета, но причину этихъ печальныхъ фактовъ нужно признать тамъ, гдѣ съ одной стороны высокомѣріе власти наругалось надъ древнимъ ученіемъ и устройствомъ церкви, съ другой—недостатокъ яснаго знанія преданной вѣры, или боязливое пожертвованіе своимъ лучшимъ убѣжденіемъ это поруганіе поддержало: «Вступивъ въ борьбу съ полнымъ сознаніемъ святости своего дѣла, заключаетъ комитетъ, мы находимъ подкрѣпленіе въ твердой надеждѣ, что какія бы ни могли быть затемненія истины и правды, все же она наконецъ должна побѣдить». Полемизируя съ епископомъ, ко-

митетъ ревностно продолжалъ свое дѣло; вмѣстѣ съ сочувственными адресами Деллингеру, изъ всѣхъ почти городовъ Баваріи присылались адресы королю одинаковаго содержанія; число подписчиковъ музейскаго адреса возрастало съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, — и вотъ 5 мая комитетъ представилъ въ министерство свой адресъ за подписью 12,000 человѣкъ изъ всѣхъ сословій и состояній съ приложеніемъ особой дополнительной записки, въ которой, предоставляя себѣ право дальнѣйшаго собиранія подписей и ясно изобразивъ все неповиновеніе епископовъ законной власти, всѣ интриги и махинаціи духовенства (¹)

(¹) „Открыто съ каѳедръ, говор. записка комитета, въ эпархіальныхъ листкахъ и въ другихъ зависимыхъ отъ клира газетахъ, въ письмахъ и на исповѣди съ каждымъ днемъ все настоятельнѣе ультрамонтанскіе священники требуютъ отъ всѣхъ подчиненія новому догмату.... Мы имѣемъ многочисленныя извѣстія о такихъ кощунственныхъ возмущеніяхъ противъ государственнаго порядка. Вооружаютъ женъ противъ мужей, проклинаютъ отца предъ ихъ дѣтьми. И не на исповѣди только стараются подѣйствовать на болѣе мягкія сердца женъ; прибѣгаютъ къ назойливымъ письмамъ, къ назойливымъ посѣщеніямъ. Особую опасность мы видимъ въ злоупотребленіи преподаваніемъ закона Божія. Здѣсь говорятъ ребенку, что его отецъ, невѣрующій въ новый догматъ, проклятъ и осужденъ. Проповѣдники съ каѳедръ угрожаютъ за невѣріе въ новый догматъ стыдомъ и позоромъ, торжественнымъ проклятіемъ, и, что всего оскорбительнѣе, безчестнымъ погребеніемъ. Уже на Рейнѣ своеволіе клира дошло до того, что одному солдату, возвратившемуся съ войны и желавшему вступить въ бракъ, отказали въ вѣнчаніи за то, что онъ подписалъ протестъ противъ новаго догмата... Судя по открытымъ заявленіямъ клира, тогоже нужно ожидать и въ Баваріи. Промышленникамъ, мастеровымъ и рабочимъ угрожаютъ разрушить ихъ состояніе, потребовать сейчасъ же назадъ взятые ими въ займъ церковные или въ зависимости отъ церкви находящіеся капиталы. Робкіе и зависимые люди могутъ придти въ отчаянное положеніе. Они не могутъ вѣровать, чтобъ слабый человѣкъ имѣлъ божественное свойство непогрѣшимости, но они боятся семейнаго раздора, уничтоженія средствъ къ существованію.... Мы имѣемъ достаточное основаніе думать, что тысячи и тысячи не подписали бы этого адреса, если бы не боялись мести со стороны клира; вопреки всѣмъ открытымъ завѣреніямъ мы знаемъ, что подчиненіе многихъ клириковъ неискренне и не серьезно".

для утвержденія новаго догмата, еще настоятельнѣе повторяетъ свою просьбу о принятіи рѣшительныхъ мѣръ противъ распространителей новаго догмата. Кромѣ того, знаменитости либеральной партіи написали и пустили въ ходъ адресъ для подписи со стороны лицъ *всѣхъ безъ различія исповѣданій* съ протестомъ противъ всякой непогрѣшимости, откуда бы она ни происходила и съ просьбою къ правительству о созваніи новыхъ камеръ для рѣшенія вопроса объ отношеніи между церковью и государствомъ. Баварское правительство продолжаетъ оставаться въ рѣшительной оппозиціи новому догмату, и недавно на просьбу Бамбергскаго епископа о дозволеніи публиковать новый догматъ отвѣчало рѣшительнымъ въ томъ отказомъ, и когда, не смотря на это запрещеніе, Бамбергскій епископъ все же публиковалъ догматъ, оно намѣрено принять энергическія мѣры противъ столь явнаго неповиновенія законамъ. Министерство приняло энергическія мѣры противъ ультрамонтанскихъ преподавателей закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ и одного изъ нихъ д-ра Штребера, за публикацію въ гимназіи новаго догмата и отлученія Деллингера, лишило мѣста, а магистратъ съ своей стороны отрѣшилъ его же отъ должности законоучителя при городской женской гимназіи. Въ такой же оппозиціи новому догмату продолжаютъ оставаться Прусское, Вюртембергское и Австрійское правительства; Прусское министерство приняло одинаковыя съ Баварскимъ мѣры противъ ультрамонтанскихъ законоучителей. Въ Римской куріи съ ужасомъ смотрятъ на религіозныя смятенія, поднявшіяся въ Германіи; епископы Германскіе, особенно Баварскіе не знаютъ,

что дѣлать [1]. Вражда между ультрамонтанской и либеральной партіями все болѣе и болѣе разгорается. Послѣдняя, не смотря на свою относительную малочисленность, чувствуетъ свою нравственную силу, не намѣрена отступать и твердо рѣшилась до конца провести свое дѣло. Для болѣе энергичной и успѣшной борьбы противъ своихъ враговъ, Мюнхенскій комитетъ анти-папскаго движенія сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ старо-католикамъ Германіи, Австріи и Швейцаріи, приглашая ихъ вступить съ нимъ въ ближайшее сношеніе, и со всѣхъ сторонъ сочувственно отозвались на этотъ призывъ, особенно съ городовъ Рейнской провинціи. Для бо́льшаго распространенія анти-папскихъ идей въ народѣ положено: всѣ брошюры, написанныя противъ новаго догмата и ватиканскаго собора, такъ называемыя «голоса изъ католическаго міра», пустить въ продажу по самой дешевой цѣнѣ, и съ этой же цѣлью извѣстный уже намъ профессоръ философіи изъ Браунсберга, д-ръ Михелисъ (онъ же и священникъ) разъѣзжаетъ по различнымъ городамъ Германіи и говоритъ предъ многочисленнымъ стеченіемъ публики свои въ высшей степени интересныя и громовыя рѣчи [2] противъ ватиканскаго собора и новаго догмата, противъ измѣнившихъ своей совѣсти нѣмецкихъ епископовъ и особенно противъ іезуитовъ. Съ 21 мая въ Мюнхенѣ должны начаться генераль-

[1] Епископы Баварскіе предполагаютъ собраніе въ Эйхштеттѣ для совѣщанія; по однимъ извѣстіямъ они намѣрены подать правительству коллективную просьбу объ уничтоженіи „placet regium"; по другимъ намѣрены просить папу, чтобы онъ торжественно объявилъ, что всѣ средневѣковыя и новыя, враждебныя государству, папскія буллы изданы папами не „ex kathedre" и слѣдоват. не могутъ измѣнить отношеній между государствомъ и церковію.

[2] Объ нихъ мы скажемъ послѣ.

ныя собранія всѣхъ баварскихъ старо-католиковъ, а въ сентябрѣ въ Кельнѣ ([1]) предположено генеральное собраніе всѣхъ старо-католиковъ не только Германіи, но и другихъ странъ для окончательнаго рѣшенія, на какихъ основаніяхъ они должны существовать какъ религіозное общество. Чѣмъ же все это должно окончиться? Вмѣсто своего, даннаго нами въ предъидущей статьѣ отвѣта, позволимъ здѣсь привести отвѣтъ на этотъ вопросъ изъ «Times». Дѣло само по себѣ такъ важно, «что объ окончательномъ исходѣ его трудно поставить какія либо предположенія. Возможно, что мы стоимъ наканунѣ схизмы подобной же важности, какъ и въ 15 столѣтіи и можемъ увидѣть происхожденіе новой религіозной системы или возобновленіе старой, которая бы въ своемъ развитіи могла разрѣшить сомнѣніе тѣхъ, которые не могутъ помириться ни съ неисцѣльною испорченностью католицизма, ни съ какою либо вѣроисповѣдною формою протестантизма». Какая система могла бы лучше удовлетворить этому требованію «старо-католиковъ», это всего яснѣе православнымъ читателямъ.

Свящ. А. Тачаловъ.

Висбаденъ,
8-го мая 1871 г.

([1]) Кёльнъ продолжаетъ оставаться центромъ антипапскаго движенія на Рейнѣ; здѣсь недавно основанъ Фондъ для матеріальной поддержки за не признаніе новаго догмата отрѣшенныхъ отъ мѣста католич. священниковъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Современное обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 6. С. 1143-1160.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Участіе общества въ нравственно-религіозномъ развитіи народа.—Дѣятельность братствъ св. Гурія и св. Креста.

Одно изъ отрадныхъ явленій нашего времени заключается въ повсемѣстномъ пробужденіи общественныхъ силъ, долгое время лежавшихъ подъ спудомъ и не призывавшихся къ общественной дѣятельности. Этотъ вынужденный покой не могъ не отозваться крайне неблагопріятными послѣдствіями для дѣла общественнаго развитія. Продолжительное бездѣйствіе производитъ ослабляющее вліяніе на самыя крѣпкія силы, а общество лишается возможности достигать своихъ цѣлей, не имѣя къ тому необходимыхъ средствъ. Въ этомъ находится объясненіе многихъ ненормальныхъ общественныхъ явленій. Самые близкіе обществу интересы не находятъ въ немъ необходимаго сочувствія, и лицамъ, на которыхъ лежитъ бремя разрѣшенія важнѣйшихъ общественныхъ задачъ, приходится дѣйствовать однимъ, безъ поддержки со стороны общества. Оттого дѣла обыкновенно плохо клеятся, самыя лучшія намѣренія не приводятся въ исполненіе и общество не только не преуспѣваетъ, но даже отодвигается назадъ и застываетъ въ своихъ старыхъ, отжившихъ формахъ.

Дѣятельность нашихъ общественныхъ силъ началась съ того великаго момента, когда провозглашено было намѣреніе правительственной власти освободить крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія. Въ началѣ эта дѣятельность имѣла скромные размѣры: дворянству той или другой губерніи было предоставлено право ходатайства объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ; затѣмъ приглашено нѣсколько неоффиціальныхъ лицъ къ участію въ комитетахъ, открывавшихся по этому поводу, и разрѣшено печати принять участіе въ обсужденіи наилучшихъ способовъ къ разрѣшенію предпринятой задачи. Но, вслѣдъ за разрѣшеніемъ вопроса о крестьянствѣ, общественная самодѣятельность начала быстро расширяться. Прежде всего явилось земство, въ дѣлахъ котораго приняли участіе всѣ его члены, всѣ сословія государства, въ томъ числѣ и ново-освобожденные крестьяне-собственники. Потомъ изданы судебные уставы, призвавшіе къ участію въ отправленіи правосудія также всѣ сословія, за исключеніемъ военнаго и духовнаго. Въ тоже время стали возникать приходскія попечительства, братства, общества, артели, комитеты, съ самыми разнообразными задачами, захватывающими почти всѣ сферы общественной дѣятельности; наконецъ, въ послѣднее время, всѣ сословія, на одинаковыхъ правахъ, призваны къ участію во внѣшней защитѣ отечества. Печать, какъ представительница общественнаго мнѣнія, получила болѣе широкое право обсужденія всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, всѣхъ постановленій закона, всѣхъ явленій общественной жизни.

Такимъ образомъ административная власть сложила съ себя часть заботъ по развитію народныхъ

силъ и предоставила самимъ этимъ силамъ укрѣпляться и совершенствоваться, оставивъ за собою общее направленіе и руководство дѣятельностью общества. Эта децентрализація, это, такъ сказать, раздѣленіе государственнаго труда, отдавая каждому должное, облегчаетъ задачу обоихъ факторовъ государвенной жизни и обезпечиваетъ стройное ея развитіе.

Если мы изъ общегосударственной сферы перейдемъ въ область церковную, то и здѣсь найдемъ то же явленіе, какое мы замѣтили въ первой. Подчиненное духовенство теперь уже не есть только простой исполнитель правительственныхъ распоряженій и намѣреній. Оно призвано къ дѣятельному участію въ рѣшеніи многихъ вопросовъ, касающихся его быта и затрогивающихъ его разнообразные интересы. На него возложена забота о судьбѣ заведеній, въ которыхъ воспитываются его дѣти; оно имѣетъ право голоса въ рѣшеніи педагогическихъ, воспитательныхъ и экономическихъ вопросовъ, касающихся этихъ заведеній; ему предоставлено право выбора всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ мѣстной духовно-учебной администраціи. Внѣ этой сферы, возникаетъ и развивается выборное начало по отношенію къ лицамъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ служебной дѣятельности духовенства въ приходѣ. Затѣмъ постепенно возникаютъ благочинническіе совѣты и мѣстные съѣзды духовенства, на которыхъ обсуждаются различные вопросы, касающіеся духовенства,— его положенія въ приходѣ, его взаимныя отношенія между собою, а также къ мѣстнымъ властямъ и паствѣ, наилучшіе способы нравственнаго дѣйствованія на прихожанъ, участіе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, и т. д.

Духовенству предоставлено также самому входить въ изысканіе мѣръ къ улучшенію его собственнаго быта, равно какъ къ обезпеченію его вдовъ и сиротъ, и открывшіеся во многихъ епархіяхъ попечительные совѣты дѣйствуютъ съ плодотворною самостоятельностію. Всѣ эти факты общественной самодѣятельности, возникшей на нашихъ глазахъ, уже успѣли проявить себя съ самой выгодной стороны на общемъ строѣ епархіальной жизни и дѣятельности духовенства, и разрѣшеніе даже трудныхъ задачъ въ этомъ отношеніи облегчается въ значительной степени, какъ для самаго духовенства, такъ и для высшаго церковнаго управленія, которое находитъ при этомъ въ духовенствѣ достойнаго и просвѣщеннаго себѣ помощника.

Религіозно-нравственные интересы имѣютъ величайшее общественное значеніе. На нихъ зиждется благосостояніе народа, ими обезпечивается его духовное развитіе. Поэтому становится въ высшей степени важнымъ, чтобы въ поддержаніи и развитіи этихъ интересовъ принимало участіе не одно духовенство, для котораго это прямой и существенный долгъ, но и само общество, которое имѣетъ для того въ своемъ распоряженіи средства, чуждыя духовенству. При отсутствіи общественной самодѣятельности въ прежнее время, самыя энергическія усилія духовенства въ этомъ отношеніи оставались безплодными и намѣренія высшей власти не находили почвы, на которой можно было бы сѣять доброе сѣмя. Но общее пробужденіе общественныхъ силъ, о которомъ мы говорили выше, заявило себя и въ этой сферѣ отрадными фактами. Мы говоримъ объ учрежденныхъ и учреждающихся повсемѣстно братствахъ, цѣль которыхъ заключается

именно въ поддержаніи религіозно-нравственныхъ интересовъ, столь существенно важныхъ для духовнаго преуспѣянія народа.

Починъ учрежденія братствъ принадлежитъ то духовенству, то свѣтскому обществу—безразлично; но дѣятельность и духовенства и общества въ братствахъ идетъ рядомъ, и оба фактора дружно стремятся къ достиженію цѣлей, которыя положены въ основу того или другаго изъ этихъ учрежденій. Одни доставляютъ матеріальныя средства, другіе руководятъ всѣмъ дѣломъ, вливаютъ въ него живую душу и изыскиваютъ надежные пути, ведущіе къ выполненію предположенной братствомъ задачи. Эти задачи разнообразны, но всѣ существующія братства имѣютъ въ виду содѣйствовать удовлетворенію религіозныхъ потребностей народа, искорененію въ немъ религіозныхъ заблужденій, его умственному развитію и облегченію матеріальныхъ нуждъ, отзывающихся нерѣдко грустными послѣдствіями въ сферѣ его нравственнаго развитія. Само собою разумѣется, что каждая мѣстность имѣетъ свои нужды, свои недостатки, свои религіозныя особенности, и потому естественно, что учредители братствъ дѣйствуютъ въ виду этихъ особенностей различно, и точно соображаютъ свою дѣятельность съ мѣстными потребностями. Это разнообразіе не мѣшаетъ однакоже всѣмъ имъ идти неуклонно къ одной цѣли — нравственно-религіозному преуспѣянію лицъ, на которыхъ простирается ихъ благотворная дѣятельность. Мы укажемъ на первый разъ на нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся факты изъ дѣятельности двухъ существующихъ въ Россіи братствъ, дѣйствующихъ въ Приволжскомъ краѣ.

Прежде всего мы намѣрены остановиться на дѣятельности братства св. Гурія, уже четвертый годъ существующаго въ Казани. Главная задача этого братства состоитъ въ религіозно-нравственномъ воздѣйствіи на инородцевъ поволожскаго края, представляющаго доселѣ грустную картину невѣжества и религіозной тьмы. Чуваши и Черемисы, населяющіе этотъ край, находятся почти въ состояніи первобытной дикости. Не говоря о тѣхъ, къ счастію, немногихъ изъ нихъ, которые погружены въ язычество и поклоняются свирѣпому божеству *Киреметù*, даже исповѣдующіе православную вѣру, принадлежатъ къ ней только по имени и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о христіанскомъ вѣроученіи. По сообщеніямъ мѣстныхъ корреспондентовъ, никто изъ этихъ инородцевъ не можетъ прочитать самой простой молитвы; въ домахъ многихъ изъ нихъ нѣтъ иконъ; уклоненіе отъ посѣщенія храмовъ Божіихъ и исполненія христіанскихъ обязанностей почти повсемѣстно, и замѣчательно, что это уклоненіе происходитъ преимущественно въ такое время, которое особенно вызываетъ къ молитвѣ и выполненію христіанскаго долга, — во время великаго поста и Св. Пасхи. Въ то время, когда русскіе толпами стекаются въ храмы для молитвы и покаянія и съ благоговѣніемъ приготовляются встрѣчать праздниковъ праздникъ, инородцы справляютъ какіе-то особые, невѣдомые для христіанъ, праздники и съ своеобразными обрядами встрѣчаютъ весну, и т. д. Духовенство, находясь въ постоянной борьбѣ съ матеріальными лишеніями, чуждое самостоятельности и нравственной силы, даже при желаніи и возможности дѣйствовать на эти дикія толпы,

не находитъ въ нихъ достаточной нравственной почвы, на которой могла бы съ увѣренностію опираться его просвѣтительная дѣятельность. Необразованность Чувашъ и Черемысъ доходитъ до того, что даже на вопросы: кто у васъ царь? въ какомъ государствѣ вы живете? они не могутъ дать никакого отвѣта. Нужно, слѣдовательно, начать съ самаго элементарнаго воспитанія и образованія этихъ инородцевъ для того, чтобы христіанская проповѣдь между ними имѣла какой нибудь успѣхъ. Духовенство само по себѣ, съ своими матеріальными средствами, не имѣетъ никакой возможности выполнить эту трудную задачу, и здѣсь-то общественная самодѣятельность можетъ оказать существенную поддержку усиліямъ духовенства. Но общественная поддержка имѣетъ еще большую важность относительно нравственно-религіознаго воспитанія населяющихъ этотъ край Татаръ, которые выше Черемисъ и Чувашей относительно образованія, но, находясь подъ непрерывнымъ и настойчивымъ вліяніемъ своихъ муллъ, одушевлены враждебными чувствами по отношенію къ православію, и, какъ свидѣтельствуютъ оффиціальныя сообщенія, даже исповѣдуя христіанскую вѣру, нерѣдко значительными толпами отпадаютъ въ магометанство. Слѣдовательно, здѣсь представляется еще болѣе затрудненій для христіанской проповѣди, потому что приходится вести борьбу съ религіознымъ фанатизмомъ, опирающимся на нѣкоторую степень духовнаго развитія.

Братство св. Гурія обращаетъ главнѣйшее свое вниманіе на поддержку и развитіе инородческихъ школъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ казанская крещено-татарская школа, какъ заведеніе

центральное и руководительное, подготовляющее наставниковъ для такъ называемыхъ школъ-отраслей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, братство изыскиваетъ средства къ устройству центральной же школы чувашско-черемисской, для образованія учителей въ чувашскія и черемисскія школы. Въ школахъ инородческихъ первоначальное преподаваніе ведется сначала на инородческомъ языкѣ того племени, для котораго устроена школа, по книгамъ на родномъ языкѣ, и затѣмъ уже дѣти переходятъ къ изученію русскаго языка. Въ этихъ видахъ братство заботится въ особенности о приготовленіи учителей изъ инородцевъ. Для укрѣпленія же ихъ въ знаніи русскаго языка, для ознакомленія съ лучшими методами и пріемами преподаванія, для взаимнаго обмѣна мыслей по учебной практикѣ и проч., братство содѣйствуетъ составленію съѣздовъ учителей инородческихъ школъ.

Однимъ изъ важныхъ средствъ къ возбужденію религіознаго чувства въ инородцахъ, братство справедливо признаетъ церковное пѣніе, и потому это пѣніе, преимущественно на инородческихъ языкахъ, введено какъ обязательный предметъ преподаванія въ братскія школы, для усовершенствованія же въ этомъ искусствѣ учители занимаются имъ на упомянутыхъ выше учительскихъ съѣздахъ. Опытъ доказалъ, что воззрѣніе братства на этотъ предметъ вполнѣ правильно. Церковныя пѣснопѣнія, отправляемыя на инородческихъ языкахъ, совершается ли церковная служба на одномъ изъ этихъ же языковъ, какъ напримѣръ въ церкви крещено-татарской школы въ Казани, или на славянскомъ въ инородческихъ селеніяхъ, гдѣ еще не введено отправленіе богослуженія на ихъ родномъ языкѣ,

производятъ въ высокой степени благотворное дѣйствіе на этихъ простыхъ людей, и все болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ инородцевъ. Преосвященный казанскій, во время обозрѣнія епархіи, замѣтилъ, что знаніе мальчиками церковныхъ пѣсней и молитвъ особенно интересуетъ инородцевъ и располагаетъ ихъ охотно отдавать дѣтей учиться, такъ какъ они усматриваютъ въ этомъ самый видный, съ перваго раза, и полезный для нихъ плодъ отъ ученья; пѣніе же дѣтей за богослуженіемъ на клиросѣ располагаетъ и къ болѣе усердному посѣщенію храмовъ и къ благоговѣйному слушанію службы. Тоже подтверждаетъ и священникъ одного изъ черемисскихъ приходовъ, по словамъ котораго церковное пѣніе имѣетъ для Черемисъ религіозно-образовательное значеніе, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ національныхъ пѣсенъ. Наконецъ, другой священникъ, служащій въ татарскомъ приходѣ свидѣтельствуетъ, что пѣніе церковныхъ молитвъ на инородческомъ языкѣ чрезвычайно интересуетъ слушающихъ оное и производитъ въ сердцахъ ихъ умиленіе; многіе изъ мужчинъ, не говоря о женскомъ полѣ, до того трогаются содержаніемъ молитвъ и пѣсней церковныхъ, при хоровомъ пѣніи, что не могутъ слушать этого пѣнія безъ слезъ; даже иные мусульмане, не смотря на разность религіозныхъ вѣрованій, увлекаются пѣніемъ дѣтей до того, что сами просятъ пѣть все, что знаютъ ученики, и дарятъ имъ за это деньги. Такимъ образомъ, церковное пѣніе, дѣйствуя на внутреннее чувство инородцевъ, все ближе и ближе привлекаетъ ихъ къ русскому обществу и русской вѣрѣ и обѣщаетъ въ будущемъ сліяніе ихъ съ Россіею не только въ смыслѣ политическомъ, но

и религіозномъ Братство св. Гурія обращаетъ на это серьезное вниманіе и въ числѣ заботъ его находится устройство въ Казани регентской школы, съ цѣлью подготовленія хорошихъ учителей пѣнія для инородческихъ школъ.

При устройствѣ крымско-татарскихъ школъ, братство старается сообщить имъ не только христіански-воспитательное направленіе, которое могло бы замѣнять недостатокъ христіанскаго вліянія на дѣтей, въ первой ихъ молодости, со стороны инородческихъ семей, но отчасти и миссіонерское, состоящее въ нѣкоторомъ вліяніи мѣстныхъ школъ на развитіе христіанскихъ понятій и сочувствіе къ христіанству по возможности въ старшихъ поколѣніяхъ, и крещенные татары уже начинаютъ понимать пользу образованія своихъ дѣтей и проникаются сыновнимъ благоговѣніемъ къ православной церкви. Въ этомъ отношеніи встрѣчается въ отчетѣ братства нѣсколько чертъ, чрезвычайно интересныхъ и отрадныхъ для христіанскаго чувства. Нѣкоторые священники разсказываютъ, напримѣръ, что дѣти, выслушавъ въ школѣ объясненіе какого нибудь церковнаго событія, праздника и т. п., передаютъ тоже объясненіе своимъ домашнимъ, читаютъ имъ разсказы изъ священной исторіи или житій святыхъ, съ посильными объясненіями, и своими дѣтскими разсказами заинтересовываютъ и умиляютъ даже родителей. Священникъ одного черемискаго прихода свидѣтельствуетъ, что онъ слышалъ женщину, мать ученика, которая толково передавала ему разсказъ о грѣхопаденіи перваго человѣка, слышанный ею отъ своего дитяти. Вообще, вліяніе дѣтей на своихъ родителей въ этихъ мѣстностяхъ замѣчательно. Дитя

ходитъ учиться, въ праздникъ идетъ въ церковь, молится дома, въ постъ говѣетъ,—все это невольно отражается на его семействѣ, только по имени принадлежащемъ къ православной церкви. Глава семейства начинаетъ самъ присутствовать при богослуженіи, участвуетъ въ церковныхъ обрядахъ и если еще не исполняетъ нѣкоторыхъ христіанскимъ обязанностей, напр. не говѣетъ, то уже не оправдывается грубо, недосугомъ, какъ прежде, но признаетъ себя виновнымъ и мало по малу начинаетъ слушаться наставленій священника и исполнять пастырскія его требованія. Мало того: по свидѣтельству того же священника, въ благодарность къ заботамъ и попеченію правительства, епархіальнаго начальства и всѣхъ ревнителей религіознаго просвѣщенія инородцевъ, дѣйствующихъ въ составѣ братства св. Гурія, черемисы изъявляютъ полную готовность къ полезнымъ начинаніямъ и благодѣтельнымъ дѣйствіямъ братства, охотно вручая дѣтей своихъ въ существующія на счетъ братства школы.

Вотъ и еще примѣръ добраго вліянія школы на инородцевъ. Во время совершеннаго въ прошломъ году мѣстнымъ архипастыремъ обозрѣнія казанской епархіи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены школы въ видахъ утвержденія старокрещеныхъ татаръ въ правилахъ православной церкви, татары выходили толпами на встрѣчу владыкѣ, и старые и молодые спѣшили принимать благословеніе, со вниманіемъ слушали церковныя пѣсни, пѣтыя дѣтьми на татарскомъ языкѣ; съ усердіемъ принимали преосвященнаго въ домахъ своихъ, когда онъ изъявлялъ желаніе видѣть

домашній бытъ ихъ, и наконецъ, сами просили его благословить ихъ жилища.

Конечно, бывали и грустныя стороны въ отношеніяхъ инородцевъ къ православію. Такъ напр., въ тоже посѣщеніе епархіи преосвященнымъ Антоніемъ, когда онъ пожелалъ въ одномъ селеніи сдѣлать увѣщаніе отпадшимъ отъ христіанства татарамъ, они упорно отказались выслушать его, твердя, что ни они, ни дѣти ихъ никогда не были христіанами и не желаютъ быть ими. Но иначе и быть не могло, при злоумышленной пропагандѣ магометанства мѣстныхъ агитаторовъ. Но зато сюда-то въ особенности и должно направить свою дѣятельность братство св. Гурія, такъ какъ зловредная пропаганда этихъ темныхъ личностей можетъ произвести большія опустошенія между ихъ крещенными единоплеменниками, и нужно много энергіи, такта и систематичности въ дѣйствіяхъ противъ этихъ злоумышленниковъ, чтобы остановить распространеніе посѣваемаго ими зла. Мы впрочемъ увѣрены, что братство св. Гурія съумѣетъ выполнить свою задачу въ этомъ отношеніи, какъ оно выполнило ее и въ другихъ отрасляхъ своей плодотворной дѣятельности.

Нравственная и матеріальная поддержка какъ инородцевъ, принадлежащихъ къ православной церкви, преимущественно же тѣхъ изъ нихъ, которыя обучаются въ братскихъ школахъ и вновь присоединяются къ православію, такъ и духовенства, призваннаго дѣйствовать въ инородческой средѣ, прямо вытекаетъ изъ главной задачи, принятой на себя братствомъ св. Гурія, и потому она составляетъ важнѣйшую и постоянную заботу братства. Средствами для достиже-

нія этой цѣли братство признаетъ: составленіе и изданіе перевода исповѣди на инородческихъ языкахъ; изданіе для пастырей-инородцевъ руководства, гдѣ должны быть изложены, вмѣстѣ съ опроверженіемъ, важнѣйшія основы магометанскаго вѣроученія и языческихъ заблужденій; изданіе на инородческихъ языкахъ, въ формѣ проповѣдей, бесѣдъ или разсказовъ, но непремѣнно методомъ историческимъ, книги, которая знакомила бы читателей съ христіанскимъ ученіемъ; изготовленіе и изданіе православно-вѣроучительныхъ и религіозно-нравственныхъ книгъ на инородческихъ языкахъ. Въ то же время, братство оказываетъ содѣйствіе наставленію и утвержденію православной общины, живущей между инородцами, путемъ простой, для простолюдина понятной, сердечной проповѣди, поучающей народъ догматамъ религіи и объясняющей великое и трогательное символическое значеніе богослуженія православной Церкви; содѣйствуетъ отправленію въ церквахъ богослуженія неопустительному, чинному и благоговѣйному, которое невольно внушало бы уваженіе къ православной Церкви въ крещенныхъ инородцахъ; внушаетъ русскимъ людямъ христіанскій долгъ дружественныхъ и братскихъ отношеній ихъ къ крещенымъ инородцамъ, какъ братьямъ по вѣрѣ; снабжаетъ инородцевъ иконами, крестиками, а церкви утварью, одеждами и проч., и вообще печется о благолѣпіи церквей; оказываетъ, по возможности, содѣйствіе къ поддержанію тѣхъ причтовъ православныхъ церквей, которыя, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, или по географическому положенію, нуждаются въ матеріальныхъ средствахъ, и преимущественно въ приходахъ раскольническаго и не крѣп-

каго въ православіи инородческаго населенія; наконецъ, изыскиваетъ средства къ основанію библіотеки, заключающей въ себѣ сочиненія по инородческому вопросу, переводы православно-вѣроучительныхъ и религіозно нравственныхъ книгъ на инородческихъ языкахъ и первоначальныя учебныя руководства для инородческихъ школъ.

Такимъ образомъ, главною своею задачею братство св. Гурія поставляетъ дѣйствованіе на инородческую среду. Но этимъ не исчерпывается его благотворная дѣятельность. Братство св. Гурія имѣетъ также въ виду, по мѣрѣ средствъ, оказывать содѣйствіе къ устройству школъ въ приходахъ, гдѣ особенно силенъ расколъ и вообще содѣйствовать, въ духѣ христіанскаго братства, примиренію заблуждающихся съ церковію. Къ этой сторонѣ дѣятельности братства относятся и нѣкоторыя изъ мѣропріятій, касающихся инородческихъ приходовъ, каковы поддержанія причтовъ, нуждающихся въ матеріальныхъ средствахъ, и возбужденіе въ раскольникахъ почтенія къ православной церкви посредствомъ благоговѣйнаго отправленія церковной службы. Впрочемъ, эта часть дѣятельности братства еще только въ началѣ, и рѣшительныхъ результатовъ отъ нея можно ожидать лишь въ послѣдствіи. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи кое-что уже сдѣлано. На первый разъ братство обратило вниманіе на духовное образованіе старообрядческихъ дѣтей. Съ этою цѣлію два профессора: Университета г. Добротворскій и духовной академіи г. Ивановскій, приняли на себя обязанность преподаванія закона Божія въ единовременной школѣ, въ которой, вмѣстѣ съ дѣтьми единовѣрцевъ, обу-

чаются и дѣти непринадлежащихъ къ церкви родителей.

Преподаваніе катихизиса совершается при помощи «старыхъ книгъ». Результатъ этихъ трудовъ тотъ, что и дѣти и родители-единовѣрцы съ сочувствіемъ относятся къ преподаванію обоихъ профессоровъ, высшихъ учебныхъ заведеній, великодушно жертвующихъ своими трудами для начальной школы. Кромѣ того, братство оказываетъ матеріальное вспоможеніе двумъ сельскимъ школамъ, находящимся въ раскольническихъ приходахъ. Въ одной изъ нихъ въ качествѣ учителя уже два года трудится мѣстный священникъ и его вліяніе, по свидѣтельству отчета, содѣйствуетъ сближенію съ заблудшими, которые сначала положительно убѣгали его.

Могущественнымъ дѣятелемъ противъ раскола является братство св. Креста, существующее въ Саратовѣ и учрежденное съ специальною цѣлію борьбы съ отщепенцами отъ православія. Мѣстное общество съ сочувствіемъ относится къ дѣятельности этого братства и усердно поддерживаетъ его своими матеріальными приношеніями. Съ своей стороны, братство неуклонно стремится къ своей цѣли и продолжаетъ энергически поддерживать и развивать мѣры, принятыя имъ за норму своей противураскольнической дѣятельности. Уже изъ прежнихъ отчетовъ братства было видно, что установленныя братствомъ воскресныя собесѣдованія съ раскольниками приносятъ добрый плодъ. Тѣ изъ раскольниковъ, которыя держались своихъ заблужденій по невѣжеству, по незнакомству съ сущностію православія, мало по малу начинаютъ возвращаться въ лоно церкви. За то и братство попре-

имуществу обращает на это учрежденіе свое вниманіе. Въ истекшемъ году оно открыло въ трехъ приходахъ Саратовской епархіи, попреимуществу зараженныхъ расколомъ, противураскольническія миссіи. Къ этому дѣлу оно приготовило часть воспитанниковъ духовной семинаріи, которыя, по окончаніи курса, по собственному желанію, отправлены совѣтомъ братства, въ качествѣ миссіонеровъ, въ означенныя миссіи. Извѣстно, что братство св. Креста исходатайствовало особаго преподавателя по каѳедрѣ раскола въ семинарію, для того, чтобы молодыя люди, приготовляющіеся на его средства къ миссіонерной дѣятельности посреди раскольниковъ, имѣли возможность ближе и отчетливѣе ознакомится съ заблужденіями этихъ отщепенцевъ отъ православной церкви. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками полнаго отчета братства за прошедшій годъ, но изъ нѣкоторыхъ газетныхъ указаній можемъ заключить, что и въ этомъ году, какъ и въ предыдущихъ, оно вообще достигало предположенныхъ себѣ цѣлей. Духовное торжество по-случаю четвертой годовщины открытія братства, было отпраздновано съ большимъ одушевленіемъ и на немъ сдѣлано нѣсколько утѣшительныхъ заявленій о благоплодной дѣятельности братства.

Братство св Креста имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько учрежденій, замѣчательныхъ по своему практическому характеру и составляющихъ его особенность и отличіе отъ другихъ подобныхъ братствъ. Кромѣ учрежденныхъ имъ воскресныхъ собесѣдованій съ раскольниками, въ которыхъ съ успѣхомъ принимаютъ участіе, между прочимъ, и приготовляющіеся на счетъ братства воспитанники семинаріи—будущіе

миссіонеры, братство учредило библіотеку старопечатныхъ книгъ и рукописей, усердно посѣщаемую раскольниками. Оно печатаетъ также и раздаетъ безплатно небольшія брошюры, въ которыхъ удобопонятнымъ языкомъ излагаются раскольническія заблужденія и ихъ опроверженіе. Сверхъ того, братство св. Креста приняло на себя починъ весьма полезнаго дѣла, обратившись къ помощи женскаго труда для распространенія въ народѣ граматности и здравыхъ понятій. Въ виду вреднаго вліянія на народъ раскольническихъ учительницъ, извѣстныхъ подъ именемъ черничекъ и келейницъ, братство учредило училище для приготовленія сельскихъ наставницъ. Мысль эта весьма удачна, во первыхъ, потому, что во многихъ мѣстностяхъ сельскій житель обращается охотнѣе для обученія своихъ дѣтей къ женщинамъ, нежели къ мужчинамъ, хотя бы то былъ и священникъ; въ особенности же потому, что вліяніе женщины на обучающихся дѣтей бываетъ весьма благотворно по свойственной женщинѣ мягкости характера и по той нѣжной внимательности къ дѣтямъ, которая составляетъ отличительную черту женской природы. Наконецъ, въ тѣхъ же видахъ привлеченія раскольниковъ въ православную церковь, братство учредило такъ называемый пѣвческій союзъ, имѣющій цѣлію по возможности усовершенствовать церковное пѣніе и сблизить его съ старинными напѣвами. Мы видѣли выше, какое благотворное вліяніе оказываетъ благолѣпное и стройное церковное пѣніе на инородцевъ. Оно не можетъ не производить такого же дѣйствія на русскихъ людей, которые всегда съ благоговѣніемъ и любовію слушаютъ стройно выполняемую церковную пѣснь,

Если мы упомянемъ еще объ учрежденномъ братствомъ благотворительномъ союзѣ, имѣющемъ цѣлію, путемъ временныхъ пособій, выводить изъ крайней нужды трудолюбивыя семейства и содѣйствовать, на сколько возможно, сокращенію числа нищенствующихъ дѣтей, для чего учрежденъ имъ учебно-заработный домъ, воспитывавшій въ прошломъ году на полномъ содержаніи до 40 дѣтей обоего пола, то мы вполнѣ можемъ оцѣнить высоко-благотворную дѣятельность братства св. Креста, которому, вмѣстѣ съ присутствующими на торжествѣ четырехлѣтней годовщины братства, пожелаемъ добрыхъ успѣховъ и въ будущей его дѣятельности на пользу св. православной церкви и возлюбленнаго нашего отечества.

А. П.